

Л. Н. АНДРЕЕВ

Л. Н. АНДРЕЕВ

13

НАУКА

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ
АНДРЕЕВ

Фотография. Москва. 1899 г.

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. ГОРЬКОГО

ИНСТИТУТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ЛИДССКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
(Великобритания)

Л. Н. АНДРЕЕВ

Полное собрание
сочинений и писем

В двадцати трех томах

МОСКВА НАУКА 2014

Л. Н. АНДРЕЕВ

Полное собрание
сочинений и писем

Том тринадцатый

СТАТЬИ
1895–1900

МОСКВА НАУКА 2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
А65

ISBN 978-5-02-036248-2
ISBN 978-5-02-039070-6 (т. 13)

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Лидский университет (Великобритания), составление, подготовка текстов, статьи, комментарии, 2014
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, Полное (академическое) собрание сочинений и писем Л.Н. Андреева в 23 томах, разработка, оформление, 2007 (год начала выпуска), 2014
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2014

Статьи

СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ

Публика очень часто называет благотворительные концерты особым способом мучения, так как деньги вымогаются посредством резкого и неприятного крика, грозящего опасностью если не самой жизни, то здоровью и душевному спокойствию. К типу подобных концертов никак нельзя отнести тех, которые ежегодно устраиваются студентами-орловцами, обыкновенно под Рождество. В их состав входят такие крупные силы московской оперной сцены, одни имена которых на афише в самой Москве не только гарантируют полный сбор для театра, но приводят в восторг г.г. барышников. Тем более странным является то обстоятельство, что в Орле упомянутые концерты не имеют заслуживаемого ими успеха, давая обыкновенно то, что называют средним сбором, но отнюдь не хорошим.

Упрекнуть Орел в отсутствии альтруистических чувств никак нельзя, ибо он издревле прославлен обилием всякого рода благотворительных учреждений. Всякие лотереи с благотворительной целью, скромные концерты, состоящие главным образом из танцев, всегда находят достойную поддержку и сочувствие. Тем же, бесспорно, сочувствием, хоть и в недостаточной степени, пользуются и студенческие концерты, тем более что высокая цель их понятна всякому интеллигентному человеку, или лично испытавшему, или видевшему вблизи, насколько тяжела и опасна бедность для учащегося юноши. Он находится в той переходной поре, когда он еще не работник, но готовится им быть, и когда известное отношение к нему общества главным образом определяет его мирозерцание, его дальнейшее отношение к людям, делая из него или черствого, ушедшего в себя эгоиста, или человека, готового на всякую жертву для тех, кто вскормил его, кто дал ему в тяжелое время лишнюю спокойную минуту, кто был человеком по отношению к человеку. Орловская жизнь полна живыми примерами к сказанному. Мы все знаем и видим людей, которые отзывчивы на всякую благую мысль, которые, не щадя теперь уже драгоценного времени и сил, работают среди нас на пользу мень-

шего или старшего брата, – а для них, для этих истинных людей, тоже когда-то устраивались концерты.

Нельзя упрекнуть Орел и в отсутствии эстетического понимания. Орел видел и Фигнера, и Мравину, и Яковлева, и чуть не самого Мазини. Отсюда можно смело заключить, что хорошую музыку Орел понимает и совершенно свободно отличает тенора от сопрано.

В чем же кроется причина сравнительно холодного отношения орловцев к студенческим концертам? А оно холодно. Хотя многие лица, имеющие обширное знакомство, великодушно берут на себя мелкий труд раздачи билетов, хотя билеты развозятся и разносятся – ряды пустуют. Много расходуется лишь входных билетов, да ученических. Ученики и ученицы составляют обыкновенно около трети публики, сами в то же время составляя одну сотую Орла... На странные наводит это размышления.

Неужели только учащиеся понимают учащихся, а те, кто кончил учиться, перестают понимать их? Или они больше всех способны ценить хорошую музыку? Или же, наконец, они идут в концерт оттого, что молоды, что им делать нечего, а гг. врачи, юристы, учителя и прочие солидные люди завалены делом и им не до концертов?

В довершение сказанного студенческие концерты и с внешней стороны обстоят вполне удовлетворительно. Устраиваясь интеллигентными людьми, привлекая, в свою очередь, наиболее интеллигентную публику, они носят вполне своеобразный характер. Благодаря известному единству вкусов и склонностей собравшихся, ни на одном концерте не бывает столько оживления, столько молодого веселья, не знающего завтрашнего дня. Сюда приезжают не только насладиться пением, но и поговорить. Глядя со стороны на веселые лица, радостно оживленную беседу, радуешься и сам и, забывая тот печальный повод, который собрал их сюда, невольно думаешь: будет время и не будет печаль поводом к веселью.

МОСКОВСКИЕ ТРУЩОБЫ

Вчера, 24 сентября, во 2 уголовном отделении под председательством члена суда В.С. Андреева слушалось дело крестьян: Марии Горшковой, Митрофана Старкова и Василия Фаддеева по обвинению в предумышленном убийстве с целью грабежа.

По тем данным, которые были доставлены судебным следствием, это дело является весьма странным и загадочным. Несмотря на сознание подсудимых, вернее, даже благодаря ему, крайне трудным является определить роль каждого в совершенном преступлении.

Фактическая сторона дела такова. Утром 16 января 1896 года около второй башни Донского монастыря, в очень глухом месте, был найден труп неизвестного мужчины, удушенного веревкой и с связанными на спине руками. Несмотря на все розыски, личности убитого восстановить не пришлось. По возникшим подозрениям в феврале были задержаны указанные лица, сознавшиеся в преступлении. По добытым, кроме того, свидетельским показаниям, картина убийства рисуется в следующем виде.

Недалеко от Донского монастыря есть сенной склад купца Канунникова. Сторожем при этом складе служит Прокопий Сироткин, личность весьма темная. Занимаясь тайной продажей хозяйского сена, он в то же время занимался другим не менее выгодным промыслом: давая в своей сторожке приют тайным проституткам, брал с них за это известную мзду – деньгами и угощением. В описываемое время у него жили две: Мария Горшкова (“Машка”) и Пелагея Лобанова (“Теша”).

15 января Горшкова встречает на улице мужчину и приглашает к себе. Тот соглашается и отправляется в квартиру Горшковой, где к ним присоединяется товарка Горшковой Лобанова и двое знакомых: Старков и какой-то Григорий Иванов – личность почти мифическая. Его не только не могли найти потом, но и сами обвиняемые, сперва взваливавшие на него половину преступления, потом отвергали самое его существование.

В квартире происходит общее пьянство, причем гость всех угощает. Затем, когда между посетителями затевается ссора,

Горшкова уводит своего гостя в чайную лавку Иванова, где они опять пьют водку. Вскоре к ним опять присоединяется Старков, и Григорий Иванов, и еще новый знакомый, Фаддеев. В лавке Горшкова и ее знакомые заметили, что у гостя много денег, и им пришла мысль ограбить его. С этой целью они ведут гостя к Донскому монастырю, уверяя его, что это дорога домой, чему он, будучи совершенно пьяным, поверил.

До сих пор все более или менее ясно – кроме, впрочем, мифической личности Григория Иванова. Далее начинается путаница.

По первоначальному показанию Горшковой дело происходит так. Старков и Гр. Иванов делают попытку ограбить неизвестного, но тот сопротивляется. Тогда его доводят до второй башни монастыря и тут происходит убийство. Горшкова набрасывает петлю на шею. Старков связывает руки сзади. Гр. Иванов придавил его головой в снег и вынимает деньги. Фаддеев, хотя стоял вблизи и все видел, прямого участия не принимал, но денег просил. Горшкова денег получила 3 рубля.

По вторичному показанию Горшковой роли меняются. Гр. Иванов совершенно исчезает, а убийство производится ею, Старковым и Фаддеевым.

Старков вначале дает показания, лишь в немногом расходящиеся с показаниями Горшковой. Именно, он говорит, что Фаддеев принимал деятельное участие в убийстве.

Уже находясь в тюрьме, он заявляет следователю, что желает изменить показания, и затем выставляет *alibi*, ничем не подтвердившееся.

Фаддеев сперва виновным себя совершенно не признает, хотя говорит, что убийство видел. Но, находясь в одной тюрьме с Старковым, в одно и то же время с ним, меняет показание и говорит, что даже и не знал об убийстве, выставляя при этом *alibi*, также не подтвердившееся.

Свои первоначальные показания оба, Старков и Фаддеев, объясняют побоями, нанесенными им в сыскной полиции и вынудившими их налгать на себя. Полиция, отвергая это обвинение, свидетельствует, что их сознание было вполне добровольное.

Вчера на суд обвиняемых явилось только двое, Горшкова и Фаддеев, так как Старков умер в тюрьме.

Хотя, как видно, драма эта разыгралась в той среде, которую принято называть подонками общества, хотя порок и преступление должны были положить яркую печать на лица подсудимых, но странно – незаметно этой печати. Горшкова уже раз судилась за скрытие краденого, теперь вот убила, – и вопреки логике и нашим

ожиданиям, на скамье подсудимых сидит девушка, миловидная девушка, даже симпатичная.

Держится скромно, часто принимается плакать – и только хриплый голос звучит резким диссонансом и напоминает о той бездне, в которой находится эта женщина. Так странно, так дико прозвучал ответ Горшковой на вопрос председательствующего о ее занятиях:

– Проституция.

Фаддеев, начиная с своего осторожного костюма и кончая лицом, представляет собой что-то серое, бесцветное. Но ни в позах, ни в словах обоих подсудимых не видно подавленности, неразлучной спутницы позорной скамьи: они волнуются, с интересом вслушиваются в показания свидетелей и прокурора, сами задают вопросы.

На суде Горшкова от всех своих прежних показаний отказалась, говоря, что она также вынуждена угрозами и побоями в сыскальной полиции. А у следователя говорила неправду из желания, чтобы скорее кончилось следствие и ей, Горшковой, позволили в тюрьме принимать посетителей. Правда же заключается в том, что Старков и еще кто-то, кого она не помнит, убили неизвестного, наброся ему петлю на шею. А сама она хотела даже заступиться, но ей пригрозили, что и ей “то же будет”.

Сироткин, по ее словам, сильно ее и ее подругу эксплуатировал, отбирая у нее все деньги, какие давали ей посетители, отбирал вещи и даже бил их.

Фаддеев остался при своем последнем показании, т. е. что он с компанией к Донскому монастырю не ходил и убийства не видел.

Показания многочисленных свидетелей – всего было 16 – не прибавили к обвинительному акту ничего нового и важного. Экспертизой было установлено, что смерть неизвестного последовала от удушения, причем смерть вследствие неплотного положения петли не была мгновенной, а последовала через 10–15 минут, и что наложению петли предшествовала кратковременная борьба, с самого начала которой у неизвестного была отнята способность движения и он был повален на землю.

Товарищ прокурора Александрийский, дав в своей речи характеристику среды, представителями которой служат подсудимые и большая часть свидетелей, заметил, что эти “подонки общества, якобы необходимые в каждом большом городе”, составляют вреднейших членов общества, удаление которых необходимо для его безопасности. Перейдя затем к уликам и упомянув о их немногочисленности, г. обвинитель остановился на главнейшей

из них, именно на том первоначальном сознании, какое было дано подсудимыми у судебного следователя. Находя, что оно вполне согласно с истиной, г. прокурор закончил свою речь выражением уверенности, что одного этого сознания, помимо других улик, достаточно для обвинительного приговора.

Защитник Горшковой, помощник присяжного поверенного Беляев, также указывая на немногочисленность и недостаточность улик, обращал внимание присяжных заседателей на то, что все дело вообще рисуется весьма темным, загадочным, как бы неоконченным, настолько неоконченным, что на него нельзя вынести окончательный приговор.

Указывая на ту же общую недостаточность улик, частный поверенный Макаревский, защитник Фаддеева, заметил, что особенно мало улик относительно Фаддеева, да и те улики, которые приведены обвинением, благодаря разноречивым свидетельским показаниям, теряют под собою почву. И г. Беляев и Макаревский, не затрагивая вопроса о снисхождении просили присяжных заседателей вынести оправдательный приговор.

Вердиктом присяжных заседателей крестьянка Мария Горшкова признана виновной в убийстве без предварительного соглашения с другими лицами и заслуживающей снисхождения, и приговорена к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 10 лет. Крестьянин Василий Фаддеев признан невиновным.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

(6 ноября 1897 г.)

Как должен чувствовать себя и как долго может прожить человек, в животе которого по неосторожности оставлена небольшая металлическая трубка? И как должно смотреть на человека, допускающего по отношению к ближнему подобную хоть и оригинальную, но не безопасную неосторожность?

Вот вопросы, которые разрешала вчера московская судебная палата.

Дело происходило в Петербурге. У башмачника и содержателя меблированных комнат Марканова заболела в мае 1892 года жена. Призванная акушерка г-жа Вестингаузе, видя, что боли сосредотачиваются в нижней половине живота и что регулы прекратились, заподозрила выкидыш и посоветовала пригласить опытного акушера, д-ра Пиотровича. Пиотрович нашел, что необходимо удалить выкидыш, и для этой цели счел необходимым расширение матки посредством делятатора, т. е. металлических трубок различной величины, вставляемых в матку. Это было утром 12 июня. Вставив делятатор № 10, Пиотрович не заметил необходимого расширения, поэтому, придя вторично в 4 часа, вставил более толстый делятатор, который оставался в матке до 7 часов вечера. Все это время больная испытывала сильные болевые ощущения. Спринцевания горячей водой с креолином, к которому с самого начала прибег Пиотрович, только усилили боль. Когда же был вставлен второй делятатор, Марканова почувствовала нестерпимую боль в спине.

В семь часов снова пришел Пиотрович, чтобы вынуть расширитель. Но, как ни роется в матке, делятатора не находится. “Что за чудеса! – восклицает доктор, – да куда же он девался?” Больная страдает невыносимо. Пиотрович хлороформирует ее, а на замечание присутствовавшей акушерки, что при этом должен присутствовать другой доктор, отвечает: “не ваше дело”. 2 часа роется он, вытаскивая из матки окровавленными щипцами какие-то клочки мяса, но делятатора нет как нет. Ночью с большой делается совсем дурно. Посылают в три часа ночи за Пиотрови-

чем. Он приходит в 5, делает впрыскивание морфием и обещает прийти утром.

Утром следующего дня Марканов, бывший у знакомого д-ра Ливена за советом, возвращается домой и находит Пиотровича за работой. Пиотрович встречает его радостным известием, что расширитель найден под простыней (накануне акушерка и приглашенная для услуг женщина обыскивали всю кровать и делятатора не нашли). Акушерке Пиотрович сказал, что расширитель найден им в матке: “возьмите, вымойте!”

Боли у Маркановой, однако, не уменьшаются, так что Пиотрович советует отправить ее в Обуховскую больницу. То же советует Марканову и его знакомый доктор Ливен.

В Обуховской больнице доктор Вастен, заведующий гинекологическим отделением, говорит, что во всем случившемся виновата сама Марканова, принимавшая сильные средства, чтобы не иметь детей. Марканова с негодованием отвергает это. Ей произвели операцию, после которой боли стали как будто меньше, но вскоре опять усилились до того, что д-р Ливен, к которому она обратилась за советом, начинает высказывать предположение, что в животе у нее делятатор. Еще раз в Обуховской больнице 18 ноября делают операцию – и наконец находят неуловимый делятатор.

После операции д-р Вастен, узнав, что Марканова хочет возбудить преследование против Пиотровича, кричит на нее, упрекает в неблагодарности и даже грозит. Так, по крайней мере, говорила сама Марканова.

Результатом потери, поисков и нахождения делятатора было прежде всего полное разрушение здоровья Маркановой, а затем и полное разорение семьи: 1000 рублей, сберегаемые на черный день, пошли на лечение, на дорогие кушанья и вина, необходимые больной, на наем няньки для четверых детей и т. п.

Петербургский окружной суд, находя в действиях Пиотровича неосторожность, но никак не неопытность и неумелость, пришел к заключению, что статья уложения о наказаниях 720, лишаящая врача, в виде наказания, права практиковать, сюда не применима. Применив затем статью 129 уложения о наказаниях, суд приговорил Пиотровича к 7 дням ареста. Гражданский иск был удовлетворен в сумме 1000 рублей единовременно и 25 рублей ежемесячно до дня смерти Маркановой. Палата утвердила приговор, сенат кассировал, и дело перешло в Московскую судебную палату.

Палата поручила петербургскому суду произвести исследования о состоянии здоровья Маркановой. Комиссия, состоявшая из гг. Гилина, Павлова, Афанасьева, Вельяминова и Павлова, пришла к выводу, что здоровье потерпевшей хотя и плохо, но не

до такой степени, чтобы совершенно лишить ее возможности легкого труда по хозяйству.

Из прочитанных показаний интересны показания проф. Отта, к которому обращался Пиотрович за советом, как ему быть, так как делятатор остался, очевидно, в матке. Отт приезжал к Маркановым, но у ворот его встретил Пиотрович и извинился, говоря, что присутствие его теперь не нужно. Акушерка Вестингаузе показала, что Пиотрович практикует 9 лет, груб с пациентами, самоуверен и неделикатен. Сам Пиотрович сообщает, что хотя он производил ложечкой исследования в матке, но прорыв ее, через который делятатор проскользнул в область брюшины, произведен не им. Показывал он найденный будто бы делятатор, думая, что выпавшим играют дети.

Решением московской судебной палаты доктор Пиотрович признан невиновным.

ГРАБЕЖ

(14 ноября 1897 г.)

Перед Рождеством прошлого года компания из четырех приятелей покучивала по трактирам и портерным в области Неглинного бульвара и Сретенки. После принесения жертвы Бахусу в каком-то трактире один из приятелей отстал и улетучился, а трое остальных взгромоздились у Кисельного переулка на санки извозчика и поехали прохладиться в пивную. В пивной пробыли около получаса, а извозчик дожидался. Выйдя из пивной, приятели решили, что недурно было бы опять выпить водки, и тот же извозчик перевез компанию в один из трактиров на Сретенке, затем попали еще на Лубянку и тут только решили, что нет такой компании, которая в конце концов не разошлась бы. Стали расходиться. Г. Михайлов, который жил на углу Ушаковского и Бутиковского переулков, взял извозчика, уже доказавшего свою выносливость, себе, а другие два компаньона, Горячев и Песчаников, пошли пешком. Расставаясь, Горячев зачем-то записал в свою памятную книжку номер извозчика, который должен был везти Михайлова.

Михайлов не скоро попал к себе домой. Проезжая Охотным рядом, он вспомнил, что у него нет папирос, и забежал в Охотнорядский трактир за папиросами. Закурив папироску, он поехал дальше и дорогой завязал с извозчиком оживленный разговор. Дело в том, что наступало Рождество, и Михайлову нужен был извозчик, чтобы разъезжать в первый день по визитам. Извозчик, с которым он ехал, очень понравился Михайлову, и он не прочь был договорить его. Они сошлись уже на 4 рублях, когда Михайлову показалось, что заключенный договор следует спрыснуть возлиянием... кроме того, было холодно, и в-третьих, сама судьба велела ему в этот вечер носиться из трактира в трактир. Словом, когда они проезжали мимо трактира Красуцкого на Остоженке, Михайлов остановил извозчика, и оба они вошли в трактир и спросили себе полбутылки. Было уже поздно, парадный ход трактира был уже заперт, и гостей, как только они выпили водку, попросили о выходе. Михайлов достал из бокового кармана записную книжку, отделил от лежавших 74 рублей рублевую бумажку и отдал ее в уплату. Получив сдачу, он спрятал ее в карман брюк, книжку

положил в боковой карман и при любезном содействии полового и швейцара был выведен черным ходом во двор и посажен в сани своего извозчика. Деньги, когда он расплачивался в трактире, видел у него извозчик, половой и хозяин трактира, и последний посоветовал даже Михайлову расплатиться со своим извозчиком и взять другого. Но Михайлов этому совету не внял.

Поехали дальше. Так как трактиры в переулках, которыми приходилось проезжать, были все заперты, ехали без остановки. На углу Бутиковского и Ушаковского переулков, близ дома, Михайлов слез и, чтобы уплатить извозчику 1 рубль 45 копеек, которые тот запросил, достал свою книжку с деньгами. Но не успел он еще развернуть ее, как извозчик мигом выхватил ее у него из рук, стегнул лошадь – да и был таков.

Михайлов оторопел до того, что не в состоянии был кричать. Он стоял ошарашенный, пока не показался “на горизонте” другой извозчик. Быстро вскочив в санки, Михайлов велел ему ехать вдогонку за грабителем, но того уже и след простыл.

Михайлов вернулся домой к жене своей удрученный. Не зная, что приятель его Горячев записал номер извозчика, он считал свое дело пропавшим. “Извозчиков в Москве тысячи, – говорил он, – как его теперь отыщешь”.

Но проходит 2–3 дня, и вдруг он получает от своего приятеля Песчаникова открытое письмо. Послание это начиналось словами “Милый Коля” и заканчивалось “поклоном жене”, но самое ценное стояло в середине. Песчаников сообщал, что Горячев записал номер извозчика и номер этот – 16 225. Михайлов заявил полиции, и в результате извозчик Комляшкин судился вчера в VII отделении окружного суда под председательством товарища председателя С.Л. Лузгина по обвинению в грабеже.

Обвиняемый виновным себя не признавал. Действительно, он возил Михайлова, заезжал с ним в трактир, привез его домой, получил причитавшиеся ему 1 рубль 45 копеек и уехал.

Обвинитель, товарищ прокурора г. Зиберт, находил обвинение вполне доказанным.

Защитник, помощник присяжного поверенного Л.Н. Андреев, взявший на себя миссию защищать подсудимого перед самым слушанием дела, ввиду того что Комляшкин остался почему-то без защитника, не придавал большой веры показаниям Михайлова. После путешествия по целому ряду трактиров и портерных свидетель мог утратить ясное сознание окружающего. Защитник ходатайствовал об оправдании.

Присяжные заседатели признали Комляшкина виновным в открытом похищении и дали ему снисхождение.

Комляшкин приговорен к исправительным арестантским отделениям на 2 года 6 месяцев.

УБИЙСТВО РАСКОЛЬНИЧЬЕЙ НАЧЕТЧИЦЫ

Под именем убийцы-грабителя все мы, особенно те, кто редко бывает в судах, привыкли соединять представление чего-то грозного, необычайно страшного. Но действительность со свойственной ей склонностью упрямо уклоняется от создаваемого нами идеала, дает другой тип убийцы, перед которым обыватель в недоумении восклицает: “Что за черт – да это самый обыкновенный человек!” Все у этого злодея случайно. Под руку подвернулся – да еще под пьяную обыкновенно, – вот и вся несложная история и жертвы и убийцы.

Зато с тем большею силой поражается воображение, когда на скамье подсудимых появится настоящий душегуб, один из тех действительно страшных для общества людей, которые с неопостижимым для нас хладнокровием задумывают план злодеяния, с дерзостью приводят его в исполнение, не останавливаясь ни перед полом, ни возрастом жертвы, с какой-то тупой, животной бессознательностью.

Вчера перед нами на позорной скамье, отделенной решеткой от всего мира, сидели четверо убийц, представляющих собой различные степени этого типа. Один из них даже побрякивает цепями.

Перейдем, однако, к делу. В чистенькой квартирке из двух комнат, своей обстановкой напоминающих келью, жила старуха-старообрядка преображенского толка, по фамилии Кириллова. Жила она тихо, уединенно, не имея ни родных, ни привязанностей, не принимая даже знакомых. Видимо, зачерствав в своем добровольном отрешении от мира с его горем и радостью, Кириллова копила деньги, доставляемые ей торговлею икон, – копила, сама не ведая для чего. Подобная жизнь всегда действует на воображение толпы, падкой до всего таинственного. Пошли слухи о богатствах, хранящихся будто бы в бедной квартирке. В этих слухах и следует искать причину преступления.

Существует в Лефортове несколько темных и грязных трактиров, полных табачного дыму, смрада и запаха сивухи. Заседают

там все личности темные, с прошлым, о котором не любят они вспоминать, с будущим – заря которого сияет кровавым блеском.

Постоянным посетителем трактира Хатунцева был старообрядческий певчий Семен Березуцкий, мужчина красивый, с черной окладистой бородой, но слишком мрачными и черными глазами. Давно уже, по словам трактирщика Хатунцева, поговаривал он о том, что хорошо бы ограбить кого-нибудь... Вскоре он нашел и кого. Начались в трактире таинственные переговоры и перешептывания. Появился и приятель Березуцкого Лука Коченов, только что бежавший из Сибири каторжник, человек смелый и бывалый. Бесцветный с первого взгляда блондин, – при внимательном рассмотрении он производит впечатление истинного злодея: глаза смотрят жестко и в то же время весело и равнодушно, губы тонкие, злые. К двум приятелям присоединился третий, рекомендованный Лукой, его “сродственник” Щевелев, “по разным делам” также сживавший в остроге.

9-го декабря трое друзей собрались в трактире Бурханова и, захватив с собою какого-то Царицына, совершенно случайно, видимо, попавшего в эту компанию, отправились куда-то. С собой они взяли долото – железную палку, да ящик, обернутый газетной бумагой, имеющий вид иконы.

Наутро 10-го января три староверки пришли к Кирилловой, чтобы вместе с нею идти помолиться. Постучав в дверь и не получив ответа, одна из них дернула за ручку двери – дверь не заперта. Перепуганные женщины позвали хозяина дома и вместе вошли в квартиру. В дверях между первой и второй комнатой лежал в луже незастывшей крови труп Кирилловой, с проломленной головой, с раскинутыми руками и ногами. Бледно-желтоватое лицо, русые с проседью волосы замазаны кровью. В комнатах порядок, лишь в комод, находящемся во второй комнате, все перерыто; возле валяется пустая шкатулка и сверток, в котором оказалось 2000 рублей.

На следы преступников навел трактирщик Хатунцев. Он уже давно подозревал Березуцкого и теперь, чтобы проверить его, легко навел его на откровенность, сообщив от имени будто бы Коченова, что за ними следит полиция; нужно, дескать, быть осторожнее. Березуцкий попался на удочку. Рассказал ему, как было дело, жаловался, что его обидели, дали мало денег.

Привлеченные к ответственности Березуцкий, Коченов, Щевелев и Царицын признали себя виновными, но о степени участия каждого говорили различно.

Митрофаньевский зал, в котором слушалось вчера это дело, имел необычайно оживленный вид. Несмотря на то что пристав-

ленный у дверей суда на дворе сторож не пускал совсем публики в здание суда, желающих послушать дело набралось так много, что места брались с бою. Счастливы, успевшие занять место, весь день не сходили с них, отказывая себе и в пище, и в питье.

Председательствовал товарищ председателя Д.А. Нилус; обвинение поддерживал товарищ прокурора Александрийский, защищали: Щевелева – присяжный поверенный Лагорио, Царицына – присяжный поверенный Лебедев, Березуцкого – частный поверенный Макаревский и Коченова – присяжный поверенный Гедеонов.

Обвиняемые, спрошенные об обстоятельствах дела, дали самые разноречивые показания, расходившиеся глубоко с тем, что они показывали на предварительном следствии.

Коченов смело и красноречиво рассказал следующую историю.

Подговаривать его и других к убийству и ограблению начал трактирщик Хатунцев. Продолжал переговоры Лука уже с Березуцким, сообщившим, что у старухи денег видимо-невидимо. 9-го они пошли из трактира четверо. Березуцкий посоветовал захватить с собой ящик под видом иконы – иначе старуха не пустит его в дом.

Железную палку захватили только для того, чтобы взломать замки, убивать старуху не хотели. Кирилловой дома не оказалось – ее подождали на дворе. Когда она показалась на улице, Березуцкий о чем-то с ней поговорил, а потом Коченов и Березуцкий вошли вслед за ней в квартиру – двое других оставались у ворот.

В квартире Березуцкий бросился на старуху, повалил и стал душить ее, а Коченов раза два или три ударил ломом по голове и убил. Затем Коченов обобрал комод и, найдя там только 2000 рублей, стал ругать Березуцкого и даже хотел бить его: “И стоило из-за этого душу человеческую губить, руки в крови марать!”

– На предварительном следствии вы показали, что с вами вошел и ударил старуху не Березуцкий, а Щевелев, а теперь показываете наоборот. Почему это? – спросил г. председательствующий.

– Хотел потопить Щевелева.

– А теперь?

– Теперь правду говорю.

Березуцкий, по его объяснениям, не только не хотел убить старуху, но даже умолял не трогать ее. Пошел на грабеж, трясясь со страху, и лишь потому, что ему обещали Кириллову пощадить, а его грозили убить, если откажется идти. Во время убийства стоял у ворот. В квартире были Щевелев и Коченов. Когда вышли оттуда, дали Березуцкому 250 рублей, за что – он и сам не знает.

Если бы он знал тогда, что старуху убили, обязательно донес бы полиции.

Щевелев говорил, что во все это дело его вовлек Березуцкий. Про предполагаемое убийство он и не знал. В комнаты не входил и стоял на дворе. Царицын был приглашен им, причем цель путешествия объяснена ему не была и денег ему не давали.

То же утверждал и Царицын, не могший путем объяснить, как он связался с этими господами. Рассказал Царицын и про бедственное положение и про семью – и нехотя прибавил на вопрос председателя, что два раза уже отбывал наказание за кражи.

Все подсудимые держались очень развязно, а во время коротких перерывов оживленно между собой беседовали. Березуцкий был мрачен, Коченов очень весел, видимо примирившись с грядущей судьбой и, быть может, уже рассчитывая на новый побег.

Свидетели, почти все старообрядцы, своими показаниями сделали несомненным, что убийство было произведено этими четверьмя людьми, но распутать крепко запутанного узла, т. е. кто из них что делал, не могли. Только показание Хатунцева пролило некоторый свет, но и то сомнительный. Он очень красноречиво описал, как по просьбе знакомого сыщика он искусно вкрался в доверие к Березуцкому и, божась, что не выдаст, выпытал от него все, а именно что убивал Коченов, а “Ванька” (Щевелев) давил старуху. Царицына Хатунцев не видал ни разу.

В своей небольшой, красивой и сильной речи г. прокурор не видел повода к снисхождению. Обвиняемые не думали красть, они хотели убивать. Это доказывает и час, в который произведено убийство.

Искусно начертав затем характеристику каждого из подсудимых, обвинитель пришел к выводу, что Березуцкий – коновод, “регент”, все задумавший и всем руководивший. Но сильный инициативой, духом он слаб, труслив. И вот является первый боец – Коченов, прошедший уже все, ничем не рискующий, потому что в этой Москве он как волк, забредший в деревню. Нет семьи, нет прав – один, и голод и спасительный лес вдали. Но ему нужен еще помощник, нужен еще “сторож”, и ими служат Щевелев и Царицын – этот типичный образчик “преступного мяса”, которым полны столичные окраины и трущобы.

Вердиктом присяжных заседателей Коченов, Щевелев и Березуцкий признаны виновными в убийстве с целью грабежа; Царицын признан виновным, но без заранее обдуманного намерения, без уговора с другими лицами и заслуживающим снисхождения. Все приговорены к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы: Коченов и Щевелев на 15 лет, Березуцкий на 17 1/2 лет и Царицын на 10 лет!

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО

⟨27 ноября 1897 г.⟩

В селе Слободке, московского уезда, проживала семья фабричного Василья Барынина. Кроме жены, также временно работавшей на ткацкой фабрике, где Барынин был смотрителем, у него есть двое детишек. Женат Барынин лет уже десять, жил с женою ладно, хотя, по словам квартирной хозяйки, пьяный нередко ее поколачивал. С осени 1895 года в квартире Барыниных поселился молодой рабочий Чистяков, вступивший в самые дружеские отношения как с самим Барыниным, так и ⟨с⟩ его женой. С последней дружба Чистякова вскоре приняла довольно подозрительный характер. В сердце Барынина закралась ревность и, делая быстрые шаги, вскоре заставила его выслеживать предполагаемых любовников. 28 января 1896 года Барынин провел весь день с Чистяковым в Разумовском, а вечером домой с ним не пошел, оставшись под каким-то предлогом в ближайшем селе.

Чистяков пошел домой, а Барынин крадучись следовал за ним и, увидев, что в квартире его происходит пирушка, притаился на дворе под лестницей. Разошлись посторонние, а затем во двор вышел Чистяков и, отойдя к воротам, стал чего-то ждать. Появилась жена Барынина, Чистяков “цыкнул”, они сошлись и слышались звуки поцелуев. Ослепленный ревностью, Барынин бросился на обольстителя и дважды ударил его складным ножом. Обольститель бросился бежать, а Барынин притащил жену в избу и исколотил ее, после чего отправился к уряднику и заявил ему: “зарезал я сейчас человека, жаль только, не совсем”.

Дело о Барынине, обвиненном в покушении на убийство, слушалось ⟨поза⟩вчера, 25 ноября, во 2 уголовном отделении, под председательством товарища председателя А.А. Иогансона, с участием присяжных заседателей.

По допросе свидетелей, подтвердивших все изложенное, г. товарищ прокурора Цубербиллер, поддерживая обвинение, указывал на ясное проявление злого умысла, выразившегося главным образом в сожалении Барынина о том, что он “недорезал” Чистякова.

Характеризуя подсудимого как тихую и незаметную личность, вынужденную на насильственные действия накопившимся раздражением, защитник, помощник присяжного поверенного Андреев, отвергал умысел. Странный убийца, который бежит жаловаться уряднику, что “недорезал” человека, и возбуждает этим дело, которое иначе не возникло бы.

Вердиктом присяжных заседателей Барынин признан невиновным.

ДЕЛО КНЯГИНИ ЕНГАЛЫЧЕВОЙ И ПР.

Вчера, 9 декабря, в Московской судебной палате под председательством старшего председателя палаты А.Н. Попова, с участием сословных представителей, слушалось дело по обвинению княгини Енгальчевой, урожденной Дониц, и 10 других лиц в краже на сумму более 150 000 рублей и укрывательстве. Обвинял товарищ прокурора Шадурский, защищали: кн. Енгальчеву-Дониц – присяжный поверенный Быховский, Якова Озерова – присяжный поверенный Вольфензон; Степанова – помощник присяжного поверенного Бельцов, Карпова – присяжный поверенный Высоцкий; Яковлева – присяжный поверенный Костенский; Богачева – помощник присяжного поверенного Фрунзетти; околоточного надзирателя Робашевского – присяжный поверенный Вокач; Н. Есипова – присяжный поверенный Сакс; А. Есипову – присяжный поверенный П.Ф. Наумов; Озерова защитника не имела. Гражданский иск со стороны потерпевших поддерживали: присяжные поверенные Ф.Н. Плевако и Алексеев.

Обстоятельства дела заключаются в следующем. В Лопухинском переулке, на Остоженке, проживал в своем доме 70-летний старик, отставной штабс-ротмистр Константин Озеров. Громадное состояние, которым он обладал, со дня на день увеличивалось благодаря крайней скупости старика. Сухой, недоверчивый, готовый всех подозревать в желании поживиться от его капиталов, Озеров заперся в четырех стенах своего дома, не допуская к себе ни родных, ни знакомых, выезжая из дома лишь для посещения банкирских контор и получения процентов. Отрешившись от мира с его соблазнами, Озеров весь отдался старческой болезни – скупости, проводя все часы своего добровольного уединения в пересчитывании денег. Вероятно, для того чтобы не лишать себя этого единственного наслаждения, московский скупой рыцарь, подобно своему прототипу, держал все деньги при себе, но не в подвалах, конечно, а в современном денежном сундуке.

Единственными живыми людьми около маньяка-скупца были: экономка Анна Дониц (впоследствии кн. Енгальчева),

дворник, он же и лакей, Яков Озеров (тождество фамилий дало впоследствии повод утверждать, что он, Яков, незаконный сын старика) и его жена Пелагея. Службу у Озерова нельзя было назвать легкою. Привередливый, ворчливый барин держал всех их впроголодь, платил, да и то не аккуратно, ничтожное жалованье: Озеровым 26 рублей в месяц, экономке 15; на свой стол он давал всего 18 рублей, так что, по словам Дониц, ей приходилось доплачивать из своих. Яков, менее терпеливый, несколько раз уходил на другие места и снова возвращался, Дониц целых пять лет не покидала старика.

13 марта 1895 года Озеров крупно поговорил с содержательницей меблированных комнат в его доме, Алексеевой, и ее поверенным, разгоряченный лег спать – и более уже не вставал. Апоплексия мозга, не то паралич сердца прекратили эту никому не нужную, эгоистическую жизнь. Дворник Яков рано утречком, 14-го, отправился к родственнику Озерова, князю Ширинскому-Шихматову, и сообщил ему о внезапной смерти барина. В дом явилась полиция для описи имущества и наследники. Все было в порядке, шкаф заперт, ключ от него найден, по указанию прилично огорченной Дониц, под подушкой у покойного. И шкаф не был пуст: в нем оказалось на 283 998 рублей различных ценных бумаг. Пропала лишь книжечка, в которую покойный аккуратно вносил все свои доходы и приращения. Это обстоятельство, в связи с известной скупостью старика и несколько преувеличенным представлением об его богатстве, дало повод Мезенцеву, племяннику и одному из наследников Озерова, предположить, что из шкафа похищено около 300 000. Но проверить это предположение и установить факт пропажи не представлялось никаких объективных данных. Полиция некоторое время пробовала следить за Яковом и другими, но, не добившись толку, оставила их в покое.

Так эти “300 000” рублей и канули бы в Лету, если бы легкомысленный Яков Озеров не вздумал утопить их в другой реке, протекающей по русскому царству, – в водке.

Наследники вступили в свои права, Дониц уехала куда-то на юг, Яков как бы по-старому продолжал нести многотрудные обязанности дворника.

Но он уже начал вести двойное существование. “Яков” скромно мел улицы, а его двойник, “Яков Иванович”, бросал направо и налево деньги, кутил, брал на дом обеды с вином, как красно речиво выражается чуждый юмору обвинительный акт; катался на лихачах, накупал тьму ненужных вещей, жену одел барыней, да и сам выглядывал “джентльменом” не из последних. Немало,

вероятно, изумился кн. Ширинский-Шихматов, когда в один прекрасный вечер встретил в Петровском парке, на гулянье, изящную пару супругов на резвом лихаче – и в супруге узнал своего дворника, Яшку. Князь на другой день рассчитал Озерова и тем прекратил его двойное существование.

С этого дня из Якова Ивановича окончательно формируется барин. Вернее будет сказать, что этот человек совершенно потерялся под влиянием “с неба” свалившегося богатства. Необразованный, видимо, недалекий и доверчивый человек, с склонностью к хлестаковщине, свойственной всем, кто из грязи вылезает в князи, Яков Иванович не просто бросал деньги, а просто тыкал ими в нос встречного и поперечного. А так как нет, кажется, в мире такого носа, который страдал бы насморком по отношению к запаху денег, то вскоре вокруг богача собирается много таких носов. А за носами показываются и зубы, – и начинается самое безалаберное и беззастенчивое расхищение денег. Бесшабашное пьянство с толпой любимцев, какие-то юмористические попытки приняться за дело, надувательство, кража и наглость – вот атмосфера, в которой быстро тают украденные деньги. Направо и налево Яков Иванович, общительный по природе, сообщает о происхождении денег – является на сцену добродетельный шантаж. Землячки-субутыльники начинают грозить доносом, коли не дано будет денег, а когда почти все деньги исчезают, делают обстоятельный донос.

Предварительное следствие привлекает к суду 11 лиц. Привлекается Дониц, оговоренная Озеровым. Она, поживши некоторое время в Одессе, жила в Киеве, познакомилась там с князем Енгальчевым и в Москве вышла за него замуж. Брак был счастлив, хотя непродолжителен: на другой день молодые разъехались.

Дониц, т. е. кн. Енгальчева, созналась, что принимала участие в похищении денег. Карпов, Степанов, супруги Есиповы, отец и сын Сафоновы и доносчик Яковлев привлекаются к ответственности за то, что, зная происхождение денег у Озерова, кому следует не сообщили, но всячески пользовались этими деньгами. Околоточный надзиратель Робашевский обвиняется в том, что, зная о краже, по поручению Озерова клал деньги на хранение в банк и получил за это 13 000 рублей.

Озеров и Дониц признали себя виновными, хотя сильно разноречили по поводу участия каждого из них в деле. Остальные подсудимые отрицали свою вину. Фактические и цифровые подробности, а равно и показания свидетелей, разъясняющие роль хищников вторичной формации, сообщим завтра, по окончании дела, собравшего в зале суда многочисленную публику.

Заседание 9 декабря закончилось в 11 часов вечера допросом 9 свидетелей из 38 вызванных.

Околоточный надзиратель Робашевский, сильно скомпрометированный в этом деле, нельзя сказать, чтобы имел совершенно безупречное прошлое. Происходит он из бедной и даже нищенской семьи, находившей приют и пропитание около виленского костела, в котором и сам он в юности нес какую-то ничтожную службу. Отбывши воинскую повинность, он поступил городовым в петербургскую полицию, занял потом место околоточного, но за несоблюдение каких-то законных требований и правил был уволен и занял впоследствии пост околоточного надзирателя в Москве, в пречистенской части. Робашевский, при допросе свидетелей, дал сильный отпор виленскому приставу Усциновскому, не без пристрастия сгущавшему краски на прошлой жизни подсудимого.

По словам Озерова, он попросил Робашевского положить краденые деньги в банк, что Робашевский, под фамилией Озерова, и исполнил. За комиссию он получил 8000 рублей. Затем, когда Яковлев напугал Озерова сообщением, что полиция следит за ним и может заарестовать деньги, причем для взятия их предлагал услуги свои и своего знакомого, Онканя, Яков Иванович, уже испытывавший прелесть яковлевской дружбы, снова просил Робашевского вынуть деньги, что тот так же успешно исполнил, взяв за услугу 5000 рублей. Вслед за тем Робашевский покинул полицию и поехал домой, в Вильну. При аресте у него найдено было 15 000 рублей.

Робашевский утверждал, что Озерова он считал за побочного сына покойного. Он о краже ничего не знал. Деньги 65 000 рублей, переданные ему Яковом Ивановичем, принадлежали ему, Якову, и были через посредство Дониц даны ему еще при жизни любящим отцом, боявшимся, что законные наследники обидят дитя любви, Якова Ивановича. За комиссию было взято Робашевским лишь 3000 рублей, остальные же деньги составляют приданое жены и сбережения.

Тароватый и общительный Яков Иванович нашел горячих поклонников в лице супругов Есиповых. Эта достойная чета вела довольно мизерную музыкальную торговлю, требовавшую поддержки. Ее оказал Озеров, давши им под вексель 15 000 рублей. Но кому из супругов он их дал? Подпись на векселе – Есиповой, но по безграмотству писал ее муж. Жена твердо стоит на том, что ничего о займе не знает, муж о займе знает и даже деньги получил, но что эти деньги краденые – не подозревал, предпола-

гая, согласно уверениям Я. И., что это наследство от покойного Озерова.

Свидетели с большим недоброжелательством отзывались об обоих супругах. Есипова была, по их словам, монахиней когда-то, но за коммерческие предприятия в тихой монастырской среде, довольно неудачные, отправилась в “мир”. Супруг был будто выслан даже когда-то из Москвы за те же коммерческие склонности, но, по официальным справкам, это не подтвердилось.

Один из свидетелей по поводу этого векселя, бывший петербургский лакей и родственник Озерова, Ананьев, проявил необычайное красноречие, перед которым бессильна даже фантазия Лейкина. Смех всего зала сопровождал мудреные словца, которыми Ананьев уснащал свои показания. Прежде всего всю эту историю он рассказывал, “как сказку Робинзона”. Он не знал, что деньги приобретены “фиктивным” путем, т. е. украдены. Когда он выдавал замуж сестру за Озерова, то, желая ее “гарантировать”, пошел “в этом направлении к оригинальному и энергичному Якову Ивановичу”, т. е. чтобы навести у него справки об его имущественном положении. На вопрос, почему за Есипову на векселе подписался ее муж, он ответил: “извините за выражение, но я не могу этого сказать, но знаю, что по безграмотству”.

Когда Озеров получил деньги от Робашевского, он начал метаться с ними, как кошка с салом, пряча их то под печку, то на печку, то под лавку и т. д. Андрей Сафонович, утомившийся мелочными подачками, стибрил пачку денег, заключающую в себе 10 выигрышных билетов – 1800 рублей, и уехал с ними на родину. Вернувшись оттуда, сообщил в утешение Озерову, что эти деньги, в свою очередь, похитил его отец, Богачев. На суде как он, так и отец отказались от этого.

Свидетели, мужички, давали очень яркие, но противоречивые показания относительно средств Богачева. Заметили, что с приезда сына Богачев стал жить лучше, но и раньше он часто похвалялся, что у него есть “2 пуда золота”. Никто этого золота не видал, но говорила о нем вся деревня. При обыске у Богачева нашли 10 выигрышных билетов, которые он упорно называет своими, приобретенными торговлей и хождением в старостах.

Общая цифра состояния К. Озерова определяется приблизительно в 700 тысяч рублей. У кн. Енгальчевой найдено 56 000 рублей; передано ею кн. Енгальчеву 3000 рублей, из коих у него отобрано 1800 рублей; 3000 отдано было ею по векселям. У Якова Ивановича – при обыске полиция нашла всего-навсего 100 рублей да кое-какие драгоценные вещицы. Кроме того, ему

принадлежат 2 места в зеркальной артели, стоящие 3100 рублей, и 60 десятин земли, приобретенные его женой за 4000 рублей. Яковлев получил всего от Озерова 1800 рублей, Степанов 280 рублей, Карпов больше 1000 рублей.

Кн. Енгальчева, в своем сознании, выставляла инициатором кражи Якова Озерова, не оставшегося в долгу и оплатившего той же любезностью княгине, которая, по его словам, была главным деятелем, а он лишь способствовал укрывать деньги и принял участие в дележе их. Разошлись показания двух главных виновников и свидетелей и относительно жены Озерова, Пелагеи, присутствовавшей при счете денег – говорит княгиня; отсутствовавшей – говорит ее муж. Сама Озерова отвергает свою вину. О краже она узнала только впоследствии и не решилась донести на мужа.

Московская судебная палата после двухчасового совещания, окончившегося во 2 часу пополудни, вынесла обвинительный приговор Енгальчевой, Озерову, Озеровой, Робашевскому, Сафонову и Богачеву. Палата приговорила: лишив всех особенных прав и преимуществ, Енгальчеву сослать в Олонецкую губернию на 2 года, Робашевского и Озерова заключить в арестантские исправительные отделения на 1 год 4 месяца, Сафонова и Богачева в тюрьму на 10 месяцев 20 дней и Пелагею Озерову на 5 месяцев 10 дней. Последнюю без лишения прав.

Гражданский иск признан подлежащим удовлетворению в размере 46 700 рублей.

Остальные подсудимые оправданы.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО КНЯГИНИ ЕНГАЛЫЧЕВОЙ

Рождение великих людей обыкновенно сопровождается какими-нибудь необычайными событиями или предзнаменованием. Анна Дониц, по мужу княгиня Енгальчева, этот Тамерлан озеровских капиталов, не избегла этой подчас печальной участи. Когда 11 ноября 1896 года она венчалась в церкви св. Григория Богослова, что на Дмитровке, с князем Борисом Енгальчевым, среди других документов ею было представлено метрическое свидетельство, выданное ей из кишиневской духовной консистории за три месяца до ее рождения. Действительно, в документе значилось: "...у служащего в областном совестном суде заседателем, потомственного дворянина Степана Матвеевича Доница и законной жены его (имя рек) тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года с е н т я б р я в т о р о г о родилась дочь Анна". На том же документе день выдачи свидетельства из консистории был обозначен 5 и ю н я 1867 года. "Удостоверение события, наступившего лишь 3 месяца спустя, не могло не вызвать сомнений", говорит с неумолимою серьезностью обвинительный акт. Начавшееся следствие обнаружило, с одной стороны, что, по справкам из кишиневской духовной консистории, метрическое свидетельство было выдано в 1856 году, а родилась А. Дониц в 1847, облепив себя таким образом от тяжести целых 20 лет. С другой стороны, каллиграфическая экспертиза удостоверила, что в документе цифра "сорок", написанная прописью, выскоблена и заменена цифрой "шестьдесят", а в годе выдачи документа – 1856 – 5 и 6 заменены 6 и 7. Подделка очень груба и, видимо, произведена рукой самой княгини.

Дело слушалось в II уголовном отделении под председательством товарища председателя А.А. Иогансона.

Кн. Енгальчева не признавала себя виновной, объясняя, что подделка цифр в документе произведена без ее ведома в то время, когда она уезжала в 1886 году за границу, а свидетельство оставалось у нее дома. Вероятно, кто-нибудь хотел подшутить над ней – полагала княгиня.

Из вопросов, предложенных ей ее защитником, присяжным поверенным В.В. Быховским, выяснилось, что брак Дониц с кн. Енгальчевым был лишен всякой романической окраски. Для 28-летнего князя Бориса года его невесты едва ли имели какое-нибудь значение. Получив перед свадьбой 3000 рублей, на другой день после свадьбы он расстался с супругой, выдав ей отдельный вид на жительство.

На суде кн. Енгальчева производила впечатление не великого, но, поистине, жалкого человека. Осунувшаяся, постаревшая даже и против своих действительных 50 лет, с красными, воспаленными от слез глазами, она совершенно не оправдывала своей репутации ловкого человека, сумевшего похитить более 80 тысяч. Приговор, по которому она ссылается на 2 года в Олонецкую губернию с лишением всех особенных прав и преимуществ, вступил уже в законную силу.

После непродолжительных прений и столь же непродолжительного совещания присяжные заседатели вынесли А. Енгальчевой оправдательный приговор.

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

Кто хочет узнать неприглядные стороны нашей жизни, обыкновенно прикрываемые фиговым листком внешней культурности, пусть идет в суд. В ярких красках, в живых образах раскроется пред ним картина умственного убожества и неразвитости, которыми обыкновенно страдают и преступник и потерпевший. Чуждая всякого художественного вымысла, поразительная своей простотой, эта картина поразит и надолго заставит задуматься постороннего зрителя, уходящего с мыслью: “Эх, скучно жить на свете, господа!”

Эдуард Вильгельмович, или Егор Васильевич, как его называли рабочие, Пальмбах, владелец дома и обширной столярной мастерской, ничем не отличается от сотен других хозяев; разве только особенно презрительным отношением к пьяным свиньям, какими каждый понедельник, по исконному русскому обычаю, аккуратно является большая часть его рабочих. Более или менее легкими толчками Э.В. выпроваживает за дверь страдающих похмельною тоскою и не находящих себе места рабочих, с немецкой педантичностью вычитая из заработка прогульное время.

20 “Одно слово, поддерживает свою национальность”, – как выразился один из свидетелей. Но совершенно свободным от всяких национальных и расовых особенностей был интернациональный способ расчетов с рабочими, носивший среди них характерное прозвище “обшивания” и заключавшийся в том, что у рабочих скрадывалось их рабочее время во славу хозяйского кармана. Другой типичной чертой этого способа было обычное запамтование, внезапно поражавшее хозяина всякий раз, как ему напоминали о недоданных деньгах. С чувством обиженного собственника, Егор Васильевич в этих случаях выражал подозрение, что “с него хотя

30 получить другие деньги”, и притом настолько громким голосом, что опешивший рабочий все свои дальнейшие претензии ограничивал возможностью унести подбру-поздорову ноги. Пища рабочих также носила интернациональный характер, возбуждая жалобы со стороны жертв экономической политики, находивших,

что 6 фунтов мяса на 25 человек далеко не в достаточной степени гарантируют их от голодной смерти.

Хозяин был как хозяин, рабочие как рабочие. Терентий Игнатъев, 23-летний малый, покорный традициям мастерской, проводил понедельники в жестокой тоске и бесплодных поисках двугривенного на похмелье. Понедельник, 17-го февраля, на масленице 40 прошлого года с самого раннего утра начал терзать Игнатъева, присоединив к другим огорчениям еще обиду на хозяина за недополученные им 2 рубля. Борьбой за эти 2 рубля характеризуется время до 9 часов утра. Игнатъев приставал к хозяину, хозяин уклонялся. Игнатъев отправился за хозяином в контору, откуда вскорости с некоторой помпой удалился, поддерживаемый и направляемый дворником с одной стороны и десятником с другой. Через десятника Игнатъеву был прислан расчет, которого тот принять, однако, не согласился, обнаруживши наклонность к формализму и доказывая, что по условию он нанят до Пасхи и раньше уйти не желает. В мастерскую явился сам Егор Васильевич, и между хозяином и работником завязался спор, обнаруживший крепостью некоторых выражений, что Пальмбах в значительной степени обрусел (о чем в свое время выразил сожаление товарищ прокурора г. Александрийский). Раздраженный упорством Игнатъева, Егор Васильевич стал наступать на последнего; один свидетель говорит, что Игнатъев оттолкнул хозяина так, что тот упал на стоявшие щиты. Окончательно возмущенный, Пальмбах схватил лежавшую возле тяжелую струбину (деревянные тиски).

– Ну, бей, что ли! – сказал Игнатъев, очевидно предполагав- 60 ший со стороны Пальмбаха одну шутку или обычную браваду и потому даже не поднявший рук, чтобы защитить голову.

– Вот же тебе...

Тяжелый брус с размаху опустился на голову Игнатъева, повалившегося, “как сноп” или “как баран”, по красноречивому выражению рабочих, присутствовавших при этой сцене. Рабочие заволновались. Раздались вполне своевременные голоса о том, что “нельзя же убивать человека”, на что Пальмбах выразил едва ли искреннее убеждение в том, что Игнатъев притворяется, и велел тащить его на воздух и облить там водой. Однако рабочие 70 не допустили этого радикального способа лечения. Послали за полицией, и дело приняло свое естественное течение. Игнатъев был отправлен в больницу и там через 11 дней скончался от воспаления мозга (раздробленные куски теменной кости попали в мозг). Пальмбах явился на скамье подсудимых.

Дело слушалось в VII уголовном отделении под председательством товарища председателя С.Л. Лузгина. Защищал Пальмбаха присяжный поверенный кн. А.И. Урусов.

80 Среди свидетелей – рабочих Пальмбаха, и поднесь работаю-
щих у него, нарисовавших эту картину, отметим еще показание
отца Игнатьева, сообщившего, что он получил от подсудимого
за смерть сына 950 рублей, из коих 455 рублей отдал жене и ре-
бенку покойного, остальные взял на нужды своей семьи.

Вердиктом присяжных заседателей Пальмбах был признан
виновным в нанесении тяжких повреждений, непредвиденным
результатом коих была смерть, но заслуживающим снисхождения.
Суд постановил: лишив всех особенных прав и преимуществ,
заключить в исправительные арестантские отделения на 1 год
и 6 месяцев.

ОБОЛЬЩЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ

Вчера в VII уголовном отделении под председательством товарища председателя С.Л. Лузгина с участием присяжных заседателей слушалось дело по обвинению запасного ефрейтора Семенова в обольщении и обещании несовершеннолетней девицы Марии И. Обвинял товарищ прокурора Языков, защищал помощник присяжного поверенного Блументаль.

Чтение обвинительного акта и допрос многочисленных свидетелей и прения сторон происходили при закрытых дверях.

Резюме г. председательствующего С.Л. Лузгина было произнесено при открытых дверях. Разъяснив г. присяжным заседателям состав преступления, вменяемого Семенову, г. председательствующий перешел к оценке доказательств.

Мария И., пятнадцатилетняя девочка, ученица, жила в доме своего отца, небогатого домовладельца и чиновника, дни проводящего на службе. С 8 лет потеряв мать, Мария И. жила как в монастырской келье под надзором своей престарелой бабки и полуслепой тетки, в полном неведении жизни с ее темными сторонами. Как говорит тетка, она была настолько неопытна и чиста, что “ее можно было прельстить яблоком”. Семенов, дворник 20 в доме ее отца, в ярких красках расписывая ей свою былую службу в качестве ефрейтора, рассказывал, что он за свою доблесть удостоивался будто бы похвал Высочайших Особ, набрасывал сочными красками картину будущей счастливой жизни, предлагая бросить “немецкие уроки” и чтение романов “Московского листка”, обещая давать постоянно билеты в театр, любительницей которого была потерпевшая. Из того, что эти билеты могли служить средством обольщения, видно, насколько Мария И. не знала жизни. А насколько воля ее была порабощена Семеновым, видно из ее поведения после преступления, совершенного над ней. Уве- 30
зенная из дома, находясь в ужасной обстановке среди рабочих, она пишет под диктовку Семенова письмо, в котором оправдывает его. В полиции, на дознании, она клеветает на своих родных, обвиняя их в жестокости, в преследованиях, наконец взводит на себя тяжкое обвинение, сообщая, что была уже раньше,

до Семенова, лишена невинности. По этому поводу она рассказывает странную историю, как она однажды села на извозчика, пригласила какого-то неизвестного молодого человека и где-то отдалась ему. Здесь, на суде, она созналась, что все ей это было
40 внушено Семеновым, который, опасаясь ответственности, еще на том позорном ложе, где совершилось преступление, 8-го января, уверял ее, что все это необходимо, иначе может расстроиться будущий их брак.

Марии И. всего 15 лет, ему 36. Невинная, не(с)ведущая, цветок, еще не смятый жизнью, она легко могла пасть жертвой искусного оболъстителя. Семенов делает все для достижения своей цели. Клянется в любви, томится и горит, грозит самоубийством, обещая ответственность за него возложить на нее, оставить на ее совести вечный укор: “Ты была виновницей моей смерти”. Могли
50 ли не повлиять на невинного и чистого душою ребенка эти речи, эти угрозы? Они заставили ее позабыть все, совершить поступок, всего ужаса которого она не понимала и не могла понять, – принести в жертву и для блага любимого человека и честь, и счастье, и жизнь свою, и спокойствие своих родителей.

Семенов, заставляя ее клеветать на себя, вносил нравственную заразу в ее душу. Возя ее по кабакам, он отравил всю мерзостью ее первые ласки, загрязнившие ее душу.

Предполагая, что поведение подсудимого должно внушить
60 судьям чувство отвращения, г. председательствующий предостерегал их от увлечения, прося о тщательном и зрелом обсуждении вопроса. “Страстей не должно быть в душе судьи”, – этой высокой истиной, которая должна лежать в основе всякого разумного суда, заключил свою речь С.Л. Лузгин.

Вердиктом присяжных заседателей Семенов признан виновным. Суд постановил: лишив всех особенных прав и преимуществ, заключить в арестантские исправительные отделения на 2 года 4 месяца.

ГРАБЕЖ

⟨7 марта 1898 г.⟩

Крестьянин Кузьмин, отдавая дань родственным чувствам, пошел навестить своего дедушку в село Измайлово. Изрядная выпивка, предложенная престарелым дедом, привела почтительного внука в весьма приятное настроение, характеризовавшееся, с одной стороны, склонностью ко всяким рискованным предприятиям, с другой – широкой общительностью и потребностью в дружеской беседе. Дело происходило летом, в последних числах июня. Уже вечерело, когда возвращавшийся домой Кузьмин 10 увидел на перекрестке трех юношей, беспечно расположившихся на краю канавки. Один из юношей закинул Кузьмину вопрос: “Далеко ли, землячок, идешь?” Семя попало на добрую почву. С полной откровенностью и чистосердечием сообщивши, что ему осталось до дома не более версты, Кузьмин вошел в более тесное общение с юношами, находившимися также в приятно возбужденном состоянии по причинам, имеющим некоторое отношение к алкоголю. На почве обмена спичками и папиросами возникла оживленная беседа, посвященная главным образом беспристрастной критике трактирных заведений, находящихся в окружности. Новые друзья, по счастливой случайности направлявшиеся 20 в одну сторону, пустились в путь и незаметно добрались до деревни Ключики, где, соблазненные зеркальной поверхностью пруда, решили искупаться. Хотя и не чувствуя особенного жара – шел уже одиннадцатый час – Кузьмин, однако, обнаружил роковую поспешность, первый наскоро раздевшись и бросившись в воду. Окунувшись и обернувшись к товарищам, чтобы высказать им далеко не лестное мнение по поводу температуры воды, Кузьмин был поражен загадочным их поведением: приятели со всех ног бежали к лесу. Выйдя на берег, Кузьмин понял причину бегства: 30 его белье и одежда до картуза включительно исчезли. Не теряя присутствия духа и не обращая внимания на некоторые недостатки своего костюма, Кузьмин бросился в погоню, оглашая тихую окрестность отчаянными криками: “Караул!” Пользуясь значительными в беге преимуществами, благодаря отсутствию

связывающего движения костюма, Кузьмин вскоре нагнал и задержал одного из похитителей, Смирнова. Прибежавший на крик Кузьмина сторож Якушкин отправился на поиски остальных похитителей, пустив вперед сторожевых собак. Первым был открыт
40 Курушин, в виде какой-то чудовищной птицы, могущей заинтересовать всякого орнитолога, восседавший на березе. Несмотря на настойчивые приглашения Кузьмина, Курушин долго не решался расстаться с воздушными сферами и спуститься до прозаической действительности. Третий из юношей, Курников, отыскался в кустах, где он лежал, свернувшись в “кошелку”, по выражению сторожа. Нашлось и похищенное бельё.

Дело о Курушине, Курникове и Смирнове по обвинению их в грабеже слушалось вчера во II уголовном отделении под председательством товарища председателя А.А. Иогансона. Защищал
50 обвиняемых присяжный поверенный Л.Н. Бобров.

Ввиду некоторых обстоятельств дела товарищ прокурора С.Ф. Салов нашел возможным предъявить к обвиняемым смягченное обвинение в краже, от обвинения Смирнова отказавшись совсем.

Г. председательствующий, находя в действиях подсудимых лишь признаки тайного похищения, указал присяжным заседателям, что Смирнов, если он будет признан виновным, но действовавшим без разумения, будет отдан в Рукавишниковский приют, что, ввиду бывшей его судимости за кражу, может оказаться для
60 него полезнее, нежели свобода.

Присяжные заседатели всех подсудимых признали виновными, но заслуживающими снисхождения, а Смирнова – действовавшим без разумения. Суд постановил Курушина и Курникова заключить в тюрьму на 4 года и 3 месяца. Смирнова отдать в Рукавишниковский приют до достижения им восемнадцатилетнего
возраста.

ГИБЕЛЬ САМОЗВАНЦА

Иван Петрович Пожидаев имел основания предполагать, что близится к осуществлению его заветная мечта – быть зачисленным в ряды московской полиции в звании околоточного надзирателя. Хотя из тех сфер, где надлежал быть окончательно разрешен вопрос о его зачислении, никаких определенных сведений не получалось, но это обстоятельство большой важности не имело, так как главное было сделано: блестящая форма околоточного надзирателя была уже получена от портного и, развешанная на стене, прельщала взоры Ивана Петровича снежной белизной кителя и ярким блеском пуговиц и галунов. Недурно были сделаны и лакированные сапоги.

День 4 июня 1897 года не оставлял желать ничего лучшего в смысле погоды. Жарко, как в печке; на небе ни облачка, – самым естественным желанием для всякого молодого человека было отправиться за город, на лоно природы. А если при этом надеть китель околоточного надзирателя, то удовольствие погулять, например, в Петровском парке, под взглядами сотни восхищенных женских глаз, становилось настолько сильным, что у Ивана Петровича тотчас же нашелся законный повод для переодевания. Дело в том, что в Петровском парке жила свояченица Ивана Петровича – и не показаться ей в новой форме было бы прямо-таки невежливостью с его стороны.

В полной полицейской форме, снисходительно отвечая козырявшим городовым, шел Иван Петрович по улицам, когда его голову осенила мысль, блестящая, но чреватая самыми неожиданными последствиями: отчего бы по дороге в парк не завернуть на минутку к приятелю и не насладиться в доме его, приятеля, изумленной физиономией? Задумано – сделано. Приятель не только изумился, но, по присущему всем приятелям легкомыслию, пошел и дальше в этом направлении, заявив о необходимости ознаменовать радостное событие небольшим возлиянием в честь Вакха. Было немного выпито. Потом еще выпито. Потом... но здесь история делает скачок.

Факт тот, что вместо Петровского парка Иван Петрович очутился на Толкучем рынке, и мало того что очутился, но начал проявлять там некоторую деятельность, имевшую целью водворение на рынке порядка и благочиния. Прежде всего его строгому начальническому взгляду представился ряд городских, из коих одни были в кителях, другие в суконных мундирах, что нарушало элементарные начала симметрии, лежащей, как известно, в основе всякой эстетики вообще и строго-полицейской в частности. Сделав городовым несколько внушительных замечаний, Иван Петрович обратил внимание на торговцев и пришел к выводу, что этим господам совершенно чуждо всякое представление о тех обязанностях, которые налагают на человека основные правила планомерности и нравственности. Без толку снуя в толпе или же расположив палатки совсем не там, где ожидал их встретить Иван Петрович, торговцы вели себя настолько неприлично, что он вынужден был в отеческом тоне сделать соответствующие указания и разъяснения, встреченные, однако, настолько непочтительно, что единственным средством водворить на рынке порядок оставалось одно – отправить всех торговцев в участок. Приступив к приведению этой меры в немедленное исполнение, Иван Петрович наткнулся на крайне враждебное к себе отношение толпы, в различных более или менее дерзких выражениях начавшей глумиться над некоторой, чисто физической неустойчивостью Ивана Петровича. С глубоким прискорбием он убедился, что всю Толкучку нужно отправить в участок, иначе никогда порядка не будет, – но дальнейшие в этом отношении мероприятия не только не достигли означенной цели, но поставили Ивана Петровича в положение города, осажденного неприятелями, вооруженными всеми новейшими техническими усовершенствованиями в военной области. Не прошло нескольких минут, как весь город был засыпан метательными разрывными снарядами в виде гнилых апельсинов и не совсем свежих яиц, каковые, лопаясь при ударе, придали Ивану Петровичу чрезвычайно пестрый и оригинальный вид. Яйца при этом производили при разрыве тот самый удушающий запах, секрет которого считался до сих пор совершенно утраченным вместе с известным в истории “греческим огнем”. С веселыми криками “ура” толпа яростно бомбардировала Ивана Петровича, решившего лучше умереть, но не сдаваться. Мужественные попытки пробиться сквозь густые ряды осаждающих были с уроном отбиты. Гибель становилась неизбежной, когда на выручку подоспел отряд городских, рассеявших толпу, а Ивана Петровича... Ивана Петровича, пестрого и унылого, отправили

в тот самый участок, который был им уготован для торговцев. Так его свояченица и не видала!

И.П. Пожидаев был привлечен к суду по обвинению в буйстве и ношении не присвоенной его званию формы. Дело о нем слушалось в 1-м уголовном отделении под председательством товарища председателя Халютина. Обвинял исполняющий обязанности товарища прокурора, кандидат на судебные должности Некрасов, защищал присяжный поверенный Ходасевич.

Суд оправдал Пожидаева по первому вопросу, признав его виновным в ношении не присвоенной формы, и приговорил к 10 рублям штрафа.

УБИЙСТВО

(28 мая 1898 г.)

В феврале текущего года много заставило о себе говорить убийство владельца сапожного магазина Михаила Григорьевича Ситнова. Прошло всего три-четыре месяца, и убийца уже предстал пред судом присяжных заседателей. Дело слушалось вчера в III уголовном отделении под председательством товарища председателя Д.А. Нилуса. Обвинял товарищ прокурора Александрский.

Обвиняемый – молодой человек 26 лет. Держит себя, хотя робея, все же довольно свободно. В голосе не слышится раскаяния – скорее проскальзывает старание убедить в своей невинности, чувствуется убеждение в правоте, чуть ли не в закономерности содеянного. Зовут обвиняемого Александром Куликовым.

Просты и ужасны обстоятельства этого дела. Изю всех пор его бьет наша некультурность, наша недисциплинированность, создающая на почве грошových интересов кровавые столкновения, дикие, непонятные, неправдоподобные.

Ситнов был хозяином не хуже других, а пожалуй что и лучше. Есть у него мастера, живущие по 20 и более лет. Фирма существует давно; убитый Ситнов, человек еще нестарый, был последним ее представителем. Рассчитывался правильно, хотя любил деньги позадержать, но не из корысти, а так, чисто из родительского чувства к рабочим, которые всё, что ни получают, пропьют, а частью потому, что он – хозяин и может, следовательно, заплатить, когда захочет. Нрава был горячего, вспыльчивого, мог и обругаться, мог и толкнуть слегка провинившегося рабочего. Но без вины, зря не придирался и был, в общем, с своими рабочими в хороших отношениях. По крайней мере, с Куликовым он был всегда хорош, даже отличал его перед другими. Если бывали у них ссоры, то ничтожные, проходившие никем не замеченными. Последний раз деньги Куликов получил 21 декабря; после этого кое-что забрал по мелочам, но все же хозяин оставался должен ему десяток-другой рублей. 8 февраля, в воскресенье перед масленицей, Куликов с утра стал требовать денег, жалуясь, что он прохарчился и не платил за квартиру, с которой его гонят. Хозяин, в свою очередь,

имел основание сомневаться в чистоте намерений Куликова, так как перед этим тот дня два прогулял и, весьма возможно, намеревался продолжать это занятие. Куликов, человек довольно резкий, требует денег горячо и грубо, хозяин сперва отделяется обещаниями, потом начинает, видимо, раздражаться и прекращает разговор, уйдя из магазина. Это было часов в 12 утра. Часа в четыре он возвращается и, узнав, что Куликов не думал уходить домой и сидит в мастерской, зовет его к себе.

Относительно дальнейшего показания свидетелей расходятся с объяснениями подсудимого. Последний рассказывает, что в магазине, куда его из мастерской позвали, он возобновил свои требования, а хозяин решительно заявил, что денег не даст.

– Когда же дадите?

– Когда вздумается, тогда и дам.

Куликов, окончательно раздраженный, говорит хозяину дерзости, тот схватывает его за горло и начинает выталкивать. В коридорчике, куда оба они попали, Куликов под рукой хозяина падает на стул у машины, а когда Ситнов, продолжая держать за горло, ударяет его, – хватает с подоконника сапожный нож и бьет в щеку. Как у них шло дальше, как оба оказались снова в магазине, Куликов объяснить толком не может. Говорит только, что он обеспамятовал и уже бессознательно продолжал наносить удары, пока его не схватили за руки прибежавшие на помощь мастера.

Единственной свидетельницей сцены убийства может считаться лишь жена Ситнова, находившаяся в это время в своей спальне, дверь которой находится как раз против двери магазина, в котором Куликов, по его словам, нанес первый удар. Дверь в спальне была заперта, происходившего Ситнова не видела, но зато разговор слышала до слова. Оказывается, что после отказа мужа выдать деньги Куликов произнес:

– Так вот же тебе!

После чего послышался топот и крик мужа о помощи. В коридор ни муж, ни Куликов не входили.

Прошло минут десять, когда появились на помощь мастера, долго не понимавшие, что происходит, обругавшие и отославшие назад присланных за ними няньку и горничную и только потом, на крик самой Ситновой, явившиеся в магазин. Когда Куликова обезоружили, хозяин был весь уже изрезан и исколот и имел силы дойти лишь до мастерской, где, сев на нары, попросил несколько раз поскорее послать за доктором – и умер со словами: “Простите меня, мастера”. Куликов был спокоен и хотел вымыть окровавленные руки, но ему не позволили.

Освидетельствование трупа обнаружило, что Ситнову было нанесено 15 ран, из которых одна безусловно смертельная и несколько тяжких.

Объяснение подсудимого относительно ножа, взятого им будто бы с подоконника, было так же опровергнуто показанием мальчика Петухова, объяснившего, что перед самым моментом убийства он видел нож в ящике машинки. На самом Куликове при осмотре его на следующий после убийства день никаких следов повреждения не оказалось.

Защищал обвиняемого помощник присяжного поверенного Андреев.

Вердиктом присяжных заседателей Куликов признан виновным в нанесении в состоянии запальчивости и раздражения ран с целью лишить жизни. Суд постановил: лишить всех особенных прав и преимуществ, сослать в каторжные работы на 8 лет.

〈ПОДСУДИМЫЙ КРЕСТЬЯНИН СТЕПАН МИХЕЕВ...〉

Подсудимый крестьянин Степан Михеев, один из тех без вины виноватых людей, которых жестокая судьба осудила на весь век быть отверженцем. Страшная волчанка изъела ему лицо, уничтожила нос, так что ему всю жизнь приходится ходить с повязкой на лице, возбуждая общую брезгливость и отвращение. В этом драма его жизни. Хотя наша серая деревня в этом отношении гораздо гуманнее культурных центров, все же жизнь Михеева была не сладка. Если не люди от него, то он бежал от людей в сознании своего убожества.

Лет 18 тому назад Михеев служил работником у крестьянина Чернышева. В один дурной день над семьей Чернышева разразилась беда: умер сам хозяин и кормилец, оставив молодую вдову Авдотью с двумя маленькими ребятишками. Четыре года билась изо всех сил вдова, поддерживая хозяйство. Когда вторая беда окончательно подкосила ее последние силы: она погорела и осталась без всего – хоть по миру идти, тут-то и выступил “человек без права”. Вот как рассказывает он сам об этом моменте в его жизни:

“Я, Степан Михеев, стал говорить Авдотье Семеновой, вдове Чернышевой: жить не буду у тебя, потому что тебе взять негде, не с чего платить жалованье мне за работу. Авдотья Семеновна стала просить: Степан, прошу тебя Богом, не брось меня с малолетними детьми после пожара, и я тебя не брошу по гроб твоей жизни. На эти слова был я согласен, потому что я человек не права, деться некуда – и жил я у нее 14 лет, платил оброк, недоимки, не оставлял до совершенных лет...”

Счастье Степана падало по мере того, как росли дети Авдотьи. Мало было для них приятного, что с их матерью близок и им вместо отца служит “безносый”. Не то чтобы они прямо стали нападать на него – чувство благодарности не позволяло этого, – но полегоньку, помаленьку вытесняли его из своей семьи. Авторитет хозяина, которым, как узурпатор, завладел Степан, мало-помалу уходил от него. Наступил день, когда Степан стал совсем не ну-

жен – и пропали все четырнадцать лет труда, и был он выброшен на улицу один-одинешенек с своей волчанкой. Подозрительный, обиженный Авдотьей, поклявшейся по гроб жизни не покидать его, Степан в каждом шаге и слове видел новое преследование, новую несправедливость.

19 апреля настоящего года Степан пришел к Авдотье; старший сын последней Иван, спавший на печке, услышал, что мать о чем-то перекоряется с Степаном. Так как у последнего, служившего лесным сторожем, был при себе револьвер, Иван, опасаясь, как бы не вышло чего худого, под каким-то предлогом вышел из избы и побежал за старостой. Когда явился староста и собрался народ, Чернышева выскочила из избы, а за нею погнался Степан, думая, что все это подстроено, что староста позван, чтобы совсем прогнать его, и вдогонку два раза выстрелил в Авдотью. Одна пуля попала в лопатку, другая в поясницу.

При задержании Михеева при нем была найдена записка (написанная после покушения), часть которой мы привели. Она заканчивалась словами: “а теперь меня выгнали вон, но не я убил Авдотью, а убил ее сын, Иван Прохоров, также и меня убил Иван Прохоров”.

Врач признал одну из ран, первую, тяжелой, вторую легкой.

Дело слушалось на выездной сессии московского окружного суда в г. Коломне под председательством товарища председателя П.С. Кларка; обвинял товарищ прокурора барон Тизенгаузен; защищал помощник присяжного поверенного Лисицын.

Присяжные заседатели признали Михеева невиновным.

ГРАБЕЖ С НАСИЛИЕМ

Чрезвычайно интересное с бытовой стороны дело слушалось вчера в III уголовном отделении под председательством товарища председателя Д.А. Нилуса. На скамье подсудимых фигурировал тайный дом терпимости в полном его составе: содержательница дома М. Базанова, ее дочь, полупортниха, полупроститутка, возлюбленный матери – Стариков, крайне любопытный тип Альфонса с Драчевки; слуга в доме Соколов, семнадцатилетний мальчик, уже развращенный, и двадцатидвухлетняя “девушка” Мария Кянчина. Преступление, в котором они обвинялись, заключалось в ограблении “гостя”, мелкого торговца Циммерманова, который был опоен какой-то смесью (по-видимому, смесью водки с нюхательным табаком), дочиста обобран и вывезен и брошен в поле за Ваганьковским кладбищем. Настоящее дело, раскрывая интимную сторону жизни падших созданий, вызывает особенный интерес в виду художественного освещения типа проститутки в романе нашего великого писателя.

Присяжные заседатели признали обеих Базановых и Старикова (виновными) в грабеже; Кянчину и Соколова в краже, причем дали им снисхождение. Суд приговорил: Старикова и Базановых к лишению всех прав и ссылке – Старикова в каторжные работы на пять лет, Базановых в Сибирь на поселение в места не столь отдаленные; Кянчину и Соколова к лишению всех прав и преимуществ и к тюремному заключению на один год.

ПОЛТАВА, 15 ДЕКАБРЯ

В Полтаве только и разговора о деле Скитских. Общее убеждение склоняется в пользу их невиновности. В городе необычайное оживление. Все гостиницы, меблированные комнаты полны приезжающих. Повсюду на улицах видны судейские и корреспонденты. Благодаря одновременно происходящему земскому собранию много земцев. Все участвующие в деле сделались в своем роде героями дня. Извозчики возят корреспондентов на место убийства, где они снимают фотографии, делают описания и этнографические очерки. В народе дело возбуждает сильный интерес и, переходя из уст в уста, видоизменяется и обращается в любопытную народную легенду.

Приказ полицеймейстера приставам предписывает в интересах охраны общественной тишины и спокойствия закрыть проезды мимо здания суда и не допускать скопления народа и сборищ около суда, в круглом саду и ближайших улицах. Вообще, приняты меры исключительные: солдаты перед судом расставлены шпалерами. В местных “Губернских ведомостях” помещена сегодня статья, выражающая надежду на счастливый исход дела и призывающая публику к умеренности выражений сочувствия.

С самого утра суд был уже полон. Прибыло 20 журналистов, из них московских двое. Особое волнение замечается на первой скамье, которую занимает гражданская истица г-жа Комарова.

Входит палата, после чего вводят подсудимых. Они в своем платье. Сопровождают их три солдата. Братья Скитские одного роста, остроносые и остробородые. Степан Скитский рыжеватый и лысый; волосы каемочкой и тщательно приглажены; маленькие глаза и сухое морщинистое лицо чиновника гоголевских времен; голову подпирает воротник; кланяется на все стороны и смотрит затем на председателя. Во всем его поведении замечается серьезность и чинность. Петр Скитский живее. Он на десять лет моложе своего брата. Обращает (на себя) внимание в его внешности гусяная шея; вид приглаженный. Все время осматривается по сторонам.

К моменту открытия не явилось 20 свидетелей, из числа которых самыми важными являются преосвященный Илларион и Мочуговский; Кацюра умер. Затем из новых свидетелей не явился Петерсон. Прокурор Александров-Дольник двух свидетелей признает существенными для дела; считает также осмотр необходимым, но вопрос об удобстве осмотра он предоставляет разрешить палате.

Поверенный гражданской истицы, присяжный поверенный Быховский, соглашаясь, что осмотр необходим, находил, что зимой производить его неудобно, а потому ходатайствовал отложить дело до лета.

Защитник Н.П. Карабчевский с своей стороны находил, что некоторые неявившиеся свидетели существенны для дела, что осмотр необходим, иначе показания свидетелей явятся лишь

алгебраическими формулами, в которые можно вложить любое содержание. Другой защитник, присяжный поверенный Куликов, присоединяется к мнению г. Карабчевского, но третий защитник, г. Зеленский, остался при особом мнении, находя, что можно слушать дело без осмотра.

Выслушав заключения сторон, палата определила: не входя в рассмотрение вопроса о существенности показаний неявившихся, палата признает осмотр безусловно необходимым, но неудобным зимой в отсутствие свидетельницы Бородаевой, а посему палата постановила дело отложить.

Защитник Куликов возбуждает вопросы об устранении гражданского иска и об освобождении Скитских из-под стражи с заменой содержания под стражей поручительством троих защитников. Поверенный гражданской истицы, присяжный поверенный Быховский, горячо возражает против этого ходатайства и начинает говорить приподнятым тоном о страданиях Комаровой, на которую сделано было нападение со стороны защиты.

Председатель останавливает г. Быховского и просит его быть сдержаннее в выражениях. Присяжный поверенный Карабчевский, возражая г. Быховскому, называет речь его мелодраматической тирадой, своевременно остановленной, обещает сделать оценку ее по существу во время прений и настаивает на устранении гражданского иска. Палата оба ходатайства отстранила.

ПОЛТАВА, 16 декабря. Состав особого присутствия киевской судебной палаты для слушания дела Скитских, а также гражданский истец и защитник прибыли сюда. Полагают, что слушание дела займет неделю. Приняты энергичные меры для поддержания порядка перед зданием суда, в котором будет заседать палата.

ПОЛТАВА, 16 декабря. Сегодня в помещении местного окружного суда открылось заседание особого присутствия киевской судебной палаты для рассмотрения дела об убийстве секретаря полтавской духовной консистории Комарова; свидетелей вызывалось 120, не явилось 19. Экспертами состоят профессора судебной медицины Оболонский и Патенко. Преосвященный Илларион сообщил палате, что по болезни явиться не может. Вследствие заключения прокурора и ходатайства защиты о невозможности произвести в данное время года осмотр местности, где найден был труп Комарова, что необходимо для полного расследования дела, была палата отложила слушание настоящего дела.

ПОЛТАВА, 17 ДЕКАБРЯ

Дело Скитских отложено до 27 апреля.

ДЕЛО СКИТСКИХ

Полтава, 16 декабря

Мы уже сообщили о тех причинах, хотя и не новых (их можно было предвидеть при назначении дела на 16 декабря), по которым судебная палата нашла необходимым отложить дело до весны. Теперь приведем в подробностях дебаты по весьма интересному и важному с принципиальной стороны вопросу о возможности допущения гражданского иска в третьем заседании по делу после двух отмененных приговоров. Присяжный поверенный Куликов сделал следующее заявление.

“Несмотря на то, что дело отложено, покорнейше прошу разрешить мне сделать заявление, так как заявление мое должно быть сделано при первом случае, когда защита может высказаться, тем более, что оно имеет значение и для той стадии процесса, в которой будет находиться дело теперь, до заседания. Мне объявлено, что к рассмотрению в настоящем уголовном деле принят гражданский иск и Комарова допущена гражданской истицей. Правда, определение об этом палаты уже, следовательно, состоялось, но, во-первых, определения могут быть изменяемы, и поводом для нового рассмотрения этого вопроса может служить именно возражение защиты, которая до сего времени не имела возможности этого сделать, а во-вторых, необходимо в том случае, если по сему делу будет опять кассационное производство, чтобы этот вопрос не был нами в том производстве поднят впервые, – поэтому я считаю своевременным сделать возражения против допущения гражданского иска. По статье 7 установления гражданского судопроизводства гражданский иск может быть заявлен лишь до открытия по делу заседания. Далее сенат нашел, что если заседание не состоялось, то гражданский иск может быть заявлен до открытия нового заседания. Но в настоящем случае два заседания уже состоялись, и, несмотря на отмену сенатом обоих приговоров, заседания нельзя признать ничтожными. По кассационному решению, известному палате, мы можем теперь, в случае надобности, читать показания свидетелей, данные в тех заседаниях, затем, в случае обвинения, Скитским нельзя назначать более 12 лет каторги. Раз существуют

известные правовые последствия, нельзя отрицать правового значения за фактом, их производшим. Наконец, 928 статья говорит, что дело, по которому приговор отменен, передается для нового производства с того действия, которое послужило поводом к кассации. Хотя на практике это применяется в редких случаях, но все же остается несомненным принцип, вложенный в эту статью, – именно нельзя считать несуществующим производство, приговор по которому отменен. Далее, то обстоятельство, что наказание подсудимым теперь уже не может быть увеличено, вытекает из того начала, что жалоба их не должна ухудшить их процессуальное положение. Обвинитель не жаловался, и дело рассматривается вновь по жалобе подсудимых, поэтому не должно быть допускаемо процессуальное отягчение для них, каким является гражданский иск. Вообще гражданский истец является обвинителем, но особенно ярко видно, каким осложняющим служит он элементом, уже из одного предоставленного ему права обжалования приговора”.

Заявление это встретило горячий протест со стороны В.В. Быховского.

– Гг. судьи! – сказал он, – говорить перед вами обиняками, скрывать истинные мотивы появления моего здесь я считаю неприличным, недостойным судебного деятеля. Да, доверительницу мою вынудили появиться здесь мотивы нравственного свойства; она горячо сожалеет о том, что сделала огромную ошибку, не выступив в первых процессах. Без слез я затрудняюсь говорить о том удрученном состоянии, в котором очутилась теперь эта несчастная женщина. Но ведь вы себе сами же, гг. защитники, обязаны моим появлением здесь...

Председатель (прерывая). Прошу вас быть сдержанным и умеренным в выражениях и обращаться с вашими заявлениями к палате.

– Простите, г. председатель, но я нахожусь в сильном волнении... Доверительница моя обязана пред памятью своего мужа и собой выступить здесь гражданской истицей, и я безусловно присоединяюсь к мнению г. прокурора о том, что определение палаты о допущении вдовы Комарова в качестве гражданской истицы не может быть отменено теперь, ибо защита обязана была, чтобы добиться этого, представить, согласно как уставам уголовного, так и гражданского судопроизводства, указания на какие-либо новые факты, могущие изменить уже состоявшееся ваше определение. Но защита никаких фактов не указывает, а ссылается на статью 7 уголовного судопроизводства и развивает теорию о недопущении гражданского иска после кассации первоначального приговора.

Однако в уголовном судопроизводстве я нахожу именно опору моему иску, а что касается выдвинутой защитой теории, то она совершенно не закономерна, ибо основным мотивом, вызывающим рассмотрение гражданского иска, совместно с уголовным процессом, является стремление экономизировать как средства частного лица, так и органов правосудия; важно лишь заявить иск в такое время, чтобы противная сторона знала о нем, а суд мог приступить к рассмотрению его. Этот момент существует и в настоящем деле. Ведь судебное следствие и теперь начинается с первоначального момента предъявления обвинения к подсудимым. Так зачем же у Комаровой отнимать возможность, пользуясь собираемым на этом судебном следствии материалом, защищать свои интересы? Указывают, что гражданский иск может отягчить положение подсудимых тем, что гражданский истец может добиваться уголовного возмездия для братьев Скитских, а затем и принести кассационную жалобу, которой не приносил на первый приговор. Но ведь, по смыслу закона, гражданскому истцу вовсе не принадлежит право обвинять в собственном смысле этого слова, а затем жестоко ошибаются те, которые думают, что обвинение Скитских во что бы то ни стало является целью гражданского иска. Это не так, но об этом мы поговорим в будущем. Судьба Скитских для нас безразлична, поскольку она касается участия нашего в этом процессе. Что же касается соображений о кассационной жалобе, то они несколько не могут касаться первоначального момента самого предъявления гражданского иска. В силу соображений юридического, бытового и, главное, нравственного свойства я прошу допустить мою доверительницу к участию в деле.

Последнее слово осталось за Н.П. Карабчевским, заметившим следующее:

– Относительно возражения г. поверенного гражданского истца, дебютирующего по поводу чисто процессуального вопроса мелодраматическими эффектами и пролитием слезы, вовремя, впрочем, остановленной г. председателем, я вынужден сказать несколько слов, чтобы поддержать заявление моего молодого товарища. Настоящее заседание по делу Скитских является, несомненно, не первым заседанием по делу, почему, по буквальному смыслу цитированной им статьи закона, срок для заявления гражданского иска является, несомненно, упущенным. Процессуальное значение первых двух заседаний по приговорам, кассированным сенатом, не может почитаться вовсе аннулированным. Г-жа Комарова, будучи допущена только теперь гражданской истицей, может изучать свои собственные показания по протоколам предыдущих заседаний, дополнять их, сглаживать противоречия и т. п.

Положение, едва ли благоприятное для интересов правосудия. В сенатских решениях мы не находим прямого разрешения вопроса о допущении заново гражданского иска в уголовном процессе уже после кассации приговора в интересах или по жалобе той или другой стороны. Такой заинтересованной стороной гражданская истица ранее не фигурировала. Наш уголовный процесс есть процесс состязательный.

Как уже известно, судебная палата оставила ходатайство защиты без уважения.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(27 января 1900 г.)

Недавно перечитывал я Глеба Успенского, смеялся и грустил и с радостью преклонялся пред благородством и чистой душой этого человека, в страданиях искавшего по всей широкой России давно затмившейся правды и давно обороненной совести. Ожили перед моими глазами мертвые черные строчки и буквы; то были частицы его страдающей души, а все вместе сверстанные, сброшюрованные и пущенные на рынок, они составляли то, что он отнял у себя и отдал нам – его светлый разум. Отданный той же с большою любимой родине, он продолжает творить свою благотворную работу – но где же он сам, этот страдалец за чужие грехи, этот всеми нами любимый и чтимый Глеб Успенский? Что говорят о нем, о его здоровье, о его жизни? Какова бы ни была, она дорога ведь нам. И стыдно мне стало за себя и за всех нас, когда ответом на все эти вопросы явилось тупое и дикое: не знаем. Где он – не знаем; какова его жизнь – не знаем, потому что об этом не говорят и не пишут. Да жив ли он, наконец? – этот вопрос был как-то предложен мне одним интеллигентом, пораженным безмолвием могилы, окутавшим дорогое имя. Но подумав, искушенный опытом российский интеллигент сам же и ответил: вероятно, жив, потому что иначе о нем говорили бы много, горячо, хорошо и с любовью.

* * *

Мы переживаем дни своеобразного ликования, напоминающего ту немного эгоистичную и пьяную радость, когда на поле сражения выкликают оставшихся в живых. Целых девять русских литераторов удостоены чести официального признания их заслуг, – и мы радуемся: вот, дескать, как у нас! Но в том, что мы так много говорим и пишем о нашей радости, для меня звучит другая нотка – изумление. Наивное и искреннее изумление перед небывалым случаем: люди не умирали, со дня их смерти не проходило еще пятидесяти лет – и вдруг!

Но и тут не обошлось без диссонанса: слышались голоса людей, склонных к меланхолии, которые, отдавая честь живым,

стали напоминать о павших. Прозвучало имя А.В. Сухово-Кобылина и других, обойденных честью, которой они заслуживают...

Но Бог с ней, с этой честью – куда нам думать о ней, когда к простой человечности мы не привыкли. И разве так необходимо, чтобы со стороны откуда-то послышался голос, диктующий: вот ваш избранник, люди русские! – для того чтобы мы вспомнили о любимых тружениках и страдальцах родного слова? Вот оно, стоит перед глазами, скорбное любимое лицо Гл. Успенского, бесчеловечно забытого нашей отзывчивой печатью, той самой печатью, которая так часто жалуется, что дорогие нам могилы стоят заброшенные, поросшие травой. Досадный вопрос не выходит из головы: почему ни слова не слышу я о нем? Ведь говорят же и пишут у нас о том, как живет другой безумный страдалец – Ф. Ницше. Неужели последний ближе нам и дороже? И каким укором должно быть для нас, черпающих известия из иностранных газет хотя о том же Ницше, та благоговейная память, какой люди “развращенного” Запада окружают своих великих! Горько подумать, что русскому литератору только могила дает право на память. Дико подумать, что, быть может, сейчас существуют предусмотрительные литературные могильщики, уже заготавливающие прекрасные, полные любви речи и накопляющие слезы, которые прольются ими над свежей могилой страдальца. Но не держите, господа, этих речей и этих слез, выпускайте их! Ведь он в сущности умер – и неужели вас может удержать такая неважная формальность, как то, что его еще не закопали?

* * *

У всех еще в памяти та буря, какой сопровождалась последние выборы в совете присяжных поверенных. Овальный зал еще не видал, кажется, в своих стенах такого многолюдного и шумного собрания. И результаты выборной борьбы порадовали всех, желавших видеть в сословии присяжных поверенных нечто большее, нежели механическое соединение людей во фраках и со значками и помнивших лучшие времена, когда во главе сословия стояли достойнейшие его представители.

К сожалению, на выборах не обошлось дело без недоразумений, которыми воспользовалась незначительная кучка приверженцев старого совета и возбудила перед судебной палатой вопрос о признании выборов недействительными. Вчера вопрос этот получил разрешение: палата признала выборы недействительными по отношению к одному Д.Н. Доброхотову, в остальных частях жалоба оставлена без последствий.

Таким образом, нынешний совет лишается, хотя, быть может, и временно, одного из своих деятельнейших сотрудников, общее доверие к которому и уважение как к общественному деятелю задолго предшествовали горячо желанному появлению его в совете. Вероятно, будут произведены дополнительные выборы... если только у гг. присяжных поверенных хватит времени и сил для того, чтобы собраться вторично и отстаять свои права на действительно хороший и деятельный совет.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(28 января 1900 г.)

Метеорологическому съезду, открывшемуся в Петербурге, не мешало бы заняться таким вопросом: в какой зависимости от метеорологических условий находится наша любовь и уважение к общественным деятелям?

Для иллюстрации же тех положений, к которым придет съезд, следует обратиться к похоронам В.М. Пржевальского.

Вчера было 12° мороза. Это с одной стороны. Вчера же хоронили В.М. Пржевальского, о котором все говорят и думают как о крупном общественном деятеле и которому все высказывают самые горячие симпатии. Это с другой стороны.

Несомненно, что мороз и горячие симпатии должны были вступить в коллизию. Вопрос заключался лишь в том, кто из них победит.

И метеорологический съезд имеет право занести в протокол и преподать в назидание иногда слишком наивным людям: как бы горячи ни были симпатии, 12-тиградусный мороз побеждает их.

Родные и близкие покойного, его помощники и два-три товарища по профессии – вот и все, кто присутствовал на кладбище Алексеевского монастыря.

Остальные – представители города, земства, корпорации – прислали вместо себя венки.

Были произнесены три речи: две коротенькие – присяжных поверенных А.Р. Ледницкого и В.В. Быховского, и одна длинная – г. Котлецова. Говорилось об усопшем как о выдающемся деятеле на пользу общественную, даже в последние, предсмертные минуты интересовавшемся общественными делами. Совершенно больной, задыхающийся от одышки, полуослепший В.М. забывал о себе и последние догорающие силы вкладывал в разработку какого-то доклада. Говорилось о том, что не умрет его имя на страницах истории общественного развития и не изгладится этот печальный день похорон из памяти всех любящих родину и ее благо.

А двенадцатиградусный мороз щипал уши, и тихо и пустынно было на замершем кладбище. И одиноко плакал кто-то, действительно любивший покойного.

Да, такие дни не забываются.

* * *

Не везет “Новому времени”. Обидит кого захочет – на достойнейшего человека попадет и с недоумением потом печатает у себя бесчисленные “письма в редакцию”, и сквозь петит их проглядывает сконфуженность; за обиженного заступиться вздумает – и тут в недоразумение впадает, ибо мнимый обиженный сам десятых обидеть может.

Огорчилось “Новое время” за г. Дьяконова, на диспуте которого никто из специалистов по его предмету не присутствовал, и мягко упрекнуло профессоров Сергеевича и Латкина за то, что они “уклонились от обязанностей оппонентов”.

А через день в самом уголке газеты и самым скромным петитом оно печатает письмо профессора В. Латкина. Оказывается, что почтенный ученый не считал возможным оппонировать г. Дьяконову, “так как принципиально был против самого диспута, дав отрицательный отзыв о работе диссертанта”.

А диспут все-таки был, и г. Дьяконов получил то, что ему нужно.

Нет, не похож он на обиженного. И снова недоумевает добрейшее “Новое время”, смутно замечая сходство между собой и тем оригинальным юношей, который плакал на свадьбе и плясал на похоронах.

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПОМОЩНИКОВ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ

При возникновении консультации и при осуществлявшейся деятельности ее друзей нового и, по-видимому, благотворного дела – оказание бесплатной юридической помощи нуждающемуся населению – тревожили некоторые опасения. Одним из них и наиболее серьезным являлось опасение того, что юридическая помощь, обойдя истинно нуждающихся в ней, попадет в руки классов мелких собственников, торговцев и промышленников и послужит для них лишним и крупным фактором к укреплению экономической зависимости обездоленных масс.

Этому вопросу отводит первое место нынешний годичный отчет консультации.

Указав на обычный и весьма прискорбный факт запоздалого обращения к помощи, отчет констатирует, что в Москве, не говоря об ее уездах, где обращение обуславливается случайностью, почти весь контингент просителей принадлежит к грамотным и большая часть отказов ведения дела падает на неграмотных. В этом отношении невежество самый главный враг консультации и лучший союзник подпольных ходатаев. При существовании в народе живого правосознания подобные затруднения в осуществлении своего права, сталкивающегося с некоторыми нормами устаревшего законодательства, колеблют в народе веру в право и порядок. Тысячи исков, споров и интересов были бы спасены, если бы население знало, когда и как оградить их, куда обратиться за советом. Безысходное невежество и безграмотность закрывают пути к суду и другим органам защиты права.

Таким образом, консультация при настоящих условиях ее существования если и не делается слугой состоятельных классов (число обращений из среды последних достигает лишь 1/5 общего числа обращений), то все же является бессильной сохранить ту живую и органическую связь с юридически невежественным населением, которая представляется основным доводом рациональности ее существования. Коррективом к такому положению вещей является учреждение уездных консультаций и намеченное

в ближайшем будущем создание известного количества кабинетов в разных концах города, применительно к районам мировых судей, объединенных постоянным совещанием для однообразного направления и взаимной поддержки.

Задача, поставленная себе консультацией, юридическая помощь всему беднейшему населению Московской губернии, – может показаться широкой и малоосуществимой, однако – история учреждения свидетельствует о некоторых успехах в этом направлении. Особенно красноречивыми являются цифры, свидетельствующие о том, что за десятилетний период количество обращений увеличилось в десять раз – с 307 до 3220.

Признавая необходимым заслужить доверие населения к консультации, отчет в дальнейшем своем изложении одним из первых условий благотворности своего дела ставит убежденность членов организации в важности и серьезности принятых на себя обязанностей. Выражая желание, чтобы каждый консультант руководился в своем ответе осторожностью, знанием и добрым чувством, доклад попутно дает ряд весьма красноречивых иллюстраций тех дел, которые за истекший период времени представляли собой главный материал консультационной деятельности. Особенное внимание уделяется отчетом делам, вытекающим из существования паспортной системы и юридической зависимости (часто весьма грубо осуществляемой) жены от полноправного мужа и мелкого рабочего от его подрядчика.

Цифрами деятельность консультации изображается в таком виде: число бесплатных обращений 1846 (55,6 %). Всего обращающимися в консультацию уплачено 1586 рублей 27 копеек. Крупный расход несет организация по осуществлению задач отдела уголовной защиты, деятельность которого в текущем году, оставляя в стороне голые цифры, оказалась весьма плодотворной. На всякой из уездных сессии московского окружного суда присутствовал кто-либо из членов отдела, благодаря чему упраздняясь необходимость в содействии господ, подобных X, обилием котильонных значков на груди устанавливавшему за собой репутацию дельного и опытного юриста.

Последняя часть отчета посвящается делам семейным: вычисляется количество общих собраний, состоявшихся и не состоявшихся, рекомендуются молодым членам организации некоторые насущные правила объединенной деятельности, перечисляются умершие члены обширной судейско-адвокатской корпорации, отмечается стоимость венков на их могилах.

В общем, как самый отчет, так и горячие отношения к затронутым в нем вопросам свидетельствуют о жизнеспособности

настоящего учреждения. Отчет, как мы уже сообщали, вызвал общие одобрения, и только присяжный поверенный М.Я. Розанов полагал подвергнуть его сокращению: оставить одни цифры, общее же положение во избежание расходов на печатание уничтожить. Однако возражениями П.Н. Малянтовича и др. импровизированный математик, он же и экономист, был коренным образом опровергнут и по части сокращения сокращен.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (1 февраля 1900 г.)

Тяжело живется в нашей серенькой жизни тому, кто хотел бы стать выше отупляющей среды, лишь о дне своем заботящейся и вывьсь не взлетающей.

Не взлетающей туда, где недремотным светом сверкает над жизнью идеал, и потухает, и в вечно живом мерцании своем привлекает взоры всех низких земли.

Туда, где сияет загадочным светом истина жизни...

Тяжело живется тому.

* * *

Скованный рабским трудом ради труда, жизнь отдавший ради жизни, горб и мозоли наживший лишь ради этого всевластного, могучего: есть – жить.

Хотел бы он хоть немного приблизиться к идеалу счастья человеческого.

Жить для людей, жить во имя людей, жить во имя великого единства с человеком и Богом.

* * *

Отсюда консультация. Малое дело, но многих питает оно. Тех, кто запутавшийся в сетях неправды, правды ищет и вызывает о ней...

И тех, кто, ум имея, совесть и слово, отдать его хочет другим.

* * *

Л.С. Биск...

Не было лжи и добродетельного лицемерия на устах тех, кто отдавал достойное этому человеку, сумевшему стать выше серенькой жизни и хоть окольным, хоть далеким путем пытавшемуся пробиться и стать на ту светлую сторону, которую косыми лучами озаряет жаркое солнце далекого будущего.

Не только то малое, но светлое, что называется консультацией, получило от него жизнь и силами души его питалось, повсюду, где был нужен человек, там появлялся Л.С. Биск.

Нам сообщают следующий факт, в действительности которого мы не имеем оснований сомневаться.

19 января в два часа ночи к доктору А., проживающему на Бронной, звонятся две крайне взволнованные дамы и просят доктора как можно скорее к опасной больной. По одним уже этим данным: “ночь”, “опасно больная”, “как можно скорее” видно, что господином положения являются не дамы, а доктор. И переговоры, которые приходится вести дамам у полуоткрытых дверей докторской квартиры, носят соответствующий характер.

– Меньше, чем за пять рублей, доктор по ночам не ездит, – говорит открывший дверь мальчик, видимо имеющий весьма определенные инструкции на случай побед над врагами.

Но враги сопротивления не обнаруживают.

– Пусть возьмет хоть двадцать пять, но только, бога ради, поскорее.

Выражение “ради бога” свидетельствует о критическом положении врагов и о том, что победитель сделал ошибку, назначив столь ничтожную контрибуцию. И он появляется, хмурый и сердитый, ибо в ночное время всякий, даже самый маленький врач имеет право вести себя так, как самый большой и самый грубый профессор. Дамы взволнованно объясняют ему, что отравилась морфием одна девушка и что произошло это в соседнем от докторского доме – два шага только пройти.

– Поскорее, доктор, поскорее! – просят они. Но доктор внезапно проявляет волнение.

– А, отравилась, – говорит он. – Знаю я это: придется по судам таскаться. Не поеду.

(Тот возчик, который, боясь суда и ответа, таскал под санями полумертвого метельщика, пока тот не стал мертвым совсем, не взял ли примером для себя этого достойного интеллигента?)

Дамы начинают умолять обеспокоенного труса, уверяя, что по судам таскаться не придется, так как девушка отравилась сама. Дорога каждая минута. Поскорее, бога ради, поскорее!

Но доктор не дурак. Из-за пяти рублей да столько, глядишь, хлопот, неприятностей!

И доктор не пошел. Так-таки взял и не пошел. Захлопнулись двери за пораженными врагами, и мирный сон воцарился в докторской квартире.

А по соседству с этим мирным приютом умирала девушка. Сознание покинуло ее, но глубокие всхлипывания давали еще слабую надежду на жизнь.

Много еще мытарств пришлось претерпеть двум дамам, и много еще прошло времени, прежде чем им в полицейском участке удалось раздобыться фельдшером.

Но было поздно. К утру отравившаяся девушка (слушательница фельдшерских курсов) умерла.

Факт возмутителен – и не нов. Кому из нас не приходилось хоть раз в жизни столкнуться с таким господином? Сколько слез отцов, матерей проливалось у докторских порогов! Конечно, не всегда случай заканчивается так трагически, как настоящий, но разве малого стоят одни эти муки тоскливого ожидания в докторской передней, разговоры о рубле перед постелью умирающего, бесплодные, полные мучительной тревоги скитания от одного звонка до другого.

И снова выплывает на поверхность вопрос: где же найти защиту от этого бессердечного произвола? Суд, скованный формальными требованиями закона, не могущего передать все тонкие оттенки нравственных требований, во многих случаях совершенно бессилён разобраться в сложных отношениях, связывающих профессионалиста и прибегающего к его помощи обывателя. Хорошо, когда налицо остаются вещественные доказательства в виде забытых в ране после операций щипцов или кусочка ваты. А если их нет? Да много ли, наконец, найдется людей, в такой степени обладающих правовым самосознанием, чтобы они во имя торжества этических начал хотя решились пожертвовать и временем своим и силами и отправились в суд, который еще делает ли что-нибудь, – бог весть.

– Черт с ним! Не стоит возиться, – вот та обычная кара, которая постигает господ А. и, конечно, ничуть не портит ни аппетита их, ни сна.

Совсем иные получились бы результаты, если бы представители медицины представляли собой организацию со своим товарищеским судом, легко доступным всякому и строго блюющим начала профессиональной этики.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈4 февраля 1900 г.〉

Давно уже в русском языке приобрела право гражданства формула “ниже критики”. Ею охватывается целый ряд явлений, по отношению к которым немислимо серьезное слово.

Существует полноправно и другая формула, не менее русского характера и происхождения, – “вне критики”. Ею покрывается ряд явлений несколько иного свойства. Заслуживая вполне серьезного слова, эти явления почему-либо не выносят прикосновения его и стоят поверх жизни, как блиндированные факты.

Не знаю, какою из этих формул руководился проф. Латкин, «уклонившийся (как повторяет за “Новым временем” и “Московскими ведомостями” г. профессор в своем возражении на нашу заметку) от участия в диспуте г. Дьяконова».

Проф. Латкин в своем коротеньком заявлении заметил, что труд г. Дьяконова он своевременно признал неудовлетворительным.

Остается совершенно открытым вопрос, не значит ли это, что почтенный ученый выделил означенный труд в число явлений, стоящих “ниже критики”?

А если это так, обязан ли он был стрелять из тяжелой научной пушки по легковесным воробьям? Должен ли он был, спустясь с научных высот, порхать по плоскости?

Помимо “добрых университетских традиций”, нарушителем которых явился будто бы проф. Латкин, существуют и другие, не менее серьезные нравственные требования.

Одним из таковых служит уважение к себе как к представителю науки, не имеющему нравственного права поступаться своей самостоятельностью даже при наличии высокоавторитетных голосов.

* * *

Какой бесплодной грустью веет от всех газетных рассуждений по поводу подписки на памятник Никитина! С какой бы стороны авторы многочисленных статей ни подходили к вопросу, почти все они заканчивают их гневным или печальным:

“Не будет памятника! Не будет!”

Да откуда он на самом деле и возьмется?

Легко в жизни появляется то, что идет в лад с разноголосым хором ее голосов.

Появляются больницы – они нам нужны; строятся образцовые тюрьмы – в них давно назрела нужда; возводятся грохочущие фабрики; изобретаются оглобли, которые сами толкали бы лошадь и упраздняли необходимость в кормежке ее...

Все это нужно, все это удовлетворяет живым потребностям.

А памятник!

Окиньте взглядом провинцию. Серенькая жизнь, окутанная сумерками, в которых мелькают серые фигуры, слышится голодный вой бесприютных псов да изредка грохочет торжествующе и жалобно:

– Корреспондента бьют!

И вдруг на этом сером фоне вырисовываются величественные контуры памятников. Вот стоит Тургенев, вот Никитин. А сбоку во тьме копошатся раздавленные ложью жизни Фомы Гордеевы, загнанные в футляр страхом жизни человечки...

“Яркая заплатка на жалком рубище слепца!”

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(9 февраля 1900 г.)

“Гг. Давыдов и Варламов. Они раздеваются и ложатся спать. На них нападают огромные клопы. Они их давят, клопы пищат, они нюхают их запах”.

“Новое время”, № 8602

Вы прочитываете эти строки и удивляетесь: да что такое пишут эти газеты? Ведь они, по-видимому, проникают в самые недра обывательских домов, заглядывают в спальню и описывают, как какие-то господа Давыдов и Варламов производят столь скромно-обывательское дело, над которым во имя одной брезгливости следует опустить завесу. До чего же дойдут в конце концов эти газеты?

На этот раз газеты, однако, ни при чем. Гг. Давыдов и Варламов не “какие-то”, а “наши известные и уважаемые артисты”. И дело происходит не в спальне, а на сцене Мариинского театра, и не в потребном уединении, а перед глазами тысячной толпы.

Просто люди веселятся сами и веселят других. И называется это веселье “Широкая масленица”, удовольствие же посмотреть, как уничтожают артисты паразитов, стоит десять рублей с персоны.

По-видимому, эти артисты горячие последователи того тенера, который, изображая Ленского, горячо и с чувством пропел:

“Я требую дезинфекции!”

Ему следовало потребовать “сатисфакции”, но он, по-видимому, знал больше, чем либреттист, что требуется для Мариинской сцены.

Г. Фигнер и г-жа Фигнер веселились несколько иначе. Оба явились парочкой прелестных бебе, и нужно заметить, что к г. Фигнеру этот костюмчик шел чрезвычайно. С тех пор как его за различные шалости стали ставить в угол, ему, несомненно, требуется подходящая одежда.

Жаль только, что при детишках не было на этот раз строгой гувернантки. Наверно она не позволила бы г-же Фигнер кривляться и петь, подражая взрослым цыганам:

– Я обо-жа-аю!..

Пример для детей дурной и следовать ему нехорошо. А г. Фигнер, лишь только он затянул бы:

– Уми-ра-а-ю у колен твоих!..

Гувернантка отвела бы его неожиданно в угол и сказала:

– Стой здесь, дурной мальчик! То петухом поешь, то еще какие-то глупости выдумываешь!

Г. Яковлев другое дело. Он взрослый. Он “Демона” когда-то пел. И если теперь он поет “Пару гнедых”, то мало ли бывает у взрослого причин, когда он бог знает что поет?

Кому было беспорно весело, так это г-же Савиной. Ведь если не во всей Европе, так в России она счастливейший человек, – сама сказала. И ей, видимо, так хорошо чувствовалось в костюме прачки. Жаль, голосу ей Бог не дал. А то недурно бы вышло:

– Наша честь... кувырком, кувырком полетит.

* * *

А что же гг. рецензенты? Что же публика?

Публика терпела и молчала. Иногда рты кривились в усмешку – ничего ведь не поделаешь с лицевыми мускулами.

Но гг. рецензенты, те ликовали всей душой и полные восторга строчили в Москву!

– Эх вы, лапотники! Веселиться не умеете! Вот ваши московские артисты застыдились в оперетке коленце выкинуть, а наши-то! Бебе изображали! По-цыгански хрипели! Спать на сцене ложились! Клопов давили!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨10 февраля 1900 г.⟩

Известный богач и благотворитель В.А. Бахрушин пожертвовал крупную сумму на устройство дома с бесплатными комнатами, причем 50 комнат по воле жертвователя должны быть предоставлены для девиц, обучающихся в высших и специальных учебных заведениях и на курсах г. Москвы.

Нельзя не приветствовать этого благого и крупного почина в деле помощи учащимся женщинам. Несмотря на то что необходимость образования для женщин стала общим местом и в настоящее время не найдется, пожалуй, ни одного гласного противника ее, жизнь шла своим проторенным путем и ни на шаг не приближала женщину к науке и даруемой последней свободе умственной и экономической.

Причина, по-видимому, кроется в том, что искреннее и твердое убеждение в пользе женского образования составляет удел немногих. Интеллигентное большинство только поддакивало да сокрушенно мотало головой, когда в печати слышался горячий призыв о помощи учащимся женщинам и передавались поистине трагические перипетии, сопутствующие женщине в борьбе ее за право учиться и мыслить, как мыслят образованные люди ее времени. Равнодушно встречался этот призыв и в той среде состоятельных классов, откуда главным образом льются пожертвования на различные общепользные цели.

Что среда эта не остается чуждой сознания своего общественного значения и вытекающих отсюда обязанностей, видно именно по этим крупным пожертвованиям, которые украшают собой последние страницы русской жизни. Возводятся на жертвованные деньги больницы, богадельни, приюты для идиотов и алкоголиков.

Но, помимо больных всеми видами болезней, не чужд остается сердцу жертвователей и болеющий специфически русской болезнью: жаждой света. На средства тех же отзывчивых людей создаются целые гимназии — мужские — существует комитет вспомоществования недостаточным студентам, сохраняют свой

потрепанный мундир сотни юношей, уже обреченных на увольнение и приготовившихся к дальнейшему пути в провинцию, откуда привела их в столицу все та же неутолимая жажда света.

Относительно говоря, московскому студенту пожаловаться не на что – в смысле, конечно, *minimum*'а удовлетворения его материальных потребностей. Как-никак, а жить – можно и учиться можно.

Другое дело учащаяся бедная девушка. Нет у нее ни бесплатной столовой, ни кровя и не на что ей рассчитывать. В результате, идут на курсы в большинстве случаев только обеспеченные материально, а масса женщин, в которой, быть может, наиболее ярко горит стремление к знанию и осмысленной жизни, закисает в глухой провинции, проституируется физически и умственно в больших городах, а в счастливых случаях – живет умом своего мужа и раздражает последнего своею тупостью, непониманием его идеальных стремлений и мелочностью.

Немногие, сильные волей, решаются на борьбу, – но какая воля устоит перед голодом, перед угаром, от которого недавно скончались две такие героини!

Чудится мне утонувший в снегу городок, мирно переживающий зимнюю спячку и слабо попыхивающий дымком своих труб. И вижу я девушку, читающую весть из далекой столицы о “пятидесяти бесплатных комнатах”, ожидающих таких, как она, – молодую, хорошую, рвущуюся к жизни, но сдавленную тисками нужды, начинающую окоченевать в крепких объятиях повседневных мелочей и невежества.

Как забьется ее еще не остывшее сердце, какая радуга надежд и светлых мечтаний пронесется перед ее глазами, привыкшими к созерцанию подпертого кольями забора, трехногой жучки, клубских кавалеров с нафабранными усиками и папаши, такого веселого после обеда и такого мрачного перед каждым двадцатым числом.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(12 февраля 1900 г.)

– Англичан поколотили! – проносится в прессе ликующий возглас, и тысячью радостных эхо откликается читатель:

– Англичан поколотили!..

Газеты рвутся из рук, с жадностью перечитываются подробности кровавого столкновения, с любовью отмечается удаль и благородство борцов за свободу буров и насмешкой клеймится трусость англичан, этих наемников, купленных золотом.

Когда я вижу это общее ликование, в котором братаются люди самых различных направлений, положений и возрастов, странные приходят мне мысли.

Еще не успели люди эти сносить сапог, в которых они ходили на гаагскую конференцию, еще не испортилось то перо, которым они писали о благах мира и посылали проклятия войне, – и вот теперь они, те же самые апологеты мира, ликуют по поводу того, что одни люди уничтожили сотни других людей.

Быть может, они лгали тогда, в те дни, когда слово “мир” не сходило с их языка? Быть может, они выполняли один из тех обрядов современности, которые считаются обязательными для порядочного человека, но которым никто не придает серьезного значения?

Да, некоторые из них и лгали и выполняли обряд; но были многие, очень многие, у которых искренняя радость читалась на лице, когда они мечтали о бесконечном мире. И столь же искренняя радость читается теперь при страшной вести о гибели сотен людей.

Ключом к загадке является – по словам этих людей – простое сопоставление: те, кто убивает, – борцы за свободу; убитые же – разбойники, хотевшие отнять эту дорогую свободу.

Но мне кажется, что это сопоставление – не ключ, а отмычка, которая подойдет ко всякому замку.

Кто знает такую войну, в которой оба врага были одинаково благородны и честны и одинаково будили бы в нас сочувствие? Да разве тогда существовала бы самая война!

И что другое, как не свободу, отстаивала всегда одна сторона?

Разве не свободу отстаивала Франция, когда пруссаки стояли у ворот Парижа?

* * *

Большой, грубый и самодовольный напал на маленького и скромного мальчугана. К удивлению, в несколько ловких движений мальчуган опрокинул большого и душит его.

Это приятно. Это значит, что порок наказан и добродетель торжествует.

Человека ведут в тюрьму. Это торжество добродетели. Человека вешают, рубят ему голову, расстреливают. Все это – торжество добродетели.

Но если вы отправитесь на казнь, будете любоваться судорогами повешенного или с восторгом восклицать: смотрите, как хлынула кровь! или, наконец, будете в комическом виде описывать выражение мертвой головы – будет ли это торжеством добродетели?

Чего же вы теперь ликуете, честные люди? Хотя добродетель и не порок, но и в ней нужно знать меру!

Английские солдаты – наемники. Это правда. Но вспомните одну дивную страничку у Достоевского. Умер каторжник, одинокий, заброшенный, безобразный и в самой смерти, и братья его товарищи, такие же безобразные и страшные, с диким любопытством смотрят на его закаменевшее лицо. Но один из смотрящих вздрагивает и говорит как-то не сам собой, а точно что вытолкнуло из него:

– Тоже ведь мать была! – и отходит прочь.

Вспомните страничку и у Гаршина. Он также читал эти страшные вести с войны, но не цифры видел, а трупы. Один, другой, третий... много, тысячи целые трупы.

Конечно, уже он не ликовал при вести, что еще сотни живых людей, у которых были свои матери, которым было больно, когда их били, и приятно, когда ласкали, обратились в трупы.

И когда кто-нибудь из вас будет с радостью восклицать:

– Англичан поколотили!

Пусть не забывает он, что это значит трупы: один, другой, третий... много, сотни целые трупы.

Да, страшные мысли приходят в голову. Долго еще нам ожидать вечного мира, когда самые ярые защитники его способны хоть на минуту, хоть во имя добродетели забыть о грозном значении войны.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(15 февраля 1900 г.)

Всякому пишущему приходится примерно два раза в неделю высказывать благие пожелания, которые никогда почти не осуществляются. Признаться, когда я написал по поводу того забвения, которое незаслуженно выпало на долю Г.И. Успенского, мне и в голову не приходило, что заметка моя в очень скором времени вызовет ответ, и такой прекрасный ответ, каким я продолжаю считать статью г. Соколова в “Северном курьере”. Написанная с искренним сочувствием, с любовью к страдальцу, она в живых красках дала его светлый образ, которого не могло потемнить само безумие. Помутился ум, но душа сохранила свою кристальную чистоту. Страшный недуг, “намечающий” свои жертвы среди лучших умов человечества, не мог уничтожить в Успенском человека.

Вот впечатление, которое вынес из статьи не один только я. Перепечатанная почти во всех газетах, она вызвала сочувственные замечания.

Все некоторое время шло хорошо, и статья перепечатывалась, и ее читали, как вдруг в “Северном курьере” появляется крайне странная редакционная заметка. Оказывается, что радостью услышать хоть что-нибудь о родном писателе и человеке мы обязаны “прискорбной случайности”. Оказывается, что редакция “Северного курьера” готовила статью для прочтения в интимном кружке. И пояснение, которое делает своим словам редакция, не только ничего не поясняет, но окончательно затемняет самый смысл “прискорбной случайности”. “Редакция, – говорится в заметке, – скорбит о том, что напечатанный фельетон мог доставить тяжелые минуты всем, кому дорога личность нашего писателя, кому тяжело думать о постигшем его, быть может, временно недуге”.

Если последняя фраза не являлась прекрасным образчиком эзоповского языка, то что это за изумительная жалость к людям, которые могут переживать тяжелые минуты, разделяя страдания “незабвенного писателя”! Вполне естественна поэтому мысль, пришедшая мне в голову, что не фельетон, а именно

заметка представляет собой плод “прискорбной случайности” и, несомненно, имела в виду интимный кружок, а не массу читателей, которым подобная ж а л о с т ь может показаться, пожалуй, и оскорбительной.

Но нет. Выходит следующий номер “Северного курьера” – и из него со всевозможной очевидностью явствует, что редакционная заметка не продукт эзоповского языка, не следствие запальчивости и раздражения, а написана вполне сознательно и с заранее обдуманном намерением. Странность, которая совершенно не имела бы объяснений и могла бы быть отнесена в копилку курьезов, если бы тут же не были напечатаны два “письма в редакцию”. Первое принадлежит перу уважаемого Н.К. Михайловского, а второе – старшему сыну Г.И. Успенского, А. Успенскому.

По-видимому, Н.К. Михайловский не согласен со статьей г. И. Соколова, хотя выражает он это в такой мягкой и неопределенной форме, что трудно установить причины разногласия. Высказав несомненную истину, что отсутствие или редкость посещений, находясь в зависимости от состояния больного, не могут служить показателем забвения его обществом, г. Михайловский исправляет неточность, вкравшуюся в фельетон г. И. Соколова: Г.И. Успенский содержится не на счет литературного фонда, а на земский, а фонд выдает не 25 рублей, а 15 рублей только на мелкие расходы больного.

Не таково письмо А. Успенского. В нем есть все, кроме необходимой сдержанности. В нем есть ирония по поводу такого “литературного произведения”, как фельетон г. Соколова, в нем тот же г. Соколов упрекается в “неделикатности”. Звучит в нем, наконец, и некоторое презрение к газетным заметкам, репортерам и т. п. мелочи – презрение, по-видимому, благоприобретенное, а никак не унаследованное. Между прочим, там есть две фразы, которые я привожу целиком: «Я хочу сказать, – пишет А. Успенский, – несколько слов по поводу эпиграфа из московского “Курьера”, предшествующего статье. Что значит помнить Глеба Ивановича? Это не значит делать из его болезни тему для газетных заметок, перепечатывать и копать в его бреде... Помнить Г.И. – это значит чтить его память, читать и любить его произведения, говорить и писать о них». Далее: “с ем ь я Г ле ба И ва но в и ча, именно так смотря на это дело, еще в начале болезни Г. И. просила не печатать о нем каких-либо репортерских известий”.

Я совершенно не буду касаться косвенно брошенного мне упрека в том, будто я предлагаю желающим “копать в бреде” Г.И. Успенского, – несостоятельность этого упрека, вероятно,

понятна и самому автору. Есть в этих фразах нечто более серьезное и наводящее на размышление.

Именно, какую силу должны иметь эти просьбы: “не печатать каких-либо репортерских заметок”? И кто, собственно, считается семьей крупного писателя? И наконец, помнить – значит ли только читать и перечитывать произведения?

Никому, вероятно, не нова истина, что всякий крупный писатель или общественный деятель силой своего таланта и положения ломает рамку узкосемейных отношений, в которых никому не ведомая и глухая протекает жизнь срединного человека. Узы крови сменяются более крепкими и прочными узами духовного родства и иногда создают такие с виду странные отношения, когда сын находится гораздо дальше от своего отца, чем так называемый посторонний, который, быть может, и в глаза не видал этого отца. Отсюда совершенно просто и логично вытекает, что, когда семья “п о з а к о н у” просит ничего не сообщать о здоровье одного из членов ее, общеизвестного и любимого писателя, и когда находятся жалостливые органы печати, выполняющие эти просьбы, – не правы те и другие.

Первые монополизируют то, что принадлежит всем. Для одних себя – небольшой, во всяком случае, кучки людей – они избирают право болеть болью и страдать страданиями человека, которого любят все. Вторые санкционируют захват.

Если А. Успенский так презирает интервьюеров, репортеров и т. д., то кто мешает ему или кому-либо из семьи давать время от времени хотя бы краткие сведения о положении Глеба Ивановича?

А то молчат, молчат целые годы – близкие к Г.И. Успенскому люди потому, что не считают нас достойными знать, печать – отчасти по неволе, отчасти, быть может, и по равнодушию, а когда появляется наконец посвященная Г.И. статья, редакция извиняется, родственники негодуют и бранятся...

Вот уж поистине “прискорбная случайность”!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨16 февраля 1900 г.⟩

Если бы сейчас, утром, перестала на одну минуту грохотать фабрика, остановились поезда-молнии, с бряцанием и визгом прорезающие пространство, стих немолчный разноголосый шум города и смолк всякий живой и мертвый голос; если бы сейчас силой волшебства на одну минуту воцарилось в мире безмолвие – ваш слух был бы поражен тихим и загадочным звуком, над которым бессильно оказалось волшебство, звуком, похожим на шелест переворачиваемых листов, звуком легким и тихим, но уходящим в пространство, настойчивым, твердым, безгранично расплывающимся звуком.

Это – читаются всем миром газеты, и переворачиваются, и шелестят своими большими, маленькими, плотными и тонкими листами, испещренными черными строчками, крупными, мелкими, до бесконечности разнообразными.

Какое разнообразие шрифтов, какая гибель бумаги – и какое дивное явление то человечество, объединившееся одним делом, силой печатного станка слившееся в одну думающую голову и одно чувствующее сердце!

И это чудо совершили буры, смелые бойцы за свободу.

* * *

Англо-бурская война картинна и величава. “Поистине, в бурах возродились герои Лейдена и Гаарлема!” – восклицает одна газета. Простые, суровые, вольнолюбивые, они напоминают героев древнего эпоса, красивых в своей строгой прямолинейности, чуждой сомнения и страха.

Далеким прообразом настоящей войны является борьба Давида с Голиафом. Малый ростом и слабый телом Давид побеждает груды мускулов, называемую Голиафом. Горячая вера в право и в Бога побеждает слепую, жестокую силу.

На этой именно почве, почве красоты, пустил первые и самые глубокие корни жгучий интерес к войне, объединяющий человечество.

Внешняя красота, грубая, бьющая в глаза своими яркими красками и резкими контрастами, покорила ту темную массу, для которой она, и только она, является доступной и понятной.

* * *

Во все времена, у всех народов, при всяких условиях жизни, борьбы слабого с сильным, общее сочувствие отдавалось первому. И тем более его победа, которая просто красивое делает красивейшим, всю тень набрасывая на сильного и весь свет концентрируя на слабом.

Посмотрите на лица толпы, окружившей драку мальчика со взрослым, – на всех вы прочтете сочувствие к мальчику и желание победы именно ему. Они не знают, из-за чего дерутся два эти человека, – быть может, виноват и мальчик; среди них, смотрящих, быть может, есть два-три негодяя, которые способны зарезать за грош, которые, быть может, ожидают только конца драки, чтобы за углом ограбить того же мальчика, – но в данную минуту они искренно, сердечно желают ему одоления и с восторгом приветствуют каждый его счастливый удар.

Эстетика – и только эстетика!

Мы с гордостью говорим о русском обществе, сочувствующем “борцам за свободу”, и ставим ему это сочувствие в заслугу. Но взгляните глубже, отбросьте слово – и вы увидите, что громадное большинство не может точно определить, из-за чего так яростно дерутся буры.

Но не так важно точное знание, и если большинство знает только одно, что буры дерутся за свободу, – достаточно, кажется, и этого. Но большинство едва ли знает об этом. То, что оно отчетливо выговаривает слово “свобода”, ничего не доказывает.

Среди сочувствующих бурам мало ли вы найдете таких, для которых всякая свобода – лютейший враг, которые каждый Божий день в своем уголке разыгрывают Англию и в три погибели гнут какой-нибудь несчастный Трансвааль – гнут и жаловаться не велят? Не те же ли эти самые доблестные русские мужи, которые в крымскую и иные кампании обливались слезами, провожая ратников, и подносили им по чарке, а в то же время наделяли его картонными подметками и песком вместо муки?

Теперь же они сокрушаются над бурами – “борцами за свободу”.

Да, великая вещь эстетика. Какие удивительные плоды возвращает она в родимом лесу!

Красота англо-бурской войны – вот та сторона, на которой зреют ее ядовитые плоды. Не буду говорить о наших доморощенных эстетках – ни лучше, ни хуже не станет от их умилений, а для них самих оно даже полезно, как совершенно новый род благородных ощущений, – меня больше интересует та сравнительно небольшая группа людей, которая сознательно относится к совершающемуся историческому событию.

Нет и речи о том, что для них, понимающих значение слова “свобода”, важна в настоящей войне не внешность, а принцип, не то, что маленький бьет большого, а то, что один борется во имя человечности и прогресса, а другой во имя своего кармана.

Но нет ли элемента все той же красоты и в этом, одухотворенном представлении войны?

Да, есть. И то, что здесь есть красота возвышенная, поработящая, составляет неосчитимый, но действительный вред настоящей войны. В сиянии этой красоты война, это жестокое, грубое, кровавое дело, сопровождающееся рядом возмутительных преступлений, становится чем-то привлекательным и чистым.

Можно ли винить этих ослепленных людей, что за сиянием нравственной красоты они не видят сущности войны: истоптанных полей, убиваемых детей, изнасилованных женщин, всего этого ужаса, всех этих стонов, слез и криков, поднимающихся к небу?

Долгим, мучительным путем приходило человечество к сознанию бесцельности и вреда войны. Постепенно разоблачаемый мыслителями, художниками, поэтами Марс одно за другим терял красивые перья своего шлема, которыми увенчали его когда-то такие же мыслители и поэты. Обнаженная от украшавших ее одежд война постепенно принимала в глазах людей свои истинные очертания и становилась тем, что она есть: грязным, грубым и жестоким делом.

Казалось, уже мерцала вдали заря великого мира – и вдруг эта несчастная война, и, что страшнее всего, красивая война.

Да, она на миг объединила все человечество. Одних – своей внешней, грубой, понятной массам красотой; других – внутренней, сокровенной и возвышенной. И уже начинает казаться, что не всякая война зло, и забывается то, что приобретено и узнано таким долгим мучительным путем.

И чем значительнее масса, объединенная ею, тем крупнее и вред. Ибо всякая война объединяет только для того, чтобы потом разъединить. И пусть лучше люди режут друг другу горло из-за гроша, оба презренные и грязные – но да избавит нас судьба

от войны, в которой глаза невольно читают благородные страницы и сердце невольно трепещет от радости и надежды!

И как ни странно прозвучит это – пусть лучше погибнут буры, смелые бойцы за свободу. Тогда опомнится увлеченное красотой человечество и вспомнит истину, которую оно готово забыть. Оно вспомнит, что сила – всегда сила, что прошли времена Давидов и Голиафов и что победные лавры слишком редко увенчивают достойнейшего и никогда не стоят пролитой крови.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(18 февраля 1900 г.)

Замедляется темп рабочей жизни, и Москва начинает переходить к отдыху и веселью.

Готово к принятию своих гостей и Девичье поле. Выстроились рядами балаганы и другие маленькие храмики народно-детского искусства, где попискивает неунывающий Петрушка.

Дальше на наружной галерее большого балагана дает образчики скрытых в нем наслаждений традиционный клоун. У него длинные воротнички, намазанное мелом лицо и красный от холода нос. Старые, но вечно новые остроты по поводу рыжих, кривых и тетки Пелагеи. Немного соли, но публика довольна, повторяет остроты и смеется; быть может, ей приятно именно то, что и прошлый год она слышала то же и то же услышит в будущем. Смешно и то, что в толпе действительно находится именно рыжий, по-видимому, прасол или мелкий торговец. Он отходит от балагана, и зрители провожают его добродушно-насмешливыми взглядами, и один, немного хмельный, даже подмигивает. Но рыжий серьезен и мрачен – сколько уж он слышал острот и шуток над своей несчастной шевелюрой!

Но вот с другого конца поля, где грохочут на “французской горе” небольшие платформочки, доносится громкий, настойчиво зовущий звон колокола. Толпа бросает клоуна и устремляется на звон. Иду и я. Налево тесно стоят палатки с подсолнухами, орехами и сладями. В сторонке сбитенщик наливает желтоватой горячей водицей стакан. Он так липок и грязен, что палец прилипает к нему, как притянутый магнитом, но пьющие, видимо, не брезгливы.

Направо под веселые звуки гармонии, скрипки и бубна кружится карусель. Подхожу ближе и невольно останавливаюсь, очарованный милой картинкой. Я уже раньше заметил целый выводок приютских ребятишек самого юного возраста – от шести до 10–11 лет. Мальчики в темно-серых поддевках, наушниках и больших картузах, из-под которых едва виднеются бледные, несмотря на мороз, личики, девочки закутаны платками. Точно цып-

лята, они двигаются за какой-то дамой и дядькой, но как цыплята дисциплинированные, скромные, идущие парочками и за ручку. Одного совсем маленького человечка дядька несет на руках.

Теперь все эти человечки кружатся на карусели, мальчики на деревянных конях, а девочки в люльках. Какие потешные лица, какие позы! Девочки улыбаются и смотрят по сторонам, но мальчики серьезные, полны важности и страха. Бешеные кони уносят их в бесконечную даль, и смелые всадники с достоинством выполняют свою трудную задачу. Одни цепко держатся за холодный металлический прут голыми, красными ручонками, но, по-видимому, не чувствуют холода; другие обняли его, и только два-три героя кружатся не держась. Кружится один горбатенький. Личико его, потерявшее детские очертания, печально, и не видно на нем ни радости, ни страха, ни важности. Самый маленький не отстал от товарищей и кружится на коленях у дядьки.

Когда карусель останавливается и детей снимают, они не сразу расстаются с ней. Один задумчиво смотрит на коня и, подняв ручонку, робко гладит его шею. Другой, более экспансивный, выражает свой восторг и благодарность коню дикими движениями, криками. Он дергает его за хвост, бьет по голове, кричит ему что-то на ухо и смеется, ни на кого не обращая внимания. Его уводят последним.

Колокол продолжает звонить, сзывая народ в большой деревянный театр, где представляется война буров с англичанами. На наружной площадке стоит какая-то черная кривая машина, похожая не то на туловище трубочиста, не то на копченую колбасу на колесах. Надпись гласит: “Длинный Том”. Тут же изредка показываются, возбуждая любопытство, полузамерзшие буры – плохо выбритые субъекты в каких-то средневековых костюмах и с деревянными ружьями и пистолетами, и англичане с таким же оружием и бритвенными тазами на головах. Нужно отдать справедливость режиссеру – для англичан он выбрал самые отвратительные физиономии. Чемберлен не показывался – вероятно, не нашлось достаточно мерзкого лица.

Внутри театра темень и холодище. В щели пробивается синеватый дневной свет и борется с десятком свечей. Публики много, особенно на галерке; ребят наполовину. Тут же, в первых рядах, я увидел своих знакомцев – приютских. У раздетых артистов изо рта клубится пар; английский генерал в красных штанах, прямой как палка, потирает покрасневшие руки. Драма в высшей степени нелепа и настолько же благородна. Дочь генерала любит молодого бура, но тот не хочет изменить своим и любит бурку, и отсюда война. Англичанка закалывает невесту – и той, бедной, прихо-

дится десять минут лежать в своем белом платье на холодном полу, бура сажают в тюрьму, отсюда война. Проклятия, благословения, стрельба, копченая колбаса с надписью “Длинный Том”, выстрелы, крушение блиндированного поезда, – между прочим, английский солдат был в полтора раза выше поезда и в десять раз больше железнодорожного моста, – бургский гимн и т. д. В заключение полное поражение англичан, – генерал в красных штанах стоит на коленях, – и появление самого дяди Крюгера в цилиндре и с сигарой в руках.

Восторгались пьесой одни дети. Взрослые не обнаруживали ни малейшего воодушевления и к происходящему на сцене относились несколько иронически. Когда по случаю кровожадности английской девицы, очень некрасивой, возник на сцене вопрос, черт она или человек, с галерки послышался ответ:

– Да ты в рыло-то ей глянь! Конечно, черт!

А по пьесе действительно получается такой ответ, что она черт, и когда публика услышала подтверждение своего мнения, она выразила положительную радость. В заключение играли на каких-то дудках шестеро самых заправских мужичков, и играли очень недурно, вполне выдерживая характер русской как заунывной, так и плясовой песни. При исполнении последней вся галерка пристукивала и подплясывала, отчасти от веселья, отчасти и от холода.

Выйдя из театра, я спросил у дядьки относительно ребятишек, на какие деньги их водили в театр. Оказалось, что балаганщики впустили их даром. В это время в театр вошла новая кучка других приютских детей, тоже, вероятно, бесплатно. Доброе дело!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (22 февраля 1900 г.)

Удивительное недоразумение!

Представьте, что вы сказали такую вещь: “Иван совершил мерзкий поступок, Иван должен быть наказан”.

И вдруг вам отвечают на это: “Помилуйте, что вы говорите! Андрей – превосходный человек, зато Сидор – отчаянный негодяй, и это вам могут подтвердить сотни свидетелей”.

Таким именно образом ответил д-р Дьяков на мою заметку по поводу врача А., не пришедшего на помощь к отравившейся курсистке.

Отбросив в сторону ту часть письма, где г. Дьяков изображает врача А. в виде убитого жизнью человека, от которого ничего и требовать нельзя, остановимся на основных пунктах его возражения.

Они таковы: существуют добродетельные врачи, даже герои (Андрей), встречаются отвратительнейшие субъекты-пациенты, эксплуатирующие добродетельных врачей (Сидоры).

Все это так, все это бесспорно, но ведь не об Андрее, не о Сидоре говорим мы, а о враче А. Что же по поводу его говорит д-р Дьяков?

Да ничего, в сущности, не говорит. Ведь не его же, в самом деле, имеет в виду д-р Дьяков, когда распространяется о том, что врач может, но не обязан быть героем.

* * *

Панацеей от всех зол д-р Дьяков считает ночные дежурства врачей. Но мне кажется, что он не прав. Ни ночные дежурства, которых желает он, ни товарищеский суд, о котором упоминал я, не избавляют нас от случаев, подобных случаю с врачом А. Для этого нужно нечто другое. Нужно более сознательное отношение к своим обязанностям и более высокий взгляд на звание врача.

Д-р Дьяков смотрит на врача как на ремесленника. Ты сапоги тачаешь, он кассационные жалобы пишет, а я буду рецепты составлять и язык смотреть. И если о чем можно пожалеть, так

только о том, что за кассационные жалобы больше платят, чем за рецепты. И я вовсе не герой, а просто честный труженик, имеющий жену и детей и желающий работать при тех же условиях, при каких работает присяжный поверенный и сапожник.

Печальное заблуждение!

Именно к героизму обязывает доктора его профессия, и это должен был бы знать всякий, кто избирает ее. Ведь не один же насморк предстоит лечить ему, а ожидают его легионы заразных болезней, из которых каждая будет грозить ему смертью. И грудью он должен встречать эту смерть, от которой прячется в подвал малодушный обыватель. Что сказали бы вы, г. Дьяков, о враче, который не пошел бы к больному тифом из боязни заразиться и умереть? Неужели и о нем вы сказали бы, что он – не герой и не обязан быть героем? Ведь вы же первый обозвали бы его дурным и вполне заслуженным словом!

То, что является героизмом для обывателя, для врача – его долг. Недаром государство, уважая высокую задачу, которую берет на себя врач, освобождает его от воинской повинности. И недаром оно же предостерегает тех, кто не видит обратной стороны всякого права – обязанности: “Не оставившие практики врачи, акушеры, фельдшера и повивальные бабки, которые по приглашению не явятся без особых законных к тому причин к больным или родильницам, требующим их помощи, подвергаются за сие... денежному взысканию от десяти до ста рублей, но если при том они знали об опасности больного, родильницы или новорожденного младенца, то сверх сего приговариваются к аресту на время от 7 дней до 3 месяцев” (ст. 1522 уложения о наказаниях).

Что же касается наводящих тоску рассуждений о негеройстве, то прекрасный ответ на них дает Л. Толстой в словах, которым не раз предстоит цитироваться в наши скверные дни:

“Все дело в том, что люди думают, что есть положения, в которых можно обращаться с человеком без любви, а таких положений нет. Не чувствуешь любви к людям, сиди смиренно, занимайся собой, вещами, чем хочешь, но только не людьми”.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(25 февраля 1900 г.)

Если вы получаете из московского коммерческого суда повестку с просьбой пожаловать в такой-то день на рассмотрение вашего дела – не понимайте этого выражения буквально, а постарайтесь перевести его на московско-коммерческий язык. И в день заседания не вставайте чуть свет, не обжигайтесь чаем, не целуйте многозначительным поцелуем жену и детей, не торопите извозчика, а, когда будете проезжать мимо киоска, купите как можно больше газет. И в самом суде сидите смиренно и тихо, как в докторской приемной, не тормозите вашего адвоката, не смотрите на часы, внимательно, вплоть до “немки с музыкой”, перечитывайте газеты и думайте, что бурам приходится гораздо хуже, чем вам. И когда будет мелькать у вас мысль, что нынче рассматривается ваше дело, старайтесь думать, что все это – нарочно... и если можете, то улыбайтесь. Это составит приятный контраст с кислыми физиономиями адвокатов.

И когда все газеты будут прочитаны, а папиросы выкурены, прощайтесь с адвокатом и уходите. Впрочем, если до обеда осталось некоторое время и делать дома вам решительно нечего, то посидите еще. И тогда вы услышите, наконец, что заседание не состоялось за неявкой должного количества выборных от московского купечества. Другие, те, кто целовал жену и дал лишний гривенник за извозчика, будут негодовать и говорить о халатном отношении к делу – вы же уедете спокойный, гордый своим провидением, довольный газетами и приятно проведенным временем.

* * *

Что мне больше всего нравится в “неосторожной езде” г. Окромчелова, так это его намерение скрыться. Тупой человек, перевернувшийся на своей тройке розвальни и переломивший бабе ноги, остановился бы тут же в наивной вере, что ногу можно починить.

Не так понял г. Окромчелов. По отношению к ноге став на естественноисторическую точку зрения, по отношению же к поступку – на точку зрения высокой морали, он погнал лошадей.

И чем больше гнал, тем нравственнее становился. И те, кто задержал его, остановили его не на дороге в Всехсвятское, а на пути к совершенству.

Нужно, впрочем, заметить, что в стремлении к совершенству г. Окромчеделов далеко не одинок и оно свойственно не только имеющим хорошую тройку, но и мало-мальски порядочную пару.

* * *

Гг. саратовцы, всем сердцем страдая за буров, выступили с предложением бойкотировать Англию – не покупать ни одной вещи английского производства. Это предложение, одобренное “Новым временем”, грозит Англии неминуемой и скорой гибелью.

Не знаю, в каком пруде жил и проводил свои досуги щедринский карась-идеалист. Мне думается, что тот пруд находится в пределах Саратовской губернии. И вспоминаются мне незабвенные слова покойника, которые он столь часто и упорно обращал к колючему скептику-ершу.

– Ах, если бы все рыбы сговорились!..

Да, великие чудеса начали бы твориться на земле, коли все рыбы сговорились бы и щука поняла, что такое добродетель.

* * *

Несколько слов по поводу “письма в редакцию” г. Н. Галактионова.

Сознаваясь в своем неведении по поводу существования врачебного общества в з а и м н о й п о м о щ и, которое между прочим судит своих членов, я все же не чувствую себя вполне удовлетворенным по отношению к одной, не выяснившейся подробности: судит ли общество всех вообще прегрешивших врачей или только тех, кто пожелает этого, т. е. своих членов? И если верно последнее, то не существует ли на членах общества какой-либо пометки, по которой видно было бы, что в случае чего я, мол, не прочь и от суда? А то напишет человек в общество про какого-нибудь врача, а он, смотришь, не член – и пропадет марка. Вот в “Новом времени” пишут про некрасивые поступки доктора Ш. и профессора П. – как узнать, согласны они судиться или нет?

Кстати, должен указать на несколько неверное понимание г. Галактионовым значения анонимных обвинений, с которыми надлежит поступать “по закону”. А н о н и м н ы м обвинение является тогда, когда неизвестен а в т о р его. Если же автором, как в случае с доктором А., является газета “Курьер” (Петровская линия, № 3), то об анонимности можно говорить только аллегорически. Я лично усматриваю в этом остроумную шутку.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨27 февраля 1900 г.⟩

По скорбному замечанию кн. Мещерского, журналу “Неделя” была свойственна постоянная и несомненная тенденция к привитию народным массам книжной культуры.

Постоянный сотрудник этого журнала г. М.О.М. совершенно неожиданно эту тенденцию опроверг и книжную культуру сокрушил. Высказав светлую мысль, что всякие вообще книги бесполезны, а в большом количестве прямо-таки вредны (и вбив посему осиновый кол в гроб Ф.Ф. Павленкова), г. М.О.М. откровенно сообщает, чего он хочет. Хочет он видеть, “не книжность, а природный гений, из которого возникает все – между прочим и книги”. Немного непонятно, каким образом г. М.О.М. желает того, что, между прочим, создает и книги, которые вредны, – но во всяком случае желание почтенное.

Действительно, на что нужна книга, если есть природный гений? Одна помеха! И с другой стороны – какой толк от книги, если нет природного гения? Одна трата времени. И если вы хотите видеть действительно хороший народ – упраздняйте школы, гимназии, университеты, забросьте книги (книги г. М.О.М.а подальше) и, ничем не стесняемые, творите природных гениев. Тогда все устроится.

* * *

Трогательная и поучительная история одной девицы рассказывается в “Гражданине”. Она обладала дурной наследственностью, так как была дочерью отставного солдата. В восемь лет она уже страдала крайней испорченностью – была одета в рваное тряпье и имела через плечо большую сумку и таскалась по кабакам и трактирам, унижаясь до прошения милостыни. Она не понимала чувства благодарности. После смерти солдата г. Ив. Аму-Дарьинский взял ее к себе, одел и ничем не отличал от своих детей. (Нужно заметить, что г. Аму-Дарьинский состоит подписчиком “Гражданина” и, по-видимому, учит наизусть статьи, где говорится о пользе телесного наказания для детей и взрослых.)

Не видя различия между собой и детьми своего благодетеля, она сбежала. Ее поймали, но она опять сбежала. Вообще – этот период в жизни испорченной девицы весь проходит в том, что она бежит от благодетеля, а благодетель ловит ее. Выговоры, просьбы, даже н а к а з а н и я не помогают. И даже наоборот: чем больше наказывают, тем чаще она бежит. В конце концов приходится наказывать на бегу.

Г. Аму-Дарьинский чувствует себя утомленным. Он теряет веру в людей и в жизнь. Он уже хочет прогнать испорченную “до мозга костей” девицу. Но вдруг...

Появляется “природный гений”. Это г. Н. Лицо его светло и в руках розга. Г. Аму-Дарьинский понимает безмолвный призыв и со слезами благодарит. Плачет и испорченная девица – в ней начинают пробуждаться и человеческие чувства. Но человека полностью в ней еще нет, ток испорченности находится в “мозгу костей”.

Ее ведут в кабинет. Там г. Аму-Дарьинский произносит маленькое внушение, и затем слышатся сладостные, очеловечивающие звуки: чюки-чюк, чюки-чюк. “Природный гений” прислушивается и потирает руки.

Г. Аму-Дарьинский пишет, что до “мозга костей” он не добрался, но, быть может, это скромность, обусловливаемая существованием в уложении о наказаниях статьи об истязании. Но во всяком случае чудо совершилось. Девица перестала бегать, была определена в лучшее учебное заведение, где все ее любят, и теперь подает надежду стать полезным членом общества и семьи.

Бедная девица... и возмутительная эксплуатация детской беспомощности и слабости. Но еще возмутительнее эта иллюстрация своих взглядов высеченными людьми, которые еще живы и могут краснеть, читая о себе. Поистине, не хватает только того, чтобы кн. Мещерский стал рассылать в виде приложения списки высеченных и исправившихся людей.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(4 марта 1900 г.)

Явка на суд в качестве свидетеля есть общеобязательная повинность, уклонение от которой, без законных к тому оснований, влечет за собой немедленную кару. Нельзя сказать, чтобы так называемая большая публика обнаруживала большую охоту к выполнению этой важной повинности, и если у человека есть на лице хоть один маленький прыщичек, к которому можно прицепить свидетельство о болезни, – свидетельство прицепливается. Люди денежные часто предпочитают уплатить штраф в расчете, что они больше потеряют, если три-четыре дня проведут в суде. Бывают и такие, которых со всевозможной полицейской тщательностью разыскивают по всем закоулкам, а они сидят где-нибудь поблизости и думают: “Ищи, ищи! Найдешь, твое счастье!”

Результаты такого отношения к своим обязанностям сказываются на каждом шагу: редкое судебное дело идет сразу, а обыкновенно затягивается, и подсудимые, помимо законной кары, несут дополнительную, возлагаемую на них доблестными согражданами.

Есть, однако, категория свидетелей исправных. Это те полубубки, кафтаны и зипуны, которые за тысячи верст плетутся с мешочками за спиной, со страхом суда в сердце и с заботой о брошенной дома работе в голове.

Выдают этим свидетелям и прогоны, но только тогда, когда они уже явятся, а так как “свободных” денег у них, по свойству их природы и звания, не полагается, то первую половину пути до суда они иногда совершают пешком.

Выдают им и суточные, – очень маленькие суточные, – но только после дела, если оно не особенно продолжительно, а то на третий-четвертый день процесса.

Бывает так, что дело кончается вечером в субботу и за прогонами их просят пожаловать в понедельник.

А как же воскресенье? А как же все эти дни, когда вместо “суточных” они лицезреют отвлеченное право на них, от какого лицезрения, по самой природе своей и званию, не могут получить даже нравственного удовлетворения?

В одном процессе – кажется, “Северного” страхового общества – я помню одного такого свидетеля, который был допрошен судом не в очередь. И причины к такому великодушию были основательные: свидетель заявил, что он страдает от голода и дальше терпеть не в силах.

А какой ответ получили могилевские мужики на свой вопрос: “Где же мы будем ночевать?” – вопрос, многих рассмешивший своей наивностью.

Погода, впрочем, теплая...

По счастью, свет не без добрых людей, и такие простяки иногда находят кормильцев среди других свидетелей, а то и обвиняемых, которые, не взирая на лица, кормят как свидетелей защиты, так и обвинения.

* * *

Г. Шмаков давно известен как весьма недурной стратег, у которого можно многому научиться. Серьезного внимания в этом смысле заслуживает мера, недавно употребленная им по отношению к представителям прессы, борьба с которыми очень затруднительна и до сих пор не может считаться законченной.

Средство г. Шмакова применялось и раньше, но только по отношению к диким зверям, и результаты его были блестящие: кровожадные звери становились кроткими, слабыми и уступчивыми.

Средство это – голод. Под каким-нибудь предлогом, хотя бы под тем, что в буфете собираются уполномоченные, корреспондентов нужно не пускать в буфет, а вместо того как можно чаще проходить мимо них с бутербродами в руках.

Остальное – вопрос времени. Если корреспондент слаб, то он убежит тотчас же. Сильный корреспондент может выдержать до конца собрания, но к концу, во всяком случае, так ослабеет, что ничего особенно дурного написать не сможет. Напишет два-три первых попавшихся слова и отправится кушать.

Г. Шмакову принадлежит, несомненно, честь такого открытия, которому суждено начать собой новую эру в истории изыскания мер для борьбы с журналистикой.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈5 марта 1900 г.〉

В одной московской газете читаем: “На подарок Кронье в редакцию поступило: от Костромича – 25 рублей, от Воти и Ирюши, Аниты, Саши, Лидии и Коли Н. – 3 рубля 50 копеек, от Омона – 5 рублей”.

И так далее. В трогательном порыве любви к угнетенному народу сливаются невинные души детей с душами взрослых людей, подобно г. Омону, и несут на алтарь свободы свои последние гроши, добытые потом родителей или своим собственным.

Относительно г. Омона я ничего говорить не стану. Вообще, он человек счастливый и неуязвимый, и пожертвованные им пять кровных рублей не могут повредить ни душе его, ни телу, но детей мне искренно жаль. Жаль всех этих Ирюш, Анит, Колей и Саш, за счет имени и сердечка которых их почтенные родители совершают безобразия.

Когда для русского общества существовал голод – ныне он оставлен на долю голодающих – и газеты пестрели именами жертвователей, и тогда неприятное впечатление производили имена детей, обязательно уменьшительные, чтобы не смешать их с взрослыми.

Казалось, что за отсутствием места в манеже гордые родители эксплуатируют своих детей на столбцах газет и ищут одобрения публики для своих Ванюш, “таких маленьких, но таких великодушных, поступившихся своими игрушками, чтобы помочь бедным голодающим”. И факт пожертвования, прекрасный и в общечеловеческом и в воспитательном отношении, заглушался голосом мелкого и недостойного тщеславия. Неужели нужно было для детей, чтобы они прочитывали свои имена в списке жертвователей и учились тщеславию и лицемерию? Или дело обстояло проще: газеты служили квитанцией, дабы не сомневался Ванюша, что милый папаша действительно отдал голодающим взятый у него четвертак, а не отнес на тотализатор?

Но все же то была помощь голодающим, и прекрасная цель заставляла забывать о средствах, – но здесь, в этих детях, притягиваемых к подарку Кронье, – осталось одно тупое непонимание своих родительских и общественных обязанностей.

* * *

Наступает счастливый день – прототипы фунта и аршина замуравываются. Это те идеальные аршин и фунт, приблизиться к которым тщетно пытаются торговцы-идеалисты.

Но я не ограничился бы фунтом и аршином, и если бы позволило место, замуравал в стену много других предметов. Замуравал бы наши мостовые, водопроводы, рыбопромышленников, железные дороги и все остальное, что для современников мало интересно и привычно, но для потомства весьма поучительно.

И воображение мое рисует другой счастливый день. Вот разворачивается стена и из отверстия выползают сконфуженные, покрасневшие аршин, фунт и К°. Добродушно хохочут незлобивые потомки, а ученые поясняют: вот это, где нет воды, – водопровод. Вот это, где так мало думают, – дума. А вот это...

И от жалости и горя бледнеют лица потомков, и только метр стоит так гордо и так прямо, как будто он проглотил аршин.

ОТГОЛОСКИ ДЕЛА СКИТСКИХ

К.Н. Михайлов. “Следствие, прокуратура
и защита в деле бр. Скитских.

(Опыт анализа судебного процесса)”.

Цена 80 коп.

Пробежав первые страницы этой тоненькой книжки, я думал обойти ее полным молчанием. Ничтожность содержания в связи со звонким заглавием, претендующим на научную важность труда, и высокой ценой показывали, что я имею дело с одним из тех продуктов Никольского рынка, которые, как грибы, нарождаются после каждого общественного события, особенно если в последнем присутствовал хотя малейший намек на скандалчик, и имеют единственной своей целью карманы читателей. Говорить о такой книге, хотя бы и понося ее, значит создавать только лишнюю рекламу для ее предприимчивого автора. Но, вспомнив, с каким горячим вниманием встречает русское общество всякое самое крохотное сообщение о деле братьев Скитских, и предвидя целый рой публикаций, а быть может, и хвалебный отзыв о книге в “Новом времени”, я нахожу необходимым сделать своевременные указания на отрицательный характер книги. Да, наконец, должен сознаться, что меня начала по мере чтения заинтересовывать личность ее автора как любопытного и своеобразного порождения захолустной скуки и отсутствия жизнедеятельных интересов.

Представьте себе провинциальный город, вроде Полтавы, сомлевший от дьявольской жары и сплошь набитый зевающими после сна чиновниками всех ведомств, мундиров и родов скуки. Ни крикливой торговли, ни промышленности, затемняющей южное небо клубами черного дыма и оглушающей городок своим металлическим лязгом. Сонные как мухи, проползают по пустынным улицам беспричинно меланхолические хохлы, стрекочут на дешевом базаре их жинки, – и над всем огневое беспощадное солнце.

И вдруг над этим сонным эдемом разражается гроза: убит секретарь Комаров, и убийцы его – братья Степан и Петр Скитские! Все знают и Комарова, все знают и братьев-убийц и, по мере разума своего, своевременно обсуждали все фазисы консисторской войны между петербургским “чинарем” и коренным туземцем и неукоснительно считали количество чарок, опрокинутых Петром.

И вдруг этакое происшествие!

Нет конца разговорам и спорам. Разбуженные умы, разжигаемые загадочностью убийства, обнаруживают искони вложенную в них пытливость. Нет больше скуки, нет сна! А тут первый оправдательный приговор палаты предполагаемым убийцам, вскоре за ним второй обвинительный, – дело не только не тухнет в недрах канцелярий и суда, но приобретает новый жгучий интерес, становится личным достоянием каждого полтавца, а братья Скитские, томящиеся в тюрьме, превращаются в городскую достопримечательность, во что-то вроде местной Пизанской башни, которая все падает и никак не упадет. И на этой почве разгоряченных, полузагипнотизированных умов стаями появляются запоздавшие свидетели.

Когда я был в Полтаве на несостоявшемся разборе дела, я вынес странное впечатление, что в настоящее время вся Полтава, как один человек, может явиться свидетельницей по делу и принять присягу, в уверенности, что скажет правду. По крайней мере, лично я не встретил ни одного туземца, который не мог бы сообщить чего-нибудь новенького по делу. Один извозчик видел “Комарова” в день его трагической смерти, другой его жену, третий знает что-то другим неведомое о братьях Скитских, четвертый подробнейшим образом излагает биографию защитника “Мошке Зеленского”. Какой колоссальный и неблагодарный труд придется совершить палате, принужденной, благодаря своим первоначальным ошибкам и пробелам предварительного следствия, разбираться в этой чаще свидетельских показаний, первичного, вторичного и третичного происхождения!

А тут еще литература, подобная книге г. Михайлова, составленной именно на основании извозчичьих, чиновничьих и сторожевых впечатлений и пересудов.

Надобно полагать, что г. Михайлов – один из тех, кто наиболее томился до возникновения процесса от жары и скуки. Но, принадлежа к тому кругу, который не лишен способности обходиться посредством иностранных слов и гордо именуется интеллигенцией, он пренебрег невидной ролью третичного свидетеля и выступил в ответственном амплуа следователя и горячего искателя истины. Быть может, во сне он видел В.Г. Короленку, и шум тополей и ночной вой голодных псов его взбудораженной голове представлялся трепетанием лавров и благодарственными кликами толпы. У него есть враги, у него есть друзья; горячо благодарит его реабилитированная г-жа Комарова, смертельно ненавидит навеки опозоренный “аптекарский ученик Зеленский”. Всероссийская слава осеняет его многодумное чело, деньги льются в карман, и – чем черт не шутит? – вдруг он – академик.

Свою работу г. Михайлов открывает горделивым предисловием. Указав на долгие сомнения, душевные тревоги и разочарования, г. Михайлов предлагает свой труд как результат “ума холодных размышлений и сердца горестных замет”.

С грустью поведав о том, “как низменны интересы провинциального общества и как мало развито в его представителях высокое чувство уважения к правосудию”, а “отсюда гражданское чувство свободы”, он говорит о своем совершенно беспристрастном отношении к делу и, между прочим, указывает, что его взгляд – взгляд большинства полтавских обывателей. Начало хорошо: сразу видно, что за дело взялся человек не с голыми руками и что уста его служат лишь послушным аппаратом, сквозь который проходит голос самого общественного мнения. Дальнейшее предисловие укрепляет нас в мысли о серьезности предлагаемого труда. Г. Михайлов говорит: “Я пользовался только несомненными документальными данными. Я отбросил массу фактов, массу слухов, сплетен, рассказов, имеющих некоторую степень достоверности”.

Читателю, предупрежденному о столь редком умственном сите, через которое прошла книжка, и тронутому гражданскими чувствами автора, остается только раскрыть уши и внимать. Но если найдется такой наивный читатель, пусть он не забывает, что чем лучше предисловие, тем хуже книга. Так принято в наши дни, и г. Михайлов являет собой почтительнейшего сына этих дней.

Прежде всего г. Михайлов сообщает, что он – разбойник раскаявшийся: верил когда-то в невиновность братьев Скитских, но теперь понял свое заблуждение. “Руководимый желанием идеальной правды, руководимый так называемыми абсолютными императивами” (!), он исследовал дело во всей его глубине. Он стал для этой цели “бродить” по горам, по долам, «по разным грунтам Лазарева, ходил “ловить раков” на Ворсклу; стал видаться с темным людом Полтавы, ненароком, мимоходом опрашивая их; стал знакомиться со свидетелями защиты и обвинения, – словом, старался, неся в душе желание добыть истину в этом деле, найти ее среди бела дня».

Не удовлетворяясь опросом темного люда, автор исследования прибегал к радикальному способу, доселе не применявшемуся еще ни одним следователем: он садился у того места, где было найдено тело Комарова, и “мысленно опрашивал эти сдвинувшиеся деревья, эти старые перила моста, эти задорно приподнявшиеся холмики о том, кто совершил здесь ужасное преступление”.

Результаты были достигнуты блестящие и в некотором роде сверхъестественные.

Не буду разбирать книгу г. Михайлова в подробностях. При полном отсутствии какого бы то ни было плана, она представляет собой собрание десяти тысяч анекдотов, о каждом из которых пришлось бы говорить отдельно, чего лишь немногие из них заслуживают своей крайней беззастенчивостью и свободным отношением к правде. Прежде чем перейти к этим перлам, остановлюсь на тех сверхъестественных свойствах, какими одарен автор книжки.

Он – вездесущ, всезнающ. Нет ни одной преграды, которая могла бы удержать его пытливый взор. Ему известны самые интимные подробности семейной жизни как супругов Комаровых, так и Скитских Петра и Степана. С удивительным спокойствием г. Михайлов передает разговоры, происходившие между, например, Скитскими с глазу на глаз и в полном уединении. Мало того, он сообщает, что думало и хотело каждое из заинтересованных лиц. И только в немногих случаях он делает документальные ссылки на какого-нибудь швейцара или кухарку, обыкновенно же излагает свои открытия примерно так: “Степан подумал, вот пойду-ка я...”

Особой проникновенностью отличается изложение г. Михайлова по отношению к супругам Комаровым. Ни одна мысль, ни одно заветнейшее желание их не скрыто от провидца. Живут они как голубки, и оба желают одного только хорошего.

Вот некоторые из анекдотов:

Анекдот первый. Для всякого мало-мальски проникательного человека, полагает г. Михайлов, сразу видно, что Комарова убили братья Скитские. Если же дело приняло такие размеры, то не потому, чтобы в нем присутствовал элемент загадочности или следствие велось дурно, но единственно благодаря интриге. Дело в том, что Полтава по своим общественным течениям делится на группы – украинофилов, социалистов, толстовцев, евреев, банковских дельцов и клерикалов. И все эти группы по каким-то своим соображениям стали на сторону Скитских.

“Южный край” печатал заведомо лживые корреспонденции (стр. 78). Образовалась даже целая шайка, которая распускала заведомо ложные слухи (*ibidem**). В толпе перед судом шныряли темные личности, науськивавшие толпу на репрессалии. Это были – офицер Б., какой-то священник и полицейский пристав (стр. 77). Угрозами и подкупам кто-то заставлял распространять между торговцами и торговками слухи о невинности Скитских. Торговки передавали кухаркам, кухарки барыням – и таким обра-

* Там же (лат.).

зом создалось общественное мнение (стр. 130). Много содействовал затемнению дела защитник, “аптекарский ученик” Зеленский. Между прочим, Зеленский вошел в дружбу с приставом Червоненко, после чего пропала важная для дела записка (стр. 133). Товарищу прокурора Д. присылались угрожающие подметные письма, а по ночам какие-то подозрительные личности выкрикивали под его окнами громовым басом:

– Скитские не виновны! Скитские не виновны!

Образовался какой-то фонд, на средства которого содержались г-жа Скитская и Зеленский. Первая начала ходить в шелковых платьях, есть торты, куличи и конфеты, а второй завел себе превосходного рысака и кабриолет (стр. 153). В то же время г-жа Скитская проявила буйные наклонности: побила стекла у тех, кто сомневался в невиновности ее мужа, а свидетелям Горностаеву, Навроцкому и другим сделала крупную сцену и обещала избить их зонтиком (*ibidem*).

Анекдот второй. Не довольствуясь множеством инсинуаций, которые щедрой рукой разбрасывает г. Михайлов по адресу семьи обвиняемых, их защитников и свидетелей со стороны защиты, он бросает несколько комков грязи и в суд. Хорошо еще, что Скитских судила палата с сословными представителями, а не присяжные заседатели, а то какой благодарный материал дали бы все эти разоблачения тем господам, которые без усталости подкапываются под суд присяжных! На стр. 65 г. Михайлов сообщает, что одним из сословных представителей в процессе Скитских был некий полтавский обыватель, который при жизни Комарова восклицал:

– Нет, надо убрать этого гнусного секретаришку!

Но верхом всего, что может дать эта книжка, является сделанное г. Михайловым описание того, как проводила время в Полтаве выездная сессия палаты:

«Сессия пробыла в Полтаве несколько дней. День проводился так.

Вечером с 5 до 8 часов обед (каждый день по очереди, как водится в благовоспитанных городах) у губернатора, у предводителя дворянства, у городского головы и т. д., с 8 до 12 часов ночи винт, вообще веселье, в 12 часов ужин часов до 3–4, там опять “летучий” винт до 8 часов утра. В 10 часов заседание. Сессия пробыла в Полтаве дней пять».

В этом сообщении удивительны две вещи: во-первых, могучий организм судей, позволявший выносить такую убийственную жизнь, а затем – трогательная наивность самого г. Михайлова. Уничтожив одним взмахом семерых судей, он немедленно про-

тягивает карающую руку Льву Толстому и выражает удивление перед всеобъемлющей душой великого художника, сумевшего так блистательно подметить печальное явление русской действительности, переживаемое нами (стр. 157). Едва ли рассчитывал когда-нибудь Л. Толстой на такого союзника и истолкователя!

Думается мне, что приведенных выдержек достаточно для характеристики как книги, так и ее автора. Можно было бы указать еще на целый ряд произвольных обобщений и наивных выводов, в которых провинциальная сплетня дружески обнялась и расцеловалась со сверхъестественными свойствами г. Михайлова, но слишком уж неприятно прикасаться ко всему этому. Но помимо невольной улыбки, которую вызывает автор, цитируя местами Иеремию Бентама, Вундта, Гефтинга и Рибо, является невольное опасение за участь книжки. У нас в средних и низших слоях читающей публики еще не привыкли к подобной псевдолитературе и слишком уважают всякое печатное слово, особенно в том случае, если искусный автор сумел окружить его призраками честных стремлений и туманом учености. У всех еще на памяти те неожиданные последствия, которые вызвала в наших медвежьих уголках глупейшая книжка о светопреставлении.

Дело братьев Скитских еще не закончено и продолжает волновать собой не только сонные умы Полтавы, но и все русское общество. Всякая попытка в этом случае честно и беспристрастно осветить загадочное дело не может остаться бесплодной. И наоборот, энергичным протестом печати должна быть встречена книга г. Михайлова.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈11 марта 1900 г.〉

Лебянов заговорил!

Петербургские гласные уже начали изучать азбуку для глухонемых, чтобы иметь возможность понимать своего голову. Молчит и смотрит. Молчит и звонит. Звонит, звонит...

Все молчат и смотрят.

– А позвольте узнать... – начинает А.П. Веретенников.

Звонит и молчит.

– А позвольте...

Звонит, звонит...

Все молчат и смотрят. И он смотрит. Все расходятся.

– Сторож, а где мои калоши? – начинает гласный, но не успевает кончить: о он звонит. Звонит, звонит. Уходит без калош. Бог с ними, и с калошами! Дума в страхе. “Тихо всюду, мрачно всюду – быть тут чуду, быть тут чуду”. А узнать очень, очень хочется, вопросы все такие интересные. Правда ли, что о он под суд попал? Правда ли, что на чествовании М.М. Стасюлевича он блистал своим отсутствием, и почему? Правда ли, что он в участок на управу жаловался? Правда ли...

Ах, как узнать хочется! А нельзя – молчит и звонит. Так молчит и так звонит – точно труп, подплывший к потонувшему колоколу. Страшно.

И он – заговорил!

М.М. Стасюлевич заявляет: не хочу быть членом управы, где городской голова молчит и звонит. Не хочу быть в думе, которая смотрит, как молчит голова, и слушает, как он звонит. Жаль уходить от хорошего дела, но недостойно уважающего себя человека мириться с таким явным попирательством законности и порядочности. Прощайте!

Гласные кричат: просим остаться!

И он не звонит! Шевелятся его онемевшие уста, и глухой, отсыревший в желудке голос выходит из головы.

– И я... прошу остаться! Все просите!

Просят. Убедительно просят. Кричат долго. И он поощряет. Но вот и Кедрин, и Веретенников легкомысленно заговаривают

по поводу деяний и молчания городского головы, приведших к такому положению вещей.

И он звонит. Опять звонит. И опять молчит. Все смотрят и на цыпочках выходят.

Лебянов опять умолк!

* * *

Правдивый рассказ о своевременно “обнаруженном” пассажире, непреклонном кондукторе и загадочной бумаге.

Г-н Л. торопится в Петербург по срочному делу и, как всякий человек, находящийся в таком положении, отправляется на вокзал. Там он берет билет и едет с относительным спокойствием, пока не узнает от пассажиров, что на станции Осташково их должен перегнать поезд № 9. Г. Л. спрашивает у кондуктора, нельзя ли ему будет пересест на более быстрый поезд, и получает вполне удовлетворительный ответ: стоит только заявить начальнику станции, уплатить разницу за скорость – и готово.

Черепаший поезд, на котором имел несчастье выехать г. Л., плетется с такою беззаботностью, что № 9 обгоняет его уже в Твери, где и происходит злополучная пересадка. Времени на пересадку настолько мало, что г. Л. успевает только получить от начальника станции Тверь разрешение на переход. А деньги?

– Деньги можете уплатить кондуктору в поезде, – любезно дозволяет г. начальник.

По-видимому, на николаевской железной дороге любезность господствует от Москвы до Твери, а далее начинается царство непреклонности, и первым проявлением ее служит кондуктор поезда № 9. С выражением подозрительности он выслушивает г. Л., берет с него его билет III класса и исчезает. Вслед за тем появляется и требует доплаты за скорость и за переход в высший класс – 5 рублей 80 копеек.

К несчастью, г. Л. знаком с арифметикой и убеждается, что с него требуют лишнее: билет III класса стоит 6 рублей, билет II – 11 рублей 70 копеек, разница, следовательно, всего 5 рублей 70 копеек. Лишнего берут пустяк – всего гривенник, но г. Л. заинтересовывается – за что. Оскорбленный этой любознательностью и видя в ней признаки нравственной, так сказать, безбилетности, кондуктор грозно требует уплаты, обещая в противном случае поступить по всей строгости законов.

И поступает.

На станции Спирова любознательного пассажира ведут в контору начальника станции. В конторе его неуклонно приговари-

вают к штрафу в 4 рубля 67 копеек за нравственную безбилетность и временно отпускают.

На станции Бологое его снова арестовывают, снова ведут в контору и еще раз получают с него 4 рубля – на этот раз за скорость и удобство ехать во II классе.

В Петербурге г. Л. пишет жалобу и удивляется, получив на нее довольно скорый ответ. Но еще более удивляется, прочтя его:

“...резолуция: заявивший жалобу, как оказалось при дознании, ни к кому из агентов Тверской станции не заявлял о своем желании произвести доплату за переход из III класса пассажирского поезда во II класс скорого, а был обнаружен на перегоне Тверь–Спирово в вагоне II класса с билетом III класса Москва–Петербург, выданным на поезд № 12”.

Был обнаружен! Какая изумительная непреклонность! Какая ирония! “Он” думает, что он пассажир, человек, что он едет по своему какому-то делу, а он просто был обнаружен на таком-то перегоне, вроде того, как обнаруживается течь в водопроводе или сыпь на теле.

Далее: “Станция Спирово взыскала с г. Л., как с безбилетного пассажира, в двойном размере...”

Имеющийся у г. Л. билет в расчет не берется. Понятие нравственной безбилетности узаконяется.

Наконец: “В данном случае поступил неправильно помощник начальника станции Спирово в том отношении, что плату за переход из вагона в вагон он предложил получить кондуктору в поезде, тогда как ему надлежало произвести расчет до отправления поезда, за что ему сделано замечание”.

Оказывается, непреклонности было еще мало! Ну, а как же полученные вдвойне деньги?

* * *

Студент московского университета делает объявление в “Московском листке” о своем желании иметь урок. Один, по-видимому, из читателей этого почтенного органа видит в объявлении прекраснейший повод для остроумной шутки в отечественно-охотнорядском духе.

Он является на квартиру студента, не застаёт его дома и строчит подробную (и до известной степени грамотную) записку о том, что вот у него есть прекрасный урок, – не угодно ли пожаловать?

Студент идет по указанному адресу и не находит там ни подписавшего записку человека, ни вообще человека, который нуждался бы в уроках.

Какая дичь!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨12 марта 1900 г.⟩

В № 1 “Новой иллюстрации”, художественно-литературного журнала, издаваемого при “Биржевых ведомостях”, появился самостоятельный очерк К. Малиновского “Предсмертное сознание”, наполовину дурной и наполовину хороший. Хороши в нем те места, которые списаны у Г. Мопассана буквально, очень плохи вставки, принадлежащие г. Малиновскому и портящие прекрасный язык оригинала. Как плохо передает своими словами г. Малиновский мысль подлинника, видно по заглавию: у Г. Мопассана этот рассказ называется “Исповедь”¹⁾, у г. Малиновского – “Предсмертное сознание”. Не совсем удачно пытается автор, т. е. г. Малиновский, придать местный колорит рассказу переименованием героинь мопассановского рассказа в Александру и Авдотью Савельевых.

Но самое любопытное это то, что г. Малиновский выдал рассказ Г. Мопассана за свой. За последнее время подобные случаи повторяются довольно часто: крупные “авторы” воруют по целым романам, мелкие, подобно г. Малиновскому, таскают по очерку или по стихотвореньицу. Общественная сторона подобных явлений ясна, и меня главным образом интересует психология таких господ.

Интересно, какими вообще мотивами руководятся они.

Риск вообще очень велик, и если обокраденный автор мало-мальски известен, преступление почти обязательно выплывает наружу. Но какие дает оно выгоды? Те, кто берет томами, понятно, имеют в виду обогащение, но на что рассчитывал г. Малиновский? В его “очерке” не больше ста строк и гонорар за него должен быть невелик. Разбогатеть посредством чужих очерков так же трудно, как и кражей носовых платков.

Более правильным кажется мне другое объяснение. По-видимому, г. Малиновский – отпрыск от славного рода Хлестаковых,

¹⁾ См. стр. 29–32, т. IX, 1894. (Здесь и далее арабскими цифрами с круглой скобкой отмечены примечания Андреева. – Сост.)

людей, лгущих не токмо за свой страх или ради выгоды, а за совесть. Обычно это – маленькие, серенькие человечки, придавленные сотнями людей, выше их стоящих по таланту или службе, и томимые своей безнадежной и унылой серостью. Хоть на минуту, хоть обманом подняться на вершины, где живут другие, – составляет иногда задачу всей их жизни. Одни нелепо самозванствуют, другие надевают широкополую шляпу и плащ и всю жизнь только тем и занимаются, что их принимают за Пушкина или иного великого писателя; третьи переписывают и печатают чужие очерки.

Но вот что интересно: если Хлестакову удавалось обманывать городничего с семейством, да и там сомневались, чтобы он написал “Юрия Милославского”, – так неужели г. Ясинский, опытный литератор, столь же прост, наивен и малосведущ? Или он увидел в очерке г. Малиновского такое же переложение Г. Мопассана своими словами, какому сам г. Ясинский намерен подвергнуть философа Соловьева?

Да, неприятные бывают казусы, когда редактором газеты или журнала становится добрейшая Мария Андреевна.

* * *

“Князь Эспер Ухтомский” и “князь Владимир Барятинский” вскоре предстанут перед судом чести союза писателей.

И давно пора. Такой брани, какая возгорелась между князьями, мир не слышал со времени уделов. Казалось, еще минута – и кн. Ухтомский схватит кн. Барятинского, потащит его по старине “на поле” и там побьет. Побьет обязательно, если он так же неразборчив и дерзок на руку, как и на язык.

Да и теперь, согласившись уже решить спор в суде чести, кн. Ухтомский делает прозрачные намеки на другой суд, более подобающий князьям:

“Я заговорил с вами как мужчина с женщиной, – пишет кн. Ухтомский, – а вы, упрекая меня в трусости (!!), прячетесь сами за женскую юбку, крича и всхлипывая, будто вас обидели как мужа и офицера...”

Другими словами: пойдем-ка, княже, драться. Хоть ты и “бедный маленький князь”, хоть ты и “прекрасный хрупкий экземпляр *Vieux Saxe*” – одначе я тебя побью.

Ну, а как поступит кн. Ухтомский с сотрудницами “Северного курьера”, коллективный протест которых он назвал “истерической прокламацией”, если и они попросят его к суду чести?

*Старого Сакса (*фр.*) (*о марке фарфора*).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈14 марта 1900 г.〉

“Закон Гейнце” бесспорно является знаменем времени, и Германии принадлежит только честь своевременного открытия его. Культ лицемерия с каждым днем приобретает новых приверженцев, вербуя их оттуда, где доселе царило одно беззаботное веселье и свойства оставались свойствами, а не делились на пороки и добродетели.

Любопытный в этом отношении пример дала одна московская газета, доселе гордившаяся отсутствием лицемерия. Ныне же у нее появилась ...*mirabile dictu**... “эстетическая стыдливость”.

И оскорбил эту стыдливость не кто иной, как Ф.И. Шаляпин, и оскорбил он ее тем, что пропел в концерте “Дьяка”, “Мельника” и “Блоху”.

По некоторой двусмысленности текста – полагает означенная нелицемерная газета – исполнение подобных вещей “не совсем уместно в многочисленном и более или менее избранном собрании публики”. Оно затрагивает “эстетическую стыдливость”.

А так как А. Толстого читает все же избранная публика, то прямой вывод отсюда, что “Дьяка” нужно из сочинений его извлечь. Не мешает почистить г. Гете, согрешившего “Блохой”.

Идет “Закон Гейнце”! Идет!

* * *

Какие злые шутки шутит насмешница жизнь!

Собирается комиссия деятелей печатного слова и обсуждает вопрос о том, каким способом чествовать память Гутенберга, изобретателя печатного станка.

Присутствует на собрании редактор-издатель “Биржевых ведомостей” С.М. Проппер. Этот почтенный представитель печати узнает, что на собрание явились репортеры газет – те невидные и скромные господа, благодаря которым по целым ночам гудит печатный станок, которые ежедневно и на все лады чествуют Гутенберга.

* достойно удивления (лат.).

– Им здесь не место, – громко возглашает г. Проппер.

И гг. репортеры “пропперы” (очевидно, малоупотребительный в литературе глагол “пропереть” должен писаться с двумя п).

Теперь достойная комиссия может свободно разойтись. Лучшего способа чествования Гутенберга она не найдет. Разве только порешит разломать все печатные станки.

Интересный вопрос: допустил ли бы г. Проппер на чествование Гутенберга самого Гутенберга.

* * *

“Если арестована курица, можно ли продавать ее яйца?” – задается вопросом юридическая газета и посвящает разрешению его целый фельетон. Оказывается, нельзя.

Как же, однако, быть с теми юридическими курицами, которые только тогда начинают нести яйца для юристов, когда арестованы?

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈16 марта 1900 г.〉

Каким далеким от нас представляется то время, когда этические и социальные отношения и умственные настроения чуть ли не всего человечества могли характеризоваться одним исчерпывающим термином. Вы слышите или читаете: “языческий Рим” – и перед вашими глазами с поразительной яркостью встает весь строй тогдашней жизни, с самого низу до самого верху проникнутый одними руководящими принципами. Возьмите вы отдельную личность той эпохи – и в ней вы найдете ту же поразительную 10 целостность мирозерцания и полную гармонию мысли и поступка.

Но каким именем историк позднейших времен охарактеризует нашу эпоху?

Нет язычников и христиан – но есть то и другое; нет господ и рабов – но есть то и другое, нет стойков и эпикурейцев, но существует и то и другое. Самые противоречивые настроения, самые непримиримые начала, самые враждебные взгляды тесно переплетаются в один сплошной и разноцветный комок – и нельзя 20 коснуться одного, чтобы не затронуть другого.

Кто он – этот гражданин XX века, этот сфинкс современности?

Плачет над книгой, где описываются страдания обездоленных, требует этих книг и этих слез – и каждым движением своей ступни давит живые существа, доводит разврат до размеров, перед которыми с изумлением остановился бы сам Рим и прогнившая Византия, – и требует от искусства целомудрия и стыдливости и только тогда хвалит пьесу, когда она кончается торжеством добродетели. Кричит настойчиво и требовательно “не убий” – и сам идет убивать и плачет, убивая. 30

Бессильный как в пороке, так и в добродетели, вечно враждующий с тысячью врагов, засевших в его голову и сердце, одной рукой подающий хлеб, другой его отнимающий – он плачет без горя и смеется без радости. На тысячи языков разбился его язык, и сам не знает он, когда лжет и когда говорит правду – этот

несчастный сфинкс современности, тщетно пытающийся разгадать самого себя и гибнущий, не разгадав.

“Контора Кука организует увеселительные поездки на театр войны. Много американцев и англичан уже выразило желание 40 принять участие в поездках”, – говорят газеты.

Одних ли американцев и англичан? Не найдутся ли среди этих “выразивших желание” людей, которые протестовали против жестокой и бессмысленной войны? И справедлив ли будет упрек в гнусности, который готов сорваться с наших уст по адресу этих бессердечно-любопытных янки?

Ведь смотрим же мы, с жадностью смотрим рисунки, изображающие различные перипетии войны, и чем трагичнее изображаемый случай и чем ближе изображение в действительности, тем страстнее наше любопытство. И разве для радости и смеха 50 смотрим мы их? Нет, чтобы пожалеть, погрузиться и возмутиться. Почем знать – может быть, и американцы едут лишь для того, чтобы поплакать!

Ибо в наш век смуты “увеселение” – не значит разве “слезы”?

* * *

Через полторы недели, на 26 марта, назначенные дополнительные выборы в совет присяжных поверенных. На место вы-
бывшего Д.Н. Доброхотова необходимо избрание нового члена
совета.

Для всех, кому памятна история прошлогодних выборов и
отмены судебной палатой избрания Д.Н. Доброхотова, едва ли
могут встретиться какие-либо сомнения относительно и м е н и
того, кто по праву и справедливости снова должен занять опустев-
шее место. Для сословия, вступившего в борьбу во имя лучших
стремлений, она далеко еще не окончена. Те эгоистичные и в об-
щественном отношении тупые члены сословия, которые, рискуя
приобрести славу Герострата, пытались поколебать достигнутые
уже результаты, далеко еще не успокоились и не считают себя по-
бежденными. Их радует и ободряет та случайная неприятность,
70 которая – кажется им – не может дискредитировать с в е р х у ту
ненавистную им часть сословия, откуда до сих пор им приходи-
лось слышать уличающие голоса.

Малейшее разногласие в этой части, равнодушие или уста-
лость, которая периодически овладевает самими деятельными
членами организации, – и победа на выборах легко может скло-
ниться на сторону тех, кто заботится не о благе общественном,
а лишь о расширении своей практики в Москве и в уездах.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(18 марта 1900 г.)

Князь В.В. Барятинский сообщает о получении им тысячи писем из разных концов России. В самых разнообразных формах по стилю и тону корреспонденты выражают ему свое сочувствие по поводу «того града оскорблений, которыми осыпал его редактор-издатель “С.-Петербургских ведомостей”». Оскорбления эти так дерзки и глупы, что роняют лишь автора их».

Несомненно, что подобный факт свидетельствует о подъеме общественного самосознания. Читатель перестает только “почитывать” и проявляет активное отношение к печатаемому. Он уже и сам начинает пописывать; и пусть эти письма никогда не увидят света, они все же достигают своей полезной цели. Колеблющийся находит в них поддержку, оскорбляемый – отраду и оскорбитель – предостережение.

В свою очередь, выражение сочувствия именно кн. Барятинскому говорит о том, что печатное слово стоит высоко в глазах читателя. “Скандальчик”, в какой бы остроумной форме он ни выражался, теряет своих поклонников.

Об одном только можно пожалеть – зачем кн. Барятинский вынес полученные письма из своего кабинета на столбцы своей газеты. Некоторые из писем – вроде приведенного – едва ли предназначались для печати и уместны в ней. Резкость выражений, допустимая в переписке двух друзей по отношению к третьему лицу, в печати становится именно тем, против чего так ратовал сам кн. Барятинский и его многочисленные корреспонденты.

Едва ли тот выдающийся ученый, который письмо кн. Ухтомского называет “презренным и гнусным”, рассчитывал увидеть отпечатанными эти слишком горячие выражения.

* * *

“Обращаясь ныне к общественному мнению, я не замедлю уведомлять его о последующем течении этой тяжелой борьбы”.

Так некогда писал Наполеон, обращаясь к своим милым французам.

Так в наши дни пишет г. Шмаков.

Против кого же мечет грозы и молнии грозный г. Шмаков? Какие троны хочет поколебать и упразднить его могучая десница? Не министерство ли финансов? Не прессу ли – эту шестую великую державу, истощившую долготерпение и милость кредитного владыки?

Нет, нет и нет!

На “кредитку”, эту милую кредитку обрушивается г. Шмаков. На комиссионеров, этих милых комиссионеров. На директоров, этих милых директоров. На милую Францию обрушивается Наполеон!

Так превратно все в этом мире. Нет более кредитного Шмакова – остался один антикредитный Наполеон. Да и что, действительно, остается делать ему без усачей-гренадеров, без маршалов?

“Иные погибли в бою, иные ему изменили и продали шпагу свою”.

Итак, начинается война и начинаются реляции г. Шмакова о “последующем течении этой тяжелой борьбы”.

Что же, посмотрим. Не принадлежа, однако, к французам ни с той, ни с этой стороны, мы предпочтем знакомиться с ходом военных действий из корреспондентских сообщений.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈19 марта 1900 г.〉

В Москве открыта полицией фабрика смертоносных снарядов. По своему действию на организм они более всего подходят к пулям “дум-дум”; по виду походят на небольшие темные гранаты.

Предположение о том, что ужасные снаряды предназначены для английской армии, оказалось несостоятельным. Принадлежа к отчаянным бурофилкам, владелица фабрики г-жа Панкратова возмутилась этим предположением и пояснила, что гранаты назначены для истребления московских детей и в продаже носят название “шоколадных пасхальных яиц”.

После некоторых колебаний г-жа Панкратова открыла секрет изготовления таинственных гранат.

Нужно смешать муку с патокой и прибавить голландской сажи. Отдельные половинки склеиваются столярным клеем. Когда снаряды примут форму яиц, их окрашивают недорогими малярными красками: “терр-де-сиен” и “умброй” и потом для крепости покрывают черным экипажным лаком.

Несколько иначе изготавливаются так называемые сахарные яйца. Их окрашивают “охрой” и “синькой” и покрывают желтым и красным столярным лаком. Для придания соответствующего вкуса рекомендуются квасцы и грязный воск.

По уверению изобретательницы, достаточно московскому ребенку лизнуть ужасный снаряд, чтобы надолго выбыть из строя. Одного яйца с избытком хватает на дюжину детей самых крепких и здоровых, и остатки, кроме того, могут еще пригодиться для собаки соседа и для бедных родственников. По мнению изобретательницы, открытый ею снаряд вполне соответствует потребностям нашего времени.

Вместо того чтобы отдавать детей в воспитательный дом или бросать их в помойные ямы, достаточно дать каждому из них по яйцу. Результаты достигаются те же, но в более гуманной и приятной для детей форме.

Точно так же полезны яйца для детей, которых намереваются отдать в выучку ремесленникам или на фабрики. Рекомендуются

яйца и для тех детей, которые недостаточно больны для того, чтобы перейти в следующий класс без экзамена.

Во всяком случае, полагает изобретательница, в домашнем обиходе десяток таких яиц прямо-таки необходим, ибо избавляет от массы неприятностей.

Если бы у того петербургского чиновника, который бросился на своего начальника с закрытым перочинным ножом и кричал: “Место, ваше превосходительство! Да когда же вы дадите место, ваше превосходительство?” – если бы у этого чиновника был десяток московских снарядов, он был бы избавлен от печальной необходимости огорчать свое начальство. Детям он дал бы по яичку, что стоит очень недорого, а сам мог бы поселиться в вяземской лавре, где дальнейшая пропаганда московских снарядов, несомненно, имела бы крупный и вполне заслуженный успех.

Оригинальный взгляд г-жи Панкратовой не был, однако, одобрен полицией. Держась по отношению к московским детям строгого нейтралитета, полиция уничтожила весь заготовленный материал и закрыла фабрику.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨22 марта 1900 г.⟩

Если в недоразумениях словесного характера победителем считается тот, за кем осталось последнее слово, то в газетной полемике дело обстоит как раз наоборот. Умолкнуть в тот миг, когда противник сыплет горохом бранных слов, – значит победить его.

Можно пожалеть, что “Северный курьер” не выдержал характера в этом отношении. Раза два он заявлял: “Так как дальше идти некуда, то все инсинуации и т. д. И отныне считаем инцидент исчерпанным и ни одним словом...” и т. д.

А на другой день появится или “особое мнение” кого-нибудь из сотрудников, или сам кн. Бярятинский сообщит о получении им тысячи писем. И все это пишется и печатается в то время, как кн. Ухтомский молчит в ожидании суда чести. Выходит как будто не совсем ладно со стороны “Северного курьера”.

Умолк кн. Бярятинский – заговорил г. Арабажин. Оставив князей ведаться, как они хотят, г. Арабажин выступил против “России”, которая, сидя в сторонке, посмеивалась то над тем, то над другим. Когда в говорящих остался один “Северный курьер”, “Россия” всю свою смешливость обратила на него.

Г. Арабажин свое возражение “России” начал с того, что нельзя же и обращать внимание на то, что говорят газеты, подобные “России”. Исходя из этого положения, г. Арабажин цитирует “Россию” и, в свою очередь, подробнейшим и основательнейшим образом рекомендует ей. В “России” притворялись, что не знают совсем, кто такой этот г. Арабажин, и последний с готовностью сообщает свой послужной список. И что он писал, и что он делал, и кто его хвалил, и кому он нравится – все, все сообщил г. Арабажин.

Ничего, конечно, кроме удовольствия, он этим “России” не доставил. На следующий же день “Россия” ответила “г о с п о д и н у А р а б а ж и н у”, начав статью очень характерными словами:

«Оставляя совершенно в стороне личные нападки, брошенные вчера редактором “Северного курьера” г. Арабажиным по адресу наших ближайших сотрудников, как не требующие ответа

по грязиности этих вылазок и нелитературности приемов г. Арабажина, мы желаем сказать лишь несколько слов по общим обвинительным пунктам его “вынужденного (?) объяснения”».

Особенно любопытны эти слова потому, что являются почти буквальным повторением того, что г. Арабажиным было сказано по адресу “России”.

Неужели и теперь “Северный курьер” будет отвечать?

* * *

Недалеко ушло то время, когда существовали два вполне определенные лагеря. В одном находилось правление кредитного общества и наблюдательный комитет, в другом заемщики и весь мир, включая в него и судебные установления.

Была одна так называемая “кредитка”, мужественно отстаивавшаяся от врагов, и было у нее два органа, но как будто бы один, так строен был их хвалебный дуэт.

И цвела “кредитка”, и трепетали враги ее. И было если не одинаково для всех выгодно, то просто и мило.

– Вы к нам, а мы к вам, – говорило правление комитету, пародируя Щедрина, – полегоньку да помаленьку.

А ныне – куда ныне все это девалось?

Исчезла дивная гармония, услаждавшая вселенную. Ни правление в гости к комитету, ни комитет к правлению. По-разному запели сирены, и раздвоились уши заемщиков.

Но, верю я – пройдет весна, пройдет лето, и мир снизойдет на потрясенную “кредитку”. Слишком прочны и устойчивы ее основы, и не легкому раздору поколебать их.

И единую песню запоет сладкоголосая сирена, и соединятся раздвоенные уши заемщиков в одно большое ухо, и снова станет все мило, просто и приятно.

– Вы к нам, а мы к вам, так полегоньку да помаленьку.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈23 марта 1900 г.〉

В недавно вышедшем отчете консультации помощников присяжных поверенных, блистательно подтверждающем целесообразность и полезность этого учреждения, существуют краткие сведения о деятельности консультантов на уездных сессиях в качестве защитников обвиняемых, деятельности весьма успешной. Если необходима бесплатная юридическая помощь в Москве, где все же адвокатов достаточно, то в провинции она особенно важна. До самого последнего времени вся судящаяся провинция находилась в руках темных ходатаев по делам и “поверенных”, монополизировавших целые уезды.

Приведу два случайно попавших ко мне документа, очень характерных для выяснения приемов этих “поверенных” и способов писания прошений, иногда очень важных для обвиняемых.

Первый документ принадлежит перу одного “поверенного”, очень важного с виду и совсем похожего на присяжного поверенного, если ему удастся прикрепить на фрак значок велосипедного общества. Напечатан на ремингтоне и рассылается в виде циркуляра по городам.

“Милостивый государь (имя рек)!

В вашем городе будет скоро окружный суд; Вас будут судить. Если у Вас нет еще защитника, то я с удовольствием готов защищать Вас на суде. Если Вы просили казенного защитника, то можете его менять и отказываться во всякое время, но если Вы желаете спасти себя от наказания и боитесь суда, то надо добыть к суду денег, и тогда я буду защищать Вас. Меня в вашем городе и уезде многие знают; по крайней мере, лет шестнадцать я защищал очень много убийств, поджогов, изнасилований, подлогов, святотатств, грабежей, краж и растрат, и много под моей защитой выходило из суда оправданных. О моих защитах Вы можете спросить в России более чем в 50 городах, и наверно похвалят. Если желаете иметь меня защитником, то собирайте к суду деньги, а я приеду за день до суда; в вашем городе я всегда останавливаюсь в номерах (таких-то)”. Подпись.

Второй документ принадлежит перу полуграмотного ходатая и заключается в просьбе о перенесении слушания дела из уезда в Москву. Написано прошение от лица обвиняемого. Вот часть его:

“... Кроме того, как главное преступление тяготеет надо мной тяжким наказанием, именно покушение на убийство X и окружной суд в городе Y, с участием присяжных заседателей, состоящих из сословных представителей одного же города, не смею думать, что может быть нелицеприятным или пристрастным, но все же опасаясь высшей меры наказания в силу предубеждения ко мне и поступку, так как таковой тут же у них на глазах якобы совершен, и лица, заинтересованные судом помимо частного и может хотя обыкновенного будничного общения житейского, но хорошо знакомы, что по кажущейся тенденциозности дела, так полагаю, отразится на приговоре моем. А потому для осуществления суда в том высоком смысле, который присущ высокой компетентности этой инстанции, я всепокорнейше ходатайствую и молю московский окружной суд вызвать моих свидетелей и назначить разбор дела в Москве с участием присяжных заседателей из гг. сословных представителей г. Москвы”.

Что вынесет суд из такого прошения? А вопрос затрагивается в нем очень важный и для интересов обвиняемого существенный. И сколько пишется таких прошений!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(25 марта 1900 г.)

После весьма продолжительных и серьезных размышлений, потребовавших необычайного напряжения ума, г. Шамаков пришел к крайне оригинальному и смелому выводу.

Оказалось, что канделябры, даже несколько пар канделябр, при мерцании которых он работал доселе в кредитном обществе, не могут дать необходимого количества света.

Мало того, г. Шамаков находит, что до сих пор света в кредитном обществе не было совсем, и он работал в полной и беспроглядной тьме. Принимая во внимание наклонности и симпатии г. Шамакова, тьму эту можно назвать египетской.

– Пора же, наконец, – восклицает г. Шамаков, – внести свет и за кулисы московского городского кредитного общества!

И г. Шамаков проливает свет “столь яркий”, что существует опасение за глаза заемщиков: столь резкий переход из мрака к свету может оказаться для этих органов губительным.

Большое еще для них счастье, что те разоблачения, которые делает его почтенный противник г. Телешов, г. Шамаков не хочет признавать светом. По его мнению, это не свет, а кусочек старинной тьмы.

Иначе кредитное общество освещалось бы в два света, и это было бы совсем опасно.

В свою очередь, подробный и основательный анализ свойств света, проливаемого г. Шамаковым, убеждает нас в сходстве его с X-лучами. Сходство это заключается главным образом в присутствии X и в том и в другом.

В конце концов, за заемщиков можно, пожалуй, и не опасаться: оба светила, по-видимому, вовсе не имеют в виду лишить их привычки к полумраку. Только друг друга освещают они, и если на один наденут колпак, другое погаснет само собой.

И кредитский сторож вновь засветит канделябры.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈26 марта 1900 г.〉

Второе собрание членов русского театрального общества – и полная победа многоголовой комиссии.

Много говорилось о том, что едва ли может совершить что-либо дельное комиссия, в которой целых 56 членов обоего пола. Полагали, что один г. Кремлев даст сотню особых мнений – по два на каждый возбужденный вопрос, и если к нему присоединятся и другие члены комиссии, трудно будет уловить основной мотив.

И это было бы естественно при том *minimum*'е времени, которое отводилось на занятия комиссии.

Но оказалось, что гг. артисты не ошиблись в своем выборе. Занимаясь утром и вечером все эти дни, комиссия сумела выработать проект устава настолько в общем целесообразный, что протестов почти не было.

И отдельных мнений было всего только два или три. И при каждом из них находилась подпись г. Кремлева.

В общем, однако, странное впечатление производило собрание в своей массе. На сцене – комиссия, откуда в зал несутся вместо нот – параграфы, параграфы. В зрительном зале собрание многолюдное, разноцветное, скученное, так что трудно различить отдельные лица.

– Принимаете? – спрашивает г. Молчанов, прочитав параграф.

По-видимому, принимают, ибо слышно многочисленное “да”. По-видимому, не принимают, так как слышны столь же многочисленные “нет”. По-видимому, недоумевают, так как раздаются отдельные жалобные восклицания:

– Не понимаю.

Параграф читается снова.

– Принимаете?

Ответом является восторженное “браво!”. Этот способ выражения своих симпатий не совсем, однако, удобен для голосования. Одна здоровая глотка может сойти за сотню сочувствующих. Но комиссия удовлетворится.

На некоторые параграфы возражают. Из глубины зала слышится голос, и невидимый “он” говорит неизвестно откуда. Глаза комиссии разбегаются. Она глядит вверх, вниз, по бокам, и когда наконец берет на прицел говорящего, он умолкает.

– Bravo, bravo! – кричит собрание.

Контрвозражения делает кто-нибудь из членов комиссии. Чаще всего г. Селиванов. Он говорит уверенно, горячо и красиво, и так как симпатии его всегда на стороне меньшей артистической братии, то и самое бурное “bravo” выпадает на его долю. Между прочим, он был одним из восставших против того параграфа проектируемого устава, по которому члены союза не могут входить в договорные отношения с нечленами.

– Пока союз не гарантирует сценическим деятелям средств к существованию, он не может требовать, чтобы они отказывались от представляющейся им работы, когда отказ от нее – значит голодовка, – говорит г. Селиванов.

– Bravo! Bravo!

И несмотря на это “bravo” параграф принят. Быть может, недоразумение?

Особенные дебаты вызывает вопрос о 3 или 5 годах профессиональной деятельности, необходимых для принятия в члены. Некоторые невидимые требуют пять лет. Здесь происходит маленькое недоразумение с г. Никулиным, членом комиссии. Он поднимается и начинает возражать, но не невидимым, а комиссией!

– Мы, – говорит он, – мы решили, что нужно пять лет...

– Позвольте, – осведомляется председатель, – вы от своего собственно лица говорите?

– От собственного, – успокаивает г. Никулин и садится при “полном молчании переполненного зала”.

Г. Тычинский высказывает интересный взгляд, что ни 3, ни 5 лет не нужно, так как поддержка нужна именно в первые годы деятельности. Иначе может создаться такое положение дел: артист прослужит 20 лет и, когда почувствует свою инвалидность, пожелает поступить в члены союза, получится не союз, а богадельня.

Женские голоса слышатся редко. Иногда появляются и комики. Один из них требует разъяснения слова “быть”: значит ли это “требовать” или “действовать”? Он же желает уяснить для себя вопрос: кто может быть театральным предпринимателем:

– Сегодня человек бани содержал, а завтра труппу набирает – может он считаться сценическим деятелем?

Г. Молчанов поясняет, что после 3 лет может.

Интересны были разъяснения г. Марковского по поводу того, что такое профессиональная этика актера.

– Например, нехорошо, когда антрепренер денег не платит...

Весь зал глубоко вздыхает, и все разноголосые “да”, “нет” и шумное “браво” сменяются единодушно жалобным:

– Ах, нехорошо!..

При вопросе о товарищеском суде весьма ярко сказалась двойственность натуры г. Кремлева. В нем проснулся юрист и наговорил много интересного для юридической газеты.

– Дорогие товарищи, – сказал г. Кремлев с нескрываемым чувством, – бывает суд и суд. Бывает суд плохой, бывает и хороший. Наш суд – хороший суд.

Уже принятый было параграф после разъяснений г. Кремлева вызвал некоторые споры.

Между прочим, г. Кремлев сообщил, что его ни разу не судили в совете присяжных поверенных.

Сообщение было встречено восторженно.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(27 марта 1900 г.)

Вечернее собрание гг. сценических деятелей не оправдало общих ожиданий. В программу его входило заявление собравшихся о своих насущных нуждах, и многие боялись, что короткого вечера не хватит для простого их перечисления, не только обсуждения.

Оказалось, к удивлению, что никаких насущных нужд не существует.

А.Е. Молчанов предупредил всех, кто пожелает сделать заявление, что личностей в своих жалобах они касаться не должны.

И шумный зал торжественно погрузился в молчание.

Странное что-то получилось. Как будто не общие порядки – вернее, беспорядки заедают актеров, а отдельные злые личности. Нельзя касаться личностей, не о чем и жаловаться. Все остальное великолепно.

Даже и тот единственный голос из зала, который настойчиво пытался сказать что-то нехорошее о московском бюро, и тот удивился:

– Как же так без личностей? Бюро – и вдруг без личностей.

Вообще, проектируемый устав много места отводит личностям и делит их на безнравственные личности и личности добродетельные.

По правилам устава, сделаться личностью безнравственной стоит крайнего труда и вообще гораздо труднее, чем попасть в добродетельные.

Необходимо получить большое число замечаний, потом выговоров, потом быть раза три удаленным – на год приблизительно – и уже тогда, при настойчивом стремлении к пороку, собрание 2/3 голосов исключает члена навсегда и признает его личностью безнравственной.

И добившийся этого признания лишается воды и огня. Ни говорить с ним, ни здороваться, ни брать у него займы, ни целоваться с ним – не разрешается. Изгнанный в пустыню, он умирает от жажды и раскаяния.

Для признания добродетельным необходимо десять лет беспорочной сценической деятельности. В отличие от безнравствен-

ных добродетельным дается особый значок, который они носят на груди. (Особое примечание: антрепренерам отговариваться тем, что значок дома забыл, не разрешается.)

* * *

Несколько замечаний по поводу суда при союзе сценических деятелей. Несмотря на заявление г. Кремлева, что суд этот во всех своих частях совершенен, – на мой взгляд, в нем существует одно очень слабое место.

Апелляционной и кассационной инстанцией является, по мысли устава, общее собрание. Оно видоизменяет и отменяет приговоры судов товарищеских и центрального.

В теории это выходит недурно – кому же и судить, если не общему собранию?

Но как оно будет судить?

Если оно будет кричать “браво”, как при решении иных вопросов, или шикать, или одновременно кричать “да”, “нет” и “не понимаю”, – Фемида, уже завязавшая глаза, заткнет себе и уши.

Ведь не нужно забывать, что общее собрание – это добрые пять-шесть сот человек, в большинстве незнакомых с уставом, наверное мало знакомых с обстоятельствами дела, впечатлительных, поддающихся каждому движению сердца или руки.

В уставе союза сказано: “суд никакими формальностями не стесняется”.

Это вполне по-товарищески, очень мило, трогательно и просто, но что же, в сущности, остается от суда?

* * *

Печальный казус произошел с одним одесским обывателем. Никак не ожидал он того, что случится, когда, совершенно спокойный и даже веселый, шел на лекцию Г.Е. Афанасьева “О денежном кризисе”.

Вначале все идет хорошо. Но к концу вечера то ли от грустных истин, сообщаемых лектором, то ли от духоты в переполненном зале обыватель чувствует необходимость оставить зал. Но не успевает он сделать несколько шагов, как над его головой раздаётся повелительный и резкий возглас:

– Прошу не расхаживать и не мешать мне.

Оказывается, что г. Афанасьев обладает столь деликатной организацией, что тотчас же сбивается с темы и все перепутывает, если кто-нибудь проходит перед его глазами.

И к “денежному кризису” присоединяется кризис обывательский.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈30 марта 1900 г.〉

Общество содействия к устройству общеобразовательных народных развлечений одержало победу. В разных концах Москвы – в Сокольниках и на Девичьем поле – ему отводится место для возведения театров и аудиторий.

Рассуждения о необходимости для беднейшего населения Москвы устройства целесообразных и пристойных развлечений – являются столь же избитым и общеизвестным местом, как “разговоры об отсутствии” хороших мостовых, водопровода и т. п. Кого судьба хоть раз занесла в большой праздник на Девичье поле и в Сокольники, тот едва ли пожалеет об упразднении балаганов и других приютов.

Нужно при этом заметить, что Девичье поле в отношении увеселений было еще довольно скромно. Правда, пользы от них было мало – но и крупного вреда не могли принести все эти воинственно-нелепые пьесы “народных театров” и добродушно-наивные выходки балаганных дедов.

Но что творится летом в Сокольниках?

И странно, что именно против отвода обществу места в Сокольниках раздалось в думе так много голосов. Страшные разговоры о пожарах едва ли имеют какое-либо серьезное значение. Волка бояться – в лес не ходить; бояться пожара – значит почти на всяком из существующих театров сделать надпись о воспрещении в него входа. Да и не только на театрах – три четверти городских домов могут быть забиты: чтобы основательно прожариться, во все нет необходимости идти в театр – это достаточно ясно показал пожар в Апраксином переулке. И когда гласный Н.А. Алексеев по поводу маленького театрчика в Сокольниках говорил очень много об издании обязательных постановлений для театров вообще, – это было немного похоже на стрельбу по воробьям – из пушки.

Ближе к делу возражал гласный А.П. Максимов, откровенно отрицавший самую необходимость в театре. Народу, по его мнению, нужен воздух, а не театральная коптилка с драматическими представлениями.

Действительно, чистый воздух – дело хорошее. И если бы мастеровые, рабочие и весь тот мелкий люд, который по праздникам валом валит в Сокольники, обладал наклонностями идиллических пастушков и пастушек и удовлетворялся бы одним чинным гуляньем под ручку и вдыханием свежего воздуха, – никаких театров ему нужно не было бы. К сожалению, народ этот питается не одним воздухом и не одного воздуха ищет. И если “обществу” удастся хоть в малой степени удовлетворить законным потребностям толпы в развлечении, безвредном для головы и желудка, оно сделает хорошее дело.

И так как мечтать никому не возбраняется, – на громаднейший манеж я смотрю с чувством нетерпеливого ожидания. Ведь, говоря по совести, те рождественские и масленичные развлечения, приютом которых он доселе служил, далеко не удовлетворяют требованиям разумности.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(4 апреля 1900 г.)

Вчера появилась у нас заметка о том, что московское общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий начинает функционировать, и первым проявлением его деятельности является открытие бюро труда.

Уже около двух лет утвержден устав настоящего общества, и столь продолжительный период бездействия объясняется новизной дела, потребовавшей немало подготовительной работы. Впервые в русской жизни появляется общество взаимопомощи, основанное на таких широких началах, вне рамок узкокорпоративных интересов. До сих пор адвокаты устраивали свою кассу, чиновники какого-либо отдельного ведомства – свою, офицеры свою и т. д. – бесчисленное множество касс, и уже в силу одного этого обстоятельства относительно бедных и беспомощных касс. И как бы много их не существовало, они не могли охватить всех лиц интеллигентных профессий, нуждающихся в помощи, не говоря уже о том, что существующие организации в значительной степени суживали задачи взаимопомощи. Адвокат может сломать ногу или заболеть – касса оказывает ему известную денежную помощь, но если тот же адвокат, по не зависящим от него обстоятельствам, принужден выйти из сословия или просто желает переменить род труда, не дававшего ему средств к жизни, он оказывается совершенно беспомощным. И не в одной только лотерейной профессии адвоката найдется много лиц бедствующих и клянущих свою судьбу, пославшую на их долю неблагодарный и несоответствующий их способностям труд. Но страх, что, выйдя из сословия, они могут не найти работы, страх, наконец, перед тем, быть может, незначительным промежутком времени, когда они окажутся между двумя берегами без копейки денег в кармане, парализует их волю и надолго, а то и навсегда оставляет их в сословии или на службе. В результате – растет число плохих работников и в то же время бедствующих людей.

Этому горю интеллигентных работников намеревается побороть московское общество. Принимая в свою среду всех без различия лиц, принадлежащих к какой-либо из интеллигентных

профессий, – мужчин и женщин московских и иногородних одинаково, – оно намечает очень широкую программу, в которую входит и приискание работы, и выдача пособий и ссуд, и медицинская помощь.

Успех общества, не только желательного, но прямо-таки необходимого, при существующих условиях зависит главным образом от количества членов. В настоящее время общество насчитывает их до пятисот человек, и будет удивительно и прискорбно, если эта цифра в скором времени не заменится более крупной. При незначительности взноса 3 рубля в год только пресловутая инертность русского человека может помешать развитию общества, один уже факт возникновения которого не может не радовать людей, знакомых с трениями интеллигентного труда.

* * *

Потребность в зонтиках, издавна отличавшая цивилизованное человечество, в настоящее время упраздняется. Г. Демчинский открыл способ точного предсказания погоды, настолько точного, что теперь заранее известен день и час, когда пойдет дождь, так что всякому видно, когда ему следует выходить из дому и когда сидеть дома.

И способность провидеть будущее обходится весьма недорого – дешевле зонтика. За один рубль можно приобрести брошюрку г. Демчинского, и хотя в ней всего 11 страничек, но на них все лето 1900 года и вся вода, которая в течение этого лета прольется.

Но что самое главное, можно быть вполне уверенным, что эти предсказания принадлежат именно г. Демчинскому. Внизу графика “предположенного лета” 1900 года напечатано: “по привилегии, заявленной департаменту торговли и мануфактур”.

Приятно видеть, что промышленный прогресс затронул и область гадания, доселе остававшуюся вне всякой законной регламентации. Наиболее почтенная гадалка из Замоскворечья не могла быть уверена, что совершенные ею при посредстве кофейной гущи открытия останутся ее собственностью. В свою очередь, обыватель не мог сохранять надлежащей твердости духа, не будучи твердо уверен, принадлежит ли открытие именно почтенной гадалке, а не другой, менее почтенной. Создавалось нежелательное колебание умов. В тех же дурных условиях существования находились и авторы сонников, ничем не огражденных от плагиата и пользования теми же началами провидения.

И г. Демчинский оказал двойную услугу отечественному прогрессу: упразднил зонтики и заявил привилегию на свой способ предсказаний.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨5 апреля 1900 г.⟩

За все время, пока я находился в гимназии, я не видал весны, так как держал экзамены. Случалось, что люди, добивавшиеся от меня знаний, не успевали достичь своей почтенной цели за кратковременный весенний период и для окончательных опытов приглашали меня в гимназию на август. Тогда, кроме весны, для меня пропадало и лето: первую половину его я отдавал тягостным воспоминаниям о минувших экзаменах, а вторую – посвящал горестным предчувствиям и крайне тяжелой для чувствительного 10 сердца мысли, что я должен буду еще раз, и уже окончательно, поразить печалью и гневом своих наставников и учителей.

И только одну весну я видел, и только одно лето я был счастлив. Это было в тот год, когда меня совсем не допустили к экзаменам – ни к весенним, ни к августовским. Наука в тот год мне не удавалась. Особенно логарифмы. Они прямо-таки плакали, видя меня, хотя из уважения к их чувствительности я никогда близко не подходил к ним. Но они не могли выносить меня и на расстоянии, после того как меня раз заставили перепутать их. Когда я входил в класс, из всех ранцев неслись стоны ужаса, и только 20 один мой ранец внушительно молчал, так как в нем лежал один только балльник, а в нем были расставлены тощие и совершенно безголосые единицы.

И вот, в то время как мой счастливый сожитель раскрывал латинский синтаксис и с видимым наслаждением узнавал, что, вопреки его долголетнему заблуждению, при глаголе *pubo** ставится дательный падеж, а не винительный, – я надевал высокие сапоги и уходил в поле. Там я шатался по берегам рек, только что вошедших в свое русло после весеннего разлива, лазил по оврагам, жевал какую-то зеленую гадость, только что показавшуюся 30 из земли, и подолгу лежал на спине, стараясь понять, есть ли где конец воздушной синеве, и куда плывет белое облако, и что оно видело, и где это звенит невидимый жаворонок. И когда я на миг

* покрывать, окутывать (лат.).

находил черненькую мелькающую точку, я был счастливее, чем сам Иван Иванович, когда он находил в моем extempore* ошибку, по величине равную десяти жаворонкам. Я вступал в беседы с мужиками, пашущими сырую землю, и поражал их своей ученостью и трезвым взглядом на занятие землепашца и, чтобы не огорчить их, не говорил им о том, почему я гуляю. За это печальное время я успел на десятки верст обходить окрестность Орла, переслушал тысячу жаворонков, перевидал массу белых, нежных облачков, съел около воза всякой травы и просветил около дюжины землепашцев, разъяснив им, почему вода течет вниз, а не вверх, и кстати рассказав о периодических разливах реки Нила, в столь высокой степени оплодотворяющих землю. Относительно реки Орлика я должен был, однако, сообщить, что и в древности он был такой же скверненькой речонкой, через которую свободно переходили вброд тогда еще дикие куры.

Когда утомленный, голодный я возвращался к обеду домой, я находил моего сожителя в состоянии экстаза: оказывалось, что вся его предшествующая научная деятельность была сплошным заблуждением и что число глаголов, управляющих дательным падежом, бесконечно. И он перечислял мне эти глаголы и бегал в свою комнату за книжкой, где, по его предположению, застряло еще несколько глаголов, и действительно находил их спрятавшимися внизу страницы – а я в это время поедал его порцию и свою (он почему-то бросил есть), благосклонно слушал его и вставлял свои замечания, которые казались ему весьма оригинальными, но не выдерживающими строгой научной критики. После обеда я грустно, но крепко засыпал, пока мой сожитель весело нянчился с родительным падежом, а вечером я писал очень скверные стихи – о жаворонках, о синем небе и горячем, молодом сердце, и посвящал их ей, той, которую, к сожалению, допустили к экзаменам. А когда всходил полный месяц, я углем рисовал на теплой земле острые силуэты домов и деревьев, отправлялся бродить по тихому городу и слушал, как где-то пели, где-то рокотал рояль, и видел, как в темных садах мелькали белые воздушные фигуры и звонким смехом обрывали на полноте соловья.

Иногда, в дни экзаменов, я ходил в гимназию, чтобы посмотреть, чего лишала меня жестокая судьба, и все товарищи глядели на меня с сожалением, а Иван Иванович с глубокой печалью по-

* *Букв.: неподготовленный (лат.) (экстемпоралий (экстемпоралия) в русской дореволюционной школе – классное письменное упражнение, состоящее в переводе с родного языка на иностранный (главным образом на латинский или греческий) без предварительной подготовки).*

качивал лысой головой: я не только не умер, как ожидали, но стал толстый и красный и возмутительно равнодушный.

К концу экзаменов моего сожителя рвало неправильными глаголами, и он приобрел какое-то едва уловимое и странное сходство с логарифмом: стал такой же длинный и желтый и не мог без посторонней помощи вылезть из книги. И когда он шел на последний экзамен, он совсем не отбрасывал тени, хотя день был солнечный, и все собаки брехали на него, так как он пугал их своим видом. И когда, вернувшись домой, он еле слышно простонал: – Выдержал!.. и заплакал и стал топтать ногами грамматику, а синтаксисом причинил крупную неприятность коту, шедшему куда-то по своему делу, я подумал, что если он и выдержал, то не совсем.

Счастливы вы, нынешние, которые не всегда принуждены выдерживать!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(9 апреля 1900 г.)

Не случилось ли вам гулять по кладбищам?

Есть своя, очень своеобразная и жуткая поэзия в этих огороженных, тихих и заросших сочной зеленью уголках, таких маленьких и таких жадных. День изо дня несут в них новых мертвецов, и уже вот весь живой, огромный и шумный город перенесен туда, и уже народившийся новый ждет своей очереди, – а они стоят, все такие маленькие, тихие и жадные. Особенный в них воздух, особенная тишина, и другой там и лепет деревьев – элегический, задумчивый, нежный. словно не могут позабыть эти белые березки всех тех заплаканных глаз, которые отыскивали небо между их зеленеющими ветвями, и словно не ветер, а глубокие вздохи продолжают колебать воздух и свежую листву.

Тихо, задумчиво бредете по кладбищу и вы. Ухо ваше воспринимает тихие отголоски глубоких стонов и слез, а глаза останавливаются на богатых памятниках, скромных деревянных крестах и немых бесцветных могилах, укрывших собой людей, которые немые были всю жизнь, безвестны и незаметны. И надписи на памятниках читаете вы, и встают в вашем воображении все эти исчезнувшие из мира люди. Видите вы их молодыми, смеющимися, любящими; видите вы их бодрыми, говорливыми, дерзко уверенными в бесконечности жизни.

И они умерли, эти люди.

* * *

Но разве нужно выходить из дому, чтобы побывать на кладбище? Разве не достаточно для этого, чтобы мрак ночи охватил вас и поглотил дневные звуки.

Сколько памятников богатых и пышных! Сколько немых, безвестных могил!

Но разве нужна ночь, чтобы побыть на кладбище? Разве не достаточно для этого дня – беспокойного, шумного дня, которому довлеет злоба его?

Загляните в вашу душу, и будет ли тогда день или ночь, вы найдете там кладбище. Маленькое, жадное, так много поглотившее. И тихий, грустный шепот услышите вы – отражение былых тяжелых стонов, когда дорог был мертвец, которого опускали в могилу, и вы не успели ни разлюбить его, ни позабыть; и памятники увидите вы, и надписи, которые наполовину смыты слезами, и тихие, глухие могилки – маленькие, зловещие бугорки, под которыми скрыто то, 40 что было живо, хотя вы не знали его жизни и не заметили смерти. А, может быть, это было самое лучшее в вашей душе...

Но зачем говорю я: загляните. Разве и так не заглядывали вы в ваше кладбище каждый день, сколько есть этих дней в длинном, тяжелом году? Быть может, еще только вчера вы вспоминали дорогих покойников и плакали над ними; быть может, еще только вчера вы похоронили кого-нибудь, долго и тяжело болевшего и забытого еще при жизни.

Вот под тяжелым мрамором, окруженная частой чугунной решеткой, покоится любовь к людям и сестра ее, вера в них. Как они были красивы и чудно хороши, эти сестры! Каким ярким огнем горели их глаза, какой дивной мощью владели их нежные, белые руки! 50

С какой лаской подносили эти белые руки холодное питье к воспаленным от жажды устам и кормили алчущих; с какой милой осторожностью касались они язв болящего и врачевали их!

И они умерли, эти сестры. От простуды умерли они, как сказано на памятнике. Не выдержали ледящего ветра, которым охватила их жизнь.

А вот дальше покосившийся крест показывает место, где зарыт в землю талант. Какой он был бодрый, шумный, веселый; 60 за все брался, все хотел сделать и был уверен, что покорит мир.

И умер – как-то незаметно и тихо. Пошел однажды на люди, долго пропадал там, и вернулся разбитый, печальный. Долго плакал, долго порывался что-то сказать – и так, не сказавши, и умер.

Вот длинный ряд маленьких, осевших бугорков. Кто там?

Ах, да. Это дети. Маленькие, резвые, шаловливые надежды. Их было так много, и так весело илюдно было от них на душе, – но одна за одной умирали они.

Как много было их, и как весело было с ними на душе!

Тихо на кладбище, и печально шелестят листьями белые 70 березки.

* * *

Пусть же воскреснут мертвецы! Раскройтесь, вы, угрюмые могилы, разруштесь вы, тяжелые памятники, и расступитесь, железные решетки!

Хоть на день один, хоть на миг один дайте свободу тем, кого вы душили своей тяжестью и тьмой!

Вы думаете, они умерли? О, нет, они живы. Они молчали, но они живы.

80 Живы!

Дайте же им увидеть сияние голубого безоблачного неба, вздохнуть чистым воздухом весны, упиться теплом и любовью.

Приди ко мне, мой уснувший талант. Что так смешно протираешь ты глаза – тебя ослепило солнце? Не правда ли, как ярко светит оно? Ты смеешься? Ах, смейся, смейся – так мало смеху у людей. Буду с тобой смеяться и я. Вон летит ласточка – полетим за нею! Ты не можешь, мой бедный талант? Ты отяжелел в могиле? И что за страшный ужас вижу я в твоих глазах – словно отражение могильной тьмы? Нет, нет, не надо. Не плачь. Не плачь, говорю
90 я тебе!

Ведь так прекрасна жизнь для воскресших!

А вы, мои маленькие надежды! Какие потешные личики у вас. Кто ты, потешный, толстый карапуз, я не узнаю тебя? И чему ты смеешься? Или сама могила не утратила тебя? Тише, мои дети, тише. Зачем ты обижаешь ее – ты видишь, какая она маленькая, бледненькая и слабая? Живите в мире – и не кружите меня. Разве не знаете вы, что я тоже был в могиле, и теперь кружится моя голова от солнца, от воздуха, от радости.

Ах, как прекрасна жизнь для воскресших!

100 Пришли и вы, величавые, чудные сестры. Дайте поцеловать ваши белые нежные руки. Что я вижу? Вы несете хлеб? Вас, нежных, женственных и слабых, не испугал могильный мрак, и там, под этой тяжелой громадой, вы думали о хлебе? Дайте поцеловать мне ваши ножки. Я знаю, куда пойдут они сейчас, ваши легкие быстрые ножки, и знаю, что там, где пройдут они, вырастут цветы – дивные, благоухающие цветы. Вы зовете с собой? Пойдемте.

Сюда, мой воскресший талант, – что зазевался там на бегущие облачка! Сюда, мои маленькие, шаловливые надежды.

110 Стойте!..

Я слышу музыку. Да не кричи же ты так, карапуз! Откуда эти чудные звуки? Тихие, стройные, безумно радостные и печальные. О вечной жизни говорят они...

...Нет, не пугайтесь. Это сейчас пройдет. Ведь от радости я плачу!

Ах, как прекрасна жизнь для воскресших!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(13 апреля 1900 г.)

Так называемое новое гулянье расположено у Пресненской заставы и занимает площадь не меньшую, чем Девичье поле. От последнего оно выгодно отличается обилием и свежестью воздуха. Девичье поле окружено чуть ли не со всех сторон очень пыльными улицами, причем пыль не остается в покое, а принимает непосредственное участие в гулянье. Куда ни обернешься, взгляд встречает или заборы, или дома, или по-весеннему обнаженные деревья. Душно, скучно.

Хорошо в этом отношении на новом гулянье. Проезду поблизости нет, и расположено гулянье на очень высоком бугре, откуда открывается прекраснейший вид на окрестности Москвы. Синеют Воробьевы горы, кое-где еще сверкающие белыми полосами нестаявшего снега; поблескивает поблизости еще не умирившаяся Москва-река; направо видны железнодорожные мосты, Дорогомиловское кладбище и далекое Кунцево.

По характеру увеселений и публики новое гулянье на первый взгляд ничем не отличается от Девичьего поля. Те же народные театры, те же балаганы, панорамы, карусели и клоуны. И остроты все те же: о рыжих, о первой гильдии “подлецах”, обладающих носом в виде пяточка. То же зазывание и в балаганы. На галерее “шотландского цирка” какой-то растрепанный молодец в пестрядинной рубахе зычно выкрикивает все одну и ту же фразу, в которой он старательно перечисляет все богатства цирка.

– Дрессированные собачки, лошадки, обезьянки и восемь артистов!

Благодаря дешевизне входа (по пяточку), публика берет места с бою, и у дверей невероятная толкучка. Но не пустуют и другие балаганы. Скрипят не умолкая вертикальные карусели, и зрители залюбовываются одной парой катающихся, самой, наверное, счастливой парой в мире. Он обладает именно рыжей бородой, но нисколько, по-видимому, не смущен злополучным придатком. Да и вообще он выше предрассудков и с трогательным спокойствием обнимает ее, краснощекую, белозубую. Карусель кружится

быстрее, и она, по женской своей слабости, начинает повизгивать и прячет голову к нему в колена, а он любовно постукивает ее по спине и кричит что-то веселое смеющимся зрителям.

Присматриваясь к публике, я нахожу в ней разницу сравнительно с публикой Девичьего поля. Здесь, на новом гулянье, толпа более однородна по лицам и костюмам, более проста и искренна в выражении своих чувств. По-видимому, все это фабричные со смежных фабрик, в большинстве знакомые друг с другом. И что меня очень удивило, я совсем не видал пьяных, хотя неподалеку зияла разверстая пасть винной лавки. Были слегка выпившие, но и тех мало.

В сторонке, за балаганами, собралась кучка народу, и из середины ее доносятся бойкие звуки плясового мотива. В узеньком пространстве, оставленном толпой, пляшут двое. Один, высокий, тощий, с лошадиным профилем, серьезен до мрачности, и пока ноги его выделывают самые замысловатые и неожиданные курбеты, – туловище неподвижно и глаза смотрят в одну точку. Во втором плясуне чувствуется артист. Глаза его вдохновенно устремлены в небо и губы что-то пришептывают, пока ноги с удивительной легкостью переносят его из одного конца в другой. Первым сдается ремесленник и останавливается. Противники серьезножимают друг другу руки и благодарят музыканта.

– Ну-ка со мной, – говорит артисту пожилой рабочий, по-видимому, отставной солдат, бойкий и веселый. Артист выражает согласие, и солдат становится в позу. Жена его стоит тут же и лущит подсолнухи.

Давно уже надвигавшаяся серая туча осыпает толпу частой, девственно белой крупой, и все разбегаются под защиту навесов.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(14 апреля 1900 г.)

В субботу, вечером, во время пасхального служения, возле всех московских церквей, мимо которых мне случилось проходить, я видел несколько темных характерных фигур. Они держались в стороне от освещенных церквей, окруженных толпой праздничного и болтающего люда, и далеко от сияющих свечами полотняных бараков, заставленных пасхами и куличами. Неподвижно темнели они у серых заборов и за деревьями садов, которыми окружено большинство церквей, и внезапно, точно выскакивая из-под земли, становились на дороге, когда на ней показывался шедший в церковь или из церкви. Многих они пугали своим таинственным появлением – точно это были мертвецы, вытолкнутые землей из своих темных недр, – и испуганные оставляли без ответа протянутую руку и возглас: “Христос Воскресе!”; другие давали им подавание; одна маленькая, но храбрая женщина сама пошла навстречу громаднейшему оборванцу и дала ему свою лепту.

Все это были пасынки больших улиц и родимые дети хитровских ночлежных домов, разбредшиеся в эту ночь по Москве в расчете на христианские чувства своих старших и счастливых братьев. И немало, вероятно, грошей перепало на их долю.

Но было ли что-нибудь светлое в встрече праздника с протянутой за подаванием рукой? Пусть реже встречала рука отказ, но когда и грош падал в нее, не жег ли он, хоть немного, эту руку?

Просматривая последний номер “Нового времени”, я встретил в хронике такого рода заметку:

“Разговенье для бедняков было устроено в ночь с 8 на 9 апреля мировым судьей 18 участка С.И. Никифоровым в ночлежном приюте Е.П. Макокина, что в 7-й роте Измайловского полка. Судья прибыл в приют к 10 1/2 часам вечера, к началу молебствия и освящения пожертвований, сделанных как им, так и Макокиным с некоторыми обывателями 1 участка нарвской части. По окончании богослужения судья христосовался с ночлежниками и лично с помощью владельца приюта оделял их куличами, пасхой, яйцами, колбасой, чаем, хлебом и деньгами. Более 500 бедняков встретили Светлый праздник сытыми и довольными”.

В Москве, которая славится своей добротой, в которой так много попечительств о бедных, еще легче можно было бы устроить подобную раздачу. Нет сомнения, что пожертвований для этой цели поступило бы больше, чем нужно. Необходимы только люди.

* * *

Продолжая обзор московских праздничных развлечений, побывал я и в манеже на цветочной выставке г. Золотарского.

Признаюсь, я шел в манеж с некоторым страхом. В последний раз пришлось мне быть в нем на масляной неделе, когда г. Омон устраивал там многообразные и веселые зрелища. И не знаю, было ли то свойством масляной недели или общим свойством развлечений, исходящих от г. Омона, только отовсюду веяло беспросветной пошлостью и грязью. “Эти дамы” все до одной переселились из Кузнецкого переулка в манеж, а за ними перекочевали туда же и “эти мужчины”, и вся эта толпа беспорядочно двигалась, галдела и неистово восторгалась пением шансонетных певиц. И было в этой толпе что-то специфическое, омовское, и отдельные, непрофессиональные посетители, привлеченные в манеж широковещательной программой, выглядели растерянными и удивленными. Так, по крайней мере, было вечером; днем, говорят, было лучше, но днем побывать мне не пришлось, да и желания к тому не являлось.

Другое впечатление вынес я от выставки г. Золотарского. Прежде всего не рябило в глазах от пестро раскрашенных декораций и от массы объявлений, которые у г. Омона играли роль украшений и торчали всюду. Масса очень красивой зелени приятно смягчала яркий свет электричества, а вместо назойливого запаха крепких духов воздух наполняло благоухание живых цветов. Легче и дышалось благодаря обилию зелени и не было так жарко, несмотря на многолюдство.

Развлечений по количеству меньше, чем у г. Омона; по качеству они едва ли выше, но отношение к ним публики иное, что зависит от иного состава публики. Шансонетка встречается сухо; зато невероятный восторг слушателей вызывают “обличительные” куплеты.

Нравится всем и изображаемая на открытой сцене пантомима из бурской жизни, удивительно нелепая, но в такой же мере комичная. Особенно смешна бурская идиллия, когда бурка доит корову, и постепенно обе они пускаются в пляс, самый отчаянный.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈17 апреля 1900 г.〉

Вчера я вышел из холодного помещения одной из картинных выставок, унося с собой впечатление пустых и гулких зал, рисованного ярко-синего моря и такого же неба, красивого южного неба. Все цвета спектра сверкали на волнах этого моря, и радостно смеялась изумрудная зелень травы, и задумчиво темнели стройные кипарисы. И пока я смотрел на картины, мне казалось, что нет в мире ничего лучшего этих рисованных морей и деревьев.

Но вот я вышел на грохочущую улицу и увидел лучшее: то было настоящее небо, настоящие тени и деревья. Бледное и бедное красками было то небо; жалкие, голые, еще не согревшиеся от зимы были те деревья, но как ничтожны, как бесконечно жалки и бледны были перед ними самые яркие краски картин! И каким бессильным показалось мне человеческое слово и рука в их надменных попытках передать свет солнца, глубокую, бездонную синеву неба, ласкающее тепло воздуха, гармонические сочетания живых цветов и звуков!

Да, в этом грохоте улиц, стонущих и ноющих под копытами лошадей и железом быстрых колес, в этом непрерывном мерцающем движении разноцветной толпы, шумной, радостной и возбужденной; в этом сиянии неба и солнца и скромном лепетании городских ручейков, преследуемых и гонимых, — во всех этих звуках, цветах и движении была чудная гармония волнующейся жизни. Грубый голос тяжелого труда сливался с мягкими звуками счастливого безделья и отдыха, и если это был диссонанс, то красивейший и оригинальнейший в мире диссонанс.

Невольное возбуждение и радость охватили душу; я забыл о жалких картинах выставки и смотрел, и слушал, и подставлял солнцу лицо, измученное холодами и ветрами зимы, и радовался, что я могу слушать, а главное, смотреть, смотреть...

Какая это чудная вещь — глаза!

* * *

В редакцию не стоило идти; там слишком мало солнца и слишком много газет, и я взобрался на верх первой попавшейся

конки: пусть везет, куда хочет, так как везде светит солнце и везде суетятся люди, ошастливленные весной.

На одной из остановок на империае взобралась пара мужиков; один старый, низенький, с багрово-кирпичным лицом и рваной шапкой, надвинутой до носа; другой – молодой, здоровый, с красивым, но неподвижным лицом. На нем был полушубок с ярко-желтыми заплатами, и в руках он держал длинную палку.

– А где мы сейчас едем? – спросил молодой мужик.

– По Тверскому.

– О! А как деревья стоят?

Я посмотрел внимательнее на мужика и увидел неподвижные и мутные глаза. Он был слеп. И он рассказал мне, что уже десять лет он ничего не видит. Был он рабочим на конке, как-то раз попал между вагоном и телегой и повредил себе голову. Повреждение было найдено неважным, но через три месяца он ослеп.

Говорил слепой громким и как будто равнодушным голосом. Но когда он стал расспрашивать о том, какая теперь Москва, в его наивных, простых и для меня, зрячего, странных вопросах зазвучала жгучая тоска, от которой веяло беспросветной, вечной тьмой и горем.

– Иной раз такая скука обуяет, – сказал слепой все тем же быстрым и громким голосом, точно стыдясь своих слов.

– Ну, и как же ты?

– А так. Помирать нужно.

Когда я сходил с конки и бросил последний взгляд на слепого, он сидел, отвернувшись в сторону, все с тем же неподвижным лицом, и вытирал пальцем незрячие глаза, из которых катились слезы.

Он думал, вероятно, что никто этих слез не видит.

Пожалуй, он был и прав.

* * *

Не знаю, светило солнце или нет, когда я возвращался домой, и продолжалась ли или стихла чудная гармония волнующейся жизни. И мне казалось, что тогда только станут чудной вещью глаза, когда они перестанут видеть людей, у которых глаз нет и которые несчастны.

Скучной и безлюдной стала улица, хотя на ней продолжали двигаться вереницы экипажей и людей. И в голову приходили все скучные мысли, вспоминались и скучные газеты.

Вспомнилось и то, что я прочел в одной из них по поводу ограничения гонораров “увечных” адвокатов и радость по этому поводу какого-то добродетельного фельетониста.

А нужно ли радоваться?

Ведь нельзя забывать того обстоятельства, что громадное большинство несчастных, получающих увечья, принадлежит к темному люду, часто даже и не подозревающему о своем праве на вознаграждение. И адвокаты должны не только просто принимать такие дела, но и идти им навстречу.

Но кто из адвокатов-неблаготворителей возьмет увечное дело, продолжительное и рискованное, из 10 %? Пожалуй, и возьмет, если не будет другого дела и это будет само даваться в руки, но пойдет ли он разыскивать такое дело? Известный Мунчак, бравший со своих клиентов половину, а то и 3/4 вознаграждения и разыскивавший их по всей России, был, конечно, человеком безнравственным и порочным, но не лучше ли даже “Мунчак”, чем полный извод “увечных” адвокатов, о которых принято думать, что они наживаются?

Кто пойдет теперь разыскивать “увечного”, который сам “не догадывается”? И кому принесет выгоду извод “увечных” адвокатов: искалеченным, которые все же получали половину, или различным учреждениям и обществам, которые ничего не хотят платить и теперь обе половины будут удерживать в своем кармане? И что нужно оберегать: нравственность адвокатов или благо увечных?

Не знаю, быть может, уже одной постановкой таких вопросов я впадаю в ересь, непростительную с точки зрения права. Но эта радость по поводу сокращения гонораров мне лично представляется криком:

– Да здравствует адвокатская добродетель и да погибнут увечные!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈20 апреля 1900 г.〉

В “Новом времени” некто г. Гамаюн открывает отдел житейской философии, или, как он иначе его называет, “житейской рецептуры”. В качестве “пробного образчика” г. Гамаюн дает изложенный в беллетристической форме отрывок под заглавием: “Искусство получать хороший гонорар”.

По наблюдениям автора, искусство получать хороший гонорар не сложно. Редакторов, которые чуяли бы истинную нужду человеческую, можно перечесть по пальцам, а таких, которые смыслили бы что-нибудь в литературе, совсем нет. И для того чтобы получить от такого редактора аванс, нужно прийти, лечь на редакторский диван и таким образом разговаривать. Не дурно также положить ноги на редакторский стол. Несомненный успех обеспечивают голубые брюки.

Не знаю, каких редакторов и сотрудников видел г. Гамаюн. Не стану спорить, что грубость и наглость часто затемняют истинные услуги – в какой бы это области ни было: литературной, научной или узко гонорарной.

Но где г. Гамаюн видел таких женщин-писательниц, каких он изображает своим легким пером, недоумеваю. Вот, например, одна из них: “Катишь Чепелкина”. Когда входит к редактору, всегда одета с особой пикантностью и надушена самыми одуряющими духами. Она щебечет без умолку, как вольная пташка, обо всем на свете, кроме литературы, и лишь тогда, когда почувствует, что редактор достаточно одурел... вдруг бросается к нему на шею с наивным полудетским возгласом: “папка, давай пятьсот рублей??” Ну, конечно, папка тает и дает пятьсот...

По-видимому, здесь недоразумение, и очень печальное недоразумение. Если г-жа Чепелкина и женщина, то едва ли писательница. И если ее и видел где-нибудь г. Гамаюн, то едва ли в комнате редактора.

Да писатель ли, наконец, и сам-то г. Гамаюн? Конечно, он получит от редакции “Нового времени” гонорар и, надеюсь, большой – но для писательского ценза этого еще недостаточно. Нужно еще уметь обращаться с печатным словом.

И если вместо исследования вопроса о наилучших способах добывания гонораров г. Гамаюн напишет краткое руководство к честному литературскому труду, – он с большой пользой может напечатать его на первой странице “Нового времени”.

* * *

На 30 апреля назначены новые собрания присяжных поверенных для дополнительных выборов члена совета.

По-видимому, это одна только формальность, к которой обязывает гг. присяжных поверенных закон. Едва ли состоится это собрание теперь, когда летние жары ослабляют всякую энергию. Да и стоит ли беспокоиться, собираться? Пройдет лето, а там осень и вот уже новый отчет и новые выборы. Нужно поберечь силы для будущего.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(22 апреля 1900 г.)

Бывает так, что многие годы живет один человек с другим и привыкает к нему, так что перестает понимать его. Каждый день, и утром, и вечером, видит он перед собой одно и то же лицо; разговаривая, бранясь, шутя или ласкаясь, он смотрит на это лицо. Изучена на лице каждая морщинка и складка; запечатлены в памяти все его выражения, начиная от смеха, кончая гневом и плачем. И в этот момент, когда привычка поместится между вами, ваш глаз теряет свою власть над тем, что он видит. Точно на твердом камне, на ретине его вырезался образ, и все, что он мог дать вам, этот образ уже дал. И пусть беспощадное время продолжает свою грозную работу над изученным вами лицом; пусть оно прорезает новые морщины, накладывает новые густые тени и подмешивает грязь и уголь в яркие краски молодости; пусть более безрадостным делает оно смех, более жалким плач и более бессильным гнев – вы не увидите этих перемен. И все тот же плач и смех будете слышать вы, и, привычный, он не будет трогать вас. То, что было живым и мощным впечатлением, стало бесплотным символом, бессильным знаком и утратило связь с вашим сердцем.

И не только лица людей близких становятся привычными и непроницаемыми, словно их покрыл какой-то состав, по которому скользит взгляд, – все другие лица мало-помалу покрываются этим составом. Все они становятся символами, чем-то схематически отвлеченным и немым при всем своем богатстве выражений. Для вас существуют сотни категорий лиц – вы привыкли к л и ц у ч е л о в е к а , заранее представляете себе его и все, что оно может выразить, и вы не увидите его истинного выражения. Так же вырезаны на вашей сетчатке и в вашем мозгу лицо извозчика, лицо художника, писателя, лицо оборванца, лицо голодающего, страдающего или смеющегося человека, и вас не трогает ни пошлость одного, ни одухотворенность другого, ни страдание третьего. Словно не люди проходят перед вами, а какие-то типографские значки.

Пожалуй, что это и хорошо, иначе пыткой была бы всякая прогулка по улице.

И чтобы глазом увидеть человека, а не формулу, приходится смотреть на то в человеке, что не покрылось еще лаком привычки. Попробуйте, идя по улице, смотреть не на лица, а хотя бы на такую второстепенную и маловыразительную подробность, как ноги или руки, и вы увидите и узнаете много людей. Часто какой-нибудь испорченный ноготь на пальце, морщина на ладони, почерневшая от угля, стоптанный башмак или рыжий сапог скажет вам больше, чем самое выразительное лицо, самый красноречивый рассказ и горький плач. Не по лицу узнаете вы хитровца, а по его ногам.

* * *

И с этой точки зрения картина С.В. Иванова на передвижной выставке “Этюд из арестантской жизни” заслуживает серьезного внимания.

Что дал бы нам С.В. Иванов, если бы он изобразил лица арестантов? Наверное, уже сейчас вы представляете себе эту картину: лица, одни усталые, другие веселые, третьи печальные; глаза, полные тоски, гнева или слепой животной покорности; головы квадратные, злодейские; лбы тупые, бычачьи или развитые, умные. Быть может, каждое из этих лиц навело бы вас на размышление: а что сделал вот этот, звероподобный? – вероятно, целую семью вырезал? А этот, такой симпатичный и жалкий? А вот у этого даже, вероятно, семья и дети остались, – ишь как смотрит он куда-то в глубь себя и своих воспоминаний.

Не спорю, что в таком виде картина могла бы выйти очень хороша; вы увидели бы много арестантов, очень живо исполненных, и задумались бы о том, как нехорошо быть арестантом.

Но нашли бы вы в такой картине просто людей? Не арестантов, не преступников, не несчастных (и все это по трафарету), а людей таких, как и вы, и я, как и ваши знакомые? Нашли ли бы что-нибудь общее между этими физиономиями, неизгладимо обезображенными пороком и горем, и лицами тех, кого вы привыкли считать единственно за людей и с кем вас соединяет сочувствие? Наверное, нет.

И мне кажется, что, не изобразив лиц, С.В. Иванов дал в своей картине больше, чем мог бы дать в противном случае.

Я вижу людей, которые охвачены смертельной усталостью и сном, уничтожающим всякую границу между преступником и святым. Я не вижу их лиц, тех особенных лиц, которые сразу воздвигают между нами неодолимую преграду, и преступность отпадает, т. е. отпадает то, что делает их непохожими на других людей, делает их особенными, не просто людьми, а арестанта-

ми. Я вижу ноги и кандалы. Кандалы говорят лишь о том, что люди эти не свободны, а ноги, обутые в истертые валенки, в онучи, в какое-то подобие обуви, говорят о долгом и страдальческом пути. И опять думаю я не о том специфическом, что делает мне этих людей чуждыми, не об их преступности, раскаянии и преступных слезах, а представляю я себе те общечеловеческие страдания и радости, которые выпали на долю этих ног, таких же ног, как у меня и всякого другого. Мне чудится, как шагали эти ноги по горячей пыли и как им было то приятно, то мучительно; я представляю себе грязь, глубокую осеннюю грязь и лужи, наполненные холодной водой, и эти жалкие ноги, издрогшие, измученные. И все дальше и дальше уводят меня эти ноги; вижу я их счастливыми и легкими, когда, не скованные еще кандалами, они ходили по родимой земле, шли за сохой, плясали на свадьбе, качали ребенка или легкомысленно путались одна за другую, обессиленные хмелем. Вижу я эти ноги, обласканными бархатом травы, ступающими по цветам или обмытыми чистой водой ручья и осторожно переступающими по его песку и камням. И видится мне, наконец, как с нерешительной и боязливой дрожью поднимаются эти ноги по каменным ступеням суда.

Разве в эту минуту не вижу я просто людей, которые страдают понятным мне и всякому страданием и радуются понятной радостью? И разве не достиг своей цели художник, если эти черные кандалы, которыми скованы свободные человеческие ноги, начинают казаться мне чем-то диким, ужасным, неестественным?

При той трактовке сюжета, какую видели мы в картине С.В. Иванова, глубокий и серьезный ставится вопрос. Не о страданиях и радостях преступника, а о том, что это за странное и непонятное явление, к которому мы привыкли, но которого не разрешили, — преступление и наказание?

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(24 апреля 1900 г.)

На картинной выставке С.-Петербургского общества художников я видел удивительный и редкостный образец символической живописи.

Картина № 247.

Сперва я подошел к ней так, как обыкновенно подходят к картинам, т. е. стал против нее и посмотрел. Потом я подошел к ней так, как обыкновенно к картинам не подходят: на цыпочках, бочком, и посмотрел на нее не прямо, а этак искоса. Потом я смотрел на нее на расстоянии, потом в непосредственной близости, потом снизу и очень жалел, что не могу посмотреть сверху. Я чувствовал, что не могу расстаться с этой картиной, пока не пойму, что хотел сказать художник. Чем глубже скрыт смысл, тем он должен быть значительнее и выше, — полагал я, и искал его так долго и настойчиво, что постепенно сам я превратился для остальной публики во что-то вроде символа, а в моих движениях, весьма неожиданных, они искали смысла.

Лишившись надежды найти смысл непосредственно, я стал искать настроения от картины, чтобы потом от настроения перейти к смыслу, как это обычно делается. И, к великому горю, я увидел, что настроение скрыто так же глубоко, как и смысл.

Это было ужасно. Мне предстояло еще осмотреть целую выставку, и я не мог оторваться от одной этой картины. И, что было всего обиднее, другие, видимо, понимали картину и очень быстро проходили мимо, а кто-то настолько понял, что даже купил картину. Вот и билетик: “продано”.

И я опять смотрел и при всех усилиях видел одно: голую женскую спину, слегка желтоватую и некрасивую, как некрасива и часть лица, которая видна из-за плеча. Пытка становилась невыносимой. Потихоньку, чтобы не увидели другие, я дрожащими пальцами раскрыл каталог и прочел:

Штембер В.К. 247. “С п и н к а”.

Так вот что. Спинка. Не спина, не спиница, а спинка. Теперь все понятно. Впрочем...

Не понимаю. Ей-богу, не понимаю!

* * *

Сильным настроением проникнута картина И.Ф. Порфирова “Магдалина”. Пустынная, унылая местность, озаренная синими лучами рассвета; женщина, бессильно уронившая голову на руки и припавшая грудью к земле, покрытой чохлой, выгоревшей травкой; возле догорающий светильник. Видно, что давно уже находится здесь эта женщина и уходящая ночь видела ее все так же распростертой, точно придавленной к земле тяжестью греха и раскаяния. Томительно тяжелой вереницей, словно ночные тучи, идут мысли в этой бедной головке. Но проходит ночь, очищается небо, – и далекий свет новой жизни проникает в грешную душу.

* * *

Как много русского, чисто русского в истории с корреспондентом Сосновским, напоенным и убитым. Незадавшийся нотариус, типичный русский интеллигент с его мягкостью, добродушием, потребностью обличения зла – и несчастной слабостью, от которой трудно у нас оберечься живому и чувствующему человеку. Зброшенный судьбой в деревню, Сосновский превращается здесь в ту незаметную культурную силу, которая возбуждает презрение и недоверие в горожанине, а в действительности – путем сближения с невежественным населением вносит в него начала иной жизни.

Нужно упасть, чтобы стать ближе к меньшему брату. И Сосновский падает. Он пьет с крестьянами, пишет для них по кабакам прошения – и время от времени обличает в газетах деревенских заправил.

И его убивают. Убивают те, в чью пользу он обличал, те, с кем он дружески выпивал и беседовал. И бессмысленно, дико убивают как-то: попросил старшина сделать так, чтобы он его “больше не видел”, дал по полтиннику, и два российских брави готовы. Один берет палку, другой запасается камнем и в качестве ненаказуемого и всегда готового пособника приобретает бутылку водки. С ней и умирать легче, и убивать не так страшно.

Дико и страшно.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(1 мая 1900 г.)

Отвратительнейшее впечатление производит весна, т. е. что творится данное время в природе и называется в силу рутины весной. Термометр превратился в какого-то балетного прыгуна и делает самые неожиданные и нелепые скачки. Думаешь, вот-вот упадет, а он становится на носок и кокетливо улыбается; ну, думаешь, установился, а он уже распластался на земле и ножкой от холода дергает.

Не говоря уже о черном сонме болезней, которые несет с собой такая погода, она оказывает крайне вредное влияние на нравственную сторону человека и, на мой взгляд, положительно должна быть запрещена. Я имею в виду внушаемое погодой пагубное недоверие к законам природы и думаю, что до сих пор при оценке всякого рода общественных явлений слишком мало обращалось внимания на эту причину умственной шаткости.

Что-нибудь из двух: или ввести природу в законные границы, или же, при возможном сопротивлении природы, изменить соответствующим образом календарь, ибо при настоящем положении дел календарь прямо развращает.

Я чувствую, что сказано сильно, но обратно своих слов не беру. Действительно, смотрю я утром на календарь, изданный Сытиным и разрешенный цензурой, и верю искренно и глубоко, что сегодня, 30 апреля, день весенний. Какое должен я надеть пальто? Если я заражен пагубными влияниями времени, я иронически взгляну на календарь и скажу: “А ну-ка, Даша, посмотри, какова погода?” – и надену пальто теплое. Но ежели я неуклонно стремлюсь к благонаравию, я ни слова не скажу Даше и надену пальто весеннее.

И что же? Не прошел я и двух шагов, как меня начинает обсыпаять снегом. Потом краснеет нос, потом руки. Потом я начинаю дрожать – и от холода, и от сомнений.

Сколько в один этот миг сомнений утрачу я нравственной чистоты – подумать страшно!

А как легко поправить дело: маленький циркулярчик из участка, что вот-де нынче не 30-е апреля, а 4-е, положим, марта,

и я весел, и я спокоен и готов ко всякого рода испытаниям. И как бы тяжки они ни были, не возропщу, ибо если я и мерзну, то на законном основании.

* * *

Скончался журнал “Звезда”. Не знаю, что это был за журнал, — мне только раз пришлось видеть один его номер, в котором была перепечатана одна мне известная статья, без всякого указания на источник, откуда она взята. Помнится, что я еще удивился бесцеремонности журнала, и удивление мое не уменьшилось, когда мне сказали, что “Звезда” всегда перепечатывает свои статьи и, вопреки своему названию, светом сияет заимствованным.

Теперь издатель журнала г. Животов пишет: «За три года издания я успел приобрести такие сердечные болезни, которые принудили меня лечь в Еленинский клинический институт и, по свидетельству проф. Афанасьева, я лишен всякой возможности заниматься журнальным трудом. Между тем, кто читал “Звезду”, тот видел, что я был не только ее издателем, но автором половины статей, фельетонистом, романистом, корректором, экспедитором и т. д.».

Загадочный журнал.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(2 мая 1900 г.)

Должен признаться, что я совершенно равнодушен к парижской выставке. Бесспорно, выставка вещь хорошая и даже очень хорошая – для тех, кто увидит ее. Несомненно, она свидетельствует о крупных завоеваниях, какие совершило человечество в области технического прогресса. Удивительной силы и красоты машины, сверхъестественной зоркости телескоп, карта звездного неба, движущиеся тротуары, гигантская карусель, морское путешествие, не сходя с места, и т. п., и т. п. Все это великолепно, 10 поразительно, грандиозно, величественно!

И ни до чего из этого великолепного и грандиозного мне нет ни малейшего дела.

И даже больше того: пусть изобретут, откроют какую-нибудь совершенно невиданную и неслыханную и неожиданную штуку – например, с полным комфортом полетят по воздуху, – мне нет до этого ни малейшего дела.

Ни малейшего.

Ибо какое касательство к техническому и промышленному прогрессу имею я, срединный русский обыватель, не обладающий ни наследственными, ни благоприобретенными капиталами? У меня нет дома-палаццо на Воздвиженке; нет магазина в пассаже или на Кузнецком; я не принадлежу к “товариществу” и ни разу не видал нефти в неочищенном виде. Я не директор, не владелец копей, не акционер.

Мне имя – легион.

И если прогресс и касается меня, то разве так: опирается о меня, чтобы сильнее прыгнуть вперед. И прыгнув – он тем же движением толкает меня назад.

Да, назад. Всякое движение технического прогресса в п е - 30 р е д – для меня, имя которому легион, – еще новый шаг назад. И таких шагов приходится делать много, ох как много.

В тот момент, когда я родился, я был гражданином конца XIX века. По мере того как я выросал, я отодвигался вглубь – сперва к началу XIX века, потом дальше, и теперь, когда наступает XX век, я чувствую, что я полноправный гражданин средних веков.

Гражданин XX века передвигается посредством курьерских поездов, велосипедов, автомобилей, экипажей на резиновых шинах и всего остального, что дал прогресс, – я же, как и в средние века, передвигаюсь при посредстве собственных ног, или на извозчике, или на конке (два вида средневековой пытки). В крайнем случае я еду с товаро-пассажирским поездом.

Какая же мне радость, если полетят по воздуху, – ведь я все равно буду ходить пешком? И даже хуже будет: теперь я должен остерегаться одних резиновых шин, а тогда еще сверху какой-нибудь директор правления плюнет на меня.

Гражданин XX века переговаривается путем телеграфа, телефона, фонографа; пишет посредством пишущей машины, – я держу перо тремя пальцами, как и в средние века, и если желаю поговорить, должен подойти вплотную.

Для гражданина XX века существуют водопроводы, паровые и иные отопления, электричество, – мне светит керосин, печку топлю я скверными дровами, и воду доставляет мне средневековый водонос. Видели вы когда-нибудь этих водоносов, когда они по утрам собственной грудью втаскивают по горбатой мостовой тяжелую бочку?

Конечно, кое в чем и я сознаю себя стоящим наравне с гражданами XX века: в средние века за свою квартиру я заплатил бы копеек сорок в месяц, а сейчас плачу пятьдесят рублей.

60 Какое же мне дело до парижской выставки?
Ни малейшего.

* * *

Вчерашний проект об исправлении календаря – мой собственный. И выступил я с ним по той простой причине, что теперь всякий, кто умеет писать, выступает со своим проектом.

Вот, например, еще один проект, на этот раз не мой, а одного очень почтенного обывателя, озабоченного дурными порядками, господствующими в области гражданской службы. Желая ввести в эту область начала оздоровления, почтенный реформатор между прочим предлагает:

Пункт 1. “Каждое министерство должно иметь свои учебные заведения, как это мы видим в министерствах: водяном, морском и в духовном ведомстве, и вырабатывать для себя служащих”.

Предложение весьма целесообразно и открывает самые широкие перспективы. Вообразите юношу, готовящегося в министерство финансов, на практических занятиях. Ведут его по улице и, показывая окружающее, спрашивают: “Что бы, например, из сего обложили?” Или: “У вас нет ни копейки, но деньги нужны до

зарезу, ибо нужно платить долги, – как вы поступите?” Представьте себе другого юношу, готовящегося в министерство народного просвещения. Дают ему каталог из библиотеки и спрашивают: “А какие бы вы книги отсюда вычеркнули?” И он сидит и черкает – такой маленький и такой уже умный. Что же будет, когда он вырастет!

Пункт 9. “Нужно ввести в гражданской службе суд чести, какой имеется в военной службе”.

Например, канцелярист второго стола первого отделения назвал канцеляриста первого стола второго отделения “безмозглым идиотом”. Сейчас же вывести обоих в коридор и дать по револьверу: пусть себе стреляются. Конечно, нужно следить при этом, 90 чтобы заряды не были холостыми.

Много и других мер предлагает глубокомысленный прожектор, но мы удовольствуемся перечисленными.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(3 мая 1900 г.)

Чрезмерное развитие пьянства, вызывающего длинный ряд самых нежелательных явлений, давно озабочивает мыслящих людей. Количество и разнообразие мер, предлагаемых ими для искоренения пьянства и обуздания пьяниц, столь же велико, как и количество пьющих. Не входя в обсуждение рациональности тех или иных мер, не могу обойти молчанием резкого противоречия между жизнью и словом, между правой рукой и левой. Верх жизненной иронии – алкогольная комиссия, вырабатывающая меры для борьбы с пьянством – и заседающая против открытых дверей кабака, открытых настежь, открытых днем и ночью. Верх иронии – родители, учащие детей пить, весь склад жизни, поощряющий пьянство, и громы, которые обрушивает теперь комиссия на “привычных пьяниц”.

“П р и в ы ч н ы й пьяница”... Сколько иронии в самом этом названии! Куда же смотрели все, пока он еще не был привычным и только п р и в ы к а л?

* * *

В том виде, в каком ведется сейчас пресловутая борьба с пьянством, она представляется мне в виде игры – не столько полезной, сколько веселой.

Правила ее не сложны.

Все играющие садятся на стулья, образуя очень тесный круг, и на коленях держат бутылки с водкой, коньяком и т. п., так чтобы похоже было на винные лавки и рестораны. Избранный в “привычные пьяницы” входит в середину круга и сперва ходит на четвереньках, изображая из себя маленького. С развитием игры он выпрямляется, потом начинает шататься, петь, наконец, ругаться и драться, наглядно изображая все те перемены, внутренние и внешние, какие постигают привычного пьяницу. Перед концом игры он должен пырнуть кого-нибудь ножиком, конечно, бутафорским.

Задача играющих – не выпускать “привычного пьяницу” из круга. Для этой цели все сидящие и твердят:

– Ах, хорошо выпить!

И когда “привычный” делает попытку прорваться, стулья сближаются и к нему протягиваются горлышки бутылок с тем же припевом:

– Ах, хорошо выпить!

Нужно при этом стараться попасть горлышком бутылки ему в рот, и когда кому-нибудь из играющих это удастся, все на минуту умолкают и затем тихо хором шепчут:

– Тсс! Молчание! Он привыкает!

После этого возгласа все наигрывают на губах какой-нибудь веселенький мотивчик. Для разнообразия в игре можно сыграть и печальный, но поощрительный, вроде такого:

Рассудок твердит укоризну,
Но поздно, меня не спасти:
Над сердцем справляю я тризну –
А там... хоть трава не расти!

Роль “рассудка” дается кому-нибудь из играющих, и он при самом еще начале игры уводится в другой конец дома и запирается в темной комнате на ключ. Обязанность его – шептать в замочную скважину:

– Вино – яд. Вино – яд.

Бутылку этому играющему давать не следует, так как бывали случаи, что от темноты и скуки он серьезно напивался и нарушал правила игры, во все горло крича:

– Пей вино ты без заботы!..

Особенное внимание играющие должны обратить на возглас: “Тсс! Молчание! Он привыкает!” Слова эти, в начале игры произносимые тихим и осторожным шепотом, приобретают постепенно зловещую выразительность и звучат гневом, насмешкой и презрением. Главное, презрения нужно побольше. В тот момент, когда заключенный в круг перестает, по правилам игры, вырываться и сам ловит губами горлышки бутылок, стулья раздвигаются, открывая проходы, и “рассудок” выпускается из темной комнаты. Он ходит следом за “привычным” и, если не пьян, говорит присвоенную ему фразу:

– Вино – яд. Вино – яд.

Кончается игра тем, что “привычный” делает мнимую попытку кого-нибудь ударить. Тогда все играющие встают со своих мест, поднимают обе руки к небу и громовым голосом поют:

– Несчастный! Он привык!

И все сразу набрасываются на “привычного пьяницу” и, слегка подталкивая, ведут его в темную комнату, в которой раньше сидел “рассудок”; там его запирают и держат два года, как решила

петербургская алкогольная комиссия. Но, конечно, это нарочно, и, закрыв дверь, его тотчас же открывают, и “привычный пьяница” при общем смехе выходит.

После игры, в которой могут принимать участие дамы и дети, хозяин дома приглашает гостей:

– Господа, пожалуйста закусить и выпить!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(4 мая 1900 г.)

Хоть я не техник и не инженер, не был ни в Америке, ни в Саксонии, но я живу в Москве, и уже одно это счастливое обстоятельство делает меня человеком весьма сведущим по части мостовых. И я знаю два типа мостовых: хороший тип и скверный тип; первый тип я изучал теоретически, а второй постигал ежедневно на практических занятиях.

Конечно, при моих ограниченных знаниях я не могу говорить о мостовых ни так долго, как говорил в думе С.И. Лямин, ни так красноречиво и весело, как говорил Н.А. Алексеев. Моя скромная задача – поделиться наблюдениями, которые мне невольно приходилось делать над московской мостовой.

Почему городская комиссия по улучшению мостовых столь решительно высказалась против булыжника?

На мой взгляд, к булыжнику вполне применима известная поговорка: *senator bonus vir, senatus autem mala bestia**. Другими словами: каждый булыжник в отдельности – вещь достойная и обладающая совершенствами; группа же булыжников, или так называемая мостовая – нечто отвратительное и ужасное. Но при этом не всегда отвратительная – а только в Москве. В Петербурге и других городах мне приходилось ездить по булыжной мостовой – и это была прекраснейшая мостовая; да и в Москве встречаются изредка уголки, по которым едешь как по асфальту.

И если булыжник портит экипажи, лошадей и нервы, то он вынужден к этому легкомысленным и подчас жестоким к нему отношением. Вместо того чтобы расколоть булыжник и камешки уложить рядом, берут булыжник прямо, как мать его родила, и бросают в песок, слегка стукнув по голове. Получается дюжина Араратов, по которым можно только прыгать с вершины на вершину, а никак не ездить. Не довольствуясь полученным горным пейзажем, устраивают искусственные долины, плато и ущелья. Здесь вы видите, как бурно рвется дикий Терек; дальше голубеет

* Сенатор – муж достойный, сенат же – злая bestia (лат.).

под солнцем Женевское озеро. Я уверен, что среди бактерий, находящихся на наших мостовых, существует свой клуб альпинистов для восхождения на булыжник.

Но все же и с такой мостовой можно было бы помириться, если бы ее не подвергали время от времени ужасной операции, называемой ремонтом. Заключается ремонт, как известно, в том, что посреди улицы сажают трех флегматичных юношей и бросают их на произвол судьбы. Юноши перекладывают две-три булыжинки с одного бока на другой и изменяют рельеф местности в том смысле, что на месте неглубокой лощины появляется высочайшая гора. Чтобы никто не видел совершенного безобразия, юноши засыпают каменный волдырь песком и незаметно скрываются.

Мне кажется, что при таком способе мощения и ремонт является совершенно безразличным, будет ли у нас булыжник, асфальт или торец – безнадзорные юноши все сумеют испортить. Если хотите убедиться в этом – посмотрите на существующие уже клочки асфальтовой мостовой, которую приятно разнообразят горбы и провалы.

* * *

Меня просили обратить внимание на редкий случай коммерческой честности. Одна дама сделала в большом московском магазине покупки, которые со счетом были доставлены домой. Счет был оплачен, а на другой день рано утром к даме явился посыльный из магазина и заявил, что вчера с нее по ошибке было взято за одну вещь рублем дороже, чем она стоит.

И возвратил рубль.

Немного похоже на сказку – но факт. Конечно, это ласточка, которая не делает весны, и притом ласточка с английской фамилией – но все же приятно встретить хоть одну ее.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈5 мая 1900 г.〉

Когда третьего дня я сидел в Коршевском театре и глядел то на сцену, где талантливые артисты усердно профанировали Достоевского, то на зал, откуда просвещенная публика спокойно-поощрительно смотрела на сцену, мне было обидно и за артистов, и за публику. А обиднее всего мне было за Достоевского, над “жестоким талантом” которого наивно посмеялся еще более жестокий талант – г. Дельер. Чувство, которое испытывал я и, как я узнал из разговоров, некоторые другие, было похоже на то, какое является при чтении любимого автора, когда, переворачивая страницу, натыкаешься на карандашные отметки на полях. Какой-нибудь беззастенчивый читатель, неспособный подняться на высоту понимания прекрасного произведения, самодовольно изливает свою пошлость в карандашных строках. Обыкновенно внизу, под этой заметкой, на полях, другой читатель, искренно возмущенный, уже от себя замечает: “Дурак тот, кто писал то-то”.

Представьте же теперь, что эти карандашные заметки набраны и поставлены в строку, слиты с произведением, так что местами ловко стачанные швы почти исчезают. Представьте, что полученное таким образом уродство публично выставляют и преподносят вам, говоря: вот “Преступление и наказание” Достоевского.

Стыдно за артистов, топчущих в грязь родную литературу, которую они призваны оберегать и возвеличивать; стыдно за публику, которая дает возможность таким произведениям ставиться по тридцать, по сорок раз!

* * *

“Московская картинка”, или “Соревнование в области просвещения Смоленского рынка с Охотным рядом”.

Студент московского университета г. А. проходит по Смоленскому рынку и, купив репу, тут же начинает есть ее. Сын торговца Ивана Скорбящего бросает по адресу студента:

– Что, голодная собака, шляешься по рынку с репой?

Студент замечает парню, что его выходка неуместна.

– Неуместна? Так ты вот какие слова выговариваешь! – и г. Скорбящий-сын, при благосклонном участии брата и отца, хватает студента и начинает его бить. Бьют долго, бьют трое, пока прохожие не вырывают из их рук избитого студента.

Мировой судья приговорил гг. Скорбящих к продолжительному аресту.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨7 мая 1900 г.⟩

На днях в “Новом времени” появилось письмо, автор которого г. Березин сообщает о сделанном им открытии: роман г-жи О. Чюминой “За грехи отцов”, напечатанный ею в приложениях к газете “Свет” и весьма г. Березину понравившийся, есть не что иное, как дословная передача какого-то немецкого романа Гунтрама. Г-же Чюминой принадлежат только русские имена, которыми она заменила немецкие, причем имя собаки, участвующей и в немецком романе, и в русском, г-жа Чюмина сохранила немецкое: “Альба”. В конце письма г. Березин приводит параллельные выдержки из обоих романов, действительно обнаруживающие такое сильное сходство даже в отдельных выражениях, которое едва ли может быть случайным.

Знакомый, хотя и поверхностно, с произведениями г-жи Чюминой и ее безупречной литературной репутацией, я намеренно обошел молчанием это письмо в надежде, что оно является плодом какого-нибудь недоразумения и что г-жа Чюмина в скорейшем времени восстановит истину. Действительно, третьего дня появился и ответ г-жи Чюминой. К сожалению, он не обладает той твердой определенностью, какой должно встречать обвинения в плагиате и, кроме того, изобилует мыслями столь сомнительной ценности в литературно-этическом отношении, что я считаю себя обязанным отметить их.

Г-жа Чюмина, отметив заблуждение г. Березина в том смысле, что роман, послуживший материалом для “За грехи отцов”, не принадлежит и Гунтраму, а первоначально появился на английском языке без фамилии автора, говорит... Впрочем, все письмо настолько характерно, что я привожу его почти целиком:

«Что касается моей повести, то стоит внимательно сравнить ее с немецко-английским источником, чтобы убедиться, что я имела полное право подписать ее своим именем: я воспользовалась только ситуациями, уголовной интригой, совершенно изменила вторую часть, ввела новые лица, старалась по мере своего умения осветить психологию действующих лиц, так как только она

и интересовала меня в сюжете. Указать на анонимную повесть “Sworn Foes”^{*} как на источник своей было бы, кажется мне, так же излишне, как считать источником беллетристического произведения какое-нибудь судебное дело или фактическое происшествие, послужившее ему подкладкой.

Г. Березин приводит en regard^{**} две выписки: одну из моего романа, другую – из романа Гунтрама. Мне кажется, что совпадает в обоих отрывках только имя собаки “Альбы”. Я в самом деле “заимствовала” имя собаки так же, как без всякого зазрения совести назвала бы в беллетристическом произведении какую-нибудь служанку тем же именем, какое носит в жизни лицо, послужившее мне моделью.

В остальном разговоры в двух отрывках имеют лишь весьма отдаленное сходство, вызванное одинаковыми положениями. Если бы г. Березин потрудился довести свое параллельное чтение двух романов до конца, он увидел бы, что сходство почти совершенно исчезает по мере того, как интрига от простого уголовного cas^{***} переходит к психологическому изображению характеров.

Повесть моя “За грехи отцов” написана была в духе романов-фельетонов. Это один из моих редких опытов в этой для меня непривычной области. Я не считаю себя романисткой и случайным работам в этом роде не придаю значения. Поэтому я была тем более рада опереться о сюжет уже готовый, стараясь развить его психологическую сторону по мере моего понимания.

Не могу не удивиться обвинению г. Березина. Я работаю в литературе 15 лет, издала несколько стихотворных сборников, ставила пьесы и т. д. Чтобы обвинить меня в скрытых заимствованиях, следовало бы указать на следы их в этих, так сказать, ответственных произведениях. Он же почему-то ищет их в случайной работе, которую скорее можно причислить к области компиляций и переделок, каковы все такого рода романы, помещаемые в приложениях к мелким изданиям. Самый гонорар, которым оплачивается “литературная работа” такого рода, ясно показывает, что это рассматривается как компиляция».

Подписано: О. Чюмина.

Я решительно отказываюсь понять, каким образом г-жа Чюмина может приравнивать повесть, хотя бы анонимную, к судебному отчету или к фактическому происшествию и в такой удивительной мере игнорирует личность известного автора, что

* “Заклятые враги” (англ.).

** рядом, параллельно (фр.).

*** случай (фр.).

пользуется не только в ы д у м а н н о й им интригой, но даже и его именами. Если в отношении юридическом всякую анонимную повесть можно приравнять к находке (топор, который валяется под лавкой?), то все же и в этом случае закон предписывает возратить собственнику две трети, т. е. сказать: взято оттуда-то. В противном случае легко можно дойти до признания находкой “Власти тьмы”. Тоже ведь в некотором роде “судебный отчет” и даже фактическое происшествие, которое очень интересно осветить психологически.

Относясь с полным уважением к литературной деятельности г-жи Чюминой, не могу не заметить, что г-жа Чюмина не совсем верно смотрит на обязанности, налагаемые званием литератора. Пусть ее роман “За грехи отцов” написан в духе романов-фельетонов, помещаемых в приложении к мелким изданиям, – я не думаю этого оспаривать, – своей подписью г-жа Чюмина достаточно удостоверила, что он принадлежит именно ей, и, следовательно, она безусловно ответственна за него. Уважающий свое призвание литератор должен писать так, чтобы он мог уважать каждую строку, выходящую из-под его пера, подпишет ли он ее или нет, получит ли он за нее большой гонорар или маленький. Конечно, дело его вкуса одно из своих произведений ставить высоко, другие низко, но если он решается печатать то, что и самому ему не нравится, то он этим самым берет на себя безусловную ответственность за напечатанное. В противном случае легко можно дойти до того, что я, к примеру, начну писать в комаровском “Свете” какие-нибудь “Вожделения” и когда мне скажут: “Батюшка, что же это вы насчет Финляндии написали?” – отвечу:

– Ах, это вы по поводу “Вожделений”? Так я за них не отвечаю. Вот почитайте мои “Впечатления” в “Курьере” и если найдете что-нибудь, то... А то какие-то случайные “Вожделения”. Право, удивляюсь вашему обвинению.

Повторяю, письмо г-жи Чюминой очень характерно, характернее, чем самый, пожалуй, поступок. Помимо, конечно, воли автора, оно обрисовывает тяжелое положение русского литератора, принуждаемого жизнью к писанию того, что и самому ему не нравится, и приноравливающего – хотя бы только наружно – свои взгляды к этой печальной необходимости. Но об этом как-нибудь в другой раз.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨7 мая 1900 г.⟩

В минувшее воскресенье должны были состояться: общее собрание присяжных поверенных и открытие сада “Аквариум” с принадлежащим к нему садком туалей, под названием: театр “Олимпия”. На собрании нужно было избрать нового члена совета на место выбывшего Д.Н. Доброхотова; в театре “Олимпия” обещано было показать дрессированного моржа, который говорит “папа” и “мама”, пьет водку и состоит членом общества покровительства животным.

С утра небо хмурилось; холодный ветер поднимал пыль и залеплял ею глаза; а когда ветер утихал, небо пудрило снежком грязную красавицу Москву. Все шансы были за то, что состоится общее собрание и не состоится открытие, и свободные московские умы проковыривали пальцем отверстие в завесе будущего, смотрели в него и говорили: “Ах, хорошо!” Но в половине дня по древней столице полусветного царства распространилась ужасная весть: собрание не состоялось, зане только половина членов явилась. А вечером снопы электрического света залили Садовую, и один за другим извозчики и лихачи подкатывали к “Аквариуму”, подвозя туда как и не явившуюся на собрание половину присяжных поверенных, так равно и значительное количество свободных умов. Открытие состоялось и, как сообщают газеты, было блестящим. Публики было так много, что несколько отставных городничих должны были совершить неприличие и толкаться, чтобы хоть одним глазом увидеть ножку туалей. Дрессированный морж говорил не только “папа” и “мама”, но произнес целую прочувствованную речь, посвященную окраинным вопросам и встреченную горячим одобрением присутствующих.

И нарочно не сыщешь двух более характерных фактов, нежели приведенные, которые с такой выпуклостью и объективизмом отметили бы господствующее течение московской жизни. Неуклонное стремление в кафешантан и глубокое, невозмутимое равнодушие к вопросам общественной жизни. И при всем этом — горделивая неприкосновенность на лице и усовершенствованный

язык, невозбранно перемальвающий хорошие слова, обмазывающий их медом и выплевывающий их на мостовую, как подсолнечную шелуху.

С искренним изумлением и любопытством останавливаюсь я всегда перед своеобразным явлением, выращенным и вскормленным русской жизнью и всесторонне и точно, как зеркало, отражающим ее – до местных особенностей включительно. Это явление – русский адвокат и, в частности, московский, представляющий собой эссенцию русского адвоката, как сама Москва – эссенция всего типично русского. Ни один город в России не может дать столько материала для изучения русской жизни не только в пространстве, но и во времени. Хотите вы видеть столицу – отправляйтесь на главные улицы, в театры, в картинную галерею или в Румянцевский музей. Захотелось вам окунуться в глушь и тишь провинции – идите куда-нибудь на окраину. Там вы найдете деревянные темные домики, населенные “добродушными” сонными людьми, раз в год бывающими в “городе”; увидите керосиновые фонари, горбатые тротуары и непролазную грязь. На днях при обсуждении в думе доклада о мостовых гласный г. Перепелкин привел занятный факт: у одной из застав образовалась весной невысыхающая лужа. Обыватели стонали и стоны, положенные на ноты, отправляли в думу, где гласные дремали под эту тихую и мелодическую музыку, а лужа все стояла и стояла, и дети совершали по ней морские путешествия и делали крупные географические открытия с риском сорваться с доски и утонуть. И кончилось дело тем, по словам г. Перепелкина, что полицеймейстер послал пожарных с помпами – выкачивать лужу. Ну чем не Тамбов, в котором на улице утопают лошади и городское управление образовало особый капитал для возмещения подобных убытков. И сколько наивной и милой патриархальности в этом выкачивании воды из бездонной бочки! Надоело вам изучать современную Москву и пожелалось вернуться к шестидесятым годам – идите в Замоскворечье или в долговое отделение – какие встретите вы там раритеты!

И если можно узнать Россию, изучив Москву, то можно узнать Москву, всесторонне исследовав московского присяжного поверенного. Равной с ним типичностью отличается, пожалуй, только московский “джентльмен”, но последний слишком уже в сук растет и слишком уже односторонне направлен. Адвокат же – истинно русский человек с ярким оперением современности (конечно, я имею в виду наиболее типичных представителей сословия). Обыкновенно он немного марксист или немного народник и вообще, за редкими исключениями, принадлежит к одной из про-

грессивных фракций. Эту окраску он приобрел на школьной еще скамье, где он много читал, много спорил и иногда претерпевал египетские казни, оказавшись первенцем. Похожий на бурный и звонкий ручей, он с размаху вливается в Мертвое море, каким является жизнь, – и первые три-четыре года продолжает нестись вперед, поднимая волну и раскачивая заснувшие на поверхности щепки и бревна. Но все глубже и глубже мертвая вода; все более сил требует она для борьбы с собой, а действие первоначального толчка все ослабевает, – и вот бурный ручей разливается тихим, зеркальным озером, в котором день и ночь омывают свои грязные тела разнообразными клиентами. И если адвокат не обратится в скором времени в мутное болото, – он становится милейшим русским человеком, с которым приятно поболтать о последней книжке журнала, но который для всякого живого дела мертв, как селедка. С этой минуты он живет только порывами – или эмоциями, выражаясь модным и по преимуществу адвокатским термином. Велит эмоция – и мой герой едет куда-нибудь в Тмутаракань на безопасную защиту какого-нибудь слабого, обиженного сильным и за это дающего ответ Фемиде; умолкла эмоция – и сильный, но неосторожный, находит себе посильную помощь и защиту. Возмутило что-нибудь адвоката, открыл он случайно глаза и увидел, сколь безобразно живет сословие – и, батюшки мои, что тут начинается! В газеты пишет, что вот-де сколь все это безобразно; речи говорит – особенно речи; предварительные собрания организует и московскую селянку из либералов и радикалов стряпает, ну прямо черт чертом, взглянуть индо страшно. Но не успела еще окончиться эта буря в стакане воды, просыпается адвокат в одно прекрасное утро – и чувствует, что он охладел. Охладел – и кончено. От вчерашних возвышенных эмоций маковой росинки не осталось, и только во рту такое неприятное ощущение, как будто у Яра дольше нужного вчера засиделся.

– Иван Иванович! А сегодня-то ведь собрание?

– Ах, не говорите вы мне, пожалуйста!..

Нервный подъем рук к голове и на лице выражение жесточайшей обиды.

– Вы представить себе не можете, – трагически шипит Иван Иванович, – до чего все это мне надоело. Ну разве можно что-нибудь сделать с этими господами?

Жестокая критика на господ, родных братцев по духу почтенному Ивану Ивановичу. А назавтра газеты возвещают: “За неприбытием узаконенного числа членов собрания” и т. д. (в редакции у нас постоянный набор существует). А в случае, если в какой-нибудь организации Ивану Ивановичу уж очень не по нраву стало,

он заявляет: прошу меня членом больше не считать – и гоголем уходит, чистый перед своей совестью и невинный, как голубица. У нас это скоро делается. И вот в результате и получаются такие сказки: то наши поверенные на голодающих собирают, мужественно борясь с равнодушием публики, и с честью выполняют призвание передовых русских людей, то вот...

То вот “Аквариум” открывается.

Ну, скажите, не типичны ли эти господа и не встречали ли вы их не только в адвокатском сословии, но во всякой московской (читай: русской) организации?

Много специфически московского проявилось и в городской думе при решении злободневного вопроса о мостовых. Что вопрос этот созрел и даже перезрел, прекрасно видно из того, что он десятки раз срывался с дерева, да и сейчас в виде “падалки” поступил на хранение в думскую кладовую. Любопытна последовательность, в какой сваливается этот вопрос. Прежде всего избирается большая-пребольшая, умная-преумная и ученая-преученая комиссия, которая сообща решает анафемски трудную задачу и даже в Америке материалы для решения собирает: по чему лучше ездить – по торцовой мостовой или по булыжнику? К неопisanному изумлению комиссии, наконец, открывается истина: по торцу лучше ездить – мягче. С счастливым смехом и прелестной краской на лице комиссия оповещает думу:

– Готово. Пожалуйте.

Дума собирается, причем несколько Иванов Ивановичей, скоропостижно охладевших, отсутствуют. Комиссия честь-честью докладывает о своем изумительном открытии и полагает: замостить торцом восемь проездов, что будет стоить миллион.

– А сколько проездов в Москве?

– Около полутора тысяч, из них около 1/3 совсем не мощенных.

И представьте, каждый день жалуются, что в грязи утопают.

– Это верно, – говорит г. Перепелкин. – Недавно одна свадьба около Девичьего поля в грязи утонула: насилу невесту спасли.

Но комиссия успокаивает: при предлагаемом ею способе замощения лет через пятьдесят вся Москва будет замощена (по другим источникам – через 300 лет). А пока... разве мало в Москве лишних невест: пусть себе тонут. Нужно отдать справедливость думе: вопрос не возбуждает ни особенных прений, ни сомнений, и проект громадным большинством отклоняется. Действительно, центральные проезды и теперь мостят лучше других; одевать их в торец, дабы несколько досужих джентльменов бочков себе при тряске не повредили, а треть Москвы, и без того уже лишённую всяческих культурных благ, оставлять на произвол стихиям

и пожарным насосам было бы до известной степени нецелесообразно. Конечно, и мы не хуже других – и нам было бы приятно, если бы, как в самой настоящей Европе, у нас протянулась бы такая Avenue de l'Oréga*, чтобы и погулять пойти приятно было, и на лихаче прокатиться, а главное, знатному иностранцу показать, что мы сальные свечи прежде ели, и теперь ни-ни и в рот не берем. Но жертвовать ради приятности существеннейшими интересами населения, той части населения, беспомощность которого требует особенных и постоянных забот города, явилось бы слишком буржуазно-эгоистичным.

Все это так: а как же комиссия-то? И как же назревший-то вопрос? Не беспокойтесь: комиссии выражена печатная и устная благодарность, а вопрос находится в полной сохранности под думским сукном. Там ему тепло и уютно, и, если ему не помешает новая комиссия, он вылезет оттуда еще подросший и располневший. Ведь время идет не по тем московским часам, которые расставлены по площадям в назидание народу и пытаются доказать полную его (времени) неподвижность, а жизнь вовсе не тот мягкий управитель, от которого можно отделаться молчанием и галантерейным обращением. Она свое возьмет – и, ох, как она расправится с теми, кто так или иначе глумится над ней! Ничего не забывающая и не прощающая, сильна и сурова эта жизнь.

Нельзя не отметить тяжелой утраты, понесенной Москвой в лице умершего С.С. Корсакова. В наши тусклые дни, когда общественная жизнь слабо бьется в вялых и скользких руках Иванов Ивановичей, покойный был ярким выразителем живого и деятельного начала. Он не зарывал в землю таланта любви, данного ему природой, и щедрой рукой рассыпал его животворные искры, не боясь, что они погаснут в низинах. И они не погасли и не погаснут! Долго будут тлеть они, а может быть, и пожаром вспыхнут, зароненные в благодарное и сильное сердце!

* Оперный проезд (фр.).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(9 мая 1900 г.)

Ф. Ницше, признавший историческую память вредной для свободного развития человека, упустил из виду одну очень почтенную страну, в которой он мог бы сыскать желанное историческое беспамятство. В настоящие дни эта страна чувствует память одного из своих великих людей – Ф.Г. Волкова и, пользуясь удобным случаем, открыто свидетельствует о своем всестороннем и глубоком невежестве по отношению к означенному великому человеку, который свободно может быть назван “таинственным незнакомцем”. 10

Положа руку на сердце, мы должны откровенно сознаться, что ничего, ровнехонько ничего не знаем о Ф.Г. Волкове, и “основатель русского театра” находится в том же историческом полумраке, в каком издревле покоится и основатель самого русского государства. И это тем более приятно, с точки зрения Ницше, что от основания театра нас отделяют только полторы сотни лет – промежуток для истории совершенно ничтожный.

Ф.Г. Волков основал в Ярославле первый русский театр – нам даже не известно место, где этот театр помещался. Волков был драматургом – у нас не сохранилось ни одной ни оригинальной, ни переводной его драмы (виноват, я ошибся: существует несколько переводов пьес Мольера, но и те хранятся не в России, а в Парижской библиотеке); Волков был живописцем и скульптором – до нас не дошло ни одного его произведения. Ходят слухи о том, что его работе принадлежал мраморный бюст Петра Великого и картина масляными красками – оба произведения утрачены. Все, что осталось от Волкова, это две-три песни и эпиграмма, перевод пьесы Мольера и иконостас в ярославской Николо-Надеинской церкви, принадлежащий, по преданию, работе Волкова. Мало того, нами утрачен самый прах пионера 30 театрального искусства, и в любой из могил Андрониевского монастыря мы можем видеть место последнего его отдохновения: настоящая могила неизвестна.

При праздновании столетия была к церкви прибита доска, но к полуторастолетию и та исчезла: украдена за несколько дней до 150-летнего юбилея.

Теперь А.А. Бахрушин озабочен изобретением такой доски, которая не могла бы расплавиться от самого жаркого поклонения.

И, наконец, нам не известен истинный год основания театра, 40 и мы блуждаем во времени столь же успешно, как и в пространстве, – вокруг трех исторических сосен. Предполагается, что первое театральное представление в сарае было в 1750 году и что теперь мы празднуем полуторастолетие; однако существует больше данных к тому, что полуторастолетие уже года три как минуло.

За 1750 год стоит г. А.А. Ярцев, автор исследования “Основание и основатель русского театра (Ф.Г. Волков)”. Г. Ярцев подвергает самой немилостивой критике всех предшествующих волковских биографов, причем всех их побивает одним и тем же оружием, которое у него никогда не тупится и всякую минуту 50 наготове. Это указ берг-коллегии от 1754 года, в котором есть только одна дата, имеющая отношение к году основания театра, именно сведение о смерти вотчима Волкова, купца Полушкина, последовавшей в 1747 или 1748 году. В сущности говоря, этот указ является для г. Ярцева не столько даже оружием, сколько той третьей сосной, вокруг которой он весьма комфортабельно путешествует.

До открытия означенного указа сведения о Волкове располагались в таком виде: Дмитревский, принимавший лично участие в первом историческом спектакле в сарае, свидетельствует, что 60 при этом присутствовал Полушкин и поощрительно относился к затее пасынка; то же повторяет Штелинг и биографы, писавшие со слов Дмитревского, Новиков, кн. Шаховской и др. Далее, существует указ императрицы Елизаветы Петровны от 21 декабря 1750 года, разрешающий играть комедии в частных домах. Вывод прост: впервые Волков играл в 1750 году, и при этом был, между прочим, Полушкин, человек взглядов гуманных и для того времени просвещенный.

Вдруг перед г. Ярцевым вырастает третья сосна: указ берг-коллегии, из коего явствует, что Полушкин умер в 1748 году. Без 70 сомнения, указ этот меняет дело: первое представление, бывшее в присутствии Полушкина, не могло быть позже 1747–1748 года. Как бы противоречащий этому положению указ Елизаветы в действительности подтверждает его: разрешение на спектакли было дано *post factum**. Не говоря уже о том, что такие законы *post factum* очень часты, самое простое соображение говорит в пользу того, что первое представление было до указа: как бы мог закон разрешать то, что не существовало. Это было

* *postfactum* (лат.).

бы похоже на разрешение летать по воздуху... при отсутствии летательной машины.

Не так просто рассуждает г. Ярцев. С самым спокойным и 80 даже несколько печальным видом он говорит: бедный Дмитриевский! ему показалось, что он видел на первом представлении Полушкина и он даже очень подробно останавливается на отношении Полушкина к возникающему театру, а Полушкин-то в это время уже умер! Галлюцинация!

Дальнейшая критика г. Ярцева носит тот же меланхолически-упрямый характер. Приводя рассказ Серебренникова о том, что отчим Волкова, приезжая на свой завод, заходил в рощу, где находился приспособленный для театра амбар, и там любовался затеями пасынка, г. Ярцев говорит буквально следующее: “Но 90 вряд ли это происходило так: не говоря уже о том, что Полушкина тогда не было в живых, и завод-то Волковых находился с другой стороны Ярославля”.

Какая прелесть это: “Не говоря уже!”

Трудно, да и не имеет смысла перечислять, сколько раз г. Ярцев пускает в ход излюбленное оружие. Для него не имеет никакого значения то обстоятельство, что Дмитриевский был современником Волкова и участником в первом спектакле; что по бумагам Сумарокова, проверенным тем же Дмитриевским, первое представление происходило при жизни Полушкина; что Новиков 100 и Шаховской со слов Дмитриевского утверждают то же, – с поразительным и иногда комичным упрямством г. Ярцев твердит, что Полушкина не было в живых. Святая вера в указ 1754 года о разрешении представлений делает г. Ярцева глухим, и он скорее готов допустить, что Дмитриевский “на старости плохо помнил события своей юности” или Шаховской “не точно записывал его рассказы”, чем усомниться в “бумаге” и допустить еретическую мысль, будто спектакль мог состояться без разрешения. Быть может, г. Ярцев боится скомпрометировать Волкова в глазах начальства?

Таким образом, мы празднуем канцелярское полуторастолетие; 110 действительное же было раньше. Особой важности это, конечно, не имеет, только бы самое празднование не было канцелярским, к чему у всех наших празднеств существует постоянная склонность. Но самый факт отсутствия всяких точных сведений о Волкове в высшей мере поучителен.

ИСТЯЗАНИЕ

Потомственный почетный гражданин Иван Иванович Елагин и супруга его Надежда Александровна пожелали взять к себе какую-нибудь девочку, которая была бы участницей игр их четырехлетней дочери Нади и так или иначе развлекала бы ее. Выбор Елагиных пал на дочку портного Жукова, семилетнюю Лизу, тихую и скромную девочку, без особенных колебаний уступленную родителями, тем более что и требовалась она сравнительно на короткое время: месяца на три или на четыре, пока Елагины побудут на даче и за границей. Однако против их ожидания Лиза вернулась только через год – в мае 1896 года, и вернулась притом настолько изменившейся, что ее трудно было узнать. Из жизнерадостного, беззаботного ребенка она превратилась в малокровную, слабую и больную девочку, с трудом передвигавшуюся и вечно печальную. При расспросах она плакала и только при настойчивом требовании она передала, что произошло с ней у Елагиных, рассказала такую историю, в действительность которой с трудом верится, даже по отношению к малокультурному человеку, каким является по всем данным И.И. Елагин. Продолжительное молчание Лизы объяснялось тем, что на возвратном пути в Россию Елагин грозил ей “выкинуть ее в окно”, если она расскажет дома о тех мучениях, каким подвергал ее он и косвенно его жена.

По рассказу Лизы, в значительной части подтвержденному свидетельскими показаниями и могущему быть опровергнутым только путем психологических выкладок о бессознательной лжи детей и взрослых, – дело происходило таким образом. В Москве Елагины обращались с Лизой хорошо, но уже по приезде на дачу в Пушкино обращение их с Лизой резко изменилось в дурную сторону. Постоянной причиной и поводом для наказаний служила Надя Елагина; избалованная, капризная, она ежеминутно жаловалась матери на свою семилетнюю компаньонку, вернее безгласную игрушку. Надежда Александровна, дама больная и раздражительная, не могущая наказывать собственными руками, обращалась к Ивану Ивановичу с просьбой о наказании

Лизы и иногда только благоразумно добавляла: “В голову не бей, Ванюша”.

И Иван Иванович наказывал. По виду он человек высокий, плотный и сильный, и даже слабый удар, нанесенный его мощной десницей, должен был отозваться сильной болью на нежном детском теле. Но, не довольствуясь простым битьем, Иван Иванович разнообразил способы наказания. К наиболее простым и обыденным способам относится битье кулаками по голове и по лицу, тасканье за волосы (когда Лиза вернулась домой, вся голова у нее была покрыта проплешинами), сечение кнутиком, ремнем, палкой, сломленным с дерева прутом. Нянька Жарова, сопровождавшая Елагиных за границу и бывшая единственной живой душой, с которой измученная девочка выплакивала свои слезы, передала на суде, что она лично видела кровавые, рассеченные полосы на теле Лизы. Бить человека сильного – проку мало, и Лизу морили голодом не в переносном, а в буквальном смысле этого слова. Иногда за целый день ей не давали куска хлеба, а когда случилось раз, что посторонняя прислуга сжалилась над Лизой и дала ей кусок, Елагин собственными пальцами по вытаскал крохи из рта Лизы. Но и голод не так мучителен – и Лизе не давали пить, так говорит та же Жарова. Бил девочку Елагин иногда дома, в скрытой от чужих глаз комнате, а за границей водил ее для этой цели в парк, конечно, не на главную дорожку. И там, в виду роскошной южной природы, российский обыватель по-свойски расправлялся с семилетней крошкой. И крики ее умирали в ропоте богатой листвы и грохоте веселого голубого моря.

Наиболее излюбленным способом истязания, всецело принадлежащим изобретательности Ивана Ивановича, были горчичники. Несколько раз в неделю Иван Иванович самолично прикладывал их на ноги, под коленами, или, разложив горчичники на стуле и обнажив у девочки ягодицы, сажал ее на жгучий состав, а чтобы он плотнее прилип, надавливал на плечи Лизы или на ее ноги. Но Лиза могла уйти – и ее привязывали к стулу. Кожа вздувалась пузырями и сходила, чуть ли не обнажая мясо. По словам Жаровой, девочка едва от боли могла передвигать ноги, а ее заставляли бегать с Надей и смеяться. Иногда, сняв горчичник, Елагин сек Лизу по тем же самым воспаленным от горчицы местам. Уходя из дому, Лизу привязывали цепочкой к двери, иногда оставляли ее привязанной и на ночь. Болезненная Надежда Александровна после наказания осматривала следы побоев и упрекала мужа за мягкость наказания. По целым дням неслись стоны истязуемой и совершенно чуждые по языку и по национальности люди возмущались Елагиным. Однажды

он получил коллективное письмо от каких-то французов, откровенно называвших его варваром.

Рассказ Лизы о ее мучениях, а также свидетельство няньки Жаровой, которую заграничные русские упрашивали спасти девочку, послужили поводом к возникновению настоящего дела. Елагин категорически отрицал свою виновность, все обвинения приписывая злобе и желанию поживиться его деньгами, и просил допросить за границей многочисленных свидетелей. Они были допрошены – и только немногие отозвались благоприятно об его отношениях к девочке, другие же, как графиня Толстая, г-жи Мюнде и Апраксина, лишь усилили и без того резкие краски, доказав, что ни временем, ни местом Елагин не стеснялся в расправах с девочкой.

Дело слушалось в III уголовном отделении под председательством товарища председателя Д.А. Нилуса. Обвинял товарищ прокурора Цубербиллер, гражданский иск со стороны опеки над Лизой Жуковой поддерживал присяжный поверенный И.Н. Сахаров, защищал петербургский присяжный поверенный С.А. Андреевский.

В качестве экспертов вызваны врач Пронин и профессора Мороховец и Нейдинг.

В 1898 году жена И.И. Елагина умерла, и в качестве обвиняемого предстал перед судом он один.

Из свидетелей обвинения после няньки Жаровой было прочтено показание умершего отца и допрошена ее мать. Оба показания, совпадающие в общих чертах, вводят в дело новую, весьма интересную личность, некоего Михельсона, уговорившего отца за 500 рублей, а мать за 2000 рублей отказаться от гражданского иска и обвинения Елагина, в каком смысле и составлено было нотариальное условие (в конторе Тарасова). Жукову Михельсон не сказал, что действует в качестве посредника от имени Елагина, но Жуковой сказал это.

Следующие свидетели – кухарка, жившая у Елагиных на даче в Пушкине, и жилища Жуковых – подтверждают факт дурного обращения Елагиных с Лизой. Интересно показание девочки Козловой. Она также жила на воспитании у Елагиных, и с нею обращались так же дурно, как и с Лизой: били ее и морили голодом. Дворник Елагиных, отводивший Лизу к ее родителям после возвращения ее из-за границы, ничего не знал об истязании, но сообщил факт, не лишенный интереса для характеристики Елагиных: по приказанию Ивана Ивановича дворник, подведя девочку к воротам ее дома, снял с нее хозяйское пальто и отнес обратно.

Особенный интерес возбудило оглашенное показание присяжного поверенного Е.Р. Ринка. Этот свидетель, как видно из его слов, действовал в том же направлении, как и Михельсон, и параллельно с ним. Елагин предложил Ринку взять на себя ведение дела с Жуковыми, причем по домашнему условию Ринк взял гонорар 5000 рублей – из них 3000 рублей авансом. Достав копию следственного производства, Ринк заинтересовался вопросом о заграничных свидетелях, которые могли бы свидетельствовать в пользу Елагина. Интерес был настолько горяч, что, поехав за границу, Ринк посетил все те места, где жили Елагины, и лично повидался с будущими свидетелями. Результаты свидания были благоприятны, и Ринк написал для Елагина прошение о допросе и вызове этих свидетелей в суд. Ринк был осведомлен о попытках Михельсона уладить дело денежным путем. Уплату денег Жуковым, трудно объяснимую при отсутствии вины со стороны Елагина, Ринк объяснил тем, что один факт снятия дворником пальто давал Жуковым право на вознаграждение. Далее г. Ринк сообщает, что по его совету Елагин обращался с просьбой освидетельствовать девочку к профессорам Мороховцу и Нейдингу (ныне вызываемым в качестве экспертов), причем последнему уплатил за труды 200 рублей.

Последнее сообщение Ринка опровергнуто на суде Елагиным, утверждающим, что никаких денег проф. Нейдингу он не платил. Вообще, обвиняемый отрицает правдивость всех свидетелей обвинения, и Лиза Жукова, по его словам, была ужасным ребенком с склонностью к краже (фактов, однако, нет) и ко лжи, но, несмотря на это, он никогда ее не бил и разве только, в виде наказания, оставлял без пирожного.

Свидетелей защиты немного и для большинства из них нужен переводчик, так как они специально для этого дела приехали из-за границы – из Канны и др. мест. Первым из них допрашивается Танке, содержатель гостиницы, где жил одно время Елагин. По словам этого свидетеля, наблюдавшего за положением девочки у Елагиных, с ней обращались настолько хорошо, что она ко времени отъезда даже поправилась. Те же благоприятные для Елагиных сведения дал д-р философии Шмидт, ярко обрисовавший прекрасные условия, в которых жила Лиза, и имевший возможность упрекнуть только ее в склонности ко лжи. Последний из важных свидетелей защиты, священник православной церкви в Канне о. Остроумов, безусловно одобрительно отзывался об обращении Елагиных с девочкой и также находил, что она за время пребывания в Канне пополнила и поправилась. Между прочим, о. Остроумов сообщил, что Елагин пожертвовал на возведение

в Канне православного храма 16 000 франков, но это было еще до отъезда его в Россию.

После допроса экспертов объявлен перерыв до 1/2 одиннадцатого сегодняшнего утра.

Заключения гг. экспертов были в общем благоприятны для подсудимого. Врач Пронин, первый осматривавший девочку и в период времени, сравнительно близкий к жизни Елагиных за границей, нашел на теле ее следы болезненных явлений, которые могут быть отнесены как к истязаниям, так и к естественным болезням, обязанным своим происхождением золотушной и малокровной корпуленции девочки. Такого именно взгляда держится эксперт относительно проплешин, которые могли появиться результатом вырывания волос, – но с такой же степенью вероятности можно думать, что и волосы выпадали вследствие образования проплешин. Более определенно свидетельствуют об истязании бурые пятна на бедрах, происшедшие вследствие многочисленных повторных раздражений, какие могли быть вызваны именно горчичниками.

Так же двойственны заключения и проф. Мороховца, причем, объясняя происхождение проплешин естественными причинами, он в окончательном выводе замечает, что если девочке и были нанесены телесные повреждения, то их нужно отнести к числу легких, не угрожающих жизни опасностью и несколько не отразившихся на дальнейшем ее физическом развитии.

Так же смотрит и проф. Нейдинг, – нужно заметить, что оба профессора осматривали девочку почти два года спустя после возвращения ее от Елагиных, – находящий, что сравнительно бодрый и здоровый вид Лизы Жуковой трудно совместить с представлением о тех ежедневных и притом страшных мучениях, которым ее подвергали. Так, по мнению профессора, едва ли вероятно сделанное нянькой Жаровой сообщение, что Лиза бегала и резвилась с Надей в то время, когда у нее от горчичников сходила на теле кожа и обнажалось мясо. Это было бы подвигом, к которому не может быть способна малосильная девочка.

Во все время зал заседания был переполнен публикой, отчасти привлеченной выступлением в качестве защитника присяжного поверенного Андреевского.

Вердиктом присяжных Елагин признан виновным, но заслуживающим снисхождения.

Суд приговорил Елагина к лишению всех особых прав и преимуществ и ссылке на житье в Тобольскую губернию с предоставлением права выбора местожительства через 12 лет. Гражданский иск удовлетворен в размере 5 тысяч рублей.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(14 мая 1900 г.)

“Московское общество покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения несовершеннолетним”. Как видно из названия, трудно сыскать общество, которое преследовало бы более возвышенные задачи. Сотни детей становятся жертвой тяжелых условий городской жизни, и прийти на помощь хотя бы одному из них и хотя бы в одном из них сохранить тухнущую искру – дело прекрасное. Уже не первый год функционирует общество, и дела его шли, по-видимому, хорошо. Но в нынешнем году распространился по Москве, а затем проник в газеты слух, что смотритель, на обязанности которого лежит ближайший педагогически-нравственный надзор над призреваемыми, избил одного из последних настолько сильно, что родителями мальчика возбуждено уголовное дело об истязании. А вслед за тем распространились и другие, к сожалению, справедливые вести о том, что среди призреваемых творится что-то неладное. Мальчики оказывают полное неповиновение, отказываются отвечать уроки и крадут. И на годичном собрании, происходившем 6 мая, все эти вести нашли себе полное подтверждение в откровенном сознании 10 председателя общества и некоторых членов. Мало того, председатель заявил, что и прежде (и всегда?) мальчики были распущены и крали, но что об этом умалчивалось. Подтвердился и факт (избиения) мальчика смотрителем, причем оказалось, по сообщению председателя, что жертвой был не мальчик, а именно смотритель. Он прекраснейшей души человек и при вступлении в должность намеревался ввести среди распущенных призреваемых надлежащую дисциплину, и в одном случае, когда в приюте произошло чуть ли не поголовное восстание, он потерял терпение и правда побил мальчика, но вовсе не так сильно. При обсуждении этого 30 случая и общих порядков приюта дебаты носили горячий и даже страстный характер; одни из членов заявили о своем выходе и ушли; другие, в том числе председатель, хотели уйти, но их упростили остаться, и они остались. Относительно провинившегося смотрителя председателем было предложено оставить его

по крайней мере до разрешения его проступка судом, и мотивом к этому предложению послужило весьма оригинальное: “Где же мы возьмем лучшего?” Несмотря на веские возражения, предложение одержало верх, и смотритель остался до того времени, пока с неба
40 не свалится достойный ему заместитель. В то же время назначена ревизионная комиссия для исследования господствующих в приюте беспорядков. Нужно же отыскать виновного!

Пусть ищет комиссия – желаю ей полного успеха! С своей стороны, я, пожалуй, мог бы оказать ей некоторое содействие, но не хочу врываться в чужую область. Скажу только, кто не виновен в распушенности мальчиков, настолько сильной, что является возможным применить к этим малышам страшное слово “беспорядки” – слово, предназначенное для более взрослых. Не виноват председатель, не виноват казначей, не виноваты члены комитета.
50 Не виноваты попечители, и не виноват, наконец, смотритель. И больше всего нужно остерегаться винить последнего. Дело в том, что это очень легко и первое напрашивается на язык. Впрочем... разве сказать? Виновата...

Температура виновата. А температура не от рук человеческих, и напрасно г. Демчинский против этого возражает. Ну что поделаешь с тем, что как и куда градусник ни поставь, он все одно твердит: ни горячи, ни холодны, а только теплы? Они честны, но нет никому пользы от их честности, ибо они только теплы; они добры, великодушны и жалостливы, но нет пользы от их велико-
60 душия, ибо они только теплы.

Но довольно на эту тему: не по времени она. Безжалостное московское лето вступает в свои права, и измученный всякими “темами” москвич ищет только одного: отдыха. И он прав, питомец муз и граций, растерявший силы между театрами, книгами, выставками и трудом. Долой серьезное искусство! Долой вопросы, комиссии, комитеты! Долой и труд, коли возможно, – и куда-нибудь подальше от Москвы, в крайнем случае хоть на бега или на скачки!

Физиономия Москвы меняется не по дням, а по часам. Слово
70 но сальное пятно, оттаявшее на солнце. Москва расплывается вширь, и если взглянуть на нее сверху, в глаза бросятся нагруженные воза, расходящиеся от нее во все концы поезда, ежедневно уносящие тысячи спаленных солнцем обывателей. От них пахнет асфальтом, в волосах они уносят пыль, а в ушах немолчный грохот подвод, экипажей, звонки конок, крики разносчиков. Центры пустеют. Еще светло, а на главных улицах безлюдно, и странное впечатление чего-то замершего производят закрытые темные окна магазинов. Зато кишат толпой бульвары. Своеобразная это

толпа – московская бульварная публика. Словно по обязанности, мерно движется она с одного конца бульвара в другой, под глухие, рыкающие звуки оркестра, заглушаемые громом уличной езды. Лица утомленные, невеселые; говорят, смеются, но без радости; сотни жертв общественного темперамента пестрят яркими красками костюмов и лиц. И так странны, жалки и пошлы эти крашенные лица при дневном безжалостном свете.

Это все каторжники городской жизни. Накрепко прикованные к своей тачке, они обречены гулять все лето в одном узком, отмежеванном для них пространстве бульвара, и они гуляют, гуляют... Не знающие свободы, многие из них и не ищут лучшего, и довольны сырой зеленью обломанных, искалеченных лип, и с радостью дышат воздухом, который не весь пыль и асфальт. Затихла езда, последний марш сыгран оркестром; ночь и прохлада спускаются на бульвары – громче становятся голоса, быстрее и развязнее движения. Местами в пение или в крик переходят голоса, но теперь лучше уйти с бульвара.

Многолюднее становятся окраины. Все, что зимой пряталось в гнилых подвалах, в углах, в клетушках, выползает наружу, сидит у калиток, лущит подсолнухи, беседует и играет на гармониках. Гармоники положительно преследуют. Звуки их несутся со дворов и из садов, из открытых окон портерных и трактиров. И везде, куда ни пойдешь, между ногами вертятся дети. Какая масса их! Не имеющие теплых костюмчиков и задохнувшиеся за зиму, они устраивают на улице свои нехитрые игры, бегают, кричат, дерутся, заполняют каждую пядь свободной земли. Многие из них никогда не видали травы и никогда, пожалуй, ее не увидят: камень снизу, камень с боков, вместо хлеба камень, – все камень. Сотни тяжелых подвод, нагруженных кирпичом и железом, тянутся мимо них, и в адской музыке железа и камня тонут детские голоса. И возле подвод и за подводами движутся серые фигуры, которые летом заполняют Москву, покинутую москвичами, и как саранча расположатся всюду, где нужен летний труд. Они будут приводить в исполнение предназначения управы и жариться под солнцем, устраивая ту самую мостовую, которую будут бранить москвичи, вернувшиеся из летнего отдохновения на лоне природы. Они будут складывать из кирпичика стены, в которых москвичи впоследствии будут обсуждать их судьбы; будут лепиться по лесам, падать вместе с лесами или отдельно, как устроит подрядчик.

Пустеет Хитров рынок и Проточный переулоч с их ночлежными домами. Прокисший воздух мужественно борется с свежим, пока те груди, которые всю зиму дышали им, разбредаются

по рощам и дачам, дрогнут в холодные ночи и мокнут под кустом в дождливые дни. Трепещут дачники в Сокольниках и иных местах и тщетно утром доискиваются украденного с террасы полотна. Всех без различия принимает великодушная природа на свое лоно, и те, кто не имеет паспорта, обоняют тот же запах молодого распутившегося листа, как и люди, у которых все бумаги в порядке. Но нельзя оставлять природу без коррективов, и в темные ночи осторожно надвигаются темные фигуры, поблескивающие
130 бляхами, – то облава на беспаспортных. А утром десятки их разводят по участкам, и радуются неожиданной пище участковые клопы.

Зорче следят с своих вышек пожарные и чаще появляются шары и красные огни. Там и здесь вспыхивают пожары, украшающие Москву, в пепел обращают домишки и на улицу гонят бедноту.

Лето, московское лето наступает.

ПОЛТАВА, 19 МАЯ¹⁾

Дело Скитских

Сегодня началось слушание дела Петра и Степана Скитских. Из числа вызванных свидетелей не явилось 23, но неявка их признана законной; преосвященный Илларион будет допрошен на дому.

Председательствует старший председатель киевской палаты А.М. Кузьминский, защищают подсудимых присяжный поверенный Н.П. Карабчевский, присяжный поверенный Б.П. Куликов и частный поверенный Зеленский.

Новых свидетелей вызвано 26. Подсудимые Скитские спокойны и относятся внимательно ко всему происходящему на суде. Полутораговое заключение в тюрьме все-таки отразилось на их внешности: они пожелтели, постарели.

Корреспондентов газет приехало 25 человек.

Маленький душный зал суда полон, причем все почти места заняты одними дамами; за судьями поместились чины судебного ведомства, а в коридорах находится полиция.

После предварительных действий суда по открытию заседания было приступлено к чтению обвинительного акта. Когда после прочтения обвинительного акта подсудимым был председателем предложен вопрос о виновности, они ответили, что не признают себя виновными в убийстве Комарова. После этого суд приступил к приводу свидетелей к присяге.

При входе свидетельницы, жены Степана Скитского, ей делается дурно: она падает у порога в обморок. Ее уносят в бесчувственном состоянии.

В саду, окружающем здание суда, в день процесса с раннего утра толпится масса простого народа, лишенного возможности проникнуть за заветные двери суда, но интересующегося ходом громкого дела, о котором только и говорит Полтава.

Допрос Комаровой сосредоточил на себе общее внимание. Говорит Комарова свободно, умно, тактично; ее показание в общем

¹⁾ Подробный обвинительный акт помещен в отделе "Судебная хроника".

совершенно сходно с ее прежним показанием. Новое в показании лишь то, что место преступления совершенно изменилось: нельзя узнать его и можно даже предположить, что кем-нибудь намеренно было вырублено самое важное для вида местности, в которой совершено убийство. Затем, кроме двух записок, которые находятся при деле, как оказывается, была еще и третья, общая, объясняющая смысл и значение первых двух; записка эта находится у матери Комаровой и дает полную характеристику мужа Комаровой в семейной жизни. Жизнь Комаровых по этой записке представляется пастушеской идиллией; семейная жизнь их была счастливой, тихой, изолированной, вращаясь в кругу двух-трех знакомых семейств; она наполнена была работой, а досуг посвящался книге и музыке. Комарова подробно рассказала о своих поисках мужа: искала его она сперва на окраинах города; она не могла допустить мысли о том, что можно убить человека возле дачи, где в каждую данную минуту могли настичь убийцу дачники. Рассказала Комарова про бессонную ночь, проведенную в тревоге о муже, и о возобновленных утром энергических поисках, до тех пор пока ей не сообщили, что муж ее найден убитым. После показания Комаровой объявлен был перерыв.

После перерыва продолжается допрос Комаровой. Выясняется, между прочим, интересная подробность: кроме братьев Скитских, подозрение Комаровой в первую минуту пало на Тржецяка, бракоразводное дело которого имело противника в лице секретаря консистории Комарова. Из вопросов защитника Скитских Карабчевского выясняется, что Тржецяк подал жалобу в синод, и отзыв должен был дать Комаров, но он не успел, так как был убит.

Допрашивается затем мать Комаровой. Это трогательный рассказ о том, как она узнала об убийстве; в общем она подтверждает показание дочери.

Присяжный поверенный Куликов просит занести в протокол, что поверенный гражданского истца, присяжный поверенный Быховский, предлагает наводящие вопросы.

Заседание кончилось в 8 часов вечера, причем были допрошены 10 свидетелей.

ДЕЛО СКИТСКИХ

Киевская судебная палата

(От собственного корреспондента)

В последний месяц, после того как стало известно решение кассационного департамента сената о новом, третьем по счету, пересмотре дела братьев Скитских, не проходило и одного дня, чтобы в той или иной из столичных или провинциальных газет не появлялась какая-нибудь заметка по поводу этого дела или телеграмма. Несомненно, возбуждая общественное внимание, все эти заметки и телеграммы, в свою очередь, служат показателями того глубокого интереса, какой вызывает настоящий процесс во всех слоях читающей публики. Внимательное изучение дела усугубляет этот интерес; действительно, с тех пор как существует у нас гласный суд, решения которого становятся общественным достоянием, едва ли было другое дело, которое, подобно настоящему, с такой полнотой отразило бы различные течения русской жизни, ее достоинства и недостатки. Здесь вы найдете и борьбу новых веяний, в лице убитого Комарова, с дореформенным, прогнившим строем, нашедшим себе приют в недрах полтавской духовной консистории и воплотившимся в мрачных фигурах братьев Скитских, предполагаемых убийц; здесь встанет бракоразводный процесс, окутанный мраком подкупов, лжесвидетельств и сопутствуемый таинственными тенями ходатаев, Баб-Чубаровых, Терентьевых, Андреевых, то неведомо откуда появляющихся, то словно проваливающихся сквозь землю; встретите вы здесь и загадочную, недосказанную историю сношения убитого Комарова с русской учащейся молодежью за границей, и намек на быструю и холодно-жестокую казнь, когда веревка на шее затягивается эlegantным и зловещим бантом. Что-то недосказанное и сумеречное сквозит в взаимных отношениях супругов Комаровых; таинственная записка, пред которой с недоумением останавливается защита Скитских; экспертиза проф. Патенко, предполагающая в числе убийц одну или двух женщин... Мелькает в деле и вящая интересность русского человека, являющегося на суд свидетельствовать только в последнюю минуту (свидетель Воробьевский) или только год спустя после начатия дела (свидетельница Бородаева). Но, с другой стороны, не остались без выражения и лучшие стороны

русской действительности. Высокое бесстрашие сената, строго и неуклонно корректирующего недостатки наших судебных инстанций и стоящего выше условий времени и места; живая энергия защитников, во имя правды борющихся с косностью и формализмом, не жалеющих ни труда, ни сил для ее редкого торжества.

Для уяснения читателю этого загадочного дела приведем данные, представляющие результат предварительного и двух судебных следствий. Ввиду сложности и громадности материала мы сгруппируем их по известному плану.

Факт. В трех верстах от г. Полтавы, недалеко от дачи Склифасовского, 15 июля 1897 г. был найден труп секретаря полтавской духовной консистории Алексея Яковлевича Комарова. Труп лежал вблизи дороги, ведущей к даче, в кустарниках, у мостика, перекинутого через сухой и неглубокий овраг. С дороги труп не был виден. Почти на самой дороге найдены золотые разбитые очки покойного, в пяти шагах от них, по направлению к трупу, суконный и изношенный картуз, а еще ближе к трупу – белая соломенная шляпа Комарова. Тут же валялись пенсне и зонтик покойного. Шагах в четырех от трупа замечено вытолоченное место, служившее, по-видимому, засадой для убийц. На месте засады найдены два небольших куска колбасы, два куса булки и сороковка недопитой водки. Одежда на покойном была в порядке, все вещи, которые Комаров имел при себе, оказались налицо, недоставало только золотых дамских часов. При осмотре трупа судебным следователем обнаружено, что вокруг шеи убитого три раза обмотана бечевка и свободные концы ее с левой стороны завязаны двумя узлами. Рот покойного был раскрыт, и язык ущемлен. В кармане убитого найден шестизарядный неразряженный револьвер, который он всегда носил с собой.

Время убийства. По обвинительному акту Комаров лишен жизни между 3–4 часами дня. Защита, в лице частного поверенного М.Д. Зеленского, точно обозначает момент убийства между 2 ч. 50 мин. и 3 ч. Основания для такого вывода: по показанию свидетелей Вороницына, Горностаева, Никольского, Леонова, Знайкова, Лекторского и Каменецкого, Комаров вышел из консистории в 2 ч. 25 мин. Всю дорогу до дачи Склифасовского, где он жил, Комаров, по показанию швейцара Котелевца, проходил в 45–50 мин. Свидетель Вороницын видел далее, что Комаров шел в этот день ускоренным шагом. Затем Комарова идущим на дачу видели два водовоза. Первый, Кошевой, видел Комарова около кирпичного завода, второй, Карацюпа – за 1/2 версты от мостика, возле которого найден труп, а между тем оба свидетеля начинают возить воду с двух часов, и при проходе Комарова Кошевой сливал

только первую бочку. Наконец, по расчету ходьбы Комарова, он должен был прийти на дачу в 3 ч. 10 мин. (2 ч. 25 мин. + 45 мин.), а у мостика, где предполагается место убийства и который отстоит от дачи на 250 саженей, он должен был находиться ровно в три часа. Когда Карацюпа, обогнавший Комарова, возвращался от пруда с водой, он видел жену Комарова, сидевшую у мостика, но Комарова уже не было. Г-жа Комарова, по ее словам, вышла навстречу мужу в начале четвертого часа и уже не видала его.

Место убийства и способ. По этим основным вопросам сильно расходятся как прокурор и защита, так и эксперты. Обвинительная власть находит, что убийство совершено там, где найден труп. Основаниями для этого вывода служат: показания жены Комарова, свидетельствующей, что он не пришел домой, между тем как водовозы видели его идущим на дачу и уже подходящим к мостику.

Защитник Зеленский высказывает, между прочим, предположение, что Комаров был завлечен в лес, там убит, а потом уже перенесен к мостику. Водовоз Карацюпа в предполагаемый момент убийства находился у пруда, в 60 шагах от мостика, а не слышал ни криков, ни других проявлений борьбы. Промежуток времени между проездом водовоза по мостику и приходом на мостик Комаровой настолько незначителен, что представляется затруднительным совершить в него все то, что сделал убийца: три раза обвить веревку вокруг шеи, завязать двумя узлами (эксперт Михнов не мог воспроизвести узла в течение 10 минут) и сложить вещи Комарова в известном порядке. Далее, в протоколе осмотра значится: “от мостика и до места, где лежал труп, на всем пространстве и возле самого трупа на сухой, твердой и покрытой травой земле следов борьбы не видно”, несколько же дальше сказано, что “жилет и брюки на коленях выпачканы в сероватую и глинистую землю”.

Способ. Единогласные заключения экспертов таковы: 1) на теле убитого Комарова имелись повреждения тройкого рода: ссадины и царапины, перелом 4-го и 5-го ребер, кровоподтек в верхней части груди. Первые из них произошли: от царапания влекомого трупа о землю; они не могут быть причиной смерти. Перелом ребер мог быть следствием прямого удара или непрямого, например при сжатии груди. Существование кровоподтека не вполне установлено протоколом осмотра и вскрытия трупа. 2) “Происходит ли странгуляционная полоса на шее от удушения веревкой, которой была три раза обмотана шея?” Эксперты ответили, что “ширина три раза свитой веревки равна ширине странгуляционной полосы”. Но этим и исчерпываются признаки, дающие

право на утвердительный ответ на указанный вопрос. Напротив, есть признаки, уполномочивающие на ответ отрицательный. Так, например, веревка, грубая и жесткая, должна была оставить на шее ссадины и царапины, а их не оказалось. Для удушения веревкой необходимо, чтобы она была затянута сильно и врезалась в шею глубоко; в этом отношении протокол осмотра трупа и показания производившего вскрытие врача Михнова расходятся; протокол говорит о внедрении веревки в шею, врач же это отрицает. 3) Специальных признаков борьбы на трупе нет. 4) Определить число лиц, участвовавших в убийстве, нет данных. 5) Ущемление языка служит признаком смерти от повешения или удушения. Но ущемления языка не было; хотя в акте осмотра и в протоколе вскрытия существует выражение “язык ущемлен”, но отсюда же видно, что было выхождение, а не ущемление языка, при каковом были бы видны следы зубов и язык не лежал бы свободно. Выхождение же языка было явлением посторонним и могло появиться в то время, когда убийцы тащили труп. По вопросу о способе убийства мнения экспертов разделились. Признавая причиной смерти асфиксию, проф. Патенко находит, что странгуляционной полосы, являющейся при удушении, на трупе нет и что наиболее вероятным представляется удушение чем-либо мягким (подушкой, одеялом, платком), так как именно этот способ дает те малохарактерные изменения, которые обнаружены в убитом. Врач Михнов, наоборот, находил, что удушение петлей достаточно доказывается точечными кровоподтеками в мозгу, раздутием лица и излиянием влаги в глазные яблоки; кроме петли, убийца, по мнению эксперта, мог действовать и руками. Эксперт врач Устименко присоединяется к мнению проф. Патенко об удушении чем-либо мягким.

Мотивы убийства. Как видно из осмотра трупа, у Комарова похищены одни золотые дамские часы, которые принадлежали его жене и носились им, по объяснению последней, потому, что собственные его часы были слишком тяжелы. Таким образом, ограбление, по мнению обвинительной власти, не могло быть стимулом к убийству и цель последнего нужно искать в другом.

Изложив все эти внешние данные, ничего не говорящие о личности предполагаемых убийц Комарова, перейдем к обзору материала, уличающего Скитских, а также и доводов, выставленных защитой последних.

Кому могло принести пользу и быть так или иначе интересно убийство Комарова? Следственная и прокурорская власть отвечает: такими лицами могли быть одни лишь братья Степан и Петр Скитские. В доказательство этого

положения выдвигаются многочисленные свидетельские показания, устанавливающие факт враждебных отношений между Комаровым и Степаном Скитским на почве совместной служебной деятельности. Основными в этом смысле показаниями являются показания г-жи Комаровой и преосвященного Иллариона. Преосвященный свидетельствует, что после бывшей в 1885 году ревизии, открывшей в полтавской духовной консистории много злоупотреблений, секретарь Радкевич по служебным делам часто обращался за советом к С. Скитскому, что дало последнему возможность составить преувеличенное понятие о своем значении в консистории. Нерадение чиновников, между прочим и С. Скитского, доходило до последней степени. В 1890 году последовала новая синодальная ревизия, закончившаяся тем, что секретарь Радкевич всю вину в беспорядочном ведении дел взял на себя и получил замечание. При таком положении дел последовало в 1894 году назначение на должность секретаря Комарова. Характеризуя нового секретаря как человека благородно-честного и энергичного, преосвященный свидетельствует, что с первых дней своего вступления в должность Комаров начал борьбу с старыми порядками. Неисправность С. Скитского по службе обострила его отношения с Комаровым, и Скитский был лишен награды к Пасхе. Владыка призвал Скитского к себе и просил его объясниться с секретарем, но Скитский затрясся и ответил: "не могу, увольте". 11 июля, за два дня до убийства, член консистории Уралов объявил С. Скитскому, по поручению Комарова, что его переводят с должности казначея на прежнюю должность столоначальника. Г-жа Комарова, первая высказавшая подозрение на Скитских, сообщает, что отношения С. Скитского к ее мужу были враждебные настолько, что С. Скитский собирался даже жаловаться на последнего обер-прокурору святейшего синода. Менее неблагоприятные для С. Скитского сведения дают другие свидетели. Чиновники и члены консистории о. Мазанов, Просьяник, Галабуцкий и Уралов говорят о С. Скитском как о человеке трудолюбивом, знающем, услужливом, но работающем без системы (о. Мазанов) и способном на неважные промахи. Не только Комаров, но и сам владыка обращался к нему иногда за советом (Просьяник). Комаров был человек исполнительный и разумный (о. Мазанов), нервный, раздражительный, несдержанный на словах, придирчивый и требовательный, но на почве закона (о. Галабуцкий). Переход Скитского на должность столоначальника представлял для С. Скитского небольшой ущерб: он получал жалованья на 100 рублей больше, не считая казенной квартиры, стоящей 150 рублей в год (о. Уралов). Этот же свидетель утверждает, что сообщил Скитскому о желании секретаря

переместить его не 11 июля, а значительно раньше (в чем он впадает в противоречие с г-жой Комаровой). Отношения между Комаровым и Скитскими озлобленными назвать нельзя (Просьяник). Степан Скитский представляется человеком умным, но хитрым, лукавым (Богацкий, Лекторский, Житецкий). Основываясь на этих показаниях, в известной части неблагоприятных С. Скитскому, обвинительная власть представляет его как тип мелкого в служебной иерархии чиновника, умного по природе, но неразвитого и лукавого; занимая, однако, в течение многих лет положение чиновника “значительного”, воспитанного притом в традициях старых порядков, С. Скитский не мог помириться с иными к нему отношениями нового секретаря и потерей авторитетного положения в консистории. Сознание, наконец, своего бессилия для открытой борьбы с тем, кто был его начальником, зависимость от последнего – вот все психологические стимулы, которые способны были развить в Скитском злобные, мстительные чувства, приведшие его к убийству. В свою очередь, защита Скитских, анализируя данный свидетелями материал для характеристики С. Скитского, видит в нем “умника, законника и человека с хитрецей”, который именно по этим своим свойствам скорее должен был вступить на путь жалоб, даже клеуз, дававших исход его мстительным чувствам, чем на путь убийства. И Скитским была написана жалоба на Комарова и ходила по рукам чиновников.

О Петре Скитском все свидетели дают благоприятный отзыв как о человеке хотя и сильно пьющем, но по натуре добром, мягком и благородном, обладающем собственными твердыми убеждениями и не находящемся под влиянием брата. “Скитские – два брата, но два разных человека” (свидетель Просьяник). Отношения его с покойным Комаровым не только не были дурными, но, наоборот, Комаров до известной степени покровительствовал ему, увеличил его жалование, и П. Скитский всегда отзывался о секретаре с восторженной похвалой. Обвинение предполагает, что, не имея лично мотива для убийства Комарова, П. Скитский действовал под давлением своего брата, но объективных данных для такого предположения не выставляет.

Таким образом решается следственной и обвинительной властью вопрос о том, кому лично могло быть полезно убийство Комарова. Изыскания в других направлениях следственной властью не производились, и остается, таким образом, значительное число пробелов и темных мест, что дает защите возможность увеличить контингент лиц, могущих быть так или иначе заинтересованными в убийстве секретаря духовной консистории Комарова. Особенно важным в этом отношении является показание некоего Ливена.

Из слов этого свидетеля усматривается, что в полтавской консистории производилось его бракоразводное дело, в котором Комаров держал сторону свидетеля. По твердому убеждению свидетеля, Комаров был убит агентами жены свидетеля, чтобы, устранив таким образом главное препятствие, дать благоприятный исход делу. Его, свидетеля, самого неоднократно пытались убить, но безуспешно. В связи с показанием г. Ливена устанавливается, что в Полтаву приезжали для хлопот по бракоразводному делу ходатаи со стороны его жены – какой-то офицер, проживший до половины июля и исчезнувший тайно и бесследно (свидетель пристав Царенко), и что выписывали из Петербурга свидетеля Андреева и ходатая Плятва (пристав Червоненко). Одним из ходатаев по делу был некто Баб-Чубаров. О нем дают некоторые сведения свидетели частные поверенные Торбенко и Пашенко. Приняв вид человека, ему сочувствующего, первый свидетель, Торбенко, вошел с ним в довольно близкие отношения, причем выяснилось, что у Баб-Чубарова существует какое-то письмо, “которое, если его показать где надо, то всегда будут деньги”. По просьбе того же Чубарова, свидетель должен был послать в Петербург телеграмму приблизительно такого содержания: “Дело принимает серьезный оборот надо заблаговременно принять меры”. Свидетелю Пашенко Баб-Чубаров, выразив намерение произвести в консистории справку по делу Ливена, добавил: “Вот уж я скажу вам, что это дело действительно замечательное. Оно стоит теперь уже более 15 тысяч. Серьезное это дело”. Разговор этот происходил после убийства Комарова. За недостаточностью данных не высказывая определенных подозрений, присяжный поверенный Карабчевский замечает, что все эти обстоятельства требовали самого точного и всестороннего расследования, что сделано не было.

Далее свидетелями установлено, что за трехлетний период секретарства Комарова из полтавской духовной консистории ушли 40 человек служащих; часть из них уволена исключительно благодаря настояниям Комарова. Из оглашенного списка уволенных Комаровым лиц насчитывается 8 “неизвестно где пребывающих” и несколько человек без определенных занятий. Из среды этого полуинтеллигентного пролетариата, всегда дающего большой % преступности, могли, по предположению защиты, выйти и убийцы Комарова, руководимые как мезтью, так и корыстью (похищенные часы составляют самый ценный предмет из бывших при покойном).

Не высказывая никаких определенных подозрений, защита ставит на вид необследованность многих сторон жизни Комарова, дающую почву для разных догадок и вероятий, которых

не должно быть при всестороннем исследовании дела в стадии предварительного следствия. Одной из этих сторон является жизнь Комарова за границей и его отношения к тамошней русской молодежи. По словам г-жи Комаровой, ее муж по поводу торжества у памятника в так называемой Шведской могиле поместил в “Полтавских губернских ведомостях” статью, в которой упрекал членов городского полтавского самоуправления в сепаративных стремлениях. Открывая в Комарове человека с вполне определенными убеждениями, этот факт может породить небезосновательную, по мнению защиты, догадку о существовании у Комарова идейных и непримиримых врагов. Второй совершенно не обследованной стороной жизни Комарова является его жизнь семейная, интимная. О ней говорит только старуха-нянька, вынычавшая г-жу Комарову и утверждающая, что они жили в полном мире и согласии. Кто посещал их, каковы были их ближайшие знакомства – безусловная тайна. Не исследована переписка Комарова; не осмотрена ни дача Комарова, ни пруд около нее, и самое платье убитого с следами сыровой глины не приобщено к делу. В портмоне убитого найдена писанная его женой записка: “Если да, бал будет, необходимы закуски – о! о!” Единственное объяснение этой записке дает г-жа Комарова. По ее словам, она, предполагая, что в гостях у них будет о. Мазанов, дала мужу перед его уходом две записки; на одной было написано сверху “если да”, на другой “если нет”. Так как о. Мазанов сообщил, что он не пойдет, то записка “если нет” была передана матери свидетельницы, а другая осталась у мужа. Выражение “бал будет! о! о!” г-жа Комарова объясняет своей манерой писать.

К области не вполне разъясненных обстоятельств относится и то, что покойный Комаров перед уходом из дома 14 июля просил жену не встречать его, тогда как обыкновенно она встречала его при возвращении со службы, а няньке сообщил, что его томят тяжелые предчувствия, и со службы ушел раньше обыкновенного.

Улики против братьев Скитских

Где находились братья Скитские в предполагаемый момент убийства? Бесспорно, этот вопрос является наиболее существенным для уяснения виновности или невиновности Скитских. Если бы им удалось доказать с несомненной очевидностью, что в 3 ч. дня 14 июля они находились не у мостика, где совершено убийство, а в другом месте, обвинение их падало бы само собой. Но таких очевидных доказательств

alibi у них нет. Показания многочисленных свидетелей сильно расходятся одно с другим, как это всегда бывает при определении времени, когда не было надобности следить за течением его. Но прежде чем перейти к свидетелям, передадим объяснения самих Скитских относительно того, как был проведен ими день 14 июля. В начале 10-го часа утра С. Скитский отправился на почту, где пробыл почти до 2 ч. дня. По дороге с почты заходил в казначейство за марками, заходил в консисторию и около 2 1/2 ч. отправился в епархиальное училище отнести медали. По выходе из училища встретил своего брата в сильно пьяном виде. Вместе уже с братом С. Скитский заходил в квартиру Мартыновой к Конопатову, не застал его дома и отправился через грунт Лазарева (см. план) купаться. По дороге отдыхали. Придя к реке, Петр заснул, и Степан прикладывал ему к голове мокрый платок и к ногам мокрые носки. Когда через несколько часов Петр пришел в себя, братья искупались и ловили раков, затем через монастырский лес отправились к водокачке, закусывали там и после того катались на лодке до 11–11 1/2 ч. ночи. Свидетели дают по этому вопросу о времени, когда они видели Скитских, разноречивые показания. Относительно того, когда С. Скитский спрашивал Конопатова, Мочуговский утверждает, что в 11 ч. утра; свидетельницы Мартынова и Гуменникова, опровергая его, дают весьма важное сообщение, что это происходило в 2 или 2 1/4 ч. дня. Относительно пребывания С. Скитского на почте свидетели сообщают: Копытько и Кобыщанов – что С. Скитский был в конторе в 1 ч. 10 мин.; Копытько: пришел в 12, ушел после часа; Воробьевский и Топчий: вышел из конторы в 1 ч. 40 мин. На Александровской улице С. Скитского видели: Тимченко – в 1 ч. 40 мин., Кручковский – в два часа или немного позже; Навроцкий – между часом и половиной второго и Броваренко – в два часа. На той же Александровской улице свидетель Вишковский видел Петра в третьем часу. В консистории Скитского видели: о. Мазанов – без пяти или десяти минут в час; Вороницын – в два часа пятнадцать или 20 мин. (за десять минут до ухода Комарова). Свидетельница Хмарова передает рассказ Поповой о том, что последняя видела братьев Скитских (одного – пьяного) на Монастырской улице в половине третьего. Свидетельница Халецкая видела С. Скитского в епархиальном училище после 2-х часов. Свидетель Ковалевский видел С. Скитского в казначействе около двух часов. К священнику Дараганову С. Скитский заходил в 2 ч. или немного позже. Свидетель Гнатович видел в 6 ч. 45 мин. двух мужчин, которые купались и ловили раков; в одном из них признал С. Скитского.

В качестве положительных улик против братьев Скитских обвинение выдвигает показания пастуха Ткаченко и свидетельницы Бородаевой. Первый из них передает, что, когда он выгнал пасти скот около 3-х часов, то видел прошедшего мимо него Комарова по направлению к мостику. На заходе солнца он увидел двух неизвестных мужчин, шедших по направлению от мостика, из того лесочка, где убит Комаров, с завернутыми платками лицами, одного в темном костюме, а другого в парусиновом. Увидев свидетеля, неизвестные повернули влево и быстро направились в лес. Расстояния, на котором свидетель видел неизвестных, он определить не мог, колеблясь между 30 шагами и четвертью версты. Свидетельница Бородаева, у которой есть дом где-то под обрывом, на окраине города, видела в третьем часу двух мужчин, направлявшихся к Аковицам (см. план). Шли эти люди очень быстро. На одном из них был пиджак, на другом серый парусиновый китель, и свидетельница рассмотрела даже в бинокль светлые пуговицы. По некоторым предположениям свидетельницы, это происходило 14 июля, хотя она не отрицает, что это могло быть и 15 июля. День, по показанию свидетельницы, был жаркий, но безветренный (г-жа Комарова удостоверила, что в день убийства ее мужа был очень сильный ветер). По вопросам, вытекающим из свидетельских показаний, защита неоднократно возбуждала ходатайство об осмотре местности, но палата отказала. Скитские в день убийства действительно были один в черном, другой в кителе, но защита указывает, что подобное сочетание цветов в Полтаве, где находится, между прочим, кадетский корпус, не является редкостью.

Поведение братьев Скитских 15 и 16 июля. Обвинение находит поведение подсудимых в эти два дня неестественным и подозрительным, основываясь в этом заключении на следующем: 15-го С. Скитский не был на службе, неизвестно, где провел время с 1 ч. дня до шести, когда он явился в монастырь для раздачи медалей. Известие об убийстве Комарова принял равнодушно. Петр Скитский вместо того, чтобы отправиться на поиски Комарова вместе со другими чиновниками, пошел с товарищами в лес и пил водку. На похоронах Комарова, 16-го, не были оба, свидетели, в свою очередь, устанавливают: Ковалевский – что С. Скитский 15-го утром был у него, был спокоен и жаловался на Комарова; о. Смарагд – что Скитский был в монастыре в 5–6 ч.; свидетельница же Попова видела его в монастыре в 4 часа. Свидетель Головки, тот самый, который вместо поисков Комарова пил с П. Скитским водку, пояснил, что на поиски Комарова оба они смотрели иронически и считали “зачерным для

Комарова быть убитым среди белого дня”. Вначале они все же было направились на поиски, но по дороге раздумали, заняли у еврея 60 копеек, купили водки и распили ее. Когда после этого им сообщили о находке трупа Комарова, они и тогда не поверили.

Царапины на руках и на ногах обоих подсудимых. На руках и ногах обоих подсудимых оказались царапины, рука же С. Скитского оказалась припухшей. Обвинение видит в этом следы борьбы; подсудимые объясняют царапины ловлей раков и ушиб руки греблей на лодке, защита, кроме того, указывает, что царапины были и на ногах.

Бечева. На первом слушании дела в Полтаве эксперты по внешнему осмотру бечевки, которой была стянута шея трупа, нашли в ней сходство с теми бечевками, которые употребляются в консистории. При вторичном слушании в Харькове эксперты Жернов и Федоров, рассмотрев бечеву с отрезанными концами и раскрученной, нашли, что “по пряже и толщине” она совсем не имеет сходства с консисторской.

Картуз. На месте преступления найден картуз, висевший в последнее время в помещении сторожа консистории. Обвинение предполагает, что он был подброшен одним из подсудимых для отвода глаз. История картуза такова: свидетель Кондратко, извозчик, дал картуз сторожу Клименко, когда тот в пьяном виде потерял свой. Когда картуз был найден возле убитого Комарова, сторож советовал Кондратко не объявлять себя владельцем картуза, чтобы не запутаться в дело. Клименко подтвердил это, добавив, что картуз висел в сторожке, куда чиновники и посетители заходят курить, а затем куда-то исчез.

Колбаса. Одной из косвенных улик, на которую особенно упирало обвинение, являются кусочки колбасы и хлеба, найденные на месте засады. Здесь свидетели впадают в непримиримое противоречие. Свидетель пристав Царенко, занимавшийся выяснением места покупки найденной колбасы, передает, что в колбасном магазине Лангера приказчик Кацюра признал Скитского по описанию за того покупателя, которому он в день убийства до обеда отпустил две “московские” колбасы. Еще до предъявления Кацюре колбасы, он, по словам пристава, указал, что одна из колбас была толще другой, и это подтвердилось. Свидетель пристав Семенов заявил, что он предъявлял остатки колбасы Кацюре и тот заметил, что одна из колбас, отпущенная им лицу, похожему на Скитского, была толще другой. Иное показывают свидетели Лангер, владелица колбасной, и приказчики Матвеев и Кацюра. Первый говорит, что остатки колбасы были только похожи на изделия их колбасной. Матвеев показывает, что остатков колбасы

не сравнивали с образцами колбас, имеющихся в магазине; Кацюра, в противоречие тому, что он показывал на предварительном следствии, утверждает, что он никогда не говорил приставу положительно о том, чтобы он продал Скитскому колбасы одну толще и другую тоньше, и что остатки колбасы он находил только похожими на изделия их колбасной. Найденный хлеб не имел каких-либо специфических признаков. Булочник Воронель показал, что Скитский покупал у него хлеб, так называемый еврейский, но его покупали все, и сторожа консистории, и Комаров, и такой хлеб имеется во всех лавках Полтавы.

Вот в общих чертах материал, собранный следствием по вопросу о виновности братьев Скитских. Но есть в деле несколько эпизодов, которые прокурор В.В. Давыдов назвал в своей речи “привходящим” и которые, мало или совсем не касаясь Скитских, в то же время весьма ярко характеризуют самое дело и тот способ, каким велось предварительное следствие.

Записка. Свидетель Косолапов, бывший пристав г. Полтавы, через несколько недель после совершения преступления был на месте происшествия и, внимательно осматривая его, нашел лежавшую белой стороной вверх записку следующего содержания: “Дача Склифасовского, дорога на Терновщину” (адрес Комарова). При дальнейшем исследовании, консисторский архивариус Торский сообщил Косолапову, что в консисторию приезжал какой-то офицер по бракоразводному делу и один из чиновников продиктовал ему адрес Комарова. Больше о записке ничего не известно, так как судебный следователь признал ее не имеющей значения для дела.

Письмо П. Скитского к брату. Во время производства следствия к Петру Скитскому, находившемуся в тюрьме, был подослан под видом арестанта сыщик с целью выпытать что-либо у подозреваемого. На третий день сыщик вручил приставу Червоненко письмо Петра к брату такого приблизительно содержания: “Г. Червоненко мне сказал, что ты совершил страшное зверское убийство. Если это правда, то я отрекаюсь от тебя. Если же нет, то напиши мне что-нибудь”. Помимо способа, каким добыта записка, интересно то обстоятельство, что она совершенно исчезла из производства. Историю исчезновения пристав Червоненко передает так: получив записку от сыщика и полагая, что П. Скитский “догадался”, Червоненко показал письмо товарищу прокурора и по совету последнего повез письмо к следователю. Тот был занят, и пристав отдал письмо своему помощнику Куликовскому для передачи. По уверению пристава, Куликовский передал записку следователю, но в деле ее нет. Прокурор объяснил это тем, что она не имеет значения для дела,

и весь этот эпизод с письмом является “полицейским приемом, который не удался” и который следует поэтому отбросить. Свидетель Червоненко передает, что он действительно сказал Петру, что Степан сознался в убийстве. Сыщик был прислан полицеймейстером Ивановым с ведома товарища прокурора.

Ч а с ы. Известно, что у покойного Комарова были похищены одни дамские часы. После убийства по городу ходили упорные слухи относительно нахождения часов у бывшего чиновника консистории Слизки и у других лиц, но следствием проверены не были. Пристав Косолапов сообщает, что он совершенно не производил розысков, хотя слышал, что часы находятся у Слизки; пристав Семенов наводил кое-какие справки, но слухи не подтвердились. Пристав Царенко передает более подробно, как он выслеживал по слухам часы, нашел их, но они оказались вовсе не теми, которые были сняты с Комарова. Вся эта часть показаний Царенко не была проверена на предварительном следствии.

В первый раз дело по обвинению Скитских слушалось с 17 по 22 марта 1898 года в г. Полтаве на выездной сессии харьковской судебной палаты, под председательством старшего председателя харьковской судебной палаты М.В. Красовского, и кончилось оправданием обвиняемых. По протесту прокурора палаты В.В. Давыдова правительствующий сенат кассировал приговор, усмотрев воздействие на сословных представителей общественного мнения. Вторично дело слушалось в г. Харькове 16–21 марта текущего года, под председательством старшего председателя харьковской судебной палаты А.А. Чернявского, и окончилось обвинением обоих братьев, приговоренных к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы на 12 лет. По жалобе защитников: присяжного поверенного Н.П. Карабчевского, частного поверенного М.Д. Зеленского и присяжного поверенного Б.П. Куликова приговор был кассирован Сенатом и дело передано для нового рассмотрения в киевскую судебную палату.

В третий раз дело назначено к слушанию на 19 число текущего мая месяца в г. Полтаве. Председательствует старший председатель киевской судебной палаты А.М. Кузьминский. К более или менее крупным изменениям, вносимым в третье слушание дела, нужно отнести увеличение числа допрашиваемых свидетелей, вызов нового эксперта, профессора судебной медицины при университете св. Владимира Н.А. Оболонского, и предъявление гражданского иска со стороны г-жи Комаровой, поверенным которой выступает московский присяжный поверенный В.В. Быховский. Так как в этот раз будет, кроме того, произведен столь необходимый осмотр местности, то дело продлится не менее 7–8 дней.

ПОЛТАВА, 20 МАЯ

Дело Скитских

Сильное впечатление произвело показание пастуха Ткаченко. Это показание служило главной опорой обвинения, и вдруг оно наносит самый чувствительный удар: виденные свидетелем Ткаченко у мостика люди одеты были в черном и сером, между тем как по делу несомненно установлено, что Степан Скитский был в тот день в белом.

Показание это застало врасплох обвинителя и гражданского истца. Прокурор г. Александров-Дольник и поверенный гражданского истца присяжный поверенный Быховский задают свидетелю массу вопросов, но Ткаченко твердо стоит на своем. Ему показывают китель Степана Скитского, но Ткаченко признает его тем самым, какой он видел на неизвестном у мостика, но он утверждает, что у следователя на Степане был совершенно белый китель.

По поводу допроса свидетеля Лангера и злополучной колбасы из его заведения присяжный поверенный Быховский вступил в пререкания с защитником присяжным поверенным Карабчевским: ни один вопрос защитника не остался без соответствующего вопроса со стороны присяжного поверенного Быховского.

Председатель в виду этого счел себя вынужденным заявить, что недоразумение по поводу утверждения Лангера может быть объяснено тем, что он не понял прочитанное ему следователем его же показание. Лангер плохо понимает по-русски и подписал свое показание, доверяя следователю.

Показания Петерсонов убеждают свидетельницу Бородаеву, что она ошиблась: она видела Петерсонов, а не Скитских.

Допрос полицеймейстера Иванова и приставов Царенко, Червоненко и Семенова был посвящен преимущественно выяснению вопроса о дорогах, о местности, где совершено убийство, об обстановке убийства и проверке объяснений подсудимых относительно дороги, по которой они шли к Ворскле купаться. Степан Скитский дает свои объяснения твердо, спокойно и уверенно. Петр говорит: “что делал по дороге к Ворскле – не помню, то же, что случилось потом, – помню”.

Производит сильное впечатление рассказ того же молчаливого Петра Скитского, как их арестовали и как с ними обращались в полиции: городовые дергали их, сняли с них платья; кричали “кровь”; пристав Царенко топал ногами, ругался.

Показание свидетеля Семенова не вносит в дело чего-либо определенного. Оно основано на слухах, без указания их источника; если же свидетель делает редкие указания на источник своих сведений, то все они неудачны. По вопросу о словах г-жи Скитской при известии об аресте мужа: “я так и знала”, которые Семенов слышал от Котелевца, последний при очной ставке говорит: “однаже, я этого не говорил”. Тогда Семенов спокойно заявляет: “значит, я слышал от кого-нибудь другого”.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(21 мая 1900 г.)

Полтава, 18 мая

Это совсем не та Полтава, которую я видел зимой. Тогда я приехал в город в десять часов вечера, что, по местным понятиям и образу жизни, считается глубокой ночью, и глаза мои безнадежно блуждали по темным, плоским домикам, жалели голые зазябшие тополя и по звуку отыскивали и перечисляли многочисленных собак, пока высокобесстрастный возница с высшей 10 степенью медленности тащил меня и чемоданы по бесснежным, обледенелым колчам и уверял, что ни в одной гостинице нет свободного номера. Ни горя, ни радости не выражал он при этом, и я долго удивлялся, как эти неизреченно-спокойные хохлы могли так бурно реагировать на обвинительный приговор по делу братьев Скитских, настолько бурно, что и сейчас местные психологи опасаются серьезных волнений, если повторится та же подавшая им повод случайность. И только прислушавшись к разговорам, по виду также спокойным, мог я понять, как глубоко врезалось это дело в умы полтавцев и засело там, словно клин. В настоящее 20 время они твердо убеждены, что за делом Скитских следит не только вся Россия, но чуть ли не Европа, и им кажется это вполне естественным, так как речь идет не о каком-то чиновнике конси-стории Степане Скитском, ныне почти утратившем реальность, а о принципе, о правде, той самой правде, которую, по пословице, вечно покушаются съесть свиньи. И нет совсем людей середины: кто верит в невиновность Скитских, тот уже верит так твердо, что человек противоположных взглядов кажется им хуже Мазепы и наоборот. При отсутствии европейской толерантности, сглаживающей острые края крайних взглядов, противники сходятся 30 друг с другом, как ошетилившиеся ерши, и с трудом сохраняют хладнокровие.

Но я отклонился от того, какова теперь Полтава как город. Красива, пыльна, бела и зелена – так зелена, что дачники Петровского парка могли бы почувствовать себя в дремучем лесу. Отцветает уже сирень, висят белые душистые гроздья цветущей акации, и высокие тополи бросают такую длинную, узкую тень, в которой только-только уместится толстому человеку. Днем

по улицам много народу, много движения, хотя магазины по причине праздника закрыты.

Корреспонденты, которых в настоящую минуту съехалось не менее двадцати человек, представляются полтавцам в удвоенном или утроенном количестве, так как находятся в непрерывном движении от своих гостиниц к суду, почте, фотографии и месту убийства Комарова или к другим местам, куда влечет их необходимость или изобретательность. На месте убийства побывали, кажется, все, причем наиболее ревнивые к отысканию истины проделывали весь этот путь пешком, приноравливаясь к походке Комарова, его настроению, в котором он тогда находился, жаре, благодаря которой он должен был искать дорогой тени, и т. д.

Вообще здесь все сейчас психологи и отчаянно фехтуют этой пресловутой палкой о двух концах, причем нет побежденных и одни лишь победители. Местность около мостика, где предполагались засада и убийство, сильно изменилась, так как густой кустарник повyrублен, и только гадательно, с ссылками на какой-то исчезнувший пенек, указывается место, где лежал труп Комарова и где убийцы, пока неведомые, пили водку и высматривали по дороге свою жертву. По вопросу о том, было ли убийство совершено действительно возле мостика, мнения видевших местность сильно расходятся; кто прав и кто нет – покажет будущее, если только оно не останется таким же темным, каким было прошлое и настоящее.

Настроение Полтавы... О нем много говорилось и много еще будет говориться, и не раз, вероятно, встретится в печати слово “большинство”. Странная судьба постигла это слово в Полтаве – нет ни одного мнения, самого крайнего или нелепого, за которым, по уверению его счастливого обладателя, не стояло бы “большинство”. В результате у каждого существует свое “большинство”, являющееся последним аргументом, и во избежание неминуемой путаницы к “большинству” прилагаются эпитеты: “Большинство мыслящей интеллигенции на стороне обвинения”, – сообщает мне по дороге какой-то мыслящий интеллигент; “Лучшая часть полтавского общества глубоко уверена в невинности Скитских”, – говорит другой. И только самые решительные заявляют: “Все население Полтавы от мала до велика...”

В одном я не встретил разногласия: это относительно книги Михайлова. Единственным эпитетом, ее украшающим, является слово “инсинуация”, очень удобное и к книге Михайлова применимое. Оно не утверждает, что г. Михайлов клеветает настолько полно, чтобы получился полный состав данного преступления, но и не отрицает этого. Мне лично кажется, что ко всем разоблачениям, делаемым автором этой грязенькой и ядовитой брошюрки, можно, без страха ошибиться, применить название “клеветы”.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(21 мая 1900 г.)

Меня удивило и сильно порадовало решение присяжных заседателей по громкому делу Елагина – этого типичного порождения московской культуры, изысканного на иностранных диалектах, проживающего по заграницам и чисто отечественным манером тиранящего попавшего ему в руки малолетка. И не потому порадовало, чтобы я вместе с почтенным И.Н. Сахаровым верил в спасительную силу наказания и полагал несколько на маниловский лад, что отсылка Елагина в Тобольскую губернию произведет нравственное потрясение и перерождение в других подобных ему истязателях, их же имена, Ты, Господи, веши. Нет, на это я не рассчитываю, ибо воспитан в невольном пессимизме. На моих глазах в Архангельской губернии образовалась целая колония ростовщиков, и, несмотря на продолжающуюся регулярно эмиграцию этих господ в те же уныло прохладные места, число их в Москве не только не убывает, но возрастает, словно гидра, у которой на место каждой отрубленной головы вырастает десяток новых, еще более зубастых и жадных. Пустым звуком является наказание, пока оно идет вразрез с неодолимыми течениями жизни, властно выпирающей на поверхность все те же преступные элементы. Крали при царе Горохе и царь Горох, по преданиям, чинил суд и собственноручную расправу; крадут теперь, и тех, кто крадет, наказывают, а из того, что государственные умы озабочены ныне расширением тюрем, прозорливые люди могут догадаться, что окончание краж и суда откладывается на неопределенное время.

Обрадовали меня гг. присяжные заседатели, оказавшиеся на такой нравственной высоте, до которой пытаются подняться вот уже неделю просвещенные представители русских исправительных заведений. Состав присяжных был тот, что называется “серый”, то есть состоял больше чем наполовину из людей малообразованных, выросших в той косной среде, где излюбленным средством педагогического воздействия является розга – “розгочка”, по нежному выражению проф. Мороховца. Не было бы ничего странного, и мы ни в чем бы не могли упрекнуть присяжных

заседателей, если бы, стоя на уровне своих понятий – понятий громадного большинства – и судя по совести, они оправдали Елагина. К этим именно понятиям взывал в своей прекрасной поэтической речи присяжный поверенный Андреевский, высококультурный петербургский гость, смысл защиты которого был приблизительно таков: “Все вы здесь, господа, на одну колодку шиты”. Если откинуть преувеличения, то окажется, что Елагин только учил испорченную девочку: правда, грубо, правда, несколько сильно, – ну а вы разве не так же учите своих детей? Как же вы можете осудить его? Кость от кости вашей, плоть от плоти вашей?

Вполне допускаю, с своей стороны, возможность преувеличений в свидетельских показаниях; допускаю и то, что девочка была шаловлива и даже испорчена – это не меняет дела, – и тем с большей радостью преклоняюсь я перед решением присяжных, решением мужественным и недостижимо честным. Их коллективная, общественная совесть оказалась выше единоличной совести каждого из них; соединенные в группу, облеченные священным правом суда, они поднялись над темнотой своей жизни, проникновенно сознали ложь своих понятий, навязанных им извне, – и осудили. И не одного Елагина они осудили – что значит один Елагин среди тысячи ему подобных! – самих себя они осудили, жизнь они осудили, эту и жестокою и жалкою в своей жестокости, темную русскую жизнь. Истинные то были судьи – хвала им и честь!

Не знаю, что думал петербургский гость, уезжая. Вероятно, радовался нравственному росту русских людей. Но я думал: хорошо бы этих двенадцать человек послать на съезд представителей исправительных заведений. А вась, бы они там помогли разобраться в неразрешимых вопросах: нужно держать детей в темном карцере или нет; нужно голодовкой изгонять из них злого духа или кормить, в уверенности, что таким образом скорее не останется места для этого злого духа, по нынешним временам преимущественно обитающего в пустом и голодном желудке. Точно так же назвали бы они настоящим именем и такие педагогически-исправительные приемы, как поение детей чаем с табаком, битье и прочее. Спокойно слушали они на суде, как гг. ученые эксперты разъясняли разницу между сильным ударом розги, рассекающим кожу, и слабым, оставляющим только незначительную припухлость; как те же гг. эксперты научно доказывали, что волоса – вещь крепкая и что за волоса человека поднять можно, – и с тем же спокойствием выслушали бы они лукавое мудрствование гг. исправителей, научно и практически исследующих вопрос:

сколько дней может пробыть ребенок без пищи. С особенным вниманием выслушали бы они г. В.Я. Фукса, по мнению которого нравственное очищение идет рука об руку с очищением желудка и что дитя, которое не ест, легко может быть взято на небо.

И выслушав, они, эти двенадцать простых честных людей, ответили бы одним, но страшным словом: истязание.

Поистине, чем-то архаическим веет от этих рассуждений о темном и светлом карцере; о пользе еды и недоедания, – рассуждений, которыми серьезно заняты взрослые, серьезные и просвещенные люди. Несколько гуманных людей, опираясь на данные психологии, гигиены, всего, чем богаты наши дни, борются с средневековым варварством, которым дочерна пропитана вся та система наказаний; ими думают создать людей, а вместо того убивают человека в человеке. И с каким трудом дается им победа, и как она ничтожна! Темного карцера нет, но светлый остался, и предел заключения в нем – семь дней, целых семь длинных, страшных дней, которые ребенок должен проводить наедине с своей потрясенной, детски робкой и пугливой душой! Нет 7-ми дней недоедания – но один день оставлен. Практика слабеет, но принцип... принцип варварства остался и нагло торжествует!

И что страшнее всего: ведь это только в будущем, близком или далеком, будут сажать детей только в светлый карцер и не кормить только по одному дню. А что же творилось до сих пор за этими четырьмя стенами, где вдали от мира выпрямляют нравственные горбы, и что творится теперь? Какие страшные картины рисует воображению этот промелькнувший в отчетах эпизод с зрителем, который поил детей чаем с табаком, а благосклонный директор аккуратно отмечал это “наказание” в кондуите. Покровом тайны облечено все, что творится там, в этих четырех стенах, и невольно вспоминаются сумасшедшие дома доброго старого времени с их ужасами, дома, откуда никогда не выходил наружу живой и протестующий голос – принадлежал ли он человеку с больным или с здоровым умом.

А тут еще разные приюты, а там сонм московских хозяев и целый арсенал шпандырей, плеток, кулаков; а дальше ведомые и неведомые миру Елагины с их горчичиками и цепочками, – Боже, сколько детского горя, детских слез, едких, соленых и неслышных! И как тут за минуту нравственного отдыха не поблагодарить присяжных заседателей, мужественно бросивших грозный укор всем этим истязателям, ученым и не ученым, узурпирующим свое право быть варварами или же имеющим на оное билеты.

Пестра и разноголоса московская жизнь. И слезы и смех уживаются в ней рядом и не мешают друг другу. По крайней мере,

слезы никому не мешают, ибо плачут московские люди дома, неслышно и невидно, а веселятся на людях. Так посмотришь – самый, скажешь, это веселый город Москва. Штандарт скачет, музыка каждый день играет, и целую ночь зарево над увеселительными местами стоит. На днях особенно много московских людей собралось воедино веселиться, чтобы, разойдясь оттуда, плакать дома втихомолку. День этот был великий и ожидался долго, отметили его все газеты, а многие, по миновании, посвятили ему прочувствованные заметки. Это – первый день скачек. Все обстояло так, как и быть надлежит. Лошади скакали, и это им вполне прощительно, так как не ведают, что творят. Жокеи содействовали слепой фортуне, а публика несла к окошечкам деньги – свои, чужие, казенные, а от окошечек уносила билеты. Потом публика лезла на скамейки, размахивала руками, комкала афиши, бледнела и краснела. Потом она спускалась со скамеек, насильственно улыбалась и шутила и снова шла к окошечкам – таким глубоким и темным, что туда можно отправить все деньги: и свои, и чужие, и казенные. И что самое приятное, в темноте совсем не разбирают, какие деньги, и не принимают только фальшивых. Иногда публика падала духом, но этот случай давно предусмотрен психологами, устраивавшими трибуны, и через каждые двадцать шагов предлагается оживляющее питье – за пятак рюмка. На ноги оно действует разрушительно, но зато фантазии предоставляет широкие полеты, а так как публика не бегаёт, а только фантазирует, то оно является вполне уместным. Ум молчит, а сердцу ясно. Для людей, не чуждых влиянию благородных искусств, играет музыка, и преимущественно ободряющие марши. Под громкие бравурные звуки так легко идет к окошечкам: раз-два, раз-два. Тут же сияет всеми цветами радуги другая публика, из породы хищной. Но здесь перо мое бессильно, и я делаю выдержку, маленькую выдержку из одной московской газеты. Обозреватель, или не знаю как назвать этого достойного представителя шестой великой державы, пишет, и чувствуется, как захватывает у него дух от невинной радости светлого чистого восторга:

«Из ярких туалетов выделяется туалет “дамы-фурор” из театра “Олимпия”: на ней светлое платье с фигаро и широким розовым кушаком, голубая шляпа с черным пером и умопомрачающие (!) камни! Пальто бледно-голубое декадентского покроя, сплешь расшитое белыми снурками. Живые цветы у корсажа и живые цветы в руке... В партере точно так же немало изящных туалетов – носительницы их “этуали” того же театра “Олимпия”, очевидно, приславшего на скачки целый полк своих амазонок».

Какая величественная простота стиля! И какое трогательное единение прессы и театра “Олимпия”! Веселый этот город Москва.

Много смеялись на этой неделе по поводу иссякновения в Москве воды. Было сказано очень много острог, дурных и хороших. Острили, конечно, те, у кого воды было достаточно, а те, кому ее не хватало, по целым часам терпеливо дежурили у водоемов, напоминая дежурящих у театров. Такой длиннейший хвост видел я на Екатерининской площади; да и немало их, вероятно, было и в других местах. И когда смотреть на это вблизи, кажется совсем не смешно. Представляется картина громадного миллионоустого города, охваченного жаждой. Представляется тот же город, охваченный огнем, – и ни капли воды. И ведь это не одно только изображение, а то, что не нынче-завтра может стать самой печальной действительностью.

Странный этот город Москва. И богат он, и велик он, и науками просвещается, и искусствам покровительствует – а все никак не может выйти в люди. Лицо набелит, глаза подведет, “умопрачающими” камнями украсится, а руки помыть забудет. Принарядится, приоденется – совсем европеец, а отвернулся от него на минуту, он уже и девочку сечет: голову в колена и розгочкой, по-ученому, не так чтобы до рассечения кожи, а до припухлости. Сечет, а сам глаза к небу поднял и приговаривает: “Ах, буры! Ах, Кронье! Ах, свобода!” И не то чтобы он сам этой своей несуразности не понимал; нет, понимает очень хорошо, и даже до горячих слез. Выпьет в каком-нибудь кабачке угрызающего душу напитка, выйдет на площадь и кается всенародно: и тототшник я, и истязатель я, и кредит я убил в самом его младенчестве, и искусство извратил, и науку на хлеб да на воду посадил, и ничего-то я путем сделать не умею: мостовые членовредительствуют, телефоны к молчанию приучают, водопроводы лопаются. Ведите меня на лобное место, а пока что – жертвую тысячи!

Есть в нем что-то симпатичное, в этом грязноватом распущенном франте, застрявшем на распутье между театром “Олимпия” и лобным местом, – но когда же он наконец умоется и выйдет на дорогу?

ПОЛТАВА, 21 МАЯ

Дело Скитских

Публика с неослабевающим интересом продолжает следить за процессом Скитских. Каждая деталь в показаниях свидетелей во время перерывов комментируется с чисто южной страстью на все лады. Не ускользает ни одна деталь, ни одна обмолвка. Вскоре после открытия заседания поверенный гражданского истца присяжный поверенный Быховский требует приобщения к делу заграничной переписки и платья Комарова, но палата, в третий раз, отказывает в ходатайстве Быховского. К делу приобщены одни только записки. Защитник Скитских Карабчевский просит палату о допросе новых свидетелей: садовника и приказчика Склифасовской по вопросу об изменении вида местности, где был найден труп Комарова. Палата откладывает решение по возбужденному Карабчевским вопросу и приступает к допросу уже вызванных свидетелей.

В зал суда приглашается свидетель Крысь. Когда судебный пристав произносит эту фамилию, в публике происходит волнение. Все взгляды с любопытством обращаются на двери, откуда должен появиться свидетель с такой оригинальной фамилией. В залу входит невысокого роста седой загорелый хохол, плохо изъясняющийся по-русски. Крысь показывает, что он ходил на работу в Яковцы и каждый день встречал Комарова; затем случилось так, что два дня подряд Крысь не встречал Комарова. 14 июля Крысь встретил его у поворота к мостику, ведущему к даче Склифасовского и остановил его, чтобы проверить свои часы по часам Комарова. По маленьким дамским часам, которые вынул Комаров, чтобы ответить на вопрос Крыся, было половина третьего. Крысь разговаривал с Комаровым. В разговоре Комаров, между прочим, жаловался Крысю на то, что сегодня жена не встречает его почему-то; затем Комаров дал Крысю папиросу и просил его подождать, пока он, Комаров, дойдет до мостика, так как по дороге бегали собаки, и Комаров, по-видимому, боялся их нападения, Крысь подождал и видел, как Комаров взошел на мостик, направляясь к даче, и скоро скрылся.

По поводу допроса свидетельницы Лангер происходит следующее.

Присяжный поверенный Быховский. Я не знаю пределов своего права: могу ли я спросить свидетельницу Лангер о том, не состоит ли она в каких-либо родственных отношениях с защитником Скитских – Зеленским?

Председатель. Нет, не имеете права.

Присяжный поверенный Карабчевский. Я просил бы разрешить поверенному гражданского истца сделать этот вопрос, тем более что впечатление все равно уже произведено одной постановкой его вопроса.

Председатель разрешает Быховскому сделать свидетельнице Лангер вопрос о родстве. Из ответа свидетельницы оказывается, что племянник Зеленского женат на падчерице Лангер.

Инцидент исчерпан. Начинается допрос консисторских и почтовых чиновников. Допрос стремится выяснить время пребывания Скитского в Полтаве.

Показания их не внесли ничего нового: они совершенно схожи с их прежними показаниями.

Из остальных свидетельских показаний до дневного перерыва сильное впечатление произвело показание священника Костецкого. Свидетель этот неопровержимо доказывает, что Степан Скитский был в почтовой конторе позже половины третьего.

Каждое новое показание свидетелей, особенно чиновников почтовой конторы и Кривошеевой, подтверждает объяснения Скитских, что они шли по совершенно другой дороге, пролегающей по Лазаревскому грунту по направлению к Монастырской горке.

ПОЛТАВА, 22 МАЯ

Дело Скитских

Сегодняшнее утреннее заседание не дает ничего нового. Для выяснения того, как Степан Скитский проводил день совершения преступления, четырнадцатое июля, допрашиваются свидетели Ганф, Ковалевский, Дзина и Мельников, которые, устанавливая его alibi, доказывают, что видели его в разных местах, то по делу, то так. Монахи Смарагд и Бонифатий показывают, что Степан Скитский был в монастыре с медалями, которые надо было отнести в епархиальное училище.

Свидетель Молчанов, подрядчик, передает о впечатлении, какое произвело на Скитских известие об убийстве Комарова. Когда свидетель сообщил об убийстве Комарова, Степан Скитский поднял руки и в отчаянии воскликнул: “Боже, что делается!” Интересно отметить показание Николаевой; по ее словам, Степан Скитский был, как всегда купил водки и уходя забыл портфель. Девочка, прислуга, побоялась догнать Степана и отдать ему портфель, но не потому, чтобы боялась Степана, как говорил свидетель Семенов, а потому, что в портфеле были деньги, которые она могла потерять. Вот откуда и пошли слухи о портфеле как об улике против Степана Скитского.

Важное значение имеет показание учителя Гнатовича. 14 июля, в восемь часов вечера, он видел, что купаются двое, ловят раков и смеются. Когда он подошел ближе и взгляделся в сидящих, то увидел, что это были братья Скитские. На убийц они ни в каком случае не были похожи.

Вообще, по мере того как дело подвигается вперед, alibi подтверждается шаг за шагом. Что же касается вопроса об отношениях Скитских к убитому, интерес представляют показания священников о. Мазанова, Уралова и других. Показания их в общем подтверждают то, что уже известно из обвинительного акта, изложенного в “Курьере”. Вообще обвинение против Скитских падает хотя медленно, но верно. В публике вообще становится все более заметным радостное настроение.

Всего допрошено более 80 свидетелей из 140, вызванных в суд. Завтра будет произведен осмотр.

Палата намечает те пределы, в которых осмотр должен быть произведен. Палата поэтому определяет произвести осмотр в следующей постепенности: сначала путь из консистории через все пункты, упоминающиеся в деле, до дома Бородаевой через мостик и прилегающую местность; потом дорогу Скитских от Лазарева спуска до Ворсклы и монастырской клуни и леса. На всех этих помеченных пунктах будут присутствовать соответствующие свидетели, которые дадут надлежащие пояснения на случай надобности. Кроме свидетелей, будут присутствовать и землемеры, и эксперты. Для полноты иллюзии подсудимые будут одеты в свои костюмы, находящиеся в числе вещественных доказательств, т. е. в те самые костюмы, в которых они были 14 июля.

Свидетели, допрошенные во второй половине сегодняшнего заседания, Леонтовский, Горностаев и другие, своими показаниями, в основе которых лежит личное знакомство с Скитскими и Комаровым, подрывают факт существования вражды Скитских к Комарову, между тем как на этом факте существования беззаветной вражды к Комарову и построено было все обвинение Скитских в убийстве.

ОСМОТР МЕСТА УБИЙСТВА КОМАРОВА

Полтава Дело Скитских

Сегодняшнее заседание палаты было посвящено осмотру местности, в которой был найден труп убитого Комарова. Осмотр начался в восемь часов утра в полном составе палаты, сторон и в присутствии представителей печати. День чудный: картина необычайная. Подобного судебного осмотра на десятиверстном пространстве еще не бывало в летописях суда. На месте присутствовала масса народа, сотни экипажей перегоняют друг друга и поднимают тучи пыли. На всем пути следования суда расставлены ополченцы цепью. Толпы народа видны даже на крышах домов. Кажется, точно присутствуешь на каком-то празднике всей Полтавы. Скитские, одетые оба в свои прежние костюмы, производят угнетающее впечатление; старший брат в синих очках, лица их печальны, движения пассивны. Кorteж не останавливаясь проезжает те места, куда заходил Степан Скитский. После этого происходит первая короткая остановка.

У ипподрома Лопатецкий рассказывает о своей встрече с Петром Скитским возле дома Бородаевой. Кorteж вновь останавливается. Остановка продолжительная, двухчасовая. С площадки перед домом открывается красивый вид: внизу виднеется глубокий овраг, за ним поляна. На этом месте Бородаева, по ее показанию, видела двух бегущих людей. Производится опыт: Бородаева в сопровождении Грабора и сторон идет по полянке и показывает путь бежавших. По выбранному ею направлению путь бежавших шел влево от высокой груши, стоящей в конце поляны. По возвращении Бородаевой, Скитские идут по указанному ею пути. Происходит очная ставка Бородаевой и Ващенко. Ващенко утверждает, что направление бежавших было не влево, а вправо от груши.

В это время произошла потрясающая сцена. Когда Бородаева увидела идущих по поляне Скитских, она схватила председателя за руку и истерично стала кричать: “Это они, они! Теперь я узнаю!” Свидетельнице объясняют, что по поляне идут Скитские. С Бородаевой делается новый припадок истерики: “А я думала,

что это Петерсоны!” Председатель успокаивает свидетельницу: “Не беспокойтесь, – говорит он, – это не так страшно, они идут указанным вами путем”. Бородаеву уводят, приглашают врача для оказания ей помощи. В отсутствие Бородаевой проходят по поляне Петерсоны – сперва отец, потом отдельно от него сын, оба идут приблизительно по одному и тому же пути направо от груши, не согласно с указаниями Бородаевой, но близко к указанию Ващенко.

Далее палата в полном составе пешком проходит ту же поляну и идет полем, т. е. предполагаемым путем Скитских, идут по мостику напрямик, быстро, но тратят сорок минут на перерыв для завтрака. Все располагаются на траве. Фотографы, расположившись на возвышенностях, спешат снять с образовавшихся групп возможно больше снимков.

Под деревьями, под открытым небом, как раз против предполагаемого места убийства, открывается заседание суда. Впечатление получается необычное, величественное. Веет стариной. При участии свидетелей производится новый осмотр каждого места: где был найден труп, где лежали зонтик, очки, где предполагается засада убийц, наконец, осмотр пруда. Дача Комарова расположена по-прежнему. Тут же выясняются и разногласия об изменениях местности, о чем говорила в своем показании г-жа Комарова. С дачи виден на далекое расстояние скат, по которому будто бы шли Скитские, а сегодня шла палата. Жученко указывает, что место косьбы ранее было отделено невысоким валом от места, где, по предположению, произошло убийство. Далее палата ждет, останавливаясь в своем дальнейшем движении. Прежде всего допрашивается пастух Тимченко, который указывает место, где он видел Скитских в Полтаве, на Александровской улице. Потом допрашивается водовоз Крысь, который указывает место, где он встретил Комарова, идущего к себе на дачу. Грабор в виде опыта идет на мостик. Тут становится заметным некоторое разночтение между показаниями Крыся и Кошевого относительно места встречи их с Комаровым. Разночтение это не в пользу Крыся.

Ввиду сильного утомления сторон дальнейший осмотр отложен до завтра.

ОКОНЧАНИЕ ОСМОТРА НА МЕСТЕ В ДЕЛЕ СКИТСКИХ

Полтава, 24 мая
Дело Скитских

Сегодня палата опять выехала на место, намеченное для дальнейшего осмотра. В общем, та же картина, что и вчера, но, ввиду спокойствия в Полтаве, меньше стражников.

Палата приступила к осмотру пути, по которому подсудимые, по утверждению Степана, 14 июля шли купаться на Ворсклу. Начиная со спуска Лазарева пускают вперед Степана и Петра Скитских. Они идут легко, уверенно ориентируясь в несколько изменившейся местности, которая за последний год оказалась сильно застроенной внизу. Объяснения Скитских кажутся вполне правдоподобными и ясными. Затем палата и Скитские останавливаются на противоположном скате леса и следят за Поповой, которая показывает, где видела она идущих братьев Скитских. Этот момент чрезвычайно серьезный, ибо тропинок в данном пункте две, но Попова указывает настоящую тропинку, чем вполне подтверждаются объяснения Степана Скитского. После этого стороны подвергли Попову перекрестному допросу. Показание ее оставляет сильное впечатление. Все в нем правдиво и точно с подробностями передает историю встречи со Скитскими.

После допроса свидетельницы Поповой снова пускают Скитских в сопровождении конвойных вперед, чтобы они показали свой путь по лесу через Монастырскую горку. Подъем на эту горку довольно крутой, местами заросший терновником, сквозь который мужественно пробирается палата. Особенно много труда выпадает на долю члена палаты Н.С. Грабора, на обязанности которого лежит непосредственное наблюдение за правильностью осмотра и воспроизведения того, что было в этом месте 14 июля по данным обвинительного акта, по объяснениям Скитских и по показаниям свидетелей. Скитские оканчивают путь до монастырской клуни, поясняя, что они могли несколько ошибиться, изменив направление дороги, но это следует объяснить тем, что проведенная железная дорога сильно изменила вид этой местности. Это обстоятельство подтверждается и другими свидетелями. Так, пастух Белизный показывает место на опушке леса, где он 14 июля пас телят, и подтверждает, что не видал Скитских.

Далее производится опыт с свидетельницей Кривошеевой. Она показывает, в каком месте она вместе с подругой встретила в лесу Скитских; указание этого направления не много расходится с направлением, указанным Скитскими, что опять-таки легко объясняется, ибо она и Скитские шли без тропинки, лавируя между кустами и деревьями.

Затем проверяется при тех же условиях путь от горы. От Ворсклы спуск крутой и скользкий вследствие травы. Внизу пролегает обширная, зеленая, местами поросшая деревьями равнина, а посередине протекает рукав Ворсклы, речка Быстрик, где купались Скитские. Ныне Быстрик почти весь засыпан и через него проходит полотно дороги. По этому полотну, заявляют обвиняемые, они не могут вполне точно и безошибочно определить то место, где они в тот злополучный день купались, но приблизительно они могут указать – это налево от полотна. После этого приводят свидетеля Гнатевича, который видел купающихся Скитских. Он показывает место купания вправо от полотна.

Осмотр заканчивается поездкой к купальням и обратно к Лазареву спуску.

В интересах обвинения, желающего доказать, что Скитским удобнее было идти купаться этой дорогой, чем в гору и через лес, допрашивается рьяный свидетель обвинения Царенко, который упорно твердит, что гору и лес можно пройти везде, только не там, где прошли Скитские.

К а р а б ч е в с к и й. Вы сегодня проходили с нами?

Ц а р е н к о. Нет.

По определению палаты осмотр объявляется окончанным.

Несмотря на общее утомление, назначается вечернее заседание с целью резюмировать результаты осмотра.

Но как бы эти результаты ни резюмировало обвинение, один важный результат уже есть – показание свидетельницы Поповой, неопровержимо подтверждающее объяснения Скитских. Насколько этот результат имеет значение для исхода всего дела, можно судить по тому, что прокурор в харьковском процессе буквально заявил следующее: “Если бы я хоть одну минуту поверил словам Поповой, я должен бы был отказаться от обвинения”.

ДОПРОС ЭКСПЕРТОВ В ДЕЛЕ СКИТСКИХ

Полтава, 25 мая
Дело Скитских

Во вчерашнем вечернем заседании землемер Гусев дает некоторые технические пояснения относительно пути, пройденного Скитскими. Он определяет наивысший угол наклонения вчерашнего пути Скитских в 30 градусов, а наименьший в 7°.

Эксперты-веревочники отрицают сходство веревки, найденной на трупе, с той, которая обыкновенно употреблялась в консistorии.

После этого допрашивается целый ряд свидетелей. Между прочим свидетель Мальцев показывает, что Комаровы жили прекрасно и дружно. Следует отметить еще новую свидетельницу обвинения Прохорову, вызванную поверенным гражданской истицы присяжным поверенным Быховским.

Прохорова рассказывает, крестясь при каждом слове, между прочим о пропавшем письме, посланном из тюрьмы Петром к брату. Письмо это показывала будто бы свидетельнице жена прокурора Домилковского. Редакция письма такая же, что и в обвинительном акте, но в конце добавлено еще: “помни нашу клятву”.

После этого палата ставит вопросы врачам-экспертам, которые должны будут удалиться для совещания и ответы на поставленные вопросы дать завтра. После вручения экспертам листа с вопросами, один из них, врач Михнов, неожиданно заявляет о своем желании публично указать на дефекты им же составленного акта вскрытия, служившего в обоих процессах материалом для экспертизы. В виду такого заявления палата полагает, что следует исключить Михнова из числа экспертов и допросить его в качестве свидетеля, и предлагает сторонам высказаться по этому вопросу. Защитник Скитских, присяжный поверенный Карабчевский, возражает против исключения Михнова из числа экспертов, указывая на то, что роль Михнова как эксперта достаточно определилась в двух процессах и поэтому сохранение его в роли эксперта представляется крайне важным. Палата определяет оставить Михнова в числе экспертов.

В сегодняшнем заседании палаты допрашивались эксперты. Единогласие у них достигнуто только по пятому вопросу – о вре-

мени последнего принятия пищи: так, эксперты признали, что это произошло за пять или шесть часов до смерти.

Первым дает свои заключения известный проф. Патенко, делавший доклад о деле Скитских в Москве в медицинском обществе и выпустивший брошюру, посвященную экспертизе по делу Скитских. Свое заключение проф. Патенко дает, демонстрируя соответствующие фотографии и спиртовые препараты. Проф. Патенко отвечает: на первый вопрос – смерть последовала от удушения мягким предметом – подушкой или полотенцем; на второй вопрос – число нападавших было не менее двух; на третий вопрос – борьба была незначительная; на четвертый вопрос – смерть была приблизительно за двое суток до открытия трупа; на шестой вопрос – веревка на шее находилась или для симуляции удушения, или для переволакивания трупа с места, где совершенно было убийство, на место, где труп был найден; на седьмой вопрос – воловь труп только от мостика не имело никакого смысла; напротив, следы глинистой земли на брюках показывают, что волокли на большом пространстве и из другого места.

Экспертиза проф. Патенко вызвала продолжительный перекрестный допрос, но проф. Патенко стоит на своем.

Присяжный поверенный Быховский рядом вопросов пытается установить, не был ли Комаров удушен посредством найденной шапки, но проф. Патенко отрицает возможность такого предположения.

По вопросу о кровавых пятнах, бывших будто бы на шапке, присяжный поверенный Карабчевский просит о производстве химического анализа пятен, найденных на шапке, но палата отказывает, основываясь на мнении экспертов, что в настоящее время анализ немислим.

Второй эксперт, профессор Оболонский, заявляет, что, по его мнению, причиной смерти Комарова следует считать шок, происшедший от сдавливания и перелома ребер. Асфиксия безусловным экспертом отрицается. Все это мог произвести один человек. Признаков борьбы он в деле не находит; что же касается веревки, то она служила для перетаскивания; тащить труп могли на небольшом пространстве, ибо платье было найдено в порядке.

До вечернего перерыва допрошены были всего два эксперта.

ПОЛТАВА, 25 мая. Дело Скитских. Выдающимся событием последнего заседания было показание Прохоровой, утверждающей, что жена товарища прокурора, наблюдавшего за следствием, давала ей читать письмо Петра Скитского, писанное, когда он сидел под арестом в части. Письмо было такого содержания:

“Я слышал, ты сознался. Если это правда, то ты мне не брат. Помни нашу клятву. Страждущий брат твой Петр”. Прокурор и защита отказались допрашивать эту свидетельницу. Содержание пропавшего письма Петра Скитского, по единогласному показанию полицейских чинов, было другое, а именно: “Мне сказали, ты убил Комарова. Если так, ты мне не брат”. Письмо, переданное полицией товарищу прокурора, пропало.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(26 мая 1900 г.)

Из залы суда

Полтава, 22 мая

Мне почти ничего не остается сказать вам в дополнение к телеграмме о заседании 22 мая. Свидетели, служащие в консistorии, и священники быстро следуют один за другим, повторяя почти дословно то же, что говорили они на первом полтавском и харьковском процессах. Престарелый о. Мазанов упорно говорит о вражде Скитского к Комарову и дает Ст. Скитскому нелестную аттестацию. О. Уралов на этот раз точно восстанавливает в своей памяти день, когда он сообщил Ст. Скитскому о предстоящем ему оставлении должности казначея и переходе на должность столоначальника: это было именно 4 июля. Противоречие с Комаровой, узнавшей о разговоре о. Уралова со Скитским только 11-го, объясняется легко тем, что сам о. Уралов сообщил покойному Комарову о разговоре несколько дней спустя после того, как имел его.

Об отношениях Степана Скитского к Комарову этот свидетель, а равно и следующие за ним, говорит с большой сдержанностью, доказывая, что вражды, той обостренной, “убийственной” вражды, которая способна толкнуть на преступление, вовсе не существовало. Правда, были нелады, те обычные нелады, которыми изобилует всякая канцелярия, когда во главе ее стоит такой строгий, исполнительный до придирчивости чиновник, как А.Я. Комаров. Он был клином, медленно, но с несокрушимой силой входившим в гнилое консисторское дерево, и немудрено, если это дерево там и здесь потрескивало. Роптали отцы благочинные, которых консисторский молот прижимал к наковальне, какой является необеспеченное и стеснительное существование деревенского священника; роптали, уходя, писцы “по найму”, те трижды необеспеченные господа, которые, словно перелетные птицы, кочуют по канцеляриям полугрязные, полуграмотные и полупьяные. Видно, что и Ст. Скитский был в числе недовольных и, наверное, перекрестился бы обеими руками, если бы из консistorии убрали беспокойного секретаря, для которого, по его выдающимся способностям, неуклонности и твердому стремлению к намеченной цели, полтавская консistorия была только

первым этапом на славном пути видного церковного деятеля. По словам г-жи Комаровой, покойный муж ее имел сильное влияние на преосвященного, мягкая, гуманная натура которого, чуждая строгости, оказывала лишь пассивное, бессильное сопротивление. Но, допуская желание Ст. Скитского поскорее расстаться с секретарем, нужно заметить, что желание было немногим сильнее тождественного желания других, и трудно допустимо предположение, чтобы оно могло побудить на убийство, раз оно не могло заставить пустить в ход жалобу, с которой давно уже носился Степан, вероятно находя немало благосклонных слушателей. 40

Для настроения Степана пятнадцатого июля интересно то, что, находясь в гостях в этот именно день, он продолжал жаловаться на секретаря – того самого секретаря, все счета с которым, по мнению обвинительной власти, были им уже покончены, и в то же время, когда политика требовала, если бы он был убийцей, хвалить Комарова. Точно так же и в тот же день в другом месте Ст. Скитский вел беседу о посадке деревьев – вопрос интересный для убийцы, каким он в то время уже, предполагается, был. 50

Петр Скитский вообще в процессе отсутствует, и если бы не его всем видимое присутствие за решеткой, о нем можно было бы позабыть до приговора. Изредка обмолвятся о нем свидетели, и только по вопросу о встречах с ним на улицах и в портерной и об его хмельном состоянии говорилось довольно много. И из всего этого многого – каким милым, добродушным забулдыгой является этот тихий и неслышный Петр! Сегодня впервые говорилось об его отношении к покойному, подтвердилось то, что уже и раньше известно было: за тихость ли или по капризу властной натуры Комаров отличал его и увеличил даже жалованье – прекрасный повод для кровавой расправы. 60

С неослабным вниманием следят братья за процессом. Превратившись из людей в объекты для изучения уголовного процесса (по меткому замечанию одного из участников в деле), испытав на себе приговоры оправдательные и обвинительные, кассацию и прочее, теперь они всесторонне уясняют себе значение гражданского иска. Степан сосредоточенно внимателен; когда он начинает говорить, видно и полное знание дела, и глубокое понимание того, что значат каторжные работы. Во внимательности Петра есть что-то удивленное и наивное; напряженно вытянув гусиную шею, он вслушивается в пространные показания; когда заговаривает он, речь его звучит тихой жалобой на обиду, и словно не понимает он этой обиды, нанесенной ему, никогда никого не обижавшему. 70

Завтра осмотр; корреспонденты получили разрешение присутствовать, и завтра полтавцам придется ходить пешком: все “фурки” (одноколки) и “извозчики” (парные) порасхвачены. 80

ПОЛТАВА, 26 МАЯ

Дело Скитских

Сегодня продолжается допрос экспертов. Эксперт, полтавский врач Михнов, составленный которым протокол осмотра подвергнут жестокой критике профессорами Патенко и Оболонским, слабо отстаивает положения первого процесса, что смерть произошла от удушения веревкой.

Врач Устименко всецело становится на сторону проф. Патенко и заявляет, что ни один врач не может присоединиться к экспертизе Михнова.

Отметить следует еще и то, что все эксперты допускают возможность, что Петр мог ходить, совершать целесообразные действия, находясь в беспамятстве.

После экспертизы начинается опять допрос свидетелей. Последние свидетели по темному вопросу о бракоразводных делах и, в частности, показания Ливена развертывают картину с ходатаями, лжесвидетелями, нанятой для симуляции прелюбодеяния девицей и агентами. Оригинальна фигура Бабы-Чубара, имеющего три местожительства, смотря по тому, где надобен свидетель и агент: то он в положении нищенствующего, то роскошествующего. Связь Бабы-Чубара с убийством Комарова ничем не устанавливается.

Свидетель Головкин рассеивает улику, заключающуюся в неявке Петра Скитского на похороны Комарова. Оказывается, что многие чиновники предпочли сладкое отдохновение в тени деревьев с водкой и закуской, нежели искать Комарова и провожать тело на кладбище.

Полковник Силич показывает, что он играл в винт у Оленских и слышал, как Степан Скитский бранил Комарова и грозил ему. Супруги Оленские на очной ставке с Силичем возражают против его показания.

Сегодня надежды на скорое окончание процесса окончательно рушатся; стороны ходатайствуют об измерении пути Комарова от консистории до мостика и предполагаемого пути Скитских от артиллерийского склада до мостика. Зеленский просит о вы-

зове партнеров полковника Силича, а также Броваренко, который, по показанию Жученко, косил возле мостика.

Палата определяет удовлетворить это ходатайство.

Палата, стороны и представители печати отправляются затем в помещение, занимаемое преосвященным Илларионом. Допрос длится полтора часа. Преосвященный Илларион характеризует покойного Комарова как образованного человека. Это был первый случай, когда в консисторию попал академик. Комаров – русская душа, прямая, непоколебимая натура, но горячая и раздражительная. Последнее объясняется тем, что главный интерес Комарова – наука – исчез, и его заедали мелочи консисторской жизни. Степан Скитский – делец, сведущий, способный, честный, но беспорядочный в ведении дел, сохранивший старую закваску. Он был полной противоположностью Комарову, но был любим деревенским духовенством и знакомыми за услужливость и любезность. Владыка приводит и примеры беспорядочности Степана, упоминает об отношении Скитского к Комарову и рассказывает то, что известно уже из показаний других свидетелей. Владыка передает также, что ему известно было через Прохорову содержание письма из тюрьмы Петра к брату Степану, именно: “Ежели ты сознался в убийстве (кого, не сказано, замечает владыка), ты мне не брат. Помни нашу клятву”. Преосвященный Илларион повторяет, что о. Уралов сказал Степану о смещении его на должность столоначальника одиннадцатого июля. Недавно о. Уралов говорил, что он ошибся: это было 4 июля, в день проверки кассы. Преосвященный Илларион сомневается в этом, ибо при проверке кассы обязательно присутствует секретарь и не было надобности сообщать об этом о. Уралову.

По ходатайству защиты будут передпрошены о. Уралов и Галабуцкий; приобщается к делу и денежная книга.

Преосвященный Илларион взволнованно замечает, что “в Полтаве и во многих городах говорят, что архиерей – единственный обвинитель Степана; я получаю даже угрожающие письма; но я никогда своего мнения по делу не выражал. В честности Степана Скитского я не сомневался, а говорил только о неисправности Степана; прошу принять в доказательство два дела”.

Палата приобщает и их по ходатайству защиты. Затем палата postanовляет истребовать дело Тржецяк и объявляет перерыв заседания до завтра.

ПОЛТАВА, 26 мая. Дело Скитских. Свидетели установили факт пьянства Петра Скитского и частые отлучки из квартиры ночью. Другие консисторские тоже не ходили искать Комарова и также не были на погребении, предпочтя гулять в монастырской

роще. Некто Силич в доме Оленских слышал, что Степан Скитский угрожал Комарову, браня его за служебные притеснения. Оленские отрицают этот факт. Силич утверждал, что Оленский сказал: “Комарова убили Скитские, но будут оправданы”. Оленский и это отрицает на очной ставке с Силичем.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨27 мая 1900 г.⟩

Из залы суда

Полтава, 23 мая

Трудно разобраться в впечатлениях сегодняшнего дня: и много их, и сильны они, и так противоречивы, что порой и сам не знаешь, радоваться надо или плакать, подобно г-же Бородаевой, которая сегодня в одном вопле слила и отчаяние и радость. Интерес к делу и судьбе Скитских нельзя назвать просто сильным: он властно захватывает всего вас, он вас порабощает, он заставляет забыть обо всем, что было вчера и будет потом – когда эти двое пойдут или на каторгу, или на свободу, под жаркое полтавское солнце, в тень ее зеленых душистых садов, в раскрытые объятия ее своеобразных, но милых сынов. В зале суда душно, но не потому только, что зал невелик, что в нем много усиленно дышащего народа. Душно в нем от того скрытого напряжения, которым полны все: и судьи, и публика, и подсудимые. Ах, эти подсудимые! Пусть бы они плакали, пусть бы искажались их черты от страха, обиды и горя, – это было бы легче для них, легче для всех. Их каменное спокойствие, неестественное для всякого живого существа, их глубокая покорность, с какой склоняют они свои шеи перед поднятым на них мечом правосудия, их тоскливое бесстрашие, с каким видят они его качающиеся весы, – они душат, душат! С болью осмеливаешься заглянуть в их душу, и с ужасом отвертываешься, – так много в них горя, тюремного мрака и тоски, долгой, мучительной, ввевшейся в самую глубину сердца. И с каждой минутой, приближающей Скитских к концу, напряжение растет.

Я думал, что последний день – день осмотра – будет отдыхом, но я несколько ошибся. Правда, вся эта шумная диковинная поездка по городу, по полям и лесам была очень интересна, красива 30 и временами походила на пикник. Говорю это не в суд и осуждение; действительно, трудно было минутами не забытья, когда над головой синее безоблачное небо, всюду молодая яркая зелень, белые, мирные домики, а вокруг веселая, шумная толпа, подсмеивающаяся над особенностью своего положения и радующаяся ему. Все запросто, все ново, все оригинально. На площадке, под крохотным навесом, расположилась палата; кто сидит на вынесен-

ной деревянной скамейке, кто прячется под зонтиком от жгучего солнца; тут же, перемешавшись с судебными чинами, корреспонденты, немногие из публики, допущенные к осмотру, полиция, военные, обитатели Бородаевского домика. В окно белой, чистой хатки выглядывает замазанная рожица ребенка, который долго будет помнить это чудное нашествие, а за углом, на солнышке, сладко разметался спящий щенок. Открывается уголок мирной, далекой от злобы и борьбы жизни, и ярким, сверкающим пятном вкрапливаются в нее судебские мундиры, чуждый, грубый говор северян. Всех томит жажда; бутылки с квасом переходят из рук в руки, вызывая шутки, смех; посуды нет, и из одного и того же стакана братски пьют корреспонденты и полицейские, Скитские и Комаровы. Они стоят тут же, на солнышке, в шумной и движущейся толпе.

Да, все это весело, все дает впечатление жизнерадостности, пока не увидишь их, братьев Скитских, вид которых еще более тяжел здесь, под солнцем, чем в зале суда. Там их отделяла от суда и публики решетка, и как она ни мала, но она была границей; там они были одеты торжественно-чинно, Степан даже в черном сюртуке, и все это создавало чувство отчужденности от них, судимых, ни на минуту не давало забыть, что великое, грозное, то, что называется судом, медленно, непреодолимо совершает свой путь. А здесь, в этой толпе, одетые буднично, просто, как в тот роковой день, они ничем не отличались от нас, и тем страшнее было сознание, что ведь их же судят, что ни к чему все это, и небо, и солнце; что, быть может, сейчас, сию минуту, решается вопрос, быть ли им людьми, как все, носить парусинное или черное, покрывать голову поповской круглой шляпой, говорить ли дома о погоде, о солнце, о детях, или на далеком севере греметь кандалами, вне мира, вне жизни.

И вопрос решался, и колебались весы, и в святилище судебской совести назревало... быть может, губительное “да”, а быть может, и освобождающее великое “нет”. Кто знает истину, кто может предсказать будущее? Громаден и разнообразен собранный судом материал; полной рукой можно черпать доводы и за обвинение, и против обвинения. Тот или иной угол зрения, та или иная запавшая в голову мысль – и вот готов страстный обвинитель, а вот рядом с ним еще более страстный, душой болеющий защитник.

Как отнестись к тому, что дал сегодняшний день? Не знаю; не смею сказать; могу только сообщить, что радуются обе стороны.

Станьте на минуту на точку зрения обвинения, безусловно но поверьте г-же Комаровой и другим и решите, что мотив для

убийства существует; откиньте, наконец, показание Поповой и других, устанавливающих по времени или по месту alibi Скитских, и сегодняшний день даст вам последние штрихи к картине убийства. Скитским нужно было обогнать Комарова и засесть у мостика – вот вам ипподром, где в 2 1/2 часа видел Петра свидетель Лопатецкий, т. е. место, почти противоположное спуску Лазарева и, наоборот, близкое к предполагаемой дороге Скитских через поляну; вот немного дальше дом Бородаевой, откуда она видела двух бегущих людей в белом и черном платье. Опыт, проделанный с Петерсонами, можно назвать для Скитских гибельным: 90 Петерсоны прошли не той линией, которую провела Бородаева, а значительно правее, следовательно, не их, не Петерсонов, видела она, а именно Скитских. Идите далее через поляну напрямик к мостику. Оказывается, путь вовсе не так труден; палата проходит его в 36–40 минут, а присяжный поверенный Быховский 27 минут; бегущие Скитские могли сделать его еще скорее. Вот дача и мостик; местность изменилась; спрятаться было легко, от дачи увидеть не могли. А далее пастух Ткаченко: мимо него прошел Комаров к мостику, а немного спустя от мостика прошли 100 двое в черном и сером, с закрытыми лицами, и, увидев его, свернули дальше в лес. Пусть он доказывает, что один из неизвестных был в сером, а не в белом, – он легко может путать цвета.

Теперь очередь свидетеля защиты, Крыся, но он не страшен; зачем он остался ждать, пока К(омаров) пройдет мостик? Комаров боялся собак, но, по признанию самого же Крыся, они пробежали, да и все равно не мог он, в случае нужды, помочь на расстоянии полторы сотни саженей. Наконец, его уничтожает водовоз Кошевой: “Вот где, у груши, – говорит он, – перегнал я Комарова”; а Крысь уверяет, что он был с Комаровым у поворота, когда проехал на волах водовоз. Но, может быть, есть другой водовоз, который 110 возит воду на волах? Нет, другого не имеется.

Совершенно обратное получится, если вы станете на точку зрения защиты. Но об этом до завтра, тем более что завтрашний осмотр может дать для защиты и новый материал.

Во всяком случае, тяжело присутствовать на таком деле, как дело Скитских, хотя бы и приходилось слушать его в благословенной Полтаве.

Полтава, 24 мая

Возвращаюсь ко вчерашнему осмотру. Между прочим, я писал 120 вчера, что впечатлений слишком много, и они слишком сильны и разнообразны, и это лучше всего понял я сам, забыв написать

о том, что чуть ли не сильнее всего поразило меня. Суд заседал у мостика, на том самом месте, где, предполагается, произошло убийство. Свидетели, Комарова, обвиняемые, отвечая палате, должны были стоять почти на том самом пункте, где ничком, обезображенный, валялся труп задушенного секретаря. Вот пенек, о который упирались его окоченелые ноги, вот те же деревья, которые при ярком сиянии этого же неба осеняли
130 трепетом своих листьев сцену зловещего бесшумного убийства или, окутанные тьмой, наводили ужас на убийц, принесших тяжелый, вялый труп и с содроганием бросивших его на землю. Если бы Скитские были убийцами, какую невероятную пытку должны были бы вытерпеть они! Но они были спокойны, и те же у них были лица: милое, наивное и любопытствующее лицо Петра и сосредоточенно-внимательное – Степана.

Я остановился на том, что могла добыть защита от вчерашнего осмотра. Многие. Петерсоны прошли не по тому направлению, какое указывала Бородаева, но оно почти совпало с направлением,
140 намеченным Ващенко. А кому больше верить – истеричке, какой является, несомненно, Бородаева, или Ващенко, хотя та и старуха, и м е н е е интересуется делом, – вопрос для решения нетрудный. Что Бородаева способна к преувеличениям, ясно доказывают увиденные на неизвестных пуговицы: в действительности, как показал осмотр, пуговиц видеть нельзя, даже в том случае, если они гладкие, шлифованные, не говоря уже о том, что у Степана пуговицы матовые, с гербами, не отражающие лучей. Наконец, если Петерсоны были на полянке 14-го, а Бородаева не видела именно их, следовательно, она смотрела на полянку не 14-го июля, так
150 как, наблюдая полянку с тем вниманием, о каком говорит Бородаева, не видеть их нельзя было. И еще важнее: Петерсоны были на полянке в тот именно час, когда по ней, согласно обвинению, бежали Скитские, – как могли их не видеть Петерсоны?

Много и других несообразностей обнаруживает осмотр. По полянке пролегают две тропинки: одна идет лесом и, кроме того, короче; по словам Бородаевой, quasi-Скитские бежали по тропинке более длинной и притом такой открытой, что человек
виден по ней отовсюду, как муха на лысой голове.

Осмотр показал, что предполагаемый путь Скитских должен
160 был отнять 36 минут. Но возьмем даже рекордную цифру гражданского истца – 27 минут – Скитские должны были прийти к мостику в ту самую минуту, когда Комаров уже подходил к нему; нет времени даже на то, чтобы только отдышаться от бега, а уж как тут успеть выбрать место, да выпить, да закусить, да не наткнуться на Карацюпу, который едет немного впереди Комаро-

ва, – понятно лишь одним обвинителям. А этот, наконец, крутой, ровный, как ладонь, открытый скат, по которому должны были спускаться к мостику Скитские и где их должны были видеть: Комарова со своей дачи, косцы со своей лужайки, водовозы со своих бочек, Ткаченко со своего бугра, – разве он не обращает 170 в призрак этот “предполагаемый путь”, единственный путь, открытый для обвинения?

По поводу Крыся, именно того, верить его словам или нет, я скажу впоследствии, когда придется говорить о свидетелях “не достоверных” с точки зрения обвинения. Пока ограничусь напоминанием, что Крысь маленький, но независимый подрядчик, имеющий своих рабочих и свои деньги.

Нынешний осмотр отличался некоторыми особенностями. Утомленный гражданский истец шел далеко сзади, и палате при остановках приходилось поджидать его, – это тем более естествен- 180 но потому, что с точки зрения обвинения и гражданского и ска путь через гору непроходим, а в крайнем случае проходим лишь с величайшими усилиями. Многочисленные дамы, сопровождавшие палату на всем ее пути и не обремененные тяжестью обвинительных задач, поднимались и спускались, однако, с большой легкостью. Мог ли пройти тут при помощи того же брата пьяный, но твердый на ногах Петр?

Выясняется кстати и происхождение одной грозной “улики” – царапин на руках Петра и Степана. У меня самого есть сейчас на руке эта самая улика, и приобретена она мной весьма легко: 190 на пути через гору от колючек терновника, “глода”, по здешнему названию. Редкостная “улика”, подтверждающая объяснение подсудимых, что именно по этой горке, именно среди этого терновника шли они.

– Но они говорили, что царапины оттого, что они раков ловили! – вопиет непримиримый бывший пристав Царенко.

– Мы говорили, что, может быть, от раков, а может быть, и терновника, – возражает Ст. Скитский.

– Но я утверждаю, – говорит Царенко.

– Вы утверждаете? – прислушивается гражданский истец. – 200 А не можете ли вы нам сказать... etc.

Излишний вопрос. Царенко все может сказать. Вот как примерно доказывает он первобытную дикость и непроходимость монастырского леса, по которому ежедневно гуляют сотни людей:

– У нас тут вот как дико: кому нужно стреляться, тот идет направо (жест направо), а вешаться – налево (жест налево)...

Председатель останавливает пылкого свидетеля, готового для торжества истины перевешать и перестрелять всю Полтаву.

Заканчивая нынешние неполные наброски, я должен посвя-
210 тить несколько слов палате. Во главе с председателем А.М. Кузь-
минским, она мужественно выполняет свои нелегкие обязанности – нелегкие не только по той нравственной тяжести, которую несут на плечах своих судьи, но часто на этот раз физически. Два дня подряд лазить по горам, жариться на солнце, глотать пыль, а вечером председательствовать в заседании с строгой выдержанностью и тактом, которые проявляет А.М. Кузьминский, – задача нелегкая.

остановилъ внимъ ло-
р. для лош. ниже 8-го

ль „Волшебникъ-Моло-
скакаль „Вѣтеръ“ гр.
послѣднему повороту
шебникъ-Молодой“, да
обошли не только „Вѣ-
и остальные, изъ ко-
вчилъ „Студенюкъ“ П.
11 с.), третьимъ „За-
иновскаго (5 м. 14³/₄ с.);
Смирнинъ“, „Баяль“,
ъ“, „Арей“, „Султанъ“

1,000 р. съ макс. дист.

легко кончилъ въ 2 м.
одець“ Д. А. К. (1¹/₂
ымъ на ¹/₂ с. пришелъ
(безъ 37 с.), третьей
ал“ С. И. Гири (безъ
Гамлетъ“ и безъ мѣста

ю р. для лош. 6 класса.
„Довъ“ З. А. Корец-
бу съ „Забякой“ К. Л.
его на финишѣ. Луч-
й гитъ, въ которомъ
м. 25¹/₄ с. получилъ
1,425 р. „Забяка“ съ
д. 25¹/₄ с. остался вто-
2 м. 26 с. „Листокъ“
мѣста остались: „Да-
ервонецъ“, „Павочка“

000 руб.
гли въ борьбѣ „Сорва-
8 с.), „Перецъ“ С. П.
) и „Ходливая-Ханка“
р. 12 с.) и кончили въ
с.). Первымъ „Сорва-
сазали „Перецъ“ и на
л-Ханка“, ближайшимъ
безъ мѣста 7 лош.
8 ч. 35 м.

И.

ТЛѢНІЯ.

Валы суда.

Полтава, 23 мая.

Вся въ впечатлѣніяхъ
и много ихъ, и сидѣ-

го и того же стакана братски пьютъ
корреспонденты и полицейскіе, Скитскіе
и Комаровы. Они стоятъ тутъ же, на
солнышкѣ, въ шумной и движущейся
толпѣ.

Степанъ Скитскій.

(Оригинальный рисунокъ Л.—ева).

Да, все это весело, все даетъ впечат-
тлѣніе жизнерадостности пока не уви-
дѣшь ихъ, братьевъ Скитскіяхъ, видъ
которыхъ еще болѣе тяжелъ здѣсь, подъ
солнцемъ, чѣмъ въ валѣ суда. Тамъ
ихъ отбѣляла отъ суда и публики рѣ-

Комаровъ къ мостику,
отъ мостика прошли
сѣромъ, съ закрыты
дѣвъ его, свернули
Пусть онъ доказывае
неизвѣстныхъ быть
бѣдомъ—онъ легко м

Теперь очередь
Крыся, но онъ не ст
остался ждать, пок
стижъ? Комаровъ бо
признанію самого же
жади, да и все равн
случай нужды, пом
полторы сотни сам
уничтожаетъ водово
гдѣ у груши,—говор
и Комарова; а Крыс
былъ съ Комаровымъ
проѣхалъ на воллах
жетъ быть, есть дру
рый возвѣтъ воду на
того не имѣется.

Совершенно обрат
вы станете на томъ
Но объ этомъ до э
что завтрашній осм
для защиты и новый

Во всякомъ случа
ствозать на такомъ
Скитскіяхъ, хотя бы
шать его въ благосло

Возвращаюсь ко въ
Между прочимъ, я
впечатлѣніи слишкомъ
комъ сильны и равн
лучше всего понялъ я
писать о томъ, что ч
всего поразило меня
мостика, на томъ само
предполагается,
убійство. Свидѣтел
няемые, отвѣчая пала
стоятъ почти на томъ

Степан Скитскій.

Рис. Л.Н. Андреева. „Курьер“. 27 мая 1900 г.

венно, непреодолимо со-
путь. А здесь, в этой
буднично, просто, какъ
какой день, они ни-
начались отъ насъ и
е было сознание, что
судять, что ни къ чему
обо, и солнце; что, быть
тъ, сию минуту, рѣшается
или имъ людьми, какъ
дружбанное или черное, по-
поповской круглой шля-
ди дома о погодѣ, о солн-
или на далекомъ стѣверѣ
ами, видъ мира, видъ жизни.
убѣждался, и колебался въ-
плещъ судейской совѣсти
ить можетъ, губительное
можетъ, и освобождающее
ь». Кто знаетъ истину,
предсказать будущее? Гро-
шообразель собранный су-
тъ; полной рукой можно
ы и за обвинение, и про-
ия. Тотъ или иной уголъ
иная запавшая въ голо-
вотъ готовъ страстный об-
вотъ рядомъ съ нимъ еще
ный, душой болѣющей за-

стисъ къ тому, что даль-
день? Не знаю; не смѣю
у только сообщать, что ра-
сторонъ.

на минуту на точку зрѣнія
безусловно повѣрите г-жѣ
и другимъ и рѣшите, что мо-
бийства существуетъ; откинь-
тъ, показаніе Поповой и дру-
азывающихъ по времени или
alibi Скитскихъ, и сегодня-
дасть вамъ послѣдніе шпри-
тивъ убійства. Скитскимъ нуж-
богнать Комарова и засѣсть у
вотъ вамъ мшопромъ, гдѣ въ
дѣлъ Петра свяд. Лопатец-
мѣсто, почти противополож-
у Лазарева и, наоборотъ, близ-
редполагаемой дорогѣ Скитскихъ
злачу; вотъ немного дальше
родаевой, отсюда она видѣла
гущихъ людей въ бѣломъ и

на убійцѣ, принесшихъ тяжелый, вляны
трупъ и съ содроганіемъ бросившихъ
его на землю. Если бы Скитскіе были
убійцами, какую невѣроятную пытку
должны были бы вытерпѣть они! Но
они были спокойны и тѣ же были у
нихъ лица: милое, наивное и любопы-
тствующее лицо Петра и сосредоточенно-
внимательное—Степана.

Петръ Скитскій.

(Оригинальный рисунокъ Л.—ова).

Я остановился на томъ, что могла
добыть защита отъ вчерашняго осмотра.
Многие Петерсоны прошли не по
тому направлению, какое указывала Бро-
родаева, но оно почти совпало съ на-
правленіемъ, намѣченнымъ Ващенко. А
кому больше вѣрить—истеричѣ, какой
является несомнѣнно Бородаева, или Ва-
щенко, хотя та и старуха, и менѣе
интересуетъ дѣломъ,—вопросъ для рѣ-
шенія нетрудный. Что Бородаева способ-

давши палату на
обремененныхъ также
задачъ, поднимались
съ большой легкост-
туть при помощи то
по твердымъ на пог-

Выясняется исти-
одной грозной «у
рукахъ Петра и Ст
естъ сейчасъ на р
и приобрѣтена она
на пути черезъ гор
новника, «глода» по
Рѣдкостная «удик
объяснение подсуди
этой горѣ, именно
ника шли они.

— Но они гово-
отъ того, что они раи
непримиримый бывш

— Мы говорили,
отъ раковъ, а, мож
лика,—возражаетъ

— Но я утвержда
ренко.

— Вы утверждаетъ
гражданскій истецъ.
намъ сказать... etc.

Излишній вопросъ
жетъ сказать. Вотъ
казываетъ онъ перво
непреходимости мопи
которому ежедневну гу

— У насъ тутъ в
нужно стрѣляться, то
(жестъ направо), а
(жестъ налево)...

Предсѣдатель остан
свидѣтеля, готового д
тны перевѣшать и
Полтаву.

Заканчивая вышѣшн
бросилъ, а должень пос
словъ палатѣ. Во глав
лемъ А. М. Кузьминск
ственно выполнять с
занности,—нелегкія не
правственной тяжести,
на плечахъ своихъ суди
этотъ разъ физически.
рядъ лезть по гора

Петр Скитскій.

Рис. Л.Н. Андреева. "Курьер". 27 мая 1900 г.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Катастрофа на Иривновской дороге

Окончание судебного следствия по делу Скитскихъ.

ЗАКРЫТИЕ СЕССИИ АВСТРИЙСКАГО РЕЙХСРАТА.

Середоточение державки значительныхъ силъ въ Китае.

Уничтожение бурами телеграфна между Кронштадомъ и Преторией.

Наступление Буллера къ Лонгенуку.

(Отъ собственнаго корреспондента).

ПЕТЕРБУРГЪ, 27 мая.

(По телефону).

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на вызовъ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ архіепископа еказерна Грузіи Фазвіана и архіепископа доискаго Аеанасія.

По слухамъ, директоромъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ назначается профессоръ В. И. Герье, а инспектрисой вдова профессора московскаго университета Н. П. Карелина.

Кандидатъ на военно-судебныя должности при московскомъ военно-окружномъ судѣ капитанъ Евсеевъ назначенъ помощникомъ военнаго прокурора казачьскаго военно-окружнаго суда.

Сегодня на Иривновской дорогѣ паровозъ поѣзда сошелъ съ рельсовъ и упалъ въ Неву. Машинистъ соскочилъ, а кондуктора успѣли затормозить вагоны, которые удержались на берегу.

ПОТАВА, 27 мая.

Дѣло Скитскихъ.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи судебной палаты членъ палаты Граборъ докладываетъ палатѣ о произведенныхъ подъ его наблюдениемъ измѣреніяхъ. Послѣ этого землѣмѣръ Гусевъ сообщаетъ, что предполагаемый путь Скитскихъ къ мостку равняется 818 саж., этотъ путь короче, чѣмъ путь Комарова. Такимъ образомъ, получается новая косвенная уѣлка, противъ которой прие. пов. Ка-

Скитскихъ, Михайлова, трагасказывалъ, что Степанъ Скитскій 16 іюля вечеромъ заходилъ въ лавку Солодовой и взволнованный написалъ письмо, которое тутъ же разорвалъ.

Несмотря на протестъ прокурора, Солодова вызвана и допрошена теперь палатой. Оказалось, что явчего подобнаго тому, что съ ея словъ утверждалъ Семеновъ, не было.

Такой же участи подверглось и вчерашнее показаніе полковника Сялча по поводу его разсказа, будто Степанъ Скитскій въ домѣ Оленскихъ грозилъ Комарову. Три партнера полковника Сялча, игравшіе съ нимъ за однимъ столомъ, энергично возражаютъ: «Ничего подобнаго не слышали; это чистѣйшая выдумка». Въ публикѣ смѣхъ.

Полковникъ Сялчъ резонно возражаетъ: «Я охотникъ и учредитель охотничьяго клуба».

Карабчевскій (ласково). Давно ли? Отвѣтъ: Всегда, съ самаго начала.

Въ публикѣ вспоминаютъ извѣстные анекдоты относительно краспорѣчія охотниковъ.

О. Ураловъ подтвердилъ, что онъ сообщилъ Степану Скитскому именно четвертаго іюня о предстоящемъ смѣненіи его на должность столоначальника. Комаровъ также былъ въ конспекторіи при проверкѣ массы.

Далѣе палата, по ходатайству и съ согласія сторонъ, опредѣляетъ огласить требуемыя мѣста въ дѣлѣ Трещаякъ: разрешительный протоколъ, особое мнѣніе Комарова и резолюцію преосвященнаго Назаріона, причемъ, въ виду семейнаго характера этихъ документовъ, оглашеніе ихъ состоялось при закрытыхъ дверяхъ; публика удаляется. Затѣмъ, въ публично оглашенныхъ датѣ видно, что Комаровъ тормозилъ дѣло о разводѣ.

Послѣдней допрашивается жена Степана Скитскаго. Это невысокаго жевщина, худая, одѣтая въ черное; говоритъ тихимъ, измученнымъ голосомъ; во время показанія лицо Степана, дослѣ твердаго и безстрастнаго, искажается отъ страданія; онъ жмуритъ глаза, удерживаетъ слезы; невозможно смотрѣть на него

РОСТ
военны
ВИДЕ
ство пр
го мон
губерна
КРАИ
Вур.).
рожден
многима
сіи и р
ну, Сял
ву, Сп
Горско
ПАРІ
Мушниц
ау пер
осужда
звѣрств
агентам
27 мая
суду. І
лисъ о
ПАРІ
Бюджет
главы
ПАРІ
Бюджет
датеи
Рувье,
Адми
довать
морско
ставлен
и сред
чаю въ
ЛОИ
Въ «І
ры от
щамъ
масса
мятежи
по это
стерев
тому ч
стей н
БЕР.
Рейхст
проект
длвъ в
издерж
БЕР.
Началъ

Телеграмма.

“Окончание судебного следствия по делу Скитскихъ”.

“Курьер”. 28 мая 1900 г.

Ранет и сирсезе! касат души! восток охарактеризован и
 описан Ричардом, Франком враткой молчанием Кого
 Го, ~~универсальное~~ ~~Земельное~~ народо.

Ранет и сирсезе! - восток Кого не ко все
 гоним и отпущивши и охарактеризован Ричардом,
 Сидальмо Крестом Уничтожить и со Сидальмо
 не Сидальмо Крестом Уничтожить и Франк Сидальмо.
 не Сидальмо Сидальмо от мира сего Кого.
 Сидальмо Сидальмо и Сидальмо Кого. И Сидальмо
 Сидальмо: ~~и Сидальмо Крест~~ ~~Сидальмо Сидальмо~~ ~~Сидальмо~~
 Сидальмо Кого, - Сидальмо Сидальмо Сидальмо
 Сидальмо Сидальмо Сидальмо Сидальмо, касательно
 Сидальмо Сидальмо Сидальмо Сидальмо Сидальмо.
 Сидальмо Сидальмо. Сидальмо Сидальмо с Сидальмо Кого, не
 Сидальмо Сидальмо Сидальмо Сидальмо Сидальмо.
 Но и Сидальмо Сидальмо Сидальмо Сидальмо. Но Сидальмо -
 Сидальмо Сидальмо Сидальмо Сидальмо Сидальмо и Сидальмо

(Panem et circenses!..)

Автограф.

Российский государственный архив
 литературы и искусства (Москва)

Человечество вырождается, мелеет
 и собою выживает в тьме. Когда
 человекство факто изобретено (и это факт,
 вопреки, и теория), когда оно
 факто факто в тьме и тьме (и
 факто факто, тьме) — оно факто и факто
 и факто. С изобретением факто факто,
 факто факто и факто факто.
 Очевидно, и факто факто и факто
 факто факто факто факто —
 и факто

(Человечество вырождается...) Автограф.
 Российский государственный архив
 литературы и искусства (Москва)

ОКОНЧАНИЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ СКИТСКИХ

Полтава, 27 мая
Дело Скитских

В сегодняшнем заседании судебной палаты член палаты Грабор докладывает палате о произведенных под его наблюдением измерениях. После этого землемер Гусев сообщает, что предполагаемый путь Скитских к мостику равняется 818 сажням, этот путь короче, чем путь Комарова. Таким образом, получается новая косвенная улика, против которой присяжный поверенный Карабчевский выдвигает косвенное доказательство, а именно: землемер Гусев на вопросы сообщает, что рельеф местности не позволяет сразу выбрать на поляне прямое направление к мостику, так что сам он, Гусев, четыре раза ошибался; трудно поэтому допустить, чтобы Скитские, если они там шли, сразу попали на математически-прямой путь без колебаний и поворотов.

Котелевец, постоянно ходивший этим путем, подкрепляет выводы присяжного поверенного Карабчевского, поясняя, что все поле было засеяно и еще не скошено, ходить можно было не прямым путем, а только межами.

Новый свидетель Бондаренко, давний рабочий на ферме Склифасовских, с виду простой, загорелый и внушающий доверие хохол, рассказывает, что 14 июля, между двумя и шестью часами, он косил недалеко от дачи в 43 сажнях от мостика против ската и никуда не отлучался. В том месте, откуда, предполагается, спускались Скитские, он видел одну Комарову и водовоза; пана не видал, Скитских тоже; если бы у мостика был шум или крик, он обязательно услышал бы. Водовоз Кошевой признавался свидетелю, что в харьковском процессе он путал по забывчивости.

Следующие последние свидетели совершенно разбивают несколько старых косвенных улик. Так, свидетельница Соколова выясняет настоящую цену показаниям пристава Семенова, бывшего неиссякаемым родником нелепых слухов из десятых рук и на них основывавшего свою уверенность в виновности Скитских. Между прочим, этот единомышленник автора пресловутой книги о Скитских, Михайлова, рассказывал, что Степан Скитский

16 июля вечером заходил в лавку Соколовой и, взволнованный, написал письмо, которое тут же разорвал.

Несмотря на протест прокурора, Соколова вызвана и допрошена теперь палатой. Оказалось, что ничего подобного тому, что с ее слов утверждал Семенов, не было.

Такой же участи подверглось и вчерашнее показание полковника Силича по поводу его рассказов, будто Степан Скитский в доме Оленских грозил Комарову. Три партнера полковника Силича, игравшие с ним за одним столом, энергично восклицают: “Ничего подобного не слыхали; это чистейшая выдумка”. В публике смех.

Полковник Силич резонно возражает: “Я охотник и учредитель охотничьего клуба...”

К а р а б ч е в с к и й (ласково). Давно ли?

О т в е т: Всегда, с самого начала.

В публике вспоминают известные анекдоты относительно красноречия охотников.

О. Уралов подтвердил, что он сообщил Степану Скитскому именно четвертого июля о предстоящем смещении его на должность столоначальника. Комаров также был в консистории при проверке кассы.

Далее палата, по ходатайству и с согласия сторон, определяет огласить требуемые места из дела Тржецяк: разрешительный протокол, особое мнение Комарова и резолюцию преосвященного Иллариона, причем, в виду семейного характера этих документов, оглашение их состоялось при закрытых дверях: публика удаляется. Затем, из публично оглашенных дат видно, что Комаров тормозил дело о разводе.

Последней допрашивается жена Степана Скитского. Это невысокая женщина, худая, одетая в черное; говорит тихим, измученным голосом; во время показания лицо Степана, доселе твердого и бесстрастного, искажается от страдания; он жмурит глаза, удерживает слезы; невозможно смотреть не него без острой и жгучей жалости; словно на похоронах находишься, но на похоронах живого лица. В публике лица становятся серьезными, хмурыми.

Жена Скитского рассказывает, что она жила с дочерью в деревне и незадолго до случая с Комаровым приезжала. Арест явился полной неожиданностью. При разговоре с ней Мочуговский, успокаивая ее, показал рукой на архиерейский дом: “здесь еще не решено, это одно лишь подозрение”. Отношения с семьей Комарова были хорошие. Степан очень огорчился, что был лишен

награды к Пасхе, но вину приписывал не Комарову, а преосвященному Иллариону, который не пожелал заступиться.

Судебное следствие объявлено оконченным, и председатель объявляет: “В виду громадности и сложности материала и необходимости сторонам приготовиться к прениям прерываю заседание до завтрашнего утра”.

Впечатление от нынешнего дня вполне благоприятно для Скитских.

ОПРАВДАНИЕ СКИТСКИХ

Полтава, 28 мая
Дело Скитских

Сегодня начались прения сторон. Слово предоставлено было товарищу прокурора палаты К.К. Александрову-Дольнику. Двухчасовую речь его можно назвать строго классической для этого процесса. Построенная по системе прежних прокурорских речей, она приходит и к тем же выводам и отличается тем же безусловным доверием к одним свидетелям и полным отрицанием достоверности других. Основные положения речи обвинителя сводятся к тому, что прав эксперт-врач Михнов, т. е. что Комаров умер от удушения веревкой и убийство произошло на мостике. Это устанавливается, по мнению обвинителя, тем, что в 3 часа 5 минут Скитские шли по поляне, где действительно видела их Бородаева. Смешать их с Петерсонами она не могла в виду избранного последними направления. Скитские, так полагает обвинитель, вышли из Полтавы приблизительно в два часа или в два с четвертью часа пополудни. Исходным пунктом для вычисления времени прокурору служит показание одного свидетеля, о. Мазанова. Копытько и другим свидетелям, почтовым чиновникам, прокурор не доверяет; показание свидетеля Костецкого обвинитель проходит полным молчанием; безусловно отрицаются показания Поповой, Хмаровой и Кривошеевой, которые, по мнению обвинителя, могли смешать Скитских с другими и забыть настоящий день встречи их с Скитскими у мостика. Скитские, так заключает обвинитель, должны были находиться на двадцать минут раньше Комарова. Переходя затем к мотивам преступления, обвинитель полагает, что мотивом служили ненависть Степана Скитского к Комарову и оскорбленное самолюбие. Что же касается мотивов, которые могли побудить Петра совершить преступление, то этот мотив не выясняется прокурором, который ограничивается лишь указанием на то единственное основание, что Степану нужен был помощник, и таковым он избрал брата своего Петра. Нужно, впрочем, отдать справедливость обвинителю, что в общем речь его носит характер умеренности и спокойствия.

Речь поверенного гражданской истицы, присяжного поверенного Быховского, резко отличается от речи прокурора своей

страстностью. Речь г. Быховского коротка и посвящена главным образом Комаровой и доказательствам идеальной супружеской жизни четы Комаровых. В остальной части своей речи г. Быховский упрекал защиту в том, что она направила подозрения в совершении преступления против того именно человека, жизнь которого убийством Комарова окончательно разбита. Приходится только сожалеть, что смысл печального события утерян за смертью Комарова. Окончанием речи поверенного гражданской истицы служит коротко выраженная уверенность в виновности обоих братьев Скитских.

Продолжительная речь защитника Скитских частного поверенного Зеленского начинается напоминанием, что в первом процессе он просил о дополнении следствия и только в настоящем процессе это ходатайство удовлетворено. Дальше идет подробный разбор улик по отношению к времени, месту, способу и виновникам совершения преступления.

Речь Н.П. Карабчевского отличалась красотой, силой и глубоким чувством, иногда пресекавшим голос оратора.

Совещание длилось ровно сорок минут.

Скитские оправданы. После прочтения резолюции палаты в зале проносится стон и смех. Защитники Зеленский и Куликов рыдают. В публике плачут, крестятся.

Многие, в том числе г. Карабчевский, не могли осилить волнение и ушли после объявления приговора. Степан Скитский низко поклонился суду, Петр рыдал.

Избранный присутствовавшими на разборе дела корреспондентами газет староста выразил председателю палаты А.М. Кузьминскому благодарность за внимательность и предупредительность к представителям печати. А.М. Кузьминский, с своей стороны, сказал в ответ следующее: “Благодарю за строгую корректность; несмотря на многочисленность народа, порядок не нарушался, и вы с честью выполнили трудную задачу печати, ибо по газетным отчетам составляется общественное мнение”.

На улице за линией расставленной стражи стоит тысячная толпа; громовое “ура” не смолкает в честь Зеленского. Карабчевского качают, целуют и забрасывают венками и цветами; толпа все прибывает и окончательно запруживает улицу. Перед “Гранд-отелем” толпа стоит уже в течение нескольких часов и при каждом появлении Карабчевского кричит “ура”. В общем, получилась манифестация величественная, единственная, стихийная.

Бурные манифестации продолжались до поздней ночи. “Гранд-отель” был положительно осажден; живущие в гостинице должны были пробираться задним ходом в свои номера.

Палата уехала в Киев в десятом часу вечера. На вокзале собрались дамы общества, адвокаты и представители печати. Гг. Кузьминскому, Грабору и Карабчевскому бросали цветы и букеты. После отъезда палаты местные адвокаты чествовали Н.П. Карабчевского ужином, за которым было произнесено много речей.

Скитские приезжали в “Гранд-отель” благодарить Н.П. Карабчевского, а потом насилу выбрались из гостиницы. В их пользу уже собрана некоторая сумма.

Сегодня всюду разговоры о Скитских. Все с похвалой относятся к сдержанности поверенного гражданской истицы присяжного поверенного Быховского, в речи своей ограничившегося пределами гражданского иска.

ПОЛТАВА, 28 мая. В начале 10-го часа утра начались прения. Речь товарища прокурора судебной палаты Александрова-Дольника длилась около 2 часов и отличалась спокойствием и логичностью. Идя путем исключения, обвинитель опровергал все гипотезы, какие выставлены защитой для отклонения подозрения от Скитских. Отвергнув наиболее сомнительные улики, обвинитель настаивал на доказанности удавления Комарова, на убийстве на том месте, где был найден труп, на совершении его из мести на почве служебных отношений лицами из недр консистории, наиболее заинтересованными в устранении Комарова: Степаном Скитским совместно с братом Петром. Гражданский истец, присяжный поверенный Быховский доказывал совершение убийства Скитскими и говорил подробно о любви и взаимной преданности супругов Комаровых. Защитник Зеленский чрезвычайно подробно опровергал выставленные против Скитских улики, доказывая, что у них не было действительной цели убивать Комарова; что убийство последнего не могло произойти на мостике, где оно предположено, что *alibi* подсудимых вполне установлено. В заключение защитник сказал: “Надо употребить все силы, чтобы разыскать истинных убийц”.

Защитник Куликов сделал общую характеристику выставленных против Скитских улик, которые подразделены на прежние, оставленные самим обвинением, и новые, убедительная сила которых также недостаточна. Судить по таким уликам таких людей, как Скитские, страшно и стыдно. Речь защитника Карабчевского длилась час. Талантливый оратор произнес одну из самых блестящих своих речей. Он подверг тщательному анализу все доводы обвинения, выставив ряд соображений в защиту подсудимых. Подробно говорил защитник о возможности других виновных, не разысканных вследствие одностороннего направления предва-

рительного следствия в первые моменты после убийства. “Сказать, – говорил защитник, – что в настоящем деле нет сомнения в виновности Скитских, вы не можете, а потому один приговор возможен: только оправдательный”. Речь Карабчевского произвела глубокое впечатление. Степан Скитский говорил в своем последнем слове об отсутствии причин для зарождения мести. Петр просил оправдания. Палата удалилась в начале 5 часа для совещания. Здание суда оцеплено войсками.

Особое присутствие киевской судебной палаты в 5 1/2 часов вечера вынесло Скитским оправдательный приговор.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(30 мая 1900 г.)

Из залы суда

Полтава, 26 мая

То поднимается, то вновь опускается чашка весов, на которой неподвижно лежат две человеческие жизни. Каждый день дает что-нибудь новое, в цвет которого окрашивается и настроение. События и время бегут с отчаянной быстротой, и нет возможности окинуть усталым взглядом и проверить все, что было хорошего 10 для Скитских и дурного.

Вчерашний и сегодняшний день был положительно дурной, не потому, чтобы они дали какое-нибудь новое доказательство или под старую уже теорию подвели новый и твердый фундамент, – нет. Все так же шатается обвинение, и то, которое открыто говорит Скитским: вы убили Комарова, и то, другое, которое маскируется гражданским иском и в спокойные, бесстрастные стены суда вводит страстный элемент личной мести. Дурен вчерашний день для Скитских потому, почему он был бы дурным для всякой пары людей, сидящих за решеткой и подозреваемых в убийстве.

20 Медицинская экспертиза... Что она, в сущности, дает? Мало, ничего, а если хотите, и все. Четыре эксперта и, как водится, три мнения. Достоинство одного – его прочность и прямолинейность; “Раз есть веревка на шее – стало быть, человека удавили”, – рассуждает Михнов, уязвленный в своем авторском самолюбии: составленный им акт осмотра в пух и в прах разбит приезжими авторитетами. Другое мнение, Оболонского, отличается новизной и оригинальностью: ни удушен, ни удушен, а умер от боли и страха при переломе ребер, от “рефлекторной приостановки деятельности сердца”. Наиболее обосновано мнение Патенко: удушен мягким предметом; душили не менее двух.

30 Чего еще нужно обвинению? Как раз ведь двое и сидят за решеткой. А расчет мягкого предмета – не годится ли шапка, валявшаяся на месте и до сих пор возбуждавшая одни недоумения: зачем принесена, да и кем принесена? Полицеймейстер Иванов, этот второй добровольный обвинитель, несколько смешной в своих попытках говорить научным языком (“волос, обыкновенно носимый Комаровым”), но милый в своей непосредственности,

так ведь и заявлял: “Утверждаю, что задушен шапкой”. Почему и гражданскому истцу не придерживаться того же авторитетного мнения? И вот начинаются воспоминания о каких-то кровавых помарках на шапке – не была ли то вытекавшая изо рта пеннистая жидкость? 40

Защита в отчаянии просит исследовать помарки – нельзя, их теперь на шапке нет, они стерлись.

– Но ведь это краска! – восклицает Карабчевский, напоминая слова прежнего обладателя шапки.

Так-то так, но ведь полицеймейстер Иванов целое пятно крови видел. Как не поверить в пятне человеку, который замечает даже волос?

Результаты: была на шапке кровь или нет, неизвестно, а на Скитских тень ложится, этакая маленькая тень, косвенно именуемая улыкой. 50

Какое теперь дело обвинению, что труп, по словам Патенко, был откуда-то приволочен? Разве нельзя в крайнем случае отказаться от любимой мысли о мостике и допустить, что Комарова завели куда-нибудь в лес и там придушили? Если же к этому предположению добавить умеренную дозу психологии и знания человеческого сердца, картинку можно нарисовать восхитительную.

Главное, такое счастливое совпадение: двое душили – и как 60 раз двое за решеткой.

Во время рассуждений об этих “двоих” я внимательно смотрел на Петра и старался представить его себе или тем, который охватил сзади Комарова и не дает ему шевельнуться, или тем, который затыкает ему рот “мягким предметом” или рукой, и не мог. Не годится он ни туда, ни сюда. Бывают лица, на которых трудно представить себе улыбку; так же трудно, прямо невозможно вообразить выражение ярости или злобы на лице Петра. Самое простое “обывательское” лицо, на котором если и читается жажда, то не крови, а кварталы водки. Даже у пьяного не бывало у Петра припадков ярости или злобы: лезет купаться в ночевки, где купают ребенка, плачет. А Степан Леонтьевич? Услужливый, любезный, готовый бескорыстно помочь всякому, – говорю, основываясь на свидетелях, – удобный казначей, у которого можно перехватить деньжонок, немного лентяй и халатный человек, склонный спустить под сукно срочное дело. В какой роли можно его представить – душащего или парализующего сопротивление? 70

Временами психология становится для обвинения неудобной, и тогда она подменяется логикой. Вы купаться хотели? Прекрасно. Но зачем вы не пошли в купальни дорогой прямой, удобной, 80

а по горам лазить вздумали, о терновник царапаться? Разве по логике так делают?

Как раз по одному такому вопросу о логике умно ответила г-жа Комарова. Зеленский спросил ее: “Как же это так: встречать вы мужа – боялись собак, а провожать вы его утром пошли?”

И г-жа Комарова ответила:

– Я не видела тогда надобности мотивировать каждый свой поступок и не мотивировала его.

И только в делах, подобных настоящему, появляется перед 90 глазами диковинное существо, немного человек, а скорее механическая штука немецкого производства, – штука, у которой после каждого движения является отчетливое: потому что.

Горячая работа предстоит и логике, и психологии при разрешении вопроса об alibi Скитских. В настоящую минуту вопрос этот в судебном следствии исчерпан, допрошены все свидетели, произведен осмотр, остается привести в систему добытый материал. Имеют ли какое-нибудь значение точные измерения расстояния пути Комарова и предполагаемого пути Скитских? В настоящую 100 минуту результаты измерений еще неизвестны, но если окажется, что “путь” Скитских на сотню саженей короче? Новая косвенная улика?

Кстати, приложенный к “Курьеру” план местности ¹⁾ относится ко времени первого процесса, когда не существовало еще свидетельницы Бородаевой и не было речи о пути Скитских от артиллерийского склада напрямик через поляну. Восстановить на плане этот путь можно так: приблизительно там, где в описании плана напечатано: “4) вход к начальнице etc. ...”, находится ипподром, у которого в 1/2 третьего встретил Петра Лопатецкий, а возле дом Бородаевой. Проведите от этой точки прямую линию 110 к мостику: она как раз пересечет поляну, на которой видела Бородаева бегущих, и составит именно тот “предполагаемый” путь Скитских, о котором я так часто упоминаю и который был в первый день осмотрен палатой. К доказательству того, что именно здесь прошли Скитские, будут направлены все силы обвинителя и гражданского истца. Нужно заметить, что на плане, вероятно, есть ошибка: дом Мартыновой, где в последний раз в половине третьего видели Ст. Скитского, находится поблизости от Бородаевой и артиллерийского склада. Это обстоятельство, в связи со встречах Петра Лопатецким в этой же местности и в этот же час, 120 когда там был Степан, послужит для обвинения исходным пунктом. Получается почти непримиримое противоречие с Поповой,

¹⁾ См. № 143.

которая в третьем часу видела Скитских на Лазаревском спуске, и это даст, конечно, основание не поверить Поповой и теперь, как не поверил ей прокурор на харьковском процессе.

Сегодня происходил допрос преосвященного Иллариона. Как говорят бывшие на деле в Харькове, показание владыки несколько смягчено, хотя на факте вражды он настаивает твердо и говорит о нем вполне определенно. Между прочим, приходится, кажется, убедиться, что если не вся Полтава, то чрезвычайно многие в ней глубоко убеждены в невинности Скитских. Не говорю уже о сером люде – извозчиках и коридорных, любопытных из толпы, прорывавшихся во время осмотра через цепь, содержателях лавчонок, куда приходилось заходить, которые поголовно выражают сожаление о Скитских, – среди полтавской интеллигенции господствует, по-видимому, то же убеждение. Характерным, между прочим, явлением чисто провинциального свойства служит масса анонимных и подписанных писем, получаемых близкими к делу лицами. Получал их полицеймейстер Иванов, получал и преосвященный Илларион. Немало досталось их на долю Н.П. Карабчевского, хотя, конечно, характер их был совсем иной, чем предыдущих: выражения сочувствия, советы, указания. Присутствующая в зале публика безусловно настроена в пользу Скитских, радуется каждому доводу в их пользу и волнуется при особенно коварном вопросе гражданского истца. А таких вопросов немало, и если Скитские будут оправданы, то никак не по вине В.В. Быховского.

Станный этот иск. Необходимость иска вообще очевидна: неловкое положение г-жи Комаровой, обусловленное никак не защитой Скитских, а все теми же lapsus'ами предварительного следствия, требовало на суде представителя ее интересов, каким и явился В.В. Быховский. В настоящее время цель можно считать достигнутой – доброе имя г-жи Комаровой восстановлено; всеми, кажется, признано, что она любила своего мужа и не имела повода убивать его. Но г. Быховский расширил пределы своей задачи: не только г-жа Комарова, но и все эти Бабы-Чубаровы, Тржецяки и компания нашли себе приют под его крылом. Словно спокойствие г-жи Комаровой, оберегать которое взял на себя Быховский, требует для Скитских каторги как единственного лекарства. Именно для Скитских, а не для кого другого.

Полтава, 27 мая 160

Апофеоз косвенных улик – вот настоящее название для дела, почему-то именуемого делом братьев Скитских. Ни в одном, кажется, из русских процессов последнего времени косвенная улика,

эта солидная выдумка развеселившегося сатаны, не достигала такого блестящего развития, как в этом. Она зарождается в самом воздухе, как болезнетворный микроб, и обвеивает головы сидящих за решеткой; она чеканится, заостривается, граничится искусными руками; она тут же, на глазах, фабрикуется из никуда негодного материала и пускается в обращение, блестящая, скользкая, неуловимая, жалящая, как змея, улыбающаяся, как сирена, и безобидная, как дитя. Дунуть, кажется, только на нее, взглянуть косым взглядом, коснуться пытливыми руками, и она развеется, как прах, и сгинет, как призрак. Но это только кажется. Попробуйте бороться с тем, чего нет, победить то, что не существует явно, а плодится где-то в подпольях духа, как низшие организмы. С величайшим напряжением сил, тратой нервов и мозгов, наконец, вы добились своего; вы держите ее в твердо сжатых руках, вы поймали ее и не выпустите. Запыхавшийся, но счастливый, вы говорите:

– Она здесь. Скитские невиновны.

180 Но только улыбку встречают ваши слова. И вы слышите странно насмешливый возглас:

– Она? Но она нам никогда не была и нужна; мы никогда не придавали ей и значения. А вот – посмотрите! – и перед вами взвивается рой новых косвенных улик, жужжащих, назойливых, как муха, бессильных, безвредных и жалких, как каждая из них, но в массе своей способных довести до исступления, до сумасшествия. И снова бессильно размахивает руками защита и ловит, ловит, точно есть возможность переловить всех мух, рождающихся на заднем дворе сознания.

190 Мучительно тяжело положение защиты в этом деле. Удивляются тому, что защита навела так много свидетелей, дающих ничтожные, не идущие как будто к делу показания о разных письмах, записках, могущих иногда ограничиться чисто отрицательным заявлением: не слышали, не видали, нам не говорили. А мне кажется, что и этих свидетелей мало, что еще должны были бы появиться сотни их. Потребность в новых свидетелях назревает тут же, в стенах суда, в течение какой-нибудь минуты, в которую иной досужий язык успеваает вытянуть новую и свежую улику.

Вот великолепный в своей охотничьей развязности отставной 200 полковник Силич.

– Сам слышал, как Степан Скитский угрожал Комарову. Как только узнал об убийстве, так и подумал: его рук дело.

Вы подумаете: праздные слова праздного человека. Нет, вы ошибаетесь, это – улика, грозная улика; смотрите, как насторожился гражданский истец, ну как тут не просить о вызове на суд партнеров этого господина? И представьте, что суд отказал бы

в вызове их, на что он имел право, какая чудная муха появилась бы на свет!

Но партнеры вызваны. Партнеры с негодованием говорят: чистейшая выдумка. 210

А в коридорах суда горячится какой-то отставной генерал и доказывает окружающим:

– Будь этот Силич на службе, товарищеским бы судом судить его надо. Не играй в винт бог знает с кем! Не ходи на суд и не ври глупостей!

Вот уже для одного полковника Силича пять свидетелей понадобилось (еще двое Оленских, у которых он играл). А сколько их требуется для пристава Семенова, который и говорить-то просто не умеет, а только уликами!

– Вот, – говорил Семенов, – встречает Скитская Котелевца. 220 Котелевец ей об аресте мужа, а она ему: так я и знала!

Улика! Ну, как тут не спросить Котелевца? И Котелевец с чудным спокойствием отвечает:

– Одначе, она мне ничего не говорила, и я вам ничего не говорил.

– А то вот, – продолжает Семенов, – приходит Степан 15-го в лавку к Николаевой, да такой страшный, что девочка чуть не насмерть запугалась: боюсь я этого пана!

Приходится спросить Николаеву.

– Был Скитский, это верно, но только не страшный, а такой 230 как всегда. Как уходил, забыл портфель. Говорю девочке: “Догони, отдай”. А девочка: “Боюсь, – говорит ²⁾, – мабуть, там деньги, скажут, украла”.

– А то еще я знаю, – продолжает Семенов, – пришел Скитский в лавку к Соколовой, взволнованный и смертельно бледный, написал карандашом письмо, разорвал и клочки подобрал.

Клочки подобрал – улика! Приходится и Соколову вызвать.

– Да она ничего теперь не помнит, – протестует прокурор.

Однако вызывают.

– И прекрасно я все помню, – энергично заявляет Соколова, – 240 только ничего этого не было: ни клочков, ни письма, да и Степан-то не заходил.

А там в перспективе прошедшего следствия вырисовываются поучительные фигуры Иванова с его и обыкновенно носимыми волосами, и фуражкой, Бородаевой, не то истерички, не то жертвы самогипноза, или свидетеля, увидевшего недалеко от мостика неизвестно когда неизвестного человека и вообразившего, что это

²⁾ В телеграммах этот эпизод передан не совсем точно.

Петр, которого он увидел впервые только год спустя на суде; пристав Царенко, скрывшийся с горизонта Кацюра с его кулечками 250 колбасы... Много их...

Сегодняшний день, последний день судебного следствия, принес еще одну и, к счастью, последнюю, но зато особенно громко жужжащую муху. Это – разница в пути Комарова и предполагаемом пути Скитских на одну версту и сто с чем-то сажень. И вот доказательство, насколько больно жалят эти мухи: даже убежденные в невинности Скитских повесили головы. Плохо дело Скитских!

– Да почему же плохо? Ну, короче этот путь, да ведь найдутся, наверное, пути еще короче. Что же тут страшного?

260 – Как что? Да ведь Скитские этим путем шли.

– Как шли? Раз шли, значит, убили?

– Конечно, они не убивали, но...

И вот ничем еще решительно не доказано, что Скитские шли этим путем, а люди уже огорчаются, что он короче пути Комарова, и склонны счесть это за важную улику. Все, положительно все основывается на слове: могли. Могли ненавидеть Комарова. А ясно это не подтверждается, что могли ведь и скрывать свою ненависть.

– Был Скитский с виду услужлив?

270 – Как же, был.

Но вот оно так и есть; хитрецы всегда так поступают: услужлив, а за пазухой камень.

Петру незачем было убивать Комарова, но Степан мог ведь повлиять на него. Пьянство Петра – косвенная улика. Степан 14-го заходил на почту, смеялся, мог и нарочно, для виду. Приходится признать, что обогнать Комарова тем путем, каким он шел, не было физической возможности, но ведь могли они пройти через полянку. Ведь видела их Бородаева. А Петерсоны? Петерсоны могут и ошибаться. А дальше могут ошибаться Попова, Хмарова, 280 Кривошеева, Гнатевич: разве не трудно перепутать день или час?

А уже относительно самого убийства – тут сколько угодно всякого “могли”. Могли и на мостике, и за мостиком, и удавить, и задушить, и ребра переломать.

И невольно в тот же заколдованный круг косвенных улик попадает и защита. И она прибегает к этому всемогущему и ничтожному “могли”.

Исследуется дело Тржецяка, допрашивается Баба-Чубар. Ничего не получается определенного, точного, незыблемого, но разве это нужно для торжества великого: “могли”? Да и почему 290 могли Скитские, а не могли эти темные личности?

Кто же виноват в такой неестественной постановке этого дела? Кто создал этот апофеоз косвенных улик?

Ответом послужит история с письмом Петра к брату. Вы ведь знаете, как оно добывалось у подпоенного Петра переодетым сыщиком. Где же оно? Пропало. О нем говорят, содержание его передают так или иначе, но его нет. Было оно на руках товарища прокурора Домиловского, его супругой давалось девице Прохоровой, а той показывалось соседям, как ненужное. А теперь оно – улика. Да, тоже улика. Ведь подумайте: “помни нашу клятву”.

Послужит ответом и тот характерный, редкий в летописях 300 суда факт, что почти половина свидетелей не допрашивалась у следователя и вызвана только по ходатайству сторон.

Перехожу к последнему и страшному вопросу: мыслимо ли при этих условиях осуждение Скитских? И должен ответить: да, мыслимо.

Человек не терпит мрака. Он жаждет истины и не может существовать без нее. Окутанный тьмой, каждый луч готов принять он за солнце; измученный неизвестностью, он всей душой прилепляется к мысли, дающей ему намек на истину, на то, что было.

Ведь Комаров у б и т.

ТЕЛЕГРАММА СОТРУДНИКА
“КУРЬЕРА” г. АНДРЕЕВА

Считаю непозволительным поступок представителя “Одесского листка”, которому я *не разрешил* воспользоваться сделанными мною набросками портретов Скитских на скамье подсудимых и который *путем обмана*, ручаясь *честным своим словом*, *выманил* копию с них, воспроизведенную фотографом Хмелевским, и очень скверно воспроизвел в своей газете.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(1 июня 1900 г.)

Из залы суда

Полтава, 29 мая

Нужно писать о том, как радостно нам было услышать слово оправдания для Скитских, как засияли радостью сами эти Скитские, как громадная, чисто южная по страстности толпа ревом выражала свою безмерную радость – нужно, но мы не в силах этого сделать. Нервы, две недели поддерживавшиеся в напряженном состоянии неизвестностью, упали; всех охватила тоска, 10 утомление и, что странным покажется с первого взгляда, желание немедленно удрать из этой благословенной Полтавы. Особенно ослабели гг. корреспонденты, к которым с такой редкой для наших времен похвалой обратился А.М. Кузьминский, по всем признакам не состоящий в знакомстве с Н.В. Тесленко, который тоже недавно говорил о корреспондентах, только совсем в другом духе. Ослабели и еле держат перья; ходят в номера друг к другу и скорбят о чем-то неведомом; жалуются на здоровье, на прислугу, на самое небо, которое, как назло, лучше, чем всегда, такое темное, такое синее и с такой яркой луной, словно она электрическая; 20 пытаются быть на народе, видеть на лицах народа еще не остывшую радость, но видят одни свиные рыла, выражаясь словами обитателя сих чудных мест.

Слишком много пережито за немногие дни; слишком резко прикасалась к тончайшим струнам души тяжелая рука правосудия. Эти иногда почти внезапные, но ежедневные, ежеминутные переходы от радости к горю, от горя к гневу и снова к радости – невольно заплачешь, как все плакали в зале суда, все. Даже, кажется, и у противников Скитских овлажнили глаза. Ну, на что им, в самом деле, нужно, чтобы непременно на каторгу пошли 30 братья, а не на свободу? Но особенно в зале суда в этот ужасный миг чтения приговора поразила меня одна очень милая и очень смешливая барышня. Достаточно бывало пустяка, чтобы она рассмеялась, а когда появлялся какой-нибудь из типичных свидетелей обвинения, высококрасноречивый Иванов с его “обыкновенно носимым” волосом или не менее его красноречивый пристав Семенов, определивший alibi как “времяпрепровождение

предшествующего дня”, – она бессильно закрывала глаза, роняла голову на руки и прямо-таки умирала. И когда лицо ее вновь по-
40 являлось на свет, оно бывало красно от смеха, и только голубели глаза да белели зубы. И вот при слове “оправданными”, переведя глаза с плачущего Петра на публику, я наткнулся ими на это жизнерадостное существо: рот искривился в гримасу, как бывает это у малых детей, а голубые глаза впились в Скитских, и сияют, и неведомо для самих себя роняют крупные, чистые слезы. Глянул на других – то же. Вот плачет какая-то старуха, и морщины ее дрожат, и глаза стали такими красными, точно уже давно-давно начался ее плач; рядом с ней усиленно моргает глазами какой-то щеголеватый молодой человек и улыбается самой жалкой и самой
50 бессмысленной в мире улыбкой. Отвернулся – тучный, сутулый Зеленский трясется всем телом и бессильно падает на решетку, а лицо его, хитрое, лукавое лицо, все сразу изрезалось какими-то новыми складками и стало простым, совсем не хитрым, и это будило особенную жалость. Тут же и Куликов. Ухватился обеими руками за пюпитр и весь напряженно вытянулся вперед, к суду, откуда продолжает раздаваться громкий, уверенный, радостный голос г. Кузьминского.

Да, хорош суд, когда он оправдывает. Хорошо, что заблаговременно скрылся Карабчевский, а то плакал бы и он. С самого
60 начала этого великого дня на него тяжело было смотреть, так он безбожно волновался, этот старый, привычный адвокат. И некуда взглянуть, чтобы не наткнуться на плачущие лица.

Корреспонденты – ну, что им Гекуба? – плачут и совершают нецелесообразные поступки. Особенно неистовствует “Право”. Оно уже целовалось с Зеленским, а теперь лезет через пюпитры и решетку и ловит руку Степана Скитского, а Степан Скитский должен иметь сотню рук, чтобы ответить на все предлагаемые рукопожатия, и лысина его блестит крупными каплями пота. Петру не до рукопожатий. Маленькие голубенькие глазки его пропали
70 в слезах, которые он отирает кулаками – ей-богу, кулаками!

А потом начали целоваться. Я тоже поцеловался с кем-то. Я уверен, что это был хороший человек, и мне приятно будет с ним поговорить, если только когда-нибудь я вспомню, какого он пола, возраста и как его зовут.

А на улице уже ревет громадная толпа.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(2 июня 1900 г.)

Полтава, 30 мая

В те последние полчаса, когда палата совещалась и все мы с непередаваемым чувством страха и надежды старались отвлечь внимание куда-нибудь в сторону, я подошел к окну с одной полтавской знакомой, и она указала мне:

– Смотрите.

Еще утром возле суда было пустынно, и только в противоположном кадетском саду в сонных позах дежурили на скамейках 10 городовые – теперь же густой цепью, с поставленными к ноге ружьями, стояли ополченцы, оригинальнейшие по виду субъекты в своих пестрых, красных, синих рубахах, пиджаках и жилетах.

– Да нужно ли это? – усомнился я.

– Вы еще не знаете, что может случиться, – было ответом. – Прошлый раз, когда дело слушалось в Полтаве, толпа почти ворвалась в суд, и мне пришлось уходить по каким-то узеньким темным переходам. И теперь я помню, как мы заблудились где-то в темноте и оттуда прислушивались к гулу толпы.

В этот момент все заволновалось: “Палата идет!”, и дальнейшее чтение приговора, плач, поцелуи, замелькало с такой сумасшедшей быстротой, что я опомнился и надлежащим образом стал усваивать действительность только на каменных ступенях 20 судейского крыльца. И первое, что я увидел и услышал: огромную, толкующую на месте толпу, то безмолвную, как ночь, то внезапно, без переходов, изрыгающую из себя какой-то оглушительный, дико-радостный и страстный крик. Отдельных голосов не слышно; крик замирает так же внезапно, как и начался, и только слабым стоном вдали замирают его отголоски.

Линии ополченцев, отделяющие толпу от суда и пересекающие ее по разным направлениям, покачиваются, волнообразно 30 выгибаются, как паутина под напором ветра. Постепенно минут молчания становится все меньше и теряется порядок в чередовании крика и тишины; на всем своем протяжении толпа сдержанно гудела, как большой майский жук, и только местами, словно высокие языки огня, внезапно вырывается стонущее “ура”. Никому

не стоит на месте; хотят всё видеть, всё слышать, боятся потерять самое важное, что где-то тут происходит; шарахаются из одного конца в другой, присоединяются к чужому “ура” или беспричинно
40 но затягивают свое собственное, и остальные пристаю к нему.

– Зеленский, Зеленский идет.

Узенькое свободное пространство, остававшееся на перекрестке и охраняемое полицией, исчезает мгновенно, точно проглатывается в колышущей массе, приобретающей страшное сходство с водой, (где) утопает невысокий Зеленский. Все пространство от суда до “Гранд-отеля” залито толпой. Вот, словно небольшой пароходик, потерявший руль и поломавший свою машину, пробирается зигзагами с перерывами чья-то коляска. В ней сидят какие-то
50 дамы – Бог их знает, кто они, но толпа устраивает и им громовую встречу. Как же, ведь и они были там, в этих закрытых для толпы стенах, и они слышали торжественное “нет” и пережили великую минуту торжества правды.

Вижу издалека, как у входа в “Гранд-отель” внезапно взлетает над толпой Карабчевский. Его качают, как море качает лодку. Мне не видно выражения его лица, но не думаю, чтобы оно было печально. Нет оснований думать это. Иду проводить мою спутницу. Толпа размножается, повсюду навстречу бегут к ней новые капли. Всюду слышится быстрый радостный говор, иногда заглушаемый
60 взрывами далекого “ура”. В этот день “ура” сопровождало меня в самые отдаленные уголки Полтавы; она ли так мала, кричали ли так громко, только сидишь уже ночью где-нибудь в саду, и ухо ловит еле слышное, но еще более мощное, более торжественное в своем отдалении – а-а-а! Всякий, живавший в провинции, знает тот переполох, который охватывает весь город при крике “пожар!”. Бегут сломя голову, прыгая через канавки, тумбы, на ходу перебрасываясь фразами о предполагаемом ходе пожара, спрашивая встречных: “Где горит?” Таких бегущих встречали и мы, и только та была разница, что они знали, где горит, и вместо того спрашивали коротко, отрывисто:

70 – Оправданы?

– Оправданы.

Айда дальше!

Иногда приходилось давать более подробные объяснения, особенно старушкам, слову “оправданы” не придававшим никакого значения и желавшим окончательно выяснить вопрос: отпущены Скитские или еще сидят.

Когда я вернулся в отель, толпа окружала его со всех сторон (он находится на углу двух улиц) и старалась увидеть в окно кого-нибудь из защитников. Внутри, в ресторане, уже красовался

длинный стол и Карабчевский с бокалом шампанского в руках 80
раскланивался с толпой, откуда летели в окно цветы. Тут, рас-
смотрев из своего окна толпу, я имел возможность убедиться
в существовании “всей Полтавы”. Состояла она из тех, кого та-
лантливый инсинуатор Михайлов называет на своем оригиналь-
ном языке подозрительными личностями: военных, чиновников,
учащихся во всех существующих формах, дам из общества и про-
стого простонародья. Конечно, было достаточное количество ре-
бят, особенно настоятельно вопивших своими тонкими голосами.
Проклиная свои обязанности корреспондента, я уселся состав-
лять телеграмму – да, так вот и составишь ее. В открытое окно 90
видна движущаяся, безумно-радостная масса; и внутри отеля, и
за стенами его гремит неумолчное “ура” – если были в моей теле-
грамме нелепости, не вините телеграф, он на этот раз решительно
не виноват.

Не буду описывать проводов палаты, в тот же вечер отъезжав-
шей в Киев. Те же взрывы восторга, цветы, пожелания счастья
и сияние радости на всех лицах. Таковы же были и вчерашние
проводы Карабчевского и Куликова, хотя здесь уже не чувство-
валось той подкупающей непосредственности чувства, которая
равняет всех и все. Говорились речи, и в них местами звучало 100
нечто “юбилейное”.

Были на вокзале Скитские. Как изменило их отсутствие
решетки, конвоя, эта так долгожданная и наконец полученная
свобода! Степан Леонтьевич – бодрый, веселый, говорливый,
с дамами несколько галантный на провинциальный лад, такой,
каким он был, по рассказам, три года тому назад; Петр – безмер-
но добродушный, с тихим малорусским говорком и светлейшей
улыбкой, от которой совсем не видно его глаз. Тут же один из его,
по-видимому, давних приятелей, с величайшим удовольствием
слушающий, как говорит Петр, и солидно поощряющий его. 110

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨2 июля 1900 г.⟩

В великой стране юбилеев свершилось новое событие радостного характера: отпраздновал свой тридцатилетний юбилей Савва Иванович Мамонтов. Форма, в которую облеклось на этот раз празднество, заставляет задуматься о целесообразности тех, ранее практиковавшихся приемов, при посредстве которых юбиляр приводился в радостное настроение. И отсутствие искренности, и неподготовленность в речах, начинавшихся с одного и того же: *Timeo Danaos etc.* *, и малораспространенность сведений о юбилее, лишь в незначительной степени искупавшаяся письмом в редакцию: “Не имея возможности лично отблагодарить всех тех, кои почтили, прошу” и т. д. – все это отнимало у прежних юбилеев и много прелести, и много непосредственности. Если же к этому добавим не лишнее веса соображение о дороговизне подобных торжеств, всей тяжестью ложившихся на плечи любящих и почитающих, – устарелость прежних юбилярных форм станет очевидна.

Иначе чествовали “Савву Ивановича” – как с почтительной фамильярностью, скрывавшей поползновение добавить слово “наш”, величали Мамонтова газеты. Помещение, довольно порядочное, освещение электрическое и прочие издержки – на счет казны. Для речей – ораторы и среди них сам вдохновенный Плевако. Для мирооглашения – сколько угодно газет, и среди них даже такие, что о каждом новом слове сообщают по телеграфу. И при всем этом, специальное удобство: является человек и говорит:

– Дурной человек Савва Иванович. Семь с половиной миллионов растратил.

А ему сейчас же возражение – да какое! И чем больше является человек, тем сильнее бросается в глаза юбилейный характер события. Говорить ли они не умеют, эти человеки, или впрямь и сказать им нечего, только за каждым их словом сильнее разгорается сияние вокруг седой головы Мамонтова, и отблеск его падает

* *Timeo Danaos (et dona berentes)* – Боюсь данайцев, даже дары приносящих (лат.).

на лицо его семейных. В легонькой тени остаются Арцыбушев и Кривошеин, черным пятном выступает Ротштейн, но это так и требуется по правилам контрастов.

И Москва волнуется, Москва томится, Москва с жадностью глотает газеты, ибо только они одни дают и сведения, быть может и субъективные, но идущие в уровень с общим настроением и ожиданиями. Да как и обойтись без газет, когда дело, место слушания которого на лобном месте, заключено со всем своим интересом в маленьком зале и непосредственно воспринимается лишь какой-нибудь сотней особо счастливых ушей. А интерес велик, и велик он особенно для Москвы с ее специфически московским взглядом на вещи, нравственностью и характером.

Москва любит ширь, хотя и вчуже – а сколько здесь шири, раздолья, полета! Вечно кипящий в огне своих величавых замыслов, презирающий все мелкое обыденное, торгашеское, с надменностью и легкостью полубога соединяющий север с югом – Савва Мамонтов! Купец по рождению, барин по жизни, по вкусам, по связям; гордость и украшение родной коммерции – все он, Савва Мамонтов. В одном всеобъемлющем кулаке удерживает он и дороги, и заводы, и там же, между пальцами, пищит у него и опера, и оттуда же льются дождем золотые, двугривенные, пятаки. Ничего к пальцам, все между пальцами, все людям на потребу.

Москва патриотична – сколько здесь пищи и для народного озлобления. Наш купец, тот самый наш, которого денно и нощно язвят добрые люди за неповоротливость, бедность мысли, непредприимчивость, жадность, – глядь, какие он делает дела! И то самое, за что судят Савву Ивановича Мамонтова, это отчаянная американская топка завода железнодорожными акциями – не есть ли она то самое, чего не хватает в обиходе доподлинного московского купца, то чудо гениальной изворотливости, благодаря которой безкостюмный и безымянный бельгиец приобретает и костюм, и имя? Вон они, словно жадные акулы, следят – эти бельгийцы, эти англичане и ждут момента, чтобы проглотить. И им дали проглотить! Поддержать нужно было человека, а не топить. Ведь Савва Мамонтов словно фокусник: ему пяточок в руку положил, разжал он руку – там уже целковый. А тут бельгийцы да англичане...

Москва, как заштатная столица, до жадности любит все высокопоставленное и светлеет при одном взгляде на министра. А в этом деле явственно ощущается этокое дуновение... с севера... “Три министра в особом совещании решили”... Три министра! В особом совещании! Или: “Вот С.Ю. Витте говорит”... Так это просто все, и внушительно, и мы тоже, обо всем – читаем. Ай да Савва Иванович!

Любит Москва и крупные цифры, и большие капиталы, хотя бы чужие – вполне бескорыстно. А здесь перед глазами проходят целые полки миллионов: откуда-то являются, с чинным лицом проходят и, подплясывая скрываются. Так в газетах эту церемонию и называли: “пляска миллионов”. И хоть говорили это люди не танцующие, а в новейших танцах так и совсем ничего не понимающие, но картина создавалась яркая и для всякого взгляда привлекательная и выразительная. Вот бравый миллион, задорно позвякивая золотыми шпорами, несется куда-то вдаль, увлекая за собой томные пятьсот тысяч; а вон там в уголке скромно танцуют подростки – десять, двадцать тысяч... Милые, невинные дети! Кто виноват, что от грозного оклика Фемиды разбежались они по углам, и не сыщешь их теперь...

Преклоняется, наконец, Москва перед добрыми чувствами и семейным началом. Последнее наглядно доказало свое торжество, объединив всю семью одним обвинительным актом, а насчет добрых чувств Саввы Мамонтова говорилось много, горячо и справедливо. Как ни судить о финансовых операциях Мамонтова, приведших его к этому диковинному юбилею, – с холодной жестокостью бесстрастного ума или с пылким пристрастием свободной фантазии, – как человек он ясен и светел. Таким светлым должно быть все крупное, сильное, чурающееся мелкой зависти и злобы, доброе стихийное, вне правил и обычая.

Есть у этого дела своя мораль, и, как всякая к концу приложенная мораль, она стоит рассказанной басенки. И я не буду останавливаться на ней – к чему? Задержусь я на минуту на двух именах, промелькнувших в судебных отчетах, именно только промелькнувших, и если остановивших на себе внимание, то только потому, что они известны всей Москве, как и имя Мамонтова. Это не будет имя Ротштейна – этого Мамонтова наизнанку; о таких финансовых деятелях или ничего не нужно говорить, как об умерших, или только в судебных отчетах. Напомнить мне хотелось о гг. Солодовниковых и Джамгаровых, этих чистых и невинных любителей дивидендов. Кроткие, спокойные, душой ясные, они не созданы для битв и житейского волнения. С югом они иногда знакомы, ибо не прочь пожуировать жизнью, но севера боятся, в частности нескольких северных губерний. Если они и одобряют затею соединения юга с севером, то лишь дальновидно прозревая, что если и поедет кто по новой дороге, так именно ее нерасчетливый создатель, а они... они деньги за билет получат. И я даже уверен, что, не продай они заблаговременно своих паев московско-ярославско-архангельской дороги, они с полной готовностью предоставили бы, на случай нужды, бесплатный проезд не только Савве Ивановичу Мамонтову, но и детям его, и брату.

Ведь они не злы. Они только любят дивиденды...

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(16 июля 1900 г.)

Я был далек от Москвы, смотрел на лазурное море, влезал на лесистые горы, дышал чистым воздухом моря и гор – и не читал газет. И оттого, что я их не читал, мир казался мне спокойным, светлым и счастливым, люди правдивыми, съестные продукты не фальсифицированными – экое страшное слово! – и аппетитными. Я свято верил, что та белая жидкость, которую подают мне под названием молока, есть продукт творчества коровы, а не ума человеческого, и так как мое жаркое не мяукало, я верил, что это заяц. И когда из угла номера выскочила мышь и пробежала мимо стола, жаркое осталось совершенно спокойным, и я нисколько этому не удивился, а в Москве в этих случаях я хватаюсь за тарелку и крепко держу ее до тех пор, пока мышь не окажется в полной безопасности. И в первый же день, как я приехал в Москву, я прочел про молоко, которое продается на Арбате и от которого отвертываются кошки и собаки – счастливые животные, одаренные инстинктом, а сегодня из другой газеты узнал, что до сих пор, за всю мою жизнь, я не съел ни одной крупинки настоящего перца. А я так любил его!

И я долго не читал газет и не только есть, но и спать стал спокойно, когда в одно чудное утро в мою комнату вошел человек, принес самовар с подносом и посудой – и испортил мое чудное утро. Он был похож на Чемберлена; в молодости этот человек любил деньги, что вполне простительно, и политику – чего я не прощу ему никогда. Остановившись у дверей, Чемберлен привел черты своего лица в состояние дипломатической непроницаемости, издал какой-то зашифрованный звук и скромно спросил:

– Осмелюсь осведомиться, какого вы изволите быть мнения о Китае?

Я смотрел в эту минуту в окно, где внизу плескалось о набережную море, и сверкало, как драгоценнейший алмаз в короне Творца, и пело свою трудовую и свободную песню, которую так чудно воспроизвел Максим Горький – и, насколько помню, совершенно не думал о Китае. Даже больше того: если было что-нибудь, о чем я совершенно не думал, так это именно Китай.

Поэтому я ответил неопределенно, но вполне согласно с совестью и географией:

– Китай есть страна, в которой носят косы, держат хронически экзамены, бьют по пяткам бамбуковыми палками, изготавливают чай и че-су-чу и, как пилюли, принимают иностранцев: по две штуки и через известные промежутки. Рецепты пишутся на всех языках, кроме латинского; некоторые оконечности подвергаются периодическому массажу и даже ампутации.

Я думал, что вполне удовлетворил Чемберлена, но он снова издал звуки, тотчас же дешифровав их:

– Я полагаю, что Китай теперь разделят. Иначе невозможно, – решительно добавил он.

В свою очередь, я почтительно осведомился, что привело его к этому решению, столь печальному для небесной империи. И тогда Чемберлен рассказал мне о том, что в газетах называется “событиями в Китае” и что в конец испортило мое прекрасное утро. Море продолжало весело плескаться, в окно подувал ветерок, полный испарениями соленой воды, – а я читал засаленную, истертую на сгибах газету, добытую мной из дипломатического корпуса – швейцарской. Читал, с грустью пил чай, и он казался мне красным, и не верил “Российскому Телеграфному Агентству”, которое никогда, однако, не лжет, потому что опаздывает.

Тем, кто с самого начала следил за китайскими делами, они не могли представиться в таком неожиданно-страшном виде, как мне. Привычка создается очень быстро, особенно когда бьют не вас, а кого-нибудь другого, и после первой легонькой схватки, поразившей и удивившей вас, вы уже с относительным спокойствием выбираете местечко, откуда открывается более обширный вид на побоище, и протираете очки. Мне же пришлось ознакомиться с событиями в то время, когда начинался третий акт, самый интересный и захватывающий, по театральным традициям, – и я прямо-таки задохнулся под наплывом мыслей, воспоминаний, образов и фантастических представлений. Рассказывают про особенный разительный страх, который охватывает людей при землетрясении, когда то, что искони считается неподвижным и могущим сдвинуться только в минуту полной гибели и разрушения, – когда это самое “неподвижное” начинает предательски колыхаться и так многозначительно встряхивает бедных людишек, что они становятся о себе самого скверного мнения. Такой именно страх испытал я – да и не один, вероятно, я, – когда всколыхнулась эта громада, называемая Китаем. Все учебники географии, а вместе с ними и высокопочтенный г. Иловыйский давно уже стали уверять меня и моих товарищей по несчастью, т. е. по гимназии,

что самая неподвижная вещь в мире не московская конка – о нет, а Китай, настолько неподвижная, что сами полюсы по сравнению с ним вертлявые и легкомысленные ребята. И в стихах, которыми мы больше верим, чем всем учебникам географии и самому высокопочтенному г. Иловайскому, так прямо и говорилось: “От стен недвижимого Китая”. Но в то же время в книжках, которых мы не учили и которым потому также больше верили, о Китае говорилось то же, что и о земле: Китай неподвижен, но не всегда будет таким, и когда он повернется, с ним повернется и весь крещеный мир и наступит светопреставление цивилизации. И на эту тему создавалось и писалось много фантазий, очень похожих на правду, и говорилось много правды, похожей на фантазию, и все мы больше, чем в неподвижность Китая, поверили в то, что он когда-нибудь повернется и задавит нас. И не один, мне кажется, из заграничных цивилизаторов, таская за косу почтительного китайца, с вопросом приглядывался к его узкоглазой желтой маске и думал: а вдруг!? С такими же, должно быть, мыслями плюет на свою землю португалец: плюнуть-то я плюнул и даже растереть не потрудился, а вдруг на месте этого самого плевка образуется дырка, да я – в эту дырку – кверху ногами? Нехорошо.

И когда я прочел о “сообщениях” в Китае, о мученической, кровь охлаждающей смерти посланников (тогда китайское правительство их еще не воскрешало), я мгновенно забыл Иловайского и море, которое плескалось, и вспомнил все фантазии и грозные предсказания. И хотя я далеко находился от театра событий и был прописан в участке, что в известной степени гарантировало меня от бесследного исчезновения, мне стало страшно, очень страшно. Увидел я этого китайца – представитель одной чайной фирмы в Москве, надеюсь, простит мне, что за незнакомством с его соотечественниками я взял его образчиком для моих фантастических опытов, – увидел я китайца, умеренного до способности питаться одним воздухом, холодного, жестокого, органически равнодушного к смерти и не знающего цены ни своей жизни, ни чужой; и увидел я, как этот китаец растет, множится, с неотвратимой силой низших организмов заполняет пространство, разливаясь, как Желтое море, и все разрушает на своем ужасном пути. Последнее, что я весьма ясно себе представил, было ощущение человека, которого распиливают деревянной пилой, и хотя я уже давно не бывал в концертах, но ощущение было так ясно и живо, что... дальше уже некуда было идти. Оставалось только успокоиться, и я успокоился, и тогда понял, что все это – только легонькое землетрясение цивилизации, а для настоящего светопреставления время еще не наступило. Китаец еще надлежащим образом

не подготовлен к своей мировой роли, и если вздумает сейчас устроить светопреставление, то это будет самое скверное из всех светопреставлений, какие я знаю, и я уверен, что он не захочет огорчить своих наставников плохим знанием урока.

Опечалив Чемберлена известием, что время для дележа Китая, по-видимому, еще не наступило, я последний раз взглянул на море – оно как будто пожелтело – и поехал в Москву. Всегда в момент каких-нибудь важных и неожиданных событий хочется быть дома и видеть, как дома относятся ко всему этому и что говорят и что думают. И если даже дома говорят глупости, они звучат приятнее, чем умные вещи в гостях. И теперь я узнал, что говорят дома, и в моих ушах так приятно зазвучало: острастка, престиж власти, не нужно китайских церемоний (выражение, отжившее свой век) и многое другое, что ежедневно адресует к консулам московская домашняя газета.

Чем ближе становился я к Москве, тем более слышал разговоров о Китае, и когда наконец очутился в самой Москве – Китай оказался главным властителем ее дум и газетных столбцов. Уделено было некоторое внимание С.И. Мамонтову, но и то более из вежливости и похвальной потребности пополнить хрестоматии несколькими истинами, если не новыми, то солидными. Слишком велика Москва, и потому, при наличности даже такого крупного интереса, как война с Китаем, жизнь ее продолжает течь тысячью ручейков, и мутных и чистых, без всякого отношения к войне. И когда, откинув первые две страницы газеты, я взглянул на третью, мне показалось, что никогда я не уезжал из Москвы, и я стал думать о неподвижности времени, и почему-то мне показалось, что никогда Китайское море не поглотит Москвы, столь прочной и устойчивой в проявлениях своей жизни, симпатий и интересов.

В рубрике происшествий я прочел о трех кражах, четырех небольших пожарах, неизвестном, попавшем под паровоз, и старухе, окончившей дни свои под конкой. Там же был мастеровой, попавший на глубокое место и утонувший, причем тело его своевременно было отыскано; какой-то обыватель, не могший объяснить, каким образом он очутился посередине реки, но твердо помнивший все трактиры, в каких он побыл; хитровец, выбросивший свою возлюбленную в окно; опять мастеровой, на этот раз всадивший нож в бок своего приятеля. А там опять конка, опять паровоз и река... И было всех этих случаев ровно столько, сколько и в прошлом году в эту пору, и, читая о них, я думал, как и в прошлом году, о прозорливости этой гнусной речонки Москвы, глотающей столько народу, точно она настоящая река, и о вечной войне конок с старушками и паровозов с неизвестными. В отделе

свежих новостей сообщалось, что вчера в Москве не было ни луны, ни фонарей, и люди аукались на улицах и сшибались лбами, и высказывалась радость по поводу предусмотрительности природы, снабдившей москвичей лбами соответствующей толщины и крепости, и посыпались упреки управе, по отношению к которой природа злоупотребила предусмотрительностью – точь-в-точь как и в прошлом году в эту же пору. В отделе здравых мыслей я встретил полные глубокого интереса и новизны рассуждения о водопроводе, причем проводилась та мысль, что вода необходима для питья, водопроводы необходимы для воды, а инженеры необходимы для газет, но вредны для водопроводов, хотя сами нуждаются в воде. Там же говорилось и об окружной дороге, и я даже испугался, не взял ли я по ошибке номер за истекший год – нет, оказался сегодняшней. Странная, ей-богу, эта окружная дорога: люди не успели еще на ней проехаться, а голова у них так уже закружилась, что они теперь никак не могут отыскать дороги. В отделе летних зрелищ... но о нем я даже и говорить не стану: в своей величавой каскадно-буфеточной неизменности он переживет и китайское нашествие, и светопреставление, а когда последнее свершится – в полном порядке перейдет в ад, и мне заранее жаль бедных стыдливых чертей. Среди московских событий характера необычайного меня особенно трогает печальная история о неудачнике-дьячке, который всю жизнь разыскивал на церковном дворе клад, рылся, как крот, там и здесь, а перед самыми окнами покопать не догадался, во сне даже видел, что нужно именно перед окнами, – и тут не догадался. И вот пришли рабочие, и стали копать, и нашли клад – как раз перед окнами. Бедный дьячок, теперь копай сначала! Вторым событием, довольно важным, является объявление войны г. Омоном. Врагами его, заранее побежденными, выступают обитатели Шаболовки, в самом центре которой г. Омон намеревается создать народный театр – с полным отсутствием крепких напитков. Ах, не верится мне господину Омону, и когда он надевает овечью шкуру, мне так и хочется закричать: караул, волки.

Но все эти события злободневного характера, которые я здесь мельком перечислил и которые находили себе место на газетных столбцах, оставались, однако, и остаются в тени, и я был удивлен, не найдя в прессе отголосков самого великого – Дерби. И тень эту бросил на них Китай, захвативший общее внимание...

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(19 июля 1900 г.)

Последние годы Александр Иванович Урусов выступал очень редко и в делах, не привлекавших на себя общественного внимания. И постепенно имя его задернулось легкой дымкой забвения. В сословии, внимательно следящем за своими действующими талантами, много говорили о молодых начинающих адвокатах, сумевших произнести красивую, дельную речь, сбегались послушать Плевако, Пржевальского или какую-нибудь заезжую петербургскую знаменитость и лишь изредка вспоминали о былых триумфах кн. Урусова как о чем-то давно пережитом и безвозвратно минувшем. Все проходит в этом мире, и все непрочно – а менее всего прочны слова и обаяние артиста и оратора. С последним звуком его голоса, своей мощной силой всколыхнувшим безмолвную аудиторию и наполнившим сердце гневом, любовью, жалостью, кончается власть оратора над толпой, и когда его свободная, вдохновенная речь выложится непонятными выпуклостями в металлической типографской массе и черными буквочками напечатается на серой дешевой бумаге – какой непохожей, неузнаваемой и мелкой становится она!

Ничего уже не ждали от Александра Ивановича как от оратора, и когда пронеслась весть об участии его в крупном процессе московского кредитного общества, никого эта весть не взволновала и нимало не увеличила интереса ко всем известному делу. А князь к тому же явился на суд больной, полуоглохший, и хотя по-прежнему был он высок и прям и своеобразно изящен, но уже глубокой старостью веяло от его побледневшего лица, от побелевшей бороды и от этой слуховой трубки, которую он ежеминутно прикладывал к ушам. И нашлись в прессе люди, не ведающие того, что они пишут, и слегка посмеялись над слуховой трубкой князя и его безмолвием: мало, почти совсем не задавал он вопросов свидетелям и казался очень внимательным, но совершенно сторонним к делу зрителем. Посмеялись и забыли, и все свое внимание направили на защиту, бывшую очень сильной, и на беспокойного Котлецова, добросовестно компрометировав-

шего гражданский иск (представителем которого был и кн. Урусов). И так, неслышен и незаметен оставался Александр Иванович до конца судебного следствия, утомившего всех обилием цифр и мелочных подробностей. Не было целостности в разнообразных данных и впечатлениях процесса, и с нетерпением все ожидали обобщающих, систематизирующих речей.

И вот тогда разразилась речь кн. Урусова.

Да, она именно разразилась, как гром подкравшейся незаметно тучи, и оглушила своим величавым грохотом, и ослепила красотой сверкающих молний, и шапки снять заставила, эта дивная, грозная речь. Помню до сих пор то жуткое, приятное чувство неожиданности, с каким вслушивались мы в раскаты бархатистого голоса, не решаясь вздохнуть, не смея хоть на секунду оторвать глаз от б о л ь н о г о оратора, который внезапно, сразу, на наших глазах стал таким большим, таким здоровым, таким молодым. С силой большого ума, презирающего мелочи, князь сразу встал на высоту своей задачи и смелыми, широкими, сильными ударами гениальной кисти набрасывал картину своеобразных порядков “кредитки”. И при всей удивительной широте и рельефности картины, какой дивной красотой обладал каждый мельчайший штрих. Словно закаленные, плавные, как колыхание просыпающегося моря, острые, извивающиеся, как жало змеи, лились одна за другой красивые фразы, и каждая новая была лучше предыдущей, и не виделось пределов богатству мысли и языка.

А защита! а подсудимые!

Похоже было на то, будто какой-то безжалостный шутник положил “бурак” в то место, где сидели обвиняемые и защитники, и зажег этот бурак, и с шипением и треском взвились и рассыпались огненные змейки, ослепляя, оглушая и жаля. А публика, безжалостная, как и находчивый шутник, смеялась и восторженно ловила каждое слово, такое красивое и изящное, но такое жестокое в своей огненной справедливости.

И как вознегодовали все мы на одного из защитников, г. Рейнбота! Мефистофелевская улыбка (на днях из “Нового времени” узнал я, что у г. Рейнбота мефистофелевская улыбка; сам я замечал улыбку, но не подозревал ее сатанинских свойств) – так вот эта спорная улыбка сошла с его уст, и в ту минуту, когда речь кн. Урусова достигла высочайшей красоты и силы, г. Рейнбот попросил палату о перерыве, так как почувствовал себя нездоровым. Кн. Урусов не слышал переговоров, которые г. Рейнбот вел с палатой, и бесследно пропали для него комплименты, которыми осыпал г. Рейнбот прерванную речь, но вежливо ждал и не выра-

зил ни малейшего неудовольствия, когда ему сообщили о физической несостоятельности защитника.

И здоровый кн. Урусов сделал перерыв для больного г. Рейнбота – как иногда конец не похож бывает на начало!

Какой шум поднялся в обширной екатерининской зале! Это было изумление и восторг, не находившие слов. Разводили руками, мимически изображали всю прелесть услышанного, вспоминали острые слова, ставшие историческими для “кредитки”, смеялись и снова разводили руками. Одни говорили что-то “о школе”, другие о таланте, но все вместе жалели тех и тех и самих себя. Да, это был триумф.

Потом кн. Урусов закончил свою речь, и конец ее не уступал началу, потом хорошо и дельно говорили защитники, а на другой день я прочитал в газетах напечатанную речь кн. Урусова и не мог узнать ее.

Года не прошло еще с того дня, когда была произнесена эта дивная речь, последние отзвуки сильного голоса кн. Урусова еще не замерли в моих ушах, а его уже нет в живых, и над ним, неподвижным и безмолвным, говорят теперь чужие прощальные речи. В них много и искренно будет говориться об его заслугах как гражданина и борца за светлые идеалы, об его достоинствах как человека. И все это будет справедливо и вызовет, быть может, слезы об умершем, а я буду вспоминать о его последней, лебединой песне.

Разве менее нужен для жизни талант, чем гражданин, и разве менее он светел, чем все достоинства человека? Так отчего же не грустить об умершем таланте, уделом которого должна быть вечность, когда бессмысленная смерть раскрывает ему свои холодные объятия и тьмой заволакивает глаза, искавшие света и дававшие свет!

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(23 июля 1900 г.)

На душе скверно, словно осенью. Погода отвратительная, холодная, кислая, упорно слезливая, как вдова, схоронившая мужа и оставшаяся с дюжиной малых детей. Сидишь у себя на даче и не знаешь, куда обратить тоскливый взгляд. В окно взглянешь – глянцеви́тая, мокрая зелень, бессильно распутившая отяжелевшие ветви, которые то и дело постукивают и скребутся о стекла, точно и им надоел этот назойливый дождь и захотелось в тепло. А какое тут тепло! В бесчисленные скважины рам тонкой струйкой вливается холодный отсыревший воздух и так предательски холодит то бок, то спину, то ноги; ничего еще в носу нет, а чихать уже хочется. К двери подойдешь и на террасу посмотришь: пустая, словно обобранная ворами, наполовину забрызганная дождем и вся покрытая следами грязных ног. Печально обвисло серое мокрое полотно, и Бог его знает, когда оно опять станет сухим. Не читается, не работается.

На какие лады душу свою ни выворачивай, как ее от природы ни удаляй, а от влияния погоды не уйдешь и без солнечного света не обойдешься. Читаешь – и все эти притупившиеся остроты, беззаботное пустозвонство, казавшееся милым и забавным при свете солнца, теперь злит и раздражает. Самый блестящий ум кажется подмокшим и если и глубоким, то только как лужа, через которую без калош не переберешься. Даже в цивилизацию, и в ту не верится в такую погоду, и если у китайцев идет теперь такой же дождь, им много простится за причиненное убийство иностранцев. Что касается меня, то я чувствую: продлись еще неделя такой погоды, и я заговорю на языке Конфуция, пойду на Петровский бульвар осаждать английское посольство и назову варварами немцев.

А дождь все идет.

Мокрый почтальон приносит мокрые газеты; с жадностью хватаешься за них, пробегаешь и отбрасываешь. Боже, сколько и здесь воды, холода и грязи! И сколько тоски!

Умер кн. Урусов. Не успел я еще как следует освоиться с этой вестью, наступает новый день и новую весть приносит: умер

Г.А. Джаншиев. Что же это такое? Недостаточно китайщины и дождя – мор еще на хороших людей пошел? Нет, – отвечают, – все это творится в пределах естества и обычного порядка вещей: кн. Урусов умер потому, что был стар и был болен; Джаншиев хотя не был стар, но всегда был болезненным человеком и оттого умер. Сердце, много любившее, много верившее и страдавшее, отказалось любить, верить и страдать и умолкло, – разве это не естественно?

Как естественна была смерть этих людей, так естественно было бы и то, что тотчас же после смерти их начали хвалить, а раньше их больше поругивали, по крайней мере, кн. Урусова. Нигде в такой строгой последовательности не соблюдается старинное правило: *de mortuis nihil, nisi bene**, как у нас. Объясняется это, мне кажется, стыдливостью нашей русской дружбы: в то время когда враги со всей силой своих легких и своих языков обрушиваются на “нашего дорогого”, друзья скромно молчат, изредка делают секретные визиты, соболезнования и терпеливо ожидают, пока наш дорогой испустит дух. Когда же это произойдет и враги по естественному чувству уважения к смерти умолкнут, тогда отовсюду собираются заждавшиеся друзья и, никем не препятствуемые, плачут и хвалят. И если бы покойник мог, как один из героев Марка Твена, влезть на козлы своей погребальной колесницы, он удивился бы, как много у него друзей, и притом в высшей степени неожиданных. Даже те, пожалуй, которых покойный при жизни своей наивно принимал за врагов и руку бы им протянуть постеснялся, – и они тоже здесь и тоже... хвалят. Помню я, как после смерти Пржевальского один “публицист”, никак не могший совместить своей любви к почившему с участием последнего в процессе кредитного общества, придумал очень простой, но неожиданный вид похвалы: по заявлению этого “публициста”, Пржевальский перед смертью раскаялся в своей вражде к “кредитке”. Вообще, наши выдающиеся необмундиренные деятели далеко не избалованы, и если каждому из них дать юбилей да приберечь пару хороших слов для похорон, – в остальное время его можно ругать свободно, и это будет служить даже признаком хорошего тона.

Говоря все это, я имею в виду главным образом кн. Урусова. И ведь, в сущности, не особенно заметно было, чтобы кн. Урусова настойчиво поносили, но это не значит, чтобы его действительно мало ругали, а свидетельствует только о нашей привычке к брани. В одной из посмертных статей о кн. Урусове, принадлежащей

* о мертвых ничего, кроме хорошего (*лат.*).

перу близко знавшего его г. Плещеева, было многозначительно брошено, что из Петербурга князя заставили уйти нападки на него петербургской прессы. Хороши должны быть нападки, которые могут выбросить человека из насиженного им места и заставить, на склоне лет, искать на земле тихого уголка! И я уверен, что напали на кн. Урусова не кто-нибудь из подворотни, а люди благородные, и не ради чего-нибудь, а во имя принципов, священных, возвышенных, незыблемых, тех самых, ради которых и работал – как говорят в некрологах и похоронных речах – сам кн. Урусов. Убеждает меня в этом знакомство с русским принципом. Про русского человека говорят, что, если его поскоблишь немного, из него выглянет на свет Божий татарин. Подвергните той же операции русский принцип – и появится... Бог знает что появится: плетка, нагайка, кнут, оглобля, все что хотите, но обязательно такое, чем можно переломать ноги и искомвенить спину. И я удивляюсь, почему у нас до сих пор не делают принципов с ручками, для вящего удобства потребителей. Пока, впрочем, у нас превосходно обходятся и без ручек, и если человеку удалось обзавестись парой хороших, испытанных принципов, он может почитать себя более счастливым, нежели при получении наследства от бабушки. Не говоря уже о приличных процентах, которые принесут т а к о г о р о д а принципы, ими можно переколотить такую уймищу народа, что китайские боксеры с готовностью назовут себя мальчишками и щенками в сравнении с этим Самсоном, который, знай, трещит своей ослиной челюстью, а люди, знай, валяются.

Кн. Урусов имел несчастье быть адвокатом и, вероятно, особенно часто попадал под принципы. А как принципами сильно бьют, показал недавно г. Станюкович, на двух небольших полосках бумаги уничтоживший шесть славнейших московских адвокатов, дерзостно выступивших в процессе Мамонтова. Счастье кн. Урусова, что он был в это время болен, а то, вероятно, и ему пришлось бы искать нового пристанища. И какое блистательное, диковинное было побоище! Принцип так быстро мелькал, что трудно было даже рассмотреть его, и, находясь в опытных руках, так и стучал по головам. Плевако не только указывалось на его безнравственность и продажность, но и глупость его была выставлена на общее посмеяние. Так прямо, без экивоков, совершенно излишних при крепком принципе, и говорилось: глуп ты, Федор Никифорович, ах, как глуп! Другие защитники даже без указания имен были убиты одним ударом: и остальные-де такие же. А среди этих безвестных находился и Карабчевский, который еще недавно совершенно безвозмездно вынес на своих плечах тяжелую защиту братьев Скитских, и один молодой криминалист

из небольшой группы московских адвокатов, ради б е с п л а т н о й защиты колесящих по всей России. Но что до того г. Станюковичу? Могли ли в его сердце возбудить жалость адвокаты, когда даже присяжных заседателей, и тех он не пожалел? Конечно, это было недо-разумение, вполне понятное, когда человек размахается принципом и, не будучи удерживаем благоразумием, слепо отдается благородству своей души. И нет у института присяжных заседателей более верного защитника, нежели г. Станюкович, и пусть-ка кто-нибудь другой, помимо его, попробует сказать, что присяжные заседатели были слепы или глупы, – г. Станюкович так долбанет его своим принципом, что самому крепкому черепу не поздоровится.

Я не стал бы говорить о статье г. Станюковича, если бы она была явлением исключительным, но, к сожалению, она – правило, и правило строго исполняемое, о котором невольно вспоминается всякий раз, когда над свежей могилой хорошего человека, а в частности адвоката, раздаются умильные речи. Прозвучали речи и даже стихи и над могилой кн. Урусова... *Nihil, nisi bene!** И много хорошего услышал бы покойный, если бы только... ну, хотя бы дней на пять раньше прозвучали эти речи. Хорошо, если он перед смертью позабыл все нападки и насмешки, которых был уделом, а если помнил? Вообразите, что сейчас умрет кто-нибудь из граждански казненных Станюковичем, что он должен будет перед смертью думать о себе? Наверное: какой великий негодяй умирает! А не пройдет и дня с его смерти – и окажется, что он был самый лучший человек на земле, и даже, быть может, сам г. Станюкович с охотой подтвердит это.

Джаншиев не мог подвергнуться таким бесшабашным нападкам, как кн. Урусов, и это, между прочим, объясняется глубоким контрастом этих двух натур. О каждом из покойных говорилось очень много, и мне хочется сделать только легкое сопоставление между ними – “по ту сторону хвалы и брани”. И нужно заметить, что при сопоставлении оба эти деятеля выигрывают в рельефности своих черт. Придерживаясь терминологии Гейне, одного из них, кн. Урусова, нужно назвать “эллингом”, тогда как Джаншиев типичный последовательный “иудей”. У кн. Урусова был светлый, радостный ум язычника, старавшийся и весь мир сделать светлым и радостным и равно чтивший многих богов. Он любил добро, потому что оно – добро и потому что оно – красиво; он любил искусство и литературу, и в наши дни, когда люди до глубины души озабочены канализацией, построил маленький храмик Флорберу. Еще недавно в газетах были помещены две-три статьи за

* Ничего, кроме хорошего! (лат.)

его подписью, обнаружившие в покойном страстного антиквария. И, к слову, к этому божественному дару он относился с уважением и любил его как орудие красоты и воплощение красоты. Он не выбрасывал слова, как из митральезы, чтобы только побольше, почаще да погорячей, но каждая его речь была художественно законченным произведением, из которого, как из песни, слова не выкинешь. И, мне думается, он был счастлив, потому что обладал редкой способностью – умением жить, и из этой кучи мусору и грязи, какой является жизнь, умел выбирать редкие крупинки блестящего золота. Иным представляется мне покойный Г.А. Джаншиев. Всю свою любовь, которая сжигала его слабое тело, всю свою душу живую отдал он одному богу, и бог этот был – светлая эпоха великих реформ. Не историком он был, не холодным гробокопателем, внимательно облюбовывающим могильного червя наравне с черепом великого человека, – страстным возлюбленным этой эпохи он был и отрицал настоящее, поскольку оно ушло от недалекого прошлого, и ревновал к будущему. Если у него были враги, то это были враги идейные, непримиримые, те, которых не только не избегает всякий общественный деятель, но ищет их. Он весь был принцип, в лучшем значении этого слова, и, как с таковым, с ним можно было только бороться грудь с грудью, а не ошарашивать его поддельным “принципом” и не смеяться над ним. Не кажется ли всем читавшим и знавшим Джаншиева, что он – в сущности не принимавший никакого участия в реформах, как будто бы был одним из непосредственных их творцов? Был ли он счастлив? Мне кажется, что да. Едва ли он умел устроить свою жизнь, обставить ее вечно бьющими фонтанчиками различных наслаждений, но и нужны ли ему были они?

И оба эти человека умерли, и мне не жаль их. Много они взяли от жизни и, быть может, еще больше дали ей. А если при жизни были трещинки в их счастье, то умерли они как счастливы. Немного на свете найдется людей, у которых душа не умирает раньше тела, и те, кто до могилы сохранил и любовь, и веру, кого не сломила пошлость и не была для них последним отвратительным видением, – разве не счастливы они? И нам ли, нищим духом, их жалеть?

А дождь все льет. Скверная погода.

Р. С. Засияло солнце, и я снова верю в цивилизацию, наслаждаюсь речами Вильгельма и с нетерпением ожидаю, когда китайцев высушат и цивилизуют. Но за мокрых за них, на мой взгляд, не стоит приниматься – страшные, прямо-таки боксерские мысли и желания роятся при дожде. Сужу по себе.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(30 июля 1900 г.)

У меня явилось весьма скромное и самое в то же время естественное желание: основательно повыспросить кого-нибудь, имеющего хоть какое-нибудь отношение к событиям на Дальнем Востоке, а если не к событиям, то к местности, а если не к местности, то хотя бы к китайскому чаю. Я не пытался скрыть от себя всю трудность моего предприятия и не питал легкомысленных надежд ни на известного немецкого, французского или иного дипломата, ни на директора банка, имеющего обширные сношения с Китаем и Сибирью, ни на известного московского коммерсанта, только что получившего от своего дальневосточного приказчика короткую, но выразительную телеграмму: “Одно слово: спасайся, кто может”. Я знал, что все эти крупные господа давно уже стали добычей журнальных китопромышленников, весь жир с них уже снят и в виде ворвани давно преподнесен читающей публике; если же время от времени продолжают появляться запоздалые коммерсанты и дипломаты, то они представляют собой не что иное, как вывернутых наизнанку прежних дипломатов. Не было также у меня надежды и на московского китайца. Все московские китайцы наперечет и давно уже повыспрошены, и в моей памяти очень еще свежа беседа одного журналиста с приказчиком чайного магазина Цзинь-Лунь. Я помню еще, как китайцы-приказчики упорно отмалчивались от интервьюера, и только после того, как он купил фунт чаю и, таким образом, ввел себя и редакцию в неожиданный расход, один из китайцев что-то пробормотал, а другой перевел его бормотание: “О бедная, многострадальная родина!” – такова была многозначительная и крайне важная фраза, услышанная счастливым интервьюером и тотчас же перенесенная им на столбцы газеты. Пылкой мечтой моей было поймать на Мясницкой улице одного из тех юных джентльменов, которые за зеркальными стеклами магазина развешивают и завертывают чай. При небольшом расходе со стороны моей и редакции я надеялся кое-что выпытать у него относительно китайской политики и задач европейской дипломатии на Востоке.

И я поймал его, но, увы, юный джентльмен выжат был, как лимон, и обсосан, как конфекта, так как только на днях, при возвращении его к пенатам, на углу одного темного переулочка на него напали четверо журналистов и с криком: “Китай или жизнь!” до нитки ограбили его (конечно, не в буквальном смысле, а лишь в рассуждении китайской политики и европейской дипломатии). И со слезами обиды на глазах молодой человек признался мне, что на следующий день он узнал себя под видом “одного лица, только что вернувшегося из Кяхты”, “американского дипломата”, “бывшего чиновника на Востоке” и “казака, приславшего письмо на родину”. Особенно огорчило его письмо бывшего чиновника, хотя и дышавшее пылким патриотизмом, но шедшее вразрез с понятием о собственности.

– Боюсь, что не станут меня такого на службе держать! – говорил он.

“Кого же?” – упорно и безутешно вопрошал я себя и тщетно изыскивал ответа. Но наконец судьба умилилась надо мной, и в окне одного магазина я нашел то, чего искал.

Это был прелестный фарфоровый китаец, одетый как мандарин первого ранга, желтолицый, широкоскулый, с реденькими усами и бороденкой и прекрасной шелковой косой. Когда я с восторгом смотрел на него, он медленно, справа налево, закачал головой, и в этом покачивании мне почудилось что-то немного ироническое. “Старый плут!” – подумал я и отправился покупать китайца. По случаю возвышения пошлин на хлопок, с меня взяли за игрушку дороже, но удобство иметь при себе постоянный объект для интервьюерства, который к тому же можно носить в кармане, пересилило все иные соображения, и я взял китайца. По счастливому совпадению, его звали Лихунчангом, и это облегчало мне задачу, так как я знал теперь, с кем имею дело, и заранее вооружился недоверчивостью.

Выгнав из своего кабинета постороннюю публику, я поставил перед собой Лихунчанга, налил два стакана чаю и, чтобы завязать беседу, спросил:

– Это китайский чай?

Дипломат отрицательно качнул головой. Возмущенный ложью, я прямо перешел к делу и строго спросил:

– Вы бывали на мирных конференциях?

Движение головы было отрицательно и несколько иронически.

– Очень жаль, – сухо сказал я. – И ирония ваша неуместна. Как варвар, вы не можете оценить всех благ мира и зла войны. А вот если бы вы бывали на конференциях, вы не затеяли бы этой войны, тем более что ведь вам же придется платить расходы.

Голова качнулась с выражением сомнения.

– Вы намекаете на англичан? Но англичане дело совсем другое. На них напали буры, неожиданно объявили им войну, и англичане защищают свою независимость, а также и культуру, которой не признают буры. А культура, это такая вещь...

Лихунчанг быстро и отчаянно замотал головой.

– Такая вещь, – строго продолжал я, – для которой нельзя останавливаться ни перед какими жертвами. Но я заметил по вашему жесту, что вы что-то имеете против культуры.

Голова Лихунчанга чуть не оторвалась, и я возмущенно воскликнул:

– Вот это всегда удивляло меня в вас, китайцах! Такая прелестная вещь, такая необходимая вещь, такая, наконец, неизбежная вещь, как культура, а вами категорически отрицается. Я понял бы, наконец, это со стороны какого-нибудь захоластного китайца, который сожрал себе горсточку рису, лег на бок и счастлив, и ничего ему больше не надо. Но вы, который объехал всю Европу и своими глазами видел все блага культуры, вы, которого я нашел в самом центре культуры – на Кузнецком Мосту, – и вдруг! Я не понимаю этого упорства, с которым вы, китайцы, хотите во что бы то ни стало быть счастливыми. Счастье, мой друг, это удел низших организмов, а для высших существует культура. Ну что хорошего находите вы в этом счастье? Какое-то странное состояние... ничего тебе не хочется, всем ты доволен, душа спокойна, как озеро, и неподвижна, как оно... То ли дело культура: всем-то ты недоволен, вечно ты не сыт, и вечно тебе все хочется, все хочется... Дали одного, тебе уж другого хочется, а потом третьего. А есть и такие, которым всю жизнь хочется и которые всю жизнь ничего не получают. Какой это бодрый, деятельный и живой народ! Приятно посмотреть на их оживление, с каким они вертят рукоятки машин, и так умильно, так культурно улыбаются своими тощими лицами. Слушай, брат Лихунчанг, – перешел я на дружеское ты, – плюнь ты на этот Китай, а? Переходи к нам. “Новое время” тебя любит и помилование тебе выхлопочет, а с твоим капитальцем, да при нашей культуре, да это, брат, такие дела оборудовать можно!

Лихунчанг отрицательно качнул головой.

– И дурак же ты, братец. А хорошо-то бы как... Построил бы себе этакий дворец на Воздвиженке, – размечтался я за счет лихунчанговских капиталов, – в “Аквариум”, а то в “Альгамбру” каждый вечер бы ходил... Вместо этой твоей тарабарщины, стихотворения Лохвицкой читал бы! В гласные мы тебя выбрали бы, а там, брат, столько удовольствий. Водопроводы, раз, мостовые –

два. Да мало ли! И, главное, хочешь – говори, а хочешь – молчи, и ври напропалую, а сейчас ведь тебе ни молчать, ни говорить, ни врать нельзя. И мамон свой к тому же можешь набивать без опаски – никогда живота взрезать не заставят. У нас, брат, живот в полной неприкосновенности. А? Валяй, друг!

Лихунчанг упорно качал головой.

– Боишься, Конфуция твоего тронем? Не бойся. Молись, кому хочешь. У нас, брат, многие идолу Мамону поклоняются, да и то ничего. Даже поощрение получают. В свою веру не обращай, это точно, за это по головке не погладят, да ведь и вы там с миссионерами не то чтобы очень нежно поступали. Не хочешь? Как хочешь. Только не раскаиваться бы после. Все равно ведь обкультуруют, спрашиваться у тебя не станут. И не таких обкультуривали. Думаешь, вас много, так вы и уйдете? Пустое, брат, это только раскольники прежде думали, когда беспорядки скопом устраивали: нас-де много, и всех наказывать не станут, а теперь и они так думать перестали. Да хорошо, если еще в наши руки попадете: вон А.С. Суворин говорит, что мы сами на две трети азиаты, и князь Ухтомский ту же мысль выражает. Конечно, мы своего брата теснить не станем, ну а если за вас англичане примутся? Посмотри-ка, что с такими бывает, которые честью просили, а потом насильно обкультурили!

Я показал Лихунчангу рисунок, изображавший груды трупов: то были индийцы, умершие от голода. Словно сухие ветки, лежали трупы друг на друге и не внушали ни малейшей жалости, ибо это были негодные ветви на дереве культуры. Но Лихунчангу рисунок, видимо, не понравился, что он выразил покачиванием головы. Этот варвар, помимо всего прочего, был совершенно чужд эстетике.

– И еще раз, очень жаль, – вернулся я к началу разговора, – что вы не были на Гагской конференции. Вы узнали бы там, что нельзя так жестоко обращаться с пленными, что война – печальная необходимость, которую нужно смягчить культурным к ней отношением. А какую массу избили вы ни в чем не повинного народа! И скажи мне, но только по совести: вы до сих пор приобретали оружие у англичан – неужели у вас хватило бесстыдства приобрести и пули дум-дум?

Лихунчанг печально качнул головой.

– А, вам не дали этих пуль! Вот понимаешь теперь, что значит истинная культурность: пуль-то вам и не дали. А теперь запрещено и совсем продавать вам оружие, ну-ка, что вы сделаете без помощи культуры?

Лихунчанг качнул головой иронически.

– Так-то, брат. Обрезай без дальних проводов косу, остригись бобриком, изъяви покорность и катаем мы с тобой в “Аквариум”. А там обкультуренных тюленей показывают – занято!

К удивлению моему, Лихунчанг ответил энергичным отрицанием.

– А, понимаю, на что ты надеешься! – воскликнул я. – Ну и каверзный же ты человек! Ждешь, пока европейцы из-за тебя друг с другом передерутся, радуешься, что гвалт поднялся из-за кусочка Вузунга, который у англичан из кармана торчит. Но ведь пойми же, это подло пользоваться естественной и простительной слабостью, воспитанной веками. Сам дерешься и других в драку вводишь. Ни манер у тебя настоящих, ни политичного обращения, одна сплошная каверза.

Лихунчанг насмешливо качнул головой.

– Не серди ты меня, пожалуйста. Уважь культуру.

Качание повторилось, и еще более насмешливое.

– А, так ты вот как! – заревел я, в припадке культурного бешенства схватил китайца за косу и оторвал ему голову. Кажется, я немного поторопился, так как не поговорил еще с ним о том, хочет ли Китай быть разделенным или предпочитает уплатить издержки и вознаграждение за ведение дела. Да и о культуре я не все еще кончил. Буду искать теперь другого, но постараюсь, чтобы он кивал головой не справа налево, а сверху вниз – в знак согласия и подтверждения.

Прошлый раз я писал, что Г.А. Джаншиев в силу своих слишком определенных убеждений едва ли мог подвергаться таким бесшабашным нападкам, как тот же хотя кн. Урусов. Я ошибался. Вот что пишет в “России” Old Gentleman:

«Григория Аветовича Джаншиева я знал лучше. Мне жаль вспомнить, что когда-то, ради красного словца, я обидел этого прекрасного человека. Он, возвратясь из Швейцарии, описал тамошние суды, посвятил благоустройству их гимн в обычном ему восторженно-приподнятом тоне стихотворения в прозе. Фельетон этот попался мне под руку в недобрый час; мне показалось смешным, что Джаншиев воспевает, как влюбленный, двери, половики и скамейки женевского суда, и я напечатал по этому поводу что-то очень резкое в “Новом времени”. Напечатал и пожалел, но было уже поздно».

...“Ради красного словца”... “В недобрый час”... “Напечатал и пожалел, но было поздно”... Нужно ли что-нибудь к этому добавить?

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈8 августа 1900 г.〉

Бедный Экстемпоралий! Он умер, бедный Экстемпоралий! Другими словами: его уже нет, бедного Экстемпоралия!

Надеюсь, мне, как другу детства г. Экстемпоралия, позволено будет произнести надгробное слово над его свежим, еще не остывшим прахом. Я так любил его, и он так любил меня. Но вы говорите, что он жив? О, нет! Вы читали: “В о г р а н и ч е н н о м к о л и ч е с т в е”, – ведь так было сказано о настоящем г. Экстемпоралии. А что такое г. Экстемпоралий “в ограниченном количестве”? Ничто, прах, тлен, обещанная, но не выданная субсидия. Нет, он умер, поверьте мне. Ведь не скажете же вы о господине, три дня как снесенном на кладбище, что он жив, основываясь лишь на том, что на окне вы увидели его шляпу!

Да, наконец, не все ли равно для меня: жив он или умер? Я горю дружеским нетерпением произнести над ним надгробное слово – и я произнесу его. Итак, приготовьте носовые платки, пока я откашляюсь и поборю свое волнение.

Начинаю.

Г. Экстемпоралий был лучшим, хотя и не единственным, 20 другом моего детства. Впрочем, будет точнее, если я скажу так: г. Экстемпоралий и я, мы росли вместе. Чем больше становился я, тем длиннее вытягивался г. Экстемпоралий, и в тот день, когда судьба разлучила нас, он был только на четверть короче меня. Для молодого и тощего малого этот рост был очень недурен.

Видались мы с г. Экстемпоралием по субботам. Не думаю, чтобы в назначении дня для наших свиданий учебное заведение следовало традициям, по которым день субботний предназначался когда-то для порки, – наверно, это было лишь случайное совпадение. Это тем более вероятно, что, когда г. Экстемпоралий 30 попрос, он изредка являлся к нам и по средам, и по понедельникам, и по другим дням.

Должен отметить здесь весьма странный, но истинный факт. В те дни, когда являлся Экстемпоралий, у меня и многих моих товарищей заболели головы. Вероятно, от нетерпения. И никогда

она не заболела в пятницу, но всегда в субботу, ровно в 8 часов утра, когда я застегивал последние крючки у ранца, чтобы идти на свидание. Родители мои поражались этим явлением не менее меня, но, как и я, средств от боли найти не могли. К сожалению, 40 они скоро привыкли к этой болезни, и я плакал, но шел на свидание к г. Экстемпоралию. И, идя и плача, я твердил слова поэта:

Была без радости любовь,
Разлука будет без печали.

Когда все мы, плачущие и не плачущие, усаживались по местам, в последний раз отчаянно звонил звонок, и входил Иван Иванович, неся на руках г. Экстемпоралия.

Склонный вообще и в ранней юности к некоторым уклонениям, я уступал силе и вместо проникновения в суть г. Экстемпоралия, старался определить, на кого он походит по внешности. Подмеченное мной сходство получило санкцию от моих товарищей, и я решаюсь предложить его как наиболее близкое к действительности. Видали вы когда-нибудь в цирке клоуна? Он выезжает, одетый буржуа, в цилиндре, на скаку снимает платье и остается крестьянином, потом превращается в девуцу и так далее, пока в результате не останется тонкий, одетый в трико юноша. Этого клоуна напоминал и Экстемпоралий, и, как я узнал впоследствии, изготавливался он соответствующим образом. Раскладывалось временное предложение; на него слоями накладывалось предложение причины, цели и все другие предложения, какие могут 50 встретиться в порядочном синтаксисе; поверх этой подстилки клалось тоненькое и маленькое главное предложение, и затем все это закатывалось. Для прочности образовавшийся жгут заворачивался в косвенную речь и уже в таком виде преподносился для употребления. И чем дальше удавалось Ивану Ивановичу запрятать главное предложение, тем счастливее он считал себя.

Продолжая уклоняться в сторону, я старался ознакомиться с душевными свойствами Экстемпоралия и приходил к выводу, что основным свойством его характера и ума является ужасающая таинственность и поразительная разносторонность. Начав 70 говорить совершенно серьезно о консуле Метелле, он внезапно возвращался к воспоминаниям об основании Рима и, бросив неожиданный, но полный меланхолии косвенный вопрос: "Кто знает, не были ли гуси те птицы, которые спасли Рим?", подробнейшим образом уяснял значение косвенной речи Цезаря для того юноши, который сжег руку, не имея, по-видимому, возможности дожить до Венцингеторикса и выслушать косвенную речь последнего. Не знаю, как для моих товарищей, но для меня Венцингеторикс

был тем пределом, дальше которого я не мог пойти, так как терял сознание. И сколько, благодаря этому несчастному обстоятельству, я потерял прекраснейших косвенных речей! И сколько раз, 80 благодаря тому же Венцингеториксу, предлагался мне косвенный вопрос о том, не наскучила ли мне гимназия и не испытываю ли я в душе затаенного желания пасти свиней?

Таков был г. Экстемпоралий. И теперь нет его, загадочного, разностороннего, дышащего мрачным юмором, косвенно вопрошающего и никогда не отвечающего. Исполним последнюю грустную обязанность и закопаем его поглубже. Как можно глубже, чтобы ему там было совсем спокойно и тихо, и пусть только тень его, витая над нашими головами, изредка косвенно-меланхолически вопрошает:

– Кто знает, не были ли гуси те птицы, которые Рим спасли?

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(13 августа 1900 г.)

На днях мне сделалось ужасно скучно. Я почувствовал, что мне надоело что-то, что я не выношу чего-то и что, если с этим “чем-то” меня оставят еще на полчаса, я устрою сцену жене, разочту горничную Машу и, несмотря на протест тещи, отправлюсь добровольцем на Восток. И так как надоел мне именно я сам, то я пошел в гости к Ивану Петровичу. Хотя Иван Петрович мне тоже надоел, но я с ним бываю реже, чем с собой, и потому не так ненавижу его, как себя. По дороге я встретил Алексея Егоровича и увидел на его лице выражение радости. С поспешностью, делающей честь его дружескому расположению, он переделал зевок в приятную, хотя несколько широкую улыбку и сказал:

– А я к вам! Такая, знаете, скука. – Он попробовал улыбнуться, но нечаянно зевнул и, так как я зевнул с ним почти одновременно, это начинало походить на своеобразное развлечение. – С женой к тому же поссорился. Из-за Кати. Вы видали у меня горничную: с этакой лошадиной физиономией. Через рекомендательную достали. Пьет напропалую и неоднократно уличена в полиандрии.

20 А вы куда?

– К Ивану Петровичу. Пойдемте и вы, – предложил я. – Может, четвертый найдется, повинтим.

Алексей Егорович задумался.

– Надоел он мне, этот Иван Петрович, – нерешительно сказал он. – А, впрочем, пойдемте. Такая, знаете, скука. Будь я доктор, сейчас в Китай поехал бы. Я теперь каждый день тещу Китаем дразню.

Дорогой мы хотели сесть на конку, но она была полна. На перекрестке садились с передаточными билетами. Они садились, а кондуктор их высаживал и предлагал сесть на следующую. Никогда не видя следующей, он был добросовестно убежден, что она всегда пустая.

30

– Этакое безобразие! – сказал Алексей Егорович. – Пора бы уже...

– Да, пора бы уже... Вот тоже третьего дня я видел, как даму одну... в толкучке... спихнули...

Многоточия обозначают мою зевоту, Впрочем, также и зевоту Алексея Егоровича. На следующем перекрестке нас задавил было лихач. В непонятном для нас порыве восторга, он гнал лошадь, и пустая пролетка подпрыгивала на своих обтрепанных шинах. На 40 укоризненное замечание моего спутника лихач обидно усмехнулся.

– Пора бы... – начал Алексей Егорович, но не кончил. Становилось отчаянно скучно. С трудом подавляя в себе раздражение, я с ненавистью смотрел на толстую фигуру Алексея Егоровича и думал, как не надоест ему говорить об этих конках, лихачах? Ведь столько уже говорили. Я отвернулся и почувствовал, что Алексей Егорович также смотрит на меня. Молчать было неприятно, и я сказал:

– Какая погода хорошая!

– Да. Хорошая. Но представьте, какой странный случай: я сегодня десятый раз слышу это. 50

Мы не смотрели друг на друга, так как это едва ли могло бы повести к чему-нибудь хорошему, и так, отвернувшись и молча, дошли до квартиры Ивана Петровича. Поднимаясь по лестнице, Алексей Егорович постарался принять развязный и веселый вид, как подобает гостю, и заговорил:

– Говорят, квартиры дешевеют. Пора уже.

Я так же весело и развязно ответил:

– Да, дешевеют, говорят. Пора уже.

И, весело смеясь, мы вошли в квартиру. Из кабинета Ивана 60 Петровича доносился его чем-то раздраженный и сердитый голос, но, увидя нас, Иван Петрович весело рассмеялся, обнял меня, похлопал Алексея Егоровича по животу и воскликнул:

– Вот кстати! А я было с женой собрался к вам, – обратился он к Алексею Егоровичу. – Такая, знаете, скука. Ну, как вы, как ваши?

– Ничего, хорошо, а вы как?

– Да ничего. Сейчас кухарку рассчитал. Возвращаюсь из суда голодный как собака, а мне вместо обеда черт знает что подают! Нет, знаешь, с этой прислугой...

Для начала мы поговорили о несчастье иметь прислугу и, к 70 общей радости, пришли к одинаковым, хотя неутешительным выводам. Явилась и жена Ивана Петровича Софья Андреевна, тоже рассказала о кухарке и передала несколько возмутительных случаев. Алексей Егорович снова повторил рассказ о горничной с лошадиной физиономией и, в свою очередь, передал несколько других возмутительных случаев. Я рассказал только три случая. Я рассказал бы и еще, но физиономии моих собеседников не давали для этого достаточно повода. Иван Петрович зевнул, шутили-во заметив:

80 – Поздно лег вчера. В “Аквариуме” засиделся.
– Ах, это не при вас упал с каната? – спросил я.
– Как же, как же! – отозвался Иван Петрович. – При мне. Мы недалеко сидели. Такой ужасный случай! Молодой, говорят, малый, семья там где-то.

– Пора бы уже прекратить эти зверские зрелища! – негодуяще заговорил Алексей Егорович. – Поистине, “жестокие нравы”!

– Да, поистине “жестокие”, – сочувственно ответил я, вспомнив, что в трех газетах видел я это выражение и уже сам два раза в этот день употребил его. То же, по-видимому, вспомнил и Иван
90 Петрович, потому что поспешно закрыл рот и виновато скосил глаза.

– Нужно как-нибудь хлеб зарабатывать, – сказал он. Так как и эту фразу я уже слышал сегодня, то мне ничего решительно не стоило ответить тем, чем и раньше я ответил:

– Да, но какова публика, требующая такого рода зрелищ!

Разговор оживился. Алексей Егорович вспомнил Рим с его знаменитыми “хлеба и зрелищ”, Софья Андреевна сообщила, что она вообще не может видеть эти трапеции и канаты, а Иван Петрович передал подробности другого такого же случая, которого
100 он был свидетелем два года назад. Вывод, к которому мы пришли, был таков: подобные зрелища не должны быть допускаемы. И когда мы пришли к этому выводу, я вспомнил горничную Машу, которую нужно расчесть, конку, лихача, квартиру, и мне снова захотелось уехать добровольцем на Восток. Того же, очевидно, захотелось и Алексею Егоровичу, потому что он вздохнул и мечтательно промолвил:

– А занятно теперь в Китае. Пекин горит...

Мне уже давно чего-то хотелось и, при словах Алексея Егоровича, я понял чего: мне смертельно хотелось видеть горящий Пекин.

110 – На улицах дерутся... – с жаром подхватил Иван Петрович, отличавшийся большой фантазией. – Представляю себе эту картину: узенькие переулочки, серые ряды солдат...

– Пестрые, – поправил Алексей Егорович.

– Да, пестрые. Дым, грохот пушек, свист пуль. Над головами черная туча дыма, вдалеке языки огня...

– Треск падающих домов... – продолжал Алексей Егорович. Я не знал, что и у него тоже есть фантазия. И я тоже хотел добавить кое-что к изображенной картине, но вовремя вспомнил, что я человек культурный, и вставил:

120 – Но какое ужасное зло – война!

– Зло? – не сразу понял Иван Петрович. – Ах да, конечно, зло. Вон баронесса Зуттнер пишет...

– Н-да, – промямлил Алексей Егорович и почему-то свирепо посмотрел на меня. – Конечно. Кто же говорит, что не зло. А что, в винтик не сыграем? – с тоской оглянулся он и даже попробовал ногой под диваном, точно там мог быть запрятан “четвертый”. Положительно, у этого толстяка была фантазия.

Четвертого не нашлось, и мы продолжали разговаривать на ту тему, что война зло. Говорили мы горячо и убедительно. Иван Петрович представил даже, вроде гаршинского героя, как это 130 лежат в ряд трупы: один, два... тысячи. Пришли к тому заключению, что война вредна во всех отношениях. А придя, вздохнули, и я вспомнил горничную Машу, конку, лихача, квартиры и канатоходца. Потом долго сидели молча и вздыхали. Алексей Егорович почему-то избегал смотреть на меня. Необходимо было отыскать тему для разговора, и я начал:

– А Солодовников-то Гаврила Гаврилович. Скидочку просил насчет канализации. Поражаешься, до чего доходят эти толсто-сумы.

– Вот тоже Верхние ряды, – поддержал меня обрадованный 140 Иван Петрович.

Алексей Егорович не отозвался. Он тоскливо смотрел на шкаф, в котором унылыми рядами стояли “Уставы” и “Уложения”, и у него поочередно дергалась то одна, то другая пухлая щека, точно он собирался заплакать или обругаться. Я сидел на диване против Алексея Егоровича, и внезапно мне представилось, что очень давно когда-то, в другой жизни, уже существовала такая комбинация: я сидел на диване, против меня разваливался на кресле Алексей Егорович и тоскливо смотрел на шкаф, а сбоку чувствовалось присутствие Ивана Петровича. И говорили мы то-гда 150 именно о Г.Г. Солодовникове.

Помолчали.

– Слава Богу, – заговорил Иван Петрович, – начинают, по-видимому, сокращать древние языки. Пора бы уже.

– Давно пора, – согласился я. – Сколько напрасно потраченного времени, сколько мучений... Эти хотя бы экстемпоралии или каникулярные работы.

– Именно, – согласился Иван Петрович. – Помню я, как раз...

И Иван Петрович рассказал несколько анекдотов из гимна- 160 зической жизни, отчасти по поводу extemporale, но главным образом относительно куренья. Рассказал несколько анекдотов и Алексей Егорович, немного оживившийся. К сожалению, я уже раньше слышал их и не мог смеяться с надлежащей степенью веселья и искренности. Странное ощущение: о чем мы ни заговари-

вали, казалось, что мы уже говорили об этом, и не в той жизни, а только вчера – до того свежи в памяти были и слова, и ощущения. Попробовал я смеяться – и мне чудилось, что и вчера я смеялся, и третьего дня, и именно по этому же поводу; попробовал я негодовать – и вчера негодовал, и третьего дня негодовал.

– А читали, – перешел Иван Петрович к новой теме, – как один купец, не то мещанин, выкатил проходившим войскам бочку пива и целовался с солдатами? Все плакали, – иронически добавил он.

– Патриотизм, – иронически заметил Алексей Егорович.

– Патриотизм, – усмехнулся я.

Дальше иронии мы, однако, не пошли: уж очень скучно было. Так было скучно, что я снова раз мечтался о горящем Пекине. Потом мне вспомнился почему-то Наполеон и горящая Москва и стало жаль, что меня в то время не было, а потом я вздохнул от совершенно неожиданной мысли: антихрист придет очень еще не скоро. По счастью, нас позвали пить чай.

За столом речь снова зашла о войне. Иван Петрович возмущался поведением Англии, Алексей Егорович иронизировал по поводу союзников вообще, я иронизировал по поводу Англии, союзников и культуры. Что-то ненужное, притворное было в иронии этой и в разговоре, и было не то совестно, не то обидно, не то просто скучно до отчаяния.

– Хороша культура! – усмехался я.

– Да уж нечего говорить, – отвечал Иван Петрович. – Читали, как в Нью-Йорке негров избивали?

– Да что негров! – иронизировал Алексей Егорович. – На что нам негры? У нас своих негров достаточно.

– Но ведь нельзя же и без культуры...

– Кто говорит!

Какая-то бессмыслица, тупая и скучная, выростала над нами, и некуда было уйти от нее, и каждое новое слово увеличивало ее. Мы замолчали, нагнувшись над стаканами, и тогда заговорила Антонина Ивановна, мать жены нашего хозяина. Младший сын ее, отбывавший повинность, был отправлен на Восток, и она, очевидно, думала о нем.

– Какой это ужас – война! – сказала она, и голос ее дрожал, и в глазах ее я увидел слезы. И что-то живое, печальное, но странно чуждое нам пронеслось над нами и стало еще скучнее и обиднее, и нелепость, в которой мы жили, которой мы дышали, которая окутывала нас, стала большой и грозной. И мы перестали говорить о войне.

Потом мы опять перешли в кабинет и говорили о Гауптмане, Горьком и Чехове. И то, что мы говорили, вы можете найти в лю-

бом журнале или газете, и эта невольная публичность, избыточность наших слов делала их ненужными, мертвыми, скучными. 210 Мы горячились, размахивали руками, кричали, добросовестно симулируя оживленный спор, и даже с ненужной, но отрадной ядовитостью язвили друг друга, но все это было такое неживое, такое в высшей степени ненужное и нелепое, что становилось страшно и хотелось кричать или плакать. Минутами мне чудилось, что это не три свободных гражданина Российской империи коротают время в полезном досуге за литературной беседой, а три пожизненных каторжника, громыхающих своей цепью.

Громкий звонок прервал наш оживленный спор, и в кабинет вошел Антон Антонович. Мы восторженными восклицаниями 220 встретили его, а он удивленно посмотрел на нас, молча пожал нам руки и, отдышавшись от подъема по высокой лестнице, сказал:

– Извините, Софья Андреевна, что так поздно. Такая, знаете, скука. Сел было работать, да не клеится. А тут жена с прислугой лезет, попалась ей там какая-то...

– Ах, и не говорите, Антон Антонович! – вздохнула Софья Андреевна. – У нас тоже... Ваня, велеть раскладывать стол?

– Да, да, пожалуйста. Голубчик! – обнимал Иван Петрович “четвертого”. – Как это хорошо, что вы надумались зайти к нам.

– Как живете-можете? – ласково спрашивал Алексей Егорович.

– Что-то давно не видно? – спрашивал с интересом я.

Тронутый нашей любовью, которой он раньше не замечал, Антон Антонович улыбался во все стороны, пока горничная расставляла стол. Через десять минут мы уже играли молча, с серьезными и довольными лицами.

– А квартиры-то дешевеют, – говорил Антон Антонович во время сдачи карт.

– Ага! Дешевеют? – сочувственно отзывались мы.

В следующей сдаче он сказал:

240

– Читали, канатоходец-то?

– Как же, как же. Ужасный случай. Две пики.

– Бубны.

– Пас.

Когда мы возвращались домой вдвоем с Алексеем Егоровичем, он дружески держал меня под руку и говорил, задумчиво глядя на звезды:

– Не испытываете ли вы иногда такого чувства: будто ты уже тысячу лет живешь, все знаешь, обо всем говоришь? Даже вот и это, насчет тысячи лет, я как будто уже говорил вам 250 когда-то... А?

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(14 августа 1900 г.)

Мой брат был мальчик чувствительный, и потому, когда меня не допустили к экзаменам и на второй год оставили в классе, он был очень огорчен и плакал.

– Как ты проведешь это лето? – говорил он, намекая на угрызения совести, которые должен я испытывать, и добавлял: – О, брат, брат!

И со всех сторон на меня были устремлены печальные глаза, и
10 все покачивали головами, а он, мой брат, стоял такой нежненький и худенький, так как экзамены были очень трудны, и все хвалили его и гладили по умной головке.

Гимназические правила не допускали для нас употребления
табаку и вина, которыми можно заглушить угрызения совести, и я
должен был прибегнуть к другим средствам. Рано утром, а то ино-
гда и на ночь, я уходил с ребятами ловить рыбу, сидел на плотине
и следил за небом, в котором с божественным покоем и красотой
сменялись нежные краски, и зеркальная река отражала их и ста-
новилась то нежно-голубой, то розовой, а поперек ее проходили
20 блестящие полосы расплавленного золота и серебра. Прибрежная
ракета купала в воде свои узенькие листочки; сбоку меня, в за-
творе, тихо журчала и плескалась вода; взошедшее солнце мягко
нагревало мою непокрытую голову, и когда я закрывал глаза, оно
погружалось не в густой мрак, как ночью, а в красноватый теплый
свет. Забыв о поплавах, я следил за маленькими паучками, легко
скользившими по гладкой воде, и воображал себя таким паучком,
а узенькую реку – необъятным морем. И я совершал по морю дале-
кие путешествия, заходил в шумные приморские города и вступал
в схватки с хищными малайцами, нападавшими на мой корабль.

30 Когда я возвращался домой, меня бранили, а мой брат, уже
успевший решить две задачи из заданных ему на каникулы, стоял
передо мной, нежненький и худенький, качал головой и говорил:
– О, брат, брат!

Шесть раз на день я купался, отчего у меня на всем лице лу-
пилась кожа, с носа сходила каждую неделю, и всякий раз, уходя,

я звал с собой брата. Но он кротко качал своей умненькой головкой и со вздохом говорил:

– Я не могу, голубчик. Мне еще нужно перевести два параграфа и написать диктант.

Вечером я звал его играть в бабки или пускать змей, и худенький и слабенький мой брат колебался, но дядя гладил его по головке и говорил:

– Не слушай его, шалопаю, у него только игры на уме да еда. Смотри, какой вытянулся, бездельник. А ты умный мальчик и будешь читать книжку.

И он садился за книжку, печально глядя мне вслед, а я пускал змей, бегал по всей улице за бабками, перелезал через забор, огорчая мирных обывателей. Часто я дрался с ребятами и расшибал им носы, но так же часто и они расшибали мне нос, и я ревел, и они ревели, а потом мы мирились и, когда уже темнело, 50 садились где-нибудь в уголке и рассказывали друг другу страшные сказки. Летучие мыши бесшумно разрезали сонный воздух, звезды в вышине тихо мерцали, высокая ракета вздрагивала и о чем-то шумела своей верхушкой, а мы поджимали под себя ноги, близко склонялись друг к другу, и лица у всех нас были бледные, а глаза большие и черные.

К осени совесть моя окончательно успокоилась, а брат мой выполнил все каникулярные работы и прочел много книжек. К нему приходили другие гимназисты, списывали перевод и задачи и удивлялись, а он лежал в постельке бледненький и худень- 60 кий и просил, чтобы после его смерти работы его были показаны учителям. 15 августа я отправился в гимназию и был черен, как негр, высок, как коломенская верста, и громогласен, как “осел” (слова надзирателя), а братца моего понесли на погост, и был он совсем беленький и гладко причесанный, и такой легонький, что весь гроб можно было поднять одной рукой.

На днях я посетил его могилку и положил на нее № “Курьера”, в котором говорится об отмене каникулярных работ.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(19 августа 1900 г.)

Опять стали поговаривать о разводе. Вопрос этот серьезный и появляется вполне своевременно: нет ни одного супруга, проведенного лето на даче вместе с супругой, или в Париже с ней же, или на водах с ней же, который с величайшим интересом не прочел бы статью о разводе от доски до доски и не дал бы ее и супруге: пусть прочтет и она. Некоторые дают прочесть и соседям, но это лишнее: соседи и так хорошо видят, что развод необходим.

10 Не касаясь вопроса о разводе, я хочу предложить нечто, имеющее прямое отношение к вопросу. Именно: принудительное разлучение супругов на известные сроки.

Я вовсе не шучу, и супруги, ручаюсь в том, поймут меня. Я видел много людей, которые любили друг друга и уважали, которые вечно стремились друг к другу, как капельки ртути, а при встрече целовались и, расставаясь, чуть не плакали. И это продолжалось до тех пор, пока они жили на разных квартирах. Знал я и таких друзей. Прощаясь, они ходили провожать друг друга, и первый провожал второго, а второй провожал первого, и продолжалось
20 это до тех пор, пока их не охватывало отчаяние от видимой невозможности расстаться. И тогда более практически настроенные ноги уводили их в разные стороны, а головы все еще оборачивались, и улыбались, и кивали. Но однажды им пришла несчастная мысль поселиться вместе, и это было началом конца, как говорится в романах. Дело не дошло до убийства только потому, что в самый патетический момент их удержали за фалды. По счастью, у обоих были фалды.

Я знал другого человека. У того не было жены и друга, но был письменный стол, который он любил так, как другие любят
30 жену. И он украшал его, как другие украшают жену, и говорил, что нигде ему так не работается, как за этим столом. Но однажды я застал его пишущим на кончике окна, вдали от украшенного, удобного стола, и он пояснил мне, что вот уже около месяца, когда он садится за стол, ему приходит единственная мысль: разбить стол на кусочки.

Не чем иным, как потребностью время от времени писать на подоконнике, когда есть удобный письменный стол, объясняется существование дач. Посмотрите, как весной все ругают Москву. Газеты полны описанием ее неудобств, пыли и грязи. Вспоминают все ее прежние грехи, вплоть до Самозванца. Презирают театры – Коршу достается при этом наипаче. Иронизируют над думой. Не верят в будущность литературно-художественного кружка. Жалуются на дороговизну квартир, их неудобства, их антисанитарное устройство. Спросите весной у москвича, какой самый скверный город в мире после покойного Содома, и он чистосердечно ответит: Москва. И добавит: будь она моя жена, давно развелся бы. Уличил бы в адюльтере с иностранными капиталами и развелся бы.

Но вот наступает тишина: он пишет на подоконнике. Другими 50 словами, ездит по железным дорогам и, не будучи по призванию литератором, сочиняет для неизвестного конкурса протоколы. Две версты идет пешком до дачи, подсчитывает в темноте количество попутных деревьев и с любовью вспоминает о московской конке и фонарях. Живет в трех комнатах, привыкши жить в десяти. Мерзнет, привыкши потеть. По ночам с опасностью для собственной жизни и жизни близких родственников стреляет из револьвера, охраняя дачное полотно от анонимного предпринимателя. В чаще леса, куда его завели под предлогом поискать грибов, мечтает об извозчике, соглашаясь ехать без таксы. Содержит трех дачных 60 докторов и одного городского. Но упорно молчит, а приезжая в город, даже расхваливает: один лес, говорит, на десять верст тянется.

Потом недели две только молчит. Потом по ночам ежится в постели от холода и потихоньку плачет, вспоминая городскую квартиру. В газете заглядывает прежде всего в отдел театра и зрелищ. С упованием взирает на будущность кружка. И вообще в газетах читает только приятное – квартиры дешевле пареной репы и все новые, все с электричеством. Выдающиеся умы заняты изобретением нового таксометра для извозчиков. О пыли, 70 о грязи, о бесфонарных ночах – ни гу-гу, хотя почему в августе должно быть меньше пыли, а в сентябре меньше грязи, чем в мае, – неизвестно.

И вот он снова за письменным столом. Любуется городской квартирой, гуляет по комнатам, и когда ложится в теплую постель, то хохочет. И попробуйте спросить его осенью, какой в мире лучший город после Парижа, он обязательно ответит: Москва.

– Даже при иностранных капиталах?

– Даже при иностранных капиталах!

80 Не то же ли явление подмечает пытливый ум и в брачной жизни? Попробуйте ежегодно разлучать супругов месяца на три, а в случае крайней обостренности – на шесть, на одиннадцать месяцев, и вопрос о разводе если не упразднится, то примет более мягкую форму. Самая лучшая жена в мире будет не жена соседа, а своя собственная.

– Даже при иностранных капиталах?

– Даже, пожалуй, и при иностранных капиталах.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(20 августа 1900 г.)

Ко мне подошла маленькая, хорошенькая девочка и, подняв глазки, спросила:

– Дядя, ты знаешь, кто такая культура?

– Знаю, душечка. А что?

– Папа сегодня сказал, что культура именинница. Кто это, девочка?

– Да, девочка. Отчасти.

– Как отчасти? Разве бывают девочки отчасти?

– Нет, душечка, не бывают. Я ошибся. Это девочка очень маленькая и очень послушная. Каждый вечер молится Богу и очень редко шалит.

Моя собеседница задумалась. По-видимому, я, как опытный педагог, затронул в ее душе лучшие струны.

– Знаешь, дядя, я хочу подарить ей куклу. У меня есть старая, без носа.

– Нет, душечка, у нее такие уже есть. Лучше подари ей солдатика.

– Разве эта девочка играет в солдатики? Фи! – изумилась и вознегодовала моя собеседница и, отбежав от меня, закричала: – Мисс Триплъ, культура играет в солдатики!

Должен признаться, что милое дитя поставило меня в несколько затруднительное положение своими вопросами. Как и все взрослые люди, иногда видящие детей, я считаю себя порядочным педагогом и при случае могу подать очень дельный совет, но когда ко мне подходит вот такое маленькое существо и смело смотрит на меня своими голубыми глазками и начинает пытаться, как на дыбе, я даю самые неудобные ответы.

“Кто такое культура, девочка или не девочка?” Извольте на такой вопрос ответить сразу и притом ответить так педагогично, чтобы не заронить в чистую душу ни одного плеведа и мало того – еще раз подтвердить, что спать нужно ложиться в девять часов, что не есть кислого бульона или безвкусной кашицы очень дурно, а вечно стремиться к пирожному – сущий позор. В этих

случаях мне очень хочется снова стать маленьким, чтобы иметь право безнаказанно спрашивать о самых непозволительных вещах и не отвечать самому. До сих пор я отчетливо помню те идиотские физиономии, какие были у людей, поставленных в печальную необходимость отвечать на мои вопросы. У одного инженера я спросил однажды:

– Правда, что ты каждый вечер молишься Богу?

– Правда, голубчик, – ответил инженер педагогично.

– О том, чтобы дождичком смыло насыпь и тебя опять позвали ее строить? – продолжал я с взглядом ангела, одетого в курточку.

– Кто это сказал тебе, голубчик?

– И правда, что всегда делается так, как ты просишь? А я вот уже неделю каждый вечер прошу, чтобы фрау Долдон умерла, а она не умирает. Отчего это?

И инженер погладил меня по головке, а в разговоре с родителями сказал, что он еще не видал такого умного мальчика. А если бы я сейчас спросил о том же, то меня побили бы.

Но что же такое культура: девочка или мальчик?

При первом ответе, утверждавшем, что культура – девочка, я, очевидно, руководился смутными воспоминаниями о том, как изображается культура на рисунках. Помнится, она изображается в виде красивой дамы в классическом одеянии и в обеих руках держит что-то, но что – решительно не припомню. Не то этого знакомого моего инженера, не то фабрику, не то устав о пресечении и предупреждении преступлений, не то г. Минского, – решительно не помню. Культурные народы, я знаю, рисуются всегда в виде полногрудых женщин с мечами в руках, и это сочетание меча и дамы меня всегда удивляло, так как дамы не дерутся, а если дерутся, то зонтиками, – может быть, и у культуры в руках меч? Но, признав культуру девочкой, я тотчас же сделал непедагогическую поправку: “отчасти”, и вызвана она была другим смутным представлением о другом рисунке. Я видел толстого, краснорожего мужчину, одетого в пиджачную пару от Мюр и Мерилиза; в одной руке он держал бутылку с какой-то жидкостью, только, во всяком случае, не для чистки сапог, а в другой неопределенного вида вещь, немного похожую на безносую куклу, с надписью: “Grand prix”^{*} на французской выставке. Обе эти вещи, определенную и неопределенную, краснорожий мужчина протягивал другому мужчине, вида довольно тощего и неважного, одетому лишь фиговым листком и сидевшему на корточках. По выражению лица тощего мужчины видно было, что он находится

^{*} “Главный приз” (фр.)

в умилении и поет, и поет именно высококультурную арию “Бледный месяц плывет над рекой”, не то другую, менее культурную: “Когда я был свободный мальчик, не знал я горя, ни нужды”. Сзади краснорожего мужчины стояли в полной готовности полисмен и господин с благородным выражением лица и карточкой, на коей изображалось: “электрич., массаж. и гидротерапии, лечит ежд. от 8 до 2 и от 3 до 9”.

Право, не помню, где я видел этот рисунок; может быть, даже я никогда не видал его, а он мне приснился как-нибудь после плотного ужина у Яра, но только каким-то непостижимым путем он связывался с представлением о культуре и, весьма понятно, в значительной степени затемнял образ маленькой и послушной девочки, которая каждый вечер и утро молится Богу. Не зная же, кто такое культура, я не мог дать и целесообразного совета по части подарка ей на именины. Что она именинница, это понятно. В Африке, по толкованию людей, ей близких, она давно уже собирается отпраздновать день своего рождения и откладывает его благодаря только уклончивости Девета. Между прочим, этот Девет напоминает мне одного весьма оригинального медведя, хорошо знакомого опытным охотникам:

– Медведя поймал! – кричит охотник.

– Веди его сюда!

– Да не идет!

– Ну, сам иди!

– Да не пускает!

Старый анекдот, для англичан сохранивший, однако, всю прелесть новизны. Положительно, однако, я склоняюсь к мысли, что культура девочка или девица, вроде пушкинской Татьяны, и вместе с Трике мне ужасно хочется спеть:

Какой прелестный этот день,
Когда в сей деревенский сень...

Что же мне подарить, однако, *belle** Татиане? Я знаю, что она очень любит чувствительные романы Грандиссона, эта милая, кроткая девушка, не выносящая мучений мухи, попавшей за стекло. Подарил бы ей какой-нибудь новейший трогательный роман, да нынче таких нет, нынче романы пишут все жестокие. Разве и вправду солдатика? Во-первых, дешево; конечно, солдатика не английского, те пружинные, голову имеют затылком наперед, кушают один шоколад и стоят дорого; во-вторых, модно, а в-третьих, наконец, солдатик всегда полезен и для домашнего обихода: лучины там наколоть, самовар поставить.

* прекрасной (*фр.*).

В сущности говоря, я собирался сегодня писать о Москве и москвичах, и милая девочка своим неуместным вопросом отвлекла меня в нежелательном направлении. Бог с ней, с культурой и ее именинами, для содействия которым мы призваны в столь незначительной и малоприятной форме: копейка с градуса спирта и с четвертки табаку.

Сколь, однако, превратны измышления разума человеческого, не управляемого даром финансового провидения!

В начале войны с Китаем у нас только и говорилось о том, как вздоржает чай. Многие известные мне люди, впав в отчаяние, уже успели перейти на голый спирт, который, согласно новейшим требованиям благочиния, потребляли в четырех стенах, а не на улице, и будучи притом заперты достаточно прочным замком, дабы, убежав, не совершить наказуемого. Другие, полагавшие в тиши своих кабинетов искоренить пьянство благопотребным количеством чайных, были поражены недоумением касательно свойства того продукта, какой употреблять им в своих больничках. Вопрос о лечении принимал новую и в полной мере неожиданную форму: если чай станет дороже водки, то от чего лечить мужика: от водки или от чаю?

По счастью, вопрос разрешился в благоприятной для чайных форме. Чай стоит все в той же цене и даже при значительном употреблении не угрожает разорением цветущему крестьянскому хозяйству, особенно при том необходимом условии, что мужик будет пить его без сахара. Сахару хватает для нас, и то только прикосновенные к капиталам люди могут пить внакладку, прочие же вприкуску, а при обремененности семейством даже вприглядку. Поговорили одно время о том, будто китайцы присылают чай отравленным, но и этот слух оказался вздорным и, по видимости, пущен в обращение кабатчиками. В конце концов, чай оказался все тот же, а водка вздоржала, и в столь значительной степени, что коньяк, например, становится совершенно недоступным мужику, а простая водка – лишь при величайшем напряжении его платежных сил, да и то лишь в виде меланхолического “мерзавчика”. А раз платежные силы будут исчерпаны – хочешь не хочешь, а водки не купишь. Ясно и до удивительности просто. Вопрос об искоренении пьянства становится, таким образом, достоянием не того исторического периода, когда земля охладает, спирт же замерзнет до такой степени твердости, что его не угрызут самые твердые мужицкие зубы, а завтрашнего дня. Даже и чайных не нужно.

После вопроса о спирте, как самого живого, Москва была занята многими другими вопросами сезонного свойства. В настоящее время она перебирается с дач на квартиры, и, вполне естественно,

попыткам определить понятие “квартира” было отведено много мыслей и забот. Перебираясь, она в то же время открывает двери гимназий для малолетних страдальцев, хотя на этот раз и ободренных отменой экстерналий, но трепещущих перед осенней переделкой под названием “переэкзаменовка”. Из достоверного источника, а именно от гимназиста второго класса, я слышал, что заинтересованные лица, то есть товарищи его по классу, не верят в отмену extemporale. Резонов надлежащих они не приводят, а просто твердят: невозможно. Дети, известно, привыкли не верить взрослым и теперь сомневаются. Для великовозрастных страдальцев открыл свои двери театр Корша. О том, что происходило там на сцене, я умолчу. Ограничусь только замечанием, что нынешний сезон Корш взял, так сказать, с места в карьер. После его “Казни” даже египетские казни покажутся пресноваты и малоэффектны и уже к началу декабря, по моим расчетам, ему придется на сцене устроить застенки с Малютой Скуратовым в звании режиссера. По рассказам, ему являлся в сонном видении Островский и Христом Богом просил не ставить его произведений.

Не открылись еще, но скоро откроются двери Общедоступно-художественного театра. Высокое положение сумел занять этот маленький театрик, такой молодой, но такой уже умный, такой привлекательный. Узкой дверью в мир нового искусства явился он и сразу стал образцовым, пословицей, на которую приятно ссылаться. И нужно заметить, у нас его любят искренно и тепло, любят, как свое детище, как свою гордость. И даже странно, как такой театр, – все же театр, а не что-нибудь другое, – может скрашивать наступающую и осеннюю слякоть, и зиму, со всей ее сутолокой, со всей ее безбожной борьбой за существование, за кусок хлеба, за теплый угол. Радостно подумать, что ты снова войдешь в его маленький уютный зал, услышишь эти немного наивные колокольные звуки, предшествующие поднятию занавеса, снова увидишь, быть может, прелестную Раутенделейн, впервые узнаешь в живом воплощении загадочную Ирен и потоскуешь с чеховскими героями. Каждая новая постановка в этом театре прямо-таки художественное событие, и не только художественное, но и общественное. Ибо разве это не общественная заслуга – поднять хоть краешек завесы с красоты и показать ее миру, дивную в ее непорочной наготе?

Не стыжусь сознаться, что я влюблен в его настоящее, а еще больше в его будущее. И как всякий влюбленный, я ревную его. Ревную его к этому новому ярусу, так как боюсь, не вошла бы с ним “галерка”. Думаю, что я не прав, как и все ревнивцы, от избытка любви, но все же боюсь. Факел чистого искусства нужно держать в высоко приподнятой руке, иначе от него начнут закуривать трехкопечные папиросы.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(22 августа 1900 г.)

Четыре дамы поехали в Москву искать себе квартиры. Первая дама была полная и горячая и выехала из Мазилова. Вторая дама была худая и раздражительная и выехала из Царицына. Третья дама телосложения была среднего, но характера вспыльчивого, и выехала из Обираловки. Четвертая дама была теща, выехала откуда-то из дремучего лесу, дорогой поругалась с кондуктором и обещала телеграфировать об этом министру, но обещания не
10 исполнила.

Все четыре дамы знали из газет, что квартиры нынче дешевы, и, выезжая, были спокойны и даже веселы, но дорогой впали в сомнение, выйдя же с вокзалов – две с Московско-Нижегородского, третья с Брестского, четвертая с неизвестного, решили, что квартир нет совсем, так как все прилегающие к вокзалам дома заняты. Обнаружив поспешность, соответствующую критическому положению дел, все четыре дамы забыли о своем намерении
20 взять квартиру в центре и начали осмотр с окраин. Когда затем все дамы собрались у Ильинских ворот и стали садиться в одну конку, то были измучены и склонны к обнаружению дурнейших свойств своего характера. Мазилковская дама потеряла обратный билет, пятьдесят копеек денег, а может быть, и двадцать пять рублей. Она наверное не знала, захватила она их с собой или нет, а потому и не могла решить, потеряла она их или нет. Минутами она думала, что потеряла, минутами, что не теряла. Хотя скорей потеряла, чем не теряла. Но может быть, и не теряла. Дама из лесу купила груш-бессемянок, но, когда стала есть, они оказались кислыми яблоками, и это в значительной степени портило ее настроение. Остальные две дамы, выйдя из одного вокзала,
30 одновременно входили в одни и те же квартиры и так возненавидели друг друга, что не успели ничего ни купить, ни потерять. Приняв в расчет одинаковую эксцентричность причесок и выражения лиц, все четыре дамы догадались о занятии друг друга и старались смотреть в сторону, когда же случайно встречались взглядами, то улыбались. Дама из лесу, впрочем, не улыбалась,

так как не умела. Раньше она умела, но разучилась с тех пор, как выдала дочь замуж за негодяя.

Первой вышла из конки именно она. Мазиловская дама сообщила, что, вероятно, она знает хорошую квартиру, и последовала за ней. Руководимые той же догадкой, остальные две дамы последовали за первыми двумя дамами, и так как прыгали одновременно с одной ступеньки и обе не в ту сторону, в какую рекомендовал кондуктор, а в ту, где остались первые дамы, то обе упали.

Только ночь разлучила четырех дам, так как знакомые, у которых каждая из них решила ночевать, жили в разных концах. К этому времени мазиловская дама потеряла еще пятьдесят копеек и носовой платок; и все четверо сильно повредили костюмы, так как в самую узкую дверь старались входить одновременно и застревали.

На следующее утро первой проснулась дама, не умеющая улыбаться, и, никем не препятствуемая, нашла квартиру. Квартира была такая, какую нужно, расположена там, где нужно, и очень дешево, и все это было так подозрительно, что дама не решилась сразу дать задаток, а обещала прийти еще раз посмотреть. Хозяин вежливо согласился.

Через полчаса, руководимая инстинктом, в ту же квартиру пришла мазиловская дама. Квартира была очень удобна и очень дешева, и мазиловская дама жалела, что нет остальных дам, чтобы по их лицу догадаться, правда ли это. Хозяин вежливо согласился, чтобы она пришла еще раз взглянуть.

Еще через полчаса он выразил согласие подождать царицынской дамы, а еще через полчаса – обираловской. После разговора с последней он подумал, что быть домовладельцем довольно трудно, но вслух этого не сказал.

Затем через промежутки в час, приблизительно, поочередно являлись: дама из лесу, дама мазиловская, дама царицынская и дама обираловская.

Затем еще через час поочередно являлись: дама из лесу, дама мазиловская, дама царицынская и дама обираловская.

Затем еще через час появилась дама из лесу, и хозяин откровенно сказал, что он думает поставить ультиматум: если к пяти часам дама не решит, то квартира будет отдана другим.

Тот же ультиматум он поочередно поставил даме мазиловской, даме царицынской и даме обираловской.

Ровно в пять часов к квартире подлетели с четырех сторон четыре извозчика. Немного замаявшись в дверях, четыре дамы одновременно вошли в квартиру и одновременно сказали:

– Беру!

Городовой, приглашенный хозяином, сказал, что он здесь
80 ничего поделать не может. Второй городовой присоединился
к его мнению. Только третьему удалось выманить даму из лесу
криком:

– А вот еще квартира!

И только новая ночь могла разлучить четырех дам.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (27 августа 1900 г.)

Мне нравится Москва, так как избавляет меня от издержек на путешествия. Я никогда не был в Сахаре и не видал самума, но имею очень ясное представление о том и другом, так как жил летом в Москве. Никогда не посещал я Китая, но если меня попросят передать впечатления от большого кулака, я не почувствую затруднения и от моего рассказа будет веять прелестью непосредственного восприятия. Правда, я ни разу не был на вершине Монблана, но я живу в пятом этаже, и тучи часто проходят надо мной, и у ворот бесценно дежурит орел.

Вчера я пережил настоящий венецианский день. Когда я вышел из своего палаццо, очень древнего палаццо, принадлежащего старой фамилии замоскворецких дождей, – улицы, называемой Живодерка, не существовало, но был канал, который я не без основания принял за Canale Grande*. На углу стояла гондола, и я спросил:

– Гондольер молодой, не свезешь ли меня на Петровку?

– Пожалуйте-с. Полтинник.

Я выразил изумление по поводу некоторой дороговизны, но гондольер справедливо заметил, что при коловращении стихий старые ценности переоцениваются. И так как я не молод и не строен, а калоши мои были полны воды, я согласился с гондольером и поехал, то есть поплыл, хотел я сказать.

Дорогой я заметил, что навигация открылась по всей Москве. В Ермолаевском переулке стояли на якоре несколько судов, ожидавших груза, а на улицах с крутым покатом образовались водопады и пороги, весьма затруднявшие судоходство. Особенное оживление царило в Чернышевском переулке. Волны вздымались и, разбиваясь о пороги магазинов, приводили их к понятию торговых портов, закрытых для внешней торговли и чужеземцев. В одном месте я увидел плывущую шляпу и, угадав под ней человека, сказал:

* Большой канал (*итал.*).

– Не помочь ли вам?

– Не беспокойтесь, сударь, – ответила шляпа, – подо мной сильная и крепкая лошадь.

Как раз такой же случай рассказывает Мэкри о дорогах на дальнем Западе Америки. Тем приятнее: в один день, следовательно, мне удалось побывать и в Венеции и на дальнем Западе.

Какое удобство!

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨27 августа 1900 г.⟩

“Итак, я требую только фактов! Давайте этим мальчикам и девочкам лишь факты. Ум развивающегося человека можно воспитать только фактами, остальные же знания никогда не принесут ему пользы. Факты я считаю основой воспитания и на эту-то основу можно поставить воспитание и образование этих детей... Во всем вы должны руководиться только фактами; должны избегать слов: фантазия и воображение”.

Кто сей премудрый, столь настоятельно требующий фактов, одних фактов? Вы уже чувствуете трезвенный, так сказать, аромат его личности, вы уже представляете себе эту фигуру, созданную из одних углов и прямых линий без всякого посредства фантазии, но вы еще колеблетесь окончательно признать его своим другом. Напрасные колебания!

“Томас Грэндгринд, сэр, это реалист; человек, положивший всю жизнь на изучение фактов и цифр, человек, который знает, что дважды два – четыре и которого никто не уверит в противном. Томас Грэндгринд, сэр, всегда готов с линейкой, весами и таблицей умножения все высчитать, измерить и определить... Итак, еще раз, держитесь только фактов, сэр!”

Давно уже появился на свет почтеннейший мастер Грэндгринд ¹⁾ и во многих тысячах экземпляров распространился по вселенной. И с той поры до настоящего дня с весами и таблицей в руках он вычисляет, измеряет, определяет. Я видел его, когда он сидел на кафедре и из своих рук кормил юношей фактами. Часто это бывали так называемые “московские” факты, когда обыкновенно говорится: “факт – н о э т о б ы л о”, но это была не вина м-ра Грэндгринда, а самого времени, фальсифицирующего все, также и факты. Читал я о подвигах м-ра Грэндгринда в Африке, где он подсчитывал трупы и барыши, и так как и трупы были – факты, и барыши были – факты, то итог получился удовлетворительный. И еще только вчера встретил я м-ра Грэндгринда

¹⁾ Чарльз Диккенс “Тяжелые времена”, роман.

за прилавком: лишенный угловатости, но изящно и приятно округленный, он держал в руках весы и кротко возражал покупателю, полагавшему, что его обмерили:

– Фантазия-с! Иначе сказать – одно воображение-с!

За время своей беспорочной деятельности целую гору фактов взгромоздил мистер Грэндринд, такую высокую гору, что если взобраться на ее вершину да взглянуть – дух займется от восторга, а может быть, и от омерзения и тоски, как у кого глаза устроены. Для людей, неспособных проникнуться красотой и непреложностью факта, он создал целый ряд ругательных имен. Есть среди них старые и очень обидные, например философ: только тот ныне решается философствовать, кому нечего терять, даже честного имени. Но пущены в обращение и новые ругательства: таковы “декадентство” и “психопатия”. Привились эти наименования с чрезвычайной легкостью, расходятся в чрезмерном количестве и по цене, доступной самым малоимущим умам. У одного дачника не было весов, чтобы свешать принесенный бабой прококсший творог, и баба пригорюнившись сказала:

– Психопатик ты мой!.. Декадентик ты мой!..

Я присутствовал при этом инциденте и был поражен до глубины сердца обидной жалостью, звучащей в голосе мистрис Грэндринд. И теперь всюду я хожу с весами; весы можно купить карманные, они стоят четвертак, с линейкой и таблицей умножения. Последняя, впрочем, находится у меня в голове, хотя и в измененном несколько виде в сравнении с таблицей, рекомендуемой программами министерства народного просвещения. Та таблица несколько устарела и не соответствует новейшим требованиям; это превосходно пояснил мне один знакомый сахарозаводчик, доказавший мне, что дважды два – ровно сто.

– А в вычитание вы верите? – испугался я. – Ведь этакая ломка арифметических понятий дается не сразу.

– Не верю, – решительно ответил сахарозаводчик.

– А в деление?

– Ни на грош.

И при этом удивился, узнав от меня, что таблицы умножения находятся в ведомстве министерства народного просвещения; он искренно убежден, что таблица составляется в министерстве финансов.

Итак, еще раз держитесь только фактов, сэр!

* * *

В Москве давным-давно уже существует очень большой и очень неприятный факт, ежедневно рождающий маленькие, но столь же неприятные фактики. Это Хитровка. Определить ее роль

для города довольно трудно. Это и биржа труда, и биржа порока. Если вам потребуется дюжина крепких, но дешевых рук, вы найдете их на Хитровке, хотя и с некоторым риском встретить в этой дюжине пару рук слишком длинных и слишком чуждых философии. Захотелось бы вам вдруг из зависти к лаврам Чемберлена и казака Ашинова прикарманить себе небольшой кусочек чего-нибудь этакого горяченького и сладенького, вы свободно можете скомплектовать на той же Хитровке отряд весьма храбрых волонтеров, отрицающих шоколад, но восторженно приветствующих сивуху.

Зло, приносимое современной Хитровкой, велико и несомненно. Я не говорю об этих мелькающих в газетах фактиках, что один-де хитровец всадил другому хитровцу нож, а третий хитровец – Ромео выбросил полупьяную Юлию из окна. Конечно, все это очень жалко, так как и в этом, и в другом случае гибнет человеческая жизнь, и если бы я не дал зарока фантазировать, я мог бы много наговорить о том, какие это могли бы быть и хорошие, и счастливые жизни... И даже я мог бы понравиться вам, мистер Грэндгринд, так как жалость, принимаемая вовнутрь небольшими дозами, весьма полезна для самочувствия. Но если откинуть фантазию, то какое нам дело, м-р Грэндгринд, до этих воображаемых жизней – невесомых, неопределяемых? Не стану я говорить и о том пагубном влиянии, какое оказывает Хитровка на своих обитателей своей грязью, своей теснотой, своим воздухом, посрамляющим и химию, и физиологию. Какое вам дело, мистер Грэндгринд, проживет запасный рядовой Иван Самохин сорок лет или тридцать?

Есть другие факты, на которые следует обратить ваше внимание. Первый факт тот, что болезнетворный микроб не подчиняется полицейским предписаниям. Родившись на Хитровке, он идет вперед, как власть имеющий, и, без прописки паспорта, избирает себе жительство под жилетом у м-ра Грэндгринда, род же его занятий таков, что отбивает всякую охоту к гостеприимству. Второй факт – микроб порока если и не пристаёт к м-ру Грэндгринду – честность его неуязвима, – то в значительной степени портит окружающий ландшафт. Много людей честного труда, выкинутых случаем, безработицей, водкой из области трудовой, для всех приятной жизни, меняло свои политико-экономические и нравственные воззрения под кровом хитровских ночлежных домов и увеличивало собой контингент тех неприятных для м-ра Грэндгринда лиц, которые в Сокольниках совершенно не позволяют ему слушать соловья, в городе обирают его квартиру, взламывают его конторку и потом, сделав м-ра Грэндгринда присяжным засе-

дателем, принуждают его судить себя за третью, десятую кражу и отнимать так много драгоценного времени. И меня нисколько не удивляет эта измена своим убеждениям. Мне пришлось как-то в московском суде присутствовать на разбирательстве одного дела о краже, причем ареной служила Хитровка, героями – содержатель ночлежного дома и его любовница, жертвой – случайный хитровский гость. Этого гостя напоили до беспамятства, для верности натерли ему голову нюхательным табаком, обобрали до последней нитки и выпустили на мороз в отчаянно кургузом виде. И не догадайся этот человек своевременно на морозе умереть, не попытался ли бы он вернуть свое одеяние тем же путем, каким его лишился, – иного пути не оставалось. Такая, помню, ужасающая картина открылась тогда на суде, что даже без содействия ненавистной фантазии можно было почувствовать себя если и не в самом аду, то в его земном предбаннике. Это факт, мистер Грэндгринд.

И я был очень обрадован, когда в газеты проникла весть о том, что на Хитровку объявлен поход. Создалось, как писали, общество с крупным паевым капиталом для переустройства ночлежных домов на Хитровке, причем основа предприятия была безусловно филантропическая: акционеры соглашались удовольствоваться 5 % дохода. В прямой, можно сказать, убыток действовали. Нечего говорить о том, что предприятие заслуживало полного сочувствия и поддержки не только со стороны нас грешных, но и м-ра Грэндгринда, и я думаю, что м-р Грэндгринд поймет это.

Вышло, однако, не то. На этой неделе появилась газетная заметка, написанная без всякого воображения и сообщающая такого рода изумительные факты: переустройство домов, по-видимому, приходится отложить до лучшего будущего (если бы у писавшего заметки была фантазия, он ужаснулся бы при мысли, сколько переустройств возлагается на плечи “лучшего будущего”). Причины: равнодушие общества и городского управления к предприятию и неравнодушие владельцев трущоб к деньгам. Мистер, вернее, лорд Ляпин ни за что не хочет расстаться со своим ночлежным домом.

Идея о пятипроцентном доходе его возмущает, как плод расстроенного воображения. Он по горло сыт филантропией. Он больше не хочет филантропии. Он двенадцать процентов хочет, своих кровных, законных, уголовно-ненаказуемых двенадцати!

А микробы, мистер Ляпин?

И микробов он не боится. Одна фантазия. Укажите ему этих микробов, кто видел этих микробов, кто слышал этих микробов? Купон – это факт, а микробы... И микробы проходят, а купоны остаются.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(29 августа 1900 г.)

В “Орловском вестнике” появилась короткая, но художественно-выразительная корреспонденция из уезда:

“В Засосенской школе грамоты, как видно, скоро должны будут начаться занятия: дырка в оконной раме застановлена доской”.

Художественной кажется мне эта заметка по следующим соображениям. Не многословная, написанная с чувством соблюдения меры, она в немногих словах дает целую картину, жизненную, правдивую, яркую. Я так ясно вижу эту дырку в окне, будто я 10 сам сидел когда-то в этой школе, ощущал дуновение холодного ветерка и дождевые капли, приходившие извне и дополнявшие учебную программу созданием естественного физического кабинета. Более того, мне представляется ряд лиц и ряд дней, в которые эти лица осматривали дырку и совещались по поводу того, как уничтожить ее. Я слышу все эти речи, и минорные, и мажорные, говорившиеся по поводу злополучного окна. Сколько было сделано блестящих предложений, с какой дивной рельефностью обрисовался характер каждого из говоривших и предлагавших! И вот, в ту минуту, когда отчаяние готово было овладеть 20 умами, бессильными перед злом, появился русский догадливый мужичок, тот самый мужичок, который в побасенках Даля всегда посрамляет немецких инженеров своей находчивостью, появился и сказал:

– А ежели доску приставить?

Как просто и как остроумно решена труднейшая задача?

* * *

Сочетание русского человека с русской железной дорогой дает много неожиданных и смелых эффектов.

Обыкновенно за день до отъезда русский человек становится 30 скептиком. Он не верит часам и начинает путать, впереди времени московское времени петербургского или назади, хотя раньше твердо знал, что впереди; он не верит расписаниям, извозчикам, носильщикам, своим собственным глазам. Приехав за час до отхода

поезда, он упорно стремится сесть в каждый отходящий поезд и решительно отказывается верить кондукторам, что этот поезд не его. Если вокзал имеет три платформы, он неумолимо бегаёт по всем трем, и только крайняя необходимость заставляет его остановиться на одной, притом обыкновенно на той, которая ему
40 нужна в действительности. Пассажир, не потерявший своего носильщика, положительная редкость, достойная помещения в хрестоматию.

Но иногда пассажир проникается внезапной и слепой верой во все: в носильщиков, в расписание, в свою счастливую звезду. Он тогда не выбирает поезда, как скептик, но спокойно садится в первый попавшийся вагон и хладнокровно ждет, когда его пове-
зут. На Курском вокзале я видел однажды, как в запасные вагоны, не имевшие никакой связи с паровозом, сел доверчивый пассажир со всей своей столь же доверчивой семьей. Мимо него торопливо
50 бежали куда-то люди, потные, озлобленные, растерянные, а он смеясь выглядывал из окна, счастливый, что ему не нужно торопиться и что в вагоне так много свободного места. Действительно, там никого не было, кроме него. Однако, когда пробили третий звонок и вагон остался на месте, доверчивый пассажир начал о чем-то догадываться и, по-видимому, остался недоволен собой.

* * *

Один из таких доверчивых пассажиров прислал к нам очень жалобное письмо. Он пожелал ознакомиться с Русским Севером и взял в руки официальный указатель с безусловной верой в его не-
60 погрешимость. Так как первым пунктом, в который он стремился, была Кола, то в указателе на странице 85 под рубрикой 399 он нашел ближайший город, откуда ближе всего доехать до Колы на лошадях.

Этот город был Самарканд.

От Москвы до Самарканда около 4000 верст, но доверчивого пассажира не могло устроить расстояние, и он поехал в Самарканд. Приехал он туда, разбитый дорогой, но веселый, и прежде всего спросил, где нанять лошадей в Колу. В ответ его попросили прежде всего разъяснить, что такое Кола. Он разъяснил. Тогда
70 ему посоветовали поехать в Москву и нанять лошадей оттуда, так как это будет значительно ближе, приблизительно на 4000 верст. В Самарканде же, по словам советчиков, едва ли найдутся достаточно выносливые лошади.

Вывод: лучше быть пассажиром-скептиком, так как и официальному указателю доступны опечатки.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(30 августа 1900 г.)

Железнодорожные служащие вступают, по-видимому, в новую эру существования. Судя по многочисленным газетным заметкам, министерство путей сообщения убедилось, насколько не сладка была жизнь его верных слуг, и теперь сочиняет проект за проектом.

Некоторые проекты закончены рассмотрением и в своей окончательной редакции могут возбудить одно только сочувствие не только со стороны заинтересованных лиц, но и со стороны всех, уху которых давно уже терзается жалобами железнодорожников на свою горькую участь. Таков проект об обеспечении служащих необходимыми пособиями во время прохождения службы и по оставлении ее; о предоставлении им бесплатного лечения, об облегчении воспитания детей и т. п.

Услаждая горькую жизнь служащих, некоторые проекты недалеки, однако, от риска пересластить ее на счет огорчения обывателей. Слишком много сахара, кажется мне, положено в возбужденный вопрос о “необходимости уравнивать ответственность за оскорбление железнодорожных служащих с ответственностью за оскорбление должностного лица”.

До сих пор что-то не слышно было, чтобы железнодорожных служащих оскорбляли преимущественно перед другими служащими. Правда, свойство их занятий не таково, чтобы возбудить горячие симпатии публики, но в таком же положении находятся и кондуктора на конках, и извозчики на своих клячах. А до сих пор опять-таки не слышно было, чтобы коночные кондуктора и извозчики подвергались усиленным оскорблениям со стороны публики; скорее ходят слухи противоположного характера.

А раз железнодорожных служащих не оскорбляют преимущественно, нет и необходимости ставить их в привилегированное положение, которым – и это самое главное – далеко не все у нас умеют пользоваться. С высшим персоналом служащих, т. е. с людьми образованными, воспитанными и корректными, публике, вечно наклонной к оскорбительным действиям, как

предполагает проект, сталкиваться и видеться приходится очень редко. Обычно поле ее зрения ограничивается жалобной книгой, жандармом, обер-кондукторами и кондукторами, т. е. людьми, которые не могут похвалиться излишком образованности и корректности и почти сплошь заражены манией величия.

Даже самая незначительная доля власти легко кружит неразвитые головы, и редкий кондуктор на наших дорогах не считает себя Фердинандом VIII... в изгнании. Строгий и величественный, он вечно томится желанием “препятствовать”, но не содействовать, так как, по общераспространенному взгляду, именно в первом роде деятельности свойственно выражаться истинной власти. Как человек неразвитой, выросший в малокультурной среде, где оскорбительность выражений и резкость ошибочно считается прерогативой власти, он далеко не прочь быть и оскорбительным, и резким. До сих пор эти узурпаторские стремления до известной степени парализовались сознанием, что если он скажет резкость, то и ему ответят такой же резкостью, и никаких громов отсюда не впоследствии. Так оно часто и бывает.

– Дурак!

– Сам дурак!

Вот почти обычная прощальная формула, какой обмениваются кондукторы и третьеклассные пассажиры при расставании, если и не довольные друг другом, то вполне самоудовлетворенные.

Выделить этих людей в особую категорию “должностных лиц” – значит не только развить в них уже существующую склонность к превышению власти, но и создать целый ряд мелких и вздорных дел “об оскорблении”. А судам нашим и без того дела всякого немало.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨2 сентября 1900 г.⟩

Всегда приятно бывает узнать о том, что существует какое-нибудь общество, а еще приятнее узнать, что существует оно очень давно и с каждым годом все пышнее расцветает.

Таково общество попечения о неимущих и нуждающихся в защите детей. До сих пор я был серьезно убежден только в одном: что дети, нуждающиеся в защите, существуют, и даже в весьма большом количестве. О них свидетельствует и судебная хроника – случай, например, с пятилетним алкоголиком, и дневник происшествий, в котором чуть ли не ежедневно сообщается о городском, увидевшем маленького мальчика под большой и тяжелой ношей; о тех же незащищенных детях говорят и собственные глаза, стоит только не закрывать их, выходя на улицу.

Оказывается, однако, что видимая незащищенность детей была только одной из часто встречающихся иллюзий. Дети защищены и обеспечены, и обеспечены очень солидно. Так говорит комиссия о пользах и нуждах общественных, сообщающая думе, во-первых, что существует означенное общество, а во-вторых, что оно ходатайствует перед городом об оказании ежегодной денежной субсидии. Комиссия рекомендует, однако, ходатайство это отклонить: годовой баланс общества показывает не только не уменьшение, но постоянное возрастание собственного капитала.

И капиталы приобрести, и детей защитить – может ли что лучше быть? Если у вас теперь какой-нибудь полуодетый мальчишка попросит милостыни – не давайте ему. Он “обеспечен” солидным капиталом.

* * *

В одной из провинциальных газет появилась заметка:

Вместительный артист. Курьезное письмо получено недавно Н.Н. Соловцовым от одного артиста малорусской драмы из Николаева, некоего Х. Последний предлагает Н.Н. Соловцову принять его к себе на службу в качестве “драматического, оперного или опереточного артиста”; он согласен участвовать также

в спектаклях итальянской оперы и петь героические партии. Что касается условий ангажемента, то, так заявляет артист, в этом отношении с его стороны задержки никакой не будет; он согласен служить за такое жалование, какое назначит ему сам Н.Н. Соловцов, и заключит с ним контракт “на сезон, на год или навсегда”.

Далеко не курьезным представляется мне письмо “вместительного” артиста. По-видимому, вместительность его до сих пор еще не распространилась на пищевые продукты, а с голоду можно запеть не только в качестве “оперного” или “опереточного” певца, но прямо-таки белугой.

Несчастные это люди, попавшие не на свою дорогу!

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

〈3 сентября 1900 г.〉

Я не романист и никогда не писал романов, но именно поэтому мне очень хотелось и до сих пор хочется написать хороший и дельный роман. И нет, на мой взгляд, более естественного желания, нежели желание быть – как и все; писать романы – как и все. Когда, помню, я еще был очень молодым человеком, меня очень смущало неумение танцевать, и в те минуты, когда все вокруг меня начинало кружиться или грациозно топтать ногами, мне хотелось провалиться под пол. Я старался показать, что, и сидя 10 в углу и пряча ноги под стул, можно быть веселым и интересным, и то улыбался, то восторженно вскрикивал. Но ни улыбка моя, ни возгласы не помогали, и ко мне обязательно подходила хозяйка дома и до крайности подозрительно смотрела на меня.

– Почему вы не танцуете? – спрашивала она.

– Не умею, – отвечал я, чувствуя, что мое неумение несколько не извиняет меня.

– Да? Не умеете (подозрительно), а быть может, вам не нравятся мои дочери?

– Помилуйте!..

– Или те барышни?

– Помилуйте!..

– Так почему же вы не танцуете?

И никогда я не мог объяснить почтенной даме, что я не танцую потому, что не умею танцевать, и до конца дней своих она осталась убежденной, что мне не нравятся дочери ее и те барышни. А супруг ее, смотревший в корень вещей, находил, что я набит непослушными идеями, и это убеждение сделалось господствующим. И не знаю, как это вышло, но моя репутация ухудшалась с такой быстротой, что к двадцати годам я был вполне 20 готов для повешения. Все молодые люди моего возраста поехали в университет и их благословляли и давали денег на дорогу, а когда я выразил желание поехать туда же, это произвело такое потрясение, словно я открыто вступал в шайку фальшивых монетчиков.

– Поняли теперь, почему он не танцует? – торжествующе говорили отцы семейств и добавляли по адресу своих сыновей: – Вася, если он придет к тебе, то не пускай его. Ты видишь, какой он.

А я, ей-богу, не умел танцевать!

40 Теперь я боюсь другого. Боюсь, что в один ужасный день ко мне подойдут и спросят:

– А ты почему не пишешь романов?

Поверят ли, что я не умею писать романов, когда все их пишу? Поверят ли в чистоту моих мыслей, в невинность моих намерений, в кротость и незлобивость моего характера? Ведь действительно все пишу. Даже не обучавшиеся грамоте и те диктуют романы и тем свидетельствуют благородный образ своих мыслей. И как легко, как грациозно пишу! Душисто пишу!

И не то чтобы я чувствовал недостаток в силах или в таланте 50 для написания романа. Для хорошего романа талант даже вреден, ибо, с одной стороны, легко можно переталантить, подобно г-же Гиппиус, с другой – уклониться с намеченного благородством мыслей пути и прийти не к себе на квартиру, а в участок.

Талант – он сила, и даже очень вредная сила в своей необузданности и повелительности. Я слышал об одном очень видном литераторе, который всю жизнь только тем и занимался, что ходил по лицам и учреждениям и умильно просил:

– Выпорите меня! Выпорите меня, пожалуйста!

А талант его кричал во все горло, до надсады:

60 – Не хочу порки! Хочу вишневого варенья!

И кончилось тем, что талант перекричал и победил умильность, и хотя литератора выпороли, только совсем не с той стороны, откуда он ожидал. А нет ничего хуже неожиданной порки – об этом может сказать не только литератор, но самый простой мужик.

Не обремененный талантом, я *de jure** мог уже почитать себя романистом, но мне хотелось стать им *de facto*** . Признаться, я очень не верю в это *de jure* с тех пор, как мне сообщили, что *de jure* я могу владеть нефтяными источниками и ездить в специальном поезде “для миллионеров”, а *de facto* отказались дать три 70 рубля взаймы. *De jure* я и танцевать мог, а *de facto* дожил бог знает до каких неприятностей.

Главное, чего мне не доставало, – это сюжета. Хоть я и не дама, но был совершенно не прочь опереться на готовый сюжет и говорю об этом с полной откровенностью, так как не вижу в этом

* *де-юре* (лат.).

** *де-факто* (лат.).

ничего дурного. Один – мастер изобретать сюжет, зато ничего не смыслит по части психологии, другой даже посуду в рассрочку приобретает с психологией, а сюжета никакого изобрести не в силах. Свойство моего дарования, по-видимому, из последней категории, и я стал искать сюжет, для чего с особой внимательностью 80 перечитал русские журналы и газеты. Поиски мои увенчались успехом. Откинув романы, написанные с талантом, так как в них не бывает совсем сюжета, или если и бывает сюжет, то удивительно невзрачный, я нашел бездну высокоинтересных творений, подходящих для моей цели. Так как авторы их, по-видимому, и сами опирались на чей-нибудь еще сюжет, то они ничего не могут иметь против моей манеры творчества.

Особенно поразил меня один исторический роман, ежемесячно сочиняемый. С благородной прямоотой и величественной простотой автор вышел на целый аршин перед фронтом и твердо 90 сказал:

– Вот он я. Весь тут.

И, подняв руку, с той же твердостью указал перстом:

– А вот они. Все тут.

Дух же от этого романа шел такой, словно от вспотевшего Иуды, и многие зажимали нос руками – конечно, по своей неблагоприятности. И я чувствовал, удайся мне написать такой роман, мне было бы прощено даже мое неумение танцевать. Но я знаю, что мне не удастся написать, ибо здесь нужен если не талант, то другая прирожденная способность, которую я не обла- 100 даю.

Другие романы влекли к себе мои жадные взоры. Кротко-бесмысленные, они были интересны до коллик в желудке и так благородны, что ни одна кошка не могла украсть мяса, завернутого в один из этих романов. Назывались они сенсационными, и так как ныне все взоры обращены на Китай, то действие этих романов обязательно происходит на р. Пейхо и герои носят название чайных фирм: Цзинь-лунь, Хынь-лунь и т. п. Один из сотрудников “Нового времени” предлагал недавно написать роман на сюжет дела братьев Скитских, но, мне кажется, г. Михайлов и г. Ежов 110 уже достаточно исчерпали этот сюжет, а главное, время упущено. С своей стороны, я предпочитаю опереться на китайский сюжет и надеюсь на благосклонное внимание критики. Кроме шуток: я положительно не понимаю упорного нежелания газетных и журнальных обозревателей говорить об этих “литературных” произведениях, читаемых десятками, а может быть, сотнями тысяч людей. Когда появляется новый томик стихотворений какой-нибудь г-жи Поцелуевой, годный для прочтения десятку расслабленных

из Кисловодска, о нем рассуждают подробно и серьезно, роман же, 120
который пойдет в народную массу, свысока игнорируется, точно
его нет и не было. Желая выразить презрение автору, в действи-
тельности выражают его читающей массе, не делая ни малейшей
попытки просветить ее вкус или хотя бы узнать его. Как и все
хорошее в нашей литературе, критика существует только для гос-
под. Какой-нибудь критик, в тысячный раз пишущий о Толстом
или, от чего Боже нас сохрани, о Пушкине, имеет в виду развить
вкус доктора А. и инженера В. и почтет себя оскорбленным, если
ему предложат написать для приказчика С., который Дмитриева
или Пазухина считает мировым гением. Почему нужны рассказы
130 для народа, а не нужна критика для народа – решительно не по-
нимаю.

Но я уклонился в сторону от своего романа, который я в пер-
вых главах уже написал. Да, написал, и если не совсем, то отчасти
смыл свой грех перед родиной. Не стану предрешать мнения чи-
тателей, но думаю, что написал и интересно, и образно, и психо-
логично. В ожидании, пока одна из особенно распространенных
(до 40 000 приблизительно) московских или петербургских газет
предложит мне свои столбцы, приведу для образчика начало ро-
мана. Называется он:

140

ДЯДЯ КИТАЙСКОГО МЕРТВЕЦА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На башне Суль-фо-нария ¹⁾ пробило четырнадцать часов, и
это было особенно страшно, как это понятно нашему читателю.
Была мрачная, безлунная, беззвездная, бесфонарная ночь, и толь-
ко коты дико мя-у-кали на крышах и символично выли голодные
псы, вспоминая бледный лик красавицы-луны, которой они обык-
новенно отдают свое вдохновение. Обрывки облаков, подобные
клочкам непринятой рукописи, быстро неслись по небу, гонимые
жестоким дыханием бури; красный факел колебался на джонке,
150 уносимой стремительным течением р. Пейхо, и последние огонь-
ки погасли в домах Пекина.

В эту минуту в одну из прибрежных чайных, ярко освещен-
ную и полную гулом пьяных голосов ²⁾, в дерущуюся толпу мат-
росов, боксеров, компрачикосов, нищих и двух купеческих сыно-

¹⁾ Начало несколько традиционное; за слабым знанием китайского языка прибе-
гаю к медицинским терминам.

²⁾ Китайские чайные тем отличаются от московских, что в них пьют не чай, а
рисовую водку.

вей, получивших наследство, – вошел таинственный незнакомец. До самого длинного носа, похожего на клюв хищной птицы, он был закутан резиновым плащом, так что бледного лица его не было видно совсем, и только румянец горел на бледно-матовых смуглых щеках, обросших густой, трудно проходимой, прямо сказать, девственной бородой. Через плечо у него была небольшая, заряжав- 160
шаяся с казенной части пушка, а за поясом толедский кинжал и два тайно похищенных аристократических ребенка. Последних он тут же за стойкой разменял на бутерброд с миссионером и трех мальчиков, рожденных совершенно случайно, и не от родителей, а от совершенно посторонних людей, на чем автор остановится более подробно впоследствии. Вместе с убийцей, держа его за руку, вошли три безусловно подозрительные личности ³⁾: два лжемонаха, один шпион, три члена тайного общества “Спасайся кто может” и один пожарный репортер.

Остановившись перед пляшущими, все пятеро воскликнули: 170
– Хло-рал гид-рати!

И отдаленнейшие холмы, вплоть до самого Тиенцзина, повторили этот страшный, неслыханный возглас:

– Хло-рал гид-рати! Драти!

Оставим на минуту эту ужасную картину и перенесемся с читателем в дом английского негодянта сэра Виллиамса и усладим наши взоры его мирными радостями. Не подозревая, что в настоящую минуту его сын уже разменян на бутерброды, он покачивался в гамаке, пригретый мягкими солнечными лучами, и при каждом движении тянул за собою то одного, то другого китайца, 180
привязанного косой к гамаку для равновесия. Ослепительный красавец – мы не беремся описать его дивных глаз и носа, – он мечтал о любви графини Моепочтение, в свою очередь безумно любившей одного титулярного советника, не подозревавшего этой любви и с горя почти решившегося брать взятки.

Вдруг на улице раздался грозный рев тысячной толпы, и возле сэра Виллиамса упал камень, на котором было написано...

.....
Я не скажу, что было написано на камне, так как цель моего романа – заинтересовать некоторые редакции. Не думаю, во всяком 190
случае, чтобы мой роман был хуже других, ныне повсеместно печатаемых и читаемых. Что он интересен, этого не станет отрицать никто, и меня можно только упрекнуть разве за то, что я слишком сгущаю интерес, но я свободно могу уступить пожарного репортера, так как и сам не знал, каким образом он подвернулся мне

³⁾ Заимствовано у г. Михайлова.

под перо. Сейчас, правда, у меня еще мало благородных чувств, но я наверстаю их впоследствии. Все китайцы будут у меня мерзавцы, лентяи, идиоты, негодяи, и только один из них будет порядочный малый, да и тот в конце концов окажется свиньей, ев-
200 ропейцы же зато все до одного будут умницы и красавчики. Если потребуются, впрочем, один или два негодяя-англичанина, я могу занять их из другого моего же романа, под заглавием “Дружеская услуга Длинного Тома”.

За головы моих читателей не ручаюсь, но одно обещаю смело: патриотами я их сделаю первостатейными.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨4 сентября 1900 г.⟩

Петербургские газеты оплакивают горькую участь молодых людей, лишенных возможности, за недостатком вакансий, попасть в высшие технические учебные заведения. Вот многозначительные цифры.

“На первом листе по количеству поданных прошений стоит горный институт: на 80 вакансий, из которых 10 назначены для поступающих вне конкурса по диплому другого высшего учебного заведения, желающих участвовать в конкурсе оказалось 1244 человека. Затем идет технологический институт: подано 1053 прошения при наличности на 1-м курсе 250 вакансий. В институт инженеров путей сообщения – около 900 прошений при 115 вакансиях; в лесной институт – 400 прошений, причем принято 148 человек; в институт гражданских инженеров – 409 прошений при 110 вакансиях на всех курсах; в электротехнический институт – 400 прошений при 50 вакансиях” (“Северный курьер”).

Не стану спорить, что нам необходимы технически образованные люди, что технических учебных заведений у нас мало и что следует пожалеть молодых людей, которые, так много потратив труда на подготовку, в результате не будут приняты и пойдут, как предлагает одна газета, в писцы. В этом усиленном стремлении молодежи к инженерским погоням есть другая сторона, на которую нелишне обратить внимание.

Когда-то – и это было еще не особенно давно – университет стоял во мнении молодежи чрезвычайно высоко и считался ею чуть ли не единственным источником гуманитарного развития в противоположность институтам, узкопрактическая программа которых не давала простора ни молодой фантазии, ни молодому чувству. Конечно, как и все молодые взгляды, и этот взгляд грешил своей прямолинейностью, так как всем нам известны институты, в которых учащиеся стояли далеко не на более низком уровне развития, нежели студенты. Но по существу молодежь была права. Не давая сами по себе развития, прикладные знания требуют настойчивого и упорного труда, тем более упорного, что

за спиной каждого сплеховавшего стоит десяток готовых кандидатов на его место. Помню, как один студент электротехнического института жаловался мне, что за два года он не мог прочесть ни одной посторонней книжки. Так много времени отнимают у него лекции, репетиции и пр. В более благоприятных условиях стоит университет; оставляя много свободного времени от обязательных занятий, он не дает студенту возможности замкнуться в узкие рамки взятой специальности, путем более близкого и широкого общения студентов будит интерес к знанию вообще и, много ли, мало ли, по физиономии будущего д е л ь ц а проводит черты общественного д е я т е л я.

Так оно было, по крайней мере. С своей несколько наивной прямолинейностью, о которой я уже говорил, молодежь делала университет девизом развития, институты – девизом карьеры и косо смотрела на тех из своей гимназической среды, которые наплечники предпочитали синему воротнику. Не было, конечно, в этом взгляде ни самостоятельности, ни надлежащей продуманности, он был отражением бесчисленных влияний среды, книг, разговоров; он был отражением времени.

Теперь же молодежь стремится в институты. Столь же мало сознательное, как и первое, это стремление с резкостью, однако, говорит о какой-то перемене в настроениях и мыслях окружающей ее среды. Эта среда стала практичнее и в лице своих отцов, старших товарищей и книг упорно твердит о преимуществах чечевичной похлебки над первородством.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈6 сентября 1900 г.〉

В о п р о с. Для чего существует домовладелец?

О т в е т. Чтобы получать квартирные деньги и быть избираемым в гласные.

В. Жизнь его безрадостна?

О. И не говорите.

В. Утешения необходимы?

О. В большом количестве.

В. Каковы домовладельческие утешения?

О. Весьма разнообразны. Когда проводится канализация, попросит скидочки...

В. Например?

О. Г.Г. Солодовников. Далее, если нужны дома для общественных целей, взять за них как можно больше.

В. Например?

О. Братья Ляпины. Далее, если нужно для города небольшое местечко, содрать за него как можно больше.

В. Например?

О. Г. Хомяков. Вход в Кузнецкий переулок так узок, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, нежели экипажу въехать в означенный переулок. На углу его г. Хомяков выстроил дом, причем остался небольшой кусочек, годный для расширения проезда. Город хотел купить его, но Хомяков запросил 35 000 рублей.

В. Дали?

О. Нет, не дали. С горя г. Хомяков огородил кусочек железной решеткой и теперь гуляет за ней.

В. Для удовольствия?

О. Для удовольствия.

В. За отсутствием среди домовладельцев праведников, не грозит ли их домам провал, наподобие Содома и Гоморры?

О. Частичные случаи уже бывали.

В. Можно ли будет у образовавшегося озера построить дачи?

О. Нет, нельзя.

В. Стало быть, дела плохи?

О. И не говорите!

* * *

В о п р о с. Для чего существует “маневрирующий” паровоз?

О т в е т. Мнения по сему существуют разные. На мой взгляд – это праздношатающийся паровоз, оставшийся вследствие дороговизны без квартиры и не знающий, на что бы ему убить время. Вообще вредный малый.

В. Какова его задача?

О. Во что бы то ни стало подвернуться под пассажирский или товарный поезд, скромно идущий по своему делу, и причинить ему неприятности. Если почему-либо ему не удастся этого сделать, настроение его портится на весь день. С самого раннего утра он начинает, словно пьяный, шататься взад и вперед по рельсам, во все горло орет неприличные песни и гоняется за всеми, кто только покажется на полотне. Особенно не любит он рабочих и давит их почти ежедневно.

В. Это он устроил скандал павелецкому поезду и повредил шестерых пассажиров?

О. Кому же больше. Вреднейший малый!

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

〈10 сентября 1900 г.〉

Вчерашний день был для меня днем неожиданных, но весьма интересных посещений. Первым явился г. Промасленный, домо-владелец, как то видно было из его карточки.

– Посоветоваться к вам пришел, – заявил он голосом сладким, немного завязавшим у него на зубах, словно это был не голос, а рахат-лукум, но не лишенным внушительности. Ко мне редко ходят советоваться, и весьма естественно, я был удивлен.

– Насчет чего же желаете вы посоветоваться?

– А все насчет души.

Я не психиатр, но если бы я был психиатром, мои знания и опытность едва ли могли бы пригодиться г. Промасленному, так как душа не составляла преобладающей части его фигуры. В ней больше всего было тела; сдобное и упругое, оно до краев наполняло сюртук и клетчатые брюки и выпирало наружу поверх высоких стоячих воротничков, как поднявшееся тесто из формы. Не знаю, где здесь могла приютиться душа; но если она и была, она должна была испытывать дьявольскую жару. Это было очевидно.

– Что же могу я сделать для вашей души? – осведомился я.

– Прежде всего скажите мне: душа бессмертна или не бессмертна? Как вы полагаете?

Вопрос, по-видимому, был риторический, и ответ предполагался положительный. Узнав от меня, что душа бессмертна, г. Промасленный встал, одну руку заложил за борт сюртука, другую же простер вперед наподобие нового Минина, спасающего душу, и сказал размеренно и веско:

– А ежели душа бессмертна, – должен ли я сделаться тототником, или, извините за выражение, гласным в думе? Вот оно, в чем загвоздка-то!

– Но какая же связь между душой и этими занятиями?

– Да вы мне скажите, для души-то своей должен я что-нибудь сделать? Ведь у меня, извините за выражение, не пар-с, а душа самая доподлинная, первогильдейская. Как я должен себя, по-вашему, чувствовать?

– Что же, ежели душа есть, да настоящая...

– То-то настоящая! У другого вон голоштанника души-то всего на пятак, а погляди, как он ее убоготворяет. И книжки всякие, и финтифлюшки, а у меня душа-то не меряна, возами ее вози, да не вывозишь, а что из того толку? Лежит она там словно навоз, извините за выражение, и только во рту от нее смрад. Вот вы, к примеру... Живете-то вы, извините за выражение, неважно... за квартиру-то сколько платите?

– Восемьдесят.

– Дорогонько. Вот дом отстрою, ко мне перебирайтесь, за дешево отдам. Так вот, говорю, при всей, можно сказать, вашей мизерности, сколько для души удовольствий вы получите. Облять кого захотелось – взяли обляяли...

– Вы называете это “облять”? Толку-то от этого лая тоже не ахти как много, – впал в откровенность и я, затронутый душевным разговором. – Пошел я вот на днях к своему знакомому, Ивану Петровичу, а он сидел с Петром Ивановичем, ругателя одного почтывает, да оба так от смеху по дивану и покатываются. “Послушайте, говорят, как ругатель-то этот либерала ловко описал: вылитый Иван Иванович. Как живой стоит!” А того и не чувствует, что каждым своим словом ругатель их же по физиономиям бьет. Не признают.

– Бывает, – сочувственно отозвался г. Промасленный. – Я вот тоже, когда про домовладельца пишут, на счет Микешкина-мучника перевожу. Ну да можно по именам.

– Как же всех по именам?

– А ежели по адрес-календарю? Взял, да каждую неделю человек двести и отхватал.

– Нельзя этого.

– Это верно, что нельзя, – согласился Промасленный. – Нападешь на такого, что он сам тебе пропишет. Ну, да и в мое положение войдите, по части души-то. Мужчина я, извините за выражение, в соку; обязанности все соблюл, двенадцать лет как женат, двоих мальцов имею – одного в коммерческое отдал, другого по классицизму пустил, для заводу. Все есть, а для души – ничего. Придет иной раз классик-то из своего училища, да и говорит: Александр Македонский в 27 лет мир завоевал, а вы что же, папаша? Какие-то афиняне в 21 год на площади общественными делами занимались, а вы, – говорит, – папаша, только приказчиков ругаете.

– А вы не пробовали, – справился я, – физиономии лакеям горчицей мазать?

– Прошла эта мода, – сокрушенно ответил г. Промасленный. – Это наши родители, по своему невежеству, горчицей мазали, а теперь, если кто из нас вздумает с г. Омоном на шару полететь, так и того засмеют. Одно слово: или в тотошники, или в гласные! Как вы полагаете, с физиономии-то на кого я больше похож?

Я критически оглядел моего нового приятеля. Если смотреть en face*, лицо его напоминало лопату, которой сажают в печь хлеба. В профиль он был бы удивительно похож на Наполеона, если бы не полное отсутствие носа. Без него же он скорее напоминал россиянина, не сумевшего вовремя сказать культуре, когда она приносила ему свои дары: Timeo Danaos et dona ferentes**.

– Годитесь на то и на другое, – утешил я г. Промасленного. – Но почему вы не решаетесь стать гласным? Для души это – ох, как хорошо.

– То-то история, почему? – мотнул головой мой собеседник. – Будем говорить по совести. Первое дело – почету мало. У меня дворник, так и тот над безвинным псом Жучкой надмывает: ишь, говорит, дрыхнет, словно гласный. Да ногой его. Над кем больше смеются, как не над гласным, скажите на милость? Инженеров, и тех в покое оставили, а гласных доселе шпигуют, как гуся.

– Делай дело – тогда и не будут шпиговать.

– А тут, – продолжал г. Промасленный, не слушая меня, – еще новую моду заводят: которые не явились на заседание гласные, так в журнал записывать хотят. Это я только своему Петьке в гимназию пишу: не мог-де явиться на урок вследствие болезни желудка... А мне кто напишет? Родителя из гроба подымать стану, что ли? А бабушка у меня есть, так она слепая, ей перед носом вывеску поставь, она не прочтет. А писать и сроду не умела.

– А вы являйтесь.

– И за все про все походя ругают! Воды наемни в Москве не хватило – кто виноват? Гласный. А мне, может, самому-то вода нужнее, чем тебе. Тебе что. Пошел в трактир да там надрызгался, а у меня дом об пяти этажей, да канализация, да квартирант, извините за выражение. Чем я причинен, что воды нету? Инженер говорит – будет вода, а ее нету – должен я верить инженеру? Вот тоже насчет мостовых: по мне хоть атласом Москву покрой, а финансовая комиссия говорит – денег нету. Должен я верить финансовой комиссии, как, по-вашему? А там насчет обложения – могу я своего брата-купца обидеть? Тебе-то что? Ты своим пером чирк-

* анфас (фр.).

** Боюсь данайцев, дары приносящих (лат.).

чирк, а мне во как шею накостыляют по-родственному! Должен я ублажить своему человеку, как, по-вашему? Попади я в гласные, у меня сейчас свояк скидки по части канализации попросит, я его знаю. А то еще у него пустопорожний отрезок земли остался, думал он его под окружную дорогу отдать, да не вышло, – должен я этот отрезок пристроить? И перевернись – бьют, и недовернись – бьют – эхма! – вздохнул г. Промасленный.

– А вы за правду стойте, – посоветовал я не без оригинальности.

– Хорошо вам говорить-то, – обиделся г. Промасленный. – А вот ежели у вас с одного боку Сидора Кириллыча посадить, а с другого Трофима Егоровича, а там Антипа Петровича, да всякий на свою руку тянет, потому у одного фабрика дымит, у другого трактир, третий одров по рельсам пускает, – поди-ка сыщи между ними правду. Может, я и знаю ее, да сказать не смею. А я понастоящему и говорить не умею: заговорю – словно рогожу деру. Дворник и то говорит: ну да и язык же у вас, Андрей Степаныч, словно бритва направлена: брить не бреет, а морду пакостит. Каково это, для души-то? Да о чем я говорить стану, коли что к чему – не знаю? Вот наемдни, читали небось, беззащитным детям в деньгах отказали. Общество такое есть. Каково было бы мне-то отказывать? Душа у меня чувствительная, до детей жалостливая, а я вам должен в гроше отказать, потому, как это было сказано, в “компетенцию” не входит. А вон питомник из прививков входит. Как тут понять? Мне и то уж Сидор Карпыч объяснил: дура, говорит, ты полосатая: детей-то беззащитных много? Много, отвечаю. А деревьев мало? Мало, отвечаю. Так чего нужно прибавить, а чего убавить? Понял? – Понял, говорю, а сам как есть ничего не понимаю. Хотя, конечно, если взять в резон, что Сидор Карпыч одним своим салотопенным заводом всю Москву провонять может, так действительно деревьев много надо – для воздуху. А при чем дети – не понимаю.

– Так как же быть? – спросил я, удрученный безрадостностью размышлений г. Промасленного.

– То-то вот, как же? Об этом-то я и говорю. И думал я, господин хороший, обо всем думал: и о народном театре размышлял, и об телефонах бредил, и над резиновыми шинами три ночи не спал, а все для души ничего не вижу. И придумал я, братец ты мой, в тотошники идти. Одобришь?

– Ваше решение мне кажется несколько внезапным, – отозвался я не без удивления.

– Ах, чужак человек, в газетах пишешь, а словно малый ребенок. Душа-то у меня есть? Или, по-твоему, на душу наплевать –

хочу, дескать, жить с Марьей Петровной, а души хоть и не будь: без надобности. Нет, брат, без души не проживешь. Взять теперь мою душу – не душа, а барабан. Ты ее только пальцем ткни, а она пошла гудеть: у-у-у. За что, по-твоему, я до сих пор дворника держу? У вас, говорит, Андрей Степанович, души-то на трех Осман-пашей хватит, да еще на одного английского генерала толка останется. То-то. Должен я теперь душу употребить? Процент на нее получить?

– Но я не думал до сих пор, чтобы спортом можно было душе послужить.

– А ты думай. Гляди-ко-сь.

Андрей Степанович вынул из карманчика газетную, не то журнальную вырезку и прочел ее, делая иногда поясняющие вставки:

– “Нынешний осенний скаковой сезон, в силу неожиданных комбинаций, пробивает брешь в традициях скакового джентльменства. В спортивных сферах издавна установились принципы, которые свято блюдутся всеми деятелями на этом поприще”. Нет, скажи ты мне, пишут так про гласных, а? Поповская тройная очистка, а не статья, ей-богу! Слушай дальше-то: “Прежде сила спортсмена создавалась годами. Ильенко, Иловайские, Араповы, Лазаревы – чуть не с пеленок спортсмены; они питают наследственное влечение к спорту, и, если у них выдается ставка хороших лошадей, она, без сомнения, создавалась годами усилий и жертв, не только материальных, но и нравственных”. Нет, как пишет-то: “наследственное”, “нравственных”. О гласных читал такие штуки? Дальше. “Душой болели люди над этими годовиками, превратившимися в дербистов. В наш сугубо коммерческий век делается это проще”... ну и т. д. Скажи по правде, про “годовиков”-то ты, небось, думаешь, что это гимназисты или дети беззащитные, а это, брат, – жеребята. Ха-ха-ха!

Г. Промасленный смеялся до тех пор, пока у него слезы не показали из глаз, но потом внезапно стал серьезен, даже строг и осторожно спрятал вырезки на прежнее место.

– Как думаешь теперь, – сказал он внушительно и веско, – где душу ноне отвести можно: там, где “компетенция” не позволяет, или где “душой болеют над годовиками”? Жалко вот только, что я Петьку родил, когда еще тототником не был: без наследственности малый останется. Ну да другие с наследственностью будут.

– А все-таки со стороны поругивать будут, – заметил я.

– Тототника-то? А наплевать. Гласному – это, верно, конфузно, а тототнику что? У него свои газеты есть, а там ругать не ста-

нут. А почет-то на кругу какой. Кто это, говорят, видный такой, безносый? А это, отвечают, Промасленный господин. Тот, чья конюшня? Тот самый. Ну уж тут и пойдет! Жеребчика черненького заведу: вывози, голубчик, не посрами имя купца 1-й гильдии Промасленного! Он бежит, а душа-то ек, ек. Нельзя, принцип!

– Значит, решились? – спросил я, прощаясь.

– Чудак-человек! Душа у меня или пар? Чисто дитя малое, а в газетах еще пишет!

* * *

Много великих имен затерялось в бездне текущего времени. Гимназисты этому радуются: зубрить меньше, а мне всегда жаль бывает подумать, что я не знаю фамилии того немца, который выдумал обезьяну. А еще прискорбнее то, что навеки утрачена фамилия автора известного остроумного изречения, какое и до сих пор пускается в ход при наступившем молчании: “дурак родился!” Дураки именно рождаются в те минуты, когда все молчит. Пришла мне эта пословица в голову потому, что после ухода г. Промасленного в кабинете наступило молчание. Весьма естественно оно было прервано появлением г. Воздыхающего.

Вы его встречали, конечно: господин пожилых лет, одет строго прилично, без уклонений в сторону фатовства или неряшливости; слегка припахивает плесенью, но этакой благородной плесенью; начиная говорить, вздыхает, кончая говорить, вздыхает, на середине речи иногда раздражается рыданиями. Скоро утешается, однако, если ему показать в перспективе самодвижущуюся мышь или что-нибудь в этом роде. Тогда на устах его появляется ангельская улыбка, – но в руки взять игрушку не решается.

– А вдруг она, – говорит, – кусается?

Познакомился я с ним совершенно случайно: мне удалось однажды, после напряженной умственной работы, доказать, что все лошади едят сено, а потому лошадям нужно давать сено, а не произведение г. Бальмонта. Прочитав мою статью, г. Воздыхающий явился ко мне, заключил в свои объятия, обдав запахом плесени, и среди рыданий произнес:

– Ах, друг мой, как ты меня утешил. Именно, все лошади едят сено.

Здесь новые рыдания прервали его речь.

– Всю жизнь доказывал я, – продолжал Воздыхающий, – что все лошади едят сено, но меня и слушать не хотят. Сами, говорят, знаем. А ты так это умно провел и прямо: все лошади едят сено. И ничего тебе за это?

– Ничего.

– Ну, слава богу.

Г. Воздыхающий оглянулся кругом и шепотом спросил:

– А нас никто не подслушает?

– Никто.

– Так вот, – окончательно понизив голос, – рискни, голубчик, проведи еще такую мысль: сено едят не только одни лошади, но и коровы! Тсс! Осторожнее, там кто-то стукнул? Проведешь? Потетишь старика? Я бы и сам сделал, да боюсь, на меня уже и так за лошадей косятся. Я уж и то больше молчанием допекаю. Дадут лошадям г. Бальмонта – и я сейчас возьму да замолчу, как будто и не заметил. Дадут им г-жу Лохвицкую – а я ни гугу, и даже в сторону смотрю: пусть казнятся.

И г. Воздыхающий снова разрыдался.

– Только ты, – продолжал он успокоившись, – сделай это солиднее, посерьезнее, в этакое, знаешь, стиле: давно известно, что лошадь есть животное, имеющее четыре ноги, причем, когда она поднимает две ноги, две другие остаются на земле; всех же четырех она поднять сразу не может, ибо при этих условиях падение ее неизбежно, если только в силу темперамента или воспитания она не привыкла стоять на одной ноге. Ну а дальше незаметно перейти к тому, что, по мнению некоторых (приведи авторитет, но без подобострастия), лошадь есть животное травоядное. “Введя некоторые поправки в это крайнее мнение – нам-де известен случай, когда коночная лошадь съела фуражку у кондуктора, мы не можем, однако, не признаться”, – ну и действуй таким же образом, пока не доберешься до коровы. Так сделаешь?

Я обещал, но совершенно позабыл свое обещание, заговорившись о другом, когда предо мной снова предстал г. Воздыхающий. Вид его на этот раз не предвещал ничего хорошего. Тяжело вдохнув, он сказал:

– Ты – ты обманул меня. Ты осмелился смеяться.

– Но ведь я смеялся над тем, кто дает коровам г. Бальмонта, – робко оправдывался я.

– Все равно, – сурово возразил г. Воздыхающий. – Плачь или молчи, как я, но не смейся. Смех оскорбляет серьезные чувства.

– Но ведь вы же и сами когда-то смеялись?

– Это было давно. Я был молод, силен и ничего не боялся. Я был неопытен и думал, что лучшее орудие против глупцов – смех, но теперь я ненавижу смех. Да, ненавижу. Ненавижу, потому что он оказался изменником. Он обратился на меня. И я не верю теперь всем смеющимся. И я боюсь смеха. С дерзостью он пробивает бреши в неприступных твердынях, и это было хорошо, пока я сам не был общепризнанной твердыней...

Г. Воздыхающий разрыдался.

– А теперь не нужно смеха. Почему я знаю, может быть, ты с своим смехом подбираешься под меня? Я стар, я слаб, я всем надоел, – а ты смеешься. Ну что стоит тебе подтянуть за мной: не только лошади, но и коровы имеют четыре ноги...

Рыдания г. Воздыхающего усилились. Подозрительно взглянув на меня, он спросил:

– А может быть, ты не веришь, что четыре?

– Верю.

– А если веришь, зачем ты писал про какие-то китайские романы? Писать про какую-то мелочь, пустяки, когда можно говорить: не только – лошади, – но и...

– Но мне показалось, что это уже всем известно, – скромно возражал я.

– Это-то и важно. Зачем искать новое, когда есть старые установленные истины. Повторяя их, ты не ошибешься. Повторяя их, не только ты не будешь смеяться, но и все, кроме тебя, заплачут. Послушай, как дивно это звучит: давно известно, что – не только лошади, но и коровы... Для народа полезны развлечения, – будем радоваться, что через четыре года устроится народный театр на 830 человек. А то вот мотивчик жалостливый: водка вредна для народа; трудно надеяться, чтобы – монополия... Ну не будешь больше смеяться?

– Нет, буду, – ответил я.

Г. Воздыхающий ушел от меня, надеюсь, навсегда.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨12 сентября 1900 г.⟩

По-видимому, новый Шекспир еще не родился. По крайней мере, среди тех ста тридцати семи драматургов, которые прислали свои произведения на конкурс литературно-артистического общества, ни одного Шекспира не оказалось, даже “применительно” к требованиям этого “дельерствующего” театра, не оказалось: первая премия так и осталась не присужденной. Только четыре драмы оказались заслуживающими поощрения – другими словами, и эти четыре избранника только еще обещают дать что-нибудь хорошенькое, а пока дали вещи с изъянцем.

Окончательно впасть в отчаяние по поводу упорного нежелания Шекспира возродиться, однако, не следует. По последней всенародной переписи в графу “занятий” записалось семьсот драматургов – почем знать, может быть среди 563 не объявившихся драматургов и есть Шекспиры, да посылать свои произведения на конкурс они не захотели.

Удивляться этому не приходится. Драматург, ежели он Шекспир, хотя и в миниатюре, всегда найдет себе место на любой сцене, а не только на той, где еще так недавно трепетали терзаемые останки Достоевского. Незачем ему и на конкурс посылать.

Наиболее, по-видимому, существенный результат конкурса тот, что на следующей всенародной переписи драматургов окажется больше – ровно на 133 человека.

* * *

Хорошо, что А.С. Суворин не врач и может писать, как захочет; хочет с твердыми знаками, хочет без твердых. Одинаково выходит у него хорошо.

Зато врачам беда. Один харьковский врач хлопотал о поступлении на одну из местных железных дорог и получил свое прошение обратно, как написанное без твердых и мягких знаков.

Я старался понять, чем руководилось правление в своем отказе, и не мог.

Врач, сумевший ампутировать не только твердые, но и мягкие знаки, без сомнения, окажется очень полезным на всякой железной дороге. Или железная дорога задачу ампутирования берет на себя и от врача требуется способность приращать?

Не знаю. Может быть.

⟨“КРАСАВИЦА!” – ОПРЕДЕЛИЛ СВИДЕТЕЛЬ ИСАЕВИЧ...⟩

“Красавица!” – определил свидетель Исаевич О.Е. Чернобаеву, являющуюся, несомненно, и наиболее интересным, и наиболее загадочным лицом в данном процессе¹⁾, которому суждено занять не последнее место в ряду судебных драм. Красавицей она была год тому назад, когда ее за несколько минут до кровавого столкновения ее мужа с ее любовником видел в поезде упомянутый Исаевич, да такой она осталась и до сих пор. Здоровый и свежий цвет лица, нежная округлость линий, мягкий взгляд из-под густых, красивых ресниц, голос – не смелый, но и не робкий, – полная противоположность мужу, И.К. Чернобаеву, и любовнику, студенту С. Ботаровскому. Первый, возбудивший в суде сомнение в нормальности своих умственных способностей, невысокий, заурядный по виду человек, с лицом нестарым, но сухим и истомленным, говорит волнуясь, страдая; второй, Ботаровский, никогда не возбуждал сомнений относительно своей ненормальности, но по всему своему виду, по растерянному выражению округлившихся глаз, по всей своей фигуре, нескладной и болезненной, – более, пожалуй, нуждается в медицинской экспертизе, нежели обиженный им Чернобаев.

Публика, наполнившая зал до невозможности вместить хотя бы еще одного человека и с жадным любопытством следящая за героями драмы, задается в перерывах особенно для нее интересным вопросом: как могла г-жа Чернобаева полюбить такого некрасивого человека, не обладающего ни одним из свойств Дон Жуана, более способного стать объектом больничного ухода, нежели смелым разрушителем семейного счастья?

Ответа на этот вопрос не дает судебное следствие. Г-жа Чернобаева, наиболее компетентное лицо по этому вопросу, воспользовалась своим правом и отказалась свидетельствовать на суде; Ботаровский, не отрицая прямо своих отношений к Чернобаевой, об истории их возникновения и дальнейшего течения говорить

¹⁾ Подробности этого процесса см. ниже в судебной хронике.

не желает. Остается один обвиняемый, – но и тот решительно отказывается понять поведение жены, привязанность же ее к Ботаровскому объясняет чуть ли не гипнотическим внушением.

Это объяснение, ничего в сущности не объясняющее в силу своей эксцентричности и неправдоподобности, свидетельствует в то же время о чем-то неестественном, мало понятном даже самым близким лицам, не то с головой запутавшимся в искусной и смелой женской лжи, не то действительно больным. И в самом деле, та форма, в которую вылились отношения этих трех лиц, связанных между собой любовью и выстрелом, до крайности странна и необычайна.

Чернобаеву все твердят о связи его жены с студентом Ботаровским; он сам, наконец, чуть ли не провожает жену на вокзал, когда она уезжает с Ботаровским на два дня в Тулу, якобы для того чтобы порвать с ним, а в действительности – привезти оттуда брелок-памятку с пометкой “1898 г.” Не только люди, но и вещи продолжают говорить обманутому мужу о его несчастье, но он упорно отказывается верить и твердит одно: “Олечка ничего плохого не видит”. Безусловно полагаясь на слова жены, он считает Ботаровского негодяем, насильником, прибегающим к угрозам револьвером, чтобы получить то, что не дается ему добровольно. И он ненавидит Ботаровского, считает его злым гением своей “гибнущей Олечки” – и в то же время боится его. Да как и не бояться. Сама жена говорила ему об этом револьвере, который Ботаровский будто бы постоянно носит с собой и которым вечно грозит – ей, себе, мужу.

Не меньше, однако, чем Чернобаев, боится сам “злой гений”, и именно Чернобаева. Он слышал от своей возлюбленной о тех преследованиях и невероятных жестокостях, которым постоянно подвергает ее тиран-муж. Сюда входят и те же угрозы револьвером, а также и другое, но новее: Чернобаев вырывает у жены ресницы, мажет ей лицо едкой кислотой, бьет ее. Ресницы, правда, все так же густы, лицо все так же чисто и красиво, – но разве можно не поверить любимой женщине, когда она добавляет, что и самому “ее ненаглядному Сереже” грозит постоянная опасность быть застреленным? И Ботаровский верит, верит тем легче, что и родственники Чернобаевой повторяют историю о жестоком обращении с ней мужа. Правда, данными для рассказов служат слова той же Чернобаевой да какие-то неопределенные слухи, не имеющие определенного источника, но любовь снабжает их и достаточной силой, и несомненной убедительностью.

– Почему вы не пытались честно уладить дело с Чернобаевым, регулировать ваши отношения с его женой? – спрашивает Ф.Н. Плевако.

– То, что я знал о характере г-на Чернобаева, не позволяло думать о каком бы то ни было соглашении, даже о разговоре, – отвечает Ботаровский.

И так два года тянется эта история, выматывающая силы и у мужа, и у любовника. Подложные телеграммы, масса писем, частью распечатываемых и прочитываемых отцом Ботаровского, свидания потайные и иногда почти явные, с приездами в деревню, прятанием по избам, подсылком третьих лиц, поездки – а там, глубже, болезнь малолетней дочери Чернобаевой, настолько забытой и брошенной своей матерью, что посторонний человек, почтарь, пишет к последней укоризненно-умоляющее письмо. И над всем этим туман лжи, искажающий очертания людей и предметов. Муж и любовник, уверенные во взаимном негодяйстве, ненавидят и боятся друг друга. Родные Чернобаевой, против воли которых вышла она замуж, скорбят о том, что она “лишена свободы”, в то время как местный священник затрудняется даже считать О. Е. женой Чернобаева, ввиду к р а й н е й свободы, которой она пользуется. Родители Ботаровского грустят, наконец, о судьбе сына, подпавшего под влияние женщины и бросившего занятия. И, наконец, сама г-жа Чернобаева, красивая, чистая, бесконечно трогательна в своем положении жертвы, с одной стороны мужа, с другой – любовника и с третьей – и того и другого.

Из обвинительного акта известен финал этой маленькой, но глубокой драмы. Случай поставил лицом к лицу обоих “негодяев”, встретившихся в Киеве, куда Чернобаева отправилась на богомолье, и где она перед угодниками клялась оставить Ботаровского, и куда именно по ее телеграмме приехал этот самый Ботаровский.

Неизвестно, о чем беседовали эти трое: муж, жена и признанный любовник, но факт тот, что вместе они были в ресторане, вместе поехали в Москву. Ботаровский уверяет, что, не видя исхода из заколдованного круга, они с мужем, в присутствии г-жи Чернобаевой, решили покончить дело дуэлью и для этой цели вместе поехали в Москву. Г. Чернобаев отрицает это – и кто из них прав, судить об этом нет достаточных данных. Поведение г-жи Чернобаевой во время самого происшествия представляется недостаточно выясненным. Свидетель Исаевич, у которого в памяти осталось главным образом старое вино, которое они пили с Чернобаевым, да тогдашнее его удивление, что Чернобаев так легко отпускает жену-красавицу гулять по платформе с ним, свидетелем, “хотя немолодым, но полным сил”, – говорит, что г-жа Чернобаева даже не хотела видеть раненого и порадовалась освобождению от него. Ботаровский говорит наоборот, что она посетила его в больнице.

В настоящее время г-жа Чернобаева живет с Ботаровским с согласия, как говорит он, ее родственников, но, по-видимому, без согласия родителей его: отец Ботаровского заявил, что он сегодня первый раз видит своего сына после той истории. Для этих двух дело устроилось хорошо, – как оно окажется для третьего, того, что сидит на скамье подсудимых, покажет вердикт присяжных заседателей.

Кстати: двое из трех экспертов признали Чернобаева действовавшим в состоянии аффекта.

С большим нетерпением ожидалась речь Ф.Н. Плевако. Но о ней скажем завтра.

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО

〈14 сентября 1900 г.〉

Вчера в III уголовном отделении московского окружного суда под председательством товарища председателя Д.А. Нилуса слушалось дело по обвинению дворянина И.К. Чернобаева в покушении на убийство. Обвинял товарищ прокурора гр. Татищев, гражданский иск со стороны потерпевшего поддерживал помощник присяжного поверенного Котлецов, защищал присяжный поверенный Ф.Н. Плевако. Обстоятельства дела по обвинительному акту представляются в следующем виде.

Поезд московско-курской ж. д. направлялся к Москве и, минуя станцию Поньри, приближался к Малоархангельску. Был жаркий день, и пассажиры часто выходили на площадки вагонов. В одном из них ехала чета Чернобаевых. Эта чета невольно обращала на себя общее внимание. Некто Исаевич, ехавший в одном вагоне и даже сидевший на одном диване с Чернобаевым, рассказывал впоследствии, что Чернобаев (Иван Константинович Чернобаев, дворянин, как потом оказалось) производил впечатление влюбленного в свою жену человека, беспрестанно обнимал ее и целовал, но в то же время казался взволнованным и расстроенным, просил жену не выглядывать в окно и строго запретил ей выходить на площадку вагона. Несмотря на это, г-жа Чернобаева неоднократно выходила из вагона, во время одной из таких отлучек Исаевич, случайно выглянув в окно, увидел стоящего на площадке соседнего вагона студента, брюнета в пенсне, делающего по направлению к окну, в которое глядел Исаевич, какие-то знаки, очевидно, принимая Исаевича за женщину, но затем, рассмотревши хорошенько, студент поспешил скрыться. О своих наблюдениях Исаевич сообщил Чернобаеву, который в сильном волнении немедленно поднялся с места и вышел из вагона на площадку.

Для того чтобы понять дальнейший ход событий, нам следует обратиться к рассказу некоей Тороповой, которая ехала в том же Поезде, но в другом вагоне, находившемся позади того вагона, в котором сидели супруги Чернобаевы. Г-жа Торопова обратила внимание на того же студента, сидевшего недалеко от нее.

По словам Тороповой, спустя полчаса по отъезде из Курска по вагону прошла молодая красивая дама (как оказалось впоследствии, это была г-жа Чернобаева) и вышла на площадку, вслед за ней на площадку прошел и студент, который, не обращая внимания на окружающих, схватил ее руки с какими-то судорожными, по словам г-жи Тороповой, движениями, стал покрывать их поцелуями и говорил даме “как я рад, что встретился с вами”, и затем они стали разговаривать о какой-то телеграмме. После десятиминутного разговора дама ушла в свой вагон, но потом еще несколько раз выходила и встречалась со студентом. И вот в один из этих моментов на площадке противоположного вагона показался г-н Чернобаев, предупредительный г-ном Исаевичем. Никто из пассажиров не видал, что происходило на площадке, но через несколько секунд все были встревожены раздавшимся выстрелом. Чернобаев, стоя на площадке своего вагона, в упор выстрелил в студента, но удар был нанесен неловко. Пуля, произведя поверхностную ссадину на правой стороне груди студента, попала в левую руку и причинила ему сквозную рану в области мышц верхней части предплечья. Ботаровский – при дознании раненый оказался студентом 1-го курса юридического Демидовского лицея С.Н. Ботаровским – отделался легко: нанесенная ему рана освидетельствовавшими его врачами была отнесена к разряду легких.

Предварительное следствие собрало богатый, крайне интересный материал. Началось оно с допроса одного из главных участников дела, г. Ботаровского. На предварительном следствии Ботаровский был крайне сдержан в своих объяснениях. Он рассказал, что приблизительно за год с небольшим до этого события он познакомился в Москве с женой Чернобаева Ольгой Епафродитовной и встречался с ней у ее родных во время ее приезда в Москву, но с мужем ее не встречался и знаком не был.

14 мая 1898 года (накануне вышеописанного происшествия) он случайно встретился с супругами Чернобаевыми в Киеве на пароходной пристани, где и познакомился с мужем Ольги Епафродитовны, с которым так заговорился на пристани, что пароход ушел и Чернобаевы на него не попали. Тут же супруги Чернобаевы решили ехать с вечерним поездом в Москву, куда с ними в одном поезде, но в разных вагонах отправился и он. При остановках на станциях он виделся и разговаривал с Чернобаевой, но с ее мужем не встречался. По выезде из Курска после какой-то большой станции Ботаровский попросил Чернобаеву выйти на площадку вагона, и когда они стояли вместе, то вышел ее муж на противоположную площадку и выстрелил в него. Так просто обстояло дело, по показаниям Ботаровского на предварительном

следствии. Но это относительно самого факта, а относительно того, что его вызвало, каковы были его отношения к Ольге Епафродитовне, г. Ботаровский отказался объяснить что-либо, он только глухо намекнул, что у Чернобаева были причины ревновать свою жену к нему, Ботаровскому. Раза три был он в селе Киндякове, где жили супруги Чернобаевы, но не виделся там с О.Е. Кроме этого, Ботаровский дал следующие указания внешнего, так сказать, характера. Он рассказал, что виделся с г-жой Чернобаевой в Туле и дважды вызывал ее телеграммами в Москву, заведомо ложно сообщая о болезни ее матери, что когда Чернобаева и после этих телеграмм не поехала в Москву, то он подсылал к ней одну особу, знакомую ее московских родных, с целью убедить г-жу Чернобаеву приехать в Москву; назвать имя и фамилию этой подосланной особы студент отказался. В Киев, говорит Ботаровский, он приехал не случайно, а с целью повидаться с Чернобаевой.

Обратимся теперь к показаниям г-жи Чернобаевой. Она объяснила, что уже 7 лет состоит в замужестве и с Ботаровским познакомилась только в феврале 1897 года в Москве, и с этого времени он стал ее преследовать, хотя и не был знаком с ее мужем. 14 мая 1898 года она случайно встретилась с Ботаровским в Киеве и тут впервые представила его своему мужу. Вечером того же дня она выехала с мужем в Москву, и в том же поезде поехал Ботаровский, с которым она встречалась во время остановок в пути, но не разговаривала. Проехав Курск, она вышла после какой-то станции на площадку вагона, а из соседнего вагона вышел Ботаровский. Таким образом, эта встреча, по ее словам, была чисто случайная. В это время вышел муж, и случилось то, что уже известно читателю. О дальнейших внешних событиях, характеризующих г-жу Чернобаеву, рассказывает тот же г-н Исаевич. Произведя выстрел, Чернобаев, по словам Исаевича, в сильном волнении вернулся обратно в вагон, держа еще в руках револьвер, и все повторял фразу: “Это должно было, должно было случиться”. Вслед за мужем в вагон вбежала и г-жа Чернобаева и с криком: “Он убил его, помогите!” хотела убежать обратно на площадку, но была удержана г-м Исаевичем и осталась в вагоне, где стала плакать, обнимать и утешать мужа. Успокоившись, говорил г-н Исаевич, она имела вид как бы довольной своим освобождением от Ботаровского и на станции Орел даже отказалась пойти взглянуть на раненого. Из этого последнего обстоятельства, а равно и из предшествовавшего разговора супругов Чернобаевых, где Ольга Чернобаева вспоминала с мужем о каком-то нахале-студенте, которого удалили с какого-то вечера и которого она после назвала Ботаровским, свидетель Исаевич вывел заключение, что Чернобаева, по-видимому,

не имела никакой привязанности к Ботаровскому, не уважала его, а между тем подчинялась его воле вопреки воле мужа, как бы под влиянием гипнотического воздействия. Для выяснения семейной жизни супругов Чернобаевых и отношений к студенту Ботаровскому был на предварительном следствии допрошен целый ряд свидетелей и приобщены к делу письма И.К. Чернобаева к инженеру Вербицкому и письма Ольги Епафродитовны к Ботаровскому, перехваченные родителями последнего и не попавшие по назначению.

Из показаний свидетеля, инженера Ф.В. Вербицкого, выяснилось следующее: Ольга Епафродитовна Ладыгина вышла замуж за Чернобаева в 1891 году по взаимной любви, без ведома и согласия родных и воспитателей ее гг. Крыловых, тайно обвенчалась без всяких документов, по одному лишь исповедному свидетельству. Средства молодых супругов были очень ограниченные, и Чернобаев часто бывал без места. Приблизительно в конце 1896 года Чернобаева познакомилась в Москве со студентом Ботаровским и вскоре после того жаловалась Вербицкому, что Ботаровский преследует ее. Муж ее сперва ничего не знал об этом, но затем, приблизительно с весны 1897 года, и ему стало известно о каких-то странных отношениях, установившихся между его женой и Ботаровским. Чернобаев сильно ревновал свою жену и в письмах к Вербицкому постоянно жаловался на свою разбитую семейную жизнь и на постоянные отлучки жены из дому по требованиям Ботаровского. Всю вину в своем семейном несчастье, как видно из писем, представленных инженером Вербицким, Чернобаев предписывал одному Ботаровскому, который путем нравственного насилия и угроз заставлял его жену бросать дом и маленького ребенка и уезжать с ним в Москву или в Тулу; в другом письме Чернобаев заявляет, что отказывается понимать свою жену и считает ее погибшей. Так, например, Чернобаев пишет: “У нас все чудеса, вчера был день моего ангела. Вдруг около 12 часов дня является киндячковская баба (из села Киндякова) с предложением Олечке купить масла и просит ее пойти посмотреть, хорошо ли оно. Оля отправилась, но, представьте себе, вместо масла застаёт в избе известного вам негодяя, который под разными угрозами требует, чтобы она ехала с ним в Москву. Оля всеми силами старается отделаться, но он чуть ли не силой не пускает ее домой... Несчастная Оля и сама не знает, как от него отделаться. В данном случае мог бы помочь я, т. е., вернее сказать – дуло пистолета, и если пока до этого не дошло, то только благодаря моему такту”. В другом письме Чернобаев пишет между прочим: “Я вам писал о визите Ботаровского, с которым она отправилась в Москву, будто

бы с целью покончить с ним дела”. “Бедная моя Окуша гибнет в тине. Для чего же она все это делает, я и понять не могу... Одному Богу известно, как жестоко моя дорогая, горячо любимая Окуша заставляет меня страдать. Зачем это ей, дорогой моей, нужно, я и понять не могу”. В следующем письме Чернобаев, сообщая Вербицкому о вновь ожидаемом приезде Ботаровского в деревню вскоре после одного из путешествий Ольги Епафродитовны в Москву, пишет: “Как я вижу, Оля всеми силами старается от него отделаться, и на этот раз она хочет ехать на неделю в Тулу, чтобы он ее тут не застал. Она, несчастная, уверяет, что она с ним боится говорить, опасаясь, что он ее застрелит, чем неоднократно ей угрожал! Вы себе представить не можете, как жестоко я страдаю, благодаря всему этому, что вокруг меня делается и в чем я ровно ничего не понимаю”. В письме от 27 января 1898 года Чернобаев между прочим пишет: «Олечка ездила в Клеточки, якобы для того чтобы покончить с ним (Ботаровским) все разговоры, но вместо конца она поехала с ним в Тулу, где пробыла два дня и привезла с собой какой-то брелок с вырезкой “1898 г.”. Олечка ничего плохого не видит, и даже в подобных случаях я только лаской действую на нее. Бедная Олечка колеблется, и ей необходим добрый энергичный совет и влияние. Теперь она опять рвется в Москву, но зачем, и сам не знаю. Этот господин ее погубил и погубит вконец». Как видят читатели из общего содержания этих писем, Чернобаев, стараясь всячески оправдать любимую жену и обвинить во всем одного Ботаровского, в то же время сомневается в совершенной невинности своей жены.

В последнем письме к Вербицкому, посланном уже после покушения на жизнь Ботаровского, Чернобаев пишет между прочим следующее: “Поехал я в Киев с Олечкой по ее просьбе: она хотела помолиться, с тем чтобы начать новую, как она уверяла, добрую жизнь. В Киеве она клялась перед чашей с кровью Христовой, что с Ботаровским она все окончила и больше его не увидит. Как она сдержала клятву, вы видите по финалу драмы... Она собирается с этим негодяем куда-то в Сибирь. Зачем ей это?..” Кроме Вербицкого, Ольга Чернобаева никому не жаловалась на преследование ее Ботаровским, и из целого ряда свидетельских показаний явствует, что ни о каких преследованиях и принуждениях, которым так скоро готов был верить муж, не могло быть и речи, а совсем напротив. Между Чернобаевой и Ботаровским существовали близкие отношения и, как логические последствия их – частые свидания под различными предлогами, но без всяких насилий и принуждений с чьей-либо стороны, а, выражаясь протокольным языком: “по взаимному соглашению и уговору

и с заранее обдуманном намерением”. Так, например, свидетели Александр и Нина Кочетовы, лица, близко знавшие Чернобаевых, удостоверили, что видели в Туле Чернобаеву и Ботаровского, которые останавливались в гостинице “Лондон”, причем никаких жалоб от Чернобаевой на преследования со стороны Ботаровского не слышали.

Далее целый ряд свидетелей: Мосолова, Дубовицкий, Савин, Буздин и Тамбовская, категорически и попросту объяснили, что они не сомневались в существовании любовных отношений между г-жой Чернобаевой и Ботаровским, были очевидцами происходивших между ними свиданий, которые устраивались по взаимному их согласию, тайком от мужа г-жи Чернобаевой, с разными уловками и низостями, имевшими целью оградить их от подозрений и преследований обманываемого мужа, внезапные выезды г-жи Чернобаевой из деревни происходили, конечно, без всяких принуждений со стороны Ботаровского, а опять же таки по взаимному соглашению. По словам некоторых из упомянутых свидетелей, Чернобаев знал об этих свиданиях, и после первого же выезда жены с Ботаровским в Москву он, по словам свидетеля Дубовицкого, объявил перед всем народом, находившимся на работе на железной дороге, что он застрелит студента, если он еще раз появится, и застрелит каждого, кто будет вызывать его жену к студенту. Кроме того, Чернобаев обещал молодым ребятам на чай, прося, чтобы они камнями зашвыряли студента, если он появится.

По показанию свидетеля, врача Алексева, – интимные отношения Ольги Епафродитовны к Ботаровскому для всех являлись фактом, не подлежащим никакому сомнению, и когда об этом говорили в лицо Чернобаеву, он никогда не протестовал, так как, очевидно, сам был уверен в существовании связи между своей женой и Ботаровским.

Отец потерпевшего Николай Федорович Ботаровский объяснил, что о связи своего сына с г-жой Чернобаевой он узнал из писем последней на имя сына. Мать Ботаровского вскрывала некоторые письма и, прочитав, заклеивала их и отдавала сыну. Судя по этим письмам, связь Ботаровского с Чернобаевой началась еще в конце 1896 года. За последние полтора года Чернобаева положительно осаждала письмами Ботаровского, посылая их по почте и через рассыльных. Вскоре, однако, заподозрив, что ее письма читаются родителями Ботаровского и что не все письма доходят по назначению, Чернобаева стала пересылать свою корреспонденцию через товарищей Сергея Николаевича Ботаровского: Доминцова, Стрелкова и Бромата.

Часть не переданных по назначению писем отец потерпевшего представил к следствию. По словам отца, Чернобаева всецело подчинила своему влиянию его сына, что весьма дурно отозвалось на его занятиях, заставило бросить медицинский факультет Московского университета и перейти в Ярославский юридический лицей, где, как известно, к студентам предъявляются меньшие требования.

По словам товарищей Ботаровского, он был с Чернобаевой на “ты” и даже обсуждал устройство совместной жизни, собираясь уехать то в Ярославль, то даже в Сибирь. По словам свидетеля Доминцова, Ботаровский и в Киев был вызван в мае месяце 1898 года телеграммой Чернобаевой. Таким образом, оказалось, что он в Киев попал не потому, что случайно узнал об отъезде Чернобаевых, как он говорил, желая выгородить г-жу Чернобаеву. К следствию была представлена копия с этой телеграммы следующего содержания: “Передайте Ботаровскому (телеграмма была послана на имя Бромата) попалась руки мужа. Еду Киев. Приезжай гостиница Национальная”.

Но самый правдивый свет на всю эту романическую историю проливает интимная переписка влюбленных. Читая письма Чернобаевой, все показания свидетелей становятся излишними, все сомнения относительно того, была ли она жертвой преследования со стороны Ботаровского или сама первая шла навстречу сближению между ними, отпадают сами собой. Вот яркий образчик одного из ее писем: “Дорогой Сережик! – пишет она, – только что приехала и спешу написать тебе несколько строк; ты не поверишь, какая тоска без тебя, мой милый, дорогой ёжичек. Приехавши в деревню, я получила много неприятностей: во-первых, от своих за то, что с тобой виделась, а во-вторых, моя девчурка очень сильно захворала. Бог знает, что со мной происходит при воспоминании, что ты вчера или сегодня в Сокольниках. Если бы я могла тебя сейчас увидеть, я бы пробрала тебя хорошенько, потом я себя утешаю тем, что было в Александровском саду, и еще тем, что ты мне дал честное слово ни у кого не бывать и ни с кем не видаться... До свидания, до 5 июня”.

Итак, уже предварительное следствие успело достаточно ярко осветить и почву, на которой выросло преступление, и мотивы этого преступления, приведшего Чернобаева, еще молодого, полного жизненных сил человека (ему всего 30 лет), на позорную скамью.

На предварительном следствии Чернобаев признал себя виновным в покушении на жизнь Ботаровского и оправдывался только тем, что сделал это почти машинально, по внезапному

побуждению, схватившись за револьвер, всегда носимый им при себе, когда увидел на площадке вагона жену вместе с Ботаровским. Ввиду высказанного врачом Красиным, свидетельствовавшим Чернобаева 16 мая 1898 года, мнения, что Чернобаев совершил преступление в припадке умоисступления, было проведено судебно-медицинское исследование обвиняемого в состоянии умственных его способностей, причем Чернобаев был признан психически здоровым и действующим в момент преступления в состоянии запальчивости и раздражения.

Присяжные заседатели признали Чернобаева действовавшим в состоянии умоисступления. На основании этого вердикта Чернобаев объявлен по суду оправданным.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(15 сентября 1900 г.)

Опереточный артист Бобров соблазнил шестнадцатилетнюю гимназистку Часовникову. Она бежала с Бобровым и, через несколько месяцев забеременев, покончила с собой выстрелом из револьвера.

Как о бегстве Часовниковой, так и о ее трагической смерти появились своевременно корреспонденции, но печать вообще осталась к ним глуха и в обсуждение проступка или даже преступления, совершенного Бобровым, не входила. В это время печать была занята китайским вопросом, настолько заполнявшим столбцы, что ни для каких других вопросов места не оставалось.

Так называемый “инцидент с Бобровым”, в настоящее время создавший уже целую литературу, начался с того, что в астраханском театре публика устроила Боброву демонстрацию, криками, свистками и возгласами “долгой воронежского героя!” заставив его удалиться со сцены. Третейский суд, к которому обратился Бобров, ничего не разрешил, а только окончательно запутал дело, дав такого рода уклончивые и невразумительные ответы:

Вопрос I. Вправе ли была часть местного общества выразить свое нравственное неудовольствие поведению г. Боброва в истории с г-жой Часовниковой – неудовольствие, основанное на вполне определенной и не опровергнутой г. Бобровым корреспонденции “С.-Петербургских ведомостей” и на показаниях лиц, близко стоявших к покойной? Ответ. Газетная корреспонденция и сообщения лиц, знакомых с обстоятельствами самоубийства Часовниковой, давали право части местного общества негодовать и сделать вызов г. Боброву разъяснить его отношения к покойной, но прибегать к демонстрации в театре общество могло после уклонения г. Боброва от дачи (всяких) объяснений вне театра. Театральная демонстрация для г. Боброва – преждевременная кара.

Вопрос II. Объяснения г. Боброва дают ли основание заключить, что, войдя так или иначе в сношения с молодой и неопытной девушкой, он вел себя безупречно и не сделал ничего, что могло бы способствовать ее решению покончить с собой? Ответ. Г. Бобров,

как можно заключить из его объяснений, в своих отношениях к покойной был не вполне безупречен: он обставил ее жизнь так, что у покойной могло зародиться сомнение в искренности его к ней чувств. Было ли у покойной бесповоротное решение лишиться себя жизни – на это по тем же объяснениям г. Боброва и по другим данным – ответить определенно нельзя.

Между “моральным убийцей”, как назвал Боброва в одном открытом письме в редакцию отец покойной Часовниковой, и не вполне безупречным поведением Боброва, по решению третейского суда, оставалось громадное расстояние, ничуть, пожалуй, не меньше, чем между “убийством с заранее обдуманном намерением” и “убийством в состоянии запальчивости и раздражении”, по терминологии правительственного суда. Но неопределенность этого выражения “не вполне безупречна”, лаконичность решения, совершенно бесцельно скрывшего от публики факты, легшие в его основу, привели к тому, что печать уже вполне самостоятельно и без всяких уже судебных гарантий изменила относительно мягкий приговор третейского суда в строгий и категорический вердикт: виновен без всякого снисхождения.

В этом уже заключалась первая характерная особенность настоящего дела. Никто из вторично судивших Боброва, т. е. писавших о нем, не слышал свидетелей и не знал, о чем они говорили, не видал переписки, проливающей свет на отношения Боброва и его жертвы, не слышал, наконец, да и не требовал объяснений от самого подсудимого. Только один, кажется, г. Петербуржец, сотрудник “Нового времени”, попробовал выступить с особым мнением, но невиновность Боброва мотивировал так нелепо, что окончательно утопил бы своего клиента, если бы тот уже не был утоплен, да и сам заслуженно не попал в “нововременские герои”.

Единодушно признав Боброва убийцей, петербургская пресса, уже не занятая китайским вопросом и имевшая слишком много свободных столбцов, единодушно приступила к решению вопроса: имеет ли публика право вмешиваться в частную жизнь артиста. По правде, нового ничего сказано не было, и если этот вопрос был когда-либо темным, то и теперь остался таким же. Кн. Барятинский, исходя от чистого разума и столь же чистого сердца, разбил чувствования на две категории: эстетические и гражданские. Первая – (что) человек должен испытывать с той минуты, как его разденет капельдинер, до того момента, пока капельдинер вновь его оденет; находясь в этом состоянии, человек может только рукоплескать артисту как артисту или шикать. Гражданские чувства начинают функционировать вместе с облачением в верхний костюм-пальто или бекешу – и в этом состоянии или,

вернее, в этом костюме человеку уже предоставляется право так или иначе карать артиста, при том, конечно, условии, что и артист смыл грим и облачен в пальто или бекешу. Многие одобрили рассуждения кн. Барятинского, но указали на их практическую неосуществимость.

То же требование о разделении сцены и частной жизни предъявил в “Новостях” г. Яблоновский, исходя, однако, в противоположность кн. Барятинскому, от совершенно практических положений: если публика будет наказывать артиста в театре, то ни одного акта ни в одном театре не пройдет без скандала. Можно подумать, что под словом “артист” г. Яблоновский понимает опытного рецидивиста, только на днях бежавшего с Сахалина и проживающего по чужому паспорту. В утешение публике лишенный карающего меча Немезиды г. Яблоновский добавляет, что “ошельмовать” согрешившего артиста может пресса.

Большинство, однако, публицистов во главе с А.С. Сувориным примкнуло к тому мнению, что провинившегося артиста следует наказывать не сходя с места: в театре так в театре. В сущности говоря, разногласие между всеми писавшими было очень невелико: никто не возражал против необходимости экзекуции для артиста; спорили только о том, где артиста сечь: в театре, в прессе или где-нибудь на открытом воздухе. При отсутствии китайских мотивов это не помешало, однако, возгореться оживленной полемике.

Это вторая особенность настоящего случая. Жизнь наша так бедна общественными темами, доступными для обсуждения, что пресса способна целый месяц уличать в безнравственности курицу, снесшую яйцо-болтун, а остальные два месяца сомневаться: имела ли она право уличать курицу, или это значит вмешиваться в ее частную жизнь. До какого парения мысли можно прийти при таких обстоятельствах, показал один из писавших о Боброве – не помню уже кто, – посвятивший целый фельетон: должна ли полиция арестовать артиста, совершившего тройное убийство до исполнения им арии “Приют невинный...” или же по окончании таковой.

Дальнейшее обсуждение инцидента привело к некоторым неожиданным. Так, из письма студента Каменского выяснилось, что астраханская публика, уже награжденная публицистами аттестатом зрелости, была решительно ни при чем: демонстрацию устроила кучка молодежи студентов, а публика кричала Боброву: “Браво!” Пришлось аттестат отнять. Далее говоря о Боброве, Old Gentleman вспомнил и рассказал про другого московского артиста, когда-то соблазнившего девушку; Суворин у себя повторил рассказ, и есть надежда, что, при отсутствии китайских мотивов,

к концу года возникнет несколько интересных дел об артистах: А., В., С., D., обвиняемых etc.

Третья наиболее характерная особенность: именно самое это “ошельмование” Боброва. Совместительство в одном лице судьи и палача редко может привести к хорошим результатам. Если бы председатель или кто-нибудь из сторон в суде назвал действительного убийцу и вора – негодяем и скотиной, указал бы при этом, что он никогда не умел хорошо петь, мы все были бы возмущены: личность даже преступника должна пользоваться известной неприкосновенностью. О Боброве же теперь немногие решаются говорить, предварительно не отплевавшись. Правда, в данном случае, при невозможности заключить Боброва в тюрьму, насмешка и брань являются самым именно наказанием – но должна быть мера наказанию, или оно безмерно? Так или иначе, Бобров заслужил наказание, но не напоминает ли это “ошельмование” одного из самосудов некультурной толпы, когда провинившийся обмазывается дегтем и закатывается в перья и, как зверь, травится расвирепевшим народом, среди которого не всякий еще знает, доподлинно ли виноват наказываемый?

Не о том нужно было говорить, вправе ли публика вмешиваться в частную жизнь артиста. Это вопрос праздный и ненужный. Важнее и новее была бы речь о способах, какими может воздействовать общество на своего безнравственного члена, не подлежащего правительственному суду. У нас много третейских судей, но еще ни разу не встречался третейский суд, удовлетворяющий своему назначению. Задача прессы ввести его в наши нравы – палачествовать же, ей-богу, тяжело и даже во имя справедливости и добра!

P. S. Настоящие строки были уже набраны, когда в газетах появилось письмо Боброва, написанное в целях самооправдания. Не касаясь существа письма, бросающего, однако, совершенно иной свет на отношения артиста к покойной Часовниковой, я нахожу в нем только подтверждение высказанной мной мысли: нельзя обвинять, не выслушав обвиняемого и не дав ему средств к оправданию, нельзя казнить, не судивши.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(17 сентября 1900 г.)

В давние времена овец стригли попросту, не прибегая к наукам. Видят, ходит по лугу овечка, до того обремененная шерстью, что инда вся в поту смокла, ее и постригут:

– Тебе, – говорят, – шерсть ни к чему, одна тягота, а нам она очень даже полезна для заграничного вояжа.

Овечке кожу оставят, себе шерсть возьмут, ан и поделились к общему удовольствию. Но ныне времена стоят деликатные, а по части хороших слов даже строгие. Без надлежащего умения обращаться с хорошими словами даже в карманники не принимают, на что уж, кажется, дело откровенное и незатейливое. В высших же сферах человеческой предприимчивости красноречие требуется.

– Наше, гг. судьи, гуманное законодательство... – говорит гражданский истец с благородным трясением всего тела, а сам тем временем одной рукой подсудимого заушает, а другой карманы его обшаривает.

И овец теперь стригут не иначе как во имя эмансипации и равноправности полов.

– Извините, – говорят, – сударыня, что я ваш покой жестоким словом правды нарушу, но нам от души прискорбно глядеть на вашу неразвитость. В то время как всякая уважающая себя девица наголо стрижется и тем полную равноправность оказывает, вы до самых глаз шерстью обросли. Мне-то что, мне ваша шерсть не нужна, а вот что вы все науки в конфуз приводите, это уже не хорошо. Мишка, тащи большие ножницы да поддержи мамзель – упирается!

Истекшая неделя ознаменовалась двумя крупными событиями: московские трактирщики всплакнули о недостатке трезвенности среди народа и гг. московские мануфактуристы впали в глубокую скорбь по поводу бедственного своего положения.

Обращение трактирщиков носило весьма трогательный характер и свершилось под давлением думского проекта о новом трактирном обложении, имеющем непосредственной целью спойть православный народ. Ввиду введения винной монополии

и оставления только одной четверти трактиров с вольной продажей питей, управа выразила скромное желание увеличить на 25 % сбор, уплачиваемый остающимися трактирами. При основательности соображения, что барыш этих трактиров увеличится по меньшей мере втрое, проект управы скорее свидетельствовал о мягкости ее характера, нежели о свирепости и даже безжалостности. Она и сама чувствовала это и оправдывалась тем, что надо-де дать трактирщикам возможность приноровиться к новым условиям торговли. На мой взгляд, приноровляться придется только трактирным посетителям, которым потребуется некоторое время для основательного усвоения новой трактирной географии, но я не стану спорить с думой. Возможно, что и наливание рюмок есть наука, которая не дается сразу, – в думе об этом лучше знают, и я не стану спорить.

50 Оказалось, однако, что я просто не понял тайных думских вожделений, и в то время, когда я считал ее снисходительной мамашей всех больших и малых трактирщиков, она в действительности явилась бабой-ягой, свирепым волком, жаждущим пожрать бедную красную шапочку – московского трактирщика. Дальнейшие открытия повергли меня в трепет, легко понятный всякому неиспорченному обывателю: с невероятным коварством, изменнически прикрытым цифрами, управа вступила в жестокую войну, – страшно вымолвить! в войну с финансовым ведомством. Тогда как означенное ведомство пытается водворить трезвость, 60 эта предательская управа лелеет мечты о всеобщем, поголовном, беспробудном пьянстве!

Страшно!

Открыла мне глаза одна московская ежедневная газета, излюбленный орган московских трактирщиков.

“Внимайте и соображайте!” – такими устрашающими словами начинается обращение почтенного органа к своим потребителям. Вы, трактирщики гласные, вы, трактирщики безгласные, поднимайтесь на защиту нашего меньшого брата, спойть который задумала управа. А вы, батюшка, г. частный пристав, прислушайтесь. Дума говорит, что число посетителей в оставшихся трактирах увеличится. “Странное соображение, если принять во внимание, что оно во всем своем объеме расходится с воззрением на это дело министерства финансов и с его планами. Министерство финансов, как известно, крепко верит, что уменьшение трактиров повлечет за собой уменьшение потребления в них крепких напитков вообще, московская же городская управа полагает и даже строит свои финансовые расчеты на том предположении, что к л и е н т ы всех ныне существующих трактиров станут по введе-

нии монополии клиентами немногих оставшихся... Свои расчеты управа строит на том, против чего борется и на уничтожение чего уповает казна!..”

Вывод из этих буквально приведенных мною строк очень прост: не нужно увеличивать обложения, и тогда число посетителей станет меньше и то, во что крепко верит министерство финансов, осуществится. Если же обложение увеличить, то, несомненно, все обыватели запьянствуют и... Но почему же они, однако, запьянствуют? А по той причине, что должен же трактирщик получить свой барыш.

– Ежели городу нужно пополнить средства, – рассуждает охранитель меньшого брата, – увеличь квартирный налог, обложи налогом клопов, потому что это насекомая вредная и водится только у людей грязных и незажиточных, обложи сборами гимназические аттестаты и университетские дипломы, бери за каждые очки, что сидят на интеллигентном носу пролетария, но трактира не тронь: измена!

Одновременно с трактирщиками разразились рыданиями московские мануфактуристы. Горе их было гораздо глубже и скорбь человечнее. Я назвал бы ее даже мировой скорбью, столько в ней заключается возвышенного лиризма, необъятной любви и жгучего страдания о жалкой доле все того же меньшого брата. На этот раз в опасности оказался не обыватель, а рабочие. Дело в том, что последние, скупаемые жаждой труда, все производили и производили, до тех пор производили, пока не случилось перепроизводства.

– Легче, ребята, – предупреждали их фабриканты. – Легче, ребята, не яритесь.

– Никак не можем не яриться, выше степенство, – отвечали ребята. – Уж очень мы падки до этого самого дела – страсть! Пожалте еще хлопочку.

– Ой, ребята, не много ли?

– Осчастливьте, ваше степенство: дайте побаловаться на машине.

Баловались, баловались, да и добаловались до того, что весь почти хлопок извелся, а ситцу да миткалю столько понаделали, что хоть Красный пруд засыпай им.

Собрались тогда господа мануфактурщики в одно место и начали друг друга спрашивать:

– Баловался?

– Да еще как! День и ночь дозволял работать. Сижу, бывало, и слышу: чук-чук, чук-чук. “Что это?” – жену спрашиваю. – А это твои, говорит, на машинах балуются. Очень уж я мягок, никому супротивиться не могу.

– А у меня, – говорит другой господин, – у меня даже по праздникам баловаться хотели, да, спасибо, фабричный инспектор их образумил.

И всем собравшимся стало грустно, и все вздохнули так глубоко, ажно ветер пошел и повалил два новых дома да одного пьяного сторожа.

– Как же быть? – спросила седая голова, и головы лысые, черные и желтые с пробором и без оноу уныло отозвались:

130 – Как же быть?

Стало так грустно, что в зиминском водопроводе неожиданно иссякла вода, чем никто, однако, поражен не был.

– Думаю я так, – сказала в задумчивости седая голова, – с у б с и д и я необходима. Не о себе ведь мы хлопчем, что уж мы-то, протянем наши дни, как ни на есть. Не дадут погибнуть добрые люди. Возьмем палочки, оденемся в отрепья...

Оратор всхлипнул, и все заплакали.

– И пойдем под окнами. Кто даст копейчку, кто корочку черного хлебца...

140 Оратор зарыдал, и все зарыдали. Один молодой и неопытный мануфактурист завыл так громко, что даже в обществе покровительства животным обеспокоились.

– Но, – шепотом продолжала седая голова, – не будем произносить этого слова “с у б с и д и я”. Не любят его у нас, по маломыслию с грабежом смешивают. Найдем доку, а дока нам уж напишет. Ввиду-де коварства американских хлопчатобумажных фабрикантов и в силу иных неблагоприятных течений российской – не московской, а именно российской – мануфактурной промышленности грозит временный кризис, могущий крайне ги-
150 бельно отразиться на общем экономическом положении страны. Дабы дать возможность пережить это временное затруднение, необходимо понизить пошлину на хлопок, ну и т. д.

– Это верно, – басом заявила черная голова, – а то прямо просить денег неудобно.

– Почему же неудобно? – отозвался молодой и неопытный мануфактурист. – Не для себя ведь просим. Вон и дядинька так говорят.

– Верно, дитя мое, – отозвался с одобрением дядинька седая голова, – но ты знаешь сказанное: пусть даже левая твоя рука не
160 ведает, что творит правая. Будем благодетельствовать, но втайне, и поверь, нам воздается явно.

Мудры были слова седой головы; велико горе, но и сладостно утешение. Столь сладостно, что в зиминском водопроводе снова на минуту показалась вода, чем все были поражены.

Я возвращался с одним знакомым из театра, где только что закончился последний акт драмы Ростана “Сирано де Бержерак”. Ночь была прекрасная, теплая; на Тверской, освещенной словно днем, кишела толпа, но не дневная, та, что бежит по своему делу, а ночная толпа, наполовину состоящая из полупьяных людей, на другую половину – из проституток. Печально было смотреть на эту привычную действительность, когда перед глазами носился еще облик рыцаря и поэта, в ушах еще звучали наивно благородные излияния чистой, непродажной и верной любви. 170

– Романтизм! – ворчал мой знакомый, возвращаясь к разговору о виденной драме. – На кой черт преподносят мне этого выдуманного героя, в котором ни на грош нет трезвой правды и жизни? Сотню негодяев избил! Дерется, а сам стихи сочиняет! Икать уже перед смертью начал, а сам к своей Роксане тащится и дневник происшествий за неделю передает. А любит-то, любит-то как! Гимназисты, и те уже теперь так не любят, да и любил ли кто-нибудь так глупо? Постеснялся, видите ли, истину об этом красавчике рассказать и женщину самым идиотским образом счастья лишил. Герой! 180

– Чего же вы хотите? – спросил я.

– Правды! – резко ответил мой спутник. – Лучше одного живого негодяя мне покажите, нежели сотню выдуманных героев.

– А это вас не удовлетворяет? – спросил я, указывая на одного в достаточной степени живого, хотя и пьяного, негодяя, нагло пристававшего к какой-то женщине. – Однако, не вмешаться ли нам? 190

– Не наше дело, – равнодушно ответил собеседник. – А насчет этого живого мерзавца вы зря мне острите. Мы не о жизни говорим, а о сцене. Давай мне на сцене отражение действительной жизни с ее страданиями и радостями, а не...

– Вы так любите действительность?

– Я люблю правду.

Старый, отчаянно старый разговор. Так спорили между собой наши отцы, тот же спор услышим мы и среди наших детей. И правы будут, пожалуй, и те и другие, ибо правда жизни есть то, чего мы хотим от нее. 200

Почему в эту кроткую, тихую ночь все, что видели мои глаза: улица, залитая электрическим светом, наглые лихачи, кричащие, смеющиеся и взаимно продающиеся люди казались мне какой-то невероятной, дикой и смертельно ужасной ложью, а выдуманный, не существующий театральный Сирано, на глазах публики снявший свой роковой нос, – единственной правдой жизни?

Я знаю, что теперь нет поэтов, которые во время боя сочиняют стихи; правда, их часто бьют, но уже после того, как они сочинили. Я знаю, что поэты никогда не бросают на сцену кошелька, если только это не открытая сцена Омона или “Яра”, и кошелек при этом никогда не бывает последним: хорошему поэту редакция никогда не откажет в авансе. Я знаю, что поэты никогда не бывают так голодны, как Сирано, и так умеренны, как он, и если целуют руки у прислужниц, то только у своих и притом в отсутствие жены. Знаю я, наконец, что поэты никогда не говорят правды в лицо сильным мира сего, и если их бьют, как и Сирано, по голове, то только за неправду.

И любят люди не так, как любил Сирано, – я знаю и это. Они не гонят со сцены наглого актера, осмелившегося любострастно
220 взглянуть на их возлюбленную, а или спокойно отдают ему свое сокровище, или, быть может, и гадят, но только из-за угла, а потом скопом набрасываются на него и бьют. Если женщина их не любит, они не устраивают счастье ее с своим противником, но или обвиняют ее в краже портсигара, или убивают: ее, соперника, даже себя; наконец, пишут анонимные письма и доносы. Не умалчивают они и о недостатках своего соперника: если он умен, доказывают его глупость, если он дурак – изображают его безнадежным идиотом. Иногда поэты и пишут для дураков любовные письма, но не дешевле, чем за рюмку водки – большую десятико-
230 пеечную. Никто, наконец, не пользуется красноречием для любви: его продают в суде, в книге, на кафедре, возлюбленную же молча обнимают и целуют: она и сама догадается, что это значит.

Умирать же так, как умер Сирано, не только никто не умирает, но считает за неприличие. Во-первых, умирают всегда дома, а не идут для этого в гости. Умирать начинают не за полчаса до смерти, а лет за тридцать по меньшей мере. Последнее, что перестало жить в Сирано, было его великое сердце – у настоящих людей оно умирает первым, так как и малó, и худосочно, да и излишне,
240 если рассказывают анекдоты, как Сирано, то в неперменной связи с собственным геморроем. Умирая, наконец, не вызывают на бой самое грозную смерть, а просят послать скорее за доктором, и если поднимают руку, то вооруженную не непобедимой шпагой, а пером, чтобы подписать завещание.

Все это я знаю, знаю вполне достаточно для того, чтобы жить, любить и умереть, как настоящему человеку. Но почему я не верю во все это и правдой считаю то, чего никогда не бывает? Почему для меня убедительнее всех физиологических трактатов и грошовой психологической мудрости эта неестественная смерть Сирано?

Сейчас, в эту минуту, я вижу его, предательски лишённого жизни, но не мужества, вижу его встречающим эту всем страшную, бессмысленную смерть. На ногах, как подобает мужчине, более гордый, чем сама эта царица подземного царства, встречает он ее. Колеблются старые ноги, дрожит рука, уже стиснутая железным объятием смерти, но шпага, орошенная черной кровью негодяев, сверкает победным светом и до последнего движения не изменяет великому сердцу, которому изменило все: счастье, любовь и сама жизнь.

Дорогу гасконским дворянам!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(18 сентября 1900 г.)

Трудно найти трех лиц, которые бы столь полно и ярко воплотили собой настоящую, неприкрашенную действительность, нежели супруги Чернобаевы и Ботаровский. Это не герои, это и не злодеи – это “хилые натуры”, как назвал их Ф.Н. Плевако. У нас очень любят слушать адвокатов, но доверяют им очень мало, признавая их если и художниками, то слишком тенденциозными. На этот раз, однако, Ф.Н. Плевако нимало не увлекся в сторону художественного творчества и с великой своей способностью проникать в темную глубь вещей и человеческого сердца подметил основную особенность этих людей и метко определил ее.

Хилые натуры.

Всякая эпоха прилагает свои эпитеты к натурам. Были у нас демонические натуры, самые, в сущности, красивые, хотя на дне своем несчастные, а в житейском обиходе нелепые и даже вредные. В ближайшем будущем им суждено, по-видимому, возродиться, хотя и под другим флагом – под флагом нищестанства или горьковского босячества. Было время у нас и натур загадочных. Некоторое время, очень недолгое, но бурное и яркое, господствовали над жизнью деятельные натуры – и давно уже, очень давно стоит время натур хилых.

Певцом их и художественным изобразителем был А.П. Чехов. Разные заглавия давал он своим отдельным творениям: “Хмурые люди”, “Скучная история”, но если полному собранию своих сочинений он даст единый заголовок: “Хилые натуры”, он подойдет очень близко к истине. Хилость лежит в основе сегодняшнего дня. Как и во все времена, люди продолжают совершать свой жизненный оборот: любят, ненавидят, ищут истину и хорошие оклады, лгут, сплетничают и убивают друг друга – но все это примерительно к хилости. Оттого и скучен так нынешний день. Нытье, прежде имевшее каких-нибудь две-три ноты, ныне стало на положении искусства и всесторонне разрабатывается в соответствующих музыкальных школах. Есть школа нытья итальянская,

легкомысленная, с трелями и фиоритурами: так ноют преимущественно кандидаты на судебные должности, доктора и помощники присяжных поверенных, алчущие пожать клиента...

Существуют в нитье и последователи Вагнера; избрав какой-нибудь основной мотив, они тоскливо, глухо и немелодично вьются вокруг него, – так ноют члены благотворительных обществ, дамы-писательницы и т. п. общественные деятели. Разнообразно, артистически ноют.

– Друг любезный, отчего ты столь мучительно ноешь и преимущественно по ночам, принуждая тем мою супругу просить себе отдельный вид на жительство? – спросил я жильца верхнего этажа.

– Как же мне не ныть, дубовая твоя душа, – ответил жилец верхнего этажа. – Казну обокрасть вот уже пятнадцать лет собираюсь, да ничего сделать не могу. Вот он, ящик-то стоит, а вот ключ, а вот и паспорт заграничный – а рука не протягивается. Желание есть, а воли нет.

– Может быть, от честности рука-то не поднимается?

– Сказал тоже, от честности! Среда меня заела, вот что. Несчастный я в этой жизни человек. Украду – сам в участок пойду, не украду – до гробовой доски казниться буду, что не украл. По неволе заноешь!

И, сказавши это, он занял столь горестно, словно Великим постом перед пустым залом концерт давали. Пошел я к жильцу нижнего этажа. Он ныл систематически: взвизгнет и замолкает.

– Оттого я взвизгиваю, – пояснил он, – что никак подвига совершить не могу. Так вот и кипит мое сердце, подвигов хочет, а на действия запрет натурой положен. Пошел я третьего дня на Тверской бульвар девиц к честной жизни возвращать – да вот только сейчас из участка отпустили.

– За девиц?

– Нет, за стекла. У “Яра” стекло побил. Немец один подвернулся – такая скотина!

Не чем иным, как сплошным нитьем, занимались хилые натуры чернобаевского процесса. Мне не особенно верится в ангельскую кротость и незлобивость души самого г. Чернобаева, что нельзя, конечно, поставить ему в вину или в преступление. Ложь в самых диковинных видах преподносилась ему в таких крупных приемах, что и святого человека из терпения выведет. И, наверное, он ото всей души ненавидел г. Ботаровского и “Окушу” свою по доброму старому обычаю приструнить бы хотел, а на действия натурой запрет наложен. В итоге – жалкий и лживый

компромисс. Хочется счастья, хочется любви женщины, – а сил с бою взять это счастье или решительно отказаться – нет.

– Все старое прощу, брось только этого студента, – говорит Чернобаев, и это “прощу”, звучащее так красиво, только прикрытие некрасивой слабости. “Прощу” – значит, помирюсь с твоей ложью, с своим неуважением к тебе и себе, только не отнимай у меня моего крохотного счастья, счастья – применительно к хилости. И разве верил он во все эти клятвы? Обманывал себя, утешения в них для своей совести искал, для самоуважения обстановочку создавал.

– Поедем со мной на два дня в Тулу, и я прощу тебе твоего мужа, твои холодные письма и свое неуважение к тебе и себе, – говорит Ботаровский, ищущий того же крохотного счастья – применительно к хилости. И он ненавидит этого “тирана”, он рад бы любить при свете, а не во тьме лжи и обмана, – а на действия запрет положен!

Конечно, они несчастны и достойны сожаления – но разве не достоин сожаления и мой жилец, которому пятнадцать лет казну обокрасть хочется, а силы не позволяют. Желание его преступно, но разве это не величайшая мука для человека – в себе самом, в своей дряблости и худосочии находить вечного непобедимого врага всему: “добру и злу”?

Вот они, настоящие люди, и настоящая действительность!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(20 сентября 1900 г.)

В о п р о с. Видали вы когда-нибудь коночную лошадь?

О т в е т. Нет, я никогда не видал коночной лошади, но я слышал о ней.

В. Почему не видали?

О. Потому, что по своей прозрачности и бестелесности она доступна не всякому глазу.

В. Что же вы слышали о ней?

О. Что еще до открытия Рентгеном его загадочных лучей, они уже применялись к коночным лошадям. Наш уважаемый учитель сообщил нам, что он однажды весьма явственно видел на экране, т. е. на мостовой, отпечатлевшийся скелет лошади. Там, где у других лошадей полагается желудок, у нее замечался твердый предмет странных очертаний.

В. Что же это было?

О. Кожаный сапог малолетнего форејтора.

В. Она его съела?

О. Да. Они все едят сапоги малолетних форејторов. Правление общества исследовало это явление и в своем докладе гг. акционерам пришло к выводу, что все лошади страдают извращением вкуса. Научно это свойство называется идиосинкразией. Вида овса коночные лошади совершенно не выносят.

В. Почему?

О. Падают в обморок.

В. Вы слышали о пяти штрафах, в течение одного месяца наложенных на администрацию за выпуск изморенных лошадей? Произвело это какое-либо изменение в физических и нравственных свойствах лошадей?

О. Нет, не произвело. Они остались теми же кроткими воздушными созданиями не от мира сего.

В. Тогда, не произвели ли штрафы какой-либо перемены в карманах акционеров?

О. Нет, не произвели. Карманы вполне сохранили свой земной характер вещей толстых, объемистых и солидных. Наш уважаемый учитель объясняет это тем, что выгоднее платить штрафы, нежели кормить лошадей.

В о п р о с. Вы видали когда-нибудь московского судебного пристава?

О т в е т. Нет, я никогда не видал московского судебного пристава, но я слышал о нем.

В. Почему не видали?

О. Потому что я никогда не мог встать так рано, чтобы занять одно из первых мест в ряду желающих увидеть судебного пристава. Когда я приходил в 6 часов утра, уже вся лестница бывала занята, так что я стоял на дворе. Но потом ушел.

В. Почему ушли?

О. Потому что пошел дождь, а у меня не было зонтика. В следующий раз я пришел накануне и мне удалось занять место на лестнице. Но потом я ушел.

В. Почему ушли?

О. Потому что час приема кончился. Но мой знакомый, помощник присяжного поверенного, остался. Он уже неделю пытался увидеть судебного пристава, и характер его от этого испортился. Стал раздражительный и мрачный, с видимой склонностью к самоубийству. Не видя исхода из своего положения, он за полтинник купил место у стоявшего впереди.

В. Это факт?

О. Факт. Потом он начал стучать в дверь, неистовствовать и нарушал тишину то рычанием, то проклятьями, то стоном.

В. И тогда?

О. И тогда в дверь выглянула голова судебного пристава. “Вы чего-нибудь хотите?” – спросил он. “Да, я хочу, чтобы вы взяли у меня исполнительный лист”, – ответил помощник. “Я не могу взять исполнительного листа, потому что вы стоите не в очереди, но, быть может, вы еще что-нибудь хотите?” – “Да, я хочу, чтобы вы пустили меня в комнату”. – “Почему вы этого хотите?” – “Потому, черт... что здесь холодно!” – “Я не могу пустить вас потому, что комнаты набиты народом, но, быть может, вы еще чего-нибудь хотите?” – “Да, я хочу, чтобы черт взял меня, исполнительный лист, моего патрона, всех клиентов, мою жену, моих детей, их дядю...” – “К сожалению, это не относится к моим обязанностям, но, быть может, вы еще чего-нибудь хотите?” – “Жаловаться хочу, черт меня подери совсем!”

В. Чем же это кончилось?

О. Пристав ушел к себе, а помощник поехал в карете скорой медицинской помощи за город.

В. А жалоба?

О. Не имела смысла. Пристав не виноват, что по болезни другого пристава у него на руках два участка, тогда как и один так велик, что с ним нет возможности управиться.

В. Что вы делаете теперь, получив в суде исполнительный лист?

О. Справляюсь по телефону в Канатчиковой даче, есть ли свободное место.

* * *

В о п р о с. Мы виноваты с вами перед почтенным г. Хомяковым?

О т в е т. Виноваты.

В. Думали, что он 35 000 за место просит?

О. Думали.

В. А он 120 000 запросил?

О. Запросил.

В. А теперь на 50 000 соглашается, и то только потому, что патриот и в Москве родился?

О. Только потому.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨24 сентября 1900 г.⟩

Один мой знакомый адвокат, по фамилии Патентованный, держит свою добродетель в несгораемом шкафу.

– Во-первых, – так как он никогда не знает, сколько будет говорить, то всегда начинает с “во-первых”, – во-первых, она там сохраннее. Раньше я ее в виде пресс-папье на письменном столе держал, да подвернулся один клиент близорукий, да и стащил, будь он неладен. Насилу потом на Сухаревке раздобыл, три воскресения подряд ходил, да и то не свою, а инженера какого-то. На окраину дорогу строить поехал и за отъездом все вещи за дешево распродал. Ну да ничего, годится – чистенькая и этакая фасонистая добродетель.

– А адвокатской неужели совсем не нашлось? – изумился я.

– Были, да дороги. Требование велико. Некоторые из наших по три добродетели держат. Одна в приемной, другая в кабинете, третью в совете коллеги изучают. Но это, по моему мнению, уже роскошь.

– Ну и удобно же вам так-то, в шкафу держать?

– Очень удобно. Коль мало за дело дают, приоткрыл дверку: а эту, мол, вещь, вы ни во что ставите? Ну и сконфузишь человека. А если в суде потребуется, положил в карман – и готово. Хочу ее теперь в виде мятных лепешек изготовить: выпил рюмку коньяку, закусил лепешечкой – благодать. Ну а вы, журналисты, где же свою добродетель содержите? Шкафов-то несгораемых у вас не полагается?

– У нас попросту. Обыкновенно в чернильнице содержится.

– А? В чернильнице? – благосклонно изумился Патентованный. – Находчиво. Чернила, значит, ею разводите. Что же она у вас, в виде порошка, что ли?

– Да, желтенький такой, вроде персидского.

Адвокат задумался. Идея о чернилах, разведенных добродетелью, его видимо поразила. Он поглядывал то на свой шкаф, то на чернильницу, то на меня. Потом даже языком почмокал.

– Нет, не годится, – заявил он решительно, но с грустью. – Ведь бывают же случаи, когда нужно и писать, и говорить не... недобродетельно.

- У нас таких случаев не бывает, – с достоинством отозвался я.
- Ну а если, к примеру, о канализации?
- С добродетелью, – твердо ответил я.
- Гм! Ну а если об... адвокатах?
- С добродетелью!

Он был поражен. В самых пылких мечтах не допускал он такого избытка добродетели.

– Сколько же у вас порошку-то этого расходуется! – воскликнул он и поглядел на шкаф: хорошо ли заперт.

– Да столько, – с гордостью ответил я, – что от добродетели, можно сказать, не прочихнешь. Вчера такой казус произошел. Есть, видите ли, у меня сеттер, Трезором зовут. Пес как пес – раза три в день лупить его приходится да раз пять объяснение с соседями иметь: из-за кур. Только, смотрю, сотворилось с моим Трезором что-то неладное. Не пьет, не ест, кур не трогает, а только чихает: подойдет, посмотрит на меня так жалобно и чихнет. А вчера подходит и говорит...

– Пес-то?

– Пес-то. Подходит и говорит: бил ты меня нещадно – ничего, терпел я и даже ни разу в общество покровительства жаловаться не ходил; привязывал ты меня и чего-чего со мной ты ни выделял – все я сносил. Ну а теперь, говорит, извини: в общество жаловаться иду, потому, бить бей, ежели за дело, а издевательство над животным никому не дозволено.

– Ловко! – одобрил адвокат. – А не знаете, кто его ходатайство поддерживать будет?

– Адвокат какой-то. Да не в том дело, а чем я Трезора-то избил? И что же, оказывается, поверить даже трудно. Газеты, видите ли, мной получаемые, я в одно место складываю, а Трезор-то возьми их да нанюхайся. Краска-то типографская подсохла, а порошок так и прет, так и прет. Отвращение, говорит, к жизни получил.

– Это пес-то?

– Пес-то. Да жизнь, говорит, что, а добродетель вот я возненавидел. Раньше, говорит, курицу бывало за хвост ловлю, а сам о каком-нибудь добродетельном действии помышляю. Прежде, говорит, ничем себя не хуже людей полагал, а теперь при отсутствии добродетельных стремлений какое оправдание для своей жизни найду? Нравственным уродом, говорит, сделал ты меня. А я чем виноват?

– Ну, нет, батенька, вы это напрасно, – укоризненно покачал головой адвокат. – Дело Трезоркино-то правое, если рассудить по совести. Зачем вы одни добродетельные газеты получаете?

– Да если других нет?

– Пустая отговорка-с. А потом, наверно, и сами-то вы порошочку подмешивали? Да вы не стесняйтесь.

Я покраснел и ответил:

– Немножко...

– То-то, немножко! – строго сказал адвокат. – Вы немножко, да другой немножко, ан воздух весь и испортили. Ну, говорите по правде: хотите, чтобы я ваше дело взял? Затем и пришли!

– Да уж если...

– Да вы не бойтесь. Оправлю. Ну-с, излагайте.

Патентованный взял книжечку с отрывными листками и весьма серьезно и внимательно записал обстоятельства дела, заключающиеся в следующем. Уже более месяца все столичные и провинциальные газеты в один голос заговорили о добродетели. Поводом послужил случайно обнаружившийся проступок Боброва.

– “Воронежского героя”? – спросил Патентованный и, получив утвердительный ответ, записал: так называемого “воронежского героя”. – Дальше?

Дальше я изложил содержание добродетельных статей, причем слышно стало, как в шкафу что-то завозилось, и Патентованный мягко улыбнулся:

– Вишь, просится... Погоди, погоди.

При дальнейшем изложении Патентованный зачихал подобно Трезору и в промежутках сказал:

– Трудное ваше дело, трудное.

Описав далее легкомысленный характер Трезора, я признался, что вокруг сложенных мной в угол газет никакого ограждения сделано не было.

– Неосторожно-с! – упрекнул Патентованный. – Ну а сами вы добродетель свою по сему случаю оказывали?

– По сему случаю воздержался... Но в прошлом...

– Это ничего. Для нас важен настоящий казус. Вот и все. Хотите теперь, чтобы я примерную речь произнес?

– Да, да, пожалуйста, – попросил я.

– С добродетелью или без добродетели?

– Нет уж, ну ее к... – испугался, а в шкафу что-то застонало.

– Да оно и дешевле, – вздохнул Патентованный. – Ну а слезу можно?

– Нет уж...

– Значит, от чистого разума действовать? Ну, вы сядьте здесь, а я вот тут стану. Ладно. Я начинаю.

Патентованный наморщил брови, вздохнул и заговорил в тоне минорном.

– Гг. члены общества покровительства животным. Мой клиент – жертва роковым образом сложившихся обстоятельств, его несчастье в том, что он журналист и совершенно невинным образом содействовал гибели благородного пса Трезора. Но прежде всего установим понятие журналиста. Это человек умеренно порочный и умеренно добродетельный, как и все люди его времени и его места; когда идет дождь, он надевает калоши, в хорошую погоду он едет в Петровский парк. Он любит, ненавидит, сморкается и умирает, как и все. Все отличие его от простых людей то, что он живет своим пером и, по мере своего разума и таланта, пытается осветить темные и неразгаданные стороны жизни...

– Хорошо! – подтвердил я.

– Никто из разумных людей и не требует от журналиста, чтобы он был добродетелен, как жена Цезаря, не требует по той простой причине, что самая журналистика при этих условиях прекратила бы свое течение, ибо кто легкомысленный захочет тяжелого труда, когда он заживо может подняться на небо? Да и кому какое дело, кто и как живет под фамилией какого-нибудь...

– James Lynch'a, – подсказал я.

– Ну хотя бы James Lynch'a. Нам важны его мысли, которые мы видим, а не поступки, которых мы не знаем, и если этими мыслями он приносит хоть крупицу пользы, этого достаточно, чтобы уважать журналиста. Я согласен с моим уважаемым противником...

– Что? – ужаснулся я.

– С моим уважаемым противником. В случае с артистом Бобровым прессе представлялось обширное поле в достижении ее благотворных задач. Важен этот случай именно потому, что он зауряден, что он в полном своем составе представляет собой известное общественное уравнение, где под x и y можно подставить тысячи различных величин. При аналогичных условиях с Часовниковой гибнут сотни девушек, а обольстителей, подобных Боброву, вы найдете тысячи, и исследованием причин, при которых на счет гибели одних благоденствуют другие, вы оказали бы больше уважения почившей, нежели лицемерным молчанием и таким же лицемерным криком. Да, лицемерие увлекло вас. Добродетельными lamentациями, от которых так и разит желтеньким порошком, вы более чем самим фактом с Часовниковой доказали всю гнилость общественной морали. Кто сомневался в том, что поступок с нею дурен? Зачем же все, начиная от А до Z, вы на голос кричали: негодяй Бобров? Точно боялись, что, не крикни вы, и вас самих обвинят в сочувствии Боброву, а может быть и в большем?

– Верно, – отозвался я.

– Мало того, вы друг за другом следить стали, не собьется ли кто-нибудь с добродетельного тона, чтобы, обругав его, тем паче вознести свою добродетель. Вы кричали о перьях, которыми украшает себя Бобров, иронизировали даже по поводу его скверного голоса, а тот странный факт, что 16-летняя гимназистка целует в уборной руки опереточного артиста, вы обошли лицемерно-почтительным молчанием. Часовникова была жертвой, это правда, но не жертвой Боброва, а тех скрытых течений русской жизни, которые расчищают почву для Бобровых, делают их силой, которые оперетку и канкан возводят в перлы чистого искусства.

– Верно, – отозвался я.

– Оттого так и дурно пахнет ваша добродетель, что даже пес Трезор бежит жаловаться. Оттого-то и получают такие казусы, что в одной и той же газете один и тот же журналист нынче Боброва распекает, а завтра с чистым сердцем рассказывает, как один почтенный седой литератор в молодости своей с француженкой свободную любовь разделявал, а потом за дамой из своего круга ухаживать начал, а француженка возьми да зарежься. И все это рассказывается в духе почтительного сожаления... к литератору.

– Позвольте, – остановил я Патентованного, – но ведь вы же не защищаете, а обвиняете!

– Сам чувствую, что обвиняю, – с сердцем ответил Патентованный. – Нужно было с добродетелью. Предлагал ведь вам. Так нет.

– Ну Бог с ним, с Трезором, – сказал я, – а лучше объясните-ка вы мне, что такое эта самая добродетель, что у вас в шкафу, а у нас в чернильнице содержится? Вот вы сейчас без добродетели говорили, а, ей-богу, верно.

Патентованный задумался.

– Мудреный вы, батюшка, вопрос задаете. С одной стороны, на кой черт нужна эта самая добродетель, без которой даже лучше, а с другой – как можно без добродетели? Жизнь уж, видно, такая подлая, что никак без добродетели не обойдешься, – неожиданно заключил он.

– Это каким же образом?

– А таким. Изолгались все вконец. Во лжи родимся, во лжи кормимся, во лжи всякие поступки совершаем. Почему я знаю, может быть, я даже не адвокат Патентованный, а какой-нибудь обнаруженный еще подвижник? Разве я знаю, зачем я лгу? Может быть, в шкафу-то настоящая моя душа сидит, а тут – одна только фикция. Бывало, покойный папенька мой из клуба пьяненький придет и требует: будь, Афанасий, добродетелен. И все требуют:

будь, Афанасий, добродетелен! Кричат, а сами в злачное место тащат.

Патентованный вздохнул.

– Путаница какая-то кругом. Вы думаете, сам-то я своей жизни рад? Приятно мне, когда все кругом кричат: адвокат Афанасий Патентованный без добродетели живет? Вот и приобретаешь – поддержанную. А, может быть, это и не добродетель вовсе, а так, брюки заношенные. Так и живешь, ни Богу свеча, ни черту кочерга. Я вот сейчас на журналистов нападаю, а по правде-то мне жаль их. Тоже ведь, поди, и им настоящей добродетели хочется, да не знают, с какого бока к ней подойти. Может быть, им перед самими собой, перед жизнью оправдаться хочется. Путаница и хандра.

В шкафу что-то завозилось.

– Вон она, анафема, просится, – с горечью сказал Патентованный. – Жрать просит!

– Как жрать? – удивился я. – То сами вы ее в виде лепешек потребляете, то она жрать хочет. Разве так бывает?

– Во сне бывает. Ведь вы же спите.

Действительно, оказалось, что я спал. Когда я открыл глаза, не было ни адвоката Патентованного, ни шкафа, ни пса Трезора. Но какой скверный и тяжелый сон – никогда не нужно ложиться после обеда!

(О НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ – “ДЕЛЕ КУРСИСТОК”...)

О настоящем деле – “деле курсисток”, как называли его в публике, – говорилось так много, так гадательно и преувеличенно, что именно с заявления об этой досудебной “публичности” дела началось сегодняшнее рассмотрение его: товарищ председателя А.Н. Разумовский предупредил присяжных заседателей о необходимости забыть все то, что говорилось о деле в газетах, а руководиться в своем решении только тем, что они услышат на суде.

Из помещенного вчера в “Судебной хронике” обвинительного акта читатели знают, какое обвинение предъявлено к девицам Ульдрих и Грюнберг. По самому свойству обвинительного акта в нем с полнотою и даже избытком сгруппировываются все факты, говорящие не в пользу обвиняемых; на долю судебного следствия выпадает обыкновенно если не полное, то частичное разрушение этого здания, как называет его обыкновенно защита. На этот раз здание и красиво, и массивно по постройке, что не помешало ему, однако, к концу следствия в значительной степени изменить свой первоначальный вид.

Основным вопросом дела является не вопрос о его фактической стороне, – она проста, несложна и непротиворечива, – но вопрос о том, кто такие по своему характеру эти Ульдрих и Грюнберг? Хладнокровные ли они убийцы с извращенным нравственным чувством, вредные личности, отразившие в себе некоторые разрушительные и смелые теории настоящего времени и дерзко проводившие их на практике, или же психически больные люди, измученные жизнью, неуравновешенные и слабые, скорее сами жертвы, нежели преступники?

Обвинительный акт склоняется к первому положению, подтверждая его цитатами из дневника и писем; судебное следствие с его живыми свидетельскими речами, меткими и сильными характеристиками обвиняемых скорее подтверждает рациональность второго вывода. Уже одно присутствие на суде целых шестерых экспертов-психиатров говорит о чем-то болезненном, ненормальном, составляющем основу и источник преступления; к тем же выводам приходят в большинстве своем и свидетели.

Получив небольшое образование, не дающее ни настоящих знаний, ни прав, две молоденькие девушки, выросшие в глуши, далеко от шумной жизни столиц, едут в Москву за поисками знаний и работы. Для жесткой борьбы за существование, какой является жизнь в крупных центрах, они совершенно не подготовлены; жажда знаний, развития, счастья, наконец, самая их молодость делает их готовым объектом для всяких внушений со стороны книги и разговора. И с самого начала жизнь их в Москве становится рядом неудач, и на место мечты равнодушно и неотвратно воцаряется грубая и печальная действительность. Работа находится, но что это за работа! Бонна при шестерых детях, лишенная возможности даже вздохнуть свободно, не только что учиться; нервы издергиваются; характер становится неровным, тяжелым; в одном месте, отдавая полную дань симпатичным свойствам бонны, советуют ей не читать, ибо это... вредно отзовется на воспитательном уходе за детьми; в другом месте бонну находят непригодной к ее обязанностям: она должна ухаживать за детьми, между тем как сама она еще ребенок.

В промежутки между определенной службой в качестве бонны являются на сцену частные уроки с их полной материальной необеспеченностью, проживание в дешевеньких квартирках, даже голодовка, не мифическая голодовка, а вполне солидно подтвержденная показанием г-жи Ратнек, в столовой которой обедали обе девушки. В этой же столовой обедают студенты-латыши, земляки обвиняемых, ведутся разговоры и споры. Ульдрих, наиболее экспансивная, делится со всеми своими мечтами о дальнейшем образовании, но мечты эти настолько бесформенны, ребячески беспочвенны, что в одной части молодежи вызывают только легкое сочувствие, а в другой – прямую пренебрежительность и чуть ли не насмешку. Находятся двое студентов – один из них свидетель г. Филатов, – которые некоторое время дают Ульдрих уроки, но, в противоположность двум этим отзывчивым людям, земляки-студенты относятся к девушкам с полнейшим невниманием. Пропать между мечтой и действительностью становится все глубже; с каждым приходившим днем теряется надежда на лучшее будущее, портится здоровье и вся психика приходит в то состояние расшатанности, при котором достаточно толчка, чтобы вся эта напряженность, ненормальность вылилась в каком-нибудь безумном поступке.

Ульдрих часто, очень часто говорила о самоубийстве; вместо последнего она и ее подруга совершают покушение на убийство, – что послужило толчком для последнего? На суде часто заходила речь о “Преступлении и наказании” Достоевского,

которым увлекались девушки; быть может, и этот роман заронил гибельную мысль в расстроенные, отуманенные головы девушек, хотя решить вопрос этот не представляется возможным; нельзя учесть всех подчас глубоко скрытых влияний жизни.

Тщательный анализ самого факта приводит к убеждению в относительной ненормальности и полном ребячестве задумавших и совершивших его. Не говоря уже о самом нападении, не могшем удалиться даже в том случае, если бы, вместо двух слабосильных, истощенных девушек, было двое дюжих мужчин, дальнейшее поведение девушек выдает их полную слабость и ребячество; г-жа Штеллинг бьет их зонтиком; дворник, обещая “снисхождение”, убеждает их сознаться, и они сознаются не только в покушении на убийство, но и в покушении на поджог. А выразалось это покушение только в бутылке керосина, стоявшей под кроватью, и не сообщи о ней и ее зловещей цели сами обвиняемые, кто знает, было ли бы предъявлено им это новое отягчающее их участие обвинение.

Такова общая картина дела, набросанная согласно с свидетельскими показаниями. Но в этой картине есть подробности, настолько яркие и жизненные, что их нельзя обойти молчанием.

Я уже говорил о значительных видоизменениях, которые претерпел обвинительный акт, пройдя сквозь невольную критику свидетелей и беспечальную, но еще более жестокую критику документов. На одном из последних остановлюсь я.

Это дневник Паулины Грюнберг. На суде дневник этот был прочтен весь целиком и к характеристике его и его автора, Грюнберг, нужно прежде всего отнести то обстоятельство, о котором упомянул в своей речи защитник Грюнберг, П.Н. Малянтович: никто во всем зале, наполненном хотя интеллигентной, но достаточно разношерстной публикой, ни разу не засмеялся при чтении его. Крупная брешь пробита в здании, воздвигнутом обвинением.

Вторую брешь, еще более широкую, пробила в обвинительном акте экспертиза, единогласная, точная, обоснованная экспертиза шестерых врачей. Ульдрих и Грюнберг здоровы, но преступны и злы, и потому они хотели убить, – говорит обвинение; Ульдрих и Грюнберг добры (говорят свидетели), но больны душой, и потому они совершили эту нелепую попытку, – отвечает экспертиза. Как известно, через два месяца после события Грюнберг заболела острым галлюцинаторным помешательством (подробное описание болезни, помещенное в скорбных листах Преображенской больницы, произвело при чтении самое тяжелое впечатление), но этого мало. По словам экспертов, остро выраженному периоду болезни должен был предшествовать продолжительный пе-

риод борьбы организма с закравшимся уже в него недугом, тот период, когда душа уже больна, хотя мысли связны и поступки, на неопытный взгляд, целесообразны. В это именно время и произведено покушение на убийство. Интересно здесь отметить два вопроса и два ответа.

Товарищ прокурора г. Татищев. Не было ли причиной болезни Грюнберг тяжелое влияние тюрьмы и больницы?

Эксперт г. Жданов. Для счастливого человека переход от свободной жизни к тюрьме действительно может оказаться пагубным, но для Грюнберг опасности не представлял.

Защитник Н. В. Тесленко. Не были ли причиной болезни Грюнберг и Ульдрих тяжелые условия их жизни?

Эксперт г. Жданов. Да, несомненно, на их организме и психике не могли не отразиться голодовка и прочее. Болезнь Ульдрих не могла быть подведена экспертами под какой-либо определенный судебно-медицинский термин, но существование ее в момент события экспертиза безусловно признает. Выражалась болезнь в наличии так называемых “навязчивых идей”, одной из которых могла быть и мысль об убийстве.

Помимо остро обозначенных заболеваний, эксперты признали за обвиняемыми хроническую болезнь: истерию на дегенеративной почве. Признаки дегенерации выражаются у обеих не только психически, но и физически: в строении и объеме черепа, форме зубов и носа.

Не буду перечислять других, мелких подробностей, всесторонне освещающих это дело. Приведенного мной уже достаточно для ответа на основной вопрос: кто же такие эти Ульдрих и Грюнберг?

* * *

Речей сторон все ждали с нетерпением и любопытством. Интересовали речи защитников, но еще более интересно было узнать, что скажет г. прокурор.

Речь г. Татищева была не особенно продолжительна и может быть выражена в нескольких словах. Отстаивая все основные положения обвинительного акта, г. прокурор видоизменил только цель преступления: ею не были деньги для учения, но деньги для более спокойной и праздной жизни. Выводы экспертизы г. обвинитель категорически отверг.

Защитники говорили много и долго; тема у всех была одна, и разработана она ими была с безукоризненной тщательностью. Отдельные места речей – ироническая критика писем и трогатель-

ное замечание об одиночестве Грюнберг, затерявшейся в большом и враждебном городе, произвели сильное впечатление.

Вердиктом присяжных заседателей обе обвиняемые в поджоге признаны невиновными, причем отвергнут и сам факт поджога; факт покушения на убийство признан доказанным, но обе подсудимые признаны совершившими его в состоянии умоисступления. На основании этого вердикта суд определил считать Ульдрих и Грюнберг по суду оправданными и заключить их в дом для умалишенных.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨1 октября 1900 г.⟩

День бежит за днем и каждый новый день приносит свою злобу. Очень часто это бывает маленькая, тихонькая злоба, робко запрятавшаяся в забытый уголок газеты, словно ворона, залетевшая в барские хоромы, но ворона с самоанализом, с потаенным злобствующим самолюбием, – современная ворона, одним словом. Иногда это бывает большая, глупая и надутая злоба, грохочущая наподобие пустой бочки. Она усаживается на самом видном месте газеты и кричит, и кривляется, и подпирает руки фертотом. А там уныло, как салопница за подаяньем, плетутся печальные, старые, больные злобы, – и впереди твердо и ровно, словно марширующие немцы, выступают злобы деловитые, серьезные, самодовлеющие. Им все кланяются, а они ни на кого и не смотрят. Каждый день рождаются эти злобы, каждый день умирают, вызывая то легонький смех, то легонькие слезы и зевот; и пестрой, как одежда арлекина, делают они жизнь современной Москвы, этого добродушно-ленивого Вавилона, папахивающего и фабричным дымом, и деревянным маслом, и сивухой, и чадом бесчисленных самоваров.

Сегодня я хочу собрать несколько этих злоб, маленьких и больших, живых и уже похороненных, глупых и серьезных. Маленькими ключами пузырится жизнь; бьет она столбами артезианских колодцев... впрочем, я забыл, что употребление “водяных” метафор в Москве ныне так же неприлично, как разговоры о веревке в доме повешенного. Одним словом, без метафор мой нынешний фельетон будет отражением всей этой московско-ежедневной пестроты: люди, факты и цифры. Да, даже цифры: бывают ведь и веселые цифры.

Начну с излюбленного московского человека г. Омона. Да не оскорбится строгий читатель этим легкомысленно-опереточным началом: в настоящее время г. Омон – та анекдотическая печка, от которой не только могут, но должны начинать свои танцы все даже самые серьезные обозреватели. В некотором роде он – дверь в сердце Москвы, ключ к пониманию ее. Итак, начну я с г. Омона,

именно с радости за господина Омона. В одно прекрасное сентябрьское утро газеты сообщили мне, обоим столицам, всем провинциям и Европе, что г. Омон купил большой участок места рядом с “Аквариумом” и на этой громадной площади “намерен устроить единственный в своем роде увеселительный уголок”. В этом единственном в своем роде уголке будет построено здание кафе-концерта на 800 мест. Принимая в соображение, что предполагающийся в Москве к постройке народный театр рассчитан на 830 человек, я путем простого вычитания прихожу к выводу, что народ г. Омона всего на 30 человек меньше народа Москвы. Это приятно, конечно, для г. Омона и той отрасли искусства, которой он посвящает свои силы: потребность в кафе-концерте прогрессирует несомненно.

Вот другой излюбленный московский человек – г. Зимин. Мне нечего извиняться перед г. Зиминим, что я произнесу это неприятное слово “вода”: если я его и не произнесу, то читатели все равно о нем подумают и пойдут на кухню еще раз взглянуть на водопроводный кран. Такова сила привычки и ассоциации идей. Излюблен г. Зимин главным образом печатью. Развертывая утром газету, можно быть уверенным, что без г. Зимина не обойдется. О г. Зимине пишут фельетонисты и хроникеры, и перья их скрипят от желчи и насады; о г. Зимине почтительно сообщают репортеры; о г. Зимине в вечерний час кротко беседуют кухарки. Положительно, это самый популярный человек в Москве. О нем уже ходят легенды как о мощном и непобедимом противнике дедушки водяного. Я сам слышал, как одному квартиранту, страдавшему от сырости в квартире, посоветовали пригласить в гости г. Зимина под тем предлогом, что присутствие его мгновенно осушит квартиру. По слухам, достаточно приложить к г. Зимину любую газетную статью – она мгновенно сокращается на две трети. Однако я хотел говорить о воде. Поздно. Я уже поговорил о г. Зимине.

Вот две коротенькие газетные заметки. В разные дни они родились и умерли, но я воскрешаю их с единственной целью дать возможность побеседовать друг с другом. Первая заметка говорит: “Городской управой предпринята в последнее время, в видах экономии, реорганизация дела продовольствия больных. Лично для больных реорганизация эта дала печальные результаты. Чтобы сэкономить 2–3 копейки из суточного содержания больного, управа заменила отпускаемый больным 1-й сорт мяса вторыми сортами и, сократив отпуск молока больным, установила постные дни и пр.”. Вторая заметка сообщает: “В 2443 владениях, обревизованных городскими контролерами, было найдено 14 728 обывателей, не уплативших установленного городского больничного сбора”.

К сожалению, я потерял третью заметку, в которой сказано, что взыскание больничного сбора производится энергично. Сюда, кстати, можно было бы добавить несколько заметок о городских расходах, весьма рельефно поясняющих необходимость для больных поста во имя общественного блага, но там все такие большие, такие печальные цифры... Пойдем дальше.

Вот мы натываемся на маленького, смешного человека. Где он родился и учился, какие грамматические тернии оставили свои следы на его теле и душе, мы не знаем, но, вероятно, там же, где и все мы. Немаловероятно, он плакал наяву, а во сне видел дательный и предложный падежи с заканчивающей их буквой *ъ*, прежде чем дождался своего великого открытия... А может быть, он просто честолюбец, жаждущий славы и, как Герострат, во имя ее сжигающий такой великолепный памятник грамматической архитектуры, как буква *ъ*, – бог его знает. Я говорю о том загадочном существе, которое подало в одно железнодорожное управление прошение о зачислении его на службу, причем в тех словах, где людьми ставится *ъ* или *е*, стояла одна и та же буква, похожая и на *ъ* и на *е*. На тревожный запрос начальства существо скромно пояснило, что оно само изобрело эту оригинальную букву: “облегчая труд пишущих, его универсальная буква нисколько не отнимает удовольствия и у любителей орфографии, так как последние при чтении могут по желанию представлять в своем воображении какую угодно букву – *ъ* или *е*”.

Но он не был понят.

Глубоким и страшным трагизмом веет от короткого известия о другом маленьком, но жалком человеке. Заметка о нем была набрана петитом и помещена где-то в таком месте газеты, куда только по рассеянности может попасть взгляд читающего. Пусть тем же скромным петитом будет она набрана и здесь:

“На днях в одной из московских больниц скончался скромный газетный труженик Николай Петрович Чугунов. Покойный более двадцати лет принимал участие во многих московских изданиях. Между прочим, он много поработал с также теперь покойным А.Н. Пузановым по вопросам об улучшении быта ремесленников. Умер Чугунов в страшной бедности”.

Двадцать лет! Двадцать лет работал человек на благо людей, двадцать лет изо дня в день упорно делал свое маленькое дело, быть может, насильственно смеялся, как современный бедный Йорик, быть может, страдал от непонимания, от не сочувствия, боролся с равнодушным карандашом редактора, с грубостью швейцаров, с надменностью “громких имен” и, никому не ведомый при жизни, заброшенный, изъеденный беспощад-

ной нуждой, одиноко умер в больнице, быть может, еще в один из ее постных дней. Печальная смерть – жестокая для умирающего, постыдная и больная для остающихся в живых!

Но дальше, дальше от этой скорби и этого запоздалого и оскорбительного сочувствия!

Сойдем на одну минутку вниз, на Хитровку. Только на одну минутку, чтобы совсем не забывать ее. Боясь, что меня обвинят в преувеличении, приведу целиком репортерскую заметку: “На Хитровке перед толпой собравшихся на крик любопытных стояли мужчина и женщина. Лицо мужчины, в особенности усы, борода и губы были в крови. Мужчина что-то держал во рту и жевал. Лицо женщины было залито кровью; часть нижней челюсти, десны и зубы были обнажены, нижняя губа была откушена”. Оказалось, что мужчина откусил у женщины губу. Толпа хотела учинить самосуд, но подоспел городской и отправил в участок мужчину, женщину и откушенную губу. Далее оказалось, конечно, что мужчина был пьян, что он любил и ревновал и, под предлогом поцелуя, откусил губу. Вы возмущены? Но войдите же в его положение: стрелять, как это делают наверху его старшие интеллигентные братья, он не мог за отсутствием денег на револьвер и культурных привычек, а потом – ведь вы же никогда не допиваетесь до такого скотства, интеллигентные братья?

Поговорим о последней, большой и светлой злобе дня – о “Художественно-общедоступном” театре. Я должен предупредить, что не был в Новом театре и потому не могу, да и не хочу входить в оценку относительных достоинств постановки “Снегурочки” на той и другой сцене. Пусть бирючи лучше изображены у Ленского, а Садовская 2-я выше Лилиной, – об этом ведать надлежит театральным критикам. Меня интересует только отношение к “Художественному” театру известной части прессы. Что здесь, тихое непонимание, временами переходящее в неприличное буйство, или непонятная, странная злоба? Роль и задачи “Художественного” театра выяснились достаточно за время его существования, и задачи эти таковы, что самое существование этого театра нужно признать безусловно необходимым. Драматическая литература давно уже на Западе и недавно у нас вступила в новый фазис своего развития. Времена героев, выдуманных или живых, прошли, люди стали серее, меньше и слитнее, если так можно выразиться, с окружающими их предметами и поддерживающей их землей; там, где прежде всех и все покрывал своим мощным голосом герой, там теперь господствует тихий говор многих людей и на место мощного голоса воцаряется еще более мощное н а с т р о е н и е. Это настроение стало индивидуальностью каждого творе-

ния “нового искусства” и для передачи своей нуждается в полной гармонии речей, движений, декораций. Как в самом произведении отдельные лица, наиболее яркие, подчиняются господствующему тону, так должно быть и на сцене в отношении отдельного актера к тону всей пьесы. Это не “дрессировка” актеров, это не порабощение талантов; это то необходимое, что делает пьесу художественной, стройной и е д и н о й, как песня. И “Художественный” театр – не в лице одного только г. Станиславского, которому отводятся и все хвалы, и все порицания, – а в лице каждого из своих малейших актеров, хотя бы того “медведя”, над которым так пошло острили, стремится к этой цели. Любовь к искусству согревает этот театр, она же влечет к нему избранную публику, она же послужила причиной того невиданного доселе явления, что на первое представление “Снегурочки” в Москву съезжаются как на праздник, как на крупное событие. Стало чуть ли не общим и обидным местом, что в “Художественном” театре нет талантов. А кто же все это делает, – 100-е представление “Феодора Иоанновича”, 40-е – “Чайки” и пр., – жалкие посредственности да костюмы, да? Они там есть, таланты, да только они не режут глаза, так как там в с е хорошо играют. Конечно, в “Художественном” театре ошибаются, как и везде, но говорить о дрессировке актеров, о манекенах, о преобладании декораций над артистами – значит или закрывать умышленно глаза, или же самому не любить и не понимать искусства. Как известно, даже в древности сапожник не видел ничего дальше сапога.

Вот и все большие и малые злобы дня. Не правда ли, пестро, но нет ли все же в них известного “настроения”?

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(5 октября 1900 г.)

20 сентября состоялось весьма любопытное постановление совета присяжных поверенных московского округа: поручить председателю совета разрешать подписки на изготовление жетонов с надписью: “От сословия присяжных поверенных округа московской судебной палаты”. Жетоны эти предполагается подносить тем присяжным поверенным, которые, при 25-летнем пребывании в сословии, отдавали свое время и свой труд служению общественным интересам, при условии, если ходатайство об открытии подписки будет заявлено не менее, чем одной десятой общего числа присяжных поверенных округа.

При первом взгляде на это постановление, не вошедшее еще, между прочим, в законную силу, является отрадная мысль, что орган сословия присяжных поверенных вполне стоит на высоте современности: жетонно-значковая лихорадка, от которой ныне трясется вся российская интеллигенция, захватила и его. Даже более того: совет перегоняет современность. Все до сих пор употреблявшиеся значки – лиры, урны, кружки, бляхи, звездочки – свидетельствовали лишь об образовательном, служебном и ином цензе и звании его обладателя: вот “доктор”, вот “ночной сторож”, вот “велосипедист”, вот “человек, который на чем-то играет”, и т. д. Новый же сословный значок резко будет отличаться от употреблявшихся ранее, ибо будет свидетельствовать о добродетели: вот “окончивший университет” (говорит значок слева), который был “присяжным поверенным” (говорит значок справа) и который “двадцать пять лет любил добродетель”, – заканчивает новый значок, который, вероятно, за недостатком места будет висеть где-нибудь посередине.

Не говоря уже о тех удобствах, какие представляет полная биография, начертанная на груди, новый значок полностью рассеивает те сомнения, какие доселе существовали относительно добродетельности адвокатов. Во-первых, нет смысла “добродетельный” жетон вводить там, где добродетели не существует; если же сословие его вводит, отсюда с очевидностью следует, что

добродетель существует. Это ясно. Все эти неприятные разговоры о Балалайкиных проистекали – теперь это становится совершенно понятным – только от того, что не было значков. Значки – это самая решительная со стороны совета мера к полному упразднению Балалайкиных, самая решительная и энергичная мера, какую только я видел. Во-вторых, самая упрощенность способа, каким будут выдаваться значки, могущая соперничать только с легкостью выдачи значков котильонных, свидетельствует о крупной добродетельной наличности.

Новая советская мера вызвала, к удивлению, энергичный протест со стороны группы присяжных поверенных и помощников. До сих пор, – говорят они, – мы нисколько не были лишены возможности чествовать того из нашей среды, кто этого заслуживал. Если же теперь всякий, пробывший 25 лет присяжным поверенным, будет чествоваться советом от нашего имени, то во что же превращается это чествование?

С своей стороны, я могу указать на один недостаток проектируемой меры: размеры значка. Маленькая кругляшка в этом случае ничего, на мой взгляд, не стоит. Нужно что-нибудь этакое крупное, яркое, издалека видимое. Тогда сразу видно будет добродетельного адвоката. А то представьте себе положение близорукого клиента или лица из публики: не рассмотрев значка, он в душе уже, глядишь, приложил к адвокату все недобродетельные наименования (а может быть, даже и не в душе) и вдруг...

Как совестно-то будет этому близорукому клиенту!

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨8 октября 1900 г.⟩

Сидели мастера котельного цеха за синим столом и думу думали. Подумают, подумают, а там кто каким делом займется, по характеру: кто вздремнет, кто под столом в чет и нечет сыграет, а кто на пальцах гадать примется: скоротать ли ему весь свой век за синим столом или к первым заморозкам в отставку подавать придется. И было тех мастеров восемь человек, ровно столько, как в совете присяжных поверенных, не в обиду им будь это сказано.

Сидели они таким родом, сидели и уже даже скучать начали, как вдруг появляются перед ними подмастерья. Валом валят и криком кричат, то ли угрожающе, то ли умоляюще. Впереди всех Андрюшка Беспиджачный идет, а за ним Митроша Идеалист и Петруша Приветливый, и поодаль, как каланча, высится Федул Унылый.

– Дозвольте, дяденьки, собственный цех устроить, – бойко заявил Андрюшка Беспиджачный. Так как пиджака у него не было, а в прочих частях костюма, по своему легкомыслию, он не нуждался, то он ничего не боялся: ни дяденек, ни организации.

– Подкрепляю ходатайство товарища моим голосом, – обдуманно и проникновенно сказал Митроша Идеалист, глядя не на дяденек, а внутрь себя, где у него бок о бок с неоплаченным счетом из лавочки находились идеалы.

– И я убедительнейше просил бы: дозвольте, – ласковым голосом присоединился Петруша Приветливый, и все остальные закричали:

– И я! И я! И мы!

И только Федул Унылый мрачно спросил:

– Для чего мы существуем?

А кто-то из задних рядов крикнул:

– Не надо! Мы не согласны!

И начался тут галдеж. Кто кричал: “Согласны”, кто: “Не согласны”, а кто просто кричал: “И я!” Федул Унылый мрачно спросил: “Для чего мы существуем?”, а Карл Зандкухен обходил всех поочередно, плакал и просил передать поклон его бабушке,

так как вернуться к ней живым он не надеется. Наконец, Анд-
рюшка Беспиджачный всех перекричал:

– Господа! Да что же это?

Это слово подействовало; все затихли, а Зандкухен душевно и
кротко рассмеялся: у него явилась надежда увидеть бабушку. Тогда
самый старший мастер, тот, что на пальцах гадал, строго спросил:

– Кто хочет организоваться?

Ответ был единогласный:

– Все хотим!

И только некоторые шепотом, обращаясь друг к другу, тихо
повторяли: “Не надо”.

– А сколько вас?

Митроша Идеалист, глядя внутрь себя, обдуманно на это от-
ветил:

– Легион.

Беспиджачный же, быстро сосчитав по пальцам, определил:

– Пятнадцать.

– Но те, которые сюда не пришли, тоже хотят организовать-
ся, – поправил Митроша Идеалист, глядя внутрь себя: там он ви-
дел всех подмастерьев, и все до единого хотели того же хорошего,
чего он, Митроша, хочет.

Тогда другой мастер, тот, что в чет и нечет играл, кротко спро-
сил, так как старший мастер, подавившись словом “организация”,
утерял способность вопрошать:

– На что же вам, друзья наши и помощники, организация?

Подмастерья подтолкнули сзади Митрошу Идеалиста, и он
начал задумчиво пояснять:

– Как же можно без организации? Люди мы молодые, науки
все произошли и работать желаем, а что есть котел – нам неве-
домо и научиться не у кого. Есть у каждого из нас свой мастер-
наставник, а чему он иной раз учит, и в толк не возьмешь. Вот
Андрею Беспиджачному мастер его два года кошку показывал, а
говорил, что котел. Бредем мы таким манером, как котята слепые,
а куда – и сами не знаем.

– Для чего мы существуем? – мрачно отозвался Федул Уны-
лый.

– И мало ли нас с краю-то падает? Краю не знает, оттого и
падает. Молочка-то полакать хочется, а вместо молочка – по-
жалуйте под ответ. А за что ответ, почему ответ – неизвестно.
Друг друга не знаем, разговоров разговаривать не умеем, сообща
решить ничего не можем. Вы тут себе в чет-нечет играете, и ни-
какой у вас заботы об нас нету. Так во мраке и живем. Дозвольте
организоваться.

– Бабушка вот тоже говорит, – скромно пояснил Зандкухен, – что молодые люди склонны к проступкам и излишествам.

– А вот тоже насчет давальца, – угрюмо забурчал Иван Обремененный, – приходит давалец и говорит: кто ты есть за человек? Ни, говорит, ты мастер настоящий, ни мастерок от Иверской. Одна, говорит, ты метафора. Да без осторожности с тобой и действует!

И тут все поняли, что организация необходима. Даже Федул Унылый отказался от вопроса, для чего мы существуем, но, будучи по природе уныл и склонен к горестным предположениям, шепотом говорил:

– Ничего из этого не выйдет!

Остальные же все криком кричали:

– И я! И я!

А Игнат Изворотливый в умилении чувств стал посреди комнаты на колена и всенародно каяться начал:

– Без организации жил! Пять котлов испортил! Вместо заклепок дырки ставил! Лжесвидетелей завел! Покойного деда с покойной бабкой в гробу развести ухитрился! Для давальца в приемной открытую сцену с туалетами устроил! Лжетелефон на стенке завел! Лжетелеграммы получал!

Даже сам старший мастер прослезился и, приблизившись, кающегося облобызал.

– Да простится тебе, сын мой, – сказал он, – ибо возрос ты без организации.

И, обернувшись ко всем, решительно заявил:

– Идите с миром. Организация будет. Сейчас сочинять начнем.

И наступило тут великое ликование. Целую неделю ходили подмастерья как оглашенные, при встрече и прощании целовались и друг другу в глаза умильно смотрели.

– Брат мой! – скажет один.

– Брат мой! – ответит другой.

И поцелуются. А Андрюшка Беспиджачный ходит и похваляется:

– Ну, мы теперь покажем!

Митроша же Идеалист от восторга чувств впал в расслабление тела и, лежа на диване, грустно стонал:

– Ох! Страшно мне! Скучно мне! Тошно мне!

И все поочередно ходили к дверям, где заседали мастера, подслушивали и торжественно-почтительно шептали:

– Сочиняют!

Они действительно сочиняли. Но хотя организация и сочинилась, но однобокая, на один глаз кривая, шепелявая и глухая.

Все же то была какая ни на есть, а организация. Но как-то так вышло, что, по мере сочинения организации, общее ликование стало сменяться общим унынием и даже постыдным равнодушием. У Андрюшки Беспиджачного мелькнула надежда обзавестись пиджаком, и в характере оттого у него произошла перемена: стал бояться дяденек, дни бегал по городу и ежесекундно потел, но без всякого отношения к организации. Ослабленный Митроша Идеалист кротко и грустно стонал, и только поверх всего раздавался предостерегающий голос Федула Унылого:

– Ничего из этого не выйдет!

Некоторые же из подмастерьев стали удаляться в отдельную комнату и там зловеще шептали:

– Не надо! Не надо!

Наступил наконец торжественный момент. Собрались все подмастерья, и старший мастер, выйдя вперед, величаво провозгласил:

– Вот она. Организация.

Все удивились: какая такая организация? А некоторые уже взялись за шапки: видят, что толку не будет, да и щи дома простынут.

– Собирайтесь, – излагал мастер содержание организации, – дружитесь. Беседуйте. Самообучайтесь. Пишите рефераты на тему о котлах. Выбирайте наставников. Выбирайте сотников. Применительно самоуправляйтесь. Наше же дело – сторона.

– Но позвольте, – простонал Митроша Идеалист, – эта организация далека от идеала!

– Ничего из этого не выйдет! – пробасил Федул.

– И я! И мы! Не надо! С кем домой по дороге? Кто в “Прагу”? Том X часть 1! Бабушка моя то же говорит!.. Для чего мы существуем?

Эти и подобные им возгласы наполнили пространство и до того устрашили мастера, что он выронил из дрожащих рук организацию и скрылся в соседнюю комнату, чтобы там отплеваться. А отплевавшись, махнул рукой и пошел к себе за синий стол – спать. Подмастерья же разбрелись по домам и потом стали ежедневно ходить друг к другу и спрашивать:

– Нужна ли нам организация?

И одни очень умно отвечали, что нужна, другие столь же умно, что не нужна. Но все выражали уверенность, что из этой организации ничего не выйдет.

– Да вы попробуйте, – убеждал Ефимка Бодрый, – может быть, и выйдет.

– Нет, что уже пробовать! Не выйдет!

– А я и ходить не стану на эти собрания!

– А я приду, запишусь да драла!

– Что на самом деле стесняться?

– Мне время-то дороже денег.

Пошли тогда к Митроше Идеалисту советоваться, выйдет или не выйдет. Тот взглянул внутрь, а там от идеалов одни головки остались. Глянул вокруг – физиономии, можно сказать.

– Нет, ничего не выйдет, – вздохнул он. – Разве с нашими ребятами выйдет что-нибудь порядочное? Разве при нашем отношении к общественному делу выйдет что-нибудь порядочное? Вы поглядите друг на друга.

Все критически оглядели друг друга: Андрюшка Ивана, Иван Андрюшку да Петра, Петр всех остальных. И все стали смеяться друг над другом и упрекать друг друга:

– Это все ты!

– Нет, ты!

– Горько мне смотреть на тебя!

– Больно мне взирать на твою плоскую рожу!

– Индифферентист! Слабохарактерник! Плакса! Дребедень! Практикой увлекся! Бога позабыл! Вазы-вазы, а сам под телегу!

И пошло. Обругавши друг друга, стали ругать себя, потом смеяться над собой, потом смеяться над своим смехом. Развеселились и примирились и по этому случаю в “Прагу” пошли выпить.

На первое собрание подмастерьев, однако, почти все явились – из любопытства. Ходят, друг на друга посматривают и про себя усмеваются: и чего, дескать, собрались, шуты гороховые! Физиономии все незнакомые – откуда понабрались.

– Выбирайте, господа, наставника.

Можно. Выбрали. Оказался Терентий Обыкновенный. Как так? Терентий да в наставники? Посмеялись. А второй еще хуже оказался: Конон Почтиумный. Потеха!

– Выбирайте, господа, сотника.

Можно. Выбрали. Оказался Миша Игривый. Как так? Посмеялись. Другие возмутились. Третьи взяли за шапки. История, да и только.

– Что же это такое будет?

– Не робей, братцы, – утешал Ефимка Бодрый. – Что нам наставники, разве сами учиться не можем? Будем рефераты писать да обсуждать, оно и наставники ни к чему. Верно?

Молчат. Ждут реферата и думают: ну-ка, какой дурак выищется? Тогда вышел Карл Зандкухен с синей тетрадкой и скромно сказал:

– Правила нам предписывают подавать рефераты, и я подал. Тема, господа, такая: “Мнение моей бабушки о рождении цыпляток”. Итак, господа, “по моему мнению и мнению моей бабушки, рожать цыпляток нужно не курам, а петухам. Во-первых, петухам родить удобнее, так как ноги у них длиннее, и затем...”

– Ничего из этого не выйдет, – мрачно отозвался Федул.

И все смеялись, и каждый про себя размышлял: а какой бы я-то умный реферат написал! А то и написал же глупости. Тоже лезет.

И по всему собранию, как ветром по листве, пронеслось: ничего из этого не выйдет!

– Ну, что же, вышло что-нибудь? – спрашивал Митроша Идеалист у пришедших к нему подмастерьев.

– Да такая, брат, умора вышла, что и не говори! Последний раз я там был.

– И я!

– И я! И мы! Не надо!

Тогда российский Митроша Идеалист воодушевился. В груди своей он ощутил трепетание идеала, стремление ввысь и жажду подвига.

– Господа, – сказал он проникновенно. – Как бы ни были хороши правила, старые или новые, как бы стройна ни была организация, она останется мертвым словом, пока души своей не вложим мы в нее. Самые строгие построения, в какие отливалось человеческое общество, гибли при малейшем ветерке, когда души, бодрой, сильной души не было вложено в них. Работай каждый сам за себя; не оглядывайся, что делают в этот момент другие; не скули преждевременно, не предрешай вопроса о том, выйдет или не выйдет, – у тебя выйдет все, что ты захочешь. Самые вопли наши о необходимости организации, преувеличенные надежды, которые мы на нее возлагаем, доказывают только дряблость и инертность души нашей и воли. Бессильные сами по себе, мы ищем опоры в какой-то идеальной организации, которая переродила бы нас, толкала бы нас, против даже нашей воли сделала нас людьми общественно ценными. Работай всяк за себя и не оглядывайся по сторонам!

И все слушали тронутые, миленные. И Андрюшка Пиджачный тихо спросил:

– А ты почему не был на собрании?

– Пойду я смотреть на это безобразие! – гордо ответил Митроша Идеалист и проникновенно умолк.

Так вот каким родом они, россияне, организовались.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(11 октября 1900 г.)

Оно, конечно, – приятно, едуци на империале конки, взирать на новые дома, уже возведенные или только еще возводящиеся, любоваться их архитектурой и грандиозными размерами и в порыве бескорыстно патриотического чувства восклицать:

– Москва-то, Москва-то наша как украшается!

Но если, отдав дань восторгам, опустить глаза на газетный лист и прочесть там в дневнике происшествий фразу, ставшую стереотипом: “Вчера с лесов строящегося дома купца такого-то упал и насмерть расшибся рабочий крестьянин такой-то”, – быстрый прогресс Москвы по части архитектурных украшений внушит некоторые опасения. Эти кроваво-красные кирпичные громадины, словно серой паутиной, обвешанные лесами, в которых чернеют маленькие фигурки рабочих, приобретут страшное сходство если не с колоссальным пауком, в тенетах которого бьются жалкие мухи, то с каким-то новым богом Молохом, ненасытным, жестоким, жадным до человеческой крови.

Каждый день один за другим падают рабочие, то пьяные, то трезвые, но всегда сами виноватые в своей неосторожности, преступной по отношению к их семье и обществу, теряющему полезного члена. Но бывают дни, когда бог Молох просыпается особенно жестоким и голодным: один какой-нибудь Иван не в силах удовлетворить его аппетита – ему нужны десятки Иванов. Тогда или рушится стена, или обваливается карниз и погребает под своей тяжестью рабочих – одним словом, происходит то, что в газетах на другой день называется катастрофой и на место совершения чего является прокурор, следователь и полиция. Тут уже становится для всех очевидным, что сами погибшие рабочие едва ли повинны в приключившемся несчастье, и начинаются розыски истинного виновного. Ищет его иногда и пресса, и это бывает особенно любопытно.

Несколько дней тому назад произошла поистине ужасная катастрофа: на Мясницкой, в шестизэтажном строящемся доме обвалился только что сделанный карниз и увлек с собой в своем падении

часть лесов и находившихся на них рабочих. Произошло это уже в седьмом часу вечера, в полутьме. Грохот обвала, мелькнувшие в воздухе и ударившиеся о камни мостовой фигурки рабочих, стоны и крики придавленных грудой кирпича, дерева и мусора; потом энергичная и бесшумная раскопка пожарными при зловещем свете факелов – все это создает такую страшную, кровь леденящую картину, которая не скоро забудется... даже архитекторами. На месте убито насмерть пять человек; описание трупов – я беру его из “Новостей дня” – наводит ужас: “У кого треснул череп, у кого сломаны позвоночники, у некоторых от сотрясения выскочили глаза из орбит”. Другие раненые были отправлены в больницы; ко вчерашнему дню из них уже умерло двое.

Судебная власть энергично взялась за исследование этого несчастного случая, который справедливее будет назвать преступлением, и можно надеяться, что виновные не уйдут от заслуженной кары. И в то же время приступила к розыскам виновного и пресса, в лице тех же самых “Новостей дня”, которые так красноречиво описали катастрофу.

Почтенный незнакомец, ведущий в этой газете ежедневные “Беседы”, опросил всех лиц, так или иначе причастных к катастрофе и вообще строительству домов, начиная с членов городской управы и кончая рабочими, товарищами погибших. Начинается “беседа” как будто бы с того, что действительно виновным, как следовало этого ожидать, является архитектор. Так, член управы сказал г. S. (автору “Бесед”):

– Я думаю, что в данном случае мы имеем яркую картину недостатка архитектурского надзора. В такую сырую погоду класть так спешно такой огромный карниз – вообще опрометчиво; но уже если это неизбежно, архитектору следует обеспечить наблюдение со стороны достаточно интеллигентных помощников. Нельзя полагаться на полуневежественного рабочего, предоставлять все надзору какого-то десятника. Архитектора слишком поверхностно относятся к этой стороне дела.

Но первое, весьма неприятное для архитекторов впечатление значительно умеряется беспристрастием автора “Бесед”, отведшего остальную, наиболее значительную часть “беседы” голосам архитекторов. Тут появляется как общая причина катастрофы то, что “сами рабочие мало думают о своей безопасности и не всегда следуют советам предусмотрительности”; тут выглядывает на свет Божий и “истинный виновник” катастрофы. Оказывается он, как и следовало этого ожидать с другой, конечно, стороны, –

десятником. Этот глупый мужик велел рабочим навалить кирпича на свежий карниз – ну карниз, конечно, и рухнул.

“Рабочие, – продолжает г. S., – с которыми я вчера говорил, подтверждают, что четыре их товарища несли кирпич и навалили его на часть только что залитого карниза. Почему это допустил десятник, почему при такой серьезной в дождливую погоду работе не было архитектора или его помощника? На это, конечно, не могли ответить рабочие”.

Таким образом, виновность десятика выступает с поразительной ясностью!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨12 октября 1900 г.⟩

У московской конки наблюдаются три состояния. Первое – состояние полной неподвижности. Конка спокойна, кротка и в полной мере безопасна. Второе – состояние ползучести. Здесь конка почти безопасна, вполне уподобляясь тому марктвеновскому единственному паровозу, который не задавил ни одной коровы – так как не мог догнать ни одной коровы. Третье – состояние Sturm und Drang'a*, иначе – сногшибательное. Звон, треск, гам. Малолетние форейторы визжат; лошади переживают вторую молодость и скачут; кучера звонят – и обыватели давятся колесами. Конкой овладевает бешенство. Она не щадит ни пола, ни возраста, ни состояния. Путь ее усевается восьмидесятилетними старушками, детьми, извозчиками, перевернутыми вместе с экипажем, лошадью и седоками. Следующая за конкой (по новым правилам) карета “скорой медицинской помощи” едва успевает подбирать убитых и раненых.

Я давно следил за деятельностью конки в этом ее состоянии и никак не мог уразуметь, почему администрация ее не принимает никаких мер против несчастных случаев. Меня это удивляло – не потому, чтобы я мог заподозрить коночных заправил в нежности к обывателю, но потому, что каждый новый увечный значит – триста, а то и тысяча рублей из кассы правления. Не было никакого расчета давить – а конка между тем продолжает давить, настойчиво, регулярно, весело. Мне начинало уже казаться это прямым мотовством, когда на днях случайно раскрылась истинная причина загадочного конкиного поведения и тайные ее вождедения стали явными.

Оказалось, что уже несколько лет тому назад правление общества московских конно-железных дорог заключило с “с.-петербургским обществом страхования” договор, по которому всю гражданскую ответственность по “увечным делам” взяло на себя означенное общество: конка давит, а общество за это удоволь-

* бури и натиска (нем.).

ствие платит. Я предполагаю даже, что в период заключения договора конка нарочно постаралась давить как можно меньше, чтобы дешевле платить своему злополучному контрагенту. Общество на эту удочку и попало, а теперь горько плачет.

Понятное дело, что, коли за удовольствие вперед заплачено, было бы прямо-таки легкомысленно не исчерпать предоставленных возможностей. Не даром же деньги платить, в самом деле! Исходя из сих соображений, конка и начала давить, а так как всякому приятно, заплативши грош, удовольствия получить на целковый, то и количество увечных значительно превысило то, на какое легкомысленно рассчитывало страховое общество. Давит себе конка да посмеивается. Уголовной ответственности для заправил никакой, а если в виде редкой случайности на скамью сядет кучер или кондуктор – туда ему и дорога: на его место уже сотня кандидатов дожидается.

Терпело-терпело страховое общество, но наконец и немогогу стало. Разор да и только. Что ни день, то увечный, а то и два и три сразу. Крепилось долго общество, но наконец запросило пардону. На днях, московский агент страхового общества, непосредственно ведающий увечные дела конки, вошел, как сообщают газеты, с ходатайством в свое правление: пусть-де предложат правлению конки ввести хоть некоторые предохранительные приспособления. Хоть какие-нибудь.

Ничего только из этого не выйдет. Конкино дело – давить, а не предохранять. Хочет страховое общество, чтобы поменьше увечных было, пусть само и устраивает, что хочет. А конке – что за нужда? За свои деньги да не давить!

Мне жаль страховое общество. Но...

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить –
Господь обидел огурцами,
Зато капусткой наградит!

* * *

Нас просят сообщить, что с 1 ноября текущего года в новом Хомяковском сквере, что на Кузнецком, будут играть три оркестра военной музыки. Весь сад будет роскошно освещен электричеством. Прекрасная кухня под непосредственным наблюдением владельца сада. Буфет. На открытой сцене г. Хомяков исполнит: “Уж я золото хороню, хороню”. Цена входному билету – 1 рубль. Членам городской управы и гласным вход бесплатный.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈15 октября 1900 г.〉

Вчера исполнилось ровно два года с того дня, как “Художественно-общедоступный” театр открыл свои двери. Только два года, а кажется, будто много уже лет пронеслось с той поры, когда мы с великим удовольствием ходили к Коршу и Малый театр считали недосыгаемым образцом. Так далеко отодвинулось это время, как будто даже его никогда и не было.

Спокойное и благодатное то было время. Чиновники, согласно полученной ими повестке, с половины восьмого до половины двенадцатого старательно и даже с чиновничьим жаром выполняли предписания литературного начальства и набело переписывали “Гамлетов” и “Первых мух”; другие чиновники внимательно и не без удовольствия взирали на их деятельность, а третьи, тоже чиновники, писали на другой день доклады и то слегка похваливали, то слегка поругивали. “Идеалы” были достигнуты, и, как всегда в этих случаях бывает, хотелось не то спать, не то с кем-нибудь подраться.

В эту самую минуту и родился “Художественно-общедоступный” театр. Хотя рождению его предшествовали слухи, но был он все же полным незнакомцем; та публика, что толпилась у закрытых еще дверей его, нимало не чаяла будущего и кротко готовилась не без удовольствия взирать – от половины восьмого до половины двенадцатого.

Не стану говорить ни об охах изумления, ни об ахах неожиданной радости, ни об эхехехах горестного недоумения. Выдающимися литераторами давно уже обрисовано трагическое положение курицы, высидевшей утенка и горько стонущей и печалующейся, что тот, кто должен был только ходить, – и ходит и плавает. Не стану говорить о том, что нового и хорошего внес молодой театр, – эта тема заслуживает и более обширного и более серьезного исследования. Важнее всего было то, что он разбудил спящих и под мантией Гамлета обнаружил фалдочки вицмундира.

Известно, что ежели внезапно разбудить человека, крепко уснувшего, то первым делом он обругается или даже ногой угро-

жающе дрыгнет. И “Художественный театр” стали поругивать, но не с кротостью былых мирных времен, а с захлебыванием, с самозабвением, с потаенным присвистом. Прямо нельзя свистнуть, так хоть в душе свистну, и тем свою душеньку отведу. Прямо
40 нельзя, и нет повода обвинение предъявить, так хоть как-нибудь исподнизу инсинуацию подпущу.

Вчера же, в виде приветствия молодому театру, в одной газете была преподнесена скромная и невинная заметка: «Как *характерную*¹⁾ особенность нынешнего сезона в “Художественно-общедоступном” театре можно отметить, что про ш л о г о д н и е пьесы: “Дядя Ваня”, “Чайка” и “Одинокие” идут при гораздо лучших сборах, чем, *например*, новинка нынешнего сезона “Снегурочка”».

Вполне скромно и вполне невинно: как прелестно звучит это
50 “например”, позволяющее думать, что о “Снегурочке” сказано только так, потому что к слову пришлось и что, кроме “Снегурочки”, есть достаточное количество других новинок, подвергшихся столь же печальной участи. И будет ли виновата газета, если читатель сделает такой несуразный вывод: “Художественно-общедоступный” театр с нынешнего года пошел назад и лишился симпатий публики?

Цена подобным заметкам известна. Сколько бы их на том же месте ни появлялось, они ничего не отнимут от “Художественного” театра. С любовью творит он свое хорошее дело, с энергией
60 стремится к осуществлению однажды поставленных задач, и много еще хороших лет предстоит ему... и нам.

От души желаю, чтобы как можно больше было этих лет.

¹⁾ Курсив принадлежит мне, безграмотность – автору заметки.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

〈15 октября 1900 г.〉

“Пятнадцать лет пренебрежения и двадцать пять лет глумления”, – таким скорбно-пессимистическим возгласом резюмирует писатель итоги своей сорокалетней деятельности, и писатель выдающийся, крупный, в библиотеках занимающий своими произведениями целые шкафы, а в головах читателей – свой, довольно-таки обширный уголок. И выражает он эту скорбную мысль не в минуты какой-нибудь острой писательской горести, когда и прошлое и будущее окрашивается в цвет данного настроения, а в высокорадостный момент своего юбилейного торжества, когда “вся Россия”, по выражению ораторов, приветствует его, благодарит за труды минувшие и благословляет на труд грядущий. Не случайно, стало быть, вырвалось это горькое слово, и так или иначе с ним нужно считаться, так или иначе необходимо ответить на него. Правда, говоря о “глумлении”, П.Д. Боборыкин имел в виду одну только прессу, а читателя, этого истинного вершителя писательских судеб, выделил в совершенно особую категорию. Так, П.Д. Боборыкин весьма живо изобразил, какая должна быть изумленная и недоумевающая физиономия у этого самого таинственного читателя, обитающего где-то в глубинах России, если бы вдруг силой колдовства его перенесли в залу “Эрмитажа” и там заставили выслушать все хвалебные речи по адресу юбиляра. С одной стороны, в прессе читатель встречал одно “глумление” и, быть может, только за несколько дней перед этим прочел статью г. Буренина (это я уж от себя прибавляю), а с другой – он слышит одну громкую, разнообразную и почтительную хвалу, без одного слова не только глумления, но даже легкого порицания.

Таким образом, в речи П.Д. Боборыкина намечены три главные момента: честно работающий писатель, глумящийся критик и недоумевающий читатель. Картина получается не без яркости и, как все исходящее из уст Петра Дмитриевича, тонко улавливает нечто очень и очень современное. Все чаще и чаще за последнее время встречается это соединение: писатель, критик и читатель, причем на долю писателя выпадает именно честный труд, критик

изображается в виде кривого зеркала, а читателю предоставляется некое вахлаческое ротозейство. Возвращаясь к временам давно минувшим, писателя можно уподобить народу, голос которого никогда не доходил до царя-читателя, так как на пути стеной по-
40 дымались бояре-критики.

Далеко не все в этой картине представляется мне одинаково справедливым. Оставляя за писателем его честный труд (почему-то “честность” ставится писателю в особую заслугу, словно писательская стезя есть первый этап к каторге, а скромное его перо есть не что иное, как замаскированный “фомка”), я обращаюсь ко второму звену этой триады – критику. Истинная критика всегда была и доселе остается продуктом такого же художественного творчества, как и критикуемое произведение. Критик не только разбирает, анализирует и ставит баллы, – он творит сам,
50 и если перевес таланта именно на стороне критика, то очень часто случается такая любопытная вещь: произведение писателя поглощается, перерабатывается и является на свет совершенно новым. В этом случае более могучее создание творческой мысли ассимилируется с творением основным, старым, и затмевает его, нисколько, однако, не в ущерб писателю, ибо фирма остается за последним. Так же мало вредит писателю и критика бесталанная, слабосильная. Правда, проведя образы и идеи писателя через свое узколюбие и разжидив их, она способна на некоторое время замусолить, так сказать, физиономию писателя, дополнив
60 и исправив ее чертами собственной пошлости и скудоумия, но пройдет это непродолжительное время – и снова ослепительным светом загорится немеркнущая художественная вещь. Существует, например, обширная критическая литература о Толстом – и, положив руку на сердце, можно сказать, что ничего, кроме досады, а подчас и злости, она в читателе не пробудила, по той простой причине, что все эти бесчисленные критики по своему таланту не стоили одного Толстого. Едва ли, однако, Толстой стал от этого хоть несколько ниже. Помню я также, как с полгода тому назад в одном из московских “Листков” один маленький критик написал
70 маленькую статейку о М. Горьком, с маленькими идейками, маленькой, скромно шипящей злостью и маленьким нравоучением. И действительно, М. Горький исчез для меня, читателя, – ровно на четверть часа, пока я читал статейку.

На эту художественную критику, талантливую или бесталанную, П.Д. Боборыкину жаловаться, кажется, не приходится: она редко заслоняла его от читателя, потому что вообще редко касалась его. Своими злободневными творениями Петр Дмитриевич приводит в действие легкие перья другой части

пишущей братии – тех, кого мало интересует художественность, но зато приводит в движение всякая злоба дня. Совершенно не входя 80 в обсуждение талантливости и художественности его творений – в этом отношении я только читатель, – я не имею вместе с тем права обойти молчанием его “Накипи”, тем более что некоторый, чисто злободневный анализ последней может пролить свет и на “25 лет глумления”. Как известно из газет, на первом представлении этой пьесы произошел печальный инцидент: после четвертого, последнего акта большая часть публики стала расходиться, углубленная, как и всегда, в пессимистические размышления о целостности своих калош, часть публики закричала: “автора!”, а другая, столь же незначительная часть принялась шикать. 90 По поводу этого шикания, действительно в т а к о й день неприличного, некоторые газеты бросили несколько слов о нашей “некультурности”, другие, не отрицая некультурности, указывали как на смягчающее обстоятельство на пьесу, но в общем этот случай едва ли заслуживает внимания. Положим, некоторые из присутствующих, особенно дальновидные, пытались придать шиканью общественный смысл и значение и с тревогой спрашивали:

– А не декаденты это шикают?

Или:

– А не марксисты это шипят?

100

Но это, наверное, не были ни декаденты, ни марксисты, потому что если таковые и присутствовали, то смеялись они больше других и из театра ушли вполне утешенные относительно целостности своих крепостей. К удивлению, сам П.Д. придал значение шиканию и даже в своей речи упомянул о нем, поставив его, очевидно, в связь с “25 годами глумления” и даже иллюстрируя им эти печальные годы. Отсюда следует, во-первых, что и нам должно отнестись к шиканью серьезно, а во-вторых, и это самое важное, по этому шиканью как по частичному проявлению глумления мы имеем возможность судить о причинах целого. Пожалуй, в этом 110 отношении П.Д. Боборыкин и прав.

Чем же вызваны были эти звуковые протесты?

Слабой игрой артистов – едва ли. Играли все премьеры, а премьерам нужно, при их опытности, на головах, что ли, ходить, чтобы вызвать неодобрение. Отсутствием художественных достоинств в пьесе – да, скорее. В четырех, правда, длинных актах П.Д. Боборыкин затронул три самые живые, яркие и крупные проблемы (да, п р о б л е м ы) современности: декадентство, капитализм и нищезанство, и разделался с ними – тремя словами. Грозный рост капитализма выражен в “эготической” купчихе, 120 которая покупает себе мужа, как гуся в Охотном ряду, на выбор;

декадентство и ницшеанство – в художнике, переселившемся по “ту сторону добра и зла”, то есть со своей квартиры переехавшем на квартиру любовницы, которая содержит его. Все это еще бы ничего, не выведи Петр Дмитриевич целых трех положительных типов, причем положительность одного из них, наиболее серьезного, заключается в том, что он ни за какие блага, без суда, не хочет дать своей жене отдельного вида на жительство и, кроме того, временами ездит “на голод” и снаряжает туда отряды. Правда, “голод” спасал от маразма многих русских людей... и писателей, ну а вдруг, как на зло, голоду-то не будет? Ведь бывают же такие благополучные года. Куда тогда ехать русскому человеку от власти “декадентства, ницшеанства и капитализма”?

Так ставить вопрос и так отвечать на него, как сделал это П.Д. Боборыкин, нельзя. Но не в этом вся сила данного вопроса. Дело в том, что, ставя так или иначе такие “злободневные”, острые, наболевшие вопросы и так или иначе отвечая на них, П.Д. Боборыкин тем самым вводит в свою студию людей, не обучавшихся художествам, и дает им право возражать, спорить и
140 даже... даже глумиться, ибо сам-то ведь он глумится же в своей пьесе. Почему знать, быть может, “глумившийся”, шикавший зритель был действительно только некультурен, а быть может, это был истинный страдалец от этой современной троицы, по дороге в театр обрызганный шинами капитализма, пришибленный сверху упавшим кирпичом капитализма и столкнутый в канаву ницшеанцем по правилу: “падающего толкни”? Быть может, завтра его капитализм да ницшеанство, с разных концов взявшись, в порошок изотрут, а тут изображается капитализм в виде полдюжины совершенно безопасных и мирных идиотов, а спасение от них –
150 в виде “голода”! Что удивительного, если он позабыл приличия и, став по ту сторону добра и зла, – протестующе зашипел?

Вся беда П.Д. Боборыкина в том особенном положении, какое он занял в русской литературе. Не будучи романистом настолько, чтобы, творя вещи вечные и глубокие, давать к ним доступ только серьезным критическим умам, он в то же время романист настолько, что не почитает себя вправе вмешаться в эту свалку злободневников, на острое слово ответить острым словом, на шутку – шуткой, на глумление – глумлением. Заслуги Петра Дмитриевича в развитии русского самосознания велики и несомненны; далеко не всегда писал он такие неудачные вещи, как “Накипь”, и своей неустанной кипучей деятельностью, как эхо отзывавшейся на всякое новое течение жизни и будившей новое эхо, он вливал в нашу сонную, заплесневелую жизнь и необходимую тревогу, и необходимый даже раздор. Боборыкина ругали,

над Боборыкиным смеялись, даже издевались, – что из того? Эти самые насмешки были первыми признаками пробуждающейся мысли, – а кто из нас знает, кто может сказать, в какую беспросветную темную глубину жизни уходит пробужденная мысль? Невидимо и неслышимо для ее творца, она пробирается в головы, зреет, перерождается и, обновленная, жизнесозидающая, летит 170 дальше – быстрая как стрела и острая, как она. Нельзя видеть ее полета, нельзя учесть тех животворных ранок, которые наносит она толстым, самодовольным мозгам, нежным, болеющим сердцам, и зовет их за собой в пламенеющую даль восходящего солнца, и на место застоя, сна, скуки создает борьбу, жизнь, прогресс. Кто знает, мало ли среди тех, кто смеется над Боборыкиным, людей, учившихся мыслить по Боборыкину, – и смехом огорчаться, о нем говорить в такой славный день, как сорокалетний юбилей! Сорокалетний юбилей! Иное сказал бы я на месте Петра Дмитриевича. Я сказал бы: «Как счастлив я, что природа 180 наделила меня умом, отзывчивостью и энергией; что судьба дала мне в руки перо и что сорок лет я бодро и пламенно служил им людям. Когда целые массы людей, миллионы, лишённые голоса, не знающие и не имеющие путей к созидающей работе, гибнут в пучинах своего собственного жалкого большого “я”, в самих себе бесплодно сжигают то дивное, что зовется любовью, – я, Боборыкин, говорил, я любил, я работал. Выпьемте же за мое счастье, редкое человеческое счастье, и друзья и враги!»

Мне остается, вернувшись к началу, сказать несколько слов о читателе, этом загадочном существе, физиономия которого, пред- 190 полагается, должна изображать то умиление, то растерянность и недоумение, в зависимости от того, что скажет критик. Грешный человек, я еще верю в читателя, в его самостоятельность суждений, отзывчивость и ум. И мне даже совестно немного высказывать это, так как в переводе на более простой и понятный язык “верю в читателя” означает следующую высокооригинальную мысль: я верю, что в России, помимо тысячи пишущих, есть еще умные и отзывчивые люди. Отсюда вполне логично вытекает мое убеждение в том, что злополучный критик, ругатель, насмешник, ни в коем случае не может иметь значения заслонки, кривого зер- 200кала и т. п.

Мне приходилось бывать на суде и наблюдать за присяжными заседателями. Сидят они, неподвижные, спокойные, и ничего не прочтешь на их бесстрастном лице, в то время когда перед их глазами проходит “роман”, а на трибуне и за пюпитром заливаются критики. Те же критики гуляют по коридорам, спорят: “виноват”, “нет, не виноват”, чуть не дерутся, а присяжные все так же

спокойны, загадочны и бесстрастны. Но наступает решительный момент – и торжественное, властное слово кладет конец горячим 210 спорам и очень больно бьет кого-нибудь из критиков.

– Да, виновен.

– Нет, не виновен.

И это решительное слово давно уже сказано по отношению к Петру Дмитриевичу, романы которого читает и знает вся мыслящая Русь. А что там творится в коридорах, где, может быть, и глумятся, так что до того оправданному, выходящему из суда с поднятой головой. И если злополучное шиканье имеет значение, то только потому, что оно было голосом не критики, а ч и т а т е л я.

Закончу же все это я так: горька бывает порой, очень горька 220 участь русского писателя, – не великое счастье быть им!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(19 октября 1900 г.)

В о п р о с. Что такое синдикат?

О т в е т. Синдикат – это некий деликатный маневр, при посредстве которого деньги потребителя сами собой перескакивают в карман производителя, причем сам потребитель утраты не замечает и потому не огорчается, производитель же приращение весьма явственно осязает и потому радуется. Безгрешная радость капиталиста – так определяется синдикат в новейших учебниках политической экономии.

В. Не можете ли пояснить примером?

О. С готовностью. Московские дрожжевые фабриканты на днях ощутили острую потребность в радости и таковую пожелали безгрешно воспроизвести. Ежели, – рассудили они, – выйти нам на улицу и сесть на паперти, то многого не наберешь ввиду усиленной по этой части конкуренции; ежели, с другой стороны, взять прохожего за шиворот и сказать: “Давай целковый, ибо я фабрикант”, – то, во-первых, прохожий может не дать; во-вторых, заболят руки от непрерывного хватания и удовольствие превратится в труд; в-третьих, на всяком углу стоит городской.

В. А посему?

О. А потому фабриканты решили так: увеличим цену на фунт дрожжей на 11 копеек...

В. Почему именно на 11?

О. Для правдоподобности, чтобы городской не заметил. Преимущества сего рода обложения таковы: сами фабриканты могут сидеть сложа руки, и, не утруждая их, прохожий будет выплачивать целковый не сразу, а в рассрочку, по грошику и по копейке. Не говоря о гуманности данного способа, принимающего во внимание имущественную состоятельность каждого потребителя и тех, кто вовсе не ест хлеба, великодушно освобождающего от всяких взносов, он удобен и в том отношении, что ни один прохожий не может спастись быстротой ног своих.

В. А каковы будут размеры безгрешной радости?

О. По приблизительному подсчету около миллиона рублей в год.

В. Кто же их выплатит? Хлебопеки?

О. Какая нужда платить хлебопекам! Они будут делать хлебы немного легче весом – только и всего. Платить будут те, кто преимущественно питается хлебом. Кушающие рябчиков будут платить меньше, не кушающие рябчиков будут платить больше. В сущности говоря, это тот же прогрессивный налог, но кверху ногами.

* * *

В о п р о с. Как обстоят дела насчет воды?

О т в е т. Великолепно. Воды еще нет, но скоро будет. Приняты энергичные меры. Запрещено поливать улицы мытищинской водой.

В. Да что вы?!

О. Верно. Потому, говорят, если теперь, в эту слякоть, да еще поливать, так обывателя в грязи утопишь. Потом решено не давать воды в бани.

В. Как же? Сухие бани будут?

О. Да, сухие. Г. Зимин говорит: “Принимаю же я два месяца сухую баню, а обыватель почему не может?” Рассуждение правильное. Далее водопроводная комиссия своими глазами осмотрела мытищинский водопровод.

В. И это все?

О. Нет, в скором времени ожидается новое обязательное постановление. Управа вошла в соглашение с воздушными сферами, ввиду чего с будущей недели ожидаются непрерывные дожди. При незначительной плате обыватель имеет право выходить на улицу и, подняв голову кверху и раскрыв рот, пить, пить, пока не лопнет. За обсасывание зонтиков полагается незначительная приплата.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨22 октября 1900 г.⟩

Я не бывал за границей и не знаю, существуют ли у тамошних дверей блоки или вообще такие приспособления, чтобы двери сами собой закрывались. Если даже и существуют, – в чем я сильно сомневаюсь, – то в значительно смягченном виде: пружины там, что ли, помягче, камень весом полегче, во всяком случае, без той солидности и крепости, что наблюдается у наших дверных приспособлений. И это вполне понятно, ибо идея дверных блоков, идея автоматически закрывающихся и закрытых дверей, несомненно, родилась у нас и у нас же должна она получить наивысшее развитие. Иначе было бы несправедливо. Всякий народ, почитающий себя не за мальчишку и щенка, должен сделать свой вклад в историю культуры, иначе его, как обедающего на шереметевский счет, легко могут удалить из-за стола, и даже в “Кратких очерках всеобщей истории” он не будет увековечен ни одним подходящим анекдотом. Немец давно уже внес обезьяну, доброго Михеля, крупповские пушки и “единение пролетариев всех стран”; француз – *liberté**, Дерулэда и адюльтер; англичанин только на днях подарил культуре Чемберлена, за что культура велела кланяться и благодарить; мы же преподносим культуре дверной блок, и если после этого подарка она не воспылет к нам благодарностью, то это уже не наша вина. *Feci, quod potui, faciant meliora potentes*** – как говорил г. Корш, ставя “Контролера спальных вагонов”.

Закрытые двери – это целая поэма, и если когда-нибудь у нас появится Гомер, на что, ввиду изобилия слепых, существует некоторая надежда, он вместо какой-то Трои изобразит просто закрытые двери, которые сотни лет осаждаются быстроногими репортерами, хитроумными интервьюерами и премудрыми Несторами-обывателями, а защищаются шлемоблещущими пожарными. Поэма выйдет хоть куда. Но на что Гомеру нужно будет обратить усиленное внимание, так это на автоматичность затво-

* свобода (*фр.*).

** Я сделал все что мог, кто может, пусть сделает лучше (*лат.*).

ров: двери у нас затворяются сами собой, без дум и муки роковой, “стихийно” затворяются. Они роятся на свет прежде, чем родилось само здание, и, когда внутри еще пустота, они уже закрыты. По самой несообразной природе своей обыватель любопытен и падок до всякого рода зрелищ (о репортере как об усиленном обывателе я уже не говорю): он проверчивает буравчиком дырочки в купальнях, он во всяком заборе ищет щелочку и не пройдет, не заглянувши в нее; поднявшись на цыпочки, он засматривает в окно, а если видит открытые двери, то обязательно входит в них некоторым даже барином. Закрытых дверей он до смерти боится, так как пребывает в уверенности, что за ними неизбежно готовится для него какая-нибудь пакость, и в то же время система блоков и закрытых дверей в нем, в этом самом обывателе, находит себе самого ярого защитника, охранителя и проповедника. Это несколько странно на первый взгляд, но справедливо и, в конце концов, даже гармонирует с его потаенными наклонностями.

Подходит обыватель к великолепному зданию и на закрытых дверях оно зрит смущенными очами традиционную надпись: “посторонним лицам вход воспрещается”.

– А что там, братец, такое происходит? – спрашивает обыватель “шлемоблещущего”, всунув ему в руку двугривенный.

– Господа совещаются. О том, каким бы манером сделать так, чтобы у каждого обывателя каждый день курица в супе была и обо всем прочем, что к обывательскому счастью касательство имеет, – рапортует шлемоблещущий в пределах доверенной ему тайны.

– Мой друг, я этот самый обыватель и есть, которому курица-то... Нельзя ли мне хоть глазком одним, а то, ей-богу, животики подвело, – ходатайствует обыватель, глотая слюни от предвкушаемого супа.

– Ни в жизнь. Будет время, узнаешь.

Идет обыватель дальше, сумрачен, голоден, но духом бодр. Зрит новые двери и новую надпись: “воспрещается”, и снова спрашивает, о чем там речь идет.

– А видишь ли, некий порок некую добродетель обидел, но так как сие в благоустроенном государстве нетерпимо, то порок ныне наказуется, а добродетель торжествует.

– Ах, голубчик, вот взглянуть бы! Ни разу еще по-настоящему не видал, как эта самая добродетель торжествует, даже в сомнение впадать начал. Пусти!

– Не приказано. Черт тебя знает, что у тебя в голове сидит: еще критику пущать станешь. Не продайся! Чего стал?

И еще десяток дверей обходит обыватель, и за каждыми дверями творится что-нибудь обывателю во благо, а вход обывателю

воспрещен, и двери закрыты, закрыты автоматически, так как разумных резонансов для закрытия не существует. Ибо разве это резонанс – боязнь критики? И обыватель гневается, обыватель тревожится, обыватель худеет и мечтает о заграничных, возвратившись домой, первым делом закрывает свои двери и хлебным мякишем прилепляет: “посторонним лицам вход воспрещается”.

Полнейший и бессмысленнейший автоматизм.

– Пусть все двери будут открыты, кроме той, за которой я сижу!

Вот великая обывательская формула и обывательское правило, с которым хоть тресни, а ничего не поделаешь, так как не в голове оно помещается, не рассудком обосновано, а сидит где-то в недрах бессознательного. Рассудком-то он хорошо понимает, что двери открывать нужно, и даже других по этой части убедить может, а как до дела дошло – “замыкай! запирай! собак спускай! стражу ставь! Батюшки, никак еще репортер – в шею!”. О провинции я и говорить не стану; оттуда только и доносится, что хлопанье закрываемых дверей да визг прищемленных репортеров, но что проделывает с дверьми столичный просвещеннейший, культурнейший, светлюбивейший обыватель, так даже иной раз ушам не верится. Именно обыватель, самый простой обыватель, как вы и я, не администратор и не государственный деятель, но временно поставленный в положение как бы администратора и облеченный властью над дверьми. Для него даже и вопроса не существует, отворить или затворить, только стоит ему сесть в председательское кресло, как двери уже захлопнулись. И кто бы, главное, это делал? Понятное дело, что, когда дрожжевые фабриканты совещание о синдикате устраивают и на 11 копеек цену фунта дрожжей повышают, дверей для публики открывать они не станут, да и ни один благоразумный человек от них этого не потребует, все равно как не потребует он, чтобы его допустили к совещанию нарушителей ст. 1655, причем ему в близком будущем отводится роль “потерпевшего”, но ведь у нас все двери закрыты, все! Это не преувеличение. Дума, земство, суд в счет не идут, ибо на этот раз, по счастью, власть их по отношению к дверям ограничена, иначе ничего бы мы не знали ни о думе, ни о земстве¹⁾. Приведу яркий, даже до болезненности яркий пример: существует у нас, кажется, единственный образчик

¹⁾ Когда настоящая статья была уже написана, я встретил в газетах сообщение, что, по распоряжению товарища московского городского головы, вход в телефонную городской управы “посторонним лицам” воспрещен. Закрывается все, что только можно закрыть.

негласного суда, и где же? В совете присяжных поверенных, этих служителей и страстных адептов гласного суда! Я уже не заикаюсь о публике, но даже сами поверенные не допускаются на эти судбища и на веру приемлют решения своего сословного суда. И что любопытнее всего, даже и в голову не приходит этим светолюбивейшим людям, что никаких, в сущности, резонансов к закрытию дверей не имеется и что авторитетность суда, его беспристрастие и его, наконец, устрашающее значение только выиграла бы от допущения “посторонних лиц” и света. А теперь кто из публики, да и из самих адвокатов (кроме, конечно, судимых), относится всерьез к этому чуть ли не средневековому, но без его внушительности, судилищу и к его запоздалым послесудебным отчетам, подернутым, сверх того, дымкой таинственности, ибо вместо фамилий там пляшет один алфавит?

– Судили мы, матушка, твоего адвоката: как есть ни в чем не повинен, – говорит, примерно, член совета старухе-жалобщице.

– Врешь ты, батюшка, и не судили вы вовсе моего адвоката, только туману в глаза пускаете, – может так же примерно ответить ему старуха, и она будет права, так как нет суда там, где нет гласности. В крайнем случае это будет *р а с п р а в а*, но не суд: и Тит Титыч “судит” при закрытых дверях сына Антошку, взломавшего вырубку и содержимое оной прокутившего. Вот до чего в самую плоть и кровь въелась эта система закрытых дверей, даже до полного непонимания и невинного забвения того, что может ведь быть иначе!

И так везде. На днях в самом высококультурном Петербурге произошли два характерные казуса, сквозь комическую внешность которых проглядывает все та же исконная, самобытная и несовместимо дикая публико-свето-воздухобязнь. Заседает женское взаимное благотворительное общество и женщина-врач г-жа Шабанова читает свой доклад о конгрессе для защиты детей в Будапеште. Культурности, прогрессивности и современности столько, что даже дух спирает. И вот появляется вездесущий репортер – и двери х-хлоп!

– Не приказано пускать.

– Почему?

– По вашему мужскому естеству. Мужчины у нас не допускаются.

Многострадальный репортер протестует (даже вранье простится ему на том свете за все эти страдания!), но что значит его слабый протест перед силой “категорического императива”, столь враждебного мужскому естеству? Репортер не допущен, а редак-

ция газеты скромно просит впредь отмечать на присылаемых к ней повестках о новом правиле.

Продается на торгах “Сын Отечества”, и среди торгующихся репортеры.

– Две тысячи! – кричит один.

– Две тысячи и копейка! – вторит другой.

– Две тысячи и семикопеечная марка! – голосит третий.

Что за чудеса! Откуда такое богатство у репортеров, этих воистину турецких святых, которые, допуская это приличия, готовы довольствоваться, вместо костюма, одним фиговым листком, а то даже листком из записной книжки? А дело объясняется очень просто: на первых торгах репортеры должны были выстоять “за дверь” два часа, т. е. вплоть до окончания торгов. Здесь даже и “категорическим императивом” ничего объяснить нельзя. Автоматизм дверных запоров.

У нас в Москве удивительное и, по справедливости, весьма для нас лестное изобилие благотворительных обществ и учреждений. Без боязни ошибиться можно сказать, что каждый вечер там или здесь происходит какое-нибудь заседание, и трудно найти интеллигентного обывателя, который туда или сюда не вносил бы пяти рублей или по меньшей мере трешницы. И нигде в такой высокой степени не любят таинственного шепотка и закрытых дверей, как в этих благотворительных обществах, существующих именно на счет “постороннего лица”, каким является все тот же обыватель. Казалось бы, кому и идти навстречу гласности, как не этим обществам, ибо гласность, самая широкая, полная и бесстрашная гласность – единственное их спасение, а вместо того... О Боже, что вместо того? Точно воры прячутся они от света, в масках готовы ходить, испанскими плащами закутываться и на азбуке глухонемых изъясняться, только бы никто не догадался об их преступной деятельности и, чего доброго, не пустился критиковать ее. Нельзя с достаточной похвалой отнестись, например, к обществу вспомоществования недостаточным студентам: бесконечно много добра сделало оно молодежи и посеянное им растет и благо творит по всей России настоящего и даже России будущего. Уже одно то, что “голодный” студент отошел в область преданий, – великая его заслуга. И как вместе с тем глухо и потаенно ведется дело даже в этом прекрасном учреждении. Правда, время от времени печатаются цифры, хотя и выразительные, но только цифры; правда, два раза в год, в критическую пору взноса платы, печатаются воззвания, но разве это достаточно? Автоматически закрытые двери и закрытые уста скрывают от чуткого общества истинное красноречие фактов ужасной студенческой нужды,

терпеливости и подчас поразительной бодрости духа. Скажите, гг. члены комитета, мало ли встречали вы среди идущих к вам юношей истинных и скромных Ломоносовых, этих типичных порождений родимой земли? А что мы – мы, общество, знаем о них, кроме общих и, благодаря своей общности, бессодержательных фраз? Не от вас, а из газет мы узнаем, что вот-де в эту гнилую, холодную пору на улицах встречаются студенты в одних тужурках, потому что другого платья нет, а ведь это такой факт, над которым и поплакать можно. Почему бездействует ваше справочное бюро и на 500 студентов, желающих работать, поступило до сих пор только 40 требований? Разве кто-нибудь из публики слышал и обратил внимание на похвалу, с какой на днях отнеслось к бюро правление железных дорог за рекомендованных ему студентов? Вы делаете хорошее, честное дело, все наши сердца открыты вам навстречу, и в настоящий тяжелый для “общества” и студенчества момент пожертвования, я верю, обычным потоком польются к вам, но откройте ваши двери и уста. Дайте нам возможность не только кошельком, но и сердцем отозваться на горе и нужду и сердцем разделить их!

Только два слова об инциденте в обществе учащихся женщин. Фактическая подкладка достаточно освещена письмами в редакцию, нравственная же ясна из предыдущего. Проф. В. Д. Соколов достиг, если можно так выразиться, верха затворяемости: не только “посторонние лица”, но даже записавшиеся в тот же вечер в члены были изгнаны из святилища. Вот уже где полностью осуществляется правило благотворительности: пусть правая твоя рука не ведает, что творит левая. Остается теперь только потушить на заседании лампу – и обывательский идеал будет достигнут.

С редкой в юбилейных летописях сердечностью и теплотой было отпраздновано двадцатипятилетие деятельности А. А. Крюкова, в течение многих лет бессменного председателя совета присяжных поверенных. Жизнь прожить – не поле перейти, а честно и неутомимо работать на пользу общественную в течение четверти века, сохранить незапятнанным имя в этой отчаянной свалке и в этой так легко поддающейся злостным издевкам деятельности адвоката и, наконец, создать вокруг себя бодрую, здоровую, хорошую семью – далеко не всякому выпадает на долю, да и не всякому выпадает и такое торжество, как А. А. Крюкову. Это не в е л и к и й человек чувствовался маленькими людьми, и бездействовали кадилницы с фимиамом, от которого нередко и глаза режет, и в носу щиплет, и на душе свербит, – это приветствовался п р о с т о

человек, сумевший остаться человеком. А ведь если порассудить серьезно, так просто людей, пожалуй, не многим больше наберется, нежели великих, и не великие творят жизнь, а именно эти скромные просто люди. Тринадцать человек детей, начиная с присяжного поверенного и кончая гимназистом, окружали юбиляра, и, право, позавидуешь этим детям, слышавшим то, что так искренно и горячо говорилось в хвалу их отцу, да и отцу, могущему в глазах детей найти отражение своих чувств и подметить слезу гордости и счастья. Теплые речи пробили обычную стену равнодушия и холодной официальности, и особенно много в этом отношении сделала речь В.Л. Исаченко, человека, еще нового в московской магистратуре, но в один этот вечер сумевшего овладеть общими симпатиями и, по выражению одного из присутствующих, стать “излюбленным человеком”. Прямота его речи, светлая правда высказанных им взглядов и бесстрашная искренность в полной мере и с редкой справедливостью оправдывают это выражение, которое, к сожалению, так часто и так щедро применяют к недостойным.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨23 октября 1900 г.⟩

Процесс Ульдрих и Грюнберг далеко уже ушел в прошлое, но не подвергся забвению, как это случается со всякими злобами дня, а наоборот, до сих пор дает пищу для самых оживленных толков как в обществе, так и в прессе. Правда, ожидания многих увидеть в лице обвиняемых две типичные фигуры современности, а в их поступке найти отклик известных общественных настроений в значительной степени не осуществились, ибо поступки д у ш е в н о б о л ь н ы х людей лишь в весьма отдаленной степени характеризуют мысли и чувства окружающей их з д о р о в о й среды, — тем не менее процесс имеет крупное общественное значение. Он указал — и в этом главная его заслуга — на устарелость нашего законодательства по вопросу о принудительном заключении душевнобольных преступников, а попутно, создав о себе целую газетную литературу, с величайшей яркостью обнаружил недостатки нашей прессы: чрезвычайно легкомысленное отношение к вопросам первостатейной важности, пристрастность в изложении даже самих фактов — пристрастность, доходящую до потребности в передержках, и наконец, малое знакомство с трактуемым предметом. Если принять во внимание, что все эти недостатки сказались в крупнейших органах прессы, то добавочное значение процесса как пробного камня становится несомненным.

Прежде всего я остановлюсь на статье в журнале “Право”, так как она дает наиболее полный и обстоятельный ответ на интересующий всех вопрос: какова дальнейшая участь двух девушек, по признанию врачей в н а с т о я щ е е время здоровых, но по вердикту присяжных заседателей и приговору суда — заключенных в дом умалишенных? Совершенно справедливо автор статьи г. Набоков отвечает, что по з а к о н у обе девушки должны быть выпущены на свободу никак не позже двух лет, а может быть, и раньше:

“Закон говорит о выздоровлении от с у м а с ш е с т в и я; обе женщины помещены в дом умалишенных, как с у м а с ш е д ш и е, а вовсе не как истерички или дегенератки. Стало быть, если в больнице будет констатировано, что они не страдают более сума-

существом, то maximum срока, который они там проведут, два года”.

Таким образом, набрасывается прежде всего довольно-таки густая тень на сенсационную корреспонденцию, помещенную в “России” и рассказывающую о здоровом человеке, некоем Попове, пятнадцать лет не могущем освободиться из сумасшедшего дома при аналогичных с Ульдрих и Грюнберг условиях, а затем в громадной степени понижается цена рассуждений г. Мокиевского в “Северном курьере”. Будучи по существу врачом, г. Мокиевский храбро взялся разрубить запутанный юридический узел и, к собственному своему ужасу и ужасу читателей, пришел к такого рода страшным выводам: для Ульдрих и Грюнберг есть только два выхода из сумасшедшего дома – самоубийство или преступление врача, который решится, вопреки закону, выпустить их на свободу.

Но вышеприведенной цитатой из “Права”, к сожалению, и кончается справедливость рассуждений г. Набокова. Выйдя из сферы юридической в область фактов, г. Набоков внезапно утрачивает всю свою солидность, заменяя ее смелостью суждений, каковая смелость весьма логично вытекает из полного незнакомства с делом. Только один, пожалуй, г. Не-фельетонист, сотрудник “Нового времени”, опередил г. Набокова в этом отношении, но о г. Не-фельетонисте (какая грустная правда скрывается в этом псевдониме!) речь будет впереди.

Начинает свой разбор фактов г. Набоков заявлением, будто Ульдрих и Грюнберг четыре года сидели в тюрьме. Он даже курсивом печатает эти “четыре года”, что весьма явственно доказывает всю глубину его возмущенного чувства, но в то же время несколько не приближает его к истине: как известно всем бывшим на процессе и читавшим отчеты, обвиняемые провели в тюрьме только 7–8 месяцев. Отсюда и блестящая мысль г. Набокова, что после четырехлетней тюрьмы сумасшедший дом окажется для девушек “благоденствием”, несколько тускнеет. Но всю разрушительную силу своего незнакомства с фактами г. Набоков сосредоточивает на вопросе о медицинской экспертизе. В № “Курьера” от 17 октября, в отделе “О чем пишут”, уже помещена часть фантастических измышлений г. Набокова, и я не стану повторять их здесь в их выразительной дословности. По существу, г. Набоков приходит к такому заключению: на предварительном следствии обвиняемые были так поверхностно, мало и плохо наблюдаемы, что суд допустил на судебном следствии новую экспертизу; новые эксперты дали свое заключение на основании короткого и поверхностного наблюдения обвиняемых

на суде; такое заключение может иметь только “внешнюю авторитетность”, а на самом деле указывает лишь на отсутствие у врачей “сознания своей ответственности”. Отсюда и разногласия в двух экспертизах – до суда и на суде, из коих первая признала обвиняемых здоровыми в момент совершения преступления, вторая – больными. Здесь все неправда от первого до последнего слова. Грюнберг и Ульдрих наблюдались до суда ровно столько, сколько это было признано необходимым врачами. Оспаривать их мнение г. Набоков не компетентен. Обе наблюдались в психиатрической Преображенской больнице известным специалистом-психиатром Константиновским: Грюнберг дважды, каждый раз по 2 месяца, Ульдрих один раз в течение 3 месяцев; обеих г. Константиновский признал больными в момент совершения преступления и даже формулировал свое мнение почти так же, как и эксперты на суде. Где же тут злоупотребление экспертизой на суде и пренебрежение ею до суда? И какое право имеет г. Набоков упрекать врачей-экспертов на суде в отсутствии у них “сознания своей ответственности”? Если бы г. Набоков внимательно ознакомился с процессом во всех его стадиях, то убедился бы, что разногласие произошло не между экспертизами до суда и на суде, а между этими двумя научными экспертизами и неосторожным заключением врачей в распорядительном заседании суда, признавших, на основании короткого наблюдения обвиняемых в этом заседании и вопреки обоснованному заключению авторитетного специалиста, здоровыми тех, кого они же в заседании суда признали больными. Значит, в одном общем суждении сошлись не только две экспертизы, досудебная и судебная, но и те врачи-эксперты, которые обвиняемых не наблюдали, а давали свое заключение после ответов их на казенные вопросы. Это уже не разногласия, а редкий случай гармонии... К серьезным фактам и к чужой репутации серьезным людям нужно относиться серьезно, г. Набоков.

Так отнесся к вопросу серьезный, специальный журнал, авторитетность которого оказалась на этот раз чисто “внешней” и не перешла за границы обложки с заголовком “Право”. О том же, что натворил по этому вопросу г. Не-фельетонист, даже говорить жутко. Обращаясь к справкам о газетном прошлом г. Не-фельетониста, мы должны признать в его лице уже достаточно опытного судебного деятеля: это он с такой дивной проницательностью уничтожил “дело братьев Скитских” и на его месте создал “дело об отложении Малороссии от России”, за что своевременно и весьма жестоко был наказан г. Дорошевичем. На сей раз, пользуясь своей опытностью, г. Не-фельетонист уничтожает экспертизу

при посредстве весьма простого и удачного способа: он перевирает ее.

“Таковы были выводы людей науки, – говорит он об единогласном выводе экспертов на суде, – и, конечно, перед компетентным мнением врачей следовало бы преклониться беспрекословно. Но этого, увы, нельзя сделать даже при сильном желании. Дело в том, что в деле есть другое авторитетное мнение других людей науки; врачи, осматривавшие Ульдрих и Грюнберг и довольно долгое время наблюдавшие их вскоре после преступления, высказались так же категорически, что за 6 месяцев испытания (срок, как видите, немалый!) обе обвиняющиеся в преступлении девушки в день 27 мая 1896 года были совершенно здоровы в психическом отношении...”

Я уже говорил о том, как происходило дело в действительности, и достоверность процитированных строк выступает с “новременской” яркостью.

Тем же способом, очень нехитрым, расправляется г. Не-фельетонист и с другими фактами и участниками процесса. Письма Ульдрих приводят его в ужас – и только его одного. Всех других, кто отзывался о них, они удивляли, иногда смешили, как романтически нелепый бред, в котором лишь недалекий человек может прочесть острое напряжение злой воли и программу злодейского преступления. Критика этих писем защитником Ульдрих г. Тесленко, живая и остроумная, вызывала общее сочувствие. Негодует только г. Не-фельетонист. Вся обстановка преступления и действующие лица давали полное право г. Малянтовичу утверждать, что здесь не может быть речи о покушении на убийство, “что не может быть речи о покушении на преступление там, где самое преступление совершиться не могло”. Сравнение г. Малянтовича покушения обвиняемых с путешествием гимназисток в Америку, с попыткой поджечь гранитный монумент на открытой площади, было вполне уместно. Последним сравнением воспользовался фельетонист “России”. И никого это не возмущало и не возмущает. Негодует только г. Не-фельетонист. Негодует – это куда бы ни шло, но он попутно кое-что прибавляет, кое-что недосказывает, кое-что не так передает и всю, без стеснений обливая грязью и г. Тесленку, и г. Малянтовича. Не нужно забывать, что он позорит людей, которые по свойству своей деятельности лишены возможности защищаться: произнесенная речь не то что напечатанная книга – на нее нельзя сослаться...

Достаточно. В отдельности все эти полунамекы могут показаться пустяками, и не дают права привлечь г. Не-фельетониста по обвинению в клевете, но когда весь фельетон наполнен ими,

они дают довольно ясное представление об оригинальной манере письма названного писателя. Кстати сказать, на днях по поводу жалоб одной московской газеты на то, что в петербургских газетах даются неверные сведения об успехах г. Фигнера, “Новое время” обрушилось грозой на московских журналистов. «Мы должны заметить, – заявила в негодовании газета, – что ложные сообщения о г. Фигнере в Москве передают сюда “по телефону” именно разные сотрудники московских газет, которым редакции петербургских имеют неосторожность доверяться»; пожалуй, “Новое время” и не подозревало, какую великую истину оно на этот раз изрекло – и доказало.

Смешно все это – и печально.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨29 октября 1900 г.⟩

Порядочные люди в большинстве случаев бывают немного наивны. В этом обстоятельстве нельзя не усмотреть одного из проявлений великой премудрости природы, которая, создавая ножницы, тем самым вменяет себе в непремennую обязанность произвести на свет соответствующий для них объект.

Вчера я встретил одного очень порядочного человека, который второй уже год состоит членом литературно-художественного кружка. На лице его выражалось как бы некоторое прозрение, но без просияния, а на лбу ходили тучи.

– Вы знаете?! – воскликнул он.

– Нет, не знаю, – ответил я.

– В нашем, – голос его дрогнул, – в нашем художественно-литературном кружке сегодня будет читать В.Л. Величко!

– А разве он так плохо читает?

– Мне черт его там подери, как он читает. О ком он будет читать, вы вот что скажите? О Владимире Сергеевиче Соловьеве!

– Ну?

– Да вы знаете, кто такой г. Величко?

– Знаю, – ответил я. – Он был редактором неофициальной части газеты “Кавказ” и занимался тем, что своим пером добивал армян, ускользнувших от турецкого ятагана.

– Так-с. Ну, а кто был В.С. Соловьев?

– А Соловьев был философом, человеком с широким и любящим сердцем, в котором отсутствовал даже самый намек на какую бы то ни было племенную или религиозную вражду.

– И вас не поражает это дикое сопоставление: о С о л о в ь е в е будет читать В е л и ч к о?

– Нет, не поражает, – сознался я. – Другое дело, если бы Соловьев был жив. А раз он мертв и зарыт в землю, то отчего же и не почитать о нем г. Величко? Покойники, насколько мне известно, не дерутся, не жалуются и даже не обижаются. Такое их счастливое положение.

– Ну а живые-то, как могут они допускать это? Ведь не на улице и не в потаенном месте будет читать г. Величко, а в помещении “кружка”, с соизволения его директоров?

– А вы вполне уверены, что они живые?

– А по-вашему, они тоже покойники? – удивился мой собеседник.

– Конечно, нет. То есть не совсем. До известной степени да. Конечно, они живые, но дело в том, что они не похоронены. Когда их похоронят...

– Живых-то? – ужаснулся он.

– А разве я сказал, что они живы? Они мертвы. Конечно, только до известной степени. Вернее будет сказать, что они живые, но дело в том, что они совершенно не похоронены. Нисколько не похоронены. Даже наоборот.

– Ну вы как хотите там философствуйте, – мрачно произнес мой собеседник, – а я уж знаю, что мне делать. Пойду к Станиславскому и скажу: “Штокман” у вас сегодня не идет, так дайте мне на вечер трубу.

– Трубу?

– Да, трубу. Величко будет читать, а я буду трубить. Он будет читать, а я буду трубить. Он: “Соловьев”, а я: тру-ту-ту. Он и веротерпимость – а я: тру-ту-ту – ту-ту, черт меня возьми совсем!

– Вас выведут.

– Меня будут выводить, а я: тру-ту-ту, черт меня возьми совсем.

– А потом к мировому.

– Меня к мировому, а я: тру-ту...

– А потом в Титы...

– Меня в Титы, а я: тру-ту-ту... Пусть все знают: директор, члены, общество.

– Покойники-то? – спросил я.

– А разве они покойники?

– Конечно, нет. Даже наоборот. Но когда их похоронят...

– Живых-то?

– Разве живых хоронят, что вы! Хоронят только покойников. Т. е. до известной степени, понимаете? Так вот когда...

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨29 октября 1900 г.⟩

Вечер был хорош на диво. После двух или трех недель непрерывной слякоти; дождя, настолько частого и мелкого, будто каждая частица самого воздуха превратилась в водяную каплю; холода без его бодрящей силы и тепла без его ласкающей мягкости, – разом ударил легонький мороз, инеем покрыл железные крыши, тонким ледяным налетом сковал лужи, в твердый и острый камень превратил липкую и жидкую грязь и так основательно высушил воздух, будто прачка, выжимающая мокрое тряпье. И Бог ее весть откуда 10 на самую середину небосклона выплыла полная серебряная луна, такая веселая и блестящая, словно ей самой приятно было, без калош и зонтика, погулять по чисто выметенному, подсохшему небу, вместо того чтобы сидеть одиноко за густыми тучами, ежиться от сырости и медленно пухнуть, точно от флюса.

Весело стало и на невеселых московских улицах, а веселее всего на Садовой, по которой я в этот прекрасный вечер шествовал по направлению к Художественно-общедоступному театру. Приятно было вдыхать крепкий бодрящий воздух, слушать звонкие 20 удары копыт и колес по подмерзшей мостовой, слухом ловить все разнообразные и теперь, в этом чистом воздухе, красивые звуки большого людного города, глазами пробегать по стройным силуэтам побелевших деревьев – и думать, что впереди предстоит еще наивысшее наслаждение: ведь сегодня в Художественном театре впервые идет ибсеновский “Доктор Штокман”. Но нужно было торопиться: по словам газет, в этом образцовом театре двери в зрительный зал закрываются тотчас по поднятии занавеса, и я нанял извозчика, а точнее сказать, имел несчастье нанять извозчика. Это был высокий, согнутый и бородатый старик, не то глухой, не то пьяный. 30

– В Художественный, – кратко приказал я извозчику, но он, нагнувшись с козел, вполоборота смотрел на меня и, видимо, ожидал продолжения.

– В Художественно-общедоступный театр, бывший “Эрмитаж”, – раздельно выговорил я полный титул молодого театра.

Извозчик нерешительно тронул лошадь и, немного проехав, спросил:

– А куда это?

– Да в Каретном же ряду, неужели ты не знаешь Художественного театра? – вскрикнул я.

Но он не знал. Он был так чужд вопросам искусства и даже вопросам своей собственной географической профессии, что ничего не знал о театре, о котором говорит вся Москва. Это было странно и как-то неприятно, и я начал думать, что вместо извозчика я нанял д и с с о н а н с. Ведь хорошее настроение так легко портится. И действительно, судя по дальнейшему поведению извозчика, можно было подумать, что он решительно задался целью спустить меня на землю в смысле переносном, да и буквальном. Он не чмокал, не дергал вожжами, как это делают обыкновенно другие представители этой профессии, а, низко опустив их, почти бросив, равномерно и все сильнее раскачивался в стороны, точно маятник в известном рассказе Эдгара По. Лошаденка сперва бежала довольно бодро, сама обегая препятствия вроде переходящих улицу прохожих, но потом, не слыша поощрения, замедлила бег и пошла шагом. Этим самым спокойным шагом переходила она рельсы бутырской конки, и, признаюсь откровенно, жизнерадостность моего настроения несколько не усилилась, когда, взглянув в сторону, я увидел несущийся на нас сверкающий трамвай. А он – он спокойно раскачивался.

– Извозчик! Да что же ты, братец? – нежно кричал я, стараясь осилить своим голосом шум улицы, и мне это удалось. Вожжи дернулись, лошаденка запрыгала, и пролетка сдвинулась с рельс вполне своевременно, чтобы дать место бесшумно скользящему вагону.

– Вот отчего вас так часто конка и сшибает, – говорил я в годовании, – а я еще когда-то конку обвинял! Сами под колеса лезете.

Извозчик виновато молчал, а через пятьдесят шагов началось равномерно-ускорительное раскачивание его и равномерно-замедлительное движение лошаденки. Так с великим трудом доползли мы до театра, и я в последний раз попрекнул извозчика за его небрежное отношение к своим обязанностям: в целости доставлять в театр и иные места интеллигента, жаждущего возвышенных наслаждений.

– Ночь не спал, – виновато ответил старик.

– Почему? – остроумно спросил интеллигент, т. е. я.

– Ездил.

Я пожал плечами – значение и смысл сего пожатия были глубоки как океан – и начал отдавать деньги, и последнее, что мне

оставил на память этот “диссонанс”, было ощущение его неуклюжих негибающихся пальцев и шершавой, как щетка, ладони. 80

Дальше, со входом в театр, началась сплошная гармония. До настоящей минуты я не могу отрешиться от впечатлений того вечера, глубоких, пронизывающих душу, даже страшных в своей поработощающей силе, и если краски мои покажутся слишком густы, то я не виноват в этом: нельзя безвредно для душевного равновесия переживать минуты такого высокого подъема, при этом еще с т а д н о г о подъема, какой дал всем присутствующим “Доктор Штокман” в исполнении артистов Художественного (но не “общедоступного”) театра. И я не боюсь подробно остановиться на описании этого вечера, так как общественное значение подобных редких моментов, когда тысячи людей, дурных и хороших, умных и глупых, волнуются одним и тем же властным чувством, становятся единым сердцем и единым разумом, сами превращаются в т о л п у с ее стихийностью чувствований и поступков, – велико и заслуживает самого внимательного рассмотрения. 90

Уже в первые минуты после входа в театр, когда занавес был еще закрыт, по оживленным и даже возбужденным лицам входящих было заметно, что ожидается что-то новое, необыкновенное и страшно интересное. Трудно понять язык, на котором говорит в эти минуты толпа: немного более обыкновенного блеска в глазах, шумнее разговоры, оживленнее и ярче жестикуляция, но этого достаточно, чтобы мгновенно создалось ощущение необычного, праздничного, и с силой охватило каждого. И когда зал погрузился во тьму и, колыхаясь, раздвинулся серый полог, открыв квартиру д-ра Штокмана со всей ее поразительно переданной интимностью жилища частного лица, недоступного посторонним, я уже готов был плакать, радоваться, улыбаться, страдать – делать все то, что прикажут мне со сцены. А тут как назло, вопреки слухам о закрытии дверей, по всему залу рыщут темные тени запоздавших, наполняя воздух шумурыганьем ног, сдержанным шепотом и к самому лицу вашему подставляя недоумевающие, растерянные физиономии с явно обозначенным вопросом: “А где тут пятый ряд?” – и с видимым желанием бросить дальнейшие поиски и в отчаянии сесть на ваши колени – если вы позволите. 100

Но вот вошел в свою квартиру д-р Штокман – и все затихло. Может быть, опоздавшие еще рыскали, может быть, кто-нибудь уже сидел на моих коленях, но если бы даже на спину мне уселся слон из Зоологического сада – я не почувствовал бы его в эту минуту. Штокман (мне невольно хочется прибавить “господин” – так трудно поверить в недействительность, в небытие этого человека) 120

только еще вошел, он только еще сказал несколько “домашних” слов, а вы уже видели его всего как на ладонке, уже знали, что за дивно-светлая, наивно-честная и глубоко любящая душа сидит в длинном теле этого ученого, с его добродушной конфузливой близорукостью, быстрой, топающей, нащупывающей землю походкой и бесконечно милой суетливостью домовладыки, наивно, по-девичьи влюбленного в свое крохотное, свежее испеченное хозяйство. И вы уже всем сердцем любили его, как старого, немного смешного друга, как живое воплощение всего человечески светлого, о чем в ненастные ночи тоскует ваша душа, и в чистых звуках его счастливого смеха вы уже чувствовали трагические нотки: ведь не на радость осуждены такие люди... “Не из праха выходит горе и не из земли вырастает беда, но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремиться вверх” (книга о Иове, гл. 5, стих 6–7). Если бы с такой чудной правдивостью на сцене был изображен не честный человек, а негодяй, не поручусь за то, что публика сумела бы сохранить хладнокровие и не вытолкать его за двери. За себя, во всяком случае, не ручаюсь, и г. Станиславский пусть подумает об этом на будущее время.

...Антракт. Удобный случай оглохнуть. Отдельных звуков не слышно. Все кричат, все рукоплещут, все тянутся к сцене. Красные лица, сверкающие глаза, открытые, но безгласные в этом гаме рты, – вот картина той толпы, что была в зале. Медлят выходить и с последними остатками голосовых средств провожают венки, который подносится Станиславскому, – и как раз в пору, потому что дает хоть некоторое удовлетворение чувству восторга и благодарности за гениальную игру. В первых рядах Ант.П. Чехов. На него смотрят чуть ли не с чувством некоторого превосходства: “Смотри-ка, дескать, как у нас-то играют: здорово?”

В четвертом акте сила внушения, волнами идущего со сцены в зрительный зал, достигает высшего напряжения. Драма одного человека превращается в драму всего человечества. На глазах возмущенных зрителей под натиском безумной, эгоистичной, ослепленной толпы гибнет сама честь, сама справедливость и истина. Штокман вырастает. Он уже не главный доктор купален, живущий там-то и на днях уже купивший скатерть на круглый стол, – он страждущий дух самого человечества, изнывающего в частых сетях пошлости, глупости и грошовой злобы. И злая ненависть поднимается против безумной толпы, со смехом гасящей свои светочи, и зрители перестают быть спокойными зрителями, и в зале рождается новая толпа: толпа героев, толпа защитников права и справедливости, толпа, всей своей сокрушающей силой готовая ринуться на врагов Штокмана и грудь грудью сцепиться –

с артистами. Свет, как и тьма, имеет своих безумцев, и немало их зародилось в эти трагические минуты и, к сожалению, только на эти минуты. Но теперь все охвачены одним огнем. Штокман бледнеет, безыскусственно бледнеет – и мало ли людей побледнело в толпе? С какой радостью, злым, удовлетворенным смехом встречаются беспощадные упреки, которые бросает Штокман 170 в самое лицо окружавшим его безумцам:

– Вы звери! – говорит Штокман – и зрительный зал единым своим судорожным вздохом отвечает ему: “Да, звери”.

– Вы глупцы! – говорит Штокман – и как эхо отвечает зал: “Глупцы”.

– Право только меньшинство, потому что только меньшинство умно и благородно. Вы лжете, что грубая масса, чернь имеет такое же право осуждать и санкционировать, советовать и управлять, как немногие представители интеллигентного меньшинства, – говорит Штокман – и толпа, та, что в зале, с гордостью вторит ему: 180 “Да, ты прав, человек среди зверей, свободный и несчастный дух среди рабских и скотски блаженствующих душ”.

И говорящие это люди забывают, что сами они – великие грешники перед свободой, правом и справедливостью и что не раз, быть может, каждый из них бросал камнем в такого же д-ра Штокмана и своей глупостью да пошлостью, как пуховой подушкой, душил его. Забывают они об этом – да разве и нужно об этом помнить? Разве не дорого пережить такой момент духовного очищения и потом на всю, быть может, жизнь запомнить, что 190 хоть несколько минут тебе удалось жить, чувствовать и мыслить как человеку, а не бляеть и не вертеть угодливым хвостом, как одному из великого стада?

Характерен был искренний и любовный смех, пронесшийся по залу, когда в трагический момент единогласного признания Штокмана врагом народа, один голос стал на его сторону – и то был голос пьяного, которого никак не могли удалить из собрания. Что касается меня, то если и раньше я был высокого мнения о пьяных, так теперь начинаю уважать их. В их ненормальности очень часто прячет свое острое жало сама мудрость, и если только они не дерутся, то очень часто говорят правду 200 подобно шутам и детям. Не оттого ли это уже происходит, что сама наша нормальность есть не что иное, как замаскированное безумие? Во всяком случае не мешает подумать об этом в обществах трезвости: другой пьяный, который на том же диком собрании кричал: “Да здравствует общество трезвости”, по-видимому, был хитрец, желавший на свою долю монополизовать всю мудрость.

...Антракт. Разговоры с характером той же горячности, что ни на минуту не покидает зрительный зал. Часто слышится выражение “гениально”. Один старый театрал и такой же старый журналист на мой вопрос о впечатлении хватается руками за голову, трясет ее с попыткой оторвать и говорит:

– Как они только могут говорить против этого театра!

Другой, помоложе, но уже порядочно втянутый в грязь жизни, хлопает себя пальцем по лбу и кричит одно и то же:

– Фильтрует! Голову фильтрует!

Дальше слышится: “Исторический вечер!” “Это что-то невероятное!” “Это уже я и не знаю. Ах!” Последнее, впрочем, вместе с трясением головы, повторяется чаще всего: от полноты чувства уста немеют. Критические умы молчат, но не по причине своего общепризнанного ехидства, а по тем же, по-видимому, общечеловеческим причинам.

Кончается последний акт со скорбным возгласом Штокмана: “Самый сильный человек в мире тот, кто остается одиноким”, – и вот я снова среди улиц Москвы, теперь тихих и сонных, под той же луной, утратившей свой блеск под молочной пеленой поднимающегося тумана. Пред моими глазами спина “диссонанса”, на этот раз уже другого, весьма тщательно блюдущего свои высокие обязанности: нет сомнения, что он в целостности доставит до 230 дому интеллигента, отдавшего дань возвышенным чувствам и облагородившего свою душу созерцанием чужих добродетелей.

– Ты одинок? – спрашиваю я.

– Нет, мы женаты, – отвечает извозчик вполборота.

– В театрах бываешь?

Извозчик смеется. Смеюсь и я: у малого такое добродушное и милое лицо.

– Но посредством чего же ты облагораживаешь свою душу? – продолжаю я допрос.

– Как? – не понимает извозчик.

240 – Ты знаешь, кто ты? Ты – чернь; ты – дворняга; ты – представитель тупого и бессмысленного большинства.

– Воля ваша, – обижается немного малый и отворачивается.

– Ты знаешь, – продолжаю я, – что сейчас в Каретном ряду такие вот, как ты, погубили самого лучшего человека, какого я видел когда-либо?

– Никак нет, это не мы, – протестует извозчик. – Намедни я вот тоже одного господина с Зацепы вез. Говорил ничего, вот как и вы, а потом как меня по шее – вда-арит! А мы что, мы никого не трогаем.

250 – Значит, это не вы?

– Нет, может, господа аль купцы по пьяному делу. Это бывает.
– Но скажи мне, мой младший брат: ты хоть что-нибудь слышал об истине и справедливости?

– Как? – недоумевает малый.

– Ну ладно. Исполни своё провиденциальное назначение и вези меня, а я буду исполнять своё и думать о тебе.

И мы каждый выполняли своё назначение. Он меня вез, а я о нём думал. О нём и о таких, как он, зверях и дворягах, об их тупости и звериных чувствах, о той пропасти, которая отделяет их от нас, возвышенно одиноких в нашем гордом стремлении к истине и свободе. И на один миг – странное то было чувство – во мне вспыхнула ненависть к д-ру Штокману и захотелось из своего свободного одиночества уйти и раствориться в этой серой, тупой массе полулюдей. Возможная вещь, что через некоторое время я влез бы на козлы, но, по счастью, мы приехали.

– Набавьте пяточок, – попросил меня извозчик. – Весело вез.

Так вот как низменно и превратно понял он мою барскую ласку!

– Возьми, презренный, – сказал я, – и гордо полез на четвертый этаж в своё возвышенное одиночество.

Диссонанс! Диссонанс! Мучительный диссонанс!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(2 ноября 1900 г.)

В газетах были даны недостаточно полные сведения о двадцатипятилетнем юбилее московской конки. Было коротко сказано, что торжество прошло очень скромно, но это уже так всегда говорится, из застенчивости. Сообщалось и об обеде на 60 персон, среди каковых были и некоторые представители городского общественного управления, а о том, что самое важное, что самое интересное, что составляет центр, опору, базис, фундамент, основание всякого юбилея, в р е ч а х ничего сказано не было. Упущение тем более непростительное, что рациональный тип юбилея и газетной заметки о юбилее давно уже выработан.

Как горячий поклонник юбилейных торжеств, этого последнего проблеска романтизма в серых буднях нашей реальной жизни, я тороплюсь пополнить указанные недочеты сведениями, добытыми из одного мне доступного источника.

Внеся небольшую поправку – обед происходил не в Большой Московской гостинице, а на Ваганьковском кладбище, в левом углу, у стены, – я перехожу прямо к юбилейным речам. Начаты они были прямо речью одного из представителей городского общественного управления, речью краткой, но сильной и выразительной и вызвавшей целую бурю восторженных аплодисментов.

– И вот, – сказал оратор, – конка. И вот, – продолжал оратор, – двадцать пять лет конка. И вот, – закончил оратор, – мы уже пообедали, а теперь мало-мало выпьем. Ура!

Некоторое волнение среди присутствующих вызвало появление второго оратора. Это был довольно еще свежий покойник, большой, по-видимому, юморист; так как во все время речи его симпатичное зеленоватое лицо хранило улыбающийся вид. Говорил он от имени обитателей Ваганьковского кладбища.

– Жизнь была для нас томлением и скукой. Пустые, как эта бутылка, – остроумно намекнул оратор, вызвав улыбки на лицах гостей, – надоевшие самим себе, мы влачили жалкое существование и бились головами о стены нашей тюрьмы, спрашивая себя, где исход? И исхода не было. Бесплодно, без приложения гибели

наши лучшие силы; одни из нас, мудрейшие, омонизировались, другие беспомощно бились в тенетах лжи и беспредметной тоски. Но однажды, тоскуя, я вышел на улицу, и конка задавила меня. Это был лучший день в моей жизни. Исход был найден! Ныне, в великий день конкиного юбилея, мы присутствуем на празднике всей русской интеллигенции. Подымаю бокал за конку, за ее великую роль в жизни интеллигента, которому она дает единственный исход!

Громкие аплодисменты и крики покрыли конец речи г. Покойника. К сожалению, здесь на некоторое время было нарушено мирное течение торжества. Один из гостей успел как-то незаметно наклюкаться и теперь кричал во все горло, не вникая протестам:

– Мне тоже ногу отрезала! И не заплатила! Я тоже хочу говорить!

Однако Н.М. Перепелкин засмеялся, и инциденту, который в другой, менее культурной стране мог бы повести к составлению протокола и вмешательству полиции, был придан совершенно безвредный и комический характер: все остальные и даже сам пьяный рассмеялись.

От имени прессы говорил репортер г. Вездесущий.

– Значение конки в развитии прессы, а также в отношении содержания меня и моей семьи заслуживает удивления и даже восторга. Предоставляя будущему историку литературы полную оценку этой стороны деятельности почтенного юбиляра, я укажу лишь на один отрадный факт: каждый день по двадцати строк, ежели даже по три копейки строка, составит ровно шесть гривен!

Здесь речь оратора была прервана благодарными слезами, и на смену ему поднялся присяжный поверенный г. Увечный.

– Я – Увечный, – гордо сказал он и оглянулся. – А почему я Увечный? Потому, что есть конка. Сколько стоит этот фрак? С брюками и жилетом этот фрак стоит 93 рубля 50 копеек. Да еще дома почти такой же фрак остался. А не будь конки – имел ли бы я не токмо фрак, но даже брюки?

После нескольких других красноречивых речей, содержание которых мы не приводим за недостатком времени, слово было предоставлено кондуктору Ивану № 42. Низко поклонившись юбиляру, оратор сказал:

– Всем, что есть во мне лучшего: терпением, выносливостью, доходящей до высоты двухжилности, бодростью духа и умеренностью, – всем этим я обязан единственно конке. Кто ест меньше меня, кто получает меньше меня? А кого ругают больше, чем меня, кого заставляют работать больше, чем меня, кого штрафуют

больше, чем меня? Стоик в течение 15 часов, в остальные девять я эпикуреец: как могу я передать дивную светлую радость, являющуюся при мысли, что акции общества быстро растут в цене и что я, я, Иван № 42, истинный творец народного благосостояния!

Буря аплодисментов, увенчавших эту безыскусственную речь, положительно не поддается описанию. По окончании обеда дружеская беседа затянулась далеко за полночь. Были также устроены очень оживленные танцы под дирижерством г. Покойника, танцевавшего *vis-à-vis** с председателем правления конки.

* визави (*фр.*).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(11 ноября 1900 г.)

Счастливец Крюгер – какой чудной встречи удостоился он!

Получив бесплатный билет на проезд от Африки до Марселя, что уже само по себе является крупной любезностью, предупредительностью и внимательностью по отношению к его теперешним денежным средствам, он удостоивается самых восторженных оваций. Сотни тысяч восторженных любителей свободы, пылких южан-французов собираются на берегу, чтобы встретить старика, кричат во все свое горло, машут руками, радуются:

– Вот он, наконец, наш дорогой, наш любимый борец за свободу! Место ему!

И ему отводится место. Целых тридцать пять комнат в лучшем отеле отдаются в его распоряжение. Ведь это, в сущности, немногим меньше, чем вся его отнятая от него родина.

Тридцать пять комнат! Для человека, который привык жить в каких-нибудь четырех комнатах, а последнее время успел даже забыть, что значит крыша над головой. Сотни тысяч встречают! Человека, во всем государстве которого насчитывалось народу менее, чем встречающих его, а теперь, после английской резни, остался совсем пустяк. Если бы я не знал из газет о полном отсутствии честолюбия в характере дяди Крюгера, я подумал бы, что он нарочно подстроил всю эту историю: потерю родины, детей, друзей, состояния, – только для того, чтобы насладиться таким дивным приемом.

Вот Крюгер произносит речь, и восторг овладевает толпой.

– Мы будем воевать до последнего мужчины, – говорит Крюгер, – а когда не останется ни одного мужчины, будут драться наши женщины и дети.

Как это красиво, как это сильно звучит! Как приятно расчетливому буржуа присутствовать при проявлении такого героизма – гораздо интереснее, чем в цирке на бое быков! Bravo, дядя Крюгер! И – bravo англичане! Ведь их участию обязана европейская публика таким назидательным зрелищем.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(12 ноября 1900 г.)

Иногда отзывчивость на общественные явления бывает совершенно невольной. Человек сидит дома, пьет чай. За окном кто-то закричал, он отозвался, а через полчаса он уже в участке. И хорошо, если только в качестве свидетеля, а то, смотришь, как обвиняемый в нарушении общественной тишины и спокойствия. Нечто в этом роде – хотя, конечно, не в столь опасно-участковой форме – приключилось и со мной.

10 Давно уже за окном я слышал крик: “Инфлуэнца и Доктор Штокман! Доктор Штокман и инфлуэнца!” – но полагаю, что ко мне как к обозревателю может иметь отношение разве только “Доктор Штокман”. Но крики продолжали расти, и с особой яростью подымался призыв “Инфлуэнца! Инфлуэнца!” и поглощал все остальные звуки. Он раздавался на улице, он вырывался из переполненных народом аптек, он встречал вас у знакомых, в театре, у себя, наконец, дома, когда на пороге вас приветствовали скорбным возгласом: “А у нас без вас пришла инфлуэнца”. Постепенно инфлуэнца начала примешиваться как необходимая составная
20 часть ко всему решительно: к газетам, которые выходили утром на свет такими бледными, кашляющими и трясущимися, что их хотелось уложить в постель и растереть уксусом с водкой; к репертуару театров, который составляет применительно к инфлуэнце; к телефону, голос которого приобрел несомненные оттенки сильного насморка. Как почетная гостья, которую не спускают с лестницы только потому, что в руках ее находится хозяйский вексель, инфлуэнца являлась на именины, изредка плакала на похоронах и вдребезги напивалась на юбилейных обедах. В конце концов компетенция этой удивительной инфлуэнцы приняла на моих глазах
30 настолько внушительные размеры, что я заволновался.

– Скажите, пожалуйста, инфлуэнца – это что-нибудь общественное? – спросил я у одного старого и опытного человека, настолько пропитанного общественностью, что родился он в некотором роде на общественный счет и на общественный счет рассчитывает быть похороненным.

– А чума – нечто общественное или необщественное, как, по-вашему? – ответил он вопросом.

– Смотри по тому, кто очумеет, – уклонился я от прямого ответа.

– И чума нечто общественное, и инфлуэнца нечто общественное, – заявил мне старый и опытный человек.

После подобного заявления я почувствовал себя не вправе более уклоняться от болезни. И я заболел. Немножко выздоровел и опять немножко заболел. И тогда, сосредоточивши временно все силы своего мышления на инфлуэнце, я понял ее крупное общественное значение.

Бывают болезни смелые, решительные, жестокие в своей свирепой прямолинейности. Они приходят, берут человека за шиворот, трясут его – и если сразу не вытрясут душу, то отпускают человека с легким шлепком и идут дальше. Или жив человек, или умер, что-нибудь из двух, но вполне ясное, точное, определенное. Ни схитрить, ни увильнуть, ни притвориться живым, когда ты мертв, ничего этого нельзя. Ни порошочком побаловаться, ни водяными душами слегка себя поддержать – коли жив, так жив, коли умер, так умер, начистоту дело делается.

Но бывают болезни иного сорта, и достоянием этих болезней стал современный культурный человек. Он оберег себя от чумы, выселил за пределы культуры холеру, с величайшей ненавистью преследует все случаи и роды скоропостижной смерти – и с ловкостью салонного акробата ухитряется всю жизнь лавировать между тем, что есть полная болезнь, и тем, что есть полное здоровье. Его теперешние любимые болезни даже и не болезни, а какой-то особенный род особенного здоровья.

– Я нейрастеник, – говорит он с некоторым тщеславием. – Как же, лет уже пятнадцать нейрастеник. И знаете ли, слава Богу, что нейрастеник. Будь я здоров, вот хотя бы как этот осел, Иван Иванович, и половину бы того не сделал, что делаю теперь. А то, как теперь ночь не поспишь, нервы натянутся как струны, чувствительность обострится, мозг закипит – и работаешь как гений!

– А я, видите ли, алкоголик, – скромно признается другой. – 70 Правда, тяжеленько иногда, но зато – сколько ф-фантазии, сколько окрыленных мечтаний, какая дьявольская производительность ума!

А за алкоголиком идет инфлуэнтик – тоже не последняя спица в колеснице наших дней. Этакое вечно умирающее, кашляющее, растирающееся создание. Оно ходит, оно говорит, оно какое-то дело делает и оно, наконец, совсем похоже на человека. И оно же вместе со своими братьями по духу, нейрастеником да алкоголи-

ком, накладывает на жизнь характер какой-то вечной перемежающей-
80 щейся лихорадки, запоя и похмелья, нелепой пляски без музыки и погребального плача без покойника.

– Господа, полезем на крышу! – говорит нейрастеник в порыве внезапного стремления ввысь, к идеалу. – Я еще ни разу на крыше не был, но, говорят, хорошо – вся Москва видна.

– Ползем! – восторженно отзывается алкоголик.

– И я тоже, – присоединяется инфлуэнтик, вынимая из-под мышшки градусник.

И они лезут. Но уже на высоте первого этажа нейрастеник садится, спускает ноги и мрачно заявляет:

90 – Я не верю в крышу. Нет крыши.

– А я калоши забыл, – плачет инфлуэнтик. Алкоголик же давно свалился – без слов.

Не знаю, потому ли, что мне невольно пришлось отдать слишком много мыслей инфлуэнце, но я вижу несомненные признаки ее наличности в думском торжестве по поводу неожиданной утраты телефона.

Прежде всего, телефон. Роль в данном случае инфлуэнтиков и нейрастеников бросается в глаза: с начала до конца полное отсутствие каких бы то ни было рассудочных мотивов и только скачка
100 температуры – вверх и вниз. Сперва температура поднимается вверх; головы горячают, движения быстрееют; лица выражают восторженную решимость.

– Да, надо, безусловно надо, чтобы город приобрел телефон, – решают нейрастеники и инфлуэнттики. – Ведь это же безобразие – телефон Белла. Ни поговорить, ни послушать. А дороговизна!

Нейрастеники те, что в прессе, поддерживают: да, надо, безусловно надо. И вот вырабатывается – как уже она там выработается, это тайна, – цифра, за которую город решает взять эксплуатацию телефонов на себя; снаряжается в Петербург член
110 управы с запечатанным конвертом, в котором заключена эта самая таинственная цифра. И вот уже член управы приезжает обратно – веселый, развеселый.

– Поздравляю, – говорит.

– Как, наша взяла?

– Нет, какое там. Уже очень мы дорого назначили – восемьдесят девять рублей. Вот Петербург пятьдесят пять назначил, ну Петербург для себя и взял. А у нас будет датская компания: за 79 рублей согласилась.

– А хорошая компания?

120 – Прекрасная, говорят. Да и дешевка!

Инфлуэнттики улыбаются и радостно потирают руки.

– Ну и слава тебе, Господи, – говорят. – А то правда, что мы с этим самым телефоном делать будем? Тут канализация, тут трамвай вот где сидят, а мы еще хотели на себя телефон взвалить. Избавил Бог!

В отзывчивой прессе один день царит недоумение, склонное разрешиться либо плачем, либо смехом, как нервы укажут. Наконец побеждает кротко-одобрительный смех. Находят, что все совершилось к лучшему. На что городу телефон, коли он от одной канализации обомлел? Приводятся доводы против городского телефона – один другого глубже, разительнее и неотразимее. Во-первых, говорит один, телефон потребность очень незначительного меньшинства городского населения, и едва ли есть основания для города брать на себя заботу и печаль об этом привилегированном меньшинстве в то время, как для большинства ничего не делается. Во-вторых, пессимистически добавляет другой, если эксплуатацию телефонов возьмет на себя частный предприниматель и будет вести дело скверно, у нас останется надежда – обручать его и хоть тем чего-нибудь достигнуть. А что можно поделаться с городом? Ничего нельзя поделаться с городом.

Ну и слава богу. Лезли на крышу – радовались; свалились с крыши – тоже радуются. Все в порядке.

* * *

Решительно, Москва – город перепроизводств. Давно уже наблюдается и статистикой отмечено в ней перепроизводство беспаспортных бродяг, хитровцев, девиц легкого поведения, неизвестных, раздавленных поездами и конками, свалившихся с лесов, опившихся и умерших на улице. Совсем еще недавно печатью указывалось на перепроизводство мануфактуристов (т. е. это не значит, что мануфактуристов в ней слишком много, а просто что они, мануфактуристы, слишком много производят ситцу, а вследствие этого и слез).

Приглядываясь к текущей городской хронике, я заметил два новых рода продуктов, которым грозит или с которыми уже совершилось перепроизводство. Первый род продуктов, доселе мало находившийся в публичном обращении, это – психически больные. Не отрицая возможности того, что и ранее они встречались в местах общественного пользования, как то: итальянской опере, концертах и пр., я не встречал, однако, о них более или менее определенных сведений. Теперь же почти каждый день в газетах фигурирует “задержанный на улице психически больной”. И чаще всего “задержанный” именно на улице, точно сама улица порождает эти чада безумия, или с благословения неба, управы

и властей сама улица превратилась в новый сумасшедший дом. Объяснить это явление недостатком психиатрических больниц и убежищ я не решаюсь: весьма возможно, что больницы существуют; допустить предположение, что это разгуливают одни и те же больные, которых задержат, немного подержат и выпустят, – также весьма затруднительно. Приходится остановиться на вы-
170 сказанной мной уже мысли, именно: репреоизводство.

Второй род продуктов, подвергшихся в последнее время ре-
репроизводству, это – дети. Нужно признаться, что и раньше их
производилось в количестве большем того, какое требуется, но
теперь в этой области заметно особенно оживление. По крайней
мере, те же газеты ежедневно доводят до сведения о целой новой
партии ребят, подброшенных, заброшенных, замерзших, просто
найденных, как находят негодный отброс, отжившую свой век
калошу или что-нибудь в этом же малоценном роде. На ступе-
нях крыльца, на грязном полу трактира, в вагоне, в дворницкой
180 будке, в отхожем месте – всюду ребята, ребята. Словно с неба
сыпятся, словно новый своеобразный дождь проходит еженощно
над Москвой и забрасывает ее этим жалким продуктом, жалким,
потому что и в нем, негодном, хилом, теплится искорка жизни и
души. Вот коротенькая, но, ясная заметка: на лесном дворе, среди
штабелей дров найден труп замерзшего ребенка. Что это? Тра-
гедия ли маленького сердца, но уже сознавшего себя одиноким,
забившегося в угол, как голодные и больные животные, и там за-
мерзшего? Или драма большого материнского сердца, оторвавшего
от своей груди дитя и бросившего его на мороз – т а м лучше
190 ему? Возраст ребенка не указан, и мне хочется думать, что то был
грудной младенец.

Но несомненно, что детей производится больше, чем следует,
или, иными словами, производится хлеба меньше, чем следует.
Но несомненно, что необходимы новые рынки для сбыта этого
товара и необходимы новые деятельные агенты для этой цели.
И не воспеть ли мне славу нашему времени, которое, будя потреб-
ности, тотчас дает и материал для их осуществления?

Нужны агенты – и они появляются. Вот перед лицом мирово-
го судьы “Машка-Масленица”. Так кличут некую Марию Позд-
някову, которая угадала дух и потребность времени и взяла на
200 себя, за небольшое вознаграждение, сбыт излишних младенцев.
Производились младенцы в окрестностях Москвы, сбывались
“Машкой-Масленицей” в Москву. Узнав о незаконном рождении
ребенка, “Машка-Масленица” являлась к родильнице и предла-
гала за 12–15 рублей отправить ребенка в воспитательный дом.
Та соглашалась, и продукт упаковывался и отправлялся, но

до воспитательного не доходил: там туг прием, там уже давно, несмотря на все меры, господствует перепроизводство. “Так продолжалось до тех пор, пока до полиции не дошли сведения о том, что из с. Коломенского пропадают новорожденные”, – красноречиво говорит судебный отчет. 210

Принялись за исследование загадочного факта. Нашли матерей пропавших детей, добрались и до Марии Поздняковой. Тут выяснился вопрос: куда девала она ребят?

Ответ был простой: подкидывала.

Тут попутно выяснилось и мягкосердечие агента, к которому по своему званию он вовсе не обязан: подкинув ребенка, “Машка-Масленица”, по ее словам, стояла где-нибудь поблизости и следила, чтобы ребенок на зимнем холоду не замерз.

Мировой судья и съезд приговорили Марию Позднякову к двум месяцам ареста. Вопрос о перепроизводстве остался, тем не менее, открытым. 220

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(14 ноября 1900 г.)

“В московской классической V-й гимназии по инициативе и под руководством преподавателя русской словесности С.Г. Смирнова открылись еженедельные вечеровые добровольные занятия учеников 5 класса гимназии по русской литературе. Предметом этих занятий служат разборы некоторых художественных произведений классических русских писателей, а также чтение вслух ученикам заранее подготовленных стихотворений и прозаических отрывков”.

Такова коротенькая газетная заметка, повергшая меня в продолжительную радость и некоторое мгновенное уныние. Последнее характера было чисто субъективного и явилось при воспоминании о моих гимназических годах, когда за добровольное вечеровое занятие разбором классических писателей я не только не был удостоен поощрения и награды, но весьма существенно претерпел. Когда же, отрешившись от классиков, я попытался собственными силами влить живую струю в русскую литературу, я претерпел дважды. А, ей-богу, мои стихи были недурны, хотя несколько символичны.

Радуюсь же я за русский язык и за учеников V-й гимназии. У нас много говорилось о порче русского языка, и в качестве главного обвиняемого на скамью был посажен газетный работник, причем негласно предполагалось, что зарождается этот работник в голове Минервы и выходит оттуда уже вполне готовым и вооруженным – пером и синтаксическими ошибками. А то обстоятельство, что он в большинстве случаев находился в гимназии и именно там начинал свою карьеру синтаксических ошибок, как-то совсем упускалось из виду всеми судьями. Но как ни дорог нам наш славный, красивый и сильный язык и как ни губительно отражалась на нем установившаяся система преподавания, которую в окончательном результате можно свести к бурсацкому “с энтих до энтих”, одной только порчей его не ограничивается их вред. Он проникал глубже; он захватывал святая святых начинающейся жизни – молодой, гибкий, еще не сложившийся ум.

Не знаю, сознают ли преподаватели русской словесности, какое громадное значение имеет их предмет в системе гимназических наук, понимают ли, что то или иное отношение к нему является последним решающим словом в вопросе: быть ли окончившему гимназисту надолго или даже навсегда олухом царя небесного, или же вступить в жизнь с богатыми зародышами дальнейшего умственного развития. Уже с четвертого-пятого класса начинается деятельная работа пытливого юношеского ума. Словно вторично родившись, юноша с жадным любопытством озирается округ. Все ново; все поражает его; все вносит в душу тревогу, смущение. При вычк а еще не застлала его глаз густой пеленой житейского тумана, и, быть может, никогда впоследствии он не увидит жизни в такой рельефности, в таких резких, режущих глаз красках, как в эти минуты пробуждающегося сознания. Как ярко бывает день после крепкого сна! Природа, человеческие отношения, отношения человека к Богу и морали – все интересует юношу, только что начавшего сознавать себя как личность и жаждущего найти свое место в этом бесконечно обширном, сложном и загадочном мире. Взгляните иной раз на гимназистика, задумчиво поглаживающего голое место над верхней губой и досадливо хмурящего бровь, – только толчком вызовете вы его из состояния глубокого самосозерцания и думы. По вашему мнению, о чем он думал? О будущих усах и их предполагаемом размере? О гимназистке, которая в настоящую минуту хранит в своем кармане его записку и кусок мела и поочередно то целует записку, то ест мел?

Весьма возможно, что об усах. Возможно, что о гимназистке. Но не менее возможно и то, что этот зеленый, наивный юноша всеми силами своего неокрепшего мозга решает вопрос – о цели существования. Возможно, что он в эту минуту храбро переоценивает все ценности, являясь поочередно мистиком, пессимистом, реалистом, идеалистом – до комика включительно. Седобородый философ и юноша на ученической скамье слишком часто решают одни и те же “проклятые” вопросы и ближе друг к другу, чем это может показаться с первого взгляда. Но жизнь дает ответ только зрелым людям и умам; для юноши – она вся яркая, блестящая загадка. Отсюда – роль книги. Упрощая жизнь, сводя ее пестрое своеобразие к ряду элементов и комбинируя последние в форме тех или иных положительных ответов, книга производит аналогичный процесс упрощения в мозгу юноши и облегчает ему непосильную работу. Гораздо легче гимназисту дать нравственную оценку Ильи Ильича Обломова, нежели хотя бы своего дяди Николая Ильича, хотя бы последний в десятки раз был ярче и типичнее первого. Даже именно потому, что он ярче.

Конечно, возлагать все надежды на преподавателя русской словесности нельзя; полный ответ в этом случае был бы ответом на вопрос об общей постановке средней школы. Но в руках именно этого преподавателя находится право и счастливая возможность ответить на самый важный вопрос воспитания, направить ум ученика в сторону спячки или бодрствования и хоть до известной степени корректировать недостатки гимназической программы. Хорошо, если бы пятая гимназия стала в этом смысле действительно п я т о й, а не первой.

* * *

Третьего дня начались в Петербурге заседания “Союза писателей” и, вероятно, продолжатся несколько дней. Ряд намеченных к постановке вопросов придает чрезвычайную важность этому заседанию, в некотором роде первому в России. Уже одно то, что главное внимание собрания обращено на нужды провинциальной печати и обрисовку ее современного бедственного положения, свидетельствует о серьезности поставленных собранием задач. Позволяя себе в один из ближайших дней вернуться к более обстоятельной беседе о работах “Союза”, сейчас я обращу внимание читателей на весьма характерный и светлый отзыв о провинциальной печати бывшего саратовского губернатора, а ныне помощника командующего войсками киевского округа генерала А.И. Косича. По отзыву генерала А.И. Косича, а ныне помощника, саратовская печать прекрасно освещала местные общественные нужды, чем значительно облегчала задачи администрации.

Как это далеко от традиционного: “Бей корреспондента!”

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈15 ноября 1900 г.〉

Повсеместно предается анафеме Максим Горький. Пожалованный публикой в свои любимцы, он не сумел оценить этой высокой чести, и когда в один прекрасный вечер его пришилили, как бабочку, для надлежащего рассмотрения, – он заворочался на проволоке и жестоко оскорбил этим неприличным движением снисходительных зрителей.

Пришпилен он был на одну проволоку с Ант.П. Чеховым, и произошло это в стенах “Художественного” театра, где оба писателя присутствовали в течение нескольких вечеров подряд. Есть основания думать, что пришли они в театр за тем, за чем ходят туда и другие, – смотреть, но в действительности они сами подверглись операции рассматривания, и притом операции в достаточно жестокой и грубой форме. Толпа любопытствующих “почитателей” плотным кольцом окружала их и старательно следовала за ними: направо – направо, налево – налево, в буфет – в буфет. В буфете они садятся пить чай – и почитатели с жадным любопытством смотрят в рот, вдумываясь в смысл каждого движения руки и челюстей любимого писателя: 10

– Смотрите, Чехов сухарь взял!

– А Горький-то, Горький-то – лимон давит!

Зловещим шепотом, пораженные ужасом и изумлением:

– Глотают!..

– Не может быть!

– Ей-богу.

С восторгом:

– Подавился!

– И Чехов подавился!

– Оба подавились! 30

– Какие у них обоих большие глаза!

– Но какое странное выражение!

– Господа, нельзя же так: вы мне на мозоль наступили.

– Виноват!.. Скажите, пожалуйста, что здесь показывают?

Давно уже прозвучал третий звонок и занавес поднят, но почитатели предпочитают смотреть то, что пьет А. Чехов, нежели то,

что он написал: “Дядю Ваню”. Особый, весьма культурный род почитания, довольно распространенный. Вот тут-то М. Горький и совершил инкриминируемый поступок. Менее, по-видимому, 40 кроткий характером, нежели А.П. Чехов, он произнес краткую, но энергичную речь, в таком виде передаваемую газетами:

“Что вы глазеее на меня? Что я – Венера Медицинская, балерина или утопленник? Я пишу рассказы; они вам, очевидно, нравятся – очень рад этому обстоятельству. Но зачем же вы ходите за мной по следам, смотрите мне в рот, хлопаете мне?.. Напишу пьесу, понравится вам – ну и шлепайте себе на здоровье... Вот и сейчас в театре давно уже подняли занавес, идет такая чудная, высокохудожественная пьеса, а вы предпочитаете стоять в фойе и смотреть, как я с Антоном Павловичем чай пью!.. Стыдно, гос- 50 пода, стыдно...”

В самые сердца проникло слово любимого писателя, и почитатели – захопалали!

– Bravo! Bravo! Бис!

Не знаю, в газетах не сказано, каковы в этот момент были лица Горького и Чехова. Но мне думается, что они должны были рассмеяться: уж очень это мило, ей-богу!

Конечно, на следующий же день “инцидент” был предан гласности – если не ошибаюсь, мистером Пэком из “Новостей дня” – и затем совершил круговой рейс по всем газетам с добавлением 60 различных комментариев. Последние, как это водится, гораздо интереснее самого “инцидента”.

Характернее всего было письмо “из публики” (т. е. одного из тех, кому М. Горький сказал: “стыдно”), помещенное в “Новом времени”. Отнесясь с полным неодобрением к тону и слогу горьковской речи, почитатель заявляет: “Избалованный критикой и читателями, г. Горький принял только на свой счет все внимание публики” etc. Далее почитатель возмущается, что Горький сказал: “Я пью чай с Антоном Павловичем”, а не так хотя бы: “Антон Павлович пьет чай со мной”, и на этом основании сравнивает 70 М. Горького с опереточным Сам-Пью-Чай. Наконец говорит почитатель: “Ни место, ни время, ни в е ж л и в о с т ь не позволяли нам ответить Горькому, как следовало...”

И после этих грозных намеков неожиданно добавляет: “Тогда мы в замешательстве могли только поаплодировать ч у д а к у”.

Вот это письмо действительно интересно. Еще раз оно подтверждает, что не умерло великое русское правило: или в ручку – а не то в зубы. Не дал Горький ручку поцеловать – так в зубы его! Дает это письмо представление и о том, что за “почитатели” ходили толпой за писателями.

Любопытные отзывы появились и в прессе. Особенно хорош 80
один из них, на основании именно этого инцидента обвиняю-
щий М. Горького в том, что он – намеренно рекламирует
себя! Именно: зачем г. Горький каждый антракт ходил через фойе
в кабинет г. Немировича-Данченко? Зачем г. Горький публично
пил чай с Антоном Павловичем? Зачем г. Горький подчеркивает
“свою персону” синей блузой?

Зачем, наконец, – добавлю я от себя – М. Горький не сидит
на крыше, куда никто из почитателей к нему не полез бы? Зачем
М. Горький написал эти свои рассказы? Да и за каким, наконец,
чертом он родился – как не для саморекламы! 90

Нет, гг. “почитатели”! Несите ваши восторги тенорам, борцам,
призовым лошадям, балеринам – но оставьте писателей: стыдно!

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(19 ноября 1900 г.)

Переживается великий исторический момент, – как это принято выражаться у любителей высокого штиля. День выборов представителей московского городского самоуправления приближается с бесшумной быстротой, и предвыборная горячка уже овладела городским народонаселением – от самых высших слоев его до самых низших.

Физиономия города неузнаваема. Не говоря уже о том, что в последние дни улицы покрылись выпавшим снегом, вследствие чего из грязно-черных они превратились в грязно-белые, все остальное, как в природе, так и вне природы, свидетельствует о чрезвычайной важности готовящегося события. Толпы народа, старцев, женщин, детей и людей цветущего возраста, движутся по улицам, причем одни идут в одну сторону, другие в сторону, им противоположную, что в общем представляет собой диковинное и редкое зрелище. Очень часто можно видеть, как двое или даже трое издалека устремляются друг к другу, горячо пожимают руки и оживленно беседуют. Вообще на многих лицах заметно необыкновенное оживление. Рестораны полны, и среди звона посуды, лязга ножей и вилок, стонов и рева машин, нажаривающих попури из цыганских песен, слышны обрывки шумной, горячей и подчас даже бурной беседы. Конки тоже полны, особенно те, что ходят по Садовой. Многочисленные извозчики стоят на углах улиц, другие же везут седоков, причем одни едут по одной стороне улицы, другие же по другой, совершенно так же, как это бывает во время выборной горячки в Нью-Йорке. На всех почти перекрестках стоят городские, а на пунктах, представляющих особую важность, даже гг. околоточные надзиратели. По вечерам на Тверской и многих площадях зажигается электричество, на других же улицах газ, а на третьих совсем ничего не зажигается, точь-в-точь как и в Америке. Наблюдательный взор может иногда подметить картинки совершенно необычного свойства – конечно, необычного свойства не с внешней их стороны, а со стороны их внутреннего смысла. Так, бросается иногда в глаза картинка

одного человека, везущего куда-то второго человека, причем первый крепко держит за шиворот второго и, по-видимому, убеждает его, а второй пытается ежеминутно соскочить с извозчика и не внемлет убеждениям первого. В обычное время эта символическая сцена может приблизительно означать тот простой факт, что купеческий сын Иван Запивающий был посланцами отца застигнут у Яра и теперь везется домой для протрезвления и внедрения правил трезвенного жития, – а в настоящие исторические дни смысл совершенно меняется: то один избиратель везет другого избирателя в думу для взятия билета – подобно тому как это происходит и в Америке. Точно так же можно заметить ночью группу шумно разговаривающих лиц, вышедших откуда-нибудь из одного места. Они размахивают руками, иногда почти целуются, иногда почти наоборот, местами спотыкаются, местами плавно скользят в направлении, определяемом рельефом данной местности. В обыкновенное время – это люди, вышедшие из ресторана, теперь же это – избиратели, вышедшие от г. Вишнякова или г. Найденова, где они вырабатывали программу своей партии.

Вообще много, очень много происходит такого, чего не бывает в другие дни. Взять одни разговоры и споры о выборах, каковые разговоры и споры господствуют как в частных домах, так и в общественных учреждениях. По крайней мере, куда я ни приходил, везде случалось мне слышать разговор о выборах. Начинал его обыкновенно я сам.

– Каково ваше мнение относительно выборов? – так обыкновенно начинал я оживленную беседу.

– Каких выборов? – таким обыкновенно недоумевающим вопросом продолжал собеседник. Оживление возрастало.

– Как каких? – горячо говорил я. – Известно каких.

– Конечно, конечно, – страстно восклицал он. – Это общество...

– Какое такое общество? – кричал я.

– Любителей национального костюма! – ревел он, как заводская труба.

– Я говорю про выборы в городские гласные! – вопил я.

– А разве они сейчас выбирают? – исступленно грохотал он. Здесь наше оживление начинало стихать.

– Ну, каково же ваше мнение? – допрашивал я.

– Мое мнение? – скромно уклонялся он. – Вы спрашиваете о моем мнении относительно выборов? По-видимому, я прав: вы спрашиваете меня относительно выборов? Да, да, я догадываюсь. Так вы спрашиваете, что я думаю относительно выборов? Не так ли? Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь.

В этом пункте оживленной беседы он обыкновенно задумывался.

– А разве это необходимо, чтобы они опять выбирались? – задумчиво спрашивал он.

– Да, необходимо.

– Боюсь я, знаете ли... Боюсь, чтобы хуже не было. Теперь я только без воды сижу – а вдруг и без огня меня посадят.

– Нет, хуже быть не может, – успокаивал я.

– Ну тогда пусть выбирают, – снисходительно решал он. – Пусть, пусть! Я ничего против не имею. Бог с ними... А читали вы, как Крюгеру англичане при проезде монеты бросали? Это возмутительно! Это...

И мы начинали говорить о Крюгере. Таким образом, везде, решительно везде я слышал самые горячие дебаты о городских выборах. И только одного я встретил человека – доктора, который решительно уклонился от беседы по поводу выборов.

– А черт с ними, с этими выборами! – коротко и решительно заявил доктор, сделав очень неприятное лицо: точь-в-точь плюнуть собирается.

– Но ведь это же общественное дело! – вознегодовал я.

– Да ведь когда якуты шамана выбирают, это тоже общественное дело – да мне-то что? Что я, якут, что ли? А? Говорите: по-вашему, я якут? – наступал он на меня.

– Нет, не заметно, – пятился я.

– Так чего же вы ко мне лезете! Что я, избиратель, что ли? Где вы у меня тут ценз нашли? – яростно похлопал он себя по животу, действительно недостаточно выпуклому. – Так какое же мне дело до ваших выборов? Пусть хоть весь медведниковский приют в гласные посадят, мне-то что! На улицу я пойду кричать, что ли: “Ах, я недоволен, ах, я другого бы хотел, ах, как все это грустно!” Что я, в участке, что ли, не бывал?

– Но общественное мнение... – протестовал я.

– Общественное мнение? – с грозной медлительностью протянул он. – Ну, я сейчас покажу вам общественное мнение.

И он взял меня за шиворот. И он провел меня через комнаты вплоть до кухни, а в кухне вплоть до водопроводного крана. И он нагнул мою голову, кратко приказав:

– Сосите!

Я пососал, но вотще. С таким же успехом мог бы я пососать медную ручку дверей. И я хотел отнять голову, но он не пускал.

– Сосите!

– Да там ничего нет! – взмолился я.

– Ага, ничего нет. Пойдемте дальше.

И он провел меня в другое место, узкое и темное, и сказал:

– Нюхайте.

И потом он повел меня на улицу для дальнейших демонстраций, и только то обстоятельство, что я покупаю костюмы в магазинах готового платья, спасло меня: шиворот оторвался.

Да, очень, очень оживленные бывают беседы.

Набросав общую картину предвыборной горячки, перейду к частностям. Первым решительным приступом надвигающегося события было несостоявшееся заседание Думы по вопросу о выкупе трамваев и ломбардном займе. Для того чтобы заседание состоялось, требовалась наличность восьмидесяти гласных, и общественное мнение путем газет убедительно молило гласных собраться и даже грозило: ежели, мол, и теперь вы не соберетесь, то... то и не знаю, что я с вами сделаю!

Но известно исключительное бесстрашие гласных, когда речь идет об общественном благе: мужественно и твердо они не собрались, и заседание не состоялось. Общественное мнение растерялось и, во избежание конфуза, решило было свалить неприятный казус на инфлуэнцу – на нее, матушку, теперь много валят, но нашелся мудрый Эдип и загадку весьма просто разрешил:

– Это они нарочно не собрались, – сказал он. – От мудрости и осторожности своей не собрались. Нет основания с особой поспешностью разрешать принципиально дело, осуществление которого будет принадлежать будущему составу гласных.

Весьма утешенное общественное мнение обратилось тогда к подготовке этого самого будущего состава. В Думе открылась выдача билетов для входа на выборы, и общественное мнение предупреждало: “Братцы, не толпись! Братцы, не сразу!” Действительно, 7000 избирателей – не шутка. Придут сразу, беспорядок наделают.

В первый день выдачи билетов весь город находился в волнении. Представители столичной прессы, а также многих иностранных газет устались рядами, вынули записные книжки и карандаши и про себя повторяют таблицу чисел. Ждут. Еще ждут. И еще ждут.

Никого.

Кто сбегал, закусил, кто в книжке рисовать начал, а кто и о печальной своей жизни задумался. И опять ждут. Ждут паки. Паки ждут. Наконец шаги. Твердые, грузные, десятипудовые избирательские шаги. Он и есть, голубчик, – избиратель! Волнение. Карандаши приходят в движение и одновременно записывают:

– Один.

Взял, что нужно, и ушел. Ждут. На этот день, однако, никого больше не дождались. Тогда общественное мнение, поняв свою ошибку, изменяет тактику и приглашает: валяй, братцы. Все сразу валяй – места хватит. Однако братцы, народ тоже не без смекалки, – не идут да и только. Явится пара, пяток, десяток да и только, а время идет.

– Что же это, братцы, такое! – вопиет в недоумении общественное мнение. – Ведь этак необходимого количества гласных выбрать не придется, и будет Дума – по назначению!

Да и странные все какие-то братцы являются. Приходит брат билет, но ему, по правилам, не могут выдать, так как лично городскому голове он неизвестен, а от таких требуется удостоверение личности.

– Какое такое удостоверение? – негодует братец. – Что я, проходимец какой али кто? У меня два дома на Лубянке, да может еще завтра я третий куплю, – а тут – удо-сто-верение!

– Необходимо. Иначе билета не получите.

– Эка, подумаешь, сгрзил. Им же удовольствие делаешь, а они удостоверение. Только подумаешь и делов, что по думам шататься. Экая надобность. Пропади вы пропадом с вашими билетами. Теперь скажу прямо, явись ко мне сам голова и проси: Иван Кузьмич, почтенный, осчастливьте, возьмите билетик – не возьму! Хоть тресни, а не возьму. Удо-сто-ве-рение!..

Другие братцы, на манер как бы арестантов, являются под конвоем своих же купцов. Двое под руки ведут, третий в спину нахаживает. А он – ступнет и остановится, ступнет и остановится.

– Да будет, Антоша, не упрямясь. Чего как бык стал! Бери билет-то.

– Ммм... Не хочу.

– Кума уважить не можешь! Ну и свинья же ты, скажу я тебе по совести. Бери билет, говорю.

– Ммм... Подведешь.

– Да как я тебя подведу? Вексель, что ли, подписывать заставляю?

– А я почем знаю. Ты тоже свинья не из последних.

Некоторые довольно легко, впрочем, соглашаются брать билеты по настоянию других, “энергичных”, как их называют, избирателей. Только условия ставят:

– Извозчик чтобы на твой счет, это раз. А опосля чтобы угощение.

Спасибо в этом случае гласному Н.А. Алексееву: он каждый день по несколько избирателей приводит. Иных избирателей колонновожатые уговаривают:

– Возьмите билетик.

– Да стоит ли-с? Да и нужно ли-с! А впрочем, для вас...

Вообще, выдача билетов больше походит на провинциальный благотворительный спектакль, когда благотворители наподобие разбойников под мостом и в глухих переулках подкарауливают свои жертвы и всучивают им билеты. Московское общественное мнение очень этим обижается и ежедневно дает различные высокоумные наставления: “Братцы мои родненькие, ведь быть избирателем – это же, п р а в о, весьма приятное и ценное п р а в о, а вы... Ах, как нехорошо!” Временами, однако, и оно, несмотря на присущий ему запас надежд, впадает в уныние. Билетов, несмотря на все уговоры, до сих пор взято тысяча с чем-то, а история прошлых выборов свидетельствует, что в лучшем случае в выборах примут участие не более 1500 человек. Это – на город с миллионным народонаселением и бюджетом в 14 миллионов рублей.

Некоторые из теперешних гласных организуют предварительные собрания избирателей с целью наметить своих кандидатов и сговориться с представителями других партий. Что происходит на этих собраниях – сие есть тайна, но не для человека с некоторым запасом воображения и знакомством с логикой. Между прочим, общественное мнение восстает против “старичков”. Это особая порода гласных из купцов с “историческими” именами, которых избирают в Думу для почета. Нечто вроде чина за капиталы и безупречное оных накопление. Кучка интеллигентных избирателей совершенно затеряна в этой избирательской массе, да это вполне естественно: в нашей газете был сделан как-то подсчет избирателей по спискам, причем оказалось, что лиц свободных профессий насчитывается всего около 0,1 общего числа избирателей.

Такова в общем и в частности картина предвыборной горячки. Грандиозная и величавая, она поражает смущенный ум. Москва волнуется, Москва горячится. Да и как не волноваться, когда решается такой великий и важный вопрос: Петру ли Ивановичу или Ивану Петровичу сулит судьба стать гласным и в качестве такового не посещать собраний? Петра ли Ивановича или Ивана Петровича ругать за мостовые?

Москва волнуется.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨20 ноября 1900 г.⟩

Несколько эскизов из московской жизни.

I

Ночь. По сонным и пустынным улицам движется странная на вид толпа, старательно соблюдающая тишину. Поблескивают бляхи городских; как движущиеся горы, медленно ползут в своих шубах дворники; тут же и гороховые пальто сыщиков. Последние по свойству своей деятельности одеты налегке, а потому подвижны и опережают медленно подвигающийся кортеж. Слышится тихий говор, приказания, наставления.

– Ты, Егор, стань с Никитой у этих ворот.

– Знаю.

– Ежели что, свисти.

Это – так называемая облава на бродяг. Время теперь для нее самое подходящее. Выпал снег, ударили морозы, хоть и легонькие – для тех, кто имеет шубы, но для оборванных, истощенных, полубосых “бывших людей” очень чувствительные. Всю ночь никак не пробудешь на воздухе, смерзнешь – приходится покидать лоно природы и Сокольники менять на чайные лавки и ночлежные дома. Те и другие переполнены. В чайных – не продыхнешь от махорочного дыма и испарений. Одни пьют чай; другие, счастливицы, потягивают запрещенную водочку; некоторые, лишенные прав на чай и на водку, спят, положив голову на стол. Местами образуются темные кучки; головы склонены; засматривают через плечи – тут ведется игра в карты. Несмотря на отчаянный азарт – на кон ставится последний пятак, – говорят и ругаются тихо; больше шипят, чем ругаются. Мелкие буржуа этого чайного царства – извозчики, распаренные от выпитого чая, покрасневшие, 30 искося и с недоверием смотрят на “бывших людей”.

В ночлежных домах – смрад, удушье, тусклый свет керосиновой коптилки. Пол и нары завалены людьми и тряпьем, и трудно найти разницу между тем и другим, – так все это грязно, рвано, заносено, не похоже ни на человеческое тело, ни на челове-

ское платье. Тихий шепот, ругань, здоровый храп и болезненные стоны.

Внезапно раздается топот тяжелых ног, уверенные начальнические голоса, окрики. Ночлежка наполняется смятением, шумом, движением. Полусонные, растерянные фигуры мечутся, ища выхода, прячутся друг за друга или, сидя на нарах, равнодушно почесываются. Выдвинутые на свет, они или угрюмо молчат, или растерянно улыбаются, подчас даже острят. Коротки вопросы, коротки и ответы:

– Паспорт?

– Потерял.

В толпе шныряют сыщики и остро высматривают знакомых. Находят.

– А! Ванька Смерть – и ты тут?

– Мое почтение, Иван Тимофеич. Сколько лет, сколько зим!

– И всего одно лето. Весной тебя выпустили?

50

– Весной.

В то же время другой партией городских и дворников оцеплена чайная. Та же суматоха, те же вопросы о паспорте и те же ответы.

Из-за высоких крыш поднимается белесое зимнее утро. Посередине улицы, меж желтый снег ногами, движется огромная молчаливая толпа беспаспортных. Бесконечное разнообразие рвани – циничной и жалкой. Тут же и женщины, страшные существа с хриплым мужским голосом, мокрыми подолами и солдатскими ухватками. Некоторые курят.

60

II

Г. П-в проходит около часу ночи по Садовой и у “Аквариума” натывается на кучку людей, окруживших лежащего на панели прилично одетого господина. Последний болезненно стонет. Оказывается, поскользнулся, упал и сломал руку.

– Нужно же отправить его в больницу, – говорит г. П-в.

– Нужно-то нужно, но...

Начинаются поиски городского, пока человек со сломанной рукой лежит на снегу и стонет. Наконец находят городского. Городовой с официальным интересом осматривает пострадавшего и 70 подтверждает уже высказанное мнение о необходимости отправки его в больницу.

– Ну и отправьте, – говорят ему.

– Да как его отправишь? – спрашивает он.

– Карету скорой помощи вызовите.

– Карета по ночам не ездит.

– Ну так сам отвези.

– Мне нельзя с поста отлучиться.

Пострадавший лежит и стонет, и окружающие в недоумении
80 смотрят на него. Наконец городской догадывается.

– Пушай кто-нибудь из публики свезет.

Публика один за другим расходится; остается г. П., который
и везет пострадавшего в Ново-Екатерининскую больницу. Там он
долго звонит, с трудом пропихивает больного в дверь – одному
несподручно – и ждет. Является заспанный человек в белом и
начинает сквозь шубу энергично прощупывать сломанную руку.
Несчастный обладатель ее кричит.

– Вы доктор? – спрашивает г. П.

– Нет, фельдшер.

90 Через полчаса приблизительно является доктор, бросает
взгляд на больного, садится протянув ноги и говорит г. П.:

– Раздевайте.

Тот неумело возится с шубой, крахмальной рубашкой, пока
фельдшер что-то ищет.

III

Молодой малый лет 17–18 обворовал своего хозяина и на все
наворованные деньги, что-то около пятнадцати рублей, приобрел
великолепную гармонию.

Полиция настигла похитителя в одной портерной. Он играл на
100 своей великолепной гармонии и, склонив голову набок, выводил
меланхолическим голосом:

Эх, играй, моя гармония,
Весели своо хозяина!..

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(21 ноября 1900 г.)

Произошло чудо – одно из тех, которые называются чудесами в решетке. Их много теперь происходит.

Покойный М.Е. Салтыков (Щедрин) был, как это памятно некоторым, сатириком, многое весьма сильно не любил и многое весьма ядовито порицал. Ставя печатное слово на недосыгаемую высоту, он в то же время очень недолюбливал многих жрецов этого слова и в характеристике их проявлял гениальное остроумие, жгучее, бичующее, клеймящее. “Всероссийская пенкоснимательница”, “Краса Демидрона”, “Пригорюнившись сидела”, “Чего изволите” и другие органы русской прессы имели в лице его грозного и неутомимого врага, не останавливающегося перед твердыней медных лбов и неуязвимостью студня и наносившего им меткие и сильные удары. Требовательность его по отношению к печати была безгранична. Известно, в какую печаль и затруднение специфически “щедринского” свойства повергло его прекращение издания, в котором он привык ежемесячно беседовать с читателями, – он никак не мог найти органа, в котором мог бы работать, и до конца своей жизни не мог в этом отношении найти полного удовлетворения.

Так прямолинейно и странно мыслил М.Е. Салтыков при жизни. По смерти, однако, воззрения его на этот счет несколько изменились – то ли потому, что до него дошли высокотерпимые (не смешивать с терпимостью в специальном смысле!) литературские словеса, то ли потому, что в теперешнем своем положении он окончательно созрел и пригоден для участия в наиболее почтенных органах – “Новом времени”, например.

Сотрудником именно “Нового времени” и выступил на днях М.Е. Салтыков. По протекции бывшего редактора журнала “Русское обозрение” г. Анатолия Александрова, по-видимому одного из друзей покойного сатирика, ему удалось поместить в указанной газете целых 6 своих писем, очень интересных в том смысле, что они вполне соответствуют его обычному, прижизненному взгляду на вещи. Помещены письма как раз на том “проклятом”

месте, где печатаются обычно фельетоны г. Буренина и где не раз жестоко доставалось от последнего прижизненному другу М.Е. Салтыкова, Н.К. Михайловскому, и это обстоятельство еще раз подтверждает высказанную мной мысль о теперешнем состоянии терпимости покойного.

По поводу г. Величко мне уже приходилось как-то говорить об этой литераторской загробной “терпимости”. У простого смертного, ничем себя не проявившего, все его горести кончаются со смертью – у литератора они со смертью иногда только начинаются. Если при жизни литератор сам мог всякого обидеть, то по смерти всякий может обидеть его – было бы только желание. А за последним дело никогда не станет. И не в том обыкновенно заключается посмертная обида писателя, что его ругают – что ругань! Руганью и живого не всегда проймешь. Хвалить начинают, в друзья записываются, лобызаются – вот в чем горе. И тут уже ничто не спасает: ни давность, ни имя покойника. Давно умер Шекспир – а и поднесь появляются у него друзья.

Щедрин – в “Новом времени”. Что еще можно к этому прибавить?

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(26 ноября 1900 г.)

У московских обитателей издавна существует презумпция, в силу которой всякая проходящая по улице женщина считается непорядочной и составляет общую собственность. И сколько бы женщин вместе ни шло, это не меняет их положения, и только присутствие мужчины, хотя бы самого плохенького, придает им тень порядочности. Отсюда проистекает такое странное для непосвященных явление – двенадцатилетний мальчик “провождает” свою двадцатилетнюю сестру и весьма серьезно считается ее защитником. И не найдется, вероятно, в Москве ни одной женщины, ходящей пешком, которая десятки раз не становилась бы жертвой указанной презумпции и не ставилась в необходимость доказывать обратное – словами, зонтиком, ссылкой на авторитет городского или, наконец, быстротой своих ног. Возраст женщины не имеет в этом случае никакого значения, и женщина возраста преклонного, имеющая детей, а может быть, и внушек, так же мало безопасна на московских улицах, как и дети ее, и внучки. Час дня, в который проходит женщина по улице, также не играет большой роли. Днем, когда еще светло, женщин оскорбляют реже, но это не значит, что взгляд на них изменился: просто это время не является удобным для любовных походов. Если же мужчина и днем не прочь от походов, то он и днем не затруднится подойти к любой приглянувшейся ему женщине.

Все это так безобразно и возмутительно, но все это так давно уже ведется и примелькалось в глазах, что мы даже и говорить об этом перестали. Сами женщины покорились своей судьбе и настолько привыкли, что не всегда считают нужным рассказывать дома о том, как неизвестный, прилично одетый мужчина предлагал им свои услуги. Разве только что-нибудь особенное в личности “проводящего” обратит на себя их внимание – пристающий окажется, например, студентом или гимназистом; тогда о случае поговорят, поволнуются, даже возмутятся, но на другой день забудут, ибо каждому дню довлеет злоба его и для каждого дня существует особый проводящий. Уличное ловеласничество состав-

ляет такую же необходимую принадлежность столичных нравов, как и грубость дворников и извозчиков, и говорить о нем представляется делом совершенно праздным и неблагодарным. Только немногие случаи, в которых дерзость и наглость пристающих переходит границы обычного и затрагивает не только женщин, но и мировой устав, становятся достоянием суда и гласности. Вот два таких эпизода, имевших место в течение прошлой недели. По одному из них уже успел высказаться мировой судья, второй еще только родился.

Дело происходит на проезде Чистопрудного бульвара, в девятом часу вечера.

«Госпожа Н.М. Г-ва, нагнав компанию, занявшую всю ширину тротуара, попросила кавалеров посторониться и дать ей пройти. Но кавалеры (М.А. Борисов и С.В. Соколов) не только не исполнили просьбы г-жи Г-вой, но нанесли ей целый ряд оскорблений: М.А. Борисов, будучи совершенно трезвым, пытался взять г-жу Г-ву под руку, а подвыпивший С.В. Соколов предложил Г-вой “проводить” ее. Когда же он убедился, что Г-ва не желает воспользоваться его услугами, то он разразился целым потоком площадной брани по адресу Г-вой. Последняя, желая избавиться от уличных нахалов, сошла с тротуара на мостовую. Такое невнимание со стороны дамы донельзя возмутило уличного ловеласа. С.В. Соколов погнался за Г-вой и, нагнав ее, ударил ее коленом сзади. Г-ва, подвергшаяся насилию, стала кричать о помощи. Кавалеры, почувствовав, что им, пожалуй, придется угодить в участок, поспешили скрыться в находящийся поблизости ресторан “Прогресс”».

Очень недурна эта ирония жизни: нахалы, только что оскорбившие ни за что, ни про что женщину, скрываются в ресторане “Прогресс”! Уйти совсем от наказания “прогрессистам”, однако, не удалось: с большим трудом извлеченные из недр ресторана, Борисов и Соколов были отправлены городовым в участок, а затем своевременно предстали перед лицом мирового судьи и были последним приговорены к аресту: первый на полтора месяца и второй на десять дней.

На том же Чистопрудном бульваре произошел и второй случай.

“20 ноября крестьянка Зотова, проходя по Чистопрудному проезду, встретила с несколькими неизвестными; один из них, крестьянин Тельнов, схватил Зотову за талию, когда же она закричала о помощи, то Тельнов ударил ее кулаком по лицу. На крик Зотовой подошли дворники, которые и отправили Тельнова в участок”.

Понесет, конечно, наказание и Тельнов, как понесли его Соколов и Борисов, но изменит ли это хоть что-нибудь в незащищенном положении женщин? Тысячи, целые десятки тысяч новых Соколовых ежедневно выходят на улицу и творят там свое мерзкое дело. Далеко не всегда в такой мере грубые и безобразные, как вышеуказанные господа, они подчас наивно и искренно убеждены в нравственной безразличности своего поступка. Бить и ругать женщину они не станут, но предложить ей продать свою любовь они считают себя вправе. Самое большее, в чем они готовы признать себя виновными, это ошибка.

— Я думал, что имею дело с продажной женщиной, — скажет всякий из этих Соколовых и добавит с видом даже некоторой обиды, что вы могли заподозрить его в приставании к порядочным женщинам: — разве я виноват, что продажную женщину почти нельзя отличить от непродажной и что по улицам одинаково ходят как те, так и другие?

Полиция, суд, самые суровые наказания будут бессильны в борьбе с этим злом, как они были бессильны и до сих пор, пока не исчезнет из умов эта презумпция непорядочности и не изменятся те условия общественной жизни и общественной нравственности, которые содействуют ее возникновению и развитию. Существует в Москве прекрасное общество — “попечения об улучшении участи женщины”, и всякий раз, когда о нем заходит речь, мне невольно представляется эта обычная уличная картинка: растерявшаяся, испуганная женщина и возле нее наглый и любострастный господин. Ему, этому молодому “обществу”, должен принадлежать почин в борьбе — в борьбе не только за десяток женских жизней, которые может оно спасти от раскрытых объятий порока, но за улучшение участи всех московских женщин. Мы привыкли равнодушно смотреть на явления уличного ловеласничества, и даже слово такое — “ловеласничество”! — придумано для него, чтобы не было оно особенно резким, но может ли быть что-нибудь позорнее его, гаже... и обиднее для женщины? Не иметь возможности выйти на улицу без того, чтобы не получить развязного предложения продать свою любовь! Хранить в чистоте свою мысль и воображение — и делать его жертвой любого развратника, цинично открывающего изнанку любви!

И почин “обществом” уже сделан. Возбужден вопрос об уничтожении кафешантана и об активной борьбе с театром такого типа. На первый взгляд может показаться странным, что кафешантан я ставлю в непосредственную связь с уличным ловеласничеством, но, по моему глубокому убеждению, тем-то и страшен кафешантан, что он прежде всего отражается на общем уровне

нравственности и является одним из источников унижительного взгляда на женщину как на нечто продажное, всем доступное и всегда готовое к услугам мужчины. Прямой вред – гибель нескольких женских жизней и порча многих мужских жизней – не так велик, как это постоянное, незаметное, медленно действующее растление мысли. Если в дома разврата идут люди, жаждущие именно разврата, то в кафешантан идут все: и те, кто сознательно ищет продажных ласк, и те, кто хочет только легкого кружения головы, шума, света, иллюзии женского общества и женской беседы. Ни один мужчина не скажет в обществе, что он вчера был в доме разврата, и тот же мужчина с усмешкой сознается, что и вчера и неделю тому назад и много раз он бывал в кафешантане. Внешность театра, т. е. места, куда может идти всякий порядочный человек, с целым рядом его внешних условностей, билетами, подмостками, музыкой, подчас недурной, – в кафешантане роковым образом сочетается с существом обычного дома разврата, и в этом его величайшее зло. Предполагается, и действительно так оно часто и бывает, что в кафешантан идут посмотреть, послушать, поболтать; предполагается, что чистота мысли находится в полной безопасности в том учреждении, где разврат не обязателен, но только возможен. Смотрят – и не чувствуют, что с каждым лучом света, входящим в глаз, входит в мозг тайный, глубочайший разврат, тот ужасный разврат, который заключается в потере способности видеть хорошее, и наоборот – (за) внешностью порядочности и чистоты предполагать полную душевную мерзость. Все они так похожи на порядочных женщин, эти женщины кафешантана! Прилично и незаметно одетые, они ходят, говорят, смотрят, как наши жены, невесты и сестры. Немногие из них заметно накрашены – у других нет и этого условного признака продажности, и одним поэтическим вымыслом остаются написанные на лбу роковые слова: “Продается с публичного торга”. Лоб их чист, как и всякий хорошо вымытый лоб. Вон сидит девушка с лицом ребенка, со скромно потупленным взором; ничего резкого, кричащего, ничего, что говорило бы о внутренней безнадежной порче и гнилости. Но я знаю, что она, эта девушка с лицом ребенка, развратна и продажна, и стану ли после того верить я в чистоту женских лиц, в непорочность их взглядов! И будет ли странно, если долго спустя, когда забудется самое посещение кафешантана, при взгляде на лицо любимой женщины страшным кошмаром мелькнет мысль о лживости непорочных взглядов? И будет ли странно, если на чужую жену, одетую броней порядочности, я взгляну теми же глазами недоверия и в ее строгости цинично прочту желание – только подороже уступить себя?

Страшная это вещь – п р и л и ч н ы й кафешантан, и женщины, желающие улучшить свою участь, ни на минуту не должны забывать об его существовании. То разительное отсутствие уважения, с каким встречается на улице всякая женщина, только одно из частичных проявлений его губительного влияния. Не имеет ни значения, ни смысла порядочность, пока ею пользуется и прикрывается разврат. Пусть кафешантан станет н е п р и л и ч н ы м, пусть он займет с в о е место в ряду аналогичных ему учреждений и станет таким, куда стыдно ходить, этим много будет сделано и для нас, мужчин. Правда, когда в обществе возник вопрос о борьбе с кафешантаном, в самой печати, к позору ее, раздался голос в защиту гибнущего кафешантана; прикрываясь авторитетом одного якобы из членов самого “общества”, он произнес старые и лживые слова о преимуществах явного разврата над тайным. Но разве кто-нибудь верит этому голосу?

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(30 ноября 1900 г.)

Третьего дня, при первом представлении драмы “Когда мы, мертвые, пробуждаемся” в Художественно-общедоступном театре, нашлись новые доказательства не новой мысли о том, что Ибсен – гениальный художник. Обыкновенный художник, не гениальный, ограничен в знании своей души человеческой тем местом, где обыкновенно бывает прописан его паспорт: один, покрупнее, хорошо, например, знает душу целой Владимирской губернии, а то и всей Сибири; другой – знает только душу избирателя, положим, второго участка, а какова душа избирателя первого участка, о том ему неизвестно. Ибсен же знает душу человеческую вообще, а потому ему равно доступно было как проникновение в глубины психики норвежца, так и постигновение характера коренного москвича. Именно понимание Ибсеном москвича, его души, его привычек, всей его прелестной натуры более всего поразило меня на первом представлении “Когда мы, мертвые, пробуждаемся” и еще раз заставило воскликнуть: да, он гениален!

Как известно всем, бывавшим в театрах, третий звонок, а
20 вслед за тем открытие занавеса при потушенных в зале огнях свидетельствует о том, что представление началось и что в зале наступила тишина. Наступила тишина при поднятии занавеса и в Художественном театре, но это была совершенно особенная, московская тишина. Заключалась она в том, что половина зрителей партера, воспользовавшись удобной минутой, разыскивала свои места. Некоторые шли на цыпочках: об этом можно было догадаться по тому, как скрипели их новые ботинки; другие неспешно, но развязно топали, словно вколачивали в пол гвозди; дамы сдержанно шуршали платьями и у всех встречных спрашивали,
30 где в этом театре правая сторона, а узнавши, где она, втискивались в проход и на некоторое время, как облаком, покрывали своими юбками имевших несчастье усесться раньше. Я сидел с краю и по этой причине был подобен солнцу в непогоду: ежеминутно меня покрывали облака, а раз нашла на меня даже черная гроздовая туча. И по той же причине я имел удовольствие вступать в беседу

с незнакомыми, но весьма почтенными лицами, которых страшно почему-то интересовал вопрос, в каком ряду я сижу. Я раз ответил, что в одиннадцатом; я пять раз ответил, что в одиннадцатом; десять раз ответил я, что в одиннадцатом, и убедительно просил спрашивавшего сообщить об этом всем остальным, обещая в следующий раз сделать публикацию во всех газетах о том, где я буду сидеть. Но, по-видимому, он не исполнил моей просьбы, потому что остальные продолжали спрашивать меня. Но еще хуже были те кроткие духом, которые не решались беспокоить и спрашивать, а вместо того с безмолвной тоской и мольбой смотрели вам в глаза.

– Ну что вам? – шипел я. – Что вы на меня смотрите?

– Ах, извините, пожалуйста. Я никогда, никогда не осмелилась бы тревожить вас, но... Я заметила, что вы что-то слушаете, и... Не сочтите меня дерзкой, или навязчивой, или невежливой, или невоспитанной, или настойчивой, или...

– Да что вам нужно?

– Извините, в каком ряду вы сидите?

Такова была московская тишина, гениально провиденная Ибсеном. Ибо в этот момент на сцене происходило следующее:

М а й я (внимательно смотрит в зал и долго прислушивается). Рубек... ты слышишь эту тишину?

Р у б е к (занятый газетой, рассеянно). А разве можно слышать тишину?

М а й я. Да ты послушай.

Оба смотрят в зал и прислушиваются. Тишина между тем 60 становится все громче, красиво оттеняясь шипением верхов: “Тсс... тсс...”

Р у б е к (качая головой). Да, эту тишину действительно можно слышать.

Еще бы не слышать!

При чтении драмы этот коротенький диалог о тишине показался мне одним из самых поэтических мест пьесы, в театре же я смеялся как сумасшедший. По-видимому, слово “стыдно”, раз уже прозвучавшее в этом театре по адресу публики, намерено пустить там свои корни.

* * *

Невоспитанность публики партера испортила половину первого акта. Восторженность публики верхов испортила начало второго и третьего актов. Декорация горного пейзажа прекрасна; ручей настоящий; поза задумавшегося Рубека полна настроения, которым начинает проникаться и зритель, и вдруг:

– Bravo! Bravo! Ста-ни-славского!

Возмущенный партер шипит, а бедный Рубек, уже слышавший тишину, низко опускает голову. В третьем акте при от-
80 крытии занавеса те же нелепые аплодисменты и вызовы.

* * *

Все же в конце концов в споре о невоспитанности победил партер. Еще не улеглось волнение, вызванное картиной обвала; еще не сказаны последние слова и сцена полна тихого и загадочного, как вся пьеса, покоя – а первые ряды уже поднимаются и выходят. Дело в том, что, выходя из зала до падения занавеса, они выигрывают минуту времени и наверняка сохраняют в целости калоши.

Господа! Принципиально я ничего не имею против калош.
90 Если хотите, я даже уважаю их. Более того, я думаю, что в нашем климате и при наших общественных условиях калоши – вещь необходимая, и значение их оценит только история. Господа! у меня самого, наконец, есть калоши, и я знаю ту боль сердца, какая бывает при утрате их или обмене, – но нельзя же так безумно отдаваться увлечению этим достойным предметом!

Но, быть может, вы дорожите не калошами, а временем?
О, господа, заседающие в партере! Я знаю, как дорого вам время; я знаю, что в эту минуту выигранного времени вам удастся, быть может, реорганизовать мир или даже выпить три лишних рюмки
100 водки. Но разве вы не можете пожертвовать этой минутой? В сущности говоря, стоит ли реорганизовать мир, в котором вы сидите в партере, – пусть его остается как был, а насчет водки можно наблюдать экономию времени, вместо трех маленьких выпив одну большую рюмку. Так сидите же до конца!

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨3 декабря 1900 г.⟩

Я не хочу сегодня говорить ни о городских избирателях, которых обучают, подобно екатерининским инвалидам, отличать правую руку от левой, ни о выборах в городском кредитном обществе и г. Шамакове. Не хочу я говорить ни о сумасшедших, пойманных на улице, ни о подкидышах, ни о покойниках, ни о юбилярах, ни о многих других прекрасных и назидательных вещах, вызывающих на размышление пытливый человеческий ум.

На днях я видел драму Ибсена “Когда мы, мертвые, пробужда- 10
емся”; сейчас, в ту минуту, как я пишу, до меня доносятся тихие звуки гитары и молодые голоса: то студенты собрались в соседней квартире и поют... Они часто собираются и часто поют одни и те же красивые песни, в которых много молодого задору и счастливой юношеской грусти; и часто от имени моих подкидышей и юбиларов приходилось мне проклинать тонкие перегородки московских квартир и молодые, красивые песни, застилающие розовым туманом голову и так больно вонзающиеся в сердце, словно каждое слово в них и каждый чистый звук – острая, отравленная игла. Не 20
знаю, сделались ли тоньше стены, или я сам жадно хочу чистых звуков, но особенно громко звучит сегодня песня – и вы не удивитесь, что о сердце буду я писать – бедном человеческом сердце, которое так недолго живет и так мучительно, так долго умирает.

Итак, я видел драму Ибсена “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”... но, впрочем, после о драме.

Давно это было, давно. Я жил в городе, в котором есть природа, и отсюда понятно, что город этот не был Москвой. В том городе были широкие, безлюдные, тихие улицы, пустынные, как поле, площади и густые, как лес, сады. Летом город замирал от зноя и был тих, мечтателен и блаженно недвижим, как отдыхающий турок; зимой его покрывала густая пелена снега, пушистого, белого, мертвенно-прекрасного. Он высокими белыми горами лежал на крышах, подходил к самым окнам низеньких домов и немой тишиной наполнял весь город. Точно с перелетными птицами улетали все звуки на юг, и когда двое людей встретились 30

и разговаривали на улице, голоса их звучали так одиноко и странно. У нас, в Москве, даже зимой, даже ночью нет тишины. Жизнь миллиона людей пробивается сквозь стены на улицу, и вечный неуловимый шорох ли, трепетанье ли, вздохи ли пронесутся в пространстве и делают его живым и беспокойным. Войдите поздней ночью в какой-нибудь глухой переулок, станьте неподвижно и закрыв глаза – и вы услышите дыхание бесчисленных грудей, биение сердец, шорох и во сне работающей мысли. Так никогда не бывает тишины в комнате, где спит человек, как бы тих ни был его сон, и так никогда не бывает громких звуков там, где лежит мертвец. Одиноко и странно звучат голоса в комнате у мертвого.

Мертвенно-тихо было и в том городе, где лежал белый снег. Жизнь замирала в занесенных снегом домах, и когда я утром выходил на улицу, мне чудилось, что весь мир окован безмолвием, и до самой дальней линии, где белое небо сходилось с белой землей, не встречал слух препятствий. Казалось, стоит вслушаться внимательнее, и ухо может уловить то, что говорится на другой стороне земного шара.

И только раза три в день нарушалась эта мертвая тишина. Один за другим медленно и спокойно выплывали из белой дали звуки церковного колокола, одиноко проносились в немом пространстве и быстро угасали без отзвука, без тени. И я любил слушать их в вечерний сумеречный час, когда ночь тихо прокрадывалась в углы и с мягкой нежностью обнимала землю. Дерево, бывшее в двух шагах от меня, было видно еще отчетливее и яснее, чем днем, но уже тотчас за ним начиналась тьма, призраками делала следующие деревья, а в окне уже горел спокойный теплый огонь, и звуки один за другим одиноко падали на землю и быстро, без тени и содроганий, угасали. И я старался понять значение и смысл таинственных звуков, и мое ребячье сердце видело в них ответ на что-то такое, что еще не ясно было мне самому, что еще только зарождалось в глубинах души.

И однажды показалось мне, я понял значение и смысл таинственных звуков, родившихся и умиривших в белом и немом пространстве. Это было в тихое, немного морозное и ясное утро. Быстрые коньки уносили меня за город, и уже последние кресты церковной, горевшие на солнце, скрылись за изгибами неширокой реки. Под собой я видел гладкий темный лед с блестящими пузырьками воздуха, замерзшего в середине; ухо мое наполнялось звуком разрезаемого коньками льда и свистом бегущего воздуха, и я быстро несся вперед, все вперед, и минутами словно крылья чувствовал у себя за спиной. И когда я наконец остановился и взглянул победоносно на пройденный путь и окинул глазами

реку, берег и небо – я был поражен торжественной красотой того, что было вокруг меня. Торжественно и глубоко-спокойно, как 80 державный мертвец, молчал высокий белый берег, и еще более высокое, бесконечно высокое молчало голубовато-зеленое небо. Ослепительно сверкал снег, и кротко сияло небо, – и только снег и небо были вокруг меня. Ни признака, ни хотя бы самого отдаленного намека на жизнь. И жутко, и покойно, и радостно было, как в светлом храме, и только благоговением могу я назвать то чувство, которое всесильно охватило меня, сковало дыхание и сделало немым, как и все вокруг. Долго стоял я так и “слушал тишину”, и, вместо покоя, непонятный и дикий страх начал закрадываться в сердце. Мне казалось, что все уже люди умерли, и умерла сама 90 земля, и я один остался живой; и с возрастающим страхом искал я вокруг себя чужой жизни, и если бы в ту минуту проползла букашка или червь, или вспорхнула птица, или забрехала в отдалении собака, я обрадовался бы ей больше, чем радуюсь теперь приходу друга или голосу любимой женщины. Но не вспархивала птица, не проползал червяк, и, словно чьи-то мертвые, немигающие, страшно пристальные очи смотрели на меня, маленького и одинокого, высокий берег и высокое небо – и молчали.

И я закричал громко и пронзительно, как испугавшийся ребенок, но не закрыл я еще рта, как уже не было звука – будто только 100 во мне раздался он. И от этого стало еще страшнее. Теперь уже сам я казался себе мертвым и не верил, что я могу двигаться и могу через полчаса покинуть эту мертвую белую пустыню, – и я стоял неподвижно на своих потерявших резвость коньках и закрывал лицо шерстистыми перчатками, готовясь не то как следует заплакать, не то и взаправду умереть. А вокруг все было неподвижно и немо. Мне так хотелось услышать человеческий голос, что я был бы счастлив, если бы услышал голос... даже инспектора, и, ей-богу, назвал бы его голубчиком, а он, конечно, посадил бы меня в карцер. 110

И тут, в эту минуту дикого страха, неведомо откуда прилетел ко мне далекий веселый звук церковного колокола. В городских церквях начиналось воскресное служение, и все колокола звонили. И при первом далеком ударе я отнял от глаз погружавшие их в тьму шерстистые перчатки; при втором я осмелился оглянуться вокруг себя, а при третьем – рассмеялся.

Там люди! Милые, хорошие, живые люди!

Это люди звонят в колокола там, за высоким снежным бугром; это они собрались сейчас в церковь, или сидят пьют чай, или еще только протирают заспанные глаза, но, что бы они ни делали и где 120 бы они ни были, они все те же милые, хорошие, живые люди. Они

зовут меня к себе из этой ледяной пустыни, и я помчусь сейчас к ним, потому что я люблю их! Я брошусь в их объятия, и прижмусь к их теплomu сердцу, и буду целовать их светлые, говорящие глаза. И если те глаза плачут, я поцелуями осушу слезы или сам заплачу с ними, а если они смеются – пусть звонкий смех мой радостью вольется в их сердца. Я расскажу им, как боялся я в этой пустыне, под взором белых мертвых глаз, как белым саваном окутало меня безмолвие – и мрак шел в мою душу от шерстистых перчаток.

130 Они поймут меня, хорошие милые люди, и мы вместе, живые, посмеемся над тем, что мертво. И я помчусь к ним, потому что я люблю их, потому что я не мертвый, и повинуются мне быстрые коньки мои: только воздух засвистит, а снежная пыль изовьется по следам, когда пушусь я в быстрый бег вперед: все вперед, к людям! Звоните же, призывные колокола!

И так как я был мальчишкой, то прежде чем пуститься вперед, я проделал следующее. По внешности ни к кому не обращаясь, но по существу имея в виду высокий берег и небо, я сказал:

– А тут совсем не страшно.

140 Но так как ответа не получалось, я продолжал:

– Эка невидаль: снег!

Но и эта дерзость осталась без ответа. И мне неловко признаться, что дальнейшим проявлением моей самостоятельности и бодрости духа была мальчишески-дерзкая фигура... и высокому берегу и всему остальному.

Колокола звонили, и воздух свистел в моих ушах. Вперед к милым, хорошим людям!

Однако... однако я ведь хотел говорить о том, “Когда мы, мертвые, пробуждаемся” – как далеко могут увлечь воспоминания! И так, я был на первом представлении означенной пьесы и, как и все бывшие в театре, задавался вопросом, кто такое или что такое – эта загадочная Ирена? Я чувствовал то недоумение, непонимание, мучительное и тяжелое, которое волной разливалось по зрительному залу, и сам мучительно допрашивал и себя и Ибсена: кто же эта загадочная Ирена? Вдохновение ли, покинувшее художника и при новой поздней встрече, в развалинах нашедшее и душу и талант? Любошь ли это к людям, оставшаяся неоплодотворенной и жестоко отомстившая за то убийством и самоубийством и пробудившая мертвецов только на миг, только

160 для того, чтобы сказать: мы никогда не жили? Сама ли это жизнь, наконец, требующая для себя не созерцания только, а полного обладания, жаждущая не только видеть свое изображение иссеченным в мертвом мраморе, но творить живых детей? Грозная ли это совесть, отринутое ли божество, имеющее свой алтарь в каждом человеческом сердце?

Кто же Ирена? И я искал ответа и, кажется, нашел его. Я знаю, он не будет убедителен. Более того, он будет, пожалуй, смешон. Ирена – это Ирена.

Странное явление. Почти все признают ибсеновский эпилог символическим произведением, и почти все требуют: объясните 170 мне, что это значит, и притом объясните покороче. Постарайтесь даже одним словом объяснить: Ирена, дескать, это то-то; Майя – то-то. Думают, что символ – это что-то вроде домино: снял домино, и под ним знакомый Иван Иванович или друг Петр Петрович. Полагают, что символическое произведение – это что-то вроде веселенького домашнего маскарада: кто козой наряжен, а кто монахом, но к ужину все снимут маски, и тогда к общей радости окажется, что коза – это Марья Петровна, а монах – вечный шутник Иван Иванович. Глубоко убежден, что символами художник хотел только подразнить любопытство и помучить, а если прийти 180 к нему и по чести его попросить: г-н Ибсен, растолкуйте мне, пожалуйста, что это за ахинея вы написали, то г. Ибсен сейчас все так по пальцам и разложит. И если им сказать, что Ибсен так же компетентен растолковать свое творение, как и я, то они даже засмеют: помилюйте, сам писал, да растолковать не может. Да, именно не может.

Люди пишут романы не потому, что хотят писать именно романы, а коли случится, то могут такую же хорошую статейку написать, а потому, что мыслят они образами, живыми представлениями, а не понятиями. Попробуйте заставить такого 190 писателя, гениально-умного, когда он мыслит образами, написать рассуждение – и любой гимназист восьмого класса побьет его. По той же причине пишут люди стихами, хотя, как давно известно, прозой писать несравненно легче. По той же опять-таки причине появляются время от времени художники-символисты. Символами и только символами могут они выразить свое миропонимание. Разве на самом деле Ибсену так уже хотелось, чтобы люди, для которых он пишет, ошалевали над его произведениями, вместо того чтобы понимать их и сочувствовать его горю и его радости? Только образом Ирены мог выразить Ибсен 200 то, что творится в его душе. И опять вы засмеетесь, когда я скажу, что лучше всех понимает Ибсена тот, кто, чувствуя его Ирену, совершенно не способен растолковать ее, ибо это значит, что он мыслит и чувствует как сам Ибсен.

Повторяю: Ирена – это Ирена. Не пробуйте называть Ирену старым словом: как бы удачно оно ни было, оно будет далеко от истины; не старайтесь втиснуть Ирену в узкие рамки формальных понятий вдохновения, жизни, любви и прочих Ива-

нов Ивановичей. Быть может, все эти знакомые понятия только
210 с т о р о н ы Ирены, часть ее, а вся она в своем целом есть нечто
совершенно новое, большое, грозное, могущее жить в душе толь-
ко такого великого художника, как Ибсен. Ирена – это маска, но
маска, пришитая к самой коже, и сорвать ее – значит убить, но
не открыть.

У всякого из нас есть своя Ирена. Это то, не имеющее имени,
всяким мыслимое и чувствуемое по-своему, что зовет его в горы,
то любит, то покидает; то дает радость творчества, то грозно и
мучительно упрекает. Оно живет в нас, но вечно для нас самих
остается символом, загадкой, тем, что мы чувствуем, но чего мы
220 не можем определить и в словах передать другим. И оттого даже
сильнейшие, красноречивейшие из нас вечно и безнадежно оди-
ноки. Ибсен увидел свою Ирену; силой таланта он дал ее образ
и бросил его в яркий свет рампы, но и при этом свете она оста-
лась той же загадочной, той же непостижимой, той же единым им
м ы с л и м о й, какой она была и во мраке его души.

Вы спросите, зачем я привел рассказ о ледяной молчаливой
пустыне и колоколе, который зазвучал так вовремя, так удачно?
Не знаю. Быть может, я вспомнил свою Ирену. Разве это не прав-
да, что медный колокол звучал под ударами тяжелого языка, а не
230 ее милый голос звал меня из ледяной пустыни? По гладкому льду
мчался я на ее призыв – вперед к людям. Ведь я тогда н е п о н и -
м а л ж и з н и. Быть может, и еще раз услышу я ее голос, и другое
скажет он:

– Что непоправимо, мы видим, лишь когда мы, мертвые, про-
буждаемся.

– Что же мы видим?

– Мы видим, что мы никогда не жили.

Однако уже поздно. Давно разошлись студенты, и умолкла
за стеной их красивая молодая песня. Пора умолкнуть и мне.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(5 декабря 1900 г.)

Есть вопрос, которому суждено периодически появляться на столбцах газет, и каждый раз с одинаковым результатом. Это вопрос о жестокосердии гг. докторов. Выплывает он на свет Божий путем “писем в редакцию”; два таких письма почти одновременно появились в “Курьере” и “Новом времени”.

Первый случай происходит в Москве, возле клиник. Студент Смирнов опасно заболевает; хозяин квартиры бежит за доктором, но последний отказывается прийти на том основании, что поблизости существуют клиники, а в клиниках есть врачи (которые между тем не имеют права отлучаться с дежурства).

Студент умер, а возмущенные товарищи его написали письмо, которое заканчивается так:

“Но, увы, живущему в нескольких шагах от богато устроенных клиник (составляющих гордость Москвы и предмет зависти для иностранцев – Л. -ев) суждено было умереть без всякой врачебной помощи на руках прислуги”.

Товарищи покойного могут найти некоторое утешение в том, что не только поблизости “богато устроенных” клиник, но и в самых клиниках часто отсутствует врачебная помощь, и для подания ее больным приходится возить из клиник в полицейский приемный покой. О подобном странном факте весьма наглядно рассказывает письмо г. Миляева в “Новом времени”. Ввиду красноречивости письма привожу его почти целиком:

«В одной московской клинике находилась на излечении г-жа Миляева, которую пользовали от различных болезней, так как у нее находили: доктор Ш. – язву в желудке и г. Г. – болезнь печени и, наконец, доктор П. – нервное расстройство.

Первое время лечение, видимо, шло правильно, и больная почувствовала облегчение, но когда после принятых ею нескольких ванн в 30° сделали ей обливание в 24°, причем манипуляция производилась не врачами, которые отсутствовали, а прислугой, больная почувствовала себя хуже. Она почувствовала страшную головную боль, боль в груди, заболели горло (оказалась жаба)

и часть легких. Призванный прислугой дежурный доктор П., не входя в палату, в дверях ее спросил: “Что нужно?” и, получив ответ больной, что ей плохо, сказал: “Пустяки, пройдет”, а сам ушел, оставив больную без всякой помощи. Больная проплакала всю ночь и наутро пожаловалась д-ру Г. Последствием такой жалобы было то, что врачи порешили выписать больную, что и предложили ей исполнить. Чувствуя себя очень плохо и будучи не в состоянии встать с койки, больная отказалась выписаться. Тогда ей заявили, что если добровольно она не выпишется, то ей не дадут ни кушанья, ни лекарства и даже удалят из клиники. В тот же день больная, находясь в клозете, упала в обморок и была поднята прислугой и уложена в постель, но ни один из гг. врачей не явился и помощи не оказал. Наконец, 23 ноября, по распоряжению администрации клиники, больная была одета прислугой и вынесена на носилках, поддерживаемая двумя няньками с двух сторон, на улицу, посажена в сани извозчика и в совершенно болезненном состоянии доставлена в квартиру мужа ее. Так как она была лишена возможности не только войти в квартиру, но даже спустить ногу и выйти из саней извозчика, то было признано необходимым немедленно, для подачи медицинской помощи, доставить больную в приемный покой при тверском полицейском доме. По доставлении больной на том же извозчике, она была на руках вынесена из саней и внесена в приемный покой и, как не имеющая возможности ни стоять, ни сидеть, уложена в койку. При осмотре доктором тверской части Прониным у больной оказалось все тело болезненным, почему он немедленно распорядился доставить больную в карете “скорой медицинской помощи” в Мариинскую больницу, где она принята и находится в настоящее время. При осмотре больной г. Прониным она заявила, что ей ничего не дали есть и она чувствует жажду, вследствие чего г. Пронин распорядился прислать больной из своей квартиры бульон и чай».

Г. Миляев привлек виновных к законной ответственности по 1513–1522 статьям уложения о наказаниях, о чем и подал жалобу прокурору московского окружного суда.

* * *

Русский Золя пошел дальше Золя французского.

Петр Дмитриевич Боборыкин удостоен чести быть избранным в почетные академики. Это и неожиданно, и приятно.

Неожиданно это потому, что, по заявлению самого почтенного писателя, за все сорок лет его деятельности только люди и делали, что над ним смеялись и им пренебрегали. Говоря по совести, мы все уже поверили было этому безрадостному заявлению

и всячески старались утешать жертву общественной несправедливости, как вдруг: академик!

Очень приятно, что заслуги П.Д. Боборыкина оценены высшей мерой, какая существует для писателя. Теперь всё в порядке. Как выяснилось на юбилее, читатели П.Д. Боборыкина любят; теперь и академия признала его своим, – остаются, следовательно, одни критики, а вернее, один критик, г. Буренин, так как остальные скромно молчат, но и г. Буренин, по-видимому, смирился духом и внял голосу из “Эрмитажа”, ибо в последний раз не только не нападал на Петра Дмитриевича, но очень энергично защищал его от его друзей, гг. Карабчевского и Спасовича. И при этом, что весьма важно, называл юбиляра полностью – П.Д. Боборыкин.

Итак, да здравствует почетный академик П.Д. Боборыкин. Все в порядке.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(6 декабря 1900 г.)

Однажды я встретил одного очень симпатичного, но прилипчивого юношу. Накануне он узнал о существовании Шопенгауэра, прочел первую фразу его труда – “Мир есть не что иное, как мое представление”, и это дало ему несомненное, но загадочное для меня право глубоко презирать мою персону. Он решительно отказывался верить, что я тоже слыхал о существовании Шопенгауэра, и презрительно улыбался; иногда он смотрел на меня с жалостью и пронзительно вздыхал. Но в то же время он не хотел, в силу врожденного великодушия, признать меня окончательно погибшим человеком и старался кое-что сделать для меня в отношении Шопенгауэра. Ранним утром – это было на даче – он приступил к разъяснению смысла фразы: мир – представление; я ушел в лес, и он, под предлогом прогулки, пошел в лес – и разъяснял. Я полез в воду, – но и он полез в воду; окунаясь, я слышал:

– Шопен...

Высовывая голову после того, как дальнейшее пребывание под водой становилось невозможным, я слышал:

20 – ...гауэр.

Он был неумолим. Я клялся взошедшим месяцем, что знаю Шопенгауэра; я рассказывал дальнейшее, что следует за роковой фразой: мир – представление, но он не читал дальнейшего и не верил, чтобы оно принадлежало Шопенгауэру. В природе и в глазах моих стало темно; не знаю, чем бы все это могло кончиться, если бы не вступились за меня родители прилипчивого юноши: с трудом оторвав его от меня, они отправили его спать. Попытка его разговаривать со мной через стену, по счастью, не удалась, ввиду толщины разделявших нас бревен.

30 Этого самого симпатичного юношу напомнил мне автор жиденькой брошюры с пышным заглавием “Рутина наших уголовных защитников”. На обложке весьма подробно обозначено, кто автор. Сказано, что он – Анатолий Доброхотов, что он помощник присяжного поверенного; добавлено, что он “адвокат начинающий”. Единственное, легко, впрочем, поправимое упущение – не указан адрес и часы приема.

Великое открытие, которое совершил помощник присяжного поверенного Анатолий Доброхотов и которое вдохновило его на вышеозначенный капитальный труд, заключается в том, что в природе, а равно и в науке, существует нечто экономическое. 40 Я говорю: нечто экономическое, так как более ясного определения не нахожу у высокоученого автора. Есть основание предполагать, что оно находится в связи с К. Марксом; но может быть оно ни с кем и ни в какой связи не находится: скромно признаюсь, что весьма многого не понимаю в рассуждениях г. Доброхотова. Второе, не менее великое открытие автора – это существование именно К. Маркса. Оба же открытия вместе дают г. Доброхотову право глубоко презирать всех существующих уголовных защитников и поучать их – строго, но без надлежащей ясности. 50

По словам автора, все уголовные защитники до сих пор держивались “метода идеалистического”, или, иначе, “метода народнического”, а по мнению г. Доброхотова, необходимо держаться “метода экономического”, чего, к сожалению, защитники не делают. Происходит это оттого, что наши типичные адвокаты о Марксе только слышали, а о Рикардо совсем ничего не знают. В чем, однако, заключается “экономический метод”, автор не разъясняет и делает из него даже некоторую тайну. Если залезать в чужой карман, то это не будет экономическое направление; “десять раз повторять”, что преступление совершено под давлением экономической нужды, – это не будет экономическим методом; наконец, “методу” научать нельзя, а надо самому учиться, – столь загадочно и притом с отрицательной стороны пытается г. Доброхотов определить сущность “экономического метода”. Признавая “экономический метод”, автор в то же время “не отрицает” общего “социологического метода”. 60

Но, может быть, читатель сам желает послушать г. Доброхотова?

“Конгломерат наших общественных отношений выразился (!) главным образом в форме отношений производительных”. 70

“В результате получается жизненная экономика (?), проникающая везде и всюду, налагающая свою главную окраску на все социологические отношения”.

“...Юриспруденция делается наукой экономической, пока теоретической, а затем экономическое направление переходит в область практической юриспруденции, в область предварительного следствия, в область уголовной защиты...”

Многое другое в том же роде есть в брошюрке, чего я приводить не стану. Во всяком случае, “жизненная экономика”

80 решительно не советует тратить двадцати копеек на приобретение вздорной книжонки.

Как счастлив я и прочие смертные люди, что мой прилипчивый юноша не мог печатать своих откровений по поводу Шопенгауэра. Страшно подумать!

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(10 декабря 1900 г.)

Московская погода больна – это несомненно. Она и всегда считалась капризным и нравным существом, эта московская погода, но то была солидная капризность и серьезная нравность, проистекающая от избытка темперамента и непочатой силы. Не-что подобное московскому купцу – коли морозцем завернет, так уже таким, что лед на реке трещит да лопается, а коли в мягкую оттепель ударится, так уж зной не успокоится, пока всего снега не сгонит. Теперь же с погодой творится что-то невообразимое, дурашливое и бессмысленное в высшей степени. Самостоятельности в капризах совсем не видно; скорее похоже на то, что наша погода изо всех сил тянется за какой-то другой погодой: не то парижской, не то даже соседской – петербургской. То как-то деланно засмеется, то об пол в обморок ударится; то прифрантится, как невеста, во все белое оденется, снежным цветом уберется, ледяными бриллиантами засверкает – и любит ее очарованный обыватель и восторгом загорается его душа, как вдруг... стоит она перед ним неряха-неряхой: невытая, нечесаная, глаза сонные, а грязные пальцы поясницу почесывают. А потом взвизги начинаются, истерика. Нервы, что ли, это?

Что бы то ни было, а скучно жить при такой погоде. И спастись от нее некуда, разве только в тюрьму: да и там не уберечься от ее гнетущего влияния: и в решетчатые окна заглядывает тусклое небо и брюзгливо липнет к стеклам полудожь-полуснег и еще глубже делает тоску заключения. На улицу выйдешь – мерзость: эта погода словно лаком покрывает все обычные уличные безобразия, и то, что при солнце проходит незамеченным, теперь режет глаза яркостью темных красок. Падают под тяжелыми во-зами мокрые обессиленные лошади, и вокруг топчется и уныло бранится толпа таких же мокрых озлобленных людей. Целыми полчищами движутся пьяные по узеньким панелям посередине улицы и падают там и здесь. Никогда, кажется мне, не видал я столько пьяного народа, как в эти дни, особенно в один из них, праздничный. Их бессмысленно мятущимися фигурами, нестрой-

ным говором и ругательствами полны были бульвары, улицы и переулки, а вечером, когда приличная публика разошлась по театрам, приличным ресторанам, благотворительным концертам и гостям, становилось даже страшно при виде полуозверевшей от яда массы: словно вся Москва состоит из обезумевших людей, утративших сознание, волю и... равновесие. Тускло освещают завешенные изнутри окна трактиров – что должно твориться там, за этими занавесками? Кстати, среди заведений этого рода я заметил одно грязнейшее с характерной надписью: “Общедоступный трактир”. Не думаю, чтобы этим названием владелец трактира хотел посмеяться над “Художественно-общедоступным” театром – попросту он только смотрел в корень вещей и вернее понимал значение слова “общедоступность”. Среди звуков, наполнявших улицы в эти скучные дни, настойчиво выделялся один: режущий, скребущий звук железных полозьев по булыжнику. Неприятный, назойливый, он сопровождал каждого вашему шагу и сопровождал вас на всем пути. Еще одно “кстати”: мне встретился один очень странный извозчик, старик. Он не жаловался ни на дорогу, ни на хозяина – обычная тема разговоров с седоками, – но заявил, что ему скучно. Скучно ездить.

– Едешь туда, едешь сюда, целый день ездешь, а все никуда не приезжаешь. Всю Москву исколесил, а глянул округ себя – на том же месте стоишь, откуда начал, – жаловался он.

Какой требовательный извозчик!

Однако нужно перейти к прямым моим обязанностям обозревателя московской жизни. Вы уже видели мельком, какова Москва вообще извне в дни ненастья, – поколесим теперь по ее улицам и переулкам. События властвуют надо мной, и, как мой скучающий извозчик, из конца в конец проеду я по Москве. Темны уголки, в которые мне придется заглянуть, и не крупны события, но они делают жизнь такой, какая она есть. Начнем.

Вот Обжорный переулок, а в нем трактирное заведение Павла Келина. В заведении же том драка со всеми признаками правильно организованного сражения, вроде одного из тех, какие англичане дают бурам, – с полной уверенностью в благополучном окончательном результате. Стороны численно равны, но не равны по духу и устойчивости. С одной – трое трезвых: хозяин трактира, маркер и дворник; с другой – трое пьяных посетителей. Добродетель и воздержание побеждают неумеренность и порок, и один из посетителей оказывается настолько сильно избитым, что его в карете “скорой медицинской помощи” отвозят в приемный покой. Побоище, при котором случайно присутствовал корреспондент, – но сколько их происходит ежедневно без участия прессы?

Тверская-Ямская. Идет пьяный и падает; дворник поднимает его и бьет. Так происходит дело, по словам некоего Лизунова, который, по-видимому, никогда не читал “Дон Кихота”: в противном случае он едва ли бы стал вступаться за избиваемого. Но он вступился и оттолкнул дворника – и очутился в участке вместе с пьяным и вторым Дон Кихотом, неким Стрекуновым. Последний явился добровольно, с благородной целью свидетельствовать, что первый Дон Кихот выступил лишь в качестве защитника обижаемого. Но городской возразил:

– Следовало бы и этого негодяя записать в протокол.

Тогда сам Стрекунов, по-видимому человек впечатлительный, обиделся:

– Дармоед! – отозвался он по адресу городского. И тогда из свидетелей он обратился в обвиняемого и некому уже было вступить за первого Дон Кихота и пояснить его намерения. И в итоге оба рыцаря печального образа судьей и съездом приговорены: первый к четырем дням ареста и второй – рублю штрафа.

Вы знаете, конечно, что такое Проточный переулочек? Это родной брат Хитровки; чайные, винные лавки, трактиры – и по обоим бокам казарменного вида желтые постройки – ночлежные дома. С виду тихо: на углу городской, но за стенами кипит преступная, потерянная, самой себе тяжелая жизнь – и минутами бессмысленным, но грозным протестом вырывается наружу. Вот посмотрите: по тротуару идет молоденькая, прилично одетая девушка, полная жизни и беззаботности... А взгляните через секунду: на том месте, где вы видели ее, толпа, тревожная, испуганная: она окружает то, что было молодым, здоровым, сильным, а теперь лежит распластавшись на панели с воткнутым в грудь ножом. Она еще жива, но ничего объяснить не может; знает, что ее догнал кто-то, совершенно ей неизвестный, и ударил. И только. Тут же и задержанный преступник, 24-летний мастеровой, сильно пьяный.

– За что убил? – спрашивают его. И ответ его поистине страшен:

– Не знаю; в беспамятстве.

Тверской бульвар. Вы знаете уже, что должно последовать за этим именем: женщина и пристающий к ней нахал? Да, вы не ошибаетесь. На этот раз жертвой является г-жа Г-ва. Ей предлагает услуги проводить некто К-в ¹⁾, прилично одетый молодой человек – они все прилично одеты, эти господа! К сожалению, г-жа Г-ва не осталась безгласной и выбрала пристающего, к сожалению, так как в ответ получила жестокий удар палкой

¹⁾ К сожалению, в газетной заметке фамилия приведена в сокращении.

по лицу – удар, причинивший рассеченную рану и синяк. Господина отправили в участок. Между прочим: на днях я прочел, что в последнее время на бульварах учреждены особые полицейские наряды единственно с целью защиты проходящих женщин. Но много ли они могут сделать против того, что вьелось в плоть и кровь – на это, пожалуй, ответит следующий случай.

Обвиняемый – студент московского университета А.Г. Грикуров, действующий, впрочем, не единолично, а в сообщничестве с другими студентами и техниками. Более мирный вид занятий этой учащейся “хулиганствовать” молодежи – это бродить по Тверской улице в те часы, когда она кишит несчастными, продающимися и конкурирующими друг с другом женщинами, и шутить над ними – например, бросать на подола их платья зажженные бенгальские спички. 15 июня у одной из этих женщин, уже раз бывшей свидетельницей поджиганий, А.Г. Грикуров также, очевидно, в виде шутки вырвал зонтик и бросил под пролетку. Конечно, он не знал, что “денег стоит сия чистота”, и думал – ну что такое трехрублевый зонтик? Мировой судья приговорил г. Грикурова к десяти рублям штрафа, а съезд, куда пожаловался г. студент на несправедливость судьи, утвердил приговор и нашел, кроме того, что судья назначил даже слишком снисходительную меру наказания.

Теперь несколько слов о московских хозяевах. Вот в Даниловской слободе купец-подрядчик котельных работ И.С. Коровин. Не думал он о мире и мир не думал о нем вплоть до того момента, пока в участок не явились его рабочие и не пожаловались, что их кормят тухлой солониной. И тогда полиция нагрянула в тихую обитель подрядчика и стала рыться – но вотще! Нет солонины да и только. Пахнет скверно, но откуда? Так по запаху добрались до сарая, а в нем под соломой нашли мешок с кусками тухлятины – пожалел, видно, купец выбросить в помойку! В результате – 25 рублей штрафа. А если пойти по другим подрядчикам и как следует понюхать?

Добросердечный городской видит на Воскресенской площади мальчика, изнемогающего под непосильной ношей, и ведет его в участок. Там выясняется, что мальчику тринадцать лет, а весит его ноша 2 1/2 пуда и нести ее хозяин Аренсон велел с Лубянки на Неглинный проезд. Полиция привлекает хозяина к ответственности, а он, в свою очередь, привлек к ответственности мальчика – выгнал его из мастерской.

- За что? – плачет мальчуган.
- А за то, что полиции на глаза попался.
- Да разве я хотел?
- А мне какое дело!

Так часто в этом мире самые благие намерения приводят к непредвиденным и печальным последствиям. Ручаюсь за себя: если увижу мальчика, несущего хотя бы десять пудов, – я отвернусь. Так будет лучше для него.

Отправимся дальше – к знахарям. Они еще не перевелись в нашей культурной столице и практику имеют не меньшую, чем любой доктор, вовсе при этом не прибегая ни к объявлениям, ни к рекламе в той или иной форме. Тихо и скромно пичкают они всякой гадостью болящий народ, а если человек не умирает сразу, случай считается благоприятным. Но иногда они прибегают к сильным приемам, и тогда о деятельности их осведомляется полиция, настоящие доктора и суд. Так, на одной прошлой неделе были отравлены двое: крестьянка Ерофеева знахаркой, угостившей ее сулемой (жизнь Ерофеевой в опасности), и крестьянин Стогов, которого неизвестный знахарь угостил ртутью.

Врачи сидят без практики, а народ травится у знахарей – какие подчас странные вещи творятся в этом лучшем из миров!

Но я вижу, что мне не исчерпать всех этих мелких событий. Из щелей московской жизни ползут они, такие пестрые с виду и такие утомительно однообразные по существу. Не думайте, что я намеренно, с целью группировал факты – я брал то, что первое попадалось под руку.

Но, быть может, вы хотите отрадных фактов и светлых явлений?

Как это ни трудно, но можно, пожалуй, отыскать и такие. Вот, например, самопожертвование. Один домовладелец был несчастен, так как принужден был ездить на паре лошадей, а лошади, как известно, иногда бесятся. Взбесилась и эта пара лошадей и понесла домовладельца по Воздвиженке, подвергая жизнь его изрядной опасности. Но нашелся смельчак, бросившийся навстречу лошадям. Это был городской. Думали, что он будет раздавлен, но как-то так городовому удалось повиснуть на узде, и в конце концов лошади были остановлены. И спасенный домовладелец выказал великодушие: тут же вручил герою двадцать пять рублей, а герой... герой доставил их по начальству.

В комиссию по приисканию занятий нуждающимся студентам совсем почти не поступает требований на репетиторский труд, и студенты остаются без работы. Объясняется же некоторыми это явление тем, что программы средних учебных заведений облегчены и учащиеся, в большинстве случаев, могут проходить курс без руководства репетиторов. Разве это не отратно?

Воспрещены изготовление и рассылка почетных билетов на благотворительные концерты и спектакли, и вообще продажа

билетов будет допускаться только в местах, обозначенных в афишах. Хотите идти – идите, а не хотите – никто за шиворот не потянет. Это не отрадно?

Наконец, – это я приберег нарочно, – Тина ди Лоренцо. Божественная, очаровательная, с ума сводящая Тина ди Лоренцо! Как сообщалось в газетах, роскошные туалеты ее были при переезде через океан подмочены водой и испорчены – с какой готовностью несутся теперь рубли на новые туалеты для этой, преследуемой судьбой, но не людьми, очаровательницы. А те восторги, которые она дает, те минуты возвышенного страдания, которые мы переживаем при ее божественной игре! Разве это не светлое явление?

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(14 декабря 1900 г.)

Письмо г. Миляева по поводу дурного обращения, которому подверглась будто бы его жена в одной из московских клиник, привлекло на себя общее внимание и вызвало целый ряд возражений со стороны гг. докторов и студентов-медиков. Этого и следовало ожидать, так и должно было быть – иначе терялось бы решительно всякое значение подобных “обвинительных” писем: ставя своей задачей освещение того или иного уголка русской жизни, они могут достигнуть ее лишь при сочувственном содействии и другой заинтересованной стороны. В настоящем случае такой стороной явилось не отдельное лицо, а клиника – учреждение, по всей справедливости пользующееся общим почетом и рекомендуемое как образец, – отсюда естественно произошло и более значительное количество возражений и запросов, а также и более страстный тон их. В возражениях, предназначенных для печати и напечатанных, страстность тона значительно умерялась общими соображениями пристойности и цензурности, но зато с тем большей силой выступала она в полученных редакцией письмах, которые можно назвать “частными”, а особенно в письмах анонимных. К последним и доселе чувствует склонность российский обыватель, даже образованный.

Но даже и против неумеренной страстности ничего возразить нельзя, раз в окончательном итоге дело сводится к посильному освещению темного вопроса или факта: она является невольной там, где обе стороны жизненно заинтересованы в исходе дела и душой симпатизируют обиженному, кто бы им ни был – г-жа Миляева или клиника. Во всяком случае, определенный результат возражениями достигнут, если не устами самих обвиненных докторов, которым, как оказывается, по действующим в клинике правилам не разрешается давать объяснения в печати до появления официального опровержения, то устами лиц, к клиникам близких и в деле достаточно осведомленных: случай с г-жой Миляевой разъяснен весьма полно и обстоятельно – едва ли и сам суд внесет что-либо новое в добытый материал. К нашей радости – но

не удивлению – оказывается, что г-жа Миляева в наиболее ярких пунктах своего обвинения попросту сказала неправду. Неправда эта происхождения болезненного – г-жа Миляева истеричка, – и едва ли может быть поставлена ей самой в вину, но тем не менее она снимает вину с докторов. Попытка выселить упрямую больную посредством голода, угрозы какого-то жестокого, одурманивающего укола, все то, на что жаловалась г-жа Миляева и от чего веяло средневековым варварством или трагической тьмой захолустных больниц (чеховская “Палата № 6”), – все это существовало только в ее болезненном воображении и никакой фактической почвы под собой не имеет.

Остается, тем не менее, во всем этом деле одна сторона, недостаточно, на мой взгляд, разъясненная. Это – сторона юридическая. Но прежде чем перейти к ней, я хочу сказать несколько слов по поводу обвинений публики и прессы в систематических и пристрастных нападках на врачей. Не касаясь сущности вопроса об отношениях врачей и публики – вопроса чрезвычайно сложного и совершенно не разработанного, я ограничусь указанием на степень участия прессы в этих, якобы систематических и пристрастных нападках.

Как мне кажется, на врачей прежде всего нападают несколько не больше, чем на адвокатов, учителей, аптекарей, дворников, извозчиков и других лиц, с которыми люди находятся в тех или иных обязательственных отношениях и частых, почти ежедневных сношениях. Неурегулированность этих отношений дает вечный повод к недовольству как с той, так и с другой стороны. Вмешательство прессы объясняется не только естественным, но и благородным желанием придать возможно широкую гласность каждому случаю, в котором страдает отвлеченная справедливость или конкретный человек. Отдельные случаи, в которых пишущий, нападая, руководится каким-нибудь личным предосудительным мотивом, так немногочисленны, что обобщать их так же нелепо, как по одному врачу-преступнику приходиться к выводу, что и все врачи преступники.

Односторонность нападков на врачей, тогда как грешат друг перед другом равно и врачи и пациенты, – объясняется тем, что врачи редко заявляют печатно о своих обидах, быть может потому, что терпят преимущественно их интересы рубля, а интересы рубля всегда ниже интересов жизни и здоровья. Наконец, у врачей есть оружие для защиты: во-первых, та же пресса (о действенности этого оружия может свидетельствовать хотя бы настоящий случай с г-жой Миляевой) и закон, дающий право преследовать за клевету. И уже, конечно, не пресса виновата, когда

врач отказывается воспользоваться последним способом защиты, предпочитая оставить место – как это было на днях в известном случае с тамбовским врачом.

Таким образом, останавливаясь на той стороне миляевского дела, которая кажется мне недостаточно разъясненной гг. врачами, я отношусь к ним с полным уважением, и единственная цель моя – устранение лишнего недоразумения. При всем том, что установлено относительно г-жи Миляевой, т. е. что она истеричка, упрямая и капризная, что ее много раз предупреждали о необходимости выписаться и о том же говорили ее мужу, – имело ли право клиническое начальство самостоятельно удалить ее? Врачам в некоторых отношениях предоставляются весьма обширные права, административные и полицейские, до лишения больного свободы включительно. Но это только по отношению к больным – по отношению же к здоровым врач стоит в положении частного лица, не облеченного полицейскими правами. Пока врачи признавали Миляеву больной, они могли насильственно сажать ее в ванну, надевать даже на нее горячую рубашку, – но раз они признали ее здоровой, могли ли они совершать по отношению к ней насильственные действия, ничего общего не имеющие с врачеванием – например, удаление из клиник? Несомненно и никем не оспаривается, что г-жа Миляева не хотела уезжать – и ее увезли. Здоровая, по признанию врачей, юридически она находилась в положении хотя бы того же квартиранта, который пропустил срок, не платит денег и не хочет очистить помещения; как известно, только при посредстве суда и полиции может быть выдворен такой неприятный субъект, а никак не руками хозяина. Иначе это будет с а м о у п р а в с т в о. Г-жа Миляева была слаба и не сопротивлялась, и только говорила, что не хочет уезжать, но если бы она стала физически сопротивляться – имели бы право сторож и сиделка связать ее и положить на извозчика?

Нечто в этом роде, впрочем, и случилось: г-жа Миляева не захотела указать адреса своего дома и ее принуждены были везти в участок. Таким образом, если с медицинской точки зрения врачи были совершенно правы и ничего предосудительного не совершили, то юридическая сторона, по-видимому, имеет некоторые недочеты. Уважение к закону и правам личности является вещью чрезвычайно желательной, особенно в нашем обществе, в сознание которого не успели еще проникнуть правовые начала, и если заинтересованной стороне, путем ли логики, путем ли каких-нибудь “особенных” клинических правил, удастся доказать свою правоту и в этом отношении, то это будет... дважды приятно.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(16 декабря 1900 г.)

В один день или в одно прекрасное утро, как выражаются романисты старой школы, австрийский подданный Андрей Гакенбергер почувствовал себя стоящим перед неким “проклятым” вопросом.

Много уже голов трудилось над этим вопросом, и немало их разбилось об его острые края, – и все нет-нет да подымется он из глубокой тьмы жизни.

10 Вопрос о том, куда девать человека, жизнь которого безрадостна и мучительна для него, вредна и так же мучительна для окружающих и любящих его?

Вопрос о хроменьких, горбатеньких, слепеньких и всех убоженьких; вопрос об умалишенных и вечно пьяненьких. Тех, кто пропивают убогое женино добро, а потом бегают на чердак давиться, но не давятся.

И перед этим вопросом остановился Андрей Гакенбергер, а та жалкая жизнь, которую нужно было куда-нибудь девать, принадлежала его брату – Карлу Гакенбергеру. Был он большой психически, бесчеловечно истязал жену и не раз покушался убить ее, а с ней и свою дочь, годовалую девочку.

И все были несчастны и томились жестокой бессмыслицей жизни: Карл Гакенбергер, его жена и его брат. Женщина терпеливо молчала; мужчина искал исхода.

И он нашел его. То был бесчеловечный, ужасный исход, и самым ужасным было в нем то, что логика фактов оправдывала его и в глазах, отуманенных горем, придавала ему вид разумности. Печально только то людское общество, где, при молчании человеческого чувства, громко говорит подобная слепая и лживая логика.

30 Андрей Гакенбергер сказал: “Брат мой болен, и жизнь для него томление; но томление она и для жены его и для дочери. И если я убью брата, то он забудется от страданий; забудется от страданий и жена его и дочь”.

И только о себе не подумал и не догадался подумать ослепленный Андрей Гакенбергер. Но, может быть, он надеялся на чудо.

И в одно утро Андрей Гакенбергер убил своего брата Карла Гакенбергера. Вероятно, он боялся и сомневался, а потому в такой неурочный час произошло убийство, и ночь, в которую так легко проливается кровь, прошла в борьбе с самим собой. Но помогла водка, призванная вместе с людьми к разрешению проклятых 40 вопросов.

Убил он брата в то время, когда тот спал с женой и дочерью. Убивая же старался о том, чтобы меньше причинить страданий спасаемому, и удары обухом топора по лишенной сознания голове были сильны и метки.

Дальше должно было наступить чудо и спасти самого Андрея Гакенбергера, и в ожидании его он скрывался. Но чудо не наступило, и явилась полиция и взяла убийцу. Быть может, жена убитого указала на него. И убийца сознался.

И произошло все это в городе Москве на одной из ее окраин 50 10 декабря.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(17 декабря 1900 г.)

Если бы кто-нибудь глубокомысленный подошел ко мне и спросил:

– А не видите ли вы, милостивый государь, чтобы в мире совершалось что-нибудь хорошее?

То, не давая себе времени на размышление и оглядку, я быстро и решительно ответил бы:

– Не вижу, чтобы в мире совершалось что-либо хорошее.

– А не видите ли вы, чтобы на вашей улице совершалось что-либо хорошее?

Здесь я должен был бы некоторое время предаться размышлениям и внимательному обзору своей грязной и глухой улицы, так как гораздо легче двумя словами отделаться от целого мира, который знаешь только по верхушкам, нежели осудить свою улицу, на которой ежедневно теряешь в грязи калоши. Но и подумав и оглядевшись, я принужден был бы дать тот же ответ:

– Прежде всего, это не улица, а тупик, и заключаю я это потому, что никогда другого конца не видел. Дедушка мой утверждает, что тот конец существует и что даже его однажды через тот конец в участок водили; дает некоторые намеки на существование конца и сын-студент, но ни тому, ни другому я не верю. А затем – ничего хорошего в этом тупике не совершается.

И сказанное мной я мог бы подтвердить грандиозным количеством цитат, целой вавилонской башней примеров и горой ссылок на все области текущей жизни. И я далеко не подвержен оптимизму, да что-то и мало видится этого блаженного народа среди современных берендеев.

Но в то же время, при всей этой безрадостности существования, как будто чувствуется что-то... неуловимое, бесформенное, безглагольное... Не звук, а зародыш звука; не свет, а зародыш света.

Именно, чувствуется. Невозможно определить, откуда и какими путями приходит это веяние зарождающейся новой жизни; протестует против него и разум, и глаза, а оно идет, незримое,

непонятное, загадочное, и чувствуется. Словно в нашем воздухе носятся не одни только микробы инфлуэнцы, тифа да горячки, а существуют в нем и микробы страха и бактерии надежды и радости. Те же как будто люди и с теми же даже фамилиями и именами; те же события, тот же плач, а есть в нем что-то новое, не похожее, смутно намекающее, что вот-вот вся эта история кончится, а на месте ее начнется другая, более веселая. Не думаю, чтобы подобное неопределенное чувство бодрого будущего являлось только протестом, соломинкой, за которую хватается человеческая натура, неспособная жить в атмосфере отчаяния. Несомненно, что в самой жизни намечаются новые формы, и тяжелое колыхание этого громадного тела, что зовется жизнью, передается людям. Тысячи незаметных мелочей; кучка людей, закопошившаяся более сильно, чем она копошилась год-два тому назад; где-то прозвучавший смех, – все это тотчас забываемое, не могущее быть зарегистрированным умом, оставляет вместе с тем свой след на душе. Как будто вот вчера прочел я что-то хорошее... не то мне рассказали что-то хорошее – что, не помню, но знаю, что было.

Особенно чувствуется это светлеющее “что-то” там, где люди собираются для той или иной надобности в группы, где они теснее примыкают друг к другу и бодрящему взаимовнушению представляется большой простор. Кто более или менее внимательно следит за общественной жизнью – хотя бы даже одной Москвы, так как, несомненно, эта жизнь при всей своей узости и скудости отражает на себе общие подземные течения, тот наверное заметил, что между бывшим два-три года назад и происходящим теперь существует разница, и разница довольно-таки ощутительная. С большим трудом поддается она учету, ясной формулировке, а иногда и совсем не поддается, но ощущается она всюду: и на улице, и в театре (здесь особенно), и на всяких общественных собраниях, думских, земских, адвокатских. Пусть от всей этой возбужденности нет еще пока никаких осязательных, практических результатов – последние достигаются только годами; пусть пока она выражается минутами в карикатурных формах – ведь даже и смех предпочтительнее сна и неосушаемых слез. Но она – чувствуется.

По размерам своей статьи я могу остановиться только на некоторых явлениях общественной жизни, где, на мой взгляд, прибавилось кислороду, и притом остановиться только вскользь. Так, возьмем московское городское кредитное общество. Большинство средней публики, имеющей возможность закладывать только шубы, а не дома, представление о “кредитке” связывает с картиной суда, где ей пришлось позаимствоваться такими

впечатлениями относительно этого почтенного учреждения, что наименование кого-либо “кредитным дельцом” равнялось оскорблению действием. Перед глазами суда и зрителей воочию предстали сидящими некоторые крупные фигуры деятелей этого дотоле темного царства; другие фигуры были зримы стоящими, а некоторые и совсем зримы не были, но их все знали, о них все говорили и все считали их силой, которую сломить очень трудно. Какой-нибудь год всего тому назад это было, а в нынешнем происходят выборы, и кредитки узнать нельзя. Чинно, благородно, все как по-писаному.

Что-то новое замечалось и при выборах в городские гласные. При всех обычных условиях предвыборной нелепицы и неурядицы, выборы на этот раз прошли более шумно и привлекли на себя внимание и общества, и прессы. Опасались, по примеру прошлых лет, что избирателей явится мало, что гласных изберут в количестве недостаточном – а вместо того избрали гласных на 13 человек больше, чем в предыдущих выборах. Тринадцать человек – это не шутка, особенно принявши во внимание ту беспощадную резню, которой подвергали друг друга и враги, и союзники. И эта самая резня, это подковыривание, подсиживание, подмаргивание – разве оно не служит доказательством обостренного отношения к делу? Не говорю уже об отдельных избирателях, которые с пламенным упорством обучали других избирателей отличать черное от белого, не пили, не ели, можно сказать, а только в очи глядели. Результаты? Ну, результаты, правда, не важны. Можно, вместо суда, сходить послушать Плевако и Шубинского, хотя о чем они будут говорить, пока еще неизвестно; можно пойти посмотреть сына графа Л.Н. Толстого, будет ли он противиться злу, или не будет? Все же количество интеллигентных людей в думе прибавилось, а интеллигентный человек, всегда предпочтительнее человека неинтеллигентного. И, во всяком случае, хуже того, что было, не будет, а лучшего ожидать можно, а это, по нынешним временам, ах, как дорого!

Но лучшим выразителем чего-то нового, носящегося в воздухе, является, несомненно, сословие присяжных поверенных, в совет которого как раз сегодня, в воскресенье, происходят выборы. Состоя сплошь из людей образованных и при этом во многих случаях образованных всесторонне; связанное тысячью нитей со всеми сторонами современности; нервное по роду своей деятельности, чуткое ко всем веяниям жизни и наиболее способное воплотить в себе дух переживаемой эпохи, – сословие может служить общественным барометром, задолго до наступления показывающим погоду и ненастье. Благодаря этим своим неоцененным свойствам, оно пробудилось уже задолго до того, как проснулась

хотя бы та же дума, и уже несколько лет “барометр” медленно подвигается к погоде. Медленно, скачками, но подвигается. Уже прошлогодние выборы, впоследствии опозоренные кучкой адвокатов, пытавшихся сделать их недействительными и отчасти, по отношению к Д.Н. Доброхотову, достигших своей цели, ясно показали, что сословие вышло из своей многолетней спячки и что в нем народились и приобретают силу прогрессивные, деятельные элементы. Отчет о деятельности совета, вышедший несколько дней тому назад, полностью подтверждает этот вывод. В первый раз с тех пор, как мне довелось близко познакомиться с этими серенькими книжками, до краев набитыми прегрешившими адвокатами, я прочел отчет с удовольствием и, более того, с великим интересом. И в первый раз я пожалел, что отчет недоступен для чтения большой публике, так как многие страницы его, особенно те, которые написаны Д.И. Невядомским, да и весь он по своему духу достоин самого широкого обращения.

Общие тенденции, которые проглядывают с первой страницы до последней и всему отчету придают единство, – это резкое стремление к полному восстановлению и согласованию с жизнью тех прекрасных начал, которые положены законодателем в основу самоуправляющейся корпорации. Облик истинного адвоката, независимого защитника права и справедливости, образ, провиденный законодателем и затушеванный временем и невзгодами, снова проявляет свои забытые черты. Он видится и там, где речь идет об общих начинаниях и реформах в жизни совета; он с яркостью проступает и там, где в обширном, прекрасно разработанном отделе дисциплинарных дел спокойный голос бесстрастного судьи уступает место голосу негодующего человека, в глазах которого попирается самое дорогое для него и чистое. Наибольшей яркости достигает отчет в двух делах: о присяжном поверенном Т. и присяжном поверенном С. (доклады Д.И. Невядомского). В первом деле, где адвокат с незапятнанной репутацией обвинялся в том, что он “в обход закона” взял у арестанта прошение, – совет энергично и смело выступает на защиту незаслуженно оскорбленного члена сословия. О втором деле, по поводу обязанности адвоката хранить ему вверенную тайну, уже упоминалось в “Курьере”. Не останавливаясь на научной стороне доклада, настолько хорошо и полно разработанной Д.И. Невядомским, что может составить ценный вклад в специальную юридическую литературу, я останавливаюсь на второй его части, где докладчик высказывается попутно по поводу того, чем должен быть адвокат. Впечатление, которое производят эти горячо и даже поэтически написанные страницы, таково: в том сословии, где хотя бы в одном только

из его членов хранится такой бодрый и светлый идеализм, – должна быть заложена могучая жизнеспособность, что бы временами ни проделывала с ним судьба.

И не только в светлом взгляде на адвоката, не только в судебных решениях, умеющих от единичного частного случая перейти к широким обобщениям, сказывается то ч у в с т в у е м о е, о котором я говорил в начале статьи. Сказывается оно в двух крупных фактах, наступления которых так давно ожидали. Это – новые правила о помощниках и проект пенсионной кассы. Правила уже вступили в силу и действуют. Практика, вероятно, оправдает те опасения, которые были высказаны в особом мнении С.И. Филатова. Половинчатые, не приведенные в строго логическую систему и потому не пригодные к жизни, они едва ли выполняют те надежды, какие возлагались на них составителями, и не войдут органическим целым в жизнь сословия. Не нашли они себе полного сочувствия и в помощниках – но самый факт их появления после стольких лет напрасной мольбы, те общие, несомненно прогрессивные начала, которые составляют их базис, оправдывают и делают заслугой совета их появление и даже после их неминуемой смерти сохранят им благодарную память. Устав о пенсионной кассе находится только в проекте – но самое появление проекта свидетельствует о желании совета отозваться на давнюю и безотлагательную нужду сословия – нужду, которая столько лет свысока игнорировалась. Нельзя не отметить, что проект устава, потребовавший громадного количества труда, был составлен Д.Н. Доброхотовым, который справедливо может сказать про себя, что за четыре недели пребывания его в совете он ни одного дня не потратил даром. Славная месть за признание его выборов неправильными!

Переходя от отчета к текущей жизни сословия, и в ней я могу указать на присутствие тех же элементов обостренной жизнедеятельности. Предвыборная борьба ведется с крайним оживлением и даже горячностью, и, вопреки многим, я не хочу видеть в ней темных сторон. Правда, что за короткое время своего существования сословие не имело возможности выработать ни традиций, ни приемов правильной борьбы, в которой противники при разности принципиальных взглядов сохраняют необходимое умение уважать друг друга, а стало быть, и себя, и часто по пословице: “Осердясь на блох, да и полушубок в печь”, не соглашаются признать полезным деятелем того, кто расходится с ними на два пальца. Последствием этого молодого неумения вдуматься в свои задачи и ради интересов целого пожертвовать частностями является неуместный спор там, где спорящие должны, в сущности, подать друг другу руки, чтобы вместе выступить против общего

врага – вековой косности и темноты. Но все это, думается мне, только вопрос времени.

Если бы кто-нибудь глубокомысленный спросил меня:

– Ну а как, милостивый государь, лучше живется сейчас или хуже?

– Лучше, – ответил бы я, не задумываясь. – Лучше, – повторил бы я задумавшись. Хотя...

Но неужели ни одного дня нельзя обойтись без этого “хотя”?

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(20 декабря 1900 г.)

Собрание присяжных поверенных состоялось, прошло очень оживленно, но в величайшем порядке, чего, конечно, и следует ожидать от людей права, и дало в смысле выборов хорошие результаты. Уже одно количество выбранных в члены совета, – одиннадцать человек, на четыре человека более прошлого года, – свидетельствует о более сознательном отношении членов сословия к своим запросам и нуждам и об умении их сплотиться в необходимый для того момент. Не малых результатов достигла и группа молодых адвокатов, в течение нескольких последних лет тревожившая мирный сон сословия; выставленные ею в настоящих выборах кандидаты получили столь значительное число голосов, что необходимость считаться с мнениями этой группы, доселе многими оспариваемая, выступает с достаточной убедительностью и очевидностью.

Важно количество выбранных в совет и в другом отношении. При незначительном числе своих членов, сословный орган с напряжением всех сил мог выполнять ту массу тяжелой и ответственной работы, какую создавала для него жизнь нескольких сот людей. Одни дисциплинарные дела, с их заседаниями, многократными допросами свидетелей, наконец, примерной и основательной мотивировкой решений, требуют для себя много труда, свежих сил и свободного времени, что только и может быть при условии значительного количества членов совета. Но, помимо этой нормальной деятельности совета, он должен чутко отзываться на те запросы и задачи, которые ставит развивающаяся жизнь. До сих пор в разработке наиболее важных вопросов из этой области принимали участие два-три члена совета, что, естественно, объяснялось занятостью остальных, но что так же естественно влекло за собой и некоторую односторонность освещения. Конечно, и при 11 членах совета не упраздняется необходимость в существовании “комиссий”, призываемых к разработке и разрешению специальных вопросов, но состав их может быть полнее и разнообразнее, и этим будет, мне кажется, достигаться

и большая разносторонность и уменьшится количество шансов на ошибку – вроде хотя бы этих пресловутых жетонов за добродетель, которые в одних вызывают смех, в других – искреннее и горячее негодование.

Особенно много работы предстоит совету в текущем году. На общем собрании уже были намечены некоторые из неотложных надобностей сословия, которыми в скорейшем времени и придется заняться совету. Так, стоят на очереди: вопрос об урегулировании часов явки присяжных поверенных в судебные заседания, – другими словами, об успокоении всех этих мятущихся по коридорам суда теней адвокатов, изнуренных, изнервничавшихся, пропахших табачным дымом за долгие часы ненужного и томительного ожидания вызова; ходатайство членов сословия о том, чтобы изложение всех проектов совета организационного характера вывешивалось за месяц для общего обсуждения – мера в высшей степени разумная и целесообразная. Ничего не отнимая от решающей власти совета, общее обсуждение предполагаемого проекта может предохранить совет от весьма возможных во всякой деятельности ошибок. Относительно третьего ходатайства, именно по поводу пенсионной кассы, можно, мне кажется, быть спокойным в смысле его скорейшего удовлетворения: Д.Н. Доброхотов избран в члены совета и, конечно, не оставит, не окончив, того дела, которое он так хорошо и так своевременно начал.

Сверх всего указанного, совету предстоит в наступающем году необходимость вполне определенно высказаться и еще по одному очень важному вопросу – именно по вопросу об его отношениях к консультации помощников присяжных поверенных. Несомненно, что деятельность в этом отношении бывшего совета, особенно за последнее время его существования, грешила крайностями, излишней строгостью и давала повод к нежелательным недоразумениям. Вместе с тем последних очень легко было бы избежать. Для этого нужно только предоставить консультации идти тем путем, на котором она сумела приобрести общие симпатии и уважение.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(22 декабря 1900 г.)

«...“Незаметные люди” и “ничтожные мира сего” являются главными действующими лицами всех рассказов автора, и горячее, задушевное его отношение к этим людям вызывает такое же настроение и в читателе...» «Остается пожелать, чтобы и на будущее время автор остался на прежнем пути, развивая свой молодой талант и “великое, человеческое” постоянно бы освещало ему этот путь» (“Жизнь”, ноябрь).

“...Мы с трудом преодолеваем эти сравнительно небольшие рассказы, а прочитав их, с досадой и раздражением спрашиваем себя, зачем и для кого они писаны?” “За проверкой наших впечатлений пусть читатель обратится к книжкам, и мы не рискуем утомить его, так как он из любого рассказа сразу убедится, что на этих маленьких красивых страницах нет ни слова правды, ни одного живого образа, ни одной живой черты из живой текущей жизни” (“Русское богатство”, ноябрь).

Так одновременно, конечно искренно и уж, наверное, не сговариваясь друг с другом, писали два критика о двух... нет, к удивлению, не о двух, а всего только об одном авторе, ибо и тот, кому “остается пожелать...”, и тот, кто не сказал “ни слова правды”, есть все одна и та же г-жа Щепкина-Куперник. И не о разных совсем вещах идет речь, а все о тех же двух томиках, носящих заглавие “Незаметные люди” и “Ничтожные мира сего”.

Курьезный образчик критики, скажете вы и улыбнетесь, – и это будет совершенно напрасно, так как далеко не курьезом отзывается эта резкая и мало мотивированная разноголосица взглядов, высказанных при этом не как-нибудь и не где-нибудь, не с кондачка, – а в двух серьезных и солидных журналах. Если для нас, читателей, подобные отзывы в большинстве случаев не предрешают нашего собственного вывода, то не нужно забывать того обостренного внимания, той жажды услышать о себе правдивое и продуманное слово, какими полон бывает молодой, еще не вполне определившийся читатель. Что же могут дать автору подобные отзывы – кроме разве временной и непродолжительной головной

сумятицы да решительно, в конце концов, отвращения к каким бы то ни было указаниям со стороны? Может быть, впрочем, и другой, но так же мало желательный исход: люди, писатели и не писатели, обыкновенно идут за тем, кто их хвалит, а не бранит, – так и здесь автор легко может пойти в сторону хвалящего и решительно игнорировать хулы, которые кажутся ему пристрастными, но в которых могут в действительности скрываться очень серьезные и очень дельные указания.

К счастью, для гг. критиков вина их на этот раз не так велика, как может показаться при первом взгляде. Дело в том, что самим творениям г-жи Щепкиной-Куперник присуща та двойственность, которая так ярко отразилась в отзывах. Возвращаясь к старинному, но очень характерному анекдоту, г-жу Щепкину-Куперник можно уподобить той птичке, пение которой оставляло русского совершенно хладнокровным, а грека заставляло плакать, – “ибо по-гречески это выходит очень жалостно”. Это, так сказать, жалость на специалиста, особенная “греческая” жалость, и, как мне приходилось заметить, ею особенно вообще полны творения наших писательниц – отчего в одних и будят они чрезмерный восторг, а в других вызывают досаду и раздражение.

Как видно по заголовкам, вдохновительницей г-жи Щепкиной-Куперник является жалость к “незаметным людям” и “ничтожным мира сего”, и, как видно из того же предопределяющего заглавия, – жалость ее нисколько не скрывается, не замаскировывается в те или другие художественные и сильно действующие формы, а настоятельно рекомендуется с первой оберточной страницы. Такие предопределятельные отчетливые заглавия бывают иногда истинной находкой для критиков, которым лень, а то и не вмоготу самим вдуматься в суть писательских образов и картин... И на протяжении всех 800 (маленьких) страниц ее рассказов та же жалость с той же отчетливостью и прямой выглядывает почти с каждой строки и мозолит, если так можно выразиться, всякое истинно греческое сердце.

Да, только греческое, к сожалению. Сострадание великое и благотворное чувство, и люди, малейшие из людей, достойны его, – но для этого необходимо, чтобы они были людьми, а не только восковыми фигурами. Я встречал в музеях людей, которые плакали над фигурой раненого солдата, в котором все было ложью, начиная с глубоких механических вздохов и кончая плохо подделанной крашеной кровью, – другие же смеясь отходили: декоративная внешность страдания без его глубины и правдивости не могла затронуть их сердца. Такими восковыми фигурами кажутся мне многие из героев г-жи Щепкиной-Куперник, именно

те, на которых она пытается сконцентрировать жалость и с этой целью создает, подчас искусно, только внешность страдания, а внутри чувствуется все тот же часовой механизм. Не опущен ни один внешний атрибут горя: тут и кровь, и слезы, и искаженное от голода или холода лицо, а человека нет или он действительно не заметен. Производит впечатление такое, будто писательница наблюдала человеческое горе откуда-нибудь из комфортабельной ложи партера, а потом делает доклад о несчастных людях в каком-нибудь дамском благотворительном обществе, причем, как человек добрый, искренно старается передать свое бенуарное, через бинокль, впечатление... И, пожалуй, отчасти достигает цели, так как и они, слушательницы, настоящего-то горя не видали. Особенное сходство с докладом придает то обстоятельство, что каждый раз, демонстрируя достойного жалости человека, автор отличнейшим образом аттестует его с нравственной стороны: не пьяница, не вор, не шаромыжник. В результате получается обида за того, кого жалеют, ибо не жалость возникает в сердце при виде достойного преследуемого людьми или судьбой, а возмущение и гнев. Вот, например, честнейший мужик, который ищет работы и хлеба, не находит ни того ни другого и делается вором. По-гречески это, быть может, и жалостливо, но по совести – возмутительно; возмутительно это именно, самое бесцельное, бесплодное, даже отвратительное желание того, кому мы должны поклониться. Немножко смущает это чувство гнева уверенность в том, что мужик обманул благотворительницу: врет он, что и в больнице был и что работы нет – просто выпить хочется. Да и все эти такие люди в изображении г-жи Щепкиной-Куперник кажутся самыми отчаянными обманщиками и обманщицами.

И при всем том рассказы г-жи Щепкиной-Куперник, несомненно, талантливы, читаются не только легко, но подчас даже захватывают там, где она не тащит читателя за шиворот к жалению. И даже, как назло, жалость тут, настоящая хорошая жалость, появляется. У г-жи Щепкиной-Куперник зоркий и памятный глаз художника, быстро схватывающий типичные черты жизни и в их громоздкой пестроте умеющий иногда найти то важное и единственное, что делает писателя вторым творцом и людей, и жизни. Вокруг ее героев, тех, в ком незаметен человек, писательница собирает часто людей просто – и как они живы, как хороши! Какой-нибудь легкий штрих, подробность, кстати подмеченная и переданная простым и ясным языком, сразу создает впечатлительную глубокую человеческую драму, несколько не похожей на те механические драмы, которые от такой-то до такой-то страницы заводятся ключом в пустой груди ее главных героев. Лучший ее

в этом отношении рассказ “Квартира № 15”. Самая героиня рассказа, хозяйка меблированных комнат, добродетельна до кислоты: даже воду в молоко своим жильцам она подмешивает со слезами жестокого самоугрызения, но зато некоторые эпизодические фигуры нарисованы жизненно и правдиво. Такова отчасти Зойка, пухленькая балованная девочка (совершенно, впрочем, некстати задающаяся мечтами, “чтобы у всех все было”); такова Людмила Павловна, заблудившаяся консерваторочка, устраивающая жестокие романы и по-детски над ними плачущая. Хорош был бы и рассказ “Перчатки”, поэтически переданная весна молодой и счастливой любви, если бы в нем ни к селу, ни к городу не замешался старичок, которому нечего есть и которого очень жалко. Хорош рассказ “Свидетели жизни”.

Вывод?

Неблагодарный, а то даже и смешной труд давать советы писателю, которого талант должен вывести его рано или поздно на настоящую дорогу. Но для этого необходимо, чтобы он отрешился от узких пут предвзятости и смотрел на жизнь своими глазами – они сумеют найти то человеческое, вечно человеческое, которое не дается иногда сильнейшим умам, вооруженным всей силой знания. Люди и только люди. Изображайте людей во всей правде, красоте и безобразии их души – и само собой придет благодетельное сострадание, а за ним, быть может, явится и грозный гнев, разрушающий и создающий.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(24 декабря 1900 г.)

Завтра Рождество – большой праздник, и современный человек, живущий эмоциями, смутно и радостно волнуется. Не отдохновение нужно для него, как оно ни дорого для измученного, взвинченного организма – русский праздник требует от своего прозелита упорного труда: для ног, ушей, глаз и желудка. Важны для него те праздничные настроения, которые стихийно охватывают массу и сближают его, современного человека, со всем давно им позабытым, но дорогим и милым. Та паутина, которая аккуратно два раза в год сметается со стен русских домов – под Рождество и под Пасху, – имеет, если хотите, символический смысл, и не только стены освобождаются от нее, но и душа.

Современный человек прекрасно сознает, что живет он вовсе не так, как бы это было желательно, и что каждый шаг его, в какую бы сторону он ни был сделан, удаляет его от желательного. Он очень добр, современный человек, и хорошо понимает, что такое добродетель; и если ему, невзначай, и приходится проглотить карася-идеалиста, то у него во рту надолго появляется скверный вкус, а иногда и нравственная изжога. Он очень чувствителен к чужому горю и в такой высокой степени отзывчив, что принужден затыкать уши полфунтом ваты и закрывать глаза, если возле него кто-нибудь закричит истошным голосом “караул!” или ревмя заревет от обиды. Он плачет кровавыми слезами, когда ест злодейски умерщвленного поросенка, и, надевая на бал сапоги, никогда не преминет вспомнить добрым и жалостливым словом теленка, из шкуры которого сапоги сделаны. Даже птицы в вольном воздухе пользуются его покровительством и защитой, и ничто так не может возмущать его, как жестокое и неделикатное обращение с невинным воробьем. До совершенства развив в себе способность к тончайшим ощущениям, он с поразительной ясностью представляет себе угнетенное душевное состояние судака, из которого готовят котлеты, и с наслаждением мечтает о тех блаженных временах, когда личность судака будет неприкосновенна, а воробей приобретет возможность защищать свои права по суду.

Вообще, при всяком удобном случае он энергично высказывается против существования на земле несчастных, кто бы они ни были, и совершенно искренно желает упразднения болезней, голода, передвижения на конке и всего остального, что составляет темные пятна на общей мировой картине. 40

И эта постоянная двойственность между плачем по судак и аппетитным пожиранием этого самого оплакиваемого судака весьма явственно ощущается им и глубоко печалит его. Между его устами и чашей всегда остается пространство, и в конце концов является прямо-таки необходимым хотя бы путем фикции уничтожить его и как следует, допьяна напиться любовью, жалостью и широкой человечностью. Нет на свете такого негодяя, у которого не было бы прелестного детства, и нет такого детства, в котором весь пышный свет его не сбирался бы ослепительными лучами вокруг какого-нибудь излюбленного момента. Такими моментами 50 служат преимущественно большие праздники, – и полнота и цельность чистых впечатлений бывают так велики, что способны надолго, если не на всю жизнь, озарять скорбный путь современного двойственника и манить к себе. Хочется снять с себя позор двойственного лицемерного существования, хочется хоть на минуту испытать детскую веру в то, что добрый Ванюша, всегда имевший чистые панталончики, непременно получит за сие награду, а злой Вася непременно исправится, и грязные панталончики его засияют такой снежной белизной, что добрый Ванюша беспрекословно разделит с ним награду и даже предложит свою часть – если, ко- 60 нечно, достаточно уже сыт. Во что бы то ни стало хочется быть обманутым. Старинное желание мира, узаконенное давностью и тем, что изложено оно на латинском языке, желание, препятствовать которому станет только безумный или злой человек, а всякий благоразумный с готовностью поддержит его и разделит.

– Обманите нас! Пожалуйста, обманите! – криком кричит современный мир, протягивая руки к жареной утке и белому молочному поросенку.

Да, именно поросенку. Глубоко заблуждается тот, кто в поросенке видит только поросенка, а внутреннее содержание его измеряет количеством каши. Поросенок – это символ; поросенок – это реальное воплощение идеальнейших стремлений человеческой природы; пока я вижу поросенка, я глубоко спокоен за все возвышенное и прекрасное. Если бы я был поэтом, я написал бы оду в честь поросенка или символическую драму под заглавием – “Когда мы, живые, едим поросенка” – и уже, конечно, сам бы поторопился растолковать ее, пока еще не утрачена хоть малейшая надежда быть понятым.

Не думайте, что я шучу или непочтительно смеюсь над зна-
80 ченным юным представителем древнего рода свиней. Я беру его
только как типичный образчик всего того, что с формальной сто-
роны составляет понятие праздника и что недостаточно, мне ка-
жется, было оценено при измерении глубин человеческой души.
С таким же правом я мог бы говорить о визитных карточках, ко-
торые тяжкой грудой непонятой человеческой любви гнут плечи
почтальонов; о трижды осмеянных визитах, о фраках, извозчи-
ках, “чаях” и обо всем прочем, что помогает миру быть добро-
совестно обманутым. И всей силой моего пера я восстаю против
90 легкомысленных голосов, неблагоприятно требующих уничтоже-
ния всей этой картинной стороны праздников и неосновательно
полагающих, что визиты или визитные карточки свободно могут
быть заменены взносом в пользу бедных. Это – пагубное заблуж-
дение, в основе подрывающее самую идею праздника. Из сотни
карточек, которые я получу, быть может, только на двух-трех глаза
мои останутся с истинным удовольствием, и я с радостью по-
думаю, что вот этот человек вспомнил меня, – остальные вызовут
усмешку, а может быть, даже и грусть, особенно карточки креди-
торов, которыми я желал бы навсегда быть забытым. И из сотни
тех карточек, которые разошлю я, быть может, несколько штук
100 вызовут сочувственное замечание, остальные же будут встречены
полупренебрежительным вопросом:

–Кто это прислал? Ах, да...

И при всем том я был бы искренне огорчен, если бы не по-
лучил ни одной карточки. Мне показалось бы, что я забыт всем
миром, и мне стало бы очень грустно: ведь даже и эта копеечно-
марочная связь отпугивает призрак одиночества, которым болеют
современные люди. И я положительно не верю в искренность тех,
кто смеется над карточками, визитами и поросенком: просто им
немного совестно подобных “пустяков”, за которыми чувствуется
110 пробудившаяся детская вера.

Праздник должен быть резко выделен из той полосы жизни,
что зовется буднями, и все, что клонится к этому, вызывает во мне
сочувствие. Пусть звонят колокола; пусть люди улыбаются друг
другу и рассказывают одно только хорошее; пусть весь мир при-
оденется по-праздничному, – я хочу быть обманутым. Я знаю, что
Иван Иванович Икс берет в год 360 % и что скруток его с левой
стороны отдулся не от того, что под ним бьется большое сердце,
а просто от связки протестованных векселей, – но если Иван Ива-
нович улыбнется, я с удовольствием признаю в нем брата. Мне
120 доподлинно известно, что в статистике несчастных людей ничего
не изменится между сегодняшним днем и завтрашним, но если

талантливый Андрон Андроныч Дзет без особенной натяжки расскажет мне о том, как трое несчастных получили неожиданно в подарок по гусю и от того стали счастливы, я с удовольствием прочту его рассказ и на слово поверю, что действительно тремя несчастными стало меньше. Поверю с тем большей охотой, что гусь уже подарен, и мне это ровно ничего не стоит. Каждый день я вижу мир таким, как он есть, и это мне страшно надоело. Теперь на три дня я хочу видеть мир таким, каким он мог быть, и заранее приношу благодарность всем тем, кто так или иначе будут содействовать иллюзии. Боюсь сказать определенно, но, кажется, с таким терпением ожидаемый мной визит полотера также доставит мне удовольствие: за полтинник я получу непоколебимую уверенность в том, что праздник действительно наступил. Пятьдесят копеек – это, право, недорого.

Когда я впервые прочел о том, что Марс делает попытки вступить в сношения с Землей и Земля намерена отвечать ему, мне в первую минуту показалось это очень целесообразным со стороны Земли. Есть веские основания думать, что на Марсе давно уже введено всеобщее обучение, а при этом условии не было ничего мудреного, если бы земной газетный лист проник бы в марсистскую деревню – и компрометировал бы Землю в глазах тамошних жителей. Но потом я понял, что этой беды довольно легко избежать: для этого стоит только посылать ежедневно по одному рождественскому номеру русских газет, – если после этого с завтрашнего дня не начнется эмиграция марсистов на Землю, то, стало быть, они ничего не смыслят в хорошем. Если уж это не хорошо – так чего же им нужно?

Опять-таки я не шучу. Как поросенок, как визит и карточки – так же вполне необходимым и целесообразным представляется мне существование особого рождественского номера газеты. Праздник не только был бы не полон, но его совсем бы не было, если бы, заглянувши утром в газету, я, по обыкновению, наткнулся бы на всякую гадость. Одна история об истреблении буров может испортить всякое настроение; а кроме буров есть еще Китай, а кроме Китая тысяча самых неприятных и откровенно грустных мелочей. Как человек, у которого в жилах течет не молоко, а кровь, я не в силах остаться равнодушным к несчастью ближнего и дальнего; и в то же время – имею же право я на отдых? И я прошу, я требую, чтобы меня обманули. Скройте от меня все темное – от него давно уже мраком застилаются мои глаза. Дайте мне светлое; дайте мне радостное, – я жажду его всей моей наблевшей совестью современного человека. Выдумайте его.

И это будет обманом, но не ложью – ибо выдумать хорошее – значит уже тем самым создать его. Мы давно и далеко ушли

от непосредственного познания жизни и людей и знаем их такими, какими они отражаются в глазах излюбленных наших писателей и художников. Человек, которого мы встречаем на улице, представляет для нас меньшую реальность, нежели тот же человек, изображенный в книге, и, прежде чем преисполниться к человеку жалостью или любовью, мы должны отдать его для соответствующей обработки писателю. Это, конечно, дурно, но не особенно, ввиду значительного количества писателей, – а затем это неотвратимо, как бы мы ни сердились. На днях характерный в этом отношении случай произошел в Петербурге. В одну из тамошних газет было прислано письмо с просьбой о помощи, и составлено оно было достаточно художественно.

“Милая и дорогая редакция, – писала якобы двенадцатилетняя девочка, – бабушка очень просит, нельзя ли напечатать в милой газете и попросить добрых людей помочь немножечко... Бабушка очень старенькая: глазки плохо видят, ушки не слышат, спинка совсем согнулась...”

И добрые люди, спокойно проходившие, наверно, мимо тысячи искривленных бабушек, отозвались на художественное письмо – и даже ночью к маленькому домику подвозились кульки и кулечки. А потом оказалось, что бабушка эта – типичная пройдоха, шантажирующая путем детских писем и просьб.

И я безусловно стою за так называемые праздничные рассказы. Они являются тем последним и наиболее ярким, что выделяет праздник и создает иллюзию более светлой и необычной жизни. И только одного могу я пожелать, чтобы ни пишущие, ни читающие не забывали того, что все это обман и что за выдуманной жизнью болезненно течет своя безрадостная жизнь. Завтра праздники, завтра ликование и завтра уже поздно будет говорить о действительной помощи действительно страдающим людям. Но сегодня – отчего бы сегодня, в последний будничные день, и не попробовать бы хоть немного сгладить невыносимую двойственность, и в ожидании хороших слов слегка заняться хорошим делом!

Где оно?

200 О, его достаточно, и оно везде, где есть люди! Быть может, возле вас есть кто-нибудь обиженный, страдающий, забытый? Право на отдых не дается даром; его надо купить ценой сострадания и любви.

А завтра – завтра будем обманываться!

Неопубликованное

Велика тайна смерти, но еще глубже тайна рождения. И насколько страшна и грозно величава первая, настолько светла и радостна вторая. Когда в мире появляется новая жизнь, мне всегда кажется, что высоко вверху я слышу пение ангелов жизни. И в этом пении радость победы, в этом пении заря далекого еще, но неуклонно поднимающегося солнца.

Смерть сокрушает все. Умирают люди, семьи и целые народы, и там, где были города, царят величавые пустыни и тяжело покачивает свою громаду океан. Умирают и создания человеческого духа: то, что веками жило в верованиях людей и было незыблемо, как пирамида, умирает, как засохшее дерево, и идеалы мы хороним так же часто, как и людей. Сами боги подвластны смерти, и громовержец Зевс скончался в свое время³, как простой чернорабочий, и только оперетка да гимназисты изредка вспоминают его и смеются. А был он старик величавый и сердитый, и где-нибудь в земле еще тлеют кости того грека, который в синем небе Эллады видел его державную улыбку и в грохотании черной тучи – его мощный гнев.

Все умирает.

И все рождается.

Родятся новые люди, семьи и народы, и там, где властвовала царица пустыня, вырастают города, и на(?)⁴ дне⁵ высохшего моря копаются человек и настойчиво строит, строит. Родятся новые верования, и новое добро, и новое зло, и мы воспринимаем от купели молоденькие идеалы так же часто, как и детей. Идут по улице старики, но идут по той же улице и дети. Велика тайна смерти, но еще глубже ⟨л. 4⟩ тайна рождения.

Давно борются они, смерть и рождение, с тех самых пор, как на месте неведомого нам погибшего мира родился наш прекрасный мир, в котором много горя и тьмы, но много солнца и радости. И как ни сильна жадная смерть, не может она победить жизни, прекрасной, могучей жизни, неудержимо стремящейся к свету.

Идеалы умерли – да здравствуют идеалы!

¹ Этот и последующий номера листов вписаны синим карандашом.

² ВПЕЧАТЛЕНИЯ вписано синим карандашом.

³ в свое время вписано.

⁴ Слово зачеркнуто.

⁵ дне вписано.

⟨PANEM ET CIRCENSES!..⟩

⟨л. 18⟩¹ Panem et circenses!* – вопили когда-то на все голоса и отошавшие и ожиревшие Римляне, забывшие кроткого Цинцината с его вышедшим из моды скромным плугом и жадно взиравшие на² блестящий от жира лик Нерона, сына Юпитера и любимца муз. И разбрасывались хлеба³ перед голодной, жадной чернью⁴, и кровь гладиаторов орошала чистый песок арены, и сладострастно рычали звери пустыни, впервые понявшие, насколько цивилизация способствует прелестям жизни выше пустыни. Века прошли с тех пор, но раздаются все те же клики. Panem et circenses! Но не бесследно прошли эти века. Но попробовавши хлеба, они прибавили опыта и ума. ⟨л. 19⟩ Они показали, что можно, разделивши panem и circenses, доставлять второе на счет первого, без хлопот, без отягощающих забот. Они научились, что достаточно половину не кормить, а вторую заставить рыгать от излишеств, и дело будет в шляпе. Голодные изо всех сил будут биться и доставлять зрелища, а сытые уделят им крохи от стола своего. Великие открытия основываются на самых простых мыслях, но только наше время вполне⁵ усвоило себе эту⁶ до смешного простую мысль: разделить⁷ человечество на публику и актеров.

Зато как хорошо идет все теперь. По всему миру развеваются афишки, зовущие в театры, в концерты, в музеи⁸. Легче пересчитать звезды на небе или песчинки в море, чем все те виды разнообразнейших зрелищ, которыми полны города, и даже, к радости

* Хлеба и зрелищ! (лат.)

¹ Перед: Panem et circenses! – было: Panem et circenses! – несся дикий вопль ожиревших и отошавших Римлян, жалких выроdkов мощного когда-то [цельного и энергичного] народа.

² Далее было: лицо Не(рона)

³ Далее было: , и лилась

⁴ перед голодной, жадной чернью *вписано*.

⁵ вполне *вписано*.

⁶ Далее было: простую

⁷ Далее было: публи(ку)

⁸ Было: музей

нашей, и (л. 20) села. Там труппа голодных актеров где-нибудь в провинциальном городишке надрывается, веселит публику. Здесь на арене цирка какой-то голодный(?) изо всех сил старается уничтожить в себе человека, и чем более это ему удается, тем⁹ больше надежд удовлетворить голод и тем веселее смеется сытая публика. А рядом другой ломается на трапеции и – неудачник! – случайно свалившись, обливает¹⁰ человеческой кровью унавоженную лошадыми арену. А сколько голодных с нетерпением ждут святок, этого радостного дня, когда родился Христос и возродилось человечество. Да и как не ждать! Окиньте вы одним взглядом все эти площади, начиная с Марсова и Девичьего поля и кончая какой-нибудь Ильинкой в захолустье с длинными рядами балаганов¹¹, взгляните на все эти скрюченные посиневшие от холода фигуры, осипшими и охрипшими голосами изрыгающие¹² площадные (л. 21), но веселые шутки, корчащие свое испачканное мелом лицо в забавные гримасы и¹³ зарабатывающие¹⁴ свой хлеб в поте лица, сказал бы я, если бы мог быть пот на этом морозе. И порадитесь за всех этих актеров. Много грошей из оттопыренных карманов перепадет в их тощий карман. Недолго они задержатся в дырявом кармане, но есть все же и panis и circenses!¹⁵

Но эти вольные актеры составляют лишь каплю в море невольных и бессознательных комедиантов. Круглый божий год по всему лицу цивилизованного мира заседают судьи и судят мошенников, воришек, грабителей, убийц. Газеты, составляющие посредников между жаждущими panis¹⁶ и circensium¹⁷, каждый божий день докладывают: “Это дело привлекло в зал суда многочисленную публику”. Да как же и не привлечь! Вот 40 человек сидят, как звери за решеткой.¹⁸ Ведь это не отдельная обычная посредственность¹⁹, не умеющая со своего а(м)плуа²⁰ “третьей кражи” перейти на что-нибудь более интересное. Здесь целая

⁹ Далее было: радостнее

¹⁰ Далее было: кровью

¹¹ с длинными рядами балаганов вписано.

¹² Было: изрыгающими (описка)

¹³ Далее было: в поте лица, сказал бы

¹⁴ Было: зарабатывающих (описка)

¹⁵ Текст: И порадитесь ~ и panem et circenses! – вписан на л. 2 об.

¹⁶ В рукописи: panem (внимательный падеж вместо родительного)

¹⁷ В рукописи: circenses (внимательный падеж вместо родительного)

¹⁸ Текст: Вот 40 человек сидят, как звери за решеткой. – вписан.

¹⁹ Вместо текста: отдельная обычная посредственность – было: отдельный большой талант

²⁰ Было: “а(м)плуа”

труппа, дерзко²¹ требовавшая rapis²² и опиравшаяся ⟨л. 23⟩ на²³ права, которым так сочувствует²⁴ многочисленная публика, с вос- торгом ловящая каждое²⁵ бойкое и смелое слово, вырвавшееся в защиту их, долго еще потом толкующая о красотах речи оратора²⁶ и духоте зала.

И не неблагоприятной остается многочисленная публика за полученное эстетическое²⁷ наслаждение. Бесконечные ряды остро- гов и тюрем ожидают актеров, наконец-то нашедших себе и хлеб и кров. Пусть их же грошами возведены эти величественные здания, каменные носители живой справедливости, но мысль-то и душа вложена в них многочисленной публикой. Кто, как не она, по(с)вящает свой²⁸ досуг²⁹ придумыванию рациональнейшей си- стемы тюрем, образцовых³⁰ пенитенциариев, идеальных “испра- вительных” отделений, этих театральных школ современности, не дающих замахнуть(ся) природному таланту?

[Каким дураком назвал бы себя Нерон, если ⟨л. 24⟩ бы ему удалось встать на минутку из могилы, почитать наши газеты, по- бывать у нас в театрах и суде и убедиться, каким экономическим, дешевым путем достигается то, что ему стоило столько крови, забот и денег. И переворачиваясь на другой бок в своей тесной могиле, с горькой улыбкой на своем костяном лице любимец муз прошептал бы: “Ну был я великий артист, а теперешние артисты почище!”]

[Да, великие мысли просты.] Да здравствует человеческий ум, да здравствуют circenses!

²¹ дерзко вписано.

²² В рукописи: rapet (винительный падеж вместо родительного)

²³ Далее было: какие-то свои

²⁴ Далее было: мыслящее человек(ество)

²⁵ Далее было: слово

²⁶ оратора вписано.

²⁷ Так в рукописи.

²⁸ В рукописи: свои (незаверш. правка)

²⁹ Было: думы

³⁰ образцовых вписано.

Незаконченное. Наброски

〈ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВЫРОЖДАЕТСЯ...〉

〈л. 7〉 Человечество вырождается, мельчает – и само виновато в этом. Когда человечество ходило пешком (и притом, вероятно, на четвереньках), когда оно зимой ходило в летнем пальто (а вернее всего, голое) – оно было и крепко и сильно. С появлением теплых пальто, железных дорог начинается вырождение. Окончательный и сильнейший толчок дает ему изобретение велосипеда – но не того [...]¹

〈л. 8〉 [Весной, о муза, велосипед, – но не тот современный велосипед, который² мягко(?)³, на дутых шинах, безопасен⁴ до того, что с]

Будучи еще весьма юным, я, с одной стороны, склонен ко всякой новизне; будучи умудрен опытом – я в то же время [...]

Велосипед вещь хорошая, я в принципе ничего не имею против велосипеда – но современный велосипед я презираю. Когда я иду по улице и вижу господина с самым беззаботным видом восседающего на этом инструменте, который сам, очевидно, идет вперед; когда я вижу спокойное лицо господина, как бы и не подозревающего, что он сам везет себя; когда в течение получаса я напрасно ожидаю, чтобы он свалился с велосипеда [...]

〈л. 8 об.〉 Едва ли кто-нибудь из⁵ теперешних бесчисленных молодых⁶ велосипедистов знаком с велосипедом старого типа – я горестно воздеваю руки к небу и вопию: где ты, где ты, велосипед старой системы! Где ты, высокий⁷, энергичный, упрямый велоси-

¹ Здесь и далее многоточием в квадратных скобках обозначается обрыв текста.

² который вписано.

³ Было: мягкий(?)

⁴ Было: безопасный(?)

⁵ Далее было начато: совр(еменных?)

⁶ молодых вписано.

⁷ высокий вписано.

пед, не позволявший седоку успокоиться ни на один миг? Где твое остроумие, с которым ты швырял седока направо, налево, вверх и вниз? Где твое большое колесо, которое так часто уходило из-под меня назад, и где маленькое, которое не упускало случая огреть меня по затылку? Ты воспитывал в людях мужество, отчаянную смелость, внимательность, бодрость души, крепость тела, остроту глаза, находчивость – ты создавал крепких и сильных *⟨л. 9⟩* Спартанцев, а не изнеженных, слабых Афинян, подобно теперешним велосипедистам. Что ему, теперешнему? Сел да поехал. А на тебя ухитрись сесть, да ухитрись поехать, да умудрись свалиться при этом не через голову, а вбок, да⁸ успеешь выбрать⁹ для этого удобное место...¹⁰ А свалившись на мягкую мураву, не забудь маленького, коварного колеса...¹¹

⁸ *Далее было начато: выб(ери?)*

⁹ *Далее было: при*

¹⁰ *Далее было: Где ты?*

¹¹ *Текст обрывается.*

Dubia

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО ИЗ РЕВНОСТИ

На скамье подсудимых за железною решеткою между двух жандармов и в арестантском костюме – смуглолицый молодой человек, лет 23-х, среднего роста, брюнет с небольшими усами. Лицо у него простое, русского мастерового. Ответы дает взволнованным голосом, в котором звучат искренние ноты; держится просто, – и всем своим обликом производит симпатичное впечатление... На суде разворачивается короткая, но глубоко печальная история двух простых людей, честных, трезвых и трудолюбивых, имевших полное право на маленький кусочек счастья, но получивших от судьбы камень вместо хлеба...

Дело слушалось в субботу 6-го сентября во 2 уголовном отделении Московского окружного суда.

В июле прошлого года подсудимый крестьянин Егор Читаев, по ремеслу сапожник, женился на Фекле Павловой. Брак состоялся через посредство свахи, которая познакомила между собой молодых людей и их матерей. Семнадцатилетняя Фекла понравилась Читаеву, и он согласился на брак после 3–4 свиданий в течение месяца. Такое быстрое согласие молодого человека, которое обыкновенно всеми маменьками невест всего земного шара поспешно эксплуатируется, не удержало мать Феклы Павловой от необходимой откровенности: она предупредила и самого Читаева и его мать, что дочь ее не невинна, что около 14-ти лет она сделалась жертвою чьей-то животной похотливости; предупредила об этом, “чтобы потом муж не попрекал, и не вышло бы греха”. Читаев отнесся к этому сообщению спокойно, по-человечески и решения жениться не переменял.

Незадолго до женитьбы Читаев отошел от хозяина, у которого работал в течение нескольких лет, и стал работать у себя на дому, получив от отчима принадлежности небольшой мастерской. Жена его тоже оставила мастерскую, в которой служила до выхода замуж, – и простые люди зажили своим домком. Обещание не попрекать за прошлый грех Читаев сдержал вполне и, по показанию Феклы, относился к ней ровно, ласково, по-видимому, любил,

хотя и не выражал внешним образом своих чувств, потому что нрава был “серьезного и зря не болтал”. В течение трех месяцев супруги жили “ладно, как дай Бог всякому”, по показанию свидетелей, но... беда стерегла скромную семью.

В середине октября Читаев захворал, и в больнице у него определили “нехорошую” болезнь в первичном периоде. Пришлось на время оставить работу и дом и лечь в больницу, в которой подсудимый пробыл до 17 ноября прошлого года. Свое хозяйство расстроилось: Фекла поступила в белошвейную мастерскую Гофштейн, а сам Читаев по выходе из больницы стал работать у прежнего своего хозяина Леонтьева, приходя домой только на ночь.

Несчастье, свалившееся на Читаева, было для него совершенно неожиданно и окончательно его пришибло. По его словам, во время брака он не вступал в связь с посторонними женщинами, — и потому для него было естественно заподозрить, что он заразился от жены и что, следовательно, она имеет любовника и, может быть, не одного. Тяжкое подозрение, гвоздем засевшее у него в голове, круто изменило его отношения к жене: ровный и спокойный прежде, теперь он стал придирчив и груб, прежде даже не бранившийся, теперь стал поколачивать без видимой причины, а 3 декабря прямо бесчеловечно избил ее, грозя при теще, что непременно зарежет жену, потому что она имеет любовника.

11 декабря в 8-м часу утра г-жа Гофштейн услышала крик в комнате Феклы. Когда она вошла туда, то увидела, что Фекла лежит на кровати в одной юбке, а Читаев, одетый в пальто, навалился на нее всем телом и, по-видимому, наносит ей удары. Гофштейн отвела Читаева, который не сопротивлялся, от жены, и он, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Читаева оказалась раненой и тотчас же была отправлена в приемный покой при местном полицейском участке. В комнате был найден окровавленный сапожный нож, который Фекла сама вытащила из раны.

Медицинский осмотр констатировал две раны, обе легкие и не причинившие серьезного ущерба здоровью потерпевшей: одну — на правой грудной железе, проникнувшую через толщу общих покровов в подкожную клетчатку, другую — на правой стороне живота, менее глубокую.

Читаев, покинув комнату жены, пришел в мастерскую Леонтьева, сел за работу и на стереотипный вопрос товарища, как он поживает, ответил неестественно спокойно, с выражением тупого отчаяния на лице: “ничего, хорошо: я только что зарезал жену”.

На полицейском дознании и у судебного следователя Читаев показывал, что мысль убить жену пришла ему в голову, как только

врачи обнаружили у него “дурную” болезнь: он был уверен, что она неизлечима, что он должен скоро умереть и что в этом виновата его жена. На суде он изменил показание, утверждая, что жестокая мысль ударить жену ножом пришла ему внезапно, что об убийстве он серьезно не думал, хотя и питал против жены раздражение.

Судебно-медицинскою экспертизою было установлено, что заражение Читаева падает на период времени между началом августа и концом сентября. Относительно Читаевой не установлено с достоверностью, была ли она больна “дурною” болезнью, но, по мнению проф. Пospelова, она могла быть больна ею, потому что у нее не констатировано сифилиса в первичной форме, несмотря на то что она жила супружескою жизнью с Читаевым в период наибольшей заразительности его болезни.

Свидетельские показания охарактеризовали подсудимого как человека доброго, всегда ровного и спокойного, очень трудолюбивого и безусловно трезвого. Все свидетели отметили, кроме того, что по выходе из больницы Читаев стал очень угрюмым и производил впечатление человека, у которого на душе большое горе.

Эту характеристику Читаева поддерживала на суде и его жена. В показаниях несчастной женщины не сквозило ни тени злобного мстительного чувства, – и для всех было ясно, что эта узкогрудая истомленная женщина, выглядящая много старше своих 18 лет, вынесет, говоря словами поэта, “все, что Господь ни пошлет”, без малейшего ропота.

Свидетели единодушно установили безупречный образ ее жизни до замужества и после брака...

Оба – хорошие люди, а счастья им не дано...

“Кто виноват?” Древний эллин сказал бы не задумываясь: “судьба!..”

Обвинитель товарищ прокурора С.М. Языков не настаивал на обвинении Читаева в покушении на убийство, хотя считал его доказанным, но требовал обвинения в умышленном нанесении легких ран, “чтобы оправдательный приговор не поощрил дикую расправу с человеком глубоко несчастным, которого гнусно оскорбили на заре сознательной жизни”.

Защитник помощник присяжного поверенного Н.В. Тесленко доказывал, что у Читаева не было намерения убить жену и что печальный случай произошел при обстоятельствах, совершенно подавивших разум и волю простого человека.

Присяжные заседатели признали Читаева виновным в нанесении легких ран. Подсудимому и потерпевшей было предложено примирение. Фекла не колеблясь простила мужа, и приговором суда Читаев от наказания освобожден.

Как сложится теперь жизнь Читаевых?..

УБИЙСТВО

(24 сентября 1897 г.)

Убийство домовладельца и помещика Алексея Николаевича Иванова, случившееся 3-го декабря 1896 года, возбудило тогда же много разговоров и толков. Всех заинтересовала крайне странная личность убитого, хотя тогда не успели еще обнаружиться все странности этого богача и скряги с той полнотой, с какой обнаружили они вчера на судебном следствии.

Дело, слушавшееся вчера в 7 уголовном отделении Московского окружного суда под председательством товарища председателя С.Л. Лузгина, привлекло многочисленную публику, с крайним интересом следившую за постепенным раскрытием всех обстоятельств этой несложной, но, по существу, глубокой драмы.

Нужно перо Гоголя или Диккенса, чтобы обрисовать Иванова. Нет, именно Гоголя, ибо Иванов – скупец русский, не похожий на тех, отражение которых мы видим в иностранной литературе. Скупец англичанин, француз – хотя бы он дошел до геркулесовых столпов жадности и скупости, все же сохранит хоть некоторое подобие, хоть тень человеческого достоинства. Он хоть внешний-то декорум соблюдет: на высохшие от голода и жадности руки он все же наденет хотя и грязные, штопаные, но перчатки. А наша русская душа, широкая во всем, и здесь вширь раскинулась.

Когда перед нашими глазами воочию разворачивалась вчера картина этой гнусной жизни – не верилось ушам. Человек имеет три дома в Москве (в одном из них, по Живареву переулку, он жил); дома, конечно, страшно грязны, но набиты квартирантами и дают порядочный доход. Кроме того дом где-то в провинции, имение и наверное деньги в каком-нибудь банке.

Как же живет человек? Жуирует? Наслаждается жизнью? Покровительствует наукам и искусствам? Или просто, по купеческому обычаю, ведет дом и широкое хозяйство, копя деньжонки на черный день, но не забывая и сегодняшнего? Нет. Живет Иванов где-то в подвальной нетопленной комнатке, где раньше прачки жили, да, вероятно, от холоду ушли. Да и то зимой только, а летом ютится в конюшнях около лошадей. В той же комнатке живут вместе с ним и дворник Илья – его будущий убийца, и отходник Василий.

Спит Иванов прямо на полу не раздеваясь или на куле сена, ест всякую дрянь вместе со своими сожителями, которые живут на его харчах, получая ежедневно 15 копеек на обоих. Каждую копейку, которую ему приходится платить, он как бы отрывает от сердца; он не платит рабочим и дворникам, которые чуть не ежедневно меняются у него; он гроза и кошмар для околоточных надзирателей, которые вотще пытаются склонить его к удалению нечистот или хотя бы к тому, чтобы он за пятачок не пускал беспаспортных на ночевку в свой подвал. А когда уже нельзя отвертеться от санитаров, он сам берется за лопату и рука об руку с отходником Василием копаются в нечистотах. Протокол осмотра того платья, в каком был найден убитый, поражает своей прямо-таки невероятностью. Грязное белье, сотлевшие, развалившиеся брюки, пиджак, напоминающий хороший сыр своими дырами и запахом, летнее пальто, доставшееся непосредственно от Плюшкина, – и поверх всего простой нагольный тулуп. А в кармане – исполнительные листы, купоны, денежные бумажки, чистенькие и засаленные, и рядом с ними – несколько кусков грязного сахара и три пуговицы.

И у этого человека есть брат, богатый и благообразный старик, замужние дочери... Что они думали об отце? И что получали от него, кроме благословений, конечно?

Не знаю, чем кончил свое грустное существование гоголевский Плюшкин. Но думаю, что он был рано или поздно убит. Убит, потому что та сверхъестественная, дикая жадность, которая делает Плюшкиных животными, – та же самая жадность из окружающих их создает зверей.

Иванова убил Илья Бардуков. Личность убийцы представляет мало интереса. Один из тех слабохарактерных людей, которые живут минутой. Под пьяную руку подерется; разжалобившись, нищенке грошик подаст, увидя утопающего, сбросит сапоги и в холодную воду полезет; неся хозяину сдачу, полтинничек, ежели можно, утаит. Как Илья убил Иванова, неизвестно, – свидетелей нет. Знают только, что накануне убийства дворник Илья был пьян, просил у хозяина денег и чуть не подрался с ним. С 8 часов вечера забрался к себе в подвал спать, а о дальнейшем рассказывал так:

“Пришел часов в 6 утра хозяин и стал ругаться, что я с улицы снег не мету. Я потребовал от хозяина расчет, но он, давши паспорт, деньги за 17 дней дать отказался. Иди, говорит, к мировому. Потом хозяин полез ко мне драться, я стал отвечать ему и сам не помню, как убил его. Перетаскивая труп от окна в угол, я нечаянно вынул руку убитого из кармана и, увидев зажатые в ней деньги, взял их. Часть денег, какие-то бумаги я выбросил в отхожее место”. Затем утром Илью видели метущим улицу возле дома. Пришел отходник Василий и, поговоривши с Ильей, хотел зачем-то идти к хозяину.

Убийца, испугавшийся, что теперь преступление будет открыто, скрылся. Отправившись куда-то в трактир на Долгоруковской и заказавши пару чая, послал мальчика за женой, служившей поблизости в прачках. С женой побыл в бане, а оттуда поехал с ней на Смоленский рынок за обновками. Прифрантившись, в новых сапогах и при калошах, распростился с женой, дал ей, как любящий муж, два с полтиной и решил ехать домой, на родину. Там, вероятно, он ожидал найти полную безопасность. Побоялся только, увидевши жандарма, ехать на вокзал, а потому нанял извозчика до Люблина и там уже за 3 рубля 25 копеек взял билет домой. Дома на станции тотчас же, конечно, был схвачен.

Денег при нем найдено было 32 рубля с копейками.

На суде был произведен осмотр вещественных доказательств, причем особый интерес возбудило орудие убийства – тяжелая железная кирка, и одежда убитого, представляющая собой массу какой-то трухи.

По показанию врача, свидетельствовавшего убитого Иванова, оказалось, что у покойного в двух местах была проломлена голова и череп дал трещину по швам; были переломлены пять ребер и сломана грудная доска; кроме того, от сильного давления на грудь произошел разрыв сердца и легких. Поломы костей без кровоподтеков свидетельствуют, по заключению врача, о том, что последние удары были нанесены Иванову в то время, когда он находился уже в состоянии агонии.

Товарищ прокурора Языков обвинял Бардукова в предумышленном убийстве с целью грабежа. Коснувшись фактической стороны дела, г. обвинитель в весьма резких красках обрисовал испорченность подсудимого. Она высказалась и в недостатке раскаяния подсудимого на суде, и в зверстве, с каким было совершено убийство, и в тех дальнейших поступках Бардукова, когда он с руками, обагренными человеческой кровью, спокойно пьет водку в трактире и едет оттуда с женой в баню.

Защита в лице помощника присяжного поверенного Шамонина, в свою очередь, коснувшись личности убитого, перешла к доказательствам того, что убийство было совершено в запальчивости и раздражении. По ходатайству защиты вопросы, предложенные на разрешение присяжным заседателям, были дополнены указанием на то, что раздражение было вызвано насильственными действиями Иванова.

Вердиктом присяжных заседателей Бардуков признан виновным в том, что в запальчивости и раздражении убил Иванова, и приговорен к лишению всех прав и ссылке в каторжные работы на 8 лет.

Вот результаты. Иванов в могиле. Бардуков на каторге. Но деньги... деньги целы.

УБИЙСТВО ИЗ РЕВНОСТИ

Вчера, 9 октября, в 7 уголовном отделении под председательством товарища председателя С.Л. Лузгина с участием присяжных заседателей слушалось дело по обвинению крестьянина Акима Колочаева в преднамеренном убийстве.

Во вторник, на 1-й неделе Великого поста, 25 февраля текущего года, в Дорогомилове, в квартире у Ивана Мурашева, столяра, собралась вечером веселая с виду компания. На столе красовались две бутылки водки, закуска, а за столом помещались четверо: Мавра Иванова, сожительница хозяина квартиры Мурашева, Аким Колочаев, ее бывший любовник, и два его собрата по сапожному ремеслу, Захаров и Лачугов. В сторонке находился сам хозяин, не принимавший участия в пиршестве. Велись мирные разговоры – и нельзя было заподозрить, что за этой спокойною внешностью бушевали страсти, таились черные мысли. Не могло прийти в голову, что один из сидящих мужчин держит в кармане судорожно сжатой рукой острый сапожный нож, что через несколько минут этот нож обAGRится человеческой кровью и что сочтены уже минуты жизни для беззаботно смеющейся женщины и страшная смерть стоит за ее плечами. В накуренной, душной комнатке чувствовалось приближение грозы.

Было часов 9 вечера, водки почти уже не оставалось. Утомленная М. Иванова прилегла на постель; Мурашев вышел из комнаты, посланный Колочаевым за сельтерской водой. Захаров и Лачугов, совершенно пьяные, бессильно свесив головы на руки, храпели за столом, когда последний, подняв голову, увидел как сквозь сон, что Колочаев наносит удары лежащей Мавре.

Когда собрался народ, Колочаев уже бежал, а Мавра, пораженная 17 ударами ножа, была мертва.

Задержанный Колочаев сознался, что он “зарезал Мавру”. На предварительном следствии выяснилось следующее.

Колочаев уже лет 8 находился в связи с Ивановой, жил с ней даже одно время на общей квартире. Жили они ладно, хотя на суде Мурашев рассказывал о дошедших до него слухах, будто

Мавру не раз “оттаскивали от смерти” – так бил ее Колочаев. В октябре 1896 года Иванова познакомилась с Мурашевым и вскоре сошлась с ним. Первое время она еще поддерживала отношения с Колочаевым, на Рождество даже три дня провела в его квартире, но в 1897 году между ними произошел окончательный разрыв, и Мавра поселилась в одной квартире с Мурашевым.

Накануне убийства, вечером, Колочаев с товарищем был в гостях у Ивановой. Как показывают свидетели, между ними произошла ссора, Колочаев, указывая на различные вещи, бывшие в комнате, говорил: “все это мое”, а потом стал требовать принадлежащий будто бы ему самовар. Мавра под конец стала уступать ему, так что они расстались, по-видимому, друзьями, и Мавра обещала даже на другое утро прийти к нему в гости.

Но в гости Мавра не пришла, а, бывши с Мурашевым по своим делам в ссудной кассе, встретила там Колочаева, который вскоре куда-то скрылся. Мурашев с Маврой зашли в трактир Соколова на Пресне, и там некоторое время подождали его, но он не явился. Вечером же произошли уже описанные события.

На суде Колочаев ничего определенного не сказал. Можно было разобрать только отдельные слова: “был сильно пьян... ревность... плохо помню”. К концу судебного следствия этот высокий худощавый человек как будто несколько ободрился и хотя в запутанных, но страстных фразах высказал свое душевное состояние перед убийством: “8 лет жили как следует, всю обстановочку купил; когда ушла, стыдно стало... стыдно перед самим собой, перед Маврой”. У следователя Колочаев сознавался, что убийство он задумал за несколько часов перед его совершением и захватил из дому для этой цели сапожный нож.

Хозяин, у которого работал Колочаев, и другие свидетели говорили о нем как о человеке работающем, мало пьющем. Свидетель Захаров, бывший накануне убийства вместе с ним у Ивановой, привел фразу, сказанную Колочаевым, когда он увидел, как хорошо живет его бывшей любовнице: “Жить-то живи, а ножа жди”. Старушка-хозяйка, отдававшая комнату Мурашеву и жившая в соседней клетушке, слышала, несмотря на свою глухоту, что у жильцов гуляют. Криков и стонов она не слышала. Экспертизой установлено, что смерть Ивановой последовала от острого малокровия, явившегося результатом всех 17 ран, так как ни одна из этих ран сама по себе не была смертельна. По заключению врача, Иванова в момент смерти едва ли была в трезвом состоянии, и только этим можно объяснить отсутствие у нее криков и стонов.

Речь, произнесенная товарищем прокурора Языковым, проникнута сильным чувством. Убийство, по его словам, не простое

преступление, но в то же время и нарушение того нравственного закона “не убей”, который одинаково доступен и понятен всем нам без изъятия. Указав на гнусность убийства с корыстной целью, г. обвинитель находил, что данное преступление не менее гнусно, так как мотивом его является удовлетворение фальшивого самолюбия, чувство злобы и мести. Описав затем картину убийства, когда “перед потухающими очами жертвы 17 раз поднимался и опускался окровавленный нож”, г. представитель обвинительной власти закончил тем, что Колочаев – не убийца, а истый палач, для которого невозможно снисхождение.

Защитник подсудимого, присяжный поверенный Львов, находя, что г. обвинителем сгущены краски, рисующие сцену убийства и характера подсудимого, доказывал, что предумышленного убийства не было. Не мог быть Колочаев в спокойном состоянии после того, как порвались нити, 8 лет соединявшие его с любимой женщиной, и дикая расправа, произведенная Колочаевым, объясняется его аффектированностью и запальчивостью. В виду этого г. защитник ходатайствовал о постановке вопроса о совершении преступления в состоянии запальчивости и раздражения. Суд уважил ходатайство защиты.

Вердиктом присяжных заседателей крестьянин Аким Колочаев признан виновным в убийстве в состоянии запальчивости и раздражения и заслуживающим снисхождения и приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 6 лет.

МОШЕННИЧЕСТВО

⟨11, 12 октября 1897 г.⟩

Вчера, 10 октября, 2 уголовное отделение Московского окружного суда, под председательством товарища председателя А.А. Иогансона и в составе членов гг. Андреева и Гневышева с участием присяжных заседателей приступило к слушанию дела по обвинению временных купцов крестьян Евграфа и Ивана Андреевых Кашеваровых в мошенничестве.

Громкие имена защитников – Ф.Н. Плевако и Н.П. Шубинского, а также характер самого дела, в общих чертах уже известного большинству москвичей, привлекли в зал суда многочисленную публику. Хотя ввиду этого заседание было перенесено из крошечного помещения, в котором обыкновенно заседает 2 отделение, в обширный Митрофаниевский зал, все же мест далеко не хватило, так что многим пришлось возвратиться домой.

Данные, добытые предварительным следствием, таковы.

В 1893 году А.Н. Виноградов приступил к стройке 3-этажного каменного дома на Софийской набережной. Цемент, необходимый для постройки, Виноградов вначале брал у заводчиков братьев Филатьевых, но вскоре заменил его фирмой Кашеваровых, которая доставляла ему такой же, по-видимому, цемент, хотя брала за него дороже, зато отпускала в кредит, под векселя. Но эти льготные условия весьма печально отразились на судьбе строившегося дома. Оказалось, что новый цемент не только не имеет необходимых гидравлических свойств, но наоборот – обладает несчастною способностью впитывать в себя влагу и при испарении ее взбухивается и рассыпается. Немедленным результатом этой способности явились трещины в двух верхних этажах, стены стали выпирать наружу, и дом принял самый грозный для прохожих вид.

Виноградов обратился в прокурорский надзор с просьбой возбудить уголовное преследование, обвиняя братьев Кашеваровых в поставке фальсифицированного цемента, выдаваемого ими за настоящий романский.

Начавшееся следствие вскоре обогатилось многочисленными уликами.

Фирма братьев Кашеваровых, поставлявшая строительные материалы, своего цементного завода не имела и покупала цемент у других заводчиков, главным образом у Филатьевых. Цемент этот хранился в складе у товарной станции Нижегородской железной дороги, куда привозился и алебастр с их собственного завода в Балахнинском уезде. Каким-то образом пошли слухи, что цемент Кашеваровых оказывается весьма плохим. Братья Филатьевы, заинтересованные в этом деле, так как Кашеваровы брали цемент от них, поручили своему конторщику навести справки. Конторщик лично удостоверился, что в складе Кашеваровых цемент мешают с чем-то, похожим на золу. Обеспокоенные Филатьевы перестали отпускать им свой товар.

Рабочие при складе также подтвердили, что в 1891, 1892 и 1893 гг. у них постоянно занимались смешиванием цемента с алебастровым подзолом, который вместе с другим материалом доставлялся с кашеваровского алебастрового завода. Смешивание производилось в присутствии Евграфа Кашеварова: на 2 мешка цемента примешивали 1 мешок подзола, а иногда и больше, и в таком виде доставляли заказчикам.

Виноградов оказался уже не первой жертвой отечественной промышленности. В 1892–3 годах Хрулев и Кондратьев брали для стройки цемент у Кашеваровых, – построенные здания не замедлили дать трещины и прийти в негодность. В 1893-м году был произведен ремонт Андреевской богадельни при помощи того же цемента – результат был достигнут прямо противоположный намерениям строителей: трещины и искривление стен.

Дом Виноградова попал в очередь в 1894 году, когда выработка кашеваровского цемента была поставлена уже на широкую ногу, и этим, вероятно, объясняется та неприличная поспешность, с какой дом стал разваливаться. Архитектор Иванов-Шиц, наблюдавший за стройкой, по внешнему виду счел цемент доброкачественным, пока тот не проявил своих основных качеств: стал вспучиваться, рассыпаться, кирпичи начали удаляться друг от друга и расставаться с штукатуркой. Особенно пострадали два верхних этажа, что легко объясняется показанием приемщика строительных материалов, сообщавшего, что на цоколь и нижний этаж шел главным образом цемент, полученный от Филатьевых. Другие причины порчи здания, кроме негодного цемента, едва ли могли быть: подрядчик каменных работ Вуколов утверждал, что кладка была вполне правильная и фундамент покоился на материке, вырытом от 4 до 7 аршин в глубину.

Были допрошены многочисленные эксперты, пришедшие к одним и тем же выводам: причина разрушения зданий – дурной цемент, лишенный своих основных свойств связывать и закреплять.

25 августа 1894 года судебный следователь при участии экспертов произвел осмотр дома Виноградова. Вот подлинные слова обвинительного акта, достаточно ярко рисующие представившуюся им картину: “Общая фигура здания расширена кверху; правый угол выпучен кнаружи; в разных местах фасада видны трещины в перемычках и швах кирпичей; просветы окон и подоконники покосились, левый угол карниза грозит падением, штукатурка обвалилась...”

На пробу взяли цемента из всех этажей; произведенный химический анализ показал, что цемент двух верхних этажей содержит значительное количество жженого алебастра, т. е. подзола, чем кашеваровский цемент и отличается от нормального романского цемента.

Братья Кашеваровы виновными в мошенничестве себя не признали. Подзолу, по их словам, они со своего алебастрового завода в Москву не отправляли и в цемент не подмешивали. А дом Виноградова развалился потому, что постройка его была начата в неудобное время и фундамент поставлен непрочной, на болотистой почве.

Однако показания Кашеваровых не подтверждались. В их складе из массы какого-то известкового материала было в разных местах взято 4 пробы, и химический анализ еще раз показал во всех пробах значительное содержание подзола. В свою очередь, выводы профессора Черепашинского, вызванного по ходатайству самих обвиняемых и осмотревшего обрытый до основания фундамент, совершенно не совпали с выводами другого не менее авторитетного специалиста, профессора Института путей сообщения Белелюбского.

По убеждению Черепашинского, фундамент стоит не на материке, а на так называемом “плавуне” – песчаной и вообще непрочной почве. Цемент, действительно, довольно плох, особенно в верхних этажах, но, как неоднократно было замечено экспертом, примесь подзола встречается во всех подмосковных цементах. Объясняется это невежеством заводчиков, полагающих, что эта примесь полезна для цемента.

На это профессор Белелюбский возразил, что именно примесь подзола послужила главной причиной разрушения, а недостатки грунта или кладка играют второстепенную роль.

Конечным результатом всех этих данных предварительного следствия было появление братьев Кашеваровых на скамье подсудимых.

Гражданский иск был снят ввиду того, что еще до судебного разбирательства между братьями Кашеваровыми и Виноградовым состоялась мировая сделка, в силу которой убытки, понесенные Виноградовым, были возмещены в размере 25 000 рублей.

Оба подсудимых по внешности являются типичными представителями русского долгополого купечества. Здоровые, толстые, широкобородые, в длиннополых кафтанах. Старший брат Евграф, войдя в зал суда, несколько раз перекрестился и поклонился на все четыре стороны.

Первым был допрошен потерпевший Виноградов. По его объяснениям, сперва на цементе Кашеваровых был построен флигель – цемент был очень хорош. Дом, начатый стройкой в мае, к октябрю был кончен. Нижний этаж был отделан, но вскоре отданные квартиры были очищены, так как не было возможности жить от сырости. Месяца через 2 появились трещины на штукатурке, через 4 – на кладке. Виноградов забеспокоился, тем более что от бывшего приказчика Кашеваровых Ефимова услышал о подмеси подзола. Кашеваров, к которому поехал Виноградов с просьбой как-нибудь поправить дело, предложил зачесть за убытки 900 рублей, которые должен ему Виноградов. Разрушение дома было полное. Карниз осыпался, грозя убить прохожих, полиция предъявляла требования об ограждении дома, нарочно съезжались архитекторы, чтобы посмотреть на этот как бы “перенесший землетрясение” дом. Приближение коронации повергло Виноградова в страх, что дом от грохота выстрелов в Кремле развалится. Обер-полицеймейстер приказал в 24 часа разобрать два верхних этажа.

Архитектор Иванов-Шиц сообщил, что, заметивши трещины и разрушение дома, он, сильно задетый за живое, так как причину всего этого могли приписать его неумелости, осмотрел другие дома, строенные на цементе Кашеварова, и везде нашел то же, что у себя. С виду цемент ему казался порядочным, темный цвет его ничего не значит, так как цемент бывает самых различных окрасок.

Архитектор Сретенский, заведовавший ремонтом Андреевской богадельни, также был удивлен, когда новая каменная стена стала трескаться и распадаться. Отдав цемент на исследование в Московскую химическую лабораторию, он получил оттуда ответ, что этот цемент (кашевараковский) “в 5 раз хуже самого плохого из испытанных когда-либо”. Сретенский видел другие здания,

пострадавшие от того же разрушительного цемента – характер повреждения один и тот же.

Присяжным заседателям и экспертам были показаны фотографические снимки развалившихся зданий.

Свидетель Хрулев сообщил, что строил себе кузницу, цемент брал у Кашеварова.

– Ну и что же? – спросил председательствующий.

– Развалилась, – кратко ответил свидетель, возбудив в публике смех.

Хрулев обращался к мировому судье с просьбой о возмещении убытков, и судья присудил в его пользу с Кашеварова 300 рублей. “Чего ж ты прямо ко мне не обратился?” – спрашивал Кашеваров. “Да, к вам придешь, а вы в шею дадите!” – отвечал бесхитростный Хрулев. Еще во время стройки заметил Хрулев, что дело что-то неладно, но приписал это нерадивости работников, но в доброкачественности цемента не сомневался и фирме верил – “как же не верить, когда у него медаль есть!”.

В публике снова смех, так что председательствующий должен был сделать замечание.

Кондратьев рассказал про свой дом почти то же. Построен – а на следующий год “раздирает его врозь”, да и только. Поправил – на следующую весну та же история. После того как было отложено дело Кашеварова (17 мая этого года), последний предлагал Кондратьеву уплатить убытки и просил показывать у следователя в свою пользу.

По ходатайству Н.П. Шубинского было оглашено постановление суда, по которому преследование, возбужденное Кондратьевым против Кашеварова по поводу убытков, было прекращено.

Из показаний других свидетелей, подтверждавших вообще все сказанное раньше на предварительном следствии, характерны показания рабочих, подтвердивших, что они смешивали цемент с подзолом, иногда на мешок цемента мешок подзола, а иногда и больше. “Ежели покупатель почище, то поменьше, а коли попроще, то побольше подзола”, – как объяснил рабочий Клюкин. При смешивании присутствовал Евграф Андреич. Свидетель Коротков показал, что на заводе Кашеварова подзол собирался и отправлялся в вагоны.

Кашеваров Иван попросил слова и заявил, что негодные отбросы с его завода отправляются на удобрение в сельскохозяйственную академию и что алебастр готовится 8 сортов. Вот последний сорт он и примешивал к цементу, а никак не подзол. Чумаков, раньше имевший свой алебастровый завод, заявил, что сортов в алебастре существует только 3.

Далее начался допрос свидетелей, вызванных по просьбе обвиняемых. Борисов и Лапшин противоречили тому, что они показывали на предварительном следствии. Борисов сказал, что алебаstra существует 10 сортов и к цементу примешивался 10-й сорт. Лапшин сказал, что алебаstra 20 сортов и примешивался 15-й сорт. О существовании подзола Лапшин совершенно не знал, не понимая даже слова “подзол”.

Г. Шубинский заявил суду, что от допроса двух свидетелей, вызванных Кашеваровыми, он отказывается.

Стоецкий, вызванный по просьбе Кашеварова, показал, что в 1893 году он построил дом на цементе Кашеварова – и дом стоит прочно.

Огурцов показал, что в доме Виноградова был пожар, весь дом был облит водой, отчего стены и потрескались. Пожара этого он не видал, а знает о нем по газетам. Переспрошенный по этому поводу Виноградов согласился, что пожар был в одной из сорока квартир и был потушен полуведром воды, без пожарной команды.

Доморацкий, купивший на слом виноградовский дом, говорил, что кирпич был доставлен глыбами в несколько десятков кирпичей и цемент так крепко соединял кирпичи, что отделить их друг от друга не было возможности.

Ефимов, бывший при ломке дома, сказал, что кирпичи оттого не отделяли друг от друга, что к дому подойти было опасно.

Последний свидетель Филатьев заявил, что раньше считалось полезным прибавлять в цемент жженого кирпича, но теперь этого не делают. В цементе Кашеварова он нашел какую-то постороннюю примесь, вследствие чего перестал отпускать ему цемент своего завода.

После допроса свидетелей были выслушаны заключения экспертов.

В следующих четырех положениях гг. эксперты пришли к единоголосным выводам. 1) В разрушении здания ни свойство грунта, ни кладка фундамента не имеют никакого значения. 2) Причина разрушения – цемент. 3) Состав его – смесь романского цемента с алебастром и золой. 4) Обычные испытания крепости цемента не дают возможности заметить примеси алебаstra.

Затем между профессорами Белелюбским и Черепашинским возник ожесточенный спор по поводу магнезии. Г. Черепашинский утверждал, что большое содержание магнезии в цементе делает его весьма плохим. Г. Белелюбский возразил, что если бы магнезия портила цемент, то 1/3 Москвы была бы разрушена, так как построена на романском цементе, в который входит 20 %

магнезии. Примесь магнезии вредна только для портландского цемента, о чем свидетельствует разрушение церкви в г. Касселе.

Иван Кашеваров, принимавший горячее участие в следствии, спрашивал, не могут ли “эти профессора ответить, почему треснули стены в Верхних торговых рядах?” “Цементу я туда не поставлял”, – добавил он.

Желание обвиняемого не могло быть удовлетворено, так как никто не слышал об этой трещине.

Вследствие позднего времени прения были отложены до субботы, 11 октября.

Заседание открылось речью товарища прокурора Александровского.

При совершении данного преступления, говорит г. обвинитель, Кашеваровыми руководила не страсть, многое оправдывающая, но жадность. Фальсификация, обман в торговле, освещенный жадностью, подрывает нашу торговлю, создает ей нелестную репутацию. Обманы повседневны, ежечасны, и тем необходимее бороться с ними.

Наш закон различает наказуемый и ненаказуемый обман, – все зависит от обстановки. Обстановка данного случая против Кашеваровых.

Указав, что Виноградову грозило полное разорение, что пострадал не он один и что многие московские улицы украсились живописными развалинами, что многим делались подачки, г. прокурор не допускал, чтобы богатые могли откупиться от кары своим богатством. Перейдя к вопросу о свойствах обмана Кашеваровых, г. прокурор нашел, что все характерные признаки злонамеренности налицо: и искусство подделки, не позволявшее даже опытным архитекторам по внешности узнать фальсификацию, и негодность входящей в цемент примеси. Кашеваров говорил, что эта примесь идет у него также на удобрение, но ведь “на удобрение идут и человеческие экскременты, а едва ли утешило бы кого-нибудь из домовладельцев то обстоятельство, что в стенах его дома находятся они вместо цемента”.

Люди Кашеваровы богатые, заключил г. обвинитель, и единственным мотивом их деятельности было желание еще обогатиться чужими бедствиями. И хорошо еще, что дело не кончилось человеческими жертвами, погребенными под обрушившимися стенами.

Свою речь, длившуюся 50 минут, г. Шубинский начал указанием на характерные стороны данного процесса, в котором все внимание суда должно быть обращено не на фактическую сторону

события, а на определение внутреннего смысла всего дела как с точки зрения житейской, так и легальной.

Возражая на брошенный подсудимым упрек в том, что они хотят откупиться от суда, защитник доказывал, что Кашеваровы вовсе не богаты, не капиталисты, что они средние торговцы, в настоящее время уже разоренные. Самое деяние, вменяемое им в вину, легко объясняется господствующим и в торговле, и в науке взглядом, в силу которого для всех дорогостоящих продуктов пытаются найти подходящий суррогат. Из веществ, раньше считавшихся никуда не годными, теперь пытаются создавать полезные вещи. Ученые говорят, что недалеко то время, когда из воздуха будут делать хлеб.

Нужно среди этих попыток различать наказуемые и не наказуемые. Ведь если бы Кашеваровы, приготовляя цемент по-своему, выставляли на своих изделиях чужой ярлык, выпускали их под чужим именем, они подлежали бы суду, – но Кашеваровы этого не делали. Они давали свой цемент – а уж делом покупателя было брать ли этот цемент или другой, более дорогой. В любой лавчонке можно купить деревянного масла и в 35 копеек и в 20 фунт – разница в том, где больше примешано керосину. И если судить всех, прибегающих к подмешиванию, то пришлось бы судить половину Москвы. Сенат в 1884 году оправдал Ярошевского, продававшего вату, к которой он примешивал песок.

Закон, строго преследуя фальсификацию продуктов, важных для здоровья и жизни, не кладет на все вообще товары свою пломбу, предоставляя осторожности каждого найти для себя подходящее.

Кашеваровы, примешивая алебастр к цементу, думали этим способом усовершенствовать его. Раз уже архитектор Иванов, производивший опыты, не мог по ним определить качества цемента, то для невежественных, не специалистов Кашеваровых заблуждение было очень легко. Что, составляя цемент по-своему, Кашеваровы и не думали, что делают преступление, видно из того, что даже подобия тайны не было в их деятельности, совершенно открыто производившейся.

Далее, примесь, вводимая ими в цемент, имеет свою ценность. По показанию свидетеля Гаилова, пуд ее стоит на месте 6 копеек. С провозом пуд цемента обходился им в 13 копеек, а Филатьев свой продавал по 14. Где же тут корысть?

Причиной разрушения построек мог быть и песок, неравномерно размешанный при составлении цемента.

Где же нажива Кашеваровых? Где похищение более чем на 300 рублей? Продавщи цементу на 416 рублей – они заплатили Виноградову 25 000 да еще долг простили в 900 рублей.

Были трещины – но этими трещинами поражено состояние Кашеваровых. Была примесь – но этой примесью был золотой песок, которым они засыпали все трещины.

Ф.Н. Плевако, говоривший 15 минут, указал на честное прошлое подсудимых, с которым трудно примирить теперешнее их преступление. Здесь, в суде, стояли их и друзья и враги – и никто не мог упрекнуть их, никого они не обидели. Кроме цемента они вели другую крупную торговлю, и вдруг – честные в крупном деле, достаточно вполне зарабатывающие, – в мелком, лабазном деле они стали мошенничать. Человеческое рассуждение может допустить здесь только ошибку и неведение. В Кашеваровых нет основного типа испорченных людей, вся их вина – невежество. Они не прятали своих денег, они удовлетворили всех. И многие из тех, кому они давали, могут сказать: “не бывать бы счастьем, да несчастье помогло”.

Злые люди сходятся со слабыми – а разве казна, которой принадлежит Андреевская богадельня, слабый противник? Или Виноградов, тщательно собирающий улики, на свой счет доставивший фотографии?

Что они выгадали от своего преступления? За 416 рублей заплатили результатом многолетних трудов. Наконец, мошенничество – дело темное, скрывающееся в тени, – а они все делали на свету.

Г. Александрийский, сделав несколько возражений, заметил, что напрасно “защитники пытаются окружить Кашеваровых ореолом мученичества”.

Ф.Н. Плевако заметил, что подобный упрек защите равняется упреку в отсутствии такта. Но это неправда. Защита пыталась только на бесконечной лестнице, отделяющей преступника от героя, найти ту ступень, на которой находятся Кашеваровы. “О, если бы это были мученики, – пламенно воскликнул маститый оратор, – дух премудрости внушил бы нам другое слово, другие зазвучали бы струны – а сердце задрожало бы у самого прокурора!”

После сильного и глубоко последовательного резюме г. председателствующего присяжные удалились в совещательную комнату и через 5 минут вынесли обвинительный приговор.

Суд постановил: лишив всех особенных прав и преимуществ, заключить братьев Кашеваровых на 1 год 1 месяц и 10 дней в исправительные арестантские отделения.

ДЕЛО Д-РА ПИОТРОВСКОГО

Доктор Пиотровский, гинеколог, был в июне 1892 года приглашен к Маркановой, чувствовавшей уже в течение месяца сильные боли в животе. Предположив, что у Маркановой выкидыш, что подтверждалось отсутствием регул, доктор принял различные меры к удалению плода. Сделав спринцевание горячей водой с креолоном, от которого результатов не последовало, а боли увеличились, Пиотровский вложил в матку так называемый гинекатор, т. е. небольшую металлическую трубку, служащую для расширения матки. Надлежащего расширения не произошло, поэтому в 4 часа вечера доктор вложил другую трубку, более толстую, и оставил ее в матке на 3 часа. Больная рвалась и металась от боли. В 7 часов пришел Пиотровский с целью вынуть трубку, но, несмотря на самые тщательные поиски, не мог отыскать ее. “Вот чудеса-то! – изумленно восклицал доктор, – куда же она запропастилась?” Пришлось больную хлороформировать. Несмотря на настоящие акушерки пригласить второго врача, Пиотровский решил, что он может сделать это и один. Муж Маркановой держал вату, а доктор производил поиски не дававшегося в руки гинекатора, вводя в матку щипцы и извлекая оттуда клочья мяса.

Гинекатора не оказалось.

Решив, что гинекатор выпал сам и, вероятно, валяется где-нибудь в кровати, Пиотровский велел обыскать ее, но поиски были безуспешны.

Ночью за Пиотровским посылали, потому что больной было очень худо.

Утром Пиотровский пришел к больной и, засунув руку под простыню, вынул оттуда трубку – номером тоньше той, которая была вставлена, и заявил, что трубка нашлась. Об этом сказал он мужу Маркановой, только что вернувшемуся домой, акушерке и самой больной. Разница была в том, что одним он говорил, что трубка найдена под простыней, другим – что она найдена в матке.

Несмотря на находку трубки, Маркановой лучше не становилось, и Пиотровский посоветовал отправить ее в Обуховскую

больницу для операции. Тот же совет дали Марканову и другие знакомые его врачи.

Д-р Вастен, заведующий гинекологическим отделением больницы, сделал упрек Маркановой, что она сама виновата в своей болезни, благодаря тому что принимала вредные средства, чтобы не иметь детей. Марканова, родившая четырех детей, заявила, что и не думала этого делать. Сделали одну операцию – Маркановой не лучше. В октябре по совету д-ра Ливена, заподозрившего в животе присутствие гинекатора, произвели вторую операцию – и нашли гинекатор.

Пиотровский был привлечен к ответственности. Петербургский окружной суд, видя в действиях Пиотровского лишь неосторожность, а никак не отсутствие опытности и искусства, нашел, что в смысле наказания применима ст. 129 установления о наказаниях, в силу которой Пиотровский был приговорен к 7 дням ареста.

Марканова предъявила гражданский иск, в виду того, что здоровье ее совершенно испорчено и она неспособна ни к какому труду. Кроме того, лечение повлекло за собой очень значительные расходы. Иск был удовлетворен в размере 1000 рублей единовременного пособия и 25 рублей в месяц пожизненно.

Палата утвердила решение суда, сенат кассировал, и дело для нового рассмотрения поступило в Московскую судебную палату. Обвинял прокурор Громницкий, защищал присяжный поверенный Леонтьев 2-й, гражданский иск поддерживал присяжный поверенный де Плансон.

Было прочтено заключение медицинской комиссии, осматривавшей Марканову. Здоровье ее в настоящее время дурно, но не лишает ее возможности заниматься домашним хозяйством. Свидетельские показания подтвердили изложенные выше обстоятельства, выяснив (показания проф. Отта), что Пиотровский подозревал, что трубка находится в матке, и что он (показание акушерки Вестингаузе) обыкновенно груб с пациентами и самоуверен и что, наконец, болезнь Маркановой была трудноопределима (д-р Вастен) и Пиотровский легко мог впасть в ошибку.

Пиотровский утверждает, что разрыв матки, вследствие которого трубка проскользнула в брюшную полость, не был им произведен, а произошел, вероятно, от неловкого движения самой больной. Он был убежден, что трубка выскользнула и была взята детьми для игры, и что говорил он, будто бы нашел трубку, единственно для успокоения.

Решением московской судебной палаты доктор Пиотровский признан невиновным.

РАСТРАТА

В торговом доме братьев Воробьевых, что на Варварке, в течение 16 лет служил приказчиком мещанин Анатолий Бибиков. Будучи добросовестным и исполнительным, Бибиков пользовался доверием хозяев. Лишь последнее время Бибиков стал вести сильно нетрезвую жизнь – что, очевидно, и послужило причиной его появления на скамье подсудимых.

13 сентября 1896 года кассир Терентьев вручил Бибикову 8000 рублей для внесения в государственный банк в уплату срочных векселей. Уже потом выяснилось, что Бибиков в банке не был и денег не вносил.

Весь дом был взбудоражен. На все вокзалы железных дорог были отправлены рабочие и служащие; другие бросились его разыскивать по трактирам и портерным. Приказчику Тюрину посчастливилось найти Бибикова в пивной лавке у Серпуховских ворот в состоянии сильнейшего опьянения. Из денег у Бибикова оставалось всего-навсего 2529 рублей, – куда девались остальные, Бибиков не знал. В полиции он сперва сообщил, что отдал деньги кому-то на хранение, а через день пожелал увидаться с рабочим при амбарах Воробьевых – Иваном Огаревым. Ивана заподозрили в соучастии в похищении. Он не скрыл того обстоятельства, что действительно накануне Бибиков просил его спрятать какую-то пачку, обернутую синей бумагой. Пачку эту Иван спрятал в амбаре между ящиками. При осмотре пачки в ней оказалось денег 4900 рублей. Вскоре по указанию Бибикова были найдены и остальные деньги 800 рублей, которые были спрятаны у приказчика в пивной лавке, где пьянствовал Бибиков, – Баранова. Не хватало только 100 рублей, которые, по предположению самого Бибикова, были им потеряны.

Все трое, Бибиков, Огарев и Баранов, были привлечены к суду. Дело слушалось 11 ноября в 7 уголовном отделении Московского окружного суда под председательством товарища председателя С.Л. Лузгина, с участием присяжных заседателей.

На суде Бибиков признал себя виновным в растрате, но объяснил, что произвел ее спьяна. Огарев, по его словам, не знал, что в пачке находятся деньги.

Огарев и Баранов виновными себя не признали; первый сообщил, что он и не подозревал, что в пачке находятся деньги, второй – что 500 рублей, которые дал ему Бибиков спрятать, он считал за собственность Бибикова. Спрятал он их так далеко – в сортирной трубе – потому что боялся, как бы их не нашли. В полиции сперва он не сознавался, потому что ему было чего-то “совестно”. Но чего совестно – объяснить удовлетворительно не мог.

Хозяин Воробьев и кассир пояснили, что Бибиков был очень честен и исполнительен. Все денежные поручения исполнял аккуратно. Дня за 3 до совершения растраты ему было поручено внести в банк 19 000 рублей, что он и исполнил. По словам кассира Терентьева, в характере Бибикова замечались некоторые странности: был слишком уже тих, молчалив, выглядел “забитым” каким-то.

Обвинял товарищ прокурора Александрийский, защищал присяжный поверенный Полетика.

Вердиктом присяжных заседателей Бибиков признан виновным, но совершившим преступление по легкомыслию, Баранов признан виновным в укрывательстве, но заслуживающим снисхождения, Огарев оправдан. Суд приговорил Бибикова к аресту при полиции на 3 месяца, Баранова к заключению в тюрьму на 2 месяца.

МОШЕННИЧЕСТВО

(13 ноября 1897 г.)

Существовало в Москве два серебряных дел мастера, Степанов и Наумов. У первого дело шло хорошо, второй пришел к медленному захуданию и в мае 1896 года поступил рабочим к Степанову. Договор, определявший отношения хозяина и его наймита, утрачен, — он похищен Наумовым, о чем, в свою очередь, ведется дело, — но видно, что Наумов пользовался большим доверием со стороны своего хозяина. По крайней мере, Наумов одно время заведовал мастерской Степанова, и на его руках находилось серебра на 4203 рублей 40 копеек.

В отсутствие Степанова из Москвы Наумов заложил в ссудной кассе около 35 фунтов серебра, а шесть квитанций по этому залогу передал Степанову.

Осенью того же года между хозяином и Наумовым пошли нелады, и последний был уволен. Тут же он заявляет в общество кредита, где было заложено серебро, о потере им пяти квитанций, а когда общество отказалось выдать ему заложенное имущество, Наумов предъявляет иски в мировых установлениях и выигрывает дело. Выкупив по 4 квитанциям 24 фунта 14 золотников серебра, он продает его и деньги обращает в свою пользу.

Степанов просит привлечь Наумова по обвинению в мошенничестве.

На предварительном следствии возникает вопрос о принадлежности серебра. Наумов утверждает, что заложенное и затем проданное серебро он захватил с собой из своей еще мастерской и имеет на него право собственности. Степанов возражает, говоря, что Наумов действительно привез с собой серебро, но он, Степанов, серебро это купил. Доказательств в пользу своих притязаний ни тот, ни другой не приводят. Единственный свидетель Чепурнов может показать только, что часть заложенных серебряных изделий он видел раньше в мастерской Наумова, о дальнейшей же их участи ничего не знает.

В том, что ложно объявил квитанции потерянными, он сознавался, но мотивом подобного заявления выставлял боязнь, как бы Степанов, расставшийся с ним в ссоре, не воспользовался

для себя квитанциями. Что он, Наумов, совершает преступление, выкупая обманным путем свои вещи, он не догадывался.

Прокурорский надзор Московского окружного суда, признавая недоказанным, что заложенное серебро принадлежало Степанову, полагал его жалобу оставить без последствий, но окружный суд, а затем судебная палата, находя в действиях Наумова – помимо вопроса о принадлежности серебра – признаки мошенничества, постановили предать Наумова суду по силе статьи 1667 уложения о наказаниях.

Дело слушалось 12 ноября в 3 уголовном отделении под председательством товарища председателя Д.А. Нилуса с участием присяжных заседателей. Обвинял товарищ прокурора Телесницкий, защищал присяжный поверенный Федотов.

На суде Наумов, не признавая себя виновным, сообщил, что он вошел со Степановым в компанию, причем внес и собственное серебро. Свидетель Степанов, дававший очень неясные и сбивчивые ответы, подтверждал сказанное им раньше. Свидетель Чепурнов, который служил в мастерской еще у Наумова, среди заложенных вещей узнал вещи и своей работы.

После короткого, но последовательного резюме г. председательствующего, вполне разъяснившего гг. присяжным заседателям как сильные, так и слабые места предъявленного к Наумову обвинения, Наумову был вынесен оправдательный вердикт.

ПОДЖОГ

На Тверской-Ямской улице существовал чайный и колониальный магазин Елизаветы Михайловой. Торговля, в которой деятельное участие принимали муж Михайловой и ее племянник Сидор Михайлов, шла очень плохо благодаря обилию в этой местности однородных магазинов – настолько плохо, что хозяева затруднялись определить, доход получают они с лавки или убыток.

22 июля в 4 часа утра рабочий Зосимов, спавший со своими товарищами на дворе, был разбужен треском, послышавшимся в помещении лавки. Бросившись туда, Зосимов увидел, что задняя дверь, ведущая в помещение, открыта настежь, в следующей за ней стеклянной двери стекла лопнули и выбивается языками пламя. Зосимов поднял тревогу, сбежался народ, и пожар вскоре был потушен.

При расследовании причин пожара внимание полиции остановилось на следующих данных, более или менее подозрительных. Прежде всего, была открыта задняя дверь: задвижка следующей за ней двери валялась на полу – а накануне Сидор Михайлов запер лавку с 11 часов вечера. Загадка несколько разъяснилась, когда увидели, что в щели задней деревянной двери проходила проволока, сложенная в виде петли. Очевидно, злоумышленники – если это были они – сняли посредством проволоки крючок с первой двери, во второй разбили стекло и, снявши засов, забрались в лавку. Дальнейшее исследование подтверждало, что пожар едва ли был случайностью. Горело в том месте, где обыкновенно стояли бочонок с керосином и жестянка с маслом; тут же валялась всякая труха. Стены и полки поблизости были залиты керосином.

Предположено было, что в лавке орудовали воры. Ел. Михайлова, спрошенная по этому поводу, заявила, что украдено фунтов 300 чаю да столько же табаку, всего рублей на 1000. Действительно, в этом помещении лавки товару почти не было. Михайлова предполагала, что воры, обобравши лавку и уходя, случайно заронили огонь.

Но вместе с тем странным казалось и поведение воров, по всем видимостям, истинных джентльменов. Мало того, что

они не произвели в лавке никакого беспорядка, они даже позаботились выпустить из клеток птичек; ни мертвыми, ни живыми, птичек найти не удалось – а накануне еще они находились в лавке. И что еще страннее: с необычайной любезностью воры удалили из лавки собаку, которая там обыкновенно ночевала, а на этот раз оказалась в сарае, запертом хозяйским ключом. Собака, конечно, могла забраться в сарай и через свою лазейку под стеной сарая, но лазейка все эти дни была заложена камнями. Через два дня, впрочем, камни кем-то были отложены.

Подозрения в поджоге были направлены в другую сторону...

Михайлов за день до пожара уехал на станцию Космино, где получил телеграмму от жены, сообщавшую о том, что в лавке сделана “покража”. Со странным провидением Михайлов говорит бывшему тут же знакомому Лотареву, что в лавке был “пожар”.

Но самым странным фактом, посадившим всех Михайловых на скамью подсудимых, был следующий. У Сидора Михайлова был хороший знакомый Древнов, служивший в том же доме в аптекарском магазине Раммель. Михайлов попросил его поставить к ним в подвал ящик с “кое-каким его имуществом”, а когда просьба была исполнена, неоднократно приходил к Древнову, брал ключи от подвала – и возвращался оттуда с сильно оттопырившейся полой. Древнов из любопытства заглянул в ящик и увидел там большое количество развесного чая и папирос в коробках. Древнов попросил убрать ящик, что Михайлов и исполнил. Вскоре после того Михайлов все товары из ящика повыбросил, чай – в выгребные ямы, табак и папиросы за ватерклозетную трубу, где и было его найдено около 30 фунтов.

Обстановка и товар лавки застрахованы в коммерческом страховом обществе в 2000 рублей.

На основании всех этих данных Федор Михайлов, его жена Елизавета и племянник Сидор, хотя и не признававшие себя виновными, были привлечены к судебной ответственности по обвинению в поджоге. Дело слушалось вчера, 20 ноября, в 7 уголовном отделении Московского окружного суда под председательством товарища председателя С.Л. Лузгина. Обвинял товарищ прокурора Салов, гражданский иск поддерживал присяжный поверенный Быховский, защищали: присяжный поверенный Викторский и помощники присяжного поверенного Полетика и Лобунченко.

Всех свидетелей по делу явилось около 20 человек. Допрашивались они ввиду запутанности дела подолгу.

Пристав г. Лебедев, производивший первый осмотр помещения, заметил отсутствие птичек в комнатах и клетках, увидел проволоку, просунутую в щель, и пробовал поднять посредством

ее крик, но после долгих попыток не мог сделать этого ни сам, ни другие, кому предлагал. После заявления о краже пристав произвел обыск коечной квартиры, где помещались рабочие из похоронного бюро Александрова, люди неблагонадежные, но ничего не нашел. Подвал аптекарского магазина не осматривался. В лавке был найден портсигар (Михайловы не курят). По ходатайству г. прокурора суд обратил внимание присяжных заседателей, что внутри портсигара находится буква “М”.

По просьбе поверенного гражданского истца В.В. Быховского и при согласии сторон была оглашена доставленная В.В. Быховским копия с искового прошения поверенного Михайловой, присяжного поверенного С.И. Викторского, о присуждении с коммерческого страхового общества 1000 рублей в возмещение убытков от пожара. Простение подано было в суд до возбуждения настоящего дела.

По поводу спрятанного ящика с товаром Сидор Михайлов объяснил, что ящик этот он нашел в ноябре в проходе между двумя подвалами, прикрытым рогожей. Не объявил никому о находке потому, что частный пристав подозревал уже его в краже или поджоге и он боялся усилить подозрения.

Прения сторон закончились во втором часу ночи.

Присяжные заседатели отвергли факт поджога. Все обвиняемые признаны по суду оправданными.

ДЕЛО “ВАНЬКИ ЗЕЛЕНЩИКА”

Вчера, 8-го января, в VII уголовном отделении под председательством товарища председателя С.Л. Лузгина слушалось дело по обвинению Ивана Куракина (“Зеленщика”), Ефима Иванова и Алексея Куракина в краже, и Марии Куракиной, Марии Ивановой, Александры Кротовой, Ивана Гордова, Евдокии Бумновой и Евдокии Буровой – в укрывательстве краденого. Обвинял товарищ прокурора Курлов. Защищали: Ивана Зеленщика частный поверенный Макаревский, остальных: присяжные поверенные Сальков, Львов, Бугаев, Брызгалов и помощник присяжного поверенного Ходасевич.

Центральную фигуру в этом деле представляет собой Иван Куракин, прозванный на Хитровке, по роду своей торговли, Зеленщиком. Далекое не похожий на русского Рокамболя, каким он рисовался по слухам и преждевременным газетным известиям, – Зеленщик представляет собою все же незаурядный тип неугомонного, энергичного бегуна, совершенно неспособного мириться с потерей свободы. Его “преступная воля” никогда не переходила границы обыкновенной кражи, зато количеством и смелостью побегов он не уступает известнейшим преступникам. Начав свою деятельность в конце 70-х годов, Зеленщик совершил с тех пор три кражи и более десятка побегов, которые в конце концов привели его на каторгу.

В 80-м году он бежал из рабочего дома, был пойман и сослан в Сибирь. Бежавши оттуда, он попал в московскую пересыльную тюрьму, в которой оставался, однако, недолго: подкоп, небольшая схватка с караульным – и Зеленщик снова на свободе. Снова пойманный и приговоренный к 40 плетям и к 6 годам каторги, Зеленщик бежал через 6 дней после прибытия на Сахалин. Но и этот побег был неудачен. Таков же был и следующий за ним, когда шлюпку, в которой находился Зеленщик и несколько его товарищей, принесло в Японию, где они были радушно встречены русским консулом, отправлены в Россию и только по роковой случайности, обнаружившей в них бежавших каторжников, возвращены

на Сахалин. К шестилетнему сроку работ было еще прибавлено четыре года, конца которых Зеленщик ожидать, однако, не стал и 8 июля 1890 года удачно бежал, переправившись с Сахалина на материк, через Татарский пролив, в утлой лодчонке.

Целых пять лет колесил Зеленщик по Сибири, испытавши всевозможные шутки судьбы, то сажавшей его в острог или заставлявшей кормиться Христовым именем. Главным занятием Зеленщика было то, что он называет “хищничал по золоту”, т. е. продажа краденого золота или его добыча на чужой, китайской, территории.

Об обстоятельствах последней кражи Зеленщик дал настолько подробные и видимо согласные с действительностью показания, что суд нашел возможным не допрашивать 9 свидетелей, показания которых были бы только повторением им рассказанного.

“Утомившись своими скитаниями, – говорил Зеленщик, – я пришел в 1895 году рано утром в Москву, где у меня были родные, которые, как я рассчитывал, приютят меня и успокоят мою старость”. Но ожидания Зеленщика не оправдывались. Сестра, почтенная женщина, всю жизнь прослужившая в одном семействе Карзинкиных, не захотела с ним видеться и выслала только немного денег. Брат оказался еще “несчастнее его самого”, так как ослеп и был в бедности. Кое-как Зеленщик пробился до ноября, когда его захватили холода, особенно для него чувствительные при его легкой одежонке.

Тогда Зеленщик “отчаялся на всю жизнь” и решил изворачиваться. Проходя однажды по Тверской, он остановился перед магазином Яголковского, где за витриной сверкали драгоценные вещи. Тут как молния озарила его мысль обокрасть магазин. В течение четырех дней Зеленщик следил за магазином, узнал количество служащих и придумал наконец способ забраться в сокровищницу через окно с заднего двора. В том же доме жил его старый знакомый Ефим Иванов, по профессии истопник, не знавший, что Зеленщик бежал с каторги, и приютивший его. Зеленщик сообщил ему о замышляемой краже, но Иванов, по его словам, и сам отказался и его уговаривал бросить дело.

Однако Зеленщик не бросил и произвел опыт, к его горю неудачный, так как пила, которой он хотел подпилить железную решетку, закрывавшую окно, оказалась тупой и никуда не годной. Зеленщик достал у сестры 2 рубля, купил другую пилку и произвел новую попытку, увенчавшуюся на этот раз успехом. Выломавши железный брус и с трудом преодолевши другие препятствия, именно ставню, закрывавшую изнутри окно и две двери, Зеленщик “по воровской привычке” взломал прежде всего

выручку, но денег не нашел и ограничился тем, что забрал и унес с собой около 240 золотых и серебряных часов и других драгоценных вещей на сумму более 10 000 рублей. Часть этих вещей он оставил у Иванова, грозя его убить, если он не возьмет вещей и долю вины, другую отдал брату Алексею Куракину и Буровой, последней также под угрозами, – и часть оставил у себя. Попытки продать краденое были большею частью неудачны. Зеленщик “с горя” напился и попал на Драчевку в публичный дом Дмитриевой, где стал наделять обитательниц дома драгоценными вещами. В ту же ночь, 23 ноября, он был арестован во время сна сыскной полицией. В краже Зеленщик сознался тотчас же, но относительно своего “звания”, а также того, куда он девал остальные вещи, отвечать отказался.

“Найдете – ваше будет; а если обнаружите мое звание, то большой фельетон напишете”.

Только в феврале следующего года сыскной полиции, после долгих усилий, удалось напасть на следы краденого. Целым рядом обысков было обнаружено присутствие вещей у Иванова, брата Зеленщика Алексея Куракина и других обвиняемых, но всего лишь на сумму 3000 рублей.

На суде одни из обвиняемых совершенно отрицали свою вину, говоря, что вещи они брали, не зная, что они краденые; другие, подобно Ефиму Иванову, сознались в том, что брали заведомо краденные вещи, но объясняли это угрозами со стороны Зеленщика, боявшегося, что его выдадут, и старавшегося поэтому привлечь к участию в преступлении всех подозрительных для него лиц. Свидетельские показания были посвящены разъяснению степени справедливости показаний этих второстепенных участников кражи.

Вердиктом присяжных заседателей Иван Куракин (Зеленщик) признан виновным в краже и побеге с каторги и приговорен к наказанию плетьюми в количестве 50 ударов и ссылке в каторжные работы на 16 лет; Иванов признан виновным в укрывательстве краденого и в укрывательстве Зеленщика и приговорен к лишению всех особых прав и преимуществ и к отдаче в арестантские исправительные отделения на 1 год. Алексей Куракин и Гордов признаны виновными в укрывательстве краденого, но без знания обстоятельств, при которых кража совершалась, и приговорены к заключению в тюрьме на 2 месяца каждый. Все остальные подсудимые оправданы.

ОБВИНЕНИЕ В КРАЖЕ

Василий Павлович Тарасов был одним из тех любителей пения, которыми так обильна Москва. Всячески покровительствуя певчим, Тарасов иногда делил с ними и свои досуги, посвящая их тому занятию, которое неразрывно, кажется, связано с пением, именно – истреблению спиртных напитков. 27-го февраля прошлого года Василий Павлович вечером посетил своего старого знакомого, певчего Полякова, у которого застал троих других певчих, что дало возможность Тарасову насладиться хоровым пением. Но так как петь они вздумали в портерной, куда уже успели попасть с квартиры Полякова и где, как известно, полицейскими правилами пение воспрещается, то их попросили удалиться, что они, после некоторых колебаний, и исполнили, причем один из компании, Доронин, совершенно непостижимым путем попал в участок, где благополучно и ночевал. Остальные отправились к Тарасову. Сколько было там выпито и какие песни пелись, об этом даются весьма сбивчивые и туманные показания. Известно только, что и старик лакей Тарасова был пьян.

Утро 28 февраля застало сотоварищей плохо выспавшимися и склонными к меланхолии. Певчий Латышев ушел по делам и на смену ему явился из участка Доронин. Снова было выпито. Ввиду того что денежный источник иссяк, Тарасов поручил Логинову заложить часы. Полученные 3 рубля были пропиты.

По уходе певчих у Тарасова была обнаружена пропажа шубы, оцененной им в 350 рублей. Далее выяснилось, что эта шуба, на выхухоловом меху с камчатским воротником, 28 февраля была заложена за 35 рублей Логиновым, а на следующий день Логинов, сильно выпивший, явился в ссудную кассу вместе с барышником Кармановым и, по осмотре шубы, продал ему квитанцию за 8 рублей. Так как нельзя было с очевидностью установить, кто именно из троих похитил шубу, то Логинов, Доронин и Поляков были привлечены к ответственности по обвинению в краже.

Дело слушалось в III уголовном отделении под председательством товарища председателя Д.А. Нилуса. Обвинение поддер-

живал тов. прокурора Киселев, защищал присяжный поверенный Мурашкинцев.

Подсудимые, за немногими не существенными разногласиями, объясняли исчезновение шубы одинаковым образом. По их словам оказалось, что, когда часы были пропиты, Тарасов предложил утилизировать шубу. Логинов отправился закладывать ее, а когда уже с деньгами подходил к квартире Тарасова, то увидел, что его два друга кубарем летят с лестницы. Это удаление было вызвано тем, что к Тарасову пришла какая-то “барыня” и он от водки и чувства “обалдел”, по выражению Доронина. Трое приятелей отправились в трактир, часть денег пропили, остальное поделили.

Логинов ночь провел у какой-то женщины, а утром на данные ему ей 15 копеек приехал домой, где узнал, что из хора его за невоздержность удалили. Хозяйка, в свою очередь, гнала его с квартиры, что и заставило Логинова, предварительно несколько выпивши, продать квитанцию.

Показаниями всех свидетелей было установлено, что роковая шуба стоит новая самое большее 100–125 рублей и была перепродана барышником за 52 рубля.

Вердиктом присяжных заседателей все трое были признаны невиновными.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

〈16 января 1898 г.〉

1 апреля 1897 года работница на фабрике товарищества шелковой мануфактуры, девятнадцатилетняя девушка Евфросинья Румянцева поднималась на верхний этаж фабричного корпуса на подъемной машине. Желая посмотреть вниз, Румянцева перегнулась через перила платформы как раз в то время, когда она подходила к полу второго этажа. Румянцева хотела выпрямиться, но было поздно: голова ее со страшной силой ударилась о край потолка и была сплющена между этим полом и стенкой платформы. Сила удара была так велика, что тело несчастной девушки, описав в воздухе дугу, было выброшено на пол второго этажа.

Как выяснилось на предварительном следствии, подъемная машина уже раз в 1894 году послужила причиной несчастья, после чего тогдашний фабричный инспектор, найдя устройство машины опасным для пользования, предписал принять необходимые меры предосторожности, именно: так как платформа тогда совсем не была огорожена, ее обнесли со всех сторон стенкой, высотой в 28 вершков. Кроме того, администрация фабрики должна была допускать к пользованию машиной только опытных рабочих.

Нынешний фабричный инспектор, инженер-механик Бубнов, осмотрев подъемную машину, нашел, что машина не вполне безопасно устроена для подъема людей, что стороны платформы должны быть закрыты решеткой или створчатой стенкой в рост человека, чтобы не дать возможности пользующимся машиной высовывать голову за площадку платформы. По свидетельству работниц фабрики Мартышовой и Поляковой, подъемной машиной для сообщения между этажами пользовались все работницы по своему усмотрению, и никто им того не воспрещал.

Фабрика товарищества состоит в заведовании и управлении французского подданного Андрея Мусси и крестьянина Федора Яропольского, которые и были привлечены к ответственности. Дело о них слушалось вчера в 1 уголовном отделении под председательством члена суда Н.Н. Полякова.

На суде выяснилось, что рабочим разрешалось подниматься на машине только по особому разрешению надзирателей, о чем

рабочим неоднократно говорилось и указывалось в развешанных на стенах печатных предостережениях. Семье пострадавшей Румянцевой администрацией фабрики было выдано вознаграждение в размере 400 рублей.

Защитник обвиняемых помощник присяжного поверенного П.Н. Малянтович, указав, что А. Мусси заведует лишь торгово-промышленной стороной предприятия, совершенно не касаясь его технической части, находил, что Мусси является совершенно неприкосновенным к этому несчастью. Яропольский же, на обязанности которого лежало наблюдение за административно-хозяйственной и технической стороной дела, не может считаться виновным потому, что им были приняты решительно все те меры предосторожности, которые были рекомендованы прежним фабричным инспектором. Не вина Яропольского, если этих мер оказалось недостаточно.

Суд постановил подвергнуть А. Мусси и Яропольского строгому выговору в присутствии суда, а Мусси, кроме того, подвергнуть церковному покаянию.

НЕОСТОРОЖНОЕ УБИЙСТВО

Обычная жизнь на шелковой мануфактуре товарищества Мусси 1 апреля прошлого года была прервана случившимся несчастьем, надолго оставившим сильное впечатление во всех тех, кои были свидетелями этого несчастного случая. Молодая работница Евфросинья Румянцева, 19 лет, поднималась по подъемной машине. Желая посмотреть вниз и разговаривая с кем-то, она нагнулась через перила машинной коробки во время хода, и когда платформа подъемной машины поравнялась с полом следующего этажа, несчастная девушка попала головой между коробкой и стеной. Удар был так силен, что голову совершенно размозжило Румянцовой и на конечном пункте поднятия машины выбросило на пол верхнего этажа тело убитой девушки.

Приглашенный врач подтвердил смерть Е. Румянцовой, а приглашенная полиция зарегистрировала несчастный случай в хронике происшествий и дала делу законный ход.

Администрация товарищества вознаградила ближайших родственников убитой суммой денег около 400 рублей, капитализируя эту сумму из 5% в размере половинного жалования молодой работницы, и те, по-видимому, считали себя удовлетворенными.

Но что прощает человек – не прощает закон.

Вчера директору-распорядителю товарищества Андрею Петровичу Мусси и заведующему технической и хозяйственной частью Федору Васильевичу Яропольскому пришлось дать ответ пред лицом окружного суда по обвинению в непринятии надлежащих мер предосторожности при устройстве подъемной машины, последствием какого нерадения и была смерть крестьянки Румянцовой.

Защищал обоих подсудимых помощник присяжного поверенного П.Н. Малянтович.

Обвиняемые не признали себя виновными и объяснили, что они, со своей стороны, приняли все меры к ограждению безопасности движения по подъемной машине, но что покойная Румянцева сделалась жертвой своей собственной неосторожности.

Допрошенный целый ряд свидетелей подтвердили, что действительно были предупреждения со стороны администрации фабрики подыматься по машине только по делу, между прочим были прибиты даже плакаты, предостерегающие фабричных рабочих без разрешения и надобности не пользоваться услугами подъемной машины.

Диссонансом в показаниях свидетелей звучало лишь показание фабричной инспекции, которая при первом еще несчастном случае на этой же подъемной машине признала (еще в 1894 году) устройство ее крайне неправильным и опасным; правда, были приняты кое-какие меры исправления, но и теперь, по мнению теперешней инспекции, остается еще кое-что переделать, чтобы оградить жизнь и здоровье рабочих от нового подобного несчастия.

Защитник держался той точки зрения, что в этом деле А.П. Мусси совершенно не может быть причастен к делу, так как техническая часть совершенно его не касалась, а вся по договору была отнесена на ответственность Ф.В. Яропольского. Но и последний не подлежит ответу на том основании, что прежний фабричный инспектор (г. Тихомиров) допустил пользоваться после сделанных исправлений машиной и не делал больше никаких указаний в смысле ее опасности или негодности.

Окружной суд признал обоих подсудимых виновными в приписываемом им деянии и приговорил их к строгому выговору в присутствии суда и, кроме того, Андрея Мусси к церковному покаянию по усмотрению его духовного начальства.

ВЗРЫВ ГАЗА

Русское “авось”, переведенное на иной язык, иногда значит “опыт”. Что опыт должен быть опасен, подразумевается само собой.

В зубовской аптеке врача Валика 3 марта 1897 года стали добывать кислород. Обычный прием добывания состоит в том, что смесь бертолетовой соли с марганцем засыпают в чугунную колбу и подогревают. Так же было сделано и на этот раз, но, к удивлению присутствующих, кислород и не думал выходить в приемник, а вместо того в колбе начало происходить что-то странное: крышка колбы немного приподнялась и показалось пламя. Видимо, продолжать опыт было опасно, с чем не согласился управляющий аптекой, г. Табак, полагавший, что, может быть, ничего и не случится. Поэтому он приказал вынести колбу на двор и продолжать подогревание. Присутствующие в сторонке ожидали, чем может кончиться дело. К великому их изумлению, дело кончилось торжеством природы над “авось”. Колбу с оглушительным треском взорвало. От силы взрыва потрескались стекла в надворных постройках, а часть осколков перелетела через Зубовский бульвар, по дороге переломив правую и повредив левую ногу рабочему Байкову, среди других присутствовавшему при торжестве природы.

Теперь оставалось только отыскать причину взрыва. Сперва решили, что во всем виновата колба, но не та, которая взорвалась, – старая, – а новая, которая куда-то пропала и тем самым заставила производить добывание кислорода в потрескавшейся и замазанной изнутри гипсом старой колбе. Однако колба оказалась если и виновною, то заслуживающею снисхождения. Эксперт, заведующий химическою лабораторией кн. Волконский, дал заключение, что взрыв произошел от нечистоты химических веществ, употребленных при добывании, а в частности мог обуславливаться присутствием в колбе гипса, заключавшего в себе какую-нибудь органическую примесь.

Пока люди науки искали причину взрыва, Байков, как человек, потерпевший сильный ущерб и в значительной степени

лишенный трудоспособности, стал искать с владельца аптеки, врача Валика, вознаграждение, объясняя свое требование существованием у него семьи, у которой он был единственным работником.

Дело рассматривалось в V гражданском отделении под председательством товарища председателя г. Павловича. Экспертиза химическая установила причину взрыва, медицинская – потерю трудоспособности, и единственным неясным местом явился вопрос, поднятый поверенным ответчика, присяжным поверенным Уманским, настойчиво пытавшимся узнать: “лопнула” колба или же “треснула”. Но кн. Волконский и этот вопрос разрешил, заметив, что “лопнула” или “треснула” колба – большого, в сущности, значения не имеет, ни научного, ни практического.

Окружной суд постановил взыскать с врача Валика в пользу Байкова пожизненно 7 рублей 50 копеек в месяц.

ПОДЛОГ АКТА О РОЖДЕНИИ

Бесхитростная, но полная глубокого драматизма история.

В прошлом году, в январскую стужу, к хозяйке убогой квартиры в подвальном этаже пришла плохо одетая и больная женщина с ребенком, завернутым в одни пеленки. Это была Анна Бекетова. 12 лет тому назад ее выдали за мясника – пьяницу и кутилу, который через три месяца выгнал ее на улицу. Поселилась она у родителей, – отец строгий и богобоязненный, мать простая и добрая женщина. Вероятно, сердце молодой женщины запросило любви и ласки, которых она мало видела дома. Как бы то ни было, в 1897 году Бекетова забеременела, скрывая это, со страхом загнанного человека, от отца. Матери она созналась только при наступлении времени родов. Заложив кое-какие золотые вещи, мать набрала денег и отправила Анну в родильный приют. Разрешившись мальчиком, Бекетова через пять дней вышла из приюта и, не решаясь пойти домой, отправилась искать пристанища. Когда она пришла к Алимовой, было уже 10 часов вечера. На вопрос хозяйки, кого ей надо, Бекетова робко заявила, что тут жила одна ее знакомая, к которой она пришла переночевать. К испугу Бекетовой оказалось, что знакомая давно уже не живет здесь. Куда идти?.. И пропал бы человек, если бы этот темный и грязный подвал не озарил луч чистой, женской любви. Алимова оставила Анну переночевать, отдав ей пустую комнату.

Наутро одна из постоялок услышала детский крик и увидела в пустой комнате женщину с ребенком, лежавшую на голом полу. Когда к этой постоялке пришли ее знакомые, Матюшина и Капцов, она рассказала им о грустном положении родильницы. У Матюшиной была своя история. Ее также прогнал когда-то муж, и она последние годы жила с Капцовым, к ее горю великим пьяницей, относившим в кабак последние гроши, которые зарабатывала его сожительница. И эта несчастная женщина решила помочь другой несчастной и взять на воспитание ее сына. Не в коротком отчете место для описания той картины, когда все добросердечные женщины собрались около Бекетовой, нянчились с ребенком,

купали его, а тут же подбоченившись стоял расчувствовавшийся Капцов.

Ребенка нужно было окрестить. Для этого нужен был паспорт Бекетовой, который она, однако, не решалась достать у сурового отца. Препятствие не показалось важным для женщины, и ребенка решено было окрестить по паспорту Матюшиной, как законного сына ее и ее супруга Викентия. Раз она усыновляет ребенка, так не лучше ли даже будет, чтобы он считался ее ребенком? – думали все, не подозревая, какое важное преступление они совершают. Расторопный Капцов оборудовал все дело: добыл кума, сам стал за кума, передал диакону паспорт своей сожительницы, и 12 января в московской Скорбященской церкви ребенок был окрещен как сын Матюшиной. Так бы это важное преступление и осталось скрытым навсегда, если бы тот же расторопный Капцов в одну из горьких минут похмелья не вздумал слегка заняться шантажом и явиться к Анне за деньгами. Отец ее выгнал пьянчужку, и тот, ничтоже сумняшеся, направил нетвердые стопы к околоточному надзирателю, у которого с таинственным видом начал наводить справки о Анне. На недоумевающий вопрос надзирателя, что ему, собственно, нужно, Капцов ответил:

– Так и знал, что попадусь!

И рассказал всю историю. Это было в мае; в июне ребенок умер, а вчера все трое: Капцов, Матюшина и Бекетова находились перед судом присяжных заседателей.

Товарищ прокурора Пороховщиков отказался от обвинения, и защитникам, помощникам присяжных поверенных Тесленко и Морозову, оставалось только развить основные положения его пространной речи. Председательствующий, товарищ председателя Д.А. Нилус, в своем заключительном слове, указав на то, какую роль играли в этой истории мужчины: “неизвестный отец”, суровый родитель Анны, и беспутный Капцов, заключил резюме слишком справедливыми словами:

– К стыду нашему, и в этом случае, как и во многих других, женщины оказались более отзывчивыми, гуманными и добрыми, чем мы.

Присяжные заседатели признали всех троих невиновными.

ТЯЖКИЕ РАНЫ

Страшно подумать, сколько существует в нашей жизни маленьких деспотов, невидимо действующих под тем тоненьким культурным слоем, который и радует и туманит наш непривычный взгляд. Обольщенные “европейским” платьем, мы с трогательной доверчивостью любуемся парочкой супругов, мирно идущих под ручку, и только суд, раскрывающий язвы, открывает наши глаза на ту мрачную, зверскую жизнь, которая клокочет под этой приятной и приличной внешностью.

Героем настоящего дела является человек в европейском платье, И.А. Севастьянов, по сословию – мещанин, по развитию – дитя природы и “Московского листка”, по занятиям – тунеядец и, наконец, по характеру – маленький, но тем паче ядовитый деспот. Объектом для его упражнений в характере служит жена и теща; первая – приличная молодая женщина в черном платье, вторая – старуха в платочке, с лицом изможденным и не дающим ни малейшей черточки для самого неунывающего стихотворца. Севастьянов некогда служил, но, по его словам, его заставляли чистить сапоги, что несовместимо с европейским платьем, и он бросил службу. По другим сведениям, Севастьянов манкировал службой и по ночам неведомо куда отлучался, и его уволили. Факт тот, что в течение почти года Севастьянов не работает, ценностей никаких не производит, но зато потребляет и распределяет. Материалы для потребления дают жена-портниха и теща, которая также чем-то занимается. Потребляет же Севастьянов главным образом водку, но не прочь и от пива. Случайной является та власть, которую этот достойнейший европеец забрал над обеими женщинами, покорно сносящими его самодурство и только трепещущими при виде его кулака, этого удивительного аргумента, никогда не теряющего своей силы и обаяния. К Рождеству жена не купила сыру – кулак приводится в действие. Не дают денег на водку – и тут помогает кулак, и, как некогда было в древности, из скалы начинает бить уже не вода, а чистейший спирт.

11 октября прошлого года ночью Севастьянов возвращался с женой из гостей и, деликатно выражаясь, уродничал. Ему хотелось

еще выпить пивка и невозможность осуществить это скромное желание приводила его в отчаяние. Он ложился на встречающиеся скамейки, предоставляя жене сладкую возможность поднимать его пьяное тело, терял не без умысла фуражку и повергал жену в ужас: а вдруг ненаглядный простудится? По пустынной Варварке жена не решалась идти вместе и, покинув супруга в состоянии неутолимой горести, пришла домой другими улицами и поспешно улеглась спать на полу с своей матерью и грудным ребенком. Явились наконец и сами Иван Анисимович и, подойдя к своей постели, вознегодовали – постель еще не была приведена в вид, удобный для мирного, пьяного сна. Раз! – подушка летит в голову жены. Два! – за ней следуют сапоги, стулья и прочее. Женщины в ужасе, не одетые, бегут на двор, Иван Анисимович завладевает ребенком и родительски успокаивает его. Дело происходит в октябре, быть раздетыми на дворе холодно, и теща возвращается за платьем. Но у Севастьянова одна рука свободна, и он начинает аргументировать, а так как испуганная женщина хватается для самообороны за ухват, он оставляет ребенка и приводит в действие и другую руку. За перегородкой спит жилец. Он слышит крики, удары, но, с одной стороны, сознание святости семейного очага, с другой – трусость, от которой трясутся его ноги и руки, заставляют его только натянуть одеяло на голову. Когда сбежался народ, Лузгина (теща) лежала окровавленная, без сознания и только хрипела. Около четырех недель она вылежала в больнице, но вышла оттуда в столь сомнительном состоянии, что должна была пролежать на испытании еще более двух месяцев в другой, Преображенской больнице, прежде чем убедились, что сотрясение мозга, бывшее результатом ран на голове, не повлекло за собой полного сумасшествия, а лишь ослабило ее память и слух, почти лишило зрения и сделало негодной для работы.

Дело слушалось в III уголовном отделении под председательством товарища председателя Д.А. Нилуса. Обвинял товарищ прокурора Пороховщиков. Защитника обвиняемый не имел.

Свое показание жена и теща начали с того, что они желают простить Севастьянова. Приглашенные, тем не менее, давать показания, они на большинство вопросов отвечали запямятованием и старательно избегали всего, что обвиняло Севастьянова. Свою кротость и всепрощение они доводили, таким образом, до истинного героизма. Зато ничто не удерживало свидетелей, и они полностью обрисовали приведенную нами картину.

Присяжные заседатели признали Севастьянова виновным в нанесении тяжких ран. Суд приговорил его к ограничению прав и заключению в тюрьму на 8 месяцев.

⟨2 АВГУСТА РАБОТАВШИЕ ПРИ ПОСТРОЙКЕ ДОМА...⟩

2 августа работавшие при постройке дома князя Оболенского, на углу Милютинского переулка, крестьяне Сухов, Романов, Гримов и Соловьев в седьмом часу утра поднимали на стройку громадную балку и при этом пели общепринятую в таких случаях песню “Эй, дубинушка, ухнем!”. Стоявший на посту городской нашел в этом нарушение общественной тишины и отправил этих рабочих в участок, где и был составлен протокол. Дело было передано к г. мировому судье Кузнецкого участка, который, рассмотрев обстоятельства этого дела и выслушав объяснения обвиняемых, показавших на суде, что они не считали противозаконным петь при работе песни, постановил: подвергнуть каждого из них штрафу по 15 копеек. Очень интересно было видеть недоумевающие лица рабочих, что их судят за пение песен, и надо было посмотреть, какова была их радость при прочтении г. мировым судьей такого гуманного приговора.

БОГАТОЕ НАСЛЕДСТВО

Спор об этом наследстве тянется уже целых пять лет, и дело успело по нескольку раз побывать в различных судебных инстанциях. За это время успел накопиться целый ворох различных документов, относящихся к различным периодам существования этого сложного дела. В нашем изложении мы остановимся лишь на самых главных обстоятельствах. В Сергиевом посаде проживали в течение многих лет две сестры-старушки. Они были, правда, неродные, а двоюродные сестры, но это не мешало им жить в такой трогательной любви и дружбе, в какой в наш суровый век редко живут и родные сестры. Обе они были духовного происхождения, обе – женщины тихие и богомольные и проводили свои дни в частых посещениях соседней Троицкой обители, в беседах с монахами, в постах и молитвах. В небольшом домике, в котором они жили, никогда не имели места ни ссоры, ни раздоры. Дом и вся движимость принадлежали старшей старушке, Малининой, но Шкинская (вторая сестра) отнюдь не жила в качестве приживалки, бедной родственницы. В хозяйственном обходе ее распоряжения имели одинаковую силу с указаниями самой Малининой. Для полной характеристики отношений, в которых состояли друг к другу обе старушки, достаточно привести слова одного иеромонаха: “братия наша, – говорил он на суде, – сказывала не раз: вот уж воистину два тела и одна душа”.

Малинина не раз высказывала свое желание оставить все свое имущество Шкинской. Был приглашен даже нотариус для составления завещания на недвижимое имущество, в состав которого входили дом и земля. Но это имущество было родовое, и нотариус пояснил, что оно не подлежит передаче по завещанию. Малинина умерла, и наследницей всего имущества в охранительном порядке была утверждена Шкинская, так как по публикациям никто из других наследников не явился. Но вскоре, однако, явился претендент в лице родного дяди покойной, Алексея Малинина. Как более близкий родственник, он и был утвержден в правах наследства на дом, землю и движимую собственность,

ценность которой составило всего несколько сот рублей. При описи имущества оказалась, однако, весьма ценная движимость, из-за которой, собственно, и весь сыр-бор загорелся: был описан портфель, а в портфеле – 52 600 рублей процентными бумагами. Аппетиты у г. Малинина разгорелись, и пошла на несколько лет тяжба с целым ворохом всевозможных прошений, жалоб, донесений, определений и т. д.

Малинин всеми силами старался доказать, что 52 600 рублей должны быть включены в состав его наследства и предоставлены в его полное распоряжение. К иску Малинина присоединилась г-жа Сумарокова, двоюродная сестра покойной (дочь ее дяди Ивана). Шкинская утверждала, что процентные бумаги составляют ее неотъемлемую собственность и отчасти приобретены на ее собственные средства, отчасти подарены ей покойной сестрой. Многочисленными свидетельскими показаниями была подтверждена правдивость слов Шкинской.

Суд признал наследственные права Малинина и Сумароковой в равной доле на недвижимое имущество, но не удовлетворил притязаний их на процентные бумаги.

Г. Малинина не удовлетворил этот приговор, и он пошел далее в своем домогательстве, и зашел далеко, слишком далеко. Поверенным ответчицы в одном из заседаний был предъявлен образец духовного завещания, по которому все имущество покойной должно было перейти в полное распоряжение Шкинской. Малинин воспользовался этим документом и не задумался предъявить к старушке, своей племяннице, тяжкое обвинение в подлоге завещания. Экспертиза признала завещание несомненно написанным рукой Малининой, и уголовное следствие было прекращено.

Все притязания, все домогательства г. Малинина потерпели фиаско. Когда дело с обвинением в подлоге не выгорело, дело снова стало разбираться в гражданском порядке и наконец получило окончательное разрешение в приговоре судебной палаты.

Интересы истицы поддерживал присяжный поверенный Ледницкий.

Палата утвердила приговор окружного суда и положила, таким образом, конец вожделениям г. Малинина.

УБИЙСТВО

(28 августа 1899 г.)

В Марьиной роще существовала башмачная мастерская Лемехова, отличительной особенностью которой было неустанное поклонение российскому Бахусу. Пили днем, пили ночью; пили в праздники, но и в будни не отказывались от этого развлечения. Перед всепобеждающей силой сивухи скрадывались различия в характерах и возрасте: хрипел в тяжелом сне мертвецки пьяный мастер, бушевал расходившийся подмастерье. Большеголовый, с лицом, темным от грязи, загару и водки, этот семнадцатилетний мальчик, носящий фамилию Чудакова, бранился нехорошими словами, лез в драку с окружающими и высказывал непереносимое намерение зарезать хозяина – за что и про что, не ведал ни сам он, ни хозяин, ни рабочие. Над угрозой мальчишки смеялись – да и кто бы мог придать значение этим диким крикам, вырывающимся из налитого водкой горла? Пьяные угрозы сменялись пьяной ласковостью и поцелуями, потом наступали жестокие страдания похмелья и, наконец, непродолжительный период протрезвления, когда в усиленной работе и мастера, и подмастерья старались наверстать потерянное время и хоть на время забыться от пьяного, дикого угара. В эти дни в мастерской царили трудовые мир и тишина; Чудаков забывал о своих угрозах, забывал о них и хозяин, любивший этого мальчишку и спускавший ему все пьянственные прегрешения на том непоколебимом основании, что мастеровому человеку без водки жить невозможно, а где водка – там и грех. Да и все окружающее подтверждало вывод этой нехитрой философии: Марьиная роща, залитая грязью, усеянная винными лавками, среди которых теряются сапожные, башмачные, слесарные и всех категорий мастерские, дни и ночи оглашается пьяными песнями и криками. Живя в центре этого забытого богом угла, органически сливаясь с привычками и нравами окружающей среды, Лемехову и его присным трудно было понять всю ужасающую ненормальность этой получеловеческой жизни.

23 декабря прошлого года, перед святками, мастеровые Лемехова получили расчет и были – кто полупьян, а кто и совсем пьян.

В числе последних находился “Васька Чудаков”, по обыкновению злой, раздражительный и сварливый. Из-за чего-то у него возникла ссора с одним из мастеров и вскоре перешла в драку. Лемехов, бывший слегка навеселе, и его жена принялись разнимать дерущихся, и пьяный Чудаков обратил свой пьяный гнев на хозяина. Восстановить с точностью дальнейшее весьма трудно, так как свидетели плохо помнят то, на что смотрели их глаза, задернутые винным туманом, а Чудаков совсем ничего не помнит. Известно только, что хозяин и Чудаков выбежали в сени, Чудаков кричал, что его бьют; потом они оказались уже на дворе, и ночной сторож видел, как Чудаков ударил хозяина сапожным ножом, коротким и острым.

Далее наступил обычный в этих случаях переполох. Плач жены, крики “зарезали” и безумная похвальба Чудакова сливались в одну страшную песню торжествующего алкоголя. Рана, нанесенная Лемехову, случайно оказалась тяжелой: нож вонзился в левую руку и перерезал плечевую артерию. Под руками не было никаких средств для перевязки, медицинская помощь явилась не скоро, и Лемехов скончался от потери крови.

Обвинение к Чудакову было предъявлено по 1451 статье уложения о наказаниях, т.е. в убийстве с заранее обдуманном намерением. Основанием для такой квалификации послужили неоднократные угрозы Чудакова, предшествовавшие преступлению, зарезать хозяина. Однако с первых шагов судебного следствия такая постановка оказалась несоответствующей действительности, и случай и водка заняли подобающее им место. Товарищ прокурора г. Рейнбот в своей речи откинул признак предумышленности убийства, а суд под председательством товарища председателя П.М. Александрийского поставил дополнительный вопрос о нанесении раны в состоянии запальчивости и раздражения.

Присяжные заседатели признали Чудакова виновным по этому последнему вопросу и дали ему снисхождение. Суд приговорил его к заключению в тюрьме на 1 год.

КЛЕВЕТА В ПЕЧАТИ

В марте прошлого года в г. Вязьме начали циркулировать упорные слухи о том, что городской голова И.В. Плетников покупает заведомо краденые вещи. Обнаружилось это будто бы при разборе в камере городского судьи дела по обвинению некоего Яковлева, по прозвищу Соловья, в краже у купца Ерохина алмазов, один из которых, по заявлению Соловья, был продан им Плетникову. Особенно заинтересован этим слухом, выходящим из ряда обыкновенных, был Л.И. Фаюткин, живущий в Вязьме и состоящий постоянным сотрудником “Смоленского вестника”. Так как на его обязанности лежало своевременно осведомлять газету о всех более или менее интересных проявлениях жизни глухого городка, Л.И. Фаюткин обращался в канцелярию судьи за справками, но справок ему там не дали. Слухи вместе с тем день ото дня становились настойчивее и определеннее. Нашлись очевидцы, бывшие в камере при рассмотрении дела, в том числе и потерпевший Ерохин, показание которого подтвердило справедливость молвы. Случайно Фаюткин встретился с преподавателем местной классической гимназии Н.Л. Масленниковым, который спросил его, слышал ли он о том, о чем говорят все. Фаюткин ответил: “слышал, но не знаю, правда ли?” Масленников сказал, что справедливость слухов вне всякого сомнения, и добавил, что по поводу отсутствия корреспонденций существует весьма нелестное для Фаюткина предположение: будто бы Плетников вступил с корреспондентом в переговоры, имеющие целью замять дело. Молчать долее становилось для Фаюткина неудобным, но еще в течение недели он колебался, прежде чем послал в “Смоленский вестник” корреспонденцию. Описывая разбирательство дела у городского судьи, Фаюткин говорит, между прочим, в своей корреспонденции следующее:

«Обвиняемый чистосердечно раскаивается. Оказывается, он продал эти алмазы городскому голове И.В. Плетникову за 35 копеек – Судья. “Вы и раньше продавали этому господину краденые вещи?” Подсудимый. “Продавал”. Судья. “Он знал, каким способом вы их добываете?” Подсудимый. “Знал. В последний

раз он просил меня принести краски “медянки”, но я не успел”. Субъект получил должное возмездие, а другого субъекта, принявшего краденое, это возмездие ждет. Судья передал судебному следователю копию протокола, и г. Плетников уже привлечен к ответственности».

Сенсационная корреспонденция “Смоленского вестника” была перепечатана большинством московских и петербургских газет.

Плетников послал редактору “Смоленского вестника” В.В. Гулевичу возражение, но редакция, ввиду “неуместных выражений” и резкого тона, допуская предположение о мести, и предложения заплатить деньги за напечатание возражения, напечатать возражение отказалась, после чего Плетников возбудил уголовное преследование против Фаюткина и Гулевича, обвиняя их в клевете.

Первоначально дело это слушалось на выездной сессии смоленского окружного суда в г. Вязьме под председательством товарища председателя И.В. Мушкетова. Наиболее важными показаниями были показания городского судьи Н.К. Астафьева и обличителя, Осипа Яковлева – Соловья. Г. Астафьев сообщил, что Соловей действительно передавал о сбыте краденого различным лицам, но свидетель не помнит, предлагал ли он вопросы о том, кому продавал. В пояснение того, почему он не считал необходимым предлагать подобные вопросы, г. Астафьев привел наблюдение, сделанное им, очевидно, на практике: “воры обыкновенно не называют тех лиц, кому сбывают”. Из камеры г. судья уходил в кабинет писать приговор и, что говорилось в его отсутствие, не знает. Если бы свидетель слышал заявление Соловья о продаже краденого Плетникову, он, несомненно, занес бы это в протокол и привлек бы Плетникова к ответственности. Из представленной к делу копии протокола видно, что о Плетникове не говорится ни слова. При разборе дела Фаюткина в камере не было.

Полную противоположность показанию г. Астафьева составило свидетельство Соловья. Этот сообщил на суде, что украденный им алмаз он действительно продал городскому голове за 35 копеек. Плетников лично с ним торговался, он же платил деньги, и он же просил достать краски “медянки” – крышу покрасить. Обо всем этом – утверждает Соловей – он заявил судье во время разбора дела и показывал на дознании полицейскому приставу и прокурору.

Остальные свидетели варьируют эти два основных показания. Товарищ прокурора В.М. Шаланин заявил, что по поводу оговора Плетникова он производил негласное расследование, но о содержании его дать показание отказался, ссылаясь на служебную

тайну. Свидетель удостоверил, что Плетников к ответственности привлечен не был, причем добавил, что, конечно, он обязан был бы привлечь Плетникова, если бы к тому были данные. Бывший полицейский пристав Цявловский, производивший дознание, свидетельствует, что Соловей сперва говорил, что продал алмаз служащему у Плетникова, столяру Матвееву, но потом изменил показание и говорил приставу то же, что и на суде, т. е. что алмаз продал самому городскому голове. Столяр Матвеев утверждал на суде, что алмаз купил именно он; денег для этого он взял у Плетникова, у которого работал и который о происхождении алмаза ничего не знал. Плетников выходил сам к Соловью, видел алмаз и говорил, что эта дрянь больше 35 копеек не стоит, после чего велел уходить. Материалы и инструменты для работы, как то: стекло, замазку, алмазы и пр., столяр Матвеев получал от Плетникова.

Из показаний Ерохина, у которого была произведена кража, и письмоводителя судьи Белявского с несомненностью явствует, что Соловей о покупке алмаза Плетниковым заявлял, но заявлял ли он судье или так, обращался к публике, в виду запечатования Ерохина, остается вопросом открытым. Но приказчик Ерохина, Кланин, говорит, что хозяин, придя от мирового, рассказывал про заявление Соловья в том именно смысле, как оно было сделано судье. Рассказ этот Кланин помнит очень твердо.

Остальные свидетели: учитель гимназии Масленников, его брат, местный помещик, и Уклонский, бывший член управы, единогласно свидетельствуют, что слухи о г. Плетникове приобрели широкое распространение и устойчивость. Им верили и до сих пор верят. Верит им и г. Масленников. Корреспонденция Фаюткина не только не прибавила ничего к тому, что все раньше знали, наоборот, кое-что обойдено в ней молчанием.

Окружной суд признал Фаюткина и Гулевича виновными и приговорил: первого к заключению в тюрьме на три месяца, второго к семидневному аресту. По жалобе обвиняемых дело перешло в московскую судебную палату, где и слушалось вчера под председательством члена палаты Воеводского.

Допрос в палате свидетелей Ерохина и его приказчика не внес ничего нового, за исключением свидетельства Ерохина о том, что Соловей указывал, кроме Плетникова, на другое лицо, купившее у него алмаз, г. Рукавишникова, и это заявление подтвердилось. Совершенно новыми показаниями были показания свидетеля Григорьева, на суде не допрашивавшегося. Григорьев, по профессии бараночник, показывал, что Соловей откровенно объяснил ему причину оговора Плетникова: в бытность Соловья в тюрьме, когда он уже отбывал наказание за кражу, к нему приехал учитель

Масленников и дал целковый, прося показывать против Плетникова. Перед рассмотрением дела о клевете в окружном суде с той же просьбой обращался к нему г. Гулевич и дал пять рублей. При этом Соловью обещал после разбора дела в суде дать ему еще сто рублей, но обещание это оказалось одним обманом: после суда денег Соловью не дали, ссылаясь на то, что “голову в тюрьму не посадили”. При этих признаниях Соловья присутствовал, по словам Григорьева, некто Харитонов.

Защита, в лице помощников присяжных поверенных Макеева и Муравьева, просила, в виду сенсационных разоблачений, позорящих честь г. Гулевича, приостановить дело для вызова и допроса Соловья и Харитонova, но палата отказала в этом, постановив не касаться вопроса о выдаче Гулевичем пяти рублей как не относящегося к делу.

Григорьев, кроме Харитонova, указал на Акимова, также бывшего будто бы свидетелем признаний Соловья. Акимов ссылки на него не подтвердил.

Учитель гимназии Масленников, в добавление показанного им на суде, сообщил, что он был судим за клевету и осужден на 4 дня ареста, но дело о тех лицах, которых он обвинял в хищении, еще не кончено. Далее, относительно того, как редактор “Смоленского вестника” мог поверить корреспонденции, сообщавшей такие позорные факты о таком почтенном лице, как городской голова, Масленников заявил, что о Плетникове и до того случая появлялись сообщения далеко не лестного свойства. Так, между прочим, писалось, что после прекращения платежей в вяземском городском банке Плетников и другие лица скупали за бесценок у перепуганных вкладчиков вкладные листы, нажив на этой операции крупные деньги. Также своевременно констатирован был факт захвата головой городской земли. К оговору Григорьева в подкупе Соловья г. Масленников отнесся с негодующим изумлением.

Товарищ прокурора Шаланин, в добавление к прежним своим показаниям, пояснил, что никаких данных к привлечению Плетникова к ответственности он не имел. Первую часть корреспонденции, в которой трактуется Фаюткиным один случай из судебной практики, г. Шаланин признал безусловной ложью, почему не питая доверия и ко второй половине, где говорится о Плетникове, он все же произвел негласное расследование. В день рассмотрения дела о клевете в окружном суде г. Шаланин случайно встретил в дверях суда пьяного субъекта, оказавшегося Соловьем, который заплетающимся языком, не позволявшим установить с точностью смысл его речей, просил свидетеля научить его, что показывать

на суде, добавляя, что его уже научили показывать, но он боится, как бы потом не досталось.

Из показаний столяра Матвеева, сообщившего, что купленный у Соловья краденый алмаз до сих пор находится у него, пристава Цявловского и товарища прокурора Шаланина не видно, чтобы у мирового судьи или на дознании возникла речь о лицах, которым Соловей сбывал краденое.

Поверенным частного обвинителя выступил присяжный поверенный В.Е. Курлов.

Московская судебная палата утвердила приговор смоленского окружного суда.

ПЯТЬ ЛЕТ НЕИЗВЕСТНОСТИ

У крестьянки Сергеевой родился вне брака сын, которого она отдала на воспитание в деревню в семью Королевых, причем платила за содержание сына, а иногда брала его к себе. В июне 1894 г. она окончательно взяла было сына к себе, но тот, каким-то образом встретившись с Королевым в Москве, снова очутился в деревне. Мать его обращалась с просьбой о возвращении сына к волостным и полицейским властям и, не добившись успеха, предъявила иск к Королеву через московский окружной суд. Это было в 1894 г. С тех пор дело успело обойти все инстанции до правительствующего сената включительно и спорный ребенок успел уже обратиться в юношу с более или менее самостоятельными желаниями и симпатиями, когда наконец был решен вопрос о том, в чьих руках он должен находиться.

На суде при первом рассмотрении дела поверенный Королева представил удостоверение о нахождении мальчика в школе и доказывал, что отобрание его от Королевых принесет ему только вред, тем более что и первоначально мальчик был отдан не на временное воспитание, а совсем, почему его и следует оставить у воспитателей. Окружной суд с этим не согласился – причем один из членов суда остался при особом мнении – и присудил мальчика возвратить матери.

В течение двух лет мальчик почти принадлежит матери – почти, так как суд есть лишь первая инстанция, голос которой смолкает, когда возвышается другой, более авторитетный голос – судебной палаты. И палата отменяет решение суда и отказывает Сергеевой в признании ее прав на ребенка, находя, что мальчику будет лучше жить у воспитателей, чем у нее.

В течение новых двух лет мальчик почти принадлежит воспитателям – почти, так как не высказался еще правительствующий сенат. Сенат находит, что судебная палата нарушила в этом деле точный смысл 172 и 173 статей тома X части I законов гражданских, безусловно признающих права матери, хотя бы и над незаконными детьми, и отменяет решение палаты.

Еще в течение года мальчик, уже превратившийся в юношу, находится в неведении, кому отдаст его судьба. Вопрос этот находит теперь уже окончательное решение при рассмотрении дела в новом гражданском департаменте палаты под председательством члена палаты г. Шумина. Со стороны Сергеевой это продолжительное дело вел присяжный поверенный Быховский; со стороны Королевых на последнее заседание никто не явился.

Судебная палата постановила возвратить мальчика Сергеевой.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Вчера новый состав присяжных заседателей по 3-му уголовному отделению приступил к своей деятельности. В числе первых дел ему пришлось рассмотреть небольшое дело по обвинению крестьянина Королева в краже. И вот во время разбирательства дела произошел случай чрезвычайный, редкий, может быть, даже исключительный в судебной хронике. Но сначала надо в главных чертах познакомиться с делом. Оно очень несложно. В ночь на 4 сентября 1900 года из винной лавки Морозовой, помещавшейся в обитаемом доме Кулева, в Даниловской слободе, были похищены 10 полбутылок водки и два рубля денег, причем похититель проник в лавку, сломав запиравший ее висячий замок и накладку, на которую он надевался. Началось следствие, при производстве которого подозрение в краже пало на крестьянина Королева. Этот Королев проживал в означенной местности без определенных занятий, что в связи с его довольно темным прошлым, в котором имелось несколько обвинительных судебных приговоров, увенчавших деятельность Королева на поприще борьбы с институтом чужой собственности, делало его вообще подозрительной личностью. Кроме того, против него имелись и более веские улики. Так, на следствии было установлено, что Королев в день совершения кражи, часов в 11 ночи, предлагал содержателю чайной лавки Залетову купить у него несколько полбутылок водки, а на квартиру свою вернулся в 3 часа пополудни.

На суде, однако, Королев категорически отрицал свою виновность и, быть может, некоторые обстоятельства в деле остались бы недостаточно выясненными, если бы не помог тот случай, который составляет самый интересный момент в настоящем деле.

Среди свидетелей, которые должны были быть приведены к присяге, находился Лукьянов. Он неожиданно заявил, что присяги принимать не будет, так как не желает показывать “облыжно”. Председательствующий Д.А. Нилус разъяснил свидетелю, что ведь присяга для того и делается, чтобы не показывать “облыжно”, и что должно присягу принять и показывать правду.

Свидетель согласился и принял присягу. Дошла до него очередь давать показания. “Что вы знаете, по этому делу?” – последовал обычный вопрос со стороны председателя. “Я крал вместе с ним, с Королевым”, – следует неожиданное признание Лукьянова. Затем он подробно рассказывает, как было дело. Его показания дышат несомненной искренностью и многие подробности в деле выступают с полной ясностью. Признание этого человека, на которого не падало и тени подозрения, производит довольно сильное впечатление на присутствовавших. Показания его заносятся в протокол и должны будут послужить поводом для возбуждения уголовного преследования против Лукьянова.

Что касается Королева, то его дело шло своим чередом после этого инцидента. Присяжные заседатели в своем вердикте признали его виновным в краже, но не из обитаемого строения, и дали ему снисхождение. На основании этого вердикта суд приговорил Королева к лишению всех особых, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на 1 год.

“Совесь отняли у человека! – закричал подсудимый, выслушав приговор. – Не ждать теперь добра”. Жандармы поспешили увести подсудимого.

Другие редакции и варианты

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

(С. 32)

Варианты ПССМ¹

- ¹³ ничем не отличается / ничем не отличался
^{57–58} упал на стоявшие щиты / упал на стоявшие счеты
⁸³ покойного, остальные / покойного, а остальные

ОБОЛЬЩЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ

(С. 35)

Варианты ПССМ

- ²⁴ картину будущей счастливой жизни / картины будущей счастливой жизни
^{30–31} Увезенная из дома / Увезенная из дому
⁵⁶ всю мерзостью / всей мерзостью

ГРАБЕЖ

(С. 37)

Варианты ПССМ

- ^{14–15} ему осталось до дома / ему осталось до дому
^{26–27} бросившись в воду. Окунувшись и обернувшись к товарищам / войдя в воду. Когда он обернулся к товарищам
^{28–29} Кузьмин был поражен / он был поражен
^{57–58} но действовавшим / но действующим

¹ Здесь и далее в качестве ОТ рассматривается первая газетная публикация (в "Курьере"). См. наст. том, с. 600.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
{16 марта 1900 г.}

(С. 107)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Пр, ПССМ)

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / СФИНКС СОВРЕМЕННОСТИ
(Пр, ПССМ)
¹⁰⁻¹¹ поразительную целостность мирозерцания и полную гармонию / поразительную гармонию (Пр, ПССМ)
¹⁶⁻¹⁷ но есть то и другое, нет стойков и эпикурейцев, но существует и то и другое. / но есть то и другое. (Пр, ПССМ)
³⁸⁻⁷⁷ Контора Кука ~ и в уездах. / в Пр, ПССМ нет.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
{5 апреля 1900 г.}

(С. 127)

*Варианты позднейших прижизненных изданий
(Юр, Пр, ПССМ)*

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / РАЗНЫЕ ДОРОГИ (Юр) / ВЕСНА (Пр, ПССМ)
⁶ весенний период / учебный период (Пр, ПССМ)
¹⁵ ни к весенним ни к августовским / ни к весеннему ни к августовскому (Пр, ПССМ)
¹⁵⁻¹⁶ не удавалась / не давалась (ПССМ)
¹⁶ логарифмы. Они / логарифмы: они (Пр, ПССМ)
²² в нем были расставлены / в бальнике были расставлены (Юр)
³⁸⁻³⁹ не огорчить их / не огорчать их (Пр, ПССМ)
⁵⁰ экстаза: оказывалось / экстаза; оказалось (Пр, ПССМ)
⁵⁵ еще несколько глаголов / несколько глаголов (Пр, ПССМ)
⁶⁴⁻⁶⁵ я углем рисовал на теплой земле / и углем рисовал на теплой земле (Юр) / и углем рисовал на земле (Пр, ПССМ)
⁶⁵ отправлялся бродить / я отправлялся бродить (Юр, Пр, ПССМ)

- 66 как где-то пели, где-то рокотал рояль / как где-то рокотал рояль (ПССМ)
- 68 обрывали на полноте / обрывали на полуноте (Юр)
- 71–72 с глубокой печалью покачивал лысой головой: / с глубокой печалью: (Пр, ПССМ)
- 73 толстый и красный и / толстый, красный и (Пр, ПССМ)
- 79 собаки брехали / собаки лаяли (Юр)
- 85–86 Счастливы вы, нынешние, которые не всегда принуждены выдерживать! / в Пр, ПССМ нет.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(9 апреля 1900 г.)

(С. 130)

Варианты позднейших прижизненных изданий
(Зн, Пр, ПССМ)

- 1 ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ ДЛЯ ВОСКРЕСШИХ (Зн, Пр, ПССМ)
- 9 такие маленькие / такие же маленькие (Зн, Пр, ПССМ)
- 18 бесцветных могилах / безвестных могилах (Зн, Пр, ПССМ)
- 30 могил! / мест! (Зн, Пр)
- 34 в вашу душу / в душу свою (Зн, Пр, ПССМ)
- 59 крест показывает / крест знаменует (Зн, Пр, ПССМ)
- 65 маленьких, осевших бугорков / маленьких бугорков (Пр, ПССМ)
- 70–71 белые березки / березки (Пр, ПССМ)
- 73 раскройтесь, вы, угрюмые могилы / раскройтесь угрюмые могилы (Зн, Пр, ПССМ)
- 74–75 расступитесь железные решетки! / расступитесь, о, железные решетки! (Зн, Пр, ПССМ)
- 86–87 Вон летит ласточка – полетим за нею! Ты не можешь, мой бедный талант? Ты отяжелел в могиле? / Вон летит ласточка – полетим за нею? Ты отяжелел в могиле? (Зн, Пр, ПССМ)
- 92 Какие потешные личики / какие милые и смешные личики (Зн, Пр, ПССМ)

⁹³ карапуз, я не узнаю тебя? / карапуз? Я не узнаю тебя.
(Пр, ПССМ)

⁹⁹ Ах, как прекрасна жизнь для воскресших! / в Пр, ПССМ нет
¹⁰³ вы думали о хлебе? / вы думали о хлебе для голодных? (Зн,
Пр, ПССМ)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨2 мая 1900 г.⟩

(С. 149)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Пр, ПССМ)

¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ШАЛОСТИ ПРОГРЕССА ⟨Ч. 1¹⟩ (Пр,
ПССМ)

^{19–20} касательство к техническому и промышленному прогрессу /
касательство к промышленному и техническому прогрессу
(Пр, ПССМ)

²⁸ прыгнуть вперед / прыгнуть вверх (Пр, ПССМ)

⁴² еду с товаропассажирским поездом / еду товаропассажи-
рским поездом (Пр, ПССМ)

^{63–93} Вчерашний проект ~ мы удовольствуемся перечисленны-
ми. / в Пр, ПССМ нет.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨9 мая 1900 г.⟩

(С. 167)

Варианты ПССМ

¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / Ф.Г. ВОЛКОВ

^{28–30} иконостас в ярославской Николо-Надеинской церкви, при-
надлежащий, по преданию, работе Волкова. / иконостас в
ярославской Николо-Надеинской церкви.

⁶⁹ что Полушкин умер в 1748 году / что Полушкин умер в
1744–1748 г.

¹ Здесь и далее условно выделены как “части” фрагменты сплошного текста (иногда разделяемые астерисками и т. п.) в позднейших изданиях, которые идентичны соответствующим законченным фельетонам из “Курьера”.

- 73–74 разрешение на спектакли было дано *post factum*. Не говоря... / разрешение на спектакли было дано, не говоря...
74–75 такие законы *post factum* очень часты / такие законы очень часты.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨14 мая 1900 г.⟩

(С. 175)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Пр, ПССМ)

- ¹ МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ / МОСКОВСКОЕ ЛЕТО НАСТУПАЕТ (Пр) / МОСКОВСКОЕ ЛЕТО НАСТУПАЕТ ⟨Ч. 1⟩ (ПССМ)
^{3–61} Московское общество ~ не по времени она. / в Пр; ПССМ нет.
⁷⁰ на солнце. Москва / на солнце, Москва (Пр, ПССМ)
^{71–72} нагруженные воза / нагруженные возы (Пр, ПССМ)
⁷⁶ пустеют. Еще / пустеют, еще (Пр, ПССМ)
^{99–100} несутся со дворов / несутся со двора (Пр, ПССМ)
¹¹⁰ заполнят Москву / заполняют Москву (Пр)
¹¹⁴ москвичи, вернувшиеся / москвичи, вернувшись (Пр, ПССМ)
¹²⁰ домами. Прокисший / домами, прокисший (Пр, ПССМ)
¹³¹ неожиданной пище / неожиданной пище (Пр, ПССМ)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨21 мая 1900 г.⟩

(С. 196)

Варианты ПССМ

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ДЕЛО СКИТСКИХ ⟨Ч. 1⟩
^{7–8} жалели голые зазябшие тополя / жалели голые зазябшие тополи
¹¹ колчам / кочкам
^{11–12} нет свободного номера / нет свободного места

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨26 мая 1900 г.⟩

(С. 214)

Варианты ПССМ

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ДЕЛО СКИТСКИХ <Ч. 2>
³³ Видно, что и Ст. Скитский / Видно, что Ст. Скитский
⁵⁵ каким он в то время уже, предполагается, был. / каким он в
то время, предполагается, был.
⁷³ полное знание дела / полное понимание дела

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨27 мая 1900 г.⟩

(С. 219)

Варианты ПССМ

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ДЕЛО СКИТСКИХ <Ч. 3>
⁸⁻⁹ Интерес к делу и судьбе Скитских / Интерес к делу о судьбе
Скитских
¹¹ забыть обо всем / позабыть обо всем
¹³ в тень ее зеленых душистых садов / в тень ее зеленых души-
стых цветов
¹⁵ что зал невелик / что он невелик
⁴² рожица ребенка, который / рожица ребенка, которая
⁴⁸ вызывая шутки, смех / вызывая шутки и смех
⁵² все дает впечатление / все это дает впечатление
⁵⁴⁻⁵⁵ отделяла от суда и публики решетка / отделяла от суда и
публика и решетка
⁵⁷ все это создавало / все создавало
⁶² было сознание, что ведь их же судят, что ни к чему все это /
было сознание, что ни к чему все это
⁸²⁻⁸³ устанавливающих по времени или по месту alibi Скитских /
устанавливающих по времени или по месту Скитских
¹¹¹ возит воду на волах? / возит воду на полях?
¹³³⁻¹³⁴ должны были бы вытерпеть они! / должны были вытерпеть
они.
¹⁵⁶ по словам Бородаевой, quasi-Скитские бежали / по словам
Бородаевой, Скитские бежали

- 166 А этот, наконец, / А тут, наконец,
 197–198 от раков, а может быть, и терновника / может быть, от раков,
 может быть, от терновника
 201 etc. / и т. д.
 202–203 Вот как примерно доказывает / Вот как, например, доказы-
 вает

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈30 мая 1900 г.〉

(С. 232)

Варианты ПССМ

- 1 ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ДЕЛО СКИТСКИХ 〈Ч. 4〉
 31 Чего еще нужно / Что еще нужно
 38–39 Почему и гражданскому истцу / Почему же и гражданскому
 истцу
 39–40 авторитетного мнения? / мнения?
 41 вытекавшая изо рта / вытекшая изо рта
 57 добавить умеренную дозу / прибавить умеренную дозу
 63 старался представить его себе / старался его представить
 себе
 67–68 невозможно вообразить / невозможно себе вообразить
 80 не пошли в купальни / не пошли в купальню
 94 alibi Скитских / алиби Скитских
 113 К доказательству того / В доказательство того
 132 прорывавшихся во время осмотра через цепь / прорывавших
 во время осмотра цепь
 142–143 радуется каждому доводу / радуется каждому поводу
 145 В.В. Быховского / Быховского
 148 lapsus'ами / актами
 176 тратой нервов и мозгов / тратой нервов и мозга
 182–183 не придавали ей и значения / не придавали ей значения
 184–185 назойливых как муха / назойливых как мухи
 204 это – улика, грозная улика; смотрите / это – улика. Смотрите
 226–227 15-го в лавку к Николаевой / 15-го к Николаевой
 228 боюсь я этого пана! / боюсь я этого, папа.
 244–245 Иванова с его и обыкновенно носимыми волосами, и фу-
 ражкой / Иванова с его обыкновенно носимыми волосами
 и фуражкой
 253–254 предполагаемом пути / предполагаемого пути

- 267 А ясно это не подтверждается, что могли / А ясно это не
подтверждается, – могли
- 273 Петру незачем было убивать Комарова, но / Петру незачем
было убивать, но
- 277–278 пройти через полянку / пройти через поляну
- 278–279 А Петерсоны? Петерсоны могут и ошибаться. / *в ПССМ нет.*
- 285–286 к этому всемогущему и ничтожному / к этому всемогущему,
ничтожному

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨1 июня 1900 г.⟩

(С. 241)

Варианты ПССМ

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ДЕЛО СКИТСКИХ ⟨Ч. 5⟩

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨2 июня 1900 г.⟩

(С. 243)

Варианты ПССМ

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ДЕЛО СКИТСКИХ ⟨Ч. 6⟩
- ⁴² пространство, остававшееся / пространство, оставшееся

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨8 августа 1900 г.⟩

(С. 267)

*Варианты позднейших прижизненных изданий
(Юр, Пр, ПССМ)*

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / Г. ЭКСТЕМПОРАЛИЙ (Юр) / ОН УМЕР,
БЕДНЫЙ ЭКСТЕМПОРАЛИЙ (Пр, ПССМ)
- ¹² Ведь не скажете / Но не скажете (ПССМ)
- ¹⁴ увидели его / увидели его (Юр, Пр)

- 17 приготовьте носовые платки / приготовьте ваши носовые
платки (*Пр, ПССМ*)
31 он изредка / он нередко (*Юр*)
48 я уступал силе и вместо / я уступал силе, вместо (*Пр*)
91 которые Рим спасли? / которые спасли Рим? (*Пр, ПССМ*)

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

〈13 августа 1900 г.〉

(С. 270)

Варианты позднейших прижизненных изданий
(*Юр, Пр, ПССМ*)

- ¹ МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ / ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ (*Юр*) /
В КРУГУ (*Пр, ПССМ*)
11–12 С поспешностью, делающей честь его / С поспешностью,
делающею честь его (*ПССМ*)
³⁷ также и зевоту / также зевоту и (*Пр, ПССМ*)
³⁸ нас задавил было / задавил было (*Пр, ПССМ*)
⁵⁰ – Да. Хорошая. / Да, хорошая (*Пр, ПССМ*)
⁶⁹ Нет, знаешь / Нет, знаете (*Юр, Пр, ПССМ*)
⁷⁹ заметив: / заметил: (*Юр*)
¹⁰³ нужно расчесть / нужно рассчитать (*Юр*)
¹¹⁷ что и у него / что у него (*Пр, ПССМ*)
134–152 Алексей Егорович почему-то избегал ~ Помолчали. / в *Пр,*
ПССМ нет.
¹⁶¹ extempore / экстемпоралий (*Пр, ПССМ*)
185–186 иронии этой и в / иронии и в (*ПССМ*)
²¹⁰ мертвыми, / мертвыми и (*ПССМ*)
²⁴⁹ обо всем говоришь? / обо всем говоришь. (*Пр*) / обо всем
говорил. (*ПССМ*)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈14 августа 1900 г.〉

(С. 276)

Варианты позднейших прижизненных изданий
(*Пр, ПССМ*)

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ЛЕТО (*Пр, ПССМ*)

- 18 и зеркальная река отражала / а зеркальная река отражала
(Пр, ПССМ)
34 на день / в день (ПССМ)
35 с носа сходила / с носа она сходила (Пр, ПССМ)
44 умный мальчик / умненький мальчик (ПССМ)
49 часто и они расшибали мне нос / часто они расшибали мне
нос (ПССМ)
67-68 На днях ~ работ / в Пр, ПССМ нет.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈19 августа 1900 г.〉

(С. 278)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Пр, ПССМ)

- 1 ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ПРОДОЛЖЕНИЕ (Пр) / БЕЗУМЕЦ 〈Ч. 2〉
(ПССМ)
5-6 в Париже с ней же или на водах с ней же, который / в Пари-
же с ней же, который (ПССМ)
13 и супруги, ручаюсь в том, поймут меня. / и супруги, руча-
юсь, поймут меня. (Пр, ПССМ)
17-18 Знал я и таких друзей / Знал я других друзей (ПССМ)
34-35 единственная мысль: разбить стол на кусочки / единствен-
ная мысль: о самоубийстве (Пр, ПССМ)
52-55 сочиняет для неизвестного конкурса протоколы. Две версты
идет пешком до дачи, подсчитывает в темноте количество по-
путных деревьев и с любовью вспоминает о московской конке
и фонарях. Живет в трех комнатах / сочиняет для неизвестно-
го конкурса протоколы. Живет в трех комнатах (Пр, ПССМ)
62 на десять верст / на десятки верст (Пр, ПССМ)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈22 августа 1900 г.〉

(С. 286)

Варианты позднейших прижизненных изданий
(Юр, ПССМ)

- 1 ВПЕЧАТЛЕНИЯ / СЛАБЫЙ ПОЛ (Юр, ПССМ)

- 63–64 довольно трудно / очень трудно (*Юр, ПССМ*)
 68–69 Затем еще через час поочередно являлись: дама из лесу,
 дама мазиловская, дама царицынская и дама обираловская.
 / в *Юр, ПССМ* нет.
 76–77 четыре дамы одновременно вошли в квартиру и одновремен-
 но сказали / четыре дамы одновременно сказали (*ПССМ*)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈29 августа 1900 г.〉

(С. 295)

Варианты позднейших прижизненных изданий

(*Юр, Пр, ПССМ*)

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ/ВЫРВАННЫЕ ЛИСТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ
 КНИЖКИ (ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ) (*Юр*) / РУССКИЙ
 ЧЕЛОВЕК И ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА 〈Ч. 1〉 (*Пр, ПССМ*)
 28–55 Сочетание русского человека с русской железной дорогой
 ~ остался недоволен собой. – В *Юр, Пр, ПССМ* включен
 только этот отрывок фельетона.
 36–37 что этот поезд не его / что это поезд не его (*ПССМ*)
³⁹ обыкновенно на той / обыкновенно не на той (*Пр, ПССМ*)
⁴⁵ не выбирает поезда / не выбирает себе поезда (*Пр, ПССМ*)
⁴⁹ Мимо него / Мимо его (*Пр, ПССМ*)

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

〈3 сентября 1900 г.〉

(С. 301)

Варианты ПССМ

- ¹ МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ / КИТАЙСКИЙ РОМАН
⁷⁶ изобретать сюжет / изобретать сюжеты
 77–78 другой даже посуду в рассрочку приобретает / другой даже
 в рассрочку приобретает
 109–110 на сюжет дела братьев Скитских / на сюжет братьев Скит-
 ских

- 114 не понимаю упорного нежелания / не понимаю упорное
нежелание
133 то отчасти / то хоть отчасти
141 Глава первая. / I.
174 – Хло-рал гид-рати! Драти! / – Хло-рал-гид-рати.
177 взоры его / взоры
195 сам не знал / сам не знаю

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨17 сентября 1900 г.⟩

(С. 337)

ЧН¹

Умилительные времена мы переживаем. Коннозаводчики толкуют об идеалах; Омон открывает народный² театр с разумными и полезными развлечениями; трактирщики проповедают трезвость и воздержание. Скоро, вероятно, волки будут пропагандировать³ эмансипацию овец и стрижку их во имя равноправности. Они уже, впрочем, потолковывают.

Обращение трактирщиков свершилось на днях и имело трогательный характер. Причина – вводимая в Моск(овской) губернии винная монополия; ближайший повод –⁴ проэкт управы⁵ об увеличенном обложении остающихся трактиров с вольной продажей питей. Дума, как известно, предполагает увеличить платимый ныне трактирами сбор приблизительно на 25 %, отправляясь от того соображения, что чем меньше трактиров, тем больше в каждом из них посетителей, а тем, следовательно, и выше доход. Признаться, я был даже несколько удивлен снисходительностью управы: 25 %, когда доход увеличится, наверное, вдвое, т. е. на 50 %. Объяснял я эту снисходительность тем, что только одна унтер-офицерша Пошлепкина⁶ обнаружила наклонность к самосечению, да и та, в конце концов, была выдумана господином Гоголем, известным на-смешником. Собственное объяснение думой ее снисходительности:

¹ *Вариант стк. 32–70* (Обращение трактирщиков носило весьма трогательный характер ~ А вы, батюшка, г. частный пристав, прислушайтесь.)

² народный *вписано*.

³ *Далее было*: стрижку овец и

⁴ *Далее было*: увеличение Ду(мой?)

⁵ *Было*: думы

⁶ Пошлепкина *вписано*.

нужно-де трактирщикам приспособиться к новым условиям торговли, а там мы сбор увеличим, – едва ли было достаточно обосновано. Приспособляться придется не трактирщикам – экая премудрость, налить лишнюю рюмку! – а разве только трактирным посетителям, которым действительно может потребоваться время для изучения новой трактирной географии. Но и этому затруднению легко может помочь всякий извозчик, ибо он достаточно сведущ не только по части трактирной географии, но и в области даже тайных наук.

Оказывается, однако, я был не прав. Оказывается, что управа не родимая мать, а баба-яга, не то волк, жаждущий пожрать Красную шапочку – трактирщика. Оказывается, наконец, что рассуждения управы о неминуемом увеличении трактирных посетителей, кабинетны и теоретичны, а самое желание взять с трактирщиков побольше свидетельствует о растлении нравов думских гласных и даже – страшно вымолвить – о прямом и чуть ли не вооруженном сопротивлении финансовому ведомству.

Все это узнал я из газеты “Московский Портерщик”, издаваемой без предварительной промывки бутылок. “Внимайте и соображайте!” – обращается “Портерщик” к своим посетителям: управа⁷ говорит, будто оставшиеся по введении монополии заведения с продажей крепких напитков станут в лучшие, чем в настоящее время, условия, так как во многих местностях Москвы вместо 3–4 трактиров останется лишь один...

– Но не верьте сладкогласому голосу сирены, ни вы, гласные трактирщики, ни вы⁸, трактирщики безгласные, а вы⁹, ваше благородие, г. частный пристав, прислушайтесь¹⁰.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨15 октября 1900 г.⟩

(С. 379)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Пр, ПССМ)

¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ (Пр, ПССМ)

²¹ незнакомцем, та публика / незнакомцем, и та публика (Пр, ПССМ)

⁷ Было: дума

⁸ Было начато: тра(ктирщики?)

⁹ Далее было: батюшки

¹⁰ Текст обрывается.

³⁹ в душе свистну / в душу свистну (ПССМ)

⁶¹ предстоит ему... и нам / предстоит ему... (Пр, ПССМ)

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨15 октября 1900 г.⟩

(С. 381)

Варианты ПССМ

¹ МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ / О П.Д. БОБОРЫКИНЕ

⁷ шкафы / шкапы

^{163–164} заплесневелую жизнь и необходимую тревогу, и необходимый даже раздор. / заплесневелую жизнь и необходимый даже раздор.

²¹⁹ закончу же все это я так / закончу же все это так

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨29 октября 1900 г.⟩

(С. 403)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Под вп. ХТ, Пр, ПССМ)

¹ МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ / ДИССОНАНС (Под вп. ХТ, Пр, ПССМ)

¹¹ выплыла полная серебряная луна / выплыла серебряная луна (Пр, ПССМ)

¹⁶ на невеселых московских улицах / на московских веселых улицах (Пр, ПССМ)

^{26–27} двери в зрительный зал / двери в зрительную залу (ПССМ)

³¹ – В Художественный, – / – В Художественный театр, – (Пр, ПССМ)

^{32–33} видимо, ожидал / видно, ожидал (Пр, ПССМ)

⁶¹ сдвинулась с рельс / сдвинулась с рельсов (ПССМ)

⁶⁵ а я еще когда-то конку обвинял! / а еще когда-то конку обвинял. (Пр) / а еще когда-то конку обвиняли. (ПССМ)

- 104–105 и когда зал погрузился / и когда зала погрузилась (ПССМ)
 109–115 А тут как назло ~ если вы позволите. / в Пр, ПССМ
 нет.
 152 в зрительный зал / в зрительную залу (ПССМ)
 157 на днях уже купивший / на днях купивший (Пр, ПССМ)
 172 – Вы звери! – говорит Штокман, – и зрительный зал / – Вы
 звери, – говорит Штокман, – и зрительный зал (Пр) / –
 Вы звери, – говорит Штокман, – и зрительная зала
 (ПССМ)
 174 отвечает зал / отвечает зала (ПССМ)
 193–194 пронесшийся по залу / пронесшийся по зале (ПССМ)
 202 наша нормальность есть / наша ненормальность есть
 (ПССМ)
 209 не покидает зрительный зал / не покидает зрительную залу
 (ПССМ)
 211 хватается руками за голову / хватается за голову (Пр,
 ПССМ)
 217 Дальше слышится / Даже слышится (Пр, ПССМ)
 248–249 что, мы никого не трогаем. / что, мы ничего не трогаем.
 (Под вп. ХТ)
 257 выполняли свое назначение / исполняли свое назначение
 (Пр, ПССМ)

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨12 ноября 1900 г.⟩

(С. 414)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Пр, ПССМ)

- ¹ МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ / ИНФЛУЭНТИКИ, НЕЙРА-
 СТЕНИКИ И АЛКОГОЛИКИ (Пр, ПССМ)
⁶⁷ и половину бы того / и половины бы того (Пр, ПССМ)
^{77–78} И оно же вместе со своими / И оно вместе с своими
 (ПССМ)
⁹⁰ – Я не верю / – А я не верю (Пр, ПССМ)
⁹¹ – А я калоши / – А я и калоши (Пр, ПССМ)
^{93–222} Не знаю, потому ли ~ остался тем не менее открытым. /
 в Пр, ПССМ нет.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(15 ноября 1900 г.)

(С. 423)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Пр, ПССМ)

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК И ЗНАМЕНИТОСТЬ (Пр, ПССМ)
¹² основания думать / основание думать (Пр, ПССМ)
¹⁶ плотным кольцом окружала / плотным кольцом окружила (Пр, ПССМ)
^{19–20} каждого движения руки / каждого движения рук (ПССМ)
³⁶ смотреть то, что пьет А. Чехов / смотреть, что пьет А.П. Чехов (Пр, ПССМ)
^{57–59} был предан гласности, – если не ошибаюсь, мистером Пэком из “Новостей дня” – и затем / был предан гласности и затем (Пр, ПССМ)
⁸³ ходил через фойе / ходит через фойе (ПССМ)
⁹¹ Нет, гг. “почитатели”! Несите / Нет, гг. “почитатели”, несите (Пр, ПССМ)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(20 ноября 1900 г.)

(С. 432)

Варианты ПССМ

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / НЕСКОЛЬКО ЭСКИЗОВ ИЗ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ
³ Несколько эскизов из московской жизни / в ПССМ нет.
⁹ по свойству своей деятельности / по своей деятельности
^{27–28} говорят и ругаются тихо; больше шипят, чем ругаются. / говорят и ругаются тихо.
^{97–98} приобрел великолепную гармонию / приобрел великолепную гармонику
^{99–100} на своей великолепной гармонии / на своей великолепной гармонике

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
〈30 ноября 1900 г.〉

(С. 442)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Пр, ПССМ)

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ТЕАТРЕ
(Пр) / РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ТЕАТРЕ 〈Ч. 1〉 (ПССМ)
¹³⁻¹⁴ в глубины психики / в глубину психики (Пр, ПССМ)
²⁸ словно вколачивали в пол / точно вколачивали в пол
(Пр, ПССМ)
⁴⁷⁻⁴⁸ Я никогда, никогда не осмелилась / Я никогда не осмелилась
(Пр, ПССМ)
⁵⁵ внимательно смотрит в зал / внимательно смотрит в залу
(ПССМ)
⁶⁰ Оба смотрят в зал / Оба смотрят в залу (ПССМ)
⁷⁹⁻⁸⁰ опускает голову. В третьем акте при открытии занавеса те
же нелепые аплодисменты и вызовы. / опускает голову.
(Пр, ПССМ)
⁸⁶ выходя из зала / выходя из залы (Пр, ПССМ)
¹⁰⁴ Так сидите же до конца! / Так сидите же до конца! – (с абза-
ца) Стыдно! (Пр, ПССМ)

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

〈3 декабря 1900 г.〉

(С. 445)

*Варианты позднейших прижизненных изданий
(Под вп. ХТ, Пр, ПССМ)*

- ¹ МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ / “КОГДА МЫ, МЕРТВЫЕ,
ПРОБУЖДАЕМСЯ” (Под вп. ХТ, Пр, ПССМ)
³ говорить ни о городских / говорить о городских (Пр, ПССМ)
³⁻⁹ Я не хочу ~ человеческий ум. / в Под вп. ХТ нет.
¹⁵⁻¹⁶ от имени моих подкидышей и юбиляров приходилось / от
имени моей злободневной работы приходилось (Под вп. ХТ)
²⁹ густые, как лес, сады / густые как леса, сады (Пр, ПССМ)
⁷⁴ замерзшего в середине / замерзшего в середине (Пр, ПССМ)
⁸⁴ Ни признака, ни хотя бы / ни призрака, ни хотя бы (ПССМ)
⁹³⁻⁹⁴ забрехала в отдалении собака / залаяла в отдалении собака
(Под вп. ХТ)

- 105–106 не то, как следует, заплакать / не то заплакать (*Пр, ПССМ*)
 107–110 Мне так хотелось ~ посадил бы меня в карцер / *в Пр, ПССМ нет.*
 127 как боялся я / как я боялся (*Пр, ПССМ*)
 136–145 И так как я был мальчишкой ~ и всему остальному. / *в Пр, ПССМ нет.*
 152–153 недоумение, непонимание, мучительное / недоумение, мучительное (*Пр, ПССМ*)
 154 по зрительному залу / по зрительной зале (*ПССМ*)
 160–161 жили? Сама ли это жизнь / жили? Сама ли эта жизнь (*Под вп. ХТ*) / жили. Сама ли жизнь (*Пр, ПССМ*)
 179 Глубоко убежден / Глубоко убеждены (*Под вп. ХТ, Пр, ПССМ*)
 184–185 то они даже засмеют / они даже засмеют (*Пр, ПССМ*)
 228–229 Разве это не правда / разве это правда (*Под вп. ХТ*)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈6 декабря 1900 г.〉

(С. 454)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Юр, ПССМ)

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / ВЫРВАННЫЕ ЛИСТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ (ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ) (*Юр*) / МОСКОВСКОЕ ЛЕТО НАСТУПАЕТ 〈Ч. 2〉 (*ПССМ*)
 3–29 Однажды я встретил ~ ввиду толщины разделявших нас бревен. – *В Юр и ПССМ (Ч. 2) включен только этот отрывок фельетона.*
 30–84 Этого самого симпатичного юношу ~ Страшно подумать! / *в ПССМ и Юр нет.*

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

〈16 декабря 1900 г.〉

(С. 466)

Варианты позднейших прижизненных изданий (Пр, ПССМ)

- ¹ ВПЕЧАТЛЕНИЯ / УБИЙЦА (*Пр, ПССМ*)
 5–6 перед неким “проклятым” вопросом / перед неким “проклятым” вопросом (*ПССМ*)

- 17 И перед этим вопросом / И пред этим вопросом (*Пр, ПССМ*)
 22–23 томилась жестокой бессмыслицей жизни / томилась бессмыслицей жизни (*Пр, ПССМ*)
 49 И убийца сознался / И “убийца” сознался (*ПССМ*)
 50–51 И произошло ~ 10 декабря / Ведь ты же убийца, Андрей Гакенбергер, – или ты этого не понимаешь? (*Пр, ПССМ*)

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

{24 декабря 1900 г.}

(С. 480)

Варианты позднейших прижизненных изданий
 (*Хр, Пр, ПССМ*)

- 1 МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ / ЗАВТРА РОЖДЕСТВО (*Хр*) / КОГДА МЫ, ЖИВЫЕ, ЕДИМ ПОРОСЕНКА (*Пр, ПССМ*)
 11 считается со стен русских домов / считается со всех русских домов (*Пр, ПССМ*)
 15 желательно, и что каждый шаг / желательно, что каждый шаг (*Пр, ПССМ*)
 29 не может возмущать его / не может возмутить его (*ПССМ*)
 51–52 полнота и цельность / полнота и прелесть (*Пр, ПССМ*)
 55–61 хочется хоть на минуту ~ уже сыт. / в *Пр, ПССМ* нет.
 62 обманутым. Старинное / обманутым, – старинное (*Пр, ПССМ*)
 76 “Когда мы, живые, едим поросенка” / “Жизнь поросенка” (*Хр*)
 112–113 вызывает во мне сочувствие / вызывает ко мне сочувствие (*Хр*)
 129 каким он мог быть / каким он мог бы быть (*Пр, ПССМ*)
 131–135 Боюсь сказать определенно ~ право, недорого. / в *Пр, ПССМ* нет.
 141 проник бы в марсиетскую деревню / проник в марсианскую деревню (*ПССМ*)
 144–145 номеру русских газет / номеру русских газет (*Пр, ПССМ*)
 146 эмиграция марсиетов на землю / эмиграции марсиан на землю (*Пр, ПССМ*)
 150 номера газеты. / номера газеты. (*ПССМ*)
 153–156 Одна история ~ грустных мелочей / в *Хр, Пр, ПССМ* нет.
 156–159 Как человек ~ обманули. / в *Хр* нет.
 185–186 пройдоха, шантажирующая путем детских писем и просьб. / пройдоха. (*Пр, ПССМ*)
 187–204 И я безусловно стою ~ А завтра – завтра будем обманываться! / Так обманите же нас получше, – миленькие писатели! (*Пр, ПССМ*)

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

⟨PANEM ET CIRCENSES!..⟩

(С. 488)

ЧА1

⟨л. 14⟩ Panem et circenses!* – вопили почти 19 веков тому назад отошавшие и разморившие Римляне. И разбрасывался перед голодной и жадной¹ чернью хлеб, и кровь² дорого стоящих гладиаторов орошала чистый песок арены, и сладострастно рычали звери, понявшие впервые преимущества цивилизации перед пустыней. Тогдашний Рим потрясал последние деньжонки и с массой хлопот, забот и затрудн(ен)ий удовлетворял вопиющую массу. Хоть и мудр³ был тогда Рим, так⁴ мудр⁵, что до сих пор мы питаемся консервами его мудрости, но был он молод⁶ и неопытен. Создавая самые прелестные принципы, в жизнь их проводить он не умел. Что, кажется, может быть лучше начала: divide ⟨л. 14 об.⟩ et impera** – а и⁷ оно, могше(е) избавить тогдашний⁸ Рим от многих неприятностей, стало достоянием лишь теперешнего славного времени.

Чтобы избавиться от хлопот, связанных с доставлением зрелищ, а особенно хлеба, достаточно было разделить человечество⁹ так, чтобы те¹⁰, кому нужен panis, в силу этой нужды доставляли остальным circenses, т. е. на актеров и публику. Не вдаваясь в глубину истории, в которой потонуло много хороших мыслей, обойдя презрительным молчанием средние века с их презрением

* Хлеба и зрелищ! (лат.)

** разделяй и властвуй (лат.).

¹ Вместо: голодной и жадной – было: низкою (незач. вар.)

² Далее было: гладиаторо(в)

³ Было: мудрый

⁴ В рукописи: такой (незаверш. правка)

⁵ Было: мудрый

⁶ Было: молодой

⁷ и вписано.

⁸ тогдашний вписано.

⁹ Было: их

¹⁰ Было: тех

к лицедейству, остановимся на наших днях,¹¹ вполне осуществивших эту простую, но гениальную мысль.

Возьмите все газеты за нынешний день:¹² один лист посвящен отчетам о бывших вчера зрелищах, другой – об имеющих *⟨л. 15⟩* нынче быть. Пойдите по улицам и посмотрите: фонограф, панорама, музей воск(овых) фигур и т. д. Затем окиньте мысленным взглядом весь цивилизованный мир – и увидите и актеров, и публику, в их взаимном убогостроении. Нужда скачет, нужда – пляшет, нужда песенки поет, а мощна доставляет ей пропитание. Там в¹³ ничтожнейшем уездном городишке труппа полуголодных актеров надрыгается, веселит публику. Там в цирке ломаются, кривляются, разбиваются и веселят. Здесь безголосая певица выводит трели. А вот и шарманщик с своим убийственным инструментом или полузамерзший смуглый мальчишка с дрожащей обезьянкой. А недавние¹⁴ святки – с каким нетерпением и голодной жадностью ожидала их армия праздных актеров. Все площади и площадки, начиная Марсовым и Девичьим полем и кончая какой-нибудь захолустной Ильинкой, усеяны балаганами. Визжит *⟨л. 15 об.⟩* гармоника, звонко рокочет бубен, сыплются площадные шутки и остроты, гундосит петрушка, размалеванные¹⁵ певицы, одетые в балетные платья, посиневшие от холода¹⁶, голосят осипшими голосами веселую песню; из-за дощатых, тонких стенок “театра” слышится нестройный победный марш и выстрелы: то берут крепость Ардаган. И пересыпаются из¹⁷ бумажников и кошельков в кассы кредитки и копейки, и расходятся по дырявым карманам, а оттуда по пекарням и кабакам. И сыт актер и пьян – что и требовалось доказать.

Но эти сознательные актеры – крупницы в море бессознательных, которые так же во имя *panis*¹⁸ дают представления сытой публике. Вот решетка, а за ней целая труппа в 40 человек в костюмах, соответствующих случаю. Тут же и хор античных трагедий, поясняющий действия, мысли и желания *⟨л. 16⟩* актеров. Публика с восторгом ловит каждое слово¹⁹, упражняет в себе чувство сожаления и учится эстетике. А на другой день газеты докладывают:

¹¹ *Далее было:* ибо в них есть все: и глубина, и мудрость, и практичность.

¹² *Далее было:* половина

¹³ *Далее было начато:* *⟨нрзб.⟩*

¹⁴ *недавние вписано.*

¹⁵ *Было начато:* *раск⟨рашенные?⟩*

¹⁶ *посиневшие от холода вписано.*

¹⁷ *Далее было начато:* а. порт⟨моне?⟩ б. кош⟨ельков⟩

¹⁸ *В рукописи:* *panem (винительный падеж вместо родительного)*

¹⁹ *Далее было:* и

“настоящее дело, крайне интересное как по количеству актеров, так и по именам приглашенных солистов, привлекло в зал суда многочисленную публику”.

И эти актеры не остаются без награды. Вот этот будет 1 г(од) и 6 месяцев пользоваться бесплатными столом и квартирой. Вон того отпустили без воздаяния²⁰, но ведь и роли-то у него не²¹ было²², простой статист. Этих отправили путешествовать, а для тех строится роскошнейшее общежитие по последним правилам науки и искусства: с электрическим освещением и даже библиотекой.

Вот и сыт актер, и обут, и одет – что и требовалось доказать.
Panem et circenses!

²⁰ без воздаяния *вписано*.

²¹ не *вписано*.

²² В рукописи вместо: роли-то у него не было – роль-то у него не было (*незаверш. правка*)

Комментарии

Л.Н. АНДРЕЕВ – СУДЕБНЫЙ ХРОНИКЕР И ФЕЛЬЕТОНИСТ ПЕРИОДА РАБОТЫ В ГАЗЕТЕ “КУРЬЕР”¹

Начало публицистической деятельности Л. Андреева связано с газетой “Орловский вестник”. В 1895–1896 гг. в “Орловском вестнике” – “одной из лучших в эти годы провинциальных прогрессивных газет” (Фатов. С. 32) – появились его первые рассказы, которым он, впрочем, не придавал большого значения. 25 октября 1895 г. была опубликована небольшая заметка “Студенческий концерт”, где он призывал орловских жителей поддержать благотворительные мероприятия студентов. В письме к родственнице, С.Д. Пановой, от 28 октября 1895 г. Андреев спрашивал: «Не читали в “Орловском вестнике” статейку “Студенческий концерт”? Моя, – но переверано и искажено до неузнаваемости» (Там же. С. 100–101).

В 1896 г. Андреев начинает регулярно сотрудничать в газете “Русское слово”. Литературный критик и писатель А.А. Измайлов приводит воспоминания Андреева о начале его работы в газете: «Первое мое соприкосновение с печатным станком произошло в Москве, и это было старинное “Русское слово”. Ни больше, ни меньше, я вел здесь “Отдел справок”. “Палата бояр Романовых открыта по таким-то дням, с такого-то и до такого-то часа...” “Галерея Третьяковского – тогда-то и тогда-то...” За такое литературное занятие я имел тридцать копеек в день» (Измайлов 1911. С. 244).

Летом 1896 г. в Царицыно Андреев познакомился с Филиппом Александровичем Добровым и его семьей (см. об этом: Митрофанов В.П. Леонид Андреев и семья Добровых // Андреевский сб.: Исслед. и материалы. Курск, 1975. С. 255–263). У Добровых он встретил присяжного поверенного Московской судебной палаты Павла Николаевича Малянтовича. Добров дружил с П.Н. Малянтовичем, вместе с ним и Н.К. Муравьевым еще в студенческие времена они снимали одну квартиру. “Студенческая дружба продолжалась до конца жизни. Муравьев и Малянтович были одногодки, оба известные юристы. Оба заслужили репутацию борцов за справедливость, выступали защитниками на политических процессах” (Романов Б.Н. Вестник, или Жизнь Даниила Андреева. М., 2011. С. 32).

Окончив юридический факультет Московского университета, Андреев 10 октября 1897 г. вступил в сословие адвокатов и начал участвовать

¹ Том подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 04-04-00130а.

в судебных процессах в должности помощника присяжного поверенного. Его наставником был присяжный поверенный Яков Вильгельмович Ливенсон (см.: Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1913 г. М., 1914. С. 116). 9 октября 1897 г. Андреев записал в дневнике: “В ближайшем будущем мне предстоит выступать защитником. О, если бы вы знали, что заключается в этом слове “защитник”. От нуля до бесконечности. И страх, и какая-то подпольная вера в себя, в свои силы, жажда известности, славы – тысячи чертей дерутся на кулачки в моей голове, когда я подумую: что будет? И если бы...” (Дн9. С. 116–117).

В Москве в 90-х годах XIX в. группа молодых адвокатов образовала так называемый Бродячий клуб, в котором наиболее деятельную роль играли: В.А. Маклаков, П.Н. Малянтович, Н.К. Муравьев, Н.В. Тесленко и М.Ф. Ходасевич. Клуб назывался бродячим, потому что не имел постоянного помещения, его заседания проходили еженедельно, но каждый раз на другой квартире. Начав с бесплатной защиты неимущих, участники клуба ставили перед собой задачу поднять профессиональный и общественный уровень деятельности. С этой целью была создана консультация присяжных поверенных, члены которой продемонстрировали совершенно новый стиль работы, основанный на добросовестности, профессионализме и сердечности. Так возник новый тип адвоката, сочетающий в себе гуманизм со строгой и четкой профессиональностью (см.: *Маклаков В.А.* Из воспоминаний: Уроки жизни. М., 2011. С. 211–213). О пользе консультации, особенно для “нуждающегося населения”, писал и Андреев (см.: *Л.А.* Консультация помощников присяжных поверенных // *К.* 1900. 1 февр.; *Л.-ев.* Впечатления // *К.* 1900. 23 марта).

П.Н. Малянтович, будучи судебным хроникером газеты “Московский вестник”, пригласил Андреева работать в этой газете и писать судебные отчеты вместо него. “Московский вестник”, издававшийся в Москве около двух лет, принадлежал к числу аполитичных газет типа “Новостей дня”. В нем отводилось большое место хронике московской жизни, театру, литературным вопросам. О. Волжанин (О.А. Израэльсон), заведующий редакцией газеты, писал: “Что касается политических и общественных вопросов, то (газета) могла их затрагивать слабо и касаться лишь под сурдинку, вследствие непомерно строгого бдительного ока цензурного начальства” (*Волжанин 1920.* С. 3). В этой же газете вел раздел “Между прочим” С.С. Голоушев, позднее близкий друг Андреева.

В воспоминаниях самого Андреева, которые приводит Измайлов, мы читаем: «В Москве был присяжный поверенный П. Малянтович. Его пригласили давать судебные отчеты в издававшейся тогда скромной газетке “Московский вестник”. Он, в свою очередь, предложил мне быть в суде, слушать дела и писать отчеты. Сам он только “проходился” по ним и сдавал в газету. Так, мой первый гонорар был четыре копейки за строку этих отчетов. Ими были вполне довольны, пока думали, что их пишет опытный поверенный. Но в один прекрасный день как-то узнали, что пишу их я. Мое благополучие рисковало совершенно пошатнуться. Однако случилось так, что не нашлось никого сразу на занятие пустого

места. Судебные отчеты остались за мной. Моим руководителем в эти дни был И.Д. Новик, бывший судебным референтом для другой газеты» (*Измайлов 1911. С. 245–246*).

О. Волжанин также рассказывает о начале деятельности Андреева в “Московском вестнике”: судебный хроникер газеты П.Н. Малайтович предложил вместо себя “одного молодого помощника присяжного поверенного, лично ему хорошо известного и очень способного, по его мнению. (...) Придя, он (Андреев. – *Сост.*) принес с собой судебный отчет об утреннем деле, написанный, как сейчас помню, на листках разграфленного в клетку блокнота очень мелким, бисерным, но четким почерком. Мне сразу понравился его отчет. Он был написан хорошим литературным языком, очень живо, в форме рассказа. Не было никакого шаблонного вступления о том, что тогда-то происходило заседание, а прямо начинался обвинительный акт, изложенный в виде рассказа. (...) Вступил Л.Н. Андреев в нашу редакцию осенью, должно быть, в конце августа или начале сентября, а в декабре мы, как полагалось, стали готовить рождественский номер” (*Волжанин 1920. С. 3–4*). Для этого номера Андреев принес Волжанину рассказ “Что видела галка”, который оказался “прелестной миниатюрой” (Там же. С. 4).

В монографиях Н.Н. Фатова, В.В. Брусянина², Л.Н. Афонина³, в воспоминаниях П. Пильского⁴, П.Н. Андреева⁵ и др. этот период его жизни достаточно хорошо освещен (в основном по воспоминаниям самого писателя). Так, Фатов пишет: «(...) Л. Андреев, с последних чисел августа или с первых сентября 1897 г., стал сотрудничать в газете “Московский Вестник”, (...) там он помещал свои репортерские заметки почти ежедневно, без подписи в рубрике: “Из залы суда”; там же появился и его рассказ: “Что видела галка”» (*Фатов. С. 144–145*).

У Андреева не было большой адвокатской практики, в автобиографических заметках он отмечал: “Практики юридической мне за недосугом приобрести не удалось: было у меня всего-навсего одно гражданское дело, которое я проиграл во всех инстанциях, и несколько уголовных бесплатных защит” (*Автобиогр. С. 242*). Однако хроникерская деятельность Андреева стала для него серьезной жизненной школой, в которой он столкнулся с неприглядными сторонами российской действительности: “Суд, постоянное общение с людьми, наблюдение над ними в необычной обстановке, наконец, тайны чужой жизни, вскрывавшиеся во время судебных процессов, – все это вскрывало предо мною тайны живых людей. Судебные драмы и комедии показали мне, как живут те люди, которых мы знаем толпой в массе” (*Брусянин 1912. С. 57*).

Отчеты “Из залы суда” в “Московском вестнике” за август–сентябрь 1897 г., печатались с указанием “От нашего корреспондента”, и только

² Брусянин В.В. Леонид Андреев: Жизнь и творчество. М., 1912.

³ Афонин Л.Н. Леонид Андреев. Орел, 1959.

⁴ Петроний [Пильский П.]. Жизнь Леонида Андреева // Свободные мысли. Пг., 1908. 15 апр. (№ 49). С. 1–2.

⁵ Андреев П.Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. Л., 1925. № 3. С. 140–207.

с 8 сентября они стали публиковаться без этого уточнения. Вероятно, их начал писать кто-то другой, возможно Л. Андреев. Судебный отчет “Покушение на убийство из ревности”, о супругах Читаевых (МВ. 1897. 8 сент.), в отличие от предшествующих репортажей, написан ярко, литературно, он напоминает более поздние отчеты Андреева в “Курьере”.

Первое упоминание в дневнике Андреева о его работе в “Московском вестнике” (причем уже с констатацией успехов в этого рода деятельности) относится к 9 октября 1897 г.: «Я корреспондент газеты “Московский вестник” и составляю для нее судебные отчеты. Не буду говорить о тех трудностях, которые пришлось преодолеть мне на этом тернистом пути (да и не велики были эти трудности), – важно то, что сейчас я, еще неопытный, стою наравне и, мало того, выше опытных корреспондентов. Две недели тому назад меня не знали, а сейчас уже сверяют свои отчеты с моими и говорят с льстивой улыбкой: “судебные отчеты – один из лучших отделов в вашей газете”. То же говорит милый Малянтович, Добров и другие. Приходится верить» (Дн9. С. 116).

Даты отдельных судебных процессов, на которых Андреев присутствовал в качестве судебного репортера, можно установить по его дневнику. Например, тогда же, 9 октября 1897 г., он пишет: “Сегодня я с 11 ч. до 6 ч. вечера в суде пишу. Вечер с 10 до 1 ч. Пишу. Устал как собака. Рука не ходит” (Дн9. С. 117). Вероятнее всего, речь идет о деле Колочаева, изложенном в судебном отчете “Убийство из ревности” (МВ. 1897. 10 окт.). Экспертом на этом процессе выступил С.С. Голоушев, врач по образованию (см.: [Б. н.] Убийство // Новости дня. 1897. 10 окт. (№ 5156). С. 3 (Судебная хроника. Московский окружной суд)).

Нужно отметить также отчет под названием “Мошенничество” (МВ. 1897. 11, 12 окт.). Дело слушалось 10 октября в Митрофаньевском зале Московского окружного суда. Защитниками были Ф.Н. Плевако и Н.П. Шубинский. В газете “Новости дня” происходящее в суде описывалось так: “Главную массу публики составляют студенты, синие воротники которых так и пестреют по всей зале. Второе место после студентов занимают помощники присяжных поверенных и кандидаты на судебные должности {...} Молодые помощники являются самыми беспощадными критиками” ([Б. н.] Дело бр. Кашеваровых // Новости дня. 1897. 11 окт. (№ 5157). С. 3 (Судебная хроника. Московский окружной суд)). Перед нами показательный процесс, на котором более чем вероятно мог присутствовать Андреев и, следовательно, написать о нем вышеупомянутую корреспонденцию.

В дневнике Андреева 5 ноября 1897 г. упоминается первое выступление в качестве помощника присяжного поверенного: “1-го был для меня торжественный в этом смысле день: я впервые выступал в качестве оратора. Дело было пустое, но страху набрался я достаточно” (Дн9. С. 123). Отчет об этом процессе в газетах не обнаружен.

Для того чтобы уточнить дату ухода Андреева из “Московского вестника”, обратимся снова к его дневнику. Запись от 14 февраля 1898 г. гласит: «На днях получил приглашение снова работать в “Московском вестнике”. О том, насколько я велик как судебный репортер, может

дать представление весьма скромная похвала, услышанная мною вчера от одного присяжного поверенного» (Дн9. С. 131). А 10 октября того же года он записывает: «“Московский вестник”, от которого я бегаю, как непостоянная жена, на этой неделе снова привлек меня на свое лоно. Любезны со мной до крайности. Очень не хотелось опять загибать себя в эту неблагоприятную работу, но крайне нужны деньги» (Дн9. С. 180).

Можно предположить, что Андреев работал в “Московском вестнике” судебным репортером с начала сентября 1897 по январь 1898 г., а позднее привлекался уже в качестве писателя (рассказ “Что видела галка. Из рождественских мотивов” был опубликован в газете 25 декабря 1898 г.).

И.Д. Новик сообщил Андрееву, что организуется новая газета – “Курьер”⁶, которую будет редактировать “некто г. Фейгин” и куда секретарем приглашен он сам. О начале параллельной работы в “Курьере” свидетельствует запись в дневнике Андреева от 5 ноября 1897 г.: «С нынешнего дня у меня две газеты на руках: “Московский вестник” и “Курьер”, работа у Мальяновича, дела у мировых и в съезде и, наконец, защита в суде» (Дн9. С. 123).

Андреев публиковал судебные отчеты в “Курьере”, продолжая сотрудничество с газетой “Московский вестник”. Об этом сказано и в воспоминаниях Новика: «Первое время он (Андреев. – *Сост.*), с ведома редакция (“Курьера”. – *Сост.*), продолжал давать отчеты и в “Московский вестник”, но вскоре отказался от дальнейшего участия в ней, так как “Курьер” захватил его всего» (Новик 1919. С. 5). О своей недолгой работе в “Московском вестнике” Андреев в автобиографических заметках вспоминал: «Как репортер я заслужил одобрение, *месяца через два* (курсив наш. – *Сост.*) перекочевал в только что возникшую газету “Курьер”, а дальше все уже пошло по-писаному: сперва репортаж, потом маленькие фельетоны, потом большие, потом робкая пасхально-праздничная беллетристика и так далее» (Автобиогр. С. 245–246).

В “Курьере” Андреев активно работал судебным хроникером более двух лет (с 6 ноября 1897 по 1899). О своей репортерской работе в “Курьере”, о возникавших в первое время осложнениях он писал в дневнике 27 декабря 1898 г.: “Эта газета, которую я привык любить, как сына родного, разлюбила меня. Если я и виноват, то только в том, что не умел вовремя попасться на глаза и угодить. Мои отчеты день за днем систематически сокращались и уничтожались. (...) Кончилось тем, что я потребовал вместо построчной платы жалованье – 100 р. в месяц” (Дн9. С. 189).

В январе 1900 г. в “Курьере” начинают публиковать цикл его фельетонов “Впечатления”, с этого времени его судебные репортажи и отголоски судебных дел в фельетонах появляются нерегулярно, но вплоть до закрытия газеты (4 июля 1904).

⁶ Подробнее о газете “Курьер” см.: Родионова; Чуваков 1981.

По словам Новика, “судебные отчеты Леонида Николаевича не были обычными репортерскими сообщениями о разбирающихся в суде делах. Он подходил к вопросу не так, как это обыкновенно делают судебные хроникеры. Обвинительный акт его вовсе не интересовал. Собранные улики его не трогали. Все его внимание сосредоточивалось на характеристике подсудимого и среды, в которой он вращался. С каждым разом эта сторона его отчетов все больше выдвигалась на первый план” (Новик 1908).

Новик вспоминал, как предложил ему: “Вы бываете в суде, перед вами проходит масса народа, попробуйте написать судебные очерки” (Там же). Андреев собрал лучшие, с его точки зрения, отчеты и недели через две-три принес Новiku тетрадку, озаглавленную “Судебные очерки”. Другое название тетради, по свидетельству того же Новика, – “Праздники и будни в суде” (Новик 1919. С. 5).

В ноябре 1899 г. Андреев будет предлагать их редактору “Журнала для всех” В.С. Миролюбову. В письме от 2 ноября 1899 г. он напишет: “Я уже два года состою судебным корреспондентом, и на моих глазах прошло несколько довольно интересных дел – интересных, конечно, не по количеству пролитой крови, а по той или иной бытовой окраске, которую они на себе носят. Если эти дела подвергнутся некоторой литературной обработке – в строгих, конечно, пределах факта, они могут, мне кажется, дать интересное и небесполезное чтение. Если Вы согласитесь со мною, я пришлю Вам для просмотра несколько таких дел в обработке” (ЛАС. С. 73). Однако “Судебные очерки” так и не появились в этом журнале.

Один из первых исследователей деятельности Андреева-юриста и судебного хроникера, Н.Н. Фатов сделал попытку определить, какие отчеты принадлежали перу Андреева. В частности, он привел слова Андреева из письма С.Д. Пановой: «25-го ноября я оправдал одного убийцу. Возьмите “Курьер” от 27 или Р. В. (т. е. “Русские Ведомости”) от 26» (Фатов. С. 149). В указанных номерах, заметил Фатов, действительно находится отчет об оправдании, только не “убийцы”, а В. Барынина, обвинявшегося лишь в покушении на убийство из ревности.

Фатов также установил, что судебный отчет о деле извозчика Комляшкина, обвинявшегося в похищении у седока Михайлова бумажника с деньгами, написан Андреевым, в дневнике которого есть запись от 5 ноября 1897 г.: “12-го новая, более трудная и решительная защита” (Дн9. С. 123). Вероятно, речь идет о защите Комляшкина. В “Московском вестнике” и “Курьере” отчетов об этом судебном процессе не было. Судебный отчет о Комляшкине был опубликован только в “Новостях дня” (1897. 14 нояб.) под заглавием “Грабеж” в отделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”. Защитником на этом процессе действительно выступал Андреев, “взявший на себя миссию защищать подсудимого перед самым слушанием дела”. По мнению Фатова, “корреспонденция написана вполне в стиле” судебных отчетов Андреева (Фатов. С. 315).

Фатов также находит сходство стиля (а иногда и тождество) судебных корреспонденций, напечатанных одновременно в “Новостях дня”

и “Курьере” – 12, 13 и 21 ноября 1897 г., и задает вопрос: «Не сотрудничал ли Леонид Николаевич одновременно и в “Новостях дня”?» (Там же). «Тожество несомненное. Получается впечатление, что Л. Андреев одновременно писал об одном и том же деле в две газеты, стараясь писать “по-разному”», – замечает Фатов и выдвигает предположение: “Л.Н. мог быть знаком с корреспондентом “Новостей дня” и мог давать ему свои записки, по которым тот мог составлять корреспонденции, если сам почему-либо не присутствовал в суде” (Там же. С. 317). Однако, на наш взгляд, отчеты в “Новостях дня” гораздо более обширные, чем в “Курьере”, в них много уточняющих деталей и т. п. Если бы, например, тексты и в той и в другой газете принадлежали Андрееву, то в “Курьере” при сокращении многие детали должны были бы совпасть.

Среди сотрудников газеты “Новости дня” многие имели юридическое образование и могли писать судебные отчеты: редактор А.Я. Липскеров – бывший судебный хроникер “Московских ведомостей”, И.Я. Гурлянд, профессор административного права Демидовского лицея в Ярославле, и сам И.Д. Новик.

Вполне вероятно, Фатов был прав, утверждая, что Андреев мог делиться своими записками с другими корреспондентами газеты “Новости дня”, возможно с Новиком, или просить напечатать в газете свои отчеты. В одно время с Андреевым судебным репортером был некий Яков Иванов, оставивший воспоминания о писателе (*Иванов Я. Молодость Леонида Андреева // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1924. 6 дек. (№ 4332). С. 2*). Иванов вспоминал, что «не все отчеты в “Курьере” принадлежали перу Л. Андреева. Если он был отвлечен другим делом или нездоров, то отчет составлялся другими. В то же время его отчеты были разбросаны по другим газетам. Он заменял друзей, когда было нужно. Кроме судебной хроники, Л. Андреев иногда давал отчеты чисто литературного характера. В большинстве случаев материалом для таких очерков служили или привезенные друзьями отчеты об интересных процессах в провинции, или жизнь молодой адвокатуры» (цит. по: *Руднев. С. 26*).

Нельзя точно сказать, принадлежали ли указанные судебные отчеты, опубликованные в “Новостях дня”, именно Л. Андрееву. И даже в отношении репортажей в газете “Курьер” можно говорить об авторстве писателя с остротностью, так как и здесь он не был единственным судебным хроникером. Судебные материалы во всех газетах печатались без подписи; поиски в архивах документов редакции газеты “Курьер”, подтверждающих принадлежность репортажей перу Андреева (к примеру, платежных ведомостей), не увенчались успехом.

В 1960-х годах и позднее к судебной хронике обращались исследователи Л.Н. Афонин, Л.А. Иезуитова, А.П. Руднев, В.Н. Чуваков, пытаясь, в частности, решить ту же задачу – определить авторство Андреева.

Афонин, помимо отчетов, включенных писателем в т. 6 *ПССМ*, – принадлежащими перу Андреева считает корреспонденции о деле братьев Скитских, опубликованные в “Курьере” в 1899 и 1900 гг., а также следующие судебные отчеты той же газеты: “Гибель самозванца”

(1898. 26 марта); “Тяжкие раны” (1899. 30 июля); отчет без заглавия о штрафе за песню “Эх, дубинушка, ухнем” (1899. 16 авг.); “Убийство” (1899. 28 авг.); “Случай отравления на фабрике Ширина” (1901. 3 сент.). В указанных отчетах Афонин главным образом обращает внимание на одну из ведущих тем андреевской судебной хроники – отношения между хозяевами и работниками (см.: *Афонин Л.Н.* Леонид Андреев. Орел, 1959. С. 59–65). Последние четыре (из вышеуказанных) отчета, в связи с отсутствием более существенных документальных данных, публикуются в наст. томе в разделе “Dubia”.

Важным этапом в анализе деятельности Андреева как хроникера и фельетониста газеты “Курьер” стала диссертация Л.А. Иезуитовой. По ее оценке, за годы работы репортером Андреев опубликовал свыше четырехсот судебных отчетов (*Иезуитова 1967*. Прилож. I. С. 1). Однако в том же приложении (с. 1–6) приведен количественно более скромный список отчетов (репортажей), принадлежащих, по мнению исследовательницы, Андрееву. При этом предложены следующие критерии их отбора: 1. одновременное появление в “Московском вестнике” и “Курьере” (28 репортажей); 2. использование в позднейших художественных произведениях (15 репортажей); 3. подтверждение авторства самим Андреевым (отчеты, опубликованные в *ПССМ*, репортажи, подписанные андреевским псевдонимом “Л. -ев”, а также отчеты, освещающие дело Скитских).

1. Судебные репортажи, опубликованные одновременно в двух газетах:

1897

“Московский вестник”

- 1) 6 нояб. (№ 305). С. 3. Дело доктора Пиотровского.
- 2) 7 нояб. (№ 306). С. 3. Нанесение смертельных побоев.
- 3) 8 нояб. (№ 307). С. 3. Покушение на матереубийство.
- 4) 11 нояб. (№ 310). С. 3. Дело о ложном доносе.
- 5) 16 нояб. (№ 315). С. 3. Убийство старообрядки.
- 6) 21 нояб. (№ 320). С. 3. Поджог.
- 7) 23 нояб. (№ 322). С. 3. Крупное наследство.
- 8) 26 нояб. (№ 325). С. 3. Покушение на убийство.
- 9) 29 нояб. (№ 328). С. 3. Ростовщичество.
- 10) 3 дек. (№ 332). С. 3. Кража.
- 11) 6 дек. (№ 335). С. 3. Детоубийца.

“Курьер”

- 6 нояб. (№ 1). С. 3–4. Неосторожность.
- 7 нояб. (№ 2). С. 4. Нанесение смертельных побоев.
- 8 нояб. (№ 3). С. 3–4. Покушение на убийство матери.
- 11 нояб. (№ 6). С. 3. Ложный донос.
- 16 нояб. (№ 11). С. 3. Убийство раскольничьей начетчицы.
- 21 нояб. (№ 16). С. 3. Поджог.
- 23 нояб. (№ 18). С. 3. Без заглавия. (О наследстве Халатова).
- 27 нояб. (№ 22). С. 3. Покушение на убийство.
- 29 нояб. (№ 24). С. 3. Ростовщичество.
- 3 дек. (№ 28). С. 3. Кража и укрывательство.
- 6 дек. (№ 31). С. 3. Без заглавия.

- 12–13) 10 дек. (№ 339); 11 дек. (№ 340), 12 дек. (№ 341) С. 3. Расхищение 150 000 руб.
- 14) 12 дек. (№ 341). С. 3; 14 дек. (№ 343). С. 4. Беспорядки на фабрике.
- 15–17) 13 дек. (№ 342). С. 3; 14 дек. (№ 343). С. 4; 15 дек. (№ 344). С. 3. Злостное банкротство.
- 18) 18 дек. (№ 347). С. 3. Переход в чужое подданство.
- 19) 19 дек. (№ 348). С. 3. Иск о недействительности духовного завещания.
- 20) 19 дек. (№ 348). С. 3. Убийство; 20 дек. (№ 349). С. 3. Нанесение смертельной раны.
- 10 дек. (№ 35); 11 дек. (№ 36). С. 3. Дело княгини Енгальчевой и пр.
- 12 дек. (№ 37). С. 3. Дело о беспорядках на Коншинской мануфактуре.
- 13 дек. (№ 38). С. 3; 14 дек. (№ 39). С. 3. Злостное банкротство; 15 дек. (№ 40). С. 3. По делу Евреинова.
- 18 дек. (№ 43). С. 3. Переход из русского подданства.
- 19 дек. (№ 44). С. 4. Иск о признании недействительным духовного завещания.
- 20 дек. (№ 45). С. 3. Дело Днепрова-Зайцевского.

1898

- 21) 9 янв. (№ 8). С. 3. Дело Ваньки Зеленщика.
- 22) 10 янв. (№ 9). С. 3. Кража у знакомого.
- 23) 11 янв. (№ 10). С. 3. Кража в магазине Стычкина.
- 24) 13 янв. (№ 12). С. 3. Иск на увечье 120 000 руб.
- 25) 15 янв. (№ 14). С. 3. Убийство.
- 26) 16 янв. (№ 15). С. 3. Неосторожное убийство.
- 27) 24 янв. (№ 23). С. 3. Растрата сданного на хранение имущества, или Отмененный спектакль.
- 28) 29 янв. (№ 28). С. 3. Неудачное добывание кислорода.
- 9 янв. (№ 9). С. 3. Дело Ваньки Зеленщика.
- 10 янв. (№ 10). С. 3. Обвинение в краже.
- 11 янв. (№ 11). С. 3. Кража из ювелирного магазина.
- 13 янв. (№ 13). С. 3. Крупный иск.
- 15 янв. (№ 15). С. 3. Убийство.
- 16 янв. (№ 16). С. 4. Неосторожность.
- 24 янв. (№ 24). С. 3–4. Растрата.
- 29 янв. (№ 29). С. 3. Взрыв газа⁷.

Определение принадлежности судебных отчетов Андрееву всего лишь на основании одновременной публикации их в двух газетах не является, по нашему мнению, достаточно корректным – в связи с зыбкостью самого критерия верификации. Судебные процессы одновременно освещались во многих газетах. Сравнительный анализ вышеуказанных отчетов показал, что они различаются по стилю изложения и подаче материала. В “Московском вестнике” по сравнению с “Курьером” отчеты имели более информативный характер. В наст. томе публикуются версии отчетов, напечатанные параллельно в “Курьере” и “Московском вестнике”, лишь с двух судебных процессов: “Неосторожность”

⁷ См.: *Иезуитова 1967*. Прилож. I. С. 1–3.

(К. 1897. 6 нояб.) и “Дело доктора Пиотровского” (МВ. 1897. 6 нояб.); “Неосторожность” (К. 1898. 16 янв.) и “Неосторожное убийство” (МВ. 1898. 16 янв.). Версии обоих отчетов из “Московского вестника” и “Неосторожность” (К. 1898. 16 янв.) помещены в разделе “Dubia”.

2. Судебные репортажи, использованные Андреевым в художественных произведениях:

1897. “Московский вестник”:

29) 24 сент. (№ 262). С. 3. Убийство. (“Каинова печать. (Не убий)”);

30) 25 сент. (№ 263). С. 3. Московские трущобы. (“Защита” и “Христиане”);

31) 10 окт. (№ 278). С. 3. Убийство из ревности. (“Каинова печать. (Не убий)”).

1897. “Курьер”:

32–33) 10 дек. (№ 35); 11 дек. (№ 36). С. 3. Дело княгини Енгальчевой и пр.; 1898. 2 февр. (№ 33). С. 4. Последнее дело княгини Енгальчевой. (“Каинова печать. (Не убий)”).

1898. “Курьер”:

34) 22 сент. (№ 261). С. 3. ⟨Подсудимый крестьянин Степан Михеев...⟩. (“В Сабурове”);

35) 26 марта (№ 84). С. 3–4. Гибель самозванца. (“Административный восторг”).

1899. “Курьер”:

36) 24 янв. (№ 24). С. 3. Подлог акта о рождении. (“В подвале”);

37) 1 апр. (№ 90). С. 3. Грабёж с насилием. (“Христиане”);

38) 13 сент. (№ 253). С. 3. Пять лет неизвестности. (“Валя”).

1900. “Курьер”:

39) 2 дек. (№ 334). С. 3. Редкий случай. (“Христиане”).

1902. “Курьер”:

40) 13 сент. (№ 253). С. 3. Поджог. (“Анфиса”).

1903. “Курьер”:

41–43) 17 авг. (№ 170); 18 авг. (№ 171); 19 авг. (№ 172). Дело Александра Кара. (“Мои записки” и “Мысль”)⁸.

Установленное Л.А. Иезуитовой во второй группе судебных отчетов соответствие реальным фактам 15 репортажей сюжетным мотивам художественных произведений Андреева в ряде случаев достаточно убедительно. В основном (кроме пьесы “Анфиса”) можно согласиться с ее утверждением, что «психологический облик героев и сюжетная канва рассказа “В Сабурове”, киноповести “Административный восторг”, драм “Не убий” и “Анфиса” почти полностью взяты Андреевым из своей хроники, являются ее литературной переработкой» (*Иезуитова 1967*. С. 61). Остальные репортажи, указанные в этом разделе приложения, послужили источниками лишь опосредованно, без явных сюжетных и текстологических совпадений, и помещены в раздел “Dubia”.

Как видно из перечня произведений, Андреев пользовался материалом хроники на протяжении всего своего позднейшего творчества.

⁸ См.: Там же. С. 3–4.

Причем характер использования, художественной “переплавки”, был различным – в зависимости от взглядов Андреева в разное время и от задач, которые он перед собой ставил. В письме от 1915 г., адресованном Совету присяжных поверенных г. Москвы, он писал: «Юридической практики я не имею и уже 16 лет занимаюсь литературой {...} Однако и в труде моем я не отхожу от тех начал и вопросов, которые связаны с моей принадлежностью к сословию, являющемуся одним из проводников в русскую жизнь начал справедливости и права. Так, могу указать на некоторые труды свои: “Семь повешенных” – по вопросу о смертной казни; “Губернатор” – по вопросу о наказании; “Мысль” – как этюд по судебной медицине; “Христиане” – по процессу, и так далее» (*Измайлов А. О.*, Русь, – о, rus!: (Леонид Андреев и адвокатура) // *БВед.* 1915. 12 (25) апр. (№ 14779), утр. вып. С. 3).

Подробнее сюжетные переклички между судебными репортажами и рассказами и пьесами писателя рассматриваются в комментариях к конкретным отчетам.

3. Репортажи, авторство которых подтверждено самим Андреевым (включенные впоследствии в авторские сборники или собрания сочинений):

1898. “Курьер”:

44) 27 февр. (№ 57). С. 3. Хозяин и работник. (Включено в *ПССМ*. Т. 6. С. 362–363);

45) 1 марта (№ 59). С. 3–4. Обошщение несовершеннолетней. (Включено в *ПССМ*. Т. 6. С. 363–365);

46) 7 марта (№ 65). С. 3–4. Грабеж. (Включено в *ПССМ*. Т. 6. С. 365–366);

47–67) Дело Скитских:

1899. 18 марта (№ 76) – 22 марта (№ 80); 14 апр. (№ 103). Харьковская судебная палата;

1899. 2 окт. (№ 272); 3 окт. (№ 273); 4 окт. (№ 274). Правительственный сенат;

1899. 20 дек. (№ 351). Судебная хроника. Полтава;

1900. 21 мая (№ 140) – 30 мая (№ 148). Киевская судебная палата.

1900. “Курьер”:

68) 14 сент. (№ 255). С. 3. Из залы суда. Подпись: Л. -ев; там же – Покушение на убийство (без подписи)⁹.

В третьей группе материалов, атрибутируемых Л.А. Иезуитовой, первые три – “Хозяин и работник”, “Обошщение несовершеннолетней” и “Грабеж” – безусловно принадлежат Андрееву, так как автор или с его ведома редактор-составитель *ПССМ* К.И. Чуковский¹⁰ включил их

⁹ См.: Там же. С. 5.

¹⁰ См., например, письмо Андреева А.Е. Розинеру от 21 марта 1913 г. по поводу 6-го тома: “Откуда откопал Чуковский вещи, к-ых я настолько не помню, что готов отказаться от авторства?” (РГБ. Ф. 360. К. 1. Ед. хр. 3). Вместе с тем сам факт согласия Андреева с включением судебных отчетов в собрание сочинений свидетельствует об их авторизации.

в состав этого собрания. Заметка “Из залы суда” (*К.* 1899. 14 сент.), подписанная псевдонимом Андреева-фельетониста – Л. -ев, и как ее продолжение репортаж “Покушение на убийство” также можно с уверенностью назвать андреевскими.

Однако из материалов, относящихся к делу Скитских, лишь часть приведенных исследовательницей можно признать андреевскими. В *ПССМ* “Дело Скитских” публикуется не по материалам судебных отчетов, а по текстам фельетонов “Впечатления”. Из дневника Андреева (*Дн9.* С. 202), воспоминаний В.А. Ашкинази об их совместной поездке в Полтаву (см.: *Азов В.* Отрывки об Андрееве // *Вестник литературы.* 1920. № 3 (15). С. 5–6), писем этого периода и упоминаний дат в самих отчетах и в связанных с делом фельетонах известно, что Андреев был в Полтаве в декабре 1899 и мае 1900 г. Иезуитова явно ошибочно относит к андреевским корреспонденции за март, апрель и октябрь 1899 г., так как, судя по дневнику Андреева, в это время он находился в Москве (см.: *Дн9.* С. 191–193).

По мнению А.П. Руднева, “принадлежность многих судебных отчетов Л. Андрееву” может быть установлена, если они “напоминают его стиль и почерк”, “обнаруживают глубокое и пристальное внимание к острым психологическим проблемам и ситуациям” (*Руднев.* С. 26). Подобные неконкретные и субъективные критерии, как будет показано ниже, являются неудовлетворительными для верификации авторства. Вслед за Иезуитовой Руднев в ряде случаев достаточно корректно пишет об установлении авторства на основании сходства сюжетных мотивов судебных отчетов и андреевских рассказов (“Защита”, “Первый гонорар” и др.). Исследователь отмечает, что судебный отчет под заглавием “Дело студента Мищенко” (*К.* 1902. 29 июня), в котором “при изложении дела особо выделяются такие мотивы, как любовь, ревность, одиночество, очень существенные для Л. Андреева-беллетриста”, нашел отражение в повести Андреева “Мысль” (1902) (*Руднев.* С. 29), хотя конкретные сюжетные линии, которые связывали бы судебный репортаж и повесть, не обнаруживаются. С другой стороны, неубедительным выглядит сделанное Рудневым сравнение заметки “Из залы суда” (*К.* 1899. 21 сент. С. 3) с небольшим рассказом-сценкой “Старухи” (1905) (впервые опубли.: *Неделя.* 1977. 1–7 авг. (№ 31). С. 7). Тем более, что заметка опубликована за подписью “К.”, а о таком псевдониме Андреева в “Курьере” ничего не известно.

В библиографическом указателе, составленном В.Н. Чуваковым (Леонид Николаевич Андреев: Библиография. М., 1994. Вып. 1), перечислены статьи и судебные отчеты, которые, по мнению составителя, принадлежат Л. Андрееву. В первую очередь это тексты, подписанные Андреевым (Л.А. и Л. -ев) и включенные в *ПССМ* (“Хозяин и работник”, “Обольщение несовершеннолетней”, “Грабёж”, “Консультация помощников присяжных поверенных”, заметка “Из залы суда” от 14 сентября 1900 г., “Отголоски дела Скитских”), телеграммы и отчеты о деле Скитских от 22, 23, 24 мая 1900 г., а также репортаж без подписи “Явная неосторожность” от 1 апреля 1901 г.

В разделе “Dubia” Чуваков анализирует принципы атрибуции судебных отчетов, указанных как андреевские, в работах Фатова, Афонина, Иезуитовой и Руднева. «Тем не менее в нашей библиографии, – делает вывод Чуваков, – мы не сочли возможным в основной корпус вводить, как принадлежащие Андрееву, анонимные судебные отчеты из “Московского вестника” и “Курьера”, если их авторство не было подтверждено самим писателем, включившим их в ПССА» (*БиблиА1*. С. 210–211). В списке судебных отчетов, принадлежащих Андрееву, с отсылкой на работы Л.А. Иезуитовой Чуваков поместил “Подлог в акте о рождении” (*К. и МВ.* 1898. 11 февр.) и репортаж без названия (*К.* 1901. 11 апр. (№ 99)), однако атрибуция этих репортажей в ее диссертации отсутствует.

Вместе с тем Чуваков включает в раздел “Dubia” заметки “Маленькая хроника” за подписью “ХХХ” (*К.* 1901. 19 сент. (№ 259) и 26 сент. (№ 266)), приводя в доказательство комментарий к письму Горького Андрееву от 20–24 сентября 1901 г. (см.: *ЛН72*. С. 96), и “Мелочи: Заметки досужего обывателя” за подписью “Досужий обыватель” (*К.* 1903. 2 июня (№ 94); 9 июня (№ 101); 29 июня (№ 121)). Однако позже в архиве газеты “Курьер” были найдены тексты: один – с названием “Маленькая хроника”, подписанный “ХХХ” вместо зачеркнутого “М. Добров” (РГАЛИ. Ф. 598. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 15–17), и другие – “Мелочи: Заметки досужего обывателя” (РГАЛИ. Ф. 598. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1–79). Среди рукописей Досужего Обывателя есть одна с не очень ясной подписью, оканчивающейся на “-ский”, вероятно, это А.П. Алексеевский (Там же. Л. 9; подробнее см: *Телятник М.А. Кто автор этих фельетонов? // Леонид Андреев: Материалы и исслед.* М., 2000. С. 340–354).

Учитывая все вышеприведенные уточнения к исследованиям, принятым ранее, и собственные разыскания, в тома 13 и 14 включены следующие судебные отчеты:

1. Тексты, вошедшие в т. 6 *ПССМ* (“Хозяин и работник”, “Обольщение несовершеннолетней” и “Грабеж”).
2. Тексты, подписанные так, как обычно Андреев подписывал свои фельетоны и статьи, публиковавшиеся в “Курьере” вне фельетонных циклов.
3. Судебные хроники, авторство которых подтверждено конкретными указаниями самого писателя или его современников (дневниками Андреева, письмами, воспоминаниями).
4. Отчеты с судебных процессов, в которых принимал участие сам Андреев в качестве защитника.
5. Отчеты с судебных процессов, в которых принимали участие его близкие и знакомые (в случае отсутствия дополнительных сведений об авторстве в дневнике, письмах и иных биографических материалах – помещаются в разделе “Dubia”).
6. Отчеты, посвященные процессам, которые параллельно упоминаются в фельетонах Андреева.
7. Судебные репортажи, использованные писателем в художественных произведениях (см. выше: п. 2 в системе идентификации авторства Л.А. Иезуитовой).

Установление несомненного авторства отдельных статей осложнено тем, что в газете одновременно печатались репортажи из разных судов и даже из разных городов. Следует признать андреевскими прежде всего отчеты о делах Московского окружного суда и палаты, хотя, по всей вероятности, он иногда давал сообщения и о заседаниях в камере мирового судьи или в съезде (см., например, его фельетон “У мирового”) (ИССМ. Т. 6. С. 223–225).

Судебный репортаж Андреева дает возможность понять существенные аспекты его мировоззрения, увидеть один из ответственных моментов формирования его как художника. В судебной хронике Андреев выступает как исследователь-юрист, и его юридические взгляды отразятся позднее в его художественном творчестве.

В газете “Курьер” с особенной силой проявился талант Андреева-фельетониста.

“Курьер”, первый номер которого вышел 6 ноября 1897 г., имел свою предысторию. Первоначально газета, издаваемая прапорщиком кн. Д.К. Нижарадзе, человеком, далеким от журналистики, основавшим ее, “может быть, для положения в обществе” (Гильровский. Т. 1. С. 168), была ежедневной и называлась “Торговля и промышленность”. Начиная с 1894 г. (с № 191) она стала выходить под заголовком “Курьер торговли и промышленности”. В это время газета не ставила перед собой амбициозных задач: в ней сообщались новости экономической и культурной жизни, биржевые котировки, пересказывались городские сплетни и т. д.

Новый этап в жизни московского “Курьера” начался 12 сентября 1896 г., когда права на издание газеты были приобретены Я.А. Фейгиным. К этому времени она влачила жалкое существование. Фейгин стремился к расширению программы издания (до этого газета имела право публиковать лишь материалы торгово-промышленной тематики). Он также предпринял решительные шаги по привлечению к сотрудничеству новых пайщиков и журналистов. Пайщиками стали московские купцы братья Алексеевы (А.Г. Алексеев стал соиздателем “Курьера”), И.Д. Новик и Е.З. Коновицер. Как вспоминал Новик, в середине 1897 г. ему «было поручено группой лиц, основавших новую газету “Курьер” и желавших превратить ее в “прогрессивный орган печати”» (Новик 1919. С. 5), подобрать сотрудников редакции и возглавить ее.

Газета “Курьер” задумывалась основателями как либеральное издание, целью которого было, как говорилось в редакционном обращении к читателям, “не только распространение известий, но и твердое, согласное с вековыми принципами правды, добра и справедливости стремление быть выразительницей истинных нужд и потребностей страны” (К. 1897. 6 нояб. (№ 1). С. 1).

Наряду с Фейгиным, который был одновременно и издателем и редактором газеты, вокруг “Курьера” постепенно сформировался коллектив талантливых и либерально мыслящих журналистов. И.Д. Новик, кандидат права, присяжный поверенный, журналист, стал секретарем редакции, он писал статьи по вопросам международной политики. П.С. Коган, историк русской и зарубежной литературы, вел отдел биб-

лиографии. В.М. Фриче, близкий социал-демократическому лагерю, делал обзоры западноевропейской литературы (“Письма о Западе”, “Очерки иностранной литературы”). Известный театральный и литературный критик В.П. Преображенский вел рубрику “Журнальные отголоски”. В.А. Поссе выступал в “Курьере” с обзорами зарубежной жизни. С.С. Голоушев, писавший под псевдонимом Сергей Глаголь, освещал новинки художественной культуры.

Большое влияние на формирование “левого” направления газеты оказал В.А. Гольцев. Ученый и общественный деятель, Гольцев, будучи редактором журнала “Русская мысль” и сотрудником газеты “Русские ведомости”, вел в “Курьере” отдел “Литературные отголоски” и писал полемические заметки под рубрикой “Мысли вслух”. С именем Гольцева связана ориентация “Курьера” на традиции “Русских ведомостей”, о которой говорил в своих воспоминаниях П.С. Коган: «“Идейность” наша выражалась главным образом в том, что мы всеми силами боролись с бульварным газетным тоном и старались равняться по “Русским ведомостям”» (Фатов. С. 307).

С самого начала в “Курьере” сотрудничали В.А. Гиляровский, Н.П. Ашешов, В.Е. Ермилов, М.Н. Ремезов, К.М. Станюкович, Д.Н. Мамин-Сибиряк, К.М. Фофанов, кн. А.И. Сумбатов-Южин.

Начав работать в “Курьере” с первого номера как судебный хроникер, с 1900 г. как фельетонист, в декабре 1901 г. Андреев возглавил отдел беллетристики газеты. Он приглашал авторов и в отдел фельетона, активно участвовал в выборе тем и обработке материала, деятельно влияя таким образом на формирование позиции и “лица” газеты.

“Курьер” занимал промежуточное положение между “большой” и “малой” прессой. Статус издания не позволял ему публиковать передовые статьи и материалы общественно-политической направленности (для этого требовалось специальное разрешение Главного управления по делам печати, которое выдавалось лишь изданиям с подписной ценой не менее 7 руб. в год). Такое ограничение лишало газету значительной части читательской публики, интересовавшейся событиями российской и зарубежной общественно-политической жизни.

“Курьер” оказался в сложном положении: повышение подписной цены могло отпугнуть тех читателей, на которых в первую очередь была ориентирована газета, – широкие слои представителей “среднего класса”: московской интеллигенции, студенчества, чиновничества, прогрессивно настроенной молодежи. В то же время попытки сотрудников “Курьера” преодолеть узкие тематические рамки и заявить о своей общественной позиции, их стремление отстаивать передовые демократические взгляды, критика существующих порядков обеспечивали популярность среди читателей, но наталкивались на постоянные цензурные запреты, угрожающие самому существованию издания.

Роль фельетона в формировании лица газеты была весьма значительной. “Курьер”, лишенный права публикации передовых статей, был вынужден именно на фельетоны делать главную ставку. Воскресный фельетон, находящийся в газетном “подвале” на второй или третьей

полосе, играл роль “первой скрипки” среди иных газетных материалов. Жанр фельетона оказался на переднем крае борьбы и за право высказывать свою гражданскую позицию, и за внимание и интерес читателя. Помимо Андреева, бывшего главным фельетонистом газеты, фельетоны писали В.А. Гольцев, П.С. Коган, В.А. Поссе, В.М. Фриче, А.В. Луначарский, А.С. Серафимович и др.

Фельетоны Андреева ожидался читателями и в значительной мере повлияли на успех “Курьера”, привлекли к газете внимание большого числа читателей и подписчиков по всей России. Они отличались большим тематическим и стилистическим разнообразием, острым полемическим зарядом, тонким юмором, а также особой, проникновенно-лирической интонацией (подробнее см.: *Телятник М.А.* Фельетоны Л.Н. Андреева в газете “Курьер” (1900–1903): Специфика жанра, проблематика, поэтика, стиль: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012).

В “Курьере” фельетоны Андреева выходили под двумя рубриками: почти ежедневный “маленький фельетон” “Впечатления” с подписью Л. -ев – с 27 января 1900 по 27 февраля 1903 г. и большой воскресный фельетон “Москва. Мелочи жизни” (впоследствии просто “Мелочи жизни”), под псевдонимом Джемс Линч (варианты: Джон Линч, James Lynch), – с 7 мая 1900 по 13 октября 1902 г.

Интересна история появления андреевского псевдонима. Первый воскресный фельетон вышел за подписью Джон Линч – со второго Андреев стал подписывать свои статьи “Джемс Линч”, именем широко известного ирландца, мэра города Гальвеи, который, по преданию, “повесил собственного сына за обман и убийство путешественника, не руководствуясь военным или гражданским законом, а в добрый пример для потомства” (см.: *Энциклопедический словарь / Сост. Ф. Брокгауз, И. Ефрон.* СПб., 1896. Т. 34. С. 715). Возможно, Андрееву хотелось обозначить таким способом свое право на “личный суд” того, о чем приходилось писать: о городских происшествиях и явлениях внутри-российской и международной жизни, нравах обывателей и поведении представителей власти, событиях культурной жизни Москвы и т. д.

Важным элементом создания нового образа фельетона стало и название рубрики. До Андреева воскресный фельетон выходил в “Курьере” под заголовком “Москва. Очерки и заметки”. Автором его был И.Я. Гурлянд, писавший под псевдонимом Арсений Г. Фельетоны Гурлянда отличались мелкотемьем, вообще характерным для российской “малой” прессы рубежа XIX–XX вв., а также легкостью тона и некоторой фривольностью выражений (см.: *Иезуитова 1967.* С. 70).

В заглавии “Мелочи жизни” ощутимо влияние М.Е. Салтыкова-Щедрина, у которого есть цикл очерков с аналогичным названием (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1988. Т. 9. С. 65–438). Возможно, Андреев хотел подчеркнуть преемственность традиций русской сатирической литературы, свою близость к демократическим и социально направленным ее тенденциям. Не исключено, впрочем, что в подобном заглавии проявилась скрытая ирония в понимании Андреевым своей роли – газетного публициста, формально считающегося гла-

штаем вечных истин, а на деле вынужденного писать о всевозможных городских “мелочах”: мелких происшествиях, неполадках канализации, выборах гласных в Городскую думу и т.п.

В письме А.А. Измайлову от 1–5 июня 1901 г. Андреев с долей грусти признается: «Работа в “К(урьере)” для меня тяжела. Я совсем не публицист по натуре; ненавижу день с его злобами и вот, с головою, сижу в “проклятых” вопросах: о цели жизни, о Боге, о смерти, о нравственности. Писать же мне приходится главным образом о канализации и мостовых» (РЛ1962. С. 196).

«Мелочь тем и отвратительна, – писал Андреев в фельетоне “Тирания мелочей и преступность индивидуальности”, – что она мелочь, что в одну коробку ее улягутся тысячи, что нет уголка жизни, куда бы она не была напихана. (...) И если человек не сумеет отвести мелочи ее надлежащее место, поддастся ей, а поддавшись, сделает ее своим господином – он превращается в самое жалкое и нелепое существо в мире. Из всех рабов он самый жалкий, так как он принадлежит всем» (ПССМ. Т. 6. С. 169).

Говоря о своей нелюбви к газетной работе, Андреев имел в виду, вероятно, именно ту ее сторону, которая связана с необходимостью откликаться на “злобу дня”, давая материал к строго определенному сроку. По воспоминаниям П.Н. Андреева, в период своей “курьерской” деятельности писатель “самым трудным днем недели считал субботу, когда к следующему воскресному дню должен был представить готовый фельетон. Я помню, как часто садился Леонид за стол, брал в руки перо и сам еще не знал, о чем будет писать” (Андреев П.Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. Л., 1925. № 3. С. 185).

Позднее, в апреле 1911 г., о работе фельетонистом Андреев писал (возможно, несколько утрируя) своему брату Андрею: “(...) газет ежедневно я читал 8 (получал дома). Искал темы, вылавливал отовсюду, как собака блох. (...) Я, брат, писал:

О фармацевтах,
О кредитном обществе,
О городских облигациях,
О больницах.

И обо всем” (РАЛ. MS.606/G.2.i**). Можно реконструировать (на основании упоминаний в фельетонах и переписке) названия газет, которые он выписывал, – это “Русские ведомости”, “Московский листок”, “Новое время”, “Русское слово”, “Новости дня”, “Московский вестник”, “Орловский вестник”, “Правительственный вестник”.

По подсчетам Л.А. Иезуитовой, в “Курьере” было напечатано около двухсот пятидесяти фельетонов писателя. Удалось выявить 232 текста за 1900–1903 гг., где авторство Андреева не подлежит сомнению¹¹.

¹¹ Показательна динамика соотношения “маленьких фельетонов” “Впечатления” и большого воскресного фельетона “Москва. Мелочи жизни”. В 1900 г. Андреев написал 84 “Впечатления” и 26 воскресных фельетонов; в 1901 – 51 “Впечатление” и 37 фельетонов “Москва. Мелочи жизни” (а также за подписью Л. -ев 4 рецензии на спектакли в Малом и Новом театрах и одну “Заметку”

Цензорами “Курьера” в разное время были А.Р. Генц, С.И. Соколов, Л.А. Богданович.

А.П. Алексеевский в своих воспоминаниях дал характеристику многим сотрудникам “Курьера”, и в том числе цензорам. «Самым строгим цензором считался некто Генц. Сын полицейского надзирателя из Риги, он внес в свою должность замашки унтера Пришибеева. (...) Иногда Генца заменял Соколов. Этот был глуп и труслив. Если мысль автора казалась ему неясной или непонятной, он попросту ставил над статьей крест, не утруждая себя отдельными вымарками, но иногда отваживался на вымарки и даже вставки: в таком случае получались гомерические курьезы. (...) Но самым подлым цензором, побившим все рекорды злобности, был некий Л.А. Богданович, как это ни печально признать – один из сотрудников “Курьера”. (...) Богданович отличался ценной для газеты осведомленностью по иностранной политике, и его статьи, печатавшиеся под псевдонимом “Старый дипломат”, имели свой круг почитателей. (...) Поехал я к нему с гранками и – помню – фельетоном Андреева, особенно им чтимого среди всех сотрудников “Курьера”... Перечеркал все гранки до единой, не пощадил и Андреева, а на мой возмущенный окрик спокойно ответил:

– Не могу иначе... Вы должны понять, что я держу “экзамен”...» (Алексеевский. Л. 27, 28, 29).

Таким образом, подчеркивал мемуарист, “Л.Н. Андреев, взявши на себя тяжелую миссию лавировать между Сциллой цензуры и Харибдой либерального общества, в конце концов, обрекался на роль обличителя обывательщины” (Там же. Л. 30–31).

В ежегодных отчетах Московского цензурного комитета в Главное управление по делам печати 1900–1902 гг. постоянно отмечалась политическая неблагонадежность “Курьера”. В.А. Гиляровский в книге “Москва газетная” писал об этой особенности “Курьера”: “Так как цензура была очень внимательна к новому изданию в отношении политических статей, то пришлось выезжать на беллетристике и писать лирически-революционные фельетоны” (Гиляровский. Т. 1. С. 171).

В письме А.А. Измайлову от 1–5 июня 1901 г. Андреев признавался: «Кроме того, над “Курьером” тяготеет проклятие в виде безмерно придирчивого и глупого цензора Генца, который в среднем черкает у меня около 40 процентов написанного и обесцвечивает остальное (он так и пишет на гранках: “снять краски!”)» (РЛ1962. С. 196).

Позднее о работе судебного хроникера и фельетониста Леонид Андреев писал своему брату Андрею: “Цензор черкал 50 %. Проходила только лирика и вода. Да и на лирику я приобрел право, только став фигурой” (РАЛ. MS.606/G.2.i**).

за подписью *Джесмс Линч*); в 1902 – 9 “маленьких” и 18 “больших” фельетонов (в том числе “Мещане”). В 1903 г., когда внимание писателя в значительной степени переключилось на организационную работу и написание собственных рассказов, на страницах “Курьера” появилось только одно его “Впечатление” и «Письмо героя “Бездны”: Маленький фельетон» за подписью “Немовецкий” (К. 1903. 6 марта (№ 8). С. 3).

Приведем два примера цензурной правки, обнаруженной В.Н. Чуваковым в документах Главного управления по делам печати.

Первый – отрывок о трагической судьбе Г.И. Успенского, вычеркнутый цензором из “Впечатлений” от 27 января 1900 г., т. е. из самого первого андреевского фельетона (подробнее см. ниже, в коммент. к фельетону).

Второй – фельетон-рецензия “Москва. Мелочи жизни”, о спектакле по пьесе “Мещане” М. Горького и ее постановке в МХТ, который подвергся серьезной цензурной правке. В результате в газете (К. 1902. 31 марта (№ 89). С. 3) была опубликована краткая рецензия под названием “Мещане” за подписью “Джемс Линч”. В прижизненные издания этот фельетон не включался. Цензурные гранки фельетона “Москва. Мелочи жизни” хранятся: РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 772. Л. 218–222. Полный текст по цензурным гранкам опубликован впервые В.Н. Чуваковым (ЛН72. С. 475–476, 479, фотокопия гранок – там же, с. 477–478). Подробнее см.: *Телятник М.А.* Фельетон-рецензия Л. Андреева “Москва. Мелочи жизни”: О пьесе М. Горького “Мещане” в постановке Московского Художественного театра // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья: Сб. ст. и материалов: (Памяти Л.А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения). СПб., 2010. С. 43–55.

Впоследствии часть фельетонов Андреева, первоначально опубликованных в газете “Курьер”, была включена в прижизненные собрания сочинений писателя и некоторые его сборники. Переизданные тексты нередко не совпадают с газетными публикациями. При подготовке своей ранней публицистики для сборников *Под вп. ХТ, Юр и Пр и ПССМ* Андреев дал некоторым из “безымянных” фельетонов названия. В ряде случаев он сокращал тексты или объединял тематически близкие отрывки из разных фельетонов.

В состав сборника “Под впечатлением Художественного театра” (авторы: Джемс Линч и Сергей Глаголь (С. Сергеевич). М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902) вошли восемь фельетонов Андреева и две статьи С.С. Голоушева. Тематически они касаются важнейших постановок МХТ. Сборник является самостоятельным и целостным произведением, причем сам способ отбора и размещения ранее публиковавшихся отдельно в “Курьере” очерков и фельетонов позволяет говорить о новом жанровом звучании каждого из них. Если в газете на первом плане оказывается то, что способно привлечь внимание читателя (актуальность и злободневность, а также занимательность, легкая беллетризация, полемичность, ироническая интонация), то в сборнике те же тексты, выстроенные в определенном порядке, приобретают характер театрально-художественного манифеста. В нем излагается понимание авторами важнейших особенностей драматического произведения, целей, задач и принципов искусства, его традиций и новаций.

Заглавие каждого фельетона Андреева, отсутствующее в газетном варианте, призвано заострить основную мысль и главную тему произведения. Иногда заглавием становится название пьесы (“Дикая утка”, “Три сестры”), в других случаях обозначены центральный образ или впечатление (“Люди теневой стороны”, “Диссонанс”), тема или предмет обсуждения (“Нечто о чертях”, «Тоже “настроение”»), а подчас Андреев

использует выразительный афоризм, связанный в авторском сознании с идеей пьесы (“Если жизнь не удастся тебе, то удастся смерть” – неточная цитата из Ф. Ницше. Скорее всего, Андреев использовал цитату из своего “Рассказа о Сергее Петровиче”).

В статье Сергея Глаголя “Проблемски новых веяний в искусстве” утверждается, что своим успехом Художественный театр обязан тому, что сумел верно угадать и передать “настроение” исполняемых им произведений, что “вся сила искусства в передаче именно этих настроений и вся прелесть его именно в том, что оно может заставлять нас переживать эти настроения” (*Под вп. ХТ. С. 9.* Далее в тексте указаны лишь страницы этого издания).

В следующем за статьей Глаголя “маленьком фельетоне” Джемса Линча «Тоже “настроение”» (*К. 1901. 30 сент.*), посвященном спектаклю по пьесе А.М. Федорова “Старый дом”, автор, напротив, иронизирует над абсурдностью бездумной погони драматургов и режиссеров за “настроением”. Андреев создает ироничный образ “честолюбивого автора-графомана”, наделяя его автобиографическими чертами: «Я тоже хотел написать вещь с настроением и уже совсем обдумал ее; о чем там будет речь, я еще не знаю. (...) Сперва я попробовал его над своими домашними. Они сидели, пили чай и о чем-то совсем мирно беседовали, когда из моего кабинета послышалось нечто. (...) Когда волнение поутихло, меня стали вызывать. Меня, такого молодого, такого еще неопытного драматурга! Я думал, что слух меня обманывает, но нет: никто не подходил к моей двери, и все издалека кричали: “Л. -ев! Л. -ев!” Я нарочно не выходил, но зрительный зал неистовствовал» (*С. 37–39*). Известно, что именно в это время Андреев обдумывал свою первую (неоконченную и неиздававшуюся) пьесу, в раннем варианте озаглавленную “Брат и сестра”, а впоследствии названную “Закон и люди” (1902) (о ней см.: *Бабичева Ю.В. Незавершенная драма Леонида Андреева “Закон и люди” // Русская литература XX века: (дооктябрьский период): Сб. ст. Калуга, 1968. С. 254–265*).

В фельетоне Андреева “Диссонанс” (*С. 40–50; К. 1900. 29 окт.*) и в статье Глаголя “Герой ли Штокман?” использованы совершенно разные подходы при анализе постановки пьесы Ибсена “Доктор Штокман”.

Фельетоны Андреева также чередуются по “настроению”, тональности, с которыми автор рассматривает интересующие его темы, мотивы и проблемы. Это своеобразные разновидности жанра театрального фельетона. “Нечто о чертях” (*С. 62–68; К. 1901. 16 сент.*) – ироническая полемика с блюстителями “достоинства” актера; “Когда мы, мертвые, пробуждаемся?” (*С. 69–77; К. 1900. 3 дек.*) (именно так, со знаком вопроса) – пример “лирико-исповедального” фельетона (*Паперный З.С. О злободневном и долговечном // Русский театральный фельетон. Л., 1991. С. 14*), сочетающего личные воспоминания с размышлениями о художественной природе символа; “Если жизнь не удастся тебе, то удастся смерть” (*С. 96–103; К. 1901. 4 нояб.*) – образец “философского” фельетона, включающего рассуждения Андреева о цели и смысле человеческой жизни, о гениальности и одиночестве, любви и ненависти; “Люди теневой стороны” (*С. 104–110; К. 1901. 30 дек.*) – сатирическое изображение тех, для кого “молодой воин – солнце” всегда “непримиримый враг”

(С. 106), ироническая классификация людей, которых “в литературе (...) называют пессимистами, скептиками, мизантропами, загадочными натурами, одинокими душами и другими красивыми именами, а в общезнании именуют их, ближе к правде, кикиморами и постылыми людьми” (С. 108). При этом собственно театрально-критическая часть фельетона, посвященного спектаклю по пьесе Вл.И. Немировича-Данченко “В мечтах”, теряется, отходит на второй план.

Художественный театр на заре его деятельности виделся Андрееву проводником новых принципов искусства и подтверждением возможностей иного миропонимания. Впоследствии поиски Андреева в создании новой драмы и нового театра, получившего название театра “панпсихизма”, нашли отражение в его “Письмах о театре” (1912–1913, опублик. 1913–1914).

Следующей книгой, куда вошли “курьерские” фельетоны, был совместный сборник Л. Андреева и А. Куприна “Юмористические рассказы” (СПб., 1909. Т. 1 и 2). Сюда писатель включил фельетоны, жанрово близкие к юмористическим рассказам. Текстам даются названия, одни из которых сохраняются в позднейших изданиях (“Я”, “Утеноч”, “Слабый пол”, “Писатели”, “Хореография”, “Верховая езда”), другие же позже претерпевают изменения (в сборнике: “Разные дороги”, позднее “Весна”, “Г. Экстемпоралий” – “Он умер, бедный Экстемпоралий”, “Веселая жизнь” – “В кругу”, “На дачу” – “Безумство храбрых”, “Юбилей” – “Всероссийское вранье”, “Мелочи жизни” – “Тирания мелочей и преступность индивидуальности”, “Отрывки из путевых заметок” – “На юге”, “Пассажиры” – “Русский человек и железная дорога”). Необычное жанровое образование – “Вырванные листки из записной книжки” – представляет собой коллаж из пяти фрагментов разных фельетонов. Часть текстов из “Курьера” в сборнике даны в сокращенном виде.

Фельетоны составили отдельный том второго (по хронологии) собрания сочинений писателя (Собр. соч.: В 17 т. Пб.: Просвещение, 1911. Т. 1). Том тематически разбит на восемь частей без названия. Некоторые фельетоны в нем (“Волга и Кама”, “Русский человек и железная дорога”, “Шалости прогресса” и др.) составлены из нескольких газетных статей. Всего в первый том вошло 38 текстов, и один (“Прекрасна жизнь для воскресших”) во второй.

В третьем по хронологии собрании сочинений Андреева (Полн. собр. соч.: В 8 т. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1913. Т. 6, 7) количество фельетонов из “Курьера” увеличивается до 55. Андреев (или редактор-составитель К.И. Чуковский) дополнил состав “фельетонного” тома предыдущего собрания сочинений такими текстами, как “Утеноч”, “Хореография”, “Я”, “О китайских головах”, “Несколько эскизов из московской жизни”, “У мирового”, “Путевые впечатления. – Рига. – Балтийское море”, “Верховая езда”, “Китайский роман”, “Детские журналы”, “О П.Д. Боборыкине”, “О стихах Сиротинина”, “Актер”, “Ф.Г. Волков”, “Дело Скитских”, “Писатели”. Фельетоны “Безумец” и “Продолжение”, которые в *Пр* опубликованы как отдельные тексты, в *ПССМ* объединены в один под заглавием “Безумец”, а фельетон “Верховая езда”, опубликованный в *ПССМ* как самостоятельный текст, в *Пр* публиковался как часть фельетона “На юге”. В *ПССМ* задан не тематический, а жанровый

принцип классификации текстов. Выделено три раздела: ранние рассказы, три из которых (“Утенок”, “Осенняя слякоть” и “Прекрасна жизнь для воскресших”) в газетной версии появились именно как фельетоны, а здесь впервые приобрели иной жанровый статус – *беллетристический*; фельетоны; судебная хроника.

Текстологический анализ фельетонов в двух собраниях сочинений показал незначительные расхождения в написании слов, в пунктуации и т.п.

В наст. изд. все тексты статей (т. 13–16), как правило, публикуются в строго хронологическом порядке, независимо от их жанровых разновидностей (судебный отчет, фельетон, критическая статья, лирическое эссе и т. д.). Это связано с тем, что Андреев-газетчик мог освещать одну и ту же тему одновременно с разных сторон (например, в судебном отчете и в фельетоне). В случае выделения двух этих (или иных) жанров в отдельные рубрики, а также, например, при выделении в отдельные рубрики двух фельетонных циклов – “Впечатления” и “Москва. Мелочи жизни”, – подобные тематические переключки в близких по хронологии материалах были бы потеряны для читателя и не было бы реализовано стремление составителей отразить актуальность, живую связь с текущим моментом, злобой дня репортерской и фельетонистской деятельности писателя. Этой же ориентацией определяется и своеобразное, отличное от принятого в наст. изд. (см.: “Текстологические принципы издания” – т. 1, с. 457) обособование основного текста. В т. 13–16 за основной текст, как правило, принимается не текст последнего авторизованного издания, а первая публикация в периодике. Это связано, во-первых, с вышеуказанным стремлением отразить в томах, содержащих статьи писателя, актуальность их именно как материалов периодики. Во-вторых, писателем для позднейших сборников и собраний сочинений была переработана лишь незначительная часть его газетных и журнальных статей, что не позволяет *все статьи* представить в относительно равноценном (с точки зрения стиля и иногда жанра¹²) текстологическом модуле.

Подобное отступление от общих текстологических принципов настоящего собрания сочинений в отношении основного текста отразилось и на особенностях подачи вариантов в т. 13–16. Поскольку основным здесь становится хронологически наиболее ранний текст, то варианты будут даны в хронологической прогрессии: от самого раннего (как *OT*) к самому позднему. Как правило, в позднейших версиях исходные тексты сокращались либо новая редакция являлась контаминацией из нескольких “курьерских” фельетонов. В случаях, если подобные сокращения или контаминации в позднейшей версии существенно изменяют стилистическую и/или смысловую структуры первой публикации, то соответствующая позднейшая редакция печатается целиком в разделе “Приложение”, в томе, хронологически соответствующем публикации данной версии.

В РГАЛИ (Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 8) хранятся объединенные в книгу машинописные копии фельетонов Л.Н. Андреева, которые печатались в

¹² Например, три фельетона из “Курьера” в *ПССМ* публикуются как рассказы (“Прекрасна жизнь для воскресших”, “Утенок” и “Осенняя слякоть”) – при наличии в этом собрании сочинений специальной жанровой рубрики “Фельетоны”.

газете “Курьер” в 1900–1902 гг. под рубриками “Впечатления” и “Москва. Мелочи жизни”. Копии (иногда по два экземпляра) представляют собой машинописные листы, напечатанные на кальке или белой плотной бумаге. Часть листов имеет дефекты. Листы книги пронумерованы, но не все охвачены нумерацией. В части фельетонов отсутствует начало, затем дается полная копия. В текстах со старой орфографией много опечаток, скорее всего они не были вычитаны. Происхождение материалов не установлено, известно лишь, что тетрадь поступила в РГАЛИ из Государственного литературного музея. В связи с отсутствием следов работы Андреева с этими копиями фельетонов (т. е. их неавторизованностью) в текстологии наст. изд. они не учитываются.

В газетных публикациях (прежде всего судебных отчетах) имеется большое количество нестандартных для современного читателя сокращений, которые относятся к должностям участников судебного процесса и т. п. Такие сокращения в наст. изд. раскрываются без оговорок.

В заголовках статей, озаглавленных одинаково, с целью их идентификации в угловых скобках курсивом даются даты их публикации.

С целью сохранения особенностей газетной стилистики в текстах статей не унифицируется написание с прописной или строчной буквы названий учреждений, организаций и т. п. (напр.: “Московская окружная палата” и “московская окружная палата”; “Екатерининский зал” и “екатерининский зал”; “Литературно-художественный кружок” и “литературно-художественный кружок”).

При наличии в газетах-первоисточниках разночтений (обнаружении двух вариантов) или ошибок в написании имен и фамилий в текстах статей по возможности выбирается правильное, а в комментарии при необходимости может быть сделано указание на ошибку.

Не унифицируются различия в оформлении газетных заголовков (шрифт, пробелы и т. п.).

* * *

Тексты *ЧН* к фельетону “Москва. Мелочи жизни (17 сентября 1900 г.)”, не опубликованного при жизни Л.Н. Андреева фельетона “Panem et circenses!..” и незаконченного “Человечество вырождается” и комментарии к ним подготовлены Р.Д. Дэвисом.

Все остальные тексты в томе и комментарии к ним подготовлены Т.В. Котовой и М.А. Телятник.

Автор вступительной статьи к комментариям «Л.Н. Андреев – судебный репортер и фельетонист периода работы в газете “Курьер”» – М.А. Телятник.

Указатели составлены Т.В. Котовой.

Ответственный редактор тома – М.В. Козьменко.

При работе над томом использовались газетные фонды Российской национальной библиотеки.

Составители выражают благодарность научному сотруднику РНБ А.А. Кирзюк и главному библиотекарю отдела газет РНБ М.А. Луковской за практическую помощь в подготовке издания.

СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ

(С. 7)

Источник текста – Орловский вестник. 1895. 25 окт. (№ 285). С. 2–3.
Подпись: Л. А.

В письме Софье Дмитриевне Пановой от 28 октября 1895 г. Андрей писал: “Не читали в Орл(овском) Вест(нике) статейку Студенческий Концерт? Моя, – но перевернано и искажено до неузнаваемости” (РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 3–4 об., опубли.: *Фатов*. С. 100–101).

О концертах “в пользу бедных студентов” упоминается в ранних, не опубликованных при жизни рассказах Андреева “Старый студент” (1902) и “Тенор” (1903), а в позднейшей пьесе “Gaudeamus” (1910) (в основу которой легли сюжеты вышеуказанных рассказов и, соответственно, студенческие воспоминания писателя) в подробностях изображен подобный благотворительный концерт в провинциальном городе Стародубово (действ. 4).

С. 8. *Орел видел и Фигнера, и Мравину, и Яковлева, и чуть не самого Мазини.* – Н.Н. Фигнер и Л.Г. Яковлев бывали с концертами в Орле несколько раз, Фигнер – в 1893 (объявление см.: Орловский вестник. 1893. 14 февр. (№ 45). С. 1) и 1894 г. О втором концерте в разделе “Театр и музыка” “Орловского вестника” 27 марта (№ 83) появился отзыв: «Арию “Смейся, паяц” Леонкавалло он исполнил образцово, гениально, как и нужно было ожидать от г. Фигнера». Л.Г. Яковлев приезжал в Орел в 1894 и 1895 гг. Об их совместном с М.Д. Каменской концерте “Орловский вестник” писал 22 марта (№ 78) 1894 г.: “Как программой, так и исполнением ее г-жа Каменская и г. Яковлев в своем концерте 20 марта в зале Дворянского собрания доставили редкое удовольствие всем истинным любителям пения”. В Орле неоднократно гастролировали солисты Итальянской оперы.

Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) – русский артист оперы (лирико-драматический тенор), в 1887–1907 гг. солист Мариинского театра.

Мравина (наст. фам. Мравинская) Евгения Константиновна (1864–1914) – русская певица (лирико-колоратурное сопрано). В 1886–1900 гг. солистка Мариинского театра. Вела концертную деятельность. Гастролировала в Англии, Франции, Бельгии, Германии.

Яковлев Леонид Георгиевич (1858–1919) – русский певец (баритон), руководитель провинциальных оперных трупп. Дебютировал в 1886 г., в 1887–1906 гг. – солист и режиссер Мариинского театра.

Мазини (Masini) Анджело (1844–1926) – итальянский певец (тенор). В 1867 г. дебютировал в Модене, затем пел во многих городах Италии. Исполнял лирические и драматические партии, был продолжателем традиций школы бельканто. Гастролировал во многих странах (в 1877 г. в России). В 1879–1903 гг. участвовал в спектаклях Итальянской оперы в Петербурге. Оставил сцену в 1905 г.

МОСКОВСКИЕ ТРУЩОБЫ

(С. 9)

Источник текста – *МВ*. 1897. 25 сент. (№ 263). С. 3. Без подписи, в разделе “Из залы суда. Московский окружной суд”.

Авторство Андреева может быть установлено на основании сходства сюжета, описания внешности и характеров героев, совпадения отдельных фраз, употребления одних и тех же слов и понятий в рассказе “Защита. История одного дня”, опубликованного в “*Курьере*” 8 ноября 1898 г. (см. т. 1 наст. изд., с. 79–86), и в данном судебном отчете.

Тема рассказа и отчета – проституция, пьянство и убийство. Прототипом главной героини рассказа Таньки-Белоручки является совершившая убийство Мария Горшкова, о которой говорится в отчете: обе симпатичные, с “хриплым” голосом, звучащим (для адвоката – героя рассказа) “резким *диссонансом*” и напоминающим “о той *бездне*”, в которой находятся эти женщины (курсив наш. – *Сост.*). И в судебном отчете и в рассказе на вопрос об их занятиях женщины спокойно отвечают: “Проституция”. Андреев рисует картину нравов общества, его вины перед человеком и раскрывает характер преступника. В рассказе после вынесения приговора – “десять лет каторги” – защитник Колосов наклоняется к обвиняемой и говорит: “Таня! Прости меня”. И в отчете, и в рассказе Андрееву интересен прежде всего человек, представший перед судом, и его психология.

По мнению Л.А. Иезуитовой, данный судебный отчет был использован Андреевым в рассказе “Христиане” (1905). Она обращает внимание на диссонанс между психологическим обликом (“держится скромно, часто принимается плакать”) проститутки Горшковой и ее “деянием” (см.: *Иезуитова 2000*. С. 195–228).

С. 12. *Помощник присяжного поверенного* – в дореволюционной России официальное наименование адвокатов. Институт присяжных поверенных, введенный судебной реформой 1864 г., создавался в качестве особой корпорации, состоявшей при судебных палатах, но не входившей в состав суда, а пользовавшейся самоуправлением, хотя и под контролем судебной власти. Присяжными поверенными могли быть лица достигшие 25-летнего возраста, имеющие высшее юридическое образование и, кроме того, пять лет судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного. Помощниками могли быть лица и без университетского образования.

Частный поверенный – частный адвокат по гражданским и уголовным делам, в отличие от присяжных поверенных имевший право выступать только в тех судах, от которых получено свидетельство – разрешение на эту деятельность после сдачи экзамена на знание законодательства. Частными поверенными могли быть и лица, не имеющие юридического образования.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

(6 ноября 1897 г.)

(С. 13)

Источник текста – К. 1897. 6 нояб. (№ 1). С. 3–4. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

Авторство Андреева подтверждается воспоминаниями секретаря газеты “Курьер” И.Д. Новика: «Между прочими сотрудниками был и Л.Н. Андреев, которому поручено было ведение судебного отдела, и в первом номере “Курьера”, вышедшего 6 ноября 1897 г., был помещен судебный отчет Л.Н. Первое время он, с ведома редакции, продолжал давать отчеты и в “Московский вестник”, но вскоре отказался от дальнейшего участия в ней, так как “Курьер” захватил его всего» (*Новик 1919*. С. 4–6). В “Московском вестнике” в тот же день был опубликован отчет этого же процесса, написанный, по мнению Л.А. Иезуитовой, также Андреевым (см. наст. том, с. 586).

Первоначально дело слушалось в апреле 1894 г. в Петербургском окружном суде. Марканова получила заключение комиссии Медицинского совета МВД о состоянии ее здоровья, где было прямо указано, что “врач Пиотрович действовал не с должной осторожностью”. Суд признал Пиотровича виновным и приговорил его к аресту на 7 дней и к уплате 1000 рублей единовременно и по 25 рублей ежемесячно до смерти Маркановой (см.: [Б. п.] Дело врача Пиотровича // Судебная газета. СПб., 1894. № 16 (апр.). С. 9–10). Дело разбиралось также на бюро Акушерского гинекологического общества Санкт-Петербурга 12 мая 1894 г., где Пиотрович был признан невиновным (Журнал акушерства и женских болезней. 1894. Т. 8 (май). С. 454–468, 904–905). Пиотрович подает апелляционную жалобу в Петербургскую судебную палату, которая рассматривалась 23 ноября 1894 г. Судебная палата постановила Пиотровича наказанию не подвергать, приговор окружного суда относительно гражданского иска Маркановой утвердить (см.: [Б. п.] Дело врача Пиотровича // Судебная газета. СПб., 1894. № 48 (нояб.). С. 11). Пиотрович подал апелляцию в Сенат, который кассировал решение Петербургского окружного суда, и дело для нового рассмотрения поступило в Московскую судебную палату.

С. 13. ...*содержателя мебелированных комнат Марканова...* – Марканов Николай Ефимович – мещанин, держатель мебелированных комнат в д. 8 по Забалканскому пр., сапожник.

Пиотрович Фома Иванович (1847–?) – коллежский советник, лекарь (1874), в дальнейшем доктор медицины, специалист по акушерству и женским болезням. Сверхштатный ординатор Максимилиановской лечебницы в Петербурге.

Делятатор (в современном словаре медицинских терминов “дилататор”) – инструмент для расширения суженных просветов естественных каналов путем раздвижения параллельных планок.

Креолин – концентрированная водная эмульсия мыльного эмульгатора и фракции масел, обладающая бактерицидным действием.

Пиотрович хлороформирует ее, а на замечание присутствующей акушерки, что при этом должен присутствовать другой доктор, отвечает: “не ваше дело”. – Это правило отражено, например, в статье “Хлороформирование” в “Энциклопедическом словаре” Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (СПб., 1903. Т. 73. С. 380–381).

С. 14. *Ливен* Павел Самуилович (1836–?) – действительный статский советник, окончил Вюрцбургский университет, доктор медицины и хирургии. Гоф-акушер высочайшего двора и неперменный член Медицинского совета МВД С.-Петербурга.

Обуховская больница – одна из первых городских больниц в России. Названия получила от находившихся рядом Обуховских проспекта и моста. Больница была одним из центров подготовки среднего медицинского персонала в России. Ныне Обуховская больница им. проф. А.А. Нечаева памяти 9 января 1905 г.

Вастен Владимир Александрович (1847–1910) – статский советник, консультант лечебницы герцога Эдинбургского, заведующий гинекологическим отделением в Обуховской больнице; в 1890 г. младший ординатор, в 1896 г. был избран и утвержден в звании старшего врача больницы, хотя и не имел степени доктора медицины. Вастен был прекрасным диагностом. Одаренный, хорошо образованный гинеколог, он, по мнению многих, представлял собой идеал больничного врача-практика (подробнее см.: *Цвелев Ю.В., Тышкевич О.В.* Гинекологи знаменитой “Обуховки” // Журнал акушерства и женских болезней. 2009. Вып. 4. С. 100–106).

...*статью 129 уложения о наказаниях...* – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845–1885 гг. – кодификация уголовного права в дореволюционной России. Состояло из 12 разделов, 2224 статей. В редакции 1885 г. действовало до октября 1917 г. Ст. 129 касается обстоятельств, увеличивающих вину и наказание.

Палата утвердила приговор, сенат кассировал, и дело перешло в Московскую судебную палату. – Кассация – обжалование или опротестование в вышестоящем суде судебных решений и приговоров, не вступивших в законную силу. Одним из способов обжалования была просьба о кассации решения суда в Правительствующий сенат, который отправлял внешний судебный надзор над всеми судами империи. Если Сенат удовлетворял жалобу, т. е. кассировал (отменял, признавал незаконным) решение, то возвращал дело в судебную палату для постановления нового решения, согласно его указанию.

Комиссия, состоявшая из гг. Гилина, Павлова, Афанасьева, Вельяминова и Павлова... – В “Курьере” состав комиссии приведен с явными неточностями (ошибочно дважды упомянута фамилия Павлов, ошибки в написании и пропуски фамилий других членов); в солидной газете “Русские ведомости” (1897. 6 нояб. С. 4) названы: профессора Военно-медицинской академии Афанасьев, Вельяминов, Павлов, Славянский и Тилинг.

Гилин – вероятно: Тилинг Густав Федорович (Фердинандович) (1850–?), окончил курс по медицинскому факультету в Дерптском университете (1875), доктор медицины (1877), хирург, профессор Клинического института вел. кн. Елены Павловны.

Павлов Иван Петрович (1849–1936) – русский физиолог, удостоенный в 1904 г. Нобелевской премии за исследования механизмов пищеварения. С 1896 г. заведующий кафедрой в Военно-медицинской академии.

Афанасьев Михаил Иванович (1850–1910) – русский клиницист, бактериолог, патологоанатом. Окончил Петербургский университет (1874) и Медико-хирургическую академию (1877). В 1882–1884 гг. совершенствовал образование в области бактериологии и патологоанатомии в Германии, Франции, Англии. С 1884 г. работал в Петербурге в Военно-медицинской академии и Николаевском военном госпитале. С 1885 г. – профессор патологической анатомии Клинического института вел. кн. Елены Павловны, в 1889–1891 гг. – директор, в 1891–1910 гг. – заведующий терапевтической клиникой (подробнее см.: Императорский клинический институт великой княгини Елены Павловны. СПб., 1999. С. 174–183).

Вельяминов Николай Александрович (1855–1920) – русский хирург-клиницист и общественный деятель. Окончив в 1877 г. медицинский факультет Московского университета, работал ассистентом. С 1894 по 1912 г. профессор хирургической клиники Военно-медицинской академии.

С. 15. *Отт Дмитрий Оскарович* (1855–1929) – отечественный акушер-гинеколог. Доктор медицины (1884), профессор (1889), с 1893 г. – директор Повивального института (ныне НИИ акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта РАМН).

ГРАБЕЖ

(14 ноября 1897 г.)

(С. 16)

Источник текста – Новости дня. 1897. 14 нояб. (№ 5191). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”.

5 ноября 1897 г., сразу после своего первого выступления в качестве судебного “оратора”, Андреев писал в дневнике: “12-го новая, более трудная и решительная защита” (Дн9. С. 123). Речь, скорее всего, шла именно об этом процессе, где Андреев защищал извозчика Комляшкина, обвиненного в грабеже. Фатов утверждает, что автором судебного отчета был сам Андреев (Фатов. С. 315). Ни в “Московском вестнике”, ни в “Курьере” отчетов об этом процессе не было.

УБИЙСТВО РАСКОЛЬНИЦЫ НАЧЕТЧИЦЫ

(С. 18)

Источник текста – К. 1897. 16 нояб. (№ 11). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

22 ноября 1897 г. Андреев упоминает в дневнике процесс, где он провел весь день вместе со своей знакомой Н.Л. Ждановой: “15-го весь день вместе провели в суде на одном крупном процессе” (Дн9. С. 123). Причем Андреев пишет, что Жданова сидела отдельно от него, “в местах для публики”, а он сам, следовательно, сидел вместе с другими репортерами.

С. 18. ...*старуха-старообрядка преображенского толка...* – С 1730-х годов Преображенское (местность на востоке Москвы) заселялось главным образом старообрядцами. Преображенское старообрядческое кладбище было центром федосеевцев (беспоповский толк старообрядчества).

С. 19. *Митрофаньевский зал* – Московский окружной суд располагался в бывшем здании Сената в Кремле (ныне – резиденция президента). Заседания в основном проходили в Екатерининском и – более компактно – Митрофаньевском залах. Последний после многочисленных последующих реконструкций здания не сохранился.

С. 20. *Нилус* Дмитрий Александрович (1854–1916) – окончил юридический факультет Московского университета, работал в Орловском окружном суде секретарем, уволен в 1876 г. В 1880-х годах товарищ прокурора в Гродненской губернии. В 1891 г. вел судебные дела в Орловской губернии. В 1909–1913 гг. – председатель Московского окружного суда. Вероятно, когда потерпел крах банк, в котором работал отец Леонида Андреева, Д.А. Нилус оказывал помощь Л.Н. Андрееву (см. письмо Вадима Андреева Л.Н. Афонину от 20 января 1972 г., в котором он писал: “{...} отец упоминал, что однажды, в очень трудную минуту он обратился за помощью к родственникам своего деда Нилусам {...}” (Творчество Л. Андреева: Исслед. и материалы. Курск, 1983. С. 157. Публ. О.В. Володиной)).

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО

(27 ноября 1897 г.)

(С. 22)

Источник текста – К. 1897. 27 нояб. (№ 22). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

Л. Андреев на этом судебном процессе выступил в роли защитника Василия Барынина, обвиняемого в покушении на убийство. 27 ноября 1897 г. он пишет в своем дневнике: “Третьего дня я очень удачно провел одну серьезную защиту. Слышал много похвал, получил искреннюю и горячую благодарность оправданного quasi-убийцы. О фамилии защитника – т. е. о моей – справлялись из публики. Один из присяжных

заседателей жал мне руки” (*Дн9*. С. 128). Вероятнее всего, Андреев был также и автором отчета, опубликованного в “Курьере”. Фатов приводит письмо Андреева С. Пановой от 13 ноября 1897 г. (как считает Фатов, дата ошибочна; надо – 13 декабря), а в примечании к письму говорится: «25-го ноября я оправдал одного убийцу. Возьмите “Курьер” от 27 или Р. В. (т. е. “Русские Ведомости”) от 26» (*Фатов*. С. 149). Судебные отчеты о деле Барынина были опубликованы не только в “Курьере”, но и в других газетах: [*Б. н.*] Обвинение в покушении на убийство: (От нашего корреспондента) // *РВед.* 1897. 26 нояб. (№ 327). С. 4 (Из залы суда. Московский окружной суд); [*Б. н.*] Покушение на убийство // *МВ.* 1897. 26 нояб. (№ 325). С. 3 (Из залы суда. Московский окружной суд).

С. 22. В деревне Слободке, Московского уезда... – Располагавшаяся недалеко от города, небольшая деревня Слободка примыкала к землям села Бибирево; ныне – территория Алтуфьевского района на северо-востоке Москвы.

ДЕЛО КНЯГИНИ ЕНГАЛЫЧЕВОЙ И ПР.

(С. 24)

Источник текста – *К.* 1897. 10 дек. (№ 35). С. 3; 11 дек. (№ 36). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московская судебная палата”.

Авторство Андреева можно установить при сопоставлении судебного отчета и пьесы “Каинова печать. (Не убий)” (1913). Сам Андреев, указывая на источники драмы, в интервью газете “Биржевые ведомости” сообщал: «В бытность мою судебным репортером я прошел изумительную школу жизни... Один из судебных процессов и послужил мне канвой для моей драмы, я только переменял фамилии и имена героев... Драмой своей я хотел определить смысл закона “Не убий”, его различное влияние и вызываемые им различные переживания у различных людей. (...) Задачи моей драмы – наряду с попытками запечатлеть виденные бытовые красочные явления жизни – задачи психологические» (*БВед.* 1913. 9 сент., веч. вып.).

Из фактов, отраженных в репортажах о процессе княгини Енгальчевой (с декабря 1897 по февраль 1898 г.), Андреев переносит в пьесу отдельные сюжеты: присвоение 150 тысяч рублей экономкой Анной Донич (впоследствии княгиней Енгальчевой) и дворником, незаконно-рожденным сыном Озерова, Яковом Озеровым, а также женитьба князя на Донич и разоблачение Якова Озерова и Донич. “Но в деле княгини Енгальчевой не было убийства: 70-летний отставной штабс-ротмистр Константин Озеров, чьи деньги были присвоены экономкой, умер от старости и недоедания. Лишь одна характерная черта его внутреннего облика – скупость – была перенесена Андреевым в пьесу как черта домовладельца Кулабухова” (*Иезуитова* 1967. С. 64).

Как считает Л.А. Иезуитова, источники драмы “Каинова печать. (Не убий)”, написанной в 1913 г., находим в трех судебных делах, изложен-

ных Андреевым: Дело княгини Енгальчевой и пр. // *К.* 1897. 10 дек. (№ 35); 11 дек. (№ 36); Убийство // *МВ.* 1897. 24 сент. (№ 262). С. 3; Убийство из ревности // *МВ.* 1897. 10 окт. (№ 278). С. 3.

Следует сказать, что герои пьесы отличаются от персонажей судебной хроники, они изображены психологически глубже. Андреев сам утверждал в “Заметках о действующих лицах”, приложенных к тексту пьесы “Кайнова печать. (Не убий)”, по поводу характера Кулабухова, что старик “не скупец”: “Его самого как бы очаровывает та злая сила, что есть в больших, плохо лежащих деньгах, увлекает та странная игра, при которой он и его деньги являются целью преступных вожделений” (*Андреев Л.* Кайнова печать. (Не убий). СПб., [1913]. С. 63–65). В письме Вл.И. Немировичу-Данченко Андреев объясняет своеобразие своей пьесы “Не убий!” так: «Оставаясь противником чистого реализма, я сгустил краски, некоторые положения и характеры довел до крайности, почти до шаржа или карикатуры, ввел изрядное количество “рож” и даже черных масок» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1971. Вып. 266. С. 233).

С. 24. *Быховский* Владимир Владимирович – присяжный поверенный, известен как автор и переводчик с французского трудов по правоведению и юриспруденции, член сообщества помощников присяжных поверенных Бродячий клуб.

Плевако Федор Никифорович (1842–1908) – известный московский адвокат. После окончания в 1864 г. юридического факультета Московского университета работал секретарем Московского окружного суда. С 1866 г. в адвокатуре. О его защитах ходили легенды. По мнению современников, главная сила Ф.Н. Плевако заключалась в интонациях и “в прямо колдовской заразительности чувства, которым он умел занять слушателя” (*Смолярчук В.И.* Плевако Ф.Н. – судебный оратор. М., 1989. С. 15). Благодаря его участию многие процессы становились громкими.

В Лопухинском переулке, на Остоженке, проживал в своем доме 70-летний старик, отставной штабс-ротмистр Константин Озеров. – Озеров Константин Николаевич (1824–1895) владел домом № 16 по Остоженке, после его смерти дом перешел к его сестре Марии Николаевне Мезенцевой, после смерти которой – к племяннице Леокадии Петровне Ширинской-Шихматовой (урожд. Мезенцевой).

С. 25. ...к родственнику Озерова, князю *Ширинскому-Шихматову*... – Князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (1862–1930) – муж племянницы К.Н. Озерова.

Мезенцев Сергей Петрович (1866–1909) – племянник К.Н. Озерова.

С. 26. *Околоточный надзиратель* – в Российской империи чин городской полиции, ведавший небольшой частью территории города – околотком.

С. 27. ...в *пречистенской части*. – Располагалась по адресу: Пречистенка, д. 22.

С. 28. ...*фантазия Лейкина*. – Николай Александрович Лейкин (1841–1906) – юморист и беллетрист, издатель и редактор юмористиче-

ского журнала “Осколки”. Основной темой многочисленных романов, повестей, пьес, рассказов, очерков и сценок Лейкина были нравы петербургского купечества.

... “как сказку Робинзона”. – Здесь имеется в виду Аркадий Счастливец, спившийся актер, прозванный Робинзоном, – персонаж пьесы А.Н. Островского “Бесприданница” (1879).

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО КНЯГИНИ ЕНГАЛЫЧЕВОЙ

(С. 30)

Источник текста – К. 1898. 2 февр. (№ 33). С. 4. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

Отчет об этом деле кн. Енгальчевой написан, с большой долей вероятности, Андреевым; см. коммент. к судебному отчету “Дело Енгальчевой и пр.”.

С. 30. *Духовная консистория* (от лат. *consistorium* – место для собрания, совета) – орган епархиального управления Русской православной церкви в 1774–1918 гг. Консистория вела дела епархии, осуществляла суд над духовенством, а по делам брака, развода, богохульства – и над мирянами. Возглавлялась секретарем, назначаемым обер-прокурором Синода и ему подчинявшимся.

Совестный суд – губернский суд в России в 1775–1862 гг., который рассматривал гражданские дела в порядке примирительной процедуры и некоторые уголовные – малолетних, невменяемых и т. д.

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

(С. 32)

Источники текста:

К. 1898. 27 февр. (№ 57). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

ПССМ. Т. 6. С. 362–363.

Печатается по тексту К.

С. 32. “Эх, скучно жить на свете, господи!” – неточная цитата из “Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” (1834) Н.В. Гоголя: “Скучно на этом свете, господи!”

С. 33. *Десятник* – старший над группой рабочих (на строительных работах).

Урусов Александр Иванович (1843–1900) – присяжный поверенный. О кн. А.И. Урусове и его похоронах см. фельетоны Андреева “Впечатления” от 19 июля и “Москва. Мелочи жизни” от 23 июля 1900 г.

ОБОЛЩЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ

(С. 35)

Источники текста:

К. 1898. 1 марта (№ 59). С. 3–4. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

ПССМ. Т. 6. С. 363–365.

Печатается по тексту К.

С. 35. ...*чтение романов “Московского листка”*... – В одной из популярных московских газет – “Московском листке” (изд. Н.И. Пастухов) постоянно, шесть раз в неделю, печатались исторические и уголовные романы, а также романы А.М. Пазухина из мещанской жизни, которые всегда заканчивались хорошо.

ГРАБЕЖ

(7 марта 1898 г.)

(С. 37)

Источники текста:

К. 1898. 7 марта (№ 65). С. 3–4. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

ПССМ. Т. 6. С. 365–366.

Печатается по тексту К.

С. 38. *Рукавишниковский приют* – приют для малолетних преступников, был открыт в 1864 г. на деньги купца и первого директора Н.В. Рукавишникова как ремесленно-исправительное учебное заведение.

ГИБЕЛЬ САМОЗВАНЦА

(С. 39)

Источник текста – К. 1898. 26 марта (№ 84). С. 3–4. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

На основе этого судебного отчета Андреевым был написан одноименный рассказ (см. т. 1 наст. изд., с. 273–278), дополненный “биографической предисторией”. Этот же сюжет писатель использовал еще раз в 1913 г. (*Андреев Л.* Административный восторг: Кинематографический рассказ о бесталанном Васеньке // Правда. 1913. 14 апр. (№ 87)). Хотя судебный отчет опубликован без подписи, сравнение текстов отчета и рассказа позволяет с уверенностью говорить об авторстве Андреева: сюжетная канва и психологический образ главного героя полностью совпадают, дословно совпадают и отдельные фразы в отчете и рассказе, например: “В полной полицейской форме, снисходительно отвечая козырявшим городовым” (т. 1 наст. изд., с. 275), “вооруженными всеми

новейшими техническими усовершенствованиями в военной области” (Там же. С. 278) и др.

С. 40. *Толкучий рынок*; *Толкучка* – рынок, располагавшийся между Ильинскими и Владимирскими воротами.

“*Греческий огонь*” – зажигательные взрывчатые смеси, применявшиеся в VII–XV вв. для военных целей, особенно в морских боях. Изобретен в 668 г. греком Каллиником из Гелиополя; состоял, вероятно, из смолы, канифоли, серы, селитры и др. веществ (точный состав неизвестен), его пламя не гасилось водой.

С. 41. *Ходасевич* Михаил Фелицианович (1865–1925) – известный московский адвокат и коллекционер. В 1895–1896 гг. вместе с П.Н. Мясниковым, В.А. Маклаковым и др. положил начало организации так называемой молодой адвокатуры – первому в России кружку политических защитников (подробнее см. наст. том, с. 580, 619–620).

УБИЙСТВО

(28 мая 1898 г.)

(С. 42)

Источник текста – К. 1898. 28 мая (№ 144). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

Л. Андреев выступал в качестве защитника обвиняемого А. Куликова, поэтому, вероятнее всего, он же и был автором судебного отчета.

(ПОДСУДИМЫЙ КРЕСТЬЯНИН СТЕПАН МИХЕЕВ...)

(С. 45)

Источник текста – К. 1898. 22 сент. (№ 261). С. 3. Без подписи и заглавия, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

Авторство Андреева может быть установлено на основании сюжетного сходства рассказа “В Сабурове” (1899) и данного судебного отчета. Через полгода после публикации отчета, 18 апреля 1899 г., в “Курьере” был напечатан рассказ Андреева “В Сабурове”. Судебная драма Степана Михеева превращается Андреевым в повествование о судьбе маленького человека Пармена Костылина. Фабула была почти полностью сохранена. Так же умер муж у Пелагеи Гнедых, так же она осталась с детьми одна, так же просила работника быть ее детям “вместо отца”. Изменены лишь некоторые детали: после смерти мужа прошло не 18, а 7 лет, у Пелагеи было не двое, а трое детей – и среди них малолетняя девочка Санька, и, наконец, никакого преступления Пармен Костылин не совершал. Просто его, пришедшего похристосоваться в праздник, прогнал старший сын Пелагеи Гришка, прокричав на всякий случай: “А, поджигатель!” Сохранен физический недостаток Пармена – болезнь волчанка (см.: *Иезутова 1967*. С. 62–63).

ГРАБЕЖ С НАСИЛИЕМ

(С. 47)

Источник текста – К. 1899. 1 апр. (№ 90). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”.

Авторство Андреева установлено на основании его записи в дневнике от 23 апреля 1899 г. об участии в судебном процессе: «31 марта я защищал в суде. Дело сродни толстовскому “Воскресению”» (Дн9. С. 191). В тексте отчета также присутствуют ассоциации с романом.

Сюжет использован в рассказе Андреева “Христиане” (1905) (см.: *Иезуитова 2000*. С. 195–228).

С. 47. ...тип Альфонса с Драчевки... – Драчевка – один из районов Москвы, его называли Грачевка или Драчевка (от церкви Николая в Драчах). Этот район был известен домами терпимости и большим количеством копеечных притонов. О районе Грачевка и его трактирах рассказывает у В. Гиляровского (“Кружка с орлом” и др.).

Настоящее дело, раскрывая интимную сторону жизни падших созданий, вызывает особый интерес в виду художественного освещения типа проститутки в романе нашего великого писателя. – Одна из участниц грабежа – Мария Кянчина – вызвала у Андреева ассоциации с Катюшей Масловой, героиней романа Л.Н. Толстого “Воскресение”, который с 13 марта 1899 г. начал публиковаться в еженедельнике “Нива”.

ПОЛТАВА, 15 ДЕКАБРЯ

(С. 48)

Источник текста – К. 1899. 16 дек. (№ 347). С. 3. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

Первая корреспонденция Андреева со знаменитого процесса по делу братьев Скитских. 15 июля 1897 г. был убит секретарь Полтавской духовной консистории Алексей Яковлевич Комаров. Убийцы найдены не были. По нелепому предположению вдовы покойного началось дело против чиновников консистории братьев Петра Леонтьевича и Степана Леонтьевича Скитских, которых обвинили в убийстве Комарова. Дело рассматривалось в марте 1898 г. Харьковской судебной палатой в Полтаве. Прокурором на процессе был В.В. Давыдов, защитниками – Н.П. Карабчевский, М.Д. Зеленский и Б.П. Куликов. Харьковская судебная палата вынесла оправдательный приговор. По протесту прокурора оправдательный приговор был отменен и дело было передано для нового рассмотрения в ту же Харьковскую судебную палату в другом составе присутствия. Дело слушалось вторично с 16 марта 1899 г. в Харькове. Братьев приговорили к 12 годам каторги. Никаких прямых или серьезных косвенных улик им предъявлено не было. Пересмотра их дела требовала общественность всей России. По решению Сената, где рассматривались

кассационные жалобы защитников, приговор Харьковской судебной палаты был отменен и дело было передано для нового рассмотрения в Киевскую судебную палату. Новый судебный процесс состоялся в Полтаве в мае 1900 г. Председателем суда был А.М. Кузьминский, прокурором – К.К. Александров-Дольник, представитель гражданского иска со стороны вдовы Комаровой – присяжный поверенный В.В. Быховский. В конце концов под влиянием общественности братья Скитские 30 мая 1900 г. были окончательно оправданы.

Многих, выступавших в защиту Скитских, в том числе их защитника, известного присяжного поверенного Н.П. Карабчевского, и писателя В.М. Дорошевича, своими очерками в газете “Россия” способствовавшего пересмотру дела, интересовал исключительно вопрос о виновности или невиновности Степана и Петра. Для Андреева невиновность Скитских была ясна с самого начала, и его в этом процессе больше всего занимает русское судопроизводство.

Л. Андреев в качестве корреспондента присутствовал в Полтаве в декабре 1899 г. на выездном заседании Киевской судебной палаты по делу Скитских. Хотя телеграммы и судебные отчеты, опубликованные в “Курьере”, не были подписаны, авторство Андреева подтверждается его дневниками и письмами. В дневнике о предстоящей поездке упоминается 12 декабря 1899 г.: “Завтра утром я еду со скорой в Полтаву. Командированный редакцией на дело Скитских. Почетная и веселая поездка, особенно для человека, заеденного однообразием впечатлений” (*Дн9*. С. 202). О прибытии в Полтаву Андреев пишет в письме М.В. Переплетчикову от 16 декабря 1899 г.: “Оказалось, что люди глупее, чем я думал. По телеграмме вещи задержаны в Кременчуге и сегодня утром прибыли в Полтаву. (...) Мне очень жаль только, что не произошло наоборот: вещи лежали бы в Полтаве, а я проехался бы в Кременчуг, ибо от них не добьешься ничего путного о путевых впечатлениях. Сейчас сидим трое корреспондентов и строчим, строчим...” (РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 48). О своей поездке в Полтаву в декабре 1899 г. Андреев упоминает и в отчете о судебном процессе, проходившем в мае 1900 г., который был опубликован в “Курьере” 21 мая 1900 г. (№ 140): “Это совсем не та Полтава, которую я видел зимой...”

С. 48. *Благодаря одновременно происходящему земскому собранию много земцев.* – Земства (земские учреждения) – выборные органы местного самоуправления. Введены Земской реформой 1864 г. Земства ведали народным образованием, здравоохранением, строительством дорог и др. Распорядительными органами земства являлись губернские и уездные земские собрания, депутаты которых избирались по трем куриям (уездных землевладельцев, владельцев городской недвижимости и представителей сельских обществ).

ПОЛТАВА, 16 ДЕКАБРЯ

(С. 49)

Источник текста – К. 1899. 17 дек. (№ 348). С. 2. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

С. 49. В местных “Губернских ведомостях” помещена сегодня статья... – См.: Полтавские губернские ведомости. 1899. 16 дек. (№ 273). С. 2. В разделе “Местная хроника” была опубликована заметка, в которой выражалась надежда, что начавшийся второй процесс Скитских станет “началом конца” “тяжелой судебной драмы”, и уверенность в том, “...что благоразумие возьмет верх, и полтавское общество не будет причиной того, что Скитским придется сесть на скамью подсудимых и в четвертый раз”.

...преосвященный Илларион... – Илларион (Юшенов Иван Ефимович, 1824–1904) – с 1887 г. епископ Полтавский и Переяславский.

Карабчевский Николай Платонович (1851–1925) – известный адвокат, выступал почти во всех громких уголовных процессах конца XIX – начала XX в.: по делу об интендантских злоупотреблениях во время Русско-турецкой войны, делу Мироновича, делу Имшенецкого, делу Ольги Палем, делу братьев Скитских, мултанскому делу, делу о крушении парохода “Владимир” и др. Его отличали мастерство, эмоциональность и выразительность речи, глубокий психологический анализ, умение допрашивать свидетелей в процессе, опровергать доводы противной стороны. Его перу принадлежит ряд поэтических и прозаических сочинений, воспоминания и очерки по судебным делам.

С. 50. Оболонский Николай Александрович (1856–1913) – ординарный профессор судебной медицины Киевского университета.

Патенко Феодосий Алексеевич (1851–1910) – профессор судебной медицины, заведующий кафедрой судебной медицины Харьковского университета в 1887–1910 гг.

ПОЛТАВА, 17 ДЕКАБРЯ

(С. 50)

Источник текста – К. 1899. 18 дек. (№ 349). С. 3. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

ДЕЛО СКИТСКИХ

(С. 51)

Источник текста – К. 1899. 20 дек. (№ 351). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника”.

С. 51. ...заседания нельзя признать ничтожными. – Т. е. недействительными. Ср. юридический термин “ничтожная сделка” (недействительная сделка).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(27 января 1900 г.)
(С. 55)

Источник текста – К. 1900. 27 янв. (№ 27). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Фельетон подвергся цензурным искажениям. Чиновник особых поручений Садовский, рассмотрев исключения цензора в “Курьере” за январь 1900 г., в докладе исполняющему обязанности начальника Главного управления по делам печати признал вымарки цензора обоснованными и в качестве примера процитировал вычеркнутое цензором место из фельетона Андреева о Г.И. Успенском: “Я видел великого художника, подавленного злом и неправдою жизни; я переживал вместе с ним ту великую и страшную трагедию раздвоенной души, когда художник борется с человеком и когда, оба побежденные, оба измученные, они сливают свои голоса в дисгармоничном, но трогательно искреннем и мучительно правдивом вопле. И нежность и любовь чувствовал я к этому родному русскому страдальцу, жившему одной жизнью с его бедной родиной, впитавшему в себя всю ее безмолвную боль и страдания и за право говорить о них заплатившему безумно дорогой ценой – своим разумом” (Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 772. Л. 162; отмечено В.Н. Чуваковым – ЛН72. С. 67–68).

С. 55. *Успенский* Глеб Иванович (1843–1902) – русский писатель, в последние годы жизни страдал душевной болезнью, раздвоением личности. С 1892 г. находился в психиатрической больнице. Публикация фельетона привлекла внимание к положению писателя, в печати появилась информация о его пребывании в больнице. О Г. Успенском Андреев писал также в фельетонах “Впечатления” от 15 февраля 1900 г. и 27 марта 1902 г.

Целых девять русских литераторов удостоены чести официального признания их заслуг.. – В ознаменование 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина правительственным указом от 29 апреля 1899 г. при Отделении русского языка и словесности Академии наук был учрежден специальный разряд изящной словесности. На первых выборах 8 января 1900 г. в почетные академики по разряду изящной словесности были избраны Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, А.М. Жемчужников, А.А. Потехин, А.А. Голенищев-Кутузов, Вл.С. Соловьев, А.Ф. Кони, К. Р. (вел. кн. Константин Константинович). Печать в большинстве своем с одобрением восприняла решение Академии, называя его “беспристрастным выбором”, который “во всем или почти во всем” совпал со “свободным выбором русского образованного общества” (Вестник Европы. 1900. № 2. С. 878). “Суд вынес благородный, полный достоинства приговор, о котором с удовольствием узнала думающая Россия” (*Ариель [Аишев Н.П.]*). Жизнь и фантазия: (Из записной книжки моск. журналиста) // К. 1900. 23 янв. (№ 23). С. 2).

С. 56. *Прозвучало имя А.В. Сухова-Кобылина и других, обойденных честью, которой они заслуживают...* – В “Новом времени” была опубликована заметка о достойном звания почетного академика, но незаслу-

женно забытом русском драматурге А.В. Сухово-Кобылине. Оказалось, что автор комедий “Свадьба Кречинского” и драмы “Дело” “до сих пор жив и здравствует”, а “публика, не встречая нигде его новых работ, привыкла думать, что А. В. и в живых-то нет” (В.С.К. [Кривенко В.С.] Забытый // *НВ*. 1900. 24 янв. (5 февр.) (№ 8588). С. 3). После судебного процесса, связанного с убийством в 1850 г. его гражданской жены, Сухово-Кобылин многие годы жил в своей деревне Кобылинке, занимаясь философией. Только в 1900 г., когда наконец было получено цензорское разрешение на постановку “Смерти Тарелкина” в театре Литературно-художественного общества в Петербурге и возобновлена постановка “Дела” в Малом театре, все с изумлением узнали, что драматург жив. Сухово-Кобылин был избран почетным академиком Петербургской АН только в 1902 г.

Среди имен, незаслуженно обойденных, чаще всего называли Н.К. Михайловского. А.П. Чехов 8 января 1900 г. писал А.С. Суворину: “Михайловский положил бы прочное основание новому отделению, и избрание его удовлетворило бы 3/4 всей литературной братии” (Чехов А.П. Полн. собр. соч. Письма. М., 1983. Т. 9. С. 11). Назывались также имена П.Д. Боборыкина, Вас.И. Немирович-Данченко, Д.И. Менделеева и др.: *Сигма* [Сыромятников С.Н.]. О Российской Академии // *НВ*. 1900. 23 янв. (4 февр.) (№ 8587). С. 2; *Буренин В.* Критические очерки // *НВ*. 1900. 28 янв. (9 февр.) (№ 8592). С. 2; *Старый литератор.* Житейские заметки // *Сев. курьер*. 1900. 21 янв. (2 февр.) (№ 79). С. 3, и др.

Ведь говорят же и пишут у нас о том, как живет другой безумный страдалец – Ф. Ницше. – Ф. Ницше страдал душевным расстройством. В январе 1889 г. на улице в Турине с Ницше случился припадок. Невменяемым он был помещен в психиатрическую лечебницу, в 1890 г. передан на попечение семье. В состоянии духовного упадка Ницше прожил еще несколько лет, умер в Веймаре 25 августа 1900 г. В русской печати о болезни Ницше писали довольно часто, см., например: [Б. н.] О безумии Ницше // *Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки*. 1899. № 9. С. 169–171 (1-я паг.); П.Б. Болезнь Фридриха Ницше // *Жизнь*. 1900. № 3. С. 340–342.

...последние выборы в совете присяжных поверенных. – Совет присяжных поверенных существовал в каждом округе судебной палаты, совет осуществлял наблюдение за точным исполнением присяжными поверенными своих обязанностей, исполнением ими законов, установленных правил и т. п. 19 декабря 1899 г. состоялось общее собрание присяжных поверенных округа Московской судебной палаты, на котором были заслушаны отчеты и были избраны члены совета (см.: [Б. н.] *Хроника* // *Право*. 1899. 23 дек. (№ 52). Стб. 2503).

...палата признала выборы недействительными по отношению к одному Д.Н. Доброхотову... – Среди выбранных в совет был Дмитрий Николаевич Доброхотов (1852–1920; в 1899 г. был председателем консультации помощников присяжных поверенных), однако позднее рядом участников собрания была подана жалоба о формальных нарушениях в ходе выборов, и их результаты в отношении Доброхотова были отменены (см.: [Б. н.] *Хроника* // *Право*. 1900. 6 февр. (№ 6). Стб. 343).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(28 января 1900 г.)
(С. 58)

Источник текста – К. 1900. 28 янв. (№ 28). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 58. *Метеорологическому съезду, открывшемуся в Петербурге...* – Первый метеорологический съезд проходил в Петербурге с 24 по 31 января 1900 г. Съезд открылся речью президента Императорской академии наук вел. кн. Константина Константиновича, посвященной законоположениям о метеорологических съездах и обзору деятельности различных ведомств на поприще метеорологии. Программа съезда: приложение метеорологии к сельскому хозяйству, объединение наблюдений и администрация, инструкции, издания, предсказания погоды, дальнейшее развитие и усовершенствование наблюдений, земной магнетизм и земные токи и др.

...к похоронам В.М. Пржевальского. – Пржевальский Владимир Михайлович (1840–1900) – общественный деятель, юрист. Родной брат знаменитого путешественника Н.М. Пржевальского. После окончания Московского университета (1860) преподавал историю в кадетском корпусе и в гимназии. В 1866–1870 гг. работал обер-секретарем Московского департамента Сената, с 1870 г. – присяжный поверенный. Был редактором “Юридического вестника”, в течение 20 лет гласным Московской городской думы и 16 лет гласным губернского земства. В суде считался одним из лучших знатоков права и солидным оратором, блестяще выступал в уголовных процессах (дело Махалина, Либермана и др.), особо выделялись его речи по так называемым банковским делам. Кроме того, он был одним из лучших адвокатов-цивилистов. Как писал в некрологе известный адвокат и политический деятель С. Муромцев, “речь В.М. Пржевальского принадлежала к тому роду красноречия, которое, отличаясь постоянною серьезностью тона, побивает противника и знанием дела, и логичностью своих выводов; недостаток же блестящего остроумия восполнялся в этой речи то трудно преоборимым сарказмом, то – руководимым благородными побуждениями негодованием...” (Право. 1900. 6 февр. (№ 6). Стб. 331). Похороны В.М. Пржевальского состоялись 27 января. Группа гласных внесла в Городскую думу предложение об учреждении стипендии им. В.М. Пржевальского на юридическом факультете Московского университета ([Б. н.] Памяти В.М. Пржевальского // К. 1900. 27 янв. (№ 27). С. 3; [Б. н.] Некролог: В.М. Пржевальский // МВед. 1900. 26 янв. (7 февр.) (№ 26). С. 5; [Б. н.] Похороны В.М. Пржевальского // МВед. 1900. 28 янв. (9 февр.) (№ 28). С. 3 (Московская жизнь); [Б. н.] Московские вести // РВед. 1900. 28 янв. (№ 28). С. 3–4).

Ледницкий Александр Робертович (1866–1934) – адвокат, общественный и политический деятель, масон. С 1891 г. помощник присяжного поверенного Н.С. Тростянецкого, в 1896 г. купил у него адвокатскую контору. В 1900–1906 гг. читал лекции на юридическом факультете

Московского университета. В 1903 г. был избран в Московский совет присяжных поверенных, имел право вести дела перед Сенатом (подробнее см.: Серков. С. 471–472).

С. 59. Огорчилось “Новое время” за г. Дьяконова, на диспуте которого никто из специалистов по его предмету не присутствовал, и мягко утрекнуло профессоров Сергеевича и Латкина за то, что они “уклонились от обязанностей оппонентов”. – Речь идет о защите диссертации историком русского права М.А. Дьяконовым. В 1880 г. Дьяконов окончил курс Петербургского университета, в 1889 г. защитил магистерскую диссертацию и был назначен читать лекции в Дерптском (Юрьевском) университете. В 1900 г. юридический факультет Петербургского университета допустил Дьяконова до диспута для получения докторской степени (отчет о защите см.: [Б. п.] Диспут М.А. Дьяконова: (От нашего корреспондента) // Право. 1900. 6 февр. (№ 6). Стб. 346–352). Все рецензенты, писавшие о его диссертации “Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI–XVII вв.”, признавали ее научную ценность. Академия наук присудила Дьяконову Уваровскую премию. Однако профессора Петербургского университета В.И. Сергеевич и В.Н. Латкин, как писала газета “Новое время”, “уклонились от обязанностей оппонентов и даже не присутствовали на диспуте” (см.: [Б. п.] Хроника // НВ. 1900. 24 янв. (5 февр.) (№ 8588). С. 3).

Латкин Василий Николаевич (1858–1927) – специалист по истории России XVI–XVIII вв., а также по истории русского права. С 1886 г. преподаватель, с 1889 г. профессор Санкт-Петербургского университета. В 1900/1901 учебном году лекции проф. В.Н. Латкина слушал А. Блок.

Сергеевич Василий Иванович (1832–1910) – историк русского права, с 1868 г. преподаватель, а с 1871 г. профессор Московского, с 1872 – Петербургского университета.

А через день в самой уголке газеты и самым скромным петитом оно печатает письмо профессора В. Латкина. – См.: НВ. 1900. 26 янв. (7 февр.) (№ 8590). С. 4.

И снова недоумевают добрейшее “Новое время”... – См.: Дигамма [Боцяновский В.Ф.]. По поводу ученого “недоразумения” // НВ. 1900. 28 янв. (9 февр.) (№ 8592). С. 3.

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПОМОЩНИКОВ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ

(С. 60)

Источник текста – К. 1900. 1 февр. (№ 32). С. 2–3. Подпись: Л. А.

В Москве в начале 1890-х годов группа молодых помощников присяжных поверенных Москвы образовала так называемый Бродячий клуб, в котором наиболее деятельную роль играли: В.А. Маклаков, П.Н. Малянтович, Н.К. Муравьев и Н.В. Тесленко. Группа не имела четкой программы, но ставила своей задачей поднять профессиональный и общественный уровень защиты (подробнее об их деятельности см.: Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство, 1864–1914. М., 1914.

С. 382–387. (История русской адвокатуры; Т. 1)). С этой целью были созданы консультации помощников присяжных поверенных, деятельность которых заключалась в оказании юридической помощи малоимущим: подаче юридических советов за сравнительно небольшое вознаграждение или же совсем бесплатно, организации выездных консультаций, в квалифицированном, как правило, коллективном участии в защите по уголовным делам и т. п.

С. 62. *Малянтович* Павел Николаевич (1869–1940) – известный адвокат, общественный деятель. Учился на юридическом факультете Московского университета, откуда был исключен в 1889 г. за участие в студенческих волнениях и выслан из Москвы. Диплом юриста получил в Дерптском университете. В 1893 г. вернулся в Москву, вступил в ряды адвокатов, став помощником присяжного поверенного, с 1898 г. – присяжный поверенный при Московской судебной палате, активный участник Бродячего клуба. Андреев был знаком с Малянтовичем с 1896 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(1 февраля 1900 г.)
(С. 63)

Источник текста – К. 1900. 1 февр. (№ 32). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 63. *Отсюда консультация.* – См. коммент. к заметке “Консультация помощников присяжных поверенных”.

Л.С. Биск... ~ повсюду, где был нужен человек, там появлялся Л.С. Биск. – Биск Лев Соломонович – адвокат и журналист, член Бродячего клуба, секретарь консультации. На годичном собрании членов консультации, состоявшемся 30 января, был заслушан отчет, составленный им. Днем ранее в “Курьере” в разделе “Московские новости” (31 янв. (№ 31). С. 2) был описан прием, с которым был встречен его отчет: “...горячие, долго не смолкавшие аплодисменты выпали на долю Л.С. Биска как за составление отчета, так и за энергичную деятельность его в деле организации помощи голодающему населению”, и было объявлено, что “ввиду особого интереса, который представляет собой нынешний отчет”, редакция в следующем номере даст “детальное изложение его”. В этом же номере “Курьера” за подписью “Л. А.” была опубликована заметка Андреева “Консультация помощников присяжных поверенных”.

С. 64. *Нам сообщают следующий факт...* – О случае отказа доктора А. (Г.С. Абрамова?) прийти на помощь в ночное время отравившейся девушке писал не только Андреев. Например, И.И. Янжул, придерживаясь противоположной точки зрения, в статье “Докторская этика” (*РВед.* 1900. 15 февр. (№ 46). С. 2) утверждал, что “государство, земство и городское управление должны заботиться о достаточной бесплатной медицинской помощи”, а “обязанность врача являться по первому требованию должна быть уничтожена”. Полемика, развернувшаяся в печати

в связи с публикацией фельетона, нашла отражение во “Впечатлениях” от 22 и 25 февраля (см. также коммент. к ним). Объяснения самого врача А. были приведены в письме правления московского отделения Врачебного общества взаимной помощи в редакцию “Курьера”, опубликованном 14 марта (№ 73).

(Тот возчик, который, боясь суда и ответа, таскал под санями полумертвого метельщика, пока тот не стал мертвым совсем, не взяли примером для себя этого достойного интеллигента?) – В газете “Московский листок” за 26 января (№ 26) 1900 г. в рубрике “Московская жизнь” под заголовком “Ужасный случай” сообщалось, что ломовой возчик Василий Фаддеев быстро гнал лошадей и сшиб с ног одного из метельщиков конки (т. е. человека, подметавшего пути), отставного рядового Глухова. Его подмяло под сани, и возчик уехал, продолжая тащить несчастного, запутавшегося между полозьев, еще около трех верст. Изуродованный до неузнаваемости труп Глухова был найден в снегу около Лазаревского кладбища. Московский окружной суд приговорил Фаддеева к тюремному заключению на 1 год и 4 месяца и к ежемесячной выплате в пользу вдовы (см.: [Б. н.] Неосторожная езда // *РВед.* 1900. 31 марта (№ 90). С. 3–4. (Судебная хроника. Московский окружной суд)).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (4 февраля 1900 г.) (С. 66)

Источник текста – *К.* 1900. 4 февр. (№ 35). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 66. *Блиндированные факты* (от фр. *blinder* – покрывать броней) – т. е. защищенные, не подлежащие критике.

...как повторяет за “Новым временем” и “Московскими ведомостями”... – См.: [Б. н.] Защита диссертаций // *МВед.* 1900. 28 янв. (9 февр.) (№ 28). С. 3 (Университетские известия). См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 28 января 1900 г.

Не знаю, какую из этих формул руководился проф. Латкин, «уклонившийся (как повторяет за “Новым временем” и “Московскими ведомостями” г. профессор в своем возражении на нашу заметку) от участия в диспуте г. Дьяконова. – См. [Б. н.] Письмо от одного профессора по поводу диспута проф. Дьяконова: (О заметке г. Л. -ев) // *К.* 1900. 2 февр. (№ 33). (Хроника дня).

Помимо “добрых университетских традиций”, нарушителем которых явился будто бы проф. Латкин... – Дьяконов писал, что за уклонение от диспута “мы вправе считать его (Латкина. – *Сост.*) нарушителем добрых университетских традиций”. О том же писал и Дигамма (В.Ф. Боцяновский) в заметке «По поводу ученого “недоразумения”» – он спрашивал, “входят ли по университетскому уставу возражения на диспуте в число обязанностей профессора” (*НВ.* 1900. 28 янв. (9 февр.) (№ 8592). С. 3).

Какой бесплодной грустью веет от всех газетных рассуждений по поводу подписки на памятник Никитина! ~ Вот стоит Тургенев, вот Никитин. – В 1900 г. была открыта подписка на сооружение памятника поэту И.С. Никитину в Воронеже, где он родился, жил и умер (установлен в 1911). Пожертвования собирались также на сооружение памятников А.С. Пушкину в Петербурге и Н.В. Гоголю в Москве. В письме в редакцию газеты “Новое время” (1900. 1 (13) февр. (№ 8596). С. 3) некто Пойгин писал: “...мы не умеем организовывать общенародную подписку” и предлагал поставить простые кружки для сбора денег с лаконическими надписями “на памятник И.С. Тургеневу”, “на памятник А.Н. Островскому” и т. п. Говоря о сборе средств на памятник Тургеневу в Орле (установлен в 1903), Пойгин замечал, что “из десяти человек девять наверно и не слышали об этом”.

С. 67. *...раздавленные ложью жизни Фомы Гордеевы...* – Фома Гордеев – герой повести М. Горького “Фома Гордеев”. Впервые напечатана в журнале “Жизнь” в 1899 г. (№ 2–4, 6–9), отдельное издание в переработанном виде вышло в январе 1900 г. Повесть вызвала многочисленные отклики, обсуждение не прекращалось в течение двух лет. Образ главного героя по большей части воспринимался критикой иначе, чем Л. Андреевым. Например, Н. Каспийский писал, что Фома Гордеев – тип “русского безобразника, достаточно наделенного всем от природы и судьбы”, “весьма тонко” окруженный Горьким “ореолом своеобразного чисто русского титанизма” (Н.К. [Каспийский Н.] Преступное бездельствие сверхсреднего человека // Образование. 1900. № 1. С. 112–113). Львов (А.Л. Цитрон) увидел в Фоме Гордееве “белого ворона”, отделившегося от своей стаи, тип “кающегося буржуа” (Одесские новости. 1900. 25 окт. и 11 нояб.). Ближе к оценке Андреева был А. Яроцкий, считавший, что Фома Гордеев представляет собой “просто среднего человека”, который не может “по своему складу и способностям” приспособиться к чересчур сложным для него “условиям окружающей жизни” и поэтому погибает (Яроцкий А. О русской жизни и русской интеллигенции // Сев. курьер. 1900. 25 янв. (6 февр.) (№ 89). С. 2).

...загнанные в футляр страхом жизни человечки... – Возможная ассоциация с учителем Беликовым, героем рассказа А.П. Чехова “Человек в футляре” (1898).

“Яркая заплатка на жалком рубище слетца!” – Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина “Разговор книгопродавца с поэтом” (1824): “Что слава? – Яркая заплатка / На ветхом рубище певца”.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (9 февраля 1900 г.)

(С. 68)

Источник текста – К. 1900. 9 февр. (№ 40). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 68. Эпиграфом к очерку Андреев взял отрывок из заметки: *Фома Неверный*. “Широкая масленица” // НВ. 1900. 7 (9) февр. С. 3–4.

Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя Иван Николаевич Горелов; 1849–1925) – русский актер. В 1867–1880 гг. играл в провинции, в 1880 г. дебютировал на сцене петербургского Александринского театра, где проработал до 1924 г.

Варламов Константин Александрович (1848–1915) – русский актер, в 1885 г. поступил в труппу Александринского театра. Большим успехом пользовался в роли царя Менелая в оперетте “Прекрасная Елена” Ж. Оффенбаха, признание получил как актер водевиля.

...на сцене Мариинского театра... – На рубеже XIX и XX вв. в Мариинском театре проводились благотворительные вечера, балы и маскарады, организованные Российским театральным обществом, в которых принимали участие знаменитые драматические и оперные артисты.

И называется это веселье “Широкая масленица”... – Газета “Новое время” 2 (14) февр. (№ 8597) напечатала объявление о предстоящем 5 февраля 1900 г. вечере в Мариинском театре: «Русское театральное общество устраивает грандиозный праздник “Широкая масленица”. Разнообразная программа увеселений. При благосклонном участии артистов Императорских театров оперной, драматической и балетной труппы: М.И. Фигнер, Н.Н. Фигнера, М.Г. Савиной, В.Н. Давыдова, Л.Г. Яковлева, К.А. Варламова и др.». На этих вечерах Давыдов (в роли Елены) и Варламов (в роли Париса) вдвоем изображали сцену из оперетты “Прекрасная Елена”: Елена грызла семечки, а Парис играл на гармонике. Позднее в “Курьере” от 13 февраля (№ 44) в рубрике “Петербургские письма” Н.А. Селиванов так писал о “Широкой масленице”: «Ради благотворительных целей он (совет Русского театрального общества. – Сост.) устроил нечто в высокой степени самооплевательное, чему и дал наименование “Широкой масленицы”. Я (...) был сконфужен и пристыжен до высшей степени, и не за “весь Петербург”, а именно за Театральное общество. (...) Савина – прачка, Медея Фигнер – цыганка, Давыдов и Варламов – то балаганные плясуньи (Давыдов и Варламов – в балетных юбочках и декольте – го, го, го!), то влюбленные бэбэ, Фигнер – цыган в откровенном костюме...»

...эти артисты горячие последователи того тенора, который, изображая Ленского, горячо и с чувством пропел: “Я требую дезинфекции!” – Надо: “И сатисфакции я требую” (2 акт 4 картина оперы П.И. Чайковского “Евгений Онегин”, 1879). Существовал анекдот о том, как один из певцов в сцене дуэли Ленского с Онегиным однажды вместо слов “и сатисфакции я требую!” по ошибке спел “и дезинфекции я требую!”, публика ошибки не заметила.

Фигнер Медея Ивановна (урожд. Мей, 1859–1952) – русская оперная артистка (драматическое сопрано), в 1887–1912 гг. солистка Мариинского театра.

Бебе (от фр. bébé) – ребенок.

С. 69. То петухом поешь... – Петь петухом – здесь то же, что и “пускать (давать) петуха”. В.В. Вересаев в своих воспоминаниях “Невыдуманные рассказы о прошлом” писал о Н.Н. Фигнере: “Фигнер голос потерял, но со сцены не ушел. (...) Завистливо оттирал сколько-нибудь

даровитых других теноров, сам выступал в самых ответственных ролях. И публика морщась говорила:

– Опять этот Фигнер!

И смеялась, слушая его безголосое пение” (*Вересаев В.* Собр. соч. М., 1985. Т. 4. С. 307–308).

Он “Демона” когда-то пел. – Одной из лучших в репертуаре Л.Г. Яковлева считалась партия Демона в опере А.Г. Рубинштейна “Демон” (1871, первая постановка 1875).

...теперь он поет “Пару гнедых”... – “Пара гнедых” – романс Я.Ф. Пригожего на стихи А.Н. Апухтина (1870-е, опубл. в 1895) (см.: *Песни русских поэтов.* Л., 1988. Т. 2. С. 144). Стихотворение Апухтина является вольным переводом романса “*Rauvres chevaux*”, написанного С.И. Донауровым на французском языке. Донауров часто указывался как автор музыки, однако популярная мелодия была написана позже, в 1890-х годах, композитором Пригожим в подражание цыганскому романсу.

Савина Мария Гавриловна (1854–1915) – выдающаяся русская актриса. В 1874 г. поступила в труппу Александринского театра, где работала до конца жизни. В конце XIX – начале XX в. выступала преимущественно в салонном “адюльтерном” репертуаре.

– *Наша честь... кувырком, кувырком полетит.* – “О, неужели, Боги, вас веселит, коль наша честь кувырком, кувырком полетит?” – строки из арии Елены “Воззвание к Венере” (действ. 2, сцена 3) из оперы-буфф Ж. Оффенбаха “Прекрасная Елена” (*La belle Hélène*, 1864), слова А. Мельяка и Л. Галеви, перевод В.А. Крылова. Опера впервые появилась в России в сезон 1866/67 г. в постановке труппы французского театра, а в 1868 г. – на русском языке на сцене Александринского театра. Ее постановки на русской сцене были изрядно русифицированы, наполнены тяжеловесными, но привычными русскому зрителю шутками. Во время представления публика смеялась и запоминала легкие, изящные мелодии, распевая затем понравившиеся арии.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨10 февраля 1900 г.⟩

(С. 70)

Источник текста – *К.* 1900. 10 февр. (№ 41). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 70. Известный богач и благотворитель В.А. Бахрушин пожертвовал ~ для девиц, обучающихся в высших и специальных учебных заведениях и на курсах г. Москвы. – В газете “Московский листок” в рубрике “По городским думам” сообщалось: “Москву можно поздравить с новым и крупным пожертвованием – два свои дома и 200 000 руб. для устройства бесплатных квартир пожертвовал городу В.А. Бахрушин. ⟨...⟩ Брат жертвователя, А.А. Бахрушин, жертвует 50 000 руб. на сооружение храма при всех этих учреждениях” (1900. 9 февр. (№ 40).

С. 2). В 1888 г. Бахрушины построили на Болотной площади “дом бесплатных квартир” для нуждающихся вдов с детьми и учащихся девушек. В 1900 г. В.А. Бахрушин отдал для расширения приюта два дома с землей на Софийской наб. и Фалеевском пер. При доме действовали два детских сада, начальное училище для детей, мужское ремесленное училище и профессиональная школа для девочек, бесплатная столовая. На первом этаже размещалось общежитие (50 квартир) для девиц, обучающихся в высших и специальных заведениях.

Бахрушин Василий Алексеевич (1832–1906) – представитель московского купеческого рода, известного своей благотворительной деятельностью, фабрикант-суконщик, гласный Московской городской думы (1869–1906). В Москве хорошо знали бахрушинские благотворительные заведения: больницу на Сокольничьем поле (1887), дом призрения для неизлечимых больных при этой больнице (1892), сиротский приют в Сокольнической роще (1901), приют-колонию для беспризорных детей в Тихвинском имении под Москвой (1905) и др. В 1900 г. за “многолетнюю благотворительную деятельность на пользу беднейшего населения города Москвы” Александр и Василий Бахрушины были удостоены звания “Почетный гражданин города Москвы” (подробнее см.: *Моск. власть*. С. 121–123).

...комитет вспомоществования недостаточным студентам... – Общества вспомоществования “недостаточным” студентам были организованы по единому образцу и действовали фактически во всех высших учебных заведениях дореволюционной России. В эти общественные организации добровольно объединялись лица, считавшие своим долгом содействие делу улучшения материально-бытового благополучия студентов. Средства обществ складывались из довольно существенных членских взносов, процентов от пожертвованных или завещанных денежных сумм и т. д. В обязанности обществ входила помощь малоимущим студентам: выдача единовременных пособий, стипендий, организация бесплатных обедов в столовых, поиск заработков, обеспечение врачебной помощью и многое другое. Средствами распоряжались комитеты обществ.

С. 71. *...но какая воля устоит перед голодом, перед угаром, от которого недавно скончались две такие героини!* – См.: К.Н. Житейская случайность // Сев. курьер. 1900. 3 (15) февр. (№ 92). С. 3. В заметке сообщалось о гибели двух молодых девушек из Ейска, которые, мечтая поступить на медицинские курсы в Петербурге, приехали в Харьков, для того чтобы продолжить гимназическое образование. Здесь они сняли дешевую комнату, где их обнаружили мертвыми, задохнувшимися от угарного газа. В “Курьере” в разделе “Хроника дня” 8 февраля (№ 39) также рассказывалось об этом случае и предлагалось помочь в организации общежития для учащихся, которые не являются студентами.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(12 февраля 1900 г.)

(С. 72)

Источник текста – К. 1900. 12 февр. (№ 43). С. 2. Подпись: Л. -ев.

С. 72. *Англичан поколотили!* – проносится в прессе ликующий возглас... – Речь идет о событиях Англо-бурской войны – войны Великобритании против бурских республик Южной Африки – Оранжевого свободного государства и Трансвааля в 1899–1902 гг. Буры (африканеры) – потомки в основном выходцев из Голландии, переселявшихся на Юг Африки с середины XVII в. из-за гонений на протестантов. Поскольку большинство из них были фермерами, за ними закрепилось название “буры” (на языке африкаанс: фермеры, крестьяне). После установления британского контроля над Капской провинцией буры переселились в глубь континента, образовав два союзных государства: Трансвааль и Свободное Оранжевое государство, прекратившие свое существование в ходе Англо-бурской войны. В начале войны английские войска уступали бурским по численности, большинство английских солдат были необстрелянными новобранцами. В течение первых нескольких месяцев события развивались в пользу буров, которые вторглись в Капскую колонию и в Натал, нанесли англичанам несколько весьма ощутимых поражений, осадили города Ледисмит, Кимберли и Мафекинг. Дни 11–16 декабря 1899 г. получили известность как “черная неделя” английской армии: в трех сражениях в различных районах Южной Африки она потеряла 2500 человек и 12 орудий. Январь 1900 г. также принес британским войскам горькие поражения. Правительство России стремилось поддержать буров и извлечь выгоды из затруднений своего тогдашнего главного соперника на мировой арене. Российская общественность также горячо сочувствовала бурам. Война усилила антибританские настроения, сильные в российском обществе со времени Крымской войны.

Еще не успели люди эти сносить сапог, в которых они ходили... – Реминисценция из трагедии У. Шекспира “Гамлет” (акт 1, сцена 2): “Как? Месяц... Башмаков она еще не износила, / в которых шла за гробом мужа...” (пер. Н.А. Полевого).

...на гаагскую конференцию... – I Гаагская конференция – мирная конференция в Гааге, созванная по инициативе России в мае–июле 1899 г. Итогом ее работы стало принятие трех конвенций: О мирном решении международных столкновений; О законах и обычаях сухопутной войны; О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 г. о раненых и больных. Были приняты также три декларации, касающиеся ограничения средств ведения военных действий (см.: Конвенции и декларации, подписанные на конференции мира в Гааге 17/29 июля 1899 г. СПб., 1901). Итоги конференции широко освещались в русской прессе, см., например: В.Б. Письмо из Гааги // Право. 1899. 23 мая (№ 21). Стб. 1083–1087; Мартенс Ф. Гаагская конференция

мира: Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900. Кн. 3. С. 6–7.

С. 73. *Разве не свободу отстаивала Франция, когда пруссаки стояли у ворот Парижа?* – Иллюстрация тезиса о возможности изменения оценки воюющих сторон в ходе войны на примере Франко-прусской войны 1870–1871 гг.

Но вспомните одну дивную страничку у Достоевского. Умер каторжник ~ и отходит прочь. – Эпизод, описывающий смерть каторжника Михайлова, взят из повести Ф.М. Достоевского “Записки из Мертвого дома” (ч. II, гл. “Госпиталь”) (1861) (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 4. С. 141).

Вспомните страничку и у Гаршина. Он также читал эти страшные вести с войны, но не цифры видел, а трупы. Один, другой, третий... много, тысячи целые трупов. – Русский писатель В.М. Гаршин в 1877 г. добровольцем принял участие в Русско-турецкой войне, в бою при Аясларе (Болгария) был ранен. Имеется в виду его рассказ “Трус” (1879): “Я прочитал о третьем плевненском бое. Выбыло из строя двенадцать тысяч одних русских и румын, не считая турок... Двенадцать тысяч... Эта цифра то носится передо мною в виде знаков, то растягивается бесконечной лентой лежащих рядом трупов. Если положить плечо с плечом, то составит дорога в восемь верст...” (*Гаршин В.М.* Избранное. М., 1985. С. 56–57).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨15 февраля 1900 г.⟩

(С. 74)

Источник текста – К. 1900. 15 февр. (№ 46). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 74. *Признаться, когда я написал по поводу того забвения, которое незаслуженно выпало на долю Г.И. Успенского...* – См. фельетон “Впечатления” от 27 января 1900 г. и коммент. к нему.

...такой прекрасный ответ, каким я продолжаю считать статью г. Соколова в “Северном курьере”. – В петербургской газете “Северный курьер” 10 (22) февраля (№ 99. С. 2–3) была опубликована статья гласного новгородского губернского земства Ивана Степановича Соколова (1862–1906) “Поездка к Г.И. Успенскому”. Соколов в качестве эпиграфа привел цитату из фельетона Андреева о Г. Успенском (К. 1900. 27 янв.). В статье Соколов описывает свои впечатления от посещения писателя в Колмовской больнице. С 1892 г. Успенский находился в больнице для душевнобольных: сначала в петербургской больнице С.Я. Фрея на Васильевском острове, затем в Колмовской лечебнице для душевнобольных (близ Новгорода), которой заведовал друг семьи, доктор Б.Н. Синани. Когда наступало улучшение, Успенский навещал свою семью в Петербурге. В марте 1900 г. был переведен родными в больницу-колонию

на Новознаменской даче близ Петербурга. Там он и скончался 24 марта 1902 г.

Перепечатанная почти во всех газетах... – См., например: Среди газет и журналов // *НВ*. 1900. 11 (23) февр. (№ 8606). С. 3, и др.

С. 75. *Выходит следующий номер “Северного курьера” ~ Первое принадлежит перу уважаемого Н.К. Михайловского, а второе – старшему сыну Г.И. Успенского, А. Успенскому.* – 13 (25) февраля (№ 102) в “Северном курьере” были напечатаны два письма с послесловием редакции. Одно письмо от председателя Литературного фонда писателя Н.К. Михайловского, в котором он утверждал, что “непосещение Г.И. Успенского не значит его забвение”. Второе было написано старшим сыном писателя Александром Глебовичем Успенским (1873–1907), упрекавшим Соколова в том, что тот “затрагивает слишком интимные стороны жизни Глеба Ивановича, его семьи, его друзей, затрагивает слишком не деликатно”, что в статье много неточностей, а некоторые факты представлены в извращенном виде.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (16 февраля 1900 г.) (С. 77)

Источник текста – *К*. 1900. 16 февр. (№ 47). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 77. *И это чудо совершили буры, смелые бойцы за свободу.* – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 12 февраля 1900 г.

“Поистине, в борах возродились герои Лейдена и Гаарлема!” – восклицает одна газета. – См.: *А.Б.* Заметки о войне // *НВ*. 1900. 13 (25) февр. (№ 8608). С. 3. В ходе Нидерландской буржуазной революции, принявшей форму национально-освободительной войны против владычества Испании, города Лейден и Гаарлем выдержали длительную осаду (1572–1574) испанских войск под командованием герцога Альбы. После долгой осады испанцы все же взяли Гаарлем и подступили к Лейдену. Герцог Альба безжалостно жег деревни и истреблял население, но не смог полностью подавить восстание. Новый наместник испанского короля Рекезенс объявил амнистию всем, кто сложит оружие. Голландцы отвергли эти условия и продолжали сопротивление, защитники осажденного Лейдена взорвали дамбы и затопили окрестности города, испанцы были вынуждены отступить.

...борьба Давида с Голиафом. – Известная библейская легенда о победе над огромным воином-филистимлянином Голиафом молодого Давида, будущего царя Иудеи и Израиля. Сначала Давид сразил великана из пращи, а затем отрубил ему голову (Цар 17, 49–51).

С. 78. *...которые в крымскую и иные кампании обливались слезами, провозжая ратников, и подносили им по чарке, а в то же время наделяли его картонными подметками и песком вместо муки?* – Рассказ о купцах из Кимр, поставлявших на фронт во время Русско-турецкой войны

(1877–1878) солдатские сапоги с бумажными подметками, есть в книге В. Гиляровского “Москва и москвичи” (гл. “Под Китайской стеной”) (Гиляровский. Т. 4. С. 77).

С. 79. ...Марс одно за другим терял красивые перья своего шлема... – В римской мифологии бог войны Марс чаще всего изображался с блестящим шлемом на голове и с мечом или копьем в руке.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(18 февраля 1900 г.)
(С. 81)

Источник текста – К. 1900. 18 февр. (№ 49). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 81. *Готово к принятию своих гостей и Девичье поле.* – Девичье поле – историческая местность на юго-западе Москвы, в излучине Москвы-реки, между Плющихой и Новодевичьим монастырем. Название происходит от монастыря. В XVIII–XIX вв. – место народных гуляний.

Выстроились рядами балаганы... – Балаган (татар. сарай, навес) – временные постройки для театральных святочных, скоморошьих и других народных представлений, которые возводились из года в год на одних и тех же местах во время Сырной и Святой недели. В Москве балаганы вначале ставили у Новинского бульвара, а позднее – на Девичьем поле. Балаганы украшались разрисованными полотнищами с изображением сцен из представляемой в балагане пьесы.

Петрушка – главный персонаж русских народных кукольных представлений – неунывающий, непобедимый герой, защитник слабых и угнетенных. Известен с первой половины XVII в.

Дальше на наружной галерее большого балагана дает образчики скрытых в нем наслаждений традиционный клоун. – На наружной галерее или балконе располагался балаганный дед – зазывала на каруселях во время масленичных народных гуляний или же представления площадного театра. Обычно это был отставной солдат с бородой из пакли. Часто он вел импровизированную беседу с посетителями, отпускал шутки, порой меткие и злобные, нередко нецензурные (см.: Бахтияров А.А. Брюхо Петербурга. СПб., 1994. С. 213–215; здесь же приведены прибаутки деда).

Прасол – оптовый скупщик в деревнях мяса, рыбы, скота и сельскохозяйственного сырья для перепродажи.

...где грохочут на “французской горе” небольшие платформочки... – аттракцион.

Сбитеник – продавец сбитня, горячего напитка, приготовленного из воды, меда и пряностей.

Поддевка – верхняя мужская одежда, род пальто в талию, с мелкими сборками.

С. 82. *...сзывая народ в большой деревянный театр, где представляется война буров с англичанами.* – Пьесы такого рода были очень

популярны. Например, в списке дозволенных к представлению в 1900 г. можно найти несколько пьес, посвященных Англо-бурской войне: “Буры и англичане в Трансваале” А.А. Ч-ва, “В Трансвааль к бурам” И.С. Броуда и “Трансваальский доброволец” Д.А. Богемского (Театр и искусство. 1900. № 12. С. 243). А реклама “Московского листка” (1900. 18 февр. (№ 49). С. 1) гласила: “В Московском городском манеже по проекту М.В. Лентовского назначают особо грандиозные масленичные гуляния. На Большой сцене представлено будет в 1-ый раз: Трансвааль! На высотах драконовых скал или война буров с англичанами (большое представление в 3-х действиях из современных событий в Южной Африке)”. С 26 декабря по 7 января в том же Манеже демонстрировались картины-диорамы: “Трансвааль. Буры, обстреливающие неприятеля”; “Оранжевая республика. Буры на бивуаке”. Сюжеты подобных пьес чаще всего брались из газет. Например, в “Новом времени” 12 (24) февраля (№ 8607. С. 10) были помещены два рисунка: буры, осаждающие Ледисмит, перемещают свою огромную пушку “Long Tom” и предохранение блиндированного поезда (покрытием из канатов) от гранат буров.

Надпись гласит: “Длинный Том”. – Длинный Том – неофициальное название большого французского орудия с длинным стволом.

Чемберлен Джозеф (1836–1914) – министр колоний Великобритании в 1859–1903 гг. Один из идеологов английского колониализма. Во время Англо-бурской войны 1899–1902 гг. был министром по делам колоний.

С. 83. ...*крушение блиндированного поезда...* – Блиндированный поезд (от фр. blinder – покрывать броней) – бронированный.

Бурский гимн – национальный гимн Трансвааля и Оранжевой республики – “Onse houdreel” (“Бремя нашей стойкости”). В начале прошлого века было переведено и опубликовано с нотами множество гимнов и песен Трансвааля и Оранжевой республики. В не меньшем количестве появлялись и “бурские песни”, сочиненные российскими авторами. «За здравие президента Крюгера служат молебны, от оркестров, играющих в публичных местах, требуют “гимна буров”, который повторяется бесчисленное число раз» (*Вильде [Поссе В.А.]*. Политическая хроника // Журнал для всех. 1900. № 1. С. 115). Чаще всего исполнялась песня “Трансвааль, Трансвааль, страна моя...”, чрезвычайно популярная в это время в русском обществе, воспринимающем ее как гимн всех буров, сражающихся за свою независимость.

...*появление самого дяди Крюгера...* – Крюгер Паулус (1825–1904) – президент бурской республики Трансвааль в 1883–1900 гг. Участник военной операции буров против африканского населения. В период Англо-бурской войны 1899–1902 гг. один из руководителей сопротивления буров английским войскам.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(22 февраля 1900 г.)
(С. 84)

Источник текста – К. 1900. 22 февр. (№ 52). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 84. Таким именно образом ответил д-р Дьяков на мою заметку по поводу врача А. ... – 14 февраля (№ 45) 1900 г. в “Курьере” было опубликовано письмо земского врача К. Дьякова в защиту доктора А., ставшее ответом на фельетон Андреева “Впечатления”, опубликованный 1 февраля. Дьяков считал, что в произошедшем виновато общество, а не врачи, “простые смертные, от которых нельзя требовать подвигов самопожертвования и благотворительности”. Кроме Дьякова, на фельетон Андреева откликнулся и Н.М. Ежов, который выразил поддержку “хроникеру” из “Курьера” и обвинил врача А. в нарушении не только врачебной, но и общечеловеческой этики (*Не-фельетонист [Ежов Н.М.]*. Московская жизнь: Маленькие рассказы: Кроки, СXLVII // *НВ*. 1900. 19 февр. (3 марта) (№ 8614). С. 2–3). См. также коммент. к фельетонам “Впечатления” от 1 и 25 февраля 1900 г.

...он кассационные жалобы пишет... – Кассационная жалоба – жалоба на приговор (или решение) суда, в которой излагается просьба о пересмотре его вышестоящим судом. См. также коммент. к судебному отчету “Неосторожность” от 6 ноября 1897 г.

С. 85. ...Л. Толстой в словах, которым не раз предстоит цитироваться в наши скверные дни: “Все дело в том, что люди думают (...) но только не людьми”. – Цитата из размышлений Д. Нехлюдова, героя романа Л.Н. Толстого “Воскресение” в связи со смертью арестанта (ч. 2, гл. XL) (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1933. Т. 32. С. 352).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(25 февраля 1900 г.)
(С. 86)

Источник текста – К. 1900. 25 февр. (№ 55). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 86. *Московский коммерческий суд* – Коммерческий суд рассматривал иски и споры по торговым операциям, договорам и обязательствам как между частными лицами, так и по искам государственных учреждений к частным лицам; все дела о несостоятельности; иски и споры по векселям на суммы свыше 500 рублей (подробнее см.: *Барышников М.Н.* Деловой мир Петербурга: Ист. справочник. СПб., 2000. С. 519–520).

...вплоть до “немки с музыкой”... – Т. е. до раздела объявлений, располагавшегося обычно в конце газеты.

Буры – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 12 февраля 1900 г.

И тогда вы услышите, наконец, что заседание не состоялось за неявкой должного количества выборных от московского купечества. – Заседание выборных от московского купечества по избранию кандидатов на посты председателя и товарища председателя Московского коммерческого суда откладывалось три раза и состоялось только 2 марта 1900 г.

...в “неосторожной езде” г. Окрочмеделова... – См.: [Б. п.] Неосторожная езда // К. 1900. 24 февр. (№ 54). С. 3 (Московские новости). Почетный дворянин А.А. Окрочмеделов, проезжая на тройке лошадей по С.-Петербургскому шоссе, налетел на ехавших в розвальнях крестьянина Федора Лаврова с женой, опрокинул их сани и переехал через жену Лаврова, не останавливаясь. Погнал лошадей в село Всехсвятское, намереваясь скрыться, но был задержан. Пострадавшая отправлена на лечение в Мариинскую больницу. Суд состоялся 4 июля, по решению суда Окрочмеделов был арестован на 10 дней, а его кучер Шелыгин на 5 дней (отчет о судебном процессе см.: [Б. п.] Неосторожная езда // К. 1900. 5 июля (№ 184). С. 3 (Судебная хроника. Столичный мировой съезд)).

С. 87. *Всехсвятское* – село, располагавшееся недалеко от Москвы, на месте современных московских районов Аэропорт и Сокол.

Гг. саратовцы, всем сердцем страдая за буров, выступили с предложением бойкотировать Англию – не покупать ни одной вещи английского производства. Это предложение, одобренное “Новым временем”, грозит Англии неминуемой и скорой гибелью. – См.: Письмо в редакцию // *НВ*. 1900. 23 февр. (7 марта) (№ 8617). С. 3.

– *Ах, если бы все рыбы сговорились!..* – Неточная цитата из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина “Карась-идеалист” (1884): «“Вот кабы все рыбы между собой согласились...” – загадочно начинал карась...» (*Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1988. Т. 8. С. 402*).

Несколько слов по поводу “письма в редакцию” г. Н. Галактионова. – См.: *Галактионов Н.* Письмо в редакцию // *К*. 1900. 20 февр. (№ 51). С. 3. Председатель правления Санкт-Петербургского врачебного общества взаимной помощи Н.М. Галактионов писал, что для расследования обвинений в случаях, подобных описанному в фельетоне Андреева, при обществе существует суд, указан адрес правления, куда можно было обратиться, однако оговаривалось, что обращение не должно было быть анонимным. См. фельетоны “Впечатления” от 1 и 22 февраля, а также коммент. к ним.

Вот в “Новом времени” пишут про некрасивые поступки доктора Ш. и профессора П. ... – 19 февраля (3 марта) 1900 г. в газете “Новое время” было опубликовано письмо в редакцию за подписью “Л. В.”, где рассказывалось о детском докторе Ш., который заставил прождать даму с больным ребенком в приемной около часа, а потом запросил плату в размере 5 рублей. Сумма для дамы была слишком велика, и ей пришлось уехать без осмотра ребенка. А 23 февраля (7 марта) было опубликовано письмо К. Грибоедова, сообщавшего о грубом обращении с его женой врача-дерматолога профессора П.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(27 февраля 1900 г.)

(С. 88)

Источник текста – К. 1900. 27 февр. (№ 57). С. 4. Подпись: Л. -ев.

С. 88. По скорбному замечанию кн. Мещерского, журналу “Неделя” была свойственна постоянная и несомненная тенденция к привитию народным массам книжной культуры. – См.: [Б. п.] Наша печать // Гр. 1900. 24 февр. (№ 14). С. 8–9. В обзоре высказывалось возмущение оценкой деятельности издателя Ф.Ф. Павленкова в статье за подписью “М.О.М.” в газете “Неделя” и, в частности, говорилось: “Как согласовать это мнение постоянного сотрудника журнала с постоянной и несомненной тенденцией сего журнала к привитию народным массам книжной культуры”. Кн. Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – писатель, публицист и издатель, в 1872–1914 гг. редактор газеты-журнала “Гражданин”. “Неделя” – еженедельная газета с приложением ежемесячных “Книжек Недели”, издавалась в Петербурге с 1868 по июль 1901 г. (далее до 1903 г. под названием “Новое дело”).

Высказав светлую мысль, что всякие вообще книги бесполезны, а в большом количестве прямо-таки вредны (и вбив посему осиновый кол в гроб Ф.Ф. Павленкова), г. М.О.М. откровенно сообщает, чего он хочет. – См.: М.О.М. Отклики, XXXVI // Неделя. 1900. 19 февр. (№ 8). С. 278–281. М.О.М. – псевдоним Михаила Осиповича Меньшикова (1859–1918), с 1892 г. постоянного корреспондента, а затем секретаря и ведущего публициста газеты “Неделя”. 20 января 1900 г. умер известный русский книгоиздатель Флорентий Федорович Павленков (род. 1839). Его издательством, основанным в Петербурге в 1866 г. и просуществовавшим до 1917 г., было издано свыше 750 книг, основана серия “Жизнь замечательных людей” (200 биографий). Меньшиков в своей статье, оценивая деятельность Павленкова, писал, что Павленкову “недоставало вкуса, недоставало строгой разборчивости”, что количество в его деятельности преобладало над качеством, а поток издаваемой литературы “способствовал развитию и у нас того книжного наводнения, которым страдает Европа” (Там же. С. 281). И далее: «Поэтому я не придаю большого значения ни обширной деятельности Павленкова, ни вообще оживлению печатного дела в последнее время. Не думаю, что народ наш больше всего нуждается в книгах. Он очень нуждается в просвещении, но ни школы, ни книги еще не в состоянии его дать. Сколько бы ни росло число “образованных людей”, как бы ни распространялась грамотность, – пусть, наконец, весь народ сплошь станет грамотным и начитанным, я еще буду в сомнении, сделался ли он просвещеннее, даровитее, умственнее сильнее. Я хочу видеть не книжность, а природный гений...» (Там же).

Трогательная и поучительная история одной девицы рассказывается в “Гражданине”. – См.: Аму-Дарьинский Ив. Письмо в редакцию // Гр. 1900. 24 февр. (№ 14). С. 6–7.

С. 89. ...обусловливаемая существованием в уложении о наказаниях статьи об истязании. – Наказание за истязание и мучения определяла ст. 1489 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(4 марта 1900 г.)
(С. 90)

Источник текста – К. 1900. 4 марта (№ 63). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 90. *Выдают этим свидетелям и прогоны...* – Прогоны (прогонные) – деньги на проезд к месту суда.

С. 91. *В одном процессе – кажется, “Северного” страхового общества...* – Страховые общества – частные учреждения, за определенную страховую премию осуществлявшие страхование физических и юридических лиц. Акционерное Северное страховое общество было учреждено в 1872 г. в Москве под названием “Северное общество страхования и склада товаров, с выдачей warrants¹”. В 1879 г. общество было преобразовано в Северное страховое общество, которое производило операции по страхованию всякого рода движимого и недвижимого имущества от огня, страхованию транспортов, жизни, капиталов и доходов. Председателем правления был С. Протопопов.

А какой ответ получили моголевские мужики на свой вопрос: “Где же мы будем ночевать?” – вопрос, многих рассмешивший своей наивностью. – В это время в Московском окружном суде слушалось дело “о злоупотреблениях в Моголевском округе путей сообщения”. Все свидетели, вызванные по этому делу, в большинстве своем простые рабочие на шоссейных дорогах Орловской и Моголевской губерний, явились на суд. Суд должен был продлиться несколько дней, однако прогоны свидетелям обещали выдать только в конце процесса. Судебный отчет о процессе публиковался в “Курьере” 29 февраля, 1, 2, 3 и 5 марта 1900 г.

Шмаков Алексей Семенович (1852–1916) – юрист, правовед, публицист. Начинал юридическую практику как помощник Ф.Н. Плевако, с 1880-х годов присяжный поверенный Московской судебной палаты. Гласный Московской городской думы в 1905–1916 гг. (см.: *Моск. власть*. С. 739–740). В 1898 г. был избран председателем Наблюдательного комитета Московского городского кредитного общества.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(5 марта 1900 г.)
(С. 92)

Источник текста – К. 1900. 5 марта (№ 64). С. 4. Подпись: Л. -ев.

С. 92. *В одной московской газете читаем: “На подарок Кронье в редакцию поступило...”* – Во время Англо-бурской войны в Трансвааль посылали подарки участникам военных действий: иконы, альбомы, роскошно изданную Библию, складни, пластинки с записями русских стихов и песен в честь буров. А после известия, что бурский генерал Пит Арнольд Кронье (1840–1911) взят в плен, прошла широкая кампания

¹ От англ. warrant – гарантия.

по сбору средств, чтобы подарить ему братину – громадную братскую чашу из порфира с серебряным орнаментом. Средства на нее собирали через газеты “Невское время”, “Биржевые ведомости”, “Петербургский листок” и др. Эта братина была послана вместе с листами, на которых расписались 70 тыс. человек. Листы озаглавлены: “Подписи к братине от русских людей командиру буров Питу Кронье”. В настоящее время все это хранится в Претории в Историческом музее.

Омон (Соломон) Шарль (Charles Aumont; в отдельных справочных изданиях упоминается и как Михаил Григорьевич Омон) – французский делец, появился в Москве в 1891 г., где в то время работала французская выставка и где его Grand théâtre concert parisien пользовался огромным успехом. Затем был директором ряда московских кафешантанов: театра “Водевиль-концерт”, театра “Омон”, сада и театра “Аквариум”, Нового театра Омона и др. Запутавшись в долгах и сомнительных махинациях, Омон продал имущество. В 1907 г. полиция выписала ордер на его арест, однако тот уже скрылся из России (см.: *Сариева Е.А.* Шарль Омон // Развлекательная культура России, XVIII–XIX вв. СПб., 2000. С. 360).

С. 93. ...*прототипы фунта и аршина замуровываются*. – В 1892 г. министр финансов С.Ю. Витте пригласил на пост ученого хранителя Депо образцовых мер и весов Д.И. Менделеева, по чьей рекомендации Депо было реорганизовано в Главную палату мер и весов. Одной из первойшей задач Палаты Менделеев считал возобновление эталонов. Оставив единицей веса фунт (409,5 г), Менделеев посчитал удобным заменить существовавшую единицу длины – сажень – аршином (0,71 м), составляющим треть сажени, основываясь при этом на истинной длине английского ярда, а в качестве нормы для прототипа веса воспользоваться имеющимся платиновым фунтом, сделанным в 1835 г. и являющимся наиболее точным. Работа, начатая в 1894 г., закончилась спустя четыре года. Изготовленные в Англии прототипы подверглись сличению с различными английскими метрическими образцами, позволившими определить отношение между русскими и иностранными эталонами. 19 февраля 1901 г. в помещении хозяйственного комитета Сената были замурованы два бронзовых футляра с печатями Главной палаты: в один из них были помещены основные копии фунта и аршина, в другом – соответствующие документы. В 1918 г. копии фунта и аршина были изъяты и отправлены в Главную палату мер и весов.

ОТГОЛОСКИ ДЕЛА СКИТСКИХ

К.Н. Михайлов. “Следствие, прокуратура и защита
в деле бр. Скитских. (Опыт анализа судебного процесса)”

(С. 94)

Источник текста – К. 1900. 7 марта (№ 66). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Рецензия на книгу: *Михайлов К.Н.* Следствие, прокуратура и защита в деле бр. Скитских: (Опыт анализа судебного процесса). М., 1900. Кро-

ме Андреева об этой брошюре писали и другие рецензенты. Например, корреспондент газеты “Новое время” Н. Ежов считал, что Михайлов «задал свою книжку легендами, сплетнями, ненужными сценами, разговорами, проявил излишнюю горячность, односторонность. Словом, это оказался “Карабчевский наизнанку” и “Быховский в квадрате” по отношению к Скитским» (*Ежов Н. Перед процессом бр. Скитских // НВ. 1900. 19 мая (1 июня) (№ 8701). С. 4.* См. также коммент. к телеграмме Андреева из Полтавы от 15 декабря 1899 г.

С. 94. “*Чинарь*” – чиновник.

С. 95. *Когда я был в Полтаве...* – Андреев был в Полтаве на судебном процессе по делу братьев Скитских в декабре 1899 г. в качестве корреспондента “*Курьера*”.

...*биографию защитника “Мошке Зеленского”*. – Имеется в виду один из защитников Скитских, аптекарский помощник Моисей Давыдович Зеленский.

С. 96. ...*как результат “ума холодных размышлений и сердца горестных замет”*. – Неточная цитата из посвящения, предвещающего роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”: “(…) Ума холодных наблюдений / И сердца горестных замет”.

...*по разным грунтам Лазарева...* – Грунт Лазарева, или Лазаревская земля – местность в Полтаве.

Ворскла – река, протекающая в Полтаве.

С. 97. “*Южный край*” – ежедневная газета, выходила в Харькове в 1880–1917 гг.

С. 98. *Товарищу прокурора Д. ...* – На судебном процессе в Харькове в марте 1898 г. на стороне обвинения выступал товарищ прокурора В.В. Давыдов. Давыдов Владимир Васильевич (1871–1916), граф, с 1896 г. служил в Министерстве внутренних дел, с 1897 г. земский начальник II участка Моршанского уезда Тамбовской губернии, губернский секретарь, во время вице-губернаторства М.М. Осоргина прокурор Харьковской судебной палаты.

...*Скитских судила палата с сословными представителями, а не присяжные заседатели...* – В зависимости от особенностей конкретного дела закон предусматривал возможность образования коллегий в разных составах. В одних установленных законом случаях дела рассматривались в составе трех профессиональных судей, в других – профессиональными судьями с участием сословных представителей, а в третьих – профессиональными судьями с участием присяжных заседателей. В качестве сословных представителей в процессе участвовали: губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина (допускалось некоторое изменение такого состава). Суд с участием присяжных заседателей (суд присяжных) состоял из 3 судей-профессионалов и 12 присяжных заседателей. Председествовавший судья и приглашавшийся для этого священник приводили их к присяге (отсюда их наименование).

С. 98–99. *Уничтожив одним взмахом семерых судей, он немедленно протягивает карающую руку Льву Толстому...* – Речь идет об обли-

чительном изображении суда в романе Л.Н. Толстого “Воскресение” (1899).

С. 99. *Бентам* Иеремия (1748–1832) – английский социолог, юрист, родоначальник одного из направлений в английской философии – утилитаризма. Михайлов цитирует его трактат “О судебных доказательствах”.

Вундт Вильгельм (1832–1920) – немецкий психолог, физиолог, философ и языковед.

Геффдинг – правильно: Гёффдинг Харальд (1843–1931) – датский философ-идеалист, историк философии. Пытался рассмотреть философию в ее связи с наукой и сопоставить на уровне теории познания философов различных эпох, считая их учения этапами развития единой мысли. Геффдинг полагал, что центральное место в психологии должно отводиться воле.

Рибо Теодюль Арман (1839–1916) – французский психолог, родоначальник опытного направления во французской психологии, сформулировал закон регрессии, или обратного “развития памяти”, который характеризует определенную последовательность процесса разрушения памяти.

У всех еще на памяти те неожиданные последствия, которые вызвала в наших медвежьих уголках глупейшая книжка о светопреставлении. – Речь идет о польской брошюре, основанной на работе Рудольфа Фальба “Гибель мира” и предсказывавшей конец света. Брошюра была переведена и издана в России в 1899 г. несколькими издательствами большими тиражами под названиями “Конец света! 13 ноября 1899 года” и “Светопреставление 13 ноября 1899 года”, вызвав настоящий переполох.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (11 марта 1900 г.) (С. 100)

Источник текста – К. 1900. 11 марта (№ 70). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 100. *Лелянов заговорил!* – Речь идет о конфликте гласных Петербургской думы с городским головою П.И. Леляновым (см.: *Снесарев Н.* Заседание думы // *НВ.* 1900. 3 (16) марта (№ 8626). С. 3).

В дневнике Ф.Ф. Фидлера (запись от 4 марта 1900) приведена эпиграмма В.А. Мазуркевича на Лелянова, написанная в связи с этим случаем: «“Голова, ты слышишь шум? / Отвечай нам, ну-ка!” / Голова сидит угрюм – / И в ответ ни звука. / Что ж! Поверивши молве, / Крикнем все при шуме: / Нету думы в голове, / Головы нет в думе» (*Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения. М., 2008. С. 305). В той же газете от 5 марта А.О. в “маленьком фельетоне” под названием “Молчание – золото?” объяснил, как Лелянов был избран на пост городского головы в 1898 г. Гласные при первом голосовании выбрали городским головой гр. В.А. Мусина-Пушкина. По закону требовалось избрать второго кандидата, которым стал Лелянов. Но при подсчете

результатов к немалому удивлению Думы, у Лелянова голосов оказалось значительно больше, чем у Мусина-Пушкина (А.О. Маленький фельетон: Молчание – золото? // *НВ*. 1900. 5 (18) марта (№ 8628). С. 2).

Павел Иванович Лелянов (1850–1932) с 1881 г. избирался гласным столичной Городской думы, с 1898 по 1905 г. и с начала 1916 по весну 1917 г. был Санкт-петербургским городским головой. За отлично организованное и проведенное празднование 200-летия города был награжден чином действительного статского советника, а после выхода в отставку орденом Св. Владимира III степени, что дало ему право на потомственное дворянство.

Веретенников Александр Порфирьевич (1870–1936) – гласный Петербургской городской думы, председатель больничной комиссии, чиновник особых поручений при министре иностранных дел.

“Тихо всюду, мрачно всюду – быть тут чуду, быть тут чуду”. – Непrecно процитированный рефрен хора из второй части поэмы А. Мицкевича “Деда” (“Дзяды”, 1823) в переводе М. Вронченко: “Мрачно всюду, тихо всюду: / Быть тут чуду, быть тут чуду!”

Правда ли, что на чествовании М.М. Стасюлевича он блистал своим отсутствием, и почему? Правда ли, что он в участок на управу жаловался? – Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) – русский журналист, публицист, историк, редактор журнала “Вестник Европы” (1865–1909), с 1881 г. гласный Петербургской думы, председатель Комиссии по народному образованию. Боролся за увеличение и расширение народных школ, а также за обязательное народное обучение в Петербурге и расширение этого обучения в техническом и профессиональном смысле. Пользовался глубоким уважением в Думе, его называли Баярдом Петербургской думы (см.: *Снеcсарев Н.* Гласные думы // *НВ*. 1900. 15 (27) янв. (№ 8579)). 20 февраля 1900 г. отмечали десятилетие со дня вступления его в должность председателя Комиссии по народному образованию.

Так молчит и так звонит – точно труп, подплывший к потонувшему колоколу. – Образ “потонувшего колокола” навеян драмой Г. Гауптмана “Потонувший колокол”, поставленной в 1896 г. в петербургском театре Литературно-артистического кружка и в 1898 г. – в московском Обществе любителей искусства и литературы (впоследствии – Художественно-общедоступный театр).

М.М. Стасюлевич заявляет: не хочу быть членом управы, где городской голова молчит и звонит. – На заседании Думы, проходившем 8 марта 1900 г., было зачитано заявление Стасюлевича об отказе от своей должности из-за невозможности работать с таким городским головой (см.: *Н. Снеcсарев*). Заседание думы // *НВ*. 1900. 10 (23) марта (№ 8633). С. 3). На заседании Думы 22 марта П.А. Потехин сообщил, что комиссия не может смириться с уходом Стасюлевича, и было принято решение передать ему просьбу Думы вернуться обратно (см.: *Д.* Заседание думы – Там же. 1900. 24 марта (6 апр.) (№ 8647). С. 3). На заседании Думы 29 марта был зачитан ответ Стасюлевича, который остался непреклонным в своем намерении уйти, однако он должен

был по решению Думы исполнять свои обязанности до конца учебного года (см.: *Д. Заседание думы* – Там же. 1900. 31 марта (13 апр.) (№ 8654). С. 3).

Кедрин Евгений Иванович (1851/52–1921) – адвокат, общественный деятель, масон. В 1889 г. избран гласным Петербургской городской думы, оставался им в течение многих лет. Получил известность после разоблачения изъятий в городском хозяйстве, за что дважды по постановлению гласных подвергался удалению из Думы. Входил в ряд городских комиссий и подкомиссий (подробнее о нем см.: *Серков*. С. 385).

С. 101. *Николаевская железная дорога* – железная дорога Петербург–Москва. Официальное открытие состоялось в 1851 г., ныне Октябрьская железная дорога.

С. 101, 102. *Стирово, Бологое* – станции Николаевской железной дороги.

С. 102. ...*в отечественно-охотничьем духе*... – Т. е. в крайне консервативном духе “квасного патриотизма”.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (12 марта 1900 г.) (С. 103)

Источник текста – *К.* 1900. 12 марта (№ 71). С. 3–4. Подпись: Л. -ев.

С. 103. ...*появился самостоятельный очерк К. Малиновского “Предсмертное сознание”*... – См.: *Малиновский К.* Предсмертное сознание: Очерк // Новая иллюстрация. 1900. № 1 (2 (14) янв.). С. 7–8.

...*у Г. Мопассана этот рассказ называется “Исповедь”*... – В России произведения Мопассана переводились сразу после их публикации во Франции. В собрании сочинений (СПб., 1894. Т. 9) рассказ “Исповедь” (1883) опубликован в переводе В. Мозалевского.

С. 104. ...*отпрыск от славного рода Хлестаковых ~ сомневались, чтобы он написал “Юрия Милославского”*... – Реминисценции из комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” (действ. 3, явл. 6). “Юрий Милославский, или Русские в 1612 году” (1829) – исторический роман М.Н. Загоскина.

Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) – поэт, журналист, критик, являлся издателем и редактором ряда журналов, в том числе “Новая иллюстрация”.

Или он увидел в очерке г. Малиновского такое же переложение Г. Мопассана своими словами, какому сам г. Ясинский намерен подвергнуть философа Соловьева? – В марте 1900 г. вышел в свет первый номер журнала “Ежемесячные сочинения” И.И. Ясинского. “Сочинялся” он одним редактором-издателем, писавшим под различными псевдонимами или же вообще без всякой подписи. Еще до выхода журнала было объявлено, что в нем появится статья Вл. Соловьева, который, в свою очередь, письмом в газеты резко отрицал какое бы то ни было

участие в этом издании. В первом номере был опубликован “диалог учителя и ученика (по Вл. Соловьеву)”: Дух и плоть: Диалог // Ежемесячные сочинения. 1900. № 1. С. 29–41. В примечании к диалогу сказано, что “в уста учителя вложены подлинные мнения Вл. Соловьева – местами с сохранением благородной неуклюжести его стиля, местами в форме, которая автору казалась более удобной”. В.Г. Короленко в неподписанной рецензии назвал выход первого номера журнала “покушением на простодушного читателя при помощи беззастенчивой рекламы” (Русское богатство. 1900. № 4. С. 58. (3-я паг.)).

...когда редактором газеты или журнала становится добрейшая Мария Андреевна. – Вероятно, Андреев имеет в виду жену городничего Анну Андреевну из комедии Н.В. Гоголя “Ревизор”, которая безоговорочно верит всему, о чем рассказывает Хлестаков.

“Князь Эспер Ухтомский” и “князь Владимир Барятинский” вскоре предстанут перед судом чести союза писателей // И давно пора. Такой брани, какая возгорелась между князьями, мир не слыхал со времени делов. – Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921) – публицист и поэт, с 1896 г. редактор газеты “Санкт-Петербургские ведомости”, Барятинский Владимир Владимирович (1874–1941) – драматург, журналист, в 1899–1900 гг. издатель и редактор (вместе с К.И. Арабажиным) петербургской газеты “Северный курьер”, пользовавшейся популярностью, но просуществовавшей всего 14 месяцев. В газете “С.-Петербургские ведомости” был помещен ряд статей, посвященных национальным меньшинствам в России. Например, статья В. Гольмстрема о финнах “Пути культурного сближения” (1900. 18 янв. (9 февр.) (№ 27). С. 1–2; 31 янв. (12 февр.) (№ 3). С. 1–2) вызвала полемику на страницах газеты (см.: *Гермониус А. Культурный путь сближения // СПбВед.* 1900. 15 (27) февр. (№ 45). С. 1–2; и ответ Гольмстрема: «“Культурные” приемы жрецов истины» (Там же. 1900. 17 февр. (1 марта) (№ 47). С. 3–4)).

20 февраля была напечатана статья, посвященная еврейскому вопросу: Павлов В.Г. Мысли русского о евреях: (Из Зап. края) (Там же. 1900. 20 февр. (4 марта) (№ 50). С. 4–5). Ответом стали антисемитские статьи Б. Ренса “Мысли Ивана Петровича об евреях” (Там же. 1900. 24 февр. (8 марта) (№ 53). С. 2–3) и “О положении русского еврейства” (Там же. 1900. 4 (17) марта (№ 62). С. 3).

Газета “Северный курьер” подвергла критике публикации в “С.-Петербургских ведомостях” – в редакционной статье “Что это такое?” (1900. 25 февр. (9 марта) (№ 113). С. 2), статье В. Барятинского “Мысли и заметки” (1900. 28 февр. (12 марта). (№ 116). С. 3) и др. Между редакциями этих двух газет развернулась полемика. Редакция “Северного курьера” опубликовала открытое письмо князю Ухтомскому (1900. 7 (20) марта (№ 124). С. 2). Ухтомский ответил статьей «Добрый совет издателю “Северного Курьера”» (*СПбВед.* 1900. 8 (12) марта (№ 66). С. 1). В. Барятинский призывал кн. Ухтомского к суду чести Союза писателей (Сев. курьер. 1900. 9 (22) марта (№ 126). С. 1–2).

Полемика продолжалась. Ухтомский ответил очередным посланием (*СПбВед.* 1900. 10 (23) марта (№ 68). С. 3), а 16 (29) марта Барятинский

публикует обзор писем в свою защиту, пришедших в адрес редакции “Северного курьера” “от тысячи лиц”.

...перед судом чести союза писателей. – Союз писателей – неофициальное название Союза взаимопомощи русских писателей – профессионального объединения литераторов, существовавшего в Петербурге в 1897–1901 гг. При Союзе был учрежден суд чести, в который входили К.К. Арсеньев, В.Г. Короленко, В.А. Манассеин, А.Н. Бекетов, Вл.С. Соловьев и др.

“Я заговорил с вами как мужчина с женщиной, – пишет кн. Ухтомский, – а вы, упрекая меня в трусости (!!), прячетесь сами за женскую юбку, крича и всхлипывая, будто вас обидели как мужа и офицера...” – См.: Ухтомский Э. Кн. В.В. Барятинскому // СПбВед. 1900. 10 (23) марта (№ 68). С. 3; Он же. Добрый совет издателю “Северного курьера” // Там же. 8 (12) марта (№ 66). С. 1.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(14 марта 1900 г.)
(С. 105)

Источник текста – К. 1900. 14 марта (№ 73). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 105. “Закон Гейнце” бесспорно является знаменем времени, и Германии принадлежит только честь своевременного открытия его. – В германском рейхстаге после бурного обсуждения был принят законопроект “о нравственности”, получивший название “закон Гейнце” (Lex Heinze) по имени супругов Гейнце, профессиональных сводников, обвинявшихся в убийстве (1891). Германское правительство решило принять закон, запрещающий публично выставлять изображения обнаженного человеческого тела в местах, доступных публике, а также “обуздать” современную литературу и искусство. Усиливались постановления уголовного кодекса о порнографии: наказанием могли стать “тюремное заключение до 6 месяцев или денежный штраф до 600 марок”, а по ст. 184 в – до года тюрьмы за то же “преступление”, совершенное на театральных подмостках, причем и для директора театра, и для автора пьесы, и для актеров, которые только “станут вести себя на сцене так, что нравственное чувство зрителя будет возмущено”. Большая часть общества, многие литераторы, художники, артисты были возмущены “законом Гейнце”. В Берлине, Мюнхене и других городах прошли митинги протеста, был образован Союз имени Гете в защиту художественной и красивой наготы. Закон широко обсуждался не только в Германии, но и в российской печати: В. Е. Письмо из Берлина: Lex Heinze // Право. 1900. 28 февр. (№ 9). Стб. 475–488; [Л.]. Законопроект “Гейнце” // РВед. 1900. 2 марта (№ 61). С. 3; Розанов В. О законе Гейнце // НВ. 1900. 5 (18) мая (№ 8687). С. 2–3; Дорошевич В. За день. О нравственности // Рос. 1900. 7 (20) марта (№ 311). С. 2–3, и др.

Любопытный в этом отношении ~ И оскорбил эту стыдливость не кто иной, как Ф.И. Шаляпин... – 9 марта 1900 г. в Большом зале

Благородного собрания состоялся концерт с участием Ф.И. Шаляпина, А.Б. Гольденвейзера и С.В. Рахманинова. Первая половина вокальной части программы концерта посвящена была иностранным композиторами, во второй части исполнялись произведения русских композиторов. Пресса назвала концерт “едва ли не самым крупным событием сезона” (*Кашкин Н.* Театр и музыка // *МВед.* 1900. 11 марта).

...пропел в концерте «“Дьяка”, “Мельника” и “Блоху”». – На концерте Шаляпин исполнил: шуточную песню “У приказных ворот собирался народ” Ю.И. Блейхмана на стихи А.К. Толстого (1857); арию Мельника “Какой я мельник, я – ворон...” из оперы А.С. Даргомыжского “Русалка” (либретто А.С. Даргомыжского по одноименной драме А.С. Пушкина, 1894); “Песню о блохе” М.П. Мусоргского на текст песни Мефистофеля в погребке Ауэрбаха из трагедии “Фауст” И.-В. Гете в переводе А. Струговщикова (1880).

Собирается комиссия деятелей печатного слова и обсуждает вопрос о том, каким способом чествовать память Гутенберга, изобретателя печатного станка. – Иоганн Гутенберг – немецкий изобретатель книгопечатания, напечатавший в середине XV в. в Майнце Библию – первое печатное издание в Европе. 13 марта (№ 73) газета “Московский листок” в разделе “Из обыденной жизни” сообщала: «Инцидент разыгрался в собрании “Общества печатного дела”, члены которого собрались для того, чтобы выработать программу торжественного чествования пятисотлетия со дня рождения великого Гутенберга. Явились и репортеры. Но издатель русской газеты не русский Проппер (...) полагал, что в обществе печатного дела могут вестись такие разговоры, которые нельзя напечатать. (...) Репортеры, однако, не ушли».

Проппер Станислав Максимилианович (1855–1931) – редактор-издатель “Биржевых ведомостей”. Был биржевым маклером, в Петербург приехал из Австрии как корреспондент нескольких иностранных газет. Одно время он был близок к С.Ю. Витте. После революции эмигрировал в Германию. В последние годы жизни писал воспоминания, отрывки из них печатались в эмигрантской периодике. Отдельным изданием мемуары Проппера вышли на немецком языке под названием “То, что не попало в печать”. Умер в Гамбурге.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(16 марта 1900 г.)

(С. 107)

Источники текста:

К. 1900. 16 марта (№ 75). С. 2–3. Подпись: Л. -ев.

Пр. Т. 1. С. 53–54. Под заглавием “Сфинкс современности”.

ПССМ. Т. 6. С. 176–177. Под заглавием “Сфинкс современности”.

Печатается по тексту *К.*

С. 108. “*Контора Кука организует увеселительные поездки на театр войны. Много американцев и англичан уже выразило желание*

принять участие в поездках”, – говорят газеты. – “Кук Томас и сын” (“Thomas Cook & Son”) – известное агентство кругосветных путешествий и туризма, основанное Томасом Куком в середине XIX в. в Великобритании. “Московский листок” сообщал, что “популярная среди западноевропейских туристов фирма Кука устраивает увеселительные поездки в Южную Африку, на театр военных действий. (...) До наглости оригинальные увеселительные поездки дадут фирме хороший барыш. (...) Богатые англичане и американцы станут упиваться зрелищем крови ненавистных врагов” (1900. 16 марта (№ 76). С. 3).

...назначенные дополнительные выборы в совет присяжных поверенных. На место выбывшего Д.Н. Доброхотова необходимо избрание нового члена совета. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 27 января 1900 г.

...приобрести славу Герострата... – Герострат – грек из г. Эфес, который сжег в 356 г. до н. э. храм Артемиды Эфесской (считался одним из семи чудес света), для того чтобы обессмертить свое имя.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (18 марта 1900 г.) (С. 109)

Источник текста – К. 1900. 18 марта (№ 77). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 109. *Князь В.В. Бярятинский сообщает о получении им тысячи писем из разных концов России ~ что роняют лишь автора их*. – См.: *Бярятинский В.* Мысли и заметки // Сев. курьер. 1900. 16 (29) марта (№ 133). С. 3. О полемике между редакциями газет “Северный курьер” и “С.-Петербургские ведомости” см. в коммент. к фельетону “Впечатления” от 12 марта 1900 г.

“Обращаясь ныне к общественному мнению, я не замедлю уведомлять его о последующем течении этой тяжкой борьбы”. – Цитата из “Письма к редактору” председателя наблюдательного комитета Московского городского кредитного общества А.С. Шмакова (Моск. листок. 1900. 17 марта (№ 77). С. 2). В письме Шмакова говорилось о препятствиях в его работе со стороны комиссионеров Кредитного общества. На следующий день, 19 марта в рубрике “Московская жизнь” сообщалось: “...Наблюдательный комитет Московского городского кредитного общества (...) единогласно постановил выразить председателю комитета А.С. Шмакову сожаление по поводу причиняемых ему нравственных волнений и полное сочувствие его безупречной деятельности...” (Моск. листок. 1900. 19 марта (№ 79). С. 2). В дальнейшем на страницах “Московского листка” неоднократно печатались письма Шмакова в связи с его деятельностью в наблюдательном комитете.

С. 110. “Кредитка” – Московское городское кредитное общество.

Гренадер (фр. grenadier) – в царской русской и в некоторых иностранных армиях солдат или офицер отборных (по высокому росту) пехотных или кавалерийских частей.

“Иные погибли в бою, иные ему изменили и продали шпагу свою”. – Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова “Воздушный корабль” (1840), являющегося переработкой стихотворения австрийского поэта-романтика И.-Х. Цедлица “Das Geisterschiff”: “Иные погибли в бою, / Другие ему изменили / И продали шпагу свою”. Как романс, музыку к которому писали Н.Н. Мясоедов и др. композиторы, известен с 1860-х годов.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(19 марта 1900 г.)
(С. 111)

Источник текста – К. 1900. 19 марта (№ 78). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 111. Пули дум-дум – разрывные пули с неполной (открытой) или надпиленной оболочкой, причиняющие очень тяжелые ранения, названные так по первоначальному месту изготовления – предместью Калькутты Дум-Дум (Индия). Впервые стали использоваться во время Англо-бурской войны.

...владелица фабрики 2-жа Панкратова... – См.: [Б. н.] Фабрикация “пасхальных” яиц // РВед. 1900. 17 марта (№ 76). С. 3 (Московские вести). Полицией было установлено особое наблюдение за изготовлением пасхальных яиц и произведен санитарный осмотр кондитерского заведения крестьянки Анны Васильевны Панкратовой, в доме Муратова на Переяславской улице. В результате поиска было найдено около 1000 штук пасхальных яиц. Приготовленные яйца раскрашивались простыми масляными красками – “умброй”, а чтобы придать блеск “шоколадные” яйца покрываются черным экипажным лаком. В состав этих яиц входили также квасцы и грязный воск и т. п. Присутствующий при осмотре врач нашел, что пасхальные, шоколадные и сахарные яйца и материал для изготовления начинки для конфет вредны для здоровья потребителей, вследствие чего все эти продукты были уничтожены на месте. Кроме того, помещение кондитерской “найдено содержащимся в исключительно грязном виде”. За все это Панкратову привлекли к ответственности.

Терр-де-сиен (фр. terre de sienne) – темно-желтая минеральная краска.

Умбра (лат. umbra – тень) – коричневая минеральная краска.

Квасцы – название различных двойных сернокислых солей (марганца, алюминия и др.), употребляемых в технике как дубящее, а также в медицине как дезинфицирующее вещество.

Грязный воск – неочищенный воск.

С. 112. *Если бы у того петербургского чиновника, который бросился на своего начальника с закрытым перочинным ножом и кричал: “Место, ваше превосходительство! Да когда же вы дадите место, ваше превосходительство?”...* – Н.А. Энгельгардт в одной из статей цикла “Из дневника”, печатавшегося сначала в газете “Русь”, а затем в “Но-

вом времени”, вспоминал о коллежском секретаре, “нападающем среди бела дня в присутственном месте на начальника с угрозами и насилием и с нераскрытым перочинным ножом в руке”. Коллежский секретарь был арестован и отдан под суд. Энгельгардт объяснял случившееся тем, что «получившие образование молодые люди, всех сословий притом, не могут просуществовать без “места”, какого-нибудь “места”» (НВ. 1900. 13 (26) марта (№ 8636). С. 3).

...*поселиться в вяземской лавре...* – Так называемая Вяземская лавра – одно из самых нищих и криминальных мест С.-Петербурга, часть квартала между Сенной пл., р. Фонтанкой и Забалканским просп. Задворки запущенного и заброшенного “Фонтаночного дома” (как прозвали его местные жители) кн. Вяземского представляли собой комплекс из 13 флигелей, разделенных разными закоулками, проходными и глухими дворами. Во флигелях, выходивших на проспект, размещались семейные бани, портерные, трактир, питейный дом и прочие мелкие торговые заведения, во дворе – чайная, постоялый двор, мастерские. Здесь снимали квартиры отставные солдаты и бывшие крестьяне. Они пускали к себе множество жильцов (иногда до 40 человек): нищих, тряпичников, дешевых проституток, мастеровых с низким заработком и т. п. Жили не только в комнатах, но и в кухнях, прихожих; кровати почти не было: спали на полу, а кустики – на собственных верстаках. В “лавре” не было водопровода; дворник носил воду из чанов во дворе, отхожие места – в сенях, скученность невероятная. “Вяземская лавра” слыла местом, куда было опасно заходить “приличной” публике: здесь могли избить, обокрасть. Здесь незаконно торговали водкой. Дом кн. Вяземских исчез незадолго до Первой мировой войны (подробнее см.: *Свешников Н.И.* Петербургские Вяземские трущобы и их обитатели: Оригинальный очерк с натуры. СПб., 1900; *Анциферов Н.П.* Улица рынков // По очагам культуры. Л., 1926. С. 57–108).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(22 марта 1900 г.)

(С. 113)

Источник текста – К. 1900. 22 марта (№ 81). С. 3. Подпись: Л. -ев.

О полемике между редакциями газет “Северный курьер” и “С.-Петербургские ведомости” см. в фельетоне “Впечатления” от 12 марта 1900 г. и коммент. к нему.

С. 113. *А на другой день появится или “особое мнение” кого-нибудь из сотрудников...* – См.: *Селиванов Н.А.* Письмо к издателю // Сев. курьер. 1900. 10 (23) марта (№ 127). С. 2–3.

...*или сам кн. Барятинский сообщает о получении им тысячи писем.* – См.: *Барятинский В.* Мысли и заметки // Сев. курьер. 1900. 16 (29) марта (№ 133). С. 3.

Ведаться – иметь дело с кем-либо (устар.).

...г. Арабажин выступил против "России", которая, сидя в стороне, посмеивалась то над тем, то над другим. – В газете "Россия" в рубрике "За день" был напечатан фельетон В.М. Дорошевича, высмеивающий спор князей: *Дорошевич В.* Повесть о том, как Иван Иванович Бярятинский поспорил с Иваном Никифоровичем Ухтомским // *Рос.* 1900. 13 (26) марта (№ 317). С. 2. 18 (31) марта там же была опубликована статья без подписи "Переутомленный труженик", обращенная к Бярятинскому и Арабажину: "Кто вы такие? Что такое кн. В. Бярятинский? Что такое г. Арабажин? О первом хоть сколько-нибудь знают, ну а Арабажин-то?! Ведь это в полном смысле слова таинственный незнакомец, голос из оврага..." Свой ответ К.И. Арабажин адресовал сотрудникам газеты "Россия" А.В. Амфитеатрову, В.М. Дорошевичу и Г.П. Сазонову. Он писал, что «не является таинственным незнакомцем, к примеру, для Академии наук, которая признала меня по рецензии А.П. Пыпина достойным малой Уваровской премии за монографию по польской литературе (Казимир Бродзинский); для педагогического общества, где я последние четыре года был избираем в товарищи председателя и председателем правления СПб. педагогического общества взаимопомощи, для СПб. комитета грамотности. Я редактировал издание басен И. Крылова. Мои статьи и заметки помещены в разных периодических изданиях: "Русская старина", "Энциклопедический словарь", "Русские писатели", "Заря", "Русская жизнь", "Образование" и др.» (*Арабажин К.* Вынужденное объяснение // *Сев. курьер.* 1900. 19 марта (1 апр.) (№ 136). С. 3).

На следующий же день "Россия" ответила "господину Арабажину"... – См.: *Почтальон.* Господину Арабажину // *Рос.* 1900. 20 марта (2 апр.) (№ 324). С. 2. Позднее появилась еще одна статья Дорошевича: Дело по обвинению А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича в убийстве малолетнего кн. В.В. Бярятинского и ХХ (Икса Иксовича) Арабажина // *Рос.* 1900. 23 марта (5 апр.) (№ 327). С. 2–3.

С. 114. *Была одна так называемая "кредитка", мужественно отстаивавшаяся от врагов...* – См. коммент. к фельетону "Впечатление" от 18 марта 1900 г.

Вы к нам, а мы к вам, – говорило правление комитету, пародируя Щедрина, – полегоньку да помаленьку. – Реминисценция из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы" (1875), гл. "По-родственному": "– По-родственному! Мы к вам, вы к нам... по-родственному!" (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1988. Т. 6. С. 102).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (23 марта 1900 г.)

(С. 115)

Источник текста – *К.* 1900. 23 марта (№ 82). С. 2. Подпись: Л. -ев.

С. 115. *В недавно вышедшем отчете консультации помощников при- сяжных поверенных...* – См.: *Гессен И.* Отчет о деятельности консультации пом. пр. поверенных при Московском мир. съезде за 1899 год //

Право. 1900. 12 марта (№ 11). Стб. 579–582. См. также заметку “Консультация помощников присяжных поверенных”, фельетон “Впечатления” от 1 февраля 1900 г. и коммент. к ним.

Ремингтон – пишущая машинка. В 1867 г. в США была создана “writing machine” (“пишущая машина”), на базе которой в 1873 г. американская фирма “Ремингтон” (основатель – Фило Ремингтон) начала их серийное производство. Представительством этой фирмы в России в начале XX в. было Товарищество на паях Ж. Блок.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(25 марта 1900 г.)
(С. 117)

Источник текста – К. 1900. 25 марта (№ 84). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 117. ...г. *Шмаков* пришел к крайне оригинальному и смелому выводу. – См. коммент. к фельетонам “Впечатления” от 4 и 18 марта 1900 г. ...*тму эту можно назвать египетской.* – Тьма египетская – выражение, возникшее из библейского рассказа о сверхъестественной темноте, одной из “казней египетских” (Исх 10: 21–29).

X-лучи – рентгеновские лучи, открытые немецким физиком В.К. Рентгеном в 1895 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(26 марта 1900 г.)
(С. 118)

Источник текста – К. 1900. 26 марта (№ 85). С. 4. Подпись: Л. -ев.

С. 118. *Второе собрание членов русского театрального общества...* – В 1887 г. было организовано Общество взаимного вспоможения русских артистов. После отмены монополии императорских театров в 1883 г. оно преобразовалось в новое объединение – Общество для пособия нуждающимся сценическим деятелям, основной задачей которого являлось содействие развитию театрального дела и защита интересов работников театра, с 1894 г. стало именоваться Русским театральным обществом. С 22 по 25 марта 1900 г. в Москве в помещении Малого театра состоялось общее собрание его членов, в программе которого были: доклад совета о ходе работ по резолюциям Первого всероссийского съезда русских сценических деятелей, состоявшегося 9–13 марта 1897 г. в Москве; рассмотрение нового устава Русского театрального общества; выработка основных положений проектируемого Союза русских сценических деятелей. Было принято решение, что общество должно быть преобразовано в союз профессиональных сценических деятелей, куда должны были войти предприниматели, распорядители

товариществ, режиссеры, актеры, оркестровые музыканты, суфлеры, декораторы, машинисты, плотники, драматические писатели и художественные критики. Членство последних в союзе вызвало бурные дебаты. Органами управления будущего союза признавались: 1) общее годовое собрание членов в Москве в течение Великого поста; 2) чрезвычайные собрания по мере надобности; 3) центральное управление Союза в Москве, состоящее из 7 членов, приглашаемых на жалованье на 3 года; 4) филиальные отделения Союза, учреждаемые в разных местах и по мере надобности; 5) уполномоченные, действующие в разных местах и по инструкциям центрального управления. Цензом для будущих членов союза была признана трехлетняя сценическая деятельность (подробный отчет о собрании см.: *Вакулин В.* Московские впечатления // Театр и искусство. 1900. № 13. С. 265–267; № 14. С. 280–281).

...и полная победа многоголовой комиссии. – На собрании была избрана комиссия, занимавшаяся разработкой проекта устава Союза русских сценических деятелей.

Кремлев Анатолий Николаевич (1859–1919) – адвокат, артист, общественный деятель, писатель. Был мировым судьей в Казани, затем присяжным поверенным в Петербурге. Много играл на провинциальных сценах. Кроме публицистических и юридических статей, писал стихи и исторические драмы. Страстный пропагандист Шекспира, читал лекции о его творчестве. На собрании был членом комиссии по разработке проекта устава Союза русских сценических деятелей.

Молчанов Анатолий Евграфович (1856–1921) – известный театральный деятель. Окончил курс Училища правоведения, был чиновником особых поручений при директоре Императорских театров, позднее заведовал постановочным отделением. Был избран председателем совета Русского театрального общества. Вместе с П.П. Гнедичем основал “Ежегодник императорских театров”. Муж актрисы М.Г. Савиной. На собрании был избран председателем.

С. 119. *Никулин* (наст. фам. Олькеницкий) Вениамин Иванович (1866–1953) – известный антрепренер, актер. На собрании был избран в комиссию по разработке проекта устава Союза русских сценических деятелей.

С. 120. *Марковский* Виктор Адамович (1856–1910) – театральный деятель. Закончил ветеринарный институт при Медико-хирургической академии в Петербурге, работал ветеринарным врачом. С 1892 г. стал работать в театре. Один из создателей общедоступного театра в Саратове. Был избран товарищем председателя собрания.

Антрепренер (фр. entrepreneur) – предприниматель, частный содержатель театра, цирка и т. п.

При вопросе о товарищеском суде... – Большинство голосов собрание приняло положение о суде при Союзе сценических деятелей: в каждой труппе должен быть открыт товарищеский суд на началах третейского суда. Кроме того, для актеров, не желающих подвергаться суду товарищей, утвержден особый суд – постоянный суд из пяти человек при Центральном управлении Союза, состоящий из лиц, выбранных сроком на один год. Наивысшей судебной инстанцией, в которой можно

обжаловать постановления товарищеского и постоянного судов, служит годовое Общее собрание членов Союза. Карательными мерами, которые будет налагать суд, станут: замечание, выговор, временное удаление из Союза, совершенное исключение.

...г. Кремлев сообщил, что его ни разу не судили в совете присяжных поверенных. – В каждом округе судебной палаты существовал совет присяжных поверенных, который совмещал обязанности административного и судебного характера: совет осуществлял наблюдение за точным исполнением присяжными поверенными своих обязанностей, исполнением ими законов, установленных правил и пр. В обязанности совета входило рассмотрение жалоб на действия присяжных поверенных и определение дисциплинарных наказаний для них.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(27 марта 1900 г.)
(С. 121)

Источник текста – К. 1900. 27 марта (№ 86). С. 4. Подпись: Л. -ев.

С. 121. *Вечернее собрание гг. сценических деятелей...* – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 26 марта 1900 г.

...московском бюро... – Русское театральное общество имело театрально-статистическое бюро в Санкт-Петербурге и Москве, а также биржу театрального труда.

С. 122. ...на лекцию Г.Е. Афанасьева “О денежном кризисе”. – Афанасьев Георгий Емельянович (1848–1925) – историк, журналист, общественный деятель. Окончил курс в Одесском университете. С 1888 г. приват-доцент кафедры всемирной истории Новороссийского университета в Одессе, интересовался преимущественно экономическими вопросами. В 1896–1918 гг. был управляющим отделением Государственного банка Российской империи в Киеве. Работая директором банка, Афанасьев также возглавил Товарищество взаимного кредита, открыл в Киеве коммерческое училище, занимался благотворительной деятельностью, читал публичные лекции по истории и экономике. Лекция “О денежном кризисе” вышла отдельным изданием в Киеве в 1900 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(30 марта 1900 г.)
(С. 123)

Источник текста – К. 1900. 30 марта (№ 89). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 123. *Общество содействия к устройству общеобразовательных народных развлечений одержало победу.* – На заседании 28 марта 1900 г. Московской городской думы было рассмотрено и утверждено ходатай-

ство Общества содействия к устройству общеобразовательных народных развлечений о предоставлении ему свободных участков городской земли в Сокольниках и на Девичьем поле во временное пользование для устройства “общеобразовательных народных развлечений” (см.: [Б. п.] По городской думе // Моск. листок. 1900. 29 марта (№ 89). С. 3; Журнал Московской городской думы за 1900 год. М., 1901. С. 48–49; подробнее о дебатах по этому вопросу см.: [Б. п.] В думе // К. 1900. 29 марта (№ 88). С. 3). Общество было учреждено в 1898 г. и занималось устройством спектаклей в различных районах Москвы: на Старом гулянье, в Сокольниках, рядом с традиционными местами народных гуляний, приобщая московский люд к творчеству русских и зарубежных классиков. Торжественное открытие устраиваемых обществом увеселений в Сокольниках состоялось 7 июля 1901 г.

...являются столь же избитым и общеизвестным местом, как “разговоры об отсутствии” хороших мостовых, водопровода и т. п. – Недостаточное водоснабжение, отсутствие мостовых и др. проблемы большого города, каким к концу XIX – началу XX в. стала Москва, а также попытки городских властей решить эти проблемы широко обсуждались на страницах московских газет. Андреев неоднократно возвращался к ним в своих фельетонах. См., например, фельетоны Андреева “Впечатления” от 4 мая, 19 октября 1900 г., а также коммент. к ним.

...тот едва ли пожалеет об упразднении балаганов и других приютов. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 18 февраля 1900 г.

...воинственно-нелепые пьесы “народных театров”... – Пьесы, которые ставились в балаганах, зачастую представляли собой грубые переделки произведений русской классики (Пушкина, Лермонтова и др.), или же сюжетом пьес служили события отечественной истории. В балаганных представлениях использовались шумные театральные эффекты: барабанный бой, стрельба, бенгальские огни и т. п.

...добродушно-наивные выходки балаганных дедов. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 18 февраля 1900 г.

...пожар в Апраксином переулке. – В газете опечатка: “в Апраксином...”. Пожар с большим числом жертв произошел 17 января 1900 г. в Петербурге в доме № 19 по Апраксину переулку. Виной тому стали неосторожность хозяина одной из квартир, а также небрежность городских властей (вытяжные трубы в доме были деревянными, не было пожарной сигнализации, наружных железных лестниц и т. п.). “Одни заживо жарились, другие кидались с пятого и шестого этажа и разбивались вдребезги”. У пожарных “брзенты малы, – выкидывавшиеся из окон не попадали в них, а пролетали мимо. Лестницы коротки – до пятого этажа достали, а до шестого не могли”, – сообщал Скептик в газете “Гражданин” (Скептик. Вслух // Гр. 1900. 23 янв. (№ 6). С. 11–12). О пожаре также см.: [Б. п.] Пожар в Апраксином переулке // НВ. 1900. 18 (20) янв. (№ 8582). С. 3.

И когда гласный Н.А. Алексеев по поводу маленького театрала в Сокольниках говорил очень много об издании обязательных поста-

новлений для театров вообще... – Алексеев Николай Алексеевич (1862–?) – московский мещанин, инженер путей сообщения, гласный Московской городской думы (с 1889). В Думе проявлял активность в работе комиссий, связанных с экономической деятельностью общественного самоуправления, избирался председателем Бюджетной комиссии. Н.И. Астров, состоявший городским секретарем и хорошо знавший “кухню” Городской думы, писал, что Алексеев, считавший себя “выдающимся оратором”, “...заводил свою речь издали, оснащал ее цветами красноречия, и иностранными словами. Становясь в позу обличителя, ядовито требовал объяснений от управы...” (*Моск. власть*. С. 82–83).

Ближе к делу возражал гласный А.П. Максимов, откровенно отрицавший самую необходимость в театре. – Максимов Александр Павлович (1845–1910) – почетный гражданин г. Москвы, владелец торгового дома “Братья Максимовы”. Принадлежал к числу гласных, имевших лишь начальное образование, но знавших и любивших Москву. По воспоминаниям Н.И. Астрова, Максимов – “конфетный фабрикант, необразованный, но умный и хитрый мужик... большой клерикал, патриот, но и знаток родного города... к любимым его занятиям относится сестя на империал и развезжать по Москве, и глядеть на что глаза глядят...” (цит. по: *Писарькова Л.Ф.* Московская городская дума, 1863–1917. М., 1998. С. 132). Максимов, “со своим несравненным, ярким, образным языком имел часто больший успех в Думе, чем лучшие ораторы и златоусты” (*Астров Н.И.* Воспоминания. Париж, 1941. С. 262; подробнее о нем см.: *Моск. власть*. С. 424–425).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (4 апреля 1900 г.) (С. 125)

Источник текста – К. 1900. 4 апр. (№ 94). С. 2–3. Подпись: Л. -ев.

С. 125. *Вчера появилась у нас заметка о том, что московское общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий начинает функционировать...* – См.: [Б. п.] Московские вести // *РВед.* 1900. 3 апр. (№ 93). С. 3. Московское общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий (располагавшееся по адресу: Б. Никитская, дом кн. Шаховского) было учреждено в 1898 г. Общество выдавало членам безвозвратные денежные пособия и ссуды, оказывало помощь в поисках места, бесплатную медицинскую помощь. Членами его могли быть учителя, воспитатели, инженеры, врачи и пр.

...адвокаты устраивали свою кассу... – Имеются в виду кассы взаимопомощи.

С. 126. *...брошюрку г. Демчинского...* – См.: *Демчинский Н.А.* Возможность точного предсказания погоды на какое угодно время вперед. СПб., 1900. Демчинский Николай Александрович (1851–1915) – инженер путей сообщения, писатель, журналист. С 1900 г. сотрудник “Нового вре-

мени”, в 1901–1904 гг. издавал журнал “Климат”. Демчинский выдвинул научно несостоятельную гипотезу о зависимости погоды от фаз Луны и публиковал свои долгосрочные прогнозы погоды, служившие мишенью для фельетонистов (см., например, в газете “Новое время” рассказ о выступлении инженера Демчинского 29 февраля 1900 г. в Географическом обществе с докладом о погоде (1900. 2 (15) марта (№ 8625). С. 4)).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(5 апреля 1900 г.)
(С. 127)

Источники текста:

К. 1900. 5 апр. (№ 95). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Юр. Т. 1. С. 5–10. Под заглавием “Разные дороги”, с ил. Ре-ми.

Пр. Т. 1. С. 220–223. Под заглавием “Весна”.

ПССМ. Т. 6. С. 266–268. Под заглавием “Весна”.

Печатается по тексту *К.*

С. 127. *Балльник* – ведомость об отметках и поведении ученика.

С. 128. *Орлик* – река в городе Орле.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(9 апреля 1900 г.)
(С. 130)

Источники текста:

К. 1900. 9 апр. (№ 99). С. 2. Подпись: Л. -ев.

Зн. Т. 3. С. 110–114. Под заглавием “Прекрасна жизнь для воскресших”.

Пр. Т. 2. С. 281–286. Под заглавием “Прекрасна жизнь для воскресших”.

ПССМ. Т. 7. С. 251–253. Под заглавием “Прекрасна жизнь для воскресших”.

Печатается по тексту *К.*

Об этом фельетоне высоко отозвался сотрудник “Курьера” С.С. Голоушев в письме, полученном Андреевым после публикации фельетона и переписанном им в дневник: «Не могу удержаться, чтобы не послать Вам своего горячего привета за Ваше “Душевное кладбище” (пасхальные “Впечатления”). Это одна из лучших страниц, написанных Вами. Я их вырезал и вклеил в тетрадку, куда идут вещи мне дорогие...» (*Дн9.* С. 210).

В рецензии на третий том сочинений писателя Ю. Глаголин не только упоминает рассказ, напечатанный в этом томе, но и использует его название в качестве определения одного из *типов* героев Андреева – “воскресших”. К ним он относит героев рассказов “Христиане”, “Праздник”, “Весенние обещания!”, “Весной”...

«Таким образом из рассказов Андреева можно бы сделать глубоко пессимистический вывод о страданиях печальной и грустной земли, о муках людей, о раскрывающей(ся) бездне зла, преступлений, грубых, слабых людей... Но Андреев (...) знает, что земля имеет радости, свет, солнце, наслаждение искусством, порывы любви и радость обновленной жизни. И он поднимает тяжелую завесу человеческой юдоли и утверждает радостно и гордо: “Прекрасная жизнь для воскресших!” Те, кто в свете солнца, в радости праздника, в чистой любви – нашел примирение с жизнью, кто почувствовал внезапно пробуждение и просветление – тот будет жить, будет любить и наслаждаться жизнью» (*Глаголин Ю. “Мелкие рассказы”*. Л. Андреев. III том сочинений // Перестрой. Пенза, 1906. 10 июня (№ 111). С. 2–3).

Позднее, рассуждая об эволюции писателя, Т. Ганжулевич в своей книге отмечает: “Уже в первый период творчества своего Л. Андреев подходит иногда к литературе настроений, и, хотя все еще маскирует настроение бытом, – сквозь туманную оболочку внешнего мира, окутывающего рассказ, оно просвечивает уже как душа рассказа” (*Ганжулевич Т. Русская жизнь и ее течение в творчестве Леонида Андреева*. СПб., 1908. С. 13). По мнению критика, в рассказе “Прекрасна жизнь для воскресших” быта уже нет совсем и Л. Андреев “вплотную подходит к приемам декадентства. Но отвлеченные образы, воплощенные им в реальную оболочку, вместе с ней захватывают в себя дух жизни и перестают быть бледными тенями. Стоя на тонкой грани мира реального и запредельного, Л. Андреев удерживает свое творчество от беспочвенного полета простотою и реальностью внешнего описания, в которое заключены у него отвлеченные идеи. (...) Эта простота и непосредственность внешних приемов при возвышенной отвлеченности внутреннего содержания отделили навсегда творчество Л. Андреева от декадентства, ушедшего в беспочвенные переживания и потерявшего всякую связь с действительностью” (Там же).

При жизни автора в качестве рассказа был переведен на финский (1906), французский (1906), сербский (1907), хорватский (1907, 1908, 1911), английский (1910, 1916 – дважды) языки и на идиш (1908, 1912).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(13 апреля 1900 г.)

(С. 133)

Источник текста – К. 1900. 13 апр. (№ 102). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 133. *Те же народные театры, те же балаганы, панорамы, карусели и клоуны. И остроты все те же...* – См. коммент. к фельетонам “Впечатления” от 18 февраля и 30 марта 1900 г.

Пестрядинная рубаха – рубаха из пестряди, грубой льняной или хлопчатобумажной ткани из разноцветных ниток, обычно домотканой.

С. 134. *...ноги его выдвигают самые замысловатые и неожиданные курбеты...* – Курбет – прыжок верховой лошади с поджатыми передними ногами.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(14 апреля 1900 г.)
(С. 135)

Источник текста – К. 1900. 14 апр. (№ 103). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 135. ...*родимые дети хитровских ночлежных домов...* – Хитровка (Хитров рынок) – район в центре Москвы, известный своими ночлежными домами, трущобами, трактирами, рынком, долговой тюрьмой-ямой и т. п. В 60-е годы XIX в., когда в город хлынули в поисках работы крестьяне-бедняки, на Хитровом рынке образовалась биржа ищущих поденную и сезонную работу, а вокруг появились ночлежки, кабаки, жалкие лавчонки.

Просматривая последний номер “Нового времени”, я встретил в хронике такого рода заметку... – См.: [Б. н.] Хроника // НВ. 1900. 12 (25) апр. (№ 8664). С. 9.

...*в ночлежном приюте Е.П. Макокина...* – Частная ночлежка в доме Е.П. Макокина находилась в Петербурге, на углу 7-й роты Измайловского полка (ночлежники прозвали ее “гостиница графа Морковкина”), и была рассчитана на 1000 человек. На рубеже XIX и XX вв. в Петербурге было около 20 ночлежек, часть из них была создана городскими властями, часть – частными лицами. Условия в частных ночлежках были гораздо хуже, чем в городских: грязь и духота, насекомые не давали человеку уснуть, набивалось огромное количество народа. Однако порядки в частных ночлежных домах были менее жесткими: в городские пускали только по паспорту и не ранее 9 часов вечера, а в 6 утра уже выставляли на улицу, в частные ночлежки зимой пускали уже в сумерках.

...*1 участка нарвской части.* – В начале XIX в. Петербург был поделен на 12 полицейских частей, одна из которых – Нарвская – получила свое название по почтовому тракту на Нарву и Ревель (ныне Таллин).

С. 136. ...*в манеже на цветочной выставке г. Золотарского.* – Гулянье в Манеже с выставкой цветов под названием “Цветочный праздник” с участием хора “Баян” устраивалось московским садоводом, почетным гражданином г. Москвы, известным купцом-благотворителем Александром Ивановичем Золотарским (1850–1907) (рекламу см.: Моск. листок. 1900. 7 апр. (№ 98). С. 3).

Признаюсь, я шел в манеж с некоторым страхом. В последний раз пришлось мне быть в нем на масляной неделе, когда г. Омон устраивал там многообразные и веселые зрелища. – Масляная неделя, или сырная седмица (масленица) – неделя перед началом Великого поста, от Недели сыропустной до Прощеного воскресенья.

Шансонетные певицы – в русском дореволюционном театре: эстрадная певица, исполняющая песенки игривого, часто фривольного содержания.

...пантомима из бурской жизни... – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 18 февраля 1900 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(17 апреля 1900 г.)
(С. 137)

Источник текста – К. 1900. 17 апр. (№ 106). С. 2–3. Подпись: Л. -ев.

С. 138. *Конка* – конный трамвай. Первая линия конного трамвая в Москве была открыта в 1872 г. В 1875 г. создано Первое общество конно-железной дороги в Москве, в 1885 – бельгийское Главное общество конно-железной дороги, которые проложили линии конки по Бульварному и Садовому кольцу и от центра к окраинам (на Воробьевы горы, в Бутырки, Дорогомилово и др.). В 1900 г. их протяженность составляла около 90 км, число вагонов – 241. Сатирическое изображение конки как мучительно медленного вида транспорта нашло свое отражение в не опубликованном при жизни Андреева рассказе “Исповедь умирающего” (см. т. 1 наст. изд., с. 251–255).

...на империял взобралась пара мужиков... – Вагоны конки были двухэтажными, верхний, куда вела узкая винтовая лестница, назывался “империял”. Женщин туда не пускали.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(20 апреля 1900 г.)
(С. 140)

Источник текста – К. 1900. 20 апр. (№ 109). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 140. В “Новом времени” некто г. Гамаюн открывает отдел житейской философии... – 18 апреля (1 мая) (№ 8670) 1900 г. в “Новом времени” был напечатан памфлет писателя и драматурга И.Л. Леонтьева (за подписью Гамаюн) “Карманный философ”, в котором предлагались способы получения хорошего гонорара. В статье упоминалась одна из дам-писательниц, которая умела это делать, – Катишь Чепелкина. В заключение автор делал вывод, что “порядочность (...) в наше время, милый друг, это совсем непозволительная роскошь!!”.

С. 141. ...назначены новые собрания присяжных поверенных для дополнительных выборов члена совета. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 27 января 1900 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(22 апреля 1900 г.)
(С. 142)

Источник текста – К. 1900. 22 апр. (№ 111). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 142. *Ретина* (лат. retina) – внутренняя задняя часть глазного яблока, воспринимающая световые впечатления (мед.), сетчатка (в газете опечатка: ретуна).

С. 143. *Хитровец* – босяк, житель Хитровки. См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 14 апреля 1900 г.

И с этой точки зрения картина С.В. Иванова на передвижной выставке “Этюд из арестантской жизни” заслуживает серьезного внимания. – Иванов Сергей Васильевич (1864–1910) – русский художник и график, мастер русского бытового жанра и исторической картины. Много путешествовал по России вместе с крестьянами, покидавшими родные места в поисках лучшей доли. Запечатлел сцены их жизни в нарочито тусклых, “скорбных” по колориту картинах о переселенцах. С 1899 г. член Товарищества передвижников. 28-я передвижная выставка проходила в Петербурге с 27 февраля по 2 апреля; в Москве – с 10 апреля по 14 мая. На выставке под № 61 был представлен “Этюд. Из арестантской жизни” С. Иванова. Кроме того, на выставке была выставлена его картина “Из смутного времени”.

С. 144. *Онуча* – кусок плотной материи, которой обертывают ногу при ношении лаптей или сапог.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(24 апреля 1900 г.)
(С. 145)

Источник текста – К. 1900. 24 апр. (№ 113). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 145. *На картинной выставке С.-петербургского общества художников...* – С.-Петербургское общество художников – объединение, созданное группой художников академического направления. Регулярно устраивало выставки в Петербурге, Москве и других крупных городах, которые хорошо посещались.

Штембер (Штемберг) Виктор Карлович (1863–1921) – русский художник, модный и популярный в Москве портретист.

С. 146. *Сильным настроением проникнута картина И.Ф. Порфирова “Магдалина”.* – В каталоге выставки эта картина не указана. Порфилов Иван Федорович (1866 – после 1919) – русский живописец. Окончил Академию художеств, затем обучался в Риме. По возвращении на родину время от времени устраивал выставки своих произведений, не более чем по одной картине в год: “Фрина”, “Даная”,

“Мессалина”. В 1897–1898 гг. писал картоны для мозаик храма Воскресения Христова.

...в истории с корреспондентом Сосновским... – 23 июля 1899 г. газета “Новороссийский телеграф” опубликовала статью своего корреспондента Владимира Сосновского, в которой он неслестно отозвался о поселенцах-болгарах села Катаржино, Тираспольского уезда. Поселенцы, по его словам, “сохраняют все несимпатичные свойства национального характера”: хитрость, склонность к интригам и т. д. Коснулся он и деятельности волостного старшины Райчева. Статья вызвала бурю негодования в селе. В отместку старшина Райчев подговорил двух поселян, Кириллова и Шаглия (заплатив им 1 рубль) убить корреспондента. Дело об убийстве Сосновского рассматривалось в Тирасполе выездной сессией Одесского окружного суда 21 апреля 1900 г. Суд приговорил Кириллова и Шаглия к 10 годам каторги, а Райчева – к 12 (см.: [Б. н.] Убийство корреспондента // *РВед.* 1900. 26 апр. (№ 115). С. 3. (Судебная хроника)).

Брави (итал. *bravi*, множ. число от *bravo* – храбрый, смелый) – так назывались в XVII–XVIII вв. в Италии авантюристы, совершавшие за условленную плату всякого рода преступления. Слово связано с названием популярного в России приключенческого романа Джеймса Фенимора Купера “Браво, или В Венеции” (1831).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(1 мая 1900 г.)

(С. 147)

Источник текста – К. 1900. 1 мая (№ 120). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 147. ...календарь, изданный Сытиным... – Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) – русский издатель-просветитель. Издательскую деятельность начал в Москве в 1876 г., с 1884 г. печатал книги издательства “Посредник”; учебники, научно-популярные книги, дешевые издания собраний сочинений классиков русской литературы, энциклопедии, народные календари и др. К началу XX в. издательство Сытина было крупнейшим в России.

С. 148. *Скончался журнал “Звезда”*... – “Звезда” – еженедельный художественный, литературный иллюстрированный журнал, издавался в Петербурге в 1886–1905 гг. С апреля 1900 г. он не выходил, очередной номер появился только в 1901 г. В журнале “Звезда” был опубликован первый рассказ Андреева “В холоде и золоте” (1892. № 16).

Теперь издатель журнала г. Животов пишет... – Андреев не совсем точно цитирует письмо Н. Животова в газету “Петербургский листок”, опубликованное 24 апреля (7 мая) (№ 111). Животов Николай Николаевич (1858–1900) – писатель, сотрудник ряда петербургских изданий, в том числе и журнала “Звезда”. Животов стал известен тем, что примерял на себя жизнь человека из низших слоев общества: ста-

новился то извозчиком, то факельщиком, а затем рассказывал публике об увиденном в выпусках своих “Петербургских профилей”.

...по свидетельству проф. Афанасьева... – См. коммент. к судебному отчету “Неосторожность” от 6 ноября 1897 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(2 мая 1900 г.)

(С. 149)

Источники текста:

К. 1900. 2 мая (№ 121). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Пр. Т. 1. С. 95–97. Под заглавием “Шалости прогресса” (в качестве начала очерка).

ПССМ. Т. 6. С. 196–197. Под заглавием “Шалости прогресса” (в качестве начала очерка).

Печатается по тексту К.

С. 149. ...я совершенно равнодушен к парижской выставке. – Парижская всемирная выставка торжественно открылась 1 апреля 1900 г. Корреспонденты газет подчеркивали ее грандиозность. Россия была представлена во всех 18 группах выставки. В ее художественном отделе, в Большом дворце, было выставлено до 300 картин, 150 произведений скульптуры и довольно значительное количество офортов (Шишкин, Поленов, Репин, Айвазовский, Антокольский, Васнецов, Суриков и др.). Самый богатый и обширный отдел русской выставки – это отдел окраин (туркестанские ковры, сибирские меха, коллекция чучел северных животных и птиц, алтарь буддийского храма и т. д.). Кн. Ухтомский привез роскошную коллекцию разных принадлежностей буддийского культа и “очень боялся, как бы не растащили его болванчиков”. См.: К. Иностранные известия. На выставке // *РВед.* 1900. 5 апр. (№ 95). С. 3; 12 апр. (№ 101). С. 4; *Буква.* Петербургские наброски. Петербург, Париж и выставка // *РВед.* 1900. 16 апр. (№ 105). С. 3.

У меня нет дома-палаццо на Воздвиженке... – Палаццо (*итал.* palazzo) – дворец, особняк. Воздвиженка – улица в Москве, здесь располагались дома знати, большая часть которых во второй половине XIX в. перешла в руки купцов и государственных учреждений. В 1894–1899 гг. архитектором В.А. Мазыриным для фабриканта А.А. Морозова на этой улице был построен своеобразный особняк в псевдомавританском стиле, прозванный “испанское палаццо”.

...нет магазина в пассаже или на Кузнецком... – Пассажи – тип торговых помещений; крытая галерея между двумя улицами. Первый московский пассаж построен генералом Татищевым в 1820-х годах на ул. Кузнецкий Мост, позднее он перешел к купцу Солодовникову и назывался “Солодовниковский пассаж”. С середины XVIII в. на Кузнецком размещались магазины, преимущественно французские, где продавалось модное платье, кондитерские изделия, книги и т. п.

Мне имя – легион. – Здесь в значении “нас много”. В Евангелии от Марка рассказывается о человеке, одержимом нечистым духом, который обратился к Иисусу с просьбой освободить его от этих мук. На вопрос Иисуса: Как тебе имя? – нечистый дух ответил: Легион имя мне, потому что нас много (Мк 5: 9).

С. 150. *Фонограф* (греч.) – прибор для механической звукозаписи и звуковоспроизведения, изобретен Т.А. Эдисоном в 1877 г. Звук записывался на цилиндрический валик, обернутый оловянной фольгой или бумажной лентой, покрытой слоем воска, при помощи иглы. В усовершенствованном виде применялся до 1930-х годов преимущественно как диктофон.

Вчерашний проект об исправлении календаря – мой собственный. – Андреев имеет в виду свой фельетон “Впечатления” от 1 мая 1900 г.

С. 151. ...*канцелярист второго стола первого отделения назвал канцеляриста первого стола второго отделения...* – В дореволюционной России “стол” – отдел в учреждении, а также само учреждение, курирующее определенный круг канцелярских дел, низшая структурная часть центральных и местных государственных учреждений. Здесь речь идет об одном из департаментов министерства, которые делились на отделения, а отделения на столы. Канцелярист – низшее должностное лицо в государственных учреждениях, не имевшее классного чина и занимавшегося подготовкой и оформлением документов.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(3 мая 1900 г.)

(С. 152)

Источник текста – К. 1900. 3 мая (№ 122). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 153. *Рассудок твердит укоризну, / Но поздно: меня не спасти, / Над сердцем справляю я тризну – / А там... хоть трава не расти!* – цыганский романс “Хоть трава не расти”, слова и музыка актера А.М. Шмидтгофа.

С. 153–154. ...*его запирают и держат два года, как решила петербургская алкогольная комиссия.* – На заседании Комиссии по вопросу борьбы с алкоголизмом, проходившем 19 апреля 1900 г. в Петербурге в зале Красного Креста, обсуждался законопроект о принудительном лечении алкоголиков. В обсуждении нововведений принимали участие врачи-психиатры и юристы, сенаторы. Участники заседания высказались за устройство специальных лечебниц для алкоголиков и введение в закон новых статей, допускающих принудительное лечение пьяниц на долгий срок (от шести месяцев до двух лет). “Привычного пьяницу” (понятие, близкое к современному термину “хронический алкоголик”) должны были помещать в лечебницу по решению суда, сама процедура была сложна и напоминала ту, когда человека принудительно отправля-

ли в сумасшедший дом (см.: [Б. н.] Борьба с алкоголизмом // *НВ*. 1900. 21 апр. (4 мая) (№ 8673). С. 2; [Б. н.] Внутренние известия: (От наших корреспондентов) // *РВед*. 1900. 22 апр. (№ 111). С. 2).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨4 мая 1900 г.⟩

(С. 155)

Источник текста – *К*. 1900. 4 мая (№ 123). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 155. ...я не могу говорить о мостовых ни так долго, как говорил в думе С.И. Лямин... – На заседании 2 мая 1900 г. Московская городская дума обсуждала доклад по улучшению мостовых. Против проекта высказались гласные С.И. Лямин, Н.А. Алексеев, С.И. Мамонтов и др. (см.: [Б. н.] В думе // *К*. 1900. 3 мая (№ 122). С. 3; [Б. н.] По городской думе // *Моск. листок*. 1900. 3 мая (№ 123). С. 2). В Московской городской думе созыва 1897–1900 гг. гласными были представители известного купеческого рода, братья Семен Иванович (1850–1911) и Сергей Иванович (1856–?) Лямины. В данном случае, скорее всего, речь идет о Сергее Ивановиче, который в 1900-е годы был председателем Технической комиссии, членом Водопроводно-канализационной и др. комиссий в Думе. По наблюдению Н.П. Вишнякова, он “принимал довольно деятельное участие в думских делах, говорил, когда нужно, часто бывал на заседаниях” (см.: *Моск. власть*. С. 408–410).

...ни так красноречиво и весело, как говорил Н.А. Алексеев. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 30 марта 1900 г.

...известная поговорка: *senator bonus vir, senatus autem mala bestia*. – “Сенатор – муж достойный, сенат же – злая bestia” (*лат.*), древнеримская поговорка, чаще употребляется в форме: *Senatores omnes boni viri, senatus romanus mala bestia* (Все сенаторы мужи достойные, а римский сенат – злобный зверь).

С. 156. *Торец* – шестигранный брусок поперечно разрезанного бревна для мощения улиц.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨5 мая 1900 г.⟩

(С. 157)

Источник текста – *К*. 1900. 5 мая (№ 124). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 157. *Когда третьего дня я сидел в Коршевском театре и глядел то на сцену, где талантливые артисты усердно профанировали Достоевского...* – В начале мая 1900 г. в Москве в помещении театра Корша проходили гастроли Петербургского литературно-художественного театра, в числе показанных спектаклей была инсценировка романа

Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” Я. Дельера. Сходная с Андреевым оценка спектакля дана и в рецензии за подписью “-н.” в “Курьере” 4 мая (№ 123).

А обиднее всего мне было за Достоевского, над “жестоким талантом” которого... – “Жестокий талант” – название статьи Н.К. Михайловского, в которой он выступил против стремления превратить Ф.М. Достоевского в “пророка Божия” и “оплот официальной мощи православного русского государства”. Рассуждая о “мучительной стороне огромного дарования Достоевского”, Михайловский предлагал тем, кому не нравится определение “жестокий”, говорить о преобладании “трагической ноты” в его таланте (Отечественные записки 1882. № 9. С. 10). Позднее, в статье “О г. Мережковском. О жестокости, сладострастии и проч.” Михайловский разъяснял, что никогда не видел в Достоевском “только жестокий талант”, а «предложил читателю “посмотреть только на те черты... которые оправдывают заглавие статьи...”» (Михайловский Н.К. Последние соч. СПб., 1905. Т. 2. С. 266).

...наивно посмеялся еще более жестокий талант – г. Дельер. – Я. Дельер – псевдоним Якова Алексеевича Плющевского-Плющика (1845–1916), автора инсценировки романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”, изданной в 1900 г. в приложении к журналу “Театр и искусство”. Впервые пьеса была поставлена в 1899 г. в Петербурге на сцене Литературно-художественного театра.

“Московская картинка”, или “Соревнование в области просвещения Смоленского рынка с Охотным рядом”. – Андреев описывает случай, происшедший со студентом университета Антоновым, которого избили торговцы фруктами. Мировой судья приговорил И.А. Скорбящего, главу “торговой фирмы”, к тюремному заключению сроком на два месяца, его старшего сына – на 1 месяц, а младшего – на одну неделю (см.: [Б. и.] Дикари Смоленского рынка // Моск. листок. 1900. 4 мая (№ 124). С. 3. (По мировым судьям)).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(7 мая 1900 г.)

(С. 159)

Источник текста – К. 1900. 7 мая (№ 126). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 159. *На днях в “Новом времени” появилось письмо, автор которого г. Березин сообщает... – См.: Березин П. Письмо в редакцию // НВ. 1900. 30 апр. (13 мая) (№ 8682). С. 5. Березин пишет, что он “с удовольствием прочел интересный роман г-жи О.Н. Чюминой, которая в прошлом году получила похвальный отзыв от Академии наук за свои произведения”. Однако ее роман “За грехи отцов” полностью совпадает по завязке, последовательности сцен с уголовным романом А. Гунтрама “Братоубийца”.*

...роман 2-жи О. Чюминой “За грехи отцов”, напечатанный ею в приложениях к газете “Свет”... – Чюмина (в замужестве Михайлова) Ольга Николаевна (1862–1909) – русская поэтесса, переводчица. Начала печататься в начале 1880-х годов в журналах “Вестник Европы”, “Русское богатство”, “Мир Божий” и др. Ей принадлежат несколько сборников стихотворений, около 20 пьес (ставившихся на сцене Александринского театра в Петербурге), несколько романов и повестей, а также переводы из Дж. Байрона, У. Шекспира, Т. де-Банвиля и др. (ее переводы были отмечены почетными отзывами и премиями Академии наук). Роман “За грехи отцов” был напечатан в “приложении романов” к газете “Свет” в феврале 1896 г.

...какого-то немецкого романа Гунтрама. – См.: Гунтрам А. Бра-тоубийца: Уголовный роман / Пер. с нем. К. Кюна (Каппа). СПб., 1882. (Романы оригинальные и переводные: Ежемесяч. прилож. к журн. “Луч”. № 9–12).

...появился и ответ 2-жи Чюминой. – См.: Чюмина О. Письмо в редакцию // *НВ*. 1900. 4 (17) мая (№ 8686). С. 4. В фельетоне Андреева процитировано неточно. В действительности Чюмина пишет: «Я случайно только сегодня узнала от знакомых о появлении этого письма и, возмущенная обвинением г. Березина, спешу восстановить истинное положение дела. Про роман Гунтрама я впервые узнала из письма г. Березина. Сюжет моей повести переделан из английского романа “Sworn Foes”, напечатанного в “Family Herald” 1880 и 1881 года без подписи. Г. Березин, отстаивая авторские права Гунтрама, не подозревает, очевидно, что его роман – дословный перевод английского анонима с переделкою английских имен на немецкие».

С. 160. ...анонимную повесть “Sworn Foes”... – Анонимная повесть “Sworn Foes”, напечатанная в лондонском еженедельном журнале “Family Herald”, а затем в 6-м выпуске серии “Family Story Teller” с примечанием об авторе: «By the author of “A Life’s Curse”, “Revolving Lights”».

С. 161. В противном случае легко можно дойти до признания находкой “Власти тьмы”. Также ведь в некотором роде “судебный отчет” и даже фактическое происшествие... – “Власть тьмы, или Коготок увяз – всей птичке пропасть” (1886) – драма Л.Н. Толстого.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(7 мая 1900 г.)

(С. 162)

Источник текста – *К*. 1900. 7 мая (№ 126). С. 2. Подпись: Джон Линч.

С. 162. ...общее собрание присяжных поверенных... – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 27 января 1900 г.

...открытие сада "Аквариум" с принадлежащим к нему садком туалей, под названием: театр "Олимпия". – Сад и театр "Олимпия" на Большой Садовой открывался на летний сезон, с мая по сентябрь. В 1898 г. на месте увеселительного сада и театра "Чикаго" после реконструкции новым владельцем И.С. Соловейчиком открылся сад "Аквариум". Такое название оправдывалось деталями оформления: искусственные гроты, фонтаны, каскады, впадающие в большой аквариум с рыбами, гирлянды электрического освещения; там же были кабинеты, кухня, ресторан и открытая сцена. Арендатором и директором был Ш. Омон. В саду происходили грандиозные массовые гулянья, работало несколько театров.

Этуаль (от фр. étoile – звезда) – модная артистка в театре легкого, развлекательного характера (устар.).

На собрании нужно было избрать нового члена совета на место выбывшего Д.Н. Доброхотова... – См. коммент. к фельетону "Впечатления" от 27 января 1900 г.

...в театре "Олимпия" обещано было показать дрессированного моржа... – См.: К. Моржи в "Аквариуме" // МВед. 1900. 8 мая (№ 126). С. 2–3.

Зане – так как, потому что (кн., устар.).

С. 163. ...эссенцию русского адвоката... – Эссенция (лат. essentia – сущность) – сущность чего-либо (устар.).

Румянцевский музей – открыт в Петербурге в 1831 г. согласно завещанию Н.П. Румянцева на основе принадлежавших ему коллекций как первый в России частный публичный музей; в 1861 г. часть румянцевского собрания перевезли в Москву, где в Доме П.Е. Пашкова открылся Публичный Румянцевский музей. Кроме картинной галереи, в музее были отделы древнерусских летописей и старопечатных книг, древностей и библиотека с читальным залом. Ныне здание занято Российской государственной библиотекой.

...при обсуждении в думе доклада о мостовых... – Доклад по улучшению мостовых обсуждался на заседании Московской городской думы 2 мая 1900 г.

Перепелкин Николай Митрофанович (1859–?) – инженер-механик, видный представитель деловых кругов Москвы 1900-х годов. Председатель правления Общества конно-железных дорог в начале XX в., председатель правления Московского кредитного общества. Гласный Московской городской думы с 1897 по 1912 г. (подробнее о нем см.: *Моск. власть*. С. 507–508).

Долговое отделение – в дореволюционной России особое место заключения для должников.

С. 164. ...и иногда претерпевал египетские казни, оказавшись первенцем. – Казнь первенцев – последняя из десяти "казней египетских" (Исх 12: 29). После того как в Египте за одну ночь умерли все первенцы (за исключением еврейских), фараон сдался и разрешил евреям покинуть Египет, и начался Исход.

...московскую селянку из либералов и радикалов стряпает... – Селянка – горячая похлебка с мясом, капустой, луком, огурцами.

Индо (или *инда*) – даже (обл.).

“*Яр*” (по имени французского повара Ярда) – популярный загородный московский ресторан А.А. Судакова в Старой Башиловке на северной окраине Москвы. В ежедневных концертных отделениях ресторана выступали: американский мимический клуб, гладиаторы братья Шадовы, русская певица Тамара Мравина, хоры – русский А.З. Ивановой, цыганские Вари Паниной и Федора Соколова, венгерский Н. Лефлер и др. Ныне здание занимает Московский музыкально-драматический театр “Ромэн”.

С. 165. *Падалка* – плоды, упавшие с дерева от ветра, непогоды и т. п.

С. 166. ...а главное, знатному иностранцу показать, что мы сальные свечи прежде ели... – Ср., например, эпизод, описанный П.А. Дукмасовым в воспоминаниях о генерале Скобелеве, когда тот на обеде в гостинице Буюк-Дере решил пошутить над хозяйкой-француженкой, мнившей казаков дикими варварами. Скобелев, указав на Дукмасова, сказал, что тот казак и “ест человеческое мясо и сальные свечи”. Из сахара и сливок были изготовлены подобия сальных свечей. “Это – сальные свечи – любимое блюдо казаков! – пресерьезно отвечал Михаил Дмитриевич” на удивленный возглас француженки, а Дукмасов “совершенно хладнокровно” съел эти “свечи” к ее ужасу. “Мне мать еще в детстве рассказывала про ваших казаков самые ужасные, невероятные вещи!” – объяснила она (*Дукмасов П.А. Со Скобелевым в огне: Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о М.Д. Скобелеве ординарца его Петра Дукмасова. 2-е изд., доп. СПб., 1895. С. 331–333*).

Корсаков Сергей Сергеевич (1854–1900) – выдающийся русский психиатр, один из основоположников нозологического направления в психиатрии и московской научной школы психиатрии, автор классического “Курса психиатрии” (1893). С.С. Корсаков умер 1 мая 1900 г. Некролог был опубликован и в “Курьере” (1900. 4 мая (№ 123)).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(9 мая 1900 г.)

(С. 167)

Источники текста:

К. 1900. 9 мая (№ 128). С. 3. Подпись: Л. -ев.

ПССМ. Т. 6. С. 318–319. Под заглавием “Ф.Г. Волков”.

Печатается по тексту К.

С. 167. *Ф. Ницше, признавший историческую память вредной для свободного развития человека...* – Таковую мысль Ф. Ницше высказал в эссе “О пользе и вреде истории для жизни” (1874). Это сочинение явля-

ется вторым по счету в задуманной Ницше серии культуркритических эссе, объединенных общим названием “Несвоевременные размышления”. Полностью в переводе на русский язык эссе появилось только в 1901 г., в 9-м томе собрания сочинений Ницше. Вероятно, Андреев (не читавший по-немецки) в своем фельетоне основывался на обстоятельные пересказы; содержание эссе достаточно подробно изложено в статьях: *Кареев Н.И.* Ницше о “чрезмерности истории” // Сборник в пользу недостаточных студентов Московского университета. М., 1897. С. 14–39; *Андреас-Саломе Л.* Фридрих Ницше в своих произведениях; Очерк / Пер. З. Венгеровой // Сев. вестник. 1896. № 4. С. 263–266. Историк Н.И. Кареев так изложил мысль Ницше о вреде исторической науки: «Ницше вообще не скупится на выражения, заключающие в себе порицание нашей науке. Мы гордимся в XIX в. своим историческим образованием, но это наше уважение к историческому знанию есть только простой “западный предрассудок”, нечто неизвестное мудрому Востоку. Если и можно назвать исторический смысл (*der historische Sinn*) нашего времени своего рода доблестью, то это “гипертрофическая доблесть”, а она может быть для народа пагубною не менее “гипертрофического порока”» (*Кареев Н.И.* Ницше о “чрезмерности истории” // Сборник в пользу недостаточных студентов Московского университета. М., 1897. С. 15).

В настоящие дни эта страна чествует память одного из своих великих людей – Ф.Г. Волкова... – Волков Федор Григорьевич (1729–1763) – поэт, драматург, переводчик, живописец, скульптор, актер и театральный деятель, создатель первого постоянного русского театра в Ярославле. В мае 1900 г. в России отмечалось 150-летие со дня основания русского театра.

...существует несколько переводов пьес Мольера, но и те хранятся не в России, а в Парижской библиотеке... – Эти и другие сведения о жизни и деятельности Ф.Г. Волкова Андреев взял из книги А.А. Ярцева “Основание и основатель русского театра: (Ф.Г. Волков)” (М., 1900). В славянском отделении рукописного отдела Парижской национальной библиотеки хранятся четыре переплетенных тома оригинальных и переводных пьес, а также “Реестр трагедий и комедиям, которые на Российском театре были уже представлены”. Среди них – переводы комедий французского драматурга Ж.-Б. Мольера на русский язык с указанием автора перевода – Волкова, но без инициалов. В наши дни утвердилась точка зрения, согласно которой принадлежность этих переводов Ф.Г. Волкову не доказана. Так, П.Н. Берков считает, что эти переводы принадлежали А.А. Волкову: Александр Андреевич Волков (1736–1788) – герольдмейстер и драматург; учился в Сухопутном шляхетском корпусе, был в числе лиц, возведших Екатерину II на престол, был назначен в комиссию по коронации в 1762–1763 гг. А.А. Волков был известен своей причастностью к театральному делу – и как пользовавшийся успехом актер, и как драматург. Современники высоко ценили его переводы пьес М.-А. Лепрана, Ф.-К. Данкура и др., на сцене придворного театра с успехом шли его одноактные комедии. Именно

ему принадлежат переводы пьесы Мольера “Мнимый больной” и “Сицилианец” (Берков П.Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 95–96).

Ходят слухи о том, что его работе принадлежал мраморный бюст Петра Великого и картина масляными красками – оба произведения утрачены. – См.: Ярычев А.А. Основание и основатель русского театра: (Ф.Г. Волков). М., 1900. С. 94.

Все, что осталось от Волкова, это две-три песни и эпиграмма... – Достоверно известно лишь то, что Волков вместе с А.П. Сумароковым и М.М. Херасковым участвовал в написании либретто маскарада “Торжествующая Минерва”, поставленного им же в 1763 г. в Москве во время торжеств по случаю коронации Екатерины II. Остальные песни и хоры известны лишь как сочинения, приписываемые Волкову. В сборнике “Ф.Г. Волков и русский театр его времени” (М., 1953) собраны все тексты, принадлежащие или приписываемые ему. Можно привести “Эпиграмму” на фаворита Екатерины II Григория Орлова, по преданию, принадлежащую Ф.Г. Волкову:

Всадника хвалят: хорош молодец!
Хвалят другие: хорош жеребец!
Полно, не спорьте: и конь, и детина,
Оба красивы, да оба скотина.

(Цит. по: Ф.Г. Волков и русский театр.
М., 1952. С. 168)

...иконостас в ярославской Николо-Надеинской церкви, принадлежащий, по преданию, работе Волкова. – В 1748 г. Ф.Г. Волков вместе с актерами своего театра участвовал в создании иконостаса и скульптурной группы царских врат Николо-Надеинской церкви в Ярославле. В 1787 г. архиепископ Ростовский и Ярославский Самуил сделал для ярославского наместника А.П. Мельгунова письменное описание ярославских церквей, где говорилось: “В сей церкви иконы и иконостас сделаны собственным трудом купца Федора Григорьевича Волкова, зовомого в Ярославле Полушкиным” (Самуил (Миславский С.Г.). Церкви города Ярославля в 1781 году: Записка Ростовского архиепископа Самуила Миславского, представленная наместнику Мельгунову. Ярославль, 1874. С. 27). В 1985 г. при реставрации иконостаса на иконе “Вознесение Богородицы” была обнаружена подпись Дамиана Галика, одного из актеров ярославской труппы Волкова. Хотя на иконах была обнаружена только его подпись, исследователи считают, что над иконостасом работали, как минимум, два художника. Ряд икон явно принадлежит кисти Галика, другие же, вполне возможно, написаны Ф.Г. Волковым (см.: Анкудинова Е., Рутман Т. Не только актер – живописец и скульптор: Новые материалы к биографии Ф.Г. Волкова // Мир музея. 1994. № 1. С. 24–29, 54).

Мало того, нами утрачен самый прах пионера театрального искусства, и в любой из могил Андрониевского монастыря мы можем видеть место последнего его отдохновения: настоящая могила неизвестна. –

Федор Волков во время уличного маскарада “Торжествующая Минерва” простудился и умер 4 апреля 1763 г. Долгое время место его захоронения оставалось неизвестным. Называли Спасо-Андрониковский монастырь в Москве, указывали и Петербург. Однако, по данным счета издержек “на погребение дворянина Федора Волкова”, обнаруженного Л.М. Стариковой в 1985 г., Волков похоронен в Москве в Златоустовском монастыре (см.: *Ваняшова М.Г.* Мельпомены ярославские сыны. Ярославль, 2000. С. 123–124).

При праздновании столетия была к церкви прибита доска, но к полуторастолетию и та исчезла: украдена... – Имеется в виду 100-летие первого русского театра как русского национального государственного театра, отмечавшееся в 1856 г., отсчет велся от обнаружения Указа 1756 г. об учреждении в России Императорского театра. Однако в книге Ярцева (с. 115) речь идет о медной памятной доске, установленной Обществом для пособия нуждающимся сценическим деятелям на стене одной из церквей Спасо-Андрониковского монастыря 4 апреля 1893 г. к 130-летию со дня смерти Волкова (подробнее об этом см.: *Ярцев А.А.* Возобновление и охранение “забытых могил” // Исторический вестник. 1893. Т. 14 (дек.). С. 890–891).

С. 168. *Теперь А.А. Бахрушин озабочен изобретением такой доски, которая не могла бы расправиться от самого жаркого поклонения.* – Алексей Александрович Бахрушин (1865–1929) – представитель известнейшего московского купеческого рода, коллекционер, основатель Театрального музея в Москве, член совета Русского театрального общества. В сезон 1899/1900 гг. в Ярославле торжественно праздновалось 150-летие основания русского театра. С помощью А.А. Бахрушина была подготовлена обширная выставка.

...г. *А.А. Ярцев, автор исследования “Основание и основатель русского театра (Ф.Г. Волков)”.* – Ярцев Алексей Алексеевич (1858–1907) – историк театра, главный редактор журнала “Ежегодник императорских театров”, на протяжении долгого времени занимавшийся историей культуры Ярославля и особенно историей создания первого русского профессионального театра в России, личностью и творчеством основателя этого театра – Ф.Г. Волкова. Среди трудов Ярцева на эту же тему можно также назвать исследования “Ф.Г. Волков, основатель русского театра. Его жизнь в связи с историей русской театральной старины” (СПб., 1892), “На родине русского театра: (Волков в Ярославле)” (СПб., 1897), а также статьи о Волковских торжествах в Ярославле в 1900 г.

Г. *Ярцев подвергает самой немилостивой критике всех предшествующих волковских биографов...* – В связи с выяснением точной даты первого театрального представления в книге анализируется достоверность биографических сведений о жизни Ф. Волкова в следующих работах: *Шаховской А.А.* Федор Григорьевич Волков, или День рождения русского театра // Репертуар русского театра. 1840. Т. 1, кн. 6. С. 1–29; *Кони Ф.А.* И.А. Дмитревский, славнейший русский актер // Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. Ч. 1, кн. 3. С. 87–100;

С.С. [Серебренников С.] Замечания на статью: “И.А. Дмитриевский, славнейший русский актер”, помещенную в Пантеоне русского и всех европейских театров // Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. 1. С. 59–61; *Он же*. Федор Григорьевич Волков, первый основатель народного русского театра в Ярославле // Ярославский литературный сборник. 1850. С. 109–133; *Сумароков П.И.* Некоторые рассуждения о А.П. Сумарокове и начале российского театра. СПб., 1806; *Он же*. О Российском театре с начала его основания до конца царствования Екатерины II // Отечественные записки. 1822. № 32. С. 289–311; 1823. № 35. С. 270–399; *Штелинг (Стелинг) Я.Я.* Краткое известие о театральных в России представлениях, от начала их до 1768 года // Петербургский вестник. 1779. Авг.–сент. Ч. 4. С. 83–95, 163–174; *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий. СПб., 1772. С. 32–44; *Греч Н.И.* Исторический взгляд на русский театр до начала XIX столетия // Русская Талия. 1825. С. 1–39, и др.

Это указ берг-коллегии от 1754 года... – Указ Ее императорского Величества Самодержицы Всероссийской, из Государственной Берг-Коллегии в Ярославскую Провинциальную Канцелярию от 18 августа 1754 г., в котором указан год смерти Ф.В. Полушкина: 1748 г. (текст указа см.: *Ярцев А.А.* На родине русского театра: (Волков в Ярославле). СПб., 1897. С. 58–64).

...сведение о смерти вотчима Волкова, купца Полушкина, последовавшей в 1747 или 1748 году. – Полушкин Федор Васильевич – отчим Федора Волкова, владелец серных, селитряных и купоросных заводов, занимался также хлебной торговлей. По последним данным, Полушкин умер в 1748 г. и присутствовать на первых публичных спектаклях своего пасынка Федора, проходивших в доме отчима, а затем в каменном амбаре в Полушкинской роще, не мог. Документальные сведения об этих представлениях относятся только к 1750 г. Скорее всего, Полушкин мог присутствовать на домашних, любительских спектаклях, проходивших в его доме несколькими годами ранее. Именно на наследство, полученное братьями Волковыми после смерти отчима, была организована первая театральная труппа в Ярославле (см.: *Всеволодский-Гернгрос В.* Ф.Г. Волков и русский театр его времени // Ф.Г. Волков и русский театр его времени. М., 1953. С. 23).

Дмитревский (Дмитревской) (наст. фам. Нырков) Иван Афанасьевич (1734–1821) – русский актер, режиссер, педагог, переводчик, литератор, театральный деятель; друг Ф.Г. Волкова и его сподвижник по созданию театра в Ярославле. Дмитриевский был вместе с труппой Волкова вызван в Петербург и в 1752 г. отдан “для подготовки к актерскому званию” в Петербургский шляхетский корпус. В 1756 г. вошел в труппу первого русского постоянного публичного театра, руководимого драматургом А.П. Сумароковым и Ф. Волковым. После смерти Волкова Дмитриевский продолжал начатое им дело (вместо Волкова был назначен первым актером).

Штелин (Штелинг, Стелинг) Якоб (Яков Яковлевич) (1709–1785) – немец по происхождению, с 1735 г. жил в России; поэт, драматург, режиссер, искусствовед и гравёр, член Петербургской Академии наук. Образование получил в Лейпцигском университете. Был дружен с М.В. Ломоносовым, который переводил с немецкого его стихи. В 1742–1745 гг. был воспитателем вел. кн. Петра Федоровича (впоследствии император Петр III). В 1763 г. Штелинг был организатором зрелищ по случаю коронации Екатерины II. Наибольший интерес представляют его заметки в “Ведомостях” об оперных и балетных спектаклях, а также “Краткое известие о театральных в России представлениях...” (1779), где даны ценные сведения о первых шагах русского театра, о гастрوليрующих в России иностранных труппах.

Новиков Николай Иванович (1744–1818) – русский просветитель, писатель, издатель В 1772 г. Новиков опубликовал “Опыт исторического словаря о российских писателях”, куда вошли статьи об А.П. Сумарокове, В.К. Третьяковском, М.М. Хераскове, А.А. Волкове, Ф.Г. Волкове и др.

Шаховской Александр Александрович, князь (1777–1846) – писатель, драматург, театральный педагог и режиссер. Академик Российской академии наук. В 1802–1826 гг. фактически возглавлял петербургскую драматическую труппу. Написал более ста пьес (водевили, исторические пьесы, переделки произведений европейских авторов). В анекдотической комедии-водевиле “Ф. Волков, или День рождения русского театра” (1840) он рассказал о становлении русского театра в Ярославле и его первых шагах.

Указ императрицы Елизаветы Петровны от 21 декабря 1750 г. – Указ “О разрешении устройства частных театров” фактически стал актом, регламентировавшим деятельность частного русского театра (текст указа см.: Ф.Г. Волков и русский театр его времени. М., 1953. С. 73–74).

С. 169. *Серебренников* Семен Алексеевич (1801–1866) – ярославский купец, краевед и коллекционер. Он внимательно изучил и перепроверил все, что было известно о Ф. Волкове и его театре в Ярославле, внес поправки в биографию основателя русского театра (см. его работы, указанные выше).

Сумароков Павел Иванович (ок. 1767–1846) – племянник известного писателя А.П. Сумарокова, писатель, сенатор и член Российской академии наук. В 1806 г. издал “Некоторые рассуждения о А.П. Сумарокове и начале российского театра”, основываясь на сведениях, почерпнутых из документов своего дяди и проверенных у Дмитревского.

ИСТЯЗАНІЕ

(С. 170)

Источник текста – К. 1900. 13 мая (№ 132). С. 3–4; 14 мая (№ 133). С. 4. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”.

Авторство Андреева подтверждается фельетоном “Москва. Мелочи жизни” от 21 мая 1900 г., где приведены подробности, отсутствующие в отчете, но свидетельствующие о том, что писатель был на судебном процессе: состав присяжных заседателей, детали выступления эксперта проф. Л.З. Мороховца и речи адвоката С.А. Андреевского. Подробный отчет о процессе см. также в газете “Право” (1900. 4 июня (№ 23). Стб. 1184–1199).

С. 172. *Сахаров* Иван Николаевич (1860–1918) – известный московский адвокат, выступал в ряде громких уголовных и политических процессов, участвовал в работе Совета присяжных поверенных.

Андреевский Сергей Аркадьевич (1847–1918) – известный судебный оратор, поэт, критик. Был следователем, а затем товарищем прокурора, но уволен из прокуратуры за отказ поддержать обвинение по делу В. Засулич. С 1878 г. присяжный поверенный, имел репутацию сильного адвоката по уголовным делам. Основной особенностью его являлось широкое внесение литературно-художественных приемов в защитительную речь. Рассматривая адвокатскую деятельность как искусство, он видел идеального защитника “говорящим писателем” (*Андреевский С.А.* Вместо предисловия: Об уголовной защите // *Андреевский С.А.* Драмы жизни: Защитительные речи. Пг., 1916. С. 13) и считал, что “в сложных процессах (...) добиться правды способен только художник, чутко понимающий жизнь, умеющий верно понять свидетелей и объяснить истинные бытовые условия происшествия” (Там же. С. 5).

Ринк Евгений Романович (?–1910) – действительный статский советник; присяжный поверенный. Был товарищем председателя Московского окружного суда, о его выступлениях в этом качестве вспоминал В.М. Дорошевич в мемуарах “Мефистофель окружного суда” (Рус. слово. 1910. 21 марта (№ 66). С. 3–4).

Мороховец Лев Захарович (1848–1919) – профессор физиологии Московского университета.

Нейдинг Иван Иванович (1838–1904) – профессор судебной медицины Московского университета, один из авторитетных судебно-медицинских экспертов своего времени.

С. 174. ...*малокровной кортуленции*... – Корпуленция (*лат.* corpulentia) – крупное телосложение, дородность. Здесь иронически, в значении: хрупкое телосложение.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(14 мая 1900 г.)

(С. 175)

Источники текста:

К. 1900. 14 мая (№ 133). С. 2. Подпись: James Lynch.

Пр. Т. 1. С. 144–147. Под заглавием “Московское лето наступает”.

ПССМ. Т. 6. С. 219–220. Под заглавием “Московское лето наступает” (в качестве начала очерка).

Печатается по тексту К.

С. 175. “Московское общество покровительства беспризорным и освобожденным из мест заключения несовершеннолетним” – Московское общество покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения несовершеннолетним было учреждено в 1891 г. Под покровительство принимались беспризорные мальчишки в возрасте от 10 до 15 лет крестьянского сословия, которые обратились добровольно и желали трудиться и обучаться ремеслу. Во главе общества стоял комитет, состоявший из людей состоятельных и влиятельных, в том числе Бахрушиных, Третьяковых. Долгое время председателем комитета являлась К.Н. Баршева. В 1886 г. для воспитанников было открыто убежище (в дальнейшем оно называлось приютом), с 1895 г. оно располагалось в Хамовниках по Чудовому пер. В приюте действовала школа и ремесленные мастерские: переплетная и сапожная, был устроен и собственный огород. Все хозяйство обслуживалось самими воспитанниками.

С. 176. *А температура не от рук человеческих, и напрасно г. Демчинский против этого возражает.* – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 4 апреля 1900 г.

...питомец муз и граций... – Вероятно, неточная цитата из стихотворения К.Н. Батюшкова “На смерть И.П. Пнина” (1805): “Питомец граций, муз, ты жив у нас в сердцах!”

С. 177. *Портерная* (или портерная лавка) – торговое заведение, где продавали (в разлив или на вынос) портер, сорт крепкого и горьковатого черного пива.

Хитров рынок – см. коммент. к фельетону “Впечатления” от 14 апреля 1900 г.

Проточный переулоч – переулоч, пролегающий между Новинским бульваром и Смоленской набережной, был одним из мест в Москве, которые “славилась” безысходной бедностью обитателей и могли “соперничать” в этом с самой Хитровкой. Особенно были известны такие притоны, как “Ржанова крепость”, или “Арженовка”, “Зиминовка” и “Волчатник”, получившие названия по фамилиям своих владельцев, купцов Арженова, Зимина и Волкова.

ПОЛТАВА, 19 МАЯ. ДЕЛО СКИТСКИХ

(С. 179)

Источник текста – К. 1900. 20 мая (№ 139). С. 2. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

См. коммент. к телеграмме Андреева из Полтавы от 15 декабря 1899 г.

ДЕЛО СКИТСКИХ
Киевская судебная палата
(От собственного корреспондента)
(С. 181)

Источник текста – К. 1900. 20 мая (№ 139). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника”.

С. 182. ...*сороковка недопитой водки*. – Сороковка – бутылка водки, составляющая 1/40 часть ведра, 0,31 л.

С. 187. ...*некто Баб-Чубаров*... – Здесь и далее в судебных отчетах и фельетонах Андреев в таком виде приводит фамилию полтавского купца Бабакая Соломоновича Чубары.

С. 188. ...*у памятника в так называемой Шведской могиле*... – Так называемая Шведская могила – погребение русских воинов, павших в Полтавском бою, вблизи поселка Яковцы (ныне в черте г. Полтавы). Над могилой насыпан курган, увенчанный каменным крестом-памятником. Ежегодно 26 июня здесь совершалось поминовение павших воинов, на котором присутствовали городские власти.

ПОЛТАВА, 20 МАЯ. ДЕЛО СКИТСКИХ
(С. 194)

Источник текста – К. 1900. 21 мая (№ 140). С. 2. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(21 мая 1900 г.)
(С. 196)

Источники текста:

К. 1900. 21 мая (№ 140). С. 3. Подпись: Л. -ев.

ПССМ. Т. 6. С. 347–348. Под заглавием “Дело Скитских” (в качестве начала очерка).

Печатается по тексту К.

С. 196. *Это совсем не та Полтава, которую я видел зимой*. – Андреев в качестве собственного корреспондента “Курьера” присутствовал в Полтаве в декабре 1899 г. на выездном заседании Киевской судебной палаты по делу Скитских. См. телеграммы, опубликованные в “Курьере” 16–18 декабря, и отчет, опубликованный 20 декабря 1899 г. (наст. том, с. 48–54).

...*по бесснежным, обледенелым колчам*... – Колчи – кочки (см.: Словарь русских народных говоров. Л., 1978. Вып. 14. С. 202).

...о каком-то чиновнике консистории... – См. коммент. к телеграмме от 15 декабря 1899 г.

...о правде, той самой правде, которую, по пословице, вечно покушаются съесть свиньи. – Аллюзия на образ из VI главы очерков “За рубежом” “Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдою” (1880) М.Е. Салтыкова-Щедрина.

...кажется им хуже Мазепы... – Мазепа Иван Степанович (1644–1709) – гетман Левобережной Украины в 1687–1708 гг. В 1708 г. во время Северной войны перешел на сторону шведского короля Карла XII. После поражения шведов в Полтавском сражении (1709) бежал вместе в Карлом XII в Турцию.

Петровский парк – с 1830-х годов парк стал местом народных гуляний москвичей и соперничал по популярности с Нескучным садом. Во второй половине XIX – начале XX в. в парке размещались модные московские рестораны, в том числе “Яр” и “Стрельна”.

С. 197. *В одном я не встретил разногласия: это относительно книги Михайлова.* – См.: Михайлов К.Н. Следствие, прокуратура и защита в деле бр. Скитских: (Опыт анализа судебного процесса). М., 1900. См. рецензию Андреева на книгу (наст. том, с. 94–99) и коммент. к ней.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(21 мая 1900 г.)

(С. 198)

Источник текста – К. 1900. 21 мая (№ 140). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 198. *Меня удивило и сильно порадовало решение присяжных заседателей по громкому делу Елагина...* – См. судебный отчет “Истязание” и коммент. к нему.

...Ты, Господи, веси. – Веси (ц.-слав.) – знаешь.

...“розгочка”, по нежному выражению проф. Мороховца. – См. коммент. к судебному отчету “Истязание”.

С. 199. ...хорошо бы этих двенадцать человек послать на съезд представителей исправительных заведений. – Пятый съезд представителей русских исправительных заведений для малолетних проходил в мае 1900 г. в Москве (см.: [Б. п.] V съезд представителей русских исправительных заведений для малолетних преступников // Право. 1900. 28 мая (№ 22). Стб. 1102–1104; 4 июня (№ 23). Стб. 1165–1171; Труды Пятого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1900). В частности, на съезде обсуждался вопрос о норме дисциплинарного наказания: темный карцер на одни сутки; светлый карцер на семь и более суток; оставление на хлебе и воде.

С. 200. *С особенным вниманием выслушали бы они г. В.Я. Фукса...* – В прениях выступил представитель Эстляндского общества,

председатель ревельского окружного суда Владимир Яковлевич Фукс. По его мнению, “лишение горячей пищи даже и не есть наказание для большинства питомцев приюта, которые происходят преимущественно из крестьянской среды, где хлеб и вода составляют главный предмет питания” (Право. 1900. 28 мая (№ 22). Стб. 1104).

Кондуит (фр. conduite – поведение) – журнал, в который в школах заносились проступки учащихся (кондуитный список).

Шпандырь (нем. Spannriemen) – специальный ремень (обычно толстый и широкий), которым сапожники при работе закрепляли заготовку на ноге.

С. 201. *Штандарт скачет, музыка каждый день играет...* – Ср.: “Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпириях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...” (из комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” (действ. 1, явл. 2)).

«Из ярких туалетов выделяется туалет “дамы-фурор” из театра “Олимпия”: на ней светлое платье с фигаро ~ приславшего на скачки целый полк своих амазонок». – См.: [Б. н.] Из обыденной жизни // Моск. листок. 1900. 14 мая (№ 134). С. 3. *Фигаро* – род короткой свободной женской кофточки, надеваемой поверх платья (по имени *Фигаро*, героя трилогии *Бомарше*).

С. 202. *Много смеялись на этой неделе по поводу иссякновения в Москве воды.* – В мае (с 13 по 15-е) 1900 г. на три дня Москва осталась без воды: лопнула магистральная труба водопровода. 21 мая по этому поводу в Городской думе состоялось совещание. На вопрос о причине прорыва Н.П. Зимин ответил, что труба лопнула от “переутомления” (см.: [Б. н.] Совещание о водопроводе // Моск. листок. 1900. 21 мая (№ 141). С. 2). В московских газетах иронически обыгрывалось это объяснение (см., например: [Б. н.] Из обыденной жизни // Моск. листок. 1900. 22 мая (№ 142). С. 3). Недостаточное водоснабжение было одной из наболевших проблем такого большого города, как Москва, и Андреев неоднократно упоминает об этом в своих фельетонах. К концу XIX в. стало ясно, что необходимо строительство нового или модернизация старого водопровода. Существовали различные проекты этой реконструкции. Один из проектов принадлежал инженеру Зимину. Он предлагал постройку нового москворецкого водопровода для поставки непитьевой воды и расширения действия мытищинского водопровода с питьевой водой. Для осуществления проекта нового водопровода был сделан облигационный заем. Проект неоднократно обсуждался на заседаниях Думы, и 29 марта 1900 г. она приняла решение о строительстве двух параллельных линий водопровода – с ключевой и речной водой. См.: [Б. н.] По городской Думе // Моск. листок. 1900. 29 марта (№ 89). С. 3; *Дукмасов И.* Московские водопроводы // *МВед.* 1900. 11 (23) янв. (№ 11). С. 5; 12 (24) янв. (№ 12). С. 5; 14 (26) янв. (№ 14). С. 5; 15 (27) янв. (№ 15). С. 5.

Екатерининская площадь (с 1919 г. площадь Коммуны, с 1993 г. Суворовская площадь) – площадь на пересечении улиц Дурова, Досто-

евского, Самотечной и Селезневской, за Садовым кольцом, на севере Москвы. Возникла во второй половине XVIII в.

Тотошник – тот, кто играет в тотализатор.

ПОЛТАВА, 21 МАЯ. ДЕЛО СКИТСКИХ

(С. 203)

Источник текста – К. 1900. 22 мая (№ 141). С. 2. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

ПОЛТАВА, 22 МАЯ. ДЕЛО СКИТСКИХ

(С. 205)

Источник текста – К. 1900. 23 мая (№ 142). С. 2. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

С. 206. ...*монастырской клуни*... – Клуня – отдельное строение или пристройка к овину, предназначенные для молотьбы и хранения хлеба.

ОСМОТР МЕСТА УБИЙСТВА КОМАРОВА

Полтава. Дело Скитских

(С. 207)

Источник текста – К. 1900. 24 мая (№ 143). С. 2. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

В отчете помещен рисунок Андреева с подписью: “План места, где был убит Комаров”.

С. 207. *Грабор* (Грабар) Николай Степанович (1852–1924) – видный юрист, тайный советник, сенатор.

ОКОНЧАНИЕ ОСМОТРА НА МЕСТЕ В ДЕЛЕ СКИТСКИХ

Полтава, 24 мая. Дело Скитских

(С. 209)

Источник текста – К. 1900. 25 мая (№ 144). С. 2. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

ДОПРОС ЭКСПЕРТОВ В ДЕЛЕ СКИТСКИХ

Полтава, 25 мая. Дело Скитских

(С. 211)

Источник текста – К. 1900. 26 мая (№ 145). С. 2. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

С. 212. ...проф. Патенко, ~ выпустивший брошюру, посвященную экспертизе по делу Скитских. – См.: Патенко Ф.А. Дело об убийстве секретаря Полтавской духовной консистории Алексея Яковлевича Комарова с судебно-медицинской стороны. Харьков, 1899.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨26 мая 1900 г.⟩

(С. 214)

Источники текста:

К. 26 мая (№ 145). С. 2. Подпись: Л. -ев.

ПССМ. Т. 6. С. 348–350. Под заглавием “Дело Скитских” (в качестве продолжения очерка).

Печатается по тексту К.

С. 214. Мне почти ничего не остается сказать вам в дополнение к телеграмме о заседании 22 мая. – См. наст. том, с. 205–206.

С. 215. Кассация – См. коммент. к судебному отчету “Неосторожность” от 6 ноября 1897 г.

ПОЛТАВА, 26 МАЯ. ДЕЛО СКИТСКИХ

(С. 216)

Источник текста – К. 1900. 27 мая (№ 146). С. 2. Без подписи, в разделе “Телеграммы”.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨27 мая 1900 г.⟩

(С. 219)

Источники текста:

К. 1900. 27 мая (№ 146). С. 3. Подпись: Л. -ев.

ПССМ. Т. 6. С. 350–353. Под заглавием “Дело Скитских” (в качестве продолжения очерка).

Печатается по тексту К.

В фельетоне помещены рисунки Андреева с подписями: “Петр Скитский. (Оригинальный рисунок Л. -ева)” и “Степан Скитский. (Ори-

гинальный рисунок Л. -ева)". Зарисовки, сделанные Андреевым в зале суда, впервые (раньше, чем в "Курьере") были опубликованы в газете "Одесский листок" 25 мая (№ 135) без разрешения автора. Возмущенный Андреев послал телеграмму с протестом в газету "Одесские новости" (см. наст. том, с. 240).

С. 221. *Сажень* – мера длины, равная 2,134 м.

ОКОНЧАНИЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ СКИТСКИХ

Полтава, 27 мая. Дело Скитских

(С. 225)

Источник текста – К. 1900. 28 мая (№ 147). С. 2. Без подписи, в разделе "Телеграммы".

ОПРАВДАНИЕ СКИТСКИХ

Полтава, 28 мая. Дело Скитских

(С. 228)

Источник текста – К. 1900. 30 мая (№ 148). С. 2. Без подписи, в разделе "Телеграммы".

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(30 мая 1900 г.)

(С. 232)

Источники текста:

К. 1900. 30 мая (№ 148). С. 3. Подпись: Л. -ев.

ПССМ. Т. 6. С. 353–358. Под заглавием "Дело Скитских" (в качестве продолжения очерка).

Печатается по тексту К.

С. 233. *Кварта* (лат. *quarta*) – мера жидких и сыпучих тел в некоторых странах, чуть больше 1 литра. Иногда так называли прежние русские меры: штоф, кружку.

С. 235. ...на харьковском процессе. – Вторично дело братьев Скитских слушалось с 16 марта 1899 г. в Харькове.

С. 237. *Винт* – род карточной игры.

ТЕЛЕГРАММА СОТРУДНИКА “КУРЬЕРА” г. АНДРЕЕВА

(С. 240)

Источник текста – Одесские новости. 1900. 31 мая (№ 4972). С. 3.
Подпись: Леонид Андреев.

Во время процесса по делу Скитских Андреев сделал портреты-зарисовки братьев Скитских в зале суда, без разрешения автора они были опубликованы в газете “Одесский листок” 25 мая, в “Курьере” они были напечатаны позднее, 27 мая.

Редакция газеты “Одесские новости” предварила публикацию письма Андреева предисловием под заголовком “Писатели по ремеслу”, где говорилось: «Корреспондент московской газеты “Курьер” г. Андреев, командированный этой газетой в Полтаву, прекрасно владеет карандашом, сделал два очень удачных наброска портретов братьев Скитских на скамье подсудимых. Из любезности ли или, может быть, вследствие взаимных одолжений, г. Андреев разрешил нашему полтавскому корреспонденту воспользоваться этими снимками для воспроизведения в “Одесских Новостях”, но под условием помещения их не ранее как в приближении от воскресенья, 28 мая. Узнав об этом, корреспондент “Од. Листка” г. Р-ич обратился с просьбой о таком же разрешении к г. Андрееву, но тот ему отказал. Тогда г. Р. отправился к полтавскому фотографу г. Хмелевскому, которому снимки эти были переданы г. Андреевым для фотографического воспроизведения, и, дав честное слово, что он берет их *только для осмотра* и ни в каком случае не воспользуется ими для газеты, обманным путем забрал снимки и отправил в редакцию “Од. Листка”, которая и напечатала их в четверг, 25 мая, т. е. раньше даже, чем они могли появиться в “Курьере” (там они были напечатаны в № от субботы, 27 мая)». Кроме письма Андреева было опубликовано также письмо фотографа И.Ц. Хмелевского: «Рисованные г. Андреевым, сотрудником “Курьера”, портреты Скитских, напечатанные в искаженном виде в № “Одесского Листка” от 25 мая, воспроизведены со снимков, данных представителю данной редакции *временно только для обозрения*, под *честное слово* не воспроизводить в газете. Предоставляю всем судить о поступке представителя газеты». Здесь же еще раз публикуются рисунки Андреева.

Письмо Р-ча с объяснениями было опубликовано также и в самом “Одесском листке” 1 июня (№ 139). В примечании редакции к письму говорилось: “Перипетии дела с этими пресловутыми снимками редакции не были известны. В противном случае она, конечно, не воспроизводила бы их на столбцах газеты”.

С. 240. ...*воспроизведенную фотографом Хмелевским...* – Хмелевский Иосиф Целестинович (1849–1924) – известный фотограф и фоторепортер, содержал фотоателье в Полтаве.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(1 июня 1900 г.)

(С. 241)

Источники текста:

К. 1900. 1 июня (№ 150). С. 3. Подпись: Л. -ев.

ПССМ. Т. 6. С. 359–360. Под заглавием “Дело Скитских” (в качестве продолжения очерка).

Печатается по тексту К.

С. 241. *Особенно ослабели гг. корреспонденты, к которым с такой редкой для наших времен похвалой обратился А.М. Кузьминский...* – См. телеграмму Андреева из Полтавы от 28 мая (наст. том, с. 229).

Тесленко Николай Васильевич (1870–1943) – известный адвокат-криминалист, общественный деятель, масон. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1899 г. присяжный поверенный, с 1905 г. член Центрального бюро адвокатов, председатель I Всероссийского съезда адвокатов в 1905 г., организатор кружка безвозмездной защиты по политическим делам. Гласный Московской городской думы с 1913 г. (подробнее о нем см.: *Серков*. С. 795; *Моск. власть*. С. 629–630).

С. 242. *...ну, что им Гекуба?..* – крылатая фраза из трагедии У. Шекспира “Гамлет” (действ. 2, сцена 2).

Особенно неистовствует “Право”. Оно уже целовалось с Зеленским... – Речь идет о корреспонденте еженедельной юридической газеты “Право”, где публиковались подробные судебные отчеты, в том числе и о процессе братьев Скитских: [Б. н.] Выездная сессия Киевской судебной палаты: Дело братьев Скитских: (От нашего корреспондента) // *Право*. 1900. 28 мая (№ 22). Стб. 1137–1145; 4 июня (№ 23). Стб. 1171–1183; 11 июня (№ 24). Стб. 1226–1247; 18 июня (№ 25). Стб. 1289–1311; 25 июня (№ 26). Стб. 1346–1376; 2 июля (№ 27). Стб. 1411–1423; 9 июля (№ 28). Стб. 1466–1483; 16 июля (№ 29). Стб. 1513–1544.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(2 июня 1900 г.)

(С. 243)

Источники текста:

К. 1900. 2 июня (№ 151). С. 3. Подпись: Л. -ев.

ПССМ. Т. 6. С. 360–362. Под заглавием “Дело Скитских” (в качестве окончания очерка).

Печатается по тексту К.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(2 июля 1900 г.)

(С. 246)

Источник текста – К. 1900. 2 июля (№ 181). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 246. ...отпраздновал свой тридцатилетний юбилей Савва Иванович Мамонтов... – Вероятно, ироническое переосмысление оправдательного приговора Мамонтову, которому в это время было 59 лет. Но возможно, что Андреев ошибся: 5 октября 1900 г. 30-летие должен был отмечать сын С.И. Мамонтова – Всеволод. Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) – крупный промышленник, меценат. Разбогател на ж.-д. строительстве, был главным акционером ряда ж.-д. и промышленных обществ. Несколько лет жил в Италии: занимался пением, изучал живопись. В 1870–1890 гг. его подмосковное имение Абрамцево стало центром художественной жизни. В 1885 г. основал на свои средства Московскую частную русскую оперу (действовала до 1904).

В 1878–1899 гг. Мамонтов был председателем правления акционерного общества “Московско-Ярославско-Архангельские железные дороги”. Вместе с младшим братом Николаем внес значительную сумму на восстановление Невского механического завода в Петербурге. С.И. Мамонтов строил грандиозные планы, связанные с продолжением строительства Московско-Ярославской железной дороги, восстановлением заводов, а также хозяйственным и культурным освоением Русского Севера. Однако на бирже акции всех его предприятий резко упали в цене. Выхода из этой критической ситуации Мамонтову найти не удалось. Ревизия, проведенная П.С. Хитрово в 1899 г., обнаружила крупную недостачу в кассе общества. Ночью 11 сентября того же года Мамонтов был арестован. Еще находясь под арестом, Мамонтов получил открытое письмо от друзей-художников, подписанное Серовым, Врубелем, Репиным и др. Письмо было опубликовано в ведущих газетах и вызвало волну сочувствия к Мамонтову. Общественное мнение москвичей было на стороне подсудимого, дело которого считали “одним из эпизодов борьбы казенного и частного железнодорожного хозяйства” (Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 172). 23–30 июня 1900 г. в Московском окружном суде состоялся процесс, рассматривавший дело С.И. Мамонтова и др., обвинявшихся в крупных растратах денег, принадлежащих этому акционерному обществу, и злоупотреблениях. Процесс широко освещался в российской прессе. Присяжные вины подсудимых не признали, так как деньги были потрачены ими не лично на себя, а на благо общества, и все подсудимые были оправданы (подробные отчеты о процессе публиковались во многих газетах, см., например: [Б. н.] Дело Мамонтова // Право. 1900. 2 июля (№ 27). Стб. 1400–1411; 9 июля (№ 28). Стб. 1452–1466, и др.). 30 июня 1900 г. присяжные вынесли вердикт о его невиновности. Находившийся в зале суда К.С. Станиславский так вспоминал этот момент: “Зал дрогнул от

рукоплексаний. Толпа бросилась со слезами обнимать своего любимца” (Станиславский К.С. Собр. соч. М., 1959. Т. 6. С. 102).

С. 247. *В легонькой тени остаются Арцыбушев и Кривошеин...* – Арцыбушев Константин Дмитриевич (1849–1901) – бывший директор правления; Кривошеин Михаил Федорович – бывший начальник коммерческого отдела при правлении общества “Московско-Ярославско-Архангельские железные дороги”; были обвиняемыми по делу вместе с С.И. Мамонтовым.

...черным пятном выступает Ротштейн... – Мамонтов пытался организовать синдикат для покупки акций железных дорог через Санкт-Петербургский международный банк, директором-распорядителем правления которого был А.Ю. Ротштейн. В этом банке Мамонтов сначала заложил, а затем продал свои акции. На процессе Ротштейн выступал как свидетель. Ротштейн Адольф Юльевич (1857–1904) – германский подданный, банкир и финансист, советник министра финансов С.Ю. Витте, член правления и директор С.-Петербургского международного коммерческого банка в 1890–1904 гг. (подробнее о нем см.: *Грозный Д.* Петербург: История банков // Деловой Петербург. 2003. 14 авг. (№148)).

“*Вот С.Ю. Витте говорит*”... – Речь идет о показаниях на процессе Н.Г. Михайловского (Гарина), который рассказал о своем посещении по просьбе С.И. Мамонтова министра финансов С.Ю. Витте. Мамонтов попросил Михайловского передать письмо с просьбой выдать ссуду, на что Витте отвечал отказом, посоветовав “найти частные капиталы” (см.: [Б. н.] Дело С.И. Мамонтова // Рус. листок. 1900. 26 июля (№ 174). С. 4. (Судебная хроника. Московский окружной суд)). Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, министр финансов (1892–1903). Витте принял участие в деле по осуждению С.И. Мамонтова, с которым до этого находился в дружеских отношениях, а позднее резко поменял свою позицию. Министерство финансов в лице Витте вначале поддержало инициативу строительства дороги Петербург–Вятка и предоставило обществу “Московско-Ярославско-Архангельские железные дороги” выгодную концессию, а затем в лице того же Витте выступило с требованием об отобрании у общества концессии (подробнее см.: *Ильин С.В.* Витте. М., 2006. С. 176–182).

С. 248. ...объединив всю семью одним обвинительным актом... – Обвиняемыми по делу были также сыновья Саввы Ивановича, Сергей и Всеволод, и его младший брат Николай.

Солодовников Гаврила Гаврилович (1826–1901) – московский купец, миллионер, домовладелец, потомственный гражданин г. Москвы, мануфактур-советник, владелец пассажа на Кузнецком Мосту, первого в Москве, благотворитель.

Джамгаровы – “Братья Джамгаровы” – один из наиболее крупных банкирских домов в Российской империи, основан в 1874 г. Фирма целиком принадлежала братьям Ивану (глава банкирского дома), Афанасию, Николаю и Агаджану Исааковичам Джамгаровым.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(16 июля 1900 г.)

(С. 249)

Источник текста – К. 1900. 16 июля (№ 195). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 249. *Я был далек от Москвы, смотрел на лазурное море...* – Летом 1900 г. Андреев отдыхал в Крыму: “После Полтавы я был в Крыму и на Волге” (запись в дневнике Андреева от 30 августа 1900 г. – Дн9. С. 211).

– *Осмелюсь осведомиться, какого вы изволите быть мнения о Китае?* – Китай после военного поражения от Японии выглядел лакомым куском для западных держав. В 1898 г. Англия, Германия и Россия в форме “аренды” захватили ряд китайских портов. Россия арендовала на 25 лет Порт-Артур и Ляодунский полуостров и добилась согласия китайского правительства на постройку железной дороги Порт-Артур–Харбин. Ихэтуанское восстание (1899–1901) было начато тайным обществом “Ихэцюань” (“Кулак во имя справедливости и согласия”), позже получившим название “Ихэтуань” (“Отряды справедливости и согласия”) под лозунгом борьбы против иностранного засилья. На знамени “Ихэтуань” был изображен сжатый кулак, поэтому среди европейцев восстание получило название “боксерского”. В июне 1900 г. “ихэтуани” вступили в Пекин. Восстание сопровождалось массовыми убийствами “ихэтуанями” китайцев-христиан, нападениями на миссии европейцев, поджогами христианских храмов. Войска Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии подавили его. В августе 1901 г. в Пекине был подписан унижительный для Китая “Заключительный протокол” (“Боксерский протокол”), по которому Китай обязывался выплатить карателям большую контрибуцию и предать казни руководителей “боксерского” восстания. Андреев-фельетонист симпатизировал восставшим, но, ограниченный цензурными запретами, мог сказать немного в защиту “варваров-китайцев”, которых, опираясь на военную силу, жестоко усмиряют цивилизованные европейские колонизаторы. С помощью иносказаний и аллегорий Андреев в фельетонах “Москва. Мелочи жизни” (К. 1900. 23 июля; 30 июля; 30 авг.; 1901. 18 февр.) протестовал против расправы с “боксерами”, рассуждая о разных способах казни в Китае. Причина терпимости цензора к этому фельетону объяснялась, вероятно, начинавшимися сепаратными переговорами царского правительства с Китаем. Перепечатывая фельетон в своем Полном собрании сочинений, Андреев дал ему заглавие “О китайских головах”.

...плескалось о набережную море, и сверкало, как драгоценнейший алмаз в короне Творца, и пело свою трудовую и свободную песню, которую так чудно воспроизвел Максим Горький... – Вероятно, речь идет о рассказе М. Горького “Мальва” (1897).

С. 250. *...че-су-чу...* – Чесуча – суровая шелковая платяная ткань (китайского производства), вырабатываемая из особого сорта шелка –

туссора. Позже в Европе и России стали производить хлопчатобумажную чесучу.

... для небесной империи. – Поднебесная империя – одно из названий Китая.

“Российское Телеграфное Агентство” – До начала XX в. в России действовали частные телеграфные агентства, основным из которых было Российское телеграфное агентство (РТА), основанное в 1894 г. и являвшееся собственностью издателей нескольких, преимущественно петербургских, газет: “Новое время”, “Новости”, “Свет” и др. РТА имело договор с консорциумом крупнейших западных телеграфных агентств Вольф-Рейтер-Гавас. Агентство просуществовало до 1904 г., когда иностранные агентства не возобновили договора с РТА, а заключили его со вновь созданным Санкт-Петербургским телеграфным агентством.

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) – русский историк, публицист, автор популярных учебников по русской и всеобщей истории, написанных живым языком и выдержавших десятки переизданий.

С. 251. ... “От стен недвижного Китая”. – Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина “Клеветникам России” (1831): “От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая...”

И когда я прочел о “сообщениях” в Китае, о мученической, кровь охлаждающей смерти посланников... – 29 мая 1900 г. в Пекине китайскими солдатами на улице убит советник посольства Японии Сугияма, 20 июня посол Германии в Китае К. фон Кеттлер, после чего начался захват отрядами “ихэтуаней” дипломатических представительств европейских государств (посольский квартал), где около 900 европейцев и американцев находились под защитой всего лишь 525 иностранных солдат и офицеров. Китайская артиллерия обстреливала посольство Австро-Венгрии. Осада продолжалась до 14 августа.

С. 252. Уделено было некоторое внимание С.И. Мамонтову... – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 2 июля 1900 г.

С. 253. ...о неудачнике-дьячке, который всю жизнь разыскивал на церковном дворе клад... – См.: [Б. н.] Найденный клад // Моск. листок. 1900. 12 июля (№ 193). С. 3. (Московская жизнь).

...объявление войны г. Омоном. Врагами его, заранее побежденными, выступают обитатели Шаболовки, в самом центре которой г. Омон намеревается создать народный театр... – В июле 1900 г. Московская дума собиралась обсудить проект Ш. Омона открыть народный сад с летним театром близ Шаболовки. В частности, предполагалось, что в саду будет «буфет без “крепких” напитков» (см.: [Б. н.] Из обыденной жизни // Моск. листок. 1900. 12 июля (№ 199). С. 3). См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 5 марта 1900 г.

Дерби – вид скачек, проводившихся на ипподромах с дистанцией (в 1900) 2440 м, получил свое название по имени английского лорда Дерби. В России испытания под тем же названием проходили ежегодно начиная с 1886 г. на Ходынском поле. Разыгрывали приз “Всероссийского Дерби”, “Большой Всероссийский приз”, “Императорский приз”, приз “Рысистого Дерби” и др.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(19 июля 1900 г.)
(С. 254)

Источник текста – К. 1900. 19 июля (№ 198). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 254. *Александр Иванович Урусов* (1843–1900) – известный юрист. После окончания Московского университета в 1866 г. поступает в адвокатуру. Сразу приобрел широкую известность своими речами по делу Волоховой и делу Дмитриевой и Каструбо-Карицкого. Находясь в Швейцарии после “нечаевского” дела, вел агитацию за невыдачу Нечаева России. За это был сослан в Лифляндию. В 1876 г. был принят в прокуратуру. Служил в Варшаве, а затем в Петербурге. Прославился как государственный обвинитель, особо отмечали его речи по делу Гулак-Артемовской и делу Юханцева, участвовал в деле Савицкого и Галкина. В 1881 г. возвратился в адвокатуру. С.А. Андреевский считал его одним из создателей “свободного литературного языка защитительной речи”. По всеобщему признанию, его речи отличались эмоциональностью, яркими эпитетами и эффектными фразами, они сверкали как фейерверк. Импозантная внешность, приятный голос и талант полемиста способствовали его неизменному успеху во многих громких процессах. В 1881 г. он защищал в Париже французского литератора Л. Блуа и выиграл дело. Князь А.И. Урусов скончался 16 июля 1900 г. О похоронах его см. фельетон “Москва. Мелочи жизни” от 23 июля 1900 г. (наст. том, с. 257–261).

...об участии его в крупном процессе московского кредитного общества... – Дело о злоупотреблениях в Московском городском кредитном обществе слушалось на заседании Московской судебной палаты с 20 сентября по 4 октября 1899 г. Обвинялись бывшие директора общества А.А. Герике и С.К. Шильдбах, член наблюдательного комитета И.Я. Грачев и бухгалтер М.И. Михайлов, а также умерший к тому времени председатель правления И.Н. Цветухин. Проведенные в 1893 и 1897 гг. ревизии чиновниками Министерства финансов не были приняты правлением во внимание. Часть членов-заемщиков подала жалобу прокурору Московской судебной палаты, было проведено предварительное следствие, обнаружившее, что в течение 1890–1895 гг. члены правления выдавали ссуды по заведомо неправильным оценкам имущества; не назначали в торги имущества, по которым имелись сверхсрочные недоимки, выдавали под такие залоги дополнительные ссуды; оставляли непроданное с торгов имущество в распоряжении общества более года, что приносило убытки; показывали убытки, понесенные при продаже, под видом расходов на эти дома; убытки списывались не со счета запасного капитала, а из прибылей; назначали несуществующие комиссионные за продажу домов и т. д. Суд оправдал Грачева и Михайлова; Цветухин, Шильдбах и Гереке были признаны виновными по ст. 1154 и 1155 Уложения о наказаниях и приговорены к лишению всех прав и к высылке на жительство в Олонецкую губернию сроком на 10 лет. Однако гражданские

иски были признаны не подлежащими удовлетворению. В апреле 1900 г. Правительствующий сенат удовлетворил кассационный протест адвокатов и отменил решение суда, передав дело на новое рассмотрение. Подробный отчет о процессе см.: [Б. п.] Заседание по делу о злоупотреблениях в Московском городском кредитном обществе // Право. 1899. 3 окт. (№ 40). Стб. 1877–1896; 10 окт. (№ 41). Стб. 1939–1950. А.И. Урусов представлял на процессе гражданский иск одного из членов-заемщиков Московского кредитного общества – А.С. Вишнякова. Выступление Урусова на процессе было одним из последних в его жизни. Изложение речи А.И. Урусова на процессе см.: Право. 1899. 10 окт. (№ 41). Стб. 1943–1944. В “Курьере”, как и в других газетах, также публиковались отчеты с этого процесса.

С. 255. “Кредитка” – Московское городское кредитное общество.

“Бурак” – бумажная трубка, набиваемая горючим составом и хлопущей (зарядом пороха), для потешных огней.

...на днях из “Нового времени” узнал я, что у г. Рейнбота мефистофелевская улыбка... – Речь идет о статье: Ежов Н. Дело Мамонтова и К^о: (Итоги судебных впечатлений) // НВ. 1900. 3 (16) июля (№ 8745). С. 3. Рейнбот Павел Иванович (1839–1916) – экономист, исполнял обязанности эксперта в судебной палате, окружном и коммерческом судах. На процессе по делу о злоупотреблениях в Московском городском кредитном обществе Рейнбот был защитником С.К. Шильдбаха.

С. 256. *Екатерининская зала* – зал в здании московских судебных установлений, где слушались наиболее важные процессы и процессы, где предполагалось заслушать большое количество свидетелей.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(23 июля 1900 г.)

(С. 257)

Источник текста – К. 1900. 23 июля (№ 202). С. 3. Подпись: James Lynch.

С. 257. ...если у китайцев идет теперь такой же дождь, им много простится за причиненное убийство иностранцев. – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 16 июля 1900 г.

...я заговорю на языке Конфуция... – Конфуций (Кун-цзы) (ок. 551–479 до н. э.) – древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства – идеологии, являющейся основой китайской цивилизации.

Умер кн. Урусов. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 19 июля 1900 г.

С. 257–258. ...умер Г.А. Джанишев. – Джанишев Григорий Аветович (1851–1900) – московский адвокат, теоретик права, публицист и историк. Изучал историю судебной реформы и вообще преобразований 60-х годов XIX в. Автор нескольких крупных монографий, ряда биографических этюдов о выдающихся деятелях крестьянской и судебной реформ. В своих трудах пропагандировал и защищал основные начала судебной реформы

(“Эпоха великих реформ”). Г.А. Джаншиев скончался 17 июля 1900 г. (см.: *Ермилов В. Памяти Г.А. Джаншиева // К. 1900. 19 июля (№ 198). С. 3; [Б. н.] Певец эпохи великих реформ // Рос. 1900. 19 июля (1 авг.) (№ 442). С. 3).*

С. 258. *И если бы покойник мог, как один из героев Марка Твена, влезть на козлы своей погребальной колесницы, он удивился бы, как много у него друзей...* – Имеется в виду рассказ М. Твена “Разговор с интервьюером” (1875) из сборника “Старые и новые очерки”.

...после смерти Пржевальского... – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 28 января 1900 г.

С. 258–259. *В одной из посмертных статей о кн. Урусове, принадлежащей перу близко знавшего его г. Плещеева, было многозначительно брошено, что из Петербурга князя заставили уйти нападки на него петербургской прессы.* – См.: *Плещеев А. Памяти князя А.И. Урусова // Рос. 1900. 18 июля (№ 441).* Плещеев писал: “Урусов жаловался всегда на грубоватый, пренебрежительный тон, с которым часто приходилось встречаться в периодической печати, раз речь заходила об адвокатах. Сословию присяжных поверенных в этом отношении особенно не везло. Не смею утверждать, но полагаю, на основании моих личных наблюдений, что одной из причин, которые влекли А.И. перебраться в Москву, были бесконечные нападки на него, насмешки и пр. в петербургской печати почти после каждого процесса, в котором он выступал”.

С. 259. *Китайские боксеры* – см. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 16 июля 1900 г.

Самсон – знаменитый библейский герой, обладавший необыкновенной физической силой и прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами (Книга Судей, гл. 13–16).

...показал недавно г. Станюкович, на двух небольших полосках бумаги уничтоживший шесть славнейших московских адвокатов, дерзостно выступивших в процессе Мамонтова. – См.: *Станюкович К. Воскресные сказки // Сев. курьер. 1900. 9 (22) июля (№ 245). С. 2.*

...Карабчевский, который еще недавно совершенно безвозмездно вынес на своих плечах тяжелую защиту братьев Скитских... – См. судебные отчеты Андреева о процессе братьев Скитских и коммент. к ним.

С. 260. *...“по ту сторону хвалы и брани”...* – Шутливая переключка с названием работы Ф. Ницше “По ту сторону добра и зла” (1886).

Придерживаясь терминологии Гейне, одного из них, кн. Урусова, нужно назвать “эллином”, тогда как Джаншиев типичный последовательный “иудей”. – Немецкий поэт Генрих Гейне установил свое собственное деление людей на “эллинов” и “иудеев” (“назаретян”). В эссе “Людвиг Берне” (1840) Гейне писал: «“Иудей” и “христиане” – для меня это слова, совершенно близкие по смыслу, в противоположность слову “эллины”, – именем этим я называю тоже не отдельный народ, но столько же врожденное, сколько и приобретенное развитием направление ума и взгляд на мир. В этом смысле можно бы сказать: все люди – или иудеи, или эллины; или это люди с аскетическими, иконоборческими, спиритуалистическими задатками, или же это люди жизнерадостные, гордящиеся способностью

к прогрессу, реалисты по своей природе» (Гейне Г. Собр. соч. Л., 1958. Т. 7. С. 15). Себя он считал знаменосцем жизнерадостного эллинизма, в противовес суровому иудаизму, к которому, например, причислял Берне. Однако отношение к “иудейству” у Гейне со временем менялось, в своих “Признаниях” (1854) он отмечал: “С той поры уменьшилось мое пристрастие к Элладе. Я вижу теперь, что греки были лишь прекрасными юношами, евреи же всегда были мужами, могучими, непреклонными мужами, и не только в былые времена, но и до сего дня, несмотря на восемнадцать веков гонений и страданий. С той поры я научился лучше ценить их...” (Там же. Т. 9. С. 122).

...построил маленький храмик Флоберу. – Будучи адвокатом, А.И. Урусов горячо интересовался литературой, особенно французскими писателями (Бодлером, Флобером), устраивал у себя дома вечера, посвященные Флоберу, на которых читал его произведения в оригинале. Вокруг Урусова образовался кружок “флобертистов”. В стихотворении “Р.М. Хин” (“Я мысленно вхожу в ваш кабинет...”) (1913) М.А. Волошин писал об Урусове: “Творец людей, глашатай книг и вкусов, / Принесший нам Флобера, как Коран, / Сюда входил, садился на диван / И расточал огонь и блеск Урусов” (Волошин М.А. Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 193).

С. 261. *Антикварий* (лат. antiquarius) – то же, что антиквар (устар.).

Митральеза (фр. mitrailleuse) – картечица, старинное многоствольное орудие для непрерывной стрельбы картечью.

...наслаждаюсь речами Вильгельма... – 14 (27) июля 1900 г. в Гамбурге кайзер Вильгельм II обратился к германскому экспедиционному корпусу фельдмаршала А. фон Вальдерзее, отправлявшемуся в Китай для подавления “боксерского” восстания: “Когда встретитесь с врагом, то помните: пощады не давайте, пленных не берите, так действуйте своим оружием, чтобы через 1000 лет ни один китаец не смел на немца косо посмотреть. Откройте путь цивилизации раз и навсегда!” (см.: [Б. н.] Внешние известия // *НВ*. 1900. 18 (31) июля (№ 8760). С. 3).

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(30 июля 1900 г.)

(С. 262)

Источник текста – *К*. 1900. 30 июля (№ 209). С. 2. Подпись: James Lynch.

Фельетон продолжает ранее начатую Андреевым тему жестокого подавления восстания “боксеров” в Китае (см. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 16 июля 1900 г.).

Россия, наряду с другими европейскими державами, сыграла одну из ключевых ролей в подавлении восстания. Внутри самой России на эти события реагировали по-разному. В.С. Соловьев в предсмертной заметке “по поводу последних событий” увидел в них предзнаменование окончательной развязки истории (опубликовано посмертно в журнале “Вестник

Европы” (1900. № 9)), а в стихотворении “Дракон” (1900) воспел императора Вильгельма II, призывавшего при отправлении в Китай германских солдат отомстить китайцам за убийство в Пекине немецкого посланника и не брать пленных. К разделу Китая призывал кн. С.Н. Трубецкой, сходясь в этой позиции с консервативными публицистами “Московских ведомостей” (Трубецкой С.Н. Письмо в редакцию // *СПбВед.* 1900. 31 авг. (12 сент.) (№ 238)). России, по их мнению, предстояло выполнять роль барьера на пути “желтой опасности”, которая угрожала христианскому миру. В 1900 г., в самый разгар китайского восстания, вышла в свет брошюра Э.Э. Ухтомского “К событиям в Китае: Об отношениях Запада и России к Востоку”, где, в частности, он писал: “Движение, охватившее пока лишь часть Китая и, конечно, всю тяжестью обрушивающееся на Россию за ее, надо надеяться, временное и случайное отождествление своих интересов с интересами других хищнически настроенных и лукаво действующих держав, – это движение грозит разрастись до небывалых размеров, увлекая в страшный водоворот и те элементы, которые еще недавно могли считаться совершенно индифферентными и нейтральными по отношению к Дальнему Востоку...” (Указ. соч. С. 1). Примерно такую же антиевропейскую и прокитайскую позицию занимал и издатель “Нового времени” А.С. Суворин, настойчиво советовавший своему народу не “таскать каштаны из огня” ради блага англичан и не ссориться с китайцами (см.: Суворин А. Маленькие письма // *НВ.* 1900. 25 июля (7 авг.) (№ 8667). С. 1–3). Однако наиболее резко и откровеннее всех высказывался Сигма (С.Н. Сыромятников) в своих “Опытах русской мысли”, опубликованных в 1900–1901 гг. на страницах той же газеты, а затем вышедших отдельным изданием: “Мы сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом... Отныне не будем мы защищать грудью Европу от Азии, как защищали ее от натиска татар. Мы пойдем заодно с этой Азией, ибо мы нашли себя и обдумали себя и увидели, что вы идете не на дело жизни и обоготворения, а на дело смуты и служения дьяволу” (*Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли.* СПб., 1901. Кн. 1. С. 30). Сыромятников, признавая влияние, оказавшее на становление его мировоззрения кн. Ухтомским (в составе миссии Ухтомского Сыромятников в 1897 г. посетил Китай), пытался сочетать “восточнические” идеи с русским национализмом, тогда как Ухтомский считал такое сочетание невозможным: “И для завершения всемирной истории нужно, чтобы потенциалы Востока и Запада сравнялись, чтобы новый монгол чувствовал себя как дома в Европе и чтобы новый европеец чувствовал себя как дома в сердце Азии. А это произойдет тогда, когда израсходуется огромная скрытая энергия Китая, энергия такой силы, с которой не в состоянии бороться психическая энергия Запада, где отдельные личности торчат, как худо причесанные волосы, а народ растрчивает больше сил, чем их получает. Всякий, кто видел европейцев на Дальнем Востоке, знает, как легко окитаиваются лучшие из них, а худшие развращаются и погибают” (*Сигма [Сыромятников С.Н.]. Русская философия // НВ.* 1900. 5 (18) марта (№ 8628)).

С. 262. ...в виде ворвани... – Ворвань – вытопленный жир морских животных.

...с приказчиком чайного магазина Цзинь-Лунь. – В Москве и Петербурге в конце XIX – начале XX в. было несколько магазинов Товарищества кяхтинских чаоторговцев “Цзинь-Лунь” с главной конторой в С.-Петербурге.

С. 263. ...только что вернувшегося из Кяхты... – Кяхта (от бурятского “хяагта”, пырей, пырейное место) – город на берегу р. Кяхта на юге Бурятии, на границе с Монголией, торговый форпост на самом коротком пути в Пекин. С конца XVIII в. здесь проходил знаменитый “чайный путь”. После открытия пути в Китай через Суэцкий канал (1869) и постройки Китайско-Восточной железной дороги (1903) Кяхта потеряла значение главного пункта торговли с Китаем и стала центром русской торговли с Монголией.

...удобство иметь при себе постоянный объект для интервьюерства, который к тому же можно носить в кармане, пересилило все иные соображения, и я взял китайца. По счастливому совпадению его звали Лихунчангом... – Ли Хунчжан (Ли Хунчанг) (1823–1901) – китайский государственный деятель и дипломат. В течение ряда лет фактически руководил внешней политикой Китая. Участвовал в дипломатических переговорах с Францией во время Франко-китайской войны (1884–1885), подписал Симонсекский мирный договор с Японией (1895), заключил секретный договор с Россией (1896), подписал Заключительный протокол с державами (1901). В конце апреля 1896 г. Ли Хунчжан прибыл в Петербург, где почти немедленно начались его переговоры с Витте, сторонником “мирного проникновения” в Китай. Переговоры велись на основе признания “целостности Китая” и необходимости заключения оборонительного союза. В мае 1896 г. Ли Хунчжан присутствовал на торжествах по случаю коронации Николая II, проходивших в Москве, где и был подписан договор. 7 августа 1900 г. указом трона Ли Хунчжан был назначен главой маньчжурской делегации на переговорах с державами. Беседа Ли Хунчжана с “одним высокопоставленным европейцем, приехавшим в Пекин с миссией”, была опубликована в “Биржевых ведомостях” (1900. 7 (20) июня (№ 153). С. 1) и перепечатана “Московским листком” (1900. 9 июня (№ 160). С. 3).

С. 264. На них напали буры, неожиданно объявили им войну, и англичане защищают свою независимость, а также и культуру, которой не признают буры. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 12 февраля 1900 г.

..на Кузнецком Мосту... – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 2 мая 1900 г.

“Новое время” тебя любит и помилование тебе выхлопочет... – Речь идет о ряде статей в газете, призывавших не считать Китай врагом, несмотря на его враждебное отношение к России, настроенной “на мирный лад”. Китай – сосед на огромном протяжении границ, “мы связаны с Китаем”, поэтому Россия должна лишь “водворить порядок на границах” (см.: Суворин А.С. Маленькие письма // НВ. 1900. 17 (30) июля (№ 8759). С. 2; 20 июля (2 авг.) (№ 8762) С. 2). А в беседе с П. В-евым П.А. Бадмаев, автор только что вышедшей книги “Россия и Китай” (СПб., 1900), проведенный несколько месяцев в Пекине, призывал, “идя в Китай, войти в него

с Евангелием” (Русско-китайские дела // *НВ*. 1900. 25 июля (7 авг.) (№ 8767). С. 2).

...дворец на Воздвиженке... – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 2 мая 1900 г.

...в “Аквариум”, а то в “Альгамбру” каждый вечер бы ходил... – “Аквариум” – см. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 7 мая 1900 г. “Альгамбра” – театр и сад, располагался в Петровском парке, директор В.С. Самойлов. В 1900 г. на сцене театра выступали артисты “русской оперетки” А.М. Дединцова, а на открытой сцене весь вечер давались представления.

...стихотворения Лохвицкой читал бы! – Лохвицкая Мирра (Мария) Александровна (в замужестве Жибер; 1869–1905) – поэтесса, сестра Н.А. Тэффи. Была популярна в конце XIX – начале XX в. Участница “пятниц” К.К. Случевского. Известности Лохвицкой отчасти способствовал привкус скандала, сопровождавший выход сборников ее стихов, в которых прозвучал декларативный отказ от “идейной” поэзии и утверждение свободы чувств, вылившейся в воспевание страстной, чувственной любви; современники называли ее “русской Сафо”.

С. 265. *...и вы там с миссионерами не то чтобы очень нежно поступали.* – “Боксерское” восстание сопровождалось расправами над христианскими миссиями: в мае 1900 г. “ихэтуани” сожгли храм и школу русской православной миссии в Дундинане, главе миссии отцу Сергию Чану удалось бежать и добраться до Пекина; в июне сожжена русская православная миссия в Бэйгуане. 26 июня в Тайюане на площади у губернаторского дворца, в присутствии губернатора Ю Шина, “ихэтуанями” было зарублено 45 английских миссионеров, в том числе женщины и дети (33 протестанта и 12 католиков) и др.

...вон А.С. Суворин говорит, что мы сами на две трети азиаты... – См.: *Суворин А.С.* Маленькие письма // *НВ*. 1900. 20 июля (2 авг.) (№ 8762). Андреев произвольно цитирует Суворина; последний писал, что “мы на две трети европейцы и только треть азиаты”, но азиаты не по крови, а “по культуре и народностям, которые входят в состав русского государства”.

...рисунки, изображавший груды трупов: то были индийцы умершие от голода. – См.: *НВ*. 1900. 15 (28) июля (№ 8757). С. 12 (в приложении). Подпись к рисунку: “Умершие от голода в Индии”.

...жаль... что вы не были на Гаагской конференции. – На первой Гаагской конференции (1899) были приняты три конвенции о законах и обычаях войны (о защите мирных жителей, режиме военнопленных и т. д.). См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 12 февраля 1900 г.

...тули дум-дум... – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 19 марта 1900 г.

С. 266. *Ждешь, пока европейцы из-за тебя друг с другом передерутся, радуешься, что гвалт поднялся из-за кусочка Вузунга, который у англичан из кармана торчит.* – Речь идет о разногласии между Англией и остальными союзными державами относительно особых прав Англии в торговле в районе долины реки Янцзы. Вузунг (Вузун, У-сун; в “Курьере” опечатка:

Вубуиг) – река, впадающая в Янцзы, и предместье Шанхая. В устье Вузунга находились форты, защищающие Шанхай с моря, здесь располагалась промежуточная база для войск, перебрасываемых из Европы, Африки и Индии на север Китая. В статье «“Veni, vidi, vici” адмирала Сеймура» (*НВ*. 1900. 26 июля (8 авг.) (№ 8768). С. 1) сообщалось о намерении англичан прислать в Шанхай три тысячи сипаев для наведения порядка и о беседе вице-адмирала Э. Сеймура с местным вице-королем. По мнению обозревателя “Нового времени”, “утверждение англичан в Шанхае гораздо более чревато ощутимыми для всех держав последствиями, чем это, может быть, кажется на первый взгляд”. “Сухопутные успехи” адмирала Сеймура “совершенно расходятся с интересами других наций. Фактическое бессилие Англии водворить порядок на Янцзы и какие-то отдельные соглашения ее об этом с князьками (...) создают в этой местности совершенно ложное положение, которое без последствий остаться не может”.

Прошлый раз я писал, что Г.А. Джанишев... – См. фельетон “Москва. Мелочи жизни” от 23 июля 1900 г. и коммент. к нему.

Вот что пишет в “России” Old Gentleman... – См.: *Old Gentleman [Амфитеатров А.В.]*. Этюды. СХLIII // *Рос.* 1900. 23 июля (5 авг.) (№ 446). С. 2. *Old Gentleman* – один из псевдонимов Александра Васильевича Амфитеатрова (1862–1938), прозаика, публициста, фельетониста, литературного и театрального критика, драматурга, автора сатирических стихов.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(8 августа 1900 г.)

(С. 267)

Источники текста:

К. 1900. 8 авг. (№ 218). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Юр. Т. 1. С. 11–15. Под заглавием “Г. Экстемпоралий”.

Пр. Т. 1. С. 227–231. Под заглавием “Он умер, бедный экстемпоралий”.

ПССМ. Т. 6. С. 273–275. Под заглавием “Он умер, бедный экстемпоралий”.

Печатается по тексту *К.*

С. 267. *Экстемпоралий* – школьное письменное упражнение, состоящее в переводе с русского языка на иностранный (главным образом латинский или древнегреческий) без предварительной подготовки. Циркуляром министра народного просвещения № 20085 от 1 августа 1900 г. о введении новых учебных планов по древним языкам в мужских гимназиях предписывалось: “(...) экстемпоралии, как средство учебного контроля, должны быть устранены из школьной практики как не достигшие своей цели” (*Журн. Мин-ва народного просвещения.* СПб., 1900. Ч. 331 (сент.). С. 58). Также см.: *Мопассан Г.* Латынь // *РВед.* 1900. 24 марта (№ 83). С. 2; *С.П.* Школа и жизнь // *Христианское чтение.* 1900. № 10. С. 645–655, и др.

Вы читали: “В ограниченном количестве”... – Циркуляр отменял письменные упражнения на экзаменах по древним языкам, однако предлагал “...в течение года за письменными упражнениями {...} сохранить исключительно дидактическое значение, употребляя их не часто и в ограниченном объеме” (Журн. Мин-ва народного просвещения. С. 59).

С. 268. *Была без радости любовь, / Разлука будет без печали.* – Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова “Договор” (1841): “Была без радостей любовь, / Разлука будет без печали”.

Консул Метелл (Цецилий) – римский консул, возглавлявший армию Рима в войне с нумидийским царем Югуртой. После ряда поражений Югурта пришел к партизанской войне, к которой римляне оказались не готовы. Метелл был смещен Сенатом и заменен Гаем Марием, сумевшим захватить Югурту и таким образом положить конец войне. Здесь и далее сатирически обыгрываются типичные примеры тем и синтаксических конструкций, используемых в экстемпоралиях.

“Кто знает, не были ли гуси те птицы, которые спасли Рим?” – Имеется в виду предание о том, как гуси своим гогогом разбудили стражу в тот момент, когда неприятельское войско галлов, под покровом ночи, взбиралось на стены Капитолия – городской крепости, – и тем спасли Рим.

...уяснял значение косвенной речи Цезаря... – Цезарь (Caesar) Гай Юлий (102 или 100 – 44 до н. э.) – римский диктатор, полководец. Известны его “Записки о галльской войне” и “Записки о гражданской войне”, в которых речи персонажей передаются Цезарем преимущественно в косвенной форме, а сам о себе он пишет в третьем лице, чтобы произвести впечатление большей объективности повествования.

...для того юноши, который сжег руку... – Имеется в виду Сцевола (Муций), римский юноша, пытавшийся убить царя этрусков Ларса Порсену, войско которого осадило Рим, и вернуть престол последнему римскому царю Тарквинию. Был схвачен и во время допроса положил правую руку на горящие в жаровне угли. Пораженный Порсена отпустил его и снял осаду с Рима. Получил от римлян прозвище Сцевола, что значит “левша”.

Венцингеторикс – полководец, предводитель восстания галлов, подавленного Гаем Юлием Цезарем в 54 г. до н. э.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

{13 августа 1900 г.}

(С. 270)

Источники текста:

К. 1900. 13 авг. (№ 223). С. 2. Подпись: James Lynch.

Юр. Т. 1. С. 16–28. Под заглавием “Веселая жизнь”.

Пр. Т. 1. С. 77–87. Под заглавием “В кругу”.

ПССМ. Т. 6. С. 181–185. Под заглавием “В кругу”.

Печатается по тексту *К.*

С. 270. *Полиандрия* – многомужество.

Повинтим – от названия карточной игры – винт.

Будь я доктор, сейчас в Китай поехал бы. – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 16 июля 1900 г.

...садились с передаточными билетами. – В 1891 г. сети дорог Первого и Второго обществ конно-железных дорог в Москве были объединены в одну, была унифицирована система маршрутов, система тарифных станций, введена единая билетная система. Все линии были разделены на зоны, билеты продавались кондуктором. Если пассажиру требовалась пересадка на другую линию, он предупреждал об этом кондуктора и приобретал передаточный билет, который был действителен в течение часа. При пересадке пассажир предъявлял на другой линии этот билет, на котором кондуктор делал соответствующую отметку.

С. 272. *Ах, это не при вас упал с каната?* – Речь идет о несчастном случае в саду Васильева, где канатоходец Федор Молодцов получил при падении опасные повреждения, а его помощник Клементьев умер на месте (*Петербуржец* [Суворин А.С.]. Маленькая хроника // *НВ*. 1900. 16 (29) июня (№ 8728). С. 3).

...вспомнил Рим с его знаменитыми “хлеба и зрелищ”... – *Panem et circenses* (лат.) – букв.: “Хлеба и цирковых зрелищ” – требование римской черни при императоре Августе (63 до н. э. – 14 н. э.). Выражение из сатиры римского поэта Ювенала.

Пекин горит... – 31 мая 1900 г. в Пекине начались поджоги “ихэтуанями” зданий европейских миссий. Начиная с южного города, по всему Пекину и за городом мятежники сожгли не только жилища европейцев, но и кварталы, где жили китайцы-христиане. За ночь было сожжено восемь христианских храмов. См. также коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 16 июля 1900 г.

Вон баронесса Зуттнер пишет... – Зуттнер Берта фон (Bertha von Suttner, 1843–1914) – австрийско-немецкая писательница, лауреат Нобелевской премии мира (1905). Мировую известность получил ее роман “Долой оружие!” (1889, на русском языке 1892), содержащий страстный протест против войны. С этого времени Зуттнер посвятила себя главным образом пропаганде идей пацифизма; она руководила Венским союзом друзей мира, в 1892–1899 гг. издавала журнал “Долой оружие!”. В 1905 г. Берта фон Зуттнер с большой похвалой отзывалась об антивоенном рассказе Андреева “Красный смех”, переведенном на немецкий язык, и прислала Андрееву свою фотографию с автографом.

С. 273. *...предоставил даже, вроде гаршинского героя, как это лежат в ряд трупы: один, два... тысячи...* – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 12 февраля 1900 г.

А Солодовников-то Гаврила Гаврилович. Скидочку просил насчет канализации. – На заседании Московской городской думы 8 августа 1900 г. обсуждалось ходатайство купца Г.Г. Солодовникова “об уменьшении канализационных сборов с его владения (Пассаж на Кузнецком Мосту) и об отмене и о закрытии водостока из означенного владения”, которое Дума единогласно отклонила (см.: [Б. н.] Из обыденной жизни // *Моск. листок*. 1900. 9 авг. (№ 221). С. 3).

Верхние ряды – т. е. Верхние торговые ряды, пассаж на Красной площади, выстроен в русском стиле в 1887–1894 гг. (арх. А.Н. Померанцев). В настоящее время – часть торгового комплекса “ГУМ”.

...“Уставы” и “Уложения”... – В России к началу XX в. действовало несколько источников уголовного права и судопроизводства: общие – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г.; Устав уголовного судопроизводства 1864 г.; Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям, 1889 г.; специальные – Воинский устав о наказаниях 1875 г.; Дисциплинарный устав 1888 г.; Военно-судебный устав 1883–1885 гг. и др.

Экстемпоралий – см. фельетон “Впечатления” от 8 августа 1900 г. и коммент. к нему.

С. 274. *Иван Петрович возмутился поведением Англии...* – В мае–июле 1900 г. английские войска взяли Йоханнесбург, Преторию (столицу Трансвааля), Стандертон, в августе разгромили бурскую армию генерала Л. Боты в сражении у г. Бергендаль, в сентябре главком английских войск в Южной Африке генерал Робертс официально объявил об аннексии Великобритании бурской республики Трансвааль. Борьба на этом не кончилась. Буры перешли к партизанской войне, причем ее огонь охватил цитадель британского господства в Южной Африке – Капскую колонию. Сломить это сопротивление англичане смогли только при помощи исключительно жестоких мер. Войска сжигали бурские фермы, уничтожали посевы, угоняли скот. Чтобы прекратить партизанскую войну, английские власти сгоняли гражданское население страны – женщин, детей, стариков – в концентрационные лагеря (официально они, как бы в издевку, именовались “refuge” – “убежище”, “место спасения”). Сетью таких лагерей была покрыта целая страна – впервые в истории человечества. Туда согнали 200 тыс. человек гражданского населения – 120 тыс. буров и 80 тыс. африканцев (содержали их, разумеется, отдельно). См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 12 февраля 1900 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

{14 августа 1900 г.}

(С. 276)

Источники текста:

К. 1900. 14 авг. (№ 224). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Пр. Т. 1. С. 224–226. Под заглавием “Лето”.

ПССМ. Т. 6. С. 272–273. Под заглавием “Лето”.

Печатается по тексту К.

С. 276. *Малайцы* – распространенное ранее название народов Юго-Восточной Азии, говорящих на языках индонезийской ветви.

С. 277. *Играть в бабки* – играть в кости, броском сбивая бабки (кости сустава ноги животных), установленные на расстоянии.

...положил на нее № “Курьера”, в котором говорится об отмене каникулярных работ. – См.: Циркуляры министра народного просвещения попечителям учебных округов. (IV. Об отмене летних каникулярных работ учеников средних учебных заведений) // К. 1900. 6 авг. (№ 216). С. 1.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(19 августа 1900 г.)
(С. 278)

Источники текста:

К. 1900. 19 авг. (№ 229). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Пр. Т. 1. С. 140–143. Под заглавием “Продолжение”.

ПССМ. Т. 6. С. 213–214. Под заглавием “Безумец” (в качестве окончания очерка).

Печатается по тексту К.

С. 279. ...вплоть до Самозванца. – Имеется в виду Григорий Отрепьев, сын галичского дворянина, бежавший из Чудова монастыря в Польшу и объявивший себя царевичем Дмитрием (на самом деле погибшим в 1591 г. в Угличе). В июне 1605 г. после внезапной смерти Бориса Годунова Лжедмитрий I вступил в Москву и занял царский престол. Убит 17 мая 1606 г. в результате заговора во главе с князем В.И. Шуйским.

Презируют театры – Коршу достаётся при этом наипаче. – Федор Адамович Корш (1852–1923), окончив юридический факультет Московского университета, работал присяжным поверенным, был переводчиком и драматургом. Поначалу Корш “содержал вешалку” в театре Анны Бренко, впоследствии основал собственную русскую драматическую труппу. В результате собрался довольно сильный состав, который 30 августа 1882 г. в Камерном зале Газетного переулка сыграл гоголевского “Ревизора”. В 1885 г. построил театральное здание в Богословском переулке. Театр славился сильной труппой, в 1900–1909 гг. главным режиссером театра был Н.Н. Синельников. Каждую пятницу в театре выпускалась премьера, каждый сезон чуть ли не все члены труппы награждались бенефисами, что засоряло репертуар. Никем в труппе Корш не дорожил, легко меняя даже премьеров. Говорили, что он не видел у себя в театре ни одного спектакля до конца, но в антрактах прислушивался к разговорам в буфете и к мнению капельдинеров. “Традицией” коршевского театра была эксплуатация обаяния и заразительности актерских дарований.

Литературно-художественный кружок – один из первых клубов московской интеллигенции. Создан в 1899 г. по инициативе А.П. Чехова, К.С. Станиславского, М.Н. Ермоловой, А.Ф. Кони и др. Кружок состоял из действительных членов, кандидатов (артистов, ученых, общественных деятелей) и членов-соревнователей (крупных фабрикантов, банкиров, адвокатов, инженеров, врачей), имел большую библиотеку, галерею портретов писателей и деятелей искусств. В залах кружка устраивались выставки, банкеты, юбилейные торжества, по вторникам – доклады и диспуты, по пятницам – концерты и спектакли. Кружок существовал за счет дохода от карточной игры.

Выдающиеся умы заняты изобретением нового таксометра для извозчиков. – В 1899 г. в Московской городской думе была создана комиссия, которая должна была разработать тарифы оплаты проезда на извозчике, в августе 1900 г. этот вопрос обсуждался на заседании Думы (см.: [Б. п.] Из обыденной жизни // Моск. листок. 1900. 16 авг. (№ 228). С. 3). Было решено использовать таксометр петербургского инженера А.Г. Кацкого.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(20 августа 1900 г.)

(С. 281)

Источник текста – К. 1900. 20 авг. (№ 230). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 282. *Устав о пресечении и предупреждении преступлений* – Устав о предупреждении и пресечении преступлений был принят в 1857 г., дополнен в 1876 г. В нем, наряду с перечнем деяний и лиц, подлежащих превентивному воздействию, регламентировались также действия как правоохранительных органов, так и населения. Устав состоял из 326 статей, заключенных в пяти разделах: о предупреждении и пресечении преступлений против веры; преступлений против общественного порядка и учреждений правительства; беспорядков при увеселении и забавах, пресечении явного соблазна и разврата в поведении; о предупреждении и пресечении преступлений против личной безопасности; преступлений против имущества.

Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин, 1855–1937) – русский писатель-символист.

Мюр и Мерилиз – модный московский магазин. Ныне – ЦУМ.

С. 283. *“Бледный месяц плывет над рекой”* – искаженное начало романса А.П. Денисьева *“Чудный месяц”* (1896): *“Чудный месяц плывет над рекою...”* (см.: Песни русских поэтов. Л., 1988. Т. 2. С. 418). Слова романса являются фольклоризованным вариантом стихотворения Вас.И. Немировича-Данченко *“Ты любила его всей душою”* (1882).

“Когда я был свободный мальчик, не знал я горя, ни нужды” – народная песня *“Когда я рос, мальчик, свободный...”* (см.: Великорусские народные песни / Изд. проф. А.И. Соболевским. СПб., 1900. Т. 6. С. 430–431).

Девет Христиан Рудольф (1854–1922) – южноафриканский генерал; во время Англо-бурской войны 1899–1902 гг. один из руководителей бурских войск и партизанских отрядов.

...Какой прелестный этот день, / Когда в сей деревенский сень... – неточная цитата из куплетов месье Трике *“Какой прекрасный этот день”* (2 акт, 4 карт.) из оперы П.И. Чайковского *“Евгений Онегин”* (1879).

Belle Tatiane – обращение к пушкинской героине в куплетах месье Трике в романе А.С. Пушкина *“Евгений Онегин”* (гл. V, строфа XXVII).

...чувствительные романы Грандиссона... – Андреев имеет в виду любимого пушкинской Татьяной главного героя романа Сэмюэля Ричардсона, английского писателя, одного из основоположников европей-

ского сентиментализма, автора романа “История сэра Чарльза Грандисона” (1754).

С. 284. *...копейка с градуса спирта и с четвертки табаку.* – Указом Николая II от 6 августа 1900 г. “О временном повышении некоторых акцизных обложений” в связи с событиями на Дальнем Востоке, потребовавшими увеличения расходов, были повышены акцизы на спирт с 10 до 11 коп. с градуса, на водочные изделия с 1 до 2 руб. с ведра, на пиво с 30 до 40 коп. с заторного ведра, на табачные изделия с 2 до 4 руб. с пуда, на махорку – с 8 до 9 коп. с фунта (до 1 января 1902 г.). *Четвертка* – пачка (чая, табака и т. п.) весом в четверть фунта.

В начале войны с Китаем... – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 16 июля 1900 г.

“Мерзавчик” – бутылка водки емкостью 0,33 л.

С. 285. *После его “Казни”...* – Драма Г.Г. Ге “Казнь” была поставлена в театре Корша в 1898 г. Режиссер Н.Н. Синельников, в спектакле были заняты Н.К. Шателен, А.Н. Соколовский.

...скоро откроются двери Общедоступно-художественного театра. – Сезон 1900/1901 гг. был у Художественного театра третьим по счету, перед началом сезона театр впервые был на гастролях, которые проходили в Крыму. По возвращении Станиславский начал репетировать “Снегурочку” А.Н. Островского и “Доктора Штокмана” Г. Ибсена.

...прелестную Раутенделейн... – Раутенделейн (существо из мира фей) – персонаж пьесы Г. Гауптмана “Потонувший колокол”, поставленной в МХТ в 1898 г. (постановка К.С. Станиславского и А.А. Санина).

...загадочную Ирен... – Ирен – персонаж пьесы Г. Ибсена “Когда мы, мертвые, пробуждаемся” (*Når vi de vægner*). Премьера спектакля в МХТ (пер. с норв. Э.Э. Маттерна) состоялась 28 ноября 1900 г., но о предстоящей постановке было известно еще в мае. Например, в “Курьере” в разделе “Театр и музыка” была размещена информация о планах театра на следующий сезон: 17 мая (№ 136) о предстоящей постановке “последнего произведения Генриха Ибсена”, а 21 мая (№ 140) о “литературной беседе” К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко с артистами театра, посвященной новой пьесе Ибсена, которая “пойдет второй пьесой будущего сезона” (здесь же были приведены будущие исполнители ролей).

...потоскуешь с чеховскими героями. – В Художественно-общедоступном театре к 1900 г. были поставлены две пьесы А.П. Чехова: “Чайка” (1898) и “Дядя Ваня” (1899), в плане на следующий сезон стояла новая пьеса “Три сестры”.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(22 августа 1900 г.)

(С. 286)

Источники текста:

К. 1900. 22 авг. (№ 232). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Юр. Т. 1. С. 29–33. Под заглавием “Слабый пол”.

ЛССМ. Т. 6. С. 214–216. Под заглавием “Слабый пол”.

Печатается по тексту *К* со следующим исправлением (по *Юр*, *ПССМ*):

Стк. 26. Но может быть, и не теряла – *вместо:* Но может быть, и потеряла.

Недостаток квартир и трудности их поиска для москвичей в конце дачного сезона были одной из живо обсуждаемых проблем в московской прессе. См., например: [Б. н.]. Из обиденной жизни // Моск. листок. 1900. 2 авг. (№ 214). С. 3; 8 авг. (№ 220). С. 3, а также фельетон А. Пазухина “Из-за квартиры: (Факты)” (Там же. 9 авг. (№ 221). С. 3).

С. 286. *Мазилово* – местность на западе Москвы, в начале XX в. дачная местность.

Обираловка – железнодорожная станция в 23 км к востоку от Москвы, ныне город Железнодорожный (с 1939 г.) Московской области.

Московско-Нижегородский вокзал – вокзал Московско-Нижегородской железной дороги, располагался за Покровской (ныне Абельмановской) заставой, у Рогожского вала, и существовал до 1896 г., когда все поезда Московско-Нижегородской железной дороги стали отправляться от нынешнего Курского вокзала.

Брестский вокзал – вокзал Московско-Смоленской железной дороги (до 1871 г. Смоленский, с 1912 – Александровский, с 1922 – Белорусско-Балтийский, с 1936 – Белорусский).

Ильинские ворота – площадь, соединяющая улицы Ильинку с Маросейкой, одно из мест стоянки извозчиков.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨27 августа 1900 г.⟩

(С. 289)

Источник текста – *К*. 1900. 27 авг. (№ 237). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 289. ...*впечатления от большого кулака...* – См. фельетон “Москва. Мелочи жизни” от 16 июля 1900 г. и коммент. к нему.

Живодерка – улица в Москве между Большой Садовой улицей и Тишинской площадью, ныне улица Красина. Получила такое название по существовавшей здесь прежде одной из Живодерных слобод, жители которых занимались убоем и разделкой скота. Но ко времени написания очерка (с 1891) уже была переименована во Владимиро-Долгоруковскую улицу, по имени московского генерал-губернатора кн. В.А. Долгорукова.

С. 290. *Как раз такой же случай рассказывает Мэкри о дорогах на дальнем Западе Америки.* – Этот анекдот взят Андреевым из книги Дэвида Мэкри “Американцы у себя дома” (гл. “Заметки с Запада”) в переводе с английского Е. Конради (СПб., 1874. С. 411).

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(27 августа 1900 г.)

(С. 291)

Источник текста – К. 1900. 27 авг. (№ 237). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 291. *Читал я о подвигах м-ра Грендгринда в Африке...* – Намек на освещение хода Англо-бурской войны в русской печати. См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 12 февраля 1900 г.

С. 292. *Мистрис* (англ. mistress) – то же, что миссис (устар.).

С. 293. *...казака Ашинова...* – Скорее всего, речь идет об авантюристе Николае Ивановиче Ашинове (1856–1902; в газете опечатка: Ашипов). В 1883, 1885 и 1889 гг. он побывал с экспедициями в Абиссинии, задавшись планом содействовать политическому и церковному сближению Абиссинии с Россией, во втором путешествии выдавал себя за представителя русского правительства. Одной из идей Ашинова был план захвата на побережье Красного моря свободной бухты для создания на ее берегу казачьего поселения со стоянкой для российских судов. В 1889 г. был задержан в Западной Африке французами и передан русским властям. Подробнее см.: *Николаев Л.* Ашиновская экспедиция: Рассказ участника экспедиции Л. Николаева. Одесса, 1889; *Луночкин А.В.* “Атаман вольных казаков” Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 2000.

С. 294. *...лорд Ляпин ни за что не хочет расстаться со своим ночлежным домом.* – В Большом Трехсвятительском переулке находился “ляпинский” бесплатный ночлежный дом, названный так по фамилии владельца купцов М. и Н. Ляпиных. В декабре 1881 г. “ляпинский” дом посетил Л.Н. Толстой. Под впечатлением от увиденного Толстой написал свою знаменитую статью “Так что же нам делать?”. Сцена ожидания нищими открытия этой ночлежки воссоздана на картине В.Е. Маковского “Ночлежный дом” (1889). На заседании Московской городской думы 5 сентября 1900 г. были представлены доклады санитарной группы Императорского русского технического общества о санитарном состоянии ночлежного дома Ляпиных и об улучшении жилищ для бедного населения и организации санитарного надзора (см.: [Б. н.] Заседание думы // Рус. слово. 1900. 6 сент. (№ 247). С. 3). См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 6 сентября 1900 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(29 августа 1900 г.)

(С. 295)

Источники текста:

К. 1900. 29 авг. (№ 239). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Юр. Т. 2. С. 22–24. Под общим заглавием “Вырванные листки из записной книжки: Отрывки и наброски: 1900–1902”, с ил. Ре-ми.

Пр. Т. 1. С. 151–152. Под заглавием “Русский человек и железная дорога” (в качестве начала очерка).

ПССМ. Т. 6. С. 229–230. Под заглавием “Русский человек и железная дорога” (в качестве начала очерка).

Печатается по тексту К.

С. 295. В “Орловском вестнике” появилась короткая, но художественно-выразительная корреспонденция из уезда... – См.: [Б. п.] Из городов и уездов: Елец // Орловский вестник. 1900. 24 авг. (№ 226). С. 3.

...появился русский догадливый мужичок, тот самый мужичок, который в побасенках Даля всегда посрамляет немецких инженеров своей находчивостью... – См., например, очерк В.И. Даля “Русак”, где приводится эпизод, когда “десяток наших мужиков или извозчиков, возивших товар на Лейпцигскую ярмарку, удивили немцев в каком-то городке, взявшись окрасить высокий, многоярусный дом с такими малыми затеями и издержками, что весь город сходился дивиться и любоваться этим необычным делом” (Даль В.И. Соч. СПб.; М., 1883. Т. 5. С. 275–276).

С. 296. Кола – железнодорожная станция в устье реки Кола, с 1965 г. – город в Мурманской области.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨30 августа 1900 г.⟩

(С. 297)

Источник текста – К. 1900. 30 авг. (№ 240). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 298. *Обер-кондуктор* (нем. обег – главный, старший) – старший кондуктор в поезде.

...и редкий кондуктор на наших дорогах не считает себя Фердинандом VIII... в изгнании. – Реминисценция из повести Н.В. Гоголя “Записки сумасшедшего” (1835).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨2 сентября 1900 г.⟩

(С. 299)

Источник текста – К. 1900. 2 сент. (№ 243). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 299. ...общество попечения о неимущих и нуждающихся в защите детей. – Основано в 1883 г., состояло под покровительством вел. кн. Елизаветы Федоровны. К 1901 г. имело три попечительства, действующих самостоятельно: Пречистенское, Басманное и Тверское. Общество заботилось о детях, оставшихся сиротами, детях бедных родителей, а также детях – жертвах преступлений, в том числе и жестокого с ними обращения. Общество содержало приюты (на 1901 г. их было пять), снабжало нуждающихся детей едой и одеждой, учебными пособиями и пр., иногда платило за учебу.

Так говорит комиссия о пользах и нуждах общественных, сообщающая думе... – 5 сентября 1900 г. на заседании Московской городской думы обсуждался вопрос о предоставлении субсидии Обществу попечения о немощных и нуждающихся в защите детей, однако после доклада В.И. Герье, председателя Комиссии о пользах и нуждах общественных, было принято решение отказать обществу в субсидии на следующий год (см.: [Б. п.] По городской думе // Моск. листок. 1900. 6 сент. (№ 249). С. 2).

Соловцов Николай Николаевич (наст. фам. Федоров; 1857–1902) – русский актер, режиссер и антрепренер. Сценическую деятельность начал в 1875 г. в Орле в труппе Сервье. В 1891 г. с группой актеров создал киевское Товарищество драматических артистов, заложив основу постоянного русского театра в Киеве. Этот театр, ставший одним из лучших в провинции, Соловцов возглавлял до конца жизни, был его основным режиссером.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(3 сентября 1900 г.)

(С. 301)

Источники текста:

К. 1900. 3 сент. (№ 244). С. 2. Подпись: James Lynch.

ПССМ. Т. 6. С. 268–272. Под заглавием “Китайский роман”.

Печатается по тексту К.

С. 302. *Для хорошего романа талант даже вреден, ибо, с одной стороны, легко можно переталантить, подобно г-же Гиппиус...* – В № 5–7 журнала “Жизнь” за 1900 г. был опубликован роман З. Гиппиус “Сумерки духа”. Отзывы на роман были в основном отрицательными. В. Гольцев назвал роман “совсем галиматъей” (*Гольцев В. Мысли вслух // К. 1900. 11 авг. (№ 221). С. 2*), Т. Полнер в “Критических очерках” назвал его “тусклым, бледным и вымученным творением” (*К. 1900. 28 авг. (№ 238). С. 2*), Н. Геккер в своем “Журнальном обозрении” писал: «(...) в “Сумерках духа” г-жи Гиппиус мы находим только потемки творчества, и в этом мраке тщетно стали бы искать света» (Одесские новости. 1900. 14 июля (№ 5015). С. 1).

С. 303. *Особенно поразил меня один исторический роман, ежемесячно сочиняемый. ~ Дух же от этого романа шел такой, словно от вспотевшего Иуды...* – Речь идет о романе И.И. Ясинского “1 марта 1881 года”, печатавшегося в журнале “Ежемесячные сочинения” (1900. № 1–4). В сентябре 1900 г. Андреев писал В.С. Миролубову: «Работаю я в литературе недавно, знакомство мое с литературскими репутациями очень слабо, а особенно с репутациями литераторов петербургских. Знал я, что Ясинский пишет донос, или что-то в этом роде, под названием романа “1 Марта”, знал, что он не из тех людей, которым приятно подать руку, но совершенно не знал, что он именно издает “Биржевые”» (*ЛАС. С. 78–79*).

...действие этих романов обязательно происходит на р. Пейхо... – Пейхо – река в Китае.

...герои носят название чайных фирм: Цзинь-лунь, Хынь-лунь... – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 30 июля 1900 г.

Один из сотрудников “Нового времени” предлагал недавно написать роман на сюжет дела братьев Скитских... – См.: Лихачев В.С. Сюжет для романа // *НВ*. 1900. 22 авг. (4 сент.) (№ 8795). С. 3. (Маленький фельетон).

...мне кажется, г. Михайлов и г. Ежов уже достаточно исчерпали этот сюжет... – В 1900 г. была издана книга К.Н. Михайлова “Следствие, прокуратура и защита в деле бр. Скитских: (Опыт анализа судебного процесса)”. (Рецензию Андреева на эту книгу см. в наст. томе, с. 94–99.) Ежов Николай Михайлович (1862–1941) – литератор, журналист; окончил московское Строгановское училище, некоторое время работал учителем в провинции, одновременно сотрудничая в юмористических журналах. С 1886 г., сменив А.В. Амфитеатрова, стал на многие годы постоянным фельетонистом газеты “Новое время” (псевдоним – Не-фельетонист). Ежов освещал процесс Скитских для “Нового времени”.

С. 304. *Дмитриев* Дмитрий Савватиевич (1848–1915) – прозаик, драматург. С конца 1880-х годов писал в основном исторические романы и повести (“Княгиня Елена Глинская” (1899), “Князь Владимир Красное Солнышко” (1899), “Боярыня Морозова” (1901) и др. – всего более шестидесяти). Произведения Дмитриева – типичные образцы массовой (“народной”) исторической беллетристики. Не обладая серьезными литературными достоинствами, они, однако, привлекали читателей обилием фактического материала, разнообразными картинками быта, живостью повествования. “Бесхитростной публицистике нравился бесхитростный Дмитриев, его добрые бабушкины рассказы, бесконечные повести про бояр и изменников”, – писал о нем В.М. Дорошевич (Рус. слово. 1915. 29 марта (№ 71). С. 2).

Пазухин Алексей Михайлович (1851–1919) – прозаик, драматург. В конце 1860-х годов Пазухин увлекся народническими идеями, оставил гимназию и сдал экзамен на звание народного учителя. Восемь лет Пазухин учительствовал в деревне Ярославской губернии, где создал общественную библиотеку и народный театр. С 1876 г. служил при ярославском губернаторе, составил “Календарь Ярославской губернии на 1879 г.”, посылал корреспонденции в петербургские и московские газеты. В 1881 г. Пазухин переехал в Москву и стал постоянным сотрудником газеты “Московский листок”. Сотрудничал также в “Русской газете”, “Московской газете”, “Новостях дня” и др. Написал более 50 романов, в основном посвященных жизни купечества, а также уголовные романы. Критика отмечала, что романы Пазухина похожи друг на друга, шаблонны и лубочны. Во Введенском народном доме и театре сада “Аквариум” в Москве, на провинциальных сценах шли пьесы Пазухина “Московская бывальщина”, “Два пути”, “Безбрачные”.

Джонка – легкое китайское парусное судно с тупым носом и высоко поднятой кормой.

Компрачкосы (от исп. comprachicos, букв.: покупщики детей) – люди, похищавшие или покупавшие детей и уродовавшие их для продажи в качестве шутов в богатые дома или балаганы.

С. 305. ...*два тайно похищенных аристократических ребенка*. – Образ навеян печатавшимися в то время рассказами, в том числе переводными

(см., например: *Милюс Отфрид* [Мюллер К.]. Китайские пираты: Рассказ из морского быта. М., 1898).

...до самого Тиенцзина... – Тяньцзин – город в Китае, расположенный на реке Хай-хэ в 140 км от Пекина, основан при династии Мин в 1404 г. и назван сначала Тяньцзин-вэй, что расшифровывается как “застава при переправе на Млечном Пути, ведущая к месту пребывания Сына неба”. К концу XIX в. в городе существовали английская, французская, германская и японская концессии. Название города часто появлялось в сводках из Китая. Так, 23, 27 и 28 июня шли бои в самом Тяньцзине, а в начале июля войска союзников взяли город. 22 июля началось наступление на Пекин, часть войск оставалась в Тяньцзине.

...английского негодянта сэра Виллиамса... – Предположительно прототипом может являться английский журналист и путешественник Уильям Томас Стэд (1849–1912), который поднимал вопрос о том, своевременно ли прививать “яд милитаризма” Китаю (см.: *Ухтомский Э.* К событиям в Китае: Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. С. 70).

Титулярный советник – гражданский чин 9 класса в дореволюционной России.

С. 306. *Длинный Том* – См. коммент. к фельетону “Впечатление” от 18 февраля 1900 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (4 сентября 1900 г.) (С. 307)

Источник текста – К. 1900. 4 сент. (№ 245). С. 2. Подпись: Л. -ев.

С. 307. “На первом листе ~ в электротехнический институт – 400 прошений при 50 вакансиях” (“Северный курьер”). – См.: [Б. п.] Хроника // Сев. курьер. 1900. 18 (31) авг. (№ 271). С. 3.

...стремлении молодежи к инженерским погонам... – В дореволюционной России инженеры, как и военные, носили мундир с погонями.

С. 308. ...и косо смотрела на тех из своей гимназической среды, которые наплечники предпочитали синему воротнику. – Т. е. на тех, кто предпочитал продолжить свое образование не в университете, а в иных высших учебных заведениях. Впервые форменный костюм для студентов был введен в Московском университете в 1800 г. В 1861 г. университетская форма была упразднена и студентам было предписано ношение партикулярного платья, но в 1885 г., после принятия нового устава (1884), была введена вновь. Студентам университета полагалось носить мундир темно-зеленого сукна с воротником темно-синего сукна. Студенты других высших учебных заведений носили мундиры с поперечными погончиками (а позднее наплечниками) обычно бархатными (черными), с цветным кантом по краям (каждому учебному заведению был присвоен определенный цвет, например Горному институту – светло-синий, Электротехническому – желтый, Институту гражданских инженеров – малиновый и т. д.), с эмблемой или вензелем на поле.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(6 сентября 1900 г.)

(С. 309)

Источник текста – К. 6 сент. (№ 247). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 309. *Когда проводится канализация, попросит скидочки ~ Г.Г. Солодовников.* – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 13 августа 1900 г.

Братья Ляпины – *Ляпин* Михаил Иллиодорович (1830–1906), потомственный почетный гражданин г. Москвы, купец 1-й гильдии, статский советник, много лет избирался городским гласным – с 1866 по 1906 г. *Ляпин* Николай Иллиодорович (1833–1900), потомственный почетный гражданин г. Москвы, купец 1-й гильдии. Избирался гласным Московской городской думы в 1873–1880 гг. (см.: *Моск. власть*. С. 410–411). Братья Ляпины торговали шерстью, состояли попечителями нескольких московских училищ и членами правления Общества пособия нуждающимся студентам, самостоятельно содержали среди прочего ночлежный приют и вдовый дом. В огромном здании на Большой Серпуховской улице, где он размещался, особое место занимали “бесплатные квартиры для девиц или вдов, учащихся на каких-либо женских курсах города Москвы”. Братья Ляпины выстроили и содержали огромное общежитие при художественном училище, причем “студенты” порой жили на их содержании по 15–20 лет. П.Н. Андреев вспоминал о первых годах жизни брата в Москве: «...жил он в материальном отношении очень плохо, столовался в так называемой “Ляпинке”, где столовало и жило самое беднейшее студенчество» (*Андреев П.Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. Л., 1925. № 3. С. 163). О жизни студентов в этом общежитии см. также в книге В. Гиляровского “Москва и москвичи” (глава “Ляпинцы”) (*Гиляровский*. Т. 4. С. 121–126).

Г. Хомяков. Вход в Кузнецкий переулок так узок, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, нежели экипажу въехать в означенный переулок. На углу его г. Хомяков выстроил дом, причем остался небольшой кусочек, годный для расширения проезда, город хотел купить его, но Хомяков запросил 35 000 рублей. – А.С. Хомяков (внучатый племянник и тезка философа А.С. Хомякова) получил в наследство участок земли на углу Петровки и Кузнецкого переулка. Согласно плану урегулирования проездов, часть его владений должна была отойти городу для расширения уличного проезда. Хомяков не захотел уступить городу по назначаемой оценочной комиссией цене часть своей земли (250 кв. м) и устроил на ней палисадник, в котором посадил чахлые сосенки и цветы, прозванный москвичами Хомяковской рощей. На него не действовали ни критика в печати, ни увещания семьи, ни угроза полиции выслать из Москвы (см.: [Б. н.] Из обыденной жизни // Моск. листок. 1900. 18 сент. (№ 261). С. 3). Только в 1911 г. по решению Правительствующего сената московские власти снесли решетку “рощи” и замостили злополучный “пяточок” камнем. Этот эпизод описан в книге В. Гиляровского “Москва и москвичи” (глава “Трактиры”) (*Гиляровский*. Т. 4. С. 343–344).

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(10 сентября 1900 г.)

(С. 311)

Источник текста – К. 1900. 10 сент. (№ 251). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 311. *Тотошник* – см. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 21 мая 1900 г.

...*первогильдейская*. – Первая гильдия – в дореволюционной России высший из трех сословно-податочных разрядов, на которые делилось купечество в зависимости от величины капитала.

С. 312. *Адрес-календарь* – официальное ежегодное издание в Российской империи (1765–1916; в XVIII в. именовалось “Месяцеслов, или Адрес-календарь”), содержало перечень государственных учреждений и должностных лиц (центральных и местных) с указанием их чинов, а также списки жителей городов: домовладельцев, лиц торговых сословий и разных профессий, называлось также адресной книгой. С 1892 г. в столицах адресные книги выпускались под заглавиями “Весь Петербург”, “Вся Москва”.

...*одного в коммерческое отдал, другого по классицизму пустил...* – Имеется в виду: одного отдал в коммерческое училище – среднее учебное заведение в дореволюционной России со специальным торговым уклоном, а другого – в классическую гимназию – среднее учебное заведение, в котором было обязательным изучение древнегреческого и латинского языков и античной литературы.

С. 313. ...*если кто из нас вздумает с г. Омоном на шару полететь...* – В целях рекламы и для привлечения публики Ш. Омон предоставил свой сад “Аквариум” французскому аэронавту Жильберу для демонстрации им свободных полетов на воздушных шарах. Воспоминания о полетах Жильбера см.: *Поляков Е.И.* Путешествие на воздушном шаре // Наука и жизнь. 2005. № 9. С. 114–117. См. также коммент. к фельетону “Впечатление” от 5 марта 1900 г.

С. 314. ...*одров по рельсам пуцает...* – Одры – старые, негодные лошади, клячи. Имеется в виду использование их в конке.

...*питомник из прививков входит...* – в значении: питомец из приюта.

...*о народном театре размышлял, и об телефонах бредил...* – См. коммент. к фельетонам “Впечатления” от 16 июля и “Москва. Мелочи жизни” от 12 ноября 1900 г.

С. 315. ...*на трех Осман-нашей хватит...* – Османы – династия турецких султанов в 1299/1300–1922 гг.; основатель Осман I Паша (*тур.*) – почетный титул высших военных и гражданских сановников, существовавший в султанской Турции, в Египте и некоторых других мусульманских странах.

...*годовиками, превратившимися в дербистов.* – Годовики – лошади-однолетки, которых готовят к выступлениям в состязаниях (дерби). См. также коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 16 июля 1900 г.

С. 316. ...я не знаю фамилии того немца, который выдумал обезьяну. – Ср. у Даля: “Немец хитер: обезьяну выдумал!” (Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1989. Т. 1. С. 304).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – русский поэт-символист, переводчик. Возможно, что ироническое упоминание имени поэта связано с вышедшим в мае 1900 г. сборником его стихотворений “Горящие здания”, почти единогласно объявленным критикой одним из крайних выражений декадентства (см.: Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917). Вып. 1: 1891–1900. М., 2002. С. 448–449).

С. 318. ...трудно надеяться, чтобы – монополия... – Речь идет о предстоящем введении винной монополии. С 1895 г. по “Положению о казенной продаже питей” (принято в 1894 г.) в России вместо винного откупа поэтапно, начиная с южных губерний, вводилась государственная монополия на производство и продажу спиртных напитков. На территории 19 северных и центральных губерний (в том числе Московской) монополия была введена в 1901 г. Производилось изъятие питейной торговли из частных рук и организация казенной продажи вина, уничтожение распивочных заведений, торгующих исключительно водкой, и т. д., а также были созданы особые органы для “нравственного влияния на людей простого сословия” – попечительства о народной трезвости, которым из казны выделялись деньги. В печати реформа была встречена негативно.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(12 сентября 1900 г.)

(С. 319)

Источник текста – К. 12 сент. (№ 253). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 319. ...на конкурс литературно-художественного общества... – В 1900 г. Литературно-художественное общество в Петербурге, имевшее свой театр, учредило премию за лучшую пьесу, деньги выплачивались из фонда театра. На конкурс представлялись оригинальные пьесы, нигде ранее не ставившиеся. Литературно-художественное общество по условиям конкурса имело преимущественное право постановки награжденных пьес в своем театре.

...“дель е р с т в у ю щ е г о ” театра... – Андреев имеет в виду пьесу Я. Дельера по роману Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”, шедшую на сцене Петербургского литературно-художественного театра. См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 5 мая 1900 г.

По последней всенародной переписи в графу “занятий” записалось семьсот драматургов... – Андреев иронически обыгрывает информацию, изложенную в заметке “Из обыденной жизни” (Моск. листок. 1900. 12 сент. (№ 255). С. 3), в частности, о количестве пьес, присланных на конкурс, и о том, что “общество драматических писателей насчитывает что-то около

семисот членов”. Первая всеобщая перепись населения Российской империи проводилась 28 января 1897 г. В бланке переписного листа была графа “род занятий”.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – драматург, журналист и издатель. Издавал газету “Новое время” (СПб., с 1876), журнал “Исторический вестник” (с 1880), сочинения русских и иностранных писателей, научную литературу, а также адресные книги и др. Суворин был одним из пайщиков-основателей театра при Литературно-художественном обществе, который в обиходе назывался Суворинским.

Один харьковский врач хлопотал о поступлении на одну из местных железных дорог и получил свое прошение обратно, как написанное без твердых и мягких знаков. – См.: [Б. п.] Внутренние известия // К. 1900. 10 сент. (№ 251). С. 3.

⟨“КРАСАВИЦА!” – ОПРЕДЕЛИЛ СВИДЕТЕЛЬ ИСАЕВИЧ...⟩

(С. 321)

Источник текста – К. 1900. 14 сент. (№ 255). С. 3. Подпись: Л. -в. Без заглавия, в разделе “Из залы суда”.

Об этом же процессе Андреев писал и во “Впечатлениях” от 18 сентября 1900 г.

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО

⟨14 сентября 1900 г.⟩

(С. 325)

Источник текста – К. 1900. 14 сент. (№ 255). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”.

Судебный отчет в газете публикуется сразу после заметки Андреева в разделе “Из залы суда” (см. выше). Поскольку в последней дано примечание: “Подробности этого процесса см. ниже в судебной хронике”, то текст отчета явно принадлежит Андрееву. Авторство его подтверждает и возвращение к этому сюжету во “Впечатлениях” от 18 сентября 1900 г.

С. 328. ...*по одному лишь исповедному свидетельству.* – Исповедное свидетельство (справка об исповеди) – выписка из исповедной ведомости, которая была обязательна при вступлении в брак. Исповедные ведомости при отсутствии метрических книг имели юридическую силу при определении возраста, доказательствах законности брака и других обстоятельствах.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(15 сентября 1900 г.)
(С. 333)

Источник текста – К. 1900. 15 сент. (№ 256). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 333. *Опереточный артист Бобров соблазнил шестнадцатилетнюю гимназистку Часовникову.* – Бобров Фома Александрович (1865 – после 1924) – артист оперы и оперетты (баритон). Пению обучался в Московской консерватории, которую окончил в 1889 г. с большой серебряной медалью. Пел на оперных сценах столицы (Товарищество русских артистов, 1890) и провинции. Выступал также в опереттах и в жанре мелодекламации. Часовникова Дука – воронежская гимназистка VII класса.

В это время печать была занята китайским вопросом... – См. фельетон “Москва. Мелочи жизни” от 16 июля 1900 г. и коммент. к нему.

Так называемый “инцидент с Бобровым”, в настоящее время создавший уже целую литературу... – Случай в Астраханском театре произошел 26 июля 1900 г. Вначале появились заметки в местной печати: [Б. н.] Случайные заметки // Астраханские губернские ведомости. 1900. 29 июля (№ 164). С. 2–4; Письмо артиста Боброва по поводу инцидента // Там же. 20 июля (№ 165). С. 2–3; [Б. н.] К делу Боброва; Хатаев И. Ответ г. Боброву; Часть местного общества. Открытое письмо г. Боброву // Там же. 1 авг. (№ 166). С. 3. История получила широкую огласку, и многие газеты, в том числе и столичные “С.-Петербургские ведомости”, “Новое время”, “Северный курьер” и др., посвятили этому инциденту ряд статей.

Третейский суд, к которому обратился Бобров, ничего не разрешил... – Третейский суд – суд, относящийся к разбору конфликта или спора третьей, незаинтересованной стороной, избираемой по взаимному соглашению спорящими сторонами. Решение третейского суда по делу Боброва было опубликовано сначала в “Астраханских губернских ведомостях” (1900. 10 авг. (№ 174). С. 3), а затем в некоторых столичных газетах.

...корреспонденции “С.-Петербургских ведомостей”... – В обзоре “Наша печать” “С.-Петербургские ведомости” (1900. 20 авг. (3 сент.) (№ 227). С. 2–3) перепечатали и прокомментировали решение Астраханского третейского суда, а также письмо отца Дуки – И. Часовникова, опубликованные ранее в “Астраханских губернских ведомостях”.

С. 334. *...в одном открытом письме в редакцию отец покойной Часовниковой...* – Текст письма см.: Письмо г. Часовникова // Астраханские губернские ведомости. 1900. 10 авг. (№ 174). С. 3; [Б. н.] Наша печать // СПбВед. 1900. 20 авг. (3 сент.) (№ 227). С. 2.

Только один, кажется, г. Петербуржец, сотрудник “Нового времени”, попробовал выступить с особым мнением... – См.: Петербуржец [Суворин А. С.]. Маленькая хроника // НВ. 1900. 22 авг. (4 сент.) (№ 8795). С. 3.

Кн. Барятинский, исходя от чистого разума и столь же чистого сердца, разбил чувствования на две категории: эстетические и граж-

данские. – Барятинский, полемизируя с Сувориным, посвятил “случаю с Бобровым” несколько статей в своей постоянной рубрике “Мысли и заметки” (XL–XLII) (Сев. курьер. 1900. 2 (15) сент. (№ 286). С. 3; 5 (18) сент. (№ 289). С. 2–3; 9 (22) сент. (№ 293). С. 3).

Бекеша (венг.) – мужское пальто в талию со сборками.

С. 335. *То же требование о разделении сцены и частной жизни предъявил в “Новостях” г. Яблоновский.* – См.: Яблоновский А. Артисты и публика: (Письмо в редакцию) // Новости и биржевая газ. 1900. 8 сент. (№ 249). С. 2.

Яйцо-болтун – яйцо без зародыша; неплодное насиженное яйцо.

...арии “Приют невинный...”... – Имеется в виду ария Фауста “Привет тебе, приют невинный” (“*Salute! demeure chaste et pure*”) из 3-го акта оперы французского композитора Шарля Гуно “Фауст” (1859; 2-я ред. 1869).

Так, из письма студента Каменского выяснилось... – Письмо студента С.-Петербургского университета Анатолия Каменского было опубликовано в газете “Новое время” 5 (18) сент. 1900 г. (№ 8809).

Далее говоря о Боброве, Old Gentleman вспомнил и рассказал про другого московского артиста... – См.: *Old Gentleman [Амфитеатров А.В.]*. Театральный альбом. XXIV // Рос. 1900. 6 (19) сент. (№ 491). С. 3.

С. 336. *Настоящие строки были уже набраны, когда в газетах появилось письмо Боброва...* – Письмо Боброва было опубликовано в “С.-Петербургской газете” (1900. 10 сент. (№ 249). С. 4), “Новом времени” (1900. 11 (24) сент. (№ 8815). С. 3); в журнале “Театр и искусство” (1900. № 38. С. 665) и др.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(17 сентября 1900 г.)

(С. 337)

Источники текста:

ЧН – Черновой автограф. Рукопись. Отрывок. Хранится: Hoover. Box 4. Envelope 19. Item 4. 1 л.

К. 1900. 17 сент. (№ 258). С. 2. Подпись: James Lynch.

Печатается по тексту *К*.

С. 337. *Заушать* – давать оплеуху.

С. 338. *...московская ежедневная газета, изблюбленный орган московских трактирщиков.* – В черновом наброске к фельетону газета названа “Московский Портерщик” (см. *Другие редакции и варианты*). Речь идет о газете “Московский листок”, на страницах которой в сентябре 1900 г. обсуждался проект обложения сбором в пользу города заведений трактирного промысла на 1901 г.

“Внимайте и соображайте!” – такими устрашающими словами начинается обращение почтенного органа к своим потребителям. – См.: [Б. п.] Трактирное обложение в будущем году // Моск. листок. 1900. 8 сент. (№ 251). С. 2. В статье приводится текст доклада управы об обло-

жении сбором в пользу города заведений трактирного промысла на 1901 г. Этот доклад рассылался городским гласным и предполагался к обсуждению на ближайшем заседании городской думы. Текст доклада предварялся обращением редакции газеты: “Внимайте и соображайте”.

С. 339. *Одновременно с трактирщиками разразились рыданиями московские мануфактуристы.* – В том же номере газеты был опубликован отчет о совещании мануфактуристов-прядильщиков в Московском биржевом комитете (см.: [Б. п.] Совещание мануфактуристов // Моск. листок. 1900. 8 сент. (№ 251). С. 2). На совещании обсуждался вопрос “о тяжелом положении мануфактурной промышленности”.

Миткаль (перс.) – суровая тонкая хлопчатобумажная ткань полотняного плетения, неотделанный ситец.

Красный пруд – пруд в Москве, в Измайловском лесопарке.

С. 340. ...*в зимнем водопроводе неожиданно иссякла вода...* – Зимин Николай Петрович (1849–1909), инженер-механик, заведующий Московским водопроводом. В 1873 г. окончил Московское техническое училище с золотой медалью за представленное им сочинение по водоснабжению. С 1875 г. служил на Московском городском водопроводе, позднее стал главным инженером. Принимал активное участие в его модернизации. В 1897 г. был командирован в Америку, где изучал водопровод и методы очистки воды. В 1903 г. оставил службу, так как разошелся с городским начальством относительно организации предстоящей постройки нового водопровода. Был избран гласным Московской городской думы. Позднее организовал свою собственную техническую контору, ставшую затем товариществом инженеров “Нептун”. Также занимался противопожарным делом; построил первый противопожарный водопровод (подробнее см.: Вестн. политехн. об-ва, состоящего при имп. Техн. училище. 1910. № 2; Моск. власть. С. 286–287).

...*левая твоя рука не ведает, что творит правая.* – Ср. в Нагорной проповеди: “У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая” (Мф 6: 3).

С. 341. *Я возвращался с одним знакомым из театра, где только что закончился последний акт драмы Ростана “Сирано де Бержерак”.* – Речь идет о премьере героической комедии Э. Ростана “Сирано де Бержерак” (1897) в Москве в театре Корша 8 сентября 1900 г. Пьеса шла в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник, режиссер Н.Н. Синельников. В своей оценке Андреев близко подходит к М. Горькому, посвятившему представлению “Сирано де Бержерака” в Нижнем Новгороде особую статью (Нижегородский листок. 1900. 5 янв. (№ 4)).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(18 сентября 1900 г.)

(С. 344)

Источник текста – К. 1900. 18 сент. (№ 259). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 344. ...*супруги Чернобаевы и Ботаровский.* – Дело И.К. Чернобаева, обвиняемого в покушении на убийство студента С.Н. Ботаровского,

слушалось на заседании Московского окружного суда 13 сентября 1900 г. См. заметку Андреева “Из зала суда” (наст. том, с. 321–324) и судебный отчет о процессе “Покушение на убийство” (наст. том, с. 325–332).

...это “хилые натуры”, как назвал их Ф.Н. Плевако. – Ф.Н. Плевако, произнося на суде речь в защиту Чернобаева, сказал: “...в этом романе – трое несчастных, и весь вопрос в том, кто из них несчастнее. (...) Ботаровский не герой: это – хилая натура. Человек, который жлет целых полтора года перед обманываемым мужем, (...) такой человек не является носителем твердых нравственных убеждений” (Плевако Ф.Н. Избранные речи. М., 1993. С. 429–430).

...горьковского босячества. – Весьма популярный и широко обсуждаемый в те годы романтический образ свободолюбивого босняка был создан Максимом Горьким в нескольких рассказах 1892–1897 гг., вошедших в создавший ему общероссийскую и европейскую известность трехтомник “Очерки и рассказы” (1898–1899).

Было время у нас и натур загадочных. – Выражение “загадочная натура” принадлежит И.-В. Гете. В “Изречениях в прозе” он указывает, что “существуют загадочные натуры, не умеющие приноравливаться ни к какому положению, в котором они находятся, и не удовлетворяющиеся ни одним из них; отсюда страшное противоречие, пожирающее их жизнь и закрывающее им доступ к наслаждению”. Выражение “загадочная натура” Гёте повторил в “Учении о цветах”. Немецкий писатель Ф. Шпильгаген избрал это изречение эпиграфом для своего романа “Загадочные натуры” (1860). Роман Шпильгагена, герои которого являют своеобразную немецкую параллель русским “лишним людям”, имел большой успех не только в Германии, но и за ее пределами, несколько раз переводился на русский язык. Упоминается в гимназических дневниках Андреева (Дн 2. Л. 20). В 1883 г. был опубликован рассказ А.П. Чехова с таким же названием.

Разные заглавия давал он своим отдельным творениям: “Хмурые люди”, “Скучная история”... – “Хмурые люди” – сборник рассказов А.П. Чехова, вышедший в 1889 г., куда вошла “Скучная история”. О своем сборнике Чехов писал М.И. Чайковскому 16 марта 1890 г., что он “состоит из специально хмурых, психопатических очерков и носит хмурое название” (Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1975. Т. 4. С. 40). Д.Н. Овсяннико-Куликовский, анализируя рассказы из этого сборника, писал, что Чехов изучает не типы, «а тот душевный уклад, или тот род самочувствия, который можно назвать “хмуростью” (...). Чехов исследует психологию этой “хмурости” в различной душевной среде, – он изучает в этих очерках не людей, а “хмурость” в людях» (Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. СПб., 1912. Т. 5. С. 116).

С. 345. ...и “Окушу” свою... – Ольгу Чернобаеву.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(20 сентября 1900 г.)
(С. 347)

Источник текста – К. 1900. 20 сент. (№ 261). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 347. *Форейтор* (нем. *Vorgleiter*) – верховой, сидящий на одной из передних лошадей, запряженных цугом.

Правление общества исследовало это явление и в своем докладе гг. акционерам... – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 17 апреля 1900 г.

Вы слышали о пяти штрафах, в течение одного месяца наложенных на администрацию за выпуск изморенных лошадей? – См.: [Б. п.] Шестое оштрафование конки // Рус. слово. 1900. 20 сент. (№ 261). С. 3. (Московские вести).

С. 349. *Канатчикова дача* – общепринятое название городской психиатрической больницы им. Н.А. Алексеева; была открыта в 1894 г. Построена по проекту арх. Л.И. Васильева на месте бывшей Канатчиковой дачи за Серпуховской заставой (в середине XIX в. – владение купца Канатчикова) на средства, собранные городским головой Н.А. Алексеевым. Ныне здесь размещается комплекс 1-й Городской психоневрологической больницы им. П.П. Кашенко.

Мы виноваты с вами перед почтенным г. Хомяковым? – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 6 сентября 1900 г.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ
(24 сентября 1900 г.)
(С. 350)

Источник текста – К. 1900. 24 сент. (№ 256). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 350. *Сухаревка* – Сухаревская Большая и Сухаревская Малая площади. Названия даны по Сухаревой (Сухаревской) башне. В 10-х годах XIX в. местность возле башни обрела новую известность: здесь возник толкучий рынок – знаменитая Сухаревка. В. Гиляровский писал: «Сухаревка – дочь войны. (...) После войны 1812 г. (...) генерал-губернатор Ростопчин издал приказ, в котором объявлял, что “все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто в данный момент ими владеет, всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревой башни”. И в первое же воскресенье горы награбленного имущества запрудили огромную площадь, и хлынула Москва на невиданный рынок. Это было торжественное открытие вековой Сухаревки» (Гиляровский. Т. 4. С. 47).

Персидский порошок – порошок против насекомых, изготавливаемый из головок персидской ромашки, растения семейства сложноцветных из Закавказья и Малой Азии.

С. 352. *Оправить*. – Оправить (устар.) – то же, что и оправдать.

Поводом послужил случайно обнаружившийся проступок Боброва. – См. фельетон “Впечатления” от 15 сентября 1900 г. и коммент. к нему.

С. 353. *Ламентация* (лат. *lamentatio*) – жалоба, сетование.

С. 354. *Паче* – больше (устар.).

〈О НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ – “ДЕЛЕ КУРСИСТОК”...〉

(С. 356)

Источник текста – К. 1900. 30 сент. (№ 271). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд. Из залы суда”.

Авторство установлено по письму Андреева В.С. Миролюбову от начала октября 1900 г.: “В среду 27-го я два раза заходил к Вам, оба раза не заставши Вас, в четверг и пятницу я не выходил из суда (дело Ульдрих) и там же узнал, что Вы уже уехали” (РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 227; опубл.: ЛА5. С. 79).

В сентябре 1900 г. в Московском окружном суде слушалось дело Эльзы Ульдрих и Паулы Грюнберг. Две молодые эстонские девушки (21 и 23 лет) обвинялись в покушении на убийство вдовы Каролины Штеллинг, у которой Эльза Ульдрих была компаньонкой. 27 мая 1896 г., пробравшись ночью в спальню хозяйки, Эльза и Паула пытались задушить ее подушкой. На суде в качестве улик были представлены письма девушек и дневник Паулы Грюнберг, в которых описывались достаточно фантастические планы убийства с целью ограбления вдовы К. Штеллинг. Ульдрих объясняла свой поступок необходимостью средств для продолжения образования на медицинских курсах. Была назначена врачебная экспертиза из 6 врачей с целью решения вопроса о дееспособности подсудимых. Решением суда девушки были оправданы, но признаны “истеричками и дегенератками” и направлены в дом умалишенных. Подробный отчет о процессе см. также: [Б. н.] Покушение на убийство: (От нашего корреспондента) // Право. 1900. 1 окт. (№ 40). Стб. 1890–1894; 8 окт. (№ 41). Стб. 1929–1936. После вынесения приговора в печати развернулась дискуссия о несоответствии наказания совершенному девушками преступлению, которая нашла отражение в фельетоне Андреева “Впечатления” от 23 октября 1900 г.

С. 356. *Из помещенного вчера в “Судебной хронике” обвинительного акта...* – См.: [Б. н.] Покушение на убийство и поджог // К. 1900. 29 сент. (№ 270). С. 3. (Судебная хроника. Московский окружной суд).

С. 357. *На суде часто заходила речь о “Преступлении и наказании” Достоевского...* – Ряд статей, посвященных процессу и вынесенному приговору, вышли с заголовками, имеющими отсылки к роману, см., например: *Мокиевский П.* Преступление и наказание // Сев. курьер. 1900. 5 (18) окт.

(№ 319). С. 1; [Б. п.] Московские лже-Раскольниковы: (От нашего корр.) // Рус. 1900. 2 (15) окт. (№ 517). С. 2.

С. 358. ...*в скорбных листах Преображенской больницы...* – Скорбные листы – история болезни. Преображенская психиатрическая больница – ныне Психиатрическая больница № 4 им. П.Б. Ганнушкина.

С. 359. *Татищев* Константин Николаевич (1869–1920-е) – граф, титулярный советник. Окончил юридический факультет Московского университета в 1892 г., служил секретарем при прокурорах С.-Петербургского окружного суда, а затем Саратовской судебной палаты. С 1897 г. товарищ прокурора Саратовского окружного суда, а с 1899 г. – Московского окружного суда.

Жданов Иван Дмитриевич (1852–?) – статский советник, врач тюремной больницы.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(1 октября 1900 г.)

(С. 361)

Источник текста – К. 1900. 1 окт. (№ 272). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 361. ...*подпирает руки ферттом*. – Ферт – старинное название буквы “Ф”. Ферттом стоять или смотреть – подбоченившись, развязно (прост.).

Салопница – нищенка, женщина в изношенном платье, в старом салопе (пренебр., устар.).

Деревянное масло – низший сорт оливкового масла, не идущий в пищу (употребляется для масляных ламп и лампадок).

С. 362. ...*предполагающийся в Москве к постройке народный театр рассчитан на 830 человек...* – См.: [Б. п.] Первый городской народный театр // Новости дня. 1900. 7 (20) сент. (№ 6213). С. 3.

г. *Зимин* – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 17 сентября 1900 г.

Первая заметка говорит: “Городской управой предпринята ~ установила постные дни и пр.” – См.: [Б. п.] Управская экономия // Рус. слово. 1900. 28 сент. (№ 269). С. 2. (Московские вести).

Вторая заметка сообщает: “В 2443 владениях, обревизованных городскими контролерами, было найдено 14 728 обывателей, не уплативших установленного городского больничного сбора”. – См.: [Б. п.] Деятельность городских ревизоров // Рус. слово. 1900. 21 сент. (№ 262). С. 2. (Московские вести).

С. 363. *Я говорю о том загадочном существе, которое подало в одно железнодорожное управление прошение о зачислении его на службу...* – См.: [Б. п.] Универсальная буква // Новости дня. 1900. 22 сент. (5 окт.) (№ 6228). С. 2.

“На днях в одной из московских больниц ~ Умер Чугунов в страшной бедности”. – Андреев в немного измененном виде приводит текст заметки, опубликованной в разделе “Московские вести” газеты “Русское слово” (1900. 23 сент. (№ 264). С. 2).

С. 364. ...приведу целиком репортерскую заметку: "На Хитровке перед толпой собравшихся на крик любопытных ~ нижняя губа была откушена". – Андреев в сокращенном виде приводит текст заметки: [Б. п.] Человек-зверь // Моск. листок. 1900. 18 сент. (№ 261). С. 2. (Московская жизнь).

Новый театр – русский театр, работавший в Москве в 1898–1907 гг.; филиал Малого и Большого театров. Состоял из двух трупп – драматической и оперной. Драматическая труппа Нового театра делилась на две группы, руководимые режиссерами А.М. Кондратьевым и А.П. Ленским.

Я должен предупредить, что не был в Новом театре и потому не могу, да и не хочу входить в оценку относительных достоинств постановки "Снегурочки" на той и другой сцене. – Премьера спектакля по пьесе А.Н. Островского состоялась в МХТ 24 сентября 1900 г., режиссеры: К.С. Станиславский и А.А. Санин. В спектакле были заняты М.П. Лилина (Снегурочка), В.И. Качалов (Берендей), М.Ф. Андреева (Лель) и др. Постановка "Снегурочки" стала неудачей Станиславского: его фантазия достигала в отдельных решениях, по мнению критики, "гениальной дерзости", но была утомительно избыточной и разрушительной для пьесы. Спектакль прожил один сезон. В том же году спектакль по пьесе Островского в постановке А.П. Ленского шел и в Новом театре. Роли исполняли: Е.М. Садовская (Снегурочка), М.П. Юдина (Купава), Е.Д. Турчанинова (Лель), П.М. Садовский (Мизгирь) и др. В спектакле была использована музыка П.И. Чайковского; в художественном оформлении Ленский следовал рисункам Ф.Л. Соллогуба к русским сказкам и эскизам В.М. Васнецова, выполненным в свое время для спектаклей Мамонтовского кружка. Некоторые критики, например П.М. Ярцев, считали, что Ленский был "сильнее" Станиславского в спектаклях-сказках.

Пусть бирючи лучше изображены у Ленского... – Бирюч – вестник, глашатай; существовали в России с X до конца XVII в. Ленский Александр Павлович (1847–1908) – русский актер и режиссер, театральный педагог.

Садовская 2-я – Садовская Елизавета Михайловна (1872–1934), замужняя артистка гос. академических театров. Дочь Ольги Осиповны и Михаила Прововича Садовских. По сцене (при жизни О.О. Садовской) – Садовская 2-я. С 1894 г. и до конца жизни актриса Малого театра. Исполнительница главной роли в спектакле "Снегурочка".

Лилина Мария Петровна (1866–1943) – актриса, народная артистка РСФСР (1933). Одна из основателей Художественного театра. На сцене начинала как любительница, будучи классной дамой в Екатерининском институте благородных девиц; с 1888 г. играла в спектаклях Общества искусства и литературы. По мнению многих, была самой тонкой и глубокой из артисток МХТ. Именно ее исполнение ролей чеховского репертуара было ближе всего к эстетике автора. Была педагогом в Оперно-драматической студии Станиславского, режиссировала ее спектакли после смерти мужа, К.С. Станиславского. В спектакле "Снегурочка" в постановке МХТ исполнила главную роль.

С. 365. ...того "медведя", над которым так пошло острили... – В фельетоне А. Пазухина «"Снегурочка": (Картинки и сценки)» иронически описывались премьера спектакля и разговоры зрителей о том, кто же играет медведя: дрессированный медведь или актер; приводились также их предположения, что медведя играет любитель, купец, который "брату все поручил и сам искусству отдался", или специально приглашенный актер, который "в новой пьесе Ибсена оленя будет играть" (Моск. листок. 1900. 28 сент. (№ 271). С. 3). Остальные рецензенты, описывая игры Снегурочки с медведем, который выступал в роли своеобразного телохранителя, не подвергали это какому-либо осмеянию. Напротив, сказочные персонажи пользовались у критики успехом: "Лешие – чудо постановки: лесные пни – жертвы бурь, <...> движутся, кланяются, отступают, не нарушая ни на миг иллюзии, так же как и медведь, с которым играет Снегурочка" (Сев. курьер. 1900. 28 сент.).

...того невиданного доселе явления, что на первое представление "Снегурочки" в Москву съезжаются как на праздник, как на крупное событие. – В "Новостях дня" (1900. 25 сент.) так описывалась премьера спектакля: "Совершенно переполненная зрительная зала. Избранная публика, – весь цвет московской интеллигенции и денежной аристократии. Очень много артистов, из всех играющих в Москве трупп. Усиленно представлена московская печать. Мобилизованы все ее силы. Несколько петербургских журналистов, специально командированных редакциями специально к спектаклю. Герой антрактов – Максим Горький <...>".

...100-е представление "Феодора Иоанновича"... – Пьеса А.К. Толстого "Царь Федор Иоаннович" (1868) в течение тридцати лет была под цензурным запретом. Впервые поставлена в 1898 г. в театре Литературно-художественного общества. Премьера спектакля в Художественном театре состоялась 14 октября 1898 г., режиссеры: К.С. Станиславский и А.А. Санин; это была первая постановка нового театра. В спектакле были заняты И.М. Москвин (царь Федор), О.Л. Книппер (Ирина) и др. Спектакль шел в МХТ до 1949 г. О юбилейных спектаклях Андреев пишет авансом: 100-е представление спектакля состоялось 26 января 1901 г.

...40-е – "Чайки"... – Премьера спектакля по пьесе А.П. Чехова в МХТ состоялась 17 декабря 1898 г. Режиссеры: К.С. Станиславский и Вл.И. Немирович-Данченко. В спектакле были заняты О.Л. Книппер (Аркадина), М.П. Лилина (Маша), К.С. Станиславский (Тригорин), В.Э. Мейерхольд (Треплев) и др. Легендарная постановка, восторженно принятая публикой и прессой, стала началом открытия чеховской драматургии и современной театральной системы в России. 40-й спектакль "Чайки" состоялся 13 декабря 1900 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(5 октября 1900 г.)
(С. 366)

Источник текста – К. 1900. 5 окт. (№ 276). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 366. 20 сентября состоялось весьма любопытное постановление совета присяжных поверенных московского округа... – Текст постанов-

ления и реакцию юристов на него см.: [Б. п.] Хроника // Право. 1900. 15 окт. (№ 42). Стб. 1982.

С. 367. *Балалайкин* – герой циклов очерков и рассказов М.Е. Салтыкова-Щедрина “В среде умеренности и аккуратности” (1874–1881), “Современной идиллии” (1877–1883) и др.

Новая советская мера вызвала, к удивлению, энергичный протест со стороны группы присяжных поверенных и помощников. – Это постановление было встречено протестом значительной части московской адвокатуры: “В Совет внесен протест, подписанный весьма многими членами сословия и указывающий, с одной стороны, на принципиальную нежелательность присуждения знаков отличия за работу на пользу сословия, с другой – на нецелесообразность установленного отныне порядка такого присуждения. (...) Постановление Совета не может не возбуждать опасения, что представители адвокатуры, пользующиеся среди большинства сословия далеко не полным сочувствием, будут теперь иметь возможность получать отличие от имени всего сословия московских присяжных поверенных, так как для этого нужна всего 1/10 часть общего числа всех голосов присяжных поверенных московского округа и согласие председателя совета” (Право. 1900. 15 окт. (№ 42). Стб. 1982).

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(8 октября 1900 г.)

(С. 368)

Источник текста – К. 1900. 8 окт. (№ 279). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 368. *Совет присяжных поверенных* – см. коммент. к фельетону “Впечатления” от 27 января 1900 г.

Карл Зандкухен – от Sandkuchen (нем.) – маленькое круглое печенье, посыпанное миндалем, или миндальное пирожное.

С. 369. ...два года кошку показывал, а говорил, что котел. – Здесь игра слов: мастера котельного цеха обдумывают идеальные способы организации общего “котла”; на самом деле каждый мыслит о своем личном интересе (“кошка” – кожаный поясной кошель).

С. 370. ...насчет давальца... – “Давалец” – московское слово: тот, кто держится в своих покупках и заказах одной знакомой лавки, одного мастера, или тот, кто дает работу, товар на выделку.

Этуаль – см. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 7 мая 1900 г.

С. 371. *Кто в “Прагу”?* – “Прага” – известный московский ресторан у Арбатских ворот.

С. 372. *Индифферентист* – безучастный, равнодушный человек.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(11 октября 1900 г.)
(С. 374)

Источник текста – К. 1900. 11 окт. (№ 282). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 374. *Империал конки* – см. коммент. к фельетону “Впечатления” от 17 апреля 1900 г.

Несколько дней тому назад произошла поистине ужасная катастрофа: на Мясницкой... – Андреев описывает несчастный случай, происшедший 8 октября 1900 г. при строительстве Домостроительным обществом дома на Мясницкой улице, предназначенного для торговых помещений и контор.

С. 375. *...я беру его из “Новостей дня”...* – См.: [Б. п.] Катастрофа // Новости дня. 1900. 8 (21) окт. (№ 6244). С. 2.

Почтенный незнакомец, ведущий в этой газете ежедневные “Беседы”, опросил всех лиц, так или иначе причастных к катастрофе... – См.: С. Из бесед // Новости дня. 1900. 9 (22) окт. (№ 6245). С. 3. С. – псевдоним Семена Лазаревича Кугульского (наст. фам. Кугулихес, 1862–1954), журналиста, редактора, издателя.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(12 октября 1900 г.)
(С. 377)

Источник текста – К. 1900. 12 окт. (№ 283). С. 2. Подпись: Л. -ев.

С. 377. *...уподобляясь тому марктвенновскому единственному паровозу, который не задавил ни одной коровы.* – Вероятно, речь идет об эпизоде из записных книжек (1896) М. Твена, где приводится рассказ одного из завсегдатаев клуба в Австралии о новозеландских паровозах: «Он рассказал, как однажды посоветовал кондуктору переставить предохранительную решетку от коров – снять с паровоза и насадить ее на хвостовой вагон. “Нам все равно ни одной коровы не перегнуть, – сказал он кондуктору, – а они могут в любую минуту забраться в задний вагон и искушать пассажиров”» (Твен М. Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 12. С. 512).

С. 378. *Не плачь, красавица! Слезами / Кручине злой не пособить – / Господь обидел огурцами, / Зато капустой наградит!* – Шуточное четверостишие, где первые две строки взяты из стихотворения К.Н. Батюшкова “Разлука” (1813?): “Не плачь, красавица! Слезами / Кручине злой не пособить!..” В антинигилистической повести В.П. Авенариуса “Поветрие” (1867) его произносит гражданская жена одного из героев перед тем, как бросить мужа (Авенариус В.П. Бродящие силы: Две повести В.П. Авенариуса: I. Современная идиллия. II. Поветрие. Изд. испр. СПб., 1867. С. 332). В опубликованном в книге В.В. Розанова “Семейный вопрос в

России» «Открытом письме г. Розанову, как автору “Непорочной семьи”» Геннадия Ел-ева приводится несколько иной вариант четверостишия: «... как пели наши легкомысленные самочки 60-х годов: “Адьо, мой милый друг, слезами кручине злой не пособить: Господь обидел огурцами, зато капусткой наградит!”» (Розанов В.В. Семейный вопрос в России. СПб., 1903. Т. 1. С. 89).

...в новом Хомяковском сквере, что на Кузнецком... – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 6 сентября 1900 г.

“Уж я золото хороню, хороню...” – песня, сопровождавшая святочное гадание девушек о будущем муже.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (15 октября 1900 г.) (С. 379)

Источники текста:

К. 1900. 15 окт. (№ 286). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Пр. Т. 1. С. 246–248. Под заглавием “Несколько слов о Художественном театре”.

ПССМ. Т. 6. С. 320–321. Под заглавием “Несколько слов о Художественном театре”.

Печатается по тексту К.

С. 379. *Вчера исполнилось ровно два года с того дня, как “Художественно-общедоступный” театр открыл свои двери.* – Театр открылся 14 октября 1898 г. спектаклем по пьесе “Царь Федор Иоаннович” А.К. Толстого.

... “Первых мух”... – Имеется в виду комедия В.Л. Величко “Первая муха” (1894) (позднее переделанная В.А. Александровым (В.А. Крыловым)), шедшая в Малом театре в 1894 г. Пьеса, следуя законам французской занимательной комедии, повествовала о барышне, которая, желая привлечь к себе внимание, просила знакомого князя разыграть роль влюбленного в нее. В спектакле были заняты Е.К. Лешковская и А.И. Южин.

...положение курицы, высидевшей утенка... – Данный сюжет позже был развит писателем в фельетоне “Москва. Мелочи жизни” от 4 марта 1901 г. (см. наст. изд., т. 14).

С. 380. ... “Дядя Ваня”... – премьера спектакля по пьесе А.П. Чехова (1896) состоялась в МХТ 26 октября 1899 г. Режиссеры К.С. Станиславский и Вл.И. Немирович-Данченко. В спектакле были заняты К.С. Станиславский (Астров), М.П. Лилина (София), О.Л. Книппер (Елена), В.В. Лужский (Серебряков) А.Л. Вишневский (Войницкий) и др.

... “Чайка”... – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 1 октября 1900 г.

... “Одинокие”... – Драма Г. Гауптмана (Einsame Menschen, 1891) впервые была поставлена в 1891 г. в Берлине в театре “Свободная сцена”, затем ее поставил Немецкий театр. Особую роль сыграла пьеса в судьбе МХТ.

Премьера спектакля (пер. с нем. Н. Эфроса) состоялась 16 декабря 1899 г. Режиссеры К.С. Станиславский и Вл.И. Немирович-Данченко. В спектакле были заняты О.Л. Книппер (Анна Мар), М.Ф. Андреева (Кэте), В.Э. Мейерхольд (Иоганнес Фокерат) и др. Спектакль сразу же завоевал успех у зрителей, сопровождавшийся недоумением критики, удивленной несопадением с замыслом Гауптмана. “Одинокие” долго продержались в репертуаре и несколько раз возобновлялись впоследствии. В этой постановке МХТ впервые ввел “четвертую стену” – мебель, выставленную вдоль рампы. В условиях камерной пьесы это давало большой простор фантазии режиссера по созданию мизансцен.

...“Снегурочка”... – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 1 октября 1900 г.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(15 октября 1900 г.)

(С. 381)

Источники текста:

К. 1900. 15 окт. (№ 286). С. 2. Подпись: James Lynch.

ПССМ. Т. 6. С. 294–298. Под заглавием “О П.Д. Боборыкине”.

Печатается по тексту К.

С. 381. *“Пятнадцать лет пренебрежения и двадцать пять лет глумления”, – таким скорбно-пессимистическим возгласом резюмирует писатель итоги своей сорокалетней деятельности...* – Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – русский писатель, почетный академик Петербургской академии наук (1900). В романах (“Дельцы”, 1872–1873; “Китай-город”, 1882, и др.) и повестях изобразил жизнь различных слоев русского общества второй половины XIX в. Боборыкина называли русским Золя. 10 октября 1900 г. в Большом зале ресторана “Эрмитаж” в Москве отмечалось 40-летие литературной деятельности П.Д. Боборыкина. Сам юбиляр сказал, что 40 лет литературного служения сопровождалось 25-ю годами глумления и 15-ю – пренебрежения (см., например: [Б. н.] На обеде у П.Д. Боборыкина // Моск. листок. 1900. 11 окт. (№ 284). С. 2; [Б. н.] Чествование П.Д. Боборыкина // К. 1900. 15 окт. (№ 286). С. 3).

...прочел статью г. Буренина... – Буренин Виктор Петрович (1841–1926) – русский писатель, литературный и театральный критик, поэт. Вероятно, Андреев имеет в виду фельетон Буренина “Опыт похвалы” (НВ. 1900. 29 сент. (12 окт.) (№ 8833). С. 2), в котором иронически описывался воображаемый разговор Боборыкина с римским папой Львом XIII.

С. 382. *...вахлачское ротозейство.* – Вахлак – нерасторопный, глуповатый и серый человек.

Помню я также, как с полгода тому назад в одном из московских “Листков” один маленький критик написал маленькую статейку о М. Горьком... – Вероятно, Андреев имеет в виду рецензию на третий том “Очерков

и рассказов” (СПб., 1899) М. Горького: *Басаргин А. [Введенский А.И.] Критические заметки: Развивается ли талант г. Горького? // МВед.* 1900. 19 апр. (12 мая) (№ 117). С. 3–4). Рецензент отмечал, что философия автора “бедна и убога”, идеалы – «какое-то недодуманное и слабо привязанное к нашей действительности нищестанство. Вот почему трудно увидеть в новом томе сочинений г. Горького, в его “литературной эволюции”, шаг вперед» (Там же. С. 3).

С. 383. *“Накипь”* – пьеса П.Д. Боборыкина (1899; другое название – “Поветрие”, опубли. в приложении к журн. “Театр и искусство”. 1900. № 1).

Как известно из газет, на первом представлении этой пьесы произошел печальный инцидент... – Накануне, 9 октября, в Малом театре состоялась премьера пьесы П.Д. Боборыкина “Накипь”. Публику предупредили, что спектакль посвящен юбилею автора, однако в четвертом акте часть публики выразила свое неодобрение шиканьем, а когда Боборыкин вышел на поклон в конце спектакля, его освистали (см.: *Н. Рок [Ракишанин Н.О.] Из Москвы. Очерки и снимки // Новости и Биржевая газета.* 1900. 14 окт. (№ 293). С. 2–3).

...в “эгогической”... – эгогизм (англ. egotism от лат. ego – я) – преувеличенное мнение о своей личности, о своих достоинствах и значении; самовлюбленность.

С. 384. *...по “ту сторону добра и зла”...* – Ироническое осмысление заголовка книги Ф. Ницше “По ту сторону добра и зла” (1886).

...ездит “на голод”... – Одна из форм общественной деятельности (участие в продовольственной и организационной помощи сельскому населению) в конце XIX в., когда ряд российских губерний периодически из-за неурожаев оказывался на грани продовольственной катастрофы (в пьесе, вероятно, речь идет о голоде 1897–1898 гг.).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

⟨19 октября 1900 г.⟩

(С. 387)

Источник текста – *К.* 1900. 19 окт. (№ 290). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 388. *Как обстоят дела насчет воды?* – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 21 мая 1900 г.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

⟨22 октября 1900 г.⟩

(С. 389)

Источник текста – *К.* 1900. 22 окт. (№ 293). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 389. *...обедающего на шереметевский счет...* – Т. е. совершенно бесплатно, даром. Поговорка “жить на шереметевский счет” родилась

во времена графа Дмитрия Николаевича Шереметьева (Шереметева) (1803–1871), который жертвовал “на вспоможение семействам всякого состояния, претерпевающим скудость”: на помощь обедневшим ремесленникам, на пособия на воспитание сирот, на выкуп из тюрьмы, на вклады в храмы, на создание библиотеки с читальней, на захоронение неимущих и т. п. Его дом на Воздвиженке всегда был полон гостей и приживал. Согласно завещанию его матери Прасковьи Ивановны, ежегодно проводилась беспроигрышная лотерея в пользу ста “неимущих и осиротевших” невест, которые, выходя замуж, получали с шереметевского счета от 50 до 200 руб.

Немец давно уже внес обезьяну... – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 10 сентября 1900 г.

...доброто Микхеля... – В немецком фольклоре “честный (добрый) Микхель” – крестьянин-простака, символический образ “человека из народа”.

...круповские пушки... – орудия “пушечного короля” Артура Круппа. Его предприятие соединяло в себе сталелитейные, пороховые и железные заводы с собственными горными рудниками, угольными копями, верфями, водопроводами, железными дорогами, газовыми и электрическими заводами и телефонами. Предприятие Круппа представляло собой почти государство в государстве, особенно был известен город Эссен. Крупп выпустил 35 тыс. пушек; по капиталу он уступал только Ротшильдву во Франкфурте-на-Майне.

...“единение пролетариев всех стран”... – Т. е. марксизм. “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” – лозунг из “Манифеста Коммунистической партии” (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса, полный русский перевод вышел в 1882 г.

Дерулэд (в газете печатка: *Де рулэда*) – речь идет о французском литераторе и политическом деятеле Поле Дерулэде (Dégoulède, 1846–1914). Он участвовал в Франко-прусской войне 1870–1871 гг., был ранен и взят в плен, но вскоре бежал. Принимал участие в подавлении Парижской Коммуны. В 1882 г. основал Лигу патриотов, главной целью которой была подготовка новой войны с Германией. В 1889 г. избран в парламент, где отстаивал монархические взгляды. Во время процесса Дрейфуса выступил как ярый антисемит. За связь с монархическими организациями и попытку произвести государственный переворот в 1899 г. был арестован и в январе 1900 г. приговорен к 10 годам изгнания из страны. В 1905 г. был амнистирован и вернулся во Францию.

“Контролер спальных вагонов” – комедия-шутка А.-Ш.-А. Биссона (Le controleur des Wagoons-lits), пер. с фр. Ф.А. Корша. Поставлена в 1899 г. в Москве в театре Корша. В Петербурге шла в том же году в театре “Фарс”. Главный герой обеспечивает себе возможность иметь второй “семейный очаг”, выдавая себя за контролера спальных вагонов, обязанного три раза в неделю быть в поезде.

Feci quod potui, faciant meliora potentes – Я сделал все что мог, кто может, пусть сделает лучше (*лат.*). Версия традиционной формулы, которой римские консулы завершали передачу дел и полномочий друг другу. Фраза стала широко известной и общеупотребительной благодаря римскому

государственному деятелю, писателю и оратору Цицерону, который привел ее в своем сочинении “Письма”.

...хитроумными интервьюерами и премудрыми Несторами-обывателями... – В 1900-х годах в газете “Новое время” одним из авторов был В.П. Сватковский, писавший под псевдонимом Нестор.

С. 390. ...без дум и муки роковой... – Вероятно, искаженные строки из романса Л. Дризо на слова А. Майкова: “Ах, люби меня без объяснений, / Без тоски, без думы роковой...”. Стих. А. Майкова “Fortunata” (1845).

С. 391. ...ст. 1655... – Статья Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, определявшая наказание за различные виды кражи.

С. 392. Заседает женское взаимное благотворительное общество и женщина-врач г-жа Шабанова читает свой доклад о конгрессе для защиты детей в Будапеште. – Шабанова Анна Николаевна (1850–1932) – врач, писательница и общественный деятель (в газете ошибка: г-жа Шабельская). Два года слушала лекции в Гельсингфорсском университете на естественном факультете, в 1878 г. окончила женские врачебные курсы в Санкт-Петербурге при Медико-хирургической академии. По окончании курса была принята врачом-экстерном, а затем и штатным врачом в детскую больницу принца Ольденбургского. Была также ассистенткой по детским болезням при женских врачебных курсах и ординатором при детском отделении Николаевского военного госпиталя. По инициативе Шабановой в Гатчине были открыты лечебница для хронических больных детей (1882) и Дом попечения для хронических больных детей (1887), а в 1900 г. основан санаторий для детей близ Виндавы. Шабанова состояла председателем Русского женского взаимного благотворительного общества, основанного при ее участии, учредительницей и заведующей детским очагом для детей образованных тружениц в Санкт-Петербурге. На Международном конгрессе, проходившем в Будапеште в сентябре 1899 г., Шабанова выступила с докладом (текст см.: Журн. Об-ва охранения нар. здоровья. 1899, дек.; Revue mensuelle des maladies d'enfance. 1900, февр.).

Русское женское взаимно-благотворительное общество (1895–1918) – первый и старейший союз, объединивший женщин в России. Вначале деятельность общества заключалась в объединении женщин, поддержке трудящихся, улучшении положения неимущих, самообразовании и т. п. По условиям того времени общество имело замкнутый характер и в свой клуб допускало только женщин. При обществе имелись библиотека, дешевое общежитие, курсы по обучению и профессиональной подготовке женщин, бюро по присканию мест и занятий для женщин, совет по устройству общежитий, юридическая комиссия. За свою благотворительную деятельность в 1900 г. общество получило золотую медаль на Всемирной выставке в Париже (подробнее см.: Фалько Е.И. Русское женское взаимно-благотворительное общество (1895–1918): Опыт источниковедческого поиска // Вестник архивиста. 2002. № 3. С. 168–182).

С. 393. Продается на торгах “Сын Отечества”... – В конце мая 1900 г. прекратила существование газета народнической ориентации “Сын Отечества”, основанная в 1862 г. «Причина смерти – расстройство дел товарищества “Издатель”, издававшего газету. При крайней малочисленности

у нас честных и серьезных органов печати эта утрата является весьма чувствительной» (Рус. мысль. 1900. № 7. С. 257).

...этих воистину турецких святых... – Гол, беден как турецкий святой (разг.) – ничего не имеет, беден (Толковый словарь русского языка. М., 1940. Т. 4. Стб. 830).

С. 394. *Только два слова об инциденте в обществе учащихся женщин.* – Общество вспомоществования учащимся женщинам в Москве было открыто в 1897 г. по инициативе проф. А.И. Чупрова и его брата. Свою задачу оно определяло как материальную помощь нуждающимся женщинам, обучающимся на Высших женских, на педагогических, фельдшерских акушерских, зубоврачебных и других курсах. 14 октября в “Курьере” (№ 285. С. 1–2) была опубликована статья А. Вербицкой “Наболевший вопрос” с призывом о помощи обществу, в которой сообщалось о предстоящем годовом собрании членов общества в Политехническом музее. Статья заканчивалась словами: “Все те, кто отзывчив, кто жаждет доброго дела, кому солони не только свои, но и чужие слезы... Вас ждем мы!.. Откликнитесь!” Некоторые из “откликнувшихся” пришли на собрание, однако товарищ председателя совета общества проф. В.Д. Соколов попросил их удалиться.

Фактическая подкладка достаточно освещена письмами в редакцию... – В “Курьере” были опубликованы письма, подписанные “Один из откликнувшихся” (1900. 17 окт. (№ 288). С. 3) и “Одна из откликнувшихся” (1900. 19 окт. (№ 290). С. 3), а также письма А. Вербицкой и проф. В.Д. Соколова (1900. 18 окт. (№ 289) С. 3).

Соколов Владимир Дмитриевич (1855–1917) – русский геолог, член Московского общества испытателей природы. Окончил Московский университет, с 1895 г. профессор Московского технического училища. Преподавал также в других высших и средних учебных заведениях. Земский гидрогеолог Московской губернии (1895–1900), председатель учебного отдела и Комиссии по организации домашнего чтения при Московском обществе распространения теоретических знаний, член Педагогического общества при Московском университете (1897–1907). Педагогическую деятельность начал сразу после окончания университета, сначала в реальном училище Фидлера и на Лубяньских высших женских курсах, в Мариинском женском институте и на коллективных уроках Общества воспитательниц и учительниц, позднее на курсах В.И. Герье, преобразованных потом в Московские высшие женские курсы. С 1895 г. читал лекции по геологии и минералогии в Московском высшем техническом училище. Непродолжительное время преподавал в Московском сельскохозяйственном институте (ныне Тимирязевская академия). Являлся поборником коренной реформы средней и высшей школы, с пересмотром программ в духе ослабления классицизма и усиления практически нужных стране знаний, с представлением автономии высшей школе, со свободой студенческих организаций, с ослаблением казенного контроля, доверием к здоровым общественным силам и др. Создал (совместно с И.Н. Сахаровым и др.) всероссийскую Лигу образования и основал журнал “Просвещение”.

С. 394–395. *С редкой в юбилейных летописях сердечностью и теплотой было отпраздновано двадцатипятилетие деятельности А.А. Крюкова. ~ и особенно много в этом отношении сделала речь В.Л. Исаченко... – 15 октября 1900 г. в Москве отмечалось 25-летие деятельности председателя Совета присяжных поверенных Московской судебной палаты Александра Александровича Крюкова (см.: [Б. п.] Хроника // Право. 1900. 22 окт. (№ 48). Стб. 2024–2025).* В гостинице “Эрмитаж” состоялся обед, на котором присутствовало около 200 человек. В числе выступивших на обеде был Василий Лаврентьевич Исаченко (1839–1915) – юрист и судебный деятель. Окончил Петербургский университет по отделу чистой математики. Преподавал математику в учебных заведениях г. Минска, затем занял должность мирового судьи в г. Игумне (Минской губ.), а в 1880 г. назначен членом Екатеринославского окружного суда. Был товарищем председателя Минского окружного суда, затем товарищем обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената; с 1907 г. сенатор.

С. 395. *...в московской магистратуре...* – Термин “магистратура” (н.-лат. magistratura, от лат. magistratus – сановник, начальник) здесь употреблен как синоним судебного ведомства.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (23 октября 1900 г.) (С. 396)

Источник текста – К. 1900. 23 окт. (№ 294). С. 2. Подпись: Л. -ев.

С. 396. *Процесс Ульдрих и Грюнберг далеко уже ушел в прошлое...* – См. судебный отчет Андреева, опубликованный в “Курьере” 30 сентября 1900 г., и коммент. к нему.

Прежде всего я остановлюсь на статье в журнале “Право”... – См.: Набоков В. По поводу дела Ульдрих и Грюнберг // Право. 1900. 15 окт. (№ 42). Стб. 1974–1977.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – юрист, публицист, один из будущих лидеров партии кадетов, отец писателя В.В. Набокова. Получил высшее юридическое образование в Александровском лицее. В 1896–1904 г. преподавал уголовное право в Училище правоведения. Председатель уголовного отделения Петербургского юридического общества (1904–1915). Участвовал в редактировании юридических изданий (“Право”, “Вестник права”, “Журнал уголовного права и процесса” и др.), где печатались его многочисленные статьи.

С. 397. *...на сенсационную корреспонденцию, помещенную в “России”...* – [Б. п.] Московские лже-Раскольниковы: (От нашего корр.) // Рос. 1900. 2 (15) окт. (№ 517). С. 2.

...рассуждений г. Мокиевского в “Северном курьере”. – См.: Мокиевский П. Преступление и наказание // Сев. курьер. 1900. 5 (18) окт. (№ 319). С. 1. Врач Павел Васильевич Мокиевский (1856–1927) писал, что девушки с диагнозом “истерички и дегенератки” осуждены на

пожизненное заключение в сумасшедший дом, хотя при другом, не оправдательном, приговоре им грозила всего лишь ссылка в Сибирь на несколько лет.

...г. Не-фельетонист, сотрудник “Нового времени”, опередил г. Набокова... – См.: Не-фельетонист [Ежов Н.М.]. Московская жизнь: Маленькие рассказы. CLXVI. Дело Ульдрих и Грюнберг // *НВ*. 1900. 7 (20) окт. (№ 8841). С. 2.

В № “Курьера” от 17 октября, в отделе “О чем пишут”, уже помещена часть фантастических измышлений г. Набокова... – См.: [Б. п.] О чем пишут... // *К*. 1900. 17 окт. (№ 288). С. 2.

С. 398. Константиновский Иван Васильевич (1830–1904) – доктор медицины, психиатр, статский советник, член Общества невропатологов и психиатров, главный врач Преображенской больницы.

Обращаясь к справкам о газетном прошлом г. Не-фельетониста, мы должны признать в его лице уже достаточно опытного судебного деятеля: это он с такой дивной пронизательностью уничтожил “дело братьев Скитских”, и на его месте создал “дело об отложении Малороссии от России”, за что своевременно и весьма жестоко был наказан г. Дорошевичем. – Н.М. Ежов (Не-фельетонист) освещал процесс по делу братьев Скитских для “Нового времени”, В.М. Дорошевич – для газеты “Россия”. 18, 19 и 21 декабря 1899 г. в “Новом времени” были опубликованы три статьи под общим заглавием “Из Полтавы”, где Ежов описывал свои впечатления от Полтавы, пересказывал услышанные разговоры, слухи. В последней статье автор, отмечая, что “ненависть полтавского общества к Комарову решительно не объясняется невинностью братьев Скитских”, приводил иные объяснения неприязни: в Полтаве, названной им “чем-то вроде столицы Украины”, «живут великие патриоты своего отечества, зовущие всех русских “кацапами” и “чужаками” и крепко их недолюбливающие. Комаров, как человек русский и чужак, уже по одному этому не мог быть особенно приятен Полтаве, но энергичный секретарь духовной консистории ухитрился усугубить, учетверить эту нелюбовь хохломанов. Оказывается, Полтава (...) не высказала особого сочувствия при постановке памятника Петру Великому на Шведской могиле». Комаров написал статью, осуждавшую полтавское общество, которое, в свою очередь, почувствовало к “автору-обличителю искреннюю и глубокую ненависть” (Ежов Н. Из Полтавы: Разговоры о деле Скитских // *НВ*. 1899. 21 дек. (2 янв. 1900) (№ 8556). С. 4). Ответом на эту статью стал памфлет Дорошевича «Изнамена в Полтавской губернии, или Подлинная история о том, как убили секретаря консистории: (Составлено на основании достовернейших корреспонденций “Нового времени”)», начинавшийся так: “В 1897-м году Полтавская губерния решила отделиться от России и основать самостоятельное государство, избравши гетманом... По одним сведениям, (...) столоначальника консистории Степана Скитского (...) По другим сведениям, в гетманы прочили его брата Петра”. “Таким образом, – писал далее Дорошевич, – России грозила опасность не только потерять одну из лучших своих губерний, но и приобрести враждебного и буйного соседа, который пьет горилку и укрепляет свои силы крайне питательными колбасами. Опасность была

уже близка, но... есть Бог земли русской! К счастью, в это время в Полтаве жил секретарь консистории А.Я. Комаров, и этого было достаточно, чтобы Россия была спасена". Измена "была открыта", "козни разрушены" и отделение Полтавской губернии не состоялось. «К счастью, весь этот полтавский заговор и истинную подкладку "Комаровского дела" обличил миру корреспондент "Нового времени", некий г. Н. Ежов» (Рос. 1899. 22 дек. (3 янв. 1900) (№ 238). С. 3).

С. 400. ...на днях по поводу жалоб одной московской газеты на то, что в петербургских газетах даются неверные сведения об успехах г. Фигнера, "Новое Время" обрушилось грозой на московских журналистов. – См.: [Б. п.] Театр и музыка // НВ. 1900. 12 (25) окт. (№ 8846). С. 4.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (29 октября 1900 г.)

(С. 401)

Источник текста – К. 1990. 29 окт. (№ 300). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 401. ...в нашем художественно-литературном кружке сегодня будет читать В.Л. Величко! – Величко Василий Львович (1860–1903) – поэт, публицист. Фельетон написан в связи с выступлением Величко 28 октября 1900 г. с рефератом о философе В.С. Соловьеве на собрании московского Литературно-художественного кружка. Величко был другом Вл. Соловьева. После его смерти Величко написал о нем книгу воспоминаний.

Он был редактором неофициальной части газеты "Кавказ" и занимался тем, что своим пером добивал армян, ускользнувших от турецкого ятагана. – "Кавказ" – политическая и литературная газета, выходила в Тифлисе в 1846–1918 гг. В 1897 г. Величко стал редактором газеты, которую сразу повел в духе национализма и ожесточенного армянофобства. Редакторская деятельность Величко вызвала много резких полемических статей, и через три года ему пришлось отказаться от этой должности. Вернувшись в Петербург, он стал деятельнейшим членом Русского собрания, а с 1901 г. редактором "Русского вестника", где под рубрикой "Русские речи" публиковал ежемесячные политические обозрения, также проникнутые духом крайнего национализма и нетерпимости к инородцам.

С. 402. Пойду к Станиславскому и скажу: "Штокман" у вас сегодня не идет, так дайте мне на вечер трубу. – Премьера спектакля по пьесе "Доктор Штокман" (En Folkefiende) Генрика Ибсена (в переводе Н. Минович) состоялась в Художественном театре 24 октября 1900 г. Режиссеры К.С. Станиславский, В.В. Лужский. "Доктор Штокман" приобрел непредвиденный самим театром политический подтекст и вошел в число легендарных спектаклей МХТ. Роль Штокмана исполнил Станиславский. При создании МХТ полугласно было решено, что Станиславский не будет занят в героическом репертуаре. Роль неуклюжего доктора, чудака,

обнаруживающего способность не уступать перед угрозами и травлей, обладающего великой душевной силой, стала неожиданной компенсацией за самоотречение Станиславского как актера. Критики видели тут спор с Ибсеном: в его персонаже проглядывают легендарные предки – викинги, а Штокман Станиславского – из породы русских интеллигентов, для которых подвиг – не исключительная акция, а ежедневная, ежедневная стойкость. Работа над этой ролью послужила для режиссера несколько лет спустя материалом, приведшим к первым опытам его “системы”.

– *А потом в Титы...* – Фабрикант, коммерции советник и московский городской голова (1814–1819) Михаил Иванович Титов являлся владельцем крупной ткацкой и ситценабивной фабрики, располагавшейся в Титовском проезде, который в XVIII в. вел от церкви Ризположения к берегу Москвы-реки. После его смерти фабрику закрыли, а в 1858 г. наследники продали городу владение, которое довольно долгое время пустовало, и только в 1868 г. здесь разместили арестный дом, получивший в народе прозвание “Титы”. В 1882 г. с Воскресенской площади туда же перевели известную в городе тюрьму для должников – “Яму”.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(29 октября 1900 г.)

(С. 403)

Источники текста:

К. 1900. 29 окт. (№ 300). С. 2. Подпись: James Lynch.

Под вл. ХТ. С. 40–50. Под заглавием “Диссонанс”.

Пр. Т. 1. С. 269–280. Под заглавием “Диссонанс”.

ПССМ. Т. 6. С. 329–333. Под заглавием “Диссонанс”.

Печатается по тексту *К.*

С. 403. ... *“Доктор Штокман”*. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 29 октября 1900 г.

– *В Художественно-общедоступный театр бывший “Эрмитаж”* ... – Четыре первых сезона (1898–1902) своего существования труппа Московского художественного театра провела в помещении театра “Эрмитаж”. В этом помещении 14 октября 1898 г. спектаклем “Царь Федор Иоаннович” по пьесе А.К. Толстого театр начал свою деятельность. Здесь современники увидели премьеры пьес А.П. Чехова “Чайка” (1898), “Дядя Ваня” (1899), “Три сестры” (1901).

С. 404. ... *маятник в известном рассказе Эдгара По*. – По Эдгар Аллан (1809–1849), американский писатель-романтик, критик. В рассказе “Колодец и маятник” (1842) главный герой подвергается пыткам, в том числе медленно опускавшимся острым маятником.

С. 408. *Зацепы* – улица в Москве недалеко от Садового кольца, близ Саратовского (ныне Павелецкого) вокзала.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(2 ноября 1900 г.)
(С. 410)

Источник текста – К. 1900. 2 нояб. (№ 304). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 410. *В газетах были даны недостаточно полные сведения о двадцатипятилетнем юбилее московской конки.* – Юбилей Общества конно-железных дорог в Москве отмечался 28 октября 1900 г. Заметки об этом мероприятии см., например, в отделах “Московские новости” “Курьера” (1900. 29 окт. (№ 300). С. 3) и “Из московской жизни” “Московского листка” (1900. 29 окт. (№ 302). С. 3). См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 17 апреля 1900 г.

...обед происходил не в Большой Московской гостинице... – В 1878 г. на Воскресенской площади на месте знаменитого трактира Гурина московским купцом С.С. Карзинкиным была построена “Большая московская гостиница” и ресторан при ней. Здесь останавливались А.П. Чехов, П.И. Чайковский и др.

С. 411. *...одни из нас, мудрейшие, омонизировались...* – Т. е. опошлись, от имени Ш. Омон. См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 5 марта 1900 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(11 ноября 1900 г.)
(С. 413)

Источник текста – К. 1900. 11 нояб. (№ 313). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 413. *Счастливец Крюгер – какой чудной встречи удостоился он! Получив бесплатный билет на проезд от Африки до Марселя...* – 74-летний Крюгер (президент бурской республики – см. коммент. к фельетону “Впечатления” от 18 февраля 1900 г.) не способен был выдержать ведение военной кампании, но, тем не менее, несколько раз посетил войска на фронте и остался в Претории до тех пор, когда его, разбитого болезнью, эвакуировали с территории Трансвааля. На военном корабле “Гелдерланд”, отправленном королевой Нидерландов Вильгельминой, Крюгер сначала направился во Францию и в ноябре прибыл в Марсель, где в его честь состоялась многотысячная манифестация, затем в Нидерланды (где оставался до конца войны) и другие европейские страны, прилагая все возможные усилия для оказания помощи Бурской республике (набор волонтеров для войны, закупки оружия, антибританская пропаганда и пр.). Там же он начал диктовать свои мемуары. В Европе получил прозвище Дядюшка Поль. Правительства этих стран заявляли о сочувствии бурам, но, поскольку каждая из них стремилась использовать затруднения Англии в своих интересах, никакого коллективного вмешательства

не получилось. Например, кайзер Германии Вильгельм II, обещавший поддержку, отказал Крюгеру в аудиенции.

...*после английской резни*... – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 13 августа 1900 г.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(12 ноября 1900 г.)

(С. 414)

Источники текста:

К. 1900. 12 нояб. (№ 314). С. 2. Подпись: James Lynch.

Пр. Т. 1. С. 88–92. Под заглавием “Инфлуэнтики, нейрастеники и алкоголики”.

ПССМ. Т. 6. С. 189–190. Под заглавием “Инфлуэнтики, нейрастеники и алкоголики”.

Печатается по тексту К.

С. 414. *Инфлуэнца* – название острого (простудного) сезонного катара верхних дыхательных путей (устар.).

Доктор Штокман – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 29 октября 1900 г.

С. 416. ...*в думском торжестве по поводу неожиданной утраты телефона*. – 1 ноября 1901 г. заканчивался срок действия договора с американской Международной телефонной компанией Белла, названной так в честь изобретателя телефона Александра Белла и занимавшейся строительством и эксплуатацией телефонных сетей в городах России с 1881 г. В феврале 1900 г. Московская городская телефонная сеть была передана в казну. Однако переоборудование и модернизация городской телефонной сети столицы требовали больших капиталовложений, поэтому право на ее эксплуатацию было решено снова передать в частные руки. В марте Московская городская дума приняла решение ходатайствовать перед министром внутренних дел Д.С. Сипягиным о передаче телефонной сети в ведение городского управления, однако просьба Думы была отклонена. Правительство объявило международный конкурс для телефонных компаний, претендовавших на получение концессии в России сроком на 18 лет, выставив одним из обязательных условий низкую абонентскую плату. В ноябре состоялись торги, в которых принимали участие Западная электрическая компания из Чикаго, Шведско-датско-русское телефонное акционерное общество и Московская городская дума, которая участвовала в торгах на льготных условиях. От нее не требовалось денежного залога, а в случае объявления равных цен с частным лицом Дума имела преимущество. В результате торгов в Москве право на эксплуатацию сети было предоставлено Шведско-датско-русскому телефонному акционерному обществу, которое предложило абонентскую плату в размере 79 рублей. Концессию в Петербурге получила городская управа, а в других городах – частные предприниматели.

...снаряжается в Петербург член управы с запечатанным конвертом, в котором заключена эта самая таинственная цифра. – Каждая из сторон, участвовавших в торгах, предоставляла организаторам запечатанный конверт, в котором находилось заявление с указанием ежегодной платы.

С. 417. *Хитровцы* – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 14 и 22 апреля 1900 г.

С. 418. *Вот перед лицом мирового судьи “Машка-Масленица”*. – См.: [Б. н.] Дело о подкидывании детей // Моск. листок. 1900. 11 нояб. (№ 315). С. 3. (По мировым судьям); [Б. н.] “Благодетельница” // Рус. слово. 1900. 11 нояб. (№ 313). С. 3. (Судебная хроника. Столичный мировой съезд) и др. Прозвище Масленица М. Позднякова получила, так как торговала маслом вразнос.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (14 ноября 1900 г.) (С. 420)

Источник текста – К. 1900. 14 нояб. (№ 316). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 420. “*В московской классической V-й гимназии ~ подготовленных стихотворений и прозаических отрывков*”. – Заметка была опубликована в разделе “Московские новости” “Курьера” (1900. 11 нояб. (№ 313). С. 2). Последнее предложение процитировано неточно, в оригинале: “...а также чтение вслух самими учениками заранее подготовленных стихотворений и прозаических отрывков”.

Минерва (Minerva) – в римской мифологии богиня мудрости, покровительница наук и искусств, входившая наряду с Юпитером и Юноной в так называемую капитолийскую триаду, которой был посвящен храм на Капитолии.

...к *бурсацкому “с энтих до энтих”*... – Бурса (от *позднелат. bursa* – сумка, кошелек) – первоначально общежитие для бедных студентов при средневековых университетах. В России первая бурса была устроена при Киево-Могилянской академии (XVI в.); затем так стали называть все общежития при духовных учебных заведениях, в которых учащиеся содержались на казенный счет. Суровый режим, телесные наказания, грубые нравы, характеризующие бурсу в России первой половины XIX в., описаны в “Очерках бурсы” (1862) Н.Г. Помяловского. В очерке “Бурсацкие типы” один из учителей семинарии, Лобов, не объяснял ученикам уроков, “а отмечал ногтем в книжке *с энтих до энтих*” из того, что им следовало выучить к следующему занятию (*Помяловский Н.Г. Полн. собр. соч. 8-е изд. СПб., 1897. С. 374*).

С. 422. *Третьего дня начались в Петербурге заседания “Союза писателей”*... – 10 ноября 1900 г. состоялось общее собрание Союза взаимопомощи русских писателей, основным вопросом которого было

положение провинциальной печати. См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 12 марта 1900 г.

...на весьма характерный и светлый отзыв о провинциальной печати бывшего саратовского губернатора, а ныне помощника командующего войсками киевского округа генерала А.И. Косича. – Среди выступивших на собрании с докладом был генерал А.И. Косич, бывший саратовский губернатор. Андреев приводит краткое изложение этого доклада по отчету, опубликованному в “Курьере” ([Б. н.] Петербургская жизнь // К. 1900. 14 нояб. (№ 316). С. 3). Косич (Косыч) Андрей Иванович (1833–1917) – государственный деятель, генерал от инфантерии. Окончил курс академии генерального штаба. Во время турецкой войны был начальником штаба 12-го армейского корпуса. В 1887 г. Косич был назначен саратовским губернатором. Свободный от бюрократической рутины, он вникал во все проблемы губернии, будь то народное образование, статистика, врачебное дело, благотворительность, городское и земское хозяйство, святыни и древности края, местная литература. По инициативе Косича составлены книги по истории Саратовского края: “Описание саратовского Радищевского музея”, “О садоводстве в Саратовской губернии”, “Статистика смертности, рождаемости и браков по городу Саратову за 1886 год”, “Волга у Саратова” и др. Сам он в разное время напечатал: “В походе. Рушукский отряд” (СПб., 1891), “Путевые заметки по Воляни в 1885 году” (Киев, 1898), “Советы земледельцу” (Казань, 1903) и др. В 1891 г. Косич был назначен командиром 4-го армейского корпуса, позднее занимал должности помощника командующего войсками Киевского округа и командующего войсками Казанского военного округа. В 1905–1907 гг. член Государственного совета.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(15 ноября 1900 г.)
(С. 423)

Источники текста:

К. 1900 г. 15 нояб. (№ 317). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Пр. Т. 1. С. 157–161. Под заглавием “Русский человек и знаменитость”.

ПССМ. Т. 6. С. 231–233. Под заглавием “Русский человек и знаменитость”.

Печатается по тексту К.

28 октября 1900 г. Горький вместе с Чеховым был в Московском художественном театре на спектакле “Чайка”. В антракте публика устроила Горькому овацию. Возмущенный этой бестактностью, Горький заявил: “Как профессионалу писателю мне обидно, что вы, слушая полную огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками” (Горький А.М. Собр. соч. М., 1954. Т. 28. С. 140). Слова Горького в искаженном виде были воспроизведены в фельетоне Пэка “Кстати” (Новости дня. 1900. 1 нояб. (№ 6268)), а затем цитировались многими

газетами. Андреев выступил в защиту писателя, однако, не будучи очевидцем “инцидента”, он основывался главным образом на сведениях, почерпнутых из фельетона Пэка. В письме Андрееву Горький так отозвался на андреевский фельетон, опубликованный в “Курьере”: «Спасибо, Леонид Николаевич, спасибо, голубчик! Вы очень хорошо написали о моем столкновении с публикой – вы относитесь к ней как настоящий писатель. Уважать ее – не за что, ненавидеть – за все. Пэк – искажил мои слова. Я не говорил “глазеете”, “вытаращили глаза”, не говорил “стыдно” – и – А.П. Чехова при сем не было, а чаю я в ту пору – не пил...» (*Горький. Письма*. Т. 2. С. 69). Горький написал письмо в редакцию газеты “Северный курьер” (1900. 18 нояб. (№ 313)), где выразил протест против искажения своих слов Пэком.

С. 424. *Венера Медицийская* – статуя богини Венеры, изваянная в I в. до н. э., мраморная копия утраченного греческого оригинала. Найдена в 1680 г. на вилле императора Адриана в Тибуре (Тиволи), близ Рима. Позднее статуя была приобретена семейством Медичи (отсюда ее латинизированное название). В настоящее время находится в картинной галерее Уффици во Флоренции. В России была известна в XVIII – начале XIX в. как образцовое произведение классического искусства.

...*мистером Пэком из “Новостей дня”*... – Пэк – псевдоним Ашкинази Владимира Александровича (1873–1948), журналиста, фельетониста, театрального рецензента, переводчика. С 1896 г. вел в газете “Новости дня” обзор под названием “Кстати” (за подписью Пэк), освещающая события литературной и театральной жизни. Сотрудник многих периодических изданий. Опубликовал воспоминания “Отрывки об Л. Андрееве” в “Вестнике литературы” (1920. № 9. С. 5–6) под псевдонимом “В. Азов”.

...*письмо “из публики” (т.е. одного из тех, кому М. Горький сказал “стыдно”), помещенное в “Новом времени”*. – См.: Т.А. Г. Горький и Агафья Тихоновна // *НВ*. 1900. 11 нояб. (№ 8876).

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(19 ноября 1900 г.)

(С. 426)

Источник текста – *К*. 1900. 19 нояб. (№ 321). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 427. *В обыкновенное время – это люди, вышедшие из ресторана, теперь же это – избиратели, вышедшие от г. Вишнякова или г. Найденова, где они вырабатывали программу своей партии*. – На выборах в Московскую городскую думу 1900 г. образовались так называемые партии избирателей, во главе которых стояли гласные Думы, уже избравшиеся прежде, или иные общественные деятели. Составлялись “списки лиц, желательных с точки зрения различных групп избирателей и вожа-

ков партий быть избранными”. Например, существовала так называемая интеллигентная партия, руководимая В.В. Пржевальским. На первом территориальном участке избиратели группировались вокруг гласных Н.А. Найденова и А.С. Вишнякова (см.: [Б. н.] *Перед выборами* // Рус. слово. 1900. 21 нояб. (№ 323). С. 2).

Найден Николай Александрович (1834–1905) – представитель известной купеческой династии. Один из учредителей, совладелец и председатель совета Московского торгового банка (известен как банк Найденова), 28 лет возглавлял Московский биржевой комитет, коммерции советник, потомственный почетный гражданин. Гласный Московской городской думы в течение почти 40 лет (1866–1905), придерживался консервативных взглядов, возглавлял консервативную часть купеческой группировки, был членом комиссий по перестройке городских торговых рядов, устройству Промышленной выставки в Москве в 1878 г., председателем Комиссии по вопросу о необходимости исторического описания Москвы и др. На средства Найденова и под его непосредственным руководством было издано свыше 80 книг и альбомов, посвященных истории Москвы. Похоронен в фамильном некрополе Покровского монастыря, уничтоженном с закрытием монастыря в 1926 г. (подробнее см.: *Золотая книга московского предпринимательства*. Год 2000-й: Альм. М., 1999; *Моск. власть*. С. 469–471).

Вишняков Алексей Семенович (1859–1919) – представитель московского купеческого рода, потомственный почетный гражданин, коммерсант, банкир. Был председателем в правлении Московского купеческого общества взаимного кредита. С его именем связано основание нескольких популярных учебных заведений коммерческого профиля в Москве. Гласный Московской городской думы с 1893 по 1912 г., работал в различных комиссиях при Думе: финансовой, организационной, о пользе и нуждах общественных, училищной, пенсионной, по вопросу об устройстве Московской окружной железной дороги, конно-железных дорог (*Моск. власть*. С. 170–171).

С. 428. ...как *Крюгеру англичане при проезде монеты бросали?* – В ноябре 1900 г. президент бурской республики Крюгер прибыл в Марсель (Франция), где в его честь состоялась многотысячная манифестация. “Когда коляска президента двигалась мимо одной из самых больших гостиниц, двое или трое англичан, стоявших на балконе, начали бросать в коляску президента мелкие монеты и гравюры. Англичане могли поплатиться жизнью за свой поступок, если бы подоспевшая полиция не успела бы их оградить от ярости обезумевшей толпы” (*К.* 1900. 14 нояб. С. 1–2). См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 11 ноября 1900 г.

Медведниковский приют – Медведниковы занимались разработкой золотоносных приисков и пушным промыслом, вели торговлю с Китаем, были основателями города Иркутска, а также первыми поселенцами на Аляске и в Америке. Александра Ксенофоновна Медведникова (ок. 1834–1899) – домовладелица, вдова коммерции советника И.Л. Медведникова, также известного своей благотворительностью.

В Иркутске Медведников учредил Сиропитательный дом для девочек, в Москве на средства А.К. Медведниковой были открыты Медведниковская больница и Медведниковская богадельня, Медведниковская гимназия и Медведниковский приют для детей-инвалидов, а также Общество вспомоществования нуждающимся студентам. 6 июня 1900 г. Городская дума постановила принять заветанные Московскому городскому управлению вдовой коммерции советника А.К. Медведниковой “капиталы, в том числе 600 тыс. руб. на устройство и содержание в Москве приюта для детей-эпилептиков и идиотов”. Строительство приюта на участке близ Канатчиковой дачи (арх. А.Ф. Мейснер) было закончено в 1914 г. После революции в здании Медведниковского приюта открылась детская психиатрическая больница; в настоящее время больница № 6 – крупнейшее лечебное учреждение страны в области детской психиатрии.

С. 429. ...*несостоявшееся заседание Думы по вопросу о выкупе трамваев и ломбардном займе.* – По предложению городского головы обсуждение докладов Финансовой комиссии об увеличении основного капитала Московского городского ломбарда на 500 000 руб. и Комиссии о конно-железных дорогах и Городской управы по вопросам о выкупе предприятий 1-го и 2-го обществ московских железно-конных дорог и введении в Москве электрической тяги на городских железных дорогах, а также о постройке опытной линии электрических железных дорог было перенесено на 23 ноября 1900 г.

С. 430. *Иных избирателей колонновожатые уговаривают...* – Здесь, вероятно, имеются в виду учащиеся Московского училища колонновожатых (военных геодезистов). В действительности колонновожатые в агитации избирателей не участвовали; здесь упомянуты иронически.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ (20 ноября 1900 г.) (С. 432)

Источники текста:

К. 1900. 20 нояб. (№ 322). С. 3–4. Подпись: Л. -ев.

ПССМ. Т. 6. С. 221–222. Под заглавием “Несколько эскизов из московской жизни”.

Печатается по тексту К.

С. 432. ...*гороховые пальто сыщиков.* – При создании подразделения агентов наружного наблюдения полиции его сотрудники получили сшитые для них пальто одного фасона и цвета (горохового), по которым их легко было опознать.

С. 434. *Ново-Екатерининская больница* – находилась на Страстном бульваре (у Петровских ворот). Существует с 1828 г. Ныне здесь размещается городская клиническая больница № 24.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(21 ноября 1900 г.)
(С. 435)

Источник текста – К. 1900. 21 нояб. (№ 323). С. 4. Подпись: Л. -ев.

С. 435. “*Всероссийская пенкоснимательница*” – вымышленный сатирический журнал, упоминаемый М.Е. Салтыковым-Щедриным в циклах очерков “Дневник провинциала в Петербурге” (1872), “За рубежом” (1880), “Письма к тетеньке” (1881–1882). На страницах этого вымышленного журнала печатался либеральный публицист Менандр Прелестнов. В его образе современники узнавали черты издателя-редактора “Санкт-Петербургских ведомостей” В.Ф. Корша. Именем Менандр Салтыков, вероятно, не случайно связал своего персонажа с действующим лицом сатиры А.Д. Кантемира “О различии страстей человеческих” (1730), где изображен сплетник, жадно собирающий всякого рода слухи.

“*Краса Демидрона*” – вымышленная газета, упоминаемая Салтыковым-Щедриным в циклах “В среде умеренности и аккуратности” (1874–1880), “Современная идиаллия” (1877–1883). Название газеты – несколько измененное название публичного дома в Петербурге. Редактор – бывший тапер публичного дома Иван Иванович Очищенный, корреспонденты газеты – Подхалимов I, Подхалимов II и Ящерицын.

“*Пригорюнившись сидела*” – вымышленная сатирическая газета, упоминаемая Салтыковым-Щедриным в “Письмах к тетеньке”. Под этим псевдонимом подразумевается печать либерального лагеря: “Голос” (Краевского), “Порядок” (Стасюлевича) и др. Газеты этого направления отрицательно относились к революционному движению 1870–1880-х годов, что не спасло их, однако, от самых резких обвинений в политической неблагонадежности, в “проповеди анархии” и т.п. как со стороны реакционной прессы, так и со стороны цензуры (обе газеты после многократных цензурных кар были закрыты властями).

“*Чего изволите*” – вымышленная газета, упоминаемая Салтыковым-Щедриным в циклах: “Господа Молчалины”, “Письма к тетеньке”. Прототипом газеты и ее редактора, Молчалина 2-го, явился А.С. Суворин, издатель газеты “Новое время”.

Известно, в какую печаль и затруднение специфически “щедринского” свойства повергло его прекращение издания, в котором он привык ежемесячно беседовать с читателями... – В “Отечественных записках” сатирик работал 16 лет, с 1868 по 1884 г.; его произведения появлялись почти в каждой книжке и во многом определяли характер и направление журнала. Писатель опубликовал в 1868–1869 гг. два цикла: “Признаки времени” и “Письма о провинции”, цикл очерков “За рубежом” (1880).

“*Русское обозрение*” – литературно-политический и научный ежемесячный журнал. Издавался в Москве в 1890–1898 гг.

Александров Анатолий Александрович (1861–1930) – консервативный литератор, сотрудник “Русского вестника” и “Московских ведо-

мостей”. 14 ноября 1900 г. опубликовал в “Новом времени” (№ 8879) письма М.Е. Салтыкова-Щедрина к В.П. Безобразову.

С. 435–436. Помещены письма как раз на том “проклятом” месте, где печатаются обычно фельетоны г. Буренина и где не раз жестоко доставалось от последнего при жизни его другу М.Е. Салтыкову, Н.К. Михайловскому... – Вероятно, Андреев имеет в виду полемику, развернувшуюся в 1872 г. между либеральными “С.-Петербургскими ведомостями” (с которыми Буренин сотрудничал с 1865 по 1875 г.) и радикальными “Отечественными записками”, где Михайловский дал критический анализ либерального направления в русской общественно-литературной жизни (№ 5–7). Касаясь ряда выступлений “С.-Петербургских ведомостей”, Михайловский отмечал “несвободу” отношения газеты к фактам жизни и литературы и заданность их трактовки, неопределенность ее направления и т. д. Основываясь же на фельетонах Буренина, Михайловский писал о нелогичности и безнравственности полемических приемов *СПбВед*.

В первом выступлении Михайловского против “С.-Петербургских ведомостей”, самой “видной” либеральной газеты, имя Буренина не называлось. Две ответные передовые статьи *СПбВед* были направлены как против “Отечественных записок” в целом, так и против Михайловского лично (*СПбВед*. 1872. 21 (№ 138) и 29 мая (№ 144)). В “Литературных и журнальных заметках”, следовавших за этими статьями “С.-Петербургских ведомостей”, не касаясь личности Буренина (и ни разу не называя его имени), Михайловский вновь изложил свою аргументацию по поводу несостоятельности либерализма (Отеч. зап. 1872. № 6. Отд. II. С. 314–320). В следующем номере “Отечественных записок” Михайловский вскрыл беспринципность Буренина в полемике его со Щедриным, Елисеевым и другими сотрудниками “Отечественных записок”, показал, что Буренин “об одной и той же статье одного и того же автора, рассматривая ее с одной и той же стороны, с одинаково развязностью” выражает “два диаметрально-противоположные мнения” (Там же. 1872. № 7. Отд. II. С. 181). Этим выступлением Михайловский закончил полемику с Бурениным (в № 10 и 11 “Отечественных записок” имя Буренина упоминалось лишь вскользь), хотя Буренин посвятил журналу Некрасова, и Михайловскому в частности, еще шесть своих фельетонов 1872 г. В 1900 г. Буренин не посвящал Михайловскому отдельных статей, однако в обзорах новой литературы он не забывал “упомануть” его. Так, в рецензии на рассказ “Ребята” В.В. Вересаева, которого заметил “сам” Михайловский, Буренин писал, что Михайловский «для нынешнего молодого поколения (...) не только умер, но даже “зарыт он без почести бранной”, зарыт “в зыбучий песок” журнальной полемики (...) Они видят, что старик сам себе воздвигает могильный холм из песка, сыплющегося из него самого, г. Михайловского...» (Буренин В. Критические очерки // *НВ*. 1900. 31 марта (13 апр.) (№ 8654). С. 2; см. также: В.П. Буренин в “Новом времени” (1876–1900): (Библиогр. список критич. статей) / Сост. и авт. вступ. ст. И. Игнатова // Новое лит. обозрение. 2012. № 118. С. 441–457; 2013. № 119. С. 389–406).

С. 436. *По поводу г. Величко мне уже приходилось как-то говорить об этой литературской загробной "терпимости"*. – См. фельетон "Впечатления" от 29 октября 1900 г. и коммент. к нему.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(26 ноября 1900 г.)

(С. 437)

Источник текста – К. 1900. 26 нояб. (№ 328). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 438. *«Госпожа Н.М. Г-ва, нагнав компанию ~ скрыться в находящийся поблизости ресторан "Прогресс"»*. – Андреев цитирует отчет "Ловеласничество", опубликованный в "Новостях дня" (1900. 15 (28) нояб. (№ 6282). С. 3). О разбирательстве дела о случае с Н.М. Громогласовой у мирового судьи писали также и другие московские газеты, например: [Б. п.] Уличные "дон-жуаны" // Моск. листок. 1900. 15 нояб. (№ 319). С. 3.

"20 ноября крестьянка Зотова ~ которые и отправили Тельнова в участок". – См.: [Б. п.] Московская жизнь // Моск. листок. 1900. 22 нояб. (№ 326). С. 3.

С. 439. *...общество – "попечения об улучшении участи женщины"...* – Московское общество улучшения участи женщин было образовано в 1899 г., при нем действовали 5 комиссий, в том числе: спасательная комиссия, занимавшаяся поиском нуждающихся в поддержке женщин; образовательная комиссия, занимавшаяся устройством воскресных школ, экскурсий, развлечений и легкой помощи для работниц; трудовая комиссия, занимавшаяся организацией общежития, временных квартир и бюро труда для безработных.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(30 ноября 1900 г.)

(С. 442)

Источники текста:

К. 1900. 30 нояб. (№ 332). С. 3. Подпись: Л. -ев.

Пр. Т. 1. С. 162–166. Под заглавием "Русский человек в театре".

ПССМ. Т. 6. С. 233–235. Под заглавием "Русский человек в театре" (в качестве начала очерка).

Печатается по тексту К.

С. 442. *...при первом представлении драмы "Когда мы, мертвые, пробуждаемся"...* – Премьера спектакля по пьесе Г. Ибсена ("Når vi de vågner", пер. с норв. Э.Э. Маттерна) в МХТ состоялась 28 ноября 1900 г., режиссер Вл.И. Немирович-Данченко. В спектакле были заняты актеры: М.Г. Савицкая (Ирена), А.Л. Вишневский (лесничий), В.И. Качалов (Рубек) и др.

С. 443. ...слово “стыдно”, раз уже прозвучавшее в этом театре по адресу публики... – Речь идет об “инциденте” с М. Горьким и А.П. Чеховым, описанном Андреевым в фельетоне “Впечатления” от 15 ноября 1900 г.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(3 декабря 1900 г.)

(С. 445)

Источники текста:

К. 1900. 3 дек. (№ 335). С. 2. Подпись: James Lynch.

Под вп. ХТ. С. 69–77. Под заглавием “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”.

Пр. Т. 1. С. 259–268. Под заглавием “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”.

ПССМ. Т. 6. С. 325–329. Под заглавием “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”.

Печатается по тексту К.

С. 445. *Екатерининские инвалиды* – ветераны, или, как их называли в то время, “инвалиды”, по указу Петра I от 1720 г. определялись на жительство в монастыри и богадельни, где им выдавалось пожизненно содержание. С 1764 г. Екатерина II прекращает высылку инвалидов в монастыри и выдворяет их на жительство в особо назначенные города. Затем, в самом конце XVIII в., при гарнизонных батальонах образованы были инвалидные роты.

...о выборах в городском кредитном обществе и г. Шмакове. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 4 марта 1900 г.

На днях я видел драму Ибсена “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”... – См. фельетон “Впечатления” от 30 ноября 1900 г. и коммент. к нему.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(5 декабря 1900 г.)

(С. 451)

Источник текста – К. 1900. 5 дек. (№ 337). С. 3. Подпись: Л. -ев.

С. 451. ...два таких письма почти одновременно появились в “Курьере” и “Новом времени”. – О смерти студента-медика 5-го курса В.П. Смирнова, у которого пошла горлом кровь, а врач отказался прийти на помощь, говорилось в письме в редакцию, опубликованном за подписью “Товарищи” в газете “Курьер” (1900. 4 дек. (№ 336). С. 2). Письмо г. Миляева о случившемся с его женой было опубликовано в рубрике “Из писем в редакцию” газеты “Новое время” в заметке “Врачебное

жестокосердие” (1900. 3 (16) дек. (№ 8898). С. 5). См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 14 декабря 1900 г.

С. 452. *Полицейский дом* (“съезжий” дом) – помещение для арестованных при полицейской части.

Мариинская больница – находилась на ул. Новая Божедомка, основана по повелению императора Александра I в 1805 г. Больница для бедных находилась в ведомстве императрицы Марии Федоровны, матери Александра I, и поэтому называлась Мариинской. Здание больницы строил арх. И. Жилярди, М.Д. Быковский – флигели (1854). В 1820-х годах младшим лекарем Мариинской больницы был доктор М.А. Достоевский, живший при больнице во флигеле. В 1821 г. здесь у него родился сын, впоследствии известный русский писатель Ф.М. Достоевский.

...по 1513–1522 статьям уложения о наказаниях... – Статьи о наказании “за произвольное оставление человека в опасности и неказании помощи погибающему”.

Петр Дмитриевич Боборыкин удостоен чести быть избранным в почетные академики. – О результатах выборов в почетные академики, проходивших на совместном заседании Отделения русского языка и словесности и Разряда изящной словесности 1 декабря 1900 г., сообщалось в “Новом времени” (1900. 4 (17) дек. (№ 8899)). Баллотировалось всего 27 человек, Боборыкина выдвигали А.П. Чехов и Л.Н. Толстой.

С. 453. *Как выяснилось на юбилее, читатели П.Д. Боборыкина любят.* – См. фельетон “Москва. Мелочи жизни” от 15 октября 1900 г. и коммент. к нему.

...г. *Буренин, по-видимому, смирился духом и вял голосу из “Эрмитажа”, ибо в последний раз не только не напал на Петра Дмитриевича, но очень энергично защищал его от его друзей, гг. Карабчевского и Спасовича.* – См.: Буренин В. Критические очерки // НВ. 1900. 10 (23) нояб. (№ 8875). С. 2. В очерках Буренин иронически отзывался о речах известных адвокатов Н.П. Карабчевского, В.Д. Спасовича и С.А. Андреевского на праздновании юбилея П.Д. Боборыкина в Петербурге.

Спасович Владимир Данилович (1829–1908) – юрист, специалист по уголовному праву и уголовному процессу. После окончания в 1849 г. юридического факультета Петербургского университета работал чиновником в палате уголовного суда. Затем занимался научной и педагогической деятельностью в Петербургском университете. Получил степень доктора прав, стал профессором. Им опубликовано много работ по уголовному праву и процессу, гражданскому и международному праву. Ему принадлежит один из лучших для своего времени учебников по уголовному праву. В 1861 г. вместе с другими учеными ушел из университета в знак протеста против расправы над студентами. В 1863 г. его учебник был запрещен и сам Спасович не был допущен к преподавательской работе в Казанском университете. В 1866 г. вступил в адвокатуру. По праву считался самым заслуженным присяжным поверенным. Его называли “королем адвокатуры”. С.А. Андреевский

в речи на торжественном собрании адвокатуры, посвященном памяти Спасовича, говорил: “Вся администрация – министры, сенаторы и прокуроры – поневоле смотрели на него снизу вверх. Громадный научный запас, культура, суровая честность и чудесные краски художника всегда давали ему возможность если не победить, то низвести до смешного своих противников” (*Андреевский С.А.* Драммы жизни: Защитительные речи. Пг., 1916. С. 615). В.Д. Спасович выступал на многих крупных политических процессах: “нечаевцев”, “50-ти”, “193-х” и др.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(6 декабря 1900 г.)
(С. 454)

Источники текста:

К. 1900. 6 дек. (№ 338). С. 4. Подпись: Л. -ев.

ПССМ. Т. 6. С. 220. Под заглавием “Московское лето наступает” (отрывок от слов “Однажды я встретил...” до “...ввиду толщины разделяющих нас бревен” – в качестве окончания очерка).

Юр. Т. 2. С. 17–19. Под заглавием “Выванные листки из записной книжки (отрывки и наброски)”.

Печатается по тексту К.

С. 454. *Шопенгауэр* Артур (1788–1860) – немецкий философ-иррационалист, создатель популярной в конце XIX в. системы метафизического пессимизма. Андреев еще в гимназические годы увлекся его философией, она повлияла на существенные стороны его мировоззрения и творчества (подробнее см., например: *Козьменко М.В.* Артур Шопенгауэр в ранних дневниках и позднейших произведениях Леонида Андреева: К проблеме корреляции философской и художественной картин мироздания // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2010. № 6. С. 21–30).

...прочел первую фразу его труда – “Мир есть не что иное, как мое представление”... – Речь идет о работе А. Шопенгауэра “Мир как воля и представление” (1818, на русском языке 1881).

...автор жиденькой брошюры с пышным заглавием “Рутин наших уголовных защитников”. На обложке весьма подробно обозначено, кто автор. Сказано, что он – Анатолий Доброхотов... – Фельетон посвящен критическому разбору книги: Доброхотов А.П. Рутин наших уголовных защитников: (Заметки начинающего адвоката). М., 1901. Доброхотов Анатолий Павлович (1874 – после 1918) окончил юридический факультет Московского университета в 1898 г. Служил помощником присяжного поверенного. Писал стихи, переводил многих поэтов, в том числе Т. Шевченко, А. Мицкевича, Ш. Петефи, Г. Гейне, писал критические статьи.

Позднее Доброхотов опубликовал ряд статей о Л. Андрееве. В “Харьковском листке” (1902. 30 авг. (№ 835)) было напечатано письмо А.П. Доброхотова “Талант Леонида Андреева”. Отрицая какие-либо достоинства

в произведениях Андреева и объясняя интерес к его сочинениям безудержной рекламой, Доброхотов предсказывал Андрееву участь “литературного фигляра” А.Н. Емельянова-Коханского, который добился недолговечной популярности тем, что провозгласил себя “первым русским декадентом”. “Курьер”, откликнувшийся на “письмо” Доброхотова анонимной заметкой в отделе “О чем пишут”, заявил, что письмо полно “некрасивых намеков и фактических передержек” (1902. 1 сент. (№ 241)). Впоследствии Андреев ссылаясь на развязную по тону брошюру Доброхотова “Карьера Леонида Андреева. Этюд о популярности, арлекинах и толпе” (М., 1908) как пример упадка русской критики (см.: *Львович А. [Цитрон А.Л.] У Леонида Андреева // Южный край. Харьков, 1908. 26 нояб. (№ 9547); Он же. В гостях у Леонида Андреева // Одесские новости. 1908. 28 нояб. (№ 7680);* подробнее см.: *ЛН72. С. 160, 162.*)

С. 455. *Рикардо* (Ricardo) Давид (1772–1823) – английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политэкономии.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(10 декабря 1900 г.)

(С. 457)

Источник текста – К. 1900. 10 дек. (№ 342). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 458. *Вот Обжорный переулок, а в нем трактирное заведение Павла Келина. В заведении же том драка...* – О драке 24 ноября в трактирном заведении П. Келина см.: [Б. п.] Побойще в трактире // Моск. листок. 1900. 26 нояб. (№ 330). С. 3. (Московская жизнь). Обжорный переулок находился на территории современной Новой площади. В Обжорном переулке возле кабака сосредоточились харчевые лавки, которые обслуживали главным образом извозчиков. Трактир Павла Васильевича Келина располагался в доме Давыденко.

Маркер – в бильярде человек, прислуживающий игрокам и ведущий счет во время игры.

С. 459. *Тверская-Ямская* – являлась продолжением Тверской улицы за Садовым кольцом от Триумфальной площади до Брестского (ныне Белорусского) вокзала. Сейчас Тверская улица. В данном районе сохранились параллельные ей 2-я, 3-я и 4-я Тверские-Ямские улицы.

Вот посмотрите: по тротуару идет молоденькая, прилично одетая девушка ~ – Не знаю; в беспамятстве. – См.: [Б. п.] Покушение на убийство // Моск. листок. 1900. 20 нояб. (№ 324). С. 2 (Московская жизнь).

С. 460. *Обвиняемый* – студент московского университета А.Г. Грикуров... – О разбирательстве дела студента Грикурова у мирового судьи см. в отчете, опубликованном в “Новостях дня” (1900. 6 (19) дек. (№ 6303). С. 3).

Вот в Даниловской слободе купец-подрядчик котельных работ И.С. Коровин. – См.: [Б. п.] Дело подрядчика И.С. Коровина // Моск. листок. 1900. 2 дек. (№ 336). С. 3. (По мировым судьям).

Даниловская слобода – находилась в южной части Москвы, между Садовым кольцом и заставами. Названа по Свято-Данилову монастырю.

Добросердечный городской видит на Воскресенской площади мальчика ~ – А мне какое дело! – О случае с учеником водопроводного заведения И. Аренсона (в фельетоне опечатка: Соренсон) см.: [Б. п.] Опять непосильная ноша // Моск. листок. 1900. 4 дек. (№ 338). С. 2 (Московская жизнь); Не я. Кое о чем // Моск. листок. 1900. 6 дек. (№ 340). С. 2.

Воскресенская площадь – с 1 мая 1918 г. пл. Революции.

С. 461. Отправимся дальше – к знахарям. ~ крестьянин Стогов, которого неизвестный знахарь угостил ртутью. – Об этих случаях см.: [Б. п.] Знахарка // Моск. листок. 1900. 28 нояб. (№ 332). С. 2 (Московская жизнь); [Б. п.] Отравленный знахарем // Моск. листок. 1900. 29 нояб. (№ 333). С. 2 (Московская жизнь).

Один домовладелец был несчастен ~ герой доставил их по начальству. – См.: [Б. п.] Взбесившаяся лошадь // Моск. листок. 1900. 9 дек. (№ 343). С. 2–3 (Московская жизнь).

С. 462. Тина ди Лоренцо (1872–1930) – итальянская драматическая актриса. Гастролировала в России в 1898 и 1900 гг. В 1900 г. в Москве гастроли Тины ди Лоренцо и ее итальянской труппы проходили в Интернациональном театре, начались 3 декабря 1900 г. спектаклем “Дама с камелиями” А. Дюма-сына. Кроме того, были показали “Нора” Г. Ибсена, “Адриенна Лекуврер” Э. Скриба и др.

Как сообщалось в газетах, роскошные туалеты ее были при переезде через океан подмочены водой и испорчены... – В заметке, посвященной предстоящим гастролям Тины ди Лоренцо в России, сообщалось о случае с ее багажом при возвращении актрисы в начале 1900 г. с гастролей из Южной Америки в Италию. Костюмы, запакованные в несколько ящиков, при перевозке были испорчены, актрисе пришлось делать свой гардероб заново (см.: [Б. п.] Театр и музыка // Новости дня. 1900. 1 (14) дек. (№ 6298). С. 3).

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(14 декабря 1900 г.)

(С. 463)

Источник текста – К. 1900. 14 дек. (№ 346). С. 2–3. Подпись: Л. -ев.

С. 463. Письмо г. Миляева ~ вызвало ряд возражений со стороны гг. докторов и студентов-медиков. – Письмо студентов-медиков IV курса, кураторов г-жи Миляевой А. Кириллова и Ал. Прокофьева было опубликовано в “Курьере” (1900. 10 дек. (№ 342). С. 4). Обзор

письма 15-ти врачей факультетской терапевтической клиники см.: [Б. п.] Из обыденной жизни // Моск. листок. 1900. 14 дек. (№ 348). С. 3. См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 5 декабря 1900 г.

С. 465. *Горячая рубашка* – смирительная рубашка.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(16 декабря 1900 г.)
(С. 466)

Источники текста:

К. 1900. 16 дек. (№ 348). С. 2. Подпись: Л. -ев.

Пр. Т. 1. С. 106–108. Под заглавием “Убийца”.

ПССМ. Т. 6. С. 200–201. Под заглавием “Убийца”.

Печатается по тексту К.

С. 466. ...*Андрей Гакенбергер*... – В фельетоне речь идет об убийстве 10 декабря 1900 г. бывшего австрийского подданного, музыканта в театре Омона Карла Гогенберга, жившего в Марьиной роще, братом Андреем Гогенбергом. Описанный Андреевым случай нашел отклик и в других московских газетах, см., например: [Б. п.] Убийство // Моск. листок. 1900. 12 дек. (№ 346). С. 2; [Б. п.] Братоубийство // Новости дня. 1900. 14 (27) дек. (№ 5311). С. 2; [Б. п.] Еще об убийстве в Марьиной роще // Моск. листок. 1900. 14 дек. (№ 348). С. 2; [Б. п.] К убийству в Марьиной роще // Моск. листок. 1900. 16 дек. (№ 350). С. 2. (Московская жизнь). В отличие от фельетона Андреева и заметки в “Курьере” в отделе “Московская жизнь” (1900. 14 дек. (№ 346). С. 2), в этих изданиях, а также в справочнике “Вся Москва на 1901 год” (где указана вдова Карла), фамилия отражена как Гогенберг.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ
(17 декабря 1900 г.)
(С. 468)

Источник текста – К. 1900. 17 дек. (№ 349). С. 2. Подпись: James Lynch.

С. 468. ...*среди современных берендеев*. – Берендеи – тюркское кочевое племя в южнорусских степях в XI–XII вв. В пьесе-сказке А.Н. Островского “Снегурочка” действие происходит в “царстве добрых берендеев”.

С. 469. ...*московское городское кредитное общество*. – См. коммент. к фельетонам “Впечатления” от 18 марта и 19 июля 1900 г.

С. 470. *Шубинский* Николай Петрович (1853–1921) – известный московский адвокат. Окончил юридический факультет Московского университета. Начало популярности Шубинского положили речи его по делам

о рабочих беспорядках на фабриках (1886 и 1887). Речь Шубинского в защиту сортировщика московского почтамта Кетхудова, обвинявшегося в похищении ценностей купца Кнопа и в сокрытии этого похищения путем подлога, вызвала против него упреки в злоупотреблении словом, последующие речи отличались сдержанностью. Гласный Московской городской думы в 1901–1908 гг. (см.: *Моск. власть*. С. 741).

...можно пойти посмотреть сына графа Л.Н. Толстого... – В гласные Московской городской думы был избран сын Л.Н. Толстого – Сергей Львович Толстой (1863–1947). С.Л. Толстой состоял гласным с 1901 по 1908 г., входил в состав Комиссии о пользах и нуждах общественных и др. (см.: *Моск. власть*. С. 635–636).

С. 471. *...кучкой адвокатов, пытавшихся сделать их недействительными и отчасти, по отношению к Д.Н. Доброхотову... –* См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 27 января 1900 г.

Отчет о деятельности совета, вышедший несколько дней тому назад... – См.: Отчет Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1899–1900 год. М., 1900.

Невядомский Даниил Иосафатович (1849–1907) – присяжный поверенный. Окончил юридический факультет Московского университета, долгое время был председателем Московского совета присяжных поверенных.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(20 декабря 1900 г.)
(С. 474)

Источник текста – К. 1900. 20 дек. (№ 352). С. 4. Подпись: Л. -ев.

С. 475. *...жетонов за добродетель... –* См. фельетон “Впечатления” от 5 октября 1900 г.

...к консультации помощников присяжных поверенных. – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 1 февраля 1900 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
(22 декабря 1900 г.)
(С. 476)

Источник текста – К. 1900. 22 дек. (№ 354). С. 3–4. Подпись: Л. -ев.

С. 476. *...“Незаметные люди” и “Ничтожные мира сего”.* – Названия сборников рассказов Т.Л. Щепкиной-Куперник: Незаметные люди. М., 1900; Ничтожные мира сего. М., 1900. В фельетоне Андреев приводит цитаты из рецензий на эти книги: Ал.О.Н. [Благодарзумы А.О.] [Рец.] // Жизнь. 1900. Т. 11. С. 300–332. (Библиография); [Б. п.] [Рец.] // Рус. богатство. 1900. № 11. С. 64–68 (2-я паг.). (Новые книги).

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) – русская писательница, переводчик. Автор пьес, повестей, рассказов и стихов; переводов Ростана, Шекспира, Мольера.

МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

(24 декабря 1900 г.)

(С. 480)

Источники текста:

К. 1900. 24 дек. (№ 356). С. 3. Подпись: James Lynch.

Хр. 1907. 24 дек. (№ 1). С. 1. Под заглавием “Завтра Рождество”.

Подпись: Леонид Андреев.

Пр. Т. 1. С. 109–116. Под заглавием “Когда мы, живые, едим поросенка”.

ПССМ. Т. 6. С. 201–204. Под заглавием “Когда мы, живые, едим поросенка”.

Печатается по тексту *К.*

Название фельетона в позднейших переизданиях – пародийная ассоциация с заглавием пьесы Г. Ибсена “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”, поставленной Московским художественным театром. В этом фельетоне Андреев иронически комментирует латинское выражение “Мир хочет, чтобы его обманули, пусть так и будет” (*Mundus vult decipi, ergo decipiatur*), приписываемое Джованни Пиетро Караффе, будущему папе Павлу IV (1555–1558).

С. 480. ...*проглотить карася-идеалиста...* – Намек на сказку М.Е. Салтыкова-Щедрина “Карась-идеалист” (1884).

С. 483. ...*об истреблении буров...* – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 13 августа 1900 г.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(Велика тайна смерти...)

(С. 487)

Источник текста – беловой автограф. (1900 г.) Подпись: Л. -ев. Хранится: РО ИРЛИ. Р 1. Оп. 1. Ед. хр. 31. 2 л.

Впервые: Русская литература. 1994. № 1. С. 176–177. Публ. М.А. Телятник.

Публикуется по автографу.

Рукопись, скорее всего, является фрагментом одного из фельетонов: по тематике и образам-лейтмотивам, очевидно, это не вошедший в окончательную версию фрагмент (финал?) “Впечатлений” от 9 апреля 1900 г.

С. 487. ...и громовержец Зевс скончался в свое время, как простой чернорабочий... – Вероятно, этот образ связан с критскими сказаниями, говорившими о смерти Зевса, “в подтверждение чего на Крите показывалась его гробница. (...) Предположение о смерти божества обще критянам со многими другими древними религиями, в особенности восточными (Озирис, Аттис, Адонис), и отражает в себе периодически повторяющуюся смерть природы от стуж и засух, тогда как рождение соответствует ее весеннему оживанию. Рождение и смерть З(евса) праздновались жрецами, также носившими имя куретов, с соответствующими радостными или печальными обрядами” (*Щукарев А. Зевс // Энцикл. словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 12. С. 377*). Образ Зевса – “простого чернорабочего”, возможно, связан с культовыми празднествами в Афинах: “В исходе зимы в честь Зевса совершались Диасии, среди лета – Буфонии, или Диополии, с принесением в жертву рабочего вола” (Там же).

...только оперетка да гимназисты изредка вспоминают его и смеются. – Возможно, намек на известную оперетту Жака Оффенбаха “Орфей в аду” (1858), где иронически изображен Юпитер (древнеримский аналог Зевса).

⟨PANEM ET CIRCENSES!..⟩

(С. 488)

Источники текста:

ЧА1 – рукописный автограф. ⟨Начало 1897 г. (датируется по тетради – Т1¹)⟩. Хранится: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 14–16. 3 л.

ЧА2 – рукописный автограф. ⟨Начало 1897 г.⟩ Хранится: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 18–24. 7 л.

Публикуется впервые по тексту ЧА2.

С. 488. ...кроткого Цинцината с его вышедшим из моды скромным плугом... – Квинций Цинциннат Луций – римский полководец, консул в 460 г. до н. э. Согласно преданию, слыл образцом добродетели и храбрости, жил в деревне; в 458 г. был призван Сенатом принять обязанности диктатора, чтобы спасти римские войска от гибели от окружившего их неприятеля. После спасения войск вернулся к мирным делам в своем сельском уединении.

...Нерона, сына Юпитера и любимца муз. – Клавдий Цезарь Друз Германик Нерон – римский император с 54 по 68 г., вошедший в историю как жестокий, развратный, расточительный правитель и тщеславный дилетант – актер и певец, заставлявший чествовать себя как победителя поэтических соревнований.

¹ Обоснование датировок ранних рабочих тетрадей Андреева см. в т. 1 наст. изд., с. 693–694. Датировка данного текста дополнительно уточнена по содержанию (см. в тексте: “А недавние святки – с каким нетерпением и голодной жадностью ожидала их армия праздных актеров”. Святки праздновались от Рождества до Крещения, т. е. в начале января).

С. 489. ...все эти площади, начиная с Марсова и Девичьего поля и кончая какой-нибудь Ильинкой в захолустье с длинными рядами балаганов... – Марсово поле (Царицын луг) – место традиционного возведения балаганов в Петербурге; Девичье поле – в Москве. См. также коммент. к фельетону “Впечатления” от 18 февраля 1900 г.

...ампула “третьей кражи”.... – Вероятно, подразумевается кража, совершенная в третий раз, которая по сравнению с первой и второй кражей влекла за собой существенное отягчение наказания (см., например: Уложение о наказаниях, уголовных и исправительных / Изд. Н.С. Таганцевым. СПб., 1885. С. 749). Возможна ироническая аллюзия с “третьей стражей” – время от полуночи до рассвета согласно исчислению времени, принятому в Древнем Риме, т. е. самое темное, глухое время суток.

ЧА I

(С. 574)

С. 575. ...из-за дощатых, тонких стенок “театра” слышится нестройный победный марш и выстрелы: то берут крепость Ардаган... – См. коммент. к фельетону “Впечатления” от 30 марта 1900 г. Ардаган – турецкая крепость в Закавказье на реке Кура, у которой в мае 1877 г. произошло одно из крупных сражений Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

(ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВЫРОЖДАЕТСЯ...)

(С. 493)

Источник текста – рукописный автограф. (1897 – начало 1898 г. (датируется по тетради – Т1)). Хранится: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 7–9. 3 л.

Публикуется впервые.

Наброски фельетона о велосипеде имеют ярко выраженный автобиографический характер. Первый велосипед у Андреева появился в Орле весной 1890 г., когда он учился в предпоследнем классе. Его страстное желание приобрести эту техническую новинку отражено в дневниковой записи от 27 апреля 1890 г.: “{...} я всеми возможными способами стараюсь устроить глупость, а состоит эта глупость в покупке велосипеда. Я знаю, что в нашем положении сто рублей такая сумма, что трудно и выговорить, но несмотря на все это и на то, что она могла бы быть <и>страчена более производительным образом, я хлопочу, надеюсь, разочаровываюсь, добываясь занять где-нибудь эти деньги. Кажется, наконец, старанья мои увенчались успехом – но какой ценой!..” (Дн1. Л. 42). Однако эта страстная мечта (велосипед в дневнике упоминается далее неоднократно) исполняется только три месяца спустя; 20 июня того же года он отмечает в дневнике: “Едва ли найдется в подлунном мире

человек, который был бы счастливее, чем я, которому судьба везет черт знает как! Не тронувши пальцем о палец, я беспрепятственно перешел в 8-й класс, – что при теперешних наших обстоятельствах очень и очень важно для всех нас, меня и домочадцев; несмотря на эту удачу, мне было смертельно скучно; у меня явилась мысль и страстное желание купить велосипед. Вот уж четвертый день, как велосипед у меня” (Там же. Л. 54 об.). Однако уже на следующий день появляется запись, видимо связанная с падением с велосипеда: “Вследствие многочисленных поражений лишенный на время возможности кататься на своем велосипеде, хочу это свободное время употребить на выяснение моего теперешнего душевного состояния (...)” (Там же. Л. 55 об.). Ср. также запись от 28 июня: “Довольно скучновато; к тому же еще нога проклятая болит, вот уж который день нельзя кататься на велосипеде” (Там же. Л. 62).

Вероятно, что в провинциальном Орле у Андреева был описываемый в наброске к фельетону “*велосипед старого типа*”, т. е. системы “пенни-фартинг” (в названии размеры колес – маленького заднего и большого переднего – уподобляются размерам соответствующих английских монет; сиденье располагалось почти над передним большим колесом). Близкий к современному велосипед с одинаковым размером колес, цепной передачей и сиденьем посередине машины был изобретен только в 1886 г. и недаром был назван “безопасном” (по сопоставлению со своим предшественником). Лишь в 1888 г. были изобретены надувные велосипедные шины.

Велосипед приносит Андрееву-гимназисту массу хлопот и финансовых затрат. Так, в 18 июля 1890 г. отмечено в дневнике: “Вчера вечером я стал, по обыкновению, кататься на велосипеде. Когда я после катанья подъезжал к дому и, по обыкновению, летел, как молния, я наткнулся на пьяного мастерового. Он упал навзничь, а я подпрыгнул вверх, перелетел через него и плашмя треснулся оземь. Ушибся я довольно сильно, так что около минуты лежал пластом, но потом поднялся и поспешил помочь тому. У мастерового была большая ссадина на лице и, как мне кажется, вывих челюсти. Дело кончилось тем, что я отдал ему 2 руб. денег, чтобы он не поднимал дела. Мама плакала” (Дн2. Л. 11).

В московском дневнике 1897–1898 гг. новый велосипед также упоминается как вожденная мечта. Его покупка в феврале 1898 г. отмечена следующим образом: “Одним словом, Л(eonид) Н(иколаевич) лезет в гору. Но возможно ли поверить, что этот Диккенс, Цицерон и проч. и проч., своей жизнерадостностью, производящий столь приятные явления, в весьма значительной степени обязан... кому же? Велосипеду. Да, мой друг читатель, это правда. Все дурные мысли, обыкновенно изводящие меня, даже мысль об Антоновой, мне удастся прогнать мечтою о тех радостях, которые доставит мне теперь лес, поле, природа, вечно милая природа, к обладанию которой так приблизил меня велосипед.

Не дождусь весны” (Дн9. С. 131).

DUBIA

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО ИЗ РЕВНОСТИ

(С. 497)

Источник текста – *МВ.* 1897. 8 сент. (№ 247). С. 3. Без подписи, в разделе “Из залы суда. Московский окружной суд”.

С. 499. *Поспелов* Алексей Иванович (1846–1916) – известный русский дерматолог, с 1884 г. – приват-доцент по сифилидологии и дерматологии, в 1898 г. – ординарный профессор Московского университета.

...вынесет, говоря словами поэта, “все, что Господь ни пошлет”... – Цитата из стихотворения Н.А. Некрасова “Железная дорога” (1864).

УБИЙСТВО

(24 сентября 1897 г.)

(С. 500)

Источник текста – *МВ.* 1897. 24 сент. (№ 262). С. 3. Без подписи, в разделе “Из залы суда. Московский окружной суд”.

С. 500. *Отходник* – крестьянин, уходивший из деревни на заработки на сезонные работы.

УБИЙСТВО ИЗ РЕВНОСТИ

(С. 503)

Источник текста – *МВ.* 1897. 10 окт. (№ 278). С. 3. Без подписи, в разделе “Из залы суда. Московский окружной суд”.

Основная идея пьесы “Каинова печать. (Не убий)” (1913) и иронического рассказа “Кающийся” (1913), по мнению Л.А. Иезуитовой, – «мысль о неизбежном возмездии для каждого, преступившего закон общечеловеческой нравственности, нарушившего евангельскую заповедь: “Не убий!”», была взята из данного судебного отчета. Обвинительная речь товарища прокурора С.М. Языкова об убийстве, которое есть нарушение нравственного закона “не убей”, надолго осталась в памяти Андреева (*Иезуитова* 1967. С. 64–65).

С. 503. *Дорогомилово* – западная окраина Москвы, Дорогомиловская слобода (начиналась сразу за Бородинским мостом), промышленный район, заселенный в основном извозчиками, кустарями и рабочими.

Зельтерская (совр. зельтерская) – минеральная вода из источника Зельтерс в Германии, однако в прошлом так называли любую столовую минеральную воду.

С. 504. *Ссудная касса* – частное кредитное учреждение, занимавшееся выдачей мелких ссуд под залог движимого имущества. Существовала в России с 1879 до 1917 г.

...трактир *Соколова на Пресне*... – В справочнике “*Вся Москва*” за 1895 г. сообщалось, что Николай Антонович Соколов владел тремя трактирами, в том числе в доме Селивановского на Большой Пресне.

МОШЕННИЧЕСТВО

⟨11, 12 октября 1897 г.⟩

(С. 506)

Источник текста – *МВ*. 1897. 11 окт. (№ 279). С. 3; 12 окт. (№ 280). С. 3. Без подписи, в разделе “Из залы суда. Московский окружной суд”.

С. 506. ...временных купцов... – Во временные купцы записывались предприниматели из других сословий: дворян, мещан, крестьян, приобретая торговые права, но при этом продолжая числиться в своем сословии.

...выдаваемого ими за настоящий романский. – Романский – сорт быстротвердеющего (быстросхватывающего) цемента.

С. 507. *Андреевская богадельня* – учреждена Московским купеческим обществом при Андреевском монастыре в Пленницах в 1806 г.

Иванов-Шиц Илларион Александрович (1865–1937) – известный российский архитектор. В 1888 г. закончил петербургский Институт гражданских инженеров. Два года стажировался за границей; вернувшись, переехал в Москву. Строил преимущественно банковские и общественные здания.

С. 508. *Черепашинский* Михаил Михайлович (1845–1916) – инженер-строитель, профессор Императорского московского технического училища, автор нескольких научно-практических работ и учебных курсов по технологии строительства, в том числе книги “Каменные строительные материалы (камень, кирпич, цемент, бетоны и растворы), их свойства, испытание и испытательные приборы” (СПб., 1892). В газетном тексте фамилия эксперта два раза приведена с опечаткой: Черепанов.

Белелюбский Николай Аполлонович (1845–1922) – инженер путей сообщения, ученый в области мостостроения, строительной механики, материаловедения, профессор Петербургского института инженеров путей сообщения. Один из известных специалистов в области испытания строительных материалов.

С. 509. *Приближение коронации повергло Виноградова в страх, что дом от грохота выстрелов в Кремле развалится.* – Речь идет о коронации Николая II и Александры Федоровны, которая состоялась 14 мая 1896 г. Миропомазание проходило в Успенском соборе Московского Кремля под колокольный звон и салют из ста одного орудия.

Сретенский Василий Георгиевич (1860–1900) – русский архитектор и реставратор, известный строительством церковных зданий.

С. 512. ...разрушение церкви в г. Касселе... – Речь идет о “кассельском случае” (Casseler Fall) – использовании некачественного цемента при строительстве здания суда и церкви в г. Касселе (Германия) в начале 1880-х годов (см.: Protokoll der Verhandlungen des Vereins deutscher Cement-Fabrikanten und der Section für Cement des Deutschen Vereins für Fabrikation von Ziegeln, Thonwaaren, Kalk und Cement am 25. und 26. Februar 1887. Berlin, 1887. S. 23).

...в *Верхних торговых рядах*... – См. коммент. к фельетону “Москва. Мелочи жизни” от 13 августа 1900 г.

ДЕЛО Д-РА ПИОТРОВСКОГО

(С. 515)

Источник текста – *МВ*. 1897. 6 нояб. (№ 305). С. 3. Без подписи, в разделе “Из залы суда. Московская судебная палата”.

См. коммент. к судебному отчету “Неосторожность” (*К*. 1897. 6 нояб. (№ 1)). Оба отчета посвящены одному и тому же делу и, согласно мнению Л.А. Иезуитовой, оба принадлежат Андрееву (см. наст. том, с. 586). Однако нужно отметить искажение много раз повторяемой фамилии подсудимого в “Московском вестнике”: “Пиотровский” вместо правильной – “Пиотрович”, а также ряд других существенных разночтений в двух текстах (например, в названии медицинского прибора: “гинекатор” – “делятатор”). Все это не позволяет однозначно говорить о принадлежности Андрееву “Дела д-ра Пиотровского”.

РАСТРАТА

(С. 517)

Источник текста – *К*. 1897. 12 нояб. (№ 7). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

МОШЕННИЧЕСТВО

(13 ноября 1897 г.)

(С. 519)

Источник текста – *К*. 1897. 13 нояб. (№ 8). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

ПОДЖОГ

(С. 521)

Источник текста – К. 1897. 21 нояб. (№ 16). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

ДЕЛО “ВАНЬКИ ЗЕЛЕНЩИКА”

(С. 524)

Источник текста – К. 1898. 9 янв. (№ 9). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

С. 524. *...не похожий на русского Рокамболя...* – Рокамболь – главный герой цикла авантюрно-уголовных романов XIX в. французского писателя Понсона дю Террайля, нарицательное имя авантюриста.

ОБВИНЕНИЕ В КРАЖЕ

(С. 527)

Источник текста – К. 1898. 10 янв. (№ 10). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

С. 527. *...с камчатским воротником...* – С воротником из камчатского соболя.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

(16 января 1898 г.)

(С. 529)

Источник текста – К. 1898. 16 янв. (№ 16). С. 4. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

НЕОСТОРОЖНОЕ УБИЙСТВО

(С. 531)

Источник текста – МВ. 1898. 16 янв. (№ 15). С. 3. Без подписи, в разделе “Из залы суда. Московский окружной суд”.

См. также отчет “Неосторожность” (К. 1898. 16 янв.). Оба отчета посвящены одному и тому же делу и, согласно мнению Л.А. Иезуитовой, оба принадлежат Андрееву (см. наст. том, с. 587).

ВЗРЫВ ГАЗА

(С. 533)

Источник текста – К. 1898. 29 янв. (№ 29). С. 3. Без подписи, в разделе “Суд. Московский окружной суд”.

ПОДЛОГ АКТА О РОЖДЕНИИ

(С. 535)

Источник текста – К. 1899. 24 янв. (№ 24). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”.

Сюжет использован в рассказе Андреева “В подвале” (1901).

С. 536. *Ничтоже сумняшеся* – ничуть не сомневаясь, не колеблясь, нисколько не раздумывая (кн., устар., теперь шутол., ирон.).

Пороховщиков Петр Сергеевич (1867–?) – товарищ прокурора, славился ораторскими способностями, написал книгу “Искусство речи на суде” (СПб., 1910), которая до сих пор является учебником для юристов.

ТЯЖКИЕ РАНЫ

(С. 537)

Источник текста – К. 1899. 30 июля (№ 208). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”.

С. 537. *...по развитию – дитя природы и “Московского листка”*... – “Московский листок” – популярная газета, издававшаяся с 1881 по 1918 г. Н.И. Пастуховым и ориентированная на восприятие городских низов.

(2 АВГУСТА РАБОТАВШИЕ ПРИ ПОСТРОЙКЕ ДОМА...)

(С. 539)

Источник текста – К. 1899. 16 авг. (№ 235). С. 3. Без подписи и заглавия, в разделе “Судебная хроника. Мировой суд”.

БОГАТОЕ НАСЛЕДСТВО

(С. 540)

Источник текста – К. 1899. 26 авг. (№ 235). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московская судебная палата”.

УБИЙСТВО

(28 августа 1899 г.)

(С. 542)

Источник текста – К. 1899. 28 авг. (№ 237). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”.

КЛЕВЕТА В ПЕЧАТИ

(С. 544)

Источник текста – К. 1899. 13 сент. (№ 253). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”.

Сюжет упоминается в рабочей тетради Андреева, датируемой ноябрем 1898 г.: “Смоленский окружной суд. Клевета в печати” (РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 39).

С. 544. ...*Фаяткин говорит, между прочим, в своей корреспонденции...* – См.: Л. Ф-н. Корреспонденции // Смоленский вестник. 1898. 28 марта (№ 69). С. 2.

ПЯТЬ ЛЕТ НЕИЗВЕСТНОСТИ

(С. 549)

Источник текста – К. 1899. 13 сент. (№ 253). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московская судебная палата”.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

(С. 551)

Источник текста – К. 1900. 2 дек. (№ 334). С. 3. Без подписи, в разделе “Судебная хроника. Московский окружной суд”.

Надо отметить, что на этот случай из судебной практики обратил внимание только хроникер “Курьера”. В других московских газетах, таких как “Русские ведомости”, “Московские ведомости”, “Новости дня”, “Русское слово”, “Московский листок”, отчета об этом процессе напечатано не было.

Внимание хроникера сосредоточилось на свидетеле Лукьянове, который, будучи соучастником преступления и боясь наказания, отказался принять присягу. По мнению Л.А. Иезуитовой, “Редкий случай” явился “предысторией” рассказа “Христиане” (1905) (см.: *Иезуитова 2000*. С. 195–228). Вместе с тем нужно отметить существенную разницу между мотивировками Лукьянова и героини рассказа (проститутки, считавшей, что ее занятие несовместимо с христианством), а также воспоминания С.Я. Елпатьевского (относящиеся к позднему времени) о том, что сюжет “Христиан” возник из найденной им в “Русских ведомостях” заметки об отказе проститутки от присяги и был им подарен Андрееву (Былое. 1924. № 27/28. С. 281; отмечено В.Н. Чуваковым: *Андреев Л.Н.* Повести и рассказы: В 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 682–683).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ОБЩИЕ¹

- Б. д. – без даты
Б. п. – без подписи
незач. вар. – незачеркнутый вариант
незаверш. правка – незавершенная правка
неуст. – неустановленное
ОТ – основной текст
стк. – строка

АРХИВОХРАНИЛИЩА

ООГЛИМТ – Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева. Отдел рукописей.

РАЛ – Русский архив в Лидсе (Leeds Russian Archive). Лидсский университет (Великобритания).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ – Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей (Москва).

РО ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел (С.-Петербург).

Hoover – Стэнфордский университет. Гуверовский институт (Стэнфорд, Калифорния, США). Коллекция Б. И. Николаевского (№ 88).

ИСТОЧНИКИ

Автобиогр. – Леонид Андреев (Автобиографические материалы) // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: Т-во “Мир”, 1915. Ч. 2. С. 241–250.

Алексеевский – Алексеевский А.П. Герцог Лоренцо: Из воспоминаний журналиста – ООГЛИМТ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 147. ККП 5612 оф.

БиблиА1 – Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 1: Сочинения и письма / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1995.

БВед – газета “Биржевые ведомости”.

Брусянин 1912 – *Брусянин В.В.* Леонид Андреев: Жизнь и творчество. М., 1912.

Волжанин 1920 – *Волжанин О. Л.Н.* Андреев на заре литературной деятельности // Вестник литературы. 1920. № 3 (15). С. 3.

¹ В перечень общих сокращений не входят стандартные сокращения, используемые в библиографических описаниях, и т. п.

- Гиляровский – Гиляровский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1989.
- Горький. Письма – Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997–.
- Гр* – газета “Гражданин” (С.-Петербург).
- Дн1* – Дневник. 1890.03.01 – 1890.06.30; 1890.09.21 – РАЛ. MS.606 / Е. 2.
- Дн2* – Дневник. 1890.07.03 – 1891.02.18 – РАЛ. MS.606 / Е. 2.
- Дн9* – *Андреев Л.Н.* Дневник, 1897–1901 / Подгот. текста М.В. Козьменко и Л.В. Хачатурян (при участии Л.Д. Затуловской); Сост., вступ. ст. и коммент. М.В. Козьменко. М., 2009.
- Зн* – *Андреев Л.Н.* [Сочинения]. СПб.: Т-во “Знание”, 1902–1907. Т. 1–4.
- Иезуитова 1967* – *Иезуитова Л.А.* Творчество Леонида Андреева (1892–1904): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967.
- Иезуитова 2000* – *Иезуитова Л.А.* Рассказ Леонида Андреева “Христиане”: репортаж? – пародия? – притча? // Леонид Андреев: Материалы и исслед. М., 2000. С. 195–228.
- Измайлов 1911* – *Измайлов А.* Леонид Андреев // *Измайлов А.* Литературный Олимп: Сб. воспоминаний о рус. писателях. М., 1911. С. 235–293.
- К* – газета “Курьер” (Москва).
- ЛАЗ* – Литературный архив: Материалы по истории лит. и обществ. движения / Под ред. К.Д. Муратовой. М.; Л., 1960.
- ЛН72* – Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965.
- МВ* – газета “Московский вестник”.
- МВед* – газета “Московские ведомости”.
- Моск. власть* – Московская власть: гласные Городской думы, 1863–1917: [Биогр. словарь]. М., 2009 (Сер. Московская власть; Вып. 6).
- НВ* – газета “Новое время” (С.-Петербург).
- Новик 1908* – *Новик И.Д.* К 10-летию литературной деятельности Леонида Андреева: (Невольное объяснение) // Биржевые ведомости. 1908. 16 апр. (№ 10453). Утр. вып. С. 3.
- Новик 1919* – *Новик И.Д.* Л.Н. Андреев: Первые шаги его литературной деятельности // Вестник литературы. 1919. № 12. С. 4–12.
- Под вп. ХТ* – Под впечатлением Художественного театра / Джемс Линч и Сергей Глаголь (С. Сергеевич). М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902.
- Пр* – *Андреев Л.Н.* Собр. соч.: [В 13 т.]. СПб.: Просвещение, 1911–1913.
- ПССМ* – *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч.: [В 8 т.]. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1913.
- РВед* – газета “Русские ведомости” (Москва).
- РЛ1962* – Письма Л.Н. Андреева к А.А. Измайлову / Публ. В. Гречнева // Русская литература. 1962. № 3. С. 193–201.
- Родионова* – *Родионова Т.С.* Московская газета “Курьер”. М., 1999.
- Рос* – газета “Россия” (С.-Петербург).
- Руднев* – *Руднев А.П.* Леонид Андреев – судебный репортер // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 1998. № 2. С. 24–30.
- Серков* – *Серков А.И.* Русское масонство, 1731–2000: Энцикл. словарь. М., 2001.
- СПбВед* – газета “С.-Петербургские ведомости”.
- Фатов* – *Фатов Н.Н.* Молодые годы Леонида Андреева: По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924.
- Хр* – газета “Хроника” (Москва).
- Чуваков 1981* – *Чуваков В.Н.* “Курьер” // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века: 1890–1904. М., 1981. С. 353–375.
- Юр* – *Андреев Л.Н., Куприн А.И.* Юмористические рассказы: [В 2 т.]. СПб., 1909.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- А. (Абрамов Г.С.?), доктор 64, 84, 87, 620, 621, 631
- А., студент *см. Антонов, студент*
- А.Б. 628
- А.О. 637
- Август (Окта́виан Август), римский имп. 603
- Авенариус Василий (Вильгельм) Петрович 718
- Адриан Публий Элий, римский имп. 733
- Азов В. *см. Ашкинази Владимир Александрович*
- Айвазовский Иван Константинович 658
- Акимов, свидетель по делу о клевете 547
- Ал.О. Н. *см. Недолин Алексей Осипович*
- Александр Македонский 312
- Александр I 740
- Александра Федоровна, имп. 751
- Александрийский Платон Михайлович 11, 20, 33, 42, 514, 518, 543
- Александров А.Д., владелец похоронного бюро 523
- Александров Анатолий Александрович 435, 736
- Александров Виктор Александрович *см. Крылов Виктор Александрович*
- Александров-Дольник Константин Константинович 49, 194, 228, 230, 614
- Алексеев Александр Гаврилович 592
- Алексеев, врач 330
- Алексеев Иван Гаврилович 592
- Алексеев Николай Александрович 712
- Алексеев Николай Алексеевич 123, 155, 430, 650–651, 660
- Алексеев, присяжный поверенный 24
- Алексеева, содержательница мебелированных комнат 25
- Алексеевский Аркадий Павлович (Досужий обыватель) 591, 596, 756
- Алимова, хозяйка квартиры 535
- Альба (Фернандо Альварес де-Толедо), герцог 628
- Аму-Дарьинский Ив. 88, 89, 633
- Амфитеатров Александр Валентинович (Old Gentleman) 266, 335, 646, 691, 702, 709
- Ананьев, родственник Озеровых 28
- Андреас-Саломе Луиза (Лу) 665
- Андреев Андрей Николаевич 595, 596

* В указателе использовано три вида скобок: в угловых дается псевдоним рядом с наст. именем; в квадратных – реальная фамилия человека; в круглых – равнозначное имя / фамилия.

- Андреев Вадим Леонидович 607
 Андреев Василий Семенович 9, 506
 Андреев Даниил Леонидович 579
 Андреев Павел Николаевич 581, 704
 Андреев, свидетель по делу братьев Скитских 187
 Андреева (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская) Мария Федоровна 715
 Андреевский Сергей Аркадьевич 174, 199, 670, 684, 740, 741
 Анкудинова Елена Андреевна 666
 Антонов, студент (студент А.) 157, 661
 Антонова Надежда Александровна 749
 Анциферов Николай Павлович 645
 Апраксина Пелагея, свидетельница по делу Елагина 172
 Апухтин Алексей Николаевич 624
 Арабажин Константин Иванович 113, 114, 640, 646
 Араповы, коннозаводчики 315
 Аренсон И. (Соренсон) 460, 743
 Аржанов, купец 671
 Ариель *см. Ашешов Николай Петрович*
 Арсений Г. *см. Гурлянд Илья Яковлевич*
 Арсеньев Константин Константинович 641
 Арцыбушев Константин Дмитриевич 247, 681
 Астафьев Никанор Кириллович 545
 Астров Николай Иванович 651
 Афанасьев Георгий Емельянович 122, 649
 Афанасьев Михаил Иванович 14, 148, 606, 658
 Афонин Леонид Николаевич 581, 585, 586, 591, 607
 Ашешов Николай Петрович (Ариель) 593, 616
 Ашинов Николай Иванович 293, 699
 Ашкинази Владимир Александрович (Азов В.; Пэк) 424, 570, 590, 732, 733
 Б., офицер 97
 Баб-Чубаров *см. Чубара Бабакай Соломонович*
 Бабичева Юлия Викторовна 598
 Бадмаев Петр [Жамсаран] Александрович 689
 Базанова (дочь М. Базановой) 47
 Базанова М., содержательница дома терпимости 47
 Байков, рабочий 533, 534
 Байрон Джордж Ноэл Гордон 462
 Бальмонт Константин Дмитриевич 316, 317, 706
 Банвиль Теодор де 662
 Баранов, приказчик 517, 518
 Бардуков Илья (дворник Илья) 500–502
 Баршева Капитолина Николаевна 671
 Барынин Василий, фабричный рабочий 22, 23, 584, 607, 608
 Барынина, жена Василия Барынина 22
 Барышников Михаил Николаевич 631
 Барятинский Владимир Владимирович 104, 109, 113, 334, 335, 640, 641, 643, 645, 646, 708, 709
 Басаргин А. *см. Введенский Алексей Иванович*
 Батюшков Константин Николаевич 671, 718
 Бахрушин Александр Алексеевич 624, 625

- Бахрушин Алексей Александрович 168, 667
- Бахрушин Василий Алексеевич 70, 624, 625
- Бахрушины 671
- Бахтиаров Анатолий Александрович 629
- Безобразов Владимир Павлович 737
- Бекетов Андрей Николаевич 641
- Бекетова Анна 535, 536
- Белелюбский Николай Аполлонович 508, 511, 571
- Белизный Корнилий, пастух 209
- Белл Александр Грехем 730
- Бельцов Михаил Андреевич 24
- Белявский, письмоводитель 546
- Беляев Валерий Алексеевич 12
- Бентам Иеремия 99, 637
- Березин П. 159, 160, 661, 662
- Березуцкий Семен, певчий 19–21
- Берков Павел Наумович 665, 666
- Берне Людвиг 686, 687
- Бибилов Анатолий, приказчик 517, 518
- Биск Лев Соломонович 63, 620
- Биссон Александр Шарль Огюст 722
- Блейхман Юлий Иванович 642
- Блок Жорж 647
- Блуа Леон 684
- Блументаль (Блюменталь) Сергей Адрианович 35
- Боборыкин Петр Дмитриевич 381–386, 452, 453, 568, 599, 617, 720, 721, 740
- Бобров Леонид Николаевич 38
- Бобров Фома Александрович 333–336, 352–354, 708, 709, 713
- Богацкий Алексей Михайлович 186
- Богачев (отец А.С. Богачева) 24
- Богачев Андрей Сафонович 24, 28, 29
- Богданович Лев Алексеевич 596
- Богемский Дмитрий Анисимович 630
- Бодлер Шарль 687
- Бондаренко, свидетель по делу братьев Скитских 225
- Бонифатий, монах полтавского Крестовоздвиженского монастыря 205
- Борисов М.А. 438, 439
- Борисов, свидетель по делу Кашеваровых 511
- Бородаева Меланья 50, 181, 190, 194, 206–208, 219–222, 228, 234, 237, 238, 560
- Бота Луис 694
- Ботаровская (мать С.Н. Ботаровского) 330
- Ботаровский Николай Федорович (отец С.Н. Ботаровского) 324, 330, 331
- Ботаровский Сергей Николаевич 321–324, 326–332, 344–346, 710, 711
- Боцяновский Владимир Теофилович (Дигамма) 619, 621
- Бренко (урожд. Челищева, по первому мужу Левенсон) Анна Алексеевна 695
- Броваренко, свидетель по делу братьев Скитских 189, 217
- Бродзинский Казимир 646
- Брокгауз Фридрих Арнольд 594, 605, 747
- Бромат, свидетель по делу Чернобаева 330, 331
- Бруд Иосиф (Осип) Семенович 630
- Брусянин Василий Васильевич 581, 756
- Брызгалов Николай Андреевич 524
- Бубнов Владимир Гаврилович 529
- Бугаев Георгий Васильевич 524

- Будаевская А.Н. (мать Н. Комаровой) 180
 Буздин, свидетель по делу Чернобаева 330
 Буква *см. Василевский Ипполит Федорович*
 Бумнова Евдокия 524
 Буренин Виктор Петрович 381, 436, 453, 617, 720, 737, 740
 Бурова Евдокия 524, 526
 Бурханов Иван Акимович 19
 Бурьшкин Павел Афанасьевич 680
 Быковский Михаил Дормидонтович (Доримедонтович) 740
 Быховский Владимир Владимирович 24, 31, 49, 50, 52, 58, 193, 194, 203, 204, 211, 212, 221, 228–230, 235, 522, 523, 550, 561, 609, 614, 636
- В.Б.** 626
В.Е. 641
В-ев П. 689
В.С.К. *см. Кривенко Василий Силович (Силич)*
 Вагнер Рихард 345
 Вакулин Владимир Александрович 648
 Валик Иван Андреевич 533, 534
 Вальдерзее Альфред фон 687
 Ваняшова Маргарита Георгиевна 667
 Варламов Константин Александрович 68, 623
 Василевский Ипполит Федорович (Буква) 658
 Василий, отходник 500, 501
 Васильев Леонид Иосифович (Осипович) 712
 Васильев, владделец сада в Москве 693
 Васнецов Виктор Михайлович 658, 715
 Вастен Владимир Александрович 14, 516, 605
- Ващенко Мария 207, 208, 222
 Введенский Алексей Иванович (Басаргин А.) 721
 Вейнберг Петр Исаевич (Скептик) 650
 Величко Василий Львович 401, 402, 436, 719, 727, 738
 Вельяминов Николай Александрович 14, 606
 Венгеров Семен Афанасьевич 756
 Венгерова Зинаида Афанасьевна 665
 Венцингеторикс 268, 269, 692
 Вербицкая Анастасия Алексеевна 724
 Вербицкий Федор Васильевич 328, 329
 Вересаев Викентий Викентьевич 623–624, 737
 Веретенников Александр Порфирьевич 100, 638
 Вестингаузен (Вистенгаузен) Шарлотта Карловна, акушерка 13–15, 516
 Викторский Сергей Иванович 522, 523
 Вильгельм II 261, 687, 688, 730
 Вильгельмина Хелена Паулина Мария, королева Нидерландов 729
 Виноградов Александр Николаевич 506–509, 511, 512, 514, 751
 Витте Сергей Юльевич 247, 635, 642, 681, 689
 Вишковский, свидетель по делу братьев Скитских 189
 Вишневецкий [Вишневецкий] Александр Леонидович 719, 738
 Вишняков Алексей Семенович 427, 685, 733, 734
 Вишняков Николай Петрович 660
 Воеводский Алексей Васильевич 546
 Вокач Николай Антонович 24

- Волжанин О. *см. Израэльсон Осип Александрович*
- Волков Александр Андреевич 665, 669
- Волков, купец 671
- Волков Федор Григорьевич 167–169, 558, 599, 664, 665–669
- Волконский Григорий Дмитриевич, кн. 533, 534
- Вологина Ольга Валентиновна 607
- Волохова Мавра (Марфа) 684
- Волошин Максимилиан Александрович 687
- Вольфензон.-(Вульфензон) Соломон Осипович 24
- Воробьевы Д. и С., торговый дом 517
- Воробьев Дмитрий Петрович 517, 518
- Воробьевский Николай Николаевич 181, 189
- Воронель Гирша, владелец бакалейной лавки 192
- Вороницын Максим 182, 189
- Вронченко Михаил Павлович 638
- Врубель Михаил Александрович 680
- Всеволодский-Гернгросс Всеволод Николаевич 668
- Вуколов, подрядчик 507
- Вундт Вильгельм 99, 637
- Высоцкий Витольд Иванович 24
- Вяземский Александр Егорович, кн. 645
- Г., доктор 451, 452
- Г-ва 459
- Г-ва Н.М. *см. Громогласова Н.М.*
- Гаилов, свидетель по делу Кашеваровых 513
- Гакенбергер Андрей *см. Гогенберг Андрей*
- Гакенбергер Карл *см. Гогенберг Карл*
- Галабуцкий Иоанн Николаевич 185, 217
- Галактионов Николай Михайлович 87, 632
- Галеви Людовик 624
- Галик Дамиан 666
- Галкин 684
- Гамаюн *см. Леонтьев Иван Леонтьевич*
- Ганжулевич Таисия Яковлевна 653
- Ганф Лейба 205
- Гарин-Михайловский [Михайловский] Николай Георгиевич 681
- Гаршин Всеволод Михайлович 73, 273, 627, 693
- Гауптман Герхарт 274, 638, 697, 719, 720
- Ге Григорий Григорьевич 697
- Гедеев Алексей Александрович 20
- Гейне Генрих 260, 686, 687, 741
- Гейнце, супруги 641
- Генц Александр (Август) Рейнгольдович 596
- Герике Адольф Александрович 684
- Гермониус Аксель Карлович 640
- Герострат 108, 363, 643
- Герье Владимир Иванович 724
- Гессен Иосиф Владимирович 619, 646
- Гёте Иоганн Вольфганг фон 105, 641, 642, 711
- Гефтинг *см. Геффдинг Харальд*
- Геффдинг Харальд (Гефтинг) 99, 637
- Гилин 14, 606
- Гиляровский Владимир Алексеевич 592, 593, 596, 613, 629, 704, 712, 757
- Гиппиус Зинаида Николаевна 302, 701
- Глаголин Юрий 652–653
- Глаголь Сергей *см. Голоушев Сергей Сергеевич*

- Глухов, отставной солдат 621
 Гнатович Михаил Григорьевич 189, 205, 210, 238
 Гневышев Иван Алексеевич 506
 Гнедич Петр Петрович 648
 Гогенберг Андрей (Гакенбергер) 466, 467, 573, 744
 Гогенберг Карл (Гакенбергер) 466, 467, 744
 Гоголь Николай Васильевич 49, 500, 501, 567, 610, 622, 639, 640, 674, 695, 700
 Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич 616
 Головкин Алексей, квартирный хозяин П. Скитского 190, 216
 Голоушев Сергей Сергеевич (Глаголь Сергей; Сергеевич С.) 580, 582, 593, 597, 598, 652, 757
 Гольденвейзер Александр Борисович 642
 Гольмстрем Владимир Александрович 640
 Гольцев Виктор Александрович 593, 594, 701
 Гомер 389
 Гордов Иван 524, 526
 Горностаев Павел Николаевич 98, 182, 206
 Горшкова Мария 9–12, 603
 Горький Максим [Пешков Алексей Максимович] 249, 274, 344, 382, 423–425, 591, 597, 622, 682, 710, 711, 716, 720, 721, 732, 733, 739, 757
 Горячев 16, 17
 Гофштейн, владелица белошвейной мастерской 498
 Грабор (Грабар) Николай Степанович 207–209, 230, 675
 Грачев И.Я. 684
 Греч Николай Иванович 668
 Грибоедов К. 632
 Григорий (Остроумов Григорий Евфимьевич), архиепископ Каннский и Марсельский 173
 Григорьев, бараночник 546, 547
 Грикуров А.Г., студент 460, 472
 Гримов, крестьянин 539
 Грозный Дмитрий Валерьевич 681
 Громницкий Михаил Федорович 516
 Громогласова Н.М. (Г-ва Н.М.) 438, 738
 Грюнберг Паула 356–360, 396–399, 713, 725, 726
 Гулак-Артемовская Людмила Михайловна 684
 Гулевич Василий Венедиктович 545–547
 Гуменникова, прислуга 189
 Гуно Шарль Франсуа 709
 Гунтрам А. 159, 160, 662
 Гурлянд Илья Яковлевич (Арсений Г.) 585, 594
 Гусев, землемер 211, 225
 Гутенберг Иоганн 105, 106, 642
 Д. 638, 639
 Д., прокурор *см. Давыдов Владимир Васильевич*
 Давыдов Владимир Васильевич (прокурор Д.) 98, 192, 193, 613, 636
 Давыдов Владимир Николаевич [Горелов Иван Николаевич] 68, 623
 Даль Владимир Иванович 295, 700, 706
 Данкур Флоран Картон 665
 Дараганов Михаил Петрович 189
 Даргомыжский Александр Сергеевич 642
 Девет Христиан Рудольф 283, 696
 Дединцов Александр Модестович 790
 Дельер Я. *см. Плющевский-Плющик Яков Алексеевич*
 Демчинский Николай Александрович 126, 176, 651–652
 Денисьев Алексей Павлович 696

- Дерулед Поль (Дерулэд) 389, 722
 Джамгаров Агаджан Исаакович 248, 681
 Джамгаров Афанасий Исаакович 248, 681
 Джамгаров Иван Исаакович 248, 681
 Джамгаров Николай Исаакович 248, 681
 Джаншиев Григорий Аветович 258, 260, 261, 266, 685–686, 691
 Дзина Никита Аврамович 205
 Дигамма *см. Боцяновский Владимир Феофилович*
 Диккенс Чарльз 291, 500, 749
 Дмитревский (Дмитревской) [Нырко-ков] Иван Афанасьевич 168, 169, 667, 668
 Дмитриев Дмитрий Савватиевич 304, 702
 Дмитриева 684
 Дмитриева, содержательница публичного дома 526
 Днепров-Зайцевский Василий Михайлович 587
 Добров Михаил Александрович (XXX) 591
 Добров Филипп Александрович 579, 582
 Добровы 579
 Доброхотов Анатолий Павлович 454, 455, 741–742
 Доброхотов Дмитрий Николаевич 56, 108, 162, 471, 472, 475, 617, 643, 663, 745
 Долгоруков Владимир Андреевич 698
 Домиловская (жена Н.И. Домиловского) 211
 Домиловский Николай Иванович 239
 Доминцов, свидетель по делу Чернобаева 330, 331
 Доморацкий, свидетель по делу Кашеваровых 511
 Донауров Сергей Иванович 624
 Донич Анна *см. Енгальчева Анна Степановна*
 Донич Степан Матвеевич 30
 Доронин, певчий 527, 528
 Дорошевич Влас Михайлович 398, 614, 641, 646, 670, 702, 725–726
 Достоевский Михаил Андреевич 740
 Достоевский Федор Михайлович 73, 157, 319, 357, 627, 660, 661, 706, 713, 740
 Досужий обыватель *см. Алексеевский Аркадий Павлович*
 Древнов, служащий аптекарского магазина 522
 Дрейфус Альфред 722
 Дризо Лев Яковлевич 723
 Дронин, певчий 527
 Дубовицкий, свидетель по делу Чернобаева 330
 Дукмасов Иван Архипович 674
 Дукмасов Петр Архипович 664
 Дьяков К., земский врач 84, 85, 631
 Дьяконов Михаил Александрович 59, 66, 619, 621
 Дэвис Ричард Д. 601
 Дюма Александр (Дюма-сын) 743
 Ежов Николай Михайлович (Не-фельетонист) 303, 397, 398, 399, 631, 636, 685, 702, 726, 727
 Екатерина II 665, 666, 669, 739
 Ел-ев Геннадий 719
 Елагин Иван Иванович 170–174, 198–200, 673
 Елагина Надежда Александровна 170–172
 Елагина Надя (дочь И.И. и Н.А. Елагиных) 170, 171, 174
 Елизавета Петровна, имп. 168, 669
 Елизавета Федоровна, вел. кн. 700
 Елисеев Григорий Захарович 737

- Елпатъевский Сергей Яковлевич 755
 Емельянов-Коханский [Емельянов] Александр Николаевич 742
 Енгальчев Борис, кн. 26, 30, 31
 Енгальчева (урожд. Донич) Анна Степановна, кн. 24–26, 28–31, 587, 588, 608–610
 Ермилов Владимир Евграфович 593, 686
 Ермолова Мария Николаевна 695
 Ерофеева, крестьянка 461
 Ерохин, купец 544, 546
 Есипов Н. 24, 26–28
 Есипова А. 24, 26–28
 Ефимов Яков, приказчик 509, 511
 Ефрон Илья Абрамович 594, 605, 747

 Жарова, нянька 171, 172, 174
 Жданов Иван Дмитриевич 359, 714
 Жданова Наталья Лаврентьевна 607
 Жемчужников Алексей Михайлович 616
 Жернов Кузьма, торговец веревками 191
 Животов Николай Николаевич 148, 657
 Жильбер Шарль 703
 Жиллярди (Джиллярди) Иван Дементьевич (Джованни Баттиста) 740
 Житецкий Алексей Григорьевич 186
 Жукова Лиза (дочь И.Я. и А.П. Жуковых) 170–174
 Жуковы Иван Яковлевич и Анастасия Прохоровна 172, 173
 Жученко, свидетельница по делу братьев Скитских 208, 217

 Залетов, содержатель чайной лавки 551
 Засулич Вера Ивановна 670
 Затуловская Лия Давидовна 757
 Захаров, сапожник 503, 504
 Зеленский Моисей Давидович (Мошке Зеленский) 50, 95, 98, 179, 182, 183, 193, 204, 216, 229, 230, 234, 242, 244, 613, 636, 679
 Зеленщик *см. Куракин Иван*
 Зиберт Федор Сергеевич 17
 Зимин, купец 671
 Зимин Николай Петрович 340, 362, 388, 674, 710, 714
 Знайков Федор Васильевич 182
 Золотарский Александр Иванович 136, 654
 Золя Эмиль 452, 720
 Зосимов, рабочий 521
 Зотова, крестьянка 438, 738
 Зуттнер (Зутнер) Берта фон 272, 693

И. Мария 35, 36
 Ибсен Генрик 403, 442, 443, 445, 448–450, 598, 697, 716, 727, 728, 738, 739, 743, 746
 Иванов Алексей Николаевич 500–502
 Иванов Андрей Васильевич 193, 194, 233, 235, 237, 241, 561
 Иванов, владелец чайной лавки 10
 Иванов Григорий 9, 10
 Иванов Ефим, истопник 524–526
 Иванов Сергей Васильевич 143, 144, 656
 Иванов Яков 585
 Иванова Анна Захаровна 664
 Иванова Зинаида Сергеевна (Мирович Н.) 727
 Иванова Мавра 503–504
 Иванова Мария 524
 Иванов-Шиц Илларион Александрович 507, 509, 513, 751
 Игнатовая Ирина Борисовна 737

- Игнатъев, отец Терентия Игнатъева 34
- Игнатъев Терентий, рабочий 33, 34
- Иезуитова Людмила Александровна 585–591, 594, 595, 597, 603, 604, 608, 612, 613, 750, 752, 753, 755, 757
- Измайлов Александр Алексеевич 579–581, 589, 595–757
- Израэльсон Осип Александрович (Волжанин О.) 580, 581, 756
- Илларион (Юшенов Иван Ефимович), епископ Полтавский и Переяславский 49, 179, 185, 217, 226, 227, 235, 615
- Иловайские, коннозаводчики 315
- Иловайский Дмитрий Иванович 250, 251, 683
- Ильенко, коннозаводчики 315
- Имшенецкий Владимир Михайлович 615
- Иогансон Александр Александрович 22, 30, 38, 506
- Исаевич, свидетель по делу Чернобаева 321, 323, 325–327, 707
- Исаченко Василий Лаврентьевич 395, 725
- К. 663
- К-в 459
- К.Н. 625
- К.Р. см. *Константин Константинович, вел. кн.*
- Каменецкий Владимир, свидетель по делу братьев Скитских 182
- Каменская (урожд. Вальтер) Мария Даниловна 602
- Каменский Анатолий, студент 335, 709
- Кантемир Антиох Дмитриевич 736
- Канунников, купец 9
- Капцов 535, 536
- Кара Александр Алоизович 588
- Карабчевский Николай Платонович 49, 50, 53, 179, 180, 187, 193, 194, 203, 204, 210–212, 225, 226, 229–231, 233, 235, 242, 244, 245, 259, 453, 613–615, 636, 686, 740
- Караффа Джованни Пиетро см. *Павел IV*
- Карацюпа Евтихий, водовоз 182, 183, 222
- Кареев Николай Иванович 665
- Карзинкин Сергей Сергеевич 729
- Карзинкины, семейство 525
- Карл XII 673
- Карманов, барышник 527
- Карпов 24, 26, 29
- Каспийский Н. (Н.К.) 622
- Каструбо-Карицкий 684
- Кацюра Кузьма, приказчик 49, 191, 192, 238
- Качалов [Шверубович] Василий Иванович 715, 738
- Кашеваров Евграф Андреевич 506–514, 582
- Кашеваров Иван Андреевич 506–514, 582
- Кашкин Николай Дмитриевич 642
- Кедрин Евгений Иванович 100, 639
- Келин Павел Васильевич 458, 742
- Кетлер Клеменс фон 683
- Кетхудов, почтовый служащий 745
- Кирзюк Анна Андреевна 601
- Кириллов А., студент 743
- Кириллов, поселянин 657
- Кириллова 18–20
- Киселев Николай Николаевич 528
- Кланин, приказчик 546
- Кларк Петр Степанович 46
- Клементьев, помощник канатоходца Ф. Молодцова 693
- Клименко Моисей, сторож 191
- Клюкин, рабочий 510

- Книппер (Книппер-Чехова) Ольга Леонардовна 716, 719, 720
Кноп Андрей Львович (Иоганн-Андреас) 745
Кобыщанов Михаил Иванович 189
Ковалевский Василий Павлович 189, 205
Коган Петр Семенович 592–594
Козьменко Михаил Васильевич 601, 741, 757
Колочаев Аким, сапожник 503–505, 582
Комаров Алексей Яковлевич 50, 52, 94–98, 179–188, 190–193, 197, 203, 205–208, 211–218, 221–223, 225–230, 232–234, 236, 238, 239, 562, 613, 675, 726, 727
Комаров Виссарион Виссарионович 161
Комарова Надежда (вдова А.Я. Комарова) 49–53, 95, 97, 179–181, 183, 185, 186, 188, 190, 193, 203, 208, 211, 214, 215, 220, 222, 225, 229, 230, 234, 235, 614
Комляшкин, извозчик 17, 584, 606
Кондратко Яков, извозчик 191
Кондратьев Алексей Михайлович 715
Кондратьев, строительный подрядчик 507, 510
Кони Анатолий Федорович 616, 695
Кони Федор Алексеевич 667
Коновицер Ефим Зиновьевич 592
Конопатов Василий Александрович 189
Конради Евгения Ивановна 698
Константин Константинович, вел. кн. (К.Р.) 616, 618
Константиновский Иван Васильевич 398, 726
Конфуций (Кун-цзы) 257, 265, 685
Коншины, купцы 587
Копытько Сергей Степанович 189
Коровин И.С. 460, 743
Королев, крестьянин 551, 552
Королевы, супруги 549, 550
Короленко Владимир Галактионович 95, 616, 640, 641
Коротков, свидетель по делу Кашеваровых 510
Корсаков Сергей Сергеевич 166, 664
Корш Валентин Федорович 736
Корш Федор Адамович 157, 279, 285, 379, 389, 660, 695, 697, 710, 722
Косич (Косыч) Андрей Иванович 422, 732
Косолапов Дмитрий Дмитриевич 192, 193
Костенский Константин Васильевич 24
Костецкий Яков Александрович 204, 228
Котелевец Осип (Иосиф), сторож 182, 195, 225, 237
Котлецов Александр Алексеевич 58, 254, 325
Котова Татьяна Викторовна 601
Коченов Лука 19–21
Кочетов Александр, свидетель по делу Чернобаева 330
Кочетова Нина, свидетельница по делу Чернобаева 330
Кошевой Сила, водовоз 182, 208, 221, 225
Краевский Андрей Александрович 736
Красин, врач, свидетель по делу Чернобаева 330
Красовский Михаил Васильевич 193
Красуцкий, владелец трактира 16
Кремлев Анатолий Николаевич 118, 120, 122, 648, 649

- Кривенко Василий Силович (Си-
лич) (В.С.К.) 617
- Кривошеева, свидетельница по
делу братьев Скитских 204,
210, 228, 238
- Кривошеин Михаил Федорович
247, 681
- Кронье Пит Арнольд 92, 202, 634,
635
- Кротова Александра 524
- Крупп Фридрих Альфред 722
- Кручковский, свидетель по делу
братьев Скитских 189
- Крылов (Александров) Виктор
Александрович 624, 719
- Крылов Иван Андреевич 646
- Крыловы, родные О.Е. Чернобае-
вой 328
- Крысь Яков, водовоз 203, 208,
221, 223
- Крюгер Паулус 83, 413, 428, 630,
729, 730, 734
- Крюков Александр Александро-
вич 394–395, 725
- Кугульский [Кугулихес] Семен
Лазаревич (S.) 375, 376, 718
- Кузьмин, крестьянин 37, 38, 555
- Кузьминский Александр Михай-
лович 179, 193, 210, 224, 229,
230, 241, 242, 614, 679
- Кук Томас 108, 642, 556, 643
- Кулев, домовладелец 551
- Куликов Александр, рабочий 42–
44, 612
- Куликов Б.П., присяжный пове-
ренный 50, 51, 179, 180, 193,
229, 230, 242, 245, 613
- Куликовский, свидетель по делу
братьев Скитских 192
- Куприн Александр Иванович 599,
757
- Куракин Алексей (брат И. Кура-
кина) 524–526
- Куракин Иван (Зеленщик) 524–
526, 587, 753
- Куракина Мария (сестра И. Кура-
кина) 524–526
- Курлов Василий Евграфович 548
- Курлов Павел Григорьевич 524
- Курников, обвиняемый 38
- Курушин, обвиняемый 38
- Кушнерев Иван Николаевич 597,
757
- Кюн Константин Константинович
(Каппа) 662
- Кянчина Мария 47, 613
- Л. 101, 102
- Л.В. 632
- Лавров Федор, крестьянин 632
- Лагорио Константин Луцианович
20
- Лазаревы, коннозаводчики 315
- Лангер Анна 204
- Лангер Генрих Август 191, 194
- Лапшин, свидетель по делу Каше-
варовых 511
- Латкин Василий Николаевич 59,
66, 619, 621
- Латышев, певчий 527
- Лачугов, сапожник 503, 504
- Лебедев Иван Петрович 20
- Лебедев Павел Васильевич 522
- Легран М.-А. 665
- Ледницкий Александр Роберто-
вич 58, 541, 618–619
- Лейкин Николай Александрович
28, 609–610
- Лекторский Иван Яковлевич 182,
186
- Лелянов Павел Иванович 100–
101, 637–638
- Лемехов, хозяин башмачной ма-
стерской 542, 543
- Ленский Александр Павлович
364, 715
- Лентовский Михаил Валентино-
вич 630
- Леонов Андрей, свидетель по
делу братьев Скитских 182

- Леонтовский Николай Петрович 206
Леонтьев (Леонтьев 2-й) Владимир Феокистович 516
Леонтьев Елизар Леонтьевич 498
Леонтьев Иван Леонтьевич (Гамаюн) 140, 141, 655
Лермонтов Михаил Юрьевич 644, 650, 692
Лефлер Н. 664
Лешковская Елена Константиновна 719
Ли Хунчжан (Ли Хунчанг, Лихунчанг) 263–266, 689
Либерман Эрнст Христианович 618
Ливен Павел Самуилович 14, 516, 605
Ливен, свидетель по делу братьев Скитских 186, 187, 216
Ливенсон Яков Вильгельмович 580
Лизунов 459
Лилина Мария Петровна 364, 715, 716, 719
Липскеров Абрам Яковлевич 585
Лисицын Яков Иванович 46
Лихачев Владимир Сергеевич 702
Лихунчанг *см. Ли Хунчжан*
Лобанова Пелагея 9
Лобунченко Владимир Петрович 522
Логинов, певчий 527, 528
Ломоносов Михаил Васильевич 394, 669
Лопатецкий Адам Иванович 207, 221, 234
Лоренцо Тина ди 462, 743
Лотарев, свидетель по делу Михайловых 522
Лохвицкая (в замужестве Жибер) Мирра (Мария) Александровна 264, 317, 690
Лужский [Калужский] Василий Васильевич 719, 727
Лузгин Степан Львович 17, 33, 35, 36, 500, 503, 517, 522, 524
Лузгина (теща И.А. Севастьянова) 537, 538
Луковская Мария Анатольевна 601
Лукьянов, крестьянин 551, 552, 755
Луначарский Анатолий Васильевич 594
Луночкин Андрей Валентинович 699
Львов Константин Николаевич 505, 524
Львов *см. Цитрон Александр Львович*
Лямин Семен Иванович 155, 660
Лямин Сергей Иванович 660
Ляпин Михаил Иллиодорович 294, 309, 699, 704
Ляпин Николай Иллиодорович 294, 309, 699, 704
М.О.М. *см. Меньшиков Михаил Осипович*
Мейяк Анри 624
Милиус Отфрид *см. Мюллер Карл Отфрид*
Мазанов Петр Иванович 185, 188, 189, 205, 214, 228
Мазепа Иван Степанович 196, 673
Мазини Анджело 8, 602, 603
Мазуркевич Владимир Александрович 637
Мазырин Виктор Александрович 658
Майков Аполлон Николаевич 723
Макаревский Михаил Николаевич 12, 20, 524
Макеев Василий Федорович 547
Маклаков Василий Алексеевич 580, 612, 619
Маковский Владимир Егорович 699
Макокин Егор Поликарпович 135, 654

- Максимов Александр Павлович 123, 651
Малинин Алексей Алексеевич 540, 541
Малинина Александра 540, 541
Малиновский К. 103, 104, 639
Мальцев, свидетель по делу братьев Скитских 211
Малянтович Павел Николаевич 62, 358, 399, 530, 531, 579, 580–583, 612, 619, 620
Мамин-Сибиряк [Мамин] Дмитрий Наркисович 593
Мамонтов Всеволод Саввич 680, 681
Мамонтов Николай Иванович 681
Мамонтов Савва Иванович 246–248, 252, 259, 660, 680, 681, 683, 685, 686, 715
Мамонтов Сергей Саввич 681
Манассеин Вячеслав Авксентьевич 641
Марий Гай 692
Мария Федоровна (урожд. София Доротея Августа Луиза), имп. 740
Марканов Николай Ефимович 13–15, 515, 516, 604
Марканова Анна Леопольдовна 13–15, 515, 516, 604
Марковский Виктор Адамович 120, 648
Маркс Адольф Федорович 599, 757
Маркс Карл 455, 722
Мартенс Федор Федорович 626
Мартынова Елизавета, вдова 189, 234
Мартышова, работница 529
Масленников Николай Леонидович 544, 546, 547
Матвеев, столяр 546, 548
Матвеев Яков, приказчик 191
Маттерн Эмилий Эмильевич 697, 738
Матюшин Викентий 536
Матюшина 535, 536
Махалин Алексей Платонович 618
Медведников Иван Логгинович 734, 735
Медведникова (урожд. Сибирякова) Александра Ксенофоновна 734, 735
Мезенцев Сергей Петрович 25, 609
Мезенцева Мария Николаевна 609
Мейерхольд Всеволод Эмильевич 716, 720
Мейснер Александр Фелицианович 735
Мельгунов Алексей Петрович 666
Мельников, свидетель по делу братьев Скитских 205
Менделеев Дмитрий Иванович 617, 635
Меньшиков Михаил Осипович (М.О.М.) 88, 633
Метелл Квинт Цецилий Нумидийский 268, 692
Мещерский Владимир Петрович 88, 89, 633
Миляев 451, 452, 463, 739, 743
Миляева 451, 452, 463–465, 743
Минин Кузьма 311
Минский [Виленкин] Николай Максимович 282, 696
Мирович Н. *см. Иванова Зинаида Сергеевна*
Миролюбов Виктор Сергеевич 584, 701, 713
Миронович Иван Иванович 615
Митрофанов Владимир Павлович 579
Михайлов Константин Николаевич 94–99, 197, 225, 245, 303, 305, 635–637, 673, 702
Михайлов М.И. 684
Михайлов Николай 16, 17, 584
Михайлов Сидор 521–523

- Михайлов Федор 521–523
 Михайлова Елизавета 521–523
 Михайловский Николай Георгиевич *см. Гарин-Михайловский Николай Георгиевич*
 Михайловский Николай Константинович 75, 436, 617, 628, 661, 737
 Михеев Степан, крестьянин 45, 46, 612
 Михельсон, комиссионер 172, 173
 Михнов Савва Данилович 183, 184, 211, 216, 228, 232
 Мицкевич Адам 638, 741
 Мищенко Лев, студент 590
 Мокиевский Павел Васильевич 397, 713, 725
 Молодцов Федор Федорович 693
 Молчанов Анатолий Евграфович 118, 119, 121, 648
 Молчанов Андрей, гробовщик 205
 Мольер Жан-Батист 167, 665, 666, 746
 Мопассан Г., псевдоним 691
 Мопассан Ги де 103, 104, 639
 Морозов Арсений Абрамович 658
 Морозов Константин Семенович 536
 Морозова, владелица винной лавки 551
 Мороховец Лев Захарович 172–174, 198, 670, 673
 Москвин Иван Михайлович 716
 Мосолова, свидетельница по делу Чернобаева 330
 Мочуговский Геннадий 49, 189, 226
 Мравина [Мравинская] Евгения Константиновна 8, 602
 Мравина Тамара 664
 Мунчак, адвокат 139
 Муравьев Николай Константинович 547, 579, 580, 619
 Муратов, домовладелец 644
 Муратова Ксения Дмитриевна 757
 Мурашев Иван, столяр 503, 504
 Мурашкинцев Лев Андреевич 528
 Муромцев Сергей Андреевич 618
 Мусин-Пушкин Владимир Алексеевич 637, 638
 Мусоргский Модест Петрович 642
 Мусси Андрей Петрович 529–532
 Мушкетов Илья Васильевич 545
 Мэкри Дэвид 290, 698
 Мюллер Карл Отфрид (Милиус Отфрид) 703
 Мюнде Амалия, гувернантка Н. Толстой 172
 Мясоедов Николай Николаевич 644
 Н.К. *см. Кастийский Н.*
 Набоков Владимир Владимирович 725
 Набоков Владимир Дмитриевич 396–398, 725, 726
 Навроцкий, свидетель по делу братьев Скитских 98, 189
 Найденов Николай Александрович 427, 733, 734
 Наполеон I Бонапарт 109, 110, 274, 313
 Наумов Павел Филиппович 24
 Наумов, серебряных дел мастер 519, 520
 Не-фельетонист *см. Ежов Николай Михайлович*
 Не я *см. Пастухов Николай Иванович*
 Невядомский Даниил Иосафатович 471, 745
 Недолин [Благоразумов] Алексей Осипович (Ал.О. Н.) 745
 Нейдинг Иван Иванович 172–174, 670
 Некрасов, исполняющий обязанности товарища прокурора 41

- Некрасов Николай Алексеевич 759
- Немирович-Данченко Василий Иванович 617, 696
- Немирович-Данченко Владимир Иванович 425, 599, 609, 697, 716, 719, 720, 738
- Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик 488, 490, 747
- Нестор *см. Сватковский Всеволод Павлович*
- Нечаев Сергей Геннадьевич 684
- Нижарадзе Давид Константинович 592
- Никитин Иван Саввич 66, 67, 622
- Никифоров Сергей Иванович 135
- Николаев Л. 699
- Николаева Матильда, сиделица в винной лавке 205, 237, 561
- Николай II 689, 697, 751
- Никольский Александр, свидетель по делу братьев Скитских 182
- Никулин [Олькеницкий] Вениамин Иванович 119, 648
- Нилус Дмитрий Александрович 20, 42, 47, 172, 325, 520, 527, 536, 538, 551, 607
- Нилусы 607
- Ницше Фридрих 56, 167, 598, 617, 664, 665, 686, 721
- Новик Исаак Данилович 581, 583–585, 592, 604, 757
- Новиков Николай Иванович 168, 169, 668, 669
- Оболенский Алексей Дмитриевич 539
- Оболонский Николай Александрович 50, 193, 212, 216, 232, 615
- Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич 711
- Огарев Иван, рабочий 517, 518
- Огурцов, свидетель по делу Кашеваровых 511
- Озеров Константин Николаевич 24, 25, 28, 608, 609
- Озеров Яков Иванович 24–29, 608
- Озерова Пелагея (жена Я.И. Озерова) 24, 25, 29
- Окромчеделов А.А. 86, 87, 632
- Оленские, супруги, свидетели по делу братьев Скитских 216, 218, 226, 237
- Омон (Соломон) Шарль (Михаил Григорьевич) 92, 136, 253, 313, 342, 361, 362, 411, 566, 635, 654, 663, 683, 705, 729, 744
- Онкань 27
- Орлов Григорий Григорьевич 666
- Осман I Гази 705
- Осоргин Михаил Михайлович 636
- Островский Александр Николаевич 285, 610, 622, 697, 715, 744
- Остроумов Григорий Евфимьевич *см. Григорий, архиепископ Каннский и Марсельский*
- Отрепьев Григорий (Самозванец) 279, 695
- Отт Дмитрий Оскарович 15, 516, 606
- Оффенбах Жак 623, 624, 747
- П., доктор 451, 452
- П., проф. 87, 632
- П.Б. 617
- П-в 433, 434
- Павел IV (Джованни Пиетро Караффа), папа римский 746
- Павленков Флорентий Федорович 88, 633
- Павлов В.Г. 640
- Павлов Иван Петрович 14, 606
- Павлова Фекла *см. Читаева Фекла*
- Павлович Афанасий 534
- Пазухин Алексей Михайлович 304, 611, 698, 702, 716
- Палем Ольга Васильевна 615

- Пальмбах Эдуард Вильгельмович (Егор Васильевич) 32–34
- Панина (урожд. Васильева) Варвара Васильевна 664
- Панкратова Анна Васильевна 111, 112, 644
- Панова Софья Дмитриевна 579, 584, 602, 608
- Паперный Зиновий Самойлович 598
- Пастухов Николай Иванович (Не я) 611, 743
- Патенко Феодосий Алексеевич 50, 181, 184, 212, 216, 232, 233, 615, 676
- Пашков Петр Егорович 663
- Пашенко, частный поверенный 187
- Перепелкин Николай Митрофанович 163, 165, 411, 663
- Переплетчиков Михаил Васильевич 614
- Песчаников 16, 17
- Петербургец *см. Суворин Алексей Сергеевич*
- Петерсон Альфред 49, 194, 208, 221, 222, 228, 238, 562
- Петерсон Отто 194, 208, 221, 222, 228, 238, 562
- Петефи Шандор 741
- Петроний *см. Пильский Петр Моисеевич*
- Петр I Великий 167, 666, 726, 739
- Петр III (Петр Федорович, вел. кн.) 669
- Петухов, свидетель по делу Куликова 44
- Пильский Петр Моисеевич (Петроний) 581
- Пиотрович Фома Иванович (Пиотровский) 13–15, 515–516, 588, 604, 605, 752
- Писарькова Любовь Федоровна 651
- Плансон (де Плансон) Виктор Антонович 516
- Плевако Федор Никифорович 24, 246, 254, 259, 322, 324, 325, 344, 470, 506, 514, 582, 609, 634, 711
- Плетников Иван Викторович 544–547
- Плещеев Александр Алексеевич 259, 686
- Плющевский-Плющик Яков Алексеевич (Дельер Я.) 157, 661, 706
- Плятва, свидетель по делу братьев Скитских 187
- Пнин Иван Петрович 671
- По Эдгар Аллан 404, 728
- Пожидаев Иван Петрович 39–41
- Позднякова Мария (Машка-Масленица) 418–419, 731
- Пойгин 622
- Полевой Николай Алексеевич 626
- Поленов Василий Дмитриевич 658
- Полетика Михаил Петрович 518, 522
- Полнер Тихон Иванович 701
- Полушкин Федор Васильевич 168, 169, 558, 666, 668
- Поляков Елисей Иванович 703
- Поляков Николай Николаевич 529, 530
- Поляков, певчий 527
- Полякова, работница 529
- Померанцев Александр Никанорович 694
- Помяловский Николай Герасимович 731
- Понсон дю Террай (Террайль) Пьер Алексис 753
- Попов 397
- Попов Александр Николаевич 24
- Попова, свидетельница по делу братьев Скитских 189, 190, 209, 210, 221, 228, 234, 235, 238

- Пороховщиков Петр Сергеевич 536, 538, 754
 Порсена Ларс, этрусский царь 682
 Порфилов Иван Федорович 146, 656
 Поспелов Алексей Иванович 499, 750
 Поссе Владимир Алексеевич (Вильде) 593, 594, 630
 Потехин Алексей Антипович 616
 Потехин Павел Антипович 638
 Почтальон 646
 Преображенский Владимир Петрович 593
 Пржевальский Владимир Владимирович 734
 Пржевальский Владимир Михайлович 58, 254, 258, 618, 686
 Пржевальский Николай Михайлович 618
 Пригожий Яков Федорович 624
 Прокофьев Ал., студент 743
 Пронин Николай Иванович 172, 174, 452
 Проппер Станислав Максимилианович 105, 106, 642
 Просяник Федор 185, 186
 Протопопов Степан Алексеевич 634
 Прохорова, свидетельница по делу братьев Скитских 211, 212, 217, 239
 Пузанов А.Н. 363
 Пушкин Александр Сергеевич 104, 283, 304, 616, 622, 636, 642, 650, 683, 696
 Пыпин Александр Николаевич 464
 Пэк *см. Ашкинази Владимир Александрович*
 Р-ич 678
 Радкевич Лев Станиславович 185
 Разумовский Аполлон Николаевич 356
 Райчев, волостной старшина 657
 Ракшанин Николай Осипович (Рок Н.) 721
 Раммель Иван Юлианович 522
 Ратнек, владелица столовой 357
 Рахманинов Сергей Васильевич 642
 Ре-ми [Ремизов-Васильев Николай Владимирович] 652, 699
 Рейнбот Павел Иванович 255–256, 543, 685
 Ремезов Митрофан Нилович 593
 Ремингтон Фило 647
 Ренс Б. 640
 Рентген Вильгельм Конрад 347, 647
 Репин Илья Ефимович 658, 680
 Рибо Теодюль Арман 99, 637
 Рикардо Давид 455, 742
 Ринк Евгений Романович 173, 670
 Ричардсон Сэмюэл 696
 Робашевский Станислав, околоточный надзиратель 24, 26–29
 Робертс (Слей-Робертс) Фредерик 694
 Родионова Татьяна Сергеевна 583, 757
 Розанов Василий Васильевич 641, 718, 719
 Розанов Михаил Яковлевич 62
 Розинер Александр Евсеевич 589
 Рок Н. *см. Ракшанин Николай Осипович*
 Романов Борис Николаевич 579
 Романовы, бояре 579
 Ростан Эдмонд 341, 710, 746
 Ростопчин Федор Васильевич 712
 Ротшильд Вильгельм Карл 722
 Ротштейн Адольф Юльевич 247, 248, 681
 Рубинштейн Антон Григорьевич 624
 Руднев Александр Петрович 585, 590, 591, 757

- Рукавишников Иван Антонович 546
 Рукавишников Николай Васильевич 611
 Румянцев Николай Петрович 663
 Румянцева Евфросинья, работница 529–531
 Рутман Тамара Александровна 666

 С., присяжный поверенный 471
 С.П. 691
 С.С. см. *Серебренников Семен Алексеевич*
 Савин, свидетель по делу Чернобаева 330
 Савина Мария Гавриловна 69, 623, 624, 648
 Савицкая Маргарита Георгиевна 738
 Савицкий 684
 Садовская Елизавета Михайловна (Садовская 2-я) 364, 715
 Садовская (урожд. Лазарева) Ольга Осиповна 715
 Садовский Алексей Алексеевич 616
 Садовский Михаил Провович 715
 Садовский Пров Михайлович 715
 Сазонов Георгий Петрович 646
 Сакс Иван Тимофеевич 24
 Салов Сергей Федорович 38, 522
 Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 114, 435, 436, 594, 632, 646, 673, 717, 736, 737, 746
 Сальков Иван Петрович 524
 Самозванец см. *Отрепьев Григорий*
 Самойлов Василий Семенович 690
 Самуил (Миславский Симеон Григорьевич), архиепископ Ростовский и Ярославский 666
 Санин [Шенберг] Александр Акимович 697, 715, 716
 Сариева Елена Анатольевна 635

 Сафо 690
 Сафонов, отец 26, 29
 Сафонов, сын 26
 Сахаров Иван Николаевич 172, 198, 670, 724
 Сватковский Всеволод Павлович 723
 Свешников Николай Иванович 645
 Севастьянов Иван Анисимович 537, 538
 Севастьянова (жена И.А. Севастьянова) 537, 538
 Сеймур Эдвард Хобарт 691
 Селиванов Николай Александрович 622, 645
 Селиванов Тимофей Николаевич 119
 Селивановский, домовладелец 751
 Семенов Николай Владимирович 191, 193–195, 205, 225, 226, 237, 241
 Семенов, запасной ефрейтор 35, 36
 Серафимович Александр [Попов Александр Серафимович] 594
 Сервье Аделаида 701
 Сервье Эдуард 701
 Сергеева, крестьянка 549, 550
 Сергеевич Василий Иванович 59, 619
 Сергеевич С. см. *Голоушев Сергей Сергеевич*
 Серебренников Семен Алексеевич (С.С.) 169, 668, 669
 Серков Андрей Иванович 619, 639, 679, 757
 Серов Валентин Александрович 680
 Сигма см. *Сыромятников Сергей Николаевич*
 Силич Александр Иванович 216–218, 226, 236, 237
 Синани Борис Наумович 627

- Синельников Николай Николаевич 697, 710
- Сипягин Дмитрий Сергеевич 730
- Сироткин Прокопий 9, 11
- Ситнов Михаил Григорьевич 42–44
- Ситнова (жена М.Г. Ситнова) 43
- Скептик *см. Вейнберг Петр Исаевич*
- Скитская Евдокия (жена С.Л. Скитского) 98, 179
- Скитский Петр Леонтьевич 48–53, 94–99, 179–197, 203–245, 259, 303, 398, 559–562, 566, 585, 586, 589, 590, 599, 613–615, 635–636, 671–673, 675–679, 686, 702, 726
- Скитский Степан Леонтьевич 48–53, 94–99, 179–197, 203–245, 259, 303, 398, 559–562, 566, 585, 586, 589, 590, 599, 613–615, 635–636, 671–673, 675–679, 686, 702, 726
- Склифасовская Софья Александровна 203, 225
- Склифасовский Николай Васильевич 182, 192, 203, 225
- Скобелев Михаил Дмитриевич 664
- Скорбящие, сыновья И.А. Скорбящего 157, 158, 661
- Скорбящий Иван А. 157, 158, 661
- Скриб Огюстен Эжен 743
- Скуратов Малюта 285
- Слизка, свидетель по делу братьев Скитских 193
- Смарагд, монах полтавского Крестовоздвиженского монастыря 190, 205
- Смирнов В.П., студент 739
- Смирнов, обвиняемый 38
- Смирнов Сергей Григорьевич 420
- Смолярчук Василий Иванович 609
- Снесарев Николай Васильевич 637, 638
- Соболевский Алексей Иванович 696
- Соколов Владимир Дмитриевич 394, 724
- Соколов Иван Степанович 74, 75, 627, 628
- Соколов Николай Антонович 504, 751
- Соколов С.В. 438, 439
- Соколов Сергей Иванович 596
- Соколов, слуга 47
- Соколов Федор 664
- Соколова, свидетельница по делу братьев Скитских 225, 226, 237
- Соколовский Алексей Николаевич 697
- Соллогуб Федор Львович 715
- Соловейчик Исаак Соломонович 663
- Соловцов [Федоров] Николай Николаевич 299, 300, 701
- Соловьев, крестьянин 539
- Соловьев Владимир Сергеевич 104, 401, 402, 616, 639, 640, 641, 687, 727
- Солодовников Гаврила Гаврилович 248, 273, 309, 658, 681, 693, 704
- Соренсон *см. Аренсон И.*
- Сосновский Владимир, корреспондент 146, 657
- Спасович Владимир Даниилович 453, 740, 741
- Сретенский Василий Георгиевич 509, 752
- Станиславский [Алексеев] Константин Сергеевич 365, 402, 406, 443, 680, 681, 695, 697, 715, 716, 719, 720, 727, 728
- Станюкович Константин Михайлович 259, 260, 593, 686
- Стариков, обвиняемый 47
- Старикова Людмила Михайловна 667
- Старков Митрофан 9, 10, 11

- Старый литератор 617
 Стасюлевич Михаил Матвеевич
 100, 638, 736
 Степанов 24, 26, 29
 Степанов, серебряных дел мастер
 519, 520
 Стогов, крестьянин 461, 743
 Стоецкий Лука Григорьевич 511
 Стрекунов 459
 Стрелков, свидетель по делу Чер-
 нобаева 330
 Струговщиков Александр Нико-
 лаевич 642
 Стэд Уильям Томас 703
 Суворин Алексей Сергеевич
 (Петербуржец) 265, 319, 334,
 335, 617, 688, 689, 690, 693,
 707, 709, 736
 Сугияма 683
 Судаков Алексей Акимович 664
 Сумароков Александр Петрович
 666, 668, 669
 Сумароков Павел Иванович 169,
 668, 669
 Сумарокова (урожд. Малинина)
 Софья Ивановна 541
 Сумбатов-Южин [Сумбатов] Алек-
 сандр Иванович 593
 Суриков Василий Иванович 658
 Сухов, крестьянин 539
 Сухово-Кобылин Александр Ва-
 сильевич 56, 616, 617
 Сцевола Гай Муций 692
 Сыромятников Сергей Николае-
 вич (Сигма) 617, 688
 Сытин Иван Дмитриевич 147,
 657
 Т., присяжный поверенный 471
 Т.А. 733
 Табак Яков Абрамович 533
 Таганцев Николай Степанович 748
 Тамбовская, свидетельница по
 делу Чернобаева 330
 Тарасов Василий Павлович 527,
 528
 Тарасов Евгений Павлович 172
 Татищев Дмитрий Павлович 658
 Татищев Константин Николаевич
 325, 359, 714
 Твен Марк [Клеменс Сэмюэл
 Лэнгхорн] 258, 377, 686, 718
 Телесницкий Владимир Алексе-
 вич 520
 Телешов Сергей Дмитриевич 117
 Тельнов, крестьянин 438, 439,
 738
 Телятник Марина Александровна
 591, 594, 597, 601
 Терентьев, кассир 517
 Терентьев, свидетель по делу
 братьев Скитских
 Тесленко Николай Васильевич
 241, 359, 399, 499, 536, 580,
 619, 679
 Тизенгаузен Алексей Алексеевич
 46
 Тилинг Густав Федорович (Фер-
 динандович) 606
 Тимченко, свидетель по делу
 братьев Скитских 189, 208
 Титов Михаил Иванович 728
 Тихомиров, фабричный инспек-
 тор 532
 Ткаченко Дмитрий, крестьянин
 190, 194, 221
 Толстая Надежда, гр., свидетель-
 ница по делу Елагина 172
 Толстой Алексей Константинович
 105, 642, 716, 719, 728
 Толстой Лев Николаевич 85, 99,
 304, 382, 470, 613, 616, 631,
 636, 637, 662, 699, 740, 745
 Толстой Сергей Львович (сын
 гр. Л.Н. Толстого) 470, 745
 Топчий, свидетель по делу брать-
 ев Скитских 189
 Торбенко, частный поверенный
 187
 Торопова, свидетельница по делу
 Чернобаева 325, 326
 Торский Степан Платонович 192

- Тредиаковский Василий Кириллович 669
- Третьяковы 671
- Тржецяк Осип Максимович 180, 217, 226, 235, 238
- Тростянецкий Н.С. 618
- Трубецкой Сергей Николаевич 688
- Тургенев Иван Сергеевич 67, 622
- Турчанинова Евдокия Дмитриевна 715
- Тычинский Леонид Антонович 119
- Тышкевич Ольга Васильевна 605
- Тэффи [Лохвицкая, по мужу Бучинская] Надежда Александровна 690
- Тюрин, приказчик 517
- Уклонский Павел Николаевич 546
- Ульдрих Эльза 356–360, 396–399, 713, 725, 726
- Уманский Николай Сергеевич 534
- Уралов Николай Яковлевич 185, 205, 214, 217, 226
- Урусов Александр Иванович 33, 254–261, 266, 610, 684–687
- Успенский Александр Глебович 75, 76, 628
- Успенский Глеб Иванович 55, 56, 74–76, 597, 616, 627–628
- Устименко Федор Иванович 184, 216
- Усциновский, пристав г. Вильны 27
- Ухтомский Эспер Эсперович 104, 113, 265, 640, 641, 646, 658, 688, 703
- Ф-н Л.** *см. Фаюткин Л.И.*
- Фаддеев Василий, крестьянин 9–12
- Фаддеев Василий, ломовой возчик 621
- Фальб Рудольф 637
- Фалько Елена Ивановна 723
- Фатов Николай Николаевич 579, 581, 584, 585, 591, 593, 602, 606, 608, 757
- Фаюткин Л.И. (Ф-н Л.) 544–547, 755
- Федор Иванович, царь московский 716
- Федоров Александр Митрофанович 598
- Федоров Иван, торговец веревками 191
- Федотов Владимир Алексеевич 520
- Фейгин Яков Александрович 583, 592
- Фигнер (урожд. Мей) Медея Ивановна 68, 623
- Фигнер Николай Николаевич 8, 68, 400, 602, 623–624, 727
- Фидлер Федор Федорович (Фридрих Фридрихович) 637
- Филатов, свидетель по делу Ульдрих и Грюнберг 357
- Филатов Сергей Иванович 472
- Филатьев Михаил Ильич 511, 513
- Филатьевы, заводчики 506, 507
- Флобер Гюстав 260, 687
- Фома Неверный 622
- Фофанов Константин Михайлович 593
- Фрей Александр Яковлевич 627
- Фриче Владимир Максимович 593, 594
- Фрунзетти Алексей Николаевич 24
- Фукс Владимир Яковлевич 200, 673, 674
- Халатов 586
- Халецкая, свидетельница по делу братьев Скитских 189
- Халютин Иван Николаевич 41
- Харитонов, свидетель по делу о клевете 547

- Хатунцев, владелец трактира 19–21
- Хачатурян Лейла Вадимовна 757
- Херасков Михаил Матвеевич 666, 669
- Хин (Хин-Гольдовская) Рашель Мироновна 687
- Хитрово Павел Сергеевич 680
- Хмарова, свидетельница по делу братьев Скитских 189, 228, 238
- Хмелевский Иосиф Целестинович 240, 678
- Ходасевич Михаил Фелицианович 41, 524, 580, 612
- Хомяков Алексей Степанович 309, 349, 378, 704, 712, 719
- Хрулев, строительный подрядчик 507, 510
- Царенко Федор Иванович 187, 191, 193–195, 210, 223, 238
- Цвелев Юрий Владимирович 605
- Цветухин Иван Николаевич 684
- Цедлиц Иосиф Христиан фон 644
- Цезарь Гай Юлий 268, 353, 692
- Циммерманов, мелкий торговец 47
- Цинциннат Луций Квинкий (Цинцинат) 488, 747
- Цитрон Александр Львович (Львов) 622, 743
- Цицерон Марк Туллий 723, 749
- Цубербиллер Владимир Владимирович 22, 172
- Цявловский Василий Федорович 546, 548
- Царицын 19–21
- Ч-в А.А. 630
- Чайковский Модест Ильич 711
- Чайковский Петр Ильич 623, 696, 715, 729
- Чан Сергей, протоиерей Православной духовной миссии в Пекине 690
- Часовников И. (отец Д. Часовниковой) 333, 708
- Часовникова Дука, воронежская гимназистка 333, 334, 336, 353, 354, 708
- Чемберлен Джозеф 82, 249, 250, 252, 293, 389, 630
- Чепурнов, свидетель по делу Наумова 519, 520
- Червоненко Савва Яковлевич 98, 187, 192–194
- Черепашинский Михаил Михайлович 508, 511, 751
- Чернобаев Иван Константинович 321–332, 344–346, 710, 711
- Чернобаева (урожд. Ладыгина) Ольга Епафродитовна (Окуша) 321–331, 344, 345, 710, 711
- Чернышев Иван Прохорович 46
- Чернышев Прохор, крестьянин 45
- Чернышева Авдогья Семеновна 45, 46
- Чернявский Александр Андреевич 193
- Чехов Антон Павлович 274, 285, 344, 406, 423–425, 464, 570, 605, 616, 617, 622, 697, 711, 715, 716, 719, 728, 729, 732, 733, 739, 740
- Чистяков, рабочий 22
- Читаев Егор, владелец мастерской 497–499, 582
- Читаева (урожд. Павлова) Фекла 497–499, 582
- Чубара Бабакай Соломонович (Баб-Чубаров) 181, 187, 216, 235, 238, 672
- Чуваков Вадим Никитич 583, 585, 590, 591, 597, 616, 755, 756, 757
- Чугунов Николай Петрович 363, 714
- Чудаков Василий, подмастерье 542, 543
- Чуковский Корней Иванович 589, 599
- Чумаков, свидетель по делу Кашеваровых 510

- Чупров Александр Иванович 724
 Чюмина (в замужестве Михайлова) Ольга Николаевна 159–161, 661, 662
- Ш.**, врач 87, 632
 Ш., доктор 451
- Шабанова Анна Николаевна 392, 723
- Шаглия, поселянин 657
- Шадурский Леонид Брониславович 24
- Шаланин Валентин Михайлович 545, 547, 548
- Шалыпин Федор Иванович 105, 641, 642
- Шамонин Сергей Николаевич 502
- Шателен Н.К. 697
- Шаховской Александр Александрович 168, 169, 667, 669
- Шевченко Тарас Григорьевич 741
- Шекспир Уильям 319, 436, 626, 648, 662, 679, 746
- Шереметева (урожд. Ковалева, по сцене Жемчугова) Прасковья Ивановна
- Шереметьев (Шереметев) Дмитрий Николаевич 722
- Шильдбах Сергей Константинович 684, 685
- Ширин, владелец фабрики 586
- Ширинская-Шихматова (урожд. Мезенцева) Леокадия Петровна 609
- Ширинский-Шихматов Алексей Александрович 24, 25, 609
- Шишкин Иван Иванович 658
- Шкинская Юлия 540, 541
- Шмаков Алексей Семенович 91, 110, 117, 445, 634, 643, 647, 739
- Шмидт Курт, свидетель по делу Елагина 173
- Шмидтгоф Анатолий Максимилианович 659
- Шопенгауэр Артур 454, 456, 741
- Шпильгаген Фридрих 711
- Штелин (Штелинг, Стелинг) Якоб (Яков Яковлевич) 168, 668, 669
- Штеллинг Каролина, вдова 358, 713
- Штембер (Штемберг) Виктор Карлович 145, 656
- Шубинский Николай Петрович 470, 506, 510–512, 582, 744, 745
- Шуйский Василий Иванович 695
- Шумилин Константин Михайлович 550
- Щевелев Иван** 19–21
- Щепкина-Куперник Татьяна Львовна 476–478, 710, 745–746
- Щукарев Александр Николаевич 747
- Эдисон Томас Алва 659
- Энгельгардт Николай Александрович 644, 645
- Энгельс Фридрих 722
- Эфрос Николай Ефимович 720
- Ю Шин** 690
- Ювенал Децим Юний 693
- Югурта, царь Нумидии 692
- Юдина Мария Петровна 715
- Южин [Сумбатов] Александр Иванович 719
- Юханцев Константин 684
- Яблоновский [Снадзский] Александр Александрович** 335, 709
- Яголковский Осип Адамович 525
- Языков Сергей Михайлович 35, 499, 502, 504, 750
- Яковлев Леонид Георгиевич 8, 69, 602, 623, 624
- Яковлев Осип (Соловей) 544–547
- Яковлев, свидетель по делу Енгалычевой и пр. 24, 26, 27, 29
- Якушкин, сторож 38
- Янжул Иван Иванович 620
- Ярд Транкиль 664

Яропольский Федор Васильевич
529–532

Яроцкий Александр Иванович
622

Ярошевский 513

Ярцев Алексей Алексеевич 168,
169, 665–668

Ярцев Петр Михайлович 715

Ясинский Иероним Иеронимович
104, 639, 701

Old Gentleman см. *Амфитеатров*
Александр Васильевич

S. см. *Кугульский Семен Лазаре-*
вич

XXX см. *Добров Михаил Алек-*
сандрович

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ В ТОМЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н. АНДРЕЕВА *

- Административный восторг. Ки-
нематографический рассказ о
бесталанном Васеньке 588, 611
Актер 599
Анфиса 588
Безумец 564, 599, 695
Безумство храбрых 599
В кругу 563, 599, 692
В подвале 588, 754
В Сабурове 588, 612
Валя 588
Верховая езда 599
Веселая жизнь 563, 599, 692
Весенние обещания! 652
Весна 556, 599, 652
Весной 652
Волга и Кама 599
Всероссийское вранье 599
Вырванные листки из записной
книжки. Отрывки и наброски.
1900–1902 565, 572, 599, 699,
741
Г. Экстемпоралий 562, 599, 691
Гибель самозванца 611
Губернатор 589
Дело Скитских 559–562, 590, 599,
672, 676, 677, 679
Детские журналы 599
Дикая утка 597
Диссонанс 568, 597, 598, 728
Если жизнь не удастся тебе, то
удастся смерть 598
Завтра Рождество 573, 746
Закон и люди (Брат и сестра) 598
Защита. История одного дня 588,
590, 603
Инфлуэнтики, нейрастеники и
алкоголики 569, 730
Исповедь умирающего 655
Каинова печать. (Не убий) 588,
608, 609, 750
Кающийся 750
Китайский роман 565, 599, 701
Когда мы, живые, едим поросенка
573, 746
Когда мы, мертвые, пробуждаемся
571, 598, 739
Красный смех 693
Лето 694
Люди теневой стороны 597, 598
Мелочи жизни 599
Мещане 596, 597
Мои записки 588
Московское лето наступает 559,
670, 741
Мысль 588–590
На дачу 599
На юге 599
Несколько слов о Художествен-
ном театре 567, 719
Несколько эскизов из московской
жизни 570, 599, 735
Нечто о чертях 597, 598
О китайских головах 599, 682
О П.Д. Боборыкине 568, 599, 720
О стихах Сиротинина 599
Он умер, бедный Экстемпоралий
562, 599, 691

* В указатель не вошли названия статей, публикуемых в наст. томе.

- Осенняя слякоть 600
Отрывки из путевых заметок 599
Пассажиры 599
Первый гонорар 590
Письма о театре 599
Письмо героя “Бездны” 596
Писатели 599
Праздник 652
Прекрасна жизнь для воскресших
557, 599, 600, 652, 653
Продолжение 564, 599, 695
Путевые впечатления. – Рига. –
Балтийское море 599
Разные дороги 556, 599, 652
Рассказ о семи повешенных (Семь
повешенных) 589
Рассказ о Сергее Петровиче 598
Русский человек в театре 571, 738
Русский человек и железная доро-
га 565, 599, 699, 700
Русский человек и знаменитость
570, 732
- Слабый пол 564, 599, 697
Старухи 590
Старый студент 602
Сфинкс современности 556, 642
Тенор 602
Тирания мелочей и преступность
индивидуальности 595, 599
Тоже “настроение” 597, 598
Три сестры 597
У мирового 592, 599
Убийца 572, 744
Утенок 599, 600
Ф.Г. Волков 558, 599, 664
Хореография 599
Христиане 588, 589, 603, 613, 652,
755
Что видела галка 581, 583
Шалости прогресса 558, 599,
658
Юбилей 599
Я 599
Gaudeamus 602

СОДЕРЖАНИЕ

	Осн. текст	Др. ред и вар-ты	Ком- мен- тарии
СТАТЬИ			
Студенческий концерт	7		602
Московские трущобы.....	9		603
Неосторожность <i>(6 ноября 1897 г.)</i>	13		604
Грабеж <i>(14 ноября 1897 г.)</i>	16		606
Убийство раскольничьей начетчицы.....	18		607
Покушение на убийство <i>(27 ноября 1897 г.)</i>	22		607
Дело княгини Енгальчевой и пр.	24		608
Последнее дело княгини Енгальчевой	30		610
Хозяин и работник	32	555	610
Обольщение несовершеннолетней.....	35	555	611
Грабеж <i>(7 марта 1898 г.)</i>	37	555	611
Гибель самозванца	39		611
Убийство <i>(28 мая 1898 г.)</i>	42		612
<i>(Подсудимый крестьянин Степан Михеев...)</i> ...	45		612
Грабеж с насилием	47		613
Полтава, 15 декабря	48		613
Полтава, 16 декабря	49		615
Полтава, 17 декабря	50		615
Дело Скитских	51		615
Впечатления <i>(27 января 1900 г.)</i>	55		616
Впечатления <i>(28 января 1900 г.)</i>	58		618
Консультация помощников присяжных пове- ренных.....	60		619
Впечатления <i>(1 февраля 1900 г.)</i>	63		620
Впечатления <i>(4 февраля 1900 г.)</i>	66		621
Впечатления <i>(9 февраля 1900 г.)</i>	68		622
Впечатления <i>(10 февраля 1900 г.)</i>	70		624

	Осн. текст	Др. ред. и вар-ты	Ком- мен- тарии
Впечатления <i>(12 февраля 1900 г.)</i>	72		626
Впечатления <i>(15 февраля 1900 г.)</i>	74		627
Впечатления <i>(16 февраля 1900 г.)</i>	77		628
Впечатления <i>(18 февраля 1900 г.)</i>	81		629
Впечатления <i>(22 февраля 1900 г.)</i>	84		631
Впечатления <i>(25 февраля 1900 г.)</i>	86		631
Впечатления <i>(27 февраля 1900 г.)</i>	88		633
Впечатления <i>(4 марта 1900 г.)</i>	90		634
Впечатления <i>(5 марта 1900 г.)</i>	92		634
Отголоски дела Скитских. К.Н. Михайлов. “Следствие, прокуратура и защита в деле бр. Скитских. (Опыт анализа судебного про- цесса)”	94		635
Впечатления <i>(11 марта 1900 г.)</i>	100		637
Впечатления <i>(12 марта 1900 г.)</i>	103		639
Впечатления <i>(14 марта 1900 г.)</i>	105		641
Впечатления <i>(16 марта 1900 г.)</i>	107	556	642
Впечатления <i>(18 марта 1900 г.)</i>	109		643
Впечатления <i>(19 марта 1900 г.)</i>	111		644
Впечатления <i>(22 марта 1900 г.)</i>	113		645
Впечатления <i>(23 марта 1900 г.)</i>	115		646
Впечатления <i>(25 марта 1900 г.)</i>	117		647
Впечатления <i>(26 марта 1900 г.)</i>	118		647
Впечатления <i>(27 марта 1900 г.)</i>	121		649
Впечатления <i>(30 марта 1900 г.)</i>	123		649
Впечатления <i>(4 апреля 1900 г.)</i>	125		651
Впечатления <i>(5 апреля 1900 г.)</i>	127	556	652
Впечатления <i>(9 апреля 1900 г.)</i>	130	557	652
Впечатления <i>(13 апреля 1900 г.)</i>	133		653
Впечатления <i>(14 апреля 1900 г.)</i>	135		654
Впечатления <i>(17 апреля 1900 г.)</i>	137		655
Впечатления <i>(20 апреля 1900 г.)</i>	140		655
Впечатления <i>(22 апреля 1900 г.)</i>	142		656
Впечатления <i>(24 апреля 1900 г.)</i>	145		656
Впечатления <i>(1 мая 1900 г.)</i>	147		657
Впечатления <i>(2 мая 1900 г.)</i>	149	558	658
Впечатления <i>(3 мая 1900 г.)</i>	152		659
Впечатления <i>(4 мая 1900 г.)</i>	155		660

	Осн. текст	Др. ред. и вар-ты	Ком- мен- тарии
Впечатления (5 мая 1900 г.).....	157		660
Впечатления (7 мая 1900 г.).....	159		661
Москва. Мелочи жизни (7 мая 1900 г.).....	162		662
Впечатления (9 мая 1900 г.).....	167	558	664
Истязание	170		669
Москва. Мелочи жизни (14 мая 1900 г.).....	175	559	670
Полтава, 19 мая. Дело Скитских	179		671
Дело Скитских. Киевская судебная палата. (От собственного корреспондента)	181		672
Полтава, 20 мая. Дело Скитских	194		672
Впечатления (21 мая 1900 г.).....	196	559	672
Москва. Мелочи жизни (21 мая 1900 г.).....	198		673
Полтава, 21 мая. Дело Скитских	203		675
Полтава, 22 мая. Дело Скитских.....	205		675
Осмотр места убийства Комарова. Полтава. Дело Скитских	207		675
Окончание осмотра на месте в деле Скитских. Полтава, 24 мая. Дело Скитских.....	209		675
Допрос экспертов в деле Скитских. Полтава, 25 мая. Дело Скитских	211		676
Впечатления (26 мая 1900 г.).....	214	560	676
Полтава, 26 мая. Дело Скитских	216		676
Впечатления (27 мая 1900 г.).....	219	560	676
Окончание судебного следствия по делу Скит- ских. Полтава, 27 мая. Дело Скитских.....	225		677
Оправдание Скитских. Полтава, 28 мая. Дело Скитских	228		677
Впечатления (30 мая 1900 г.).....	232	561	677
Телеграмма сотрудника “Курьера” г. Андреева... ..	240		678
Впечатления (1 июня 1900 г.)	241	562	679
Впечатления (2 июня 1900 г.)	243	562	679
Москва. Мелочи жизни (2 июля 1900 г.).....	246		680
Москва. Мелочи жизни (16 июля 1900 г.).....	249		682
Впечатления (19 июля 1900 г.).....	254		684
Москва. Мелочи жизни (23 июля 1900 г.).....	257		685
Москва. Мелочи жизни (30 июля 1900 г.).....	262		687
Впечатления (8 августа 1900 г.)	267	562	691
Москва. Мелочи жизни (13 августа 1900 г.)....	270	563	692

	Осн. текст	Др. ред. и вар-ты	Ком- мен- тари
Впечатления <i>⟨14 августа 1900 г.⟩</i>	276	563	694
Впечатления <i>⟨19 августа 1900 г.⟩</i>	278	564	695
Москва. Мелочи жизни <i>⟨20 августа 1900 г.⟩</i>	281		696
Впечатления <i>⟨22 августа 1900 г.⟩</i>	286	564	697
Впечатления <i>⟨27 августа 1900 г.⟩</i>	289		698
Москва. Мелочи жизни <i>⟨27 августа 1900 г.⟩</i>	291		699
Впечатления <i>⟨29 августа 1900 г.⟩</i>	295	565	699
Впечатления <i>⟨30 августа 1900 г.⟩</i>	297		700
Впечатления <i>⟨2 сентября 1900 г.⟩</i>	299		700
Москва. Мелочи жизни <i>⟨3 сентября 1900 г.⟩</i>	301	565	701
Впечатления <i>⟨4 сентября 1900 г.⟩</i>	307		703
Впечатления <i>⟨6 сентября 1900 г.⟩</i>	309		704
Москва. Мелочи жизни <i>⟨10 сентября 1900 г.⟩</i>	311		705
Впечатления <i>⟨12 сентября 1900 г.⟩</i>	319		706
⟨“Красавица!” – определил свидетель Исаевич...⟩	321		707
Покушение на убийство <i>⟨14 сентября 1900 г.⟩</i>	325		707
Впечатления <i>⟨15 сентября 1900 г.⟩</i>	333		708
Москва. Мелочи жизни <i>⟨17 сентября 1900 г.⟩</i>	337	566	709
Впечатления <i>⟨18 сентября 1900 г.⟩</i>	344		710
Впечатления <i>⟨20 сентября 1900 г.⟩</i>	347		712
Москва. Мелочи жизни <i>⟨24 сентября 1900 г.⟩</i> ..	350		712
⟨О настоящем деле – “деле курсисток”...⟩	356		713
Москва. Мелочи жизни <i>⟨1 октября 1900 г.⟩</i>	361		714
Впечатления <i>⟨5 октября 1900 г.⟩</i>	366		716
Москва. Мелочи жизни <i>⟨8 октября 1900 г.⟩</i>	368		717
Впечатления <i>⟨11 октября 1900 г.⟩</i>	374		718
Впечатления <i>⟨12 октября 1900 г.⟩</i>	377		718
Впечатления <i>⟨15 октября 1900 г.⟩</i>	379	567	719
Москва. Мелочи жизни <i>⟨15 октября 1900 г.⟩</i>	381	568	720
Впечатления <i>⟨19 октября 1900 г.⟩</i>	387		721
Москва. Мелочи жизни <i>⟨22 октября 1900 г.⟩</i>	389		721
Впечатления <i>⟨23 октября 1900 г.⟩</i>	396		725
Впечатления <i>⟨29 октября 1900 г.⟩</i>	401		727
Москва. Мелочи жизни <i>⟨29 октября 1900 г.⟩</i>	403	568	728
Впечатления <i>⟨2 ноября 1900 г.⟩</i>	410		729
Впечатления <i>⟨11 ноября 1900 г.⟩</i>	413		729
Москва. Мелочи жизни <i>⟨12 ноября 1900 г.⟩</i>	414	569	730

	Осн. текст	Др. ред. и вар-ты	Ком- мен- тарии
Впечатления <i>(14 ноября 1900 г.)</i>	420		731
Впечатления <i>(15 ноября 1900 г.)</i>	423	570	732
Москва. Мелочи жизни <i>(19 ноября 1900 г.)</i>	426		733
Впечатления <i>(20 ноября 1900 г.)</i>	432	570	735
Впечатления <i>(21 ноября 1900 г.)</i>	435		736
Москва. Мелочи жизни <i>(26 ноября 1900 г.)</i>	437		738
Впечатления <i>(30 ноября 1900 г.)</i>	442	571	738
Москва. Мелочи жизни <i>(3 декабря 1900 г.)</i>	445	571	739
Впечатления <i>(5 декабря 1900 г.)</i>	451		739
Впечатления <i>(6 декабря 1900 г.)</i>	454	572	741
Москва. Мелочи жизни <i>(10 декабря 1900 г.)</i>	457		742
Впечатления <i>(14 декабря 1900 г.)</i>	463		743
Впечатления <i>(16 декабря 1900 г.)</i>	466	572	744
Москва. Мелочи жизни <i>(17 декабря 1900 г.)</i>	468		744
Впечатления <i>(20 декабря 1900 г.)</i>	474		745
Впечатления <i>(22 декабря 1900 г.)</i>	476		745
Москва. Мелочи жизни <i>(24 декабря 1900 г.)</i>	480	573	746

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ¹

Впечатления <i>(Велика тайна смерти...)</i>	487		746
<i>(Panem et circenses!..)</i>	488		747

НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

<i>(Человечество вырождается...)</i>	493		748
--	-----	--	-----

DUBIA

Покушение на убийство из ревности	497		750
Убийство <i>(24 сентября 1897 г.)</i>	500		750
Убийство из ревности	503		750
Мошенничество <i>(11, 12 октября 1897 г.)</i>	506		751
Дело д-ра Пиотровского	515		752
Растрата	517		752
Мошенничество <i>(13 ноября 1897 г.)</i>	519		752
Поджог	521		753
Дело “Ваньки Зеленщика”	524		753

¹ В раздел вошли произведения, не опубликованные при жизни писателя (включая посмертные публикации).

	Осн. текст	Др. ред. и вар-ты	Ком- мен- тари
Обвинение в краже.....	527		753
Неосторожность <i>⟨16 января 1898 г.⟩</i>	529		753
Неосторожное убийство	531		753
Взрыв газа	533		754
Подлог акта о рождении	535		754
Тяжкие раны	537		754
<i>⟨2 августа работавшие при постройке дома...⟩</i>	539		754
Богатое наследство.....	540		754
Убийство <i>⟨28 августа 1899 г.⟩</i>	542		755
Клевета в печати	544		755
Пять лет неизвестности	549		755
Редкий случай	551		755
ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ	553		
КОММЕНТАРИИ	577		
Л.Н. Андреев – судебный хроникер и фельето- нист периода работы в газете “Курьер”	579–601		
Условные сокращения.....	756		
Указатель имен	758		
Указатель упоминаемых в томе произведений Л.Н. Андреева	782		

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*В.Н. Быстров, Н.П. Генералова,
Р.Д. Дэвис (зам. главного редактора),
В.А. Келдыш (главный редактор), Л.Н. Кен,
М.В. Козьменко (зам. главного редактора),
В.В. Полонский, А.И. Чагин, Ю.Н. Чирва*

**Основные тексты и другие редакции
и варианты произведений подготовили,
комментарии составили:**

Т.В. Котова, М.А. Телятник

Ответственный редактор тома

М.В. Козьменко

Рецензенты:

М.В. Михайлова, И.С. Приходько

*Печатается по решению
Научно-издательского совета
Российской академии наук*

**Леонид Николаевич
АНДРЕЕВ**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТРЕХ ТОМАХ

Том тринадцатый

Редактор *М.Л. Береснева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Р.В. Молоканова,*
Т.А. Печко, Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова
Компьютерная верстка *Н.В. Мелковой*

Подписано к печати 14.10.2014. Формат 60 × 90^{1/16}
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 49,5 + 0,6 вкл. Усл.кр.-отт. 50,1. Уч.-изд.л. 50,0
Тираж 230 экз. Тип. зак. 3362

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

